Мелани Роун
Дженнифер Робертсон
Кейт Эллиот

Золотой Ключ

Мелани Роун
Дженнифер Робертсон
Кейт Эллиот

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Золотой Ключ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

MELANIE
RAWN
JENNIFER
ROBERSON
KATE
ELLIOTT

The Golden Key

МЕЛАНИ
РОУН
ДЖЕННИФЕР
РОБЕРСОН
КЕЙТ
ЭЛЛИОТ

Золотой ключ

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
2000

ББК 84 (7 США)
Р58

Серия основана в 1999 году

Melanie Rawn, Jennifer Roberson, Kate Elliott

THE GOLDEN KEY
1996

Перевод с английского Г. Корчагина (часть первая), В. Гольдича и И. Оганесовой (часть вторая), А. Рогуликой (часть третья)

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, Майкла Уэлана, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Baror International, Inc. и "Права и переводы" (Москва).

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Роун М., Роберсон Д., Эллиот К.

Р58 Золотой ключ: Роман / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 800 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-004432-1

Три королевы фэнтези – в союзе, какого не было еще за всю историю жанра! Три автора, собравшиеся, чтобы написать одну из самых головокружи-тельных и изысканных «литературных легенд»! Это — мир, в котором основой являются Высокие Искусства. Это — мир аристократических семей, испове-дующих могущественную магию, пугающую и прекрасную. Мир, в котором совершают невозможное одним движением шпаги, одним мановением маги-ческого жезла. Мир интриг и предательства. Мир, где не страшатся платить за желаемое дорогой ценой...

© Melanie Rawn, Jennifer Roberson, Kate Elliott, 1996
© Michael Whelan, 1996
© ООО «Издательство АСТ», 1999

С восемнадцатого века художники одержимы мечтой найти «золотой ключ» — рецепт, формулу или прием, который сорвет покровы с тайн изобразительного искусства... Увы, «золотой ключ» — не более чем легенда.

Джонатан Стивенсон.
«Материалы и приёмы живописи»

ПЕЙНТРАДДОС ХИСТОРРИКОС

(Из «Истории искусства» Фернандаля Грихальвы, 940, изданной на средства автора.)

«Гибель тза'аба, 716» Гримальдо Серрано, 916. Дерево, масло. Коллекция семьи Серрано.

Картина типична для школы Серрано. Историческая сцена овеяна духом романтизма, и в то же время она реалистична, без каких-либо признаков символики. Полотно напоминает о сражении, завершившемся разгромом тза'абов и гибелью Пророка Златого Ветра. Однако Пророк находится не в центре полотна, а ближе к левому краю, из чего можно заключить, что не он является главной фигурой картины. Скорее всего, это тза'абы, с неистовой жаждой мести на лицах бегущие с поля брани; тем самым художник как бы предрек опустошительные набеги Всадников Златого Ветра в течение грядущих десятилетий.

Весьма примечательны еще две фигуры. Первая — это шагаррский капитан, убивающий Пророка. Его поразительное сходство с герцогом Алессио на портрете кисти того же мастера говорит о несомненной лести. Вторая фигура — умирающий тза'аб, точная копия Бартойина Грихальвы, заклятого врага рода Серрано.

«Битва на Рио Сангва, 818» Бартойин Грихальва, 918. Дерево, масло. Галиерра Веррада.

Еще одно мемориальное полотно. Здесь историческая достоверность выражена в точной расстановке персонажей, детальной прорисовке костюмов и оружия. Сходство Алессо до'Веррада с реальным историческим лицом достигнуто благодаря изучению его прижизненных портретов. Расположение армий и даже отдельных фигур основано на свидетельствах очевидцев. Угол падения солнечных лучей точно соответствует времени года, дню и часу битвы.

При всей своей достоверности картина глубоко символична. Стратегический гений Алессо проявляется не только в построении войск, но и в узоре его мантии (листья дуба и мяты символизируют Отвагу и Добродетель, цветы люпина — Воображение и т.п.). О богатом приданом его супруги — андалузийской принцессы — открыто говорит золото меча и шпор и не столь открыто — вытисненные на седле пшеничные колосья и кукурузные початки. Его коммо до'гуэрреро, или прозвище «Тень Златого Ветра», — не что иное, как тьма, снизошедшая на варвара, гибнущего от его руки. Но в этот миг взгляд Алессо устремлен не на жертву, а на ближайшего Всадника, коему суждено оборвать нить жизни Героя. А злая душа поджигательницы войны, императрицы Тза'аба Ри, воплощена в упавшей поблизости лиственнице (Надменность) и цветах водосбора (Безрассудство), примятых копытами лошади Алессо.

Река, на которой Алессо снискал славу великого триумфатора, в тот день окрасилась в алое, за что и была переименована в Рио Сангва. Позднее Ренайо до'Веррада закрепил победу отца, установив южную границу Тайра-Вирте. Его современник Серрано написал картину в честь провозглашения Ренайо герцогом и рождения Тайра-Вирте как независимого государства. Увы, та картина не сохранилась, но фрагмент наброска находится в запасниках Галиерры Веррада.

«Смерть Верро Грихальвы»
Кабрайо Грихальва, 892.
Дерево, масло.
Галиерра Веррада.

В 823 году герцог Ренайо взял в жены Хесминию. После гибели ее брата на Рио Сангва она осталась единственной наследницей Шагарры. Когда в кастейо, родовом замке ее отца, завершилась свадебная церемония, молодожены отправились в Мейа-Суэрту, где маленькая каса Ренайо постепенно превращалась в Палассо Веррада.

Но в пути случилось непредвиденное. На кортеж напала банда тза'абских разбойников, и, хотя герцог с герцогиней не пострадали, погибло много придворных, в том числе лучший друг Ренайо — доблестный капитан Верро Грихальва.

Этот эпизод и положен в основу картины. Здесь все пронизано насилием: и композиция, и цвет, и динамика. Одной рукой герцог Ренайо придерживает голову умирающего друга, другой отчаянно машет лекарю. Рядом опустилась на колени герцогиня; ее лицо закрыто ладонями, а блеск драгоценностей расплывчатый, от чего создается впечатление, будто воочию видишь, как ее сотрясают рыдания. На заднем плане конные воины преследуют тза'абов, похитивших сестер-близнецов Верро Грихальвы и еще дюжину фрейлин. Ветер качает ветви деревьев, треплет полы плащей и распущенные локоны герцогини. Только Верро Грихальва неподвижен, его очи подернуты смертной поволокой, а пальцы сомкнуты на рукояти меча, словно он еще надеется встать и броситься на защиту сестер.

Эту картину можно сравнить с другой, гораздо меньшей размерами, — «Смерть Верро Грихальвы», — написанной Пьедро Грихальвой в 732 году. Она хранится в Галиерре Грихальва.

«Спасение полонянок» Миквейан Серрано, 828. Дерево, масло. Коллекция семьи Серрано.

Картина, безусловно, достойна кисти талантливейшего художника из рода Серрано, но здесь его отточенное мастерство послужило отнюдь не самой благой цели. Недаром это полотно, созданное по заказу герцога Ренайо и отразившее продолжение вышеописанного события, было отвергнуто горожанами, осмеявшими злосчастных фрейлин, похищенных и изнасилованных тза'абами.

Все без исключения полонянки, высыпавшие из шатров, одеты непристойно, изумление на их лицах соперничает со страхом. Сестры Ларисса и Маргатта Грихальва (легко узнаваемые по розеткам на шалях, которыми они прикрываются без особого старания) изображены с неудовольствием на лицах, якобы оттого, что их оторвали от желанных плотских утех..

Герцог Ренайо и его солдаты, гнавшиеся за бандитами двенадцать дней, выглядят свежими, как будто только что покинули покои палассо. Тза'абы же, полуодетые и неопрятные, объяты неописуемым ужасом. Десятка два грязных, нагих малышей стремглав бегут к холмам, но если приглядеться, можно сделать некое странное открытие: у них вовсе не детские лица. Это карлики — злобные смуглые дикари, тза'абы.

Что же касается подлинной истории, то все четырнадцать дам были возвращены ко двору, банда истреблена до последнего негодяя, а сокровища (на картине они грудой лежат в левом шатре) доставлены в Мейа-Суэрту. Герцогиня Хесминия пожелала отдать их бывшим пленницам, чтобы спасти от нищеты: кто возьмет замуж обесчещенную тза'абом женщину, особенно после того, как она родит младенца? Этих чи'патрос, незаконнорожденных, ждал, так же как их матерей и маленьких полукровок, спасенных в лагере тза'абов, удел презренных парий. Некоторые из тех женщин, не в силах вынести унижение, даже руки на себя наложили после родов.

Эти бандиты похищали женщин и раньше — по слухам, лишь для того, чтобы бедняжки зачали тза'абских ублюдков; когда же дети переставали нуждаться в материнском молоке, полонянок убивали. Один из спасенных мальчиков сказал, что его отец, патро, прогнал маму, так как хотел воспитать ребенка тза'абом. Возможно, разбойники замышляли сколотить банду полукровок, чтобы та орудовала в тайра-виртских городах и селах.

Но ни один из этих детей не вырос тза'абом. Они стали Грихальва, поскольку род принял их всех. Вся Мейа-Суэрта была возмущена, когда в 859 году герцог Ренайо в награду за великодушие подарил роду Грихальва палассо и примыкающий к нему квартал. Но все-таки чи'патрос так и остались чужими в чужой стране — живыми памятниками тза'абских злодеяний, да и на Грихальва с той поры горожане смотрели как на прокаженных.

«Аллегория материнской любви»
Приписывается Натану Грихальве, 834.
Картон, акварель.
Галиерра Грихальва.

Очаровательный портрет двух женщин и их десятилетних сыновей; одна вручает своему чаду корзину символических цветов, другая учит отпрыска чтению по молитвеннику. Принято считать, что это Ларисса и Маргатта Грихальва со своими чи'патрос. Во все времена очень немногие мастера писали миниатюры (эта овальная картина всего лишь три дюйма в высоту); из восьми миниатюр в коллекции рода Грихальва шесть созданы этим художником, младшим братом Лариссы, Маргатты и Верро. Так что вполне возможно, это действительно акварель Натана, посвященная его сестрам-близнецам и племянникам.

Миниатюра буквально дышит уютом и любовью, и все же в ней угадывается вызов. Тза'абские черты и цвет кожи сыновей откровенно контрастируют с серыми глазами и светлой кожей женщин. Чи'патрос всегда страдали за то, что в их жилах текла тза'абская кровь: их презирали, третировали, обвиняли во всех смертных грехах; священники с пеной у рта доказывали, что полукровки не обладают душой. Художник недвусмысленно дает понять, что матери не только учат сыновей грамоте, но и пестуют в них веру, искренность, великодушие, преданность и трудолюбие, а значит, вопреки всяческим злопыхательствам чи'патрос вырастут достойными гражданами Тайра-Вирте.

«Последняя воля герцогини Хесминии»
Лирансо Грихальва, 881.
Холст, масло (картина не закончена).
Галиерра Веррада.

Одно из первых полотен документальной живописи. Кисть очевидца события зарегистрировала официальное завещание герцогини Хесминии. До ее безвременной кончины от нерро лингвы осталось всего три дня, однако ни единого признака хвори не видно на прекрасном лице в ореоле света, падающего из окна за ее спиной. С ласковой улыбкой Хесминия наблюдает за конфирматтио юных чи'патрос. Премиа Санкта и Премио Санкто, хоть и благословляют детей, взирают на них отнюдь не милостиво. Церковные иерархи Тайра-Вирте, как, впрочем, и большинство горожан, убеждены, что в нашествии нерро лингвы (своим названием — «черный язык» — болезнь обязана наиболее зловещему из ее симптомов), от которой в Мейа-Суэрте умер каждый четвертый, виноваты чи'патрос. Род Грихальва пострадал от мора сильнее всех остальных, но это не послужило ему оправданием; священники распустили слух, что Матра эй Фильхо, Матерь с Сыном, наслали на город мор, стремясь в первую очередь наказать Грихальва за то, что те приютили чи'патрос.

Через сутки после смерти матери Алессио I издал указ: отныне все Грихальва находятся под защитой герцогов Тайра-Вир-

те. Увы, охранная грамота не защитила их от толпы, собравшейся на похороны любимой герцогини и доведенной подстрекателями до неистовства. Прежде чем шагаррскому полку удалось восстановить в городе порядок, многие погибли, в том числе Маргатта Грихальва. Хроники утверждают, что в ту ночь был до полусмерти избит Лирансо Грихальва, и увечья не позволили ему закончить картину.

Он был чи'патро, сын Лариссы Грихальва; есть основания полагать, что он изображен на описанной выше миниатюре. Лирансо можно найти также на одной из фресок Собора Сияющих Образов — Катедраль Имагос Брийантос; его легко узнать по кисти, торчащей из кармана, и *Чиеве до'Орро, Золотому Ключу,* на шее.

Автопортрет Гарсы Серрано, Верховного иллюстратора, 906. Дерево, масло. Галиерра Веррада.

Причиной создания этого воинственного автопортрета стала обострившаяся вражда между семьями Серрано и Грихальва Верховный иллюстратор изобразил себя при всех церемониальных регалиях; на коричневой мантии вышито золотом перо — фамильный герб Серрано; ноги попирают расколотые плиты с розетками Грихальва.

Скептики полагают, что таланты не передаются из поколения в поколение, и природа, рождая гениев, отыгрывается на их потомках. Имеется немало тому подтверждений, но хватает и доказательств обратного: в музыке род Баков в течение двух веков дарил миру выдающихся композиторов), медицине (потомки до'Майо) и литературе (Дума-отец, двое его сыновей и пять внучек). Серрано были верны живописи больше века. И все-таки род Грихальва уникален, поскольку мало кто из его мужчин не обладал талантом художника.

Брачные узы Грихальва и чи'патрос (поскольку больше никто не видел в этих девушках невест, а в юношах — женихов) дали страшный и загадочный результат: почти половина мужчин во втором поколении оказались стерильными. Многие винили в этом инбридинг, кровосмешение, иные — нерро лингву, но истинной причины не знал никто.

«Женитьба Алессио II на Эльсеве до'Эллеон» Саабасто Грихальва, 894. Дерево, масло. Галиерра Веррада.

«Помолвка Холо до'Веррады и Майари до'Варривы» Иберро Грихальва, 921. Дерево, масло. Галиерра Веррада.

Обычай дарить невесте портрет жениха возник в 875 году. Он-то и послужил фундаментом для растущего авторитета и везения Серрано. Хотя идея документальной живописи, то есть регистрации событий государственной значимости посредством изобразительных приемов, принадлежит Лирансо Грихальве. Именно благодаря ему живопись в сочетании с общепринятой иконографией со временем вытеснила письменные официальные свидетельства.

«Смерть Хоао»
Иберро Грихальва, 924.
Холст, масло.
Галиерра Грихальва.

На этих трех картинах, созданных всего лишь за тридцать лет, можно увидеть эволюцию документальной живописи и неразрывно связанного с ней символизма. Сюжет «Женитьбы» совершенно очарователен благодаря своей простоте, но и она не обошлась без символов. Букет в руках невесты означает традиционно добрые пожелания (розы — Любовь, плющ — Верность, чертополох — Сыновья). О том, что свадьба красавца Алессио и прелестной Эльсевы равносильна заключению союза между Тайра-Вирте и Эллеоном, свидетельствуют соединенные гербы этих стран, изящно вышитые золотом на занавесе, перед которым стоят молодожены.

Кажущейся безыскусностью эта работа контрастирует с «Помолвкой», исполненной глубокого смысла. На платье невесты вышиты эмблемы ее рода — белые хризантемы (слова «верро» — правда и «Варрива» созвучны). Она приближается к Хоао, сыну Алессио и Эльсевы, по широкой лужайке; зеленая трава — это Покорность, а золотые розы — Совершенство; они распускаются рядом с цветами лимона, символом Неизбывной Любви. Хоао, стоя на мраморной лестнице и улыбаясь суженой, протягивает букетик цветов. Но помолвка Хоао и Майари — это еще и выгодная сделка, потому на заднем плане изображен Кастейо Варрива, а под его стенами через кукурузное поле (кукуруза — символ Богатства) идет караван.

Увы, счастливый брак Хоао и Майари оказался недолговечным. Несколько лет спустя этот же мастер, Иберро Грихальва, написал «Смерть Хоао». Если верить легенде, создавая две первые картины, он разбавлял краски слезами радости, и слезами горя — когда писал третью. Ибо он любил молодого герцога как родного брата.

Мало-помалу документальная живопись взяла верх над деловыми бумагами. Нередко случалось, когда один и тот же договор, написанный на разных языках, каждая из сторон понимала по-своему, но язык картины исключает разные толкования. Художники стали не только регистрировать браки, рождения и смерти, но и оформлять торговые сделки, завещания, дарственные и тому подобное.

Традиции живописи Тайра-Вирте славились своей живучестью, это была единственная страна, не испытывавшая в ту пору недостатка в иллюстраторах. Им приходилось трудиться не покладая рук, чтобы обеспечить всех желающих документами и копиями. За последние пятьдесят лет Грихальва и Серрано — семейные артели художников — снискали мировую известность.

Без их содействия не обходился ни купец, ни чиновник, ни государственный деятель.

ГАЛИЕРРА. 943

Сарио Грихальва тотчас понял, что с ней происходит. Догадался, куда ее занесло, хоть она и оставалась рядом с ним физически. Ему был знаком и этот неподвижный, невидящий взор, и окаменевшие черты лица. Выражение обреченности... Он знал это по собственным ощущениям. Да и как не знать, ведь он тоже из тех, кого многие считают жертвой. Но сам он такие вот уходы связывал с подъемом творческих сил, вдохновением. Как не походили его высказывания на отзывы других, в том числе и муалимов — наставников, помыкающих им в ученических мастерских.

До чего же мелочный народ... даже Одаренные. Они говорят о таких вещах, как способности, вдохновение, призвание. И даже упоминают о силе. Но что они в этом смыслят?

А он понимает. Да и как иначе?! Ведь это все — в нем.

— Ведра, — сказал он.

Зачарованная картиной, возникшей перед ее внутренним взором, она не ответила. Даже не шелохнулась.

— Ведра, — повторил он громче.

И вновь не дождался отклика.

— Сааведра!

Она вздрогнула. Глаза были черным-черны. Помаленьку мгла съежилась и уступила другому цвету, прозрачно-серому, без малейшей мути, без слабейшего оттенка, без единого вкрапления пигмента на радужках. Этим и была она приметна помимо всего прочего. Серые очи Грихальва. Необыкновенные очи тза'абов, предков. А Сарио Грихальву природа наделила обликом попроще: карие глаза, темно-каштановые волосы, смуглая кожа пустынника. Ничего впечатляющего. Ровным счетом ничегошеньки.

Но это — если смотреть извне. А изнутри никому, кроме самого Сарио, не взглянуть. Для чужих глаз его душа — потемки, если что и можно уловить в глазах, то это лишь тонкий лучик целеустремленности, а может, лампадка задумчивости и отрешенности.

Он окинул взглядом Сааведру. Она и летами старше, и ростом выше, а вот сейчас сгорбилась меж колонн на скамье,

точно просительница или служанка. Всем своим видом предлагает главную роль в этой сцене, и уж его дело — принять, не принять...

Ее лицо в снопе утренних лучей повернуто к точному раскладу светотени на грубой крапчатой бумаге, распятенной на доске. К умелым и красивым рукам художника. Левая машинально отбросила с глаз нечесаную черную прядь. Серые глаза остановились на Сарио, мозг зафиксировал присутствие постороннего, а когда опознал, голос откликнулся. Неужто стоило ради этого вырывать сознание из безбрежных просторов иного мира, тащить его вспять по пути, озаренному Луса до'Орро?

— Подожди... — прозвучало раздраженно и властно.

Теперь он — слуга, он — проситель.

Все они, Грихальва, слуги. И просто одаренные, и Одаренные с большой буквы.

— Подожди, — повторила она мягче, словно умоляя понять и простить, но в мольбе этой присутствовал оттенок нетерпения.

И лихорадочно забегал по бумаге уголек.

Он понял. Ибо сочувствовал ей, сопереживал, не кривя душой даже перед самим собою. И тоже, хоть и по другим причинам, испытывал нетерпение. Нетерпение и обиду. С какой это стати он должен ждать? Или она надеется стать Одаренной? Или у нее есть шанс когда-нибудь сравняться с ним?

И он решительно ответил:

— Некогда, Ведра. Надо идти, если хотим успеть.

Воцарилась тишина. Только грубая бумага шуршала под угольком.

— Ведра...

— Мне нужно доделать.

И — невысказанное: «Пока оно живо, пока свежо, пока я вижу». Все ясно, но нельзя же потакать.

— Пора идти.

— Еще одну секундочку... Моментита, граццо.

Точные штрихи, выверенные, экономные движения и ни капли позерства. Он всегда с восхищением следил за ее работой. Мало ли кругом девушек, которые оттачивают технику не покладая рук! Мало ли усердных и дотошных юношей, по крупицам собирающих драгоценные навыки! Но куда им до Сааведры?! Она лучше всех знает, что делать. Любой из самых элементарных приемов Сааведры и Сарио для кого-то — целая наука, а для них самих — это чуть ли не врожденная, но едва осознаваемая способность. Как дыхание.

Да, как и Сарио, Сааведра видит. Доподлинно видит этот свет, эти образы, мысленно доводя их до совершенства, и остается лишь стремительным рывком вызволить их из небытия и мгновенными штрихами запечатлеть на бумаге.

Луса до'Орро, Золотой Свет, проницающий истину.

А он смотрел глазами сурового критика. И казался себе при этом муалимом рядом со студенткой, учителем рядом с эстудо. Но ей нет дела до Сарио, она творит для себя, ни для кого больше. Ее свобода созидания, естественность самовыражения ничуть не ограничены волей семьи или требованиями муалимов.

— Нет.

Он вдруг устремился к ней. Ведь и у него есть свое видение, Луса до'Орро. Для Золотого Света ни в чем нет оправдания: ни в долге вежливости, ни даже в сочувствии родственной душе.

— Нет, не так... Вот, видишь?

У эстудо карманы всегда набиты углем. Сарио опустился рядом с Сааведрой, положил на колени доску с бумагой.

— Гляди. Ну как?

Одно мгновение, лишь один подправленный штрих. И вот уже смотрит с листа Бальтран до'Веррада, герцог Тайра-Вирте, которого они нынче увидели впервые.

Сааведра слегка отстранилась и взглянула на портрет.

— Видишь?

Волнение подгоняло: объясни, пока не поблекла твоя внутренняя картина. Он быстро соскреб, что соскреблось, с ошибочной линии, сдул черную пыль с бумаги. Портрет (точнее, грубый, второпях сделанный набросок) и впрямь от этого выиграл.

— Добавляем этот штрих, — показал Сарио, — и левая сторона оживает. Ты же знаешь, у него лицо кривовато. Да и не бывает идеально симметричных лиц. — Он положил тень. — А тут — скула, вот так... Видишь?

Сааведра молчала.

Его словно молнией ударило: зашел за грань. Причинил боль.

— Ведра, прости...

О Матра эй Фильхо! Ведь и с ним такое бывало!

— Прости, Ведра, я не хотел. Честное слово. Как-то само собой получилось.

Она спрятала уголек в карман блузы.

— Знаю.

— Ведра...

— Да, Сарио, я знаю. У тебя всегда как-то само собой получается.

Она встала и оправила блузу, перепачканную, как и его одежда, всем, чем только можно перепачкаться в их мирке: красками, клеями, плавленой канифолью, олифой и тому подобным.

— Но ведь и правда так лучше.

Сгорая от стыда, он порывисто сунул портрет ей в руки и встал.

— Просто... — беспомощный всплеск руки. — Просто я так увидел.

— Знаю, — повторила она, принимая набросок, но не опустила на него взор. — Увидел то, что мне самой следовало бы видеть. — Сааведра смущенно пожала плечами. — Да, следовало бы.

Обоим стало не по себе. Во многом они походили друг на друга, но в то же время были разные — как день и ночь. Сааведра не принадлежала к числу Одаренных. Но была талантливой, гораздо талантливее большинства эстудо.

Она снова мысленно увидела объект. Да, никто не усомнится, что на портрете — Бальтран до'Веррада. Впрочем, сомнений быть не могло и до того мгновения, когда Сарио подправил набросок. И все-таки подправил...

Его терзало раскаяние. Но ведь на то и отпущен Дар, исключительная привилегия со своей жестокой категоричностью: в мире Одаренных нет места ничему, кроме совершенства.

— Извини, — сказал он слабым, сдавленным голосом. А про себя добавил: «Не сердись, Ведра». Но вымолвить не рискнул — слишком моляще прозвучало бы, слишком униженно. Даже перед ней он остерегался раскрывать душу. — Я сожалею.

В тот миг она выглядела намного старше его.

— Ты всегда сожалеешь, Сарио.

Для него это была кара, а для нее — всего лишь истина, убогая разновидность Луса до'Орро. Ему нравилась в Сааведре эта черта. Истина дороже всего. Но истина еще и мучительна. Его собственная истина превратила хороший набросок в отменный. Одна дополнительная линия да легкая штриховка... Как четко он видел, что надо сделать, как ярко сиял в нем Золотой Свет... Просто не верилось, что кто-то способен этого не видеть. А все дело в том, что у него — своя истина, у Сааведры — своя. Сааведра — хороший художник. А Сарио — превосходный.

Этим-то он и причинил ей боль.

— Ведра...

— Да все в порядке. — Она убрала за уши непокорные пряди волос. Блеснула капелька крови — гранатовая сережка. — Ведь это от тебя не зависит.

Да. Никогда не зависело. Потому-то его и ненавидят. Даже муалимы, знающие, на что он способен.

— Куда пойдем? — спросила она. — Говоришь, это важно?

— Очень.

— Ну так...

Она поставила доску на место, но портрет не удостоила даже косым взглядом. Сарио тайком проглотил обиду.

— Чиева до'Сангва.

Она опешила. Как он, впрочем, и ожидал.

— Сарио! Да ты что?!

— Я там все знаю. Нас не увидят.

— Но ведь... нам нельзя!

— Ведра, никто нас не увидит. И никто не пронюхает. Я уже много раз там бывал.

— Ты видел Чиеву до'Сангва?

— Нет. Но я видел кое-что другое. Когда не станет нас, не станет и Чиевы до'Сангва.

Она отшатнулась.

— Откуда ты знаешь?

— Раскрыл глаза и вынул из ушей затычки.

Сарио ухмыльнулся.

— А еще, Ведра, я умею читать Фолио. Мне дозволено, ведь я мужчина.

— Смотреть — да, дозволено. Но читать о таких вещах тебе еще рано. Муалимы знают?

Он пожал плечами.

— Естественно, нет.

— О Сарио, ты слишком торопишься! Прежде чем разрешат читать Фолио, надо пройти серьезные испытания...

В нем поднималось нетерпение.

— Ведра, никто не узнает, что мы там побывали. Даю слово.

От ее лица, испачканного углем, отхлынула кровь.

— Но ведь нельзя, Сарио! Запрещено. Видеть Чиеву до'Сангва позволено лишь мастерам-иллюстраторам, и Фолио изучать тебе еще рано...

И снова в нем взыграло самолюбие, и снова он не смог с собой совладать.

— А я буду! Буду читать Фолио! И мастером-иллюстратором стану.

Бледные щеки Сааведры на миг порозовели — ей, женщине, вовек не суждено изучать Фолио, достигнуть ранга мастеров-иллюстраторов, Вьехос Фратос. Ее предназначение — вынашивать и рожать их, но не быть одной из них.

— Пока еще не стал.

— Нет, но...

— А пока тебе нельзя видеть такие вещи. — Она сердито посмотрела на Сарио: он невольно напомнил о том, что пол, как и происхождение, не дадут ей подняться до высот, которых она достойна. — Ведь мы с тобой действительно не мастера-иллюстраторы, и нам нельзя смотреть ритуал. Знаешь, что с нами будет, если попадемся?

Он вдруг ухмыльнулся.

— Хуже Чиевы до'Сангва — ничего.

Она даже не улыбнулась, только покачала головой и твердо произнесла:

— Нет.

— Да.

У него сияли глаза.

Сааведра посмотрела на портрет. На свой набросок, который Сарио оживил двумя-тремя беглыми касаниями уголька. Его называли Неоссо Иррадо, Гневным Мальчиком. И небеспричинно. Он ко всем лез с каверзными вопросами. Всем дерзил. Но при этом все знали: сколь ни славен род Грихальва, в нем еще не было никого талантливее Сарио. Воистину он обладал Даром. Непознанным, непризнанным, даже неподтвержденным. И все же несомненным для всех. По крайней мере для Сааведры, так и сказавшей ему однажды... Задолго до того, как он прочитал те же слова в глазах учителей, ибо муалимы о таких вещах не говорят.

Да, быть ему мастером-иллюстратором, Вьехо Фрато... Да и как иначе? Пусть Сарио юн, пусть никто не желает признавать его Дар — но он есть, и он переполняет все его существо.

Быть ему и Верховным иллюстратором. Он гордо вскинул голову. «Я знаю, кто я. Я знаю, кем я стану!»

Сааведра поморщилась. И отвернулась от нарисованного лица — потому что живое требовало к себе внимания.

— Ну ладно, — сказала она.

Он победил. Он всегда побеждал. И так будет впредь. Никто не знает, как его обуздать. Даже муалимы не знают и ломают голову над этим.

* * *

Мужчина поспешно схватил за руку ребенка.

— Алехандро, сюда. Пройди вот здесь, видишь? Нет, канделябр оставь в покое... Прошу тебя, иди сюда. Не трогай список экскурсоводов, кураторрио тебе не понадобятся. Мы с тобой вполне обойдемся без них... Сюда, Алехандро. На этих стенах — портреты рода до'Веррада, все они — твои родственники. Если уж на то пошло, при желании ты увидишь себя, как в зеркале, на любой из этих картин. Взгляни-ка... Видишь?

Мужчина ждал. Ему не внимали.

— Алехандро!

Да что с этим мальчиком? Не слышит спросонья, что ли?

— Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада, окажи любезность, слушай меня внимательно.

— Патро? — услышал он наконец.

Значит, слух в порядке, виновата его вечная рассеянность. Это возрастное, точнее, детское. А впрочем, чего он еще ожидал? Разве это не его сын?

Его. Да, Матра Дольча! Детство детством, но у мальчика есть обязанности. Вернее, появятся в один прекрасный день. А сейчас Алехандро слишком рассеян, слишком несобран, сейчас надо спокойно и терпеливо открывать ему глаза на мир. Но — исподволь, деликатно. Со временем перед ним целиком развернется великое полотно истории, вновь разыграются знаменитые сражения, пышным цветом расцветет генеалогическое древо...

Отец, погруженный в раздумья, вздохнул. Сыну — наследнику герцога — без этих знаний не обойтись. И пусть кажется, что отцовские старания не дают плодов — капля камень точит.

— А это «Женитьбы»... Алехандро!

Ну что за ребенок? Секунды на месте не постоит. Достаточно любого пустяка, чтобы отвлечься — к примеру, почувствовать аппетит. Конечно, гораздо интереснее носиться сломя голову, чем внимать скучной лекции под сводами Галиерры Веррада. «Особенно когда лекцию читает отец», — подумал он уничижительно.

И в этот момент беспокойный взгляд мальчика поймал стайку детей примерно его возраста — как голодные борзые щенки на дворе, маялись они в высоком фойе Галиерры. Конечно, никого из них не пустят в залы, пока не уйдут герцог с сыном. Бальтран до'Веррада заметил худощавого мужчину средних лет; он неколебимо стоял в дверях, золото на высоком вороте внушало детям робость и удерживало их на почтительном расстоянии от дверей. Но они поедали глазами тех, кому было дозволено больше, чем им. А Алехандро смотрел на них.

Матра Дольча, да у этого мальчишки терпения не больше, чем у комара. Отец криво улыбнулся и похлопал широкой, сверкающей перстнями рукой по кудрявой голове сына, запустил сильные шершавые пальцы в растрепанные черные волосы, и голове ничего больше не оставалось, как повернуться на тонкой шее туда, куда хотел герцог.

— Алехандро.

— Патро?

— Это всего-навсего дети из рода Грихальва. Ты заметил золотую цепь у их воспитателя? А кулон?

Алехандро пожал плечами. Ему до смерти прискучили разговоры о незнакомых людях и кулонах.

— Комарик, это *Чиева до'Орро, Золотой Ключ*. Он достается мастеру-иллюстратору, а молодые люди — его эстудо, они тут изучают работы своих отцов и дедов... — Отец многозначительно помолчал. — Вот у кого бы тебе поучиться уважению к талантливым предкам.

Мальчик заметно смутился.

— Они тоже станут иллюстраторами?

— Да, вполне возможно. Они — из рода Грихальва.

— Патро, а что, все Грихальва пишут картины?

Герцог покосился на взрослого — скорее всего, муалима. Спокойным пожилым мастерам доверяют пестовать юную поросль, учить уму-разуму и ремеслу.

— Пишут, как всегда писали, но еще и создают для этого необходимые средства. Все материалы для художественного промысла изготовляет семейство Грихальва. Таково их предназначение. Их дар, если угодно.

Отцовская рука поднялась с кудрявой головы и показала на стену.

— А сейчас погляди-ка сюда... Вот на эту картину, прямо перед нами. Алехандро! Что ты видишь?

На лице мальчика читалось явное нетерпение. И, как всегда, рассеянность. Он переминался с ноги на ногу, вертел головой и даже бросил еще один вороватый взгляд на детей.

— Картину, патро.

Снисходительность — черта благородной души. Отец улыбнулся и не одернул сына.

— И что, эта картина о чем-нибудь тебе говорит?

На губах сына промелькнула улыбка — тень отцовской. А в живых оленьих глазах появился дерзкий блеск.

— Да, патро. Она мне говорит, что надо вернуться в Палассо и поупражняться со шпагой.

— Вот как? Поупражняться со шпагой? Вместо того чтобы слоняться по Галиерре среди скучных полотен, запечатлевших еще более скучные свадьбы?

Ответ не заставил себя ждать.

— Патро, я не буду иллюстратором. Я не Грихальва, я — до'Веррада, мое лицо на всех этих стенах.

«Хитрый комарик. А ведь большинство этих лиц написали Грихальва».

— Значит, маленький до'Веррада, тебя больше влечет стезя фехтовальщика?

— Да, патро.

— Мне она тоже больше по нраву. — Теперь и у отца заблестели глаза, точь-в-точь как у сына. — Но когда-ни-

будь, Алехандро, ты станешь правителем Тайра-Вирте, а мудрый правитель не во всем полагается на меч.

— Патро, а на что еще полагаться? На картины?

Мальчик еще не сталкивался с интригами двора, стоит ли удивляться его откровенному безразличию? Он даже не подозревает, как больно жалят насмешки и снисходительность.

— Разве можно править с помощью картин?

Святая простота... Впрочем, он же еще ребенок.

Но внезапно этот разговор с сыном всколыхнул в памяти появившиеся недавно слухи, и на душе стало тревожно. Вначале они казались пустяком, но, постепенно разрастаясь до угрожающих размеров, широко расползлись по городу. В Палассо Веррада говорили о волшебстве, о темной силе, проникшей в город и будто бы ополчившейся на двор, герцога и его семью.

Улыбка исчезла. Ладонь, гладившая непокорные кудри наследника, замерла, взгляд устремился на сгрудившихся в фойе юных Грихальва. Они тоже дети и, значит, тоже невинны? Или в них зреет зло, темная волшба, о которой говорил Сарагоса?

В тусклом охряном свечении (картины в Галиерре никогда не показывались солнцу, его заменяли масляные лампы и свечи) чуть лоснилась герцогская диадема — черный с кровавым отливом камень среди темных спутанных прядей. Огромным усилием воли герцог заставил себя возобновить вдохновенное повествование о картинах; еще труднее было изобразить спокойную улыбку.

— Алехандро, правитель использует весь арсенал своих средств. Мудрый не пренебрегает ничем и ни о чем не забывает, иначе рано или поздно приходит беда.

— Но, патро...

— Алехандро, посмотри на картину. Ну-ка, Неоссо до'Орро, посмотри и скажи, что видишь.

Мальчик изо всех сил старался быть уступчивым. Узкие плечи приподнялись и опустились на столь долгом вдохе и выдохе, что отец забеспокоился: хватит ли у Алехандро воздуха в легких, чтобы ответить?

— На этой картине ваше венчание с матра.

— И все? Неужели к этому нечего добавить?

— Это вы. Это матра. Это придворные.

— Будь любезен, скажи, кто из них кто.

Мальчик поморщился, однако скороговоркой назвал по именам тех, кого знал. А знал он почти всех — эти люди жили в его мире, который ограничивался двором. Неисчислимая родня, тьма сановников, прихлебателей, коим имя легион и кои мнят себя такими важными персонами, что ни один Верховный иллюстратор не рискнет воспротивиться, если они пожелают запечатлеть свой образ на историческом полотне.

— Патро, а может, пойдем домой? Так есть хочется...

Всегда ему хочется есть. Сущий обжора!

— Алехандро, не отвлекайся. Что, разве на картине больше никого нет? Разве она тебе больше ни о чем не говорит?

Мальчик нервно пожал плечами.

— Говорит, что вы женились на матре. Но ведь об этом и так все знают. — Мелькнула улыбка, внезапная и недолговечная, как летняя молния. — Разве я не здесь? Разве у матры в животе нет еще одного ребенка? Конечно же, вы женились на матре.

Отец вздохнул. Но это не был вздох недовольства.

— Да, комарик, ты здесь. Но говорит ли тебе еще о чем-нибудь картина?

— А что, должна? — равнодушно спросил мальчик, переминаясь с ноги на ногу.

И вновь слегка поколебалось обычно несокрушимое спокойствие. «Мы даже не представляем, о чем она может поведать Грихальва... Если, конечно, верить клятвенным уверениям Сарагосы».

Но не Грихальва создал это полотно, увековечившее свадьбу Бальтрана Алехандро Рафейо Риобаро до'Веррады и Лиссабетты Терессы Луиссы Бенекитты до'Нахерры. Сам Серрано, отец Сарагосы, удостоился назначения на должность Верховного иллюстратора, и в обязанность ему вменялось документировать такие события, как заключение договоров, помолвки, свадьбы, рождения. Запечатлевались в красках все великие или обычные вехи в жизни тайравиртской знати. Щенилась ли любимая сука герцога, ложился ли на смертный одр он сам — всегда звали придворного художника. Но теперь место Серрано досталось его сыну (точно так же и Алехандро когда-нибудь унаследует отцовское), а Сарагоса твердит о колдовстве и темной силе... И если не остановить преступную кисть Грихальва, нашептывает он, то лишь одна Пресвятая Матерь знает, что может случиться с Тайра-Вирте и ее герцогом.

— Патро?

Снова отцовские пальцы зарылись в черные детские кудри.

— Ничего, Алехандро. Придет время, и ты все поймешь.

Конечно, оно придет. Как же иначе? Алехандро — его наследник, и ему, будущему герцогу Тайра-Вирте, откроются все таинства власти.

И секреты колдовства Грихальва, буде Сарагоса Серрано прав и таковые не выдумка...

Герцог попытался отогнать неприятные мысли. «Нет. Это пустые слухи. Грихальва служат нам с незапамятных времен, служат верой и правдой. Не может быть того, чего не может быть».

И все-таки...

Он обернулся к фойе, пристально посмотрел на детей. На лицах любопытство и нетерпение. Глаза всех мыслимых цветов, волосы всех мыслимых оттенков, а в проворных, умелых ручонках — угольки, мелки и бумага. Грихальва делают мел и бумагу, Грихальва делают лица и руки, и Сарагоса Серрано слишком близорук, самолюбив и труслив, чтобы увидеть блеск их таланта. Чтобы признать сам факт его существования.

И нет среди этих детей никого, кто бы уж очень отличался от сына герцога, смышленого, подвижного, непоседливого Алехандро — Золотого Мальчика, Нсоссо до'Орро.

Хмыкнув, Бальтран до'Веррада взглянул на полотно, удостоверяющее его женитьбу на герцогине Лиссабетте. Смущенно коснулся пальцами губ, затем — груди, там, где сердце, и прошептал ритуальную фразу: «Да хранит ее Матра эй Фильхо». Ибо герцогиня почти не вставала с постели — ждала родов.

Сама по себе картина — всего лишь рядовое произведение мастера, хоть и кощунственно, пожалуй, так отзываться о творении протеже герцога. Она принадлежит кисти Гуильбарро Серрано, покойного отца нынешнего Верховного иллюстратора, и помимо своеобразной композиции, формы и отточенных приемов в ней есть кое-что еще. Это целый мир в массивной позолоченной раме, это история и символика, выполненные и невыполненные обещания, проведенные и непроведенные усовершенствования политической системы и даже предсказание.

Неискушенный глаз не заметит среди тщательно прорисованных шпалер и причудливой лепнины смутные отражения лиц в алмазном блеске оконных стекол аудиенц-зала, где вершился свадебный ритуал. Четыре детских лица, круглых и веселых, почти прозрачных. Эти малыши еще не родились, они обещаны герцогу и новой герцогине. Но пока в Палассо Веррада появлялись лишь три детских лица, и сейчас два из них — мраморные барельефы в подземной усыпальнице.

«Матра эй Фильхо, будь милостива, пошли мне второго сына, брата Алехандро... и двух милых девчушек. Когда вырастут, мы им найдем достойных женихов...»

Предсказание, значит? Пока оно сбылось лишь наполовину, не дало почти ничего, кроме горя. «Сарагоса старается внушить, что в этом повинны Грихальва».

Все дело в разнузданной мнительности и непомерном себялюбии и более ни в чем. Все иллюстраторы высокомерны, каждый считает себя гением, а остальных — ничтожествами. Хитроумных интриг и личных амбиций в их мире не меньше, чем при дворе.

— Глупец, — пробормотал герцог. — И мне все меньше нравятся его работы.

— Патро?

До'Веррада отбросил досадные мысли.

— Ничего, Алехандро. — Он опять вздохнул. — А что, комарик, не пора ли тебе подкрепиться?

Ответа не последовало — Алехандро стрелой понесся к фойе, где всех юных Грихальва сразу оттеснили, дабы не то что их руки — даже дыхание не коснулось наследника герцога. И тотчас эскорт в ливреях — отделение шагаррского полка — обступил мальчика. Привычный к такой опеке, Алехандро нетерпеливо обернулся.

— Ну, скорее, патро.

— Спешу, фильхо мейо. Прости, но я уже стар, чтобы гоняться за таким пострелёнком.

— Вот уж точно, — серьезным тоном подтвердил Алехандро и расхохотался.

Стайка Грихальва тоже прыснула, но утихла, как только наставник возмущенно замахал руками.

— Вот уж точно, — эхом откликнулся до'Веррада, подходя к сыну.

«Только не эти малыши... Разве мало Грихальва умерли совсем юными?»

Он встретил взгляд человека с Чиевой до'Орро — в этом взгляде было спокойствие и понимание. Наставник догадывался, почему герцог с сыном так рано уходят. Интересно, доживет ли он до того дня, когда первый из его учеников достигнет ступени мастера?

«Врагу не пожелаешь такого дара, как у них. И Сарагоса не принял бы его, будь у него достаточно ума, чтобы думать о последствиях. Нерро лингва лишила их смелости, и слишком мало времени прошло с тех пор, чтобы кто-нибудь из них замыслил такую глупость, как порча, посредством несуществующего колдовства».

Он решил по возвращении в Палассо пригласить Верховного иллюстратора. Пора вырвать ему жало, пока он не отравил весь двор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧИЕВА ДО'САНГВА
943 — 950

1

Сааведра обреченно шла за ним следом, по опыту зная, что спорить бесполезно: если Сарио не сокрушит ее возражения умной, изощренной логикой с кипучей страстью пополам (надо заметить, ему это удавалось почти всегда), то обязательно взовет к ее верности и неизбывному материнскому инстинкту. Ведь если Сааведра не защитит, не оберечет, его наверняка снова накажут, причем как за серьезный проступок, — а он хочет всего-навсего утолить жгучий интерес. Сарио чрезвычайно любознателен, неведение для него — сущая пытка, любую тайну он воспринимает как вызов самолюбию. Конечно, это досадная черта характера, как и обычай дерзить старшим по любому поводу, — но он все-таки самый близкий друг Сааведры... единственный друг, если уж на то пошло.

Он ее понимал. С полуслова. От и до. Они говорили на одном языке — безмолвном языке сердца и мастерства иллюстраторов. Каждый из них видел в другом то же, что и в своей собственной душе: внутренний свет, силу, стремление таланта к большему, лучшему, к совершенству — во всем без исключения, даже в простых набросках. Луса до'Орро, воплощенный, зримый обоими и обоими же постигаемый.

«Больше никто не знает, что — во мне. Больше ни с кем нельзя быть самой собой». И все же...

— Матра эй Фильхо! — воскликнула она, когда он схватил ее за руку и увлек на узкую винтовую лестницу. — Сарио, нам же нельзя!

— Конечно, нельзя. Когда можно — скучно, никакого риска.

— Тебе риск подавай! — бросила она ему упрек. — А у меня мозги все-таки побольше горошины.

Он лукаво ухмыльнулся.

— Да? Тогда что ж ты так упираешься? По-твоему, это очень умно? Ведь тебе не меньше моего интересно.

Да, ей было интересно. Еще как интересно! Сарио говорил о тайном, о запретном. О ритуале, к которому женщин не допускали никогда, в котором участвовали только избранные мужчины. У нее не было сомнений, что когда-нибудь в их число войдет и Сарио — да иначе и быть не может, ведь у него расцветающий талант, называемый Даром. Но сейчас ему нельзя даже со стороны смотреть — он слишком молод. Ему не тринадцать, а всего одиннадцать, и напрасно он старается произвести впечатление на муалимов, напрасно засыпает их искусными набросками и восхитительными картинами, напрасно ждет признания своего таланта от Вьехос Фратос — Сааведра не уверена, что они хотя бы подозревают о его существовании.

«Но я-то знаю...» Она знала всегда. В нем горел огонь — самый яркий и жаркий из всех, что сияли в Палассо Грихальва и запутанном лабиринте альковов и галерей, — обиталище их семьи. А ведь она видела все огни. Как мало их осталось от того сонма, которым по праву гордился род! Слишком много погасила нерро лингва.

Десятилетия назад на Мейа-Суэрту напал мор — безжалостная, всепожирающая зараза. Любого, кто ее подхватывал, корежила «костная лихорадка»; вскоре у него распухал и чернел язык, а затем наступала мучительная смерть. Эпидемия убивала всех без разбору — и дворян, и простолюдинов. Она не ограничилась крепостной стеной Мейа-Суэрты, а расползлась по всему герцогству, и в конце концов не осталось человека, который бы не потерял возлюбленного, или кормильца, или слугу, или господина. И все же ни один род не пострадал так сильно, как Грихальва.

«Мы и сейчас страдаем».

Да, это правда. Мало того, что нерро лингва унесла две трети рода, она обесплодила почти всех мужчин. И за шестьдесят лет, минувших с той поры, Грихальва так и не оправились настолько, чтобы вернуть себе расположение герцогов. Слишком многие не доживали до пятидесяти и не оставляли наследников. Последний Верховный иллюстратор с фамилией Грихальва погиб от нерро лингвы, и больше ни единого его родича не было при дворе. Их заменили Серрано.

Грихальва тем не менее верили, что должность Верховного иллюстратора досталась Серрано лишь на время. И действительно, разве не Грихальва тридцать пять лет кряду поставляли иллюстраторов двору? Но они ошиблись. Было утрачено почти все, и теперь они едва сводили концы с концами, изготавливая и продавая материалы для художественного промысла. Увы, слишком многих они потеряли — видных, уважаемых, талантливых. А после мора, когда Грихальва боролись за выживание, их места достались другим семьям.

И конечно, Серрано, вечные соперники рода Грихальва, дорожа новообретенным расположением герцогов,

доказывали, что охранная грамота Алессио I — вполне достаточная награда за все заслуги Грихальва, даже чрезмерная, если вдуматься. В свою очередь, Сарио подбирал самые нелестные эпитеты для Серрано, от чего густо краснела Сааведра и за что он сам был порот муалимами, — и поделом, ибо в родовом гнезде Грихальва даже не по летам искусным в выражениях детям запрещалось вести подобные речи. Но Сааведра знала, что ее друг прав: Сарагоса Серрано, Верховный иллюстратор герцога Бальтрана, — всего-навсего посредственность, халтурщик без сердца и вдохновения.

«Мазилка жалкий, ему б на заборах писать...»

Сааведра никак не могла постичь, по каким таким соображениям герцог назначил Сарагосу на должность покойного отца. Все Грихальва — все до единого — знали ему цену, и она была совсем невысока. Художник средней руки. Да, он не уступит любому копиисту, или итинеррарио, — но разве это основание, чтобы доверить ему столь важную задачу, как тщательное документирование — посредством живописи — истории жизни герцогства?

— Сюда... Ведра, смотри!

Сарио вновь схватил ее за руку и повлек к узкому чулану, способному вместить разве что ночной горшок да несколько швабр. Стенкой ему служила холщовая занавеска — разумеется, с искусным узором. Не успела Сааведра спросить «ну и что?», как Сарио рывком отодвинул занавеску.

— Следуй за мной. И поосторожнее — ступеньки.

Действительно, ступеньки. Сарио был еще маловат, чтобы тащить спутницу, но он ее непрестанно дергал за предплечье. Раскрывать тайны он обожал не меньше, чем постигать искусство; за это его нельзя винить, считала Сааведра. Он — Одаренный. Такие, как он, — подлинные художники, огни, горящие ярче всех, — не терпят ничьего диктата. Даже муалимов.

«И конечно, муалимы это видят. Понимают, кто он и что он...»

Да, и видят, и понимают. Вот почему, наверное, они так строги к нему. Прикрывают колпаком лампаду, чтобы фитиль не сгорел слишком быстро.

«А у меня нет и малой толики этого дара».

Да и откуда ему взяться, ведь она всего лишь женщина. Только мужчины бывают Одаренными. Хотя, конечно, у нее есть способности. Даже Сарио это признает — когда видит, что она сомневается в своем таланте.

Как много у них общего! Как прочно связаны они друг с другом! Даже сейчас.

— Ведра, сюда... — Он обогнул угол, сбежал по второй узкой лестнице и выпустил руку Сааведры — лишь на миг, чтобы поднять щеколду и толкнуть оштукатуренную, украшенную лепниной дверь. — Иди наверх! Давай, быстро, я запру дверь.

Она неохотно ступила в дверной проем.

— Сарио, но здесь темно.

— Два раза по четырнадцать ступенек. Считай, Ведра. Иди, а то я решу, что ты кабесса бизила!

Она считала. Оступалась в потемках, но считала. Он, как и обещал, поднимался следом. Темноту оглушало его учащенное дыхание.

— Куда мы идем?

Он цыкнул:

— Бассда! Услышат!

Все выше и выше. И вот позади два марша по четырнадцать ступенек, а впереди — чуланчик с косым потолком. Сарио нетерпеливо рванулся вперед и упал на живот.

— Сюда! Ложись!

Сааведра наткнулась на потолок. Осторожно провела по нему пальцами, почувствовала кирпичи. Опустилась на колени.

— Ничего не вижу...

Он поймал ее руку, дернул и прошептал скороговоркой:

— Да ложись ты, моронна! Бассда!

Сааведра легла на живот — точь-в-точь как ее поводырь. В такой тесноте лежать было ужасно неудобно, вдобавок каменный пол холодил тело сквозь тонкое полотно блузы и мешковатых штанов. Кожаные подметки летних сандалий царапнули кирпичную стену.

— Сарио, — произнесла она очень тихо, — что ты...

— Вот.

Он стиснул ее руку и потянул к бреши между полом и потолком. Шириной она почти не уступала тому чулану с занавеской.

— Ведра, подвинься поближе. Отсюда видна кречетта.

Сейчас нижняя комната меньше интересовала Сааведру, чем та, в которой они находились. Странно, зачем понадобился чулан в таком труднодоступном месте, в самых недрах Палассо Грихальва?

— Для чего тут эта комната?

— Ведра, вопросы потом. А пока... — В его голосе появилось волнение. — Гляди: это Чиева до'Сангва!

В полной тишине Сарагоса Серрано ждал, когда на него обратят внимание.

— Ваша светлость, вы знаете, это правда. Разве я не говорил, что это правда?

Бальтран до'Веррада словно прикипел к окну. Стекло в волнах и разводах искажало очертания безупречно чистого внутреннего двора и ухоженных парков при Палассо Веррада — резиденции герцога. В разгар лета трава была изумрудно-зелена, цветы благоухали, ветки цитрусовых деревьев сгибались под тяжестью сочных и сладких плодов — дары этого сада ежеутренне украшали стол герцога. Но его разум был далек от умиротворенности — одолевали серьезные заботы.

«Матра эй Фильхо, молю тебя, всем сердцем молю послать здорового малыша и чтобы моя герцогиня осталась жива...»

Кончики пальцев — к губам, к сердцу. Пожалуй, он правильно сделал, вызвав Сарагосу. Надо отвлечься.

Бальтран до'Веррада осушил серебряный кубок, инкрустированный драгоценными каменьями. (Вино охлаждали в снегу, а снег возили с Монтес-Астраппас — горной гряды, что отделяла «благословенную Тайра-Вирте» от страны надменных гхийасцев.) Затем полуобернулся, давая понять фатоватому иллюстратору, что знает о его присутствии. Слегка повернул голову и увидел молодого Серрано во всей красе: костюм вызывающего покроя, мятежные тона и вдобавок нечто невиданное на голове.

Герцог так и не повернулся лицом к Сарагосе — рановато оказывать ему такую почесть, чего доброго, еще сильнее возгордится.

— Что это, новая шляпа?

«Вот так. Указать петушку на его шесток».

Сарагоса поспешил сорвать с головы малиновый бархатный блин с пышным плюмажем.

— Это мелочь, ваша светлость. Не стоит обращать внимание.

До'Веррада ухмыльнулся.

— Дорогая мелочь, не правда ли?

«Кичливость, опять эта кичливость...»

Он глотнул еще вина — бодрящего, как весна, светлого. Конечно, это Лакта до'Матра, его любимый летний сорт; кстати, его предпочитает большинство тайра-виртских экспортеров вина.

«Надо посоветоваться с Верховным виноградарем насчет сезонных цен на перевозки...»

— Ваша светлость, я польщен вашим великодушным признанием моего таланта. И раз уж речь зашла о таланте, ваша светлость...

До'Веррада решил отмести вежливые околичности: если подсчитать, сколько он их услышал за всю жизнь от придворных, голова кругом пойдет.

— По-твоему, я должен отменить герцогскую охранную грамоту для семьи Грихальва?

Серрано заговорил с пылом, выдающим боязнь:

— Да, ваша светлость, я верю, это будет только справедливо... Учитывая, что́ они собой представляют.

— Хм... Странно, Сарагоса. Не пойму, почему тебя так волнует судьба каких-то рядовых кониистов. Я осведомлен, что ты не желаешь признавать за ними подлинного таланта. Но ведь они много лет верой и правдой служили Тайра-Вирте и герцогам, потому-то мой прадед и пожаловал им охранную грамоту. И положа руку на сердце, даже Серрано должны быть благодарны им. Чем бы вы занимались, не будь у вас бумаги, холста и красок, — всего того, что создают Грихальва? Так и рисовали бы фрески углем на стенах новых домов, мокрых от крестьянской мочи?

Он позволил себе улыбку, а Сарагоса стал белее Благословенного Молока Матры; талант нынешнего Верховного иллюстратора действительно впервые проявился на задворках Мейа-Суэрты.

— Сарагоса, они в равной мере служат искусству и герцогству. Они знают свое место и довольствуются им.

— Они слишком высоко метят, ваша светлость. И чтобы добиться своего, не погнушаются даже темным колдовством.

Только теперь герцог повернулся к нему лицом.

— Я говорил кое с кем из придворных — нет нужды уточнять, с кем именно, и не гляди на меня вопросительно. Мне захотелось побольше разузнать об этой силе, которой ты меня стращаешь. И знаешь, Сарагоса, кое-кто утверждает, что злые намерения Грихальва не более чем плод твоего воображения. У тебя нет серьезной причины их ненавидеть, кроме боязни потерять должность.

Лицо Сарагосы Серрано обрело цвет. Пунцовые пятна удивительным образом сочетались с красно-фиолетовым камзолом и пестрыми чулками.

— Ваша светлость, семья Серрано уже не один десяток лет пользуется заслуженным расположением дома до'Веррада...

— Так-то оно так, но разве ты не боишься потерять место Верховного иллюстратора? Лично ты, Сарагоса?

— Ваша светлость, я...

— Тебя не беспокоит, что Грихальва затмевают твой талант?

«И что они гораздо больше твоего смыслят в подборе красок? Пожалуй, надо еще разок взглянуть на твои последние картины».

— Ваша светлость, они же метисы, потомки варваров, тза'абских бандитов. И сами этого не скрывают, взять хотя бы все эти прозрачные намеки на чи'патрос.

От сдержанности Сарагосы не осталось и следа — ее снесло, как ветхую плотину.

— «Кто отец?» Чи'патро! Ваша светлость, они сами так себя называют! И не стыдятся крови тза'абов! Кто они и кто мы?! Кровь Серрано чиста со времен великого герцога Алессио Первого! Среди наших предков не было бандитов и незаконнорожденных!

— И все-таки, Сарагоса, почему ты их боишься? — спокойно произнес до'Веррада.

— Я уже сказал, ваша светлость...

— Да, что они обладают какой-то неизвестной, невидимой силой. — До'Веррада тяжело вздохнул. — А знаешь, я сегодня побывал в Галиерре. С сыном — хотел показать то, что ему, как моему наследнику, следует знать. Там было несколько детей. Из рода Грихальва. — Он помолчал секунду-другую. — Сарагоса, мне они показались самыми обычными детьми. Ничуть не хуже других. Даже, пожалуй, не хуже детей Серрано.

— Хуже! Хуже, ваша светлость!

До'Веррада недоуменно поднял бровь. «Серрано, где же твой почтительный тон?»

— Нет, в самом деле. Ты сказал правду: кое-кто из них — потомки бандитов, их прадеды — чи'патрос, отбитые у тза'абов. Но поглядишь на них — семья как семья. Дети, Сарагоса.

— Ваша светлость, я вам сказал, кто они.

— Нет. Ты сказал, кем их считаешь. И знаешь, Сарагоса, был момент, когда я едва не уступил. Всего на миг — один-единственный миг — стоя перед своей «Женитьбой», я поверил...

— Ваша светлость, вы должны мне верить...

— ...и тут вдруг подумал: а ведь если такое можно сказать о Грихальва, почему нельзя то же самое сказать и о Серрано?

— Ваша светлость!

Герцог улыбнулся.

— Ну хорошо. Допустим, за годы жизни моего прадеда, великого герцога Алессио Первого, ваша кровь осталась чиста. Но все-таки напрашивается вывод, что все твои обвинения не более чем дворцовая интрига. Напрашивается вывод, что юные Грихальва переросли твои посредственные картины, которые им приходится копировать. Напрашивается вывод, Сарагоса, что ты безумно боишься талантливых соперников и стремишься любой ценой очернить их, чтобы выходцы из семьи Грихальва никогда не становились на твоем пути, не питали надежду занять твое место.

— Ваша светлость, это место принадлежит моей семье без малого шестьдесят лет!

— А раньше его занимали Грихальва.

— Всего-навсего трое. — В голосе молодого придворного иллюстратора сквозило безмерное презрение. — И очень недолго.

— Да, трое. В промежутке между Серрано и Серрано. — До'Веррада улыбнулся. — Напрашивается вывод, что ты хочешь очернить тех, кто может быть достоин занимать твою должность. Что ж, я скажу так: изволь предъявить доказательства.

— Доказательства! Ваша светлость, но ведь мы и так знаем, что это правда!

— Кто знает, Сарагоса?

— Род Серрано, ваша светлость. Мы.

— В таком случае предъяви эти доказательства.

— Ваша светлость, Грихальва никогда не были художниками. Обыкновенные ремесленники, только и всего. Добывают на болотах краски для настоящих иллюстраторов.

— Это и есть улика? Твоя оценка их одаренности? Сарагоса, но ведь если так рассуждать, то можно заподозрить в колдовстве, в обладании темной силой и твоего отца, и твоего дядю, и даже тебя самого. До Серрано на этом посту побывали трое Грихальва и затем их сменили Серрано.

— Они испугались разоблачения, ваша светлость. Потому-то и вернулись к прежнему ремеслу.

— Уступив должность Верховного иллюстратора брату твоего деда? Почему же семья, обладающая, как ты твердишь, темной силой, добровольно оставила двор? Что-то я не вижу в этом логики.

— А разве Грихальва когда-нибудь славились умом?

Герцог хмуро посмотрел на художника. Какая пошлая, вульгарная хула! Этак и до площадной брани дойти недолго.

— Грихальва хоть и не дворянский род, но больше ста лет верой и правдой служат Тайра-Вирте и семье до'Веррада. Сарагоса, ты что, забыл Верро Грихальву? Он был из простонародья, но другого такого капитана история Тайра-Вирте не знает. Он бы навер-

2 Заказ 132

няка заслужил титул Марчайо Грандо, возглавил бы все наши войска, если б не погиб, защищая моего деда, герцога Ренайо. — Затем до'Веррада добавил громче, чтобы до Сарагосы лучше дошел смысл его слов: — Если б он не скончался на руках у Ренайо.

Серрано благоразумно промолчал.

До'Веррада вздохнул.

— Конечно, ты понимаешь, что без доказательств не может быть и речи об отмене охранной грамоты. При моем дворе и так хватает интриг и дрязг, в такой обстановке только глупец примет на веру беспочвенные слухи.

— Да, ваша светлость, — с явной неохотой вымолвил Серрано.

— Вот и выкладывай улики, Сарагоса. Предъяви доказательства, что Грихальва обладают темной силой, о которой ты говоришь. И если эти улики будут неопровержимы, я отменю указ моего деда. Грихальва, все до одного, покинут Мейа-Суэрту. Чтобы выжить, им придется в лучшем случае взяться за ремесло итинерарио, а в худшем — просить милостыню на дорогах герцогства. И в будущем никто из них не станет военным или торговцем и, уж конечно, не займет должность Верховного иллюстратора в Палассо Веррада.

Лицо Серрано окаменело. Он процедил сквозь зубы:

— Ваша светлость, не всегда легко добыть доказательства вины.

— В данном случае это необходимо. — До'Веррада улыбнулся, хотя ему было совсем невесело. — Возможно, еще до конца дня я обрету второго сына или дочь, и мне наскучила твоя тема. Надевайка новую шляпу с красивым фиолетовым пером — ах, Сарагоса, до чего ж оно красивое! — и ступай, ищи улики. И пока не найдешь, не смей заикаться при мне о Грихальва.

— Да, ваша светлость. — Сарагоса, белый как мел, повернулся на каблуках и направился к выходу. Но ему хватило благоразумия не надевать новую шляпу с красивым фиолетовым пером, пока он не исчез из поля зрения герцога.

— Мороино, — прошептал до'Веррада. — Если в ближайшем будущем кто-нибудь из Грихальва заменит тебя на посту Верховного иллюстратора, это будет наполовину твоей заслугой.

У Сааведры заныло под ложечкой. Так нельзя, нельзя! Не имеет она права смотреть Чиеву до'Сангва. Это заказано всем, кроме иллюстраторов, кроме Одаренных мужчин, и хотя она не сомневается, что однажды и Сарио будет принят в их ряды, он пока еще только мальчик и не Признан, а она — только женщина.

«Нас очень сурово накажут».

— А вдруг нас тут застанут? — прошептала она. — Меня выпорют, а тебя... Сарио, а вдруг они не признают твой Дар?

— Не посмеют, — прошептал он в ответ. — Мой Дар слишком велик, слишком ярок. Я им нужен.

Он так уверен в своем будущем... А она в своем — нет. Ее будущее (как и любой женщины в ее семье) — множить

число Грихальва. Рожать детей и надеяться, что кто-нибудь из сыновей окажется Одаренным, как Сарио.

Сааведра содрогнулась и почувствовала, что у нее пересохло во рту. Теснота была жуткая, но ей все-таки удалось коснуться губ и сердца.

— Матра эй Филько, храни нас обоих...

— Бассда! — свирепо цыкнул Сарио. — Уходи, если ты моронна несчастная. А я не пропущу из-за тебя такое зрелище.

Она должна уйти... Должна, но знает, что не сможет. И, конечно, жестоко за это поплатится. А всему виной его настойчивость... И вдруг любопытство — противоестественное, страшное в самый миг своего зарождения — приковало Сааведру к холодному полу.

Она прижалась скулой к кирпичу и через щель увидела среднюю часть просторной комнаты — кречетты, как назвал ее Сарио. Щель была недостаточно широка, чтобы видеть еще две стены. Ни окон, ни ламп, только одинокая сальная свеча на высоком подсвечнике из кованого железа. В ее сиянии были видны мольберт с картиной, прикрытой парчой, и грубый деревянный стул.

— Пейнтраддо Чиева... — прошептал Сарио, прижимаясь виском к виску Сааведры.

— Что это? Что?

— Испытательная работа на звание мастера. Автопортрет. Мне тоже придется написать Пейнтраддо Чиеву, чтобы приняли в иллюстраторы. Все Одаренные через это проходят. — Когда он выдыхал, над полом вздымалась пыль. — Да, это наверняка Пейнтраддо Чиева!

Привилегия мужчин. И мальчиков. Шепот Сарио пробудил в душе Сааведры чувство одиночества и собственной никчемности. Поневоле закралась мысль, что вся эта таинственность, вся эта недосказанность нужна лишь для того, чтобы ее жестоко унизить. Дескать, тебе не откроется то, что откроется мне, а посему знай свое место. Так он поступал с другими, но с ней — никогда.

Комната без окон, единственная свеча на чугунном подсвечнике, мольберт с занавешенной картиной и одинокий стул. Холодно. Аскетично. Пусто. Странная комната.

И тут в нее вошли люди.

Сааведра знала их по именам. Все — Одаренные. Старшие иллюстраторы (Вьехос Фратос на жаргоне семьи Грихальва) носили Чиевы до'Орро на шее или поясе, подобно тому как санктас и санктос носили шнурки со священными ключами и замками — знаками сана, символами благочестия и преданности соответственно Матери и Сыну.

Но Ключи Грихальва означали нечто иное.

Затаив дыхание, она опять коснулась пальцами губ и сердца.

А люди в комнате повторили ее жесты.

У нее душа ушла в пятки: неужели ее заметили? Неужели подражают ей в насмешку? И тут же поняла: конечно, не заметили, они всего лишь готовятся к процедуре, которая,

естественно, будет посвящена Матери и Сыну, ибо в Тайра-Вирте все происходит Во Имя Их Святости.

«Даже кощунства?»

— Матра Дольча, — прошептала она не дыша.

«Откуда взялась эта мысль?»

— Милая Матерь, прости меня...

— Ведра! Бассда!

— Сам бассда, кабесса мердитта.

«Дерьмовая голова». Крепкое ругательство, похлеще «мозгов с горошину».

— Знаешь, что они затевают?

Сарио улыбнулся.

— Кажется, да.

«Матра Дольча, Пресвятая Матра эй Фильхо...»

— Да! — выдохнул в темноте Сарио. — Да...

Сааведра закрыла глаза.

— Кого-то ведут... фильхо до'канна! Томас!

— Томас? — Сааведра распахнула глаза и пропустила мимо ушей вульгарное восклицание. — Что с ним сделают?

— Кое-что сделают.

— Что? — Она придвинулась ближе к щели, больно ткнулась носом в стену. — Что сейчас будет?

— Чиева до'Сангва!

«Кровавый Ключ».

Это казалось нелепым. Она знала только Золотой Ключ, Чиеву до'Орро семьи Грихальва. А еще — ключи и замки, символы орденов санктос и санктас. И только один раз слышала о Кровавом Ключе — мальчишки возбужденно шептались о наказаниях и какой-то «священной каре для ослушников», а Сааведра случайно оказалась рядом.

— Что? Сарио, что?..

В комнате под нею один из старших иллюстраторов молча подошел к мольберту и откинул парчу. Сарио не ошибся — на картине был изображен Томас Грихальва. Портрет и впрямь оказался мастерским — со своей высоты Сааведра могла судить о качестве работы, хоть и невозможно было разглядеть детали. Но живой Томас в эту минуту не походил на свое изображение. На холсте он был лет на пять моложе, пятнадцатилетний.

«Через два года он пройдет конфирматтио и будет признан Одаренным...»

Сарио говорил, что и ему придется написать автопортрет. Пейнтраддо Чиеву.

— Сарио...

— Неоссо Иррадо, — прошептал он. — Гневный Мальчик... Точь-в-точь как я.

Томаса всегда считали хвастуном и пустомелей, кто бы мог подумать, что он способен написать такую картину?

— Неоссо Иррадо.

— Так это — наказание, да? За дерзость?

«Священная кара для ослушников», как сказал тот мальчишка

— Но почему? Что он сделал плохого? И что сделают с ним?

Нервным взмахом ладони Сарио откинул с глаз нечесаную каштановую челку.

— Бассда, Ведра. Подожди, сама увидишь.

Она подождала. И увидела. И ее вырвало на пол.

2

Сарио отпрянул столь поспешно, что ударился затылком о косой потолок. Он еще ни разу в жизни не испытывал такого омерзения.

— Матра Дольча! Ведра!

Но она не слышала его возмущенного шепота, не осознавала его ужаса и отвращения — ничего не осознавала, кроме своей обморочной слабости. Ее корчило, руки и ноги дрожали, рот судорожно хватал воздух, горло обволокла кислятина. Спутанные пряди волос рассыпались по лицу.

Нельзя было задерживаться в этой комнате. Сарио не осмелился закричать на Сааведру или как-нибудь иначе выразить свое недовольство — иначе внизу, в кречетте, их бы услышали, и тогда наказания не миновать. Такое унижение ему бы никогда не удалось стереть из памяти, проживи он хоть целую вечность.

Поэтому он сжал губы, преградив путь лавине язвительных упреков, и потянул Сааведру за холщовую блузу.

— Ведра, вставай! Вставай, надо уходить!

Она подчинилась. Кое-как поднялась на ноги, хотя горло все еще не отпускали спазмы. Прижала ко рту ладони — наружу рвалась очередная порция блевотины.

В тесной комнатушке нестерпимо воняло. Сарио вновь схватил Сааведру за блузу и потянул вниз по лестнице. Он хорошо знал эту лестницу, лучше, чем Сааведра. Без него, наверное, она бы заплутала в этом лабиринте.

— Наружу! — прошипел он. — Надо выйти наружу. Если они тебя слышали...

Может, слышали, а может, и нет. Выяснять не хотелось — огромный риск, если принять во внимание только что увиденное...

Вниз, вниз, вниз. Дважды отсчитав по четырнадцать ступенек, Сарио клацнул щеколдой, приотворил дверь с лепниной, высунул голову в коридор и вновь дернул Сааведру за блузу.

— Ведра, пошли. Надо скорее на улицу.

— Сарио, хватит меня теребить! — Она рывком высвободила блузу, задрала ее и яростно вытерла лицо — будто хотела стереть саму память о приступе слабости.

«Уж теперь-то Сарио не схватит меня за блузу».

— Ведра, поспеши!

Наружу. Через чулан с узорчатой занавеской, по длинному извилистому коридору. Подальше от центральных комнат. Подальше от тех людей. Через дверь, которую Сарио торопливо отпер непослушными пальцами и с шумным вздохом облегчения распахнул.

Нахлынул свет. Щурясь и шатаясь, как марионетки в руках пьяного кукловода, они выбрались в переулок на самом краю квартала. В конце булыжной мостовой, которая сужалась к центру квартала, сходились две мелкие канавы для стока дождевой воды и отбросов. Но сейчас дождя не было, стоял погожий день, ослепительное солнечное сияние затекало в свежие раны их душ, неумолимо высвечивая правду о Чиеве до'Сангва, — о том, как он выглядит, о том, как происходит...

И вдруг забили колокола.

В чистых лучах летнего солнца лицо Сааведры было белым, как свеча в изголовье покойника. Побелели даже губы — она их сжимала так, словно боялась, что ее снова вырвет.

Чувство омерзения не отпускало Сарио, но жалкий вид Сааведры навел на благую мысль.

— Фонтан, — торопливо сказал он. — Пошли, Ведра, тебе надо умыться.

Он повел ее к фонтану рядом с Палассо Грихальва, самому большому фонтану на сокало в квартале художников, которые, так же как Сарио и Сааведра, жили тем, что продавали свои творения. Жара почти всех загнала под крышу — попивать охлажденные фруктовые напитки или предаваться сладостной дремоте, — но теперь колокольный звон манил к дверям.

Сааведра перегнулась через каменный парапет, зачерпнула воды обеими руками и плеснула в лицо. Блуза тотчас намокла на груди и животе, но уж лучше вода, подумал Сарио, чем содержимое слабого желудка.

Гул, плывущий над городом, заставил его нахмуриться. Столько колоколов... Бьют на Катедраль Имагос Брийантос, на каждой екклезии и санктии. Но это праздничный перезвон, а не погребальный.

Сааведра покрепче уцепилась за парапет и вновь перегнулась. Потные спутанные локоны ниспадали каскадом, окунались в воду. Мощные струи фонтана — сама Матра с простертыми руками исторгала их со своего возвышения — разбивались в водяную пыль, и она оседала на черных вьющихся волосах Сааведры.

В душе Сарио что-то шевельнулось. Они так похожи и при этом такие разные. У обоих течет в жилах южная кровь. У Сааведры не такая смуглая кожа, как у него, и глаза не омрачены тза'абской смолью, а ясны и прозрачны, как влага фонтана. А Сарио похож на разбойников из пустыни, хотя у его кожи иной оттенок, чем у оливковокожих Грихальва.

Он видел, как напряжены ее плечевые мышцы, как побелели суставы пальцев, сжимающих парапет, словно она боялась упасть и утонуть.

— Матра эй Фильхо, — прошептала она. — Именами Вашими Святыми молю, избавьте его от мук...

— Ведра!

— Спасите от того, что с ним делают...

— Ведра!

— Пресвятая Матерь, Всемилостивейший Сын, пусть он познает не боль, а покой...

— Ведра, да прекрати же! Заладила, прямо как санкта! Ни словечка без Матры эй Фильхо.

Одну руку она оторвала от парапета, дрожащие пальцы коснулись губ и сердца.

— Молю, смилуйтесь над ним...

— Я сейчас уйду!

Сааведра оглянулась. Ни разу еще Сарио не видел такого выражения на ее лице: страх, смятение, дурнота и вдобавок злость.

— Ну и уходи, — сказала она хрипло. — Топай, Неоссо Иррадо, а потом загляни себе в башку и увидишь, что было с Томасом. Думаешь, это так просто забудется?

Не просто. Но Сарио не так слаб и мягкосердечен, как она, ведь он мальчик. Он вынесет. Он видел то, что позволено видеть всем мужчинам, и он — Одаренный. Когда придет время (если придет) очередной Чиевы до'Сангва, он окажется не соглядатаем в чулане, а одним из Вьехос Фратос в кречетте.

«А я не хочу, чтобы это забылось. Хочу увидеть снова».

Как ни крути, для него это единственный способ понять, постигнуть случившееся в кречетте. «Во что бы то ни стало разберись», — требовала голодная любознательность.

— Магия, — прошептал Сарио. — Ведра, это была магия.

Ведра отвернулась, к горлу снова подступил мерзкий ком. Она откинула с лица мокрые волосы, одернула блузу и обвела взглядом площадь.

— Колокола. — Лицо ее прояснилось, голос окреп. — Они так звонят после удачных родов... У герцогини малютка.

Для Сарио это не имело ровным счетом никакого значения. Такие пустяки, как дети герцогов, его не интересовали. Вот только...

— Мердитто! Герцог закажет этому фильхо до'канна, Сарагосе Серрано, «Рождение»... Матра Дольча, этот маляр навяжет Галиерре еще одну никчемную поделку, а все копии придется писать Грихальва, которым он и в подметки не годится! — Он побагровел от злости.

— Ничего, вот станешь Верховным иллюстратором, тогда и позаботишься о том, чтобы Галиерра восхваляла только твои шедевры.

Это было оскорбление, возмездие за несносный характер — Сарио опять ее рассердил. Но он не заметил издевки.

— Да, я буду Верховным иллюстратором. И буду писать шедевры. А бездарям Серрано придется копировать мои работы.

— Эх, Сарио...

— Как я сказал, так и будет!

Новые раскаты колокольного звона почти заглушили звуки его голоса.

— Сарагосе Серрано пора считать оставшиеся денечки. Попомни мои слова, Сааведра: очень скоро я займу его место.

За кратчайший отрезок времени между рассветом и полуднем Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада из единственного сына превратился в старшего брата. На этот раз он был способен вполне осознать и перемену, и ее последствия — в отличие от прежних родов, когда он, совсем малютка, знал только, что мама запирается и кричит, а отец, который обычно проводит много времени с семьей, вдруг ни с того ни с сего покидает ее и уезжает в Каса-Варру, свой загородный особняк.

Конечно, такое могло случиться и на этот раз. Лишь тем из новорожденных гарантирована жизнь, кого должным образом благословили Матра эй Фильхо. Если не снискать их милость, не будет и благословения, не будет и жизни. Иными словами, лишь тот, кому мирволят Пресвятая Матра эй Фильхо, может стать гражданином Тайра-Вирте, а посему смерть отверженного надлежит считать благом.

Во всяком случае, так утверждали санктос и санктас, эхом вторя своим иерархам. Если верить обрывочным слухам, Премиа Санкта и Премио Санкто соглашались друг с другом далеко не всегда, но в этом вопросе были едины: мертворожденные или умершие после родов младенцы не стоят оплакивания.

...Вот и теперь мать лежит взаперти, и никто ее не слышит, кроме фрейлин, а отец уехал из города, и Алехандро в Палассо Веррада предоставлен самому себе. Но на этот раз он одинок не из-за смерти ребенка, а вследствие его благополучного рождения; сегодня родителям не до первенца. Поэтому он предался размышлениям о своем положении в мире, а также о том, что происходит, когда умирает ребенок. Две младшие сестры умерли и похоронены рядом с остальными покойными до'Веррада... Но ведь если они умерли, значит, такова воля Матры эй Фильхо. Разве следует детей, не сподобившихся их милости, погребать в фамильных усыпальницах и резьбой по мрамору отмечать краткий миг их присутствия в этом мире?

Мальчику это казалось бессмыслицей. Что случается, когда умирают взрослые? Судя по всему, в течение жизни они пользуются святым благословением, иначе бы умирали младенцами. Когда они наконец покидают этот свет, их оплакивают, отдают им последние почести — иногда это выглядит довольно интересно. Неужели Матра эй Фильхо по какой-то своей тайной, но естественной причине забирают благословение, дарованное при появлении на свет? Не потому ли умирают взрослые?

Никто в Палассо не снисходил до ответов на эти вопросы. Слуги нервничали, краснели и убегали. Придворные, те, кого ему удавалось найти, не могли ничего объяснить. А может, и не

хотели. Некоторые из них совстовали — вежливо, разумеется, — поговорить с няней.

Но сейчас няня сидела с новорожденной, и Алехандро было запрещено входить в покои матери. Поэтому он в конце концов забрел на кухню, где кипели приготовления к торжеству Первого Дня — Премиа Диа, так как родилась девочка. Ему дали миску и ложку — выскребать и облизывать — и почтительно отвели в уголок, дабы он играл там в герцога кухонной страны и не путался под ногами.

Вот тогда-то будущему наследнику Бальтрана до'Веррада и объяснили, что в мире не все равны, что некоторых любят больше, чем других, что он и его род лучше всех остальных в целом герцогстве.

Потому что, сказали ему, так устроен мир.

Казалось, повара и поварята только рады поболтать с ним о том, что такое смерть и что такое жизнь, и как Матра эй Фильхо, да святятся Их Имена, отличают новорожденных до'Веррада от детей кампонессос — крестьян, дворян от торговцев, чистокровных тайравиртцев от тза'абских полукровок — чи'патрос, простых санктас и санктос от Премиа Санкты и Премио Санкто и даже ничтожнейших инитиатас и инитиатос, только-только допущенных к обрядам, — ничтожнейших, но все-таки более достойных, чем простонародье, ибо они служат Матре эй Фильхо.

А самые достойные в герцогстве, разумеется, до'Веррада... Это утверждение спровоцировало жаркий спор мясника и пекаря: кто важнее, на взгляд Матры эй Фильхо — его светлость, правящий целым герцогством, или благочестивые Премиа Санкта и Премио Санкто, которые распоряжаются Святой екклезией, что главенствует над мириадом меньших санктий и молелен, рассеянных по городу и стране?

Наконец философская риторика, обильно сдобренная грубоватым уличным жаргоном, надоела Алехандро. Он поднялся на ноги, опустил на стул подчищенную миску и с мрачным выражением лица вышел из кухни. В тот день родилась не только его сестра, пока еще безымянная; родилась уверенность, что фамилия до'Веррада — его фамилия — неразрывно связана с властью.

Он — Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада. Наступит день, когда любой человек в Тайра-Вирте (а может, и Премио Санкто с Премиа Санктой) будет обязан исполнять его просьбы или приказы. Наступит день, когда Алехандро — по праву рождения и с благословения Матери и Сына — сможет изменить облик мира как сму заблагорассудится.

Алехандро хихикнул. Да, он сможет изменить все что захочет, вплоть до такого пустяка, как цвет и аромат его любимых конфет. Сегодня к столу подадут шоколадные, очень темные, почти черные.

За стенами дворца колокола екклезий и санктий возглашали здравицу в честь малышки до'Веррада. А в одном из его покоев десятилетний наследник тешился новообретенным открытием: он не такой и никогда не будет таким, как все.

* * *

В промежутке между закатом и рассветом Сааведра не спала. Так и не удалось заснуть с того момента, когда она легла на кровать в крошечной ученической келье. Мышцы конечностей и живота превратились в тугие узлы, и напрасно она умоляла свой измученный мозг расслабиться, не бояться, забыть, не видеть злобящих красок, расплывающихся на палитре ее воображения.

Томас.

Чиева до'Сангва.

И зачарованный, восхищенный Сарио.

Неоссо Иррадо — так Сарио называл Томаса. И себя. И это правда. Она знала, что Томас — вспыльчивый юноша, слишком взрослый, чтобы называть его мальчиком, но слишком молодой, чтобы величать его мастером. Томас Одарен, причем гораздо щедрее других, даже других Грихальва. Его артистичной натуре свойственны драматические выплески энергии и постоянная критика некоторых традиций семьи. И такое огромное, такое стойкое неприятие тесного для его Луса до'Орро мирка Палассо Грихальва, что однажды, быть может, он покинет эти стены, и яркое солнце Тайра-Вирте явит всем талант, намного превосходящий более чем скромные способности выскочек Серрано и многих других, коим хватает дерзости называть себя художниками.

«Совсем как Сарио».

Томас Грихальва, ты получил от жизни так много... А теперь — еще и Чиеву до'Сангва.

В эти часы — после открытия, что слух о «священной каре для ослушников» вовсе не слух, — ее тошнило при мысли, что она — Грихальва. Имущество семьи. Предмет для ее шуток. Для ее откровений. Для ее талантов. И для ее Одаренных.

Дар. Им не обладает ни одна женщина. Ни одной женщине не доступны многие знания. Ни одной женщине не дозволено видеть таинства Одаренных, Вьехос Фратос. Раньше это возмущало, но теперь казалось благом. Женщины Грихальва слепы, им бы только вышивать и рожать детей. Отказавшись от Дара, они не обрели никакой власти, кроме власти домашних хозяек. Им не нужна магия. Им не нужна истина.

До этой ночи Сааведра считала, что невинность — чрезмерно захваленное качество, на самом деле она лишает женщин равных прав с мужчинами. А сейчас она понимала, что свою невинность утратила навсегда.

Она непрестанно ворочалась под летним одеялом. Постельное белье, как и ночная рубашка, пропиталось потом. Глаза слипались, но сон не шел. В конце концов она встала и приблизилась к окну, выходящему на освещенный звездами двор, — один из внутренних дворов Палассо Грихальва. На столике у окна стояли кувшин и таз. Вода в кувшине предназначалась для мытья. Сааведра налила воды в таз, зачерпнула обеими руками и выпила. За-

тем опрокинула таз над головой. Вода потекла по подбородку, шее, созревающей груди, плавному изгибу живота и бедер.

Ей двенадцать. Еще горстка лет, и она выйдет замуж, зачнет ребенка. А до той поры ни разу не уснет, не увидев мысленно того, что случилось с Томасом Грихальвой, Неоссо Иррадо.

— Пресвятая Матерь с Сыном, — прошептала она, — пусть Сарио будет не таким гневным, как Томас.

И не таким глупым.

Сарио надел темную блузу, мешковатые штаны и мягкие войлочные шлепанцы и вышел из своей крошечной мастерской в коридор. При нем были свеча, трут и кресало, но он не спешил зажигать огонь. Все лежало в объемистом кармане блузы, привычном к угольками, кусочкам засохшей камеди и порошковым красителям.

Он возвращался к узкому чулану над кречеттой. Оставил позади коридоры и чулан с узорчатой занавеской; поднялся по ступенькам к двери с ленниной. Там остановился, затеплил свечу и потянулся к щеколде.

Надо было выяснить, знают ли они, что Сарио с Сааведрой побывали в тесном, темном чулане с косым потолком. Если на полу остались следы ее рвоты — значит, бояться нечего, если смыты — значит, они обнаружены. Вьехос Фратос обязательно будут искать — причем тайно — тех, кто во время Чиевы до'Сангва побывал в комнате над кречеттой.

Он решил сам убрать Сааведрину грязь, хотя, если по совести, следовало бы ей поручить это неприятное дело. Но нельзя: как ни крути, он сам ее туда затащил. Откуда ему было знать, что у нее такой слабый желудок? Ладно, как-нибудь справится. Главное — выяснить, знают ли муалимы. И если не знают, то Сарио позаботится, чтобы никогда не узнали.

Сарио поднял щеколду и отворил дверь. В такой тесноте даже оплывшего воскового огарка с почти истлевшим фитилем хватило, чтобы осветить два узких марша по четырнадцать ступенек. Дымок зазмеился вверх, к чулану с косым потолком.

Там кто-то двигался.

Сарио обмер.

«Знают! Уже нашли!»

Снова движение. И голос — сорванный, плаксивый:

— Кто это? Тут есть кто-нибудь?

Шуршание.

— Умоляю, помоги... Именем Пресвятой Матери, помоги мне!

Сарио затаил дыхание.

«Матра Дольча! Нас разоблачили!»

Нет. Конечно же, нет. Разве тогда стали бы просить о помощи? Если только это не западня...

Руки дрожали так сильно, что едва не погасла свеча. Он чудовищным напряжением воли подавил дрожь и потянулся к щеколде.

«Если мы разоблачены...»

И тут в сумраке наверху зашевелился человек. Он сидел, съежившись, в остром углу между потолком и полом чулана, над самой лестницей.

Сарио, впервые в жизни от страха лишившийся дара речи, смотрел на него, раскрыв рот.

— Ты пришел мне помочь?

Человек упирался в стену и косой потолок тем, что еще совсем недавно было умелыми, трудолюбивыми пальцами. Сейчас их так скрючило болью, они так распухли и побагровели, что напоминали клешни вареного омара. Блеснула золотая цепь на камзоле. Раньше этот человек был горд и самовлюблен, нянчился со своим тщеславием.

— Где ты?

Свет огарка проникал всюду, кроме самых дальних углов. И все-таки человек спрашивал Сарио, где он.

«Здесь».

На самом деле Сарио этого не сказал. Только судорожно, мучительно сглотнул и зачарованно уставился в мутные бельма.

Тело было юным — и плоть, и кости, и волосы, и черты лица. Перед Сарио сидел не кто иной, как Томас Грихальва — красавец, талантливый художник. Даже Одаренный. Но — Неоссо Иррадо.

«Подвергнутый наказанию...»

Сарио понял все. Вот что это такое. Самое страшное наказание, которому можно подвергнуть Одаренного Грихальву: «священная кара для ослушников».

— Ты больше никогда не сможешь писать.

Вслед за сиянием свечи эхо голоса Сарио проникало в закоулки чулана.

Томас содрогнулся.

— Кто там? Ты кто? Что тебе надо? Пришел поиздеваться? Это часть кары, да?

Он потерял равновесие и в поисках опоры замахал изувеченными руками.

— Кабесса мердита! Кто ты?

Сарио не удержался от смеха.

— Неоссо Иррадо, Томас... Такой же, как ты. — И тут возникла иррациональная мысль и тотчас выскочила наружу, как злая дворняга из конуры: — Но я умнее тебя... — По лестнице снова взбежал его первый смешок. — Поэтому меня никогда не разоблачат.

— Фильхо до'канна, кто ты?

Мятежные мысли оттеснили страх и изумление. Муалимы его не ценят, не признают его способностей. Видят в нем не талант, а юность, а если и разглядят огонь, сделают все возможное, чтобы погасить. Ради своих устоев, ради власти будут внушать Сарио, что он бездарен. Но они просчитались. Над лестницей скорчился не просто молящий о помощи слепец с изувеченными руками, а ошибка наставников, старших иллюстраторов, Вьехос

Фратос, — им, ослепленным традициями, не хватает ума, чтобы увидеть талант Сарио.

«Они меня боятся... Сделают со мной то же, что и с Томасом...»

Страх. Да. Чем еще можно объяснить надругательство над чужим талантом? В блестящем и непокорном уме осталась Луса до'Орро, но Томас уже никогда не поделится ею с миром.

Кара для ослушников. Воплощенное глумление над всем, что боготворят Грихальва. А ведь их божество гораздо взыскательнее, чем Святая Матерь с Ее Сыном!

Дар. Золотой Ключ — Чиева до'Орро. И его применение.

Сарио медленно выдохнул. Жестокое, беспощадное разглядывание привело к тому, что страх и изумление сменились странной похотью — вовсе не той, что жгла его юные чресла.

— Томас, как это было? Да, я видел, как они это делали, как уродовали Пейнтраддо Чиеву и порча переходила на тебя. Но как они этого добились? Как действует это колдовство?

Томас съежился в комок.

— Фильхо до'канна. — Он всхлипнул. — Тебя подослали!

— Ошибаешься. — Сарио затворил дверь и клацнул щеколдой. — Это правда, клянусь, никто меня не подсылал. Я пришел кое-что узнать, но узнал больше, чем надеялся.

Затрепетал огонек свечи, но Томас не заметил — не мог замстить.

— Томас, я Одаренный, как и ты... был. И я хочу знать, как это происходит. Я должен знать. Меня называют слишком маленьким — меннино моронно — но во мне не унимается голод.

«И какой голод, о Матра Дольча!»

— Я должен узнать. Сейчас. Иначе не успею приготовиться.

«Я не хочу, чтобы со мной сделали то же, что с тобой».

Пауза затянулась. Наконец Томас выпалил:

— Я не могу ничего сказать.

«Ну уж нет, у меня не отвертишься, я-то знаю тайну, я видел своими глазами».

— Да? А почему? Ты хранишь им верность после того, что они с тобой сделали?

Над лестницей громко раздавалось неровное дыхание Томаса.

— Ты не вправе знать, пока не пройдешь конфирматтио.

— Это начинается с Пейнтраддо Чиевы, — настойчиво сказал Сарио. — Правда? С автопортрета, совершенного во всем... И порчу на тебя навел их Дар. Да, Томас? Почему ты до сих пор им верен?

Тишину нарушало только прерывистое дыхание. И вдруг Томас глухо произнес:

— Они меня не отпустят. Мне больше незачем жить, но они меня не отпустят.

— Нсоссо Иррадо, — очень тихо промолвил Сарио, — открой мне твою истину.

Томас истерически расхохотался.

— Мою истину? Разве не видишь, во что меня превратила эта истина?

Сарио подумал, нервно кусая верхнюю губу, а затем открыл свою личную истину, которую знала только Сааведра.

— Я читал Фолио.

— Ну и что? Мы все читаем Фолио.

— Я забежал вперед.

— Что?! — возмутился Томас. — Но ведь это запрещено!

— Как и то, что сделал ты. И все равно ты это сделал. Вот почему ты здесь.

Это утверждение побудило Томаса выкрикнуть едва разборчиво:

— Когда придут, я скажу, что здесь был ты!

Сарио едва не цыкнул на него, как на Сааведру. Но сдержался, а затем высказал истину, которую даже Томас не мог отрицать:

— Мы, Грихальва, живем так мало... Век любого из нас — неделя по сравнению с жизнью других. Вчера тебе было пятнадцать или двадцать лет, а сегодня костная лихорадка скрючила твои руки и бельма закрыли от тебя белый свет... И больше впереди нет ничего. Ни единого года. — Помолчав несколько мгновений, он твердо произнес: — Томас, расскажи, и я сделаю все, о чем ты попросишь.

— Милосердия! Вот чего я прошу. Чтобы ты отпустил меня из этого кошмара к милосердной Матре. — На лицо Томаса, осененное светом и тенью, легли тона мучительного знания и безысходной тоски, превратив черты красивого молодого человека, коим он был считанные часы назад, в жуткую маску.

— Хорошо. Я расскажу. А после этого ты меня убьешь.

До сих пор тяга Сарио к осознанию своего таланта и способностей не подводила его к таким темам, как эта. От одной лишь мысли, что ему придется лишить человека жизни, он оцепенел.

— Но ты не говорил «убей»! Ты сказал «отпусти»...

Снова по лестнице скатился визгливый смех.

— Да ты совсем еще ребенок! Не знаешь даже, что такое смерть!

Уязвленный Сарио не замешкался с ответом.

— Я знаю, что такое смерть! Три года назад у меня мать с отцом умерли от летней лихорадки.

— И с тех пор тебя воспитывают муалимы? Эйха, коли так, я прошу прощения. — Томас тяжко вздохнул. — У меня это началось, как у любого Одаренного Грихальвы, как и у тебя однажды начнется: с Пейнтраддо Чиевы. И вот как заканчивается... Уничтожь ее, меннино моронно, друг мой Неоссо Иррадо, и я буду свободен.

— Эн верро?

— Да, — ответил Томас с горьким смешком. — Эн верро. Клянусь моей душой.

Матра Дольча! Вот, значит, какова главная из настоящих истин. Вот какова испепеляющая Луса до'Орро Дара Грихальва.

Сарио вздохнул, дрожа от нетерпения.

— Расскажи!

3

— Значит, я тебе больше не нужна, — произнесла женщина. — Теперь что, бросишь меня?

Мужчина улыбнулся.

— Никогда!

— У тебя есть сын. У тебя есть дочь.

— Законнорожденные дети — это одно, а женщина, которая дарит мне радость, — совсем другое, пусть даже наши отношения не одобрены екклезией.

Он с наслаждением вытянулся рядом с ней на широкой кровати под балдахином — вот уже два года она служила им полем для любовных баталий.

— Матра Дольча, но я все-таки счастлив. Мне сказали, девочка здорова и чувствует себя отменно. На этот раз Матра эй Фильхо нас благословили.

— Нас?

Казалось, он сбросил лет десять. Особенно помолодел позвоночник, хоть и хрустел угрожающе.

— Тайра-Вирте. Меня. Герцогиню. И тебя, вива мейа. Ты же со мной, значит, благословение касается и тебя.

Наступила тишина. Женщина лежала, свернувшись калачиком. Молчание было не в ее натуре. Если она молчала, это почти всегда означало недовольство.

Он оперся на локоть. Она лежала к нему спиной. Он залюбовался плавным изгибом ее позвоночника, проступающего под нежной кожей.

«Такая юная, намного моложе меня».

Он ласково провел пальцами по позвонкам от шеи до талии, праздно считая: «Премо... дуо... трео...»

— В чем дело? Или я не развеял твои опасения?

Она изящно пожала плечом — дорогая ароматная гхийасская пудра, чуть смягчавшая жемчужный лоск кожи, стерлась в жарком и сладостном поединке. Одеяло свалилось на пол; наготу женщины лишь отчасти скрывал роскошный занавес каштановых волос и край шелковой простыни на бедрах.

— Вива мейа, в чем дело? Неужели тебе еще нужны доказательства моей привязанности? Моей верности? — Он тяжело вздохнул, рука безвольно упала на простыню. — Разве ты не получила дарственную на эту усадьбу? Ты богата и знатна, и твоя будущность обеспечена. Чего еще можно желать?

Простыни зашуршали — она поворачивалась к нему лицом. Вьющиеся локоны, восхитительно влажные после любовных утех, закрутились колечками над высоким лбом.

— Надежного будущего для моей семьи.

Он рассмеялся — и смолк, увидев, что она даже не улыбнулась.

— Твой брат — Верховный иллюстратор в Палассо Веррада. Многие твои родственники — придворные. В моей постели ты бываешь чаще, чем герцогиня. Гитанна, какие еще нужны гарантии?

— Всего одна, Бальтран. Пустяковая.

Он не устоял перед искушением дотронуться до нее, до принадлежащей ему — и только ему — упругой груди, колыхнувшейся под его ладонью.

— Так назови ее.

Ее уста, от поцелуев красные как маков цвет, были вполне откровенны:

— Лиши Грихальва охранной грамоты.

Он обмер.

— Бальтран, разве я прошу слишком много? Грихальва — злые колдуны! Они мечтают сместить моих родственников со всех важных постов!

— Гитанна...

— И при первом же удобном случае обязательно заменят меня какой-нибудь из своих девок — чи'патрос...

— Гитанна!

— Бальтран, если их не остановить, они погубят и тебя, и твою семью и приберут к рукам все герцогство!

Он отстранился — и от ее тела, и от обольщения, и от женской тактики. Слугам было строжайше запрещено входить в спальню, а самостоятельно он не мог одеться как следует, — но все-таки принялся одеваться. Натянул свободную батистовую рубашку, просунул руки в складчатые манжеты, повесил на шею, не завязывая, кружевной воротник; наконец пришел черед кожаных туфель на тонкой подошве, с полированными бронзовыми накладками на носках и пятках. До камзола со сложным символическим узором и витым позументом он не дотронулся.

— Бальтран!

Он повернулся к ней, взялся длинными пальцами за резной столбик балдахина и наклонился. На указательном пальце блестело герцогское кольцо, точно капля свежей крови в снопе полуденных лучей, проникающем через приотворенные ставни.

— Гитанна, я не буду тебя за это осуждать... по крайней мере тебя одну. Ты — орудие в руках твоих родственников. Они уже просили меня лишить род Грихальва охранной грамоты, я отказал, и вот они решили испробовать другой способ. Эйха, я полагаю, нельзя их за это винить, они верят в то, о чем говорят. Но в постели мне не нужны интриги, которые раздирают на части двор. Запомни, вива мейа: наши отношения не должны иметь ничего общего с политикой и Грихальва.

Она побледнела до свечения кожи.

— Но ведь нас с тобой свела политика! Помнишь, Бальтран, как мы встретились? Мой брат привел меня во дворец ради тебя...

— Ради любого богатого и влиятельного мужчины, беззащитного перед твоими чарами и полезного роду Серрано.

Увы, этим простаком оказался герцог. — Пальцы, полускрытые складчатыми манжетами, крепче сжали столбик. — Гитанна, ты плохо представляешь себе то, о чем просишь. Ты ничего не знаешь о Грихальва.

— Я знаю, что среди них полным-полно тза'абских полукровок! Ты сам хоть догадываешься, в жилах скольких Грихальва сегодня течет кровь тех незаконнорожденных, чи'патрос? И откуда у тебя уверенность, что они не внемлют зову этой крови, не вынашивают замыслов возмездия за поражение на Рио Сангва?

— Они — Грихальва. — Герцог был непоколебим. — Все до одного. Их несчастных предков — напоминаю, в тех обстоятельствах у них не было выбора — приняла такими как есть сама герцогиня Хесминия, да благословят Матра эй Фильхо ее милосердие. — Пальцы коснулись губ и сердца. — И в семье до'Веррада никто и никогда не пойдет наперекор ее воле.

— Но ведь с тех пор прошло больше ста лет! — воскликнула Гитанна. — Бальтран, она давно умерла! И разве стала бы она спорить, что кровь ее семьи гораздо ценнее крови Грихальва или тза'абских бандитов?

— Кровь Грихальва, пролитая в той битве, — кстати, не случайно появилось название Река Крови, — это одна из причин, благодаря которой я — герцог, — спокойно промолвил он. — Гитанна, ты забыла историю.

— Бальтран, я помню историю! — Она села прямо, скомкав простыню, чтобы прикрыть источник недавнего блаженства герцога. — Конечно, да будет благословенно имя милосердной герцогини Хесминии, которая заступилась за тех обесчещенных женщин Грихальва и приютила грязных ублюдков. Но подумай сам, чем это нам грозит сегодня? Точно змеи, Грихальва пригрелись в самом сердце Тайра-Вирте — в Мейа-Суэрте. Если тза'абские бандиты решатся на вторжение, они найдут сообщников в столице!

— Тза'абы как единая сила полностью уничтожены на Рио Сангва, — терпеливо сказал он. Тема была для него не нова, хотя еще ни разу он не спорил с Гитанной о возможности нашествия тза'абов. — Вдобавок у них нет святого, способного повести их в бой, вернее, то, что от них осталось. Они никогда не попытаются отвоевать у нас потерянные земли.

— Бальтран, но только из-за них приграничный край — пустыня, уже почти сто лет! Гибель Пророка не сломила их дух, напротив, они озлоблены и мечтают отомстить за него. Вот почему императрица столько раз воевала с нами после Рио Сангва. И где гарантия, что у тза'абов не появится еще один сильный вождь, который назовет себя вторым Пророком?

— Гитанна, не путай войны с мелкими стычками. Их не избежать, пока наша земля процветает на зависть нищим соседям. Что говорить о тза'абах, если даже Праканса только и ждет возможности отхватить у нас кусок земли? Нет, Тза'аб Ри больше никогда не отважится воевать с нами по-настоящему. У него нет воли

к победе, есть только голос, который очень красноречиво жалуется и требует репараций.

— Но...

— Гитанна, уж ты поверь... Сам Верро перед своей кончиной уничтожил Кита'аб. Без Пророка и Святой Книги у тза'абов нет воли, нет единства. Даже вождю, который назовется Пророком, без Кита'аба ни за что не собрать под своим знаменем Всадников Златого Ветра, не повести их за собой. — Он протестующе покачал головой. — Уверяю тебя, они сломлены окончательно. Настоящий Тза'аб Ри пал, Пророк убит, Всадники разгромлены. Их потомки — всего лишь бандиты, для Тайра-Вирте они не представляют угрозы. Они способны лишь досаждать нам пограничными стычками и грабежами.

— Но Грихальва знают магию!

Он рассмеялся. К нему вернулось хорошее настроение.

— Как и ты, вива мейа. Как и ты. И пока ты знаешь магию и умеешь ею пользоваться, я ни за что тебя не брошу. — Он поднял камзол. — А теперь встань и одень меня так же быстро, как и раздела. Я тороплюсь в Палассо.

Когда Гитанна вставала и помогала ему натянуть камзол, ее губы упрямо кривились.

— Ты не прав, Бальтран. Ты слишком легко отмахиваешься от наших опасений.

— Я тебе скажу то же, что и твоему брату: докажи вину Грихальва, и я сделаю все возможное, чтобы развеять ваши опасения. Дались вам эти Грихальва! Нерро лингва сломила их точно так же, как тза'абов — битва на Рио Сангве. В их семьях слишком редко рождаются дети, и многие из них умирают в младенчестве. Их кровь — кровь незаконнорожденных, чи'патро, как ты говоришь, — слишком слаба. Как и их семя.

Ее тонкие пальцы ловко управлялись с камзолом — там одернут, тут отряхнут, здесь застегнут.

— Бальтран, достаточно одного-единственного колдуна, чтобы погубить тебя.

Он улыбался, когда она завязывала кружевной ворот его просторной батистовой рубашки, а затем разглаживала полы камзола.

— И кто бы это мог быть, а, Гитанна? Есть у тебя кто-нибудь на подозрении?

— Бальтран, повторяю: ты слишком легко отмахиваешься от наших опасений.

— Потому что они беспочвенны. У Грихальва нет ни способа, ни причины совершить то, чего ты так боишься. Они верны своему родовому кодексу чести — тому самому, между прочим, который побудил Верро Грихальву ценой собственной жизни спасти моего прадеда Ренайо. Грихальва не правят, а служат. Будь у них желание править, они бы захватили власть над Тайра-Вирте, превознося до небес свои заслуги в войне с тза'абами. Но они предпочли поддерживать нас, до'Веррада.

Ее рот превратился в тонкую линию — напрочь исчезли алые полумесяцы, которые так возбуждали его.

— Бальтран, Верро Грихальва погиб. Кто знает, кем бы он стал, если б выжил?

— Его любили как героя, а не как политика. Еще при жизни.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Когда-то вы, до'Веррада, стояли не выше Грихальва. Вы были полководцами, не более того, но вам хватало ума и силы, чтобы брать и удерживать. А взгляни на себя сейчас! Твоя власть абсолютна. Вся Тайра-Вирте обожает до'Веррада — конечно, не более чем Матру эй Фильхо и екклезию, — и кто докажет, что Грихальва не мечтают о таком же могуществе?

— Эйха, женщина, ты начинаешь меня раздражать! Повторяю еще раз: Грихальва — маленькая семья, до предела ослабленная мором. Многие женщины не в состоянии зачать ребенка, у многих мужчин бесплодно семя. Этот род никогда не вырастет до былой величины, не вернет прежнюю силу. К тому же в его жилах, как ты сама говоришь, кровь тза'абов, которую и екклезия, и большинство граждан считают скверной, ведь тза'абы — язычники, проклятые Матерью и Сыном. — Он укоризненно покачал головой. — Неужели ты действительно веришь, что Тайра-Вирте способна посадить Грихальву на герцогский трон?

Она тут же парировала:

— Бальтран, твое счастье, что умер Верро Грихальва. Никто не знает, что бы он учинил, если б выжил.

— Наш народ сражался с именем Алессио на устах, а потом с именем Ренайо создавал единую страну. Но не с именем Верро Грихальвы. — Он посмотрел на Гитанну в упор и жестко добавил: — И конечно, не с именем Серрано.

Она обладала способностью краснеть.

— Да, — прошептала она, — мы, Серрано, никогда не стремились к вершинам...

— Кроме вершин любовного искусства.

Он улыбнулся, как бы прощая ее.

— Вива мейа, я благодарен тебе за заботу, но в подобных делах лучше доверять мне, чем твоему честолюбивому семейству.

— Мы и хотим всего лишь сохранить свое место и не дать Грихальва сбросить до'Веррада.

— Матра Дольча! Гитанна, умоляю, давай прекратим этот разговор. Я сыт по горло.

Сейчас ее нагота не бросалась в глаза — твердость воли служила ей покровом.

— Бальтран, пусть никто из них не поселится в твоем дворце. Никогда!

Он устало вздохнул, уже не пытаясь скрыть раздражение.

— Пока я жив, твой браг — Верховный иллюстратор. Для Грихальва единственный путь к моему двору — живопись. И

уже после моей смерти сын будет решать, кто заслуживает предпочтения.

— Бальтран, но ведь он ребенок.

— Да, Гитанна... И если я сгорю до срока в огне твоих ласк — а такая смерть гораздо лучше, чем гибель от тза'абской отравленной стрелы, — Алехандро никого не назначит ни на какую должность до своего совершеннолетия. — Он одернул под жесткими обшлагами камзола белые с красной окантовкой манжеты. — Ну а теперь пора нанести герцогине визит вежливости. Сегодня мы официально, перед екклезией, дадим имя дочери.

Он наклонился к Гитанне, поцеловал в лоб и вышел.

После длительных занятий Сааведра отправилась искать Сарио и очень не скоро увидела его в картинной галерее Палассо Грихальва.

Ей все еще нездоровилось. Десять дней, что минули после Чиевы до'Сангва, они с Сарио избегали друг друга, словно боялись вспоминать об увиденном. Но сегодня Сааведра его отыскала. Их дружба была слишком давней, чтобы вот так одним махом взять и покончить с ней, а тайна — слишком велика, чтобы хранить ее в одиночку. Более того, она принадлежала двоим, а значит, у Сааведры была возможность поделиться своими переживаниями с тем, кто видел то же, что и она.

Галиерра Грихальва нисколько не походила на Галиерру Веррада. Она была значительно меньше, без роскошеств в отделке и открыта далеко не для всех. Предусматривалось разрешение на вход, которое не мог получить никто, кроме Грихальва, — а их и так пускали в любое время.

— Сарио...

Он был маленьким изящным призраком в сумраке у противоположной стены зала — длинного, побеленного известью и пустого, если не считать двоих детей и многочисленных полотен давно умерших мастеров. Никто, кроме Сарио, не мог ее услышать (а и услышали бы — что тут такого?), но все-таки она окликнула его шепотом.

Сарио не шелохнулся.

— Сарио, почему ты не был на уроке живописи?

Он оторвал взгляд от картины и обернулся. Сааведра с изумлением отметила, что он очень похудел. В зале, где только белизна стен противилась мраку, на его изможденном лице пролегли тени, которых Сааведра никогда прежде не видела. В одиннадцать лет мальчики растут как на дрожжах, у них ломкие голоса и разболтанные движения, — но тут возраст был ни при чем. Тут было что-то более серьезное.

— Сарио! — Она поспешила одолеть протяженность зала, чтобы встать рядом с другом. — Ты что, заболел?

Он снова повернулся к картине.

— Нет.

Его губы были скорбно поджаты — слишком скорбно для подростка.

— Почему тут у нас одни копии?

— Копии? — В ее уме роились совершенно иные мысли, потому вопрос сначала показался нелепым. Но ответ пришел сразу: — Так ведь оригиналы в Галиерре Веррада и частных палассо.

В Галиерре Грихальва были вывешены только копии, тщательно каталогизированные и расположенные самым выигрышным образом в отношении палитры и композиции. Резные и позолоченные рамы, холст, дерево, бумага; отпечаток времени, превосходно видный в естественном освещении благодаря строго определенной высоте подъема жалюзи на умело размещенных окнах и столь же удачно расставленным железным канделябрам, подле которых на случай пожара находились неприметные глиняные кувшины с водой и песком.

— Но ведь оригиналы писали мы, — возмутился Сарио. — Мы, род Грихальва! У нас отняли наше наследство.

«Как часто он уносится на крыльях мысли, оставляя меня позади...»

— Кто отнял?

— До'Веррада. Серрано. Городские богачи.

Впадины на его щеках были темны, как налет копоти, и подчеркивали остроту неокрепших скул. Голос так же резок, как тени на лице.

— Писать важнейшие картины они поручают малярам вроде Сарагосы Серрано, а нас ободрали как липку и теперь заставляют делать копии с наших же полотен!

Сааведра проследила за его взглядом, который скользил по картинам — огромным, в массивных, причудливо изукрашенных деревянных рамах. Вот и «Смерть Верро Грихальвы». На ней изображен необычайно привлекательный герой, умирающий на руках своего любимого герцога, вечная ему память. Если верить летописям, Верро и Ренайо дружили с детства. На благородном лице Верро — смертельная белизна, но не она приковывает взгляд, а печаль в глазах Ренайо, выражение огромной потери, праведного гнева и... страха.

— Копия, — с горечью произнес Сарио. — Оригинал в Палассо Веррада.

Сааведра изучала картину. Ее заинтриговало расположение света и теней — мало кому это хорошо удавалось, но картину писал настоящий мастер, Пьедро Грихальва. Только Грихальва, не меньше, чем Ренайо до'Веррада, скорбевший о доблестном Верро, мог так достоверно передать чувства, обуревавшие участников запечатленной сцены.

— Тза'аб, — прошептала Сааведра.

Действительно, на заднем плане, в верхнем правом углу, виднелся дочерна обожженный солнцем пустыни воин. С темной кожей контрастировали удивительно светлые глаза. Он гордо восседал на вороном коне с вьющейся по ветру гривой. Его дивный ярко-зеленый наряд являл собою сплошное мерцание бронзы и стекла. В руке он держал резную деревянную трубку с бронзо-

выми кольцами — ту самую, из которой вылетела отравленная стрела, унесшая жизнь Верро.

Конечно, в реальности тза'абский разбойник, сделав свое черное дело, не задержался возле умирающего капитана, — если только его не уложили на месте солдаты Ренайо. Но у искусства свои законы; зачастую оно попирает историческую правду. Иногда — по воле заказчика картины.

— Тза'аб. — Сарио тоже разглядывал воина в зеленом. — Может быть, наш родственник. Как и Верро. — Он повернулся к ней лицом. — Томас умер.

Она поняла не сразу. А когда поняла, ее бросило в жар.

— Умер? Но ведь...

— Изобразив Томаса на Пейнтраддо криворуким слепцом, Вьехос Фратос погубили его талант, его Дар. Чиева до'Сангва, кара для ослушников... Но теперь он мертв.

— Матра эй Фильхо! Сарио!

— Мертв, — повторил он. — Отмучился.

Происшедшее на их глазах в кречетте было ужасно, но смерть Томасу не грозила. Только мука. Так и было задумано — его обрекали на муки. И он страдал, в этом Сааведра не сомневалась, хоть и видела совсем немного, — остальное дорисовал потрясенный разум.

— Если они хотели, чтобы он умер, то почему сразу не убили? — спросила она.

На его висках и верхней губе выступили капли пота.

— Они не хотели, чтобы он умер.

— Сарио...

В его лице не было ни кровинки, оно напоминало облик Ренайо до'Веррады на картине — с печатью утраты и осознанием своей абсолютной беспомощности. Что произошло, то — навеки.

— Ведра... это сделал я...

Опять! Опять он куда-то ушел без нее.

— Что ты сделал? Что?

По залу пронесся шепот:

— Убил его!

— Томаса?

— Ведра... Ведра...

— Но... как?

Его била дрожь. Еще ни разу Сааведра не видела его в таком смятении. Даже в чулане, в потайной комнате над кречеттой, где творился ужас.

— Ты видела, как его глаза на Пейнтраддо закрасили белым, — сказал он, — и как его руки нарисовали скрюченными...

— Костная лихорадка, — прошептала она. — Да. Его изобразили с глазами и руками дряхлого старца.

— И это подействовало! Сааведра, ты это видела! Ты видела, что с ним случилось!

Она видела. О Матра! Правда, это было одно кратчайшее мгновение: только что в кречетте стоял дерзкий красавец, и вдруг...

— Но его не изображали мертвым.

— Его убил я.

— О Матра! О Сарио...

— Это сделал я, Ведра. — Карие глаза стали черны словно ночь; сейчас он казался слепым, как Томас, и вовсе не по вине катаракты, сущего бича для многих стариков. Черные глаза, белое лицо и крупная дрожь, — казалось, от нее вот-вот рассыплется его скелет. — Я помог ему умереть.

— С чего ты взял? — только и смогла выговорить Сааведра. Она его знала, она видела грозный талант, что водил его по миру грез, из которого Сарио никогда не мог выйти полностью. — Сарио! Откуда ты знаешь?

— Я хотел сжечь картину... но я же видел, что с ним было в кресчетте, и не хотел зря его мучить...

— Сарио...

— Так что я ее не сжег... Просто взял нож и ткнул... туда, где сердце. — Глаза были черны. Совершенно черны. Чернее некуда. Как угли костра, залитого водой. — Но я... промахнулся. Пошел взглянуть, а он... все еще жив. Раненый, но дышит, я ведь не попал... И вот... И вот... — Он сглотнул с таким трудом, что Сааведра увидела, как съежилось в спазме горло. — В конце концов я сжег картину. Он сказал — это подействует.

Ей удалось выговорить лишь его имя. Ни вопроса, ни утверждения, только его имя — в ужасе, не веря в услышанное.

— Они еще не знают. Но узнают.

Она прижала ладони к лицу, потерла, с силой провела по лбу ногтями. Она пряталась от мира, от правды, от тоскливого голоса Сарио. И прятала — от него — свой страх. Она боялась его. И за него.

— Ведра, что мне делать?

Это была мольба о помощи. Вновь он — совсем ребенок, одиннадцатилетний мальчишка, исключительно талантливый, несомненно Одаренный, но — ребенок. Содеявший непоправимое.

И теперь он спрашивает у нее, что делать.

Наконец она опустила руки.

— Я не знаю.

— Они еще не нашли картину... то, что от нее осталось.

— А Томаса?

— Не знаю. Я туда больше не приходил.

— Куда?

— Туда, где он был. В потайную комнату. Где мы с тобой прятались.

— Так он был там?

— Да, его туда отвели.

— А ты уверен, что он мертв?

— Он мне велел... Он велел уничтожить картину. И тогда он... освободится. — Сарио вонзил зубы в нижнюю губу, и она побледнела еще сильнее. — Надо посмотреть, но я... боюсь.

— Выходит, ты не знаешь...

— Он сказал, это его убьет! Он сказал, что хочет смерти!

У нее саднило в груди. В животе и голове царила ледяная пустота.

— Тогда... мы должны выяснить. Надо знать наверняка.

— Они узнают. Они обо всем узнают и сделают со мной то же самое...

Сааведра посмотрела на него. Раньше она не подозревала, что Сарио способен испытывать страх.

— Если он мертв... Если он мертв, они об этом узнают. А картина...

В горле набух комок, Сааведра проглотила его. Был лишь один ответ, и она сомневалась, что Сарио — умница Сарио — его не знает. Наверное, просто не может высказать вслух. Предоставляет это сделать ей.

— Значит, надо убедиться: они нашли то, что должны были найти по замыслу Томаса.

Казалось, кровь навеки отлила от лица Сарио. Глаза черны, щеки бледны, язык заплетается.

— Ведра...

Она тягостно вздохнула.

«Матра, молю тебя, помоги! Граццо — пожалуйста! Молю...»

— Сарио, где картина?

— В кречетте.

— Придется туда сходить.

— А что потом?

Она посмотрела на «Смерть Верро Грихальвы» — копию одного из величайших фамильных шедевров.

— Сжечь, — спокойно произнесла она. — Спалить дотла. Устроить пожар в кречетте.

— Но...

— А потом нас найдут. Все увидят, что произошло, но никто не догадается почему. Может быть, нас накажут, но никто — слышишь, Сарио? — никто не узнает, почему мы это сделали.

— Ведра...

— Другого способа нет.

Да. Она это знала. И он знал.

Их всегда преследовали беды. Необъяснимые, непостижимые. А теперь еще и это.

— Сарио, иначе нельзя.

Он коснулся дрожащими пальцами губ и мешковатой, заляпанной красками летней блузы на груди.

— Матра эй Фильхо, помогите нам... О пресвятая Матра, дай нам сил...

Сааведре стало весело: надо же, когда припекло, взывает к святым, на свое пришибленное «я» уже не надеется.

Но она не рассмеялась. Не смогла. Сил хватало лишь на то, чтобы невидяще смотреть на картину и думать о Томасе Грихальве, чей Дар погиб из-за надругательства над автопортретом, чью жизнь унес огонь Сарио.

«А мы сами? — подумала она. — Что мы сейчас губим в себе?»

Ответ был прост: невинность.

Столько всего погублено за каких-то десять дней. С чем их сравнить? С нерро лингвой, выкосившей больше половины семьи? Или со стрелой тза'аба, убившей Верро Грихальву?

Она смотрела на картину. Сарио подвел итог, сорвал покров с огромной и горькой истины их предков. Грихальва. И тза'аб.

Они — прямые потомки Верро Грихальвы, что доказано генеалогией. А еще, как всем известно, они — прямые потомки Всадника Златого Ветра, фанатичного слуги Пророка, — быть может, вот этого воина, что изображен на картине.

4

Никто из женщин не замечал его, все думали только о его матери, о герцогине. У них было полно забот: подогнать по фигуре церемониальное платье, завязать шнурки просторной мантии из дорогой ткани, сделать прическу, нарумянить лицо.

Ее сын не сомневался, что она красавица. Об этом говорили все.

Что же касается маленького существа, спеленутого, перевязанного лентой и уложенного в герцогскую колыбель, то про себя мальчик невольно называл его «оно», хоть и не имел ничего против сестры. Другие говорили «она», но Алехандро не видел пока никаких доказательств тому, что в люльке — человек, да еще определенного пола, а не просто комок шелка и золотистой парчи, шитой мелким жемчугом и самоцветами, что мерцают, как струи фонтана перед Катедраль Имагос Брийантос.

Сестра почти все время кричала, но сейчас — этого он не мог не признать — лежала тихо. Несомненно, она была из тех детей, о ком говорят: «хороший, когда спит».

Он прятался за большой колыбелью с балдахином, за каскадами шелка и парчи. Никто его не видел. Никто его не звал.

Вокруг его матери роилась тьма женщин. «Ваша светлость, осталось совсем чуть-чуть», — сказала одна из них. В ее голосе звучал упрек — мягкий, но на грани фамильярности.

— Совсем чуть-чуть? Да я вот-вот задохнусь от одного лишь веса этого дурацкого тряпья! Ализия, поаккуратней с заколками! Так и череп пробить недолго.

Ализия вполголоса попросила прощения.

— Вот так-то лучше... Эйха, скорей бы это кончилось. Скорей бы дать грудь малютке Коссимии, чем смотреть, как ее держат на крюке, точно парной окорок. Терессита, я тебе что говорила о шнурках? Я уже не так молода, и талия давно не девичья...

Усталый и капризный тон вдруг сменился злым и обвиняющим.

— А чего можно ждать от женщины после четырех родов? Чтобы она оставалась красавицей, несколько раз едва не лопнув от плодов его семени? И чтобы сохранила осиную талию?

Эйха, да разве суть в этом? — Она снова переменила тон. — Мужчина, он и есть мужчина. Ладно, пусть себе лакомится сластями Серрано... пока зубы не сгниют! Это я родила ему сына, это я стою рядом с ним на картинах. Хотя надо бы потребовать, чтобы их писал кто угодно, только не Сарагоса Серрано. Матра Дольча, какие все-таки слепцы эти мужчины! Неужели он не видит, что Серрано выставляет меня дурнушкой?

— Помилуйте, ваша светлость, никакая вы не дурнушка, — возразила Ализия.

— Но я и не сестра Верховного иллюстратора, — раздраженно молвила герцогиня. — Уж лучше бы он тратил свой жалкий дар на се портреты, чем на мои.

— Да не волнуйтесь вы так, ваша светлость. — И добавила успокаивающе: — Ваш супруг ее прогонит, а с вами не разведется никогда.

— Да, не разведется, пока я рожаю ему детей... Алехандро! Матра эй Фильхо!

Его заметили. Мать повернулась, чтобы взглянуть на колыбель, на дочь, которая через час официально получит имя, и увидела сына.

— Алехандро!

Ее обгоняли шелест материи и запахи пудры и духов; за ней вились ленты и незаколотые локоны.

Он еще не знал, что такое красота, но не допускал и мысли, что на свете есть женщина красивее его матери. Ведь она... его мать!

— Как жаль, что ты все слышал... Но ведь ты бы все равно рано или поздно узнал. Узнал бы, став герцогом. — В ее больших темных глазах была грусть. — Что ж, рассказать тебе правду? Сейчас?

— Ваша светлость, у нас мало времени, — вмешалась Ализия.

Герцогиня даже ухом не повела.

— У меня всегда есть время для сына. А что касается этого... Эйха, да ему бы все равно когда-нибудь нашептали. — Она тяжело вздохнула, изобразила улыбку и опустилась на колени под шорох фантастических одеяний из тончайших тканей, украшенных самоцветами и лентами с золотым шитьем, и под дружный, но тихий ропот ее фрейлин.

— Видишь ли, сынок, всему виной наше происхождение. Мужчина женится не по любви, а по соглашению между родами, в сиюминутных политических целях... — Ее ладони легли ему на плечи, крепко их сжали. — Но что бы ни произошло между нами... Что бы ни произошло, он всегда будет твоим отцом, а я всегда буду твоей матерью.

Он спросил тонким, слабым голосом:

— Всегда?

— Всегда, — твердо произнесла она. — Марриа до'Фантоме, «теневой брак» — обычное явление в семьях правителей, которые политику и выгоду ставят выше любви.

Впервые мать говорила с ним как со взрослым. Он загордился, даже показался себе немного выше ростом.

— Почему? — спросил он. — Разве иначе нельзя?

— Потому, Алехандро, что Матра эй Фильхо благословили нас, когда мы еще были в материнских утробах, и позволили нам родиться знатными. Твой патро — властелин, и однажды властелином станешь ты. У нас не бывает выбора.

— Но если мы — властелины?..

Ее улыбка была невыразимо грустная — под стать глазам.

— Семья и страна требуют от нас жертв. И от тебя однажды потребуют.

— Так ты не любишь патро?

Герцогиня печально вздохнула. Ему вдруг показалось, что мать вот-вот заплачет, но она лишь перестала улыбаться.

— Насколько мне это позволено.

Мальчику этот ответ показался бессмысленным. Снова он — ребенок, не знающий ни языка, ни чувств взрослых.

— И патро тебя не любит?

Материнские ладони на его плечах одеревенели.

— Насколько это позволено ему.

Она коснулась своих волос, пригладила неуложенные завитки, намотала локон на палец.

— Только никогда не спрашивай, любим ли мы тебя. Конечно, любим. Клянусь Матрой эй Фильхо. — Она поцеловала пальцы и прижала их к левой груди.

Он посмотрел на шелково-парчовый сверток в колыбели.

— И ее? Даже такую маленькую и вонючую?

Мать рассмеялась. Это приободрило мальчика, хоть и не могло служить ответом, ведь он спрашивал не в шутку.

— Точно таким же маленьким и вонючим был когда-то ты. Да, ее мы тоже любим.

Алехандро перевел взгляд на женщину, которая родила и его, и сестру.

— Когда я вырасту, женюсь на ком захочу.

Веселья как не бывало. Вместе с улыбкой потускнел теплый блеск в глазах.

— Там посмотрим.

— Как я сказал, так и будет.

Она провела по лицу сына холодными пальцами, наклонилась, прижала к его лбу мягкие губы.

— Надеюсь.

А почему должно быть иначе? Ведь он станет герцогом. Герцогом Тайра-Вирте.

— Помолись об этом, — прошептала мать, встала, шурша юбками, повернулась к женщинам и прижала ладонь к животу. — Затяните шнуровку, — велела она. — Я должна появиться перед ним какая была, а не какая сейчас... И перед двором. И перед главным иллюстратором. Не хочу, чтобы люди смотрели на Пейнтраддо Наталиа, который сегодня будет написан в

честь моей любимой маленькой доньи, и называли ее мать-герцогиню толстухой.

Безмолвствуя, Сарио следил за тем, как Сааведра приводит мир в порядок. Для них, переживших чудовищный кошмар наяву, все пойдет по-прежнему.

Кречетту освещал только принесенный ими огарок свечи в глиняном подсвечнике. Стены без окон были покрашены желтой охрой — в отличие от побеленных залов Галиерры, эта комната в полумраке казалась отделанной янтарем и слоновой костью, кое-где тускло поблескивала позолота. Пламя, колеблясь над подсвечником в руке Сааведры, разбрасывало тени, и в них кречетта казалась почти пустой. Все вещи можно было легко сосчитать по пальцам: железный канделябр, грубый деревянный стул, мольберт, прикрытый куском парчи.

И автопортрет — Пейнтраддо Чиева Томаса Грихальвы.

Он висел на мольберте. Сааведра с шумом втянула воздух и совлекла парчу.

Да, Сарио действительно жег портрет, но не очень удачно. В центре холста, на месте груди Томаса, зияла дыра, все остальное уцелело.

— Матра Дольча, — прошептала Сааведра. — О Милая Матерь... — Ее пальцы, сжимавшие ткань, дрожали.

— Я не смог, — признался он. — Испугался, что учуют дым... и придут.

Сааведра выпустила из пальцев парчу. Она стояла перед мольбертом, разглядывала картину, а Сарио смотрел ей в лицо и видел, как под кожей набухают мускулы, как растекается бледность, как поджимаются губы, как углубляются складки над переносицей и возле рта. Путаница черных кудрей доставала до плеч, но тень от нее не прятала висков и лба. Ей изумительно шел мягкий свет; в тот миг Сарио уловил столь желанную для художника ясность черт.

«Я ее напишу... Я...»

Конечно, он напишет ее портрет. Кто, если не он? Кто сделает это лучше, чем он?

Она что-то прошептала, коснулась губ и сердца. Сарио перевел взгляд на картину и увидел то же, что и она: руку настоящего мастера, Одаренного. Тончайшая работа кисти, превосходное сочетание оттенков, ни единого лишнего мазка. А так изобразить лицо и торс мог только наметанный глаз, Луса до'Орро, способный превращать серый холст в зеркало.

Томас Грихальва. Полнейшее сходство.

И дыра с неровными краями на том месте, где у живого человека бьется сердце.

— Сарио... — К нему повернулось лицо с большими блестящими глазами. — Так это правда...

Он не то вздохнул, не то всхлипнул.

— А ты думала, я лгу?

— С тобой это бывает.

— Тебе я никогда не лгал.

Да. Ей — никогда. Она прикрыла на миг глаза, облизала губы и снова зашептала:

— Матра Дольча, дай мне силы...

— Ты его видела, — сказал он. — Видела, что с ним стало. Он сидел вот здесь, на этом самом месте, на стуле, а они писали с него калеку! Слепого! Ведра, ты видела! Если не мне, то своим собственным глазам ты веришь?

Она прижала ко рту ладони.

— Да, — повторил он, — видела, и тебя от этого тошнит. И ты еще спрашиваешь!

— Как же иначе? - глухо промолвила Сааведра и опустила руки. — Приходится, Сарио... Ведь... ведь то, что мы видели...

— ...магия, — договорил он за нее.

— И то, что сделал ты... Прожег дыру в картине...

— Тоже магия.

— А значит, ты... значит, ты... О Матра эй Фильхо! Значит, ты Одаренный, как Томас, как все Вьехос Фратос...

К нему вернулась способность улыбаться, по крайней мере чуточку растягивать губы.

— А ты сомневалась?

— Но это значит, что любой Одаренный мужчина... — Она вновь повернулась к искалеченной картине и зашептала молитву, касаясь пальцами губ и сердца.

— Он открыл мне правду, — сказал Сарио. — А потом умолял, чтобы я его избавил от мук.

— Но ведь ты не знаешь наверняка, умер ли он.

Сарио посмотрел на картину. На дело рук своих.

— Он сказал, что огонь подействует. Что мне не добыть необходимых красок, но достаточно уничтожить холст. Наверное, он мертв.

Она до отказа наполнила легкие воздухом. И выпустила его. Снова вдохнула и выдохнула.

— Надо, чтобы они узнали. — Она резко повернулась к Сарио. — Ты должен пойти и рассказать.

— Рассказать? — У него мурашки побежали вдоль позвоночника. — Кому?

— Вьехос Фратос.

— Ведра...

— Надо, чтобы они узнали. Пусть придут и увидят. — Она бесшумно поставила на пол свечу, затем сняла с мольберта портрет и поднесла к огню. Пламя затрещало, вгрызаясь в черный край прожженной дыры. — Иди, — велела Сааведра.

Он стоял раскрыв рот и смотрел, как она толкает мольберт, как тот падает на горящую картину. Занялась и парча.

Сааведра метнула на мальчика яростный взгляд, и тут же с ее уст слетел крик:

— Сарио! Пожар! Беги, зови на помощь.

Он смотрел на нее и на пылающую картину.

— Беги! — прошипела Сааведра. И снова закричала, моля о помощи и прощении, и он понял, что она замыслила.

Взять вину на себя. Пришла куда не следует. Опрокинула мольберт. И сожгла — конечно же, совершенно случайно — картину.

Томас Грихальва мертв. А теперь погиб и его портрет.

5

Сааведра не успела переодеться во что-нибудь поприличнее, не успела даже отдышаться и прийти в себя. Ее сразу же отвели в личные покои Раймона Грихальвы — одного из Вьехос Фратос. И оставили. Одну. Ждать встречи с человеком, которого она прежде видела лишь с почтительного отдаления, с которым ни разу в жизни не говорила. Раймон Грихальва занимался важнейшими делами семьи, ему было не до малолетних девчонок.

Во всяком случае, до сего дня.

В притворных попытках спасти от пожара кречетту на виду у тех, кто прибежал на крики Сарио, Сааведра пожертвовала блузой и штанами и едва не лишилась волос. Она еще легко отделалась: изрядной величины портрет Томаса сгорел почти целиком, и Сааведра рисковала жизнью, сражаясь с пламенем. Вьехос Фратос, конечно, уже видели следы пожара. Видел их и агво Раймон.

Его все нет и нет. Сааведре — растрепанной, чумазой, в лохмотьях — оставалось только ждать, когда на ее голову падет его гнев. Эта задача оказалась чудовищно трудной. Она предугадывала его слова, недовольную мину, а главное — наказание, и желудок сжимался в плотный комок, и она боялась, что больше никогда не сможет есть.

«Должно быть, Сарио это порадует. Мне нечем будет рвать».

Она находилась в маленькой светлой комнате, солярии, — полуовалы окон в одной из стен пропускали вдоволь солнца. Изготовленные вручную кирпичи сидели на известковом растворе, кельма штукатура ровнехонько затерла швы, а затем покрыла стену тонким слоем глины, ее нежная, солнечная желтизна радовала глаз. У Сааведры отлегло от сердца, душа окрылилась — на нее всегда сильно действовали краски и текстура, позволяли вообразить все что угодно, мысленно взять руками и перенести на бумагу или холст или даже на свежеоштукатуренную стену, — изобразить мир, возникший в голове.

Но сейчас, несмотря на теплый тон штукатурки, этот мир был мрачен. Воображение рисовало лишь самые страшные из возможных кар.

Солярий предназначался для отдыха: вокруг только успокаивающая мягкость линий и тонов. Деревянный стул с высокой спинкой, сиденье обито дорогим велюрро цвета охры; ря-

дом — пуфик для ног агво Раймона, стол с книгами и горшок с летними цветами. Пол устлан превосходными коврами, на стенах — кованые стальные карнизы с дивными гобеленами.

Да, эта комната — для приятного времяпрепровождения, а не для экзекуций, и все-таки уют не позволял разуму отвлечься от тяжких мыслей. Красота способна не только умиротворять, но и убивать, доказательство тому — уничтожение автопортрета Томаса.

У Сааведры дрожали поджилки.

«Конечно, ему сказали, что я пыталась потушить огонь. Конечно, он подумает, что я нечаянно...»

Но в лице и поступи агво Раймона, входящего в маленький солярий из соседней комнаты, не было и намека на то, что он понимает, какому риску подвергала себя Сааведра. И она вспомнила, что для них, Вьехос Фратос, уничтожить картину — все равно что убить человека.

Она содрогнулась.

«Был бы здесь Сарио...»

Да, будь он рядом, она бы думала лишь о том, как его защитить. А это гораздо легче, чем ломать голову, как бы защититься.

Но его здесь нет. Его куда-то увели, а ей не дали толком прийти в себя и сейчас будут допрашивать... Как она ухитрилась сжечь картину, о существовании которой ей знать не полагалось. Женщин в кречетту не пускали. Несмотря на то, что эта комната носила женское имя.

«Не показывай ему страха. Иначе у него появятся подозрения. Стой на своем: забрела куда-то в потемках, случайно устроила пожар».

Она подняла голову и посмотрела в глаза человеку, который разглядывал ее.

Агво Раймон носил одежду из черного велюрро и единственное украшение — изящную золотую цепь с кулоном. Взгляд Сааведры прошелся по тонким звеньям и остановился на груди, на Золотом Ключе его семьи. Ее семьи. Чиева до'Орро, маленький, но очень изящный. Впрочем, на ее груди он бы выглядел довольно большим. Кого-кого, а Раймона Грихальву карликом не назовешь. По широким плечам рассыпана пышная грива, он молод, крепок телом, энергичен; природа наделила его не только даром художника, но и редкостным здравомыслием и спокойствием.

И тут вдруг Сааведра поняла, что с этим человеком надо быть прямолинейной — конечно, насколько хватит смелости.

— Простите! — вскричала она, падая на колени. — Святыми Именами молю: простите!

На каменном полу лежал ковер, но все равно она больно ударилась коленями. Прижав к груди руки, Сааведра склонила голову. — Матра эй Фильхо, клянусь, я не хотела... Я всего-навсего... Я всего-навсего пришла, потому что... потому что... — Ей не хватало воздуха. — Потому что это запрещено. Я сознаюсь. — Она не осмелилась поднять глаза, увидеть осуждение на лице Раймона Грихальвы. — Агво, я умоляю вас... Клянусь, я не хотела!

— Сааведра, ты совершила очень дурной поступок, — спокойно произнес он.

— Да... Эйха, да, я знаю. Агво, клянусь, у меня и в мыслях не было портить картину...

— Сааведра, дело не только в картине. Пострадала не она одна.

Сааведра плотно сомкнула уста, с которых рвались мольбы. Известно ли ему то же, что ей и Сарио? Знает ли он, как все было на самом деле?

— Дисциплина, — сказал он.

Разум ее затрещал по швам — его распирал сонм страшных догадок. Что он имеет в виду? Чиеву до'Сангва? Нет, конечно же, нет. В этом бы он не признался. Раймон никогда не скажет, что из-за нее погиб человек, — точно так же, как его Пейнтраддо Чиева.

— Дисциплина, — повторил он. — Для нашей семьи ее ослабление подобно смерти. Подобно перро лингве. — Тон его смягчился. — Встань, Сааведра. Я не Премио Санкто, чтобы выслушивать исповеди и отпускать грехи. Я всего лишь Грихальва.

— А еще — иль агво, — прошептала она.

— Да, имею честь быть им... Сааведра, поднимись. Я хочу, чтобы ты на меня посмотрела.

Она встала дрожа. Увидела его глаза — серые, как у нее самой. Облик был суров не по летам, а глаза — нет. В них было нечто весьма похожее на сочувствие.

— Я тоже был подростком, — сказал он. — И тоже пришел однажды, куда нельзя было приходить. Об этом никто не знал, поэтому я избежал наказания. Но ведь я и не губил картин из-за своей неосторожности.

— Я пыталась ее спасти, — прошептала она. — Пыталась, но было слишком поздно.

— Картины сгорают быстро. Чуть коснется пламя, и все. Отчасти по этой причине мы так осторожны за работой. Тебе еще повезло, что сама не сгорела.

— Уж лучше бы сгорела. — И тут она рискнула: — Но ведь Томас напишет другую картину, да? То есть немного иначе, не совсем точную копию. Ведь он такой способный художник, разве он не сможет написать заново автопортрет?

Строгость на лице и доброта во взоре, столь необычно выглядевшие рядом, вдруг исчезли. В глазах Раймона появилась озабоченность. Он не мог признаться, что не только картина пропала безвозвратно.

— Действительно, — суховато промолвил он. — Точной копии не будет.

— А Томас уже знает? — поспешила с вопросом Сааведра. — Ему сказали? Эйха, теперь он меня возненавидит. — Она лихорадочно искала подходящий тон, боялась, что агво заподозрит фальшь. — Конечно, возненавидит. И будет прав. Ведь это была превосходная картина.

— Шедевр, — подтвердил Раймон Грихальва. — Чтобы юношу признали Одаренным, он обязательно должен написать превосходный автопортрет.

— Так он уже знает? — допытывалась она.

У Раймона окаменело лицо.

— Я полагаю, от него это скрыть невозможно, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Но не стоит бояться его гнева. Он не накажет тебя.

— Но ведь он имеет на это право.

— Разумеется, имеет. Но... — Раймон легонько махнул рукой, — это не столь существенно.

— Не столь существенно? — Она была поражена, но разве мог он ожидать иной реакции? Она знала правду о Пейнтраддо Чиеве, но он-то не знал. «Надо притворяться, что я думаю только о Томасе, о том, как он теперь ко мне относится». — Как же так! Вы сами видели, что я натворила!

— Это верно, — кивнул иль агво. — Я видел, что ты натворила. Думаю, ты и сама это знаешь.

Дабы не сболтнуть лишнего, понадобилось целиком сосредоточиться не на том, что она знает, а на том, что ей полагается знать.

— Вы меня накажете, — глухо сказала она.

— Естественно, — подтвердил он. — Нельзя безнаказанно нарушать компордотту. (Так назывался свод правил безупречного поведения, определенный Вьехос Фратос для семьи Грихальва.)

— Что я должна сделать? — У нее пересохло во рту.

— Сааведра, правильнее было бы спросить, чего ты не должна делать.

— Не должна?

— Тебе запрещается в течение года встречаться с Сарио.

Это ее потрясло.

— Год?

— Да. Целый год.

— Но ведь... — Такого страшного приговора она никак не ожидала. — Агво, но ведь он мой единственный друг, — слабым голосом призналась она ему в том, в чем не призналась бы никому другому, даже Сарио, хотя наверняка Сарио тоже считал себя ее другом.

— Я знаю. А у Томаса был единственный автопортрет.

Даже в отчаянии Сааведра не упустила возможности спросить:

— Агво, но ведь он напишет новый портрет, да?

— Нет, — ответил он, — не напишет.

Конечно, как же иначе? Мертвецы не пишут картин. Но ей была нужна полная ясность.

— Может, не такой же точно, а...

— Нет, Сааведра. Такие картины создают только раз. Лишь поэтому они дороги.

И лишь поэтому в них скрыта магическая сила. Сааведра прикусила верхнюю губу.

— Так мне теперь что, домой? В ссылку?

— Тебе нельзя общаться с Сарио. Конечно, вы будете видеться, в Палассо Грихальва вряд ли можно этого избежать. Но разговаривать друг с другом вам запрещается, как и проводить вместе свободное от уроков время. Между прочим, от меня не укрылось, — добавил Раймон с мимолетной улыбкой, — что ты, Сааведра, очень способна для юной женщины. Ты уже в том возрасте, когда у мальчиков и девочек проявляется талант, и мы, воспитатели, обязаны следить за его созреванием и выделять наиболее способных подростков.

Сааведру бросило в жар. Она промолчала.

— Наш маленький Неоссо Иррадо уводит тебя с пути истинного. Или ты думаешь, мы слепы? Сааведра, ты хорошая девочка, но слишком легко поддаешься его влиянию. Из-за него нарушила компордотту, а ведь было бы гораздо правильнее, если б не ты с него, а он с тебя брал пример. Или ты думаешь, мы не догадались, кто привел тебя в кречетту? Не в твоем характере нарушать запреты.

На это ей сказать было нечего, хотя голову распирало от мыслей.

— Плохая компания, — наставительно молвил Раймон Грихальва, — даже талантливых не доводит до добра.

Сааведра больше не думала о себе, о том, что сделала, — только о Сарио.

— Агво, но ведь он вовсе не плохой! Он Одаренный, я это точно знаю.

— Что ж, Сааведра, твоя верность дружбе похвальна.

— Агво Раймон, тут дело не только в дружбе. — Решительный тон удивил ее саму. Должно быть, вера в Сарио столь огромна, что ее невозможно скрыть. — Он лучше всех остальных.

Его лицо стало непроницаемым.

— Почему ты так думаешь?

— Я это чувствую. Просто знаю, и все. Это у меня в сердце. — Она коснулась груди. — Он всегда был не таким, как другие, с самого начала. И все об этом знают. Потому-то и обращаются с ним так плохо, дразнят, смеются над ним, внушают, что он слишком маленький... Потому что и они это чувствуют. Сколько бы ни издевались над ним, понимают, что на самом деле он выше любого из них. Агво, у него есть не только подлинный талант, но еще и душа. — Она смотрела в спокойные очи Раймона Грихальвы, искала в них понимания. — Мы делимся на тех, кто всю жизнь мечтает стать лучшим, и на тех, кому незачем мечтать, а надо лишь сделать это. Получить то, что и так тебе принадлежит. — Сааведра печально вздохнула. — Агво, ему завидуют. Даже муалимы... Они понимают, кем он может стать.

Раймон поднял руку, призывая ее умолкнуть.

— Действительно, мы умеем отличать детей, обладающих столь дорогим для нас талантом. Но без наказания обойтись невозможно, как и без компордотты. Дар лишь тогда приносит семье ощутимую пользу, когда его обладатель понимает, что злоупотребление им чревато опасными последствиями.

Она кивнула, подумав, что Томас об этих последствиях узнал не понаслышке.

— Ты сама видишь, как мало нас нынче. И мы должны заботиться об оставшихся. Мы не можем позволить запальчивому юнцу расшатывать устои нашей семьи.

Она снова молча кивнула.

— Поэтому тебе, Сааведра, лучше держаться от него подальше. Пусть расцветает твой дар, и меньше заботься о Луса до'Орро твоего приятеля, чем о своей собственной.

Она чуть не вздрогнула. Откуда он знает?

Раймон Грихальва улыбнулся.

— Муалимы очень требовательны, угодить им подчас невозможно, но у них тоже отменное чутье на талант. А ты им не обделена, уж поверь.

— Где ему до таланта Сарио!

— Сарио? Да, пожалуй... Но без дисциплины дар — ничто. Какой от него прок, если он неуправляем?

Они ушли от опасных тем, углубились в философию искусства. Сааведра оживала под одобрительным взором Раймона.

— Агво, но ведь в дикой свободе есть высший смысл. Если у художника душа в оковах, надолго ли он сохранит свой талант?

— Безусловно, твои слова не лишены смысла. Но если поступиться правилами, дисциплиной, потеряно будет все.

— Агво, но разве мы не Грихальва? Разве мы не вольны творить, как никакая иная семья?

— А чем же еще мы занимаемся? — Он улыбнулся. — Сааведра, не пытайся меня перехитрить... Я согласен с тобой, что Сарио талантлив, может быть, даже Одарен, — это выяснится довольно скоро. Но неуправляемый талант — лишь помеха семье на пути к ее целям.

— Он хочет стать Верховным иллюстратором, — выпалила она. — И это не пустая мечта! Он прекрасный художник! Да, Сарио вспыльчив, иногда непослушен, но неужели из-за такого пустяка вы лишите род Грихальва возможности заменить Серрано нашим человеком?

— Иногда?

— Агво, он нервничает. Вам ведь тоже случается нервничать. Вот вы говорите, что однажды в детстве зашли куда не полагалось... Ну, и кто вы теперь? Главный наставник, один из самых прославленных иллюстраторов нашей семьи, и по справедливости на место Верховного иллюстратора после смерти Гуильбарро Серрано надо было назначить вас, а не его сына, этого никчемного маляра...

Он очень долго молчал, а она тем временем заливалась густым румянцем, вспомнив, каким тоном должно разговаривать с этим человеком.

— Ты в самом деле считаешь, что Сарио настолько талантлив?

— Он способен написать все что угодно, я в это верю. И стать кем угодно.

Он задумчиво прикрыл глаза.

— Может быть, ты и права. — Он сжал в ладони Золотой Ключ, висящий на цепочке. — Может быть. Что ж, мы с тобой побеседовали, наказание определено. А теперь ступай. Вымойся, переоденься и посмотри, нет ли ожогов. И заруби себе на носу: я своего решения не отменю. Твоя «ссылка», как ты это называешь, продлится год, и ни днем меньше.

— Да, агво.

Он поцеловал пальцы, держащие Ключ, и прижал его к груди.

— Да будут вечны Их Святые Имена. Можешь идти, Сааведра.

Она повторила его жест, хоть и не носила ключа. И молча (Раймон уже не потерпел бы возражений) покинула солярий.

«Надо рассказать Сарио...»

Только сейчас она осознала всю суровость, всю изощренность наказания.

— Матра Дольча, — прошептала она, и на глазах выступили слезы. — Если ты можешь ускорить время, умоляю, начни сейчас же!

Раймон Грихальва обернулся на звуки шагов и указал на стул с мягким сиденьем и высокой спинкой. Но вошедший сразу направился к окну. И встал спиной к Раймону.

— Да, — задумчиво произнес он. — Теперь я понимаю. Хорошо, что ты меня позвал.

— Премио Фрато, — кивнул Раймон.

— Пожалуй, в наших планах она может сыграть не менее важную роль, чем мальчик. — Он посмотрел на Раймона. — Думаю, теперь нет никаких сомнений, что это — кровь тза'абов. Наша семья всегда была талантлива, но этот талант — иной. Он — выше. И наш дар, и наша кровь теперь иные.

— Генеалогия предполагала, что кровь тза'абов должна заявить о себе, но до нерро лингвы ничего не было заметно, — сказал Раймон.

Его собеседник отмахнулся.

— Может, так оно и было, но не стоит забывать о том, что нерро лингва внесла уйму неразберихи в наши архивы. Вполне возможно, после чумы перемены просто-напросто нигде не фиксировались. И без того дел было невпроворот.

— Да, конечно. — Раймон погладил цепочку на груди. — Не угодно ли вина, Премио Фрато?

— Пожалуй, чуть позже.

Гость — Первый Брат среди Вьехос Фратос — был в летах, угловат и костляв. Сейчас свет из окна заливал половину его лица.

— Я заглянул в папку девочки. Весьма и весьма незаурядный ребенок. Так ты говоришь, ей тринадцать?

— Двенадцать, Артурро.

— Двенадцать. Ладно, время еще есть, хоть и не так много, чтобы бить баклуши. — Артурро Грихальва улыбнулся. — И язычок у нее бойкий, ничуть не хуже рук, верно?

Раймон иронично изогнул губы.

— Умом она ничуть не уступает мальчику. По-своему, конечно.

Артурро тяжело вздохнул.

— Наш маленький Неоссо Иррадо... Надо будет заняться его воспитанием. Томасу упорно не везло, взять хотя бы этот случай с Пейнтраддо Чиевой. Но Сарио способен доставить нам куда больше хлопот, чем Томас. Он Одаренный — тут девочка совершенно права, — но в его годы нельзя обладать таким неутолимым честолюбием. Сарио не просто мальчик, в нем очень много взрослого; этим-то он и опасен.

— Интересно, — заметил Раймон, — почему самым талантливым всегда недостает самодисциплины?

— Раймон! Кто бы говорил! — Поймав себя на резком тоне, Артурро дружелюбно улыбнулся. — Мне начинает казаться, что это — плата, одно из неотъемлемых свойств Дара... Мальчики, послушно соблюдающие компордотту, проявляют в лучшем случае обычные способности. Они ничего не подвергают сомнению, никому не бросают вызов, не стремятся любой ценой раскрыть свой талант.

— И Дар?

Лицо Премио Фрато посуровело.

— Да, Раймон. Вот почему этот мальчуган способен навлечь на нас беду. Дар и самоконтроль — не пара. Чтобы развить талант, надо спускать его с цепи — пусть резвится на воле, пусть набивает шишки, пусть растет. Но при этом надо добиваться, чтобы он возвращался.

— Как вернулся я, — с иронией сказал Раймон.

Улыбка Артурро стала ласковой.

— Эйха, ты вернулся — и за это получил награду.

— А как быть с Сарио?

Пожилой собеседник коснулся своего Ключа.

— Раймон, за ним надо следить. Очень пристально. Надо видеть не только голод в его взоре, не только его удивительный Свет, но и опасность. Наша ставка слишком высока. Мы столько трудились, спасая семью, и теперь наконец у нас есть Дар... — В голосе Артурро звучала озабоченность. — Возрождение семьи — процесс крайне медленный, и мы не вправе его подстегивать. Мы не можем допустить, чтобы до'Веррада заподозрили истинную природу Дара.

— Все равно уже ходят слухи, — тихо произнес Раймон. — Серрано подозревают.

— И пусть. Они... жалкие маляры. — Улыбка на лице Артурро явствовала, что язвительные слова Сааведры пришлись ему по нраву. — Мы под защитой до'Веррада, а это не такой уж пустяк. Пока семья герцога ничего не знает о Даре, мы можем жить спокойно.

— Сарагоса Серрано все время держит герцога за ухо.

— А его сестра Гитанна держит герцога даже не за ухо, а... — Фраза была дерзка, однако Артурро явно не собирался раскаиваться. Он любил называть вещи своими именами. — Но Бальтран до'Веррада ценит ее вовсе не за ум, хотя в уме ей,

пожалуй, не откажешь. А Сарагоса — дурак, безмозглый моронно, ему бы только размалевывать холст в ядовитые цвета. Нет, этот убогий халтурщик нам не опасен. Сказать по правде, гораздо больше я опасаюсь нашего мальчика.

— Но ведь он — Грихальва, — прошептал Раймон.

— Увы, мы и впредь должны действовать, как сейчас. Мы ведь не те, что в былые годы. — Золотой Ключ, свисающий с ворота Артурро, исчез в старческой руке. — За Сарио нужен глаз да глаз. Эйха, он ведь чудо-ребенок, верно? И хотя нам необходим его голод, чтобы оживить Дар, мы будем наблюдать за ним постоянно.

— «Семя нашей гибели — в наших же чреслах», — процитировал Раймон.

Премио Фрато печально вздохнул.

— И в нашем чудесном Даре. Что ж, пусть все идет, как идет. Мы, Грихальва, созданы не для того, чтобы править. Да и будь у нас такое предназначение, столь малым числом мы бы не сумели взять власть над Тайра-Вирте. Да еще эта «тза'абская порча» — так называет екклезия наше проклятие, быстротечность нашей жизни, слабость нашего семени. Нет, мы никогда не поставим себе цель захватить Тайра-Вирте и править. А вот просвещать, украшать, созидать... и, конечно, вести нашу родину к процветанию — это несомненно. Но очень неспешно. Исподволь. Мудро.

— Да будет на то воля Матры эй Фильхо!

— Воистину. — Артурро коснулся губ и сердца. — Я верю, они нас не оставят, тем более что до цели уже рукой подать.

6

На центральном сокало блаженствовала Гитанна Серрано. Тихое журчание фонтана навевало томные мысли, прохладная струя нежно омывала запрокинутое лицо. И тут ее грубо схватили за локоть. Она вздрогнула и повернулась, с ее уст едва не сорвался гневный крик. Да кто посмел прикоснуться к подруге самого герцога?!

— Сарагоса? В чем дело?

Он торопливо и бесцеремонно повел ее за собой прочь от фонтана.

— Надо поговорить.

— И для этого необходимо меня тащить? — Она едва удержалась на ногах, споткнувшись о булыжники мостовой. — Матра Дольча! Госа, люди же смотрят!

— Ну и пусть.

Они быстро пересекли мощеное сокало и вошли в одну из молелен — в Мейа-Суэрте их было не счесть.

— Но вот слышать наш разговор им совсем ни к чему.

Гитанна зашипела от боли — деревянная дверь, украшенная резьбой и бронзовыми накладками, ударила по плечу. Сарагоса недооценил ее тяжесть.

— Ты как будто уверен, что они попытаются. Сарагоса, что стряслось, почему ты такой грубый?

Отпустив дверь, он затолкал сестру в угол — в крошечную нишу с иконами. В рассеянных лучах солнца, падавших через грязные, потрескавшиеся оконные стекла, и тусклом сиянии ароматизированных свечей, что стояли в глиняных чашечках на деревянных и металлических полках, — всюду поблескивала позолота.

— Бассда, Гитанна! — Он повертел головой, убедился, что поблизости никого. — Выслушай меня.

Вряд ли у нее был выбор. Сначала она слушала с сердитой миной, но довольно скоро на лице появилась заинтересованность.

Когда он закончил, Гитанна устало вздохнула.

— Эйха, я пыталась, — уверяла она брата, прислонясь к стене лопатками. — Честное слово, Госа. Но ты ведь знаешь, герцог иногда бывает упрям.

— Меня он даже не слушает, — пожаловался Сарагоса. — Отослал писать очередной семейный портрет да еще упрекнул, что я сую нос куда не просят.

— Даже так? — Она поправила на плечах шитый жемчугом шелковый шарф. — Ты еще легко отделался — тебя он отправил к мольберту. А меня — в кровать, там, дескать, мое место. И не стоит забивать прекрасную головку такими глупостями, как политика. — Она бросила на икону злой взгляд; ей, измученной заботами, умиротворенность на лике Матры казалась издевкой. — Я уж и лаской, и таской выманивала обещание, и даже в постели посреди любовной игры... А он — ни в какую. Говорит, охранная грамота герцога неприкосновенна.

— Как бы не так, — процедил сквозь зубы Сарагоса. — Нужно только найти доказательство, и тогда он поймет, что нам грозит.

Гитанна высвободила локоть и подошла к столику с иконой и крапинами засохших цветов на шитой золотом скатерти. Цветы приносили Святой Матери — чтобы заступилась и помогла. Эта молельня принадлежала Ей, а не Сыну.

— Ну, и где прикажешь его искать? — обернулась Гитанна к брату. — Мы не Грихальва, нас не пустят в их Палассо. Они нелюдимы и свои тайны берегут как зеницу ока. Только Матра эй Фильхо знают, что у них на уме.

— И это может плохо кончиться. Дождемся, что они придут к до'Веррада и потребуют себе герцогство.

— Этому не бывать, — нахмурилась она. — Пока мы, Серрано, рядом с герцогами, Грихальва не достанется ни единого местечка при дворе. Госа, ты должен писать все, что он закажет... Ты должен сохранить его расположение.

От этих слов он скривился.

— И ты, Гитанна.

— Да, — спокойно согласилась она, — и я. Но у тебя, придворного иллюстратора, положение намного надежнее, чем у любовницы герцога. Меня он может заменить в любое время

по внезапному капризу, а тебя — не вправе, разве что на время болезни. Назначить нового Верховного иллюстратора сможет только Алехандро, когда займет отцовское место.

— Странный мальчик. — Сарагоса прижимался плечом к отшлифованной вручную стене и нервно грыз ноготь.

— Не важно, странный он или обыкновенный. С ним надо дружить. Я ничем помочь не могу, вся моя власть — в пределах кровати Бальтрана, а твоя — в пределах Палассо. Ты обязан во что бы то ни стало сохранить расположение герцога.

— Но не герцогини, — угрюмо возразил Сарагоса. Это прозвучало невнятно — мешал ноготь большого пальца в зубах.

— Да при чем тут она? Тебя назначил на должность Бальтран, а вовсе не его жена. У нее никаких прав.

— Кроме права рожать наследников.

Гитанна поморщилась.

— Мне ничего не обещано сверх того, что я уже имею. Если напложу ему детей, они будут незаконнорожденными. У него уже есть наследник — Алехандро...

— Ему и решать, кто займет мое место: Серрано или человек из другой семьи.

— Ну так позаботься о том, чтобы это был только Серрано, — сказала она. — Нельзя допустить, чтобы проклятый чи'патро отнял у нас такую должность. Понял, Госа? Подружись с Алехандро. Докажи ему, что надежнее нас, Серрано, у него союзников нет.

— Гитанна, но ведь он всего лишь мальчишка! Неужели ты хочешь, чтобы я тратил свое драгоценное время на бесполезного ребенка?

— Эйха, Госа, кое в чем ты непроходимый тупица. Да как же ты не понимаешь? Эта «трата драгоценного времени» на самом деле выгоднейший вклад! Придет день, когда Алехандро станет герцогом... И если к тому времени ты останешься его другом, он, естественно, не назначит Верховным иллюстратором какого-нибудь чужака.

Его впалые щеки зарделись.

— Ты имеешь в виду, когда я умру?

— Да, — деловито подтвердила она. — Когда-нибудь ты умрешь, а может, потеряешь работу еще раньше — из-за старости. Чего тут бояться? Надо найти решение. Или ты думаешь, что я еще долго продержусь в любовницах герцога? Матра Дольча, да мои дни рядом с ним сочтены, и я об этом думаю спокойно.

С одним ногтем он разделался и взялся за второй.

— Ну, не знаю, Гитанна...

В ней нарастало раздражение, и она стиснула зубы. Глупец! Не видит дальше собственного носа, не способен продумывать разные варианты спасения семейного благополучия!

— Сойдись поближе с мальчишкой, — посоветовала она. — Войди в доверие, добейся его привязанности. Стань для него незаменимым.

— Да разве может взрослый дружить с десятилетним ребенком?

— Госа, — она уже не таила злости, — для того, чья профессия живопись, у тебя поразительно хилое воображение.

Удар достиг цели.

— Матра Дольча! Гитанна...

— Подумай, Госа. — Она снова перешла на спокойный тон. — Посмотри на себя хорошенько. Напиши автопортрет. Уж с этим-то дельцем, надеюсь, ты справишься?

Оставив в покое обгрызенный ноготь, он метнул в сестру недобрый взгляд.

— Если ты и с герцогом так же разговариваешь, стоит ли удивляться, что он считает тебя пригодной только для постели?

— Бассда, — устало молвила она. — Иди в Палассо и как следует подумай над моими словами. Мы пытались открыто нажать на Бальтрана, но не добились толку. Пора испробовать другой путь.

— Он требует улику.

— Значит, мы должны ее найти, — спокойно констатировала Гитанна. — Или сфабриковать.

Сааведра остановилась в коридоре перед узкой дверью крошечной ученической кельи. За этой дверью находился ее собственный мир, хранились вещи, которые она называла своими: кровать, сундук с одеждой, стол и стул у оконца. И еще кое-что, самое необходимое для жизни: таз, кувшин, ночной горшок за ширмой. А еще — воображение.

Семья считала, что покой способствует вдохновению. Художнику, чтобы освоить инструментарий, дарованный ему природой, необходимо подолгу бывать одному. Только путем неторопливого созерцания, сопоставления и осмысления можно развить чувство пропорции, без которого лучше не браться за кисть. Конечно, на уроках муалимы объяснят, как должны соотноситься длина плеча и длина предплечья, почему коридор в начале выглядит шире, чем в конце. Но знания, полученные в классе, лучше всего оттачивать наедине с собой. Затворяясь в своей келейке, ученик создавал в уме замысел картины и размышлял, как перенести его на бумагу или холст, как оживить его с помощью красок или мела.

Естественно, были среди юных Грихальва и такие, кто не проявлял особых способностей; были и начисто обделенные талантом. К ним семья относилась с пониманием — Матра не благословляет всех подряд, — но тем не менее обучала их наравне с одаренными. Такими, как Сааведра.

Она сказала правду Раймону: Сарио — ее единственный друг Из вежливости агво не посоветовал ей найти другого; за это Сааведра была ему благодарна. Может, он понял, что творится у нее в душе? Все-таки он Грихальва, и не простой, а Одаренный. Он знает, по каким законам живет его семья. Это город в городе, маленькая Мейа-Суэрта, только управляет ею не герцог, а совет из нескольких человек. Палассо Грихальва, плотная гроздь пост-

роек, — это вещь в себе. Грихальва уважают правящую семью и подчиняются ей безоговорочно, многие из них погибли за род до'Веррада, но свои проблемы они предпочитают улаживать сами. И втайне.

И вот теперь Сааведра в полном одиночестве отбывает срок наказания. Наказания за то, о чем даже не подозревают Вьехос Фратос. Да, она сожгла картину, и это само по себе достойно кары. Но ведь она еще помогла Сарио, совершившему убийство.

Клацнула щеколда. С этого часа и до конца дня Сааведра свободна, предоставлена самой себе. Можно пойти в семейные галиерры, поизучать картины предков, или выйти во внутренний двор, или даже на мощенное булыжниками сокало, что объединяет все кварталы гильдии художников, но ей не хотелось ни того, ни другого, ни третьего. Лучше запереться в комнатушке и как следует подумать о случившемся и о том, что может произойти в будущем.

Уже страдая от одиночества, она вошла в свою келью и обнаружила там Сарио.

— Матра Дольча! — Она хлопнула дверью и прижалась к ней спиной, испугавшись, что в комнату кто-нибудь ворвется и застанет их вдвоем. — Что ты здесь делаешь?

Стройный, узколицый мальчик стоял в углу, рядом с дверными петлями — войди еще кто-нибудь в комнату, он увидит Сарио за дверью. Но сейчас дверь была на запоре, и Сарио мог не бояться. Он покинул угол и стал расхаживать взад и вперед, нервно выдергивая нитку из карманного шва блузы.

— Что они сказали?

Сааведра была ошеломлена, но страх и изумление быстро сменились радостью: теперь можно рассказать, что от нее требуют Вьехос Фратос.

— Нам целый год нельзя бывать вместе.

Он побледнел.

— Нет! Они не посмеют!

— Что ты, Сарио? Еще как посмеют! — Сааведра села на узкую койку. — Они управляют нашей жизнью от рождения до смерти, что хотят, то и делают с нами. И если тебя здесь найдут, нам несдобровать.

«Как он нервничает! Я и не подозревала, что он так чувствителен».

— Они с тобой говорили?

— Нет еще. — Он раздраженно смахнул прядь волос, закрывавшую глаз. — Они не знают, где я. И пока не узнают, им меня не найти.

Она понимающе кивнула и усмехнулась — Сарио никогда не видит то, чего ему очень не хочется видеть.

— Найдут. Когда обыщут весь палассо, придут сюда.

Он тихо выругался.

— Тогда я скажу тебе то, ради чего пришел. — Он сунул руку в карман и достал сложенный лист бумаги. — Я написал. На.

Она развернула лист.

— Что это?

— Рецепт, — сдавленным голосом ответил он.

— Рецепт?

«Да что он, совсем спятил?»

— Это Томас рассказал.

Она нахмурилась.

— Но зачем? Ингредиенты странные какие-то... В пищу не годятся. И для живописи...

— Никакие они не странные, — заверил он ее. — Все будет понятно, если почитать Фолио.

Она чуть не смяла бумагу.

— Сарио, но мне же нельзя читать Фолио!

— А я прочел. Кое-что. — Он сел рядом с ней на койку, наклонился, вгляделся в каракули на ветхом листке. — Эти слова любому непосвященному должны казаться бессмысленными. Но я знаю секрет. Томас объяснил, как это делать, и дал рецепт.

Она все еще пребывала в замешательстве.

— Сарио, я не понимаю. Зачем ты мне это показываешь?

Он вдохнул быстро и звучно, а потом торопливо и не очень разборчиво сказал:

— А затем... Я хочу, чтобы кто-нибудь знал. Ведра, мне нужно, чтобы ты узнала, прежде чем я начну.

— Начнешь? — подозрительно спросила она. — Эй, Сарио! Что ты затеял?

Взгляд его был мрачен, лицевые мышцы напряжены, руки крепко сцеплены, но все равно Сааведра заметила, что они слегка дрожат.

— Ведра, надо что-нибудь сделать. Я должен. Ты думаешь, из-за чего Томас?.. Он так и не понял, что такое Пейнтраддо Чиева. Вернее, понял, но слишком поздно.

Она тоже не поняла.

— А ты?

— Я понял. Только что. Поэтому я и должен кое-что сделать, иначе...

— Сарио!

— ...меня убьют.

— Убьют? Тебя? Сарио, да ты с ума сошел! За что?

— Неоссо Иррадо, — прошептал он.

— О нет... Сарио, у тебя что-то с нервами...

— Потому-то меня и прозвали так. Неоссо Иррадо.

Сааведра рассмеялась, но смех получился жалкий.

— Сарио, это потому, что ты невыносим. Нарушаешь правила, огрызаешься, пристаешь с расспросами, все делаешь из-под палки...

— Точь-в-точь как Томас.

Этот довод насторожил ее. Она посмотрела на бумагу с бессмысленным набором слов, пытаясь найти причину страха Сарио. То, что страх был, не вызывало сомнений, но была и решимость. Сарио сделает, что задумал. Сааведра не знала больше никого, кто бы так охотно шел на любой риск.

— Что это? — спросила она напрямик. — Что такое Пейнтраддо Чиева, если не простой автопортрет?

У Сарио дернулся уголок рта.

— Способ управления, — ответил он. — Тайный. То, что мы с тобой видели в кречетте.

Память мигом нарисовала ярчайшими красками ту картину.

— Наказание, — хрипло сказал он. — За беспокойство, доставленное старшим. За нарушение компордотты. За то, что ты Неоссо Иррадо.

— О нет...

— Томас был Неоссо Иррадо.

Вывод буквально напрашивался.

— Ну так ты не будь им! — воскликнула она.

Он поморщился, словно от боли.

— Ведра, от меня это не зависит. Я над собой не властен.

— Властен! Прекрати, и все! Не огрызайся, не задавай каверзных вопросов, не нарушай правил, блюди компордотту...

— Как же ты не понимаешь?! Когда от меня требуют, чтобы я занимался ерундой, или когда я могу что-нибудь сделать не как положено, а как лучше, — я не могу промолчать! Я не могу закрывать глаза на очевидное... это же нечестно! Недостойно моего таланта! И ты это знаешь! Знаешь!

Она знала. Потому что испытывала те же чувства, что и он.

— Меня ослепят, — тоскливо предрек он. — Как Томаса. Изувечат мой талант, как его руки.

Она уже знала, как это происходит.

— Сарио...

— Мне придется это сделать... Разве не понимаешь? Чтобы предотвратить... Томас знал способ, но он опоздал. Он рассказал, как писал автопортрет, какие вещества использовал... Но он ни о чем не догадывался. А я теперь знаю доподлинно.

У нее пересохло во рту.

— Как, Сарио? Как ты остановишь Вьехос Фратос?

- Я их перехитрю, — пообещал он. — Я еще маленький... да, слишком маленький, но и меня, конечно, скоро проверят. И, конечно, обнаружат, что мое семя бесплодно. И тогда, Ведра, они будут знать. Им нужно лишь последнее подтверждение... Тому, что уже и так известно. Тому, что живет здесь, в моей душе. — Он коснулся груди. — Я знаю, что я — Одаренный.

— Да, — взволнованно промолвила она. — Я всегда это знала.

— А значит, я опасен. Я должен буду выполнить свое предназначение, ведь иначе мне и рождаться не стоило... а они захотят, чтобы я был послушен. Для этого-то и нужен Пейнтраддо Чиева. — Он хрипло и часто дышал. — Если его изменить, изменится и тело.

— Да.

Она своими глазами видела, как в тайной кречетте это делали Вьехос Фратос. Тщательно, аккуратно, с изумительным мастерством превращали изображенного на картине юношу в

сморщенного, криворукого слепца — и с Томасом происходило то же самое. Потом Сарио повредил картину, и Томас погиб.

— Матра, — прошептала она, прижимая к губам дрожащую руку. — Матра эй Фильхо...

— Я напишу для них картины, все, какие закажут, — сказал Сарио. — Буду слушаться во всем, отдам Пейнтраддо Чиеву. Но не первый. Не единственный. Не настоящий. Настоящий я оставлю себе. Спрячу. И только ты будешь знать мою тайну.

7

Мейа-Суэрта — город многих лиц, многих сердец. Чье лицо увидишь, чьего сердца коснешься, зависит от таких предсказуемых вещей, как место рождения, ремесло, дар, красота и, конечно, состоятельность. Но подлинный дух города — в его непредсказуемости, в бьющем через край жизнелюбии его обитателей, даже тех, кто родился за его пределами. В Мейа-Суэрте бодрости и энергии недостает разве что покойникам, да хранят их вечный сон Матра эй Фильхо.

Старику не хотелось умирать в Тайра-Вирте, не хотелось ложиться в ее землю, не хотелось, чтобы его покой оберегали Мать и Сын. Он верил в другое божество — мужского пола, с обильным и здоровым семенем, с тьмой-тьмущей сыновей. Ему-то и молился старик. Этот бог не настолько легкомыслен, чтобы лишать благословения нерожденных или новорожденных, о которых не знаешь, доживут ли до зрелых лет.

Старик многое знал о Тайра-Вирте, но далеко не все понимал. Чуть ли не половина его жизни прошла в селах и городах герцогства, и в Мейа-Суэрте, наверное, он встретит свою смерть. Но все здесь было и осталось для него чужим. Все без исключения.

Мейа-Суэрта не жестока, она просто не желает его понять. Если наказывает, то без гнева. И равнодушной ее не назовешь — голодом не уморит. Но все-таки это не Тза'аб Ри.

Но что же такое Тза'аб Ри, если посмотреть правде в глаза? Руины. Череда страшных бедствий добила разгромленную в войне страну. Всему виной, конечно, безумие религиозного фанатика, но для этого дряхлого старца безумны те, кто так считает. Да покарает их Акуюб за кощунство!

Как можно этого не понимать? Все здешние земли отняты у Тза'аба Ри. Только безнадежный глупец способен упрекать царство за желание вернуть утраченное, возродить былое могущество, остановить вторжение коварных чужеземцев.

Да, они были хитры, те, что потом стали называть себя тайравиртцами в честь этого щедрого, зеленого края. Они просачивались незаметно, притворялись мирными и законопослушными.

Будто бы для них всего важнее спокойная жизнь и благополучие их семей.

Но слишком много чужих осело на этой земле. И они почитали не Акуюба, а Матерь и Сына. И потому Пророк, Наисвятейший Властелин Златого Ветра, почерпнул мудрости в Кита'абе — Священной Книге, хранящей речения Акуюба, единственного Бога сущего.

Старик видел Кита'аб, вернее, его останки. Своими глазами — слава всемилостивейшему Акуюбу! — глядел на святыню его родины, страницы с благословенными письменами, с чудными узорами на полях, с дивными рисунками в тексте. Книгу ту, перемежая труд молитвами, создали великие искусники, верные слуги Пророка.

И на страницах Священной Книги Акуюб назидал, что из всех стран его империи самая любимая — Тза'аб Ри, и волею Божьей наделена она несметными богатствами и благочестивым людом, и да оборонит святое воинство те богатства и тот люд в ее нерушимых границах.

В ее границах.

И тогда призвал к себе Пророк Златого Ветра самых достойных, и научил их, и вдохновил Святым Именем Акуюба, и нарек Всадниками Златого Ветра, и послал защитить границы от алчных пришельцев.

То было началом войны.

То было началом конца.

Старик вздохнул. Как давно это было? Вечность назад! Сколько молитв, сколько смертей! Ныне Тза'аб Ри лежит в руинах, а сам он ютится в самопровозглашенном герцогстве, в столице Бальтрана до'Веррады, чьи предки сокрушили Всадников Пророка, и его город, и его сердце и с помощью грозных и преданных витязей, таких, как Верро Грихальва, уничтожили Кита'аб.

Старик не хотел жить по обычаям Тайра-Вирте. Впрочем, когда-то жил — в Тза абе Ри многие строили себе кирпичные дома, но на Соборе Всадников роскошь была запрещена до возвращения потерянных земель. Воинам пришлось обзавестись шатрами и научиться жить без корней. Гораздо умнее витать вместе со Златым Ветром, сказал Пророк, чем навеки врастать в жалкий клочок земли или грязные мостовые города.

И они витали со Златым Ветром. Целыми днями не слезали с коней, даже спали в седлах или продуваемых ветром шатрах.

Теперь у него ни коня, ни седла. Правда, есть шатер... и маленький Тза'аб Ри — его собственный Тза'аб Ри — на земле, ныне зовущейся Тайра-Вирте.

Стоя в крошечном шатре, старый воин улыбнулся. Затем медленно, под хруст суставов, опустился на колени для молитвы.

Другие, сломленные напастями, тщась объяснить необъяснимое, называли Акуюба слабым Богом — за то, что допустил столько смертей, а Пророка сочли безумцем. Но старый тза'аб был спокоен и тверд в вере. На все есть своя причина; нельзя

усомниться в Акуюбе и остаться праведником. Надо просто верить ему и молиться.

Он верил. Наступит день, когда Бог откликнется на его мольбы. Когда-нибудь все вернется. Тза'аб Ри оживет в сердце человека, пусть даже этот человек будет чужой крови, пусть даже он родится в стране, которая ныне зовется Тайра-Вирте. Да, из сердца врага выйдет спаситель Акуюба, второй Пророк. Об этом старику сказала магия, и в чужом краю он жил, возможно, не только волею обстоятельств, но еще и ради Избавителя.

Лучше умереть, чем прозябать среди нечестивых язычников, но Акуюб не дарует смерти. Поэтому старик будет жить, как прожил десятки лет, с верой в будущее, ибо его судьба предопределена.

Алехандро недовольно морщился. За его спиной стоял задник — чудовищных размеров ширма из фиолетового велюрро, с золотой бахромой и массивными кистями. Она не скрадывала, лишь приглушала полифонию летнего дня: гудение пчел среди красного плюща за настежь растворенным окном, песенные дуэли пересмешников, изредка — взрывы смеха садовников, ухаживающих за клумбами на внутреннем дворе.

Но в комнате, где стоял мальчик, доминировали иные звуки, более прозаичные и оттого утомительные: монотонное гудение Сарагосы Серрано вперемешку с полными самодовольства восклицаниями, обращенными к мольберту, перед которым стоял придворный художник. А еще — скрип мела по плотной загрунтованной бумаге и свист воздуха, втягиваемого и выпускаемого сложенными в куриную гузку губами.

А за спиной наследника жил, дышал, манил к себе мир. Алехандро стоял как на раскаленных угольях. В нем закипало раздражение, грозилось вырваться наружу, если только он сам не вырвется из этой комнаты. Сколько можно терпеть эту пытку?! Он не для того рожден, чтобы стоять столбом перед этим узколицым павлином в малиновой парче и слушать противное мычание.

Он скривился еще сильнее.

Оторвав взгляд от наброска, Серрано вежливо запротестовал:

— Нет... эйха, нет, дон Алехандро. Нельзя ли снова приподнять подбородок, граццо? Потерпите еще чуть-чуть, всего лишь моментик, эн верро...

Алехандро не приподнял подбородок. И не перестал кривиться.

— Граццо, дон Алехандро...

Но дон Алехандро не внял мольбе.

— Хватит, — заявил он, принимая нормальную позу. — Ты слишком долго возишься.

— Дон Алехандро, подлинное искусство не терпит суеты...

— Другие художники так не копаются. — Мальчик подошел к мольберту, взглянул на набросок и состроил брезгливую мину. — Это не я.

Сарагоса выдавил неестественный смешок.

— Оригиналы редко себя узнают... Помилуйте, дон Алехандро, это вы, и никто иной. Не будьте слишком строги к грубому наброску, ведь это всего лишь начало...

— Я тут совсем не похож на себя.

— Пока, может, сходство и не полное, но все изменится, дон Алехандро, когда я возьму кисть...

Алехандро замотал головой и сказал с юношеской непреклонностью:

— Итинераррио и уличные художники гораздо лучше рисуют. Я сам видел.

Это был удар ниже пояса. На лице и шее Сарагосы Серрано выступили пунцовые пятна, почти не уступающие в яркости его летнему камзолу. Алехандро отметил это с удовлетворением.

— Это мое лицо, — твердо заявил он, указывая на картон. — Я хочу, чтобы оно было точно изображено.

Серрано зло сверкнул глазами.

— Вы, безусловно, правы, но разве я не сказал, что для этого необходимо время? Разве я не сказал, что это всего лишь грубый набросок? Разве я не сказал, что, как только дело дойдет до красок...

— Да, да, — перебил его Алехандро, позаимствовав у отца раздраженный тон, всегда действовавший безотказно. — Но если мой образ на портрете не похож на меня, чего ради я должен торчать здесь целый день? С таким же успехом я могу быть и там. — Он махнул в сторону окна. Через него в комнату проникали солнце, свежий нагретый воздух, шум почти незнакомого мира.

Но Сарагоса Серрано лишний раз доказал мальчику, что глух ко всему, кроме своего внутреннего голоса. Среди придворных ходила шутка, что Верховного иллюстратора, когда он за работой, можно обозвать как угодно, а в ответ услышишь только рассеянное «угу».

— Это будет ваш Пейнтраддо Наталиа...

— До моего дня рождения еще целых два месяца.

— Разумеется, но настоящие шедевры требуют времени...

Алехандро надолго впился взглядом в набросок, а затем перевел немигающие оленьи глаза на художника.

— Даже придворные говорят, что ты копуша.

Сарагоса, пунцовый от едва сдерживаемого гнева, вдруг стал бледен, как свеча в изголовье покойника. Алехандро показалось занятным, что простые слова обладают такой властью над цветом человеческой кожи.

— Что они говорят? — В пальцах Серрано раскрошился мел. — Что я копуша? — Он швырнул наземь крошки. — Неужели так и говорят? — Он схватил тряпку и набросил на картон. — Неужели так и говорят?

Алехандро мрачно кивнул.

— Фильхо до'канна! — Старший иллюстратор начисто позабыл, что в присутствии сына герцога ругаться нельзя. Конечно, мальчик знал смысл этого словосочетания, ведь

ему доводилось бывать и в кухне, и на конюшне, даже в караулке, где каждому придворному или челядинцу мужского пола не занимать крепких словечек. — Грязные свиньи, полоумные ослы, да что они смыслят... Что они смыслят в величии? Часами пудрят свои разукрашенные оспой рожи, нет бы попросить меня, я бы их написал, какими им хочется себя видеть. Все они одинаковы, все эти чирос, — все бы им интриговать, злопыхательствовать, рыть яму ближнему... В любой грязи измазаться готовы, отца родного не пожалеют ради политической выгоды. А я тружусь от зари и до зари, служу герцогу верой и правдой... Чего им не хватает? Запаха отбросов? — Его подошва растирала по полу кусочки мела.

Кто я такой, в конце концов, если не Верховный иллюстратор? Сам герцог поручил мне документировать историю до'Веррада, деловую жизнь города, герцогства, даже всех этих придворных чирос... — Снова его лицо залилось краской. — Думаете, мне это легко дается? Думаете, ничего не стоит целыми днями упрашивать благородных господ: «Повернитесь вот так, приподнимите голову, не забывайте про улыбочку... нет, вот так повернитесь, я вас умоляю... постойте еще моментик...» Бассда! Я понапрасну растрачиваю свое время и талант. Да! Надо изобразить их всем скопом как есть, а потом назвать картину «Иль чирос до'Тайра-Вирте»... И это будет настоящий шедевр, беспристрастное зеркало двора.

Алехандро заморгал.

— А я бы тебя написал. Таким, какой ты сейчас. И назвал бы картину «Иль борразка».

Но буря, вызванная репликой Алехандро, уже улеглась. Дрожащий от страха Верховный иллюстратор собрал жалкие остатки собственного достоинства и вынес их из ателиерро.

Победа была одержана без особых усилий. Ухмыляясь, Алехандро выбежал в пламенеющий день.

Сарио, сославшись на болезнь, два дня пролежал на кровати в своей кельe. Все это время он не пил ничего, кроме воды. Утром третьего дня встал, помочился в чистую чашку, перелил мочу в стеклянный пузырек с мерной шкалой, закупорил и спрятал.

Лето было в разгаре, но минувшей ночью он развел огонь в жаровне. Поставил на нее чугунный горшок, расплавил несколько кусочков канифоли.

Он вымыл голову чистой дождевой водой, затем, не дожидаясь, когда волосы высохнут, взял нож и срезал прядь с затылка. После чего тщательно расчесал и распушил шевелюру, прикрыв след недостающего завитка. Бережно положил срезанные волосы на тонкую необструганную лучину, обвязал ниткой и залил канифолью.

Затем выпил горячительной настойки, и через пять минут у него угрожающе поднялась температура. Красный, как вареный рак, трясущийся, плачущий, он упрямо сжимал две склянки и бормотал вызубренные молитвы; вскоре его прошиб пот, и он,

возблагодарив Матерь и Ее Святого Сына, собрал пот и слезы в пузырьки, закупорил и спрятал.

В четвертую склянку он не скупясь налил слюны, тоже заткнул пробкой и поставил к остальным.

Нагретым скальпелем Сарио сделал разрез на пальце и, держа его над крошечным пузырьком, отсчитал нужное число капель.

Моча. Слезы. Пот. Слюна. Кровь.

Осталось добыть последнюю жидкость, и можно приступать к колдовству.

У него участилось дыхание. Он медленно поднялся и снял ночную рубашку, окинул взглядом тело — худенькое, угловатое, ни мышц, ни силы взрослого мужчины. И все-таки он мужчина, хоть и слишком юный. Он это знает, чувствует, особенно по утрам.

Но этим утром семя не пошло. Сарио слегка рассердился — он ведь был готов. Видно, тут нужно что-нибудь подейственнее снов, воображения, непонятного, почти незнакомого инстинкта, настойчиво ищущего выход. Но что? Сарио был девственником; он и останется девственником, пока его не отправят на конфирматтио к женщинам, способным рожать. Он создан не для возни в темных альковах, не для тайных ночных свиданий. Как и все, кто стал или может стать Одаренным. В семье Грихальва пробуждение Дара в мальчике — почти святыня, ведь от него во многом зависит ее благополучие, ее выживание.

Если ты способен зачинать детей, значит, ты не Одаренный. Если женщина родит от Сарио, значит, он всего лишь обычный мужчина, и ему никогда не развить в себе подлинный талант вкупе с поразительной целеустремленностью — их заглушит плодородное семя.

Делать то, что он делал этим утром, было запрещено. Он еще не прошел конфирматтио, не получил должных знаний, дабы воспользоваться сокрытой в нем силой. Но время текло быстро, слишком быстро. Сарио не мог допустить, чтобы оно шло независимо от него; он обязан захватить власть над временем, пока оно не захватило власть над ним.

На миг его объял страх. Он стоял перед бурным потоком судьбы — если промедлит, отступит, жизнь вернется на круги своя. А если решится и прыгнет с обрыва, судьба захлестнет, закружит его и унесет неведомо куда.

«Ты всего лишь ребенок», — сказал ему внутренний голос.

Детство оберегает от бед. И посредственность. И отсутствие честолюбия. И послушание. И уважение к любым запретам.

«Мне бы родиться таким, как все. Я бы писал картины, учил детей, а может быть, и рождал их. Я бы прожил спокойную и долгую жизнь».

Но Свет его сердца, его души растопил сомнения, выжег тревогу. Остались только Талант, Свет, Голод. Он неподвижно смотрел на случайных мотыльков, пойманных в тенета солнца между полом и покоробленными жалюзи.

«Я — Сарио Грихальва. Я стану Верховным иллюстратором, потому что теперь знаю, как этого добиться».

Осталось добыть только один ингредиент. Он был юн, но знал, как это сделать. Тело подсказывало ему.

Надо было только подумать о ней.

8

Ничто в кречетте не напоминало о случившемся пять лет назад — о том, как любопытство и неосторожность юной женщины привели к гибели мужчины. Прошло много времени, и злоба дня давно стерла яркие краски того пожара. Теперь не только сегодняшний, но и завтрашний день семьи заботил Вьехос Фратос, и не было в них согласия.

Сарио Грихальва (Признанный, Одаренный, ставший одним из них и не приглашенный только на эту встречу) неожиданно сделался мастером-иллюстратором, причем более всех подходящим на пост, коего давно вожделела его семья. И это нисколько не радовало Вьехос Фратос.

Они разошлись во мнениях еще до того, как собрались в кречетте. Два года назад Сарио прошел конфирматтио и был признан истинно талантливым художником, обладателем неповторимого Дара. На этот счет сомнений не было и быть не могло. Но помимо таланта существовало и такое понятие, как компордотта: Сарио всегда был вопиюще своенравен и явно не желал перевоспитываться.

Кое-кто считал, что это поправимо. Другие полагали, что от своенравия один шаг до бунта, способного повлечь за собой катастрофу.

Стол, покрытый льняной скатертью, ломился от фруктов, конфет, кувшинов с вином и водой, глиняных ваз с цветами; их аромат вперемешку с медовым запахом восковых свеч давно перенасытил спертый воздух в комнате без окон. Сидя за этим столом, братья спорили уже несколько часов. Но до сих пор не нашли решения, удовлетворяющего всех.

Фрато Отавио, не расстающийся с кислой, под стать его манерам, гримасой, решительно помотал седеющей головой.

— Нельзя, — повторил он уже в который раз. — Есть и другие.

— Ученики, — еле слышно произнес агво Раймон. — Сарио — Признанный...

— Коли так, пусть это будет один из нас, — упорствовал Отавио. — Я слишком стар, но среди нас хватает молодых. Взять хотя бы тебя, Раймон.

Раймон, сидевший напротив старика, улыбнулся с притворной скромностью.

— Фрато Отавио, я премного благодарен, но, боюсь, у нас и впрямь очень маленький выбор.

— Это почему же? — вмешался в разговор черноволосый Фрато Ферико, сидевший слева от Отавио. — Нас тут двадцать один...

— А должно быть двадцать два, — хлопнув изящной ладонью по столу, подал голос Фрато Дэво, занимавший стул возле Раймона. — Два года назад мы признали Сарио Одаренным, и с тех пор он один из нас. Ему полагается сидеть здесь. По какому праву мы решаем его судьбу в его отсутствие?

Отавио что-то проворчал под нос, затем выпрямил спину и устроился поудобнее на стуле с сиденьем из велюрро и резной спинкой.

— Дэво, мы не решаем его судьбу. Мы ее обсуждаем...

— Все-таки нас тут двадцать один, — повысил голос Ферико, — или я не прав? Эйха, мы, конечно, можем выбрать одного из присутствующих здесь.

— Сарио — самый молодой, — заявил Отавио пренебрежительно.

Раймон грациозно кивнул.

— Да, самый молодой... И, возможно, самый Одаренный.

Воцарилась гробовая тишина. Потом снова раздались голоса спорщиков.

Раймон вздохнул. Поймав взгляд Премио Фрато, адресовал ему кривую улыбку. Артурро не улыбнулся в ответ, но по блеску глаз можно было понять, что он не полностью отвергает предложение Раймона.

Он поднял руку и постучал по столу костяшками пальцев.

Остальные умолкли. Даже самые шумные.

Рука Артурро соскользнула со стола на колено. Он ничем не выдал боли в пальцах. К себе он был не менее требователен, чем к другим, и не желал признаваться, что возраст берет свое. Ему было под пятьдесят — по меркам иллюстраторов, глубокий старик.

— Найдется ли среди нас человек, который ни разу не сомневался в мудрости Вьехос Фратос? — спросил он. — Найдется ли среди нас человек, которого не раздражала наша суровая, но необходимая компордотта? Найдется ли среди нас человек, который не предлагал изменить порядок? Мы помним, кто мы такие, помним, как мы должны поступать. Но для иллюстраторов эта задача намного сложнее из-за главной нашей беды: краткого срока жизни.

Он окинул взглядом собравшихся. На всех без исключения лицах боролись чувства.

— А посему нам не следуст умалять достоинства юных, — продолжал Артурро. Фраза предназначалась Отавио, и его лицо тотчас покрылось густым румянцем. — Наши герцоги, до'Веррада, избавлены от проблем, с которыми сталкиваемся мы, иллюстраторы... В мирное время они жили подолгу, чума их пощадила, и потому им не приходит в голову, что самые одаренные художники, чьи таланты светят наиболее ярко, сгорают слишком быстро... и что мы должны идти на это добровольно ради блага герцогства.

Ему удалось приковать к себе внимание всех, даже записных смутьянов — Отавио, Ферико и Дэво.

— Бальтран до'Веррада пребывает в отменном здравии. Для нас, иллюстраторов, сорок три — порог смерти, для обычных же людей это всего-навсего зрелые годы. У нас нет оснований считать, что дон Алехандро в ближайшие двадцать лет унаследует отцовский титул, а посему тот, кого нам предстоит готовить в кандидаты, должен быть молод. — Он улыбнулся уголками губ. — Конечно, к тому времени, когда придет его срок, я уже буду в могиле. И кое-кто из вас: Отавио — он почти мой ровесник, возможно, Ферико и Дэво. Не меньше половины из нас, а может быть, почти все... Раймон — вряд ли, ведь он самый молодой после Сарио... Хотя кто знает. Впрочем, если Раймон и доживет, шансов у него почти не будет — новый герцог вряд ли назначит старика Верховным иллюстратором. О нашем несчастье давным-давно знает весь город. И даже все герцогство. Враги семьи Грихальва, такие, как Серрано, без устали трубят о ее недостатках: слабое семя, слабая кровь, короткая жизнь. Вырожденцы. Вот почему наша задача — найти юного мужчину, чей талант — Дар — позволит ему стать идеальным преемником нынешнего Верховного иллюстратора, Сарагосы Серрано.

— Ему всего шестнадцать, — проворчал Отавио.

— А сколько ему будет через десять лет? — не полез за словом в карман Дэво.

Артурро улыбнулся.

— Вот именно. И кто из нас положа руку на сердце не хотел бы стать его ровесником? Знать, что впереди у тебя — лет двадцать, не меньше... а не год или в лучшем случае три. — Он поочередно взглянул на каждого из присутствующих и увидел согласие в спокойных взорах, тоску на морщинистых лицах. Никому из Вьехос Фратос, кроме Раймона и Сарио, не протянуть и десяти лет. — Неразумно жить только сегодняшним днем, стоит и о будущем думать.

Ферико недовольно покачал головой.

— Я не согласен, что Сарио — наше будущее.

— Неуправляем, — пробормотал Отавио.

— Любой человек управляем, если пожил среди Вьехос Фратос, — громко сказал Раймон. — Или вы забыли Томаса?

Томаса никто из них не забыл.

— Я думаю, помнит его и Сарио. В крайнем случае можно освежить его память. — Артурро еле заметно улыбнулся и легко сменил тему. — Мне бы хотелось предложить кандидатуру агво Раймона на должность иль семинно. Все эти шесть лет он служил мне так же добросовестно, как и вам, и если нас заботит будущее семьи, мы не должны пренебрегать и ее настоящим. К тому времени, когда дон Алехандро унаследует титул герцога, многих из нас уже не будет в живых, и если мы решили готовить Сарио к должности Верховного иллюстратора, надо дать ему в наставники человека, которому доверяем. Не сомневаюсь, когда-нибудь он станет сангво, но сейчас ему мало быть агво.

— Граццо, Премио, — хрипло поблагодарил Раймон. — Но... боюсь, я этого не стою.

— Стоишь. — Артурро поднял руку, дескать, не спорь. — Все ли согласны со мной?

— Можно было хоть по этому вопросу узнать мнение Сарио, — проворчал Дэво.

Ферико скривился.

— С каких это пор мальчишка вправе выбирать себе опекуна?

— Да, но разве мы все — не опекуны его? — спросил Артурро. — Разве мы не опекуны друг друга и всей нашей семьи?

— Пока в наших руках все принадлежащие нам Пейнтраддо Чиевы, бояться нечего, — сказал Дэво.

— Разве что самих себя, — заметил Раймон. — Мы наделаем бед, если станем неуправляемы. И кто из сидящих здесь может поклясться, что все мы — все без исключения — не доводили до белого каления взрослых, когда были мальчишками?

— Личные амбиции нельзя ставить выше целей семьи, — негромко промолвил Артурро. — А цель семьи — вернуть то, что отняла у нас нерро лингва. Силу. Положение. Славу.

— И былую численность, — тихо добавил Раймон. — Даже этого мы лишились. Теперь только Дар способен нам помочь, и пользоваться им надо с умом.

— С умом?! — Отавио возмущенно тряхнул головой. — Сарио не больно-то много думает о возрождении семьи. Только о себе.

Ферико кивнул, запустив пальцы в глиняную вазу, чтобы выдавить дольку лимона, — в спертом воздухе резкий аромат цитрусовых заменял благовония.

— Ему больше нравится критиковать наши правила.

— Мне тоже это нравилось, — сказал Артурро. — В прошлом.

Опешили все, даже Раймон.

— Премио, вам?!

— Конечно. — Артурро рассмеялся. — По-моему, это возрастное.

Отавио сразу возмущенно запротестовал:

— Я никогда не подвергал сомнению...

— Эйха, Тави, конечно, подвергал, — устало сказал Дэво. — Если хочешь, я напомню, когда и как. Могу повторить слово в слово. Ты капризничал всякий раз, когда муалимы требовали набивать руку на скучных пейзажах, а тебе хотелось рисовать нежные линии женской груди и ягодиц.

Эти слова вызвали множество улыбок и одну-единственную хмурую мину.

— У нас его Пейнтраддо Чиевы, — продолжал Дэво. — Между прочим, не кто иной как Сарио был рядом с девчонкой, когда она сожгла автопортрет Томаса. Думаете, он такой наивный? Думаете, не знает, что бы с ним стало, если б мы сочли необходимым его наказать?

— Сарио не дурак, — согласился Раймон. — Среди нас он, возможно, единственный, кому по силам задача вернуть Грихальва ко двору. Кстати, мы пришли обсудить именно эту тему.

— Верно, — подтвердил Артурро. — И похоже, кое-кто из нас об этом забыл. — Он неторопливо обвел взглядом

всех: Отавио, Дэво, Ферико, Хоао, Меквеля, Тимиррина и остальных. Талантливых. Одаренных. Всецело преданных делу сохранения, возрождения, одухотворения почти вымершего рода. — Все, братья мои. Оставим глупые споры и личные амбиции, ибо для нас нет ничего важнее блага семьи.

Отавио хмыкнул.

— И для Сарио?

— У него нет выбора, — прошептал Раймон.

— А если он все-таки воспротивится? — Ферико бросил на скатерть горсть раздавленных корок — доводы в защиту Сарио действовали ему на нервы. — Слишком непрочный фундамент, этот ваш мальчишка. Строить на нем целый замок — гиблое дело.

— Время у нас есть, — сказал Артурро. — Успеем его подготовить. Но если решимся, надо будет заняться этим как следует.

Отавио нахмурился.

— Слишком молодой.

Ферико кивнул.

— И слишком вспыльчивый.

— Неоссо Иррадо, — улыбнулся Артурро. — Но к тому времени, как до'Верраде понадобится новый Верховный иллюстратор, этот юноша будет гораздо старше, а может быть, и спокойнее. — Он посмотрел на Отавио в упор. — Мой старый друг, твои опасения мне понятны, и ты ошибаешься, считая, что я слишком легко отмахиваюсь от них. Сарио должен быть с нами, и мы должны быть уверены в нем. Мы приняли единственно верное решение, и сомневаться в нем — непозволительная роскошь. Тем более отказывать в доверии Грихальве, способному вернуть нам место при дворе.

На лице Раймона отразилось недоумение.

— Премио...

Артурро даже не повернул к нему головы.

— Обряд Чиевы до'Сангва создан для наказания Одаренных, стремящихся извлечь из таланта выгоду только для себя, а не для семьи. И хотя Сарио не делает ничего предосудительного, разве что вызывает раздражение у многих из нас, пожалуй, самое время приструнить его. — Он обратился к Отавио. — Если желаешь и если остальные согласны, можешь поставить на голосование «наименьшую кару».

Отавио открыл было рот, но тотчас вновь сжал тонкие губы. Прежде чем заговорить, он выдержал драматическую паузу и посмотрел на остальных.

— Согласны?

— Он же не совершил никакого проступка, — возразил Раймон.

— Пока, — буркнул Ферико.

— Он лезет к нам с каверзными вопросами, — сурово изрек Отавио.

— Вопрос — брат знания, — парировал Раймон.

— Лишнее знание — вредное знание, — в тон ему сказал Ферико.

В поисках поддержки Раймон взглянул на Премио Фрато, но старик промолчал.

— Повторяю: он ничего худого не сделал. Разве можно наказывать невиновного?

— Самое время его приструнить, — повторил Отавио слова Артурро.

— Поступи мы так с Томасом, глядишь, и обошлось бы без Чиевы до'Сангва, — задумчиво промолвил Ферико. — Или этот урок ничему нас не научил?

Дэво тяжело вздохнул и вжался лопатками в резную спинку стула. На его шее блеснул Ключ.

— Оба мнения в чем-то справедливы. С точки зрения кое-кого из нас, Сарио досаждает нам вопросами лишь потому, что Одаренным свойственна пытливость ума. Но у него есть и другие причины, известные только ему. И если мы не очертим ему предельно четко границы дозволенного, однажды он их по недомыслию нарушит.

— Или откровенно плюнет на них, — проворчал Отавио. — От этого мальчишки можно ждать чего угодно.

— Согласен, — поспешно сказал Раймон. — Если мы говорим о его таланте.

— Надо заняться его воспитанием. — Ферико потянулся за апельсином, разрезанным на ломтики. — Злых собак полагается держать на цепи, вот и давайте посадим Сарио на цепь. Пусть узнает, что такое ошейник.

Отавио одобрительно кивнул, а затем посмотрел на Раймона в упор.

— Мы не собираемся душить его ошейником. Но если боишься за мальчишку, возьми «наименьшую кару» на себя.

В глазах Раймона блеснула злость.

— Я — иль агво, и это вне моей компордотты.

— Ты теперь иль семинно, — улыбнулся Отавио. — Мы ж тебя выбрали. — Он поднес к губам Чиеву до'Орро, поцеловал и прижал к груди. Цепочка блеснула в сиянии свечи и золотой струйкой протекла между пальцами. — Да святятся Их Имена. Раймон, пусть это будет первым твоим делом на новом посту... Раз уж тебе больше нечем доказать свою пригодность.

Сааведра опустилась на каменную скамью в центральном внутреннем дворе Палассо Грихальва, где теплый воздух был перенасыщен запахами цитрусовых деревьев: лимона, апельсина, грейпфрута и прочих. С густой изумрудной зеленью их листвы приятно сочеталось грязноватое серебро олив в крапинах спелых ягод. Испачканной красками бледной рукой Сааведра прижимала к бедру доску с листом бумаги, а другой рукой плавно водила заостренным угольком, и на бумаге появлялись все новые штрихи портрета.

Работа почти не отнимала сил. На то и дан был Сааведре подлинный талант. Он горел в ней постоянно, опалял душу, рвался на волю, на простор творчества.

Несколько уверенных движений, и лицо на бумаге разделено на две половины — освещенную и затененную. Слабый штрих — и переносица приобретает объемность. Тень чуть погуще — и рядом появляется верхний край глазной впадины, а под нею — линия скулы, и уже угадывается профиль в три четверти. Лицо молодое, с гладкой кожей; черты сформировались еще не окончательно. Юноша и сейчас недурен собой, но со временем, похоже, станет красавцем.

День выдался теплый, а потому Сааведра надела лишь самое необходимое: просторную холщовую блузу без рукавов, выкрашенную мареной, но давно выгоревшую на солнце до цвета сухого шафрана; белые летние юбки (она уже не в том возрасте, когда девочки носят штаны) и сандалии, если можно так назвать кожаные подметки с ремешками для защиты ступней от раскаленных солнцем каменных плит с розетками. Густые черные волосы стянуты на затылке алой лентой, а на лоб в беспорядке спадают недлинные тонкие завитки.

Она рассеянно помахала рукой, отгоняя ос, и опять склонилась над доской. Работа требовала полной сосредоточенности.

Рот. Улыбка. Она ни разу не видела на его лице такого выражения. На висках у самых глаз — веселые складочки. Изящные брови слегка приподняты. Непокорная прядь черных волос — вечно в разлуке с остальными — выбилась из-под синей шляпы из велюрро с золотым шитьем, а от шляпы дугой до плеча — роскошное перо.

Добавить тени здесь и здесь. Выделить линию юношеского подбородка, постоянно выражающего взрослое упрямство. (Сааведра невольно улыбнулась.) Под ним — высокий, с замысловатым узором ворот превосходной рубашки, стянутый синим шелковым шнуром с золотыми фишками на концах. Скупыми быстрыми штрихами показать сборки летнего камзола из парчи, лишь намекнуть на затейливость вышивки... Надо спешить, пока не пропал образ. Детали — потом, для них особого вдохновения не требуется.

На бумагу упала тень. Сааведра нахмурилась и чуть отодвинулась на скамье, подставляя солнцу портрет.

— У него кривой зуб, — заявил Сарио.

Сааведра заскрежетала своими — идеально ровными — и процедила, почти не разжимая губ:

— Зубы я не пишу.

— Надо писать. Нельзя скрывать изъяны.

— Да ну? — Она удивленно изогнула брови. — А я думала, цель иллюстратора — заслужить признательность своего объекта. Иначе можно оказаться не у дел.

Он поморщился.

— Да ты просто в него втюрилась. Как и все девчонки в Мейа-Суэрте.

— Да, у него кривой зуб, — спокойно согласилась она. — Но это его не портит.

Она была права.

— Ага, ведь он так часто демонстрирует ослепительную улыбку, что никто этого не замечает. В смысле никто из женщин.

Сааведра ухмыльнулась.

— Что, завидуешь дону Алехандро? Эйха, Сарио, если надеешься стать Верховным иллюстратором, постарайся угодить тому, от кого зависит это назначение.

Он изобразил пренебрежительную усмешку.

— Думаю, он не повернется ко мне спиной, если я возьму на себя смелость заметить, что у него кривой зуб.

— Но ведь это почти не заметно, — возразила она. — И к тому же, откуда ты знаешь? Ты никогда не встречался с доном Алехандро. А вдруг ему совсем не понравится твое отношение к герцогским «изъянам»?

— Трудно писать зубы, — сказал Сарио. — Гораздо проще — закрытые рты. Я только одно хочу сказать: если ты намерена совершенствовать мастерство, надо быть к себе требовательной.

Она ответила ему язвительным смехом.

— Сарио! Да неужели ты это всерьез? Эйха, ты мне напоминаешь, что внешность дона Алехандро не идеальна. Что у него кривой зуб. А у тебя, стало быть, зубы — ровнее не бывает.

Сарио блеснул ими в волчьем оскале.

— Вот именно.

Сааведра небрежно повела плечом.

— Зубы — это важно, — согласилась она. — Но вряд ли художник замечает только их.

— А женщина? — произнес Сарио ломким хрипловатым голосом.

Сааведра вздохнула и пробормотала несколько крепких словечек на жаргоне художников. И не смутилась. В спорах Сарио всегда брал верх над ней только упрямством, а сейчас она была не в духе. Понимала, что он не даст вернуться к работе.

— Думаешь, он мне кажется красивым? Да. Думаешь, я в него влюблена? Возможно... хотя я не вполне уверена, что настоящий мужчина стал бы упрекать в этом женщину. Настоящий мужчина слишком горд, он не допустит и мысли, что женщина способна кого-нибудь предпочесть ему. — Она одарила Сарио широкой улыбкой. — Кто-кто, а ты, Сарио, никогда не потеряешь голову из-за юбки.

Он состроил кислую мину.

— С чего ты взяла?

— Чтобы в твоем честолюбивом сердце нашлось местечко для женщины? — съязвила Сааведра. — Да что ты, дружок!

Щеки его покрылись густым румянцем, точно пятнами солнечных ожогов; впрочем, Сарио был слишком смугл. Жители пустынь, от которых он унаследовал цвет кожи, не знают, что такое зуд и волдыри от солнечных ожогов.

— С чего ты взяла?

Она ухмыльнулась.

— Я слишком давно тебя знаю.

Его рука вскинулась в сторону Сааведры и тут же опустилась.

— Да, Ведра, — сухо промолвил он, — ты меня знаешь давно. Но ты не знаешь обо мне всего.

Эти слова вызвали тревогу. Даже не столько слова, сколько его взгляд — напряженный, выразительный. Она его не выдержала, отвела глаза.

— Да, — согласилась она, — всего я не знаю. Ты мужчина, Одаренный и к тому же Вьехо Фрато. Откуда мне знать все?

— А хочешь? — Нечто странное слышалось в его голосе.

Она бросила на него колючий взгляд. В этот миг Сарио был открыт перед ней, не прятался за надменностью и дерзостью, злившими многих, и за неутолимым честолюбием и цинизмом, злившими ее. Сейчас он был точно таким же, как и пять лет назад, — одиннадцатилетним мальчишкой, неспособным ничем отгородиться от страшных мыслей, что он раньше срока узнал суть Чиевы до'Сангва, что сам прибег к волшебству, которое погубило человека из семьи Грихальва. Из его семьи.

— Могу рассказать все что хочешь. — Он не кривил душой; в голосе не было ничего, кроме горечи.

И в этот миг Сааведра поняла, что сама она вовсе не та, кем себя считает по привычке. Они уже не дети. Да и как иначе? Ведь они родились в семье, надломленной мором, добровольно замкнувшейся на себе; выживание этой семьи целиком и полностью зависит от ее способности рожать Грихальва. Шестнадцать лет — не такой уж и юный возраст; вчерашние отроки частенько становятся отцами. И Сарио совсем не ребенок. Он стерилен, но не импотент, да и Сааведра уже вполне развита и не считается слишком молодой для материнства.

Она рассеянно взглянула на бумагу, на образ Алехандро до'Веррада. И вдруг обрывочные мысли разметало открытие, что у нее ногти в блестках угля — точно в черном инее.

«Почему я сейчас об этом думаю?»

Чтобы спрятаться от настойчивости, навязчивой откровенности Сарио.

«Матра Дольча, помоги!»

— Сарио, ты — Одаренный, — сказала она медленно и внятно.

Он скрежетнул белоснежными, идеально ровными зубами. И сказал так же внятно:

— И потому стерилен. Но я вовсе не слаб.

Она покраснела и впилась взглядом в незавершенный набросок славного юного наследника.

— А я имею в виду рождение детей.

Большинство мужчин — не иллюстраторы — расценили бы как оскорбление реплику о непригодности к отцовству. Но для Грихальва это высшая честь. Грихальва, способный зачинать детей, обделен Даром.

— Дурацкое дело, — с отвращением резюмировал Сарио. И уточнил, когда она возмущенно вскинулась: — Эйха,

Ведра, я не о деторождении, а о том, что глупо ограничиваться только этим, когда можешь предложить кое-что получше. — На смену открытости и уязвимости пришла обычная агрессивность: тех, кто не разделял его точку зрения, Сарио не щадил. — Думаешь, я слепой? Ведра, у тебя свой собственный Дар...

— Нет! — Она так стремительно встала, что доска едва не свалилась с колен. Хрустнул уголек, она бросила обломки на скамью. — Матра Дольча! Сарио, да неужели ты не видишь? Нет у меня никакого Дара. И быть не может. Как бы тебе ни хотелось... — Она беспомощно махнула рукой и сказала без обиняков: — Как бы тебе ни хотелось, чтобы я забыла об Алехандро.

— И ты веришь... — Он взъярился, как злой пес, даже губы побелели. — Ведра, при чем тут это?

— При том. — Она печально улыбнулась. — Мы уже не дети. Ты теперь с Вьехос Фратос, а мое предназначение — рожать детей тому, кого вы для меня выберете. Вот так-то. А потому детство лучше забыть. — И добавила гораздо мягче: — А ведь ты жалеешь о том, что ушло вместе с ним.

Он покачал головой.

— Ни о чем я не жалею. Ребенок бесправен.

— Нет. Не бесправнее женщины. — Сааведра вздохнула. Никогда она не желала такого разговора — трудного, пересыпанного двусмысленностями. — Ты, наверное, потому меня хочешь... потому что в твоем возрасте тянутся к ближайшей женщине. — Она отвела взгляд от его злого лица и закончила скороговоркой: — Ничего серьезнее обычного влечения тут нет. Я тебя уверяю.

— Уверяешь? — Под нестрижеными, нечесаными прядями черных волос яростно блеснули глаза. — Да как у тебя язык поворачивается? Ты говоришь, что знаешь меня, но... — Он запнулся на миг, поморщился, вскинул руку к левой ключице. — Может, ты и впрямь веришь, что знаешь меня, но... — Пальцы прижали к коже тонкую ткань рубашки. Теперь он был раздражен и удивлен. — Она меня что, укусила? Оса?

Смущения и злости как не бывало. Сааведра положила доску и взялась за шнурки его застиранной и неглаженой рубашки. Новоиспеченный Вьехо Фрато сменил детские блузу и штаны на одежду взрослого, но так и не привык к камзолу.

— Дай-ка гляну... Нет, убери пальцы.

— Больно же! — запротестовал Сарио.

— Сарио, не дергайся. Я только посмотрю. — Она развязала шнурки, обнажила клин безволосой кожи и несколько звеньев золотой цепи. — Ага, вот видишь? — Она еще ниже опустила край батистового ворота.

— Это еще что? Отродясь не видала таких укусов. Три прыщика по ровнехонькой линии.

— Дай-ка... — Его пальцы скользнули под цепь, ощупали нарывы. — Похоже на ожог... — И тут он обмер. С лица

сошел цвет, темные глаза наполнились яростью. Глядя в них, Сааведра похолодела.

— Ведра, у тебя картина. Автопортрет.

— Конечно, но...

— Цела? Где она?

— Там, где мы ее оставили. В моей комнате. — Она нахмурилась. — А в чем дело?

— Фильхо до'канна! — прошипел он. — Да как они посмели?!

— Сарио...

— Ты что, не понимаешь? — Он схватил и больно стиснул ее руку. — Они меня боятся. Пытаются мною командовать, да не очень-то выходит. Вот и напомнили, что у них моя Пейнтраддо Чиева.

— Но ведь она не у них, — сказала Сааведра, — у меня.

— Настоящая — у тебя. А у них — та, которую я для них и сделал. — У него перекатывались желваки; подбородок был не таким волевым, как у Алехандро до'Веррады, но в нем давно уже не осталось ничего детского. — Это не настоящая Пейнтраддо Чиева, но кое-что от меня в ней есть. Иначе было нельзя. А то как узнаешь, что они за тебя взялись? — В ярком солнечном свете глаза казались капельками кромешной мглы. — Ведра, пойдем со мной. Ты должна кое-что сделать.

— Сарио...

— Пойдем... Нам надо в твою комнату. — Он снова схватил ее за руку, потянул за собой. — Адеко! Сейчас! Они ждут, что я приду выяснять, в чем дело. Не нужно их разочаровывать.

У Сааведры не было выбора, она пошла с ним. Будто и не минуло пяти лет: снова она представила кречетту и Чиеву до'Сангва. Сарио не выпускал ее, решительно тянул за собой.

«Тогда он был меньше меня. И тоньше».

Он намного перерос ее, но его кости, видимо, не предназначались для могучей мускулатуры воина. Он был худощав и жилист, длинные изящные ладони привлекали взгляд. Сааведра догадывалась, что к тому времени, когда он закончит расти, в его облике появится красота, несвойственная низкорослым, широким в кости тайравиртцам.

«Говорят, это кровь тза'абов. — И тут же появилась другая, не очень приятная мысль: — А как она проявится в моей внешности?»

И вот они в коридоре, ведущем в ее тесную келью. Замки в Палассо Грихальва были редкостью. Сарио поднял щеколду, распахнул узкую дверь и втолкнул Сааведру в комнатушку.

— Свечи есть? — буркнул он, затворяя за собой дверь.

— Одна найдется, конечно. Сарио...

— Зажечь сумеешь?

— Да, но...

— Неси. — Он бесцеремонно растянулся на ее узкой кровати. Одна рука рванула книзу ворот рубашки, оголив рельефный изгиб ключицы; снова блеснула золотая цепь. — Этих отметин маловато — заподозрят. Надо сделать побольше. Приступай.

Сааведра остановилась у кровати с горящей свечой.

— Сарио, что ты задумал?

— Горячий воск, — отрывисто приказал он. — Три капли: сюда, сюда и сюда. — Он дотронулся пальцем до красных пятнышек. — Ведра, действуй.

— Обжечь? Тебя? Сарио, да ты спятил! Клянусь любовью Матери...

— Действуй! — прошипел он. — Так надо. Иначе мне конец. Если они узнают, что меня не обожгло, — все поймут. Давай, Ведра!

— Матра Дольча! — прошептала она. — Да ты и впрямь чокнутый.

— Зато живой, — прохрипел он. — И здоровый. Чему не бывать, если они узнают правду.

Сааведра сжала зубы. Она подчинится, но не беспрекословно же!

— Почему они это сделали? Что ты натворил?

Он поморщился.

— Ничего. До'нада. — И наклонил шею, пытаясь взглянуть на ровный багровый пунктир на ключице. — Ну так что, сделаешь?

— Терпение, — проворчала она, сдаваясь. — А то мимо налью, и тогда они догадаются.

— Они рассчитывают, что я сразу же приду. Нельзя мешкать.

— Ложка, — задумчиво сказала она.

— Ложка? — удивленно переспросил он.

— Моментита... — Она сделала пять шагов к столу у окна, затем пять шагов обратно и осторожно примостилась на краю кровати. — Сарио, постарайся не шевелиться.

Сарио поерзал, располагаясь поудобнее, и внимательно посмотрел ей в лицо. Затем испуганно втянул голову в плечи и перевел взгляд на ложку, выскребавшую из глиняного подсвечника застывающий воск. От его лица отлила кровь, на лбу выступил пот.

— Не шевелись, — повторила она, отодвигая цепочку с увесистым Золотым Ключом, и очень осторожно наклонила ложку, чтобы воск капнул точно на красные вздутия.

Премо. Дуо. Трео. Сарио со свистом выпустил воздух через сжатые зубы. Сладковато пахло воском с примесью цедры. Сааведра внимательно посмотрела на дело рук своих, затем отнесла на стол свечу и ложку.

— Готово? — Он сел, пощупал восковые пятна. Еле слышно звякнула цепочка, соскальзывая по груди под кружева батистовой рубашки.

— Дай застыть. Потом снимешь.

Он так и сделал.

— Все?

Она осмотрела красные пятна, осторожно провела по ним пальцем. Почувствовала, как у него на миг сперло дыхание. Больно? Или дело в другом?

— Может остаться шрам, — бесстрастным тоном сказала она. — Кожа здесь нежная. Вот если б на пальцах... — Она убрала руку.

— Так даже лучше. — Он встал, снова звякнула цепь, повисли концы незавязанного шнурка. — Ладно, я пойду, спрошу братьев, с какой стати они решили напомнить мне о том, что человек слаб.

Он вышел, не дожидаясь ее отклика. Сааведра вздохнула и криво улыбнулась.

— Это ты слаб? Ха!

9

Мрачно, целеустремленно и без малейшего недовольства на лице Сарио распахнул незапертую дверь кречетты. Как он и ожидал, его взору сразу предстал мольберт с его Пейнтраддо Чиевой — парча сдвинута и свисает с рамы, как плащ, соскользнувший с одного плеча. И тут же он увидел человека, стоявшего перед портретом.

— Ты! — выдохнул Сарио.

Стройный Грихальва в темном одеянии молчал и выжидающе смотрел на него. Слабые отблески свечи вяло проскальзывали по изящной золотой цепочке на его шее, по бортам черного шелкового камзола, по символу Дара — Чиеве до'Орро.

«Значит, мне придется иметь дело с ним...»

Сарио помедлил несколько мгновений, потом тихо вздохнул. Ему даже удалось слегка расслабить плечевые мышцы — их едва не свело судорогой. Из Вьехос Фратос только этот человек никогда не осуждал вспыльчивый и нетерпеливый характер Сарио, его неутолимое любопытство. Но тем не менее сейчас его выразительное, не лишенное красоты лицо хранило суровое выражение.

— Агво Раймон...

— Семинно, — перебил тихий голос.

Сарио обмер. Одно-единственное слово... но как много оно значит. Его охватил гнев, но не жгучий. Ледяной.

— Вот как? Примите мои поздравления, семинно Раймон... Но это ничего не объясняет.

— А что, должно?

Нужно потянуть время. Чтобы взять себя в руки. Встреча с этим человеком — совершенно неожиданная встреча — напрочь разрушила тактический план Сарио. Он повернулся к двери и затворил ее подчеркнуто тщательно, даже щеколду опустил совершенно бесшумно. И добился чего хотел — обрел спокойствие и отрешенность. Повернувшись, увидел точно такую же бесстрастность на лице новоиспеченного семинно.

Новость о его повышении не могла вызвать ничего, кроме тревоги. По меркам Вьехос Фратос, Раймон был очень молод, хоть и на десять с лишним лет старше Сарио. А по меркам Сарио, он был самым порядочным из Вьехос Фратос.

По крайней мере до сего дня. Чтобы успокоиться, Сарио наполнил воздухом легкие, затем медленно обнажил ключицу и посмотрел на Раймона вопросительно и вызывающе.

Раймон ничего не сказал, даже не шевельнулся; если и заметил красные пятна, ничем этого не выдал.

«Так зачем же вы это сделали?»

Заскрежетав зубами, Сарио отпустил кружево и посмотрел на Пейнтраддо. Действительно, на нем появились три маленьких пятнышка — там, где пламя коснулось краски.

— Но ведь я ничего не сделал. — Он предельно понизил голос, чтобы не выплеснуть сдерживаемый гнев. — Ничего недозволенного.

Раймон смотрел на него твердо, взор был ясен как солнечный день.

— Ты их напугал.

Чего-чего, а этого Сарио никак не ожидал. У него брови полезли на лоб.

Раймон вздохнул, его губы тронула знакомая кривая улыбка.

— Сарио, все мы через это прошли. Даже я не исключение.

Добродушно-ироничный тон не остался незамеченным, но Сарио был слишком зол, чтобы отдать ему должное, чтобы идти на мировую с единственным Вьехо Фрато, которого он считал своим другом (если только можно считать другом одного из тех, кто его третировал с детства).

— И все-таки как это понимать? — Сарио махнул рукой в сторону портрета. — Помнится, я своими ушами слышал, что Чиева до'Сангва применяется в редчайших случаях — когда кто-нибудь из Одаренных своим возмутительным поведением угрожает безопасности семьи. Разве я когда-нибудь это делал? А?

— Это не Чиева до'Сангва, — сдержанно возразил Раймон. — Мы ничего такого не имели в виду. Это всего лишь предупреждение. И братья рассчитывают, что ты воспримешь его с пониманием.

Это было невероятно. И нечестно. Подло.

— Восприму с пониманием? То, что меня наказали за чьи-то страхи? — Сарио изумленно покачал головой; волосы, заждавшиеся стрижки, попали под развязанный ворот. — Раз вы на такое способны, вам бы не мешало посмотреть на себя. Я Признан в полном соответствии с обычаями, моя испытательная картина написана по всем правилам, и два месяца назад я принят в круг Вьехос Фратос. Тут комар носу не подточит, иначе бы я остался никем. Спрашивается, за что мне оказана такая честь, если вы меня боитесь?

— Сарио, ты считаешь это честью? Или только способом достижения цели?

Сарио заколебался, праведный гнев поумерился; вернулось уважение к незаурядному уму Раймона и напомнило: надо следить за языком.

— У всех у нас одна цель: чтобы Верховным иллюстратором опять стал Грихальва, чтобы мы помогали герцогам управлять...

— Но кое-кто боится этого, — перебил Раймон. — Серрано. И другие.

И тут Сарио не сдержался. Темперамент взял верх над осторожностью.

— Только не иллюстраторы! Разве не будет героем тот из нас, кто вернет семье утраченное положение?

— И этим героем хочешь стать ты.

— А почему бы и нет? — Сарио простер руки к Раймону. — Разве ты никогда не мечтал этого добиться?

Резкие черты лица семинно немного смягчились.

— Я в это верил.

В груди Сарио заклокотал смех и вырвался на волю. Отлегло от сердца — кажется, он понят.

— Ага! Эйха, вот видишь? Мы с тобой не так уж несхожи.

— Но я не поставил перед собой такой задачи. — Снова в голосе Раймона появилась мягкая ирония. — Если бы завтра Бальтран до'Веррада умер, то, может быть... Но он не умрет, разве что от руки убийцы, да и это мало вероятно — народ его любит и в обиду не даст. Нам остается ждать, когда его сын получит власть и назначит нового Верховного иллюстратора, а я к тому времени буду слишком стар.

Сааведра утверждала, что Сарио довольно часто выходит из себя, что люди в первую очередь обращают внимание на гнев, а не на значение его слов. Не без напряжения воли Сарио превозмог злость и вооружился здравым смыслом.

— С детства нам внушают, что мы больше годимся для живописи, чем любой другой род в Тайра-Вирте. Но если у кого-нибудь из нас появится мечта стать Верховным иллюстратором, его обязательно накажут.

— Не за мечту, — сказал Раймон. — За своенравие. За непочтительность. За слишком откровенные сомнения... опасные сомнения в устоях семьи. За несоблюдение компордотты. За стремление взять судьбу Дара в собственные руки.

— Но ведь это мой Дар...

— Нет, Сарио, это наш Дар. — В голосе Раймона появился холодок.

Все-таки он — иль семинно и действует по поручению Вьехос Фратос.

— Вот за что ты понес наказание. Это не твой Дар, не твоя цель, не твое предназначение, а наши! Рода Грихальва. Мы этого добиваемся ради благополучия семьи, а не ради честолюбия кого-то одного. Сарио, не имеет значения, Одарен ты или нет. У тебя есть долг перед семьей, ты обязан трудиться вместе с ней ради возвращения того, что когда-то было нашим.

— И я этого добьюсь! — вскричал Сарио. — Раймон, не сажай меня на цепь! Дай мне выполнить долг, и я стану первым Грихальвой по правую руку от до'Веррады со времен нерро лингвы!

— Позволить, чтобы ты вырвал бразды из рук законного герцога?

Сарио притих. Раймон — человек честный и приятный в общении, из Вьехос Фратос только он и годится для разговора по душам, но сейчас, в этот поразительный момент истины, Сарио увидел перед собой незнакомца. Способного язвить чужое тело

посредством картины. Такого же, как и все, скованного своей беспомощностью перед обветшалыми суевериями и обрядами. Не ведающего подлинной силы...

Сарио тихо спросил:

— Значит, вы этого боитесь? Что я захочу узурпировать власть герцога?

На лице Раймона пролегли суровые складки. Но голос остался мягким.

— Когда-то мы сами могли стать герцогами. Народ восхвалял Грихальву как своего спасителя, и сделай мы в ту пору иной выбор, наша судьба, наверное, сложилась бы совершенно иначе. Но Верро Грихальва погиб. Заслонил собою Ренайо до'Верраду от тза'абской стрелы и умер на руках герцога.

— И тем самым обрек нас на вечную роль прислуги, — с горечью сказал Сарио.

Раймон, немного помолчав, объяснил:

— Ты самый способный из нас, я еще не встречал Грихальву талантливее тебя. Но и опаснее.

Последнее слово ужалило как оса. Сарио был готов его услышать, но все-таки не ожидал такой боли.

— И ты меня боишься?

— Видишь ли, Сарио, та самая сила, которая побуждает тебя к действиям и питает честолюбие — Луса до'Орро, — способна сломать тебя, переделать до неузнаваемости. Чтобы честолюбие приносило реальную пользу, необходимо им управлять. Иначе оно так и останется не более чем задатком, эгоистичным стремлением к первенству.

— К власти, — сказал Сарио без обиняков.

«По душам, так по душам. Будем резать правду-матку».

Раймон смело принял вызов.

— Да. Стремление к чистой, нераздельной власти. Но однажды на поле битвы смерть нашего родича предопределила роль Грихальва в новом государстве. И это отнюдь не роль правителя.

Сарио невесело рассмеялся.

— Если бы Верро не спас Ренайо до'Верраду, мы бы стали герцогами, а не иллюстраторами.

— Возможно. Хотя кто знает? Как бы то ни было, мы сделали выбор.

— Но не для меня.

— И для тебя, Сарио. Для всех нас... а тза'абы позаботились о том, чтобы мы не передумали.

Сарио понял, что имеет в виду семинно.

— Похитив женщин из нашей семьи и наделав нам ублюдков?

— Чи'патрос, — спокойно поправил Раймон. — Наших предков.

— Которых все презирали и ненавидели, особенно екклезия!

— Да, тза'абы обесчестили тех женщин, но пятно позора легло и на нас. Тза'абы были врагами, язычниками, из-

за них мы теперь меченые, наша кровь считается нечистой... И за это нас поносят недруги, к которым судьба была милостивее. — Раймон аккуратно занавесил картину парчой, спрятал опаленный образ юноши, чьим талантом восхищались и чьих устремлений пугались. — Екклезия не скрывала, что считает нас полукровками. Это одна из причин, по которой нас ненавидят. А о других причинах ты и сам знаешь. Мы не такие, как все, и эта непохожесть внушает священникам страх.

— Лицемерные ослы в рясах!

— Не все. Многие веруют искренне. Но важно другое: пока екклезия называет нас порченными, в это будет верить народ. — Раймон помолчал секунду-другую, дабы восстановить душевное равновесие, и продолжал: — Сарио, есть и еще кое-что. Сила правителей — в их жизнеспособности, долголетии. У нас — ни того ни другого.

— Когда-то было и то, и другое.

— Но Матра эй Фильхо прогневались на нас и отняли силу. Пойми, Сарио, перро лингва была для нас карой... Мы переступили грань дозволенного. Возгордились. И за это были повергнуты в ничтожество.

— Раймон, — Сарио уже не мог сдержаться, — Матерь с ее младенцем Сыном в самом деле так сказали?

Вопреки его ожиданиям Раймон ответил без гнева и враждебности, а с невероятным спокойствием, которое вызвало у юноши зубовный скрежет.

— Подлинный иллюстратор понимает и радостно приемлет священные знамения, как бы они ни выглядели.

— Но...

— Бассда! — Отбросив дружеский тон, Раймон плавно прошел вперед и остановился в шаге от Сарио. — Дураком меня считаешь? Конечно, ты вправе думать что угодно... Но неужели ты способен хоть на миг поверить, что в семье Грихальва один лишь ты лелеешь великие замыслы? Что только твоя Луса до'Орро рвется на свободу?

— Но почему тогда...

Внезапно Раймон, вопреки обыкновению и нисколько не рисуясь, задрал левый рукав камзола и манжету рубашки.

— Сарио, ты идешь по моим стопам! Даже прозвище твое — Неоссо Иррадо — носил когда-то и я.

Разумеется, Сарио не мог не взглянуть на обнаженное запястье. На его внутренней стороне виднелся рубец — сизый след глубокого пореза.

— «Наименьшая кара», — грустно произнес Раймон. — Конечно, те, кто настоял на ней, давно лежат в могиле; они уже тогда дышали на ладан. Но я могу тебе сказать только то, что они сказали мне: своеправие и непокорность семье не служат. И мириться с ними нельзя.

Сарио облизал губы

— И поэтому они погасили твой огонь.

— Погасили? Разве ты не видел мои последние работы? — Бледность его лика не уступала белизне его батистовой рубашки. — Нет, Сарио, не «погасили». Перенацелили. И я пришел к выводу: если можно сослужить хоть малейшую службу нашей многострадальной семье, то надо радоваться и этому.

— Я не хочу радоваться этому, — запротестовал Сарио. — Я хочу большего.

— Ну, а коли так, — сказал Раймон с горечью, противоречащей его улыбке, — я тебя не боюсь. Я боюсь за тебя.

Сарио хотел что-то сказать, но иль семинно мотнул головой, давая понять, что разговор закончен.

— Прошу извинить, граццо. У меня дела. — Он направился к выходу, молча отворил и затворил за собой дверь.

Шипя и дрожа, как рассерженный кот, Сарио подождал, пока уляжется гнев. Затем подошел к мольберту и откинул парчу с автопортрета, не отвечавшего всем требованиям, которые предъявлялись к испытательной работе юных претендентов на членство в мужской элите рода Грихальва.

Власть. Но недостаточная.

Сарио с удовлетворением разглядывал картину. Не о чем беспокоиться. Вьехос Фратос ему не опасны. Чего бы ни требовали от него. Как бы ни боялись его.

Он улыбнулся своему автопортрету.

— Верро Грихальва был глупцом.

Гитанна Серрано не могла оторвать взор от бесценного зеркала — его подарил герцог в память о их первой астравенте тайра-виртском празднике «звездного ветра», поры, когда с неба сыплются звезды и попадают в зеркала влюбленных. Правда, это зеркало в ритуале не участвовало — оно было слишком большое, слишком красивое, слишком дорогое. Оно лишь напоминало о первой ночи, которую герцог и Гитанна провели вдвоем.

С тех пор миновало так много ночей, так много астравент. Гитанна изучала каждый квадратный дюйм лица, беспощадная к себе, как беспощаден мужчина к врагу на поле брани. По сути, лицо и было врагом, уставившимся на нее через посеребренное стекло, постоянно напоминающим о бренности женской красоты.

Где она, восхитительно свежая, пышущая бодростью и здоровьем молодая женщина, которая дала соблазнить себя в астравенту, едва оказалась при дворе? Ее больше нет. Растратила юность на войны, где оружием служат слова, а стратегическими планами — дворцовые интриги. Зима, лето, зима, лето... И пусть не приходится думать о подвозе продовольствия и фуража, о зимних квартирах, о наборе пополнения. Только о подступающей старости, об уходящей красоте. Но разве от этого легче?

Она со страхом думала, что война проиграна, близится последняя битва. Семь лет он приходил к ней, семь лет после той первой ночи, когда оказал ей честь, когда возвысил ее над всеми, сделав своей любовницей. Семь лет, превративших девушку в старуху.

Гитанна поморщилась. Мужчины просто стареют. А женщины превращаются в старух.

В ее локонах не пробивалась седина. Помады и лосьоны оберегали свежесть кожи, бросали вызов летнему тайра-виртскому солнцу, болотной сырости и даже всесокрушающему времени. Она не вынашивала детей, и потому талия осталась узкой, бедра крутыми, а груди тугими. И все-таки она уже не та, что прежде, — в этом нет сомнений.

Гитанна на миг закрыла глаза, предавшись покою, услышала гудение пчел за растворенным окном, далекий лай и приглушенный расстоянием женский смех во внутреннем дворе. Она решила сидеть совершенно неподвижно, но тут же почувствовала предательскую дрожь век.

Клацнул замок. Гитанна улыбнулась с облегчением.

«Он меня еще не бросил».

Отворилась дверь, и снова раздался щелчок. Постороннему теперь в комнату не войти. Не открывая глаз, Гитанна напрягла слух и обоняние: шелест дорогих тканей, пряные, хоть и слабые, запахи мужского и конского пота. И благоговейный возглас — вошедший увидел в зеркале ее нагие груди.

— Матра Дольча! — прошептал он, как ей показалось, с мольбой.

Веки распахнулись. Ей понадобилась вся сила воли, чтобы не обернуться в изумлении и страхе, не закричать.

Вот так. Случилось.

Алехандро улыбался. Улыбка была отцовская, но обаяние — свое, природное. Никакой рассудочности, наигранности в манерах. Мир еще не наложил на него свой отпечаток, Алехандро оставался самим собой.

Он тоже нервничал. Уже не мальчик, но и не совсем мужчина. Высокий, растущий не по дням, а по часам; плечи широки, но еще не отяжелели от мышц. Руки с широкими ладонями прекрасно знакомы с мечом, ножом, поводьями, но неопытны в ласках.

Алехандро беспокойно вздохнул и произнес:

— Он сказал, это поручается вам.

Она медленно встала. С напудренных, надушенных плеч упала роскошная кружевная шаль. Гитанна сбросила ее неуловимым движением, и кружева плавно, как невесомая пушинка, опустились на ковер. Скоро на эту шаль упадет и его одежда.

— Да, — отозвалась Гитанна.

Отец сделал ее женщиной. А ей теперь предстоит сделать мужчиной сына.

10

Лишь четвертый из встречных, к которым обратилась Сааведра, дал желанный ответ: «В Галиерре». Она отправилась туда, где и обнаружила Сарио. Целиком уйдя в себя, он напряженно изучал картины в затененном углу. Сложенные на груди руки прижимались к ней с такой силой, словно он боялся, что выпрыгнет сердце. На лбу пролегли глубокие складки, желваки набухли, и казалось, вот-вот лопнет кожа. Блеск оскаленных зубов выдавал напряжение лицевых мышц.

— Привет, — сказала она. — Я пришла спросить: хочешь пойти со мной на праздник? Впрочем, вижу, ты не в настроении...

Она подождала. Тишина. Ее насмешливый тон остался незамеченным.

— Сарио.

Она взглянула на картины. Ни одной большой, ни одной старше месяца-двух. От них пахло канифолью, клеем, наполнителями для красок.

— Не твои, — сказала она.

— Раймона.

— Раймона? — Сааведра внимательнее посмотрела на них. — Но... почему?

— Он посоветовал взглянуть, — с холодком ответил Сарио. — Это должно кое-что объяснить.

И тогда она поняла — он не расположен к разговору.

— Что?

Он бросил на нее недовольный взгляд. Оскал не исчез.

— Его взгляд на вещи.

Что-то блеснуло в темных глазах, заполнило их и ушло, лишь когда он напряг волю.

— И?

— Тебе не понять.

Сааведре захотелось отвесить ему пощечину. Ее ярость лишь разгоралась медленнее, а так ни в чем не уступала ярости Сарио.

— А, ясно. Мы сегодня мердитто альба, да? Слишком важная персона, чтобы снисходить до разговора с ничтожной женщиной. Мы теперь Вьехо Фрато, Одаренные, Признанные, голубая косточка. Ах, простите за вторжение... Удаляюсь, не смею осквернять воздух, коим вы изволите дышать!

— Подожди! — Как только она отвернулась, он схватил ее за руку. — Сааведра, подожди! Ведра, неосса иррада, не злись.

— А вот буду злиться, — заупрямилась она. — Что хочу, то и буду делать, не ты один способен чувствовать. — Она сверкнула глазами и рывком высвободила руку. — Матра Дольча! Сарио, я не позволю так с собой обращаться, я тебе не какая-нибудь... Мы с тобой слишком много знаем друг о друге, у нас слиш-

ком много общих тайн. Так что побереги раздражительность и вспыльчивость для кого-нибудь другого.

— Но ведь сейчас тут никого, кроме тебя, — спокойно возразил он. — И ты спросила.

— Эйха, спросила. А что тут такого? — Она снова посмотрела на картины. — Что здесь такого необычного, в последних картинах агво Раймона?

— Семинно, его повысили. Я его обвинил в утрате Луса до'Орро. Он вышел из себя...

— А разве ты бываешь в себе?

— ...и наговорил чего не следовало.

— Да с чего ты взял, что он потерял Луса до'Орро? — Она указала на картины. — Посмотри на них, даже издали видно, что у него все в порядке.

— Ты видишь, да? Его огонь? Его Свет?

— Конечно, вижу. — Она всегда видела Луса до'Орро в любом настоящем художнике.

— Ну, и что ты тут видишь?

— На картинах? — Она задумалась на миг. — Надо их хорошенько рассмотреть.

— Нет, нет... — Опять прорвалась его раздражительность. — Ведра, что ты видишь с... с первого взгляда? Талант? Его Дар?

— Просто дар, — сразу ответила она, нисколько не сомневаясь в своей правоте. — Он не так хорош, как твой.

Сарио густо покраснел.

— А как хорош? Как дар Раймона?

— Сарио, я ведь уже говорила. Ты — лучший. Самый лучший.

— Самый лучший, — тихо повторил он.

— Самый лучший, — кивнула она. — Ты достоин, чтобы исполнилась твоя самая заветная мечта — стать Верховным иллюстратором в Палассо Веррада.

Краска смущения исчезла. Он стал белее мела, в зрачках сгустилась мгла.

— Почему ты так веришь в меня? Чем я заслужил такую преданность?

— Да ничем. Просто ты — это ты. — Сааведра пожала плечами. — Даже не знаю, Сарио. Но в тебе есть огонь. Или, может, твоя Луса до'Орро слишком ярко горит, трудно не заметить. — Она снисходительно улыбнулась. — Неоссо Иррадо, все, что о тебе говорят, правда. Но мне это безразлично. Я вижу то, что кроется в самой глубине.

— В глубине?

— Под краской, — уточнила она. — Под многими слоями тусклой краски — ее наносили второпях и с одной-единственной целью: превратить картину со всеми ее деталями, со всеми тонкостями в одно сплошное пятно. — Она пожала плечами. — Маска, вроде слоя штукатурки поверх фрески. А под нею прячешься ты.

Он зачарованно слушал ее.

— Но если я прячусь под маской, если я облепился штукатуркой, как тебе удалось меня разглядеть?

Она сказала не задумываясь, как будто ответ давно хранился в мозгу:

— Мотыльки, хоть и чувствуют жар, все равно летят на огонь.

— И сгорают в нем, — прошептал Сарио.

— Бывает, — с готовностью согласилась она. — Но все они ощущают Свет.

Он заморгал. Он потерялся в стране своего воображения, далеко от Сааведры. Воображение опять тянуло его за собой, уносило далеко-далеко. Но он спохватился. И вернулся.

— А ты бы могла?

— Что?

— Сгореть в этом пламени?

— Никогда, — ответила Сааведра. И увидела в его глазах понимание и уверенность.

— Ты мне уже помогала, — напомнил он.

— Да, помогала. Надо будет — еще помогу, не сомневайся.

Он притворился, что не заметил иронии.

— Ты сожгла Пейнтраддо Томаса.

Да он вовсе не шутит! Казалось, он чего-то хочет от нее. Обещания? Клятвы верности? Того, что она еще не делала для него, в чем не видела необходимости?

— Ты слишком много просишь, — сказала она вдруг.

Он втянул голову в плечи. Удар оказался слишком сильным.

«Я не думала, что это будет так».

— Я не знаю, что я могу, а чего не могу, — объяснила она, пытаясь смягчить резкость предыдущей фразы. — Пока не придет время... — Сааведра смотрела на картины семинно Раймона, машинально отмечала цвета, технику, композицию. Конечно, он мастер. — Сарио, мы вкладываем себя в работу, в каждую картину — по кусочку. Раймон здесь, не сомневайся. — Ее рука описала дугу, указывая на затененные картины. — Только я вот что думаю: хорошо ли это? Не слишком ли мы растрачиваем...

Сааведра не договорила. Она выражалась фигурально — художники широко используют метафоры, — но тут вдруг перед ней щелкнула замком и сама собой отворилась дверь, явив взору темную комнату.

— Может, поэтому... поэтому мы умираем?

Сарио понял сразу. Он открыл рот, зашевелил губами, но не издал ни звука.

— Этого не знает никто, — решительно сказала Сааведра, боясь заблудиться в лесу умозаключений и предположений. — Принято винить перро лингву... но вдруг дело не только в ней? Или в чем-то совсем другом? — Она еще раз посмотрела на картины Раймона, ощущая в себе пустоту и свет, а еще — совсем рядом — чужое пламя. — Сарио, а вдруг художник, который слишком много пишет... сжигает себя?

— Если... если... — прохрипел он и осекся. Мысленно увидел ту же картину, что и она, и в его мозгу тоже родилось страшное подозрение. Идея — вымороченная, нелепая, далекая от реальности, да какая угодно! — мигом укоренилась в сознании. — Если это правда и мы перестанем писать...

— ...то сможем жить, как нормальные люди? — По ее спине вдруг пошел холодок, волосы на затылке зашевелились. — Сарио, мы все — художники, все, кто родился Грихальвой. Но только Одаренные умирают слишком рано.

Он побледнел. Она его напугала.

— Все Грихальва умирают слишком рано!

— Не все. Женщины стареют не очень быстро. И простые мужчины, не Одаренные. — Она посмотрела на него, на цепочку с Золотым Ключом. — Только Вьехос Фратос умирают молодыми. А их картины...

Слюна, вспомнила Сааведра, и пот. И подумала о том, как раны, нанесенные портрету, проявились на теле Сарио. Он бы не отделался пустяковыми прыщиками, если бы вложил в свой автопортрет настоящую силу. Он упросил Сааведру обварить его воском, чтобы следы пламени выглядели правдоподобнее. Должно быть, в краски подмешивают не только слюну и пот, хотя Сарио не упоминал о других ингредиентах.

У мужчин — свой мир. Тайный. Однажды в детстве Сарио приподнял перед ней завесу этого мира, а теперь — снова... И она знает больше, чем другие женщины. Намного больше. Слишком много. Но меньше, чем знает Сарио.

Впрочем, так и должно быть.

— Матра, — прошептал он. — Номмо Матра эй Фильхо...

Теперь испугалась она.

— Если ты перестанешь...

— Не могу!

— Если ты перестанешь писать...

— Не могу!

— Если ты навсегда бросишь живопись...

— Я скорее умру, чем брошу живопись!

Она содрогнулась. Сарио знал больше, чем она, но не мог отрицать, что ее страшная догадка верна.

— А я брошу, — тоскливо молвила она. — Женская доля... Мы учимся, пишем, а потом бросаем. Надо рожать детей. Мне, видно, не судьба стать художником, вот я и брошу. Дольше проживу...

— Ведра, бассда!

«Нет, не хватит».

Ей надо было выговориться, все вынести на свет — чтобы увидела не только она, но и Сарио.

— А ты будешь писать, и твоя Луса до'Орро будет гореть ярче всех, и ты умрешь. — Она устремила на картины невидящий взор. — Раймон тоже скоро умрет. Все вы умрете слишком рано, все Одаренные Грихальва.

По его худощавому телу прошла судорога.

— Я не перестану. Не могу. Бросить живопись? Лучше умереть...

— Так и будет. Ты умрешь. — Она запоздало спохватилась: нельзя было этого говорить.

Сарио схватил ее за плечо, оттолкнул и зашагал к выходу. Он не хотел ее оскорбить, просто был настолько потрясен, что мог лишь уйти, втянув голову в плечи и шаркая. Сааведра проводила его взглядом, а затем повернулась к картинам семинно Раймона.

— А если... — произнесла она, вся дрожа, — если я их уничтожу, как Пейнтраддо Томаса, долго ли он проживет? Не умрет ли на месте?

«Наверное, я и Сарио переживу», — подумала она. В роду Грихальва женщины, не пишущие картин, живут намного дольше Одаренных мужчин.

Представить мир без Сарио было свыше ее сил.

«А он может представить себе мир без меня?»

Фуэга Весперра. Языческий месяц, языческий праздник с языческими обрядами... Старик отгородился собственными обрядами и ритуалами, отдался другому празднику, в честь истинного бога Акуюба, Отца Небес, Владыки Златого Ветра. Богомерзкое торжество нечестивцев непременно возмутит Акуюба — в этом старик не сомневался. А потому решил сделать все от него зависящее, молиться изо всех сил, чтобы умерить силу тайра-виртской непочтительности к Всевышнему.

В узорном тза'абском шатре, ютящемся среди каменных палассо, лепнины с ликами святых, кирпича и каменных плит сокало (О душный, тесный город, поработивший и солнце, и землю, и ветер!), старик возился с засовом ларца из навощенного и отполированного терна, сверкающего бронзовыми уголками и шляпками гвоздей. Узловатые, скрюченные пальцы (Проклятая сырость! О, где ты, сушь любимой Пустыни!) слушались плохо, и тза'аб провозился дольше, чем рассчитывал. Наконец скрипнул засов, и он поднял крышку.

Под ней лежал зеленый шелк, придавленный по краям стеклянными и золотыми гирьками и присыпанный амулетами. Здесь было все, чем богата магия тза'абов: сухие веточки пустынной ракиты для Чистоты и Неприкосновенности, хрупкая сеточка из кресса для Надежности и Силы, листья лимона и падуба и щепки пальмовой сердцевины — Здоровье, Предвидение, Победа. Стараясь не просыпать и не повредить их, он поднял и отложил в сторону шелк, а затем вынул тубу из тонкой, превосходно выделанной кожи цвета слоновой кости, — в ларце таких туб было несколько.

Он размотал золотые проволочки и снял крышку; она повисла на одной из проволочек. Потом старик зацепил ногтями и извлек пергаментный свиток. Он источал слабые запахи гвоздики, кедра и жимолости, символически связанные с Акуюбом: Волшебная Энергия; Сила и Духовность; Божественная Любовь.

В Тза'абе Ри священные тексты хранились не столь бережно. Но то было в годы жизни Пророка, в годы мира — тогда дивно расписанные страницы можно было безбоязненно содержать в кожаном переплете... Времена изменились, грянула война, и теперь Кита'аб (вернее, то немногое, что от него осталось) лежит в шатре одинокого старика посреди вражьего стана. Драгоценная Книга в окладе из кожи, золота и драгоценных камней погибла, осталось лишь несколько пергаментов, — иные порваны, опалены, испятнаны праведной кровью тза'абов. Аккуратно скатанные, они хранятся в заколдованных кожаных тубах, а тубы — в ларце из терновых дощечек, скрепленных бронзой и верой.

Старик не ведал о судьбе оклада. Но был уверен, что враги содрали золото, вылущили драгоценные камни. Кожа, наверное, сгорела; в тот день многое трещало и корчилось в огне, даже человеческая плоть. В тот день изменник Грихальва внезапно напал на караван и отнял у Тза'аба Ри — у всех его мужчин, женщин и детей — самую драгоценную книгу, самое святое и мудрое учение Благословенного Акуюба, оставленное им в чернилах, рисунках, словах такой силы, что лишь избранным дозволялось их видеть.

А остальные, конечно, получали божественные откровения в святилищах — из уст слуг Пророка.

Сколько потеряно страниц, сколько текста... О Акуюб! Сколько волшебства... Но осталась сила, и остался член Ордена, один из тех, кто сподобился постигнуть тайную науку Аль-Фансихирро.

Старческие губы дрогнули, растянулись в умиротворенную, благодарную улыбку. В живых остался только он, но и этого достаточно, ибо один способен научить второго. Разве важно, что родной народ осудил его за поклонение «бессильному» богу, за служение святому, которому не хватило смелости наложить на себя руки? Разве важно, что он — изгнанник, отверженный в законных пределах своей страны? Нет. Важно лишь то, что у него есть миссия и он ей верен.

Он поднес к губам свиток — всего на миг, даже не поцеловал, а вдохнул его запах. Старый запах дыма и смерти.

А затем корявые ладони мягко опустили пергамент, угнездили на груди, в складках тза'абской одежды — естественно, зеленой. Как сверкающий изумруд. Зеленый — цвет Аль-Фансихирро.

У пышной растительности Тайра-Вирте («Зеленая Страна») — иной оттенок и совсем иная душа. Народ ее не знает истинной веры, лишен благословения Акуюба, не молится ему и даже не желает его знать. Тайравиртцы поклоняются Матери и Ее Сыну — святой паре — и не догадываются, какие они глупцы. Только глупец отворачивается от божества, которое правит миром.

Порой старик забывал, зачем пришел в эту страну, почему остался. Сердце его тосковало по палящему солнцу Пустыни, по ее простору и суровой красоте, по трудностям, закаляющим тело и дух мужчины. Но долг привел его сюда, долг заставляет его говорить на языке врагов и называть их друзьями. Ибо среди

них есть свои — пусть даже они слепы, пусть даже они вершат языческие обряды, пусть даже в их жилах течет вражья кровь.

Да, здесь рождаются, живут и умирают потомки его народа. И знать ничего не знают, ведать не ведают о своем Боге, о своем сердце, о своем наследстве.

А еще — о своей силе.

Она его не жалела. Льстила, грубила, уговаривала, требовала, делала с ним все, что хотела, делала все, что хотел он. Доказала жеребцу, что ему по силам любые скачки. Дикому, необъезженному, нетерпеливому и не уверенному в себе жеребчику. Он чуял запах кобылы, он вожделел кобылу. Она превосходно справилась со своей ролью — дала ему отменный первый урок любви.

И вот он спит. Развалился на двух третях ее кровати с сытой, самодовольной улыбкой на породистом лице. А ей остался уголок — даже ног не вытянуть. Но ее и не клонило в сон. Она сидела в изножье, привалясь к резной спинке, к складкам газового, с золотыми кистями балдахина, опираясь на шелковые подушки. За окнами сгущались сумерки. Гитанна уже несколько часов провела в постели.

Она думала о том, сколько усадеб отдаст ей герцог в придачу к уже подаренному городскому особняку. В каком размере назначит годовое содержание. Пришлет ли украшения, а если пришлет, то хорошо бы покрасивее и подороже...

Она думала о том, с кем он забавляется в постели, пока она обучает любви его сына.

На глазах выступили слезы. Скорее смахнуть — жалоб от нее не дождутся! Да и толку от них... Во власти Бальтрана подарить ей надежную лодку с прочным навесом от дождя, но герцог ни за что не украсит ее своим сиятельным присутствием.

— Я ему говорила, — шептала она сквозь зубы, — я говорила Госс, что так и будет... Он оставит Верховного иллюстратора, а любовницу бросит.

Алехандро пошевелился, и Гитанна смолкла. Нельзя откровенничать перед наследником герцогского титула. Даже перед спящим.

Стоило ей подумать об этом, как он открыл глаза — светло-карие, в зеленых крапинках, создающих приятный колорит. Эти глаза хорошо сочетались с темно-каштановыми волосами и ресницами, с таким же, как у нее, овалом лица, типичным для тайравиртцев.

Улыбка стала шире, мелькнули зубы, среди них один кривой — она еще раньше это поняла, когда нащупала языком. Он чуть повернут, уголок слегка приподнят над соседним зубом. Интересно, подумала она, заметно ли это хоть на одном официальном портрете? Или братец, становясь к мольберту, предпочитает не видеть физических недостатков? Раньше она не обращала на Алехандро особого внимания — во всяком случае, не

больше, чем требовал дворцовый этикет. Для нее в этом мире существовал только Бальтран.

«Сарагоса, будь ты проклят! Меня выбросят на свалку, а ты останешься...»

Алехандро с наслаждением потянулся, из груди вырвался хрипловатый смех. Два года назад у него сформировался недурной баритон — хвала Милой Матери, — совсем непохожий на отцовский бас.

«А то бы я, наверное, спятила».

— Ну, что теперь? — спросил он беспечно.

— Теперь? Да то же, что и раньше. Если хочешь.

Она надеялась, что не хочет. Но разве ему откажешь?

— Опять? — Снова ослепительная улыбка. С такой улыбкой можно без всякого труда покорить мир. — У тебя в этом деле больше опыта. Как скажешь, так и будет.

Гитанна оскалила зубы, но он это принял за ответную улыбку.

— У до'Веррада неугомонность — фамильная черта.

— Точно. — Он был молод, очень молод — на десять лет моложе ее, — но уже не мальчик, ведь он вырос в доме правителя. — А сила?

Сейчас он заговорит о конях. Эйха, почему бы и нет? Во всем этом есть что-то лошадиное.

— Наверное. Все-таки герцогиня четырех родила.

— Но выжили только двое. — Он погрузил локоть в подушку, подпер широкой ладонью голову.

— Сила не имеет ничего общего с живучестью, — возразила она. — Правда, кое-кто утверждает, что без силы нет семени, необходимого для выживания рода.

— Так мы что, будем об этом спорить?

— Как пожелаешь, дон Алехандро.

Он поморщился.

— Я хочу быть просто Алехандро, а не наследником герцога.

— Но ведь ты наследник герцога.

— Даже здесь?

— Везде... Алехандро.

Снова блеснули в улыбке зубы, у глаз на миг пролегли веселые морщинки.

— Что теперь?

— Все, что захочешь.

— А если я захочу тебя?

— Я в твоем распоряжении.

— До каких пор? Пока мне не надоест?

Как это понимать? Он испытывает ее? Или знает?

— Я думаю, ты можешь делать все, что хочешь. Я твоя.

По крайней мере сегодня. А может, и этой ночью. Пока ему не надоест. «О Матра, как мне больно и тошно! Я больше не нужна его отцу».

Он снова потянулся, поиграл бицепсами.

— Что теперь с тобой будет?

Горечь все-таки прорвалась.

— Слишком много вопросов!

Опустилась тяжелая тишина. Гитанна поняла, что он затаил дыхание. Когда он снова задышал, она мысленно прочитала молитву и добавила: «Какая я дура! С ним, в таком тоне...» И приготовилась услышать гневную, презрительную отповедь.

— Эйха, но ведь это лучший способ получать знания, — сказал он как ни в чем не бывало.

Потрясенная до глубины души, она посмотрела на него и поняла, что он говорит вполне серьезно.

— А что, я не прав? — Опять улыбка, опять блеск зубов, в том числе одного кривого. — Проклятие! Я снова спрашиваю.

Ему всего шестнадцать. Но он уже не девственник, и у него добрый нрав, и он смешлив. Разве так себя обычно ведут наследники герцогов, сызмальства зажатые рамками негибаемых традиций?

Неужели Бальтран в детстве был таким же?

— Твой брат — не очень талантливый художник, — сказал он.

— Матра эй Фильхо, он слишком талантливый художник... — Она осеклась и спросила, когда он перестал смеяться: — Зачем? Зачем ты меня подначиваешь?

— Хочу знать, правильны ли мои предположения. — Он уперся ладонью в перину, сел, прикрыв чресла льняной простыней, и прислонился к спинке кровати. Его колено скользнуло по ее икре, отстранилось, робко вернулось. Он еще не привык к ощущениям, возникающим после физической близости. — Когда я кого-нибудь спрашиваю, он говорит лишь то, что я, по его мнению, рассчитываю услышать.

— И что ты рассчитываешь услышать от меня?

Напрасно она искала на его лице признаки раздражения. Он сидел в расслабленной позе и вслушивался в ее слова. «Не то, что мы, придворные, — подумала она. — Обычно мы ищем истину в том, что не сказано».

— Ты бы так не ответила, если бы хотела мне угодить. Я с тобой вполне откровенен, это не пустая светская болтовня.

Гитанна покачала головой.

— Только не в постели.

«Твой отец не терпел откровенных разговоров в постели».

— Значит, мне надо больше времени проводить в постели.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — сухо промолвила она.

— Сила до'Веррада?

— Неугомонность, — огрызнулась она.

«И неослабевающий интерес!»

Казалось, Алехандро призадумался.

— Говорят, ты безмозглая курица.

— Безмозглая курица? Это кто же так говорит?

— Моя мать.

Гитанна сидела неподвижно, обдумывая ответ, который Алехандро, по ее мнению, ожидал услышать.

— Теперь я вижу, это неправда, — сказал Алехандро.

— Герцогини не лгут.

— С матерями это бывает, — возразил он. — Она твердит, что ненавидит моего отца. — Он прислонился затылком к резной спинке кровати. — А это, разумеется, самая настоящая ложь.

Она никак не ожидала, что ей доведется перемывать герцогине косточки с ее сыном. Так же, как не могла предвидеть, что пустит сына герцогини к себе в постель.

— Я бы на ее месте тоже лгала сыну, — сказала Гитанна.

— Потому что ты любовница моего отца.

— Потому что она его любит.

— А он любит тебя.

— Бальтран меня не любит! — выпалила она. — Алехандро, поверь! Может, нас кое-что и связывает — то, что бывает между мужчиной и женщиной, — но любви тут нет. Эн верро.

— Потому что патро не может на тебе жениться?

Все-таки он еще совсем мальчишка. Только ребенок может задать такой вопрос из чистого любопытства, вовсе не желая унизить.

— Знатные господа не женятся на содержанках.

— Даже когда влюблены?

— Любовь! — Она фыркнула. — Политика — вот что важнее всего для двора. Надеюсь, тебе доводилось слышать это слово.

— Мердитто! — выругался он. — Еще бы не доводилось!

— Эйха, еще бы не доводилось. — Гитанна вздохнула и сползла по спинке кровати, не обращая внимания на треск прозрачной ткани за спиной. — В Палассо Веррада от нее никуда не денешься.

— Он тебя оставит при дворе?

Мигом вспухли слезы.

— Нет.

— Гитанна...

Оказывается, он знает ее имя.

— Нет, — повторила она, пряча глаза.

— Почему?

«Потому что он уже дал мне понять, что все кончено. Прислав тебя».

— Потому что... потому что не бывает мужчин, всю жизнь преданных одной женщине.

— Не бывает?

— Я такого мужчины не знаю, — зло сказала она.

— А если бы такой мужчина все же нашелся?

Гитанна Серрано расхохоталась. Резкие, истерические нотки заставили Алехандро недоуменно посмотреть на нее.

— Что я слышу? Ты собрался влюбиться в меня? Только потому, что мы с тобой переспали?

В его глазах мелькнуло смущение.

— Вот видишь? — Гитанна криво улыбнулась. — То-то и оно, малыш.

Наследнику герцога сказать было нечего. Во всяком случае, вопросы, улыбки и смех тут явно не годились.

11

Он стоял неподвижно, будто врос в мостовую, как эти деревья, посаженные еще прадедами, — оливы с раскидистыми кронами, с раздвоенными, точно узорные канделябры, древними стволами. Он не помнил, как здесь очутился; казалось, он совершенно внезапно и без малейших физических усилий перенесся из Палассо Грихальва на середину сокало Гранде, служившей центром Мейа-Суэрты, пока столица не раздалась вширь. На него падала тень многоярусного мраморного фонтана и величавых башен-близнецов собора Имагос Брийантос. Его толкал, кружил, нес живой, пестрый водоворот, — сегодня же Фуэга Весперра, праздник Зачатия. Вплоть до этого момента уши его не воспринимали шум, а глаза свет, он был совершенно одинок в плотной толпе горожан, что брела по улицам, как послушное стадо баранов, не нуждающееся даже в овчарке.

Да, он пришел сюда вместе с толпой. Но теперь стоял как вкопанный, все мышцы одеревенели, под одеждой струился холодный пот — и это в такую-то жару! А худой кулак изо всех сил сжимал Золотой Ключ, и цепочка глубоко врезалась в шею.

Чиева до'Орро. То, ради чего живут все Грихальва — все, кому довелось родиться мужчинами, и не просто способными, а Одаренными. Все, кого в семье ценят и на кого надеются. Все, кто достигает вершин мастерства, чей свет с каждым годом горит все ярче.

— Но ради чего? — тоскливо прошептал Сарио. — Чтобы догореть на час раньше других?

Если это правда... то, что сказала Сааведра... Случайно, неожиданно она наткнулась на ужасную догадку. Даже он, Вьехо Фрато, на своем веку ни разу не слышал, не подозревал... Ему даже в голову не приходило спросить. Не то что вообразить. А уж тем более изобразить.

Он еще крепче сжал Чиеву.

— А что, если они не знают? А что, если ни один из них не догадывается?

Они винят во всем перро лингву, смертоносную заразу, опустошившую город, герцогство, — больше всех от нее пострадал род Грихальва. Даже теперь, через шестьдесят лет, он борется за выживание. Мейа-Суэрта — радушный город, но слабым она не мирволит. Чтобы жить в ней спокойно, человеку нужно быть сильным, а семье — многочисленной.

Но они с Сааведрой считают иначе...

Хотя чуму все-таки следует взять в расчет. Переписи населения, хоть и неточны, документально подтверждают, что до перро лингвы все мужчины в роду Грихальва жили дольше. За доказательством далеко ходить не надо — в Галиерре Грихальва полно картин, посвященных большому, жизнеспособному роду, который в ту пору считался одним из самых влиятельных, процветающих и знатных.

— А теперь мы вымираем, — прошептал он. — Да какой герцог назначит Грихальву на пожизненную должность, если мало кто из нас доживает до тридцати, а в двадцать лет мы начинаем слабеть умом и телом?

Кто-то задел его сзади, толкнул в плечо. Коренастый горожанин с кулем из промасленного холста, набитым праздничной снедью. К Сарио была обращена жирная, румяная щека. Он уловил смесь острых запахов: чеснок, маслины, лук, розмарин, мята и — в довершение букета — запах вина. Горожанин тихонько выругался — дескать, стоишь столбом, пройти не даешь, — но Сарио промолчал. Только второе ругательство — из уст другого прохожего — заставило его вспыхнуть от гнева.

«Чи'патро», — сказал этот незнакомец.

Сарио не стал спорить, не полез на обидчика с кулаками. По сути, этот человек прав — брак родителей Сарио не был освящен екклезией. Но ведь незнакомец имел в виду совсем другое.

Одно дело быть незаконнорожденным и совсем другое (и более непереносимое) — принадлежать семье, носящей клеймо чи'патро.

Да, «чи'патро» — слово особенное; оно относится только к Грихальва, оскорбительно только для Грихальва, о чьей беде и позоре помнит все герцогство, а если вдруг начнет забывать, санкто и санкта не преминут напомнить.

Месть тза'абов. «Кто отец?»

Сарио задушил ругательство в горле. Не надо. Ни к чему. Тем более сейчас — после того как он узнал правду. Кажется, всего лишь минуту назад они с Сааведрой стояли перед «Смертью Верро Грихальвы» кисти великого Пьедро и видели прошлое — обе его стороны. Грихальва и тза'аб. Умирающий на руках до'Веррады капитан, а за ним на вершине холма — воин в зеленом, язычник, убивший величайшего героя в истории Тайра-Вирте.

— Ведь он мог бы стать герцогом, — пробормотал Сарио, глядя вслед горожанину с кулем еды. — Да, он мог бы стать герцогом... и я мог бы стать герцогом.

Но он не станет герцогом. Никогда. Он — Грихальва, чи'патро. А еще он тза'аб, враг.

Ему и жить-то осталось всего лет тридцать. И то если повезет.

Сарио Грихальва поднял глаза и сквозь слезы увидел башни величественного собора. В кулаке он все еще сжимал Чиеву до'Орро.

— Благодарю тебя, Матра, — сказал он с сарказмом, — огромное спасибо за милостивое благословение грязному чи'патро моронно.

Прижавшись к дверному косяку позвоночником, семинно Раймон подождал, когда сангво Отавио переступит порог, и схватил его за плечо.

— Рапидиа, граццо... Он быстро слабеет.

А затем обратился к Дэво, шедшему вслед за Отавио:

— Уже вот-вот. Адеко. Времени почти не осталось.

— Все здесь? — Дэво задержался у двери.

— Нет... нет... — Раймон окинул взглядом собравшихся.

«Как вороны, — мелькнула мысль в растерянном уме. — Да, как вороны над умирающим. Ждут добычи».

— Нет Сарио... и Ферико.

— Нет. — На пороге остановился Ферико и дотронулся до рукава Дэво, чтобы пропустил. — Я здесь, а вот Сарио... Эйха! Кто-нибудь знает, где он шляется?

— Сейчас не время, — проворчал Раймон.

Дэво шагнул в сторону, но Ферико не спешил входить.

— А санкта и санкто приглашены?

Чуть помедлив, Раймон ответил:

— Да, я послал за Премиас, но...

— Премиас?! Да ты спятил! — взорвался Ферико. — Они скорее удавятся, чем пойдут к Грихальва.

К ним подошел Отавио, устремил на Ферико тяжелый взор.

— По-твоему, нас это должно устроить? Это личное дело...

— После перро лингвы мы для екклезии никто, — со злостью отрезал Ферико. — Нас, Грихальва, даже за людей не считают...

— Чи'патро, — спокойно произнес Дэво. Он всего лишь констатировал общеизвестный факт, но слово прозвучало как проклятие.

— Бассда! — цыкнул Раймон. — Артурро при смерти, а вы, как всегда, скандалите!

— А почему бы нам не скандалить? — рассердился Ферико. — Разве он одобрит, если мы прикинемся смиренными овечками?

Атмосфера разрядилась. Раймон не удержался от усмешки и подумал, что Артурро одобрил бы улыбки и иронию.

Но в следующий миг нахлынуло отчаяние. Что сулит им грядущее? Каков будет новый порядок?

— Матра Дольча, — голос его дрожал, — ну почему — он?!

— Все там будем, — философски изрек Отавио.

Дэво схватил и прижал к губам Чиеву до'Орро.

— Номмо Матра эй Фильхо, — зашептал он. — Именами Святыми молю, да будет его уход легким, да будет с ним в пути праведный Свет...

Отавио фыркнул.

— Пока мы тут точим лясы, он, может быть, уже уходит. Пойдем скорее! Адеко!

Вьехос Фратос потянулись к двери в соседнюю спальню. Только Раймон задержался.

— Его здесь нет! — рявкнул Ферико. — Нам что, вежливо попросить Артурро, чтобы погодил со смертью, пока ты не разыщешь сопляка? Бассда, Раймон. Пусть себе бродит. Он ведь никогда не был нашим — и не станет.

— Он наш...

— Бассда, — повторил Ферико. — Некогда.

Отавио ядовито улыбнулся.

— Если ты так высоко ценишь мальчишку, почему бы не поручить ему Пейнтраддо Меморрио?

— Сначала надо его найти. — Пальцы Дэво впились в напряженные мышцы Раймонова плеча. — Пошли. Успеем еще полаяться. Аманьяха.

Аманьяха. Завтра. Вот так всегда — аманьяха.

Но для Артурро завтра не будет. Нынешний день для него последний.

Сааведра выслушала поручение без расспросов и возражений. Да она бы что угодно сделала для семинно Раймона — всегда такого доброго, а сейчас нервного, взволнованного, рассеянного. Молча кивнула и вышла на улицу — искать Сарио. Странно, почему Раймон решил, что она его найдет, ведь двое других не нашли... Эйха, наверное, семинно знает ее гораздо лучше, чем ей кажется. Подобно тому как она знает Сарио — лучше, чем кто-либо.

И все-таки в разгар праздника... В такой день туфель на собственных ногах не увидишь. В Мейа-Суэрте яблоку негде упасть.

Полдень. Неимоверный шум: по всему городу трезвонят колокола санктий — славят этот час, этот день. Когда-то в этот день и час Матерь зачала Сына, а через девять месяцев, на заре Нов'вива Премиа, Сын появился на свет.

Уж лучше бы сейчас была Нов'вива. А то нынче жара и духота совсем не весенние, да еще влажность, да еще эта толкотня... В Нов'виву обычно холодно и неотесанной деревенщины не так много.

Волосы пришлось наспех уложить на затылке с помощью витых медных шпилек — не очень приятно и красиво, когда к потному лицу липнут распущенные кудри. Духота тяжким грузом давила на плечи, медленно, но верно одолевала прямизну позвоночника. Сааведра прикрыла ладонью глаза от палящего солнца, и в квартале прямо перед ней, над изломами крыш, вознеслись громадные колокольни и крытые черепицей скаты Катедраль Имагос Брийантос — Собора Сияющих Образов.

Вот бы забраться на башню... Да, с нее даже в огромной толпе на сокало Гранде можно разглядеть Сарио. Но не пустят. Ведь она не санкта. Хуже, она — чи'патро. Ни один санкто, ни одна санкта в этом городе не пустит ее на башню высматривать другого чи'патро. Правда, если не приглядываться с пристрастием, Сааведру можно принять за обычную тайравиртку, но ее непременно выдадут пятна краски на одежде, мел под ногтями, цепкие запахи растворителей. У святош из екклезий глаз острый и нюх тонкий.

Сааведра зло скривила губы. «Да неужели они искренне почитали герцогиню Хесминию? — прошептала она. — Ведь это она нас приютила».

Впрочем, герцогиня Хесминия была из рода до'Шагарра и вышла замуж за до'Верраду. До'Шагарра и до'Верраду позволено делать все что им заблагорассудится.

Сааведра решила, что обойдется без башни. Там ведь оглохнуть можно от колоколов, а слухом она не пожертвует даже ради Сарио.

Жарко... Она стряхнула со щеки упавший локон, и тут ее осенило: фонтан!

Да, он достаточно высок и прохладен, и на нем гораздо тише, чем на колокольне. И там всем наплевать, какая течет в ее жилах кровь. Правда, нелегко будет найти свободное местечко на верхнем ярусе.

Фонтан за ближайшим поворотом — рукой подать, но не так-то легко пробраться сквозь эту сутолоку. В конце концов ей удалось отключить сознание, чтобы не слышать ругательств и сальных замечаний, не чувствовать боли в оттоптанных ногах, не думать о свалявшихся волосах и измятой одежде. С нее семь потов сошло, пока добралась до сокало Грандо, и было ощущение, что от локтей и ступней не осталось ничего. Утешала только надежда принять холодную ванну, как только она разыщет и приведет Сарио в Палассо Грихальва.

Если она найдет Сарио.

— Мердитто альба, — пробормотала Сааведра. — Такой везучий, талантливый, целеустремленный... расхаживает по городу, как сам герцог!

Или как Верховный иллюстратор, правая рука герцога.

— Матра, — прошептала Сааведра, — он верит, что нужно лишь время... Он уже считает себя им.

Но должность Верховного иллюстратора принадлежит Сарагосе Серрано, а герцог Бальтран еще не передал сыну свой пост. И кто знает, когда еще дон Алехандро назначит нового придворного художника.

— Бассда... — Она проследовала дальше сквозь толпу. К фонтану.

Как она и ожидала, узорные мраморные ярусы оказались увешаны стайками детей, точно виноградными гроздьями. Дети лезли под струи, а многие резвились внизу, по колено в воде.

— Ведра, семинно Раймон дал тебе поручение. — Она поправила юбку, падающую свободными складками. — И ты его выполнишь. Матра, я тебе сейчас потолкаюсь! — Она свирепо глянула на мальчонку, позарившегося на ее место. — Мешшно, двоим здесь не уместиться.

Сааведра вскочила на мокрый ярус, намочив подол и сандалии; видавшие виды кожаные подошвы вмиг стали скользкими.

— Может, я похожа на моронну, но другого способа нет, и к тому же тут прохладно... Номмо Матра! — Она вздрогнула от неожиданности и едва не упала, когда кто-то дотронулся до ее ноги.

— Простите, — вежливо обратился к ней незнакомец, — но вы меня не слышали из-за шума воды.

А он не слышал ее бормотания. Сааведра в недоумении смотрела на него сверху. Он казался совершенно неуместным в гуще мейа-суэртского праздника, в этом жутком столпотво-

рении. Он был стар, очень стар, ему хорошо за пятьдесят, а возможно, и все шестьдесят.

— Номмо Матра эй Фильхо, — прошептала она. — Почему ты еще не помер?

— Потому что я не Грихальва, — спокойно ответил он.

Узнал. Посмотрел на нее и узнал.

«Но ведь я не Одаренная, — подумала она. — Не ношу цепочки с Ключом...»

А он — не санкто, чтобы узнавать по следам краски и мела. Она всего лишь женщина, такая же, как все. Женщина и есть женщина, где бы ни жила: в Тайра-Вирте, Пракансе, Гхийасе. Кого интересует, из какой она семьи?

— Чи'патро, — произнес он мягко, и ее бросило в дрожь. — Ай, не надо! — Он увидел, как она пошатнулась и снова вцепилась в мрамор. — Граццо, позвольте предложить вам руку? По-моему, вам лучше спуститься.

Рука была старческая, тонкая, в коричневых крапинах, с пергаментной кожей, с рельефной сеткой сухожилий и вен. Но она с готовностью поднялась, чтобы поддержать Сааведру. А та посмотрела на руку, подумала, стоит ли спускаться, и с чего он взял, что стоит, и чем это для нее кончится.

Под четкими, аккуратными складками застиранного полотняного тюрбана обозначилось лицо — древнее, под стать протянутой руке. И улыбка, порождающая стайки добрых, ласковых морщинок, и обещание покоя, уюта в ясных серых глазах.

— Уважьте пожилого человека, — попросил он. — Не откажитесь выпить с ним сладкого сока. И вовсе незачем бояться, я Иль-Адиб, цев'рейна, мы будем не наедине, а в привычном для вас обществе.

Слово на чужом языке! Сааведра готова была поклясться, что никогда в жизни его не слышала.

— В привычном обществе?

— Еще один Грихальва, — ответил он. — Еще один чи'патро.

— О ком это вы? — И тут она поняла. — Сарио?

— Да, Сарио. — Сухонькие губы дрогнули и растянулись в сдержанную улыбку. — Если б вы только знали, как молился я, Иль-Адиб, цев'рейна!

— Что это означает? — спросила она, все еще держась за мрамор. — Как вы меня назвали? На каком языке?

— О, простите старика, граццо... Я понимаю, вам это кажется странным. Лингва оскурра. Сарио тоже был удивлен.

— Темный язык? — Сааведра нахмурилась. — Нерро лингва — это мор.

Он прижал ладонь к сердцу.

— О, простите. Я эстранхиеро, чужестранец. Но говорю на вашем языке, я ведь много лет здесь прожил. А когда-то мой язык был понятен всем, и на нем пели красивые песни. — Он немного помолчал, не опуская руку. — Это означает «тайный язык».

— Лингва оскурра. — Сааведра задумалась над этими словами. — Ну, и почему я должна идти с человеком, который говорит на тайном языке?

— Чи'патро, — произнес он четко, но совсем не обидно. — Вот уж от кого я не ожидал подобного вопроса, так это от вас.

Она невольно умолкла. Струя фонтана стала ледяной, по телу побежали мурашки.

— Он у вас? Сарио?

— Он велел мне сказать, на тот случай если вы начнете расспрашивать: «Номмо Чиева до'Орро».

Именем Золотого Ключа. Просьба, равносильная приказу. И не столь уж неожиданная, ведь Сарио всегда Сарио. И — доказательство. Никто, кроме Одаренных Грихальва (и Сааведры — благодаря Сарио), не знал этой фразы.

«А еще — это. Тайный язык эстранхиеро».

— Кордо, хорошо, — сказала она, — я пойду.

И подала старику руку. Сухонькая ладонь оказалась на удивление крепкой.

12

Вороны покинули комнату, где лежал усопший. Один за другим исчезали огни — каждый Одаренный уносил свечу. И вот осталась последняя свеча, и пламя ее трепетало от дыхания последнего Одаренного, но он не спешил уходить. Пусть огонек еще немного поцветет на фитиле, а Вьехо Фрато посидит у ложа того, кто почти во всем заменял ему отца.

Как тяжело... Эйха, как тяжело...

— О Матра, — прошептал Раймон, склоняя голову и запуская в густую шевелюру непослушные пальцы. — О Матра Дольча, скажи, добралась ли к тебе его душа?

Наверное, еще нет. Пока теплится свечка...

И конечно, негоже ему сидеть у ложа покойника. Раймон неуклюже (вокруг никого, стоит ли заботиться об изяществе движений?) освободил стул и опустился на колени. Под тонким ковром — жесткие кирпичи.

— Номмо Матра эй Фильхо... — Молитва шла легко, от чистого сердца; несомненно, этот человек достоин легкого ухода и теплой встречи. — Если не угодно Тебе принять душу его, то я с радостью займу его место рядом с Тобою...

— А ты уверен, что тебе там место?

Раймон вздрогнул, лицо исказила гримаса. Он ничего не слышал — ни звука шагов, ни тихого сообщения о приходе. Она просто появилась рядом с ним.

И Раймон ее знал.

«Пресвятая Матерь!»

Он уперся ладонью в кровать, чтобы поскорее встать и выпрямиться. И сглотнул, прежде чем заговорить.

— Премиа?.. Премиа Санкта?

— Грихальва, я задала тебе вопрос. Ты уверен, что рядом с Матрой для тебя найдется место?

«Насмешка едва заметна, но вопрос оскорбителен по сути».

В нем закипал гнев.

Надо во что бы то ни стало сдержаться, не разразиться грубой, язвительной отповедью. Смириться. Что бы она ни замышляла, не дать ей повода сказать: «Ты мне противен».

— Премиа. — Он грациозно поклонился, коснулся ладонью груди.

Дверь за ее спиной осталась отворенной. Свет ее почти не касался, но она излучала собственный, вернее, ее одежда: белая сутана, белый чепец, серебристый шнурок с кистями на талии. Строгие черты лица — но все же не такие резкие, как взгляд, в котором угадывалась злоба.

Он покосился на дверной проем и понял намек: ей безразлично, что их могут увидеть или услышать.

— Премиа Санкта, регретто... — снова заговорил он подчеркнуто вежливым тоном. — Вы уж простите меня за самонадеянность.

— Все вы, Грихальва, самонадеянные. — Тонкий, слабый голос, но произношение весьма отчетливое — недослышать трудно. — Мните себя художниками, достойными повышения. Уверены, что вернете себе место, которого вас Матерь с Сыном лишили в наказание за гордыню.

У Раймона пересохло во рту, на лбу выступил пот. Злости в ее глазах поубавилось, но, бесстрастные, они выглядели еще страшнее. Она знала, как ужалить более чувствительно.

Судорожно сглотнув, он вымолвил:

— Премиа, граццо... Я посылал за вами...

— Да, посылал. — Совершенно равнодушный голос, темные глаза тускло поблескивают под простым льняным чепцом, его завязки туго стянуты под подбородком. — Тебе хватило на это самонадеянности.

Зато смирения Раймону явно не хватало.

— Чем же мы провинились?! — воскликнул он с горечью и жаром. — В чем наше прегрешение? Мы исправно платим десятину екклезии, прославляем ее своим искусством...

Она воздела изящную руку, требуя, чтобы он замолчал.

— Вы нам не нужны.

— Не нужны? — растерянно переспросил он, хоть и не услышал ничего нового.

Рука исчезла в складках белоснежной сутаны.

— Я много раз говорила герцогу, и Премио Санкто говорил. Мы уверены, екклезия должна лишить своего благословения семью Грихальва.

— Почему?

На смену равнодушию снова пришла злоба. На узком, худом лице появились багровые пятна.

— Потому что вы — нечисть! — прошипела она. — Вечное напоминание о нашем позоре!

Раймон прижал к груди скрещенные руки и вскричал:

— Но ведь это было сто с лишним лет назад! О Матра, сколько еще веков нам терпеть? Да неужели вы думаете, что мы хотели вас опозорить?

— Там были ваши женщины, — осуждающе сказала она. — Среди прочих. Они были там, дали себя увезти и не очень-то огорчались — это видно на превосходном Пейнтраддо Хисторрико Миквейана Серрано! Их обрюхатили тза'абские эстранхиеро. Но и этого было мало вашим женщинам! Вместо того чтобы умереть от стыда, они выносили и родили полукровок!

Раймон поморщился. «Спасение полонянок» — всего лишь плод разнузданного и жестокого воображения Миквейана Серрано, назвать эту подлую карикатуру «Пейнтраддо Хисторрико» нельзя даже с огромной натяжкой.

— Но ведь герцогиня так не считала, — напомнил Раймон.

— Бассда!

Премиа Санкта, бледная, как ее сутана, поцеловала пальцы и коснулась ими груди, отдавая дань памяти блаженной герцогини Хесминии. Между пальцами блеснула цепь, похожая на его собственную. Каждая священнослужительница носила символ своего ордена: крошечный серебряный замочек. Священники носили ключи.

— Вы оскверняете город, — продолжала она. — Оскверняете еккле́зию. Оскверняете воздух, которым мы дышим.

— Ваше преосвященство...

— Бассда! — На сей раз жеста не понадобилось, от одного лишь ее тона Раймон умолк. — Премио Санкто прийти не пожелал и правильно сделал. Он и мне посоветовал отказаться, но я давно хотела увидеть на смертном одре чи'патро и сказать остальным шавкам Грихальва, чтобы не вздумали высовывать нос из конуры! Ты понял меня, Грихальва? Не зови больше священников в это богомерзкое логово. Глаза бы мои вас не видели!

Раймон едва дышал — так напряглись мышцы живота и гортань.

— Артурро мертв, — с трудом выговорил он. — Придете вы к нам еще или нет — это уже не имеет значения.

Санкта с этим не согласилась.

— Еще как имеет! Ты хорошо меня понял? Отныне нога священника не ступит в этот дом.

Столько лет прошло, а ненависть не угасает. Семье Грихальва не прощают древнего позора... Гнев и отчаяние рвались на волю, Раймон едва сдержался, чтобы не закричать.

— Мы ни в чем не виноваты.

— Виноваты! Иначе разве Матра допустила бы бесчестье тех женщин? Разве позволила бы им зачать ублюдков? Чтобы родилось столько полукровок? И почему перро лингва

предпочла именно ваше семейство, а? Вы — нечисть, отмеченная самой Пресвятой Матерью. В великой мудрости своей Она вас покарала за подлость и грязь. Она наслала на вас мор, а екклезия лишь послушна ее воле. — Серебряный замочек исчез в узловатом кулаке. — Чи'патро! Молись в этих стенах хоть до скончания века, но Матерь с Ее Сыном не смилуются над Грихальва.

Это было уже слишком. Раймон до боли стиснул зубы.

— Ты клевещешь на них, — прохрипел он. — Ты пятнаешь их святые лики своим низменным, лицемерным фанатизмом...

— Бассда!

— Но не быть по-твоему! Когда-нибудь мы вернем себе то, что потеряли, в том числе святое благословение Матери и Ее Сына, и они узнают всю правду о том, как им служили ты и тебе подобные! — Его трясло от ярости. — Номмо Чиева до'Орро!

От ее лица отлила кровь, скулы заострились. Невозможно было определить по этому аскетичному лицу, сколько лет прожила на свете Премиа Санкта.

— Ну конечно, — ехидно сказала она, — ваша святыня — Золотой Ключ. Подчас кажется, он для вас дороже Матры эй Фильхо.

— Нет, он не дороже Матери с Ее Святым Сыном. Но дороже екклезии с ее грязными интригами.

— Екклезия — это и есть... — Она осеклась.

— Ну конечно. — Настал его черед источать яд. — Сейчас ты скажешь, что екклезия — это и есть Матерь с Сыном. Но ведь это по сути своей богохульство, ересь. Или я не прав? И какой кары, по-твоему, оно достойно? Чумы? Новой перро лингвы?

— Номмо Матра эй Фильхо, — прошептала она, воздев очи горе. — Молю, дайте мне сил...

— ...извести род, который ты ненавидишь, который считаешь нечистым. Опомнись, женщина! Мы всего лишь жертвы.

— Потомки шлюх! — процедила она. — Все те женщины — шлюхи. «Спасение полонянок» это доказывает!

И тут Раймона осенило.

— Откуда ты? — спросил он. — Из какого рода?

— Мой род — екклезия. Мое имя — Премиа Санкта.

— А раньше? Ладно, не надо. — Он горько усмехнулся. — Не утруждай себя. По-моему, я знаю ответ. — Помолчав немного, Раймон спросил: — А что, Премио Санкто тоже Серрано?

В темных глазах зажглись лютые огоньки.

— Бассда! — прошипела она. — Я не желаю слышать твои мерзкие речи!

Раймон поднял руку и спокойно сказал:

— Выход там. Я полагаю, сейчас ты им воспользуешься. Адеко.

Когда женщина ушла, а вместе с ней комнату покинула злоба и скверна застарелой междуусобицы, Раймон Грихальва снова повернулся к смертному одру, снова — на этот раз осторожно — опустился на ветхий и тонкий ковер, склонил голову и за-

шептал простенькую молитву — из тех, что не найдешь ни в одном молитвеннике екклезии.

— Матра эй Фильхо... примите душу его, ибо не жалел он себя в служении Вам, и герцогу, и своей семье.

Пятьдесят один год. Для иллюстратора — немалый век.

Шатер представлял собой несколько щитов из ивовых прутьев и тростника и двух слоев ткани. Нижний слой — жиденькое рядно, а верхний — добротный холст, плотный, промасленный, способный защитить и от осенних дождей, и от зимней стужи. Сейчас этот слой, аккуратно скатанный, лежал у верхушки шатра. Не бог весть что, но все-таки жилище, и вдобавок украшенное многочисленными зелеными флажками с хитрыми узорами.

В центре Мейа-Суэрты.

Сарио впервые оказался на этой улице — Грихальвы старались держаться поближе к своему Палассо и кварталу художников. Но сегодня, в день Фуэги Весперры, он нарочно пошел куда глаза глядят, презрев обычай семьи и трусость Вьехос Фратос, сделавшую его парией. И наткнулся на тза'абский шатер — совершенно инородное тело в этом городе. Как странно, что никто не обращает на него внимания.

У Сарио это просто не укладывалось в голове. Он-то сразу заметил шатер, едва свернул за угол. Тотчас в глаза бросились цвета, узоры, плетение. И захотелось узнать, как шатер удерживается на булыжниках и утоптанной земле. Наверняка привязан к невидимым колышкам. По городским улицам часто носится сильный ветер, завывает, срывает навесы, опрокидывает торговые палатки, сдирает покровы с телег. А уж с легким шатром он бы запросто справился.

Странно, что шатер устоял в праздничный день. Странно, что он вообще стоит в этом городе. Однако в нем было на удивление тихо, хотя сквозь редкую холстину просматривался толпящийся люд. Как будто уши залеплены воском, все на свете звуки превращаются в ненавязчивый гул — что-то вроде жужжания пчел вокруг далекого улья.

«Странно, — рассеянно думал Сарио. — Кругом столько пьяных, а ткани и каркас целехоньки...»

Он стоял на коленях. Под ним лежал ковер со сложным, необычным узором; загадочные вещи, стилизованные растения — все довольно мудреное на тайра-виртский вкус. И цвета... Эйха, что за цвета! Ядовитые, режущие глаз. Сарио знал, что такие цвета существуют, но никогда ими не пользовался, ибо предпочитал мягкие тона. Разглядывая ковер, он узнавал под ветхим ворсом краски чужой страны: густую желтизну окиси железа, нежность розового песчаника, сочный, на грани фиолетового цвета, багрянец, синие и зеленые швы — невидимые, даже если всмотреться, но ощутимые. Как искусство... Как страсть...

Взор Сарио, привычный к приглушенным тонам вездесущих кирпичных стен, к мейа-суэртским глине и булыж-

никам, к выбеленной солнцем лепнине, к охре, жемчугу и слоновой кости, снова и снова возвращался к ковру. Юный художник изучал цвет, композицию, тему... Нет, тема ему не давалась. Хоть он и знал, что она есть. На это указывали повтор некоторых элементов, а также вереницы дуг из переплетенных растений — настолько рельефных, что можно было разглядеть стебли, листья, лепестки. Сарио чувствовал, что способен понять, уловить тему. Все-таки он годами учился видеть целое в огромных скоплениях самых что ни на есть замысловатых символов.

Внезапно пришло инстинктивное утилитарное решение: «Мне бы это пригодилось». А затем родилось открытие: в полутонах силы не меньше, чем в ярких красках.

Разум уже нашел себе работу: набросок к новой картине. Блеклый, унылый фон, слабые тона — совсем не такие, как те, которые он изображал раньше. Если писать портрет, с цветом и оттенками кожи придется повозиться особо. «Милая Матерь... — Он провел пальцем по стеблю, вьющемуся от его колена. — Как бы мне это все пригодилось...»

Сарио глянул на полог, за которым раздавался шум. И сквозь рядно увидел окружающий мир. И старика с Сааведрой.

От его рассеянности, отрешенности не осталось и следа. Опять — смятение, тревога, непонятный страх и наряду со всем этим растущая противоестественная тяга. «Что он говорил?.. Что он мне сказал?» Но рассудок оказался бессилен ответить — его обуревали новые мысли, странные мысли, обрывочные, сумбурные, дерзкие. «Что мне говорил этот муалим?..»

Муалим? Нет! Эстранхиеро. Иноземец. Чудаковатый и загадочный старик, ведущий странные речи.

Муалим. Да... Что объяснял старик? Цвета? Узоры? Сарио вновь опустил глаза. «Он меня учил. С помощью этого ковра».

Шатер был достаточно необычен и живописен, чтобы привлечь внимание юноши. Когда же перед ним появился старик и любезно предложил войти, он сначала удивился, а вскоре согласился с восхищением и благодарностью. Потом сказал чужеземцу, что по пути заметил в толпе Сааведру, и старик отправился за ней.

И вот она здесь, и у Сарио гораздо спокойнее на душе. Она его поймет.

Старик поднял полог и галантно указал на вход, но она колебалась. Сарио встал; яркие солнечные лучи ворвались в шатер, и Сарио заморгал.

«Ведра всегда меня понимала».

Полог упал, и снова воцарился рассеянный свет — мягкий, бессовестно льстивый. Сарио увидел целую гамму чувств на ее лице: в красивых серых глазах, высоких, резко очерченных скулах, четких контурах подбородка. Густые черные брови выдавали озабоченность, а поджатые губы — непривычную суровость. Ему вдруг захотелось, чтобы это лицо смягчилось, чтобы исчезла тревога.

— Луса до'Орро, — прошептал он. — Надо же, совсем забыл.

Излишняя сосредоточенность и целеустремленность мешали ему смотреть глазами мужчины, а не художника.

Но он-то знал. Его тело знало. Разве он ребенок, разве он неуклюжий, простодушный меннино, чтобы этого не замечать? С тех пор как его Признали по канонам семьи, прошли целые годы, в его постели побывали четыре женщины, способные рожать, каждая провела с ним несколько ночей, и ни одна не зачала от него. Однако все они остались им довольны.

Он стерилен, но не бессилен. Так и сказал ей однажды. Снова и снова доказывал это себе — всякий раз, когда желал провести ночь с женщиной, — даже слишком часто, чтобы сила чресел успевала переплавиться в силу творчества.

Только она его понимала. Одна в целом мире.

Сарио вознамерился было рассказать, что произошло, что сообщил ему старик; привычно поделиться с ней новостями и мыслями. Но не успел. Сааведра настороженно покосилась на старика, а затем посмотрела на Сарио в упор. И он понял, что ей страшно.

— Тебя вызывают, — торопливо сказала она. — Семинно Раймон.

— Подождет, — буркнул он.

Сааведра опешила.

— Сарио...

— Ведра, он подождет. — Сарио хотел произнести вовсе не это и вовсе не таким тоном, резким, как удар хлыста. Но его уже несло; он чувствовал, видел завершенность, целостность — словно картина, уже кем-то созданная до него, а потом разорванная в клочья, вдруг восстановилась. Он с недоумением заметил на лице старика удовлетворение и спокойствие. — Этот человек кое-что рассказал...

— Что? На тайном языке? В его тайном шатре?

— Тайный шатер? Ведра, что тут тайного?

— Я его не видела, пока не вошла.

— А я видел. С конца улицы.

— Да, ты видел, — кивнул старик. — Акуюб одарил тебя внутренним оком.

— Тебя вызывают, — повторила Сааведра непререкаемым тоном. — Матра Дольча, Сарио, да неужели ты забыл, кто ты такой? — Легким движением головы она указала на его цепочку с Ключом, зарывшимся в грязные, мятые кружева рубашки. — У нас обязанности перед семьей, нельзя ими пренебрегать.

— И зачем же я так срочно понадобился семинно Раймону?

Она снова бросила на старика настороженный взгляд и неохотно ответила:

— Не знаю. Но он был совершенно не в себе.

— Он — Вьехо Фрато. Кто из них в себе?

— Сарио! — Ее нежно-розовое лицо покрылось густым багрянцем, зато побледнели желваки. — Этот человек — эстранхиеро!

— Но не здесь, — спокойно и твердо сказал старик. — Не у себя дома. Там. — Он указал на полог. — Да, я эстранхиеро, как и вы, между прочим. Ведь вы — моей крови.

— Твоей крови?! — Изумление. Гнев. Смятение. — Я Грихальва...

— И чи'патро, — напомнил Сааведре старик. — Вы оба чи'патро. А я — нет. Я могу назвать все поколения моих предков, вплоть до Великого Шатра Акуюба. Но на самом деле вы не те, кем себя считаете. Вы — нечто большее.

— Тза'аб, — прошептала Сааведра. — Вот кто ты. Я узнала тюрбан, видела такой же на картине... Пьедро, «Смерть Верро Грихальвы». Только твой — другого цвета.

— Ай! Я разоблачен! — Оказывается, старик сохранил большинство зубов. И теперь они блеснули в ухмылке. — Цев'рейна, умоляю, дай мне время...

— Нет у меня времени!

Наметанный глаз художника уловил, что Сааведра одновременно побледнела и почернела: побледнели кожа и губы, почернели зрачки.

— И у него нет времени. — Она резко обернулась к Сарио. — Тебя зовет семинно Раймон.

— Подождет, — донесся старческий голос, словно запоздалое эхо. — Честное слово, вы увидите во всем этом смысл. Обещаю.

— А чего стоят твои обещания? — Сарио не помнил, чтобы Сааведра вела себя так грубо и капризно со старшими. — Ты для нас никто! Эстранхиеро, чужак. Враг!

— Для вас я ни то, ни другое, ни третье. Для тех, кто в этих стенах, под моей крышей, дышит со мною воздухом, выдыхаемым самим Акуюбом, я не враг. — Старик взирал на нее без негодования и обиды. — Дети Златого Ветра, вы вернулись домой. И по меньшей мере один из вас уже никогда не отобьется от родного стада.

13

Сорок три прожитых года не лишили герцога Бальтрана природной силы и грации. Он легко перекинул правую ногу через луку седла, при этом повернулся и высвободил левую стопу из стремени. И вот он уже стоит на полусогнутых ногах, балансируя руками как фехтовальщик. Премио чевайо, учивший его с детства верховой езде, не знал этого приема; Бальтран сам изобрел его, когда стал постарше, — для экономии времени. Энергичному, деятельному юноше претила церемониальная медлительность. И теперь, спрыгнув с коня вопреки всем правилам и традициям, Бальтран до'Веррада снова ощутил себя молодым, несмотря на легкую боль в коленях. Выгоднее демонстрировать бодрость и силу, чем жаловаться на первые проявления костной лихорадки — сущего наказания

для города, построенного так близко от болот. Особенно от этой хвори страдали Грихальва.

Вот уж кому не позавидуешь, так это Грихальва — злосчастному, хиреющему роду.

Один повод в серебряных фестонах лежал на шее жеребца, другой герцог подал молодому конюху, выбежавшему из конюшни принять господского скакуна.

Бальтран не стал ждать, когда его спутник, подъехавший следом, спешится. В проворстве юноша не уступал отцу, чего нельзя было сказать о грации. Слезая с коня, он зацепился шпорой за стремя и чуть не упал; тем временем герцог как ни в чем не бывало шагал по мощенному плитами внутреннему двору и стягивал кожаные перчатки. Алехандро торопливо сунул повод конюху и бросился вдогонку за отцом.

Оба были высокого роста, но у герцога за плечами осталось гораздо больше лет, чем у его наследника; Бальтран давно успел приноровиться к своей широкой поступи.

— Патро...

— Кажется, я тебе уже сказал. — Пыльные перчатки упали на протянутые ладони слуги, вышедшего из Палассо навстречу герцогу с сыном. — Нет, и точка.

— Но...

— Алехандро, на то есть причины. Ты хоть представляешь, что бы сказала мать?

Теперь Алехандро шел рядом, нога в ногу, легкая походка обещала, что он обретет отцовское изящество движений — конечно, если когда-нибудь перестанет расти.

— А разве ей обязательно знать?

— Нет, Алехандро, ей не обязательно это знать, но она все равно узнает. Женщина есть женщина. Сначала узнают слуги — твои и твоей любовницы, затем их друзья, затем друзья друзей, затем фрейлины герцогини и, наконец, она сама. А уж она найдет, что нам с тобой сказать.

— Я могу ее куда-нибудь увезти.

— Родную мать? — Ужас на лице сына вызвал у Бальтрана ухмылку. — Ну, ну! Эйха, ты что, шуток не понимаешь? — Не укорачивая шаг, он стал развязывать шнурки кожаного охотничьего камзола. — Хотя, конечно, ничего смешного тут нет, уж я-то знаю. Когда мальчик впервые в жизни хочет обзавестись содержанкой, это дело нешуточное. — Он справился со шнурками, снял камзол и бросил в ловкие руки камердинера. — Алехандро, я не против, чтобы ты завел подружку. Я всего лишь советую найти другую женщину.

— Патро, но я хочу ее...

— Почему? Потому что она показала тебе мир, где ты раньше не бывал? Потому что подарила тебе чувства, которых ты раньше не испытывал и даже не подозревал, что они существуют?

Бальтран заметил, как побледнел его сын, как напряглись мышцы его лица, и, ощутив жалость, остановился.

— Матра, я понимаю... Да, Алехандро, я понимаю. Но — нельзя. Это исключено.

— Но ведь я наследник... И если я чего-то хочу...

— Алехандро! — Бальтран понял, что его терпение на пределе. — Да, Алехандро, ты действительно наследник, и в этом мире тебе доступно очень и очень многое. Но прежде чем добиваться исполнения своих желаний, наследнику необходимо как следует подумать.

— Патро, я уже подумал.

Мокрая от пота рубашка липла к телу, но герцог жестом велел камердинеру уйти. Не раздеваться же посреди двора. Хотя сын, похоже, готов семенить вслед за ним по всему Палассо и подобострастно заглядывать в глаза.

— Да, Алехандро, ты подумал. Не сомневаюсь. Но кое-чего ты все-таки не учел.

— Кое-чего? — Зацепившись за это слово, Алехандро осмелел, несвойственное ему смирение уступило холодной настойчивости. — Кое-чего? Она мне нужна. А тебе нет. Да о чем тут спорить?

— О политике.

— Но она же содержанка, а не принцесса... При чем тут политика?

Бальтран отвязал грязные манжеты и стал закатывать рукава, обнажая мускулистые, загорелые предплечья.

— Алехандро, она была моей любовницей. И вдобавок она Серрано. И если переберется из моей постели в твою, ей будет трудно выйти замуж, тем более за состоятельного дворянина.

— Патро, у тебя же сейчас другая женщина, — упрекнул его сын.

Отец беззлобно ухмыльнулся.

— Верно. Может быть, это даже твоя мать... впрочем, тебя это не касается. Подумай еще раз, хорошенько подумай о последствиях. Если Гитанна Серрано из рук герцога перейдет в руки наследника... Ведь дело не только в том, что подумает твоя мать. Главное, как на это посмотрит двор.

— Да кому какое дело, с кем я сплю?

— Всем без исключения. Такова жизнь. Вот если бы речь шла о какой-нибудь простушке, по-собачьи преданной хозяину... Но Гитанна не из таких. Нет, Алехандро, тебе нужна женщина для любовных утех, а не для интриг. Если решишь найти себе такую — вот тебе мое отеческое благословение. Но не советую искать ее в Палассо.

— Патро...

— Басста, Алехандро! Оставим эту тему. Я своего решения не переменю, Гитанна Серрано не будет твоей содержанкой. Она помогла тебе стать мужчиной, и за это ей спасибо, а теперь лучше поищи себе другую милашку — чтобы в постели не скучать. Да неужели мало красоток среди до'Брендисий или в роду до'Кастейа? Серрано и так забрались высоко, довольно с них. Сарагоса — Верховный иллюстратор, Катерин — Премиа Санкта... да еще и Гитанна в моей спальне! Не слишком умно с моей стороны, но я без памяти влюбился в женщину... Сам не ожидал, что она

столько продержится. Эйха, что было, то было. А теперь я не могу сместить ни Сарагосу, ни Премиа Санкту...

— Поэтому решил сместить Гитанну.

Герцог от души рассмеялся.

— Да, гораздо проще выгнать содержанку, чем Верховного иллюстратора или Премиа Санкту. Для этого вовсе не обязательно умирать.

— Но почему ты решил ее бросить? Из-за интриг?

С лица Бальтрана исчезла улыбка.

— Я ее бросил, потому что мне надоели вечные заговоры против Грихальва, вечные требования, чтобы я лишил этих бедолаг охранной грамоты. Матра Дольча, мало, что ли, я этого наслушался от Премиа Санкты? И вдобавок я предпочел Гитанне другую женщину. — Он пожал плечами. — Видишь ли, Алехандро, когда в твоем распоряжении огромнейший выбор вин, надо стремиться к тому, чтобы перепробовать их как можно больше, и только после этого отобрать самые подходящие для десерта.

Голос его смягчился, в нем появилась легкая ирония; он вспомнил свою пылкую юность и то невменяемое состояние, в которое его приводили унизительные отказы.

— Алехандро, я тебя уверяю: ты в нее не влюблен. Просто это твоя первая женщина, и вполне естественно, что ты ею увлекся. Эйха, кто из нас не привязывался к первой любовнице? — Он улыбнулся, вспомнив Тринию, сложенную как богиня и щедрую на ласки. — Но придет другое время, появится другая женщина, и ты поймешь разницу.

— Единственная? Единственная женщина, патро?

— Единственная, — задумчиво подтвердил Бальтран. — Однажды я это понял. Мгновенно.

— И это была не мама?

— Эйха, нет... Алехандро, я очень хорошо отношусь к твоей матери, уважаю ее, даже восхищаюсь ею. Но все-таки по-настоящему я любил не ее. Та женщина давно умерла.

— Умерла? — переспросил ошеломленный наследник.

— Рожая мальчика, который мог бы стать тебе братом.

Герцог поднял голову, бросил взгляд на солнце. Та боль давно прошла.

— Регретто, филькo мейо, но мне надо освежиться. Скоро нас почтут визитом послы Пракансы, не могу же я выйти к ним в таком виде.

— Праканса? Думаешь, предложат переговоры?

— Предъявят требования, — сухо ответил отец, поворачиваясь к Палассо. — Пракансийцы только и умеют что требовать.

— Патро, а чего они хотят?

Бальтран помолчал, затем хлопнул сына по плечу.

— Филькo мейо, тебе еще рановато забивать этим голову. Ты теперь мужчина, вот и получай удовольствие. А с тонкостями дипломатии я еще успею тебя познакомить.

* * *

В тишине и уюте солярия, хранившего память о множестве приятных и поучительных бесед с Артурро Грихальва, Раймон стоял, опираясь на пилястр, и с напускной беспечностью взирал на сидящего в кресле человека. Тот в одной руке держал полный кубок вина, а другая, со сложенной в чашечку ладонью, то и дело подкидывала цепочку и Ключ, как подкидывают монету, проверяя ее полновесность.

Раймон сложил руки на груди, плотно прижался лопатками к штукатурке. Такая поза помогала ему скрывать нервное напряжение.

— Это будет Отавио?

Сидящий задумчиво скривил губы, после чего со вздохом кивнул.

— Альтернативы не вижу.

— Но он — не Артурро.

— Таких, как Артурро, не было, нет и не будет. Тави мне нравится не больше, чем тебе. Но, я думаю, с обязанностями Премио Фрато он как-нибудь справится. Ведь он далеко не дурак.

— Но он узколоб. Высокомерен. Не замечает, как меняется мир, опасается перемен.

— Эйха, Раймон, для старика это дело нелегкое. — Дэво ухмыльнулся — он был на восемь лет старше Раймона. — В его годы и тебе не захочется перемен.

Раймона эта перспектива ничуть не успокоила.

— Сомневаюсь.

Дэво перестал улыбаться.

— Так-так... Что ты предлагаешь?

Несколько мгновений Раймон колебался, потом отошел от пилястра и направился к высокому стрельчатому окну. Через него в комнату тек аромат цветущего винограда — густой, как дешевые духи, столь охотно приобретаемые крестьянками — кампонессас — в праздники. К запаху цветов примешивался пьянящий дух скошенной травы — во внутреннем дворе трудились садовники. Летняя жара и обилие влаги в почве и воздухе — что еще нужно растениям? Другие семьи в самую жаркую пору перебирались за город, но Грихальва — никогда. Они трудились в своем Палассо. Денно и нощно.

Раймон тихо вздохнул, но не повернулся. Обратился к уместившемуся в полуовале окна кусочку сада:

— Думаю, мы должны кое-что предпринять для достижения наших целей.

— Раймон! Матра Дольча, твое счастье, что ты говоришь это мне, а не кому-нибудь... Ты хоть представляешь, к чему это может привести?

— Скорее всего, к Чиеве до'Сангва.

Дэво заметно встревожился.

— И тебе все равно? Неужели не боишься?

Раймон круто обернулся.

— Я боюсь совсем другого. Впервые за несколько поколений у нас появилась возможность — и какая возможность! —

пристроить ко двору члена семьи Грихальва. И ничего не выйдет, потому что один старый моронно на дух не переносит одного мальчишку и завидует его Дару.

Дэво замахал на Раймона руками.

— Ну что ты! У Тави всегда были проблемы...

— Отавио на должность Премио Фрато не годится, и ты это понимаешь. — Раймон совладал с дыханием и заговорил спокойнее. — И я это понимаю. И боюсь. Да, Дэво, боюсь. Ты и сам не хуже меня знаешь, что Сарио — единственная наша надежда.

— Лишь при условии, что он будет послушен, — напомнил Дэво. — Номмо Матра эй Фильхо! Раймон, в семье Грихальва нет другого такого упрямца.

Раймон невесело улыбнулся.

— А я?

Дэво рассмеялся.

— Эйха, одно время и с тобой не было сладу. Но в конце концов ты образумился.

Под манжетой зачесалась рука, напоминая о «наименьшей каре».

— Да, в конце концов образумился, — задумчиво сказал он. — Ты можешь предложить иной путь?

— Другого пути нет, — без колебаний ответил Дэво.

— Ну так почему же...

— Потому что мы не можем своими руками расшатывать устои! Это противоречит нашим принципам. — Дэво покачал головой. — Компордотта, Раймон. Мы должны быть непогрешимы всегда и во всем.

— И ради этого совершать ошибки?

— Раймон, ты все отлично понимаешь, — убеждал его Дэво. — Без строжайшей компордотты, без угрозы такими наказаниями, как «наименьшая кара» и Чиева до'Сангва, мы превратимся в чудовищ.

— Отавио будет доказывать, что Сарио уже превратился в чудовище.

— Вполне возможно, он окажется прав. Но лишь в том случае, если мы позволим мальчику действовать по собственному разумению. Если оставим его, неподготовленного, без надзора Вьехос Фратос. Сарио это Сарио.

— А что мы будем делать, если так и не увидим Сарио в должности Верховного иллюстратора?

Дэво пожал плечами.

— Будем ждать.

— Сколько? Пятьдесят лет? Пятьсот? — Раймон раздраженно тряхнул головой. — Нам еще очень повезло, что до'Веррада до сих пор дают стране толковых, трезвомыслящих правителей. Но где гарантия, что так будет всегда? Где гарантия, что пракансийцы и прочие соседи не измотают нас набегами? Если Тайра-Вирте ослабеет, войны не избежать. И в этой войне может погибнуть наш род.

— Ты имеешь в виду тза'абов. — Лицо Дэво окаменело — он понял, к чему клонит Раймон. — Ты боишься не Пракансы, и не Гхийаса, и не других стран, а Тза'аба Ри.

Раймон тяжело вздохнул, прислонился к стене у окна и устало закрыл глаза.

— Эн верро. Его-то я и боюсь.

— Раймон, тза'абы разгромлены! Пророк убит, Всадники Златого Ветра рассеяны, Кита'аб сожжен. И это заслуга наших родичей! Племена в таком упадке, что женщине, называющей себя императрицей Тза'аба Ри, никогда не послать их в бой. И у Пророка вот уже сто лет не было потомка по мужской линии. Тза'абы нам не страшны. Их вера умерла, их дух сломлен.

Раймон отлепил от стены затылок и посмотрел на Дэво в упор.

— Откуда ты знаешь?

Дэво растерянно заморгал.

— А откуда все мы знаем?

— С чего мы взяли, что не осталось Всадников Златого Ветра, не уцелело страниц Кита'аба? Что не найдется человека, который захочет возродить Тза'аб Ри?

— С того, что... — Дэво осекся. — С того, что минул очень долгий срок.

— Слишком долгий? — Раймон скептически хмыкнул. — Дэво, что значит слишком долгий срок, если речь идет о возрождении святынь?

— Но...

— Дэво, а разве мы не этого добиваемся? Рождаем мальчиков, Признаем их, обучаем и молимся, чтобы когда-нибудь они нам вернули утраченное... Почему бы не предположить, что тза'абы просто ждут, как и мы, когда самый достойный из них предъявит свои права? У них это Пророк, у нас — Верховный иллюстратор. Но разницы между нами нет. Разница лишь в том, что они хотят разрушить Тайра-Вирте, а мы — сохранить.

Эта идея явно не укладывалась у Дэво в голове.

— Раймон, но ведь мы не знаем наверняка. Может быть, это всего лишь домыслы. Пустые домыслы.

— Ну конечно, — легко согласился Раймон. — Эн верро, должно быть, я ошибаюсь. Конечно.

— О Матра, — прошептал Дэво. — О Матра Дольча!

Раймон взял Чиеву, поднес к губам, прижал к сердцу.

— Номмо Матра эй Филько, пусть это будет всего лишь домыслом.

А все-таки, если его догадка верна. Екклезия — враг, герцог Бальтран окружен злокозненными Серрано, роду Грихальва заказан путь ко двору. Эйха, что же остается? Компордотта? Но поведение, ограниченное жесткими рамками, — разве не подарок для умных, инициативных и беспринципных врагов?

«Мне нужен Ключ».

Ладонь Раймона сомкнулась на Чиеве. На живом Ключе.

14

Итак, его вежливо попросили не совать нос куда не следует. И наверное, забыли о нем. Герцог отказал; все остается по-прежнему. Гитанна, скорее всего, уже покинула дворец или покинет в ближайшее время.

Но вопреки желанию отца мир Алехандро изменился. Жизнь не стоит на месте, она берет свое. Жгучее желание, терзавшее тело, удовлетворено. Теперь он знает, как утолять эту жажду, и утолит ее — столько раз, сколько понадобится.

Но с другой женщиной. Такова отцовская воля.

Ухмыляясь, Алехандро проводил взглядом отца. Сильный, широкоплечий, тот размашистым шагом пересекал внутренний двор — его ждали Палассо и обязанности герцога. Ни малейшего признака слабости, поступь легка и пружиниста, мышцы крепки, суставы не хрустят. У отца отменное здоровье, его огню еще гореть и гореть. «А моему? — подумал Алехандро. Он вытянул руки перед собой, осмотрел, повернул и так, и этак. — Есть ли во мне огонь, или всего лишь искорка? И то еле теплится, стесняясь близости отцовского костра?»

— Мердитто, — пробормотал наследник, с кривой улыбкой глядя, как герцог поднимается по ступенькам и исчезает в тени невысокого портала, — он почему-то недолюбливал Портайа Гранда и чаще пользовался боковым входом.

«Да. Главный вход он оставляет пракансийцам».

Алехандро вздохнул. Итак, он теперь не у дел. Ему запрещено лезть в постель Гитанны и вникать в интриги двора. Не то чтобы он мечтал об интригах, хотя куда от них денешься, живя в Палассо Веррадо, — но нельзя же его отшвыривать пинком, как дворовую шавку. Все-таки в Тайра-Вирте он не последний человек.

Он подбоченился и попытался носком сапога выковырнуть из мостовой булыжник. Получилось. Пинок — и камень защелкал по своим соседям. Алехандро повернулся на каблуках и твердым шагом направился к воротам, вежливо отказавшись от услуг конюха, у которого всегда был в запасе свежий конь для наследника.

— Нет, граццо. Для моего вздорного характера лучшее лекарство — пешая прогулка.

И если отец походя отнимает у сына Гитанну и заодно благословляет его на поиски новой подружки, сыну ничего другого не остается, как искать себе новую подружку.

Алехандро улыбнулся — к нему вернулась уверенность в себе. Между прочим, сегодня Фуэга Весперра, и большинство горожанок — на улицах. Может быть, день окажется не таким уж пропащим.

Сааведра устремилась к выходу, Сарио шагнул вслед за ней, но тут на его локоть осторожно легла старческая рука.

— Не надо, пусть идет. Для нее моя истина слишком нова, слишком непривычна. Ей нужно время.

Сарио высвободил локоть — для этого не понадобилось усилий.

— Для меня это тоже слишком ново.

— Но ты гораздо любопытнее, чем она, верно? И у тебя есть внутреннее око. — Старик улыбнулся, всплеснув корявыми ладонями в необычном жесте, — было в нем что-то детское, невинное. — Разве любопытство — грех? Нет. Даже я не подозреваю твоих драгоценных Матерь с Сыном в неприятии любопытства... Иначе откуда бы взялось все, за что ты славишь Их Священные Имена: талант, мастерство, извечное стремление к совершенству да в придачу внутреннее око?

Сарио внимал ему не без тревоги. Сааведра ушла, исчезла в толпе, а старик говорил правду. Да, он любопытен.

— Ты не поклоняешься Матери с Сыном.

Это было обвинение. Вызов.

Старик спрятал кисти рук в рукава шафранового халата.

— Ты уверен?

Сарио долго вглядывался в безмятежное лицо.

— Да, — сказал он наконец, — ты — тза'аб до мозга костей.

— Да, я тза'аб... Могу ли я быть чем-то большим? Или чем-то меньшим? Или кем-нибудь другим?

«Слишком туманный ответ», — подумал Сарио.

— Враг.

— Тебе я не враг.

— Почему? Я тайравиртец, к тому же Грихальва. Вот они, обе половины силы, что сокрушила Тза'аб Ри. — Сарио снисходительно улыбнулся. — Верро Грихальва — самое ненавистное имя для тза'абов.

— Половины одной из половин, — хладнокровно поправил старик. — Две другие половины целиком тза'абские и одухотворены тза'абским талантом.

Сарио почувствовал, как у него вспыхнули щеки.

— Это что, оскорбление?

— Оскорбление? Наполовину тза'аб — это оскорбление? — Показался и тут же исчез желтоватый блеск зубов. — Ай, нет! Если так рассуждать, то я оскорблен вдвое сильнее, чем ты.

Сарио недоуменно покачал головой.

— Но как ты узнал, что я наполовину тза'аб? Никто этого не знает. И не может узнать. Мы, Грихальва, столько раз женились на своих — от тза'абской крови осталась разве что капля.

— Погляди на меня, — сказал старик. — Ты пришел в мой шатер. Ты увидел мой шатер. Ты способен читать узоры. И ты понял, что они предназначены для тебя.

— Читать узоры?

— Я узнал тебя, едва ты остановился перед моим шатром. Как думаешь, почему я тебя узнал? Ты увидел мой шатер. А мое лицо — твое лицо.

Сарио ужаснулся.

— Твое лицо?! Но ведь оно старческое!

— Мое лицо древнее, — спокойно, без обиды согласился тза'аб. — Но кости под плотью не изменились. — Он постучал по носу согнутым пальцем. — Ну-ка, Дитя Златого Ветра, погляди еще раз. Глазами художника.

Сарио принял вызов. Задача оказалась легкой — времени отняла совсем немного, да и воображение почти не пришлось напрягать. Ничего удивительного, что старик его узнал даже в праздничной толпе. И обратился к нему, произнеся имя Верро Грихальвы — источника всех бед его рода.

А еще эти чарующие узоры...

Сарио ударил кулаком о ладонь и грязно выругался. И, отвернувшись от полога, взглянул старику в лицо.

— Да, во мне больше тза'абской крови, чем в других. Я самый смуглый. Ну и что с того? Нас всех считают порченными, екклезия проклинает всех Грихальва без разбора. Какая разница?

— Разница огромная. И во всем. Благодаря ей у тебя есть внутреннее око.

— Какое око? Что еще за око?

Старик улыбнулся.

— Зрение художника. Глаз Аль-Фансихирро.

Сарио хотел перебить, но старик отмахнулся.

— Что же касается екклезии и всех остальных, кто считает вас порченными, то они глупцы. Но я бы не назвал их невеждами.

— Не назвал бы? — изумился Сарио. — Да кто еще способен распускать слухи, будто мы вооружились темным колдовством, чтобы перекраивать жизнь, как нам заблагорассудится? Да будь это так... Матра, как жаль, что это не так! Неужели ты думаешь, что мы бы позволили смешивать нас с грязью? Неужели ты думаешь, что мы бы остались чахлым, вымирающим родом?

— Ты на это способен. — Тза'аб взглянул на Сарио и повторил торжественно: — Ты на это способен.

— Я? Способен? — Сарио расхохотался. — Да в меня никто из наших не верит, а ведь они — Грихальва!

— Насчет колдовства — все правда.

— Правда? Какая еще правда?! Мы — никто!

— У тебя есть сила. — Тза'аб подошел к подушке и осторожно сел. — Иначе ты не заметил бы моего шатра. Он жестом предложил Сарио снова опуститься на ковер. — Тебе надо еще многое узнать. А потому начнем.

— Эстранхиеро, — прошептал Сарио, — почему я должен тебя слушать?

— Потому что ты похож на меня, — незатейливо ответил старик. — Верен тому, что хранится здесь и здесь. — Он коснулся лба и груди у сердца, а затем улыбнулся. — Возможно, ты — это я. Правда, я все еще жив и одновременно не могу быть двумя живыми людьми.

После долгой паузы, до отказа насыщенной изумлением и настороженностью, Сарио криво улыбнулся.

— Ты — моронно луна. Полоумный, верящий, что способен допрыгнуть до луны и сорвать ее с неба.

Старик беззвучно рассмеялся.

— Так тебе нужна луна? Всего лишь жалкая луна, когда можно получить Пустыню?

— К чему ты клонишь?

— Для Аль-Фансихирро нет ничего невозможного.

— Для кого? Аль-фан?.. Как ты сказал?

— Аль-Фансихирро. На тайном языке это означает «искусство и волшебство». И сейчас я даю тебе первый урок. — В глазах старика поблескивали насмешливые искорки. — Я из ордена тза'абов, священного замка. Это гораздо серьезнее, чем твои санкта и санкто.

— Что еще за орден? Если вроде санкта и санкто, мне он не интересен.

— У нас есть кое-что общее — верность, вера, пожизненное служение. Но у моего ордена другие святыни, люди и методы. — Тза'аб повернулся к ларцу, стоявшему рядом с подушкой, и скрипнул засовом. — Видишь ли, Сарио, независимо от своего возраста и происхождения человек в этом мире способен на многое. Да, я стар, художнику кажусь вырытым из земли покойником, но я вовсе не бесполезен. Я немало знаю и могу кое-чему научить. — Он приподнял крышку, и пахнуло старыми пряностями, мелькнул блестящий зеленый шелк. — Ай, но тебе придется хорошенько поработать головой, чтобы понять меня.

Старик вынул из ларца изящную кожаную тубу. Дрожь пальцев не помешала ему ловко одолеть проволочный узелок и снять с тубы колпачок, после чего с предельной осторожностью извлечь пергаментный свиток. Сарио, стоявший возле полога и готовый сбежать по примеру Сааведры, с возрастающим интересом смотрел, как тза'аб расправляет пергамент. Бережно положив его на ковер и прижав уголки резными золотыми гирьками, старик поманил гостя.

Сарио взглянул на пергамент. И обмер.

— Матра... Матра эй Фильхо! — Неодолимая сила любопытства заставила его опуститься на колени. — Где ты... Откуда у тебя... Матра Дольча, да неужели это возможно?!

— Для Аль-Фансихирро нет ничего невозможного.

И тут Сарио наконец уловил тему узора на ковре. На пергаменте он был целиком.

— Номмо Матра эй Фильхо!

— Ай, нет, — возразил старик. — Во имя Акуюба.

Но Сарио было не до чужих имен и богов. Его била крупная дрожь, необъяснимый холод пронизывал до костей, до глубины души.

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Страница Кита'аба, — спокойно отьетил тза'аб. — Верро Грихальва, твой родич, не целиком его уничтожил.

Сарио пожирал глазами текст, узнавал знакомый почерк, — он уже читал написанные этой рукой строки, хотя впервые видел эту страницу.

«Да, не все погибло... Кое-что Верро отослал домой».

Да, кое-что Верро отослал домой, подарил семье. С великой гордостью и благоговением старик показывал страницу Фолио, доступного только иллюстраторам Кита'аба — самого священного текста тза'абов. Жители Пустыни считали Кита'аб ключом к своему Богу, а Грихальва — ключом к постижению своего Дара.

У Сарио в горле клокотал, рвался на свободу истерический смех. Он вспомнил, как тайком читал Фолио.

«Опять я забегаю вперед».

Гуляющего люда на улицах и площадях не убывало. Сааведра добралась до сокало Гранде, затем до фонтана перед громадой собора. По-прежнему на мраморных ярусах и в чаше кишела детвора. Решительно растолкав малышей, Сааведра забралась на парапет, наклонилась и до плеч погрузила руки в холодную воду. Не думая о намокшей одежде, она зачерпывала воду и с шумом плескала себе в лицо.

Усталости, вызванной жарой и духотой, как не бывало; влага охладила кожу, но не погасила гнев. А в чем его причина, Сааведра не понимала. Старик — всего лишь старик, что он ей сделает? Ну и пускай знает, чья кровь течет в ее жилах. Об этом всем известно, ведь она — Грихальва. Не появись в роду Грихальва дети тза'абов, его бы все равно считали опозоренным из-за тех женщин, фрейлин герцогини Хесминии, похищенных воинами Пустыни.

Нет. Дело все-таки не в похищении, а в изнасиловании, в рождении полукровок. За это потом все кому не лень — и придворные, и святоши — издевались над несчастными фрейлинами, сживали их со свету. Всего лишь две из них не наложили на себя руки. И они не только выносили и родили детей, но и приютили сирот. А потом в Палассо Грихальва всем полукровкам позволили зачинать и рожать. «Екклезия предпочитала, чтобы все обесчещенные фрейлины умерли или отправились в изгнание, бросив детей на произвол судьбы».

По ее щекам наперегонки бежали прохладные капли. Сааведра крепко — аж костяшки пальцев побелели — держалась за парапет, волосы распустились совсем и окунулись в воду.

«И не было бы тогда чи'патрос. А может, и перро лингвы. И не ополчилась бы против нас екклезия. И не родилась бы Сааведра Грихальва. И Сарио».

Веки смежились, слиплись влажные ресницы. Что сейчас делает, о чем говорит старик?

— Белиссима, — прозвучало рядом. — Вы тут одна?

Она вздрогнула. Солнце резануло по глазам, но она разглядела силуэт: высокий мужчина. Разглядела и одежду: скромная рубашка с закатанными рукавами и штаны для верховой езды.

— Я сама себе хозяйка.

— Тем лучше.

— Почему? — подозрительно спросила она. — Тебе от меня что-то нужно?

Он рассмеялся.

— Что может быть нужно мужчине от женщины?

Она тряхнула головой, откидывая назад мокрые локоны, и ухмыльнулась, когда он отшатнулся от брызг. Торопливо смахнула со лба капли, вытерла ладонями подбородок.

— Мало ли что! Но лишь такой мужчина, как ты, будет выпытывать у молодой женщины, одна она или нет.

Он снова рассмеялся, на этот раз тише.

— Фуэга Весперра. Или я неправильно понимаю его суть?

— Тебя интересует вовсе не суть, — возразила она. — А первопричина праздника, его корень.

— О, ты меня раскусила... Ну так почему бы нам не отметить этот праздник самым подходящим образом?

— Я и хочу его отметить самым подходящим образом — одна. И предпочтительно дома.

— Ты жестока! По твоей вине я остаюсь десоладио!

— Но я и сама остаюсь десоладиа. — Она усмехнулась. — Какой пыл! Не остудить ли его в фонтане? — Она зачерпнула воды и плеснула ему в лицо.

— Каша! — взъярился он, и широкая ладонь стиснула ее запястье. — Как ты смеешь?! Утоплю!

— Нет, — послышался другой мужской голос. — Вряд ли. Номмо до'Веррада.

— До'Веррад... — Первый мужчина осекся и поспешил выпустить запястье Сааведры. — Все в порядке. Видите? Все в порядке.

— Вижу, — сурово произнес второй. — Можешь идти. Адеко, если угодно. Хотя это всего лишь дань вежливости. Мне угодно, чтобы ты ушел — командую здесь я.

— Адеко, сейчас, — торопливо согласился первый и скрылся с глаз.

Сааведра одарила своего заступника широкой улыбкой.

— Вы неплохо командуете. Сразу виден природный дар.

— Дар? — Он пожал плечами. — Что вы, это — имя. Оно здесь кое-что значит.

— Имя герцога? Ну еще бы!

— Нет, не герцога. Мое. Этот чирос меня узнал.

— Ваше? Но... Постойте-ка! — Сааведра шагнула в сторону, чтобы солнце не падало в глаза. Да, это он. Она уже видела его издали, а еще — на своем наброске, раскритикованном Сарио. И любимое ругательство Сарио тут же сорвалось с ее уст: — Мердитто!

— Кто, вы или я? — Дон Алехандро криво улыбнулся. — А, скорее всего, он, этот грубый чирос.

— Ой! — испуганно воскликнула она, пристально глядя ему в лицо. — Ой, как же это я... Ваш нос!

— Мой нос? — Он дотронулся до указанного ею места. — А что с ним не так?

— Нет, не все так... Это я... — Она забормотала, оправдываясь: — Тень не такая... И складочка вот здесь, видите? — Она коснулась своей переносицы. — Ее нет, я ее убрала.

— Убрала? — Он смотрел на нее в замешательстве. — Регретто, я ровным счетом ничего не понимаю.

— Не понимаете? Ах, да, конечно. — Она смущенно улыбнулась. — Придется начинать заново.

— Что начинать?

— Вас.

— Меня? — Он оторопело заморгал. — То есть... как это? Как это вы начнете меня... заново?

— С помощью мела, — объяснила она. — Или угля. Может быть, и до акварельных красок когда-нибудь дойдет... Писать маслом я не обучена.

Его лицо прояснилось.

— Арртио!

— Арртио, художник, — подтвердила она. — Хоть и посредственный. Так говорят мои учителя, ведь я женщина, а женщинам таланты не нужны, кроме таланта рожать талантливых детей. — Она не понимала, зачем говорит ему об этом. Пустая женская болтовня, только и всего. Но остановиться не могла. Чем раздумывать, кто он и кто она, проще болтать, не давая ему раскрыть рта. — Я, конечно, стараюсь, учусь помаленьку. Надеюсь, еще пригодится... Когда нарожаю детей, снова займусь живописью.

— Почему бы и нет? — Он пожал плечами. — Признаюсь, я никогда не изучал живопись, хоть и знаком кое с кем из арртио. Не возьму в толк, почему нельзя заниматься тем, что вам больше всего по нраву?

Сын герцога. Вот уж и впрямь голубая косточка. Что он знает о жизни за стенами Палассо Веррада?

— Да я бы не прочь, — сказала она. — Но слишком мало осталось времени. От меня ждут детей, а с детьми уйма хлопот. Впрочем, если родится сын и будет признан Одаренным, его у меня заберут. — Сааведра дернула плечом и перевела взгляд с недоумевающего собеседника на фонтан. — Простите, не следовало говорить вам об этом. — Она сделала глубокий, прерывистый вдох. — Грацио, дон Алехандро. Если б не ваша доброта, этот подлец наверняка бы меня утопил. Обязательно помолюсь за вас на ночь.

— Моментита! — Он нерешительно протянул руку. — Вы не откажетесь погулять со мной? В такой толпе разговаривать трудно... Вот что! Я угощу вас лимонадом и найду местечко в тени. — Его улыбка была ослепительна. — И клятвенно обещаю не топить вас в фонтане и не докучать непристойными предложениями даже под предлогом Фуэга Весперра.

Он вновь улыбнулся, и Сааведра заметила кривовато выросший зуб, о котором говорил Сарио. У нее запылали щеки.

«Матра Дольча! Нет! Я не могу, не должна! О дон Алехандро...»

Она лихорадочно огляделась по сторонам и поняла, в чем причина ее страха и замешательства: над нею высился Катедраль Имагос Брийантос.

— Екклезия ни за что не допустит!

Улыбка исчезла.

— Екклезия? Почему? Да что плохого в том, что мы с вами попьем в тени лимонада?

Впервые в жизни она произнесла свою фамилию не с гордостью, а с ужасом:

— Я... Грихальва.

— Правда?

Напрасно она искала на его лице признаки отвращения и негодования.

— Так вот почему вы заговорили об искусстве. Ваш род славен художниками.

Меньше всего в эту минуту она ожидала услышать такие слова. Только вежливость, впитанная чуть ли не с материнским молоком помогла найти подобающий ответ.

— Граццо, дон Алехандро, вы очень добры.

— Доброта ни при чем, — возразил он. — Я люблю говорить правду. Я часто, почти каждый день, бываю в Галиерре Веррада, — там висят шедевры мастеров из вашей семьи.

«В том числе оригинал «Смерти Верро Грихальвы» кисти Пьедро». Сааведра невесело улыбнулась.

— Да, конечно.

— Вот так. Вы Грихальва, а я до'Веррада. И бассда. Так как насчет лимонада и тенечка?

— Кордо, — едва вымолвила она, и он снова ослепил ее улыбкой.

Но на сей раз Сааведра не заметила кривого зуба. «А с носом я все-таки оплошала...» — подумала она рассеянно.

15

Мальчик извинился и ушел — якобы гулять по праздничному городу. Но старый тза'аб не сомневался, что он отправился прямиком в Палассо Грихальва, — обдумать и с жаром отвергнуть все услышанное. Ничего не выйдет. У старческих глаз собрались веселые морщинки. Такие новости усваиваются медленно, но верно.

Начало положено. А чему есть начало, тому будет и конец. Больше не надо ждать, больше не надо лелеять надежду, что во вражьем стане родится Избавитель. Он уже родился и вырос; и с нынешнего дня Иль-Адибу незачем с тоскою смотреть в прошлое и ненавидеть настоящее. Теперь у него есть будущее.

Старик улыбался. Снова его имя прозвучало на тза'абском, и снова — в связи с Акуюбом. И пусть произношение

несовершенно, а в голосе сквозят настороженность и скептицизм, главное сделано: человек одной с ним крови назвал его имя. Больше он не эстранхиеро, не тза'абское филько до'канна, как обзывали его в этом городе... Он снова Иль-Адиб, рожденный в Пустыне, в Тза'абе Ри, — хранитель силы Аль-Фансихирро, слуга Акуюба.

Он был один среди чужих; теперь их двое. Мальчик научится. В нем есть тяга к знаниям и честолюбие; он проницателен, сметлив и хитер. Ум его не терпит шор и догм, он всегда готов к любым трудностям, он сам ищет трудности. Ну, а ирония... без нее, пожалуй, он бы не выдержал того, что нынче на него обрушилось.

Путь предстоит нелегкий, но победа будет наградой за все труды и лишения.

Он дойдет. Ведь у него есть внутреннее око.

Старик повидал много мальчиков из рода Грихальва, иные проходили этой самой улицей, но никто не разглядывал его шатер, ибо не видел его. Да, они унаследовали кровь тза'абов, но внутреннее око не досталось никому. Кроме Сарио.

«Акуюб обещал мне, что придет другой».

Сухонькая кисть Иль-Адиба коснулась навощенного дерева. Морщинистые губы цвета терна тронула призрачная улыбка.

— Мы начинаем сызнова, — прошептал он. — Я сотворю второго Пророка, и Великий Шатер Акуюба вернет себе похищенные врагами богатства.

Раймон считал ступеньки, а заодно и годы. Четырнадцать плюс четырнадцать. Остановился под низким косым потолком и вспомнил, когда последний раз приходил в чулан над кречеттой.

Не из-за несчастного Томаса. То была чужая обязанность, чужая ноша. Чужой камень на совести — после того как подвергнутого каре нашли мертвым. Раймон побывал здесь задолго до этого несчастья.

Он поднялся в чулан, когда пришло его время, его черед. Когда ему было столько же лет, сколько ступенек на этой лестнице. Его Покарали и заперли здесь, в сумрачном чреве Палассо. Правда, совершенные им проступки были не столь серьезны, чтобы подвергать его Чиеве до'Сангва.

В запястье пульсировала слабая боль. Раймон нагнулся, поставил на пол фонарь, прижал к саднящему месту ладонь другой руки. Под рукавом шелкового камзола и кружевной манжетой снова горел шрам.

— Самовнушение, — прошептал Раймон. — Сила волшебства давно иссякла... И я понял все, что должен был понять.

Да, он перестал досаждать старшим вопросами, которые навлекли на него «наименьшую кару». Или научился облекать их в безопасную форму. Добрую службу сослужила и тщательно продуманная компордотта. На него больше не смотрели косо, не грозили наказанием, не мешали продвижению в чинах. Теперь он иль семинно, его голос — в числе решающих. Правда, он не

раскачивает лодку, лишь позволяет себе изредка высказывать мнение, не совпадающее с мнением большинства.

Эйха, теперь у него есть сторонник: Дэво. Но это успокаивало слабо. «Мой голос не слышат, но по крайней мере к нему прислушиваются».

Впрочем, он пришел сюда не ради этих мыслей. И даже не ради воспоминаний о «наименьшей каре». Он пришел подождать, встретить, обсудить. И предложить решение, которое любой из старых членов семьи отмел бы с порога.

Он тихонько рассмеялся — невесело, но с горьким торжеством. «Этот не отметет!»

Да, этот не отметет. Раймон ловил шорохи шагов, летящие в тесный чулан по сумрачной лестнице, и думал о том, что сделал правильный выбор. Единственно правильный. В отличие от всех остальных Сарио Грихальва готов взяться за любое дело. И во что бы то ни стало довести до конца.

Под челкой выступил пот. Раймон нервно вытер лоб рукавом и на несколько секунд закрыл глаза — собраться с духом. К тому времени когда появился Сарио, он уже успокоился. И был готов услышать и вытерпеть любые проклятия.

Алехандро внутренне содрогался, без утайки рассказывая девушке из рода Грихальва о Гитанне, об отце, о своем решении найти женщину для любовных утех. А вдруг Сааведра решит, что он имеет в виду ее?

Они ушли с сокало Грандо и теперь, как и обещал Алехандро, сидели у прохладной стены, под сенью высокой оливы, прямо на земле, наспех очищенной от падалицы, не задумываясь, во что превратится одежда. Он рассказывал о своих поисках женщины и думал: а вдруг она сейчас разъярится и обольет меня, как того чирос у фонтана?

Не хотелось бы. Лимонад липкий, и глаза будет щипать.

Но она не сердилась. Поддакивала как ни в чем не бывало. А чему тут поддакивать? Он боялся, что она вот-вот встанет и уйдет, боялся ледяного тона или вспышки гнева. Но обошлось.

— Эйха. — Она панибратски хлопнула его по плечу. — Вряд ли стоит тебя за это осуждать.

— За то, что я хочу женщину? Другую женщину? Хоть и заявил отцу, что хочу Гитанну?

Она сидела в неполный профиль, и совершенство не страдало от жуткой неразберихи, в которую превратились высохшие длинные кудри. Уголок ее рта иронично изгибался.

— Дело не в том, что тебе очень хочется женщину. Главное, ты стремишься доказать отцу, что ты — мужчина и сам себе голова.

Он поразмыслил над ее словами. Пожалуй, она права.

— Откуда ты знаешь?

Она дернула плечом.

— Другие мужчины ведут себя точно так же. Те, кого я знаю.

Мужчина. Не мальчик. Это успокаивает. Но и бередит любопытство.

— И много ты знаешь мужчин?

— Мужчин? Эйха, да. Но это совсем не то, что ты имеешь в виду. — Она тихонько рассмеялась. — Дон Алехандро, я живу среди мужчин, и к тому же я — арртио. Видишь ли, нас приучают наблюдать за чужими манерами и поведением. Компордотта.

Он уловил блеск в ее глазах.

— Чтобы как следует понять характер объекта изображения, показать на портрете его огонь, нужен острый глаз. Наметанный. Необходимо понимать компордотту.

— Всю?

Она улыбнулась; сверкнули белоснежные, ровнехонькие зубы. И Алехандро сразу вспомнил о своем изъяне — кривом зубе, не появившемся ни на одном портрете Сарагосы Серрано.

— Ну зачем же всю? Кое-что. Я не умею читать в умах. Только на лицах.

— А что ты читаешь на моем лице?

Она поморщилась.

— Только то, что мне не удался нос.

Он рассмеялся, наслаждаясь ее доброй иронией и легким самоуничижением, а больше всего — непринужденностью. Обычно люди с ним разговаривали совсем иначе. Особенно женщины.

— Отец объяснил, что я ее не люблю, — сказал он. — Просто увлечение.

— Вполне возможно, — невозмутимо согласилась она. — Сарио тоже считал, что влюбился в свою первую женщину, но это, конечно, было не так. Просто новизна всегда привлекательна. К тому же та женщина сделала его мужчиной и доказала, что он Одаренный.

Алехандро снова опешил.

— Он лег в постель с женщиной, чтобы удостовериться в своем таланте художника?

Она отстранилась — душой, не телом. Тело как сидело у стены, так и осталось сидеть. Но Алехандро почувствовал. И нашел этому подтверждение, когда она сменила тему.

— Теперь ее отошлют? Гитанну?

— Похоже на то... Отец даст ей загородную виллу, денег, побрякушек... — Алехандро вздохнул. — Так мало, если вспомнить, сколько лет он с ней прожил.

— Но ведь она — содержанка. Вряд ли ей стоило надеяться на большее.

— Да, пожалуй. Ну, я уверен, ей послужит утешением, что при дворе остается брат. Пока Сарагоса при отце, у его семьи — немалая власть.

— Сарагоса? Сарагоса Серрано?

— Ну да. Он Верховный иллюстратор.

— Я знаю, кто он. — Ее лопатки отделились от стены, кулаки сжались. — Так она — его сестра? Гитанна Серрано?

— Да. А что?

В ее смехе появилась резкая, неприятная нотка.

— Лучше от нее избавиться.

— Почему? — спросил он растерянно. — Что плохого она тебе сделала? По какому праву ты о ней так?

С ее лица начисто сошел румянец.

— Да, ты прав. Это нехорошая компордотта. — Она порывисто поднялась, дружелюбие и непринужденность исчезли без следа.

— Дон Алехандро, граццо за спасение и лимонад, но мне пора.

Матра Дольча, почему у него такое чувство, будто он сказал чего не следовало? Ведь это она...

Он поднялся на ноги и осклабился.

— Сядь. Никуда ты не уйдешь, пока я не разрешу.

Она покраснела, серые глаза засверкали.

— Значит, какому-то чирос ты говоришь «уходи», а мне, как собаке — «сиди». Привык обращаться с людьми как с животными?

Она рассердилась. На него? Но ведь это она неподобающе отозвалась о Гитанне. И тут он произнес совсем не то, что хотел произнести:

— Так ведь ты сама сказала, что у меня природный дар командовать.

Гнев как рукой сняло. С минуту она озадаченно смотрела на него, а потом расхохоталась.

«Совсем не похожа на Гитанну...»

Да, не похожа. Как, впрочем, на всех женщин, которых он знал. Ничего общего. Другим мужчинам это может показаться смешным, и другим женщинам, и даже, наверное, Гитанне. А ей — вряд ли.

Он забрал у нее чашку.

— Еще лимонаду? Моментита, граццо.

Если даже его природный дар не способен удержать эту женщину, остается воззвать лишь к ее хорошей компордотте.

Сарио остановился на счете двадцать шесть. Двумя ступеньками выше стояла лампа, довольно ярко освещавшая клочок пространства, обрезанный стенами и наклонным потолком; она заливала белизной скулы семинно Раймона и чернью — впалые щеки.

Написать бы его таким. Так ведь не позволит. Да и не до этого сейчас.

— Семинно, — уважительно, с неподдельной скорбью промолвил он. — Когда я вернулся, мне сообщили о кончине Артурро.

— Сарио, я за тобой посылал.

Сарио невольно съежился. Никогда еще Раймон не говорил с ним таким холодным, суровым тоном.

— Да, семинно.

— Двух мужчин и Сааведру. И что, никто из них тебя не нашел?

Раймон вовсе не собирался устраивать ему выволочку, но Сарио не умел обходить острые углы. К тому же странное поведение человека, которого он считал своим другом, и мрачная обстановка повергли его в замешательство.

— Сааведра нашла. Но я задержался. — И поспешил добавить: — Она не сказала о смерти Премио Фрато, иначе бы я пришел безотлагательно.

— Сааведра об этом не знала. Это касается только Вьехос Фратос.

— Но ведь остальные узнают... Семья. Разве можно это скрыть?

— Я думаю, все уже знают. Впрочем, дело не в этом. Когда кто-нибудь из нас при смерти, все остальные вершат у его ложа ритуал Параддио Иллюминаддо. На этот раз ты его пропустил, нам не удалось тебя разыскать. Твоя свеча осталась незажженной. Это очень плохо, Сарио.

Параддио Иллюминаддо, Осиянный Ход. Сарио не знал о существовании этого обряда. С тех пор как его Признали, никто из Вьехос Фратос не умирал, Артурро — первый. Да и мало ли еще ритуалов и традиций держат от него в тайне?

— Я могу что-нибудь сделать?

— Для Артурро? Ничего. Он умер. Ушел. Параддио Иллюминаддо уже закончен, хотя одна свеча — самая молодая — не отгорела. — Голос Раймона странным образом исказился. — Но для семьи ты можешь сделать многое... Правда, для этого тебе нужно переступить через гордыню. Полностью изменить компордотту.

— Опять?! — В груди Сарио вскипел гнев. — Испытание?

— Нет.

Он не поверил.

— Раймон, вы снова решили меня испытать! Мало вам тех пятен на моем Пейнтраддо? — Он ткнул пальцами в ключицу, в то место, куда Сааведра по его просьбе лила горячий воск. — Что я еще должен вытерпеть, чтобы вас убедить? Разве я не выполнил все ваши требования? Не прошел все испытания? Разве меня Признали и приняли незаконно?

— Законно.

— Так в чем же дело?

— Сарио, это не испытание. Это способ положить конец испытаниям.

Сарио помотал головой.

— Не верю!

Лицо Раймона напоминало беленый холст, туго, до треска натянутый на подрамник.

— Эйха, я тебя понимаю. И все-таки позволь, я объясню... — Он ловко снял через голову цепь и протянул Сарио. Закачался, позвякивая, Золотой Ключ.

— Подойди, Сарио. Возьми. Подержи.

Сарио опешил. Смутился.

— Твоя Чиева?

— Возьми, Сарио, — повторил Раймон тверже. — Ты должен знать, что это не проверка и не наказание. Это отчаяние, не более того. А еще — единственный способ добиться, чтобы Отавио нам не помешал.

Сарио недоверчиво (а вдруг это все-таки проверка?) спросил:

— Что-то я не пойму, как может Отавио...

— Сарио! Номмо Чиева до'Сангва, делай что сказано!

Сарио поджал губы и протянул руку. Золото звонким ручейком пролилось на ладонь. Металл еще хранил человеческое тепло. Проглотив комок в горле, юноша сомкнул пальцы на увесистой цепи, ни разу на его памяти не покидавшей шею Раймона.

А тот, бледный, с безучастным лицом, вдруг стал эстранхиеро, чужим. Сарио его совершенно не узнавал.

— Артурро умер. Нам предстоит выбрать нового Премио Фрато, и я опасаюсь, что им станет Отавио. Да какое там «опасаюсь»! Уверен.

— Но ты ведь не ждешь, что я...

— Я жду, что ты придержишь язык и позволишь мне договорить.

Сарио стиснул зубы. В его руке цепь с Ключом заметно потяжелела.

— Ты должен понять, — продолжал Раймон, — я бы сам это сделал, если бы верил в такую возможность. Но — увы. Это по силам только тебе.

В голове зароились вопросы. Сарио не высказал ни одного.

— Ты мне нужен. Таким, какой есть, с тем, что в тебе есть. Ты всем нам нужен, хотя другие этого ни за что не признают. Особенно Отавио. Только я это понимаю... И ты.

Сарио ждал. Теперь он не мог уйти — мир раскололся, вырвался из-под ног.

— Неоссо Иррадо, — сказал Раймон. — Да, дело в этом. И в твоем огне. В Луса до'Орро. В упрямстве, неутолимой гордыне и беспощадности. — Все его мышцы так напряглись, что по телу пробежала крупная дрожь.

— Ведь я мог быть таким, как ты... когда-то. Я вырвал все это из себя. Ты правильно сказал, меня погасили.

— Нет, — с трудом вымолвил Сарио. — Я видел твои картины.

В глазах Раймона мелькнула благодарность, признательность — мелькнула и тут же исчезла.

— Забудь все правила, — хрипло сказал он. — Забудь общепринятую компордотту. Ты должен стать Верховным иллюстратором.

— Вообще-то я надеюсь...

В голосе Раймона зазвенела сталь.

— Сарио, не надейся. Добейся.

Сарио ухватился за новую тему, наспех перебрал варианты выбора.

— Если это возможно...

— И слово «возможно» здесь не годится. Один лишь раз, один лишь раз поговори откровенно со своей душой. На

компордотту не полагайся. — Он хотел улыбнуться, но получилась вымученная гримаса. — Я так и сделал, а потому говорю тебе — как мужчина, как Грихальва, как Одаренный: любым способом, во что бы то ни стало получи должность Верховного иллюстратора. — Темные страстные глаза пламенели в отблесках лампы. — У тебя в руке моя Чиева. Сейчас я не Вьехо Фрато. И мне нет дела до того, каким путем ты пойдешь к цели. — У него сбилось дыхание.

— Матра эй Фильхо, — вдруг осознал Сарио, — да вы и впрямь меня боитесь.

— Лишь тот не боится огня, кто ни разу не обжигался. — Раймон спустился на одну ступеньку, его ладонь легла на кулак, сжимающий Золотой Ключ. — Если найдешь такой путь, это и будет Чиева до'Сангва.

Сарио вспомнил шатер, и старого тза'аба, и страницу Кита'аба — книги, которую в семье называют Фолио, — и обещанную силу. Волшебство тза'абов. Волшебство Грихальва. И та и другая магии вышли из одного источника, прячутся в крови, в огне, в застарелой ненависти и соперничестве.

«Верховный Иллюстратор».

Новая вершина. Новая сила — доступная, покорная.

С годами он не утратил способности бояться, как и способности осмысливать каждый новый шаг, приближающий его к другому Сарио, совсем не такому, как прежде.

«Как знать, может, совсем не этого хотел мой отец, когда ложился с моей матерью, и мать, когда рожала меня девять месяцев спустя? Быть может, все это было предопределено свыше, даже моя встреча со стариком?»

Расколотый мир сложился воедино. Но это был уже совсем другой мир.

Вторая ладонь Сарио опустилась на руку Раймона, сжала ее.

— Номмо Чиева до'Орро, номмо Матра эй Фильхо, номмо Грихальва клянусь: я это сделаю.

16

Распахнутая настежь дверь так и манила, так и звала в укромное ателиерро, приютившееся в одном из крыльев Палассо Грихальва — самого большого здания в квартале художников. Сааведра никогда не отказывалась от таких приглашений. Она слишком давно дружила с Сарио.

Она коснулась ладонью двери и проскользнула в ателиерро. Студию заливал летний солнечный свет — комната выходила на север, несколько высоких окон не были забраны ставнями. Не комната, а мечта живописца, недозволенная роскошь для женщины, вдобавок не Одаренной. Да и мужчин сюда пус-

кали не всех, а только Вьехос Фратос. Покой, уют, простор ателье-ро располагали к творчеству, прямо-таки призывали взяться за кисть.

Узкая дверь в северной стене вела на маленький балкон, с него открывался вид на центральный внутренний двор и многоярусный фонтан. Сааведра часто находила Сарио на этом балконе; он сижи-вал дотемна и в лихорадочной спешке набрасывал эскизы. Часто он бывал и в самой комнате, не замечая времени, забывая о голоде, не внемля звону колоколов по всей столице, не видя даже Сааведру.

Сааведра улыбнулась. Он беззаветно предан своему делу и абсо-лютно равнодушен к чужим. Для Сарио совершенно естественно разыскать ее и позвать к себе по самому ничтожному поводу, — например, чтобы поискала ошибки в его недописанной картине, — но его невозможно убедить, что у нее тоже есть работа и от нее не всегда легко оторваться.

Но Сарио — это Сарио. Она его прощала — потому, быть мо-жет, что никто другой не прощал.

«Надо было отказаться... Надо было попросить, чтобы хоть раз-ок дал спокойно поработать».

Но она не отказалась. Ибо понимала великое нетерпение души, стремление выпустить опаляющий ее огонь на волю.

Без его присутствия, без страсти, излучаемой им, комната странным образом уменьшилась, стала походить на обычный чу-лан; это впечатление усугублялось из-за обилия загрунтованных холстов, прикрытых парчой картин с непросохшей краской, про-питанных олифой деревянных щитов подле стен, а также полок и столов с обшарпанными, заляпанными горшками с раствори-телями, масляными красками, воском, янтарем и сухой смолой ака-ции, с закупоренными бутылками порошковых пигментов, со свитками бумаги, изготовленной из тряпья, и листами тонкого пергамента, заполненными простым или изящным письмом, с пыльными сосудами, содержащими неизвестно что, с россыпью кистей, мастихинов и шпателей, с крапинами ветоши по всей комнате, напоминающими о празднике Миррафлорес, когда дома украшают красным вьюнком.

Сааведра решила уйти и вернуться попозже, чтобы застать его наверняка, но тут ее взгляд упал на незаконченную картину, при-слоненную к мольберту у двери балкона. Она влажно поблескивала и пахла смолой и маслом. А еще были слабый запах меди, чем-то напоминающий запах крови, и, как ни странно, пряный кисло-слад-кий дух старой мочи. А может, Сарио, целиком отдавшись твор-честву, просто-напросто забыл опорожнить ночной горшок, что стоит за ветхой ширмой?

Недоумевая, Сааведра задержалась. Это полотно она увидела впервые, а ведь Сарио показывал ей все свои работы. Картина была далека от завершения, большая часть тщательно загрунтованного холста осталась нетронутой. Сарио успел сделать только подробный набросок да тонкими слоями краски наметить фон и лица персонажей. Но сюжет в основном был передан, и Сааведра

без труда уловила идею. Однако более всего ее удивил бордюр на холсте, написанный красками, но почти не отличающийся от рамы.

— Матра! — хмурясь прошептала она. — Сарио, что это ты задумал?

— Что я задумал, это мое личное дело.

Сааведра подпрыгнула от неожиданности и неловко повернулась, едва не повалив мольберт. Поймала его, водворила на место, а затем посмотрела на Сарио в упор.

— Сарио, но ведь это не твое... Совершенно не твой стиль.

— То, что я делаю, входит в мой стиль.

На нем была старая батистовая рубашка, запачканная всем, с чем приходится работать выдающемуся художнику, и еще чем-то, похожим на кровь; на загорелых худых предплечьях закатаны рукава. Темные волосы, заждавшиеся стрижки, кое-как стянуты на затылке кожаным ремешком; одна своенравная густая прядь достает до подбородка. Случайная капля краски создала горбинку на прямом как меч носу, а на скуле чернел след уголька.

«Сейчас он очень похож на старого тза'аба. Сходство в кости, в плоти...»

Под грязным воротом (зашнуровать его Сарио, конечно, не удосужился) виднелся длинный, почти до пупа, клин гладкой и смуглой кожи, а поперек него цепь с кулоном — знаком ранга.

— Сааведра, я не желаю запираться в клетке. Я вправе писать, как мне нравится. — Он подошел к верстаку, вынул из кармана склянки, поставил в ящик.

— Да, конечно, — машинально согласилась Сааведра. Им уже случалось спорить на эту тему. — Но бордюр — это что-то уж совсем новое и...

— ...странное? — Он улыбнулся, не скрывая самодовольства. За последние два года его тело созрело полностью, от юношеской угловатости не осталось и следа. Ему исполнилось восемнадцать, он был невысок, но хорошо сложен, недурен лицом, обладал природной грацией и ярко выраженными чертами южанина, тза'аба, которые сами были достойны его кисти. Сарио Грихальва ничем не уступал другим мужчинам из своего рода, даже превосходил их: неповторимый мастер, бесспорно Одаренный, уверенный в себе — чего в детстве Сааведра за ним не замечала.

— Да, странное, — повторил он легким баритоном. — Бордюр — традиция тза'абов. В их творчестве всегда участвует Аль-Фансихирро.

Сааведра не поверила собственным ушам. Традиция тза'абов! Да разве может Грихальва опуститься так низко!

— Но ведь ты никогда ее не использовал!

— Да. А сейчас использую. Вот, видишь? Ты ведь пришла посмотреть, да?

Сааведра в тревоге наблюдала, как он быстро переходит от картины к картине, сдергивает с каждой и отбрасывает ветошь. Странно. С другими он часто бывает груб, но с нею... А сейчас он с ней обращается, как с остальными.

— Да ты гляди, гляди. — Он сорвал очередной покров. — На всех — бордюр. Да?

Она переводила взгляд с холста на холст, наметанный глаз определял композицию, равновесие, подбор цветов и мигом соскальзывал на бордюры. Все они были не похожи друг на друга. Были и широкие, и узкие; были простые орнаменты и сложные, затейливые узоры. Он писал перекрученные ленты, сплетенные ветви деревьев, причудливо вьющиеся лозы; дивные стилизованные элементы постоянно повторялись. Фрукты, ветви, цветы, травы, листья — все органично врастало в узор. Сааведра смотрела во все глаза.

— Но ведь это же все меняет...

— Да, — согласился он, — как я и хотел.

— Раньше ничего подобного не было!

— Здесь не было. Это традиция Тза'аба Ри.

Она посмотрела ему прямо в глаза. С упреком.

— Это из-за того эстранхиеро? Ты столько времени у него был... Слишком долго! И теперь все это вторгается в твою работу.

— Вторгается? — переспросил он, не повышая голоса. — Как тайравиртцы вторглись в Тза'аб Ри? Эйха, я же забыл... Не тайравиртцы. Только до'Веррада со своими сподвижниками, в том числе кое-кто из Грихальва. — Он наигранно пожал плечами. — Но разве суть в именах? Конец известен: Тза'аб Ри побежден и сломлен, Пророк пал, Кита'аб потерян, земли захвачены теми, кто потом на веки вечные избрал до'Веррада герцогами.

— Сарио!

Он прижал к груди растопыренную пятерню.

— Что, Сааведра? Не нравится? А почему? Потому что это правда. Наша правда. Сейчас во всех без исключения Грихальва — тза'абская кровь.

— Пускай в нас тза'абская кровь, но мы не тза'абы! Сарио! Мы тайравиртцы.

— И за это нас все ненавидят.

Она промолчала. Сказать было нечего. Впервые за много месяцев она смотрела на него, пытаясь увидеть, понять, угадать, кто прячется под маской, которую Сарио всегда носит на людях. Подозрение, что закадычный друг детства все быстрее превращается в эстранхиеро, перерастало в уверенность.

— Тот старик, — с болью сказала она. — Это он виноват. Налгал с три короба, отравил тебя, испачкал. Не удивлюсь, если ты скоро напялишь тза'абский тюрбан.

Сарио рассмеялся.

— Тюрбана не будет. А насчет лжи ты зря. Иль-Адиб открыл мне правду, только правду, какой тебе и не вообразить. Во-первых, потому, что ты не видишь Аль-Фансихирро, а во-вторых, потому, что ты приучена думать как положено и никогда не отучишься. Ты хорошая маленькая Грихальва. Правильно я говорю?

Не поддаваясь на явную провокацию, Сааведра покачала головой.

— Сарио, это безумие. Он тебя настраивает против твоего народа.

— Мой народ — тза'абы.

— Но одно не обязательно исключает другое! — выпалила она. — Матра Дольча! Сарио, да ты что, моронню луна? Оглянись, посмотри по сторонам! Ты Грихальва, ты плоть от плоти Тайра-Вирте...

— И Тза'аба Ри.

— Тза'абы — бандиты, они похитили и изнасиловали наших прабабушек! Сарио! По-твоему, это геройство?

— А по-твоему, их не за что уважать? У них нечему поучиться? — Он вскинул руку. — Сааведра, посмотри на картины! Да, они иные... да, не похожи ни на чьи, но разве убоги? Нет. Никчемны? Нет. — У него сверкали глаза. — Они другие, Ведра. Как и я.

— Мердитто! Сарио, ты такой же, как и я.

На загорелом лице блеснули зубы.

— Ну коли так, тебе не мешает сходить к Иль-Адибу. Он хороший учитель.

«Да он надо мной издевается!»

— Ты, моронно луна! Думаешь, мне больше делать нечего, как только выслушивать старых дураков? Номмо Матра, Сарио...

— Или Акуюба.

Сааведра пришла в замешательство, но лишь на миг.

— Акуюб! Акуюб? Так ты что, отрекаешься от екклезии? Поворачиваешься спиной к Матери с Сыном?

Сарио снисходительно рассмеялся.

— Я всего лишь имею в виду, что есть и другие боги и можно клясться их именами. А насчет отречения от екклезии... По-моему, неплохая мысль. Хотя, может, это уже лишнее — санктос и санктас давно нас отлучили.

— Не отлучили, а...

— А как еще можно расценить приказ молиться только в стенах собственных домов? — Он повел рукой вокруг себя. — Ведра, сама Премиа Санкта запретила нам осквернять святыни и санктии. Слишком много чести для тза'абского отродья. По-твоему, такое можно простить?

— Она не права, — угрюмо сказала Сааведра. — Но она — это не вся екклезия. Ведь Премиа Санкта — Серрано, или ты забыл?

— И Верховный иллюстратор — Серрано. И поэтому мы не в силах ничего изменить.

Сааведра попыталась возразить, но тут же закрыла рот столь поспешно, что клацнули зубы. Верховный иллюстратор! Она повернулась к картине, которая с самого начала бросилась ей в глаза, — к той, что стояла у мольберта. С первого взгляда она не узнала недописанного лица, ее отвлек бордюр.

— Пресвятая Матерь! Сарио! Зачем ты пишешь Сарагосу Серрано?

В его глазах что-то промелькнуло, но исчезло еще до того, как он покосился на ящик, в который поставил склянки.

— Да так, в шутку, — бесцветным голосом ответил он. — Дай, думаю, напишу его портрет и отправлю ему в подарок. Анонимно, понятное дело. Может, хоть тогда поймет, что такое настоящий талант.

В ушах Сааведры это прозвучало бессмыслицей.

— Сарио, зачем тратить на него время? Кто он и кто мы?

— Для нас он — мердитто. Позорит достойную должность. Если бы не Серрано, она бы досталось нам, Грихальва.

— Да? А мне показалось, ты отрекся от семьи Грихальва и теперь пестуешь в себе тза'аба. — Сааведра язвительно улыбнулась. — Или ты всегда тот, кем выгодно быть?

Он кивнул.

— Как и ты.

— Я? — изумилась она. — При чем тут я?

— Как это — при чем? Раньше ты была художником, потому что это было выгодно семье. А теперь семье выгодно, чтобы ты рожала.

— Фильхо до'канна! — вышла она из себя. — О Матра! Что этот старый мердитто сделал с твоим языком?!

— Мой язык — моя забота, и это для тебя не новость. Уж если на то пошло, лучше б за своим последила. Портишь такую хорошую компордотту площадной бранью!

— Твоя заслуга! — огрызнулась она. — Это ты меня научил.

— Ладно, ладно. — Он ухмыльнулся. — Считай, что мы квиты, идет? И во многом похожи. — Он указал на картины. — Ведра, мой тебе совет: попробуй писать бордюры. Прекрасно дополняют композицию.

Она стиснула зубы и процедила:

— Искусственность.

— Да ты еще раз глянь. — Он метнулся к мольберту, показал на эскиз бордюра. — Видишь? Ветка миндаля, побег лаванды, пучок таволги. А тут розы, видишь? Сделаю их желтыми, пожалуй. — Водя пальцем, он смотрел на нее и дружески улыбался. — Все элементы повторяются, замечаешь? Причем в контексте портрета. Видишь, что он будет держать? Миндальную ветвь, побег лаванды, пучок таволги и одну-единственную розу. Она будет желтой, тут никаких сомнений.

Сааведра пожала плечами.

— Эти элементы можно было и так включить. Без бордюра.

— Но бордюр их все объединяет. И становится частью картины, рамой внутри рамы.

Она снова пренебрежительно пожала плечами.

— По-моему...

Он тихо рассмеялся.

— Стилистические новшества всегда встречают неприятие.

Сарио знал, куда бить. Сааведра оскалила зубы.

— Тебя этому старик научил?

— Такие бордюры — на всех картинах мастеров Аль-Фансихирро. Даже в Кита'абе. Это тза'абская традиция.

— И теперь ты себя считаешь одним из них? Мастером Аль-Фансихирро, или как там?..

— Орден Искусства и Волшебства. — Он ухмыльнулся. — Эн верро, а почему бы и нет? Я и Вьехо Фрато, и Аль-Фансихирро. Только глупец отворачивается от того, что способно исполнить любое его желание.

Вот сейчас он похож на прежнего Сарио, подумала Сааведра. Возможно, противный старик не совсем задурил ему голову.

Смягчившись, она кивнула.

— Все-таки не понимаю, зачем тебе писать Сарагосу Серрано.

— Я уже сказал, просто шутки ради. — Сарио безмятежно улыбнулся. — Хотя ему, конечно, никогда этого не понять.

— Зачем же тогда время тратить?

— Потому что нравится.

Эйха, он и тот, и не тот. Что простительно мальчишке, то не всегда подобает взрослому.

— Ладно. — Сааведра повернулась к выходу. — Не надо было мне сюда приходить.

— А зачем ты пришла?

Она остановилась. Подумала. Повернулась к нему.

— Узнать твое мнение. Насчет моей работы.

Он поднял густые брови.

— Ты и так знаешь мое мнение. Я много раз его высказывал. Ты пишешь лучше любой женщины, даже большинства мужчин. Но какая разница? Ты это потеряешь, потеряешь себя...

— Сарио, у меня нет выбора! Сколько нас было раньше и сколько сейчас? Что ты предлагаешь? Ради таланта отказаться от детей?

Он в недоумении отвернулся и накинул парчу на картину, затем перешел к соседней.

— Ведра, талант — такая же ценность, как и способность делать детей. Но нельзя ради ребенка выбрасывать свою жизнь в сточную канаву.

Оцепенев от ярости, она стояла и смотрела на него.

— Ты даже не представляешь себе, что значит быть женщиной...

— Да, — хладнокровно согласился он. — Зато я хорошо представляю, что такое истинное призвание художника. И ты представляешь. Потому что оно в тебе, ты его чувствуешь. — Он повернулся к ней и отбросил тряпку. — Ведра, ты — Одаренная. Не спрашивай, с чего я взял, просто поверь. Нетрудно увидеть в человеке огонь, когда в тебе самом горит точно такой же. — Сарио подошел ближе, и Сааведра поняла, что он взволнован. — Ты знаешь, как это делается, я объяснял... И если позволишь вести тебя...

— Нет!

Он воздел руки.

— Ведра, я не о конфирматтио. Только о картине.

— Изуродуешь ее и посмотришь, не случится ли чего со мной? — Она покачала головой. — Нет. Даже если я Одаренная, у меня нет будущего. Мне предстоит рожать детей.

И тут маска соскользнула. Но прежде чем Сааведра успела что-то сказать, он яростно замахал руками.

— Бассда! Все, уходи... Мне надо работать. — И повернулся к холстам.

Сааведра не тронулась с места.

— Я пришла спросить не о работе вообще, а о картине, которую я сейчас пишу. Раньше у тебя были кое-какие мысли насчет моего объекта.

Сарио резко обернулся. Он понял. Это было видно по лицу. Он побагровел, и тут же краска сошла.

— Опять он?

— А почему бы нет? — Она улыбнулась. — Ты всегда считал, что я его неправильно вижу.

— Сааведра, не для меня же ты пишешь Алехандро до'Верраду...

— Как ты догадался?

— Ты давно к нему неравнодушна! Мердитто! Ведра, по-твоему, я слепой?

Успех! Он разозлился, а гнев честнее его обычного высокомерия.

— Я говорю как арртио, — сказала она беспечно. — Как художник, который хочет добросовестно сделать свое дело. А что тут такого? — Она указала на мольберт с картиной. — Ты пишешь Сарагосу Серрано забавы ради, а я пишу Алехандро на заказ.

— Только потому, что для него это единственный способ с тобой видеться. Ведра, если бы он просто гулял с чи'патро из рода Грихальва, злые языки его бы не пощадили. А теперь — чи'патро пишет его портрет. Все благопристойно.

— Так, значит, я недостаточно талантлива, чтобы его писать? — невинным тоном осведомилась она.

Он метнул в нее яростный взгляд.

— Подначиваешь?

Сааведра усмехнулась.

— Зачем? Я пишу его портрет. Мне с ним интересно. А сплетни... Не боюсь! Мало ли напраслины на нас возводят?

— Напраслины? — не поверил он.

Она криво усмехнулась.

— Пока я пишу, он рассказывает о своих любовницах. Ты знаешь хоть одного мужчину, способного вести такие разговоры с женщиной, которую он хочет затащить в постель? Сам бы ты смог, а?

— Если не врешь, то он моронно, — твердо заявил Сарио. — О Матра, что за моронно!

— Друг, — сказала она, — и не более того. Да иначе и быть не могло.

Даже Сарио, лучше всех знавший Сааведру, не сумел проникнуть под ее маску и увидеть истину. И это радовало.

17

Четверо молодых бравос, сопровождавшие его, основательно поработали над своим обликом, чтобы выглядеть устрашающе. Каждый носил меч и два ножа: мясницкий тесак и длинный нож на правом боку в противовес мечу и симметрии ради. Впрочем, опасными они не были, разве что для своих кошельков; сам он в этом отношении был куда более осторожен, и не потому, что бедствовал, а просто считал неразумным без нужды сорить деньгами в каждой таверне, дабы не привлекать к себе излишнее внимание. Впрочем, так называемые бравос ничего другого и не желали, и он на это смотрел сквозь пальцы. Они добровольно сошли с колеи обыденности на заманчивую стежку веселых приключений и свободы.

А его свобода отличалась двуликостью. Он был намного богаче своих телохранителей, обладал немалой властью, и о таком будущем, как у него, они могли только мечтать. Но те же самые обстоятельства, возвышавшие его над другими, зачастую стесняли его.

Впрочем, он на это не пенял — ничто в жизни не дается бесплатно, а такое положение, как у него, дорогого стоит.

Пятеро молодых людей сидели в одной из лучших тавери города за широким столом, покрытым скатертью и уставленным кувшинами и оловянными пивными кружками. Четверо принадлежали к знатнейшим родам Мейа-Суэрты, а значит, и герцогства: до'Брендисиа, до'Альва, до'Эсквита и Серрано, один из бесчисленных кузенов Сарагосы.

Алехандро взялся за кружку, но ее путешествие ко рту было трагически прервано вторжением пышного женского тела — красотка, не скрывая своих намерений, плюхнулась наследнику на колени. Он поймал ее достаточно ловко, хоть и не без потерь: кружка брякнулась о пол, пиво расплескалось; стол зашатался — женский зад увлек за собой скатерть. Спутники Алехандро с возмущенными возгласами стали спасать кувшин и остальные кружки, иначе быть бы и им на полу. Скатерть промокла в один миг.

Телохранители осыпали девицу оскорблениями и сальными шуточками, только Алехандро промолчал. Пампушка весила немало, он с трудом удержал ее на коленях и сам удержался на стуле — для этого пришлось стиснуть ее крепче, чем хотелось. А ей только того и надо было — обвив руками его шею, она похотливо заерзала и расхохоталась.

Алехандро скривился. Он давно, несколько лет назад, понял, что его чресла не всегда внемлют голосу рассудка. Вот сейчас, например, они приветствовали появление женщины. А рассудок — нет.

— Моментита, амика мейа...

Она прижалась к нему, уперлась щекой в его лоб, горячо задышала в ухо; от нее попахивало вином.

— Подруга? Только и всего? А ведь я гожусь не только в подруги, аморо мейо.

Вот чего она хочет. Вот чего добивается. Алехандро поморщился, затем изобразил слабое подобие улыбки, способной, по уверениям его друзей, любой бабенке раздвинуть ноги.

— Эйха, нисколько не сомневаюсь. Просто мне сейчас не до этого, уж не обессудь...

Это вызвало у друзей взрыв хохота, а умелая рука пампушки зашарила по его предательским чреслам.

— Погоди... — Он смущенно заерзал. — Матра Дольча! Женщина! Да что, у тебя стыда нет? Это же не кабак для черни, где что ни баба, то потаскуха! — Ну, тут он, пожалуй, загнул. — И я сам решаю, как расходовать мое время...

— И герцогское семя! — радостно подхватил Эрмальдо до'Брендисиа, записной похабник. — Или герцог снабдил тебя особым устройством, чтоб ты не слишком усердно осеменял плодородные поля?

Исидро до'Альва рассмеялся.

— Или ты боишься, что твое семя смешается с нашим, тогда поди разбери, кто отец? Так ведь ей только того и надо. Она с каждого из нас стребует деньжат на содержание ребенка.

— Исидро, неужели ты заплатишь? — ухмыльнулся Тасио до'Эсквита. — Ты ведь у нас такой скромняга, когда речь заходит о твоем кошельке.

До'Альва элегантно поднял и опустил плечо — этот жест был в моде при дворе, молодые щеголи подолгу его оттачивали.

— Пока завязан гульфик, не придется развязывать кошелек.

— Ха! — воскликнула женщина. — Мешпнос, да на что мне ваши кошельки? Меня куда больше интересует то, что в гульфиках. — Рука зашарила энергичнее.

— Матра до'канна!

Алехандро не без труда поднялся и решительно отстранил женщину. Он даже не пытался выглядеть вежливым, хотелось лишь оказаться подальше от нее, и от спутников, и от таверны. А еще он вдруг понял, что ему опротивели пьянки, шлюхи и страшная головная боль по утрам. Он пресытился. Набил оскомину. Чувствовал себя старым, выжатым как лимон.

Он извлек из кошелька монету, бросил на испятнанную пивом скатерть.

— Это за всех. Гуляйте, пейте, а меня прошу извинить.

Остальные возмущенно загомонили, пытались его усадить. Но Алехандро покачал головой и неторопливо высвободил эфес шпаги, зацепившийся за скатерть, когда он сгонял с колен девицу.

Только Лионейо Серрано не пытался его удержать, скосил не по годам злые глаза.

— А, ты опять к Грихальва, — с отвращением бросил он. — Приворожила тебя грязнуля чи'патро.

Голос его напоминал скрежет ржавого железа. Алехандро окаменел.

— Ты имеешь в виду художника? Она пишет мой портрет. Я ее нанял.

— Да знаем мы, какой из нее художник, — усмехнулся Лионейо. — Алехандро, она не просто чи'патро. Она балуется темной волшбой.

— Фильхо до'канна, — процедил Алехандро. — Если б я в это верил, не заказал бы портрет...

— Да неужто ты только портрет ей заказал? — Лионейо укоризненно покачал головой. — Брось, Алехандро. Кого ты хочешь обмануть? Знаем мы эту породу.

— Знаешь? Эйха, Лио, а мне кажется, я знаю породу Серрано. Вы пуще смерти боитесь потерять должность главного художника. А еще — лишиться первых санов в екклезии. Я не знаю, что твое семейство ценит выше власти.

Алехандро окинул остальных суровым взглядом; их явно смутила и напугала внезапная перемена темы. Значит, Лионейо не успел отравить их своим ядом. Что ж, и на том спасибо.

— Лио, вот что я тебе скажу. Чем мазать дерьмом настоящих художников, лучше принюхайся к работам своего кузена. От них смердит. И вовсе не он будет моим Верховным иллюстратором.

Это был удар ниже пояса, но Лионейо выдержал его не дрогнув. Алехандро даже не подозревал, что он настолько хладнокровен.

— Пей, Лио, — посоветовал наследник герцога. — Разбавь свою желчь горьким осадком забродившего вина, тебе не привыкать. Но не вздумай еще раз заикнуться при мне о чи'патро и темной волшбе.

— И о художниках? — До'Брендисиа ухмыльнулся — видимо, хотел разрядить атмосферу. — В добрый путь, Алехандро. Навести малютку... пусть она напишет твой портрет. Нам ужасно интересно, на что она способна. — В его устах это не могло не прозвучать двусмысленно, однако Алехандро посмотрел на него с благодарностью.

«Эрмальдо до'Брендисиа известный грубиян и похабник, но вовсе не дурак».

Алехандро покосился на женщину и подумал, что все началось с ее появления.

«Ты тоже не дура, просто тебе спьяну море по колено».

Пампушка сразу потупилась. Как будто огорчилась, что из-за нее вспыхнула ссора.

Он покачал головой и подумал: «Это я дурак. Нашел развлечение...»

— Дольчо ноктo, — коротко попрощался он и вышел из таверны.

Изящная ветка яблони, живые, сочные листья. Соблазн, Грезы, Прославление Его Величия.

Лавровый венок, символ Славы и Провидения.

Кедр, олицетворяющий Силу и Одухотворенность.

Побег мирта — Способность говорить с усопшими.

Пальмовая ветвь — Победа. Сосновая — Защита и Очищение. Сливовая — Верность.

И, наконец, грецкий орех, символ Разума и Полководческого искусства.

Иль-Адиб вынул все это из корзины, с которой ходил на рынок, и бережно уложил на зеленый шелковый плат. Уложил в строжайшем порядке — магия требует точности, иначе жди беды. Листья и ветки ложились друг на друга, соприкасались корой и прожилками, — чтобы слилась воедино, перемешалась их сила. И вот узор готов. Он безупречен.

Старик ощутил легкие судороги в животе. Волнение. Воодушевление. Согревающее душу предвкушение возмездия.

«Я так долго ждал, но что такое время для Великого Шатра Акуюба? Терпение всегда вознаграждается».

Никто из тех, в чьих жилах текла кровь Пустыни и кого знал старик, не обладал таким терпением. И никто из них не дожил до его лет.

Но теперь кровь обновлена. Пусть она не чиста, пусть она смешана с вражьей, но это все же лучше, чем ничего. Кому и знать, как не Иль-Адибу, что две краски, смешиваясь, нередко дают новый, более сочный цвет. А тут рождается совершенно новое волшебство.

«Оно-то нам и нужно в этом молодом мире. Старое себя не оправдало, а новое даст нам силу. Новая кровь, новая магия, новый Пророк».

В шатре сгущался, тяжелел воздух. Запах плотно уложенных друг на друга растений смешивался с ароматами розмарина и шалфея — их расточала медная чаша, стоящая на полу возле шелка. Непоколебимое Благочестие, Память, Любовь, Мудрость. Они дадут Иль-Адибу силу для служения Акуюбу. Для служения Тза'абу Ри.

Он достал из кожаной тубы свиток пергамента — страницу священного писания, расписанную великим мастером и преданным слугой Акуюба. Великолепные краски, восхитительные переходы оттенков, безупречная аккуратность черных линий, дивный блеск золота и серебра. Чудесный цветок Искусства и Волшебства. И теперь узоры Пустыни живут в сердце мальчика.

Иль-Адиб улыбнулся. Сарио уже не мальчик. Он теперь слуга Акуюба, в этом можно не сомневаться.

Старик развернул и разгладил страницу, прижал углы резными золотыми фигурками — символами Ордена. Густая зелень шелка — священный цвет Аль-Фансихирро; в лингве оскурре, в повторяющихся элементах бордюра — дыхание Акуюба, Волшебство. Сам по себе текст не обладает магической силой.

Здесь есть чему поучиться мальчику, вернее, уже не мальчику. Сарио даже сам еще не догадывается, кем он станет.

«Он немало узнал от меня, но еще очень много ему предстоит узнать».

Иль-Адиб вдыхал священные запахи, читал знакомую тайнопись в сложных рисунках, недоступную тем, кто обделен внутренним оком. Смотрел на созданный его собственными руками магический узор и думал о том, что добился успеха.

Из новых веществ получились новые краски. Кровь тза'абов смешалась с кровью тайравиртцев; Дар ослабленного чумой рода, соединясь с внутренним оком Аль-Фансихирро, сотворил совершенно новую силу.

— Для Тебя, — тихо произнес старик на самом дорогом ему языке — лингве оскурре, языке Аль-Фансихирро. — Во имя Тебя, великий Акуюб, чтобы вновь поселился Ты в сердце Пустыни, в душе ее народа. Я создал Тебе нового Пророка. Да внемлет он гласу Твоему; да исполнит он чаяния народа своего; да станет он могущественнейшим Аль-Фансихирро.

Курились благовония. Он закрыл старые слезящиеся глаза, но тут же открыл — какое-то насекомое укусило в грудь. Хмурясь, он раздвинул полы халата, обнажил худую грудь с дряблой кожей.

Насекомого не было, но между ребрами у сердца выступила капелька крови.

Старый тза'аб обмер.

— Нет! Еще рано!

Капелька набухла и потекла. Хрупкие ребра раздвинулись и хрустнули, пропуская клинок, который находился далеко от шатра.

— Слишком рано... — простонал, испуская дух, дряхлый Иль-Адиба.

И слишком поздно.

Сааведра, вызванная во двор, с изумлением и страхом уставилась на незваного гостя.

— Что ты здесь делаешь?

Алехандро растерянно заморгал. Только что он беспрепятственно вошел через массивные ворота из кованого железа под оштукатуренной глиной кирпичной аркой. Одна узорчатая створка — половина листа аканта — так и осталась отворенной, словно он подумывал о бегстве. Близился вечер; по обе стороны от Алехандро свежеющий ветерок играл пламенем факелов. На лице наследника герцога, на его драгоценностях резвились свет и тени.

Сааведра тотчас мысленно дала себе подзатыльник — думай что говоришь. Пресвятая Матерь...

— Я хотела спросить, зачем ты пришел? — Она изо всех сил старалась не выдать волнение. — То есть я имею в виду... — Голос предательски дрожал. Она разозлилась на себя и сказала напрямик: — Я тебя не ждала.

— Я сам себя не ждал. — Он пристыженно ухмыльнулся, теребя роскошный кружевной воротник рубашки. — То есть не собирался сюда приходить. Просто... пришел.

Сааведра кожей чувствовала взгляд молчаливого родственника, стоявшего за ее спиной. Он был вежлив — не вмешивался. Но и не уходил. Гости не баловали Палассо Грихальва вечерними визитами. А сыновья герцогов не бывали здесь со времен перро лингвы. Ни разу.

И вот это случилось...

«Да, вежливость. Я должна быть вежливой. Есть правила, специальный протокол, от меня почти ничего не зависит».

— Не желаете освежиться? Не угодно ли пройти в солярий?

Он отказался. Запоздало стащил с пышной черной шевелюры синюю бархатную шляпу с пером.

— Я думал... ты не откажешься со мной прогуляться.

— Прогуляться? С тобой? Сейчас?

«Вот это сюрприз. Матра Дольча, да какая блоха тебя укусила? Ты хоть представляешь себе, о чем просишь?»

Снова разозлившись на себя, Сааведра сказала с вымученной улыбкой:

— Вообще-то я собиралась лечь в постель... — И осеклась.

«С ума сошла! Говорить о постели с мужчиной... С ним!»

— Кабесса бизила, — пробормотала она.

Алехандро услышал и улыбнулся.

— И я. Рад видеть, что ты смущена не меньше меня.

Это он-то смущен? Она едва не прыснула. Алехандро никогда не смущается.

— Так в чем же дело? — И тут она ляпнула: — Опять сложности с женщиной?

Он покраснел.

«Милая Матерь, когда же я возьмусь за ум?»

— Эйха, не обижайся. Граццо.

— Да что ты, какие обиды, — сказал он, не поднимая глаз. — Да, дело в женщине, но это вовсе не то, о чем ты подумала. Может, я и впрямь зря пришел... Может, я просто дурак. Мы ведь договаривались, что ты будешь меня писать, а не выслушивать нытье...

Алехандро снова залился краской, смял бархатную шляпу в сильных руках. Запустил пальцы в нечесаные волосы.

«Надо было остаться в таверне. Пресвятая Матерь, ну почему все идет не так?»

Он криво улыбнулся.

— Твоя овчарка не будет против, если я все объясню тебе с глазу на глаз? А то перед двумя Грихальва сразу мне не по себе.

— Овчарка? — растерянно переспросила она и резко повернулась. — Бенедисо, не волнуйся. Кто-кто, а дон Алехандро не сделает мне ничего плохого.

Губы Бенедисо тронула улыбка.

— Пожалуй, — пробормотал он и скрылся в доме.

Сааведра повернулась к герцогу.

— Ну вот. Ушел. Больше некого стесняться. Доволен?

Алехандро тяжело вздохнул.

— Это зависит...

— От чего?

— От тебя. Или от меня. Но я больше не могу ждать. И так слишком долго...

— Что — слишком долго? — Ее выдержка трещала по швам. — Слишком долго молчал о том, что тебе не нравится моя работа?

«О Матра, это здесь ни при чем. Что я несу?»

Она судорожно сглотнула и понесла дальше:

— Не хочешь, чтобы я тебя писала?

А ведь портрет почти готов.

Он изумленно смотрел на нее.

— Эйха! Нет! Ты работаешь превосходно! Великолепный художник. Такого красавчика сделала из кривозубой кабессы бизилы. — В улыбке блеснул знаменитый зуб и сразу спрятался под иронично-самоуничижительной маской. — Нет, твоя работа тут ни при чем, если не считать того, что оригинал портрета хочет попросить об одной услуге.

Успокоенная, обезоруженная, Сааведра улыбнулась.

— Ты же знаешь, я для тебя все что угодно сделаю.

В оленьих глазах вспыхнул огонь.

— Номмо Матра эй Фильхо! — выпалил Алехандро. — Я верил, что ты это скажешь.

Он подался вперед, чтобы обнять ее, прижать к себе, поцеловать алый шелк ее губ.

И тут Сааведра обнаружила, что смущение исчезло бесследно. А чуть позже и робость. Зато появились другие чувства, но они ей нисколько не мешали.

В сумрачных глубинах Палассо Грихальва, над кречеттой, где вершились дела семьи, был чулан; там-то и заперся Сарио, чтобы заняться собственными делами. На краю лестницы — как в день его тайной встречи с Раймоном — стояла лампа; только она и освещала этот крошечный мирок. Под мышкой Сарио принес маленький портрет в раме, завернутый в дорогой зеленый шелк, а поверх шелка — в мешковину. И шелк, и мешковина полетели на пол, наполняя чулан запахами мака, конопли и кипариса.

Сарио опустился на колени, прислонил портрет к стене. Вгляделся.

«Превосходная работа. Совсем как живой. И никто не знает имя объекта. Ни одна живая душа».

Сарио произнес имя, затем чуть растянул губы в улыбке.

— Тот, кому я верю, дал мне право действовать, как я сочту нужным, — объяснил он портрету. — А тебе я верить боюсь. Мы с тобой видим будущее по-разному.

Он медленно поднес к свету нож с тонким лезвием. Оно блеснуло. Как льдинка.

— Я не тот, за кого ты меня принял. Я не стану тем, кем ты хочешь меня сделать. Но ты на многое открыл мне глаза, в твоей науке великая сила, и во мне она не умрет. Твой конец — это мое начало.

Труднее всего было добыть кровь. Пришлось разыграть сценку: споткнуться, упасть на старика, царапнуть длинным ногтем. Крови, засохшей под ним, хватило.

Сарио взялся левой рукой за раму, другой поднес к холсту нож. Да, не сразу и не без труда он собрал все необходимые ингредиенты. Но старик прав: для Аль-Фансихирро нет ничего невозможного.

С этой минуты начинается второй этап его жизни. Восемнадцать лет — ничто для такого старца, как Иль-Адиб, последнего из тайной и могущественной касты воинов и волшебников. Остальные погибли в войнах с Тайра-Вирте. Их выкрадывали из Великого Шатра Акуюба, пока Иль-Адиб, самый юный из слуг Бога, не покинул свой беспомощный, сломленный народ, чтобы найти останки Кита'аба и возродить орден. Для этого пришлось отправиться к врагам, в их столицу, — так велел Акуюб. И разыскать человека, наделенного внутренним оком.

Сарио улыбнулся. Внутреннее око. Луса до'Орро. Двойное благословение.

А третье благословение дал Раймон — сделать то, что должен сделать.

Сарио медлил. Во рту пересохло. Сейчас все изменится раз и навсегда. Сейчас он сожжет за собой мосты.

Но внутреннее око не для того дается, чтобы выбрасывать его в сточную канаву. Не для того дается Свет, чтобы сидеть и ждать, пока он погаснет.

Сарио облизал губы, нараспев произнес несколько фраз на языке Аль-Фансихирро и пронзил сердце под узорчатым халатом.

— Я — не твой Пророк! — Рукоять ножа уперлась в холст. — Я — Грихальва, плоть от плоти моей семьи. И я буду Верховным иллюстратором.

По комнате текли ароматы. Мак, конопля, кипарис. Сон, Покорность, Смерть.

18

В комнате царил беспорядок. Заботиться об уборке герцогу не приходилось, во дворце вполне хватало слуг, чтобы выбирать ему парадные костюмы, наряжать перед церемониями и бдительно следить, чтобы из-за случайного пятнышка его светлость не уронил своего достоинства. Но Бальтран до'Веррада всегда славился своей непредсказуемостью.

Ему предстояло путешествие. Крайне важное для мирной и благополучной жизни Тайра-Вирте. От этой поездки зависело, каким он передаст герцогство своему наследнику. Увы, отнюдь не во всем герцог мог полагаться на послов. Бывали случаи, когда требовалось его личное присутствие. Видит Пресвятая Матерь, послы лезли вон из кожи, но велеречивые и уклончивые пракансийские вельможи сводили их старания на нет. Еще немного, и будет слишком поздно, поэтому Тайра-Вирте намерена в спешном порядке оказать Пракансе великую честь, а для этого герцогу необходимо

соответствующее облачение. Но почему бы не воспользоваться оказией и не поохотиться в пути на тза'абской границе? Оно, конечно, государственные дела превыше всего... но до чего же славная там охота, номмо Матра эй Фильхо! Герцог давно обзавелся привычкой исполнять любые свои прихоти — титул к этому располагал. Да и опасности никакой — Воины Пустыни давно исчезли. Решено, он доставит себе такое удовольствие.

Но перед отъездом надо уладить одно маленькое дельце. Обсудить работу Верховного иллюстратора с самим Верховным иллюстратором.

— Сарагоса, давай не будем ходить вокруг да около. Ты пишешь все хуже и хуже. — Бальтран до'Веррада посмотрел на Серрано с легким сочувствием, которое тотчас сменилось раздражением, — мало, что ли, у него более серьезных забот? — Быть может, тебе покажется обидной такая прямота, но, уж не обессудь, у меня нет времени на экивоки. Я тебе заказал портрет сына, чтобы взять его с собой в Пракансу... а получил убогую мазню, не стоящую ломаного гроша. Сарагоса, разве я не объяснял, что сватовство принято начинать с подарков, для того-то мне и нужен хороший портрет сына?

Жалкий огрызок Верховного иллюстратора кивнул. Под пышной мантией, висящей на нем, как на бельевой веревке, поникли худые плечи, на лице пролегли густые складки уныния и страха.

— Ваша светлость...

— Сарагоса, меня твоя работа никоим образом не устраивает. — Поглядев на слугу, Бальтран до'Веррада щелкнул пальцами. — Нет, только не эту рубашку, надоела. — Герцог вновь повернулся к Верховному иллюстратору. — Ты и сам прекрасно знаешь, насколько важны такие картины для дипломатии и торговли. На подобных полотнах — вся документация нашего герцогства: «Рождения», «Кончины», «Женитьбы», «Сделки», «Договоры» и много чего еще. И эти картины должны быть превосходны. Совершенны. Мне не нужно ни одной посредственной.

— Да, — прошептал Серрано, — да, ваша светлость. Конечно...

— Мой сын на этой картине не очень похож на себя.

Сарагоса содрогнулся.

— Как скажете, ваша светлость.

— А чтобы дарить его портрет королю Пракансы с надеждой на удачное сватовство, нужно побольше сходства. — Произнося эти слова, герцог, только что вернувшийся с охоты, снимал с пальцев испачканные потом и кровью кольца, чтобы как следует отмыть руки. — В моем сыне людям нравится лицо, телосложение, обаяние. Или ты считаешь, такой как есть он недостоин дочери короля Пракансы?

— Что вы, ваша светлость! Разумеется, нет...

— Так что же будем делать, а, Сарагоса?

Верховный иллюстратор походил на проколотый рыбий пузырь.

— Ваша светлость, если позволите высказаться...

— А разве я не позволяю? Высказывайся.

— Ваша светлость, я болен, — с вымученной улыбкой произнес Серрано. — Конечно, я поправлюсь, но сейчас мне нездоровится.

— Государственные дела не могут дожидаться, когда ты поправишься.

— Да, ваша светлость, несомненно. Но я готов написать новый...

— Поздно, Сарагоса. Нет времени. Завтра я отправляюсь в Пракансу. А потому вынужден взять другую картину вместо твоей.

Из горла Сарагосы Серрано вырвался клекот.

— Другую картину?! Но... ваша светлость! Номмо Матра, ведь Верховный иллюстратор — я!

— Но я не могу везти в Пракансу твою так называемую работу. А значит, придется дарить чужую.

Герцог отвернулся, взял принесенное секретарем письмо, раскрыл, пробежал глазами. Затем кивком отпустил секретаря.

— Благодарение Матери, нам повезло, что Алехандро заказал свой портрет другому художнику. И этот художник вполне справился с поручением.

Серрано был белее мела.

— Кому? — прохрипел он. — Кто... художник?

Бальтран беспечно махнул рукой.

— Серрано, я не знаю его имени. Алехандро договаривался с ним без моего ведома, но я видел работу, ее принесли два дня назад. Она великолепна. Полнейшее сходство: и одухотворенность передана, и честность. Как раз то, что надо. — Он помолчал, без всякого выражения на лице глядя на Сарагосу, а затем сказал: — Алехандро еще не знает, что я задумал, но не станет возражать. Любому мужчине лестно предстать перед невестой в наилучшем виде. — Герцог блеснул зубами в улыбке. — Похоже, мне удастся неплохо пристроить детей. Его сестра, когда вырастет, выйдет замуж и уедет в Диеттро-Марсейю, а брак Алехандро с пракансийкой положит конец проклятым спорам о границах.

Сарагосе, серому, как труп зачумленного, оставалось лишь кивнуть.

— Но ваша светлость, конечно же, знает, из чьей семьи художник.

Бальтран до'Веррада рассмеялся.

— Что, Сарагоса? Боишься, что я тебя заменю ничтожным Грихальвой? — Он ухмыльнулся. — Пока я жив, ты не лишишься места. Но это не означает, что я обязан принимать любую халтуру.

— Ваша светлость!

— А потому советую позаботиться о здоровье, уж коли от него так зависит творческий успех. — Он величаво взмахнул рукой. — Можешь идти, Сарагоса. Дольча маттена.

Но Сарагосе Серрано, на ватных ногах выходящему из покоев, утро вовсе не казалось приятным.

Сарио лишь на миг задержался возле шатра, потом смял в ладони промасленный холст и откинул полог. Он знал, что

увидит, как только войдет в сумрак, а потому, войдя, испытал не ужас, а облегчение. В глубине души он даже порадовался.

Старый тза'аб скорчился подле зеленого плата с уже знакомым Сарио поддающимся разгадке узором.

Юноша опустился на колени перед трупом, раздвинул полы скомканного халата. Посмотрел на дело рук своих, на след преступления, совершенного далеко от этого шатра.

— Милая Матерь... — Сердце вдруг исполнилось восторга, и вовсе не наслаждение убийством было тому причиной, а торжество, невыразимое удовлетворение при мысли, что он на такое способен. Ему был необходим успех, убеждение, что для него не существует преград.

Теперь он наверняка достигнет своей цели. Станет тем, кем должен стать.

— Я знаю, — сказал он, — теперь я знаю. Больше никто в Тайра-Вирте не обладает такой силой, такой властью, как я. Даже Вьехос Фратос. Им и невдомек, что их хваленый Дар — жалкая кроха по сравнению с сокровищами Аль-Фансихирро.

Охваченный жестоким весельем, Сарио широко улыбнулся.

«Именем Пресвятой Матери и Ее Сына, да свершится воля Акуюба, бога Тза'аба Ри».

Ирония в чистом виде. Самая настоящая ересь.

Он должен был отправиться в Тза'аб Ри. Разыскать, собрать, именем Акуюба повести за собой Всадников Златого Ветра, разжечь огонь в давно остывших душах, вселить веру в давно изверившиеся сердца. Но он этого не сделает. У него другая цель.

— Я хочу писать, — сказал он старику. — Писать, как не писал никто. Хочу вернуть все потерянное нами за три поколения из-за проклятой перро лингвы. Хочу стать лучшим из лучших, превзойти всех Вьехос Фратос, всех иллюстраторов, всех Грихальва, стать самым выдающимся Верховным иллюстратором в истории. — Он помолчал. Подождал. Но отклика не последовало. — Видишь ли, это для меня гораздо важнее. Мне некогда исполнять твои мечты, и Тза'аб Ри — не моя родина. Я принадлежу другому народу. И ты мне не отец.

Молчание. Сарио бесшумно опустил полог и встал на колени перед мертвым Иль-Адибом, последним членом тайного Ордена — если не считать того, кто его убил.

«Я уже не тот, кем был прежде. Я — нечто большее, нечто высшее. Я и сам не думал не гадал, что достигну таких высот, не ждала этого и Сааведра, хоть и верила в меня всегда. Этот старик дал мне Ключ, точь-в-точь как Вьехос Фратос».

Кулон, тускло сиявший на его груди, спрятался в кулаке.

«Я не должен бояться. Не могу себе этого позволить. Теперь я — тот, кем всегда мечтал стать... но мне еще многого надо достигнуть. И Раймон меня благословил».

Он все равно бы этого достиг. Но Раймон развязал ему руки.

Сарио вглядывался в узор, изучал шелк, рисунок, краски. И сразу разгадал смысл: Иль-Адиб давал святое благословение, предлагал великую силу.

Опять — ирония. Сарио закрыл глаза, облизал губы, прошептал несколько слов на лингве оскурре, разрушил узор, разметал ветки и цветы. Выхватил из-под них хрупкий лист пергамента, аккуратно скатал, вложил в украшенную охранными рунами тубу, положил ее в окованный бронзой ларец из терновника.

— Я сберегу Кита'аб, — сказал он. — Но не для Тза'аба Ри. И не для Вьехос Фратос, не знающих истины, сокрытой в нем... Нет. Он мне самому пригодится. Тому, кем я стану.

Он закрыл ларец, щелкнул засовом, ласково провел пальцами по резным письменам. Лингва оскурра — страж священного клада.

— Мой Кита'аб, — благоговейно вымолвил Сарио. — Мой ключ к священной власти.

Он рассмеялся. Да, это Чиева. Чиева до'Сихирро.

Молча сложил плат, взял под мышку, а другой рукой поднял ларец. И вышел из шатра.

Он знал, что через несколько минут труп будет найден, шатер разрушен. Раньше старика нельзя было увидеть в тканевых стенах его жилища, и само жилище было сокрыто от чужих очей. А теперь чары спали, зеленый плат и ларец с лингвой оскуррой вынесены. Теперь прохожие увидят вражеский шатер.

И не потерпят его присутствия в стенах Мейа-Суэрты.

Войдя в уединенный солярий, предоставленный сыну герцога гостеприимными Грихальва, Алехандро рассказал правду. Увидел, как Сааведра побледнела, как подкосились ее ноги, и успел схватить за локти — иначе она бы упала. Подвел ее к креслу, усадил, принялся успокаивать.

— Сааведра, я расстроился не меньше твоего. Но ведь это всего лишь вещь.

Его ладонь легла на гладкую белую колонну ее шеи. В этот раз на ней не было украшений.

— Да, конечно. — Она старалась взять себя в руки. — Номмо Матра, Алехандро... Неужели мою картину подарят королю Пракансы?

— Эйха, но это по меньшей мере говорит о том, что ты неплохо поработала, — ответил он шутливо.

— Нет! — воскликнула она. — Только о том, что у тебя кое-что украли. И у меня.

— Эйха, да, думаю, можно и так на это посмотреть. — В его глазах потухла веселая искорка. Он обошел вокруг ее кресла, рассеянно взялся за рукоять тесака, выдвинул лезвие на полдюйма, задвинул со щелчком. — Но он же герцог — то, что принадлежит мне, принадлежит и ему.

— Это был подарок. Мой. Тебе.

— Это был мой заказ.

— Я отказалась от платы

Он улыбнулся.

— Верно.

— Если б я хотела, чтобы он попал к герцогу, я бы его послала герцогу. — Она едва сдерживала гнев.

Алехандро рассмеялся.

— Пресловутый темперамент арртио? Немногие отважатся критиковать Бальтрана до'Верраду.

— Разве он этого не заслуживает?

Алехандро остановился, перестал клацать тесаком, сочувственно посмотрел на нее «Бедная моя арртио...»

— Ведра, амора мейа, чего ты от меня ждешь? Что я пойду к отцу и потребую вернуть портрет?

— А разве ты на это способен?

Сталь во взоре. Сталь в голосе. Непонятно, чего больше в душе — злости или жалости. А может, и злость, и жалость — напускные, а все дело в страхе, что ее талант, хороший для Алехандро (он все время об этом твердил, но она упорно отказывалась верить), плох для герцога. И для дочери короля Пракансы.

«Матра Дольча, дай мне сил. Пойди я другим путем, не причинил бы ей боли. Но я не хочу, чтобы и мне причиняли боль».

Он зашел за спинку кресла, положил ладони ей на плечи, чтобы ощутить ее тепло и успокоить.

— Я не могу потребовать, чтобы он отдал портрет. Две недели назад отец уехал в Пракансу. А я только сейчас набрался смелости сказать тебе. — Он тяжело вздохнул, почувствовав, как напряглось ее тело. — Но все-таки я думаю... надеюсь, что для тебя... для нас обоих неизбежность моей женитьбы важнее увезенного портрета.

— Украденного, Алехандро.

Его ладони сжали упругую плоть, требуя знакомого отклика. Большие пальцы стали ласкать шею.

— Разве тебя совершенно не волнует, что я женюсь?

Она опустила голову. Длинные густые кудри упали с плеч, занавесили лицо, скрыли ее мысли. Зазвучал голос, и в нем не было ничего, кроме смирения.

— Конечно, ты женишься. И я выйду замуж.

Точно обухом ударила. Его пальцы превратились в железные крючья, впились в ее плечи. Желудок сжался в тугой ледяной комок. Алехандро был унижен. Испуган.

— А что, в семье уже говорят о твоем замужестве?

— Об этом всегда говорят. Каждой женщине подыскивают мужа, и не только в роду Грихальва так заведено. Многие мои сверстницы давно замужем. — Он ощутил ее прерывистый вздох и слабый трепет плеч. — Мне девятнадцать... пора детей рожать.

И тут он сказал не подумав:

— Роди от меня.

И едва произнес, понял, что мечтает об этом. Наклонился к ней, пошевелил выдыхаемым воздухом завитки ее волос.

— Ведра, граццо. Прошу тебя...

— Кого от тебя родить? Грихальву?

Гнев. Боль. Бедные Грихальва, несчастные Грихальва! Да сколько можно слушать это нытье! Ее что, совсем не трогают его слова?

— Пресвятая Матерь! — хрипло произнес он выпрямляясь. — Да неужели ты не понимаешь, что я обязан жениться и родить для Тайра-Вирте нового наследника? А тебе придется выйти замуж, чтобы рожать художников для рода Грихальва.

Сааведра тихо рассмеялась, а затем он уловил-таки отчаяние в ее голосе.

— А что мне еще остается? Возражать? Отказываться? Алехандро, мы те, кто мы есть, и должны делать то, что должны... Ничего другого от нас не ждут с первого дня нашего существования. — Под его ладонями затвердели плечевые мышцы. — Если уж на то пошло, разве ты возьмешь меня в жены? Сделаешь герцогиней чи'патро из рода Грихальва?

Он обвил руками ее шею, ладони остановились на тонких ключицах, — со стороны могло показаться, что он ей дарит ожерелье. Возможно, так и следовало поступить будущему герцогу: отблагодарить за любовь.

— Номмо Матра эй Фильхо, — чинно, как на торжественной церемонии, промолвил он, — коли есть на это ваша воля, да будет так.

По ее телу пробежала судорога.

— Нет на это их воли. Этому не бывать. Это невозможно.

— Нет. — Он опустил руки, обошел вокруг кресла, остановился перед ней. Опустился на колено, наклонился так, что от его дыхания зашевелилась ткань юбки. Сильными руками взял ее кисть, поднес к губам, поцеловал, прижал к сердцу. И не отпуская поклялся:

— Я никогда не оскорблю тебя лживыми обещаниями. Никогда не посулю несбыточного. Я исполню то, что в моей воле и власти.

Она была бледна как призрак. От девчонки, которую два года назад он повстречал у фонтана, в ней не осталось ничего. Он вспомнил, как она откидывала с лица мокрые кудри, как улыбалась своему непрошеному заступнику. Откровенность души — вот что отличало ее от других знакомых ему женщин.

Но сейчас она ничем не напоминала девушку, которую он полюбил в тот праздничный день. Да, влюбился, хоть и скрывал это от самого себя вплоть до этого часа по причинам, о которых только что напрочь забыл.

«Пресвятая Матерь, открой ей глаза, пусть увидит, как я стараюсь».

Эйха, он согласен. Будь что будет. Если нельзя получить все, он согласен на малое.

— Марриа до'Фантоме, — отчетливо сказал он.

На ее лицо вернулась краска. Серые глаза стали огромны, потемнели от изумления.

— «Теневая женитьба»? На мне? — В голосе сквозило недоверие. — На мне?

— Почти настоящая, насколько это возможно. «Теневая» — это всего лишь слово. Будет все, кроме священных клятв перед Премио Санкто и Премиа Санктой...

— И перед твоим отцом, и матерью, и тайра-виртской знатью. — Она вздохнула, закрыла глаза, высвободила руку. — Они этого ни за что не допустят.

— Кто? — удивился он. — Мой отец? Мать? Екклезия? Эйха, так ведь они не узнают...

— Моя семья, — с горечью произнесла она. — Вьехос Фратос, те, кто правит родом Грихальва.

Он исторг из себя грязную площадную брань.

Сааведра открыла глаза — огромные, серые, сверкающие на безупречно красивом, с изящными скулами лице, — и печально улыбнулась.

— Ты служишь до'Веррада. Я служу Грихальва.

Он поморщился словно от боли.

— Чем же я так плох для них?

Блеснули слезы.

— Алехандро, по-моему, ты очень даже хорош. Но семья ждет от меня только здоровых, одаренных детей, которые вырастут и тоже родят детей. Видишь ли, у нас на счету каждая женщина... Меня не отпустят.

Он отстранился, встал, упругой кошачьей поступью обошел маленький уютный солярий. При этом тесак щелкал о ножны, каблуки стучали: звонко — по голым плитам, глухо — по ярким коврам, прокладывая в ворсе неровные борозды. Наконец он остановился, повернулся и увидел на ее лице правду — холодную и страшную как острие меча. Сааведра боялась его потерять, но была непреклонна.

«Пресвятая Матерь... Как тяжело видеть ее боль, но все-таки на душе легче от того, что она неравнодушна. Она меня не потеряет. А я не потеряю ее».

— Что ж, будем заключать сделки, — решительно сказал он. — Отец — с Пракансой, я — с родом Грихальва. — Он пожал широкими плечами. — В торговле ключ к успеху — умение предлагать то, о чем мечтает другая сторона. Взамен она готова отдать все, чего только ни попросишь.

Сааведра покачала головой; сияние свечи придавало ее волосам синеватый отлив.

— Что ты можешь нам предложить? Мы не правители... не герцоги и не наследники. У нас хороший, уважаемый промысел, да и кормит худо-бедно...

— Художники, — кивнул он. — Превосходные, выдающиеся мастера. Даже женщины — это подтвердил мой отец, решив подарить королю Пракансы твою работу.

Увидев изумление на ее лице, он улыбнулся. Видимо, сама она так не думала.

— Так чего же больше всего на свете хотят художники из рода Грихальва?

И тут она поняла, к чему он клонит. Объяснений не требовалось. В глазах вспыхнула радость, на щеках заиграл румянец. Не медля ни секунды, она сказала:

— Сарио.

Алехандро ухмыльнулся. Рассмеялся. Схватил ее, стащил с кресла, обнял, сделал несколько па модного танца, с наслаждением вслушиваясь в ее возгласы, восторженный смех, глазами, ушами, порами кожи впитывая ее радость.

— Сарио, — сказал он.

Более ничего не требовалось.

19

Сааведра стояла перед отворенной дверью в тесную комнатушку, столько лет служившую ей ателиерро. Здесь она усваивала знания, развивала воображение, вдохновлялась. Здесь она училась и служила семье. Здесь прошла почти вся ее жизнь.

Пустая комната... эйха, не совсем. Остались кровать, верстачок у окна, таз, кувшин, ночной горшок за ширмой. Это имущество семьи, оно достанется тому, кто поселится в этой комнате. А у Сааведры будут другие вещи. Получше, покрасивее, но все же недостаточно роскошные для такой знатной, влиятельной дамы. Зато жилье теперь что надо — просторные комнаты, высоченные потолки, окна пропускают сколько угодно света. Наверное, кое-кто считает это расточительством, ведь ей никогда не стать иллюстратором — но возражать не посмеет. Все понимают, что расположение наследника, ее покровителя, превыше всего. Впервые за три поколения Грихальва одна из них «держит за ухо» до'Верраду.

— Кое-кто скажет, что не только за ухо, — сердито пробормотала Сааведра. И ухмыльнулась.

Действительно, впервые за три поколения до'Веррада покровительствует кому-то из рода Грихальва. Вот только... дело тут вовсе не в живописи.

— Дело во мне. — Это было сказано негромко, но по комнате раскатилось эхо. В душе Сааведры поднималась радость — сначала робко, затем все смелее, и вот она уже на грани восторга. — Дело во мне. — Прежде Сааведра боялась себе в этом признаться, боялась отравить радость. А сейчас — точно гора с плеч. Она рассмеялась, и снова комната ответила эхом.

— Алехандро до'Веррада... И Сааведра Грихальва.

Вот так. Наконец-то это сказано. Провозглашено.

Она предполагала... Какое там предполагала, она нисколько не сомневалась, что в городе, в домах Серрано, ее честят последними словами. Называют шлюхой. Грязной чи'патро. Придворные ее тоже не жалуют, впрочем, не потому, что она любовница наследника, а из-за дурной славы ее рода. Бальтран своих фавори-

ток ни от кого не прятал, на такие вещи, как любовные связи на стороне, двор смотрит сквозь пальцы. Гитанна Серрано семь лет провела в постели герцога и пользовалась всеобщим уважением. И к Алисии до'Альва знать относится неплохо.

— Но я — Грихальва.

И за это ее будут поносить. Обзывать чи'патро. Сокрушаться о плохом вкусе бедного Алехандро. Екклезия превратится в растревоженный улей, санктос и санктас будут на себе волосы рвать.

Вновь Сааведра рассмеялась. Она нисколечко не боится, что вызовет бурю. Эйха! Буря уже грянула, задолго до того, как они с Алехандро поклялись друг другу быть мужем и женой. Они стойко выдержали ее, и никто не заговорил об отсрочке или отмене свадьбы.

И вот это случилось. И теперь все ее существо дрожит от восторга.

«Алехандро любит меня».

И вслух — несмелое, но радостное признание самой себе:

— Алехандро любит меня!

И пусть не было официальной церемонии, пусть вступление в брак не скреплено ничем, кроме клятв, данных ими друг другу. В роду Грихальва, где дети — высшая ценность, даже недолгая связь мужчины и женщины почти священна. Бывали даже случаи, когда Одаренные мужчины женились на здоровых женщинах. Стерильность считалась не проклятием, а признаком Одаренности, а детей было вовсе не обязательно зачинать от мужа.

Сааведра не помнила своего отца. Перед смертью от костной лихорадки ее мать, Суэрта Грихальва, рассказала, что он был добрым, но физически слабым, болезненным, женоподобным и не без странностей. Странности заключались в том, что Гуильбарра Грихальву признали Одаренным, но он так и не сумел написать свою Пейнтраддо Чиеву. Позже он стал притчей во языцех — Суэрта родила дочь, судя по ее клятвенным уверениям, от него. Других детей у него не было, хотя он прожил пятьдесят восемь лет — больше, чем живут мастера-иллюстраторы, но меньше, чем обычные мужчины из рода Грихальва.

Если у Сааведры родится ребенок, он будет помнить своего отца. Потому что его отец проживет гораздо дольше любого из мастеров-иллюстраторов или слабого, болезненного, странного Гуильбарра Грихальвы. И пока Сааведра — «теневая жена» наследника герцога, никто из Вьехос Фратос не потребует, чтобы она вышла замуж за другого мужчину или легла в его постель.

Улыбаясь, Сааведра потянулась к щеколде, отворила дверь. Прощай былое, здравствуй будущее! Когда-нибудь ей придется выйти замуж, а Алехандро — жениться, но сейчас они вместе. И она позаботится о том, чтобы это продлилось как можно дольше, ведь не напрасно она так истово, так благодарно молится Пресвятой Матре.

Дверь хлопнула, звякнула щеколда. Прошлое осталось за спиной, а впереди ждала неизвестность. Сааведра про-

медлила лишь миг, но его хватило, чтобы колючка страха вонзилась в душу.

«Нельзя рассказывать Сарио о сделке между мною и Алехандро. Никогда. Ни при каких обстоятельствах».

Но она тут же мысленно стряхнула колючку, как конь стряхивает слепня. Все это пустяки, не стоит себя корить. Сарио гениален, он и сам пробился бы ко двору после смерти Бальтрана до'Веррады.

— Обязательно пробился бы, — прошептала она и недовольно поморщилась. Сказала же себе: выбрось из головы! Лучше подумать о чем-нибудь приятном. К примеру, о новом жилье.

Она шагнула вперед, и в этот миг зазвонили колокола.

Сарио полностью освободил длинный дощатый верстак в просторном ателиерро с высоким полусферическим сводом. Затем положил на него Фолио и поставил терновый ларец, а рядом небольшую медную чашу с цветами мать-и-мачехи, герани и вербены: Предосторожность, Защита и Чародейство. Он выгреб цветы, растер между ладонями, вдыхая пряные ароматы, и бросил обратно в чашу. Открыл ларец, стал одну за другой вынимать кожаные тубы, осторожно извлекать из них пергаментные свитки — испачканные, порванные, с обугленными краями и дырками от искр. Каждый пергамент он бережно разворачивал и укладывал на верстак, прижимал уголки кистями, бутылками с краской, кусочками розоватой канифоли.

Расстелив последний лист, Сарио прошелся вдоль верстака и внимательно осмотрел каждый пергамент. Тза'абская вязь, столь любовно выведенная рукой неведомого писца, особого интереса не представляла: Сарио знал, что текст — всего лишь свод правил поведения (компордотта) и запретов. Впрочем, кое-что полезное он бы мог почерпнуть, например, некие волшебные мелочи, вроде тех, с которыми уже знаком род Грихальва, а также довольно любопытные наставления Акуюба и южных мудрецов. Но не это хотел он узнать, и не этому учил Иль-Адиб. Истинная сила Аль-Фансихирро была заключена в лингве оскурре, в орнаментальном обрамлении текста, в превосходно выполненных инициалах.

Затем он повернулся к Фолио — драгоценному подарку Верро Грихальвы. Изучил первую страницу, потом — страницу Кита'аба. Так и пошло: Фолио, Кита'аб, Фолио, Кита'аб. Он сравнивал рисунки. Вчитывался в текст — разумеется, обрывки. В Фолио зияли громадные бреши, а страницы, столь долго хранившиеся у тза'аба, были малочисленны.

Страница за страницей, страница за страницей. Среди них хватало рваных, со следами крови и воды. Были и половины страниц. Где-то невозможно разобрать слова. А кое-где разобрать можно, зато никак не удастся понять смысл.

Плохо другое: разорваны орнаменты. И восстановить их целиком не удастся — слишком много утеряно. Но что-то

Сарио, возможно, сделает, благо в реставрации он смыслит побольше других.

Нужно лишь время. Как раз то, чего не хватает Грихальва. Одаренным. Вьехос Фратос. Занятно: от тех, кто живет дольше, семье мало проку. Если ты обделен Даром, значит, будешь влачить жалкое существование.

А Сарио это не грозит. Он рожден для величия. Для славных дел.

Облегченно вздохнув, он сходил за свечами, поставил их на верстак в максимально допустимом отдалении от бесценных сокровищ (они не должны погибнуть в огне безвозвратно). Впрочем, света было достаточно, чтобы разглядеть сложнейшие рисунки. Золотые и серебряные узоры поблескивали, как будто еще не просохла краска или их окропили водой.

Сарио трудился в тишине, нарушаемой только шелестом передвигаемых, переворачиваемых страниц. Да, полностью Кита'аб не воссоздашь, но кое-что реставрировать удастся. И кое-чему научиться.

Он с улыбкой подумал, что и так многому научился у старика за два года. И за восемнадцать лет — у Грихальва. Двадцать лет он постигал тайны волшебства, сокрытые от всего мира.

И эти тайны вполне достойны того, чтобы отдать им жизнь. Взамен они даруют могущество. Возвышают тебя над всеми. Ибо никто, кроме тебя, не обладает такой силой. Никто, кроме тебя, не разгадал секрет Фолио — заветного клада семьи Грихальва — и страниц из ларца Иль-Адиба. «Никому, кроме тебя, не удалось их объединить».

Он коснулся древних страниц Фолио — Кита'аба и прошептал:

— Мое. Только мое. Все это теперь принадлежит...

Стук щеколды заставил его умолкнуть. Он вздрогнул, повернулся не вставая, устремил взор на дверь ателиерро. Она была не заперта. Но ее нельзя было открыть. Ни ключом, ни ломом. Он об этом позаботился. Никто другой на такое не способен. Нет магов, равных ему по силе. Иль-Адиб мертв, и Сарио не намерен делиться тайнами ни с кем.

Щеколда стучала не унимаясь.

— Сарио!

Гордость и торжество схлынули. Он ждал.

— Сарио!

Он бросил взгляд на верстак, на открытое Фолио, на страницы Иль-Адиба, на чашу с цветами.

— Сарио! Номмо Чиева до'Орро!

Вотще! Он не собирается отворять дверь, чьим бы именем его ни заклинали.

Он снова взглянул на верстак. Тайный язык, тайный труд, тайные знания и сила... Ими он ни с кем не поделится, зато готов поделиться торжеством. Но лишь с одним-единственным человеком — с тем, кто стоит за дверью. Кое-что расскажет, так и быть...

Опять расцвела гордость.

«Я сделал то, что никому не по силам».

И этот человек — только этот — способен его понять. И пожалеть, что самому не хватило отваги. Этот человек тоже испытывал на прочность семейную клетку, но сломать прутья и вырваться на волю не решился.

«А я решился. Да. Мне есть чем гордиться».

Он встал, подошел к двери, послюнил пальцы, размазал крошечные буквы, с таким старанием выведенные вокруг щеколды.

Тайный язык. Источник силы.

— Входи, — сказал он тихо и отступил, когда поднялась щеколда.

Раймон Грихальва вошел в ателиерро не сразу. Бросил взгляд мимо Сарио на верстак, прошептал молитву и произнес громче:

— Я один.

Сарио улыбнулся.

— Ну конечно, сангво Раймон. Иначе бы я просто не пустил тебя.

Складки, прорезанные временем на лице, заметно углубились.

— Номмо Матра, разумеется. — Раймон направился прямиком к столу и не оглядывался, пока Сарио запирал дверь. — Так. — Раймон остановился у верстака, под черным камзолом напряглись плечи. — Значит, ты стал копиистом?

Сарио рассмеялся. От души.

— Копиистом? Я? Ты способен это вообразить?

— Значит, нет? — Раймон склонился над верстаком. — Я способен вообразить... — Он осекся.

— Да. — Сарио ухмылялся. — Я так и думал, что ты заметишь, если тебе дать шанс.

«Сейчас увидит. Сейчас поймет».

Теперь только хриплое, прерывистое дыхание нарушало тишину да шорох перекладываемых страниц.

— Матра Дольча... О Милая Матерь! — Рука сангво схватила Чиеву, поднесла к губам, затем прижала к сердцу. — О Святой Сын...

— ...и Акуюб, — со смехом добавил Сарио. В нем росло возбуждение. — Но я сомневаюсь, что тебе доводилось слышать это имя.

У Раймона перехватило дыхание. Наконец он вновь обрел способность шевелиться. Уперся ладонью в верстак и повернулся к Сарио.

— Что это? Что? Фолио?

— Нет, не Фолио. — Сарио улыбнулся. — Не просто Фолио. Кое-что посерьезнее. Сангво Раймон, мы даже не представляем всей правды... и эти болваны в рясах, все эти санктас и санктос!

Раймон старел быстро, как и все Одаренные; к сорока годам он выглядел на шестьдесят. Сила ушла, бодрость иссякла, паутина страдальческих морщин обезобразила красивое лицо. Он был рожден для самоотречения и мук, и теперь под их спудом в нем чахла неуемная душа, снискавшая ему прозвище Неоссо Иррадо. В дряхлеющем теле еще жил прежний человек: сильный, волевой, талантливый. Он возвысился над всеми Вьехос Фратос, год назад они избрали его сангво, но постоянные мысли о принесенной им жертве, о заплаченной цене старили его дух точно так же, как годы старили тело.

С заметным усилием взяв себя в руки, он спросил:

— Сарио, что все это значит?

Сарио рассмеялся. Восторг рвался на волю, не было сил его сдерживать.

— Верро Грихальва послал нам не просто страницы, которые стали нашим Фолио. Это не просто текст, научивший нас новым приемам искусства и надлежащему поведению. Нет. Сам о том не догадываясь, он проторил нам путь к власти, дал ключ к чужеземному волшебству. Так мы это и воспринимали, так на это и смотрели, но видели ключ из простого металла, а не из настоящего золота. — Сарио взглянул на Чиеву Раймона, затем коснулся своей, закрыл ладонью. — Нет, Раймон, это не просто Фолио. Это Кита'аб.

— Этого не может быть! — гневно выкрикнул Раймон.

— Это Кита'аб, — повторил Сарио. — Раймон, посмотри еще раз. Вспомни, разгадана лишь треть нашего текста, и то... мы пропускали непонятные слова и даже целые отрывки. — Убрав руку с Чиевы, он подошел к Раймону. — Да вот хотя бы... — Он полистал страницы Фолио, ткнул пальцем в одну из них. — Видишь? И тут. И тут. По всему Фолио, на всех остальных страницах.

— Вижу, — блеклым голосом промолвил Раймон.

— Грихальва этого слова не знают. — Палец Сарио задержался на тесном рядке письмен. — Акуюб. Вот что это такое. — Теперь ему было легко — он хорошо изучил слова и их смысловые значения. — Акуюб, Раймон. Владыка Пустыни. Наставник Человека.

— Ты разобрался... в этом?

— Меня научили. Да, теперь я в этом разбираюсь. — Он ухмылялся, высматривая радость в лице сангво Раймона, в его усталых глазах. — Я много чего знаю.

«Но тебе открою далеко не все».

Раймон был бледен как восковая свеча.

— И как ты намерен использовать эти знания?

— Как ты и хотел. — Сарио пожал плечами. — Я тебя очень хорошо понял.

«Где же одобрение?»

Он поспешил добавить:

— Сделаю все возможное, чтобы один из Грихальва...

Он не закончил фразу. За стеной комнаты, за стеной Палассо Грихальва, в нескольких улицах от квартала художников, неожиданно грянули исполинские колокола Катедраль Имагос Брийантос. К ним присоединились колокола других санктий и молелен.

«Сейчас?»

Сарио, коренной житель Мейа-Суэрты, язык колоколов знал великолепно. Екнуло сердце: он разобрал мелодию, понял, что это за звон, хоть и никогда его раньше не слышал; он всегда звучал чуть-чуть иначе, ведь на памяти Сарио в семье до'Веррада умирали только дети.

«Номмо Матра, пусть они сейчас же смолкнут!»

Но колокола не смолкали. И тогда страх отступил, а молитва изменилась:

«Номмо Матра, хоть бы это было правдой!»

Да, страх отступил, но проснулось чувство вины. Впрочем, и его хватило ненадолго.

Раймон опустился на колени. Склонил голову. Взялся за Чиву до'Орро.

— Номмо Матра, номмо Фильхо...

Колокола трезвонили. Слова укладывались в их ритм.

— О Милая Матерь, Пресвятая Матерь, Святой Сын и Семя...

Весь мир был отлит из меди.

Раймон поцеловал Ключ, прижал к сердцу.

— Граццо, защитите нас. Защитите нас всех.

Сарио повторял за ним вслед, точно эхо: так было надо. Но мысленно добавил кое-что от себя:

«И пусть Твоему Сыну даже в печали достанет ума оценить мой труд по достоинству и позаботиться, чтобы меня предпочли всем остальным. — Подумав, он уточнил: — Особенно Серрано».

Он себе казался хрупким. Слабым. Пойдет трещинами и развалится на куски, если кто-нибудь рядом произнесет его имя.

Разумеется, произнесли. Да и могло ли быть иначе? Для того-то и предназначалось это имя, чтобы прозвучать, когда наступит срок. Но от этой мысли ему не стало легче. Их много, и они сильнее. Точь-в-точь могучий лес перед одинокой дрожащей былинкой.

«Алехандро», — сказали они. — «Герцог». «Ваша светлость».

Новое имя. Новое обращение.

«Нет! — мучительно хотелось выкрикнуть. — Ни за что!»

Он сломается. Его раздавят.

«Алехандро», — сказали они. И было в этом имени все: мольба, приказ, утешение. А потом был шквал вопросов, ответов, предположений. Обвинений. Были слезы, изумление и ненависть.

— Вы уверены? — спросил он наконец. Ответом были изумленные взоры и угрюмое молчание. — Эйха... есть ли смысл? И повод?

— Безусловно, есть политическая целесообразность, — размеренно, как ребенку, ответил ему один из придворных. Да, наверное, по меркам этого извращенного мира Алехандро и был ребенком. — Мы не знаем истинных причин, но разве это столь уж важно? В Пракансе много наших недругов, даже среди тех, кто любезничает с послами и твердит о мире...

Вельможи заговорили друг с другом о трагедии и войне. О подлом убийстве.

— Вы уверены? — повторил он, уже приняв решение и думая, что отец одобрил бы его. Нисколько в этом не сомневаясь. Бальтрану в таких ситуациях помогали врожденная проницательность и многолетний опыт, а его сын — новый герцог Тайра-Вирте — видел лишь одно: весь двор жаждет мести.

— Вы в самом деле хотите, чтобы я пошел воевать?

«Конечно, хотят, как же иначе? Войска Тайра-Вирте всегда ходили в бой под предводительством герцогов».

— Мне не нужна война.

Голоса стихли. Опять он их поразил. Да и себя, так как вовсе не собирался говорить это вслух.

— Эйха, не нужна, — повторил он отчетливее. — Ни один здравомыслящий человек не желает воевать.

— Даже чтобы отомстить за честь предательски погубленного отца?

Алехандро поморщился. Да, Бальтран до'Веррада был человек чести. Но у него хватало и других достоинств. Он был мудр, здравомыслящ, целеустремлен. Алехандро судорожно сглотнул.

«А у меня ничего этого нет. Есть лишь уверенность, что я не гожусь на роль правителя».

— Ваша светлость.

Кто это произнес? Марчало Грандо, главнокомандующий? А может, кто-то другой. Лиц было не разобрать — у Алехандро вдруг все расплылось перед глазами.

— Ваша светлость, необходимо наметить пути, взвесить мнения, принять решения...

И тут он дал выход гневу, страху и печали, распиравшим грудь.

— Номмо Матра, оставьте меня в покое хоть ненадолго! Милая Матерь, я всего час назад узнал о гибели отца, а вы уже вцепились, как овчарки в волка, и тащите на войну!

Воцарилось молчание. В этот миг в глазах прояснилось, и он увидел. Всех. Все. И его осенило.

Превозмогая боль души, он сказал:

— Сейчас не время.

Марчало — с этой минуты его марчало — смущенно потупился.

— Да, ваша светлость.

20

Сарио научился-таки изображать на лице смирение. Он будет таким, каким его должны видеть (хотя все равно не увидят. Слепцы!). Спокойным, но не дерзким. Уверенным в себе, в своем праве находиться здесь, но не надменным. Не брезгливым. Гордость допустима, без нее художник — не художник, а всего лишь ремесленник, копиист, бродячий итинеррарио, что само по себе не позорно, как не позорен любой честный труд, — но для тех, кто верит, что между художником и ремесленником лежит пропасть, отсутствие гордости — верный признак посредственности. И эта вера, эта боязнь не то что быть — иметь хоть малейшее сходство с заурядным ремесленником все время подогревала тигель, в котором сплавлялись воедино душа, талант и техника Сарио.

На нем был костюм, пошитый специально к этому дню; Сарио знал, что костюм вызовет много разговоров.

Но дело того стоило; приглашение исходило из Палассо Веррада, и ни один Грихальва не посмел бы игнорировать его или ответить отказом. Четверо явились в традиционных темных одеждах унылых тонов (чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, а значит, и не напрашиваться на оскорбления) и один — в щегольском костюме ярко-зеленого цвета, сразу наводящего на мысли о «бандитах» и «варварах» — предках Грихальва. Не так давно Сарио пришел к выводу, что зеленый цвет ему нравится, вполне идет к его черным волосам, карим глазам и смуглой коже. Впрочем, обзавестись тюрбаном он не решился — это однозначно расценили бы как дерзость. Ведь на выставку пришли не только Грихальвы, но и многие мейасуэртцы из других известных родов, придворные, Премиа Санкта и Премио Санкто и сам герцог Алехандро.

Сарио мало заботило мнение всей этой публики, особенно мнение священников, но о герцоге он думал постоянно.

Во что бы то ни стало произвести благоприятное впечатление на этого человека. Бедный Алехандро, на тебя столько всего сразу обрушилось: и горе, и заботы. Нежданно-негаданно ты взошел на вершину власти и теперь должен искать тело отца, готовиться к войне, выбирать нового придворного иллюстратора. А ведь ты совсем молод и неопытен, и на тебя давят все кому не лень. Наверное, даже Сааведра...

Сарио высматривал ее в толпе. Вряд ли стоит ее ждать, ведь она не иллюстратор, и ее брак с герцогом не освящен екклезией, — если она сюда явится, на нее будут смотреть косо. И все-таки Сарио послал ей приглашение, он имел на это право, поскольку был в числе претендентов и в этом зале висели его работы. Здесь собрались все знаменитости, но Сарио их едва замечал, ему нужна была Сааведра. Только она верила в него с самого начала. И верила не напрасно, очень скоро он ей это докажет.

У него вдруг поднялось настроение. Да, он победит. Обязательно. Он, и никто иной.

Вот она...

В дверном проеме появилась Сааведра. Вошла в Галиерру и поспешила в угол, чтобы не мозолить глаза публике.

«Ах, какие мы стеснительные для любовницы герцога...»

Он стиснул зубы и со свистом выдохнул. Что только не перемешалось в его душе: негодование, ревность, жажда мести, понимание, сочувствие, признательность. И еще много всякого, чему и названия-то не подобрать. Но кроваво-красной нитью в тугом клубке эмоций проходила уверенность: она всегда была его Сааведрой, точно так же как он всегда был ее Сарио.

А теперь она принадлежит другому.

Он закрыл глаза. Вокруг нарастал шум, в Галиерре собиралось все больше тех, кто пришел смотреть, ругать, хвалить, ждать. Грихальва, Серрано, до'Альва, до'Нахерра...

Нам это выгодно, напомнил он себе. Грихальва, ублажающая герцога в постели, для нас полезнее, чем Грихальва,

пишущий ему картины. Но в тот же миг душу, подобно ядовитой тза'абской стреле, поразила мысль: Сааведра не просто наложница Алехандро, она ему жена. Она его любит.

И судорога свела его чресла — жаркие, но бесплодные.

«Но ведь она должна любить меня!»

Сааведра увидела его и расцвела.

Лилия Пустыни, подумал он. Хрупкая с виду, но легко переносящая жгучую сушь Тза'аба Ри и тлетворную сырость Мейа-Суэрты.

Белая кожа, черные волосы. На ней было платье из мягкого фиолетового и кремового велюрро; яркие краски восхитительно переходили в полутона.

Она сразу подошла к нему — похвалить костюм, провести ладонью по зеленому шелковому камзолу, украшенному искусным шитьем, идеально сидящему, безупречно зашнурованному. Под камзолом — рубашка из тончайшего батиста; высокий складчатый ворот и кружевные манжеты расшиты настоящим золотом. Все это стоило чудовищно дорого, но Сарио не жалел. Была идея сшить зеленые чулки и сапоги из мягкой кожи, но он в конце концов решил не злить чересчур посетителей выставки и заказал черные.

Сааведра ослепительно улыбнулась.

— Ты постригся. Я так привыкла, что у тебя патлы на физиономии или кое-как завязаны на затылке, а теперь все ясно видят, что у тебя написано на лбу. Сарио, обещай, что обязательно ухмыльнешься, как ты умеешь, граццо. Ну, знаешь, такая брезгливая, надменная ухмылочка.

Он едва удержался от ухмылки — именно такой, какую описала Сааведра.

— Да, постригся, — кивнул он. — И ухмылочек не будет, обещаю. Да здравствует достойная компордотта!

Сааведра рассмеялась.

— Шутишь? Достойная компордотта — и ты?

Сарио изобразил вежливую улыбку.

— Ведра, ради благополучия семьи я готов на любые жертвы.

В ее глазах появилась тень сомнения, но сразу исчезла. Сааведра вновь рассмеялась.

— Сегодня жертвы не нужны, можешь вести себя естественно. — Она указала на противоположную стену, увешанную картинами. — За это тебе все простят. Люди знают, что у каждого гениального художника в голове водятся тараканы.

— Ведра, спасибо на добром слове, но я уверен: что-то вроде этого друзья и родственники говорят всем остальным претендентам. И не только тут, но и везде, где участникам конкурсов приходится ждать решения жюри.

— Да, это доброе слово, — кивнула она, — но это еще и правда. Матра Дольча, Сарио, ты ведь и сам прекрасно знаешь, какой ты художник. И я знаю. И все остальные претенденты из нашей семьи. Разве ты не замечал, какими ухмылками они тебя провожают?

— Хмурыми, завистливыми? — Он улыбнулся. — Да, Ведра замечал. И спасибо тебе за веру. — Он порывисто схватил ее за руки, крепко их пожал — миг назад не собирался, не хотел этого делать, просто очень нуждался в ней и стремился высказать то, что надо было высказать гораздо раньше и не один раз: — Ты меня никогда не бросала в трудную минуту. Никогда. Что бы я ни сделал, что бы ни сказал. Даже когда я... Эйха, Ведра, спасибо тебе от всего сердца. — Он поцеловал тыльную сторону ее левой ладони, затем правой. — Спасибо за все. Не сомневайся, Луса до'Орро, я знаю, что ты для меня сделала. И ценю твою дружбу и поддержку. И когда смогу... если смогу, отплачу добром за все. Не сомневайся, Ведра. — Он прижал ее ладони к своей груди, к Золотому Ключу. — Номмо Матра эй Фильхо, номмо Чиева до'Орро. Не сомневайся.

Ее ладони были холодны.

— Золотой Свет? — спросила она. — Почему ты так меня назвал?

— Потому что ты и есть Золотой Свет. — Он отпустил ее руки. — Ведра, ты всегда была рядом со мной, сияла так же ярко, как Золотой Свет нашего Дара. — Он улыбнулся. — Нашей Одаренности.

— Но я не...

Он не дал ей договорить.

— Я уже сказал тебе однажды: тот, в ком есть огонь, легко разглядит такой же огонь в другом. — Сарио отвел взгляд, справился с волнением. — Ну вот, сейчас наш новый герцог наконец-то дойдет до картин Грихальва. Может, поглядим, как он будет их рассматривать, и попробуем предугадать решение?

Сааведра едва заметно вздрогнула и ответила с улыбкой, которой недоставало обычной безмятежности.

— Было бы что предугадывать.

— Эйха, пожалуй, ты не права, всякое может быть. Этторо — мастер неплохой, Домаос, Иво и Иберро мало в чем ему уступают... — Род Грихальва представил всего пять кандидатов. — Есть и в других семьях неплохие художники, даже Сарагоса не совсем безнадежен... — Его хитрая улыбка договорила: «Хотя вряд ли может на что-то надеяться». — Вдруг наш герцог в память об отце назначит его Верховным иллюстратором? Правда, такого еще ни разу не случалось, и все же...

— Нет, Сарио. Никто, кроме тебя.

Сарио удовлетворенно кивнул. Он ждал этих слов. Она никогда не бросала его в трудную минуту. Она всегда верила в него.

Он улыбнулся и отошел от стены, на которой висели его отборные работы. Не надо их заслонять — сейчас сюда придет герцог Алехандро.

По комнате растекались запахи воска и кедра. Преклонив колени на голых каменных плитах перед великолепной

иконой (а что в Палассо Грихальва не заслуживало эпитета «великолепное»?), Раймон Грихальва внимал тихим шагам и скрежету щеколды. Он торопливо прошептал последние слова молитвы, поцеловал Чиеву, прижал к сердцу, встал, повернулся, обмер.

— Дэво!

На лице старика играла саркастическая улыбка.

— А ты ожидал кого-то другого?

Раймон ожидал. И не стал лгать.

— Мы с Сарио договорились, что он придет и сообщит результат.

— Все, как ты и рассчитывал. А разве ты сомневался?

— Нет. — Раймон отпустил стол с иконой, за который схватился для устойчивости. — Ты прав, я на это рассчитывал. А ты разве нет?

В сиянии свечи лицо Дэво проигрывало. Он начал сильно сдавать уже в сорок пять, было ясно, что до пятидесяти одного, в отличие от Артурро, ему не дотянуть. И даже до сорока девяти — возраста Отавио, скончавшегося год назад. Сейчас Ферико занимал должность Премио Фрато, но все они — дряхлые старцы, Ферико тоже недолго проживет на этом свете.

«Остается Дэво... или даже я...»

— И я рассчитывал, — признался Дэво. — На мой взгляд, не могло быть другого выбора. Но ведь я Грихальва, кое-кто может сказать, что я пристрастен.

Раймон поднял брови.

— В числе претендентов было еще четверо Грихальва.

— Раймон, не надо кривить душой... Ты слишком стар для таких игр. — Улыбка смягчила слова. Дэво устало вздохнул и тяжело опустился на узкую скамью возле двери. — Эйха, знал бы ты, как мне больно. Вот бы кто-нибудь изобрел волшебный эликсир, изгнал старость из моих несчастных суставов. — Он осторожно помассировал давно потерявшие форму пальцы. — Это все из-за болот. Клянусь Матерью, из-за болот. — Кряхтя, он выпрямил спину и прислонился к стене. — Если рассуждать по совести, никто из наших мастеров, кроме Сарио, не заслуживает этой должности.

— И никто из претендентов от других родов.

— Верно, Раймон. Но уже поползли злые сплетни. Говорят, мы повлияли на решение.

Раймон хрипло рассмеялся.

— Мы? Грихальва? Помилуй, Дэво, ведь при дворе нет ни одного нашего! В политической жизни города и герцогства мы — никто...

— Ты забыл о спальне. — На миг лицо Дэво осветилось жестоким весельем. — Грихальва — в постели, Грихальва — при дворе.

— И все-таки мы отстаем от Серрано, — сердито возразил Раймон. — Катерин Серрано — все еще Премиа Санкта. По сей день отравляет экклезию, настраивает против нас.

— Но власти у нее уже меньше. — Дэво снова поерзал на скамье, усаживаясь поудобнее. — Раймон, за такой ко-

роткий срок мы добились очень многого. Давно ли Сааведра сошлась с Алехандро? А сегодня Сарио получил должность. Мы ни в коем случае не должны упустить свой шанс. Ведь мы столько трудились, столько ждали.

— Дэво, в роду Грихальва Сарио — первый Верховный иллюстратор за три поколения. Он назначен меньше двух часов назад, а ты уже порицаешь его.

— Не его, Раймон. — Дэво поморщился. — Эйха, да, пожалуй, можно сказать и так. Хотя на самом деле я порицаю не его самого, а кое-какие отрицательные черты. Он слишком зелен...

— А потому дольше прослужит герцогу.

— Я не о годах, а о самодисциплине.

— Ничего, научится сдерживать норов. Он ведь уже многому научился. Дэво, ты должен это признать.

— Признаю. — Старик улыбнулся. — Ты был его заступником почти столько же лет, сколько Артурро был твоим.

— Мне был необходим заступник. Сарио — тоже.

— Раймон, у тебя есть редкостное качество. Ты способен разглядеть в художнике животворящий огонь, а мы видим только пламя, которое превращает человека в пепел. Наверное, ты прав: не надо бояться животворящего огня...

— Нет, Дэво, Сарио для нас опасен, — перебил Раймон. — Я никогда этого не отрицал, хоть и заступался за него. На этот счет у меня один-единственный аргумент: человек, обладающий Даром, знаниями, навыками, а еще навязчивой идеей доказать, что все остальные не правы, и желанием любой ценой превзойти их, — способен добиться своей цели. И многие пытались, Дэво... многие пытались за три поколения.

Дэво неотрывно смотрел ему в глаза.

— А ведь ты бы мог оказаться на его месте. И лучше, если бы это был ты.

— Нет, — не раздумывая, возразил Раймон. — У меня слишком слабый, слишком рассеянный огонь... — Неслышно ступая, он приблизился к скамье напротив Дэво и сел, принял точно такую же позу, как и у старика. — Мое желание зиждется на примитивном честолюбии, я не способен свернуть горы. Между честолюбием и одержимостью — пропасть. Честолюбец хочет прийти к цели. У одержимого нет иного выбора.

— А потому одержимый добивается своего. Но гораздо важнее таланта, Дара и даже одержимости — надлежащее поведение, способность употреблять свою силу на благо семьи, а также на благо герцога и государства. — Голос Дэво был исполнен спокойствия. — Для этой задачи не было и нет никого пригоднее тебя.

Раймон неподвижно смотрел в сумрак крошечной молельни, приютившейся в глубине Палассо. Новый герцог, новая фаворитка герцога, новый Верховный иллюстратор. Возможно, теперь все пойдет по-новому; возможно, народ снова полюбит семью Грихальва.

— Но я тоже хочу, чтобы кто-нибудь придумал, как вернуть молодость моим суставам... — Он поднял руки, взглянул на распухшие костяшки пальцев. Ощутил боль в позвоночнике. «Откуда у тебя уверенность, что сам я пекусь о благе семьи? Что, если мною тоже движет лишь моя одержимость?» — Костная лихорадка приходит к каждому из нас. Приходит и убивает.

— И к Сарио? — спросил Дэво. — Думаешь, она и его убьет? Или он убьет нас?

Раймон был настолько ошеломлен, что перестал чувствовать боль в руках и спине. Он опустил ладони на колени и посмотрел на человека, который вместе с Артурро лепил его душу.

— Сарио очень рано научился делать и носить маски, — сказал Дэво. — Причем надежные маски: видимые, но непроницаемые. По его лицу невозможно понять, что он думает. Правда, видны дерзость и честолюбие, но мы за такие грехи не наказываем, за это карает Матерь. — Он остановил качавшийся на цепочке Золотой Ключ. — А ты, Раймон, никогда не делал масок. И не носил. — Он перевел взгляд на икону. — Если бы я захотел узнать, на что способен Сарио, если бы я хотел увидеть его печаль, раскаяние, мучительный страх — все чувства, которые он никогда не покажет, — мне было бы достаточно взглянуть на твое лицо. Оно — как открытая книга.

В костях Раймона зашевелился холод. Казалось, вдруг сменилось время года и на дворе не сырая жара, а колючая стужа.

— Да, три поколения Грихальва не дали герцогам ни одного придворного, а теперь наша мечта сбылась. Но все-таки не кажется ли тебе, что она сбылась слишком рано? Сарио вознесся не только над всеми нами, но и над нашей дисциплиной, и мы не ведаем, чего от него ожидать. — Дэво немного помолчал, прикрывая дрожащей рукой Чиеву до'Орро. — А ты не такой.

Раймон заговорил. Язык плохо слушался, казалось, звуки исходят из чужого горла.

— Он такой, каким мы его сделали.

— Эйха, я в это не верю. Я думаю, Сарио вылепил себя сам. — Голос старика был абсолютно спокоен. — Разве что получил от тебя немного самоуверенности и безрассудства.

Растущая тревога заставила Раймона сорваться на крик:

— Нам был необходим кто-нибудь вроде Сарио!

Эхо его слов быстро умерло в сумраке молельни.

— Да, ты прав: вроде Сарио. Но не обязательно он. — Дэво поерзал, подошвы башмаков шаркнули по плитам. — Когда в инструменте изъян, инструмент ломается. И при этом он может ранить того, кто им пользуется.

— Может. А может и не ранить.

— Сознавая возможность беды, надо сознавать и свою ответственность. Если беда случится, виноват будет тот, кто предвидел ее, но не предотвратил.

Раймон стиснул зубы и процедил:

— Пресвятая Матерь! Чего ты от меня хочешь?

Дэво печально вздохнул.

— Ничего сверх того, что всегда получал от тебя, фрато мейо. Правды.

Скрежеща зубами, Раймон смотрел на икону, стоящую в трех шагах от него на столе. Плакирование золотом, работа незабвенного Артурро.

— Поэтому ты и пришел?

«Из-за иконы. Из-за Артурро. Из-за того, что я не способен лгать здесь, сейчас, перед Матерью».

— Потому что ты никогда не пытался лгать, и я не сомневался, что тебе нужна божественная поддержка. — Дэво с трудом поднялся, неуклюже повернулся к двери. — Раймон, именем нашей Пресвятой Матери и Ее Милостивого Сына говорю тебе: со дня нашего величайшего торжества — первого такого дня, с тех пор как Верро Грихальва уничтожил Кита'аб, — мы не властны над своей судьбой.

Пока Дэво не затворил за собой дверь, Раймон сидел неподвижно и безмолвно, а потом всхлипнул и перестал сдерживать дрожь.

«О Матра! Ну почему у Дэво пришелся к слову именно Кита'аб? Разве нельзя было без этого обойтись?»

В том-то и ирония, что нельзя. Слишком крепко судьба Кита'аба сплелась с судьбой рода Грихальва. Слишком долго он влиял на жизнь Грихальва, на компордотту, и вот превратился в копье, способное пронзать и плоть, и дух.

«Ох-хо-хо. В конце концов я ни за что не стану Премио Фрато».

Кряхтя по-стариковски, Раймон поднялся со скамьи. По слухам, Сарагоса Серрано выглядел ничуть не лучше его: сутулый, голова всегда опущена, пораженные костной лихорадкой руки сжаты в бессильные уродливые кулаки.

Раймон вновь опустился на колени перед иконой.

— Я его спустил с цепи, — признался он Матре. — Дал ему право поступать, как он сочтет нужным, чтобы стать Верховным иллюстратором...

Инструмент с изъяном — так сказал Дэво.

— ...И теперь, когда он наконец-то рядом с самим герцогом, молю: благослови имя и семя его, и на этом миссия моя будет выполнена. Милая Матерь, Ты мудра, Ты всегда щедра, и я никогда не подвергал сомнению Твою священную компордотту. Но все же позволь в безмерной милости Твоей сказать вот что: если Сарио будет трудиться на благо семьи, герцога и герцогства, я утешу себя мыслью, что сделал правильный выбор. И жертва моя не напрасна.

21

Точно затравленный волк в ловчей яме, сидел Алехандро в кресле своего покойного отца. Его окружала толпа советников, и все советовали наперебой. Всего лишь два дня назад он уз-

нал о гибели Бальтрана и еще не оправился от потрясения, не успел смириться с потерей. Ему просто-напросто не дали прийти в себя; придворные обрушили на него гору проблем, каждый считал своим долгом напомнить, что вместе с горем Алехандро досталось и герцогство.

Советники раньше него избыли горечь утраты, чего нельзя было сказать о жажде мести. Они предлагали начать войну. Безотлагательно. И требовали его решения. Столь же безотлагательно.

Он поерзал в кресле, отметив, что жесткое кожаное сиденье, сработанное больше двадцати лет назад в расчете на выносливого, сильного и непоседливого Бальтрана до'Верраду, ничуть не подходит его сильному и непоседливому, но еще слишком молодому сыну. Нужен изрядный срок, чтобы обрести отцовское умение спокойно, солидно, уверенно держаться на людях.

«Но мне времени не дадут. Ни за что».

Алехандро снова поерзал и зло посмотрел на советников.

Точь-в-точь гончие псы. Ждут, когда волк подставит брюхо.

За эти два дня он усвоил, что от вежливости и сдержанности, дающихся ему огромной ценой, проку никакого. Он — герцог, об этом ему твердили постоянно и с таким пылом, что возникло сомнение: а сами-то они в это верят? Или их нужно убеждать? Но ему не давали возможности высказаться. Любые его попытки выразить свое мнение наталкивались на враждебное молчание и лишь изредка — на вежливые возражения.

В нем поднималась злость.

Да они меня ни в грош не ставят!

Если дать выход раздражению и горечи, накричать на советников, как уже случилось однажды, они, наверное, его выслушают. Но он предпочитал держать себя в руках. Нельзя закатывать истерики: это убедит их в его слабости.

«Эйха, а разве я силен?»

Как ни крути, отец плохо подготовил его к наследованию власти. Но вряд ли можно его за это винить, сорок три — возраст далеко не предельный (разве что для Грихальва), к тому же Бальтран до'Веррада перед отъездом был здоров как бык и энергичен. Никто не предполагал, что его сыну титул герцога достанется в девятнадцать лет.

Запасы выдержки были невелики и таяли с каждой секундой. А потому он решил, что сама Матерь смилостивилась над ним, когда слуга доложил о приходе Верховного иллюстратора и разом смолкли все голоса.

«Матра Дольча, граццо! — Алехандро снова поерзал на жесткой старой коже и вытер ладонью вспотевший лоб. — Вот бы ты еще меня избавила от этих моронно, которые ищут во мне моего отца».

Отворилась дверная створка из полированного дерева, в зал, ничем не нарушая абсолютной тишины, вошел Сарио Грихальва в тех же зеленых и черных одеждах, что были на нем во время церемонии, возвысившей его над многими претендентами

на должность Верховного иллюстратора. Остановился. Подождал, пока все взглянут на него, на Чиеву до'Орро, — Золотой Ключ он теперь носил на поясе, точно так же как носят свои ключики и замочки санктос и санктас.

Кое-кто слегка переменил позу, чья-то подошва шаркнула по каменному полу.

«Он совсем не такой, как все эти люди, — размышлял Алехандро, рассматривая Сарио. — Что мне говорила Ведра о Грихальва, о их жесткой компордотте? Пресвятая Матерь, они так же не похожи на нас, как святоши из екклезии!» — И тут же предостерег себя: высказанная вслух, эта мысль была бы сочтена ересью.

— Эйха, — сухо вымолвил один из придворных. — Не такое чудо в перьях, как Серрано, верно?

Кто-то тихо рассмеялся, другой произнес:

— По крайней мере оно не рядится в ярко-красное.

Сарио улыбнулся, принимая вызов

— Оно и не будет рядиться в ярко-красное. Никогда. — В голосе звучала дерзкая нотка. — Ему этот цвет давным-давно опротивел.

Это было уже слишком. Алехандро, не искушенный в интригах двора, но знающий его нравы, заметил, как советники объединили свою враждебность, чтобы обрушить ее на чужака.

— И потому вы не намерены использовать его в работе?

— Нет, конселос, — возразил Грихальва, — я буду его использовать в меру.

— Но все же никогда не наденете ярко-красное? Даже на Мирафлорес, мы правильно поняли?

Алехандро терпеливо ждал, испытывая при этом немалое облегчение, — придворные, единые в своей неприязни, оставили его в покое и нашли себе другую жертву. Вопрос был с подвохом: по преданию, через десять месяцев после рождения Сына, в день Мирафлорес, к Матре (а следовательно, и к Тайра-Вирте) вернулась способность воспроизводить потомство. Ежегодно в этот день каждый дом украшался ярко-красными цветами вьюнка, живыми или искусственными — из шелка и бумаги. Носили их и на одежде в знак любви и преданности всемилостивейшим Матре эй Фильхо.

— В меру, — невозмутимо ответил Грихальва.

Алехандро ухмыльнулся.

Ведра говорила, ума ему не занимать.

И храбрости. Грихальва окинул зал изучающим взглядом, не упустив ни одного придворного, и с элегантным поклоном обратился к герцогу:

— Ваша светлость, увы, я еще не успел изучить свои обязанности и освоиться в этих залах, но, если позволите, я возьму на себя смелость предложить решение проблемы, с которой вы только что столкнулись.

«Говорит лучше, чем от него ждали. Им это не нравится».

Алехандро открыл было рот, чтобы ответить, но тут ближайший придворный громко фыркнул.

— Ты? — Резкий голос Эдоарда до'Нахерры, Марчало Грандо, перекрыл шепот остальных сановников. — Ты берешься предложить решение?

— Берусь. — Грихальва даже косым взглядом не удостоил рослого, крепко сбитого стареющего военачальника, которого Бальтран до'Веррада считал своим самым близким другом. — Если герцог... — он сделал короткую, но многозначительную паузу, — ...или вы позволите мне высказаться.

Только после этого темные глаза обратились к до'Нахерре, а потом к герцогу, и не было в них ничего, кроме вежливости и терпения.

Алехандро, сдержав улыбку, тотчас сделал неловкий дозволяющий жест.

— Милая Матерь! Грихальва, что ж вы медлите? Если можете решить эту дилемму...

— И предотвратить бесчестье! — грянул до'Нахерра. Распоряжаясь на турнирах, он себе поставил отменный полководческий голос.

— ...то весьма меня обяжете, — твердо договорил Алехандро. И метнул в марчало недобрый взгляд. — Что для этого потребуется?

— Лишь то, для чего я сюда призван, ваша светлость. — Сарио обворожительно улыбнулся. — Писать.

— Что писать? — выкрикнул кто-то в задних рядах. — Если ты считаешь живопись волшебным средством, если уверен, что она достойнее справедливой войны, почему бы просто не написать, как герцог Бальтран возвращается к жизни?

Матра Дольча!

Алехандро был поражен. Как и все кругом, даже тот, кто выкрикнул эти слова. Только Грихальва, на удивление, остался совершенно спокоен; казалось, никому не под силу вывести его из себя.

— Бассда! — Сквозь оторопь проникла смутная радость — на этот раз Алехандро послушались все. Даже повернулись к нему. — Бассда! — повторил он. — Номмо Матра, разве не в этом состоят его обязанности? Верховный иллюстратор пишет картины. С помощью его картин мы заключаем браки, подписываем договоры, избегаем войн. — Ему удалось приковать к себе внимание конселос. Он кивком указал на Грихальва, как ни в чем не бывало стоявшего в двух шагах от герцогского кресла. — Если он способен предотвратить войну, размахивая не мечом, а кистью, я буду только рад. Война ничего не дает...

«Ошибка. Это их подстегнуло».

— Ничего, кроме чести! — воскликнул Эстеван до'Саенса.

— Ничего, кроме земель! — вторили ему.

Алехандро показалось, что кричит Риввас Серрано, дальний родственник ушедшего в отставку Сарагосы.

— И спасенных жизней, ваша светлость, — добавил Эдоард до'Нахерра, чье хладнокровие поразительно контрастировало с возмущением остальных. — А еще с помощью войны

можно вернуть тело вашего несчастного отца, подвергшееся глумлению подлых...

— Я способен это сделать, — перебил Грихальва.

Воцарилась гробовая тишина. А затем грянул неистовый рев.

— Ах, вот как?! — взъярился даже марчало. — Ты способен это сделать? Так просто, да? Эйха, нарисуешь тело, и оно перенесется сюда?

— Только Матерь обладает таким могуществом, — пробасил кто-то.

— А еще — семья Грихальва, промышляющая темным колдовством, — сказал Риввас Серрано.

Алехандро вскочил на ноги.

— Бассда! — Он предчувствовал беду. Сааведра говорила, у него врожденный дар командовать... Эйха, даже если это не так, он вспомнит, как командовал отец. — Вы стоите передо мной, вы явились сюда по моей воле, вы служите мне. А потому никто из вас не смеет говорить без моего позволения!

Изумленные лица. Округлившиеся глаза. Рты, застывшие на полуслове. И — ни звука. Все ждали его позволения говорить.

— Граццо. — Стараясь ничем не выдать облегчения, Алехандро неторопливо сел. Трудно было не заметить, как на лице Эдоарда до'Нахерры появилось задумчивое выражение. Осмелев, герцог повернулся к Сарио Грихальве. — Вы можете это сделать?

— Вернуть вашего отца к жизни? Нет. Мне это не по силам. И никому из смертных. — Это была уступка Риввасу Серрано. — Но доставить сюда его тело? Да. Это в пределах возможного.

Толпа придворных зароптала. Риввас протолкался вперед, впился ненавидящим взглядом в молодого художника, занявшего место его родича.

— Ваша светлость, разве мы не говорили, что Грихальва владеют темной магией? И теперь один из них открыто сознается в этом. Сознается! Здесь, перед всеми нами! Сознается! — Ненависть в глазах уступила мольбе, и взор тотчас перебрался на герцога. — Ваша светлость, мой родственник, Сарагоса Серрано, пытался предъявить улику вашему отцу, ныне покойному...

— И не предъявил, — отрезал Алехандро. — Конечно, я об этом слышал. Да кто не слышал! — Он пожал плечами, радуясь, что на этот раз вельможи, прежде чем зашуметь, выслушали хоть часть сказанного им. — Всем известно, что Сарагоса верит в темное волшебство Грихальва...

— И не зря! — Риввас вытянул руку в сторону нового Верховного иллюстратора. — Ваша светлость, он только что во всеуслышание признался в этом!

Алехандро перевел взгляд на Сарио Грихальву.

«Ведра уверяла, что он умен... Хватит ли ему ума выбраться из этой ловушки? Или придется отменить первое мое назначение?»

Это будет тяжелым ударом по репутации нового герцога. Такие ошибки правителям сходят с рук труднее, чем нео-

пытность. Все-таки он неплохо знал свой двор; понимал, что надо немедленно употребить власть, любой ценой добиться подчинения, иначе все будет потеряно. О вежливости, щепетильности сейчас необходимо забыть.

— Так вы можете это сделать? — сурово повторил он.

— Да, ваша светлость. — Грихальва невозмутимо переждал глухой враждебный ропот. — Уверяю вас, это совсем несложно.

— Несложно?! — возопил Риввас. — Вызвать сюда мертвеца?

— Изобразить, как он появляется среди нас? — Эстеван до'Саенса занял его сторону, чем лишь подлил масла в огонь. — Ваша светлость, хотелось бы на это посмотреть...

— Это несложно. — Спокойный голос Грихальва вновь вызвал бурю.

Из-под зеленого плаща появилась изящная смуглая рука с двумя сложенными листами пергамента. Взор Алехандро невольно задержался на длинных пальцах, приметил отточенные, грациозные движения мастера, приученного к аккуратности и методичности. — Дело в том, что оно уже здесь. Тело. — Грихальва одарил герцога вежливой улыбкой, и тот, сам того не желая, улыбнулся в ответ. — Есть ли необходимость в темном или еще каком-нибудь колдовстве, чтобы привезти усопшего в повозке?

Наступила тишина. Затаив дыхание, двор переваривал слова Грихальва.

— Повозке? — недоверчиво переспросил кто-то.

— Вместе с телом прибыло два послания. — Грихальва неторопливо шагнул к герцогу и поднял листы. — Когда я подходил, — кивок в сторону двери, — мне их вручили с просьбой передать вам. Сказали, что в этих письмах объясняется, как погиб герцог Бальтран.

— Как был убит герцог Бальтран! — вскричал Риввас, стремясь перехватить инициативу.

— Это убийство! — воскликнул до'Саенса, спеша поддержать его.

— Не исключено, — бесстрастно произнес Грихальва, и Алехандро позавидовал его самообладанию. — А может быть, это вовсе не убийство. Я думаю, нужно, чтобы герцог прочел письма. Они адресованы ему и должны все объяснить, так мне сказали. — Почтительно склонив голову, он протянул пергаменты.

— Матра эй Фильхо...

Самообладание покинуло герцога, он вскочил с кресла и выхватил письма из руки Грихальвы. Помедлив лишь мгновение, сорвал восковую печать и развернул листы.

Надежду вытеснило разочарование. Он окинул придворных беспомощным взглядом; его мутило от мысли, что сейчас придется признать свое очередное поражение. Но выход нашелся — Алехандро обратился к личному секретарю отца. Увидев сочувствие, спокойствие в глазах Мартайна, герцог взял себя в руки и твердым голосом попросил:

— Прочтите, граццо.

Мартайн принял бумаги, повертел в руках.

— Регретто, ваша светлость. Я не знаю, на каком языке написана первая страница, а вторая испорчена...

— Я знаю, на каком языке написана первая страница.

Опять Грихальва. На сей раз взрыв недоверия прозвучал тише, советники вели себя сдержаннее. Они были заинтригованы.

Алехандро вернул письма.

— И о чем же тут говорится?

Грихальва бережно расправил лист, пробежал глазами по строчкам.

— Да, этот язык мне знаком. На нем говорят в Тза'абе Ри.

Эдоард до'Нахерра сделал длинный шаг вперед и выхватил письмо из руки Грихальвы.

— Тза'аб Ри! — Он побагровел от возмущения. — Наглая ложь! Никто не знает этого языка! На нем говорят враги!

— И эти враги вернули нам тело нашего герцога. — Сарио Грихальва бросил на Алехандро извиняющийся взгляд. — Похоже, произошел несчастный случай, когда по пути в Пракансу герцог Бальтран охотился на тза'абской границе.

— Вероломство! — процедил сквозь зубы марчало до'Нахерра. — Бальтрана убили. Нам это известно. И что, тза'абы признаются?

— Герцог не был убит. — Грихальва спокойно забрал письмо. — Такое могло случиться с любым всадником. Герцог Бальтран упал с коня. — Он пожал плечами. — И сломал себе шею.

— Ложь! Это подлое убийство!

— Значит, несчастный случай? — Избегая яростного взгляда до'Нахерры, Алехандро смотрел на художника. — Об этом говорится в письме?

— И еще о том, что есть свидетели гибели вашего отца.

— Тза'абы! — с ненавистью сказал до'Нахерра.

— Тайравиртцы, — поправил Грихальва. — Свита герцога.

— Почему же я их здесь не вижу? — спросил Алехандро, опередив остальных. — Почему не они сообщили нам эту скорбную весть?

Грихальва развел руками.

— Долг, ваша светлость. А еще — несчастье. Свита сопровождала герцога, чтобы сосватать вам пракансийскую принцессу. И сейчас они исполняют свой долг.

От изумления Алехандро едва не раскрыл рот.

— Так они отправились дальше? В Пракансу?

— Большинство. Ваша светлость, в письме сказано, что ваш отец скончался сразу после падения с коня, но все же успел распорядиться, чтобы миссия в Пракансе была завершена. Интересы Тайра-Вирте требуют мирного договора с Пракансой, скрепленного вашей женитьбой. — Он изящно пожал плечами. — Ваша светлость, судя по всему, слухи об убийстве не имеют под собой почвы.

— Слухи? — Алехандро упал в кресло. — Слухи... — Он посмотрел на до'Нахерру. — Вы хотите, чтобы я развязал войну, опираясь на слухи?

Лицо марчало пошло багровыми пятнами.

— А вы хотите, чтобы я поверил на слово тза'абам и простил им убийство несчастного герцога?

— В этом вовсе нет необходимости, — сказал Сарио. — Кроме тза'абов, тело герцога сопровождали два человека из его свиты. Но по пути на эскорт напали пограничные бандиты. В схватке несколько тза'абов были убиты, их судьбу разделил наш Дио Ормендо. Антонейо Барса был ранен и скончался в пути, но перед смертью написал записку. — Он поднял грязный, измятый клочок пергамента. — К сожалению, она попала под дождь, и чернила расплылись, но сохранились подпись и печать Антонейо Барсы. Напрашивается предположение, что тза'абы привезли эту записку в подтверждение своего письма.

— Вероломство! — проскрежетал до'Нахерра. — Я не верю, что мой бедный друг Бальтран погиб из-за падения с коня. Все это шито белыми нитками, и испорченное письмо Антонейо Барсы — лишнее тому подтверждение.

— Если вам угодно, я допрошу тза'абов, сопровождавших повозку, — предложил молодой Верховный иллюстратор. — Но и мертвые способны кое о чем поведать. Почему бы не навестить покойного герцога и Антонейо Барсу? Может быть, они нам откроют правду?

Марчало до'Нахерра был возмущен до глубины души.

— И что, язык мертвецов тебе дается с такой же легкостью, как тза'абский?

Не пряча глаз от разъяренного восначальника, Сарио Грихальва спокойно ответил:

— Прежде чем писать живых, необходимо изучить мертвых.

Новое обиталище Сааведры состояло из трех комнат — после тесной кельи казалось, что к такой роскоши невозможно привыкнуть. Да разве допустимо, чтобы в этаких хоромах жил один-единственный человек, тем более она, женщина из презренного и проклятого рода Грихальва?

Спаленка, довольно просторная гостиная и еще светлая комната с множеством окон, выходящих на север, и дверью на балкон, с которого виден центральный внутренний двор с мирно шелестящими струями мраморного фонтана.

— Покои, достойные иллюстратора, — шептала она, бродя по комнатам, восхищаясь и наслаждаясь простором и светом. — Вот тут будет стоять верстак, а тут — мольберт... — Она рассмеялась, и была в том смехе нотка вины. Все-таки она привыкнет к этой роскоши. Очень легко привыкнет.

Столько дел... Надо разобрать сундук, посмотреть, что из вещей понадобится в первую очередь, что придется постирать... И, конечно, ее ждет огромный запас материалов и принадлежностей для работы. Штуки холста и готовые подрамники, картоны, закупоренные бутыли с растертыми красками, доски, ящики с кистями, ножи, горшки, доверху наполненные канифолью и сухой смолой акации, склянки с маковым маслом, льняным семенем, клеем,

чернилами; корзины, ломящиеся от излюбленных угольков, мелков, перьевых ручек. Столько всего надо разместить... Но и места здесь столько...

За ее спиной с грохотом распахнулась дверь, раздалось писклявое ругательство. Сааведра вздрогнула от неожиданности, резко обернулась и не сдержала ухмылку при виде одного из ее многочисленных племянников — с огромной охапкой картонов, холстов, рам и досок, он протискивался в дверной проем.

— Погоди... Эй, Игнаддио! Постой!

Он не остановился. Вещи посыпались на пол.

— Игнаддио!

Он кое-как удержал несколько картин, наклонился за упавшими.

— Надди, зачем было сразу все тащить? Сходил бы несколько раз...

Он прижал подбородком кипу полотен.

— Да ну, возиться... Куда это положить?

— Туда. — Поднимая с пола картоны, Сааведра кивком указала на балкон, с нынешнего дня — ее ателиерро. — Вон туда, Надди, на солнышко.

Он скрылся на балконе, но Сааведра слышала его голос, приглушенный стеной.

— Так они решили, что ты Одаренная, да? Такое жилье кому попало не дают.

Сааведра тяжело вздохнула. Он знает. Все знают.

— Эйха, что тебе сказать? — Она бегло просмотрела картоны — наброски, которые намеревалась в будущем перенести на дерево или холст, — и, стараясь не задеть за дверные косяки, встала. — Будь это правдой, ты бы все равно не поверил.

— Так, значит, нет? — Он все еще был на балконе, Сааведра слышала позвякиванье бутылок, погромыхиванье чего-то еще. — Мы с тобой самая близкая родня, с этим очень-то не поспоришь, верно? Я надеюсь стать Верховным иллюстратором. — Голос теперь звучал громче и отчетливее; стройный, но болезненный на вид отрок с неухоженными черными кудряшками, спадающими на оленьи глаза, задержался в дверном проеме. — Ну скажи, почему тебе так повезло, а? Подружка герцога и вдобавок иллюстратор. — Игнаддио с ухмылкой проскакал мимо нее на одной ноге, болтая второй, и исчез в гостиной. — И как тебя будут теперь называть? Уж конечно, не господином иллюстратором. Эйха, Ведра, если хочешь удержать герцога, лучше поучись всяким любовным штучкам. А то живописью он вряд ли сильно интересуется.

С лестничного марша донеслось хихиканье и шлепанье подошв — Игнаддио отправился за новой охапкой ее вещей. Но Сааведра все равно ответила:

— Он знает, что я хороший художник. — И тут же поправилась: — Говорит, что знает. Может, это просто комплимент. — В другое время скабрезные шутки племянника, наверное, уязвили бы ее, но сейчас она была слишком счастлива, чтобы обижаться.

— Надди... — повысила она голос, хоть и знала, что он не сможет или не захочет услышать. — Советую учиться не только ремеслу, но и культурной речи, а то тебя назовут Неоссо Иррадо.

— А почему бы и нет? — Он возвращался, держа под мышками сразу несколько зачехленных картин. — Последний, кто носил это прозвище, стал Верховным иллюстратором. — Ухмылка сразу исчезла — не до нее, когда громоздкие, тяжелые картины вот-вот полетят на пол. — Может, и я...

— Игнаддио! — Сааведра пришла в ужас. — Матра, ты их таскаешь, как дрова! Надди, да разве так можно? — Она подхватила картину и аккуратно уложила на кипу. — Осторожнее надо, кабесса бизила! — Она бережно поправила парчу. — Остальные клади на кровать. Порознь! Чтобы видно было, если какая повреждена. Надди! Ну, что же ты?

Он сразу надулся — в тринадцать лет дети обижаются легко.

— Они уже высохли. Почти не пахнут.

— Что ты понимаешь! — Она прислонила к стене спасенную картину, опустилась перед ней на колени, осмотрела, не пострадала ли. — Кабесса бизила! Разве может так поступать будущий иллюстратор? — Она нахмурилась. — Это не моя...

— Это моя. — Волнение. Растущая надежда.

— Но... — Не поднимаясь с колен, она взглянула на него. Заметила бледное лицо, закушенную нижнюю губу, пальцы, вцепившиеся в старенькую, грязную блузу. — Почему?

И тут из него вырвалось:

— Потому что ты хороший мастер. Все так говорят.

Это было неожиданно, а потому приятно вдвойне. Она рассмеялась.

— Что, так-таки и все?

— Муалимы. И кое-кто из эстудо. — Он скривил свой подвижный рот. — А я хороший художник?

— Эйха, конечно, ты... — Сааведра осеклась. Совсем не обязательно говорить ему правду, лучше сказать то, что он хочет услышать. — Может, обсудим твою работу?

— Матра Дольча! Нет! — Он тут же передумал. — То есть... — Он уставился в пол; казалось, блуза вот-вот затрещит по швам. — Я боюсь. Посмотри ее, граццо, только не говори сразу. Попозже, ладно?

— Кордо. — Ей был знаком этот страх. Она аккуратно закрыла картину тканью. — Но все-таки должна кое-что сказать: чтобы привлечь внимание к своей картине, вовсе не обязательно ее портить.

Заметно приободрясь, он подбежал к кровати, одну за другой освободил разложенные на ней картины от парчи.

— Вот эта цела — я был осторожен. И эта... фильхо до'канна!

— Надди! Не забывай о компордотте, граццо. Если всерьез мечтаешь стать Верховным иллюстратором...

— Что это? — Его голос дрожал от волнения. — Ведра, когда ты ее написала?

— Почем я знаю? Мне отсюда не видно. — Она отряхнула юбки от пыли, подошла к кровати. — Которая? — Она умолкла и застыла на месте.

Изумленный взгляд Игнаддио переместился с картины на ее лицо.

— Ведра, я и не знал, что ты такой хороший мастер.

— Но... — с хрипом вырвалось из ее горла, — ...это же ужасно!

Игнаддио энергично замотал головой.

— Это просто здорово!

— Нет! Нет! — Сааведра замахала на него руками, чтобы молчал. — Где ты ее взял? Она не моя.

Он пожал узкими плечами, не сводя с картины восхищенный взор.

— В мастерской.

— В чьей?

— Ну, в той, куда мы перетащили все картины, которые надо отвозить. — Ему это было неинтересно. Перевозка картин — обычное дело для семьи художников, написавших несметное множество копий. — Ведра, а тебе здорово удались корявые руки. И складки на лице... Это от боли?

— Надди! — Она хотела сказать, что это ужасное полотно не заслуживает похвалы, но промолчала. Создавший его художник не просто талантлив, подумала она. Гениален.

— Кто это? — спросил Игнаддио. — И почему захотел, чтобы его написали таким?

Он был юн, но уже понимал, что порой тщеславие одерживает верх над правдолюбием.

— Я не знаю, кто это... — Это была ложь. Она узнала. — Фильхо до'канна! — Она упала на колени, а Надди расхохотался — ругательство привело его в восторг. — О Матра, Пресвятая Матра...

— Ведра, кто это?

Она поцеловала кончики пальцев, прижала их к сердцу.

— Номмо Матра эй Фильхо, не смей! Не смей этого делать...

В ушах настойчиво звучал вопросительный мальчишеский дискант, а по коже ползли мурашки. Дрожащая рука — чья? неужели ее? — дотянулась до парчи, закрыла картину.

— Надди...

— Ведра, чья это работа?

— Нет. — Ее рука легла на плечо мальчика, крепко сжала. — Нет, Надди. Не важно. — Сааведра с трудом встала, повела его к отворенной двери. — Ступай. Ты мне нынче хорошо помог, спасибо... Иди во двор, поиграй с ребятами.

Он упирался.

— Но я должен знать...

— Нет.

«Ты не должен этого знать. Никто не должен этого знать».

— Надди, ступай.

— Но...

— До'нада, — строго произнесла она. — Игнаддио, это все ерунда. Дурацкий шарж.

— Но...

Она вытолкала его, хлопнула дверью, привалилась к ней спиной. Филенки пропустили последний жалобный вопрос; не дождавшись отклика, Игнаддио ушел.

Дрожа, Сааведра оттолкнулась от двери, выпрямилась. Подошла к кровати. Коснулась парчи, обнажила изуродованные руки, искаженное мукой лицо Сарагосы Серрано.

Она уже видела эту картину. В ателиерро Сарио. Вспомнила, как спрашивала о бордюре и критиковала его за искусственность... С тех пор он не пишет картин без бордюров.

«Он ее оставил здесь нарочно. Хотел, чтобы я увидела и поняла».

Желудок сжался в тугой комок. Сааведра повернулась спиной к картине, опустилась на пол, царапая спину о раму кровати.

«Я всегда была его наперсницей, всегда понимала, как ему необходимо выражать свой Дар. А теперь он мне напоминает, что мы с детства были заодно».

Она сидела на голых каменных плитах, невидяще глядя в стену. Ее тошнило, по щекам катились слезы, а в сердце разрастался страх.

Страх перед грозной Луса до'Орро Сарио Грихальвы, Верховного иллюстратора.

22

Он растрачивал себя с таким пылом, словно впервые в жизни оказался в постели с женщиной. Спешил, выжимал все соки из тела и души. А потом лежал неподвижно, как скрученная влажная простыня. Не в силах был даже пошевелиться. И не чувствовал ни малейшего удовлетворения, только опустошенность.

Женщина под ним не протестовала. Негромко, с придыханием смеялась, что-то шептала про меч, которому явно пришлись впору ножны. Он молчал, не вникал. Пускай льстит себе, пускай верит, что насытила, ублажила его.

Потом он сполз с нее, ощутив скользкую плоть, прилипшую к его телу, и вдруг понял, что совершенно напрасно отдал свои силы, свое семя. Растранжирил сокровище, для которого мог найти гораздо лучшее применение.

Он отодвинулся от женщины, высвободился из скрученных, спутанных простыней и одеял, встал, выпрямился. На коже сох пот. Он не стыдился своей наготы. Женщина повернулась к нему, оперлась локтем на подушку.

— Уходи, — сказал он. — Адеко.

Этого она никак не ожидала.

— Но...

— Ты получила все, что я мог тебе дать. Что осталось, то — мое. И уж я найду способ потратить это более толково.

Недоумение перешло в злость. Она откинула бельс и вскочила с кровати; она тоже не стыдилась своей наготы. С ее уст сорвалось привычное ругательство, и он рассмеялся.

— Мальчики? Ты о них? — Она потянулась за исподним, натянула через голову просторную рубашку, одернула на пышной груди и крутых бедрах. — Мальчик после девочки, как сладкое вино после кислого. Да?

Он промолчал, глядя, как меняется ее лицо. Ему еще не доводилось видеть такие мины: презрение, унижение, с трудом сдерживаемая ярость — все вперемешку.

«Надо бы запомнить... Пригодится».

Женщина прошлась злым шепотком насчет его внешности, мужских способностей, навыков любовной игры. Он молчал, дивясь ее обширному запасу ругательств; неудержимо расползалась ухмылка. Женщину это привело в бешенство, и на прощание она с такой силой хлопнула дверью, что он испугался, не треснул ли косяк.

Ушла. Но остались следы: густой аромат дешевых духов (настой фиалок на масле; масло уже прогоркло), запах пота и зря потраченного семени. Сарио не спешил одеваться. Он смотрел на кровать и размышлял. В том, что он — мужчина, не было сомнений. Но и в том, что на свете есть кое-что поважнее мимолетных радостей совокупления, он тоже был уверен.

«Мимолетная радость... Как она не похожа на радость творчества, которой мы живем и дышим, которая всегда с нами? Как часто мы убеждаемся, что этот преходящий миг плотского наслаждения никогда не станет живее, реальнее наслаждения, даруемого искусством? Ибо подлинное наслаждение — не от тела, а от разума; над ним не властны такие пошлые явления, как усталость, или пресыщенность, или неспособность в иных обстоятельствах поднять свой ненадежный меч».

Сарио улыбнулся. Грош цена этому мечу. Он стареет, слабеет, вянет. Зато нельзя ни сломать, ни согнуть меч истинного творения. Меч власти. Тот, что существует под разными названиями, под разными личинами. Кита'аб. Он же — Фолио.

Как и большинство городов, Мейа-Суэрта когда-то была крошечным поселением. С тех пор она изрядно расползлась и отрастила длинные щупальца пригородов; им было мало сочной зелени долины, они взбирались на отроги высоких холмов и дотягивались до топких низин. За крепостной стеной лежал сплошной ковер виноградников, садов и хижин, где обитали те, кто предпочитал городской духоте и сутолоке глушь и болотную сырость. Впрочем, от сырости страдали и горожане, особенно Грихальва, — она их пронимала буквально до костей.

Раймон остановился возле стены из белого известняка, неторопливо скользнул по ней взглядом, отметил знакомые бреши — время и сырость разрушают не только кости, но и камень.

Вдоль гряды холмов и параллельно друг другу извивались

каменные ограды, отделяя виноградник от виноградника, сад от сада, чтобы виноград и олива не угнетали друг друга, чтобы цитрусовые не забирались на чужую территорию.

Он поднялся на гребень низкого холма, любуясь роскошным золотисто-розовым закатом, так и умолявшим вернуться за мольбертом и палитрой.

В душе поднимались беспокойство и волнение. Клочок бумаги с торопливыми каракулями ничего не объяснил, лишь потребовал безотлагательно прийти на этот холм. Записка была не от иллюстратора — Раймон не увидел на ней оттиска Золотого Ключа. Но тот, кто ее послал, хорошо знал его.

Когда она пришла со стороны города, приподнимая юбки, чтобы не спотыкаться, Раймон опешил. Почему-то он ожидал мужчину, а появилась она, из угловатого, неловкого подростка выросшая в знойную красавицу; в ее облике объединились лучшие тза'абские и тайра-виртские черты. Раймон недоумевал, почему он раньше этого не заметил; только теперь он догадался, что в этой девушке привлекло Алехандро до'Верраду.

«Наверное, все дело в том, что она намного моложе меня».

Впрочем, что такое молодость? Кратчайший миг, за которым следует преждевременная смерть, если ты Одаренный. Скорее всего, именно эта мысль когда-то испугала его, и он простился с чаяниями молодости и посвятил себя семье, компордотте, Вьехос Фратос, Сарио.

А может, дело в слепоте. В дурацкой слепоте.

Раймон улыбнулся. Душа ее прекрасна, он это понял уже давно. Отрадно видеть, что и тело под стать душе.

Она не улыбнулась в ответ. Взобралась на гребень холма, повернулась к нему и застыла в такой напряженной позе, что он забеспокоился, как бы не потеряла равновесие и не упала.

— Ты знаешь, что он сделал? Ты знаешь, кто он?

Радости как не бывало. Он открыл было рот, чтобы спросить: «Ты о ком?» — но не спросил. Догадался.

«Пресвятая Матерь... неужели все знают, что я сделал?»

От ходьбы и ветра ее щеки раскраснелись.

— Можешь его остановить?

Его это ввергло в замешательство.

— Остановить? Зачем? Мы же столько лет трудились, чтобы это место досталось семье Грихальва.

Она тряхнула головой. Непрочный узел на затылке распустился, густые пряди рассыпались по плечам.

— Он уже не Грихальва. Он... — Она подумала и беспомощно развела руками. — Больше, чем Грихальва. Меньше, чем Грихальва. Он другой.

Раймон резко отвернулся от нее и устремил взор над террасами с виноградниками и фруктовыми садами к темному пятну болота. Если верить Дэво, именно оттуда исходит пагуба — проклятие их рода, костная лихорадка, от которой распухают и

невыносимо болят конечности в суставах. Хворь, превращающая мастеров в беспомощных калек.

«Не она ли убивает нас молодыми? Какой-нибудь яд в крови?»

— Что ты будешь делать? — спросила она. — Что ты можешь сделать?

«Или все дело в красках, которые мы добываем на болоте, а потом смешиваем с выделениями тел, чтобы писать пейнтраддо?»

— Нельзя это так оставлять, — сказала она. — Ты должен что-нибудь сделать.

Он ответил, не поворачиваясь к ней:

— Я уже кое-что сделал. Я помог сотворить его.

— Ты? Нет! — Шурша юбками, она прошла по траве, чтобы встать перед ним. — Ты не меньше других заботишься о соблюдении компордотты... Ты хоть знаешь правду обо всем этом? О нем?

— О том, что он намного способнее остальных иллюстраторов? Эйха, знаю.

— Давно?

Он посмотрел ей в лицо, в гневные, но испуганные глаза.

— С самого начала.

— Меня не устраивает такой ответ. — По ее безупречно чистой коже разливался румянец. — Ты не мог этого знать с самого начала. Иначе Сарио ни за что бы не стал Вьехо Фрато, а если бы и стал, не отделался бы «наименьшей карой». — Румянец сгущался. — Я помню Томаса. А ты помнишь Томаса? Как он умер?

Испуганный не меньше, чем она, Раймон схватил ее за руку.

— Сааведра, что еще ты знаешь? Что еще Сарио рассказал о нас?

— О вас? — Она покачала головой. — Иль сангво, он не нарушал клятв. У иллюстраторов нет от меня секретов, ведь мы все — Грихальва...

«Она слишком много знает».

Он сильнее сжал ее руку.

— Я не об этом спрашивал. И жду совсем не такого ответа.

— Но и ты мне не ответил, — огрызнулась она. — Сангво Раймон, ты сказал, что помог его сотворить. Ты хоть понимаешь, что наделал?

— Выпустил его из-под своей власти, — сознался он. — А была ли она, эта власть? — В пальцах закололо, он резко разжал их, отпустил ее руку. — Наверное, в его душе скрыто много такого, о чем я даже не подозревал.

Приподнялись изящные брови.

— И ты об этом никому не рассказывал?

Ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Лучше спроси, о чем я рассказывал.

С ее лица исчезли краски.

— Тогда он и впрямь выглядел подходящим кандидатом. О Пресвятая Матерь! Ты его поддержал! Эн верро, ты его сотворил. — Ветер раскачивал ее серьги. — Он сказал, что верит лишь одному человеку. Тому, кто верит в него.

— Да, я верил, что он нам подходит. Верил, что обязательно надо дать ему шанс.

— Зачем?

В нем поднялась злость.

— Затем, что один из нас должен был стать Верховным иллюстратором!

От этого крика, полного ярости и отчаяния, она содрогнулась.

— Но разве так необходимо, чтобы Грихальва вернули утраченное именно сейчас?

— Да.

— Любой ценой?

Он рывком вытянул перед собой руку, показал пальцы — они уже теряли форму, слабели.

— Сааведра, ты знаешь цену! Мы платим своими костями. И недалек тот день, когда платить будет уже нечем. Когда мы все превратимся в страшных уродов.

— Но если ты знал, что он...

Он не дал ей договорить.

— Откуда мне знать, что он затевает? Я не умею читать чужие мысли.

Она укоризненно покачала головой.

— Я — Грихальва. Мне, как и Сарио, как и тебе, с детства внушали, что наше место — рядом с герцогом...

— Рядом, — подчеркнул он.

— Да, конечно. — И тут она поняла. — Ты думаешь, Сарио этого мало?

— Ему этого достаточно.

— Но если все же...

— После того как родишь, как долго ты еще будешь писать? — отчетливо промолвил он. — Возьмешься за кисть не раньше, чем вырастишь ребенка. А если родишь второго?

Она ничего не сказала, но ответ ясно читался на бескровном лице. Недолго. Никогда.

Раймон кивнул.

— Что бы там ни было, он должен писать.

— Эн верро, — сказала она упавшим голосом. — Я знаю... Я все о нем знаю с самого детства. Видела Луса до'Орро... Только я ему верила, только я его всегда понимала. А остальные его не любили...

— Даже прозвали Неоссо Иррадо. — Он снова кивнул. — Я тоже носил эту кличку. Похоже на необходимую предпосылку, верно?

Она сразу поняла.

— Но почему же ты...

— Моему Дару нашли другое применение. Было кому это сделать.

— Как ты нашел применение Дару Сарио?

Он промолчал.

— Почему? — спросила она. — Почему он, и никто иной? Неужели не было другого подходящего кандидата в Верховные иллюстраторы?

— Это дело Вьехос Фратос, нам с тобой...

Она вежливо перебила:

— Это и мое дело. Не только Вьехос Фратос потрудились над его судьбой.

Ветер сронил волосы, сдувал с лица пряди — Раймон не мог от нее ничего скрыть.

— Потому что я так захотел.

Она съежилась.

— По-твоему, это ответ? По-твоему, это оправдание?

Он горько рассмеялся.

— Человек не всегда способен достичь своей цели. Но он может сотворить другого человека, чтобы тот пошел по его пути.

— Но...

— Бассда! — вырвалось так же неожиданно для него, как и для нее. — Я сознаю ошибку, и каюсь, и вполне представляю себе последствия. Матра эй Филько, Сааведра, может, я наивен, но вовсе не глуп. Не глух. И не слеп.

У нее в глазах набухли слезы. Потекли по щекам.

— И я, — произнесла она безжизненным голосом. — Я тоже наделала ошибок, но меньше, чем ты.

— Эйха, нам не в чем себя винить.

— Ты уверен? Я никому не рассказала о старике... О старом тза'абе, у которого учился Сарио.

— А я никому не рассказал о страницах Кита'аба, не открыл правды о нашем Фолио. — Он увидел изумление на ее лице. — Теперь ты понимаешь? Что толку признавать свою вину, стыдиться? Ошибки надо исправлять.

В ее красивом лице не было ни кровинки, кожа казалась тонким пергаментом.

— Я пришла к тебе, чтобы Вьехос Фратос поняли, кто он такой. Чтобы остановили его.

— Как?

— Пейнтраддо Чиева, — прошептала она.

— Ты хочешь, чтобы мы его убили? Изувечили?

— Нет! Святая Матерь, нет...

— Тогда чего же ты от нас требуешь, Сааведра? «Наименьшая кара» его нисколько не образумила.

— Нет, — сказала она. — Нет, это тоже не годится... — Она побледнела еще сильнее.

— Сааведра?

— Его Пейнтраддо...

— У нас. В коллекции Вьехос Фратос.

Она стиснула зубы и покачала головой.

— Нет... Нет, иль сангво, у вас только копия.

— Копия?

— Оригинал у меня. — В глазах было отчаяние. — Я согласилась его хранить.

Раймон ахнул.

— Вопреки всем правилам! Номмо Чиева до'Орро, да неужели это возможно?

— Возможно. Его Пейнтраддо у меня. — Ветер откинул ей за ухо вьющийся локон, а саму ее заставил пошатнуться. — Будет ли достаточно угрозы?

Под хрупкой оболочкой плоти были кости.

— Для Сарио? А как ты думаешь?

— Я думаю... Я думаю... — Ветер задувал под юбки, и она дрожала, но Раймон знал, что дело вовсе не в холоде. — Я думаю, его это не остановит. Он все равно сделает то, что считает нужным. Станет тем, кем хочет стать. — Слезы высохли. — Он мне так и сказал.

— Ведра.

Она ощутила внутреннюю дрожь — так к ней обращались лишь самые близкие друзья.

— Ведра, почему ты пришла ко мне?

Она судорожно сглотнула.

— Потому что боюсь. За него. Его. И потому что люблю его. — Предугадав вопрос, она замахала рукой. — Эйха, нет, совсем не так, как Алехандро... совсем не так, как женщины любят мужчин. Я не хочу за него замуж, не хочу от него детей. Ничего такого...

Она умолкла на миг, и Раймон подумал: «А Сарио признался бы в этом с такой же легкостью?»

— Это совсем по-другому, это вот здесь. — Она прижала ладонь к сердцу. — Сама не знаю, что это, только чувствую. Иль сангво, я его понимаю... вижу его свет, его огонь, верю в него... А он видит мой свет. И верит в меня, — подавленно сказала она. — Сарио всегда говорил, что у нас одна душа на двоих.

Раймон знал, в чем она сейчас нуждается, — в объятиях Алехандро, в его тепле, его любви. Ни того, ни другого, ни третьего он предложить не мог. Только искренность.

Его ладони опустились ей на плечи.

— Твоя душа принадлежит лишь тебе, — твердо произнес он. — Я не вижу в ней червоточин, не вижу хвори, отнимающей у нее силу. — Он повернул ее к виноградникам и фруктовым садам. — Посмотри на эти лозы и деревья. Им страшен ветер, морозы, нашествия насекомых. А ты сильнее их. Ты Сааведра Грихальва, у тебя редкостный талант художника, любовь герцога, а еще — душа, которую ни с кем нельзя разделить. И никто, даже Сарио, не способен погубить ее ради достижения своих целей. — Он на миг сжал ей плечи, морщась от боли в пальцах, повернул лицом к себе. — Я спросил, почему ты пришла ко мне. Боишься того, что он делает? Или того, что уже сделал?

— И того, и другого, — ответила она, когда унялся очередной порыв ветра. И рассказала о портрете изувеченного Сарагосы Серрано.

Когда она умолкла, когда поняла, что ее страх давно перерос все вообразимые пределы, сангво Раймон резко от-

вернулся. Слезы застилали глаза туманной пеленой, он не видел ни садов, ни каменных оград, ни холмов за ними.

— Сангво Раймон?

«Матра эй Фильхо, что я натворил!»

— Иль сангво?

«Вот чем обернулась моя мечта, мои замыслы...»

— Сангво Раймон... Мне невыносимо видеть, как пропадает такой талант.

Он промолчал.

— И Алехандро...

Он тебя утешает, подумал Раймон. Ты с ним делишься страхами, а взамен берешь смелость и бодрость. Ты больше не одинока.

— Я могу поговорить с Алехандро.

«Да, можешь. Тебе это гораздо проще, чем мне».

— А вам, наверное, стоит поговорить с Сарио.

Почему бы и нет? Сарио — его детище. И эта женщина — его детище, и ее страх. Он сделал намного больше, чем хотел.

«Я перестарался».

Помнится, Дэво говорил об инструменте с изъяном. Инструмент может сломаться и поранить мастера.

«Время, — сказал он себе. — Все это — чтобы выиграть время. За неимением лучшего... Будь проклята спешка! Если бы я подождал, если бы поискал другого мальчика...»

Другого мальчика не было. Раймон искал бы его до самой своей кончины.

«Я ошибся, — подумал он, — мне и исправлять».

— Сангво Раймон...

Он повернулся с широкой улыбкой. Поцеловал пальцы, прижал к груди. Затем то же самое сделал с Чиевой до'Орро.

— Номмо Матра эй Фильхо, номмо Чиева до'Орро. Мы что-нибудь придумаем.

Вместе с надеждой к ней вернулся румянец. Ветер откинул волосы с ее лица, и Раймон увидел на нем огромное облегчение. Она шепотом поблагодарила Матерь с Сыном, вполголоса — Раймона, а потом улыбнулась ветру и пошла прочь.

Раймон провожал ее взглядом.

«Я что-нибудь придумаю. Я все исправлю. Верну ее душе покой».

Пусть даже ценой собственной души.

23

Игнаддио выполнил поручение в точности: штабелями уложил картины, деревянные щиты, брусья для рам и рейки для подрамников вдоль стен нового ателиерро Сааведры; перенес в угол кипы папок, альбомов для эскизов и чистых листов картона; соорудил неприступные на вид крепости из корзин, бутылей и

ящиков на верстаке, на полу и даже единственном стуле. Сааведра, увязшая в этом беспорядке, как в трясине, не сразу заметила гостя. Лишь когда он вежливо кашлянул, она повернулась и едва не выронила ящик с кистями.

— Алехандро!

«Эйха, какой он чистенький! А я...»

Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада одарил Сааведру своей вновь обретенной коронной улыбкой; раньше кое-кто называл ее кривозубой, а теперь — чарующей.

— Вот такая ты мне нравишься больше, чем в дорогих шелках. Сразу вспоминается праздник, когда мы познакомились.

Она тоже мигом вспомнила тот день: запах олифы и растворителей от ее перепачканной одежды, краска и мел под ногтями, спутанные, мокрые кудри. И он выглядел точь-в-точь как тогда. Нарядный, опрятный, красивый.

Она подбросила ящик, перехватила поудобнее.

— Но я же грязная! В таком виде не герцогов принимать, а навоз перекидывать, или холсты красить, или кожи дубить...

Он шагнул вперед, забрал у нее ящик, опустил на пол, а потом сгреб ее в охапку. Не важно, что пыльная. Не важно, что потная.

— Грязнуля, растрепа, вся рожица в краске. — Он коснулся пятнышка на ее щеке. — А олифой-то как разит... покрепче любых духов. Все, я испачкался. Ах, какое горе! — Он поцеловал ее. Крепко.

Страсть мгновенно встретила отклик. Еще ни разу в жизни Сааведра не переживала такого сильного чувства; внезапно и неудержимо нахлынула уверенность, что на ее веку не было и не будет мига важнее, чем этот.

— Дверь... — прошептала она, щекоча дыханием ему губы.

— Заперта, — ответил он тоже шепотом.

— В соседней комнате кровать...

— Нет, — сказал он. — Здесь.

Здесь — среди холстов, горшков, бутылок, ящиков; на свободном краю ковра, возле опрокинутой корзины с мелом и раздавленной, лишившейся пера шляпы Алехандро.

Здесь.

Сарио был вынужден заказать громоздкий шкаф с выдвижными ящиками и врезанными замками; теперь в широких и неглубоких ящиках надежно хранились законченные и незаконченные работы. Хватало в его мастерской и других вместилищ для тайн: комоды, сундуки, ящики, корзины. Немало ушло времени, чтобы разобраться с вещами, выбрать то, что пригодится в первую очередь, остальное убрать подальше. И позаботиться о сохранности...

И теперь почти на всех этих шкафах, сундуках, ящиках и корзинах, и даже на горшках, бутылках и пузырьках, закупоренных с помощью воска, или пробки, или кожи, — везде письмена, не поддающиеся расшифровке. Ленточки лингвы оскурры стерегут самое важное, самое необходимое для Сарио, для его Дара.

У Грихальва есть чему поучиться. Со времен первого лингвы семья зарабатывала на жизнь не только копированием и случайными заказами, но и материалами для художественных промыслов. Сарио не хуже других умел добывать пигменты, изготавливать краски, делать бумагу, клеить кожу. Эти навыки, а также разрозненные страницы Иль-Адиба и священная реликвия Грихальва, Фолио, позволили ему частично — увы, лишь частично, — восстановить Кита'аб; теперь эта книга в кожаном переплете принадлежит только ему.

Немало времени ушло и на то, чтобы разобраться с прошлым, которое он взял с собой в будущее, из Палассо Грихальва перевез в Палассо Веррада. Ему предоставили целое крыло здания — чтобы Верховный иллюстратор ни в чем не нуждался, ни на что не отвлекался, а спокойно и сосредоточенно трудился на благо герцога, а значит, и герцогства. Разумеется, ему предложили многочисленную прислугу, но он взял только двух лакеев. Творя, он забывал обо всем на свете, даже о голоде и жажде, — чем лишний раз отрываться от дела, удобнее приказать слуге, чтобы в назначенный час явился с подносом еды.

Да, его работа требовала полной сосредоточенности, особенно лингва оскурра и бордюры; с магией шутки плохи. Иногда Сарио приводила в бешенство малая нужда. Но тут уж ничего не поделаешь, слугу вместо себя к горшку не поставишь. Хотя временами он подумывал: а нельзя ли и эту проблему устранить с помощью волшебства?

Сейчас ему горшок не требовался. Сидя на тза'абском ковре из шатра Иль-Адиба, Сарио разбирался с бумагами. Матра Дольча, сколько их тут: карты Тайра-Вирте, Пракансы, Гхийаса, Таглиса, Мерсе, Диеттро-Марейи, даже далекой северной страны Встия... Уже рябило в глазах, но Сарио упорно разглядывал, изучал, запоминал. Он теперь Верховный иллюстратор, а потому должен знать все о войнах и мирных договорах, о династических браках и обычаях правящих семей, об интересах и нравах чужеземных дворов. Помнить по именам всех королей, герцогов и принцев, а также всю их неисчислимую родню и даже наиболее близких придворных. Ведь ему предстоит помогать герцогу. Создавать новую дипломатию. Творить историю. Он должен знать все.

— Матра! — пробормотал он. — Не верю, что Сарагоса Серрано держал все это в памяти! Он ни на что не способен, кроме как рядиться в ярко-красное.

За дверью раздались шаги. Сарио намеренно не запер ее, вопреки привычке не наложил сторожевые чары. В Палассо Веррадо каждый должен убедиться, что новому Верховному иллюстратору совершенно нечего скрывать. Пусть приходят. Пусть смотрят.

— Сарагоса обречен это делать до конца своих дней, не так ли? — будничным тоном спросил вошедший. — Красный — цвет стыда, цвет пораженных костной лихорадкой рук, цвет крови, которую ему пускают чуть ли не ежедневно в надежде

исцелить от болезни, очень похожей на ту, что обычно сводит в могилу Грихальва.

Сарио не повернулся. Он узнал голос, уловил неприязнь на грани отвращения.

— Его талант давно отправился в могилу. Просто тело слишком задержалось на земле.

— Человек умирает, когда это нужно Матре. — Раймон Грихальва прошел на середину комнаты. — Или ты узурпировал ее престол?

Сарио, стоявший на коленях к нему спиной, ухмыльнулся и разгладил карты.

— Очень похоже на излюбленный довод семейки Серрано.

— Разве он не имеет под собой оснований?

«Так. Вот и началось...»

Сарио положил одну карту на другую. Гхийас покорил Диеттро-Марейю. Что тут еще? Генеалогии: сложные шпалеры и лианы рождений, смертей, бесконечные описи увековеченных на холсте событий.

— Я исполняю свой долг. Или ты забыл, что я — Вьехо Фрато?

— И?

— И? — Сарио пожал плечами, рассматривая многочисленные, кропотливой рукой изображенные «женитьбы» Бальтазара Гхийасского. Мыслимо ли, чтобы мужчина был женат столько раз? И почему у него перемерла такая уйма жен? — Вы от меня ожидали чего-то иного?

— Возможно, чего-то большего, — сказал Раймон. — Такими способностями, как у тебя, не обладает никто. Даже Вьехос Фратос.

Странно — Сарио не почувствовал сожаления. Лишь возбуждение, почти столь же мощное, как похоть.

— Раймон, неужели тебя это волнует? — Он отложил в сторону гхийасскую генеалогию, придвинул к себе кипу торговых договоров между Таглисом и Тайра-Вирте. — Или боишься, что мои способности не найдут должного применения?

Раймон промолчал.

Сарио широко улыбнулся.

«Все-таки это приятно. Это власть».

Он отодвинул бумаги, встал, стряхнул пыль с колен. Повернулся. Цепь с Чиевой блеснули в сиянии свечи. С подчеркнутым самообладанием шагнул к единственному человеку, которого уважал.

— Это ты меня сделал, — с чувством произнес он. — Граццо, давай напрямик. На что, по-твоему, я способен?

В глазах Раймона блеснул холодный огонь.

— На все.

Сарио не ожидал, что Раймон так сразу начнет рубить сплеча, и немного помолчал.

— С твоего позволения, я несколько изменю вопрос: что, по-твоему, я намерен сделать?

— Все, что тебе захочется.

Опять правда. Но Сарио и не ждал от этого человека ничего меньшего и ничего большего, просто события пустились вскачь, застигнув врасплох даже его. Да, Сарагоса должен был умереть или уйти в отставку из-за болезни, но внезапная смерть Бальтрана вызвала лавину непредвиденных событий. И, понятное дело, сангво Раймон вообразил то, чего не могли или не смели (пока) вообразить другие.

Что ж, напрямик так напрямик.

— Раймон, номмо Чиева до'Орро клянусь: я не хочу править. Ты этого боишься?

Пожилой художник покачал головой.

— Даже ты понимаешь, что узурпация верховной власти в Тайра-Вирте неизбежно приведет к гражданской войне, в которой погибнет все и вся, и ты останешься ни с чем. Разве что... — Взгляд Раймона стал колюч, как зимняя стужа. — Разве что ты служишь Тза'абу Ри.

Сарио рассмеялся.

— Да, Воины Пустыни были бы не против! А ведь такое могло случиться, старичок вполне серьезно на это рассчитывал. Но у меня другой интерес.

— И в чем же твой интерес, а, Сарио? — Раймон молча изучал выражение лица и позу собеседника. — Скажи, есть ли у тебя хоть одна цель, кроме узурпации Трона Матери?

Сарио вдруг охватило радостное возбуждение.

— Это ересь? Или шутка? Что это, Раймон. — Смеясь, Сарио воздел руки. — Моя цель — быть тем, кто я есть. Верховным иллюстратором при герцоге Тайра-Вирте.

— Зачем?

— Что значит зачем? Меня к этому готовили. Такие, как ты.

Раймон приблизился к нему.

— Не я это начал...

— Не ты? Разве? Вряд ли Отавио с Ферико ограничились бы тем, что прожгли три дырочки на моей ключице. — Сарио дотронулся до камзола. — Положа руку на сердце могу сказать с уверенностью: меня бы мучили, как Томаса, чтобы погасить непокорный огонь. — Он беспечно пожал плечами. — Я — тот, кем ты хотел меня увидеть. Мог бы стать чем-то меньшим или чем-то большим, если бы меня предоставили самому себе... Но теперь я — тот, в ком Грихальва видят своего спасителя.

— Спасителя?

— А как же? Ведь это ко мне придет герцог — вынужден будет прийти, — чтобы спокойно править, держать в узде своенравных советников, заключать выгодные сделки и договоры с соседними странами, жениться, производить наследников, жениться еще раз, если первая супруга умрет при родах... Раймон, я буду документировать жизнь страны! Писать историю нации! — Он помолчал, тщась увидеть на морщинистом лице собеседника понимание и одобрение. — Вот чем мы занимаемся. Вот в чем

наша задача. Сорвать маску с жизни, чтобы другие увидели голую правду.

— Твою правду?

— Каждый из нас пишет собственную правду. В крайнем случае искажает ее в угоду заказчикам. Чего не сделаешь ради денег!

— Ты никому не причинишь зла?

«Он боится моей власти. Боится меня».

— Никому, кроме тех, на кого укажет мой герцог.

— Сарагосе Серрано? — Отвращения в голосе Раймона было не меньше, чем иронии.

Сарио вздохнул.

— Раймон, да неужели тебе не все равно, что будет с Сарагосой Серрано? Эйха, я вижу, ты пытаешься найти доказательства тому, что я превращаюсь в чудовище... Но откуда уверенность, что это обязательно должно случиться? Раймон, я художник! Всю жизнь мечтал только об одном: писать картины!

У Раймона дрожали руки, он едва превозмогал обморочную слабость.

— Так в чем же дело? — хрипло спросил он. — Я благословил тебя. Пиши, как мы учили.

Сарио улыбнулся. «Напрямик так напрямик, — напомнил он себе. — Я не собираюсь тебя щадить».

— Но у меня было много учителей. Много муалимов. И не все они — Грихальва.

— А... помнится, ты говорил о старом тза'абе...

— Ему хотелось, чтобы я стал вторым Пророком. — Сарио усмехнулся. — Матра эй Фильхо, ну почему на свете столько охотников лепить все что им вздумается из живых людей? Раймон, я что для тебя, кусок глины? А моя голова — горшок, да? И в нем можно хранить лишь то, что изволили вложить мудрецы вроде тебя, Артурро, Отавио и Ферико? Ну конечно, ведь дети сами думать не способны. И не должны ни в коем случае! Детей надо держать в ежовых рукавицах компордотты и правил покойников...

— Покойников?

Сарио всегда злился, когда его не понимали. И выходил из себя, когда его не желали понять.

— Вьехос Фратос, — стал объяснять он, — Артурро, Отавио. Они мертвы. А другие очень скоро к ним присоединятся: Ферико, Дэво. По сути, они уже покойники — костная лихорадка убила их Дар. И ты мертвец, Раймон, хоть и протянешь еще несколько лет на этом свете. — От его спокойствия не осталось и следа, он весь обратился в ледяной гнев. — Все мы смертны, Раймон. Все, кроме Верховных иллюстраторов.

— Нет, Сарио. Верховные иллюстраторы тоже умирают. Ничто не вечно.

Сарио покачал головой.

— Кроме их работ. Раймон, скажи, кто приходит в наши Галиерры? Кто приходит узнать, кем мы были и кем стали?

Эйха, никто... К нам приходят заказать копию чужой картины. Картины, написанной Верховным иллюстратором из другой семьи. Только кисть Верховного иллюстратора бессмертна, только его полотнам обеспечена вечная слава. — Он нелегко, с присвистом вздохнул. — Вот в чем цель нашего рода. Не пристроить кого-то из рода Грихальва ко двору герцога, а украсть годы, которые украли у нас, и вложить их в наши картины... Потому что наши тела слишком ненадежные хранилища для времени. — Он протянул Раймону изящные, молодые, умелые, чувствительные руки. — Мне всего-навсего двадцать. Еще столько же лет, и я стану таким, как ты. Скажи, во что к этому времени превратятся мои руки? Художник живет, пока он способен писать. Такими руками, как у тебя, писать невозможно. Поэтому художник умирает.

— Сарио...

— Раймон, мы умрем. Все до одного. И никто нас не вспомнит. — Руки повисли плетьми. — Твой путь — путь Вьехос Фратос, а цель — лепить из живых людей художников, чьи творения их переживут. Но это не жизнь. Вернее, это фальшивая, искусственная жизнь. Вы, Вьехос Фратос, забыли, как в детстве мечтали стать бессмертными. Забыли напрочь. Ты позволил своему таланту засохнуть и теперь уверяешь себя, что такова была воля Матры эй Фильхо. А меня подобный исход не устраивает. Настоящая жизнь — это именно жизнь, вот этим-то я и собираюсь заняться. Жить. И писать. Душа умирает, когда ей незачем жить, как это сейчас происходит с тобой. Но моя душа не умрет. Я этого не допущу.

— Сарио... — В глазах Раймона стояли слезы, он в отчаянии повторил: — Ничто не вечно.

— Кроме меня, — возразил Сарио. — Я себя смешал, как мы смешиваем пигменты. Со связующими веществами... И теперь моя плоть — масло и холст, а кость — подрамник. Я не умру.

Раймон опустил голову. Кожа, совсем еще недавно молодая, свежая, казалась пергаментом, натянутым на хрупкий череп.

— Пресвятая Матерь... Матра Дольча, Матра эй Фильхо...

— Можно сколько угодно бубнить молитвы, но Матерь с Сыном тут совершенно ни при чем.

В глазах — молодых, гордых, властных, столь не похожих на лицо, — вспыхнуло пламя.

— Ты смеешь говорить это мне? Мне?

— Что значит — тебе? — Хладнокровие дрогнуло, но ему на помощь тут же пришла злость. — Раймону Грихальве? Или Вьехо Фрато?

— Тому, кто считал тебя своим другом. Поддерживал тебя. Заступался...

— Да, — возвысил голос Сарио, — я это говорю всем твоим ипостасям. Как я сказал, так и будет.

Чиева до'Орро Раймона скрылась в ладони.

— Сарио, даже на Верховного иллюстратора мы найдем управу. Если ты нас к этому вынудишь.

Сарио захохотал.

— Ты о моем Пейнтраддо?

Только на один кратчайший миг в глазах Раймона блеснуло торжество.

— Ты позаботился о том, чтобы нам досталась бесполезная копия. Но у Сааведры есть оригинал.

— Да? — с ледяным спокойствием произнес Сарио. — В самом деле?

Настал момент истины: голой, горькой, страшной. Раймон содрогнулся, с ужасом глядя на Верховного иллюстратора. Никто из них не знал этого человека. Никто. Ни один мужчина. Ни одна женщина.

Сарио объяснил вкрадчивым голосом:

— Иль сангво, мы же лучшие художники в мире. Для нас копию сделать — пустяк. Две копии — пара пустяков. Три копии...

Он с головы до ног окинул взглядом единственного человека, которого любил и уважал, даже почитал, и понял, что давно перерос эту слабость. А слабостей он не терпел.

— Ты предал мою веру, — сказал он с печалью, которой вовсе не испытывал. Печаль он тоже перерос.

Раймона била дрожь.

— А ты — мою... сделав копию Пейнтраддо Чиевы... Две копии!

— Мейо фрато, как видишь, они мне сослужили добрую службу. Теперь можно спокойно писать. Теперь можно спокойно жить. — Сарио усмехнулся. — Я никогда не окажусь на месте Томаса. Я никогда не окажусь на твоем месте. И что бы вы ни вытворяли в кречетте, я для вас недосягаем.

— Это наш путь, мы... — Раймон умолк. Уговаривать бесполезно.

— Ваш путь безнадежно устарел. Сейчас я торю новый. Больше ни у кого нет на это смелости, сил и возможностей. — Сарио улыбнулся. — И Луса до'Орро.

24

Алехандро зашевелился, вырываясь из объятий дремоты. Под матрасом, в раме кровати, заскрипели кожаные ремни. После первого — и невероятно сладостного — любовного поединка на полу выяснилось, что к менее бурным, неторопливым ласкам обстановка не располагает — мешают россыпью лежащие рукоятки кистей, упавшая со стола кружка, угол деревянного ящика. Поэтому он в конце концов согласился перебраться на кровать. Там они снова предавались любви, но вскоре его потянуло в сон — подействовали вино, выпитое перед его приходом к Сааведре, жара и изнурительные ласки.

Сааведра язвительно заметила, что с его стороны было невежливо торопиться со сном...

И вот он снова свеж и с улыбкой вспоминает эти слова, и ему не хочется вставать или поднимать ее. Блаженный покой; его нагое бедро прижато к упругому бедру женщины, ее волосы лежат на его шее. Еще ни разу с того дня, когда пришла весть о гибели отца, у него не было так легко на душе. Впервые он мог спокойно собраться с мыслями.

Смерть. Она его сделала герцогом. Но она же отняла у него юность. Совсем недавно он считался мальчишкой, он выглядел мальчишкой рядом с отцом, хотя в его возрасте уже можно иметь собственных детей. Он и сам казался себе ребенком. И вот Бальтран ушел в мир иной, и Алехандро вступил во владение наследством. Неожиданно для себя и не желая того. Но что случилось, то случилось. По капризу Матери жизнь герцога Бальтрана оборвалась, его жена стала вдовой, дети — сиротами.

Алехандро снова упал духом, снова нахлынули печаль, тоска, чувство одиночества. Вдовствующая герцогиня не пожелала оставаться во дворце, переселилась в Каса-Варру, один из загородных особняков до'Веррада; восьмилетняя Коссимия тоже уехала, теперь она будет воспитываться при дворе Диеттро-Марейи, пока не выйдет замуж за тамошнего наследника. В Мейа-Суэрте остался только он — сын и брат; вдобавок он теперь не наследник, а герцог. Это многое меняет. На легкую жизнь — такую, как прежде, — уповать не стоит.

— Мердитто, — огорченно пробормотал он и плотнее прижался к Сааведре.

Оказывается, она тоже не спит.

— Какие думы вынуждают вашу светлость так ужасно ругаться?

Он вздохнул, тронув ее черные вьющиеся локоны.

— О женитьбе.

— Ах, вот оно что... — На миг умолкла. — Алехандро... — Тон полусерьезный-полушутливый, казалось, она сдерживает смех. — Ты уж прости меня за бестактность, граццо. Но все-таки постарайся не размышлять о столь приятных вещах в моем обществе... — Она посмотрела в его глаза. — ...И уж тем паче в моей постели.

От стыда его бросило в жар. В паху и под мышками защипало от пота.

— Мердитто! Моронно! Кабесса бизила! — Он хлопнул себя по животу и уткнулся лицом в матрас. Да можно ли быть таким безмозглым чудовищем!

Она лежала рядом с ним. И смеялась.

— Давай лучше я тебя обругаю. Ведь это мое право, верно?

— Моронно луна, — добавил он, поднимая разгоряченное лицо. — За это ты должна меня сейчас же выгнать!

— Эйха, я, конечно, могу, но мне не хочется терять тебя слишком рано. — Она провела ладонью по буграм мышц на спине — упорные тренировки с оружием превратили их в камень. —

Нет уж, я постараюсь удержать тебя как можно дольше... Аморо мейо, ты женишься, а потом...

— Еще рано. Рано. — Он сел, откинул с лица спутанные волосы, убрал и ее локоны с подушки, чтобы не потянуть случайно локтем, не причинить ей боль. — Прости, каррида... Но ведь меня и так женят, уложат в постель и одарят наследником. Не пройдет и года... Стоит ли торопить события?

— Бедный Алехандро! Я что, должна тебя пожалеть? — Она тоже села, откинула растрепанные завитки волос, прислонилась спиной к стене. Коснулась плечом его плеча, прижалась. — Лучше пожалеть женщину.

Он пристально посмотрел на нее, заметил в глазах веселые искорки.

— Канна! — воскликнул он без особого пыла. — Бессердечная, эгоистичная женщина...

— Да, бессердечная, эгоистичная, честная женщина... И к тому же знающая тебя. — Она наклонила голову, коснулась виском его скулы. — Алехандро, я знаю тебя, а еще знаю, что она будет счастлива.

В его смехе печали было не меньше, чем радости.

— Эйха, каррида... Не будь я герцогом...

— ...я бы ни за что не пустила тебя к себе в постель.

Он ухмыльнулся, но повторил:

— Не будь я герцогом...

— ...и не будь я Грихальва... — Она тяжело вздохнула, заразившись от него грустью. — Но ты — герцог, а я — Грихальва, и это лучшее, на что мы могли надеяться. И по-моему, это не так уж и плохо. Лучше, чем ничего.

Мысли бежали, как вода в порожистой речке — наталкиваясь на пренопы, кружась в водоворотах.

— Я сомневаюсь, что он ее любил...

— Ты о ком?

— О Гитанне Серрано. Сомневаюсь, что отец ее любил. Наверное, она ему просто нравилась... Давала то, что не могла дать моя матра...

— Любовницы это умеют.

— Наверное, она была ему для чего-то нужна... Для чего-то такого, что недоступно моему пониманию. Может, он стремился доказать себе... доказать, что он — настоящий мужчина. Во всех отношениях.

— Разве он не убедился в этом, когда ты появился на свет?

— Ведь он был герцогом Тайра-Вирте, а герцог должен быть настоящим мужчиной во всех отношениях. — Алехандро посмотрел на нее. — А я не хочу быть таким.

— Герцогом?

— Во всех отношениях.

— Алехандро, но ведь все герцоги таковы.

— Ведра, я на это не способен. Я совсем не такой, каким был отец.

— И меня это радует, аморо мейо. Я бы совсем не хотела спать с твоим отцом. — Она тут же смутилась, коснулась его руки. — Извини. Я забыла, что о мертвых не шутят.

— Ему все равно. — Он пожал плечами. По-прежнему на него давило горе, но теперь намного слабее благодаря ее присутствию, а еще — известию, что смерть отца была случайна. Спасибо Сарио, он доказал это, осмотрев тело герцога Бальтрана и допросив тза'абов, которые сопровождали повозку. Мертвого не оживишь, а мысли о войне повергали Алехандро в ужас. Вовсе не такого будущего желал он своей стране. — Его больше нет. Теперь я на его месте... И мне страшно.

Она положила ладонь ему на грудь — туда, где сердце, — и к тыльной стороне ладони прижалась щекой.

— В этом ты не одинок.

— Да. Грацио Матра, со мною — ты. — Он потянулся к ней губами, звучно поцеловал. Мысли снова неслись по каменистой реке, попадали в новые водовороты. — И еще один человек способен мне помочь. — Вспомнив о нем, Алехандро резко выпрямил спину, прижался лопатками к холодной стене. — Эйха, Ведра, жаль, что ты этого не видела. Как он с ними говорил, с этими задиристыми петухами! Мне бы его смелость, его выдержку! Они цедили сквозь зубы: «Грихальва» — как будто это ругательство. А он говорил: «Грихальва» — словно это высокая честь. Может, все и образуется, а? С его помощью? — Он обернулся к ней. — Ведра, ты его давно знаешь. Скажи, он всегда такой?

Она нахмурилась.

— Высокомерный? Да. Самонадеянный? Да. Уверенный, что лучше всех на свете способен помочь тому, кто нуждается в помощи? Да, да и еще раз да.

Он изобразил возмущение и хлопнул себя ладонью по груди.

— И ты себя называешь его подругой? Я уязвлен в самое сердце.

— А Сарио уязвить невозможно, — сухо сказала она.

— А может, это и к лучшему? — беспечно спросил он.

Что-то в его голосе встревожило ее.

— Алехандро, неужели это и впрямь тебя так беспокоит?

— То, что я герцог? — Он тяжело вздохнул, нервно теребя простыню. — Да. Очень.

— Но ведь у тебя есть советники. Дворяне, что служили твоему отцу.

— Дураки, — буркнул он. — Все мои советники — болваны, кроме... — Он улыбнулся уголками губ. — Кроме твоего протеже. Высокомерного, самонадеянного, уверенного в том, что он незаменим.

— Алехандро... — Голос Сааведры прозвучал странно — казалось, она хочет сказать что-то важное. Но в последний момент передумала. — Да, он высокомерен. И много мнит о себе. Но на свете нет художника талантливее Сарио.

— А коли так, мне бояться нечего, верно? Ты будешь мне советовать ночью, а Сарио — днем. С такими помощниками я не пропаду.

Она искоса посмотрела на него, озабоченно покусала нижнюю губу. А потом обеими руками взяла его кисть.

— Алехандро, обещай мне кое-что... Обещай, что останешься самим собой.

Его удивила страсть в ее голосе.

— Я вижу, тебе действительно страшно... Мне тоже не по себе. Алехандро, у тебя доброе сердце. Большое и щедрое, и ты совсем не глуп. Ты должен верить прежде всего своему сердцу, а не советникам. Не давай им помыкать собой. Всегда имей собственное мнение.

— Конечно... — Алехандро ласково улыбнулся; теперь он держал ее за руку. — Верь в меня, каррида... Да, мне нужны умные советники, но я и сам умею принимать решения.

Она вгляделась в его лицо, взвесила его слова. Затем с облегчением вздохнула и широко улыбнулась.

— Если так, все будет хорошо. Но сейчас... Только в этот раз я решаю за тебя. Алехандро, тебе пора уходить.

— Уходить? Ведра? Куда это ты собралась? — Он схватил простыню, соскользнувшую на пол, когда Сааведра вставала. — Я-то надеялся, ты покажешь кое-что из твоих работ. Ведь обещала же, эн верро!

— Эн верро. — Она нагнулась за его чулками и своей исподней сорочкой. — Как-нибудь в другой раз.

— Сааведра! — Он повысил голос, точь-в-точь как отец, когда требовал правдивых ответов. — В чем дело?

Она смотрела на него несколько мгновений.

— До'нада.

Когда она отвернулась, он свесился с постели и поймал ее руку.

— Это из-за него, да? Ты что-то скрываешь? — И тут его точно молнией ударило. — Ты с ним?..

— Нет! Никогда! — Она замотала головой. — Ни разу.

Алехандро нахмурился.

— Ты его рекомендовала, но даже без твоей протекции он был единственным подходящим кандидатом. Я это сразу понял. И все со мной согласились, кроме Серрано, но чего еще можно было от них ожидать? — Он ухмыльнулся, вспомнив их гневные протесты, и пожал плечами. — Даже если бы мы с тобой не познакомились, все равно я узнал бы его имя. Иначе и быть не могло.

— Эйха, ты прав. — На ее лице расцвела и вмиг увяла улыбка. — Ведь он одержимый. Такого огня, как в нем, нет ни у кого.

Сааведра давала ниточку, но у Алехандро не было желания тянуть за нее и распутывать клубок.

«Сейчас не время. У меня и без того забот полон рот».

— Все. — Он опять вспомнил отцовскую категоричность. — Басса. Сарио — Верховный иллюстратор, а ты — моя любовница. Просто сказка!

— Просто сказка, — уныло откликнулась она и запустила в него чулками.

Кита'аб. Фолио. Два разных слова означают одно и то же. Они означают «власть».

В кречетте горела одна свеча. Никто не предвидел, что Сарио сюда придет, а если бы и предвидел, не смог бы ему помешать. Ведь он один из них, Вьехо Фрато. А еще он — Аль-Фансихирро.

Свеча разогнала мрак по углам. Вряд ли ее слабый огонек достоин освещать страницы, которые Сарио держал в руках, — такие древние, знаменитые, красивые. Вряд ли он достоин изящной тза'абской вязи, роскошного орнаментального обрамления страниц, загадочной лингвы оскурры. Вряд ли он достоин правды, сокрытой в книге, и ответов на вопросы, не возникавшие до сего дня. Ибо вопросы не возникают, пока спит воображение.

Впрочем, огоньку свечи было все равно. Он просто делал свое дело. Как умел.

Сарио был мрачен. Ему лгали. Лгали те, кто его поддерживал. Положа руку на сердце следовало бы возразить: они и сами не понимали, что лгут, они просто хранили верность традициям рода Грихальва — традициям, уходящим корнями к тза'абским ритуалам. Но он не испытывал желания класть руку на сердце и возражать. Ложь — это ложь. Ее ничем нельзя оправдать.

Сколько ему еще учиться... Почти двадцать лет его учила семья, два года — старый эстранхиеро. Иль-Адиб отдал ему все что мог: ключ к могуществу, к волшебной силе Тза'аба Ри, столь великой, что даже спустя десятки лет после того как Верро Грихальва захватил Кита'аб, она заставила старого фанатика затаиться в стане врага и ждать, когда на свет появится сосуд из плоти — вместилище для древних тайн.

Сарио стиснул зубы.

«Почему никто не хочет, чтобы я был самим собой? Почему никто не признает, что я стал тем, кем всегда хотел быть?»

Не герцогом. Не Вьехо Фрато. Даже не Премио Фрато. Всего лишь художником. Верховным иллюстратором, способным добиться, чтобы весь мир признал его Дар.

Но есть и другой способ попрать смерть. Да, задуманное исполнится — его шедевры будут жить в веках. Но ведь и бессмертие тела — в его власти.

Дрожь со стиснутых челюстей перешла на шею и плечи.

«Моронно, безропотные овцы... Молятся Матери, благодарят за щедрость и благословение, а того не ведают, что она давным-давно повернулась к ним священным задом. Тело умирает в пятьдесят, а талант в сорок — это, по-вашему, щедрость?»

Его таланту, его честолюбивой натуре этого мало. В нем еще слишком ярок огонь, слишком велик неизбывный Дар. Впереди всего двадцать лет творческой жизни — это ничто, за

такой срок Сарио не создаст и сотой доли того, на что способен. Ему нужно время.

Ему нужна молодость.

В сиянии свечи расплывались изукрашенные страницы. Взор его был недвижим. Блеск позолоты сливался с Луса до'Орро — золотым светом воображения.

— Пускай они мрут, — молвил Сарио. — Пускай к сорока превращаются в калек, а к пятидесяти — в покойников. Я буду смотреть на них и смеяться.

Он будет. Он может. Пусть в Кита'абе не хватает многих страниц, он все равно даст ответы на все вопросы, без утайки скажет, чей срок наконец-то пришел. Сарио был словно приворожен трепещущим огоньком; свет и тьма сплавлялись, пока не осталось ничего различимого, кроме позолоты на древнем пергаменте. Длинный красивый палец все еще вел по чернильному следу пера, исчезнувшего два столетия назад.

— Теперь я знаю достаточно. Это должно случиться — и это случится.

Случится то, о чем он мечтал с детства, о чем молился Матери, что много раз обещал Сааведре и даже один раз Раймону. Улыбка превратилась в оскал; раздался смех. Впервые в жизни Сарио подумал, что Верро Грихальва, пожалуй, и в самом деле герой. И мысленно поблагодарил покойника за ответы на вопросы, до которых Сарио додумался только сегодня.

Он задул свечу. В последний раз слабо блеснула позолота. Золото. Власть.

«Это должно случиться — и это случится».

Он одиноко бродил по городским улицам. Не сторонился теней и сумрачных переулков, откуда в любой момент мог выскочить лиходей с ножом.

«Пусть выскакивает, пусть нападает. Мне все равно».

Раймон был ко всему безучастен, и потому никто не выскакивал из темноты, никто не нападал. Звучали крадущиеся шаги, приближались, удалялись. Беззащитного художника не трогали, позволяли бродить по грязным улицам в поисках смерти.

Но смерть избегала его.

Наконец он вышел из трущоб в охраняемые кварталы; правда, и здесь можно было встретить разбойника, готового рискнуть головой ради богатой добычи. Здесь горели фонари, вся мостовая была в пятнах желтого света, как в пивных брызгах. До самой санктии.

Он увяз в желтом сиянии, как насекомое в древесной смоле. Возникла нелепая мысль: «Из древесной смолы делают связующий порошок для красок, а вдруг и меня растолкут и я попаду в краску, а потом — на картину?» Он улыбнулся. Человек — это краска, талантливый, честолюбивый художник может взять Раймона и нанести на холст...

Как он поступил с Сарио.

Мигом вернулось раскаяние, бросилось на совесть, как хищный ящер на беззащитную добычу. Как Сарио набрасывался на протесты иль сангво.

Иль сангво. Что это, если не пустой звук?

Титул. Да, его семье, обществу, созданному и оберегаемому людьми, к которым он причислял и себя, необходима искусственная система управления, жестко регламентированная компордотта. Мир творчества так огромен, в нем столько соблазнов, что без сознательного самоограничения, без суровой дисциплины художник способен создать один лишь хаос. Искусство ради искусства — химера, оно не дает никакой практической пользы. Оно не ставит перед творцом целей, не питает его честолюбия, не поддерживает в нем Луса до'Орро, внутренний огонь. Искусство, предоставленное самому себе, обречено на невостребованность, распад, смерть. Как бы ни был велик талант, без самовыражения, без признания он угасает.

Умереть молодым, оставив штабеля шедевров в пыльном, запертом ателиерро? Воистину страшнее судьбы для художника не придумаешь. Сарио бросил вызов року, и если он намерен одолеть старое проклятие рода Грихальва, то вправе ли Раймон его винить?

Наверное, вправе. Но не в силах. И за это он должен понести наказание.

Мерцали фонари. Раймон направился к санктии — он мечтал о пристанище, исповеди, понимании, отпущении греха. Либо его примут, как любого жаждущего утешения, либо отвергнут — как Грихальву, неприкасаемого.

Ступив на порог, он спрятал в кулаке Чиеву и подумал, не сунуть ли ее за пазуху — тогда священник, будь он новициато, инитиато, санкто или даже Премио Санкто, не заподозрит, что перед ним...

Грихальва.

Тза'аб.

Чи'патро.

Но ключ остался висеть поверх камзола, ловить отсветы фонарей. Негоже прятать от людских глаз свою сущность.

Он был тронут до слез, когда из сумрака навстречу вышел санкто, заметил Золотой Ключ, понял, кто пришел к нему, и улыбнулся. И радушно протянул руку.

25

От него крепко пахло потом. Только что он фехтовал на внутреннем дворе, охаживал партнера лоснящимся от старости боевым посохом и получал сдачи. Пока слуга занимался камзолом, он оставался в свободной рубашке из тонкого батиста — грязной, мокрой от пота, с развязанными шнурками ворота. Шнурки болтались, батист лип к груди и спине, рукава были закатаны по локти, покрытые синяками и ссадинами. Чулки спустились, обна-

жив разбитые в кровь колени. Алехандро успел лишь ополоснуть лицо дождевой водой из бочки, но его мечтам о горячей ванне, снимающей усталость и боль ушибов, не суждено было сбыться — словно из-под земли возник секретарь. В руке у Мартайна было письмо, лицо ровным счетом ничего не выражало. Это сразу вызвало у герцога тревогу; она усугубилась, когда он пробежал глазами текст.

Прямо со двора Алехандро отправился в ателиерро своего Верховного иллюстратора, расположился на краешке кресла, упер локти в мускулистые бедра, а широко расставленные ступни — в ковер. Затекшие пальцы пробороздили мокрую шевелюру.

Умный и надменный молодой человек, выглядевший намного старше герцога, не был склонен разделить его тревогу. Алехандро даже засомневался, способен ли Верховный иллюстратор испытывать волнение.

Он поднял голову, сердито взглянул на собеседника, непослушными пальцами откинул волосы с лица.

— Ты, конечно, все понял, — проворчал он. — Или нет?

Сарио Грихальва, стоящий у мольберта в картинной позе, приподнял бровь.

— Как сказать, — задумчиво произнес он. — Эн верро, я вижу, вы расстроены... Несомненно, ваши чувства — ваше личное дело, меня это никоим образом не касается, но все-таки... стоит ли огорчаться из-за такой безделицы?

Алехандро помрачнел еще больше.

— Я от тебя ждал других слов.

Прядь черных волос, выбившихся из-под кожаной повязки, изогнулась вороньим крылом, повторила линию подбородка.

— Потому что я ваш слуга? — поинтересовался Верховный иллюстратор.

Алехандро раздраженно мотнул головой.

— Потому что ты неравнодушен к судьбе Сааведры. — Помолчав, он добавил: — По крайней мере меня подвели к этой мысли.

— Вы правы, я неравнодушен к ее судьбе. И поверьте, разделил бы вашу тревогу, если бы верил, что ей грозит опасность. — Грихальва целиком сосредоточил внимание на своей картине, наконец вновь обернулся к герцогу. — Но опасности нет, а потому я не вижу смысла беспокоиться.

Алехандро вскочил с кресла.

— Фильхо до'канна! По-твоему, это пустяки?

Грихальва обдумал его слова, положил палитру и устроился в кресле напротив рассерженного герцога.

Он тоже выглядел буднично. Одежда поношенная, но удобная, испачкается — не жаль. Она и была испачкана: краской от Сарио пахло не слабее, чем от Алехандро — потом.

— Разве вам не служит утешением мысль, что король Пракансы счел вас вполне достойным принцессы?

— Да, сватовство прошло успешно, последнее дело моего отца близится к завершению. — Алехандро снова опустился в кресло, оно жалобно заскрипело. Красноречиво выражая растерянность и беспомощность, с подлокотников свесились большие кисти рук с набухшими жилами. — Что же делать?

— Жениться, ваша светлость.

Алехандро оскалил зубы.

— А как быть с Сааведрой?

— Разве это важно?

— Для меня? А для тебя?

— Для меня? Вы ждете, что я паду ниц и зарыдаю от горя и бессилия?

Грихальва сверкнул крепкими зубами. «Лучше моих», — раздраженно подумал Алехандро.

Сарио не дал герцогу ответить.

— Ваша светлость, вы можете отказаться.

«Отказаться? Что за чушь?»

— И нанести оскорбление Пракансе? Бросить в сточную канаву все, чего добился отец? И даже развязать войну, о которой так мечтают мои конселос? Тогда почему, спрашивается, я сразу не внял их безрассудным призывам? Мердитто! Грихальва, ты ничего не понимаешь.

Грихальва изящно пожал плечами.

— В таком случае женитесь, ваша светлость.

Алехандро поерзал в кресле — его могучее телосложение не располагало к элегантным жестам. Откинул со лба сохнущие пряди.

— Эн верро, я не против брака... Я даже ничего не имею против дочки пракансийского короля, хотя ни разу с ней не встречался... Даже не видел.

— Ваша светлость, они послали портрет. Скоро он прибудет, и, вполне возможно, вы придете к выводу, что беспокоились совершенно напрасно.

— Это почему же? — Алехандро было не до вежливости, он терял терпение. — Даже если она красотка, с какой стати я должен прыгать от радости? Ведь она за меня выйдет не по любви, а только из политических соображений.

— Ваша светлость, я, как художник, имею некоторое представление о том, какие чувства способен вызвать портрет. Красивое личико на полотне избавит вас от многих тревог.

— Грихальва! Номмо Матра, мне предстоит жить с этой женщиной, а не только пялиться на ее портрет!

— Не только? А почему?

Алехандро насторожился.

— Что ты имеешь в виду?

— Всего лишь то, что многие мужья навещают жен не слишком часто и только ради продолжения рода.

Алехандро об этом знал. Он хорошо помнил, как мать, готовясь к торжеству наречения его малютки-сестры, с горечью и злостью говорила фрейлинам о Гитанне Серрано.

Воспоминания заставили его поежиться.

— По-твоему, это честно? Этак все мужчины обзаведутся любовницами, а с женами будут только делать детей.

— Нечестно, ваша светлость? — Верховный иллюстратор демонстративно нахмурился. — По отношению к кому?

— К женщине! Мердитто, Грихальва... Когда муж шляется где хочет, спит с другой... По-твоему, это не оскорбляет жену?

Сарио задал встречный вопрос — совершенно бесстрастный, если не считать толики праздного любопытства:

— Так вашей светлости угодно отправить Сааведру в отставку? Подарить ей усадьбу в далеком захолустье, как поступил с Гитанной Серрано покойный герцог?

Это было уже слишком. Алехандро вскочил, побелев от гнева. Кресло заскользило прочь по каменным плитам и едва не упало, наткнувшись на край ковра.

— Именем Матери, Грихальва!

И замер.

«Матра Дольча, что же это я делаю? Позорю невесту тем, что люблю содержанку, или оскорбляю Сааведру? И выставляю себя полнейшим ничтожеством?»

— Итак? — Грихальва ссутулился, положил ногу на ногу и опустил подбородок на сцепленные кисти. — Ваша светлость, чем могу служить?

— Чем тут услужишь?

— Ну, хороший помощник всегда что-нибудь придумает. Ведь вы меня выбрали в помощники, не правда ли, ваша светлость?

— Да, но... — Алехандро нахмурился. — Что ты предлагаешь?

Грихальва тихо рассмеялся.

— Писать.

— А толку? Да, я знаю, ты талантливый иллюстратор, но что ты можешь сделать в этой ситуации? Нарисовать, как я милуюсь с Сааведрой и с девчонкой из Пракансы?

Художник обдумал эту идею.

— Если пожелаете.

— Мердитто! Хватит надо мной издеваться! От такой картины проку не будет.

— В таком случае, могу предложить иной вариант.

— Какой вариант? Что еще за вариант? Может, напишешь, как эта женщина смиряется с тем, что у меня есть любовница? Эйха, я знаю, у отца было несколько любовниц, но еще я знаю, как это бесило мою мать! Или собираешься сделать так, чтобы Сааведра была со мной до гробовой доски? Так вот, художник, знай: эта задача тебе не по силам.

— Ваша светлость, нам по силам гораздо больше, чем вы себе представляете. Мы не просто художники — мы еще и пророки. — На его лице появилась странная улыбка и исчезла прежде, чем Алехандро успел ее разгадать. — Мы пишем правду. Мы пишем ложь. Мужчину изображаем солидным, женщину — краси-

вой, чтобы подходили друг другу. Бывает, мы пишем супругов, живущих в вечной ссоре, но, запечатлевая на полотне любовь, уважение, достоинство, мы показываем, какими эти супруги были десять или двадцать лет назад. И они вспоминают. Мы льстим, ваша светлость. Мы покорно выслушиваем указания: с чего начать, как продолжать, чем закончить. Мы переделываем, исправляем, улучшаем. Мы — творцы. Мир становится таким, каким мы его видим. — Он чуть приподнял плечо. — В портрет, который отправился в Пракансу, вложены частицы сердца и души преданной вам женщины, ее любовь. Никто другой не добился бы столь полного сходства, не явил бы вас таким, каким видит вас она... и каким увидела вас пракансийская принцесса.

— Тогда напиши для меня Сааведру, — вырвалось у Алехандро. — Так, как ты сказал: вложив любовь, сердце и душу. Чтобы я ее никогда не потерял.

На миг Верховному иллюстратору изменило самообладание.

— Ваша светлость, для этого необходимо...

— ...чтобы художник любил Сааведру. — Алехандро не улыбался. — Значит, я не прошу ничего невозможного, не так ли?

Грихальва стал белым, словно новое полотно. В глазах отразилась сложная гамма чувств: холодный гнев, враждебность, ощущение громадной потери. А еще — ревность.

Алехандро шагнул вперед и остановился рядом с Верховным иллюстратором. Посмотрел в лицо, не закрытое маской надменности, в горящие глаза одержимого.

— Она говорила, ты лучше всех способен помочь тому, кто нуждается в помощи. Надеюсь, ты согласен, что мне сейчас необходима помощь. Надеюсь, ты выполнишь мое поручение, покажешь, на что способен.

Нисколько не мешкая, Грихальва снова взялся за кисть. Его рука не дрожала.

— Хорошо, ваша светлость, я выполню ваше поручение.

Алехандро задержался в дверях. Обернулся.

— Я ее никогда не уступлю. А ты больше никогда этого не предложишь.

— Ваша светлость, не сомневайтесь: когда я закончу работу, ни один мужчина в мире вам этого не предложит, — спокойно ответил Сарио.

Мальчик стоял на коленях перед фонтаном. В эти мгновения для него существовала только его работа; он даже не услышал и не увидел, как подошла Сааведра и застыла рядом в ожидании — как слуга, как просительница. На выветренных каменных плитах внутреннего двора лежал лист картона. В руке крошился отсыревший мел. Заблудившийся ветерок дул со стороны фонтана, увлажнял лица водяной пылью. Сааведре это было приятно, а мальчика вывело из себя.

— Фильхо до'канна! — Он схватил картон и резко повернулся спиной к фонтану, ветру и водяной пыли.

Он увидел Сааведру и густо покраснел.

— Давно тут стоишь?

— Моментита. — Она перевела взгляд со смущенного, озабоченного лица на картон. — Сарио.

Игнаддио кивнул, выпрямил спину и отвел глаза, словно боялся увидеть на ее лице неодобрение или разочарование.

Сааведра хорошенько рассмотрела набросок, оценила технику, смутные признаки зарождающегося стиля.

— Выразительное у него лицо, правда?

Игнаддио дернул плечом.

— Похоже, ты успел к нему хорошенько присмотреться.

— Да, еще до того, как он ушел к герцогу. — Проявилось нетерпение; он уже не прятал глаз. — Ты его сразу узнала?

— Конечно, со сходством полный порядок. — Она улыбнулась, заметив, что у него отлегло от сердца. — Линии тебе вполне удаются, а вот над перспективой надо еще поработать.

— Как? — Он торопливо встал, поднял картон. — Что для этого требуется?

Не обиделся и не рассердился. Только спросил, что надо сделать. Пожалуй, он способный ученик.

— Видишь вот эту линию? Угол между носом и глазом?

Он кивнул.

— Ты ее слишком аккуратно вывел, а ведь идеально симметричных лиц не бывает. Один глаз выше, другой ниже... Один посажен ближе к переносице, другой чуть дальше. — Она легонько водила по штрихам ногтем. — Видишь? Вот здесь. И здесь.

— Вижу! Эйха, Ведра, вижу! — Он затаил дыхание. — А ты покажешь, как надо?

— Показать-то можно, но толку от этого не будет. Я объяснила, как я вижу, теперь ты должен увидеть сам и исправить. — Она улыбнулась, вспомнив, что Сарио поступал как раз наоборот: не объяснял, а показывал. Раз, два, и готово.

«Нет, я буду учить по-другому. Пускай сам делает ошибки, пускай исправляет их собственной рукой».

— Надди, а еще нужно быть ненасытным... Чтобы развивать талант и совершенствовать технику, надо быть ненасытным.

— А я ненасытный! — воскликнул он. — В мире так много интересного! Только чему-то научишься, а муалимы уже тут как тут, достают из загашника что-нибудь новенькое. — Он глубоко вдохнул впалой грудью. — Ринальдо говорит, мне его никогда не догнать.

Сааведра сразу поняла, что он имеет в виду.

— У Ринальдо скоро конфирматтио?

— Через неделю. — Игнаддио посмотрел на свои испачканные мелом руки. — Через шесть дней его отправят к женщинам.

Сааведра превозмогла желание погладить его по курчавой голове. Игнаддио вот-вот станет мужчиной; в такую пору мальчишки злятся, когда женщины с ними сюсюкают.

— Скоро и твоя очередь придет, не сомневайся. Ринальдо не так уж и обогнал тебя.

Это его не утешило.

— Но ведь я старше!

— В самом деле? — Она притворилась удивленной. — А я и не знала.

Он энергично тряхнул головой.

— Да, старше. На целых два дня.

Сааведра превратила невольную усмешку в добрую улыбку — побоялась обидеть его.

— Но ведь ты наверняка кое в чем его превзошел. Как насчет красок? Перспективы?

— Нет. Ты сама только что сказала: с перспективой у меня нелады.

«Ни малейшей обиды. У него и впрямь есть задатки», — подумала Сааведра.

— И краски он лучше кладет. Но муалимы считают, что я неплохо показываю тени. — Он горделиво ухмыльнулся. — Взял за образец работу Сарио — «Катедраль Имагос Брийантос». Муалимы говорят, тени арок и колоколен ему гораздо лучше удались, чем всем остальным.

— Эйха, в искусстве Сарио достоин подражания, — согласилась она. — Но не забывай: в отличие от тебя у него всегда были проблемы с компордоттой. И какие проблемы!

Эти слова не произвели впечатления.

— Будь я таким, как он, я бы и вовсе плюнул на компордотту. И пускай муалимы что хотят со мной делают!

— Надди!

Он впился в нее молящим взглядом.

— Ведра, я хочу стать хорошим художником. Хочу стать таким, как он. Верховным иллюстратором. И служить герцогу. Разве не для этого нас учат? И разве бы ты не готовилась к этому, если б родилась мужчиной? Одаренным?

Она пошатнулась как от удара.

«Сарио уверяет, что я Одаренная».

Она закрыла глаза.

«Матра эй Фильхо, если бы я была...»

— Так кем бы ты была, а? — спросил Игнаддио. — Если б родилась мужчиной? Одаренным? И если бы у тебя был выбор?

— У меня никогда не было выбора, — уклончиво ответила она.

— И все-таки? — настаивал он.

Родись она мужчиной, Одаренным, — стала бы Высхо Фрато, управляла бы семьей, требовала соблюдения компордотты, приговаривала бы к Чиеве до'Сангва. Уничтожала бы Дар.

Однажды она помогла убить человека. Отняла жизнь.

Но разве выбор между хорошим и лучшим — это выбор?

— Бассда, — пробормотала она. — Слишком много трудных вопросов.

Игнаддио грустно вздохнул.

— Вот и муалимы так говорят.

— Говорят, потому что это правда. Эй верро. — Она указала на набросок. — Надди, закончи его. Начало хорошее. Обдумай мои замечания, попробуй взять другой ракурс и неси мне, обсудим. Хотелось бы посмотреть на готовую работу.

В его глазах был целый мир.

— Отлично! Не забудь, ты обещала!

— Успокойся, не забуду.

Игнаддио уже мчался за чистым картоном. Сааведра проводила его взглядом и улыбнулась.

— Не забуду. Ведь ты слишком похож на меня. Но у тебя гораздо больше возможностей.

И тут она поняла, что давно сделала выбор. У нее появился шанс, и она его не упустила. Талантливый художник может достичь, а может и не достичь успеха. Но если он откажется от своего шанса, никто не узнает, был ли он на самом деле талантлив.

Гений — это совсем другое, за гранью постижимого. Сарио — гений. А она — всего лишь женщина. Способная, быть может, даже талантливая, но не Одаренная.

Надо доверять Игнаддио, и тогда он будет доверять ей.

— Матра Дольча! — прошептала она. — Надди, вовсе незачем лезть из кожи вон, чтобы тебя прозвали Неоссо Иррадо. Это может получиться само собой.

26

Дверь из дранок и гипса. Два раза по четырнадцать ступенек. Крошечный чулан с косым потолком. Между потолком и полом — щель, если лечь перед ней на живот, увидишь нижнюю комнату — кречетту.

Раймон не лег на живот. Не заглянул в щель. Лишь шагнул на верхнюю ступеньку и стукнулся головой о потолок. А затем сел.

Так лучше. Наконец-то можно перевести дух.

И хуже. Придется еще и думать.

Он задумался. Сидел на краю лестницы в чулане над кречеттой, вспоминал, как однажды, много лет назад, его наказали и отправили сюда, во тьму.

Как болело обожженное запястье...

Как болела обожженная душа...

В санктии был покой. Правда, Раймон не посмел обо всем рассказать пожилому санкто, не посмел нарушить клятвы Одаренного, Вьехо Фрато, — но рассказал немало. Надо отдать священнику должное: он ни разу не выразил изумления или отвращения и не указал на порог. Дал Раймону выговориться, а после спо-

койно объяснил, что ничем не в силах помочь тому, кто недостаточно откровенен.

Недостаточно откровенен...

Дэво так не считал. Однажды в семейной молельне он заявил, что Раймон всегда был правдолюбцем. Но бывает правда и правда; даже пред светлыми образами Матры эй Фильхо Раймон не мог нарушить обет хранить тайны рода Грихальва. Хоть и была та клятва связана с именами Матери и Сына.

Значит, он снова проклят, снова осужден, снова достоин кары. А потому ничего больше не оставалось, как отсчитать два раза по четырнадцать ступенек. Во искупление вины. Как в тот раз.

Раймон закатал рукав шелкового камзола, развязал и сорвал кружевную манжету. В слабом свете, проникающем через дверной проем, шрам на запястье был незаметен. Но Раймон его увидел. Почувствовал.

«Пресвятая Матерь! Какая боль!»

Он шел по жизни, повинуясь внутреннему свету. Он и жил-то лишь ради этого света, ради своей Луса до'Орро. И был за это наказан, а также за стремление достичь запретных высот, стать не тем, кого пытались из него вылепить. И «священная кара для ослушника» не ограничилась надругательством над его Пейнтраддо и пустяковым увечьем. Она растянулась во времени. Она не закончилась до сих пор.

«Кто я? Что я? Кем я мог стать? Что мог совершить?»

Мучительные раздумья.

Это и была кара.

В сумрачном чулане над кречеттой он искал и нашел истину. Голую, горькую, страшную; по сравнению с ней любая физическая боль — ничто. Ибо физическая боль не может погасить внутренний свет художника, Луса до'Орро. На это способна лишь такая правда.

«Одаренный. Хороший художник. Но великим не стал. А значит, я плохой художник».

Эта истина уже превратила его в калеку. И сейчас добивала.

«Я знаю, кто я и что я. Но этого мало. Я мог стать всем. Я мог совершить все. Но и этого мало».

Сарио это понял давно. Сарио стал всем. Сарио совершит все.

А путь Раймона уже пройден. Окольный путь...

Вот она, голая и горькая правда: свернув с прямой дороги, он выбрал мальчика и вылепил из него мужчину, как ему казалось, по образу и подобию своему. Вдохнул в него Дар. Благословил на подвиг.

А мальчик обернулся чудовищем.

То, о чем молились Грихальва, то, к чему они стремились, нынче носит имя Сарио. Но Сарио — это и нечто большее. Это и нечто иное.

Вот она, голая, горькая, страшная истина: Фолио — это Кита'аб. А Кита'аб — это смерть.

Раймон громко смеялся в душном сумраке чулана. Смеялся до слез.

С особым пристрастием Сарио занимался интерьером. Заставил Игнаддио передвигать мебель, переносить кипы книг, размещать всякие мелочи вроде вазы с цветами, корзины с фруктами, лампы из железа и бронзы, керамического подсвечника с огарком красной свечи; велел перевесить на другую стенку гобелен, перекинуть шелковую скатерть через кресло с обивкой из велюрро и кожи и убрать со стола все, кроме бутыли и двух хрустальных стаканов, полных вина. Когда все было готово, он приказал мальчику наглухо закрыть ставни.

— Это еще зачем? — Сааведра полулежала в широком кресле, по ее плечам и груди рассыпались шелковистые локоны. — Мне казалось, ты любишь свет.

Сарио возился с мольбертом — передвигал, разворачивал, наклонял. Набросок дело серьезное, выберешь не самую удачную перспективу, будешь потом локти кусать.

— Со светом можно обождать.

— Да я не о том. Просто слишком темно, ты меня не разглядишь.

— Потом, потом. — Он лишь на миг покосился на нее. — Сейчас мне нужны тени.

Игнаддио восторженно захлопал в ладоши, Сарио посмотрел на него с любопытством.

— Одобряешь?

— Эйха, да! — Мальчишеское лицо раскраснелось от радости и смущения. — Говорят, тени тебе удаются как никому. У меня они тоже отлично получаются.

— Так-таки и отлично?

— Сарио! — Сааведра метнула в него сердитый взгляд.

Этого он не ожидал.

«Ах, вот как? Еще один беспокойный мальчишка? Теперь она его опекает?»

Он был раздосадован, но ничем этого не выдал.

— Эйха, Ведра, все мы считаем себя гениальными, но на поверку чаще всего оказываемся вполне обыкновенными.

— С чего ты взял, что он обыкновенный? — вскинулась она. — Ты не видел ни одной его работы.

— А почему я должен смотреть его работы? — Приятно было видеть, как она краснеет. — Я не муалим.

— Но ты можешь стать муалимом! — вступил в разговор мальчик. — И... и для меня была бы огромная честь...

— Ну, еще бы, — перебил Сарио. И прочитал на лице Сааведры откровенную угрозу: «Ну погоди, ты мне за это заплатишь!»

— Но я не муалим, а Верховный иллюстратор, а в таких делах Верховные иллюстраторы ничего не...

— Он знает! — рявкнула Сааведра. — Он знает, что ты — Верховный иллюстратор. Думаешь, иначе захотел бы учиться у тебя?

«Как ужасно это прозвучало! Резкий тон ей совсем не идет».

Он испытующе смотрел на нее. Пожалуй, это забавно — ей необходимо кого-нибудь опекать, не его, так другого... Этого мальчишку, которому не хочется быть обыкновенным. Сарио еще не определил, какие чувства вызвало у него это открытие.

— Я могу кое-чему научить, но не сейчас. — Сарио вновь посмотрел на мальчика, в глаза, полные надежды и волнения. — Игнаддио... Надди?

Мальчик кивнул — уменьшительное имя его вполне устраивало.

— Я согласен стать твоим муалимом, но сначала ты должен взять у других наставников все что можно. Прежде чем нарушать каноны, необходимо их изучить.

— Будто сам их когда-нибудь изучал, — пустила шпильку Сааведра.

«Кажется, мне неприятно, что она меня бросает ради другого».

Сарио неторопливо выбрал уголек, взвесил на ладони, покрутил в пальцах, удовлетворенно кивнул.

— Надди, сейчас тебе лучше уйти. Ты, наверное, уроки прогуливаешь?

— Не-а. — Мальчик победно улыбнулся. — Это и есть мой первый урок. И я не буду путаться под ногами, честное слово.

— Разве ты любишь работать, когда стоят над душой?

Улыбка сгинула.

— Нет.

— Надди, всему свое время. Сегодня будет только набросок. Вот начну писать, тогда и отвечу на все твои вопросы.

Игнаддио перевел взгляд с Сарио на Сааведру.

— Просто вы хотите спокойно поругаться, вот и гоните меня.

Чтобы не расхохотаться, Сааведра прикусила губу, а Сарио стиснул зубы и нахмурился.

— Ты прав, — коротко сказал он.

Игнаддио опешил — он не ожидал такой прямоты. Часто моргая, он повернулся и вышел со слезами на глазах. Сарио с улыбкой взглянул на Сааведру.

— Видала? Даже этот мальчишка понял, что ты вредина и злюка.

— При нем я не бываю ни врединой, ни злюкой. Разве лишь когда речь заходит о тебе...

— И часто это бывает?

— Чаще, чем хотелось бы. — Она убрала с лица непокорный локон. — Почему ты с ним так суров? Надди очень старается, хочет стать таким, как ты.

— Хочет стать мной. — Сарио вновь ухмыльнулся. — Должность Верховного иллюстратора уже не сказка. Сегодня любой мальчишка грезит о моей должности.

— Ну, и что тут плохого?

— Конечно, это вполне естественно, дети есть дети. Но они переоценивают свои способности. Отставка не входит в мои планы.

— Когда-нибудь войдет. — Она небрежно махнула рукой. — Через десять лет или пятнадцать... Начнут распухать суставы, пальцы потеряют гибкость...

— Думаешь, потеряют?

— Если только ты не раздобыл надежное лекарство от костной лихорадки. — Она ухмыльнулась. — Раздобыл?

Он тоже ухмыльнулся.

— Эйха, нет.

Она не сводила глаз с его лица.

— Странно. Ты вполне отдаешь себе отчет, что лет через двадцать обязательно потеряешь должность, которую получил с таким трудом. И при этом выглядишь совершенно спокойным.

— Ведра, двадцать лет — немалый срок.

— Кто бы говорил! Помнится, тебя всегда возмущало, что иллюстраторы к сорока годам превращаются в развалины, а к пятидесяти — в покойников.

— Мне и сейчас это не по вкусу, — согласился Сарио, — однако я могу наслаждаться всеми выгодами моего положения. — Он приблизился к ней. — Давай мы об этом побеседуем, пока ты будешь стоять... вот здесь, граццо.

Сааведра не пошевелилась.

— И все-таки зря ты так грубо вел себя с Надди.

— Не грубее, чем муалимы — со мной. Ведра, ругаться можно и стоя.

— И теперь ты решил на нем отыграться, да? Поиздеваться, как над тобой издевались?

— Вполне возможно, издевательство — всего лишь педагогический прием. Я только ненасытнее становился...

— И злее.

— Наверное, и это необходимо хорошему ученику. — Он выжидающе посмотрел на нее, но она так и не встала. Наконец он не вытерпел. — Так мы сегодня начнем или нет?

— С наброском ты и без меня справишься, — сердито сказала она. — При таком фоне я не нужна, и...

— Не пойдет, — запротестовал он. — Я не хочу ничего упустить. Ты будешь передо мной от начала и до конца.

— Зачем?

Он устало вздохнул.

— Может, мне спросить, зачем тебе нужно, чтобы Алехандро всегда был перед тобой, когда ты его пишешь?

Она стиснула зубы. На щеках выступили пунцовые пятна.

Сарио широко улыбнулся.

— Граццо. Надеюсь, теперь ты будешь позировать?

— Кажется, ты собирался ругаться?

— Кажется, мы оба собирались.

— Эйха, нет. Это был пустяк. Перестрелка. — Она говорила тише; по-видимому, уход мальчика и привычная пикировка с Сарио немного успокоили ее. — Игнаддио нужен хороший учитель. Он хочет стать хорошим мастером, только и всего.

— Ты уверена?

— У него есть способности.

— Ведра, на свете много способных детей.

— Но хорошими мастерами становятся немногие, — возразила она. — Ты тоже был одним из многих.

— Но никто из них не поднялся на мою высоту.

— Никто? — Она выразительно вскинула брови. — Я поднялась, Сарио. Правда, сейчас я немного ниже, потому что сижу. Но это поправимо.

Она дождалась ухмылки — той самой, на которую его провоцировала.

— Ты тоже была способной.

— Всего-то навсего? — Она прижала руку к сердцу и язвительно сказала: — Раньше я считала, мне еще многому надо учиться. Но раз ты говоришь, что я была способной...

— Могу предположить, что и осталась. Но ты не позволишь мне выяснить, велики ли твои способности, стоит ли тебя учить... Есть ли у тебя Дар. Хоть я и так знаю, что есть. Ты боишься.

— Бассда! — Она вскочила с кресла, шагнула к нему, остановилась перед столом. — Хватит, Сарио. Ты вбил себе в голову, что от Ведры не будет толку, потому что ее не расшевелить ни колкостями, ни лестью. Ты вбил себе в голову, что у меня есть Дар, хотя всем известно: в роду Грихальва не бывает Одаренных женщин. Я не могу прыгнуть выше головы, и не надо твердить: «Можешь, но боишься». Номмо Матра! Ты всегда был о себе высокого мнения, но это уже слишком. Сарио, ты не Сын, тебе не сидеть рядом с Матерью на Троне.

— Эн верро. Но уж коли речь зашла о троне, осмелюсь напомнить: я стою у трона герцога.

Удар попал в цель. Сарио заметил, как Сааведра съежилась, как напряглись ее плечи, как на пальцах, вцепившихся в край стола, побагровели ненакрашенные ногти.

— Вот! — воскликнул он, опередив ее на долю секунды. — Вот какой надо тебя написать! Сааведра Грихальва в бешенстве! Подруга герцога, готовая разразиться площадной бранью, испепелить глаголом дерзкого художника. Что, Ведра, разозлил я тебя все-таки, а? Думала, Сарио больше ни на что не годен, размяк в роскоши, променял талант на сытую жизнь? Думала, я уже не тот Неоссо Иррадо?

— Не тот, — произнесла она сдавленным голосом. — Ты уже совсем не тот, Сарио.

— А ты? — Он вдруг перестал улыбаться. — Разве ты — прежняя? Разве не я потерял тебя первым?

Она часто заморгала.

— Я не...

— ...понимаю? Нет, Ведра, все ты прекрасно понимаешь. Поняла и смирилась еще в тот день, когда пустила к себе в постель Алехандро до'Верраду.

Она побледнела.

— Нет! Это ты первым отвернулся от меня, когда пошел в ученики к тому мерзкому старику, эстранхиеро.

— И правильно сделал! Он меня многому научил.

— Нашел, чем хвастаться.

— А что, разве нечем? Разве я не Верховный иллюстратор?

— При чем тут... — Она умолкла. Качнулась вперед, как будто ее ударили в спину ножом. Одна рука прижалась к горлу, другая еще сильнее сжала край стола.

Сарио тоже переменился в лице. В глазах мелькнул испуг. Рот превратился в тонкую линию. В кулаке хрустнул уголек.

«Пустота. Странная пустота. Наверное, чувства нахлынут потом».

Сааведра ничего не сказала — задушила вопрос в горле. И за это Сарио был ей благодарен.

— Ну так как, — спросил он спокойно, — будем работать?

На ее лицо медленно возвращался румянец.

— А ты еще не...

— ...раздумал меня писать? Эйха, ну что ты. Это ведь для Алехандро. Воля его светлости — закон.

Рука соскользнула с горла на грудь, на живот. Да там и осталась.

— Ну... если ты считаешь, что это разумно...

— Что может быть разумного в желании мужчины обзавестись портретом своей аморы? Все дело в тщеславии, Сааведра. В психологии собственника. — Сарио порылся в корзине, выбрал новый уголек. — Адеко, Сааведра, будешь ты в конце концов позировать или нет?

27

Мартайн осторожно вынул из упаковочного ящика прямоугольный сверток, снял парчу и аккуратно поставил картину на стул.

Стул — плохая замена мольберту, но сейчас он неплохо справлялся со своей задачей, позволял Алехандро и всем остальным увидеть и оценить красоту изображенной на портрете женщины. Хотя, конечно, оценка могла быть только сугубо условной. Красота невесты — ничто по сравнению с политическими выгодами брака.

— Так-так, — подал голос записной спорщик Эдоард до'Нахерра. — В Праксе водятся настоящие милашки.

Алехандро бросил на Марчало Грандо хмурый взгляд.

«Слишком торопится с выводами».

Остальные приблизились к портрету и столь же поспешно выразили свое мнение. Все были согласны с до'Нахеррой.

— Последнее дело Бальтрана, — торжественно и во всеуслышание произнес до'Нахерра. — Последняя забота — о счастье сына и благополучии герцогства.

Кругом — понимание, согласие, одобрение. Алехандро захотелось ощериться, но он сохранил пресное, как разбавленное донельзя вино, выражение лица.

— Белиссимиа, — с восторженным придыханием вымолвил до'Нахерра, указывая на портрет.

Кругом — кивки и одобрительный шепот.

«Пресвятая Матерь, надели меня терпением...»

— Она красавица, — мрачно сказал Алехандро. — Бесспорно.

— И принцесса.

Этого говорить не стоило — до'Нахерра лишь подлил масла в костер герцогского раздражения, за что удостоился еще одного угрюмого взгляда. Тут же выяснилось, что марчало способен краснеть, смущенно кашлять и целиком сосредоточиваться на несуществующем пятнышке грязи на сапоге, начищенном до ослепительного блеска.

— И женщина.

Эти слова предназначались только для герцогских ушей. Мартайн много лет прослужил Бальтрану до'Верраде, и не раз ему приходилось выманивать из липких от сладостей пальчиков наследника письма государственной важности. Секретарь имел право на фамильярность.

На лице Алехандро появилась ухмылка, но тотчас, спохватившись, он ее превратил в ничего не значащую улыбку.

— Мы все обдумаем, — сказал он, — и решим, выгоден ли Тайра-Вирте союз с Пракансой.

— Но, ваша светлость! — До'Нахерра вмиг забыл про сапог. — Ваш отец уже все обдумал и решил! Я прекрасно помню, как мы обсуждали все выгоды этого союза.

— Вы, может, и обсуждали, а я не обсуждал. Меня даже не поставили в известность.

— Ваша светлость, но такова последняя воля вашего отца! Только ради этого союза он отправился в Пракансу и...

— И только ради этого погиб, эн верро!

Конечно, это был Риввас Серрано.

Кивки и одобрительный шепот. Алехандро стиснул зубы и поднял руку над головой. Голоса стихли; Эстеван до'Саенса, стоявший рядом с Риввасом Серрано, умолк последним.

«Надо бы их как-нибудь разлучить, — подумал Алехандро. — Как муалим разбивает компанию плохих учеников».

Он вспомнил, как непринужденно держал себя Сарио Грихальва под шквалом насмешек двадцати придворных, при этом с его лица не сходила дерзкая улыбка. Алехандро попытался скопировать эту безграничную самоуверенность.

— С того дня как умер мой отец, мир изменился...

— Эн верро! — с жаром подхватил Серрано. — Матра Дольча! Я помню, как в тот день звонили колокола. Матра Дольча, я думал, они разобьют мое сердце!

— Повторяю: мир изменился, — повысил голос Алехандро. — Не следует забывать, что подчас малейший пустяк заставляет нас в корне менять планы, чтобы приспособиться к иному положению вещей...

— Малейший пустяк?! — В жирную шею Эстевана до'Сасисы впился воротник, от чего лицо пошло уродливыми пятнами. — По-вашему, смерть Бальтрана до'Веррады — малейший пустяк?

— В мире, где Тайра-Вирте — всего лишь одна из множества стран, безусловно. Остальным герцогствам, княжествам и королевствам попросту нет дела до наших бед.

Двадцать глоток разом выпустили возглас негодования. Он предвещал катастрофу; Алехандро сразу это понял и мысленно дал себе затрещину. Краем глаза он уловил упреждающий жест Мартайна и с трудом расслабился.

«Грихальва! Мне сейчас позарез нужен Грихальва. Он бы запросто с ними справился, не то что я».

Но Верховного иллюстратора не было в зале, и новоиспеченному герцогу оставалось надеяться только на себя.

«Как бы он поступил на моем месте?»

Ответ пришел сразу. Алехандро сделал два шага к стулу с картиной.

— Вы сомневаетесь во мне? — сказал он быстро и негромко, и советникам пришлось умолкнуть, чтобы расслышать его слова. — Вы сомневаетесь в здравомыслии человека, который вынужден держать на одной чаше весов свое настоящее и будущее, а на другой — прошлое своего отца. — Он больше не сдерживал голос. — Эйха, по-моему, в этом вы не одиноки. Вполне возможно, король Праканы как раз в эту минуту тоже сомневается во мне.

Ему удалось завладеть вниманием конселос. Все они как-то упустили из виду, что успешное сватовство — это еще не женитьба.

— И, вероятно, вскоре он убедится, что его опасения не напрасны. Я совсем не такой, как мой отец, все вы это прекрасно видите и ни на миг не позволяете мне забыть об этом. Должно быть, король Праканы считает точно так же... Каким он представляет наследника своего престола? По логике вещей вполне может случиться, что я займу его трон. Или вы не допускаете этой мысли? Вам не приходит в голову, что он может отменить свое решение и потребовать, чтобы мы вернули портрет принцессы? — Его ладонь медленно опустилась на раму картины. — Вы правы, она настоящая красавица. Что, если Праканса сочтет меня недостойным этой женщины? — Он пожал плечами. — Наверное, она будет права. Грош цена герцогу, который даже в таком простом деле не может положиться на своих советников. Что уж тут говорить о таких серьезных делах, как война? — Он окинул придворных вопросительным взглядом. — Или я не прав?

Это вызвало бурю протеста: конечно, ваша светлость может на нас положиться в любом деле, конечно, король Пракансы считает вашу светлость идеальным женихом для своей дочери.

— Ваша светлость, вы их обыграли, — прошептал Мартайн.

— В самом деле? — так же тихо сказал Алехандро. — Хорошо.

Он ослепительно улыбнулся, и вмиг полегчало на душе: конселос заметно успокоились. Аналогично они реагировали на миролюбивые взоры и добродушные шутки его отца после свирепых разносов.

А потом Риввас Серрано заговорил о пракансийской живописи, о художнике, написавшем портрет принцессы, и напомнил, что нынешний Верховный иллюстратор Тайра-Вирте, ответственный за документирование всех событий в жизни герцогства, — не кто иной, как Грихальва. И вновь поднялся ропот.

— Мердитто! — в сердцах выругался Алехандро.

— Ваша светлость! — Серрано выбрался в передний ряд советников, за ним по пятам следовал до'Саенса. — Ваша светлость, умоляю, не будьте пристрастны. Найдите в себе мужество понять, что всеобщая неприязнь к человеку, которого вы назначили Верховным иллюстратором, вызвана лишь тревогой за ваше благополучие.

— Боюсь, тревога за мое благополучие не столь велика, как зависть к Грихальва, которые превзошли твое семейство.

— Ваша светлость!

— Эйха, Риввас, не надо излишнего драматизма. Может, я и не сидел на отцовских коленях, когда в этом зале решалась судьба герцогства, но у меня есть уши. Я прекрасно знаю, насколько укоренилась старая вражда между Грихальва и Серрано.

— Ваша светлость, на то есть серьезная причина.

— Нет причины! — отрезал Алехандро. — Нет причины, потому что нет доказательств. Ни ты, ни кто-либо из твоих родственников их так и не предъявил. — Он в гневе ударил ладонью по спинке стула. — Мердитто, кабесса бизила! И это — мой советник! Да что я могу от тебя услышать, кроме завистливой и трусливой хулы?

— Ваша светлость. — Дородный, внушительный Эдоард до'Нахерра поспешил заступиться за Ривваса. — Ваша светлость, разумно ли упрекать нас за заботу о вашем благополучии? Мы давно знаем Сарагосу, привыкли к нему...

— Привыкли шпынять его как шута, — возразил Алехандро. — Или я не говорил, что у меня есть уши? — Он схватил себя за ухо, дважды дернул. — Я считаю, что еще слишком рано судить о достоинствах и недостатках Сарио Грихальвы. Он еще ничего не сделал, кроме сущего пустяка — предотвратил войну. — Он снова окинул конселос взглядом и понял, что словесная оплеуха не осталась незамеченной. — Ту самую войну, за которую ратовали вы все, опираясь лишь на слухи и домыслы. Ту самую войну, на которой совершенно напрасно погибло бы множество тайравиртцев и пракансийцев. — Он смотрел только на до'Нахерру, хотя обращался ко всем. — Марчало, сейчас я ему доверяю больше, чем вам. По той же причине, по которой его ненавидит Риввас Серрано. Грихальва

умеет отличать истину от лжи. Он стал моим Верховным иллюстратором. Он будет моим Верховным иллюстратором. Смиритесь с этим.

Было видно, чего стоит до'Нахерре держать себя руках.

— Ваша светлость, мы опасаемся, что его род окрепнет и захватит власть. Прошу не счесть за дерзость, но даже ваша подруга...

— Грихальва. Верно. — Алехандро повел вокруг острым словно коса взглядом. — Неужели вы все разучились считать? Неужели в одночасье запамятовали нашу историю? При моем отце было четверо влиятельнейших Серрано: Верховный иллюстратор, любовница, Премиа Санкта, консело. — Он уставился на Ривваса. — А теперь осталось только двое. Эйха, разве вы не видите, что солнце рода Серрано клонится к закату?

— Дело не в нашем солнце, ваша светлость.

— Правда? А в чем же, Серрано?

Риввас не дрогнул под его взором.

— В колдовстве.

Алехандро отступил на шаг и растянул губы в язвительной ухмылке.

— Ах, да, как же я забыл? Темная волшба! Ну конечно. — Он шагнул за спинку стула, взялся за верхние углы рамы. — Риввас, объясни, что это за волшебство? Молчишь? Надо полагать, злое, иначе бы ты не обвинял в нем Грихальву. Допустим, это действительно темная волшба, но все-таки мне очень интересно, на что он способен. Мы уже выяснили, что оживлять покойников с помощью холста и красок он не умеет. В чем же тогда заключается его пресловутое могущество? Может, попросить его, чтобы он явил нам во плоти эту женщину? — Алехандро грациозным жестом указал на портрет. — Принцесса жива и здорова, но, увы, она не с нами, а в Пракансе. Путь оттуда неблизок и небезопасен, почему бы не сберечь время? Скажем Верховному иллюстратору, чтобы перенес ее сюда посредством своего волшебства. Побормочет заклинания, бросит в картину щепоть порошка, и моя невеста предстанет перед нами во всей своей красе... Что? Это невозможно? Почему, Риввас? Ты же так старался убедить меня, что он могущественный колдун. Эйха, в чем же кроется его могущество?

— В том, что он может стать герцогом, — прохрипел до'Саенса. — Если Серрано правы, если Сарио Грихальва владеет магией...

— ...то он способен запросто прикончить меня, а заодно и всех вас, — подхватил Алехандро. — И даже всех жителей Мейа-Суэрты. — Он сокрушенно покачал головой. — Неужели вы всерьез верите, что один человек может захватить власть над целым герцогством?

— Верро Грихальва мог бы этого добиться.

— Верро Грихальва погиб, спасая от смерти до'Верраду. — Все, кроме Алехандро, невольно покосились на картину за его спиной — громадный оригинал «Смерти Верро Грихальвы» кисти Пьедро. Меньшая по величине картина с тем же названием — работа другого Грихальвы, Кабрайо, — висела на противопо-

ложной стене. — А теперь Сарио Грихальва спас до'Верраду от бесчестья, предотвратил бессмысленное кровопролитие.

Толпа еще не рассеялась, но уже заметно разделилась на кучки единомышленников. Эстеван до'Саенса и Риввас Серрано держались вместе, Эдоард до'Нахерра, как всегда, стоял особняком. Все молча ждали, что еще скажет герцог.

«Они меня изучают, оценивают... Эйха, а мне самое время изучить и оценить их».

Герцог отошел от стула с картиной, вступил в толпу. Один лишь Марчало Грандо был одного роста с ним, остальные ниже. Алехандро давно заметил, что низкорослые люди тушуются рядом с высокими; в чем тут секрет, он не знал, но помнил, что отец часто этим пользовался. Теперь настал и его черед воспользоваться этим странным феноменом. Он поочередно оглядывал с головы до ног каждого советника, смотрел ему в лицо, позволял смотреть в свое, потом еле заметно кивал. Заставлял их смущаться, переминаться с ноги на ногу, отводить глаза, гадать, что он думает. Наконец Алехандро вернулся к стулу с картиной.

— Вы меня не знаете, — сказал он спокойно. — Я вполне отдаю себе в этом отчет. Мне также понятны ваши опасения, ваша растерянность. Бальтран до'Веррада был не из тех, кого легко забыть или заменить. Я это понимаю. — Он тяжело вздохнул. — Прошу только об одном: дайте мне время. Нам с вами надо лишь привыкнуть друг к другу, и все будет хорошо.

Тут зашевелился Риввас Серрано.

— Но, ваша светлость...

— Да уймись ты наконец, номмо Матра! — с раздражением оборвал его Эдоард до'Нахерра. — Не видишь дальше собственного носа! Нынешний Верховный иллюстратор — Грихальва. Через каких-то двадцать лет он будет мертв или при смерти, тогда и вернемся к этому разговору.

Алехандро хотел было возразить, ибо в подобном заступничестве вовсе не нуждался, но прикусил язык. Сейчас важнее всего — усмирить их. И к тому же Марчало Грандо, как ни крути, сказал правду.

«Двадцать лет... Какие бы чувства я испытывал, если бы знал, что мне еще жить и править всего-навсего двадцать лет?»

Ему вдруг пришла в голову мысль, что править двадцать лет он не очень-то и желает. Особенно если придется каждый день спорить до хрипоты с глупыми и упрямыми советниками.

Алехандро со вздохом глянул на портрет иноземной красавицы.

«Все хотят меня на ней женить. Матра послала мне Сарио Грихальву, с его помощью я обуздаю компордотту придворных. А еще обуздаю свою, и в этом мне посодействует Сааведра».

Возле двери Раймон задержался, протянул руку к щеколде, но не дотронулся. Сделал глубокий вдох — это помогло, в голове прояснилось.

Он решительно поднял щеколду, отворил дверь и вошел в кречетту.

Не надо было оглядываться, даже коситься по сторонам, чтобы удостовериться: все здесь на своих обычных местах. Только Ферико сидел не на своем стуле, а на том, что раньше принадлежал Отавио, а еще раньше — Артурро. Сиживали на нем и другие Премио Фрато, но Раймон не помнил их по именам. Хотя при желании мог бы вспомнить — их портреты, Пейнтраддо Чиевы, висели в Галиерре Вьехос Фратос, небольшой комнате, куда дозволялось входить только Одаренным — чтобы знали и не забывали, кто заложил устои их семьи и чем рискует тот. кому не по нраву добродетельная жизнь и беззавстное служение.

Раймон был облачен в привычный черный наряд, хотя компордотта этого не требовала. В сиянии свечи поблескивала его Чиева. Пышные волосы ничуть не поредели, но в них появилось серебро; правда, Раймон не верил, что сойдет в могилу седым как лунь.

Пустой стул возле громоздкого стола предназначался для него. Раймон приблизился к стулу, взялся за резную спинку; в суставах пальцев вспыхнула боль, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Он стоял, выпрямив спину и расправив плечи, с высоко поднятой головой, и не прятал глаз. Не прятал свою сущность.

Неоссо Иррадо. Так его звали когда-то. В незапамятные времена.

«Сарио улыбался бы им... А я не могу. У меня нет его силы. Только страх, и гнев, и горечь поражения».

Они — оставшиеся в живых Вьехос Фратос — тоже не прятали глаз. Их было девять. Он — десятый. Сарио — одиннадцатый.

Девять человек сидели вокруг стола и молчали. Восемь из них ждали, когда заговорит девятый.

«Ферико, — подумал Раймон. — Это будет Ферико».

Но заговорил Дэво. И у Раймона екнуло сердце.

— Номмо Чиева до'Орро, — негромко возгласил Дэво. — Во имя нашей сущности. Правду, Раймон. Ничего, кроме правды.

Правду? Раймон и не собирался ее скрывать.

— Он — нечто большее. Нечто иное.

— Насколько большее? Насколько иное?

Этого он и сам не знал. Так и ответил. А еще сказал, что доказательств нет, только слухи. И намеки самого Сарио, но опять же ничем вещественным не подтвержденные.

Да, никаких доказательств. Даже Кита'аб — не доказательство. Эти люди просто не поверят, что Фолио — совсем не то, за что его принимали еще их предки. Вовсе не учебник для художников, откуда можно и должно черпать приемы, рецепты и правила. (Что с того, что он далеко не полон? Для Грихальва имеют значение лишь те страницы, которые существуют, лишь те отрывки, которые расшифрованы.) О намерениях Сарио Раймону ничего не известно, но, судя по компордотте Верховного иллюстратора, он узнал немало тайн Кита'аба. И не собирается делиться ими ни с кем.

Но это всего лишь догадка. А догадка еще не улика.

Да, улик нет. Заявить, что Фолио — это Кита'аб? С чего Раймон это взял? Со слов Сарио? Но мало ли что может прийти в голову Сарио? Заявить, что он видел зачарованный портрет Сарагосы Серрано? Но в Мейа-Суэрте костная лихорадка не такое уж редкое явление, и не только Грихальва бывают ее жертвами. Заявить, что Пейнтраддо Чиева Сарио — всего лишь простой портрет? Но при чем тут колдовство? Просто честолюбивый, целеустремленный юноша не пожелал отдавать в чужие руки ключ к его будущему, к его Дару, к самой его жизни.

Ключ. Чиева. На каждом шагу — Чиева. Чиева до'Орро, Чиева до'Сангва. Несть числа ключам, несть числа замкам, несть числа потайным дверям.

Фолио — это тоже дверь. Возможно, на одной из ее страниц Сарио нашел ключ. Возможно, он сам — ключ.

Он — нечто большее. Нечто иное. Сарио Грихальва не такой, как другие Одаренные. Сарио Грихальва всегда был не таким, как другие Одаренные. И лишь одно Раймон знал наверняка: только отличный от других, только исступленный гений мог в одиночку добиться того, чего другие тщетно добивались вместе на протяжении шести десятков лет. И на этот подвиг его благословил Раймон Грихальва, став соучастником заговора, о котором речь зашла один-единственный раз, — в чулане над этой комнатой, кречеттой.

— Есть основания полагать, — сказал Дэво, — что один из нас совершил серьезный проступок. Есть основания полагать, что его компордотта заслуживает самого строгого осуждения.

Раймон еще крепче сжал резную спинку стула. Он не будет выгораживать соучастника. Он откроет правду.

— У Сарио всегда были свои взгляды на компордотту. Это черта его характера.

И тут Ферико заговорил в первый раз:

— Недозволенная черта.

«Правду. Ничего, кроме правды».

— Наши запреты никогда его не останавливали.

— А почему? Он что, особенный? Лучше нас?

— Думаю, он уже в этом не сомневается, — тихо ответил Раймон. — Ведь он стал Верховным иллюстратором.

— Но как он этого достиг? — допытывался Ферико. — Путем соблюдения нашей компордотты? Тебе хорошо известно, почему мы так заботимся о компордотте, почему так настаиваем на ее соблюдении, не давая поблажек ни себе, ни другим. Если нарушить эту традицию, беда себя ждать не заставит. Вообрази, что случится, если наши враги пронюхают о Пейнтраддо? Мы предстанем перед всем народом как воплощение зла.

— О нас и так ходит немало слухов, — поддержал его Дэво. — Мы упорно пытаемся их развеять, но народ предпочитает верить в плохое, а не в хорошее. Особенно усердно мутят воду Серрано, а если откроется тайна Пейнтраддо... тогда нас прогонят, а то и вовсе под корень изведут. Мало ли в екклезии рьяных свя-

тош, призывающих прихожан побить нас камнями? Сама Премиа Санкта добилась, чтобы нам запретили отправлять религиозные обряды на людях. Спасибо герцогу Алехандро — приструнил мерзкую бабу, избавил нас от позора. — Он задумчиво покачал головой. — Все мы понимаем: компордотта — это железная необходимость. Мы, иллюстраторы, ходим по лезвию ножа, рискуем больше всех, даже больше остальных Грихальва мужского пола. Бесплодное семя, короткая жизнь, преждевременное старение... Много ли нужно, чтобы погубить нас окончательно? Пусть у Алехандро абсолютная власть, но она ему досталась слишком рано, слишком неожиданно. Он молод, неопытен, легко поддается внушению. Он будет искать поддержки у приближенных; а вдруг приближенные воспользуются этим, чтобы настроить его против нас? Достаточно одного ловкого, умного врага... — Дэво тяжко вздохнул. — Раймон, ты мудр и проницателен. Ты и сам все отлично понимаешь.

Раймон поспешил дать отпор.

— Значит, вы судите Сарио. Но по традиции обвиняемый должен присутствовать на суде Вьехос Фратос. У него есть право защищаться.

— Сарио здесь нет, и мы ничего не можем ему сделать, — мягко сказал Дэво. — Раймон, ты начал партию без нас. Мы возмущены, но понимаем, что игру необходимо довести до конца, и не посмеем убрать с доски такую важную фигуру, как Сарио. Плохой, но свой при дворе лучше хорошего, но чужого. Катерин Серрано все еще Премиа Санкта, а Риввас Серрано — консело. Пока рядом с герцогом будет хоть один Серрано, нам расхолаживаться нельзя.

— Зачем вы меня позвали? — хмуро спросил Раймон. — Власти над вами у меня нет и уже никогда не будет, а Сарио Вьехос Фратос не указ. Или все-таки хотите, чтобы я призвал его к повиновению, убедил блюсти компордотту? Боюсь, ничего из этого не выйдет. Да, я начал партию, но игра давно идет без меня. Я не удержался на доске.

— Да, ты свою задачу выполнил, — согласился Ферико. — В твоей опеке Сарио больше не нуждается. Мы тоже не нуждаемся в твоих услугах. Увы, смерть герцога и назначение Сарио Верховным иллюстратором разрушили все наши планы. Очень уж не вовремя это произошло. Мы не были готовы.

— Не моя вина, — проворчал Раймон. — Именем Пресвятой Матери! Гибель герцога Бальтрана — случайность. Это могло произойти два года назад или через десять лет...

— В любом из этих вариантов у нас было бы время должным образом подготовить кандидата, — возразил Ферико. — Для Алехандро, или для наследника Алехандро, или для его внука. С любой проблемой можно справиться, когда есть время. А ты, Раймон, не дал нам времени. Благодаря тебе Сарио занял драгоценную должность, но скажи, кому это выгодно, кроме него самого? — Он покосился на других Вьехос Фратос и снова впился взглядом в лицо Раймона. — Полагаю, все согласны со мной: если бы

ты не заступался за Сарио с таким жаром, мы бы его подвергли Чиеве до'Сангва задолго до злополучной поездки герцога Бальтрана в Пракансу.

— Нельзя карать художника за его талант! За его Дар!

— За талант — нельзя, — согласился Ферико. — Зато можно и должно — за компордотту, которую мы считаем опасной для семьи.

— Зачем вы меня позвали? — повторил Раймон.

— Видишь ли, на самом деле все гораздо серьезнее, чем ты думаешь, — тихо ответил Дэво. — Это благодаря тебе он поднялся наверх.

— Так речь идет о моей компордотте?

Ферико смотрел на него не мигая.

— Раймон, ты умен и проницателен. Ты и сам все отлично понимаешь.

Раймон упал бы на колени, не держись он за спинку стула. Он сдавил ее сильнее, не обращая внимания на боль в руке. Это было нетрудно — ужас начисто отшиб все чувства.

«Сейчас они скажут...»

— Номмо Матра эй Фильхо. Номмо Чиева до'Орро.

Все как один. Кроме двоих: его самого и Сарио.

Сарио.

Всегда — Сарио...

28

Сарио был рад без меры: работа шла хорошо. Сааведре в конце концов надоело капризничать, вертеться и переминаться, она умолкла и приняла требуемую позу. Довольно долго он писал спокойно, а потому был немало огорчен, даже крякнул с досады, когда она тихонько кашлянула.

— Ну, в чем дело? — Он повернул к ней голову, пригляделся. — Матра мейа, да что с твоим лицом?

Она взялась за спинку стула и насупила брови.

— Почем я знаю? Мои глаза — на моей голове, а не на твоей.

— Так не пойдет, — возмутился он и воскликнул: — Нет! Ведра! Не двигайся!

— Я хочу сесть. — Она так и сделала — осторожно опустилась на стул, элемент композиции.

Сарио вышел из себя. Даже бросил кисть.

— По-твоему, я художник алла прима? Помнится, ты сама писала Алехандро несколько недель.

Сааведра слегка улыбнулась.

— Но ты ни разу не говорил, что из меня вышел бы художник алла прима. Или мне изменяет память?

— Вышел бы... Если б ты сама в это поверила и других убедила. А уж после этого писала сколько угодно — никто бы и слова не сказал.

Она прижала ко лбу тыльную сторону ладони, затем убрала волосы с глаз.

— Сарио, почему ты так не любишь детей?

— С чего ты взяла, что я их не люблю?

— Доброго словечка для них у тебя не найдется...

— Дети — это обуза. Сама же говорила, Игнаддио все время путается под ногами, мешает работать, а ведь он даже не твой сын.

— Тут я не спорю, с детьми всегда уйма хлопот. Но когда ты с ними говоришь, враждебность так и брызжет.

— Это из-за тебя, — ответил он бесстрастно. — Ради твоего счастья, таланта, тяги к творчеству. Ты же знаешь, я верю в твой Дар. Ты не можешь не быть Одаренной, и не возьму в толк, почему ты не желаешь, чтобы я тебя испытал.

— Незачем меня испытывать. Да что тебе объяснять, сам все знаешь.

— Да, Ведра, понимаю: ты женщина. Но это ничего не значит. Ты — иная. Я это вижу! Сколько раз тебе говорил, что Свет нельзя утаить! — Он картинно воздел руки. — Ты хоть понимаешь, от чего отказываешься? Ты — Грихальва, женщина, а значит, должна рожать детей... навсегда и добровольно отрекаясь от Луса до'Орро. — Он осклабился. — Знала б ты, сколько мужчин отдали бы что угодно в обмен на твои способности.

— Нет у меня способностей, кроме тех, которыми я пользуюсь или собираюсь воспользоваться.

— Да, тебе с самого рождения вбивали в голову, что женщинам надеяться не на что. Эйха, ты не представляешь, как меня это бесит! Ты всегда меня выручала, а теперь не позволяешь отплатить добром за добро. Я знаю, кто ты, знаю, кем ты можешь стать... если только согласишься пройти испытание, доказать самой себе, что у тебя есть Дар и все с ним связанное. — У Сарио сверкали глаза, казалось, от подступающих слез. — Скажи, почему я должен только брать у тебя, ничего не давая взамен?

— Сарио...

— Ведра, раньше мы любые трудности делили на двоих, а теперь ты хочешь все взвалить на себя. — Он неподвижно сидел на стуле, не сводил глаз с картины. — Ты — это все, что у меня было.

Она долго вглядывалась в его лицо, затем очень тихо сказала:

— Сарио, времена меняются.

— Меняются. Люди тоже.

Она была бледна, черты лица заострились, под глазами лежали темные полукружья.

— Я не хотела тебя расстроить.

— Горькой правдой? Такой, как ты ее видишь? — Он печально улыбнулся. — Сааведра, я знаю, кто я и что я... Помню, сколько пришлось трудиться, чтобы стать тем, кто я есть. Ты не права, если считаешь, что эта должность предназначалась кому-то другому. Ты не права, если считаешь, что я бы не получил ее без твоей помощи.

— Это так, — подтвердила она невесело.

— Ну что ж. — Он с трудом расправил грудь, расслабил сведенные судорогой мышцы. — Ты действительно не желаешь пожертвовать материнством ради таланта?

— Сарио, я хочу детей.

— Это наши сородичи хотят, чтобы ты хотела детей.

— Дело не только в этом.

— Только в этом, не спорь. Тебе внушили мысль о детях, чтобы не ломать голову, как быть с твоим талантом.

— И с моим Даром? — Она улыбнулась и покачала головой. — Сарио, скажи, ты можешь передать свой Дар по наследству?

— Не могу, благодарение Матери и Ее мудрости. — Он поцеловал пальцы, коснулся ими груди. — Не хочу иметь никакого отношения к детям. Не хочу учить сопляков, хочу только писать картины.

Она долго всматривалась в его лицо, взвешивала слова, тон.

— Эйха, наверное, это и к лучшему, — сказала она бесстрастно. — Из тебя бы не получился хороший отец.

Этот вывод показался ему совершенно необоснованным.

— Правда? С чего ты взяла?

— Мужчины, которые грубо ведут себя с детьми, редко становятся хорошими отцами. Правда, грубость бывает напускная; некоторые любят детей, просто стараются не показывать этого.

— Бассда, Ведра! Я пришел писать твой портрет, а не обсуждать проблемы отцовства. — Он жестом велел Сааведре подняться. Раздраженно попросил: — Встань, граццо.

— Я устала. — Она и впрямь выглядела утомленной. — Хочу посидеть, отдохнуть. Пиши пока что-нибудь другое. Лампу, или графин, или фрукты. Они не будут жаловаться на усталость.

— Бассда, — пробормотал он. — Матра Дольча, ты испытываешь мое терпение.

— А ты будь художником алла прима, — предложила она; голос ее был слепым, а слова ироничными. — Что тебе стоит? Ты ведь у нас гений, а у гениев принято делать шедевры на одном дыхании. Возиться над картиной месяцами — это удел посредственности.

Он шумно втянул воздух в легкие, чтобы обрушить на нее гневную тираду, и вдруг обнаружил, что Сааведре уже не до него. Она прислушивалась к шагам за дверью.

Игнаддио. Ну конечно. Пришел подтвердить слова Сарио, что для художников дети — обуза.

— Ведра, — позвал Игнаддио. — Ведра, тебе надо идти.

— Идти? Куда? — Сарио метнул в Сааверду яростный взгляд. — Нет, ты останешься! Будем работать, хватит с меня твоих...

Игнаддио просунул голову в комнату.

— Сожалею, Верховный иллюстратор, но ее зовет герцог. Он ждет во дворе у фонтана.

— Матра Дольча! — Со стула взметнулся вихрь розовых юбок и черных вьющихся локонов.

— Мердитто! — проворчал Сарио, когда она выбежала за дверь. Он зло посмотрел на Игнаддио, на кисть, на картину. — Я до скончания века не напишу этот проклятый портрет, если эта парочка не успокоится.

— Можно глянуть? — спросил Игнаддио.

— Нельзя глянуть! Я никому не позволяю смотреть на незаконченную работу.

— Но ты же сам обещал, что после наброска...

— Бассда! Не доводи меня. — Он махнул рукой. — Ступай, найди Диегу, должно быть, она в прачечной. Передай, что я ее зову, грацо. У меня к ней дело.

Игнаддио округлил глаза.

— Но... я думал, ты не можешь...

— Что я не могу? И какое тебе дело, что я могу, а чего не могу, что я вправе хотеть, а чего не вправе?

— До'нада, — растерянно пробормотал Игнаддио.

— Вот уж точно, до'нада. Адеко, уходи. Пришли ко мне Диегу. И не вздумай возвращаться, а то я не буду смотреть твои работы.

Он и не собирался смотреть работы Игнаддио; быть может, именно поэтому угроза возымела действие. Игнаддио скрылся с глаз, не сказав ни слова.

Из маленького сада под увитыми виноградом арками Сааведра прошла в центральный внутренний двор и застыла как вкопанная. В двух шагах от нее стоял Алехандро; не сводил глаз с фонтана и не ведал о том, что она рядом, — журчание и всплески струй заглушали ее шаги. Его профиль был столь изящен, столь восхитительно четок, что ей захотелось сейчас же, не медля ни секунды, начать новый портрет. Раньше она писала его анфас или в три четверти — как-то в голову не приходило, что полный, как на монете, профиль вполне достоин воплощения на холсте. Высокий лоб частью скрыт расчесанными прядями (волосы все еще вьются, хотя он уже не ребенок), нос прямехонек (счастливчик — сколько мужских носов было сломано на занятиях борьбой и фехтованием!); точеная выемка между ноздрями и верхней губой, чувственные губы (Сааведра слегка покраснела при мысли, что лучше всех знает об этом). В меру выступающий подбородок свидетельствовал об упрямстве, но также и о волевом характере. Выступающий подбородок гораздо выразительнее скошенного, довершила свои размышления Сааведра.

Она направилась к Алехандро. Под ногами захрустел гравий. Герцог обернулся; профиль исчез, но Сааведру это не огорчило. В любой позе он был красив, любой его жест годился для портрета. И то, как он вскидывал голову, и то, как дергал уголком рта, и то, как взмахом широкой ладони прекращал спор, к которому внезапно утрачивал интерес, — пусть даже сам этот спор и начал.

Одарив ее своей знаменитой улыбкой (той самой — с изъяном), он шагнул навстречу, взял ее за руки. Брызги

попали ему в лицо, а затем и ей и смешались в миг поцелуя. Но вдруг его улыбка исчезла, лицо стало серьезным, и Сааведра поняла: он пришел не потому, что соскучился.

Она села на изогнутую скамейку перед чашей фонтана и потянула его за рукав. Алехандро сел рядом.

— Что-нибудь случилось?

Он не пытался увиливать.

— Каса-Варра. Я должен туда ехать.

— Что это? — Она напрягла память. — Никогда не слышала.

Он царапнул каблуком по каменной плите, зацепил ее, надавил, словно хотел выковырнуть.

— Один из наших загородных особняков. Мы с отцом туда выезжали на лето, когда у него было не слишком много дел. — Он тяжело вздохнул — воспоминания об отце причиняли боль — и ковырнул плиту еще сильнее. — Сейчас там моя мать. Удалилась на покой.

Сааведра рассмеялась, хлопнула его ладонью по колену, чтобы пощадил плиту.

— Любящий и послушный сын спешит проведать свою матушку, пока она не устроила скандал. Так?

— Эйха, пожалуй. — Он легонько сжал ее руку, поднес к губам, поцеловал. — Прости меня, каррида... Номмо Матра эй Фильхо, прости. Я должен съездить к матери, обсудить с ней помолвку.

Она почти не ощутила боли. Была к этому готова. Столько раз травила себе душу, что та загрубела.

— Твою?

— Мою.

Она крепко сжала его руку. Чуть ли не до крови вонзила в нее ногти.

— Эйха, мы с тобой знали, что рано или поздно это случится. Ради этого и поехал в Пракансу твой несчастный отец. — Из чувства такта она не упомянула, что ради этого герцог Бальтран взял с собой портрет сына, написанный ею. Теперь эта картина во дворце пракансийского короля.

— Но не так же скоро!

— Не так, — откликнулась она эхом. — Но делать нечего, мы должны смириться. — И тут напускная отвага испарилась, а вместе с ней и независимый тон. — Бассда! Я не консело, искушенный в дипломатии и лицемерии! Алехандро, позволь, я тебе скажу, что испытываю на самом деле. Злость, страх, ревность, боль, растерянность, безысходность и любовь. Все сразу! А еще мне хочется реветь... — Она хрипло, прерывисто вздохнула. — Но это ничего не даст, кроме пятен на лице, красных глаз и распухшего носа, и ты больше никогда не захочешь на меня смотреть. Будешь любоваться только пракансийской красоткой... — Сааведра посмотрела на Алехандро. — Она красивая?

Герцог, явно не ожидавший этого вопроса, смущенно пожал плечами.

— Мердитто, — выругалась она. — Должно быть, она красавица. Матра Дольча, да и могло ли быть иначе? Дочь короля, невообразимо богатая невеста, самая удачная партия для герцога Тайра-Вирте, и здоровье небось отменное: бьюсь об заклад, она будет плодить детей как крольчиха на радость твоей матушке. И в придачу красавица. — Она взглянула на него полными слез глазами. — Все равно плачу. Ничего не могу с собой поделать. А тут еще и ты собрался уезжать...

— Мейа дольча Ведра... — Он сделал то, чего она и хотела, и ждала: крепко обнял, стал гладить, и целовать, и шептать ласковые слова — ненужные, лишенные смысла — до тех пор, пока они не зазвучали.

Чуть-чуть успокоившись, она оторвалась от его плеча.

— Прости, я не собиралась реветь. Ненавижу плаксивых женщин.

— А я люблю одну из них и разрешаю ей перепортить все мои камзолы.

— Слезы — это признак слабости.

— Это признак многих чувств, и все они тяжелы, и за каждое из них ты вправе прикончить меня, не сходя с этого места. Поверь, мейа амора, я тоже так расстроен, что хочется...

Она нервно рассмеялась.

— Плакать?

— По-моему, ты сейчас плачешь за двоих. Я подожду.

На этот раз смех дался ей легче.

— Подождешь?

— Подожду, пока мамочка одернет на мне щегольской, с иголочки костюм, пригладит растрепавшиеся волосы и скажет, что я очень симпатичный мешшно... вылитый отец, эн верро.

— И будет права. Ты симпатичный мальчик и точная копия отца.

— Я точная копия Алехандро до'Веррады, кем бы он ни был.

На ее лице промелькнула улыбка.

— Когда уезжаешь?

Алехандро тяжело вздохнул. Каблук снова зацепился за плиту.

— Сегодня во второй половине дня. Гонец уже отправился. Каса-Варра совсем рядом, мать будет ждать меня к вечеру.

Сааведра выпрямила спину.

— Тогда тебе пора собираться. И не забудь переодеться, а то мать догадается, что какая-то женщина рыдала у тебя на широкой груди.

— Надеюсь, она и сама упадет мне на грудь и зарыдает, как только я скажу, что собираюсь жениться.

— Тогда надо ей подставить... Алехандро, ради Пресвятой Матери, пожалей несчастный каблук! Подставь ей другое плечо. Я ведь арртио, не забыл? Для арртио превыше всего — симметрия.

Он снова обнял ее, притянул к себе, ткнулся губами в мягкие кудри.

— Мейа дольча амора, не бойся, я никогда не разлюблю тебя и не брошу. Я обещал тебе Марриа до'Фантоме и слово сдержу. Когда вернусь, все устрою.

— Когда вернешься, сообщив матери, что женишься на пракансийке. Алехандро, не будь моронно, у тебя не останется времени на такие глупости. — Она пожала плечами. — Может, как-нибудь потом.

— Нет, Ведра, мы должны это сделать до ее приезда. Мердитто, ты хоть представляешь, как я вступлю в «теневой брак» после венчания в екклезии?

— По-твоему, лучше — раньше? — Она покачала головой. — Алехандро, я знаю, ты не шутил насчет нашей свадьбы, мне это очень приятно и лестно... Но обстоятельства изменились, и, по-моему, тебе надо как следует подумать. Мы же не знали, что ты так рано потеряешь отца... Теперь ты — герцог, и все гораздо сложнее.

— Ведра, как я сказал, так и будет.

— Я освобождаю тебя от клятвы.

Его глаза мрачно блеснули.

— Я обо всем распоряжусь сегодня же. Перед отъездом в Каса-Варру.

— Не вздумай!

— Еще как вздумаю! Я герцог, а потому могу делать что захочу и когда захочу. — Он крепко поцеловал ее, встал и пошел к увитым лозами аркам.

— Алехандро!

Он повернулся на каблуках, хрустнув гравием.

— Да?

— Что ты хочешь сделать? — растерянно спросила она.

— Узаконить Марриа до'Фантоме.

— Как?

— С помощью Верховного иллюстратора.

Она вскочила на ноги.

— Алехандро! Нет!

На его лице отразилось изумление, и она поняла, что не сможет объяснить, в чем причина столь поспешного и категоричного отказа. Все, что было между ней и Сарио, сплелось в такой тугой клубок, что и не расплести, не выразить словами. Не любовь — не единение сердец, душ и тел, как у них с Алехандро. Нет, что-то совсем иное, неразделимо связанное с их детством, с их талантом.

Кто этого не испытал, тот никогда не поймет.

А потому ей осталось только пожать плечами.

— До'нада. Поступай как знаешь.

И этого было достаточно. Он возвел очи горе, поцеловал кончики пальцев, коснулся ими груди, потом распрямил ладонь и обратил к Сааведре. Это означало, что он помолился и за нее.

— Матра, — прошептала она, когда он ушел, хрустя гравием. — Матра Дольча, хоть бы я ошиблась... Боюсь, все это

не кончится добром. Мужчина не должен сразу после свадьбы бежать к любовнице.

Но ни одна любовница не отдала бы этого мужчину без боя.

29

Небрежным взмахом руки Алехандро отпустил молодого человека, который вызвался его проводить. Грихальва пора усвоить, что в их огромном Палассо герцог по крайней мере не заблудится по пути к комнатам Сааведры. Он бегом поднялся по лестнице, на верхней площадке отворил дверь, прошел через гостиную в ателиерро. Сарио Грихальва стоял у растворенного настежь окна и смотрел на внутренний двор.

Верховный иллюстратор оглянулся, как только Алехандро подошел к мольберту с незаконченной картиной. Решимость герцога сменилась замешательством и благоговением.

— Матра Дольча! Такого я не ожидал!

— В самом деле? — Красивое, выразительное лицо Грихальвы было бледным, губы собраны в трубочку, словно он намеревался плюнуть. — А я совсем недоволен. Начну заново.

— Заново? Зачем? Она же великолепна!

— Убогая мазня. — Грихальва подошел к мольберту, небрежно накинул ткань на картину. — Начну сначала.

Алехандро был напрочь сбит с толку.

— Постой, но если мне нравится...

— Ваша светлость, я всю жизнь учился живописи, не правда ли? Граццо, позвольте мне признать, что это далеко не лучшая из моих работ. Я бы никогда не осмелился судить о том, как вы правите герцогством.

И тут Алехандро вспомнил, зачем пришел. И оживился.

— Я как раз об этом и хотел тебя попросить, — произнес он скороговоркой. — Ты не против?

Грихальву этот вопрос застиг врасплох. Впервые Алехандро видел его в такой растерянности.

— Вы хотите, чтобы я... стал вашим советником?

— Согласен?

На лице Грихальвы за краткий миг сменилось столько выражений, что герцог не успевал их распознавать. Последнее выражение задержалось подольше. Мрачное высокомерие.

— Ваша светлость, это они вас подговорили? Испугались за вас и Тайра-Вирте?

— Ты о ком? Кто меня подговорил?

— Конселос. Скорее всего, марчало до'Нахерра, Серрано, конселo до'Саенса... — Темные глаза были бездонны. — Да, ваша светлость? Они сговорились и роют мне яму, хотят выставить на посмешище...

У Алехандро вырвался смешок.

— Ошибаешься. Это у тебя есть шанс выставить их на посмешище.

Побледнев, Грихальва резко отвернулся к окну и застыл, одеревенел — спина прямая, голова высоко поднята, мышцы судорожно напряжены. Он изо всех сил пытался скрыть рвущиеся наружу эмоции.

«Что-то здесь не так. — подумал герцог. — Я от него ждал совсем другого...»

Алехандро тяжело вздохнул, подошел к столу, ногой подтянул к себе стул, уселся верхом, руки положил на обтянутую велюрро и обитую медными гвоздями спинку, а на руки опустил подбородок. И сказал, старательно выбирая слова и сдерживая волнение:

— Я на тебя рассчитываю.

Грихальва напрягся еще сильнее.

— Ты мне поможешь. — На сей раз Алехандро ощутил в себе решимость под стать той, что звучала в голосе. — Я намерен позаботиться о том, чтобы конселос не смогли разрушить мои планы. Я намерен позаботиться о том, чтобы Сааведра Грихальва не расставалась со мной, пока мы не захотим расстаться. — Он разглядывал складки изгвазданной рубашки, которая висела на плечах Грихальвы как на вешалке. — Мне предстоит женитьба на пракансийской принцессе, но я буду любить Сааведру и заботиться о ней. И о ее семье.

Грихальва наконец ожил. Мгновенно повернулся — точь-в-точь как солдат с мечом в руке, ожидавший нападения сзади. Глаза его сверкали, губы кривились. Алехандро встревожился.

— Вы будете заботиться о нас?

— Так я сказал.

— То есть добьетесь, чтобы никто в Тайра-Вирте не причинил нам зла?

Легкая тревога сменилась недоумением. Герцог нахмурился.

— У вас есть охранная грамота.

— Что в ней проку, ваша светлость? — Улыбка Грихальвы была неприятной, хотя почтительности в голосе не стало меньше. — Вы же знаете, что Премиа Санкта настраивает против нас екклезию. В любой момент к ней может присоединиться Премио Санкто.

Алехандро раздраженно отмахнулся.

— Это уже в прошлом. Я распорядился, чтобы вас оставили в покое.

— Вы очень великодушны и благородны, ваша светлость. — Придворный этикет, не более того. — Но вы же понимаете, что в покое нас не оставят. Сейчас двое из нашего рода занимают важнейшие места при дворе, но в вашем окружении немало влиятельных лиц, которые спят и видят, как бы стереть нас с лица земли. Дай им волю, и они нас изведут под корень.

Пришел черед Алехандро выпрямлять спину, вскидывать голову и напрягать все мышцы, сдерживая возмущение.

— Этому не бывать.

— Ваша светлость... — Красивое лицо с прямым как меч тза'абским носом омрачилось озабоченностью. — Ваша светлость, среди ваших советников немало очень умных, предприимчивых и упрямых людей. Запреты их не остановят.

— Так помоги мне, Грихальва! Я не заинтересован в том, чтобы твою семью извели под корень, не хочу расставаться с Сааведрой. Найди способ это предотвратить, скажи, что сделать, чтобы Эдоард до'Нахерра, Риввас Серрано, Эстеван до'Саенса и иже с ними не причинили нам зла. — Он подумал немного и добавил: — Впрочем, Серрано и до'Саенса уже не столь влиятельны, чтобы всерьез их опасаться. Марчало — да, способен навредить, но, по-моему, он предпочитает подождать лет двадцать, пока ты не умрешь. Ведь он — стратег, прекрасно понимает, что измор зачастую выгоднее приступа. — Вздохнув, он принялся грызть обломанный ноготь большого пальца. — Но я не могу обещать, что он не передумает.

— Вы — герцог. — Грихальва с вызовом смотрел на собеседника, провоцируя его. — Ваше слово — закон.

Алехандро оставил ноготь в покое.

— Мое слово — это всего лишь слово молодого, неопытного и, сказать по правде, испуганного герцога, для которого предпочтительнее, чтобы его отец был жив и сидел на троне. И конселос это видят. И берут это в расчет. — Алехандро опустил голову на руки; зубы врезались в нижнюю губу. Голос его зазвучал глуше. — Я герцог, а ты Верховный иллюстратор. Мы необходимы друг другу, но мало кто это понимает. — Он посмотрел на Сарио. — А потому я тебя прошу лишь об одном: помоги защитить твою семью. И мою Сааведру.

Грихальва вновь отвернулся к окну. Он заслонял почти весь свет, и герцогу не удалось разглядеть ничего, кроме его силуэта.

— Алехандро, в любой ситуации можно что-нибудь придумать.

Герцог не обратил внимания на фамильярность.

— Эн верро?

Грихальва кивнул.

— Если каждая наложница будет из моей семьи...

— Каждая? Ты имеешь в виду всегда?

Помимо воли Верховный иллюстратор заговорил отрывисто и быстро:

— Я имею в виду соглашение. Между родом Грихальва и родом до'Веррада. Чтобы только Палассо Грихальва поставлял герцогам фавориток. И чтобы одна из них была в ранге придворного — та, которой он предложит Марриа до'Фантоме. — Грихальва стремительно обернулся и далее сопровождал слова энергичными жестами. — Ваша светлость, нет необходимости связывать мужчину с одной-единственной женщиной. И вы, и ваш наследник, и его наследник вправе заводить столько подруг, сколько пожелаете, но при каждом герцоге лишь одна из них, Грихальва, будет занимать официальную должность фаворитки. — Он воздел руки с узкими, изящными ладонями. — Одна супру-

га, признанная екклезией, и одна фаворитка, прошедшая ритуал Марриа до'Фантоме.

— При таком варианте я получаю Сааведру, — согласился Алехандро. — А что получаешь ты?

— Ничего, — ответил Грихальва. — До'нада, ничего, кроме утешительной мысли, что моя семья будет жить спокойно.

— И тебе этого достаточно?

Грихальва негромко рассмеялся.

— Я стал Верховным иллюстратором. Ни о чем другом я отродясь не мечтал... Но долг перед семьей... — Он на миг приумолк. — И, конечно, перед герцогом. Несчастный Верро и все Верховные иллюстраторы из рода Грихальва верой и правдой служили герцогам Тайра-Вирте.

Алехандро поразмыслил над этими словами. Очень ясно представил, что скажет советникам и как они отреагируют. И в нем проснулся азарт.

— Подожмут хвосты. — Он ухмыльнулся. — Эйха, еще как подожмут.

— И, надеюсь, поймут, кто в доме хозяин. — Грихальва поцеловал кончики пальцев, прижал их к груди. — Вы — не ваш отец, да благословит Матра его имя. И пора им это признать.

Алехандро встал.

— Решено! — Он рассмеялся; мир вокруг снова был светлым, красочным, многообещающим. — Берись за кисть, Верховный иллюстратор. Оформи мой указ. Увековечь на полотне. Я сейчас уезжаю в Каса-Варру, а когда вернусь, все придворные, и даже Серрано, узнают, что я намерен предложить Сааведре Грихальве Марриа до'Фантоме.

Лицо Сарио Грихальвы приобрело странное выражение.

— Это гораздо больше, чем было у Гитанны Серрано, — задумчиво сказал он.

— И у Премиа Санкты? — Алехандро рассмеялся. — Мы с тобой пускаемся в дальнее плавание, Грихальва. Нас ждут бури и рифы. — Он придвинул стул к столу. — Мне пора. Сделай, как я сказал, и моя поддержка тебе обеспечена. Всегда и во всем. До конца твоих дней.

— Двадцать лет? Или двадцать пять? — Невесело улыбаясь, Грихальва повел плечом. — Эйха, разве это важно? Даже за такой короткий срок можно сделать немало.

— Начинай безотлагательно, — велел Алехандро.

Командовать было легко — помогала уверенность в своей правоте. Он твердым шагом вышел из комнаты.

Граццо Матра, коридоры были безлюдны. В такие прекрасные дни, как этот, семья большей частью выбиралась на свежий воздух; одни расставляли мольберты и этюдники среди колонн внутреннего двора, другие с альбомами для эскизов отправлялись в сады. Детей уводили за городскую окраину, учили тонкостям пей-

зажистики; когда-то Раймон и сам бывал на таких уроках — и эстудо, и муалимом.

Внешнее кольцо коридоров изобиловало высокими стрельчатыми окнами и днем освещалось прекрасно, а здесь, в недрах Палассо Грихальва, разросшегося вопреки хирению рода, господствовали сумрак и тени.

И такой же сумрак, такие же тени царили в душе Раймона. Злость угасла, горечь осела, боль притупилась. Что сделано, то сделано. Что сказано, то сказано.

Он шел медленной и твердой стариковской поступью. Год за два, полжизни за жизнь — если ты Грихальва, мужчина, Одаренный. Но даже годы — не самое страшное, даже костная лихорадка... если ты Грихальва, мужчина, Одаренный.

«Номмо Матра эй Фильхо. Номмо Чиева до'Орро».

По коридорам внутреннего кольца, сквозь сумрак и тени — в мир света, признания, уважения. В мир, сулящий спасение.

Он задержался у двери. Повернул ключ в замке, поднял щеколду.

Галиерра Вьехос Фратос. Со стен как живые глядят предки и современники. Братья, дяди, племянники.

Но среди них нет отцов и сыновей. Таким, как Раймон, в роскоши отцовства отказано.

Пейнтраддо Чиевы. Все. Кроме одной.

Среди них — копия. Одна из нескольких. Как умно. Как предусмотрительно. Впервые в жизни Раймон искренне позавидовал Сарио, ведь ему хватило смелости проникнуть в свою сущность и увидеть не только путь к достижению главной цели, но и неизбежные последствия.

Сарио — умница. Сарио — гений.

Сарио Грихальва заглянул себе в душу и увидел свет — такой яркий, что способен ослепить, такой жаркий, что способен испепелить. И он ослепил. Испепелил.

«И, наверное, не только меня, — думал Раймон, — но и всех, кто был ему нужен, а потом стал для него опасен».

Он подошел к своему автопортрету, пригляделся. Как молод он был в пятнадцать лет... Лицо свежее, без единой морщинки, во взоре надежда, бодрость и вера в себя.

Вера в то, что он может стать Верховным иллюстратором.

«Номмо Матра эй Фильхо, номмо Чиева до'Орро».

Он не стал Верховным иллюстратором. Зато он его создал.

Он выжал из легких весь воздух. Вот если бы с такой же легкостью выжать из сердца всю горечь и боль!

— Эйха, — сказал он, — какая разница? Просто иначе они это сделают сами, как было с Томасом... Может, и с Сарио надо было так поступить...

Он снял со стены Пейнтраддо Чиеву, коснулся изувеченной ладонью своего молодого лица, рельефного слоя красящих и связующих веществ, лака. Рецепт взят из Фолио... из Кита'аба.

Да, это он. Одаренный, иллюстратор, Вьехо Фрато.

Тот, кем он был до Сарио.

Раймон Грихальва согрел в кулаке Золотой Ключ. Потом сорвал его с шеи, размахнулся и пронзил Чиевой до'Орро лак, краску, холст.

И сердце.

Сарио стоял перед незаконченной картиной, столь восхитившей герцога. Нельзя сказать, что похвала герцога не доставила удовольствия художнику; вместе с тем она вызвала пренебрежительную, угрюмую ухмылку. Но Алехандро уже не мог ее увидеть.

— Нет, — процедил сквозь зубы Сарио. — Впредь я этого не допущу. Никто не вправе судить мои картины, кроме меня. Потому что никто не знает, сколько я отрываю от себя и вкладываю в них.

В эту картину он вложил мало. Не было самого главного, о чем просил Алехандро, — любви, сердца и души. Были ревность, обида, злость. И это проявилось. По крайней мере Сарио это видел.

— Верховный иллюстратор?

Тонкий голос. Женский. Он обернулся и махнул кистью руки — позволил войти.

Диега. Женщина из рода Грихальва, но и только. Мечтает наплодить детей от бездарного мужчины, иной доли не част.

Она прижимала к груди глиняный кувшинчик; крышка была залита воском.

— Ставь. — Он указал на стол. — А еще?

Диега поставила горшок и, пятясь, покачала головой. Она боялась Сарио, и он об этом знал. Эйха, его это вполне устраивало: не проболтается. В обмен на помощь и молчание ей был обещан миниатюрный портрет мужчины, которого она прочила себе в мужья. Не просто картинка: пока она будет в целости и сохранности, мужчина не охладеет к Диеге. Задача не такая уж сложная для того, кто постиг тза'абскую лингву оскурру; разумеется, никаких секретов Сарио этой женщине не раскрыл. «Видно, она и сама не понимает, о чем просит, — решил он. — Если потом захочет расстаться с мужем, ничего не выйдет, пока кто-нибудь из них не умрет».

— Нет? — спросил он строго. — Ты убираешь ее комнаты, стираешь простыни, — неужели такую ерунду не смогла раздобыть?

Диега снова замотала головой.

— Верховный иллюстратор, у нее давно не было месячных.

— Давно не было... — У него перехватило дух, несколько секунд он хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. А потом так стиснул зубы, что они хрустнули и заныли.

Конечно. Ребенок. От Алехандро.

Почему он даже мысли не допускал, что это может случиться? Он не думал, не пытался вообразить, чем они занимаются в постели, — во-первых, имел силы об этом не думать, а во-вторых, был поглощен работой. К тому же Алехандро и Сааведра люди скрытные — огнем своей страсти не делились ни с кем. Только друг с другом.

«Ребенок от Алехандро. Рос под ее сердцем, пока я писал портрет. Даже сейчас он там...»

Он спохватился: Диега еще здесь, ждет, боится. С трудом изобразил улыбку.

— Эйха, делать нечего. Разве что порадоваться, эн верро? У нее родится малыш, побочный сын самого герцога. — Подумав, он добавил: — Или дочь. Не надо забывать, женщины тоже бывают полезны. Ты из их числа, а? — Он одарил Диегу улыбкой, от которой у нее мороз пошел по коже. — Эйха, можешь идти. И не волнуйся, получишь ты своего... Доминго?

— Алонсо.

— Ну да, конечно. Алонсо. Прости. Через десять дней приходи ко мне в Палассо Веррада, все будет готово.

Она расстроилась.

— Десять дней? Целых десять?

— Что, неужели трудно подождать?

Она промолчала. Слишком боялась его.

— Ладно, пять, — сжалился он. — Но ни днем меньше, у меня работы прорва.

Она кивнула и вопросительно посмотрела на него — можно ли уйти? Он нетерпеливо махнул рукой.

Когда Диега ушла, он поймал себя на том, что дрожит. Лишь мгновение Сарио недоумевал: он же принял страшную правду, примирился с ней, — но тут боль нахлынула с новой силой, пронзила его до самых глубин души. Удар был сокрушительный; Сарио повалился на колени, вдавил кулаки в живот и клонился, клонился, клонился вперед, пока голова не коснулась пола.

Он качался взад и вперед, скулил и плакал как ребенок. Хотел исторгнуть из себя пищу, вино, горе, страх, боль, слезы, освободиться от всей этой мерзости, от всей этой тяжести, от мучительной мысли, что она потеряна навсегда.

Она поняла это раньше него. И сразу смирилась. Сразу утешилась в объятиях Алехандро до'Веррады.

Для него не было и не могло быть кары страшнее, чем эта. Единственная женщина, достойная его, единственная женщина с таким же, как у него, Светом, хладнокровно, с легкостью отвергла свой Дар. Отвергла Сарио.

Пресвятая Матерь! Разве он ставил непременным условием, чтобы она с ним спала? Искусство заменяло ему плотские утехи; при необходимости, при желании он звал какую-нибудь женщину, и она приходила. К тому же недавно он открыл, что постельные битвы — лишь напрасная трата семени, силы, жизни.

Эйха, дело вовсе не в этом. Дело в том, что он теперь один как перст в окружении врагов. Она его бросила в час, когда он более всего в ней нуждался. Теперь в ее жизни другой мужчина, а в утробе — чужое семя.

 Плодородное семя, пустившее корень.

А семя Сарио никогда не пустит корень. Сарио никогда не даст ей то, ради чего можно пожертвовать Даром.

Он, чтобы спасти свой Дар, преступил все законы, нарушил все клятвы. Если бы он этого не сделал, его бы давно раздавили. Ведь он был один против всех, один-одинешенек, и только Сааведра всегда была рядом, всегда заступалась за него, с готовностью жертвовала собой ради его Дара.

Она погасила его Свет. Ослепила его внутреннее око.

Она даже способна сжечь его настоящую Пейнтраддо Чиеву. Точно так же, как когда-то сожгла портрет Томаса.

Подобно Вьехос Фратос, она губила его Дар. Выхолащивала неустанно и методично. Похитила гордость — ведь он достиг наивысшей цели, а она дала понять, что это ее заслуга, а не его. Считала позором совершенную им подмену Пейнтраддо, благодаря чему он обезоружил тех, кто был властен над его руками и глазами. Обвинила в отступничестве от веры, в сумасшествии. Лишила его своей беззаветной верности, готовности жертвовать собой ради него. Зачала ребенка от другого мужчины. А он не способен никого зачать. Он не в силах передать свой Дар никому.

Но почему свет клином сошелся на проклятом деторождении? У Грихальва другое предназначение! Судьба наделила их Даром, о котором известно лишь то, что он существует и что он бесценен. Бесплодие — благо, ибо связано с ним неразрывно. Но в бескрайнем холодном мире, где вынужден жить Сарио, в глазах бесчисленных герцогов, советников, иностранных вельмож и королей он не человек, а всего лишь мальчишка, умеющий рисовать красивые картинки. Мальчишка, в чьих чреслах нет плодородного семени. Мальчишка, который никогда не станет мужчиной.

Они это считали важным. А потому это не могло не быть важным для Сарио.

Он выпрямил спину и устремил невидящий взор на недописанный портрет. Алехандро приказал вложить в него любовь, сердце и душу. Эйха, быть посему.

Номмо Матра эй Фильхо, номмо Чиева до'Орро.

Он встал, спустил рукава рубашки и стал укладывать инструменты. Для того, что он задумал, лучше всего подойдет его собственное ателиерро.

30

Сааведра наткнулась на Игнаддио в коридоре — он походил на узел грязного белья, не донесенный до прачечной. Мальчик сидел у стены, подтянув к подбородку колени и сжимая их локтями; пальцы с такой силой вцепились в спутанные кудри, что над ними нависла угроза быть вырванными. Он едва заметно покачивался, касаясь позвоночником стены, и тихонько скулил.

— Надди! — Она бросилась к нему, подметая юбками широкие каменные плиты пола. — Пресвятая Матерь! Что случилось?

Он вздрогнул, напрягся под ее рукой, затем вмиг повернулся и отпустил волосы, чтобы тотчас вцепиться в складчатую юбку, ткнуться в нее лицом и зарыдать в голос.

— Матра Дольча! Конфирматтио? Ты провалился? — Она запустила пальцы в его шевелюру, задержала ладонь на макушке. — Надди... Игнаддио! Ты должен мне все рассказать.

Мальчик заплакал еще горше, так жалобно прискуливая, что у нее самой на глаза навернулись слезы. Он нащупал ее выступающее вперед колено, вцепился. А когда наконец поднял голову, Сааведра увидела в его глазах страх вперемешку с горем.

Она опустилась на колени, обеими руками взяла его голову и повторила:

— Надди, ты должен мне рассказать!

— Дверь... — он всхлипнул, — ...была отворена. Я вошел... хотел посмотреть Пейнтраддо... — Он душил в груди рыдания, изо всех сил пытался держать себя в руках. — Ведра, клянусь, она была не на замке! И отворена... Я и вошел...

Пейнтраддо. Она знала, как страстно он мечтал, чтобы подтвердился его Дар.

— В Галиерру Вьехос Фратос?

Он кивнул, вернее, судорожно дернул головой.

— Она всегда заперта, а в этот раз... Я не удержался, хотел посмотреть и представить, как там будет висеть мой Пейнтраддо...

— Наверное, будет. — Нежданная мысль заставила ее содрогнуться. — Если только...

— А там был он! Мертвый!

У нее перехватило дух.

— Мертвый? Кто?

Из его груди вырвалось рыдание.

— Иль сангво.

— Раймон?

— Я его увидел... Ведра, он там! На полу, весь в крови, скорченный... — По лицу пробежала судорога. — И Ключ его тоже в крови.

— Матра эй Фильхо! — Ее пробрал озноб. — Кровь?

— На груди, на Чиеве... везде. — Он все еще держался за ее юбку, сжимал кулаки до дрожи, до белизны суставов. — Ведра, рядом на полу лежал его Пейнтраддо... и в нем была дырка!

Пейнтраддо Чиевы. С ними не может ничего случиться. С ними не должно ничего случаться — в свое время Сарио и Сааведра преподали Вьехос Фратос очень хороший урок. Эти портреты хранят как зеницу ока, в особой комнате, под замком. Никто не желает рисковать.

У Сааведры свет померк в глазах, она привалилась к стене, больно ударясь плечом.

Только не Раймон... Только не сангво Раймон... Эйха, Пресвятая Матерь, Всемилостивейшая Матерь, только не Раймон!

— Ведра, почему? — спросил Игнаддио, тщась не плакать. — Зачем он это сделал?

Раймон. Не Ферико, который может умереть через неделю или через год. Не Сарио, которого ждет Чиева до'Сангва, если он не изменит свою компордотту. Раймон.

И тут ее затрясло от бешенства. Она не услышала возглас, сорвавшийся с ее уст. Зато Игнаддио услышал. И испугался.

— Ведра! Ведра, не надо! Не говори так!

— Но это правда. — Ей вдруг все стало ясно. Яснее ясного. Ее окружал кристально прозрачный мир. Бескрайний. Холодный. — Надди, это он виноват! Кто же еще, если не он? Только из-за него Раймон мог... — Она схватила мальчика, прижала к себе. — Эйха, как ужасно, что ты это видел.

Он уже не плакал.

— Они меня прогнали.

— Кто?

— Дэво. Осталыные. Сбежались на мои крики. Велели уйти... потому что я пришел, куда нельзя было, и увидел...

Сааведра опустила голову.

— Я тоже должна уйти. — Она смежила веки, проглотила набухший в горле ком, почувствовала, как он застрял в груди. — Надо, Игнаддио. Я пойду к Сарио... расскажу... Он должен знать. — Она торопливо растерла слезы по щекам. — Ты не думай, Вьехос Фратос не со зла тебя прогнали, просто это зрелище не для маленьких. Эн верро. Я ухожу, но скоро вернусь, мы с тобой пойдем в молельню и попросим Матру, чтобы не сердилась на иль сангво и приняла к себе его душу. Хорошо?

Он часто заморгал.

— Милый Надди... — Она знала, что сейчас он не обидится на ласковые слова. — Как жаль, что его нашел именно ты. — Сааведра высвободила юбку из его кулаков. — Как жаль, что все это случилось.

Свернув за угол, она почувствовала, как что-то шевельнулось под сердцем. Не плод — он только-только зародился. Не печаль и не боль. Ярость. Жгучая, неугасимая.

Предусмотрительность оказалась нелишней. Или это интуиция — сестра гениальности своевременно пришла к нему на помощь? Сарио с довольной ухмылкой посмотрел на дубовый щит, изготовленный всего две недели назад как раз для таких случаев, как этот. Прокипяченное льняное масло, нанесенное тщательно и в несколько слоев, впиталось глубоко, — сырость будущей картине не страшна. Хорошо просох тонкий масляный грунт. Можно приступать к работе.

Щит был велик, вполне годился для пейзажа или портрета в натуральную величину. Такую тяжесть ни один мольберт не выдержит. Прислоненный по приказу Сарио к стене, щит господствовал в ателиерро Верховного иллюстратора.

В большой медной чаше Сарио измельчил будущие ингредиенты: колокольчики (Постоянство), белые хризантемы (Истина), кресс (Надежность и Сила) и фенхель, наделяющий Силой и Чистотой и побеждающий Огонь. Еще добавил папоротник (Воображение) и сосновую хвою (Время).

Он удовлетворенно кивнул. Благодарение Матери — или Акую-бу? — что старик обучил его тайному языку, лингве оскурре; это позволило со временем постичь волшебство тза'абов. Вкупе с Даром Грихальва оно сделает Сарио самым великим иллюстратором в мире. И никто не превзойдет его, даже не сравнится с ним вовеки!

Далее: цветы жимолости (Божественная Любовь), лимона (Неизбывная Любовь), липы (Супружеская Любовь) — в конце концов, почему бы и нет? Белая роза — Достоинство, розмарин — Память, тимьян — Смелость, лист грецкого ореха — Разум, боярышник — Плодородие.

Все это — она, Сааведра. Ни в одном из этих качеств нельзя ей отказать, иначе получится фальшь. А нужна истина, только истина.

Мочу принесла Диега. Остальные вещества придется добывать самому. Кровь, пот, слюну, волосы. Момент он угадал правильно, не упустил, взял самое важное. В принципе можно уже начинать.

«Сааведра такая же, как я. Не похожа на других. У нее тоже есть Дар, у нее тоже есть Свет. Родись она мужчиной, стала бы мною. А я стал бы ею, если б родился женщиной. В чем тут причина? В том, что на смесь тза'абской и тайра-виртской крови странным образом подействовала нерро лингва? Это не столь уж важно. Главное, что я вижу ее Дар, ее Свет. И могу этим воспользоваться».

Сарио перенес на верстак чистую мраморную плитку — на ней он будет готовить краски. Рядом разложил и расставил мастихин, закупоренные горшки и бутылочки с пигментами, вином, соком инжира, гвоздичным маслом, шафраном и льняным семенем; три пустые склянки, кисти, баночку с воском и уголек. Этому угольку поручается важная роль — перенести образ из реальности Луса до'Орро в реальность этого мира.

Он уже вполне отчетливо представлял себе будущий бордюр.

Скрип щеколды прервал его размышления. Сарио обернулся и с удивлением увидел, как отворилась дверь и в его ателиерро вошла Сааведра собственной персоной.

К ней не сразу вернулся дар речи. А когда вернулся, слова хлынули потоком. Она и сама не понимала, что говорит, — что-то бессвязное, бессмысленное, невразумительное.

А Сарио, казалось, понял. Отдельные слова проникли в сознание. Оцепенение спало, настороженно-отстраненное выражение на лице сменилось осмысленным.

Но он ничего не сказал.

— Фильхо до' канна, — бросила она сдва дыша. — Жаль, что это не ты пришел в Галиерру. Жаль, что это не ты пробил Ключом Пейнтраддо.

— Почему? — спросил он. — Ты желаешь мне смерти? Для этого мало испортить портрет. К тому же он не настоящий.

Сааведру потрясло его равнодушие.

— Да, это правда... Он у меня!

— У тебя? — Он едва заметно качнул головой. — Если ты в этом уверена, поди пробей или сожги его, а потом возвращайся крыть меня на все корки.

Она ахнула от изумления.

— Так это копия... вторая копия...

У него побелели губы, возле рта пролегли глубокие складки.

— Да, я неплохо делаю копии. А что тут удивительного? Все эти годы нам ничего другого не позволяли.

— Сарио... Сарио, он мертв!

Он сдвинул брови.

— Сожалею. У меня что, недостаточно скорбный вид? Я не отдаю усопшему должных почестей, какая постыдная компордотта!

И тут она увидела печаль — в его глазах, в неестественной позе. Все его мышцы одеревенели от напряжения, казалось, он уже никогда не сможет нормально двигаться.

— Так ты знал? — поразилась она. — Ты и раньше верил, что он на это способен?

— Я верил в себя, — тихо молвил он. — Как он и хотел. — Складки у рта углубились, набухли желваки. — Эйха, Ведра, наверное, он все понимал. Кажется, я тоже. И все-таки даже пальцем не пошевелил, чтобы его спасти...

— Наверное, они хотели уничтожить его Пейнтраддо Чиеву.

— Нет, они хотели уничтожить его самого. Чиева до'Сангва. — Он поднял мастихин, сдавил рукоять. — Еще одна жертва.

— Тебе. — Ей хотелось плюнуть ему в лицо. — Во имя тебя.

— Во имя моего Дара, — прошептал он. — Моей Луса до'Орро. — Он впился взглядом в ее лицо, протянул руку. — Ведра, граццо, помоги мне, утешь...

— Утешить? С какой стати? Это был твой выбор. Ты знал, на что шел.

Он съежился, в руке дрогнул мастихин.

Сааведра оскалила зубы.

— Я хочу, чтобы ты страдал.

— Я страдаю.

— Мало! Я хочу, чтобы ты корчился и орал.

— Эйха, Ведра... Пресвятая Матерь, Всемилостивейшая Матерь...

Он смежил веки, поднял мастихин над головой.

— Мой Дар слишком слаб, я не в силах вернуть Раймона, не могу его оживить своим искусством... Я бессилен!

И тут она испугалась, что он затеял страшное, что хочет вонзить мастихин себе в грудь. Гнев, душивший ее, уступил немного места жалости и страху. Сарио никогда не лгал ей.

— Сарио! Сарио, граццо... — Она устремилась к нему, протянула руку. — Отдай мастихин...

Он выбросил вперед свободную руку, схватил ее за запястье, рванул к себе, выкручивая, поворачивая ладонью вверх. А потом полоснул ножом. Рассек ей кожу на пальцах.

— Ты Одаренная, — прошипел он. — Помнишь, как Раймон жег картину, в которой были далеко не все необходимые вещества? Сейчас будет то же самое, только не со мной, а с тобой. Сейчас я покажу, кто ты такая!

Сарио отпустил ее и повернулся к мольберту. Сааведра так неожиданно получила свободу, что отшатнулась назад, наткнулась на стул и вместе с ним рухнула на пол. Юбки задрались до колен, окровавленная рука скользнула по полу.

— Матра! — воскликнула она. — Матра эй Фильхо!

Сарио взмахнул мастихином, и на картину брызнула кровь. На образ Сааведры. На свежие краски.

— Что ты делаешь?

— Номмо Матра эй Фильхо, я всегда говорил, что ты иная, — заявил он. — Не такая, как все. Не знаю, в чем тут дело, не знаю, откуда взялся наш Дар. Может, от родителей? Или при зачатии святая искорка зажгла семя? Или что-то в крови?

— Я всего лишь женщина.

Сарио рассмеялся.

— И что с того? Что с того, что ты женщина? Разве ты не имеешь права на Дар?

— Я не...

— А может, причина как раз в этом? В том, что ты женщина и притязаешь на Дар, равный моему...

— Я не притязаю на Дар!

— ...вместе с кровью, талантом, способностью рожать...

— Я не та, за кого ты меня принимаешь!

— Пускай тела не похожи... Что бы ни отличало нас, мужчин, от женщин...

— Я не такая, как ты!

— Не перебивай! — рявкнул он и царапнул окровавленный портрет ногтем большого пальца.

Сааведра вскрикнула — ключицу обожгло болью.

Сарио молниеносно повернулся к ней.

— Посмотри! Посмотри, Сааведра! Вот оно, доказательство!

Боль в плече не утихала.

— Не на картину, — прошипел он. — На свое плечо!

Надо было бежать, но она не успела даже шевельнуться. Сарио подскочил, схватил за рукав, рванул.

— Вот! — сказал он. — Взгляни! Взгляни и еще раз скажи, что ты не Одаренная.

Она скосила глаза на обнаженную ключицу. Царапина. Кожа содрана, сочится кровь.

Она всхлипнула, брызнули слезы.

— Признай! — торжественно сказал он. — Номмо Матра эй Фильхо, номмо Чиева до'Орро, которой ты причащена, — признай!

— У меня будет ребенок, — промолвила она тонким, надломленным голосом. — Я знаю, у меня будет ребенок. Ты лжешь! У меня нет Дара!

— В этой лотерее нет правил, — заявил он. — Где написано, что Одаренная женщина не может быть способна к деторождению?

— Нет! Я не Одаренная!

— Одаренная. Больше я в этом не сомневаюсь.

— Алехандро...

— Нет здесь твоего Алехандро. Уехал к мамочке, плакаться. Да зачем он нам, Ведра? Мы с тобой прекрасно поймем друг друга. Так было всегда, так должно быть и впредь...

Он стоял совсем рядом. Она кое-как поднялась на ноги, заметив на паркете кровавое пятно.

— Отпусти... Сарио, отпусти меня!

Он рассмеялся.

— Разве я тебя держу? Граццо, уходи. И хорошенько подумай о том, что сейчас узнала.

И тут она его ударила. Оставила на щеке кровавый след ладони и ногтей.

Он не пытался остановить кровь, не ощупывал ссадины. Сел перед ней, скорчился (как слуга, как проситель) и ухмыльнулся.

— Ты такая же, как и я.

— Чудовище, — прошептала она, и в его глазах вспыхнули злые искорки.

— Одаренный, — процедил он. — Ни больше ни меньше. Другой. И ты другая. Но между нами разницы нет. Разница лишь в том, что я узнал от Иль-Адиба, что нашел в Кита'абе...

— Бассда! — воскликнула она. — Бассда, с меня хватит! — Она пошатнулась, схватилась за стул, опустилась на колено. — Кто бы ты ни был, я не такая, как ты. Ни малейшего сходства. И не будет... Никогда.

Он встал, шагнул к ней, и она снова испугалась. Но он схватил ее вовсе не для того, чтобы до крови рассадить ножом пальцы, и не для того, чтобы показать царапину на ключице. Он толкнул ее к стене, прижал, распластал. Сааведра не подозревала, что он так силен.

— Ведра, сейчас я тебя не люблю, — сказал он, дыша ей в лицо. — Нисколечко. Но мы одинаковы, мы связаны крепко-накрепко, наша Луса до'Орро — одна на двоих...

Она вырывалась, мотала головой, но его рот неуклонно, безжалостно приближался и наконец коснулся капельки пота на ее верхней губе. И в поцелуе не было ни любви, ни желания, — только одержимость, только кипящая ярость художника, который сделал ставку на упрямство, высокомерие и чуждую компордотту. Который возмечтал вылепить из себя нечто иное, чем все, нечто большее. Любой ценой...

Даже ценой жизни Раймона. Даже ценой верности Сааведры.

Потом он ее отпустил. Со смехом отступил на шаг и даже не пытался увернуться, когда она плюнула ему в лицо.

— Граццо, — сказал он. — Граццо мейа, поммо Матра эй Фильхо.

Она плюнула под ноги, оттолкнулась от стены и, шатаясь, дрожа, пошла к двери. Ноги вдруг подкосились, и она вцепилась в косяк. Прическа рассыпалась, волосы упали на лицо. В прорехе на блузе виднелся след мужского ногтя, который не прикоснулся к ее телу, а только к окровавленной картине.

— Мы одинаковы, — сказал Сарио.

Она бросилась бежать. От него. От себя.

Сарио нахмурился. Она не удосужилась затворить за собой дверь, а то, чем он хотел заняться, требовало секретности. Он встал и почувствовал жжение на лице и вспомнил, что по щеке прошлись ее ногти. Кровь. Да, кровь была нужна — но не его, а Сааведры. И он ее получил.

Он затворил дверь, запер на щеколду. Нужен запор понадежнее, но это потом. Сначала — самое важное.

Он подошел к верстаку, вынул пробки из стеклянных пузырьков. Взял чистый лоскуток полотна, коснулся его краешком губ — на них оставался пот Сааведры. Потом надергал из лоскутка корпии и запихал в склянку. Вытер мастихин, опустился на колени, поставил на пол второй пузырек, с величайшей осторожностью переправил в него слюну, закупорил и взял последнюю склянку. Крови должно хватить. Скрести пол не стоит, можно загрязнить кровь.

Пузырьки отправились в медную чашу. Сарио взял глиняный горшок, принесенный Диегой, поставил рядом с чашей на верстак.

Моча. Кровь. Слюна. Пот. Не все, но достаточно.

Сарио вздохнул, потер манжетой кровоточащие царапины, опустил глаза. И замер.

Вот оно! Как раз то, что нужно! За бородку Чиевы зацепилось несколько вьющихся волос. Три... четыре.

Он действовал быстро, но без суеты. Выдернул пучок волос из собственной шевелюры, распрямил вместе с волосами Сааведры, привязал к концу обструганной лучинки — получилась кисточка. Смочил ее слюной, затем снял крышку с самого маленького горшочка. Уверенно, привычно вывел золотистой краской письмена вокруг щеколды.

Потом отнес горшочек на верстак, кисточку промыл в растворителе, вытер, положил. Снял с мольберта и отнес в угол окровавленную, поцарапанную картину.

— Пора, — прошептал он. — Адеко.

Ощупывая царапины под глазом, подошел к дубовому щиту, взял чистую тряпицу и тщательно протер грунтовку.

Алла прима. Портрет за один сеанс.

Больше, чем за один, нельзя. Нет времени. Время всегда было его врагом.

31

У себя в покоях Сааведра разделась донага и приняла ванну, с особым тщанием вымыв лицо и все остальные места, до которых он дотрагивался. Потом изучила царапину на плече. Самую настоящую царапину.

«Вот что они делают. Вот как совершается Чиева до'Сангва».

С той лишь разницей, что Вьехос Фратос пишут поверх картины, и здоровый, талантливый юноша превращается в старца с изувеченными костной лихорадкой руками, с бельмами на глазах.

А у Сааведры руки остались прежними. И глаза. Она не изменилась, если не считать царапины на плече, порезов на пальцах и ожога на сердце.

Дрожа, она надела чистую рубашку, чистое платье, положила перевязанную руку на живот. Сарио уже знает. Она сама ему сказала. А больше не знает никто, даже Алехандро. Правда, женщины, которые стирают ее белье, могли догадаться. Но они никому не скажут — компордотта не позволит. Только через четыре месяца после зачатия... В роду Грихальва стерильность — бич мужчин, а выкидыши — проклятие женщин. И четыре месяца спустя не будет уверенности, что ребенок родится живым, но все-таки уже спокойнее. .

Зеркало ответило без лести: под глазами у тебя тени, у рта — складки, щеки бледные, а в целом — ничего страшного. Сааведра быстро стянула волосы на затылке в «конский хвост» и пошла искать Игнаддио. Они помолятся вдвоем за упокой души сангво Раймона перед иконой Матры эй Фильхо.

Дело спорилось; бормоча слова лингвы оскурры, Сарио уверенной рукой наносил точные мазки. Писал, как велел Алехандро: вкладывая душу, любовь и сердце. Но — по своему хотению, по велению своего Дара, своей Луса до'Орро.

От первоначального плана пришлось отказаться, как и от первого — неудачного — портрета. Теперь Сарио все делал иначе, совершенно по-новому, так ни он сам, ни другие художники никогда еще не писали.

В центре картины на переднем плане — женщина; стол отделяет, но почти не скрывает ее от зрителя. Сам стол виден лишь отчасти — левее центра, до бордюра. Его угол врезается, вклинивается в картину снизу, приковывая взгляд, властно увлекая его за собой. На столе лежат книги, листы веленевой бумаги, горит лампа; между кувшином и глиняной вазой с фруктами оклад закрытого Фолио сверкает золотом и драгоценными камнями. На заднем плане видны высокие стрельчатые окна в толстых стенах — сплошь плавные изгибы в переливах теней и мягких оттенков. Ставни открыты, за окнами пламя заката растворяется в кромешной ночной мгле. На широком подоконнике недавно зажгли высокую, толстую восковую свечу с двенадцатью кольцевыми бороздками, заполненными золотистой краской, — каждое колечко отмечает один

час горения. Огонек этой свечи — неразличимое желтое пятнышко — окрашивает в теплый цвет патины оштукатуренную стену.

На другом подоконнике, на мольбертике, блестит зеркало: посеребренное стекло, золотая рама инкрустирована жемчугом. Дорогой подарок на счастье и в память об Астравенте — ночи, когда с неба падают звезды.

Справа, на самом краю картины, массивная железная дверь нависает над передним планом. Дверь затворена, но засов убран, — значит, ее можно отворить с той стороны.

Женщина стоит между окнами и столом, в сиянии свечи и лампы, в пространстве между светом и тенью. Изящная рука с длинными пальцами касается драгоценного оклада Фолио, словно должна вот-вот раскрыть книгу. Но поза говорит о другом: Фолио уже ничего не значит. Забыто.

Другая ладонь, столь же красивая, столь же детально прорисованная, опущена к животу, как будто женщина хочет погладить его или защитить. Она смотрит на зрителя, но кажется, вот-вот отвернется; художник уловил миг между неподвижностью и движением. Голова вскинута, прекрасное лицо озарено сиянием лампы и внутренним светом радостного ожидания, словно она знает, чьи шаги звучат за дверью, — шаги любимого, отца ее будущего ребенка. Все вздрогнуло, все поворачивается: свет, тени, любовь, радость. Не к Сарио. К другому.

У него сперло дыхание. Но вот он снова задышал и забубнил.

Над глубоким прямоугольным вырезом пепельно-серого с розоватым оттенком платья поблескивает белая кожа. Играющий огненными красками велюрро, начинаясь чуть ли не от сосков, плотно облегает высокую грудь, талию и пока еще совершенно плоский живот. Роскошные черные кудри убраны с лица, только один-два длинных завитка лежат на щеке ближе к уху, ждут, когда их коснется нежная рука любимого.

Быстрее. Времени мало.

Слой на слой, мазок на мазок. Здесь свет, там тень, здесь холодный тон, там теплый. Краски ложатся одна на другую, смешиваются и рождают мир. Он смешивал краски на мраморной палитре, по мере надобности подсыпал в них толченой канифоли, подливал олифы или вина.

И снова за кисть... Четче показать нос, чуть приоткрывшийся рот, серые блестящие глаза. Не забыть о ресницах, даже об ушных раковинах. А теперь — линия от приподнятого подбородка вертикально вниз, влево по дуге, горизонтально до края плеча... Чуточку света здесь. Чуточку тени там.

Сааведра. В миг между неподвижностью и движением. За считанные секунды до встречи с Алехандро.

Комнатушка, точно такая же, как та, что недавно служила Сааведре жилищем. Кое-что досталось Игнаддио по наследству от прежнего жильца, остальное здесь появилось вместе с ним.

Узкая кровать (сломанная ножка подвязана веревкой), платяной шкаф, столик у окна, кувшин, таз, инструменты, бесформенная кипа картонов. И он сам. И его вдохновение. И его воображение.

Сааведра задержалась в дверном проеме. Он оставил дверь отворенной — должно быть, ждал. Но если и услышал шаги, если и заметил ее, то не подал виду.

Он сидел на кровати — сгорбившись, голова опущена на грудь.

— Надди.

Он поднял голову; рядом с ним на кровати примостился тяжелый темный картон на широкой доске и кусок мела. Руки и лицо тоже выпачканы мелом. Увидев Сааведру, Игнаддио отодвинул доску.

— Эйха, я помешала? Рисуй, я попозже зайду.

— Я тебя ждал.

Она подумала, что слишком задержалась. Сначала у Сарио, потом у себя в комнате, отмываясь от его грязи.

— Извини, — сказала она. — Ну что, идем?

Он встал, откинул с глаз назойливую прядь волос.

— Что теперь с ним будет?

«С кем? С Сарио?»

В следующий миг она поняла, что он говорит об иль сангво.

— Похоронят.

Он, конечно, спрашивал не об этом, но другого ответа Сааведра не нашла. Прежде ей не доводилось слышать о Грихальве, который наложил на себя руки. И она не видела причин для самоубийства Раймона.

«Только из-за Сарио...»

Раймон не должен был этого делать. Он пошел вопреки законам екклезии и обычаям семьи.

— Ну что, идем? — повторила она. — Поговорим с Пресвятой Матерью, помолимся за упокой его души.

Игнаддио вытер руки о блузу; вряд ли от этого они стали чище. Движением головы отбросил с глаз прядь. И Сааведра увидела в его зрачках затаенный страх.

— В чем дело?

Он уставился в пол.

— Надди?

— У меня на следующей неделе конфирматтио.

Она содрогнулась в душе. Конфирматтио — испытание на Одаренность; как раз сейчас ей больше всего на свете хотелось обо всем этом забыть.

— Эйха. — Она с удивлением услышала совершенно спокойный голос. Свой голос. — Разве ты не мечтал о нем? Первым был Ринальдо, теперь ты. Не так уж сильно ты от него отстал, эн верро?

— Я уже не хочу, — пробормотал он. — Боюсь.

Случись это еще вчера, она бы повела Игнаддио к Раймону чтобы развеял страхи. А теперь эти страхи объяли все его существо.

— Из-за того, что случилось в кречетте?

Он кивнул.

— Ведра, у него еще годы оставались. Годы!

В роду Грихальва об этом думают даже мальчишки.

Сааведра печально вздохнула.

— Надди, нам никогда не узнать, почему он так поступил.

Она знала. Знала.

— Но нельзя, чтобы горе мешало нам жить и трудиться. Если ты Одаренный, ты будешь нужен семье. Может быть... Может быть, со временем ты его заменишь.

Он в изумлении посмотрел на нее.

— Иль сангво?

— Нет, — сказала она чуть помешкав, — никто не заменит иль сангво. Но надеюсь, ты не забудешь, чему он учил, и поможешь ему обрести вечный покой.

Игнаддио кивнул.

— Я с радостью...

— Тогда идем.

Мальчик снова вспомнил о своем мужском достоинстве, поэтому Сааведра не протянула ему руку.

— В молельню.

Она направилась к выходу, и после недолгих колебаний Игнаддио пошел следом.

Голос звучал в лад сердцу, то тише, то громче; своды и стены слабым эхом отвечали тайному языку. Детали, детали, детали: шероховатая поверхность двери, резная кромка стола, блеск драгоценных камней в окладе Фолио под лампой, текст и рисунки на вселеневых страницах, капля воска, сбегающая по свече, окно, ставни, медная чаша на подоконнике, а в ней колокольчики, белая гвоздика, розмарин. А еще ветка персика в цвету — Плен. Это шутка, понятная только Сарио.

Лингва оскурра. В свете, в тени, в огне, во мраке, в складках юбок, в завитках волос, в резной кромке стола, в шероховатой поверхности дерева, в роскошном окладе Фолио, в тексте и рисунках на вселеневых страницах. Везде.

Сааведра не знала, полегчало ли мальчику в молельне, развеялись ли его страхи, обрел ли он утешение. Сама она, кажется, обрела надежду, а вместе с надеждой пришло понимание: да, она Одаренная. И этому нет объяснений.

И это вовсе не означает, что она должна принять догматы иллюстраторов. Ей никогда не стать одной из них, Вьехос Фратос, — тех, кто следит за компордоттой, кто выбирает цели и ведет к ним семью. Она была и остается самой собой, ни больше ни меньше. Пускай другие выбирают цели, следят за компордоттой и карают ослушников. Пускай другие лезут вон из кожи, чтобы быть не такими, как все.

Рядом с ней на скамье, прижимаясь к стене лопатками, сидел Игнаддио. Крошечная молельня могла вместить от силы шестерых, но в этот час казалась огромной, как зал собора. Однако в отличие от собора здесь ни колоколов, ни санкто, ни санкты. Только покрытый велюрро стол, а на нем деревянная икона.

Говорят, ее создал Премио Фрато Артурро. Он давно на том свете, а теперь и Раймон отправился следом за ним. Говорят, Артурро был для Раймона как родной отец, с детства о нем заботился...

Невозможно представить Раймона ребенком. На ее памяти он всегда был взрослым. Одаренным. Вьехо Фрато.

Хорошо, если Артурро встретил его на том свете. Хорошо, если обласкал, утешил своего бывшего эстудо. Но ведь Раймон — самоубийца...

Игнаддио пошевелился.

— Ведра, можно я пойду?

Она вздрогнула.

— Эйха, конечно. Я не собираюсь тебя удерживать. — Она коснулась его руки. — Иди. Я еще немного тут побуду.

Он встал, приблизился к двери. Взявшись за щеколду, оглянулся на Сааведру.

— Ты ведь это не всерьез, а? Насчет Сарио. Что это его вина.

Она сделала долгий вдох, чтобы выиграть время и собраться с силами.

— Для тебя так важно, чтобы его простили? Чтобы я его простила?

Игнаддио надолго уставился в пол, наконец поднял глаза.

— Он Верховный иллюстратор, — сказал мальчик. — Я тоже мечтаю стать Верховным иллюстратором. Но если ты сказала правду...

«Если я сказала правду, то навсегда отравила твою мечту. И что с того, что виновата не должность, а человек?»

— Я тогда разозлилась, — объяснила она, и это была правда. — Никогда в жизни еще так не злилась. И не собираюсь оправдываться. Ты ведь и сам знаешь: в гневе часто говоришь то, чего не следует.

Он обдумал ее слова.

— Так ты не всерьез?

— Я сказала, чего не следовало.

Игнаддио хотел еще о чем-то спросить, но передумал. Должно быть, понял, что исчерпывающего ответа не получит. Он кивнул Сааведре на прощание и ушел из молельни — терзаться сомнениями и подозрениями.

— Бедный Надди, — шептала Сааведра. — Все наши прекрасные идеи нынче разбились вдребезги. Один иллюстратор наложил на себя руки, другой повинен в том, что довел его до самоубийства. Но я тут ничем помочь не могу. В нашем мире нет справедливости.

Ни для мальчика, у которого рушится мечта, ни для женщины, утратившей невинность.

— Я хочу, чтобы она вернулась, — просила она, глядя на икону. — Я хочу, чтобы моя невинность вернулась.

Не вернется. Слишком уж часто Сааведра ее теряла. В первый раз это было в чулане над кречеттой, когда она увидела Чиеву до'Сангва. Второй — когда сожгла Пейнтраддо Томаса.

«Все ради Сарио».

Не только. Еще и ради себя, ради того, что крылось в самой глубине ее существа. Ради страстной мечты о Даре,

который возвышает художника над остальными смертными. Который делает его непохожим на других.

Теперь Сааведра знала, что у нее есть Дар. Сарио это доказал.

Она встала и сделала четыре шага к столу. Преклонила колени, опустила голову.

— Прости меня, — взывала она к Матери. — Прости!

Он писал цепь, кропотливо выводил каждое звено. Во всем присутствовала оскурра, крошечные, четкие, точно подобранные тза'абские письмена. Звено за звеном, буква за буквой, слово за словом. Цепь пересекала выпуклости грудей, солнечное сплетение, доставала до талии. Над ладонью, что защищала и ласкала живот, появился Ключ — точная копия Чиевы Сарио.

И тут Сарио замер. Вскрикнул. Вырвался из транса Аль-Фансихирро, из чар столь мощных, что заставили позабыть обо всем на свете, кроме творения. Пальцы разжались, кисть упала на мраморную палитру. Он попятился, зашатался, прижал к глазам липкие, пахнущие краской ладони. Только громкое, прерывистое дыхание нарушало тишину ателиерро.

«Пресвятая Матерь, великий Акуюб...»

Он иссяк. Исчерпался. Всего себя перелил в то, чем могла быть она. Растратил талант Грихальвы, тза'аба — всего себя. Особенного. Не похожего на других.

Ничего не осталось...

Словно в подтверждение этой догадки затряслись руки, по телу пошли судороги, до хруста сжались челюсти. Его мутило, в глазах померк свет; почему-то он решил, что на полу будет легче. Опустился на колени, услышал, как звякнула его цепь. Взялся за Ключ, ощутил в ладони его форму, тяжесть, твердость.

Накатил страх. Неужели он принес себя в жертву?

Он поднялся на ноги, шатаясь, приблизился к картине, увидел нарисованный Ключ и цепь. Точно такие же, как у него. Разница лишь в том, что на его шее — настоящее золото, звенья созданы руками человека, а не лингвой оскуррой.

Полегчало. Он повернулся кругом, подошел, бормоча молитву двум божествам, к стене, прислонился. Столько сделано за такой короткий срок! Но работа еще не закончена.

Он сполз по стене, ободрав ладонь о штукатурку и услышав треск зацепившейся ткани. И почувствовал запахи крови, мочи, спермы и пота.

«Осталось одно...»

Он содрогнулся.

Пахло краской, растворителем, олифой, воском; еще были пряные ароматы растений и сладкий — горящих свечей. Неровное биение сердца под сведенной судорогой плотью. И затрудненное дыхание, как у больного чумой.

Дрожащие руки превратили вьющиеся волосы в спутанные космы. Спускаясь по исхудалому лицу, ладони оцарапались о жесткую щетину на подбородке. Он вновь нащупал Чиеву и стиснул, спрятал в ладонях, сцепил на ней пальцы.

«Подожди. Подожди».

Еще можно отступить. Еще можно все исправить.

Подожди!

Нет. Слишком поздно.

Набухли слезы. Пролились. Дрожа, он поднес Чиеву до'Орро к губам, поцеловал, крепко прижал к груди. А потом вскочил на ноги, быстро подошел к верстаку, взял крошечную кисточку из своих и Сааведриных волос, макнул в мочу, слюну, кровь и, наконец, в краску на мраморной плитке.

Наклонился к портрету, вонзил зубы в нижнюю губу. Он уже не раздумывал, он снова погрузился в глубокий транс, отдался чарам Аль-Фансихирро. На это ушло лишь мгновение, и еще одно — на то, чтобы вывести его имя на щеколде двери, которая вела в комнату Сааведры.

Женщине, стоявшей на коленях подле иконы, сначала показалось, что погасла свеча. В молельне вдруг сгустилась темнота. Сааведра вскинула голову и увидела в безжизненном сумраке тусклый огонек.

Сердце забилось как молот. Сааведра ахнула, прижала к сердцу ладони и ощутила неровное биение. Сильный удар, затем слабее, слабее... Снова мощные и слишком частые удары. А теперь — с опозданием...

Она попыталась вздохнуть. Не вышло.

«Я не могу дышать!»

— Матра... Матра Дольча... — вырвалось из груди вместе с остатками воздуха. Легкие работали. Но не наполнялись.

Сааведра пошатнулась. Хотела схватиться за стол, удалось — за скатерть. Икона сдвинулась, но не упала. Скатерть вырвалась из руки.

Сааведра запрокинула голову в безмолвном крике ужаса. И упала, одной рукой держась за живот, а другой сжимая дощечку, на которой знаменитый Артурро изобразил лики Матры эй Фильхо.

Рука прошла сквозь икону. Сквозь лак, краску, олифу, дерево. Падая, она даже не покачнула стол, не сдвинула скатерть.

Остро пахнуло маслом, воском, кровью, старой мочой. А еще — папоротником, фенхелем, цветами персика.

В тот же миг она ощутила тяжесть цепи на шее, прикосновение холодного металла к теплому, живому телу.

И тяжесть, и холод исчезли сразу. Исчезли и жизнь, и тепло. Остались только краски, смешанные на мраморной палитре и теперь засыхающие на деревянном щите.

32

Стоял летний зной. Алехандро трясся и выбивал зубами барабанную дробь.

— Ты... — Он осекся. Судорожно сглотнул. Перевел дух, собрался с силами и начал заново: — Ты знаешь, о чем тут написано?

Грихальва кивнул.

— Она... Она... — Герцог снова умолк. Снова впился глазами в страницу, которую держал в дрожащей руке. И снова заговорил: — ...Пишет, что желает моей жене... моей настоящей жене иметь любящего, преданного ей супруга, а не калеку с разорванным надвое сердцем.

Грихальва кивнул.

— Ты знаешь об этом? Прочел?

Грихальва промолчал.

— Но это неправда! Этого не может быть!

— Ваша светлость.

Он не возражал, не пытался утешить. Всего лишь вежливо поддерживал беседу.

Алехандро закричал от боли, отчаяния, бессилия. Разорвал письмо в клочья, швырнул на пол.

— Я верну ее! Верну! Слышишь? Верну!

И снова в ответ блеклое:

— Ваша светлость.

— Разыщи ее. Иди к ней! Сейчас же! — У него задергались мышцы лица. — Ты — Грихальва, родственник, самый близкий друг... Найди ее. Я, Алехандро до'Веррада, милостью Пресвятой Матери с Сыном герцог Тайра-Вирте, приказываю!

Грихальва безмолвствовал.

Молчание победило. Алехандро вновь забыл, что он — герцог.

— Номмо Матра эй Фильхо, этого не может быть.

Может. Это случилось. Алехандро слишком хорошо ее знал.

— Сарио... Сарио, скажи, она хочет, чтобы я пришел к ней, упал в ноги... Да! Я должен убедить, что люблю ее, люблю безумно... — Он обвел взглядом рассеянные по полу клочки бумаги и проклял себя — уничтожил то, что, по словам иллюстратора, было написано ее собственной рукой. — Скажи, что это так! — взмолился он со слезами на глазах.

Грихальва лишь покачал головой.

— Фильхо до'канна! Иллюстратор, скажи хоть что-нибудь! Матра Дольча! Стоишь передо мной как истукан, бледный, хоть в гроб клади... Неужели не можешь ничем помочь? Объяснить? Посоветовать?

— В письме довольно ясно сказано, что найти ее не удастся. И вернуть. — Наконец-то в голосе Грихальвы появилось нечто похожее на участие. — Не стоит и пытаться, ваша светлость. Вы только зря потратите время.

— Зря потрачу время... — У герцога подкосились ноги, он рухнул в любимое кресло отца. — Зря потрачу время...

— Ваша светлость, она не вернется.

— Иллюстратор, ты наверняка что-то знаешь. Иллюстраторы всегда знают больше всех.

— Отнюдь, ваша светлость. Я не знаю того, что интересует вас.

Алехандро сполз с кресла, опустился на колени, взял два клочка бумаги, попробовал состыковать. Не вышло.

— Я не смогу, — произнес он растерянно. — Не смогу... без нее. У меня ничего не получится. Грихальва, она должна быть здесь, со мной. Она должна быть моей фавориткой, женой... Ведь у нас намечалась свадьба, Марриа до'Фантоме. Ты же сам говорил. Сам придумал. — Он выпустил из руки обрывки бумаги. — Мне без нее никак...

— Ваша светлость, она — с вами.

Он встрепенулся.

— Что?

— Быть может, тело ее сейчас далеко, но душа, безусловно, рядом с вами. — Грихальва указал на картину, прислоненную к стене и занавешенную парчой. — Душа ее здесь, ваша светлость, и если захотите, останется с вами насовсем.

Алехандро уставился на темный прямоугольник.

— Это... — В горле возник душный комок. — Это Сааведра? Портрет?

— Это Сааведра.

У иллюстратора чуть дрогнули уголки губ.

— Вы угадали, это заказанный вами портрет. Выходит, она вас и не покидала.

Святая Матерь! Какая мука!

— Она меня бросила!

— Душой — нет, ваша светлость. — Грихальва изящно приподнял и опустил плечо. — Возможно, кое-что в ее словах — ложь, сами знаете, женщины не считают ее грехом. Но кое-что — правда. — Он выдержал паузу. — Правда, ваша светлость.

Алехандро растерянно смотрел на него. Ждал.

— И пока вы будете хранить этот портрет, Сааведра вас не покинет. Но его необходимо беречь как зеницу ока. Как вы берегли ее саму.

— Я не смогу. — Опять выступили слезы. — Номмо Матра эй Фильхо, мне этого не вынести.

— Вынесете, ваша светлость. Вы — сын Бальтрана до'Веррады, вы должны править герцогством.

— Без нее?

— Ваша светлость, она будет с вами. Номмо Матра эй Фильхо, я обещаю. Надо только оберегать ее, как вы бережете свою жизнь, свои чресла, свое герцогство.

Алехандро встал. Посмотрел на занавешенную картину. И резко махнул рукой.

— Убери ее.

— Ваша светлость?

— Убери. Прикажи слугам унести куда-нибудь. Избавься от нее. Я не хочу ее видеть.

Теперь Грихальва и впрямь напоминал мертвеца. В лице — ни кровинки, в провалах глазниц — мрак.

— Не хотите?

— Не могу.

Грихальва резко, с присвистом выдохнул.

— Эйха, понимаю... Вы, кажется, действительно нуждаетесь в моей помощи.

Алехандро вскочил на ноги, чтобы схватить, удержать его. Но опоздал. Рука художника совлекла покров, являя взору герцога заказанный им портрет.

— Она вас ждет, — сказал иллюстратор. — Видите? Присмотритесь. Она стоит и ждет, когда вы придете. Вы уже рядом, она слышит ваши шаги. Видите, начинает поворачиваться, на лице слабый румянец, она узнала вашу поступь. Видите, Фол... книга осталась нераскрытой, она забыла обо всем на свете, знает только, что вы совсем близко, за дверью. Сейчас она бросится к двери, поднимет щеколду и увидит вас. — Его темные южные глаза загадочно блестели. — Все это — здесь, ваша светлость. Все это ваше. Сааведра — ваша.

Герцога сотрясала крупная дрожь. Душа корчилась от боли. Но это было сугубо личное дело Алехандро до'Веррады. Оно не касалось никого, даже Верховного иллюстратора.

— Ступай, — сказал Алехандро. — Адеко. Уходи.

Грихальва повел плечами, словно хотел обернуться. Но не обернулся. Выразительно изогнул бровь и покосился на картину.

— А с ней как быть, ваша светлость? Унести? Хранить в моей мастерской?

«Какая боль!»

— Оставь, — выдавил Алехандро.

— Конечно. — Верховный иллюстратор отвесил легкий поклон. — Ваша светлость, простите за самонадеянность. Вы не одиноки. Сааведра — с вами. Я тоже.

— Номмо Матра, уходи...

Раздались тихие шаги, скрипнула дверь. Клацнула щеколда, падая на место.

Один. Один.

Матра Дольча, ему не вынести этой пытки!

Один.

Не вынести...

Но он знал — придется вынести.

Расставшись с Алехандро, Сарио отправился прямиком в Паласс Грихальва. Поднялся по лестнице в покои Сааведры. В этих комнатах хранились многие его картины, в том числе портрет Сарагосы, — доказательства его силы, улики, способные погубить его. Конечно, он напишет еще много картин, но храниться они будут не здесь. Мало ли на свете укромных мест!

А эти комнаты — для прошлого. Для прошлого, о котором никто не должен знать.

Он вышел в коридор, затворил дверь, достал из сумы кисточку и горшочек с краской. Дверь была велика, но Сарио не собирался расписывать ее всю. Лишь малый участок вокруг щеколды. Ничего сверх необходимого.

Лингва оскурра — след былого величия Тза'аба Ри. И Сарио — след былого величия этой страны. Иль-Адиб когда-то назвал Сарио и Сааведру детьми Пустыни; старик чаял, что они вернут своей матери утраченные сокровища. Но прогадал. Они — Грихальва. Чи'патрос. Одаренные.

Он нанес на старое дерево письмена лингвы оскурры, пустил вокруг бордюр, написал на щеколде свое имя. А когда по лестнице поднялся Игнаддио и спросил, что он тут делает, Сарио хладнокровно закрыл горшочек, вытер о коврик кисть и спрятал в суму.

— Это она попросила, — тихо ответил он. — Перед тем как уйти. А зачем... — Он пожал плечами. — Кто их поймет, этих женщин?

На лице Игнаддио появилась тень сомнения.

— А почему она ушла?

— Потому что любит герцога, а он женится на пракансийской принцессе.

— Почему она здесь не осталась?

— Эйха, не во всех бедах помогают родные стены. — Он направился к лестнице. — Ты идешь? Я собираюсь пройти через Галиерру Вьехос Фратос. Может, составишь компанию?

У мальчика зарделись щеки.

— Тебе?

— А что тут такого?

— Но ведь ты Верховный иллюстратор!

— Глядишь, и ты им когда-нибудь станешь. — Сарио улыбнулся смущенному мальчику, взял за худое плечо и повел к лестнице. — По-моему, честолюбие — не такое плохое качество. И цель у тебя достойная.

Сбегая по ступенькам, Игнаддио обернулся.

— Ты всерьез думаешь, что я стану Верховным иллюстратором?

— Да, я в это верю... Но только — если доживешь! Мешкано, держись за перила. Так ведь и шею сломать недолго. — Он беспечно улыбнулся. — Представляешь, какое будет горе?

Игнаддио взялся за перила.

— Для меня — конечно, а для тебя почему?

— Потому что ты мне нужен.

Мальчик снова оступился и едва не упал. Последняя ступенька, и вот он на полу, резко поворачивается к Сарио.

— Зачем? Зачем я тебе нужен?

— Ты во многом похож на меня. Правда, наивности многовато, но это дело поправимое. — Он тихо рассмеялся. — Что, Надди, смутил я тебя?

Мальчик кивнул.

Сарио задержался на нижней ступеньке.

— Мне нужна твоя юность. Мне нужна твоя сила. Мне нужен твой талант, тело и Луса до'Орро. Потому что со своими в один прекрасный день мне придется расстаться.

— Я Одаренный? — От изумления и восторга голос Игнаддио поднялся до надрывного писка.

— Да.

— Но... откуда ты знаешь? Я еще не прошел конфирматтио, и ты не видел моих работ.

— Бассда. — Сарио хлопнул его по плечу. — Я это вижу. Не глазами. Тот, в ком есть Свет, всегда увидит такой же Свет в другом.

— Но...

— Никаких «но». Бассда. Идем в Галиерру. Если ты на самом деле решил учиться у меня, лучше начать сегодня же.

— Мердитто, — пробормотал Игнаддио и тотчас покраснел. — Прости. А... сколько на это уйдет времени? Чтобы узнать все, что знаешь ты? Может, и жизни не хватит?

Сарио обнял его одной рукой за плечи.

— Тебе который год, четырнадцатый? Эйха, вот что я тебе скажу: через пятнадцать лет мне будет тридцать пять, а тебе двадцать восемь. — Сарио кивнул и рассмеялся про себя. Он все расскажет мальчишке, все, но тот, конечно, ничего не поймет. Какая тонкая шутка! — Через пятнадцать лет я стану незаменим, и Алехандро узнает правду... Обязательно узнает, шила в мешке не утаишь, но в отставку меня не отправит. Мало-помалу привыкнет к мысли, что я должен всегда быть рядом, что на меня можно во всем положиться, в любой беде я приду на помощь. А потом все будет очень просто. — Он взглянул на мальчика. — Надди, ты вытерпишь пятнадцать лет? Чтобы стать Верховным иллюстратором?

У Игнаддио сияли глаза.

— Пятнадцать лет — очень большой срок.

— Но ведь учеба тоже займет много времени, — возразил Сарио. — Если мы решили, что ты станешь мной, а я — тобой, ты должен узнать все, что знаю я.

Его слова сбили Игнаддио с толку.

— Но... я не могу стать тобой. Или могу?

— Эйха, наверное, нет, это всего лишь метафора. — Сарио небрежно помахал рукой. — Но я могу стать тобой, это несомненно. Я узнал, как это сделать.

— Откуда?

— У меня были хорошие учителя, — ответил Сарио. — Старый эстранхиеро, Фолио и несколько уцелевших листов самой священной книги в мире. — Он улыбнулся. — А теперь давай займемся твоим обучением, и через пятнадцать лет ты будешь знать все, что знаю я. Обещаю.

Игнаддио застыл как вкопанный. Воздел острый, не оформившийся еще подбородок.

— Поклянись.

Сарио рассмеялся и отвесил легкий поклон.

— Как пожелаешь. — Он поднес к губам Ключ, поцеловал, прижал к груди. — Номмо Матра эй Фильхо. Номмо Чиева до'Орро.

Игнаддио Грихальва так просиял, что казалось, в коридоре стало светлее. По крайней мере светлее стало на душе у Сарио.

Все будет хорошо. Все получится. Все — не напрасно.

Сарио бросил взгляд через плечо, но не разглядел лестницу. И дверь.

Эйха, значит, и никто другой не разглядит.

— Верховный иллюстратор?

Сарио дернул узким плечом.

— Бассда. У нас много работы. Гораздо больше, чем времени.

Вот так всегда. Слишком много работы. Слишком мало времени. Особенно когда ты иллюстратор. Одаренный. Чи'патро.

И не желаешь гасить свой Свет.

Отсутствие дня — ночь. Отсутствие звуков — тишина. Отсутствие света — темнота.

Я к этому не готовилась. Я об этом не мечтала. Я этого не предвидела.

И никто не замышлял такого исхода, кроме одного безумца. И я не могу с уверенностью сказать, когда в его голове родился этот мерзкий план: в начале, или в середине, или в самом конце. Не знаю, что на него нашло, какая необходимость толкнула на столь жестокий шаг. Да и была ли она, эта необходимость?

Наверное, все-таки была. Вернее, была прихоть. Для него прихоть и необходимость — одно и то же.

Вероятно, дело еще и в страхе. Опять же — в беспричинном. Кто бы стал меня слушать? Кто бы потребовал от него объяснений, пригрозил наказанием?

Зато теперь ему нечего бояться. Никто ничего не узнает. И не потребует объяснений. И не пригрозит.

Я этого не ждала. Все произошло совершенно внезапно. Поглотило меня, вырвало из моего мира и бросило в другой, возникший по его велению.

Дар.

Родовое проклятие.

Оба способны зачинать, вынашивать, рожать. Когда-то и я готовилась к материнству, а теперь я — жертва волшебства, непостижимого для всех, даже для иллюстраторов. Я и сама не взялась бы его описать.

Неоссо Иррадо. И — нечто большее. Нечто иное.

Это «нечто» называется Дар. Спасибо и на том, что у этого ужаса есть имя.

Что же ты сделал со мной?

Галиерра 1261

В сводчатом фойе Галиерры Веррада, как всегда на его памяти, царило безмятежное спокойствие. Тишина раннего утра действовала умиротворяюще. Но запах изменился. Последняя Великая герцогиня, Гизелла до'Гранидиа, привезла со своей жаркой родины новую моду. В каждом оконном проеме стояли теперь белые вазы глазурованного фарфора, высотой с голову мужчины и узкие, как талия затянутой в корсет женщины, украшенные рельефными геометрическими узорами в тза'абском стиле. Каждые три дня в них ставили свежесрезанные розы и ветки жасмина. Сейчас, утром, цветы распространяли лишь легкий аромат, но стоит дневной жаре войти в силу, усилится и благоухание. Это новшество оказалось весьма полезным. Ведь чем жарче день, тем сильнее потеют (а значит, и воняют!) высокопоставленные посетители, но и аромат роз становится сильнее от жары, милосердно заглушая вонь. Своеобразное решение проблемы, однако он считал это баловством. Почти все картины (за исключением жалкой мазни Серрано, но таких было всего несколько) создавались среди запахов крови, пота, семени — грубых, жестоких запахов, пропитавших и холст, и краски. Они давно выветрились, их унесли зимние дожди и летний зной, многократные чистки и вздохи посетителей, стоявших здесь в благоговении перед гением Грихальва. И все же это очень плохо, ведь по запаху, идущему от картин, можно догадаться о подлинной сущности магии. Он улыбнулся — какой же он глупец! Никто, кроме правящих Великих герцогов, ничего не знает об источнике магии, но даже они не подозревают о ее истинных возможностях. Так и должно быть. Он сам все это устроил много лет назад.

Короче говоря, он предпочитал едкий запах красок. Неудивительно, ведь только что он смешал всю палитру. Запечатанные воском и сургучом горшочки были надежно заперты в ящике в его секретной мастерской над винной лавкой, готовые к употреблению в любую минуту. Никогда больше он не станет ждать, пока найдется для него следующее тело. Однажды он так ослабел после кровотечения, что еще чуть-чуть — и перемещение не удалось бы. Хотя, когда заклятие уже было произнесено,

физическая слабость сыграла ему на руку — разобраться с изношенным, старым телом оказалось легче легкого. С тех пор он всегда готовился заранее.

Он также научился не дожидаться, пока его собственное тело начнет стареть. Подобную ошибку он уже сделал две жизни назад. Он был так доволен должностью Оакино при изысканном дворе Гхийаса, что годы прошли незамеченными. Но однажды ранней весной, проснувшись от невыносимой боли в суставах, он едва смог подняться с застеленной шелком постели. Оакино тогда исполнилось всего сорок два года, и он был не готов к обрушившейся на него старости. Обратное путешествие в Тайра-Вирте было сплошной болью — душевной и физической, и только новое тело, здоровое, восемнадцатилетнее, принесло долгожданное облегчение.

Оакино и последовавший за ним Этторо, уже в тридцать пять лет страдавший от ломоты в костях, научили его тщательно изучать родословные, дабы обнаружить раннюю смерть или кровосмешение. Его теперешнее тело, Дионисо, имело прекрасную наследственность — в сорок один год он выглядел на десять лет моложе и чувствовал себя соответственно. На этот раз он решил дать себе побольше времени, чтобы выбрать молодого человека, наделенного всеми необходимыми ему качествами. А за несколько веков он успел точно выяснить, что же это за качества.

Во-первых, и это главное, мальчик должен иметь хорошую родословную и превосходное здоровье. Его талант должен быть Признан, чтобы постепенное проявление истинного гения никого не удивило. Ему хотелось также, чтобы мальчик был симпатичным. Он поежился, вспомнив непривлекательную разиню Ренсио. Впрочем, тогда ему не из чего было выбирать, его толкнула на этот выбор старость и жестокая нужда. Больше — никаких Ренсио, он не желает еще двадцать лет быть запертым в уродливом теле.

Недавно он добавил в список необходимых ему свойств еще и семейные связи. Его первые тела в основном происходили из боковых ветвей огромного рода Грихальва. Он считал тогда, что относительная неизвестность — вещь хорошая, он мог оставаться незамеченным, пока привыкал к новой для себя жизни. Чем менее известным было раньше его воплощение, тем меньше людей приходилось обманывать, постепенно приводя особенности своего тела в соответствие с собственным характером. Слава Богу, молоденькие мальчики всегда непредсказуемы, а молодые художники и вовсе капризны сверх всякой меры.

Но теперь семейные связи приобрели для него большее значение. Дионисо происходил из влиятельной ветви семьи, давшей миру за последние пятьдесят лет двух Верховных иллюстраторов и любовницу Великого герцога. Преимущества этого положения были очевидны, они стоили тех дополнительных усилий, которые пришлось потратить, чтобы добиться его и обмануть семью и близких друзей. Дионисо занимал одно из первых мест в списке кандидатов на любую выгодную должность. Как только он изъявил желание поехать в Нипали, назначение пришло всего через

несколько дней. Более того, когда бы он ни возвратился домой, его всегда ожидал здесь теплый прием и лучшие комнаты.

Хотя, делая выбор, он всегда надеялся, что ему не придется сильно изменять характер, приводить его в соответствие с особенностями предыдущего тела, по существу, это уже было не важно. Он привык к таким изменениям. А если играть роль становилось слишком утомительно или если друзей ставила в тупик явная перемена, всегда оставалось по крайней мере два выхода. Во-первых, он мог добровольно уехать, став на несколько лет итинераррио — дерьмовая работенка для малоталантливых Грихальва. Этот вариант, хоть и был достаточно неприятным, все же имел свои преимущества. Он приобретал доброе имя, а время, проведенное им в качестве итинераррио, сглаживало в памяти людей разницу между тем, каковы были раньше Сандор или Тимиррин и каким на самом деле был он.

Другой вариант заключался в том, чтобы нарисовать парочку намеков или даже несчастий в секретной мастерской над винной лавкой. Но он не любил собирать необходимые ингредиенты — занятие в лучшем случае отвратительное, а иногда и просто опасное.

Он задержался в массивных бронзовых дверях Галиерры, пока хранитель рылся в захламленной конторке в поисках копии последнего путеводителя. Он двенадцать лет не был в Мейа-Суэрте и хотел знать, чьи работы сейчас в моде, что изменилось в расположении картин и что нынче пишут историки о его портрете Сааведры. Об этом признанном шедевре, бесценном творении гения, увидеть который уже было великим счастьем, и — усмехнулся он про себя — о великом разочаровании всех молодых художников, пытающихся хоть немного приблизиться к его мастерству.

Наконец смотритель протянул ему плотный лист бумаги. Хорошая работа. Он попробовал на ощупь, нет ли ворсинок, и опытным взглядом осмотрел гладкую поверхность. Уже целое столетие он не пытался сам делать бумагу. Пожалуй, можно будет попробовать — в качестве хобби.

Путеводитель — увенчанная большой герцогской печатью бумага с текстом, мелко набранным на обеих сторонах — начинался с кратких сведений обо всех правителях Тайра-Вирте и служивших им Верховных иллюстраторах. Он кивнул хранителю в знак благодарности и подумал, подавив смешок, как бы удивлен был юнец, если бы знал, что перед ним величайший из всех Верховных иллюстраторов, автор большей части картин Галиерры, пришедший поглядеть на свои собственные работы.

Он зашагал по кафельному полу, задерживаясь около знакомых картин и притворяясь, что изучает их, — ради группы молчаливых монахинь, столпившихся посреди Галиерры. То и дело он останавливался, чтобы с неподдельным интересом рассмотреть какое-нибудь «Венчание» или «Договор», написанный знакомым художником. Старина Бенидитто был истинным гением по части цвета. Тасиони писал деревья так, что казалось, было видно, как ветер шевелит листья, даже слышен их шорох — а он уже успел позабыть об этом. Никто, даже он сам, не мог превзойти Адальберто

в изысканности мягких складок шали на женской руке. Он отдавал безмолвную дань давно ушедшим коллегам, в великодушии своего гения способный признать и их таланты.

Он кивнул монахиням, проходя мимо. Они были похожи на стадо высохших серых коров — такие же тощие, большеглазые, кожа задубела от непрерывной работы в саду, лишь малая часть плодов которого шла бедным, но по крайней мере их сад снабжал розами Великую герцогиню с ее вазами. Они ответили на приветствие энергичными кивками покрытых белым голов, поджав губы при виде Чиевы до'Орро, свисавшей с его шеи на длинной цепи.

Как и все иллюстраторы, носившие Золотой Ключ, он вызывал у санктас и санктос одно лишь отвращение. Их стерильность — явление ненатуральное и отвратительное для Веры в Пресвятую Мать и ее Сына, а значит, является знаком божественного неодобрения. Ему всегда было интересно, как же екклезия включает в эту теорию плодовитость женщин Грихальва и на деле доказанную мужественность тех молодых людей, которые не обладают Даром. Возможно, такое отношение было последним пережитком жестоких лет нерро лингвы, когда у Грихальва умерло больше людей, чем в любой другой семье Мейа-Суэрты, и это было сочтено божественным возмездием — за то, что они приютили чи'патрос. Он на минуту забылся, вспомнив свою первую жизнь и эту старую суку, Катерин Серрано, Премиа Санкту, изгнавшую Грихальва из всех подвластных ей земель. С этим разобрался Алехандро, но ненависть осталась. Для священников Тайра-Вирте само существование Грихальва было оскорблением, и тот факт, что Грихальва верой и правдой служили своей стране не одну сотню лет, ничем здесь не мог помочь. Аргументами против них служили их происхождение — они были бастардами язычников-изгоев, — слухи о магии, которой они якобы обладали, их влияние при дворе, их скандальная личная жизнь, а особенно — герцогские любовницы. Семья была отравлена от корней до самой кроны, и екклезия не переменила своего отношения к ней с тех самых пор, как герцог Ренайо и герцогиня Хесминия вернулись в Мейа-Суэрту, привезя с собой четырнадцать дам, беременных от тза'абских разбойников, двадцать маленьких чи'патрос — детей этих же разбойников — и тело Верро Грихальва. Миновав молчаливых монахинь, он подумал, что же должна говорить официальная теория о сущности магии Грихальва, даже если не брать в расчет его собственный способ применения этой магии. Он невольно улыбнулся, и женщины с отвращением отвернулись от человека, посмевшего шутить с теми, кто презирает его и весь его род.

Изгнав монахинь из своих мыслей, он остановился перед «Рождением» работы Гуильбарро Грихальва, точнее, приписывавшимся Гуильбарро, поскольку написал картину, конечно, он сам. Он тихонько вздохнул, рассматривая ее. Редкий шедевр — даже для него.

Единственная дочь Коссимио была, наверное, самым красивым ребенком, когда-либо появлявшимся на свет. Писать портрет девочки и ее красавицы матери было одной из самых больших радостей на протяжении всех его жизней. Он и сейчас прекрасно

помнил, как это было: тихое пение виол, затененная от летнего зноя комната, ледяные напитки, подававшиеся по мановению его руки, Великая герцогиня Кармийа, светящаяся от счастья, ее заливающаяся смехом маленькая дочь. И вот она перед ним — маленькая Коссима, такая же милая и живая, как в тот день, когда он закончил писать последнюю розу в вазе, стоявшей возле ее матери. Ребенок сидел на коленях у матери, обе одеты в одинаковые белые платья, украшенные целой радугой разноцветных лент. На пьедестале перед ними стояла золотая клетка. Заметив, что маленькая Коссима очарована птичками, он однажды открыл эту клетку, позволив птицам летать по всей комнате. Смех девочки все еще звучал у него в ушах. Он был так восхищен, что с трудом смог собраться, чтобы сделать предварительные наброски ее счастливой рожицы и улыбки на губах ее матери. Обе они смотрели на него со стены, выражения лиц схвачены так точно, что кажется, будто портрет закончен лишь вчера. Действительно прекрасная работа. Как прелестна была маленькая Коссима! С каким удовольствием он писал бы ее «Венчание»...

Но она умерла от горячки, не прожив и четырех лет. А всего через год после того как картина была завершена, умер сам Гуильбарро. «Рождение» Коссимы было единственной его работой в Галиерре, и автор путеводителя очень сожалел, что столь многообещающий талантливый художник умер таким молодым.

Уголки его рта опустились. Он так много успел создать, будучи Гуильбарро. Гуильбарро был умным, привлекательным, с хорошими связями, он уже делал первые шаги к тому, чтобы стать Верховным иллюстратором. «Рождение» Коссимы было его испытанием.

Другие, более мрачные воспоминания сменили сцены с портретом смеющегося ребенка и сияющей матери. Несчастный случай на охоте, сломанная нога; Гуильбарро вполне мог быстро поправиться. И вот — катастрофа. Какой-то идиот монах неправильно смешал болеутоляющие. Через две недели ошибку обнаружили, но было уже поздно. Он успел привыкнуть к наркотику.

Его пытались избавить от этой зависимости. Но даже если бы это удалось, все равно была велика опасность рецидива. Его честолюбивым планам пришел конец. Верховный иллюстратор должен быть неуязвим, а такие пристрастия, как пьянство, азартные игры, сексуальные извращения или наркотики, — могучий инструмент в руках шантажистов. Разумеется, ни до'Веррада, ни Грихальва не допустят, чтобы Верховным иллюстратором стал человек, когда-то употреблявший наркотики.

Мысли о том, что в этой жизни он конченый человек, были не менее мучительны, чем страдания от постоянной нехватки наркотика. Он не мог ни работать, ни даже думать в таком состоянии. Но прекрасно понимал, перед каким оказался выбором: либо он должен перенести все муки лечения, выжить и никогда не стать Верховным иллюстратором, либо отказаться от творчества, избрав для себя другую жизнь.

Его спас Матейо, младший брат Гуильбарро, подписав себе таким образом смертный приговор. Он не мог

вынести этого воспоминания, но тяжелые видения развернулись перед ним, как на полотне. Отчаяние заставляло Матейо доставать наркотики, чтобы увеличивать дозу, становившуюся каждый день все меньше и меньше, согласно задуманному лечению. Преданность подсказала ему принести Гуильбарро его краски, холст и зеркало. Самое ужасное было в том, что именно Матейо пришла в голову идея с автопортретом.

«Нарисуй себя здоровым, — сказал мальчик. — Ты молодец, Барро, и ты сделаешь это. Я знаю, что ты сможешь». И он смог. Он сделал это. Несмотря на наркотический бред и трясущиеся руки, он нарисовал Гуильбарро. А когда работа была закончена и время пришло, он объяснил Матейо процедуру. И Матейо согласился. Нарисовав Гуильбарро живым, он тем самым нарисовал Матейо мертвым.

«Я только посредственность, все наставники так говорят. А ты настоящий гений, Барро. Ты заслужил свой шанс стать Верховным иллюстратором. Мир должен увидеть твои работы. Что будет со мной, не имеет значения, главное — это ты».

И это было сделано. Он смешал краски с кровью с помощью Матейо и убил его, быстрым милосердным движением вонзив золотую иглу Сааведры в нарисованное сердце Гуильбарро. Это легко можно было назвать самоубийством: трагические обстоятельства, отчаяние, муки лечения... Еще легче было рыдать, когда нашли труп Гуильбарро и обнаружили, что Матейо исчез. Самоотверженный, великодушный, любящий Матейо, единственный из всех них, о ком он пожалел.

Через два дня, когда тело уже похоронили, он с плачем разорвал в клочки портрет Гуильбарро. Еще через месяц он был арестован. Юный, здоровый, пятнадцатилетний, готовый вознаградить преданность мальчика и стать Верховным иллюстратором не только для себя, но и для Матейо. Тогда он не заметил иронии, да и сейчас воспоминания вызвали у него лишь горькую усмешку. Кто-то обнаружил, что Матейо потихоньку покупал наркотики, и мальчика обвинили в содействии самоубийству Гуильбарро. Его осудили за какой-то менее значительный проступок; хотя ветвь, из которой происходил Матейо, имела в семье большое влияние, все же скандал был слишком громким, чтобы замять его, поэтому мальчика сослали.

Отдаленные владения баронов Эсквита едва ли можно было назвать цивилизованным местом. Пустые холмы и их скудные умом обитатели управлялись человеком, заслуживавшим внимания только по одной причине: эти земли были богаты железной рудой. Шестнадцать долгих лет не возвращался Матейо в Мейа-Суэрту, пока не пришла весть, что его мать умирает. Грихальва обратились с просьбой к герцогу Коссимио I, который позволил ему вернуться домой и присутствовать у смертного одра. Узы между матерью и сыном всегда считались священными. Пока мать умирала, он нашел Тимиррина и начал писать следующий портрет, а также принялся демонстрировать неистовую скорбь, которая послужит оправданием самоубийству Матейо вскоре после смерти его матери.

Все еще продолжая думать о Матейо, он моргнул, чтобы рассеять туман перед глазами, и опять увидел перед собой

веселое личико Коссимы. Почти две сотни лет прошло с тех пор, как он написал эти пухлые ручонки, тянущиеся к разноцветным птичкам. И хотя посетители Галиерры бывали опечалены ее трагедией, уходя, они уносили с собой воспоминание о смеющихся черных глазах и о счастливой матери. Такова была сила его художественного мастерства, ничего общего не имевшая с магией.

В Палассо Грихальва не было ни одного портрета Матейо, глядя на который семья могла бы вспоминать его. Портрет существует, но никто никогда не увидит его. Он подумал, что, когда опять посетит тайную мастерскую над винной лавкой, надо будет нарисовать еще одну веточку розмарина с голубыми цветами, обозначающими Память, рядом с фрагментом Пейнтраддо Меморрио, посвященным его любимому, навсегда утраченному Матейо.

Он прошел мимо еще нескольких поколений и остановился возле огромной картины, принадлежавшей кисти величайшего Верховного иллюстратора из всех, когда-либо служивших Тайра-Вирте, — Риобаро Грихальве. Целых двенадцать картин в Галиерре были созданы Риобаро. Он залюбовался «Венчанием Бенетто I и Розиры делла Марей» — невеста происходила из семьи влиятельных банкиров, — и улыбка вернулась на его лицо. Не потому что портрет сам по себе был шедевром, а потому что шедевром было каждое мгновение его жизни в облике Риобаро.

Тимиррин вел тихую жизнь. Он учился, учил, копировал все, что ему велели, и тщательно скрывал свой талант все восемнадцать спокойных, скупых на события лет. Правда, последние пять из них он, изумляясь, наблюдал, как Риобаро превращается из талантливого четырнадцатилетнего подростка в постигшего все премудрости иллюстратора двадцати неполных лет. Риобаро стал лучшей кандидатурой с того самого дня, когда была доказана его стерильность. После ничтожного существования Тимиррина власть снова шла ему в руки. Риобаро действительно был совершенством: высокий, ошеломительно красивый, с длинными пальцами, томными карими глазами, полными губами и буйными черными кудрями, которые не седели до сорока пяти лет. В его роду жили долго (для тех, кто имел Дар, конечно), и его связи при дворе были такими, что лучше не пожелаешь: сводный брат его матери был Верховным иллюстратором. Более того, он являлся страстным поклонником работ Сарио Грихальвы. Он старался как можно точнее воспроизвести стиль почитаемого Верховного иллюстратора. Даже в детстве он много раз копировал доступные ему тогда картины Сарио. К счастью, он был рожден в то время, когда бездумное подражание давно умершим мастерам только приветствовалось. Никто не пытался остановить юношу в его стремлении стать будущим Сарио.

Его желание исполнилось.

Когда в 1115 году умер его дядя, Риобаро оказался единственным подходящим кандидатом на эту должность. Он нравился вдовствующей герцогине Энрикии, она доверяла ему и была довольна, что в совет опекунов ее юного сына вошел человек, разделяющий ее интересы, а именно — желание добраться до

золотых сундуков князя Диеттро-Марейи. Они оба намеревались женить Бенетто на наследнице князя.

Были заключены торговые договоры, и Риобаро лично поехал в Диеттро-Марейю, чтобы написать их. Он привез с собой изображение Бенетто и уехал обратно с портретом Розиры. Дети были влюблены друг в друга почти с колыбели, и он даже не пытался применять здесь магию. Пока все ждали, когда парочка достигнет возраста, пригодного для вступления в брак, Риобаро использовал свое мастерство и свою хитрость для того, чтобы укрепить власть герцога в провинциях. Тайра-Вирте процветала. Когда в 1122 году Бенетто достиг совершеннолетия и стал Великим герцогом не только по названию, Верховный иллюстратор позаботился о том, чтобы любовница Бенетто оказалась его близкой родственницей. И когда настало время свадьбы герцога и Розиры делла Марей, он же позаботился о том, чтобы кузина Риобаро, Диега Грихальва, покинула своего любовника с улыбкой, оставив ему одни лишь приятные воспоминания и захватив с собой дарственную на поместье и приличный кусок леса в кастейе — прощальный подарок Бенетто.

Риобаро умер, оплакиваемый всеми, на пятьдесят третьем году жизни, без малого двадцать пять лет прослужив Верховным иллюстратором. Он привел Тайра-Вирте не просто к процветанию, но к истинному величию, он был талантом, какие встречаются лишь раз в пять поколений, его любили все — от до'Веррада до простого крестьянина. Кроме, конечно же, провинциальных баронов, которых он заставил подчиниться; но они держали свое мнение при себе. Его портрет висел в Галиерре Веррада — из всех Верховных иллюстраторов только Риобаро был удостоен такой чести.

Подойдя, чтобы рассмотреть этот портрет, человек, бывший когда-то Риобаро, еще раз тихонько вздохнул. Какая совершенная жизнь! Плохо, что ему не удалось тогда прожить еще одну такую же, но он недооценил сексуальную привлекательность тела Домаоса и его непреодолимую физическую страсть к Бенекитте до'Веррада.

Дочь Бенетто и Розиры была ходячим скандалом с того самого дня, как сделала свой первый шаг. Слуг она повергала в ужас, мать — в отчаяние, для брата была просто пыткой, но для своего снисходительного отца она всегда оставалась несравненной жемчужиной. Глядя сейчас на ее «Венчание» — картину, которую написал не он и на которой никто не обращал внимания на мужа, — он еще раз подумал, что с ней у него не было ни единого шанса.

Он собирался сделать еще одну блестящую карьеру Верховного иллюстратора, но Бенекитта спутала все его планы. Красивая, самоуверенная девятнадцатилетняя девица (а ему полагалось быть тридцатилетним) решила, что раз у ее брата есть любовница из дома Грихальва, то будет, пожалуй, справедливо, если она заведет себе любовника из того же семейства. И человек, который должен был стать Верховным иллюстратором после смерти преемника Риобаро, был в ее глазах лучшим кандидатом. Домаос — не такой красавец, как Риобаро, но все же с виду не урод — попал прямо в расставленные сети и в ее постель. Зная, что следовало быть

умнее, и поражаясь, что секс имеет собственную, необычайно сильную магию, он все же целых два года пробыл ее тайным возлюбленным. Ни одна женщина со времен Сааведры не пленяла его до такой степени. Опасность разоблачения лишь придавала остроты. Бенекитта никогда не узнала о множестве больших и малых преступлений, которые он совершил ради сохранения тайны этой связи, продолжая проклинать себя за глупость.

Потом отец Бенекитты объявил о ее помолвке с отчаянно гордым бароном, чья привлекательность измерялась акрами его виноградников. Бенекитта согласилась на брак с удовольствием — при условии, что Домаос будет назначен на должность постоянного иллюстратора в той местности, куда она поедет. Разрываемый между страстью и благоразумием, он все же нашел в себе силы отказаться от такой чести. Он не мог продолжать убивать людей или накладывать на них чары, если они вдруг увидят не то, что надо, — а у будущего мужа Бенекитты были очень зоркие глаза. Но даже не глаза, а большой опыт барона Филиппа до'Джебатта по части женщин послужил уничтожению планов Домаоса. Барон был действительно весьма опытен, и три предыдущих жены почти не принимались во внимание — барон предпочитал девственниц и не мог ошибиться на сей счет, оказавшись с девушкой в постели, — а Бенекитта девственницей не была. На следующее утро после свадьбы барон ворвался в покои Великого герцога в Палассо Веррада и разорвал в мелкие клочья еще не просохшее «Венчание».

Союз был расторгнут. Бенекитту отослали в один из самых строгих и отдаленных монастырей Тайра-Вирте.

— Надеюсь, она научится там смирению, поскольку ее поведение переходит все границы! — заявила разгневанная мать.

Домаос был в ужасе и несколько дней с бешеной скоростью рисовал автопортрет, пока наконец до Великого герцога не дошло, в какой степени «дружбы» состояла его дочь с иллюстратором. Домаоса арестовали в полночь, в цепях отвели к границе и навсегда запретили ему ступать на землю Тайра-Вирте.

Одна только мысль о годах, которые за этим последовали, повергала его в дрожь. То ли дело путешествовать от одного двора до другого, рисуя там «Венчание», тут «Рождение», «Завещание» или «Запись»! Посланник — это почетный гость, драгоценный дар Тайра-Вирте и, между прочим, хорошо оплачиваемый. Но бродячего художника без рекомендаций все избегали. Домаос влачил жалкое существование в гхийасских и нипалийских городах, где любой, кто мог с помощью линейки провести прямую линию, становился местным архивариусом и где никто не мог оценить, что к ним приехал иллюстратор Грихальва — пусть даже опозоренный. Конкуренция за каждый заказ была огромной, а плата — нищенской. В присутствии молодых девиц за ним внимательно наблюдали — впрочем, это, пожалуй, было излишним, поскольку скандал стал широко известен. Такая работа могла лишь унизить человека, дважды достигавшего вершины в своей профессии.

За двадцать один год ему и мельком не удалось увидеть ни одного Грихальва. Они были драгоценным товаром и

никогда не путешествовали без вооруженной охраны, и невозможно было подстеречь никого из них на дороге. Таким образом он был отрезан не только от своей страны, но и от другой жизни, не похожей на его нынешнее убогое существование.

Наконец, уже в почтенном возрасте пятидесяти трех лет, страдая от отчаяния и всевозможных недугов, он написал письмо сыну Бенетто, Великому герцогу Бенетто II. Ответ привезли двое Грихальва и санкта, искусная в медицине: Домаосу было позволено вернуться домой умирать.

Что до Бенекитты — ее простили много лет назад. Отец слишком любил ее, чтобы не простить, хотя по настоянию Великой герцогини он все же продержал свою дочь в монастыре девять долгих лет. Но в 1162 году Бенетто пребывал в хорошем настроении — его наследник как раз женился на немыслимо богатой Верradии до'Таглиси — и поэтому согласился наконец снизойти к мольбам графа Долмо до'Альва и освободить Бенекитту. Граф, неспособный, как в свое время Домаос, сопротивляться ее чарам, был влюблен в нее с детства. Именно их «Венчание» и было изображено на картине; брак этот, впрочем, не помешал ей впоследствии флиртовать со всеми и каждым. В тридцать лет она была так же пленительна, как и в девятнадцать.

Матра эй Фильхо, подумал он, покачав головой. Этой картине уже почти сто лет, он не видел Бенекитту с их последней безумной ночи, она уже лет сорок как мертва, а он все еще испытывает желание. Потрясающая женщина!

Нет, он все-таки видел ее. Она навестила Домаоса в Палассо Грихальва, где он умирал, чтобы сказать, будто она его, представьте себе, прощает. Какое смирение!

Странно, что до сегодняшнего дня он не вспоминал об этом визите. Тогда он опять так ослабел, что едва хватило сил смешать краски и написать портрет, чтобы заполучить Ренсио Грихальва, шестнадцатилетнего долговязого увальня, некрасивого и бездарного. В этом теле он спокойно прожил еще двадцать лет.

Но больше никаких Ренсио! Он уже точно знает, что ему нужно, и на этот раз спокойно, не торопясь сделает правильный выбор. Пора ему вновь стать Верховным иллюстратором, так как его особенно тревожат последние пополнения Галиерры, типичные для современного стиля. Жуткая, полуграмотная мазня, тошнотворно сентиментальная, палитра состоит в основном из бледно-розовых и мятно-зеленых тонов, от которых зубы болят. Нет, надо стать Верховным иллюстратором, пока этот упадок художественного вкуса не стал необратимым.

Он пошел дальше, глядя на скучнейшие картины, раздражаясь при мысли о скором неизбежном финале. Так надоело балансировать на грани. Мальчик должен быть юным, чтобы обеспечить ему долгие годы в новом теле, но достаточно взрослым, чтобы конфирматтио доказала его Дар. Он должен быть талантливым и хорошо обученным, чтобы продемонстрировать зрелое мастерство, но не должен иметь слишком яркой индивидуальности стиля, иначе превращение в гения может показаться неправдоподобным. Каждый раз приходится так долго приспосабливаться, так долго,

иногда годами, скрывать свой истинный талант, пока можно будет объяснить его зрелостью. А сколько занятий приходится каждый раз терпеть, занятий с треклятыми муалимами, которые не в состоянии отличить пурпур от лилового, розу от рододендрона, как много надо хитрости и лицемерия, чтобы уважать их! Номмо Чиева до'Орро, иногда просто невероятно тяжело.

И он на долгие годы забывал, зачем это было нужно.

Из-за Сааведры. Ради того дня, когда он наконец освободит ее и она будет принадлежать ему. Осознала ли она свою ошибку? Эйха, он может подождать. Потому что есть еще и другая причина, и иногда, в минуты полной откровенности с самим собой, он понимал, что эта причина важнее, чем даже любовь.

Он написал пять, десять тысяч картин. Но оставались ненаписанными еще тысячи и тысячи. Его Дар не должен быть утрачен, пока он не реализует его полностью. Он сам поймет, когда создаст абсолютно совершенное творение, тот единственный шедевр, который оправдает все, что он сделал во имя и посредством своей Крови Иллюстратора.

Но не сейчас. Несмотря на все неудобства, связанные с переменой жизни, несмотря на неизбежную старость и неизменный страх не найти нужного тела, та великая картина все еще ждет его. Она станет кульминацией всех его жизней, его истинным бессмертием.

Сааведра тоже ждет его, ждет внутри портрета, о котором он в юности думал, что ничего лучшего ему уже не создать. Каким глупцом он был тогда! Стоит лишь взглянуть на картины, написанные им за последние три века. Как она изумится, как зарыдает от радости, когда увидит его последний шедевр и поймет наконец, что любовь не может сравниться с величием его гения, его Даром!

Столетия научили его этому. Он начал понимать себя, сознавать ту ревность, которая послужила причиной всему этому. Он уже забыл, как выглядел Алехандро, но все еще видел перед собой Сааведру — как она смотрела на его работу, и в глазах ее была любовь к этой красоте и к нему, ее создателю. Он ошибся, приняв Алехандро за своего соперника. Это совсем другое. Ее любовь к Алехандро была лишь зовом плоти, настоящее чувство вызывало в ней только его мастерство. Герцог до'Веррада когда-то держал в объятиях ее тело, но вся глубина ее души навеки принадлежит ему, Сарио.

Он медленно шел мимо посредственных картин в золотых рамах, мимо редких шедевров и думал, когда же он освободит ее. Скоро ли? Может, в этой жизни? Или в следующей, когда он снова будет молод? Эйха, нет. Нет, до тех пор, пока он не напишет то гениальное произведение, которое станет его подарком, символом любви к ней, окончательно даст ему право претендовать на ее душу.

Но он по крайней мере должен пойти сейчас к ней и поклясться, что когда-нибудь будет готов к этому. Не обращая внимания на зажатую в руке бумажку, он направился в дальний конец Галиерры, туда, где всегда висел ее портрет. Правда, он не видел его уже лет сто — не доверял себе, не хотел видеть ее лицо. Но теперь он стал старше, все осмыслил, и его долг перед ней — рассказать, даже если она не может услышать.

Исчезла.

Она исчезла!

На ее месте висел безвкусный портрет Ринаты до'Праканса в старости на фоне той безжизненной земли, где Алехандро откопал ее, чтобы сделать своей герцогиней.

Он круто повернулся, готовый в ярости сокрушить все здание. Как они посмели убрать эту картину?

В следующее мгновение он успокоился. Конечно же, ее унесли в мастерскую, чтобы почистить, или сменить раму, или даже отнесли в Палассо Грихальва, где иллюстраторы с благоговением будут изучать этот шедевр в тщетной надежде достичь такого же мастерства.

Сарио решил осторожно расспросить об этом, когда вернется к конторке смотрителя. А пока он направил свой взор на «Герцога Алехандро». Когда-то этот портрет висел в его собственных апартаментах в Палассо Веррада. Ночь за ночью он представлял себе, как вонзит кинжал в эту гордую грудь. Сожжет эти длинные пальцы, на которых красуется кольцо из лунного камня — в память о серых глазах Сааведры. Изуродует кислотой красивое лицо, зачернит передние зубы, изобразит на коже симптомы сифилиса.

Убьет его, как он того заслуживал.

Алехандро.

На портрете он как живой — красивый мужчина в расцвете лет на фоне простой черной занавеси — лицо требовало мрачного задника. Рядом с ним любой другой до'Веррада выглядел то ли варваром, то ли цивилизованным бандитом. Его красота была одновременно красотой воина и поэта. Чувство собственного достоинства сочеталось с врожденной скромностью так отчетливо, что, нарисуй это лицо даже самый бездарный иллюстратор, его немедленно провозгласили бы гением. Но были еще и глаза в зеленую крапинку, горький изгиб губ, который никто, кроме Сарио, не смог бы изобразить, — именно Сарио был причиной этой горечи.

— Ты был тем, кого я из тебя сотворил, — прошептал прежний Верховный иллюстратор своему герцогу. — Мне ты обязан той мудростью, которую все превозносят. С моей помощью ты победил всех, кто противостоял тебе, сражался, когда это было необходимо, заключал мир, когда мог, и делал все что должно для этой любимой нами с тобой страны. Но ты был человеком, которого создал я. Если б не я, ты бы погубил себя из-за нее. Я спас тебя от этого. Благодаря мне ты стал легендой.

И Алехандро знал это. Он сдержал улыбку, вспомнив себя на так называемом смертном ложе. Алехандро нежно сжимал его высохшую руку своими еще крепкими, гибкими пальцами. Им обоим было тогда по тридцать четыре года.

«Прощай, мой старый друг! — прошептал Алехандро, и слезы дрожали в его глазах. — Все, что я совершил, было сделано только благодаря тебе».

Очень мило с его стороны, признал тогда Сарио.

Через несколько дней старое, изношенное тело скончалось, и он большими глазами, старательно изображая бла-

говейный страх, смотрел, как герцог пришел отдать последнюю дань умершему.

— Картина, о которой пойдет у нас речь сегодня, написана Оакино Грихальвой, прозванным Иль Коффорро, Парикмахер. Может кто-нибудь рассказать мне о происхождении этого прозвища?

«Как-как прозванным?»

Он завертел головой. Семь молодых Грихальва, явно еще не прошедших конфирматтио, сидели на полу перед картиной, на которой было изображено безумно много народу, — и Сарио не помнил, как он рисовал ее, в качестве Оакино или кого-либо еще. Он протиснулся поближе. Да, действительно, его работа, он даже вспомнил, как много часов пришлось потратить, смешивая краски для немыслимого парика, который носил гхийасский король Пепенар II, — таких оттенков рыжего в природе не встречается.

— Эйха, — рявкнул муалим, — почему Парикмахер?

«Когда же они это придумали?» Он сложил руки на груди и сделал вид, что не смотрит.

— Дирадо, можешь ответить?

— Муалим Темирро, — ответил мальчишеский голос. — Это потому, что на его картинах у всех такие странные прически.

Он поморщился. Мода в Ауте-Гхийасе в 1210 году действительно была нелепой.

— Неверно, — прорычал Темирро, который стал чем-то напоминать Сарио об Отавио. — Еще кто может ответить? Кансальвио?

— Он так прически делал, — сказал другой мальчик самодовольным тоном.

— В самом деле? Он своими руками делал все эти парики? Арриано, может, ты скажешь поточнее?

Самый юный из учеников, лет, наверное, девяти, выдавил:

— Он — он очень хорошо рисовал прически. Выглядит так, будто — ну, будто можно руку в волосы запустить.

Парикмахер! Но Сарио все же решил, что следует удовлетвориться этим признанием: уж очень долго он добивался упомянутого эффекта. Впрочем, Гхийас в те годы — почти пятьдесят лет назад — был благодатным местом для подобных экспериментов. Все эти пышные кудри и хитро уложенные косы, замысловатые локоны и огромные парики...

— Хмм, — проворчал Темирро.

Вот и вся его реакция на правильный ответ.

Сарио спрятал усмешку. Муалим все больше напоминал ему Отавио.

— Мы разобрались, чем прославился Оакино. И больше он ничем не знаменит. Я думаю, все вы заметили, что человеческие фигуры в композиции этого «Договора» расположены весьма неуклюже, можно даже сказать, нелепо.

«Попробовал бы ты нарисовать на одном холсте двадцать семь человек, при условии, что никто из них никогда не собирался втроем, а троих убили раньше, чем я закончил проклятую картину».

Похоже, кто-то решил его защитить. Судя по услышанному им обрывку, Кансальвио спросил, трудно ли было заставить всю эту толпу простоять неподвижно все то время, что потребовалось для ее изображения.

— Моронно. Ты что, думаешь, они все вместе собрались? Вспомни, что это за «Договор»!

Все замолчали. Он тоже напрягся, пытаясь вспомнить. Он ведь сам написал это. Вспомнил! Пепенар согнал всех своих беспокойных вассалов — некоторые из них сами были королями — и заставил их подписать договор о вечной дружбе и взаимовыгодной торговле с Тайра-Вирте. Дружба кончилась через двенадцать лет со смертью Пепенара, а торговля осталась.

Торговля всегда остается.

Теперь он понял, почему дети изучали именно эту картину. Поговаривали, что Гхийас настаивает на помолвке их принцессы с наследником Великих герцогов. Это было неслыханно, но могущественный северный сосед сам предложил этот брак, вместо того чтобы с царственным небрежением ждать, пока их станут упрашивать. Говорили также, что дон Арриго изо всех сил сопротивляется этому браку, поскольку искренне и безоглядно влюблен в женщину, с которой прожил уже двенадцать лет, — в свою любовницу из рода Грихальва.

«Эйха, — ехидно подумал он. — Вот они — страстность до'Веррада и красота Грихальва: весьма опасное сочетание».

Мальчики вытащили из ранцев альбомы для эскизов и покорно выстроились в ряд, по очереди быстро разглядывая картину. Он хорошо знал это упражнение: много раз его заставляли этим заниматься, и скоро придется опять терпеть эту скуку. Каждый мальчик должен выбрать какую-либо деталь картины и попытаться воспроизвести ее. Мальчикам постарше обычно полагалось рисовать что-то, чего они раньше не пробовали: ниспадающие драпировки, тени от немыслимого количества свечей в огромных люстрах под потолком, неосвещенные фигуры на заднем плане. Эти детишки лишь повторяли пройденное раньше в Палассо, копируя то, что уже умели рисовать, с картин признанных мастеров, пусть даже это всего-навсего некто по прозвищу Парикмахер, чей единственный талант состоит в изображении причесок.

Один из мальчиков лишь мельком взглянул на картину, когда подошла его очередь. Он снова уселся на пол, сгорбился над своим альбомом и быстрыми штрихами набросал эскиз всей композиции в целом. Брови Сарио поползли вверх.

«А он заносчив, маленький засранец». Он улыбнулся помимо воли. Еще несколько минут притворялся, что восхищается «Венчанием» работы Григарро — соперника Оакино, потом подошел к Темирро и представился:

— Посланник Дионисо.

На лице Темирро появилась неуверенная улыбка. Лицо было морщинистое, кожа покрыта пигментными пятнами, как у старика, а ведь наставнику и пятидесяти нет.

— Сын Джиаберты?

Дионисо с опаской кивнул — он понятия не имел, как звали его мать.

— Как она?

— Здорова, как двухлетняя кобылка, в свои-то шестьдесят лет!

Не слишком приятные новости.

— Салюто! — ответил он, имея в виду здоровье своей так называемой матушки. И прибавил, надеясь получить отрицательный ответ: — Она все еще живет в Палассо?

— Нет, к сожалению. Вышла за какого-то дважды овдовевшего вельможу с сотней детей и сотнями тысяч акров Хоаррской пустыни. Мне так ее не хватает. Прошло уже десять лет, и мы регулярно переписываемся, но я без нее скучаю. Съезди, повидайся с ней, она будет рада... Рафейо! — рявкнул он вдруг. — Чиева до'Орро, что ты там делаешь?

Честолюбивый подросток оторвался от работы, но не испугался. В его глазах кроме неповиновения было что-то более глубокое. Сарио видел этот взгляд в зеркале в своих собственных глазах сотни лет назад. Он всегда испытывал легкое чувство вины, когда забирал тело у мальчика с такими глазами. Что, если он лишает мир гения, такого же, как он сам. Но это чувство всегда быстро проходило. Его Дар важнее. Его Дару надо служить. Если мальчика сжигает огонь Неоссо Иррадо, надо скорее потушить его, пока юный художник действительно не стал соперничать с Сарио.

И, честно говоря, гораздо проще использовать того, в ком уже горит этот огонь. Притворяться приходится намного меньше.

Рафейо поднялся со своего места рядом с Арриано — на удивление грациозно для своего возраста. Большинство мальчишек в тринадцать — четырнадцать лет производят такое впечатление, будто они постоянно сражаются со своими локтями и коленями, а руки и ноги все равно их не слушаются. Но тело Рафейо было гибким и изящным. Он подошел к Темирро.

— Что это? — спросил муалим. — Что это такое?

— «Аутс-Гхийасский договор».

— Вся картина?

Рафейо кивнул.

— Задание было скопировать всю картину?

— Нет, муалим Темирро.

Последовал короткий вздох.

— Тогда, будь так добр, объясни мне, зачем ты это сделал?

Лицо Рафейо было еще по-детски мягким, только характерный нос Грихальва делал его острее. Но, исходя из своего богатого опыта, Сарио мог легко предположить, что мальчик будет красивым. Более того, он заметил признаки внутреннего огня в торопливом, но все же не бестолковом наброске. И тот же огонь был слышен в голосе Рафейо, когда он все-таки сформулировал ответ:

— Картину надо воспринимать целиком, это не просто набор фрагментов. Я не могу выделить кусок из композиции, как молочница отделяет творог от сыворотки. — Он нарочно сделал выразительную паузу, но затем прибавил: — Муалим.

Сарио опять сдержал улыбку, но тут Рафейо произнес такое, что он чуть не придушил мальчишку.

— Вообще-то картина так себе. Если вы посмотрите внимательнее, то увидите, что я ее переделал. Так гораздо лучше.

Темирро выхватил у него альбом, вырвал страницу и приложил ее к картине. Сарио едва успел разглядеть, что несколько фигур действительно стояли не там, а гобеленов, украшавших тронный зал, вообще не было. Темирро, фыркнув, разорвал листок Рафейо пополам.

— Сядь, — прорычал он, — и делай, что тебе говорят.

В черных тза'абских глазах мальчика вспыхнула ярость: как посмели уничтожить его работу! Но Рафейо был еще ребенок, его будущее до конфирматтио находилось в скрюченных руках Темирро. Мальчик не поклонился, не выразил согласия, просто сел на место и стал делать то, что ему велели.

— Негодник маленький, — пробормотал Темирро. — Это, конечно, вина его матери. Но только между нами, итинераррио, он один из лучших моих учеников за все время работы.

— Эйха, ему, пожалуй, не следует этого знать еще несколько лет.

Сарио был все еще уязвлен пренебрежением к работе Оакино — тоже мне, критик нашелся, сопляк тринадцатилетний! — но понимал, надо сделать над собой усилие и не показывать старику, что его это волнует.

— Будь моя воля, он бы никогда не узнал, как он хорош. Я видел у него работы, выполненные на уровне агво, семинно или сангво!

— Серьезно? — Его интерес к мальчику возрос. — Он что, один из нас?

Вопрос был не просто о художественных талантах мальчика. Темирро понял, но лишь пожал плечами в ответ.

— Еще не проходил конфирматтио. Если он выдержит, надеюсь, успеет понять, что хорошо и что плохо, до того, как узнает слишком много.

Сарио кивнул — это был более чем прозрачный намек на магию. Вскоре он попрощался и направился к бронзовым дверям Галиерры, продолжая размышлять о юном Рафейо. Солнце уже припекло розы и жасмины в белых вазах, он был почти уверен, что запах пристанет к его одежде. Борясь с желанием чихнуть, он вернул путеводитель хранителю и успел спуститься на полдюжины ступеней, когда вспомнил, что так и не спросил про портрет Сааведры.

— А-а, вы имеете в виду «Первую Любовницу»? Ее убрали в хранилище. Насовсем. Она не понравилась матери Великого герцога Коссимио, а может, бабушке, не помню точно. Но ее уже много лет не выставляли.

— Не выставляли?

— Не думаю даже, что ее распаковывали во время последней чистки, хотя в 1261 году кто-то должен был это сделать. Когда Некоронованная приказала провести инвентаризацию.

Сарио смотрел на хранителя непонимающим взглядом.

— Тасита, — пояснил тот. — Любовница герцога Арриго Второго. Все, что она приказывала, исполнялось немедленно.

Хранитель явно был слишком молод, чтобы знать ее, но в его голосе чувствовалось искреннее уважение и даже благоговение перед властью Таситы.

— Я помню, — сказал Сарио, хоть это и было неправдой. Его не было в Тайра-Вирте почти все время правления некоронованной Великой герцогини.

— А что касается картины, если вы очень хотите посмотреть на нее, я могу спросить...

— Нет, — устоял он. — Нет, не надо, мне просто было любопытно. Это... это легендарная вещь.

Он чуть не сказал: «Это моя любимая картина» — чего просто не могло быть, если ее так долго не выставляли.

— Сама эта женщина — легенда, — вздохнул хранитель. — Грустная история. Очень грустная. Я думаю, поэтому картину и убрали. Да, я просто уверен в этом. Это все-таки была мать Коссимио, Великая герцогиня Верradия — она пришла сюда сразу после свадьбы, услышала легенду, заплакала, и картину убрали.

— Какое... сострадание! — Сарио заскрежетал зубами. — Доброго вам утра, хранитель.

Всю дорогу до ступеней Портайа Гранда он пребывал в тихой ярости. Какая-то сентиментальная идиотка девчонка пролила пару слезинок, услышав «печальную историю» Сааведры, и только по этой причине никто с тех пор не видел этого шедевра! Венец искусства и магии его юных лет, орудие его мести из дуба, масла и крови — и никто не увидит его?

Он должен был это понять. Для художника его уровня он вел себя как слепец. Все было у него под носом, а он не видел. «Первая Любовница» была выше и шире, чем «Герцогиня Рината», висящая теперь на ее месте, но на стене не было темного пятна, которое говорило бы о том, что раньше тут помещалась другая картина. «Сааведра» так давно пропала из Галиерры, что с тех пор уже и обои успели поменять. Сняли и забыли, вынимали только во время инвентаризации, когда умер Великий герцог и надо было разобраться с его имуществом...

Солнечный свет ослепил его. Он наконец-то чихнул, избавляясь от розово-жасминного запаха. Потом вытер глаза и нос шелковым носовым платком, таким прозаическим образом избавляясь от обуревавшей его ярости.

Эйха, какая в самом деле разница, видел кто-то картину или не видел. Он знал, что она неповторима. Чувствовал всю сладость своей мести. Какое ему дело до всех остальных?

Глаза постепенно привыкли к яркому полуденному солнцу, и Сарио пересек дворцовую площадь — он отправился домой, продолжая думать о своем. Когда он устроится здесь учителем, надо будет повнимательнее следить за юным Рафейо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧИЕВА ДО'СИХИРРО
1262 — 1286

33

— И тогда... что, вы думаете, случилось тогда?

С десяток ребятишек подпрыгивали от любопытства на разложенных посреди лужайки одеялах.

— Ну расскажи! — ныл один.

— Он победил? — вопрошал другой.

— А что случилось с принцессой? — интересовался третий.

— Ну, пожалуйста, Челла, расскажи, что было дальше!

Прелестная девушка сидела, смеясь, среди оживленных детей. Золотые как солнце волосы, голубые, цвета ириса, глаза, нежная, как розовый бутон, кожа — вся она была похожа на весеннее утро. Даже платье у нее было весеннее, цвета молодой листвы. Девушка продолжала свой рассказ. Рыцарь разрушил темные чары, принцесса по-прежнему боролась со злой мачехой. Боролась со слезами и служанка, наблюдавшая эту сцену из дома. Агнетта нянчила девочку с колыбели и любила ее без памяти. Мечелла была такая юная, такая прекрасная, такая невинная и доверчивая — и вот скоро она станет женой человека, которого обожает, но Агнетта опасалась, что он разобьет девочке сердце.

Была бы жива королева Мирисса, Агнетта поведала бы ей о своих дурных предчувствиях и выслушала совет. Но добрая королева уже пятнадцать лет как умерла, оставив безутешного мужа и двоих маленьких детей. Девочка выросла на руках у служанки, а мальчик и вовсе не знал материнской ласки. Хотя король Гхийаса Энрей II был любящим отцом, государственные дела отнимали у него все время. Поэтому после смерти жены он согласился с министрами, что шестилетнему наследному принцу следует дать

мужскую свиту и воспитать его истинным королем. Людьми юного принца, так же как и придворными дамами Мечеллы, все пятнадцать лет управляла сестра короля — нетрудно догадаться, откуда взялась злая мачеха в сегодняшней сказке. Принцесса Пермилла с жестким, словно вырубленным из дерева лицом то и дело появлялась в детском крыле замка, чтобы возгласить: «Мы сделаем из тебя короля!» — как будто маленький мальчик был куском теста, которое следовало замесить, раскатать и засунуть в форму с надписью «Энрей III». Мечеллу строгая тетка тоже пыталась переделать по образу и подобию своему. Слава Богу, это у нее не получилось. Слава Богу, что в прошлом году Мечелла достигла совершеннолетия и была освобождена от опеки.

Замена материнской любви лестью придворных и суровыми порядками Пермиллы не относилась к самым мудрым поступкам короля, но дети это как-то пережили. Возможно, им помогло врожденное упрямство, заставлявшее своенравных племянников противостоять теткиному «воспитанию». Пермилла считала, что только дети виноваты в ее педагогической неудаче. Спроси она Агнетту, та объяснила бы ей, что дети сделали бы для тети все что угодно за малейшее проявление материнской любви. Но вряд ли гордая принцесса Пермилла из Гхийаса снизошла бы до беседы с простой служанкой.

Недавно наследному принцу исполнился двадцать один год, и он был занят исключительно собой. Уже в четырнадцать лет он заводил интрижки с горничными (несмотря на многочисленные серьезные предупреждения, ибо в Гхийасе — увы! — уже рождались когда-то королевские бастарды), но основным его увлечением была охота. Дарованная три года назад свобода от Пермиллы открыла принцу дорогу ко всем радостям жизни, доступным богатому, благородному и красивому молодому человеку, которым все восхищаются — пусть даже неискренне.

Тем не менее у него было доброе сердце и ясный ум, и втайне все надеялись, что он перебесится, вспомнит про свои обязанности и женится. Со временем.

В отличие от него Мечелла мечтала о замужестве. Такая дочь могла бы стать предметом гордости для любого отца — не важно, король он или нет. Только Агнетта знала, как несчастна была девочка после смерти матери, с каким трудом она скрывала свои чувства, как нуждалась в чьей-нибудь любви. С тревогой в сердце смотрела Агнетта на свою принцессу. Что принесет с собой наступающая весна? Не погасит ли улыбку на лице ее дорогой девочки, не заставит ли умолкнуть серебристый смех? Она слышала много всякого о чужой стране за горами Монтес-Астраппас и боялась этих гор и молний, давших им название, — ведь они предвещают вечную разлуку с ее любимицей. Тайра-Вирте была, по гхийасским меркам, не слишком цивилизованным местом, несмотря на ее красоту и искусство иллюстраторов Грихальва. Именно семей-

ства Грихальва и боялась Агнетта, но не художники были причиной ее опасений.

Мечелла закончила свою сказку. Добро победило — к полному восторгу юных слушателей. Им повезло, что они успели дослушать: появился учитель и прогнал непослушных учеников обратно в школу для детей дворцовых слуг. Конечно, он не стал бранить Мечеллу — никто во дворце просто не смог бы себе это позволить. Кроме разве что Пермиллы Черносливины. И действительно, стоило Мечелле объяснить, что в такой чудесный день вполне простительно выкрасть на часок детей из душного класса, как суровое лицо учителя смягчилось и он улыбнулся. Глядя на него, улыбнулась и Агнетта. Ну разве можно не полюбить эту девочку?

Но опыт давно прошедшей юности подсказывал иное: красота, обаяние и невинность не принимаются в расчет, если человек, вместо того чтобы обожать свою юную невесту, пылает страстью к любовнице.

Оставшись одна, Агнетта потянулась навстречу теплому весеннему солнцу, будто хотела обнять его. Уже близился полдень, а ведь надо было еще переодеть принцессу в платье, которое она со смехом называла Дворцовый Наряд Второго Класса. Но Агнетта не спешила. Пусть девочка погуляет. Это последние дни ее детства. Скоро начнется вся эта взрослая предпраздничная суета. А принцесса еще так молода...

Наконец Агнетта поняла, что больше тянуть время нельзя. Она подошла к Мечелле и окликнула ее. От одного взгляда на юное восторженное лицо принцессы тревога служанки возросла.

— Какие новости?

— Грихальва вернулся из Тайра-Вирте. — Измученная предчувствиями, Агнетта говорила с необычной для нее резкостью. — Твой отец счастлив как щенок, виляющий двумя хвостиками сразу.

В следующее мгновение Мечелла, звонко смеясь, закружилась с ней по мягкой как бархат траве лужайки.

— Челла, перестань! У меня голова кружится...

— И у меня! Какое счастье! Я выхожу замуж за Арриго до'Верада! — Принцесса расцеловала Агнетту в сморщенные щеки. — Мы поженимся, у нас будет дюжина детей, и мы станем самой счастливой на свете парой!

«Матрейа э Филий, пусть это будет правдой, моя девочка».

Прервав наконец неистовое кружение, Агнетта взяла принцессу за руки.

— Челла, послушай меня. Ты действительно этого хочешь? Ты уверена, что тебе нужен именно он?

Девушка снова рассмеялась.

— Агнетта! Я влюбилась в него, когда он приезжал сюда пять лет назад! Все эти годы я только о нем и мечтала! Но папа такой упрямый. Когда мне исполнилось восемнадцать, я сказала ему, что уже могу выйти замуж, а он все тянет и тянет...

Вдруг Мечелла перестала щебстать. Какое-то странное выражение промелькнуло на лице Агнетты — слишком хорошо она знала свою старую служанку.

— Что-то не так? Скажи мне, о чем ты думаешь! — потребовала девушка.

А вот этого она как раз не станет делать. Агнетта знала то, чего Мечелле не говорили: высокородные родители Арриго уже два года как мечтают об этой свадьбе, препятствие заключалось именно в женихе. Даже портрет Мечеллы кисти самого Верховного иллюстратора Мекверля, написанный в прошлом году, не помог. Арриго не хотел этой помолвки. Что же заставило его переменить свое решение? Точнее, надо бы спросить: а переменилось ли оно?

«Эйхиа, гори огнем его решение. Что у него за сердце!»

Мечелла скривила мордочку, пародируя кислое лицо служанки.

— Ты думаешь об этой женщине, о Грихальва, не так ли? Не беспокойся. Энрей мне все объяснил.

— Объяснил? — раскрыла рот Агнетта, мысленно представляя, какую задаст взбучку наследному принцу, если он посмеет своими разоблачениями причинить боль ее девочке.

— Эйхиа, да.

Теперь она говорила шепотом, изображая взрослую:

— Все до'Веррада имеют официальных любовниц из семейства Грихальва. Таков у них договор с этими иллюстраторами.

Она вдруг хихикнула, как маленькая девочка.

— Энрей говорит, что ему нравится эта идея — иметь официальную любовницу.

— Неужто ему такое не понравится! А что он еще сказал?

— Во-первых, когда наследник женится, его любовницу отсылают из дворца с богатыми подарками, драгоценностями и все такое. До'Веррада очень щедры. — Небрежно взмахнув рукой, она как бы разделалась с этой Грихальва. — Во-вторых, такие любовницы всегда бесплодны, значит, всякие там бастарды трону не угрожают. Мы-то знаем, к чему это может привести страну. В-третьих (я думаю, это Энрей скажет и папе), гораздо лучше наследнику быть связанным с какой-то одной женщиной, чем вызывать многочисленные скандалы, преследуя благородных девиц при дворе или гоняясь за трактирными девками, к тому же не всегда чистыми.

Мечелла как-то неуверенно нахмурила брови, и Агнетта поняла: ее девочка просто не подозревает, что упомянутая «чистота» не имеет ничего общего с ванной или прачкой.

— А еще Энрей сказал, что женам наследников просто повезло — ведь их мужья умеют доставить им удовольствие в постели.

— Челла!

Замечание вырвалось автоматически. Агнетта не смогла сдержать улыбку. Наследный принц бывал иногда несносен, но сейчас он, пожалуй, проявил здравый смысл. Хотя...

— Интересно, как он будет излагать королю свои идеи насчет любовниц? Что по сравнению с этим праздничный фейерверк!

Они расхохотались и направились к террасе Дворца Тысячи Свечей. Всю тысячу зажгут сегодня вечером в большом бальном зале, где новость будет объявлена официально. Мечелла всю дорогу болтала без умолку. Какой Арриго красивый и обаятельный, какой он выдающийся музыкант, как прекрасно он охотится, как играет в шахматы (принцесса выучилась этой игре после его последнего визита), каким он станет мудрым правителем, каким счастьем будет для нее помогать мужу в его заботах, как она мечтает о детях, как ей хочется, чтобы его народ полюбил ее... И так далее, и тому подобное. Ее бесхитростные мечты разрывали Агнетте сердце.

Служанка слушала молча, думая про себя, что даже если Мечелла и мечтает об этом браке, дальше свадьбы ее помыслы не идут. Она сочла излишним сейчас объяснять, что одно дело — доброе отношение взрослого мужчины к пятнадцатилетней дочери благородного хозяина дома и совсем другое — то, что должно произойти между ними, когда они действительно станут мужем и женой. Какой бы убежденной противницей этого брака она ни была, сейчас, когда ее сияющая принцесса озаряла собою весеннее утро, Агнетте хотелось верить, что и у этой сказки обязательно будет счастливый конец. Мечелла так добра и отзывчива, так жаждет любить и быть любимой... Да разве сможет Арриго до'Веррада устоять перед ней — такой юной и прекрасной, такой доброй и кроткой, такой наивной и доверчивой...

— ...такой скучной, что это превосходит всякое воображение. И они хотят женить меня на этом ребенке!

Тасия Грихальва взглянула на человека, произнесшего эти слова. Высокий мужчина в военной форме мерил шагами столовую маленького домика в лучшей части Мейа-Суэрты. Любая другая женщина на ее месте посоветовала бы ему сесть и не портить ковры своими парадными шпорами. Но Тасия не была похожа на других — даже женщины семейства Грихальва не шли с ней ни в какое сравнение.

— Она прелестная девушка, — сказала Тасия. — Я видела портрет.

— По-моему, она так себе.

Арриго пожал плечами, золотые шнуры эполет заплясали, переливаясь на солнце. Одежда выгодно подчеркивала его красоту — зеленый камзол, черные лосины и высокие черные ботфорты: Арриго был капитаном полка шагаррцев, последнюю сотню лет составлявшего почетную охрану Палассо Веррада. Густая зелень камзола оттеняла карие глаза с золотыми искорками, эполеты придавали мужественность его облику и стати. Но хотя ему было всего тридцать, черные волнистые волосы уже слегка поредели, а в уголках глаз появились тонкие морщинки — впрочем, последним, как и бронзовому загару, он был обязан своей многолетней страстью к охоте. Гораздо хуже выглядели глубокие морщины,

спускавшиеся от носа к полным губам. Тасия знала причину их появления. Он находился в сложной ситуации: умный, способный, подготовленный к управлению страной человек не мог приступить к своим обязанностям, пока был жив его отец. И осознание двусмысленности своего положения оставило на его лице больше следов, чем прожитые годы. Он готов был служить стране, но понимал, что получит эту возможность лишь после того, как его любимый отец умрет.

И двенадцать долгих лет Тасия должна была стараться, чтобы он вспоминал об этом как можно реже, следить, чтобы его морщины не становились глубже, развлекать его, если он был грустен, рукоплескать ему, когда он занимался немногими разрешенными ему государственными обязанностями, и — любить его. Все это она делала с радостью. Но скоро ее функции перейдут к другой женщине. К бледной, хорошенькой, невинной девушке из чужой страны, которая не знает Арриго и не понимает его. И если принцесса не справится со своей задачей...

— Она блондинка! — продолжал он, маршируя взад и вперед как на параде. — Неестественно яркая блондинка.

— Арриго! — Тасия рассмеялась и опустила вышивку. — Не думаешь же ты, что она красит волосы! Не будь таким глупым. У каждой семьи свои фамильные черты. У нас, Грихальва, характерные носы — у некоторых так даже слишком характерные! У д'Веррада еще не было дочерей выше пяти футов ростом. Все отпрыски королевского семейства Гхийаса очень и очень бледны. Да, кстати, ты должен предупредить ее, каким горячим бывает наше солнце.

— Я не люблю блондинок. К тому же она почти необразованна, с ней от тоски умрешь!

— Я слышала, что она изучает наш диалект и пытается играть в шахматы, — заметила Тасия.

Он насмешливо хмыкнул.

— Ты и вправду глупец. Девочке всего двадцать лет, и она тебя любит.

«Двадцать лет, на восемнадцать лет моложе меня. Матра эй Фильхо, она же мне в дочери годится!»

Поспешно избавившись от этой мысли, она добавила:

— Девочка просто хочет доставить тебе удовольствие.

— Ты доставляешь мне удовольствие.

Он подошел к креслу, отобрал у нее рукоделие и заглянул в глаза долгим, гипнотизирующим взглядом, как умели делать только мужчины д'Веррада. У нее перехватило дыхание. Так случалось всегда, с самой первой их встречи, а ведь до этого она и не представляла себе, каково быть его любовницей, хоть и стремилась занять эту должность.

— Ты, и никакая другая, — тихо сказал он.

Она таяла в его объятиях, прекрасно понимая, что не должна этого делать. Настала пора отдалить его от себя — мягко и ненавязчиво, ради его же блага. Но принцесса и так скоро

заполучит его. Тогда придется расстаться с ним — таков ее долг, но пока Тасия будет наслаждаться тем, что все еще принадлежит ей одной.

А потом... потом...

Потом, когда он дремал, положив голову ей на грудь, она задумалась, надо ли действительно расставаться с ним насовсем. Некоторые из ее предшественниц (самой известной из них была ее собственная бабушка, в честь которой ее и назвали) после смерти жены своего Великого герцога возвращались к прежнему положению. Она не желала зла Мечелле — Матра Дольча, нет, конечно! Но почему бы им не поделить его, его любовь и его власть?

Бабушка Тасита так и сделала. Ее жизни можно только позавидовать. Образец для будущих Любовниц. Родив семье ребенка (Зару, мать Тасии), Тасита стала любовницей Арриго II и была таковой до его женитьбы на Надалии до'Хоарра. Когда Великая герцогиня умерла, Тасита вернулась и удерживала свои позиции двадцать один год, до самой смерти Великого герцога. В семейных преданиях Грихальва Тасита была известна как Некоронованная. Даже будучи преданным супругом, Арриго II всегда советовался со своей бывшей любовницей, перед тем как принять любое политическое решение. После смерти Надалии, будь это разрешено, он женился бы на Тасите. Теперь, через тридцать один год после смерти, Тасита стала легендой.

На портрете в Галисрре Грихальва она изображена молодой и улыбающейся. Ее черные волосы тщательно завиты и заплетены в соответствии с вычурной модой того времени; стройную фигуру облегает бархатное платье сапфирно-голубого цвета — цвета Веррада; глубокое декольте открывает роскошную грудь; кроваво-красный рубин подчеркивает белизну шеи. Но Тасия помнила бабушку в старости — с седыми волосами, согбенную недугом, от которого ей было суждено умереть; драгоценный камень утонул в пене кружев, скрывающих морщинистую шею. От прежней Таситы осталась лишь великолепная улыбка, ее-то она подарила своей шестилетней тезке со словами:

— Если ты будешь хорошей, послушной и умной девочкой, может быть, и тебе когда-нибудь достанется молодой, красивый до'Веррада. В конце концов, — добавила старая дама с лукавинкой в черных глазах, — твое имя Тасита, как и мое, а новорожденного наследника опять назвали Арриго, разве не так?

Бабушка не сказала ей одного, и поняла она это только через много лет: послушание и прочие добродетели — это, конечно, похвально, но важнее все-таки ум. Совпадение их имен — хорошее предзнаменование, однако не стоит полагаться на судьбу, если в нужный момент понадобится реальная помощь.

Ей поневоле придется быть умной, коль она захочет повторить карьеру своей бабушки! В тот единственный раз, когда она заговорила с Арриго о совпадении имен, он только поднял бровь и заметил, что не стал бы возражать, если б ему оставили хоть

что-нибудь, что он мог бы назвать своим собственным. В этом не было ничего удивительного. Арриго учили те же учителя, что и его отца, отца же он сменил на посту капитана полка шагаррцев; он был попечителем любимого благотворительного общества своей матери; в день восемнадцатилетия к нему перешли фамильные драгоценности и свита наследника в Палассо Веррада, а также охотничий домик в Чассериайо, и прочее, и прочее. Понятно, почему ему хотелось иметь хоть что-то свое. Тасия никогда больше не упоминала, что они не первые Арриго и Тасита. Наоборот, она принялась внушать ему, что он неповторим, и весьма преуспела в этом. Так продолжалось последние двенадцать лет.

Но теперь он женится. И если это не первый случай, когда до'Веррада женятся на королевских дочерях, то по крайней мере будет первым, когда берут в жены дочь короля Гхийаса. Две сотни лет Тайра-Вирте пыталась породниться с могущественным северным соседом, и вот наконец усилия Верховного иллюстратора Педранно и сменившего его на этом посту Меквеля принесли желанные плоды. Мечелла была не просто гхийасской принцессой, а Принцессой Гхийаса. Единственная дочь своего отца, она оказалась единственной женщиной подходящего для брака возраста в королевской семье, и приданое ее было головокружительным. Деньги, конечно, лишними не окажутся, но гораздо бо́льшую выгоду сулили свободный вход во все гхийасские порты, снижение торговых пошлин и установление льготных цен. В дальнейшем этот союз укрепится — когда король Энрей станет дедушкой. А самым важным, хотя об этом не догадывался никто, кроме Великого герцога и Вьехос Фратос, было то, что после предстоящей свадьбы во Дворце Тысячи Свечей в Ауте-Гхийасе поселится иллюстратор с целым штатом копиистов. Все события, происходящие в стране, Грихальва запечатлеет на картинах, и, несомненно, это может быть использовано.

Тасия представляла себе значимость иллюстратора в Ауте-Гхийасе, потому что сын делился с ней всеми секретами Грихальва, которые ему удавалось потихоньку выведать. Рафейо исполнилось четырнадцать, и как раз теперь он проходил конфирматтио; официально он еще не считался стерильным, но сомневаться в его избранности уже не приходилось. Тасия гордилась сыном и прочила ему большую будущность, хотя, по правде говоря, родила его по ошибке.

К тому времени она успела принять участие уже в четырех конфирматтио и счастливо избежать беременности. И вот в 1247 году из-за нехватки подходящих девушек ей — двадцатичетырехлетней! — довелось еще раз выполнить свой долг. Она пришла в ярость, поняв, что беременна от своего пятиюродного брата Ренайо, и родила ребенка, продолжая негодовать и обижаться. Одно было хорошо: после родов выяснилось, что она больше не сможет забеременеть. За это она была благодарна мальчику: по крайней мере он избавил ее от таинственной процедуры, вызывающей бесплодие, которой подвергались все буду-

щие любовницы, дабы не родить бастарда могущественным до'Верраде.

Таким образом, Тасия от обиды на судьбу перешла к благодарности и даже сумела развить в себе какой-то интерес к сыну, но нянчить его предоставила своей матери, Заре. Сама она была слишком занята — следовало привести в порядок талию и поймать в свои сети Арриго, так что на ребенка времени не оставалось. Первые десять лет жизни Рафейо она относилась к нему, словно старшая сестра, с любопытством наблюдающая, как быстро растет маленький братик.

В последнее время они стали больше бывать вместе. Тасия гордилась расцветающим талантом сына, а Арриго не возражал против его визитов — мальчик ему нравился.

У Арриго задатки хорошего отца, думала она, прикасаясь губами к его редеющим волосам и представляя себе его будущих детей. Конечно же, они станут так же хорошо относиться к ней, как сам Арриго относится к Лиссине, бывшей любовнице своего отца.

Раз в неделю Рафейо навещал Тасию в ее домике и делился с ней своими душевными переживаниями. Стоило ему узнать какую-нибудь новость, и он сразу рассказывал об этом матери. Она поощряла его любознательность, предостерегала от опасности прослыть непослушным, чтобы на него не легло несмываемое клеймо Неоссо Иррада, и предвкушала день его конфирматтио. Тогда ее авторитет в семье возрастет — ведь она родила иллюстратора! Уже близятся к концу его испытания — из трех девушек, побывавших с ним в постели этой зимой, ни одна не забеременела. Еще одна, и Рафейо Грихальва, единственный сын любовницы наследника, пройдет конфирматтио.

Бывало, после принудительной интимной близости юные парочки влюблялись и даже сочетались браком, особенно если рождался ребенок. Ренайо в свое время тоже попытался приударить за Тасией, когда обнаружилась ее беременность, но все его ухаживания заняли столько времени, сколько его понадобилось для произнесения пяти слов: «Я намерена стать любовницей Арриго». Рафейо не так уж глуп, чтобы влюбиться в какую-нибудь из своих постельных подружек. Он сознает свой долг перед матерью и своим талантом. Никогда еще Верховный иллюстратор не был женат, и Тасия не могла себе представить, чтобы Рафейо вдруг захотел это сделать. Сын принадлежит ей. Тасия улыбнулась, представляя себя в роли матери Верховного иллюстратора.

Некоронованная. Мать Верховного иллюстратора.

Возможно, ее планы слишком честолюбивы? Поглаживая Арриго по спине, она вся растворялась в мечтах: а почему бы и нет? Так будет практичнее и лучше для всех. Арриго станет прекрасным Великим герцогом. Тасия — идеальная любовница и лучше кого бы то ни было разбирается в политике двора. У Рафейо есть Дар и талант, которым можно воспользоваться. Втроем они способны творить чудеса.

А что касается Мечеллы де Гхийас, то все, что Тасия слышала о ней, сводилось к одному: она глупа и ничего не знает об управлении страной. Живя при дворе, она не будет лезть в непонятную ей политику. Побольше детей, чтоб ей было чем себя занять, и она даже не заметит отлучек Арриго. Тасия сумеет делиться с ней, надо же соблюдать приличия. У Тасии будут любовь Арриго и его власть, ее сын станет Верховным иллюстратором и поддержит ее во всех начинаниях — на таких условиях она может позволить себе быть великодушной.

Будущее вставало перед ней во всем своем великолепии. Рафейо пройдет конфирматтио, узнает все, что только возможно, об искусстве иллюстраторов и опишет ей это в мельчайших подробностях; Мечелла нарожает кучу детей; Арриго исполнит свой супружеский долг, тоскуя при этом по Тасии так сильно, что сам предложит своей бывшей любовнице вернуться и стать новой Некороноваиной, а сама Тасия... хм-мм. Пожалуй, ей тоже надо выйти замуж. Найти себе богатого мужа-размазню, чтобы предотвратить сплетни, пока Мечелла не смирится с реальностью, а Тасия не укрепит свои позиции настолько, что никто уже не посмеет болтать. Да, замуж. Она даже знала за кого.

Все будет так, как она хочет, без лишних усилий и хлопот. Не пройдет и пяти лет, как все устроится к ее полному удовлетворению и принесет множество благ Тайра-Вирте.

Какой бы хорошенькой ни была Мечелла, сколько бы детей она ни родила Арриго, любит-то он Тасию. Какая женщина, пусть даже красивая и плодовитая, сможет поспорить с этим главным аргументом?

34

Ауте-Гхийас с нетерпением ожидал прибытия дона Арриго до'Веррада. Сам Арриго относился к предстоящей свадьбе с заметным хладнокровием, даже собирался немного опоздать. Это известие, изложенное в мягкой дипломатичной форме, принцесса Мечелла встретила раздраженным возгласом:

— Но когда же? Когда?

Король Эпрей нахмурился, задетый столь явным нетерпением дочери. К счастью для девушки, видеть ее сейчас могли немногие. Иллюстратор Грихальва, оценив ситуацию с точки зрения профессионала, подумал про себя, что картина, изображающая этот момент, вряд ли понравится кому-нибудь из присутствующих.

Король, с его близорукими от постоянного изучения документов глазами и крючковатым носом, выглядел не слишком привлекательно, когда сердился. Все его всклушчатое лицо, от кружевного воротника до корней редеющих светлых волос, было залито краской. По мнению иллюстратора, ему не мешало бы по-

сить парик, как это делали его августейшие предки. Наследный принц, облаченный в охотничий костюм, стоял у окна с таким видом, будто единственным средством, способным избавить его от скуки, могло быть не что иное, как отстрел беспомощных лесных созданий. Старшая принцесса сидела в углу, чопорно поджав губы, и выглядела при этом одновременно кислой и самодовольной. А кто бы мог представить, что на миловидной мордашке Мечеллы может появиться столь несчастное и упрямое выражение! Отец взглядом приказал ей переменить его. Иллюстратор спрятал усмешку, зная, что король боится, как бы он не написал Арриго предупреждение.

— Дорогая, — обратился король к своей единственной дочери, — я знаю, что ты разочарована. Но я уверен, он не заставит нас долго ждать.

Его тон и сдвинутые брови недвусмысленно показывали, что наследники каких-то Великих герцогов никогда не заставляют ждать королей.

Иллюстратор отвесил еще один глубокий поклон, взмахнув серой, цвета Грихальва, шляпой с тремя перьями, выкрашенными в голубой цвет Веррада. Количество и цвет перьев говорили всем и каждому о том, что он итинеррио, так же ясно, как Золотой Ключ на длинной цепи — о том, что он иллюстратор. Только Грихальва знали, что длина перьев (в целый фут каждое, их чертовски сложно бывает достать) означает принадлежность к Вьехос Фратос.

— Всемилостивейший государь, — начал иллюстратор. Его гхийасское произношение было весьма неплохим для иностранца. — Дон Арриго поручил мне лично покорнейше извиниться за него перед очаровательной принцессой. Увы, даже самые сильные желания вынуждены бывают отступить, если речь идет об интересах государства.

Откуда-то из глубин своего одеяния он вытащил голубой кожаный мешочек, блеснувший золотой печатью Великих герцогов.

— Его светлость приказал мне отдать это лично принцессе в знак его раскаяния, любви и надежд на будущее.

Король кивком разрешил ему приблизиться. Подойдя к Мечелле, иллюстратор снова низко поклонился.

— Передаю вам собственные слова дона Арриго: «Примите, прошу вас, эту безделицу и в знак прощения за мое опоздание, пожалуйста, наденьте ее в день моего приезда, чтобы я мог увидеть, не изменились ли ваши чувства ко мне».

Он развязал мешочек. В ее ладонь скользнула звенящая цепочка. Овалы чеканного серебра перемежались прозрачными сапфирами. Стоить такое колье должно было по меньшей мере две тысячи золотых. Король Энрей неплохо разбирался в драгоценностях.

— Безделица? Его светлость приносит весьма дорогостоящие извинения, — сухо заметил он.

Неугомонный наследный принц поглядел на свою растерянную сестру и рассмеялся.

— Постарайся, чтобы он почаще чувствовал себя виноватым, Челла. К старости у тебя будет больше драгоценностей, чем у тза'абской императрицы!

Иллюстратор не удержался и подмигнул молодому человеку.

— В самом деле, ваше высочество, это украшение когда-то принадлежало императрице Ноории аль-Ассадда, и было оно у нее, ну, скажем, изъято после битвы при Шагарре.

Снова повернувшись к принцессе, он добавил:

— Для меня будет большой честью и огромным удовольствием написать ваше высочество в этом колье еще до приезда его светлости.

Она внимательно посмотрела на иллюстратора. Голубые глаза затмевали забытые при упоминании Арриго камни.

— Он скоро приедет, итинераррио Дионисо? Очень-очень скоро?

Еще один грациозный жест в ее сторону.

— Разве может мужчина, зная, что его ожидает такая женщина, задержаться хоть на мгновение дольше, чем это необходимо?

Она очень мило покраснела, пальцы, сжимавшие колье, слегка задрожали. Тетка бросила на нее косой взгляд, ясно говоривший: попади эта «безделица» в ее руки, уж она-то вцепилась бы в нее намертво и отпустила лишь для того, чтобы застегнуть ее на своей тощей шее.

«Надо бы подарить старой грымзе парочку побрякушек, авось подобреет», — отметил про себя иллюстратор. Он уже понял, что, как бы ни приходилось сожалеть, своего любимого андалусийского жеребца ему придется преподнести этому охотнику. Ничего не поделаешь, надо задобрить гхийасцев. Остается еще проблема, как получше умаслить короля, чтобы уладить дело с проклятым опозданием. Черт бы побрал этого упирающегося идиота! Его капризы и бестактность слишком дорого обходятся Тайра-Вирте.

Внезапно иллюстратора посетила идея. С тех пор как двенадцать лет назад умер старый Бартойо Грихальва, в Ауте-Гхийасе не было своего художника. Согласно одной из статей брачного контракта, Тайра-Вирте обязывалась прислать в Гхийас достаточное количество иллюстраторов для знати и Придворного Иллюстратора, так как исключительно Грихальва и Великий герцог Коссимио понимали значение заглавной буквы. Арриго раньше чем через неделю не приедет, это время можно провести с толком, написав портрет. Заодно и король оттает.

«Несколько портретов, — подумал он мрачно, разглядывая абсолютно невдохновляющую физиономию тетки. — Если, конечно, Арриго не перестанет брыкаться. Писать портрет Мечеллы будет приятно. Всегда приятно рисовать хорошеньких девочек. Потом портрет наследного принца — верхом, разумеется. А что касается короля... Эйха, есть у нас способы скрыть лысину».

Если королевское семейство останется довольным, — а именно этого ждал от итинераррио Великий герцог Тайра-Вирте, — Арриго встретят здесь с радостью, а не заставят томиться в

отместку за опоздание. Существуют тысячи предлогов, чтобы отсрочить венчание: приданое недошито; гости не собрались; город не украшен к празднику; невеста стесняется (впрочем, последнее здесь не годится) — все это он не единожды видел на протяжении своей долгой карьеры. Гхийасцев надо ублажить, чтобы они осчастливили Арриго, который, в свою очередь, осчастливит этим герцога Коссимио и Верховного иллюстратора Мекверля... И всего этого не произойдет, если Арриго оскорбится ответной реакцией короля и откажется от невесты. Если то, что о нем болтают, — правда, он может отказаться в любом случае.

«Вот что ты делаешь для до'Веррада, Сарио!»

Дионисо мысленно вздохнул и начал осторожную беседу, которая продлится долгие часы, пока он будет писать портрет принцессы Чернослива.

Юноша и девушка стояли неподвижно, прислушиваясь. Дверь захлопнулась за их спинами. Лязгнул задвигаемый засов, щелкнул ключ в замке. Затем те же звуки повторились в следующей комнате. Они не касались друг друга и молча смотрели на большую кровать, дожидаясь, когда упадет последний засов и звук шагов стихнет в конце коридора.

— Ты знаешь, что надо делать? — первой заговорила девушка.

— Я знаю, что надо делать, — огрызнулся юноша. — В конце концов, ты у меня четвертая.

— Что ровно ничего не гарантирует, — заметила она, подходя к постели.

Над кроватью, в полукруглой нише, скрывалась икона, две свечи стояли по обе стороны от нее. Девушка потянулась к ним, чтобы зажечь, покуда последний луч заходящего солнца не погас за высокими окнами.

— Одна тебе, одна мне, — пробормотала она. — Пусть Мать и Сын смотрят на нас, как будто мы послушники в монастырской келье. Хотела бы я знать, одобряют ли они то, что видят.

— Для тебя это что-то значит?

— Даже если и значит, какая разница?

Она стала расшнуровывать корсаж. Ее кожа матово поблескивала в полумраке и была слишком смуглой даже для Грихальва, выдавая большую, чем обычно, примесь тза'абской крови.

— Не скажу, что я именно так хотела провести четыре месяца своей жизни. Я выполню свой священный для всех Грихальва долг, но только попробуй сделать мне ребенка! — Отшвырнув корсет куда-то в угол, она добавила: — И никаких странных штучек, понял?

Он расстегнул рубашку и аккуратно повесил ее на дверной крюк.

— Понял. Давай наконец покончим с этим.

— Какой энтузиазм!

Раздевшись до пояса, она швырнула блузу вслед за корсетом и распустила шнур, поддерживавший юбки на талии.

— Честность с первого слова — это прекрасно, особенно для людей, которых заперли вдвоем на ближайшие три ночи.

Комната напоминала монастырскую келью: кровать, умывальник, ни ковра, ни даже картины — и это здесь, в Палассо Грихальва! — только икона глядит со стены. Хорошо еще, что здесь прохладно, несмотря на необычно жаркую весну. Беленые стены в шесть футов толщиной открывались высокими восьмифутовыми окнами на север и на юг.

Слабый ветерок пошевелил шелковые сетки на окнах и слегка взъерошил волосы молодого человека, когда он выпрямился, сбросив штаны и сандалии.

— Тебе не о чем беспокоиться — от меня ты не забеременеешь. Я знаю, кто я такой.

— Какой умный мальчик — знает то, чего не знают даже Вьехос Фратос!

— Я не мальчик! — дерзко ответил он, снимая нижнюю рубашку.

— А вот это ты и должен доказать. Лично для меня сие пока не очевидно.

Девушка произнесла эту фразу намеренно оскорбительным тоном. Но он в свои четырнадцать лет был уже достаточно взрослым, дабы понять, что ее гнев и горечь относились не к нему, и не обиделся.

Юбки упали к ее ногам. Она пинком отправила их вслед за блузой и корсетом и вытянулась на кровати, опираясь на локти. У нее оказалась прекрасная фигура: высокая грудь, тонкая талия, крутой изгиб бедер. Впрочем, большинство женщин в семье Грихальва выглядели не хуже. Она склонила набок голову на длинной шее, бывшей, бесспорно, предметом ее гордости, и спросила:

— Ты действительно так в себе уверен?

— Я знаю это всю жизнь.

— Ну, раз ты так говоришь, — пожав плечами, она легла на спину, — тогда вперед. Они просматривают простыни каждое утро. От тебя в твоем возрасте потребуется не меньше двух раз за ночь. Считается, что так лучше всего для женщины.

Когда звуки страсти стали проникать сквозь окна и отдаваться эхом в коридоре, он попытался умерить свой пыл.

Потом девушка встала, подошла к умывальнику, намочила полотенце и обтерла им тело.

— Да, ты не новичок, — заметила она. — Но тебе это как будто не нравится. Я все-таки не настолько страшная.

— По-моему, ты очень красивая.

Он повернулся на бок, чтобы посмотреть на нее, и подпер голову рукой. Она хмыкнула.

— Один совет, амико. Иллюстраторы должны рисовать все — и прекрасное, и безобразное, так что учись льстить, особенно женщинам. Начни с того, чем женщина гордится. Попрактикуешься немного и научишься узнавать это с первого взгляда. Потом переходи к тому, что она считает своим недостатком. Если

ты умен, то сразу поймешь, что это, — и уж тут можешь врать как сивый мерин.

Он ухмыльнулся, принимая вызов.

— У тебя красивая шея.

— Откуда ты...

— По тому, как ты ее держишь. А еще ты носишь маленькую золотую цепочку, чтобы подчеркнуть ее длину. — Он рассмеялся. — А что касается «недостатков», то тут мне и врать не придется. Твои груди само совершенство.

— У тебя, видно, большой опыт по части грудей, — парировала она.

— У первой моей девушки они были как перезрелые дыни. А у последней их не было вовсе.

— Неплохо, — уступила она. — Но помни, сравнения опасны. Если ты не в курсе местных интриг, то легко можешь попасть впросак.

Прополоскав полотенце, она протянула его юноше.

— Возьми, очень приятная вещь в такую жару.

Откуда-то донеслись крики — низкий мужской голос срывался на дискант.

— Не так, конечно, приятно, как это. Кансальвио отлично проводит время, узнаю его голос.

Он протер себе грудь и подмышки.

— Вот будет обидно, если именно он станет иллюстратором! В одном моем ногте больше таланта, чем у него.

— Матра Дольча! Ты и в этом уверен? Откуда ты знаешь так много?

— Сразу видно, что ты живешь не в Палассо.

— Нет, — нахмурилась она. — Мы с матерью и отчимом живем за городом. А при чем тут...

— Жила бы ты здесь, ты бы слышала, что обо мне говорят.

— Ах, как трудно быть гением! — насмешливо пропела она, широко раскрыв глаза.

Он вспыхнул, но не от стыда за свое высокомерие, а от раздражения. Она еще увидит, все они еще увидят, когда конфирматтио закончится и он станет одним из настоящих иллюстраторов — подлинным Грихальва.

Девушка бросила полотенце рядом с простыней на пол. Завтра слуги заберут все это и постирают. Она устроилась в подножье кровати и, обхватив руками колени, продолжала:

— Еще один совет. Думай о себе что хочешь — быть может, ты имеешь на это полное право, — но не показывай этого Фратос. Они очень ревностно относятся к таким вещам. Когда им попадается истинный талант, они одновременно трепещут и злятся.

— Это мне уже известно, — признался он. — Но ты-то откуда знаешь о таких вещах?

— У меня есть брат. На самом деле он мой сводный брат. Мы оба — дети конфирматтио. Маме было шестнад-

цать, когда она родила Кабрала, и двадцать — когда появилась на свет я. Потом она вышла за мастера Хонино — у него медные рудники в Эллеоне — и взяла нас с собой. Я всю жизнь прожила вдали от Палассо и надеялась, что они забыли обо мне. А брат вернулся сюда, чтобы получить образование. Кабрал не иллюстратор — где-то здесь должна жить моя племянница, — но он все равно великий художник.

— Я уверен в этом, — вежливо сказал юноша.

Слова не обманули ее.

— Ты, конечно, думаешь, что талантом обладают исключительно стерильные. В любом случае я надеялась, что его вклада в семью окажется достаточно. Но в этом году не хватило подходящих девушек, кто-то вспомнил про меня — и вот я здесь. Не повезло.

Он кивнул, понимая, что она и сейчас не хотела его обидеть.

— Нужны были четыре девушки, а подходящих здесь — только три. Мать, бабушка и тетка Тринии умерли в родах — вряд ли она сможет родить. В роду Филиппии уже три поколения не появилось ни одного иллюстратора. Что же касается Полии — эйха, скажем так: она рисует воображаемой кистью.

— Видишь, каким ты можешь быть тактичным? — поддразнила она.

— Граццо, — поблагодарил он, чувствуя, что она понемногу начинает ему нравиться. — В итоге ты здесь, выполняешь свой долг.

— Это их идея, а не моя.

Она тряхнула головой, черные волосы рассыпались по плечам.

— Если ты и впрямь так уверен в себе, как говоришь, — мне повезло. Я хочу детей только от любимого мужа, когда он у меня будет.

— Ты хочешь влюбиться, выйти замуж и только потом заводить детей? — Он поднял брови, изображая удивление. — Никогда не слыхал о Грихальва с моральными устоями торговцев!

— Можешь смеяться над чем хочешь! — отмахнулась она. — Я вынуждена была переспать с четырьмя маленькими глупыми художниками, потратить четыре месяца собственной жизни, то кувыркаясь здесь с одним из вас, то дожидаясь, пока мне подсунут следующего, и все это время они ждали затаив дыхание: а вдруг я беременна! А забеременей я, пришлось бы потерять еще год, дожидаясь, пока родится ребенок.

Он пожал плечами.

— Но так поступают все женщины Грихальва.

— А я не хочу! Не можешь понять меня — подумай сам. Ты знаешь, кто твоя мать, а что до отца — Фратос, конечно, знают, кто он, но ты мог бы с таким же успехом быть одним из первых чи'патрос. Здесь, в Палассо, это не важно, но когда-нибудь ты выйдешь отсюда в большой мир. Санктос и санктас смотрят на нас так, будто мы фиолетовые чудища с пятью глазами.

— Кого это волнует? — усмехнулся он.

— Нас не волнует, а остальных людей — очень. Они тоже косятся на нас, дабы всем показать, что они разделяют отвращение экклезии к нашему мерзкому, аморальному, неестественному существованию.

— Эйха, понятно, что ты имеешь в виду. Но иллюстраторов это не должно волновать. Мы слишком значительны.

— Ты хоть когда-нибудь был за стенами Палассо? Иллюстраторов это касается больше всего. Поговори с моим братом Кабралом, пока мы здесь. Ты узнаешь от него многое, хоть он и не принадлежит к вашей возвышенной братии, — добавила она едко.

— Ты что, жалеешь меня?

Эта мысль его поразила.

— Да, — ответила она просто, — мне всех вас жаль. У нас с Кабралом хоть семья была. Одна мать, один отец вместо тысячи сводных братьев, сестер, кузенов, не говоря уже об остальных родственниках — их просто не сосчитать! И всем им на вас наплевать, если у вас не окажется Дара. Что у вас за детство — кроватка в общей комнате, одна кормилица на несколько человек... А это ваше так называемое образование? — Она все больше распалялась. — Искусство, искусство, искусство — и ничего больше. Что ты знаешь, например, о естественных науках?

— Достаточно, чтобы не вызвать взрыва, смешивая растворители. — Он сделал серьезное лицо.

— Не смешно! Они учат вас только самому необходимому, ничуть не заботясь о глубине ваших знаний. История — лишь в том объеме, которого было бы достаточно, чтобы вы не оскорбили чужеземцев своим невежеством. Литература — не больше, чем умение развлечь каким-нибудь стишком титулованных особ, пока они скучают, позируя для портрета. Верховая езда — вам положено знать о лошадях ровно столько, сколько надо, чтобы случайно не выпасть из седла. Прекрати смеяться! Разве ты сам не видишь, в какой клетке вас держат?

— Извини, — сказал он, потому что, несмотря на дурацкие рассуждения, она ему нравилась. — Я просто вспомнил свои уроки верховой езды.

— Ага, но ты — счастливое исключение или по крайней мере считаешь себя таковым. У тебя есть Дар — и пусть Милосердная Матра позаботится о тех, у кого его нет! Всю жизнь они обречены копировать чужие шедевры...

— Хватит, — сказал он примирительно. — Все, что ты говоришь, — правда, но ты не заставишь меня ни на миг пожалеть о том, кто я есть. Хочешь, я скажу тебе, почему на меня никто никогда не будет коситься и почему я никогда не попаду в унылую комнатушку копииста? — Он улыбнулся, смакуя минуту своего торжества. — Я — сын Тасии.

— Тасии! — Она моргнула и продолжала уже совсем другим тоном: — Любовницы Арриго! Матра эй Фильхо!

Но тут же его гордость получила хороший щелчок: девушка расхохоталась во все горло. Громко, язвительно, обидно.

— Ты и вправду думаешь, что твои амбиции переживут женитьбу Арриго?

Его больно уязвило оскорбление в адрес Тасии.

— Арриго обожает мою мать. Может, он и отошлет ее от двора ненадолго, чтобы успокоить гхийасскую принцессу, пока та не родит ему нескольких детей. Но Тасия вернется. И я буду на ее стороне.

— Двадцатилетний, полностью обученный, готовый принять кисть Верховного иллюстратора Меквеля из его слабеющих рук?

Девушка пристально посмотрела на него. Ее лицо сейчас уже никто не назвал бы хорошеньким.

— А что, если Арриго влюбится в свою молодую жену?

Он пожал плечами.

— Лиссина же осталась при дворе. Они с Великой герцогиней близкие подруги.

— Кто бы смог не полюбить Лиссину! Все знают, какая она чудесная.

— Тем не менее все были шокированы, когда Гизелла назвала свою дочь в честь бывшей любовницы мужа и даже попросила Лиссину быть крестной матерью Лиссии.

— И ты думаешь, в детской Мечеллы когда-нибудь появится маленькая Тасита?

Она не стала дожидаться ответа.

— Эйха, все сейчас ужасно милые при дворе, не спорю. Но это необычная ситуация, а Гизелла — необычная женщина, я встречалась с ней. Она славная и добрая и искренне любит Лиссину. Что, если принцесса Мечелла не полюбит Тасию?

Он ничего не ответил — и так уже много лишнего наговорил. Кого там принцесса любит или не любит, не имеет никакого значения. Откровенно говоря, взглянув на ее портрет, он засомневался, хватит ли у нее мозгов, чтобы оценить ситуацию. В ее огромных голубых глазах не было ни намека на интеллект. Где ей тягаться с такой умной женщиной, как Тасия! Да, она мила, если, конечно, вы любите светлокожих блондинок, но ее красота ни в какое сравнение не идет с живой смуглой красотой Тасии.

— Твое будущее, — сказала наконец девушка, — станет, возможно, ошеломляющим. Но сейчас, мой Верховный иллюстратор, если ты не возражаешь, я посплю немного.

— Ладно.

Он испытал облегчение. Ему не хотелось задевать ее чувства. Если она знакома с Великой герцогиней, у нее могут быть полезные связи при дворе. Когда-нибудь это может пригодиться. Кроме того, она оказалась первой, кто назвал его Верховным иллюстратором. Он запомнит это — может, когда-нибудь напишет ей что-нибудь в подарок. Эта мысль вызвала у него улыбку.

— Поспать — это то, что мне нужно, — сказала она. — Я долго занималась прошлой ночью и...

Ей пришлось прерваться, чтобы переждать новую порцию стонов, воплей и хрюканья, доносившихся извне.

— И я сомневаюсь, что этой ночью нам удастся выспаться! Почему некоторым надо делать это так громко?

— Трубит, как герцогский герольд, — согласился он, и оба рассмеялись.

Они легли рядом, не касаясь друг друга. Встерок стих, было очень жарко, да и странно спать в обнимку с человеком, с которым познакомился всего три часа назад.

— А что ты изучаешь? — спросил он, внезапно заинтересовавшись, не одна ли она из тех девочек Грихальва, которые воображают, будто у них есть способности к живописи.

— М-мм? А-а, растения.

— Лекарственные?

— Нет, для духов.

— В самом деле?

Он решил извлечь пользу из ее маленького скучного увлечения. Она может потом пригодиться, она была хороша в постели и просто нравилась ему. И есть еще ее брат, Кабрал. Надо иметь много союзников среди Грихальва, пусть даже не Одаренных, если хочешь стать Верховным иллюстратором.

— Звучит сложно и непонятно.

— Я смешиваю запахи, так же как ты краски. Так я и познакомилась с Великой герцогиней. Я сделала для нее духи.

— Из роз, наверно. Говорят, она их любит.

— Да, я их сделала на основе роз. Белых, конечно же, других она не признает. И прибавила туда всяких травок, немного валерианы...

Как истинный живописец, он тут же перевел названия в символы: Я достойна вас, Смирение, Приспосабливающийся характер. Судя по тому, что он слышал, получалась Гизелла как живая.

— Тебе надо сделать духи для принцессы, — сказал он вдруг.

— Свадебный подарок? Прекрасная идея! Может, когда-нибудь и твоей матери понадобятся особые духи.

Он проигнорировал намек, сказав только: «М-мм, ей бы понравилось», — но сам подумал, что Тасия не была бы Тасией, если б ее не сопровождали запахи желтых жасминов (Элегантность), мирры (Радость) и яблок (Сладкий соблазн). Повернувшись на другой бок, он притворился спящим. Ему пришло в голову, — и он улыбнулся этой мысли, — что духи принцессы должны состоять главным образом из миндального масла — в знак ее Глупости, глупости женщины, выходящей замуж за человека, который принадлежит Тасии Грихальва, Некоронованной, матери будущего Верховного иллюстратора.

35

К вящему изумлению Дионисо, принцесса Мечелла приказала написать ее портрет в подвенечном наряде и соответственно оставить рядом место для Арриго.

— Все равно ведь эту картину придется писать, — сказала она. — И чем быстрее она будет закончена, тем быстрее мы сможем поехать домой в Мейа-Суэрту.

Одно то, что она им командовала, было уже само по себе поразительно (им, иллюстратором Грихальва, можно даже сказать — тем самым иллюстратором Грихальва), но у нее было свое мнение по поводу каждой детали. Какие цветы надо использовать и какое они имеют символическое значение, как она хочет стоять, как держать голову и руки, каким должен быть фон и даже время суток. Очевидно, она обдумывала это уже не один год. Под ее невинной внешностью скрывалась сталь. Дионисо грациозно поклонился, пряча усмешку. Арриго будет потрясен.

«Повеселюсь я в следующей жизни, — сказал себе Дионисо, — когда стану Верховным иллюстратором при Великой герцогине Мечелле».

В своем белоснежном свадебном уборе Мечелла была великолепна с головы до пят, от алмазной диадемы до расшитых жемчугом туфель. Мили прозрачного белого шелка ниспадали с ее талии к изящным ножкам, словно лепестки розы, и каждый лепесток украшало тончайшее кружево. Невесомый наряд поддерживала накрахмаленная нижняя юбка. Лиф был выполнен в форме розового бутона: туго скрученные у талии слои шелка поднимались лепестками кверху, чтобы прикрыть на удивление чувственную грудь и закончиться на плечах маленькими рукавчиками, украшенными свисающими слезками жемчужин. На том месте, где лепестки, расходясь, приоткрывали грудь, были вышиты золотом переплетенные инициалы А и М.

Платье она тоже придумывала не один год.

Иллюстратор, в течение трех веков наблюдавший за аристократией шести стран, был ошеломлен, увидев эту высокую золотоволосую красавицу принцессу в подвенечном наряде. Когда он склонился перед ней, это было искреннее смирение художника в присутствии красоты, которую ему посчастливилось увидеть и перенести на холст.

Долгие часы, понадобившиеся на то, чтобы набросать, а затем отделать ее портрет, послужили ему наградой за нескончаемые дни, проведенные с принцессой Пермиллой.

Та начала капризничать сразу же, как только речь зашла о выборе места и позы для портрета. Все ее предложения были просто кошмарны. В одеждах Принцессы Гхийаса, на фоне открытого окна, за которым до самого горизонта простирались цветущие сады, она смахивала на экскурсовода. В одежде Покровительницы Университета, рассевшейся в своем салоне вместе с тремя

противными тявкающими собачонками среди благочестивых книг и святых икон, она напоминала одновременно ученую монахиню и содержательницу собачьего питомника. Сидя около разукрашенного фонтана в красочном наряде, который принцесса считала гхийасским национальным костюмом (вместо льна и шерсти были использованы шелк и атлас), она казалась высохшим растением в цветочном горшке, которое обеспокоенный садовник отставил в сторону для полива.

После долгих усилий — ему пришлось применить все свои дипломатические способности — ее удалось убедить, что любые декорации поблекнут в ее присутствии, что никакая поза не передаст ее врожденной грации и никакой костюм не сможет символизировать ее многосторонний ум. Он уговорил ее надеть простое белое платье, поставил около гладкой белой стены и сделал ей небольшой, но богатый подарок — очень редкие, очень древние голубые тза'абские стеклянные бусы. Сережки, ожерелье, заколки и браслеты причитались Мечелле. Он сообщил это старой Черносливине, прибавив, что как бы дорого ему ни обошелся этот поступок, но художник просто не в состоянии видеть, как лазурные глубины этих маленьких хрустальных миров сверкают на шее какой-нибудь другой женщины, не обладающей той глубокой натурой, которую он разглядел в Пермиллиных глазах.

— Эта драгоценность и вы, принцесса, лишь подчеркиваете достоинства друг друга. Ничто другое просто не может быть изображено на вашем портрете.

Она проглотила наживку вместе с крючком. Набросок потребовал получаса. Пермилла удалилась в свои апартаменты, воображая о себе еще больше, чем обычно.

Теперь настал черед наследного принца.

Тут выбор был двоякий: «Наследный принц и его конь» или «Конь и наследный принц». Появился юный Энрей, и Дионисо был потрясен размерами его жеребца. Принц испытывал трепет перед художником, когда тот делал набросок, но еще большее впечатление на него произвело то, что Дионисо уже через пятнадцать минут позирования освободил его, дав возможность пустить огромного коня в галоп. Глядя, как они скачут, Дионисо гадал не о том, сломает ли наследный принц свою царственную шею, а о том, как скоро это может произойти.

Остался только сам король, а поскольку во все время его царствования в Ауте-Гхийасе не было иллюстратора, то не было и официального портрета Энрея II со всеми регалиями. Рисовать подобное было для Дионисо привычным занятием, за свою жизнь он изобразил уже столько королей с их тронами, коронами, скипетрами и мантиями, что мог делать это даже во сне. Уже к середине дня он закончил работу и поставил свою подпись, Дионисо Грихальва, в углу картины.

Чудо из чудес — Арриго приехал уже на следующий день, опоздав всего на две недели, и попал как раз вовремя, чтобы

пожинать плоды усилий Дионисо. Королевская семья встретила его тепло и благожелательно. Мечелла, конечно же, не принимала участия в церемонии приветствия. Их с Арриго первая встреча — уже как обрученных мужа и жены — произойдет завтра утром, при стечении всего двора. Но поздно вечером, когда Дионисо вышел проветриться и выбросить из головы мысли о принцессе Черносливине, он стал свидетелем романтического свидания в залитом лунным светом королевском саду.

Золотую головку Мечеллы невозможно было не узнать. Арриго легко угадывался по блеску золотых шнуров шагаррского мундира. Подбежав к жениху, принцесса с трудом удержалась, чтобы не броситься в его объятия. Он лишь холодно поклонился. Они смущенно обменялись несколькими фразами, которых Дионисо не расслышал. На мгновение повисла напряженная тишина, затем Арриго взял Мечеллу под руку. Застенчивые, как юные влюбленные, они ушли куда-то за живую изгородь и пропали из виду.

А как же Тасия?

— Иллюстратор, — окликнул его кто-то дрожащим голосом.

Дионисо обернулся и в серебряном свете заходящей луны увидел старую служанку, протягивавшую к нему загрубевшие от работы руки. Медленно, на общем языке, как будто не веря, что человек из Тайра-Вирте способен понять гхийаску, она произнесла:

— Умоляю тебя, иллюстратор, скажи мне, что он будет ей хорошим мужем!

— Ну конечно же, будет... — начал было Дионисо.

Она отчаянно затрясла головой.

— Нет! Ответь мне не как человек на службе у принца, а как мужчина, знающий другого мужчину и понимающий женщин вашей страны. Ослабит ли эта Грихальва свою хватку? Будет ли у моей девочки хоть один шанс, что он полюбит ее?

Дионисо был растроган такой преданностью.

— Я думаю, будет, — ответил он, насколько мог, честно. — Дон Арриго готов иметь семью и детей. Он сознает свой долг, а она — прекраснейшее олицетворение этого долга. Стоит только взглянуть на вашу принцессу. Она редкая красавица, молодая, очаровательная — средоточие всех мыслимых совершенств. А той женщине, Грихальва, почти сорок, она в матери годится ее высочеству!

Служанку это явно не успокоило.

— Присмотри за ней, — настаивала она. — Ты нарисовал ее с редким пониманием, ты, должно быть, заглянул ей в душу. Давай ей советы, предостерегай ее. Она слишком молода для борьбы с женщинами Грихальва.

— Ты и сама будешь там и сможешь ее предостеречь.

— Нет, — слезы ручьями потекли по морщинистым щекам, — мне запрещено.

— Кем, принцессой Чер... Пермиллой? — поправился он и, когда она кивнула, подтверждая его догадку, продолжал, потрясенный:

— Неужели бедная девочка не возьмет с собой никого из близких ей людей?

По существующей давней традиции невесты будущих Великих герцогов венчались у себя на родине, и до границы их сопровождал почетный эскорт. Когда граница оставалась позади, охрану молодых супругов возлагали на солдат и офицеров Тайра-Вирте. Но невеста всегда брала с собой в новый дом собственных горничных, слуг и других необходимых ей людей.

— Я еще не решилась сказать ей об этом. После венчания она сразу же станет жительницей Тайра-Вирте и должна будет отказаться от старых слуг, ее окружат неведомыми иностранцами, которые не знают и не любят ее, придворными, которых интересует только собственное положение при дворе, варварами...

— Мы все же слегка цивилизованны, — сухо заметил он. — Не волнуйся так, почтенная матушка. Если она окажется одна, Арриго только сильнее станет оберегать ее. Ничто так не заставляет мужчину чувствовать себя сильным, как красивая молоденькая девушка, к тому же еще и беспомощная. И очень скоро у нее появятся друзья, в этом можно не сомневаться. Никто не сможет долго противиться ее обаянию.

Она снова заломила руки.

— Это так, но все же обещай мне присмотреть за ней. Пожалуйста, иллюстратор. Заклинаю тебя именем твоей матери, которая любила тебя так же, как я люблю мою дорогую Челлу.

Он попытался представить себе лицо матери. Это оказалось невозможно. Еще бы — через триста-то лет! Он вспомнил только имя — Филиппия — да слабый аромат лимонного чая. И ничего более.

— Не волнуйся, — повторил он, — принцесса Мечелла — лучшее, о чем только может мечтать дон Арриго. Он не настолько глуп, чтобы отказываться от совершенства, хотя большинство знатных молодых людей мечтают лишь о том, чтобы у их будущих жен было не слишком много недостатков.

— Обещай мне! — настаивала служанка.

Он обещал — в конце концов это обещание ни к чему его не обязывает. Присматривать за Мечеллой в его теперешнем положении даже благоразумно, а когда он станет Верховным иллюстратором... Он отослал женщину обратно во дворец. Если она и не стала счастливее, то по крайней мере хоть прекратила плакать. Но этот разговор пробудил в нем любопытство, и он еще больше часа бродил по саду. В итоге он был вознагражден — ему удалось увидеть Мечеллу в объятиях Арриго с запрокинутой для поцелуя головой.

Интересно, они скучают обо мне? Ищут? Недоумевают, куда я могла деться? Мои друзья, семья, наставники, Алехандро? Что он обо мне думает? Что я сбежала, покинула, предала его — нет, он не может в это поверить, но Сарио способен заставить его поверить. Матра эй Фильхо, я не вынесу, если Алехандро поверит, что я лгу!

Когда я освобожусь, я приду к нему, я расскажу ему, но только после того, как разделаюсь с Сарио, — он клялся, что любит меня, а сам вверг меня в этот ужас, меня и моего ребенка, эйха, бедный малыш, бедная кроха внутри меня...

Твой папа ждет нас, сердце мое, он ждет нас там, снаружи, в большом мире...

И Сарио тоже ждет, Сарио ждет...

— Вот ты и прошел конфирматтио! Я так горжусь тобой, Рафейо!

Тасия не обняла сына — она никогда этого не делала, и, поступи она так сейчас, он бы крайне изумился. Она рассмеялась и зааплодировала, от чего юноша смутился и покраснел.

— Ты один постигнешь магию Грихальва, а остальные станут отцами, — продолжала она, разливая вино, которое прислал ей из Гхийаса Арриго. Она протянула Рафейо стакан со словами: — Возможно, тебе оно покажется кисловатым, но настала пора развивать вкус не только в живописи!

Он усмехнулся и потрогал стакан.

— Уже успело охладиться? Я ведь только что пришел.

— Карридо, неужели ты думаешь, что я не посчитала, когда у твоей последней девочки вновь появится кровь? Вино лежит на льду со вчерашнего вечера!

— Ты никогда во мне не сомневалась!

— А теперь никто не будет сомневаться.

— Салюто эй суэрта! — подняла она тост. — Здоровья и удачи!

— Сихирро эй сангва! — ответил он, и они выпили.

— Магия и кровь? — переспросила она, подняв бровь.

— Такой тост принят у иллюстраторов. Я услышал его в первый раз вчера вечером.

Он уныло потер затылок.

— Вообще-то я слышал его вчера много раз. Все иллюстраторы, какие только были в Палассо, собрались поприветствовать меня, и все по очереди пили за меня, сначала высшие, потом...

— Ты, наверное, выпил целую бочку! Поражаюсь, что ты еще в состоянии ходить. Эйха, вот она, юность! Теперь скажи мне, Рафейо, — она наклонилась вперед, — когда все это начнется? И когда закончится?

— Я буду учиться у... — Он вдруг умолк. — Прости меня, Тасия, здесь безопасно разговаривать?

Она обвела маленькую комнатку широким жестом.

— Несколько месяцев назад я велела переделать эту комнату от пола до потолка. Я хотела, чтобы у нас с тобой было место, где можно поговорить. Моя вера в тебя живет гораздо дольше, чем требуется, чтобы охладить вино.

От удивления он широко раскрыл свои темные глаза. Они у него точь-в-точь как у отца: те же тяжелые веки и длинные ресницы. Удивительно, но чем старше он становился, тем меньше в нем оставалось от Тасии, и больше — от Ренайо.

Впрочем, он становится мужчиной, так что, видимо, это закономерно. Несмотря на внешнее сходство мальчика с отцом, Тасия знала, что сердце Рафейо принадлежит ей. Он улыбается ее улыбкой, она подарила ему жизнь и тот Дар, который сделал его иллюстратором.

— Ты сделала все это для меня? Для нас? Граццо, мама!

Она могла бы пересчитать по пальцам, сколько раз он ее так назвал. Внезапно ей пришло в голову, что этим словом ей надо гордиться. Святые узы между Матерью и Сыном — это основа Веры, и их с Рафейо связывают такие же отношения. Тасия улыбнулась ему самой теплой своей улыбкой, той, которую она часами вырабатывала перед зеркалом накануне первой встречи с Арриго, и мальчик улыбнулся в ответ. Четырнадцатилетний так же не мог противостоять этой улыбке, как когда-то восемнадцатилетний.

— Только ты могла предусмотреть такую вещь, — сказал Рафейо, обводя взглядом лишенную окон комнату. Это была одна из тех неудобных, тесных клетушек, которых так много в старых домах Мейа-Суэрты. Обычно их используют как кладовые для продуктов или вина, подаваемого гостям. Комната была освобождена от полок и шкафов, что почти вдвое увеличивало ее размеры. Проделанные в потолке вентиляционные отверстия выходили с другой стороны дома, чтобы никто не смог использовать их для подслушивания. Парчовые драпировки и толстый ковер не пропускали звуки. Мебели было мало, но вся превосходного качества: диван и стул, обтянутые шелком сапфирового цвета, резной деревянный стол со столешницей из зеленого мрамора и высокий серебряный подсвечник в углу. Дверь запиралась на двойной замок.

Теперь, когда Рафейо уверился в собственной безопасности, он продолжал рассказ. Следующие несколько лет он проведет с мастерами рисунка акварелью, тушью, карандашом, мелом и углем. Одновременно другие учителя будут учить его, как правильно подготовить и использовать бумагу, пергамент, шелк, ткань, штукатурку, дерево. Только потом его научат писать маслом на холсте, и тогда придет время консультаций с тремя великими мастерами.

— Ты знаешь, как их называют? — спросил он, подскакивая на стуле от возбуждения.

— Иль агво, иль семинно и иль сангво! Вода, семя и кровь, — ответила она. — Все это слышали. Должна тебе сказать, что эти имена всегда поражали меня своей бессмысленностью.

— Ты не понимаешь! Вода — это слезы, слюна и пот. Семя...

— Сперма, — прервала она. — Ну и что?

— В этом-то и заключена магия! Они смешивают краски со всем этим, и еще с кровью, а поскольку все эти субстанции входят в состав тела, а у иллюстратора есть Дар и он знает специальные слова и изучал специальные науки, — Рафейо перевел дух, — картины становятся магическими!

Она откинулась на спинку дивана, пораженная. Конечно, ходили какие-то невнятные слухи, в Палассо перешептывались, но все слишком боялись власти Грихальва, чтобы открыто

говорить о магии. Даже санктос и санктас держали рты на замке, хотя глаза их метали стрелы. Но Тасия, честолюбие которой влекло ее по единственному пути, открытому для женщины Грихальва, не интересовалась живописью ни в каком виде.

До тех пор, пока ее сын-иллюстратор не объяснил ей.

— Масло должно быть самым могущественным, раз они учат ему в последнюю очередь. Подумай только, краски, смешанные с кровью иллюстратора, на холсте, сдобренном его потом и слезами, да еще с магическими заклинаниями...

— Ты действительно знаешь это, Рафейо? Или это только догадки?

— Я знаю это, так же как всегда знал, что я — иллюстратор, — заявил он торжественно. — Я узнал кое-что уже этой весной. Я не мог прийти рассказать тебе об этом из-за конфирматтио. Ты помнишь, как в прошлом году племянник барона до'Брендисиа умер в тюрьме, не дождавшись суда?

Она кивнула.

— Он покончил с собой, чтобы не подвергать семью позору.

— Он не покончил с собой. Грихальва убили его. Может быть, это сделал сам Верховный иллюстратор Меквель.

Она невольно оглядела комнату, как только что сделал Рафейо. Вид прочного дерева и толстых портьер успокоил ее.

— Продолжай.

— Брендисиа был арестован пьяным за нарушение спокойствия. Но это был всего лишь повод. Много ли придворных попадают в тюрьму за то, что веселятся в таверне? На самом-то деле он был виновен в другом. Он хотел созвать Парламент.

— Я что-то слышала об этом, — сказала Тасия.

Эти слова поразили Рафейо, как и было задумано. В действительности она никогда ничего подобного не слышала, но не желала признаваться в этом сыну. Собственная неосведомленность потрясла ее, сердце в груди заколотилось. Надо внимательнее слушать, о чем болтают, иначе она станет бесполезной для Арриго. Надо почаще приглашать этих скучных старых ослов на чай, укрепить связи с дворянством. А значит, следует в ближайшее время выйти замуж за выбранного ею дворянина.

— Эйха, — продолжал Рафейо. — Кто-то проследил, чем он занимается. Факты были против него. После ареста его комнаты в городе обыскали и нашли бумаги, письма и прочие необходимые для суда улики.

— А имена других заговорщиков?

— Ничего похожего. Он был не слишком умен, но и глупцом его тоже не назовешь. Но он мог выдать их под пыткой.

— Они стали бы пытать дворянина? — задохнулась она от изумления. — Сына до'Брендисиа?

Рафейо пожал плечами.

— Предатель есть предатель. Во всяком случае, его можно было судить и подержать какое-то время в тюрьме. Но он

вынашивал свои собственные планы относительно этого суда — он собирался призывать народ к свободе, поносить Великого герцога Коссимио, требовать созыва законодательного собрания и так далее, и тому подобное.

— Барон умер бы от стыда, — уверенно заявила Тасия. Как-никак она уже десять лет была знакома с этим вспыльчивым дворянином. — Если бы раньше не умер от гнева, — добавила она задумчиво. — Какой скандал! Брендисиа! Да, надо было казнить глупого мальчишку.

— Причем тихо. И таким образом припугнуть тех, кто носится с подобными идеями, — кивнул Рафейо.

— Да, конечно, но как?

— Кто-то нарисовал его мертвым.

Тасия так и осела на диване, потрясенная до глубины души.

— Это возможно, — объяснил сын. — Он был найден мертвым без всяких признаков насильственной смерти, но на самом деле его казнили. Пока не знаю, как это было сделано, но уверен, что все произошло именно так.

Перехватив ее взгляд, он закончил:

— Ты понимаешь, что это означает, Тасия? Представляешь, что нам подвластно?

Она внутренне отшатнулась, увидев в его глазах лихорадочный огонь, но постаралась скрыть свои чувства и молча кивнула. Однако мальчик был все же ее сыном, хоть и не ею взращенным, а потому он сумел почувствовать ее реакцию. Рафейо залпом осушил свой стакан и торопливо заговорил:

— Я не собираюсь, конечно, рисовать кого-нибудь мертвым, но уверен: есть вещи, которые мы можем делать с помощью магии, чтобы заставить их всех думать, как мы хотим, или даже выполнять что-то, полезное нам...

— Да, конечно, — произнесла она, думая о чем-то своем.

— Вот видишь! Теперь у этой писклявой принцессы не будет ни одного шанса против тебя, мама!

Последняя фраза затронула в ее душе некую затаенную струю. Это не был материнский инстинкт, просто, когда Рафейо назвал ее мамой, она вспомнила о связывающих их неразрывных узах.

— Рафейо, обещай мне, что не будешь предпринимать ничего, слышишь, ничего, пока не станешь одним из Вьехос Фратос!

Сын посмотрел на нее так, будто она его предала.

— Но ведь это еще так не скоро!

— Ты можешь подождать, Рафейо! Послушай меня! Ты должен сначала все узнать, достичь совершенства во всех областях магии Грихальва и только потом использовать ее для нашей с тобой пользы. А если тебя поймают? Хуже того, если ты сам навредишь себе какой-нибудь магией, которую пока плохо знаешь? Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится! Ты обязательно станешь Верховным иллюстратором, Рафейо, имей терпение, не дай себя поймать на мелочи, не позволяй всему

Палассо называть тебя Неоссо Иррадо! Придет время, все у тебя будет, уверяю тебя.

Рафейо прикусил губу. Это был уже не честолюбивый юноша, ищущий власти, а маленький мальчик, жаждущий материнской любви.

— Ты так сильно в меня веришь? — тихо, почти застенчиво спросил он.

Она ощутила неловкость. Совсем как много лет назад, когда ее мать Зара привела Рафейо в этот дом. Арриго только что успел поселить ее здесь, и сын подбежал к ней на нетвердых ножках, крича: «Мама!» После неловких объятий она отослала мальчика в сопровождении слуги на кухню, велев матери никогда больше не допускать подобных сцен.

Сегодня Тасия наклонилась вперед и тронула сына за руку.

— Я всегда верила в тебя.

Она нежно погладила его пальцы.

— Когда ты только родился, я взглянула на эти руки — еще такие крошечные, хрупкие, но пальцы уже тогда были длинные и красивые. И я знала, что дала жизнь Верховному иллюстратору, более великому, чем Меквель, Сарио или даже Риобаро!

— Да, это так, — ответил он пылко. — Мы оба знаем, что это так. Ты будешь гордиться мною.

— Я уже горжусь. Но ты должен обещать мне, Рафейо, не предпринимать ничего, пока не будешь точно знать, что делаешь.

— Я обещаю.

После его ухода она еще некоторое время сидела, закрыв глаза, в своей безопасной, но, увы, такой душной комнатке.

Надо что-то сделать, чтобы здесь было чем дышать, с наступлением лета духота становится просто невыносимой.

Она убедила себя, что идет проветриться, заперла за собой дверь комнатки и направилась наверх, в спальню, приказав принести ей туда еще бутылку вина.

Дожидаясь, пока принесут вино, Тасия разделась, но так и не присела. Ее беспокоили другие сегодняшние новости: появление Мечеллы в Мейа-Суэрте откладывалось. Обычай требовал, чтобы до'Веррада, женившись, сначала показал невесту городу, а затем отвез ее в северный замок Катеррине, где они должны провести медовый месяц и зачать ребенка. Но Арриго, послав родителям извинения через Дионисо, отвез Мечеллу прямо в Катеррине. Официальная версия гласила, что это делается с целью избавить принцессу от жары и вони летнего города. Неофициальная, как всегда более правдоподобная, — что Арриго просто не в состоянии выпустить из объятий свою очаровательную девочку-невесту и хочет уединиться с ней на более долгий срок.

«У этой писклявой принцессы не будет ни одного шанса...»

Тасия просунула руки в рукава шелкового халата и небрежно завязала пояс. Пришел слуга с новой бутылкой подаренного Арриго вина. Она отпустила его и вытянулась на

постели, попивая вино и размышляя, кого из своих кузенов Грихальва она уговорит осторожно расспросить Дионисо. Возможно, кого-нибудь из своих сестер, хоть они и ненавидели друг друга с детства. Но ей надо узнать, действительно ли Арриго влюбился в эту девочку.

Эйха, а ведь ей полагается этого и хотеть. Желать ему счастья в браке, удачного союза, чтобы Коссимио и Гизелла были довольны, чтобы народ радовался, торговцы богатели, иллюстраторы утвердились в Ауте-Гхийасе, чтобы в детской до'Веррада было полно малышей — продолжателей славного рода. Ее патриотический долг — желать Арриго любви к своей новой жене.

Своей невинной, очаровательной двадцатилетней блондиночке-жене.

Тасия лежала неподвижно в своей спальне, жалюзи прикрывали высокие окна. Где-то внизу простиралась одна из самых фешенебельных улиц Мейа-Суэрты. Потягивая вино, Тасия думала о племяннике до'Брендисиа, которого кто-то нарисовал мертвым в тюремной камере.

36

Арриго до самой осени не привозил молодую жену в Мейа-Суэрту. Все это время жизнь Тасии отчасти скрашивали светские визиты, хотя уже и не столь частые, как в бытность ее любовницей Арриго.

Посетители делились на три категории. К первой принадлежали те, кто сообщал ей последние новости из любовного гнездышка в Катеррине. Одни сплетничали, потому что хотели отплатить ей за двенадцать лет превосходства. Другие — из любопытства, желая увидеть ее реакцию. Были и такие невинные души, которые искренне считали, что ее любовь к Арриго должна быть такой же великодушной, как любовь Лиссины к его отцу Коссимио, а значит, она рада будет послушать, как счастлив ее бывший любовник. Любители посплетничать, так же как желающие насолить и просто любопытные, приходили, предвкушая удовольствие, а уходили несолоно хлебавши. Что до наивных, то они как раз видели все, что ожидали увидеть: Тасия расточала улыбки и мед по поводу новообретенного счастья Арриго.

Вторая категория состояла из поклонников, которые теперь, когда Арриго счастлив в браке, считали ее своей законной добычей и надеялись испытать на себе действие ее чар: одни — для собственного удовольствия, другие — чтобы было чем похвастать, третьи — по обеим причинам. Эти уходили разочарованными, даже не из-за Тасии, а потому что ее постоянным посетителем сделался человек, представлявший сам по себе отдельную категорию, — граф Карло до'Альва.

Он попросил ее руки, и за два дня до официального сообщения о прибытии Арриго и Мечеллы домой к празднику Провиденссии они скромно и без шума поженились.

Граф был высокий, моложавый, обаятельный мужчина сорока семи лет. Его сложение было столь же мощным, насколько поведение скованным. Волосы, когда-то черные, а теперь серебряные от седины, контрастировали с очень смуглой кожей — поговаривали, что у него в жилах течет тза'абская кровь. Полжизни назад он женился на богатой наследнице Эле до'Шааррия, которая родила ему троих сыновей и умерла в 1260 году. Он не нуждался ни в наследниках, ни в деньгах, от своей второй жены он хотел, чтобы она была красива, умела вести беседу, разбиралась в политике двора и имела на нее влияние и обладала богатым сексуальным опытом. Короче, желал всего, чего был лишен в первом браке. Тасия Грихальва сочетала в себе эти и многие другие достоинства.

Новобрачные граф и графиня до'Альва отбыли из Мейа-Суэрты в фамильный замок графа как раз накануне праздника Провиденссии. Они лишь на несколько часов разминулись с новобрачными доном Арриго и доньей Мечеллой. То ли Карло задумал так, чтобы не расстраивать свою жену видом жены Арриго, то ли, наоборот, Тасия спланировала это, чтобы избавить Мечеллу от лицезрения своей персоны, — в любом случае, все сошлись во мнении, что это было проделано довольно изящно.

Впрочем, все также считали, что, покажись Тасия обнаженной на дороге, Арриго и того не заметит.

Арриго тоже хорошо умел рассчитывать время. Он прибыл в Мейа-Суэрту и показал народу молодую жену в самый разгар празднества в честь нового урожая. Для большего театрального эффекта и с попустительства Премиа Санкты они с Мечеллой проскользнули через боковую дверь в Катедраль Имагос Брийантос как раз перед церемонией выхода его родителей. И первыми, кого приветствовала Мечелла на земле Тайра-Вирте, оказались живые воплощения Матери — Дарительницы Зерна и Сына — Давильщика Винограда: Великая герцогиня Гизелла в блестящем золотом наряде и Великий герцог Коссимио в винно-красном, с темно-рубиновым фамильным кольцом на пальце. Если старшая пара символизировала щедрую Осень, то юные Мечелла и Арриго были обещанием грядущей Весны, одетые в ярко-голубые костюмы цвета Веррада, с вышитыми на них виноградными листьями (у него) и пшеничными колосьями (у нее).

Счастливая сцена вызвала бурную радость у всех, кому удалось ее увидеть. Даже самые восторженные отзывы о красоте Мечеллы казались недостаточными. Поклонники искусства нарекли ее живым шедевром. Регент хора, вовремя предупрежденный Премиа Санктой, велел мальчикам-хористам спеть «Благословенны Твоей Любящей Улыбкой» вместо принятого в этом сезоне гимна «Твои Дары — Золотое Зерно», поскольку первый больше подходил для венчания. Рефрен эхом отражался от сводчатого

потолка, и толпы на улице тоже подхватывали его, наполняя весь город музыкой.

После службы обе супружеские пары покинули неф и последовали на балкон. Главная площадь была забита народом, люди забрались даже на статую дона Алессо до'Веррада, украшавшую центральный фонтан. Наследники Алессо и их жены махали народу руками и улыбались в ответ на приветствия и пение. Потом они подняли стаканы с вином и выпили за здоровье друг друга и всего города. В толпе слуги в голубой одежде дома Веррада и молодые санктас и санктос в одеяниях серого и коричневого цветов раздавали маленькие хлебцы, выпеченные из муки нового урожая.

Обратно в Палассо Веррада процессия возвращалась пешком. По приказу Коссимио путь аккуратно расчищали солдаты шагаррского полка. Гирлянды и связки листьев и снопов свисали отовсюду с фонарных столбов, с черепичных крыш, с карнизов и вывесок, гирлянды украшали шею каждого встречного. Те, кому удавалось протолкаться поближе к Мечелле, помимо ее редкой, белокурой северной красоты замечали также, что она хоть и смотрит на всех, улыбаясь, восхищенными глазами, слишком бледна и все время цепляется за руку Арриго.

Общее мнение было таково: она ждет ребенка, что оказалось правдой. А официально об этом событии было объявлено только вечером, и вторая ликующая процессия при свете факелов прошла по всему городу с пением, плясками и весельем. В этот вечер были откупорены тысячи бутылок прошлогоднего вина.

Арриго, как положено, в первую очередь известил отца с матерью. Принцесса покраснела, когда он представил ее родителям в их апартаментах.

— Отец, мама, я хочу познакомить вас с Мечеллой, матерью вашего внука!

— Уже? — расхохотался Коссимио. — Быстро сработано, сынок!

— Ох уж эти мужчины! — Гизелла подмигнула мужу и обняла Мечеллу. — Им кажется, что это они делают ребенка, хотя на самом деле их часть работы занимает лишь несколько минут.

Великий герцог хохотал уже так, что стены тряслись.

— Зелла, Арриго — сильный молодой мужик! По меньшей мере полчаса! Да и твой собственный опыт утверждает обратное.

— Я попросила бы тебя попридержать язык, Косси!

Повернувшись к совершенно пунцовой Мечелле, она добавила:

— Мужчины! Эйха, каррида мейа, я задержу тебя здесь совсем ненадолго, а потом ты отдохнешь.

Они сели на диван, и Гизелла взяла девушку за руку.

— Арриго — моронно луна, заставил тебя тащиться через весь город, где целые толпы рвались на тебя посмотреть. Ты, должно быть, до смерти перепугалась.

— Вовсе нет, ваша светлость, — храбро, но не очень убедительно ответила Мечелла. — Я рада была их увидеть, и рада, что они хотели увидеть меня. Надеюсь, я им понравлюсь.

— Куда они денутся! — сказал Коссимио. — И не забивай этим больше свою хорошенькую головку!

Плюхнувшись в кресло, он расстегнул пуговицы на своем довольно теплом красном костюме.

— Матра эй Фильхо, какая жара! Арриго, пусть кто-нибудь принесет нам холодные напитки.

Арриго позвонил, а герцог вновь обратился к невестке:

— Просто будь сама собой, гаттина, ты такая лапочка, они тебя обязательно полюбят. Все, что им нужно, это улыбка и доброта. Зелла объяснит тебе все, что должна делать Великая герцогиня, сама она делает это превосходно.

Мечелла, которую ни разу в жизни не называли котенком, улыбнулась свекру. К ее изумлению, Коссимио стал с пристрастием изучать ее улыбку.

— Должен признать, — заключил он наконец, — что с улыбкой у тебя все в порядке, здесь опасаться нечего. Твой портрет наполовину хуже оригинала, пусть Меквель сколько угодно обижается, я так ему и скажу!

Он снова громко расхохотался, а затем уставился на Арриго все тем же напряженным, оценивающим взглядом.

— Ты оставил Грихальва в Ауте-Гхийасе?

— Итинераррио Дионисо остался там, заканчивает портреты. Я думаю, он скоро вернется.

Слуга, вошедший с подносом ледяных напитков и маленьких пирожных, прервал его. Гизелла принялась разливать напитки и делить сладости. Когда они опять остались вчетвером, Арриго продолжал:

— Я думаю, Кандалио подошел бы как иллюстратор. Он примерно моего возраста и достиг совершенства.

— Кто? А, тот, что нарисовал «Запись» о Каса-Рекколто, когда мы отдали его весной...

— Ты какие пирожные больше любишь, Мечелла, миндальные или с грецким орехом? — мягко спросила Великая герцогиня.

— Миндальные — мои любимые, — ответила Мечелла. — Грассио — ой, нет, кажется, «спасибо» говорят не так?

— Я уверена, ты все это очень быстро освоишь, — успокоила ее Гизелла. — Наше граццо означает одновременно «спасибо», «пожалуйста» и «добро пожаловать», вероятно, потому, что мы говорим слишком быстро и не можем себе позволить роскошь иметь несколько слов для этих понятий!

Мечелла тихонько рассмеялась.

— Да, почти все в Тайра-Вирте говорят очень быстро, так должны были бы говорить фейерверки или падающие звезды! Может быть, это из-за того, что вы тут глотаете слоги, или это в Гхийасе их добавляют? Никогда не могла ответить на этот вопрос, а ты не знаешь, Арриго?

— Наверное, и то, и другое, Челла, — ответил он улы-

 баясь.

— Челла! Какое красивое сокращение! — сказала Великая герцогиня. — А я-то думала, как же тебя называть.

— Меня мама так называла.

— Ты потеряла ее очень давно, я знаю, это так печально. Но, надеюсь, ты мне позволишь относиться к тебе как к дочери, Челла. Мне всегда хотелось иметь много дочерей, а у меня только одна.

— Одной достаточно, — с нажимом произнес Коссимио. — Со времен Бенекитты не рождалось еще женщины до'Веррада с пятью футами роста и характером на все шесть.

— Я рассказывал тебе про Бенекитту, — напомнил жене Арриго. — Большой семейный скандал. Я покажу тебе завтра ее портрет в Галиерре.

— Все женщины до'Веррада очень маленькие, — стала объяснять Гизелла. — Наша Лиссия выросла только до пяти футов, а тетя Косси — еще ниже. Я не знаю, в чем тут причина, ведь все мужчины в роду — очень высокие. Ты другая, надеюсь, твои дочери пойдут в тебя!

— Может, это как Дар у Грихальва, — пожал плечами Коссимио. — У мужчин он встречается, у женщин — нет. А что касается Кандалио, я подумал над твоим предложением, Арриго, — нет, это не лучший выбор для Гхийаса. У него плохая репутация в отношении женщин.

— Это было всего лишь предложение, — холодно сказал Арриго.

— Он близкий родственник... э-ээ... Зары Грихальва, не так ли?

— Да, — подтвердил Арриго с каменным лицом, — Зары Грихальва.

Гизелла поднялась, ослепляя своим золотым нарядом.

— Вы решили напрочь утомить нас политикой. Мы уходим. Пойдем, Челла, я покажу тебе твои комнаты, и ты сможешь хорошенько отдохнуть перед обедом. Арриго рассказал тебе, какие обязанности ждут нас вечером? Боюсь, мы поздно встанем.

Она увела Мечеллу из гостиной, продолжая непринужденно болтать. Они поднялись на один лестничный пролет вверх, миновали три коридора, прошли мимо дюжины часовых-шагаррцев и, наконец, попали в апартаменты наследника.

— Тут все переделано, — сказала Гизелла. — Надеюсь, тебе понравится. Вот твоя спальня, а между ней и спальней Арриго — ванная и гардеробная. Отдельная комната для отдыха и кабинет для каждого из вас...

— Кабинет? — Мечелла опустилась на огромную голубую кровать, затканную серебряным шитьем и утопавшую в белых кружевах.

— У тебя будет секретарь, чтобы разбираться с приглашениями. В твои обязанности войдут официальные визиты, благотворительность и множество других дел. Но не беспокойся об этом сейчас — по крайней мере пока не родится ребенок. Никто не усомнится в твоей необходимости беречь себя.

— Но мне по душе все это! Теперь я — жена Арриго, у меня есть обязанности, и я желаю их выполнять.

— Я понимаю, что ты желаешь, и уверена, ты прекрасно с ними справишься. Но здесь, в Тайра-Вирте, беременность освобождает нас от таких забот. Это священное время в жизни женщины, Челла. Как когда-то Святая Мать, надо отдавать все свои силы ребенку.

— Да, конечно, я только хотела...

— Я знаю, моя хорошая. — Гизелла потрепала ее по руке. — Но не рассказывай этого никому. Все ждут, что ты некоторое время не будешь показываться.

— О, если б это был мальчик! — воскликнула Мечелла. — Я буду такой, как хочет Арриго, и как хотите вы, и Великий герцог, и люди...

— Каррида! Ты же слышала, что сказал Косси. Будь такой, какая ты есть. Мы с ним уже полюбили тебя, и все видят, что Арриго тебя обожает! Стоило лишь взглянуть на его лицо, как сразу все стало ясно. Я чуть не расплакалась там, в храме, увидев, какой он счастливый, и за это мне надо благодарить тебя.

— Ваша светлость..

— Гизелла. Зелла, если угодно. — Она вдруг захихикала, как маленькая девочка. — Зелла и Челла! Вот ужас!

Смех Великой герцогини оказался заразительным.

— Так это хотя бы случайно! А вот в Южном Гхийасе есть одна семья по фамилии де Лозиа, и своих трех дочерей они назвали Розиа, Тамозиа и...

— Зозиа! — догадалась Гизелла и завопила от восторга, когда Мечелла кивком подтвердила ее догадку. — Надеюсь, бедняжки как можно скорее выйдут замуж!

— Розиа вышла, еще до моего отъезда. — Мечелла смеялась так сильно, что еле выговорила последние слова. — За барона де Прозиа!

Когда обе они наконец восстановили дыхание, Гизелла сказала:

— Ну почему люди вытворяют такое с невинными детьми? Довольно грустно, если в семье наследуется какое-нибудь внешнее уродство — огромные уши или, например, косоглазие, но это...

— А что передается в семье Грихальва? Что имел в виду Великий герцог?

— Ничего особенно важного или интересного. Они все хорошие художники — одни лучше, другие хуже. Например, тот, кого ты видела в Ауте-Гхийасе, Дионисо, блестяще пишет портреты, но пейзажи рисовать не умеет. Верховный иллюстратор Меквель — ты его скоро увидишь, он замечательный человек, именно он напишет «Рождение», когда появится на свет твой ребенок, — может набросать розу карандашом на обрывке бумаги, и ты поклянешься, что чувствуешь ее аромат! Почти все Грихальва талантливы, но у каждого свой особый дар. Все люди чем-то отличаются друг от друга.

— Понятно. Но он как-то упомянул Тасию Грихальва, любовницу Арриго.

Гизелла заморгала.

— Кого? Ее? Как может тебя волновать то, что давно прошло!

— Спасибо вам, что вы не отрицаете, что он был... увлечен сю, — сказала Мечелла непринужденно и с достоинством. — Нет, я не беспокоюсь. Мне просто любопытно. Она... будет при дворе?

Гизелла пожала плечами.

— Между Грихальва и до'Веррада уже несколько веков существует соглашение. Когда-то очень давно была еще семья Серрано, соперничавшая с Грихальва. Но Грихальва настолько превзошли всех других художников, что Серрано постепенно исчезли. Тем не менее существует политическое соглашение, согласно которому Грихальва поставляют не только Верховных иллюстраторов для Тайра-Вирте, но и молодых хорошеньких женщин для...

— Я знаю. Мой брат Энрей рассказал мне об этом. Что ж, это кажется очень разумным.

— Да, и до сих пор все заинтересованные стороны были довольны. Вот мы с Лиссиной, бывшей любовницей Косси, большие подружки. Она замечательная женщина, ты тоже полюбишь ее, вот увидишь. Ты не устала? Может, поговорим об этом потом?

— Если вы не торопитесь, я предпочла бы услышать все теперь.

— Эйха, как хочешь. — Гизелла слегка улыбнулась, склонив голову набок. — Когда я только приехала сюда из Гранидии, я была такой же неопытной девочкой, и Лиссина, как если бы она была моей старшей сестрой, помогла мне разобраться во всех тонкостях этикета и сложных отношениях между придворными. Ты молода и очень красива. Арриго взял тебя в жены, ты — мать его будущего ребенка. Никакая любовница не может сравниться с тобой, уверяю тебя, я знаю это по собственному опыту!

— Но... но если она все еще хочет его, — сказала девушка, не поднимая глаз.

— Любовницы знают, что, когда наследник женится, их время уходит, — твердо сказала Гизелла. — Ради собственного положения в обществе они не будут поднимать шум или делать глупости. И каждый до'Веррада заботится о чувствах своей жены. Коссимио предложил мне отослать Лиссину от двора, но я ответила, что это просто глупо, ведь мы с Лиссиной к тому времени уже подружились, и кроме того она собиралась замуж за барона до'Дрегеца, а его не отошлешь, зачем же поднимать шум! Я и так знала, что он меня любит.

— Гизелла... я не такая хорошая, как вы. Я не хочу, чтобы эта Грихальва была здесь, рядом со мной — и с Арриго.

— Я понимаю, но, мне кажется, ты скоро увидишь, что беспокоиться не о чем. Тасия знает свой долг и свое место. А теперь не думай обо всем этом, каррида, и разреши мне прислать тебе горничную, она поможет освободиться от этой душной одежды. Я разбужу тебя к обеду. После этого мы выйдем на балкон и покажем себя людям, будет еще одно шествие. Это очень красиво — факелы, люди танцуют и поют. — Она опять

хихикнула. — Когда я впервые встречала здесь Провиденссию, мы с Лиссиной позаимствовали платья у горничных и выскользнули из Палассо, чтобы смешаться с толпой. Как мы танцевали и какие у нас были красивые кавалеры! И, представляешь, одним из них оказался Косси!

— Эн веррейо? — засмеялась Мечелла. — Правда?

— Эн верро, — улыбаясь, поправила ее Гизелла. — Мы с ним были очень молоды и устали от придворной жизни. Друг другу мы ничего не сказали, боялись разочарования. А на следующий день он увез меня в Чассериайо, наш охотничий домик, и всю осень мы прожили там вдвоем, с одним-единственным слугой! Ты выросла в стране, где двор больше нашего, и с детства привыкла к утомительным обязанностям придворной жизни, но, может быть, и тебе когда-нибудь понадобится Чассериайо. Теперь это владения Арриго, он любит Чассериайо и часто ездит туда. Так что имей это в виду, каррида. — Она поднялась с кровати, разгладила платье и принялась вытаскивать булавки из своих темных волос. — Я пришлю к тебе твою горничную.

— Но... у меня нет горничной.

— Как это?

— Тетя Пермилла сказала, что я должна стать истинной жительницей Тайра-Вирте. И я с ней совершенно согласна, — добавила она убежденно. — Я буду вам очень благодарна, если вы поможете мне выбрать слуг и посоветуете, как одеваться, и еще будете поправлять мое произношение, и...

Гизелла вздохнула.

— Со всем этим мне помогала Лиссина. Кроме произношения, конечно, ведь я родилась в Кастейо Гранидиа! Но Лиссина — исключение, не думаю, что можно ожидать чего-то подобного от Тасии. Нет, я никогда не позволила бы ей стать любовницей Арриго, если бы у нее был плохой характер, но она — не Лиссина.

Горничную звали Отонна. Она оказалась широколицей, веселой девушкой, очень приятной и к тому же незаменимой. Она помогла Мечелле расстегнуть корсаж, надела на нее шелковую ночную рубашку и удалилась. Мечелла прилегла на свою кружевную кровать и мысленно вернулась к церемонии знакомства с новой семьей, новым домом, новым народом. Все было прекрасно, наполняло ее радостью и любопытством — ее любовь к Арриго, предстоящее рождение сына... Но блестящую поверхность этой картины портило темное пятно — Тасия Грихальва. Она — не Лиссина, радостно, по-дружески встретившая невесту своего бывшего любовника, да и Мечелла — не Гизелла. Гизелла родилась и выросла в этой стране, и странные обычаи до'Веррада для нее вещь вполне естественная.

Хотя... Мечелла молода, Арриго любит ее, и у нее под сердцем его ребенок. Что может противопоставить этому бесплодная, стареющая, брошенная любовница?

37

— Даже не надейся, — сказал Великий герцог Коссимио Верховному иллюстратору Меквелю, сидя за огромным столом для совещаний. — Поехать придется Арриго.

Грихальва нахмурился.

— Но, ваша светлость...

— Да, да, — перебил его Коссимио. — Я знаю. Он только что женился, жена беременна, надо привыкать к новой жизни и прочее и прочее. Но я не могу ехать сам, никто из придворных не годится, и нельзя посылать только одного Грихальву — он будет ограничен в своих передвижениях. А вот Арриго сможет куда угодно брать с собой иллюстратора, единственное исключение — частные беседы. Кроме того, мальчик сможет набраться опыта. Не буду же я жить вечно!

— Я тоже, — задумчиво пробормотал Меквель. — И мое время выйдет намного раньше, чем ваше. Поэтому я предлагаю послать несколько молодых талантливых иллюстраторов в Диттро-Марейю вместе с доном Арриго. Им тоже полезно будет набраться опыта.

— Ты же знаешь, как я ненавижу упоминания о том, что ты не всегда будешь моей надежной опорой.

— Мы много поработали вместе, — улыбнулся Верховный иллюстратор. — Брак Арриго с принцессой Гхийаса, предотвратив неприятности с Таглисом и Фризмарком...

— Не говоря уже об истории с этим глупым племянником до'Брендисиа, — добавил Коссимио, нахмурившись. — Мы поймали хоть одного из его сообщников?

— Нескольких. С ними уже разобрались. Вам не о чем беспокоиться.

— Созвать Парламент — какая глупость! Издать законы на все случаи жизни — от налогов до внешней политики! Разве мы плохо относились к народу, Меквель? Разве страна не живет в мире и довольстве? Чего еще им нужно?

— Кажется мне, что именно те условия, которые мы создали, и рождают неблагодарность.

— Эйха, у человека, который целый день работает, чтобы прокормить семью, просто не остается времени для политики.

— Именно так, ваша светлость. Но тот, кто сыт, хорошо одет, у кого есть надежная крыша над головой и крепкий пол под ногами...

— Сделай их богатыми, и они тут же захотят стать еще богаче, — с отвращением заключил Коссимио.

— Но я не думаю, что они станут рисковать своим богатством или своей надежной крышей ради созыва Парламента. Они хотят тратить деньги вельмож, а не свои. Как вам известно, именно так и пропало наследие до'Брендисиа.

— Этого я не знал. Внимательнее присматривай за молодым поколением, Меквель. Они хотят не денег, а влияния

и власти. Ни один хоть чего-нибудь стоящий житель Тайра-Вирте не пойдет за купцом.

Решительно складывая бумаги, он добавил:

— Вечером я скажу Арриго, что он едет в Диеттро-Марейю. Ты подберешь молодых иллюстраторов для сопровождения и одного опытного, который напишет картину.

— С этим у меня небольшая проблема, — признался Меквель. — Кто поедет, я уже почти придумал, но ума не приложу, что это должна быть за картина.

— Я думаю, в случае успеха Арриго достаточно будет обычного интерьера, чтобы приглядывать за нашим дорогим князем Фелиссо. Если он испортит картину, нам потребуется что-нибудь посущественнее.

— Князь — очень религиозный человек, — как бы небрежно заметил Меквель.

В темных глазах Коссимио мелькнула искра интереса.

— И правда, очень. После того как я отправил ему ту икону, он прислал мне пятьдесят ящиков своих лучших вин. А ведь икона-то не оправдала возлагаемых на нее надежд, — укоризненно напомнил он Меквелю. — Иначе мы не оказались бы сейчас в таком положении.

— Естественно. Но Педранно был уже стар, его силы почти иссякли, и он уже не мог применять то искусство, которое сделало его когда-то Верховным иллюстратором.

Великий герцог нахмурился.

— Так ты этого боишься? Боишься, что скоро состаришься и не сможешь работать?

— Это приходило мне в голову. Когда перед глазами стоит пример Педранно...

— Тебе только сорок два!

— Он был всего на год старше, когда написал ту икону.

— И слышать не хочу об этом. Ты силен, как никогда, Квеллито.

— Ваше доверие для меня честь, Косси. Но скоро — нет, не в этом году и даже не в следующем — скоро моя сила пойдет на убыль. Когда это начнется, я предупрежу. Задолго до того я найду вам нового Верховного иллюстратора.

— Я не разрешу тебе уйти, — предупредил герцог. — И пальцем не прикоснусь к твоему проклятому портрету, да и тебе не позволю. Не вздумай просить меня втыкать в твое изображение булавки, или что там проделал мой, прискорбной памяти, предок — первый Коссимио, чтобы убить Верховного иллюстратора Тимиуса.

— Он сделал это по просьбе самого Тимиуса, в качестве одолжения. Верховный иллюстратор больше смерти боялся старости и бессилия.

— А я говорю, это было убийство!

— Милосердная смерть от руки друга.

Коссимио так нахмурил брови, что они почти скрыли глаза.

— Меквель, ты знаешь, как я тебя люблю, надеюсь, что ты меня любишь не меньше. Но я продолжаю считать это убийством и не хочу больше ни говорить об этом, ни делать для тебя что-либо подобное!

— Эн верро, я никогда и не попрошу вас о том, о чем Тимиус попросил своего Коссимио. Тогда были другие времена... — Он осекся на миг, но взял себя в руки и продолжал: — Вопрос с картинами в Диеттро-Марейе все еще не решен. Я предпочел бы еще одну икону, чтобы князь повесил ее у себя в спальне и каждый вечер молился перед ней на коленях.

— И обретал бы верность нам вместе с твердостью в вере, — одобрил Коссимио. — Но будь осторожен. Я думаю, его жена что-то подозревает. Вспомни, как ее дядя попустительствовал тза'абам!

Тут он усмехнулся, обнажив блестящие белые зубы в просвете между бородой и усами.

— Одна из твоих лучших выдумок, друг мой, — нарисовать его портрет со всеми симптомами сифилиса! И чудесное «исцеление», наступившее после того, как он признался в своих делишках нашему послу!

— С князем этот номер уже не пройдет, к сожалению. Его жена заметит сходство двух случаев.

Коссимио обдумал эти слова и кивнул.

— Пейнтраддо Соно. Для религиозного человека — то что надо. Позаботься об этом, Меквель.

Поднявшись, он убрал документы в окованный железом ящичек и запер его.

— Пойду вытаскивать сына из постели его молодой жены. Должен признать, Арриго чертовски везуч! Она очаровательная девочка и потрясающе красива. Не по утрам, конечно — по утрам она просто зеленая. Не знаешь, как на все это реагирует Тасия?

— Она все еще в поместье до'Альва и молчит. Я могу навести справки, если хотите.

— Нет, нет. Она получила свой титул и богатого мужа в приданую, пусть себе радуется. Арриго, похоже, совсем забыл о ней. Я, помнится, тоже был равнодушен к Лиссине в первые месяцы после свадьбы с Зеллой.

Меквель улыбнулся.

— Не равнодушен, только влюблен.

— Как и сейчас! — рассмеялся Великий герцог. — Арриго повторяет мои удачи! Меня бы порадовало, если бы Мечелла и Тасия подружились, но, думаю, это им не под силу. Между прочим, как ты думаешь, можем мы использовать Мечеллу, чтобы прощупать жен и сестер потенциальных предателей среди знати?

— Она выросла при королевском дворе и должна понимать, как использовать светскую жизнь в политических целях. Но нельзя просить ее о помощи, пока не родится ребенок.

Коссимио решительно кивнул.

— Да, только тогда мы сможем полностью доверять ей. Я не хочу второй герцогини Эльсевы, которая шпионила в пользу своего отца в первые годы замужества, — ужасная женщина!

— Рождение сыновей изменило ее взгляды.

— Точно. Ничто так не помогает женщине заинтересоваться будущим страны, как ее собственный сын в роли наследника. Кстати, раз уж мы заговорили о будущем, считай это указом Великого герцога — ты должен прожить еще по крайней мере двадцать лет. Ты мне очень нужен.

Коссимио положил свою огромную руку на плечо Мекведя. Верховный иллюстратор смиренно наклонил голову, чуть заметная улыбка играла на его губах.

— Я попытаюсь, ваша светлость. Но как вы накажете меня, если ничего не выйдет?

— Это не смешно, Квеллито!

Поделился ли Сарио своими знаниями? Знает ли кто-нибудь из Вьехос Фратос, что он может делать? Обладание подлинной магией даст Грихальва такую силу, что Серрано будут стерты в пыль, Тайра-Вирте раздавит любого, кто посмеет бросить нам вызов, но ему надо быть очень осторожным, надо подумать, что рассказывать, а им, узнавшим, надо быть еще более осторожными и использовать свое знание очень аккуратно. Мы, Грихальва, сможем стать герцогами, если захотим...

Эйха, нет, не с нашими кровосмесительными обычаями. Екклезия против нас. Она еле переносит наше существование. Если мы хоть когда-нибудь предпримем политические шаги...

Но он никогда не выдаст главных секретов. Никогда. Даже если остальные узнают, сможет ли кто-нибудь из них нарисовать меня свободной от этой тюрьмы? Станут ли они это делать, зная, что именно Сарио заточил меня сюда? Как сильно они боятся его?

Милосердная Мать, родившая Дитя! Кто, кроме тебя, посмеет проявить ко мне милость?

— Ты действительно должен ехать?

— Я нужен отцу.

Арриго не прибавил «Наконец-то!», не хотелось ему говорить такие вещи своей молодой жене после каких-нибудь шести месяцев брака. Он принялся разбирать приготовленные слугой вещи, откладывая ненужные на стул. Форма шагаррского полка — берем, форма морской стражи — нет, настоящие моряки в Диеттро-Марейе будут смеяться над претензией Тайра-Вирте иметь собственный флот. Но костюм напомнил ему об одной из причин, по которой надо было ехать прямо сейчас.

— Мне очень не хочется оставлять тебя, Челла, но надо успеть уехать и вернуться до того, как на море начнутся бури.

Мечелла с округлившимися от ужаса глазами стиснула руки у подбородка.

— Морс... Ох, Арриго, я даже не подумала, может, ты смог бы добраться по суше?

— И потратить пять недель на дорогу туда и пять — обратно, вместо того чтобы обернуться за неделю?

Он улыбнулся ей через плечо. Она свернулась клубочком в кресле, украшенная пышным кружевом шелковая рубашка оттеняла ее бледное лицо.

— Морской путь совершенно безопасен до начала осенних штормов, а я вернусь домой раньше.

— Домой, — сказала она мрачно, — к ужасной, раздувшейся корове.

Он подошел к ней и, взяв ее стиснутые руки в свои, поцеловал побелевшие суставы.

— Домой, к моей красивой, прелестной жене.

Он встал рядом с ней на колени и приложил руку к ее животу

— Мне кажется, я чувствую его. Он становится все больше, а ты — все симпатичнее с каждым днем. Когда я вернусь, ты будешь такой ослепительной, что никто не сможет взглянуть на тебя и...

— ...и не удивиться, как это такая толстуха еще может передвигаться!

Хихикнув, она наклонилась поцеловать его. Они находились сейчас на его половине их общих апартаментов, и сегодня они будут спать в его кровати, и не только спать — ведь когда он вернется, беременность уже не позволит им предаваться любви. Ее поцелуи разожгли в нем желание, и он вновь удивился, что со дня свадьбы они ни единой ночи не провели порознь. Арриго никогда не думал, что эта девочка так вскружит ему голову, что он будет опьянен ее стройным телом и золотыми волосами, совсем не такими, как у Тасии.

Внезапно он подумал, каково было бы провести с Мечеллой все эти ночи в красивой, романтической Диеттро-Марейе. Когда эта мысль воспламенила его еще сильнее, он неохотно поднялся с колен, чтобы закончить сборы.

— Обещай, что ты будешь лапочкой, Арриго, когда я стану похожа на корову, которая носит двойню.

— Даже тройню, — поддразнил он, и она опять рассмеялась. — Последним, кто называл меня «лапочкой», была моя мама, и было мне тогда лет пять.

— Но ты и сейчас похож на маленького мальчика, особенно по утрам, когда ты такой растрепанный и глаза еще совсем сонные.

— Это оттого, что я не высыпаюсь. А кто в этом виноват?

— А что я могу поделать, я так тебя люблю. — В ее наивных голубых глазах мелькнул лукавый огонек. — А ты такой замечательный любовник. В этом-то кто виноват?

— Ты. Ты меня возбуждаешь. Что, по-твоему, лучше, серый плащ или коричневый?

— Коричневый. От него у тебя в глазах такие искорки... Или в этом тоже я виновата?

— Не смотри на меня так, а то я никогда не соберусь. А к утру надо все сложить. Я уезжаю завтра вечером.

Ее голубые как ирисы глаза сразу стали серьезными.

— Так скоро? О Арриго!

— У тебя будет много разных дел. Тебе некогда будет скучать.

— Я буду очень скучать! Не сердись, но я боюсь оставаться здесь без тебя. Все эти люди вокруг... Нет, твоя мать очень добра ко мне, я ей так благодарна, но без тебя мне будет ужасно одиноко!

— Все тебя любят, Челла. Помнишь, что сказал мой отец? Оставайся такой, какая ты есть, и никто не сможет устоять перед твоим обаянием.

— Но без тебя совсем не то, что с тобой. Что я буду делать, если они перестанут меня замечать, как только ты уедешь? Я все еще путаюсь с этикетом. У меня неверное произношение, как я ни стараюсь его исправить. Что, если я сделаю что-нибудь не так?

— Не волнуйся, дорогая, это вредно для маленького. Ты Мечелла — Принцесса Гхийаса. Все рады тебе. Все, что ты сделаешь, будет правильно.

— Я теперь донья Мечелла из Тайра-Вирте, — гордо заявила она. И тихонько добавила: — Гиллас кажется мне таким далеким.

Арриго сделал то, что делают, наверное, все мужчины, утешая своих жен. Он взял Мечеллу на руки, отнес на кровать и долго предавался с ней любви среди моря шелковых простынь — голубых, как ее глаза.

А когда она уже мирно спала в его объятиях, он подумал, что еще многое мог бы сказать своей прекрасной юной жене. Она была такой чувственной и в то же время застенчивой, такой старательной ученицей в искусстве любви и такой благодарной — все это было совсем ново для него и пьянило не хуже вина. Но, поглаживая ее нежную спину, он вдруг ощутил мимолетную тоску по Тасии, по ее постели. Он соскучился по запаху ее тела, так хорошо изученного им, по той, что так тонко его понимала все эти двенадцать лет...

Он протянул руку, чтобы погладить округлившийся живот Мечеллы, — своего будущего ребенка, первого из множества сыновей. И дочерей, хорошеньких маленьких девочек с золотыми, как у Мечеллы, волосами и пленительной улыбкой. Мечелла, его жена, его Великая герцогиня, мать его детей. Он заснул счастливым, зная, что вдали от дома все его мечты будут о Мечелле.

38

Почти все жители Диттро-Марейи собрались, чтобы встретить Арриго. От самого порта до резиденции князя улицы были заполнены народом. Люди размахивали кусками сапфирно-голубой ткани и издавали приветственные возгласы. Он был польщен и тронут, пока внезапно не осознал, что кричат они не «дон Арриго», а «донья Аррига» — так здесь называли его жену.

Он рассмеялся и крикнул, обращаясь к Дионисо Грихальве:

— Похоже, я их разочаровал!

— Ходили слухи, что ее светлость приедет с вами!

Так и оказалось. Князь Фелиссо делла Марей встретил их на лестнице у входа в резиденцию, и не успели они официально расцеловаться, как он спросил:

— А где же ваша очаровательная супруга?

— К сожалению, князь, она не смогла сопровождать меня. Она очень этого хотела, но мой отец беспокоится за внука.

— Ха! — завопил Фелиссо, и его уродливое широкое лицо просияло.

— Вы слышали? — крикнул он толпе. — Полгода не прошло, как они женаты, а он уже сделал ей ребенка! Ура донье Мечелле и ее сыну!

Подошедший украдкой Дионисо приблизил свои губы к уху Арриго и тихонько посоветовал его светлости показать портрет. Арриго кивнул. Дионисо щелкнул пальцами, и пара молодых иллюстраторов вынесла огромную, завернутую в ткань картину. Когда ткань развернули, еще одна волна приветствий прокатилась по площади. Фелиссо с шумом втянул воздух через стиснутые зубы — местный способ выражать восхищение, который Арриго находил исключительно вульгарным. Секундой позже он уже сам втягивал воздух, причем с трудом, потому что Фелиссо дал ему хорошего тычка в ребра, — местный способ приносить поздравления, который Арриго нашел исключительно болезненным.

— Матрейа э Филий, кузен, удивляюсь, как ты вообще сумел выбраться из ее постели!

Лишенный вместе с дыханием способности к членораздельной речи, Арриго выдавил из себя улыбку.

Дионисо, которого, по мнению князя, просто не существовало, пока он не представлен официально, рискнул нарушить протокол, доказав тем самым, что достоин шапочки Посла, дарованной ему Коссимио перед отъездом. Низко поклонившись, он приблизился к князю в толпе знати и крикнул:

— Уважительные причины задерживали дона Арриго в Мейа-Суэртс...

Его прервал восторженный рев толпы — все опять и опять выражали свое восхищение портретом.

— Но в силу его дружбы с вами, светлейший князь, он не мог не предоставить вам возможности как можно раньше восхититься прекрасной доньей Мечеллой.

— Какая там дружба! — Князь еще раз ткнул Арриго, на этот раз в плечо. — Он же просто решил подвергнуть меня пытке! Подсунул портрет вместо жены! Но какая красавица!

Арриго наконец восстановил дыхание и включился в беседу.

— Кузен, разрешите представить вам Посла Дионисо Грихальву, моего личного помощника.

Теперь, когда Дионисо получил право на существование, он смог говорить более свободно.

— Я рад, что светлейшему князю понравилась эта картина. Рядом со мной один юный художник тщетно пытается скрыть свое волнение по поводу вашего восприятия портрета. Кабрал!

Молодой Грихальва шагнул вперед, низко поклонился и не выпрямлялся, пока Дионисо представлял его.

— Вот молодой человек, создавший этот шедевр, хотя никто на свете не сумел бы, наверное, написать некрасивый портрет доньи Мечеллы. Его зовут Кабрал, ваше высочество, а оставшихся двоих зовут Северин и Рафсйо, все трое — Грихальва.

— Прекрасная работа! — приветливо обратился к Кабралу Фелиссо. — Добро пожаловать в Диеттро-Марейю! Обнесите теперь картину вокруг террасы, чтобы все могли полюбоваться на нее, но не позволяйте никому к ней прикасаться! Мой дворецкий скажет вам, куда ее повесить.

Он опять издал свистящий звук, восхищаясь изображением Мечеллы.

— Замечательная красавица! Грандиа белиссима. Ты и в самом деле пытаешь меня, кузен!

Они вошли внутрь и направились по короткому коридору, затем вверх по длинной лестнице. Тут к ним присоединилась княгиня. Она позволила Арриго поцеловать себя в лоб, ответила старомодным приветствием, приложив руку поочередно к губам и сердцу — в Мейа-Суэрте это давно уже вышло из употребления, — и велела ему называть себя по имени: Розилан.

— К чему нам, родственникам, столько условностей? — игриво подмигнув, спросила она. — Не буду тебя задерживать, ты, должно быть, устал с дороги. Сегодня вечером у нас неофициальный ужин — только мы втроем, и тогда ты все расскажешь мне о семейной жизни.

— Я надеялся получить советы от вас, кузина, — с улыбкой ответил Арриго. — У вас такая счастливая семья и так много детей! А посмотришь на вас и не скажешь, что вы имеете хоть одного ребенка, не то что восемь!

— Девять, — поправил Фелиссо. — Ты неплохо начал, Арриго. Продолжай в том же духе — делай ей одного ребенка за другим!

С этими словами он добродушно шлепнул жену пониже талии. Она рассмеялась и ткнула кулачком в его огромный живот. Так Арриго познакомился с правителями Диеттро-Марейи.

Розилан была столь же прекрасна, сколь Фелиссо безобразен. Ее гладкая, медового цвета кожа контрастировала с его веснушчатой. У нее — изящная фигура и правильные черты лица, а он походил на винный бочонок с ножками, лицо его состояло в основном из носа. Но у супругов были одинаковые, цвета неспелого ореха, глаза, одинаковые вьющиеся каштановые волосы и руки с удлиненными суставами. Это сходство никого не удивляло, так как их матери были родными сестрами, а деды с отцовской сто-

роны — братьями. Их наследники — четверо сыновей и пять дочерей — имели каштановые волосы, простые крестьянские лица и ни проблеска ума в одинаковых карих глазах. Так Арриго воочию убедился в опасности браков внутри семьи.

Позже, оставшись вдвоем с Дионисо в одной из сверх меры разукрашенных комнат резиденции, Арриго сказал:

— Может, мы с Фелиссо и кузены, но, спасибо Пресвятой Матери, браков между нами не было на протяжении четырех поколений! Вы видели их выводок?

— В самом деле выводок, ваша светлость, — таких надо топить при рождении, из милосердия.

Арриго устроился в узком высоком кресле, украшенном нелепой резьбой и позолотой.

— Скажите мне, если, конечно, это удобно, как вы, Грихальва, умудряетесь избегать последствий кровосмешения?

— Мы хорошо умеем вести записи, ваша светлость, — лаконично ответил Дионисо.

— Да, но все же столько лет подряд Грихальва рожали детей от других Грихальва...

— Случаются иногда неудачи. Но, поскольку истинный Дар наследуется по женской линии, можно выйти замуж не за члена семьи и все равно произвести на свет талантливого художника.

— Так у вас время от времени происходят вливания свежей крови? Очень мудро. Не знал такого о ваших женщинах.

— Во время этой поездки я расскажу вам кое-что о Грихальва, чего вы до сих пор не знали.

В его тоне было нечто такое, что заставило Арриго насторожиться.

— Мой отец это знает?

— Эти вещи известны только Великим герцогам и Вьехос Фратос.

— Например?

Дионисо заколебался, как будто считая, что и так уже много сказал, и пожал плечами.

— В настоящий момент я могу сказать только, что было бы неплохо, если б вы с князем обменялись чем-нибудь на память, например, локонами.

— А?

Внезапно он вспомнил, что Тасия всегда стригла его собственноручно и тщательно собирала срезанные волосы, чтобы немедленно их сжечь. Он нервно рассмеялся, но смех не показался веселым даже ему самому.

— Не может быть, чтобы вы верили старым сказкам!

— Фактам, ваша светлость, фактам. Кистью, сделанной из волос князя, можно будет написать икону, которая вызовет в нем верность Тайра-Вирте столь же сильную, как его вера в Мать и Сына. Великий герцог говорил вам, что моя здесь обязанность — написать подобную икону, соответственно вкусам князя.

— Да, но...

— Грихальва могут незаметно изменить помыслы человека. Я думаю, вы заслуживаете того, чтобы знать такие вещи.

— До того, как стану Великим герцогом? — Арриго выпрямился в кресле. — Скажите мне немедленно, Дионисо, мой отец, он что — болен? Может, ему уже немного осталось жить, и поэтому вы...

— Ваш отец в добром здравии, спасибо Пресвятой Матери, и с ее благословения проживет еще очень долго.

Арриго облегченно вздохнул.

— Тогда почему вы рассказываете мне такие вещи?

— Я не согласен с Вьехос Фратос, что наследники должны пребывать в неведении до своего вступления на престол. Насколько больше добра вы сможете принести Тайра-Вирте, если будете знать!

Он помолчал немного.

— Я нарушил определенные клятвы, рассказав вам так много. Надеюсь, вы не станете считать, что данные вам клятвы я нарушу столь же легко.

— Нет, совсем нет, — сказал Арриго рассеянно. — Вы помогли этим мне и нашей стране, я очень благодарен вам. Я этого не забуду.

— С вашего позволения, я пойду проверю, хорошо ли они повесили портрет. Местные жители печально известны своей расторопностью и художественным вкусом.

Он посморщился и жестом указал на окружавшую их вульгарную обстановку. Арриго рассмеялся.

Дионисо откланялся, позволив себе захихикать уже в холле. Затем он поспешил в галерею, не только для того, чтобы проверить, как слуги повесили портрет Мечеллы, но и для того, чтобы приступить к обучению Рафейо.

То, что Рафейо узнал днем об уважении к искусству Грихальва, вечером было подкреплено еще одним уроком — о долге художника.

Поскольку Арриго обедал с князем и княгиней, остальные члены маленькой делегации могли выбирать себе ресторан по вкусу. Дионисо, вспомнив опыт своих прежних жизней, предложил спутникам пойти в «Дары моря», объясняя, что хотя это и не самый известный в городе ресторан, их сегодня интересует не популярность, а вкусная еда.

— А готовят здесь, говорят, вкуснее, чем даже в «Четырех звездах», — громко заявил он, когда они были уже в дверях заведения. Помещение оказалось небольшим, всего на дюжину столиков, и чем-то напоминало пещеру. С потолка свисали медные светильники, пламя свечей играло в стеклянной посуде. Хозяин, услышав, что его стряпню ценят выше, чем кухню лучшего в Ауте-Гхийасе ресторана, просиял и усадил всю компанию за самый удобный столик. На что Дионисо и рассчитывал.

Застелив гостям колени белоснежными льняными салфетками, хозяин шепотом спросил Дионисо:

— А что, в «Четырех звездах» нынче стало хуже?

На языке Тайра-Вирте он говорил из рук вон плохо.

— Нет, — ответил Дионисо, — как всегда, прекрасно. Я был там в этом году.

— Приятного аппетита, амиччио мейо, — от души пожелал хозяин и вздохнул от удовольствия.

Поданные яства были действительно очень аппетитны. Обед состоял из семи изысканных блюд. Хозяин лично обслуживал их, его жена обсуждала вина с официантом, а музыкант услаждал слух последними новинками из Тайра-Вирте. Кабрал, выросший не в Паласссо и часто обедавший вне дома со своим приемным отцом, обожавшим подобные развлечения, и то поразился, а Северин и Рафейо были потрясены до глубины души. На закуску подали бутерброды с оливками и грибами, потом появился рис с пряностями, рыба, фаршированная миндалем, и почти ничем не сдобренный салат из фруктов и зелени, чтобы освежить рот перед тем, как будет подано мясное блюдо. Затем принесли говядину, окруженную тонко порезанным картофелем и красным луком, все это было слегка сбрызнуто сладковато-пряным соусом. После мяса настала очередь яблочных тарталеток, сыра, бисквитов и крепкого кофе в крошечных чашечках. В завершение пира жена хозяина разлила по невысоким стаканам прозрачный напиток, причем каждый стакан был помещен в маленькое серебряное ведерко со льдом.

Трое старших взяли на себя обучение Рафейо тонкостям кулинарии. Дионисо рассказывал о винах, Кабрал — о мясе и сырах, а Северин о невероятно сложном мире соусов. Любой растущий мальчишка хочет понюхать еду, но Рафейо это было строго запрещено, вместо этого он должен был смаковать каждый кусок, чтобы не обидеть хозяина. Но больше всего мальчика поразила не пища, не вино, а уважительные взгляды клиентов, узнавших Грихальва по характерным серым шляпам с перьями.

— Дома, — шепотом признался Рафейо, — так относятся только к Вьехос Фратос. Я чувствую себя Верховным иллюстратором!

И задирал нос, как будто так оно и было. Но вся его важность сошла на нет, когда им подали прозрачный ледяной напиток. Обманутый мягким вкусом, Рафейо сделал большой глоток и осознал свою ошибку, только когда огненная жидкость обожгла ему горло. Когда он наконец перестал кашлять и вытер слезящиеся глаза, Кабрал дал ему полный стакан воды и заставил выпить до дна.

Дионисо улыбался, откинувшись на спинку стула.

— Не расстраивайся так, ты никого не опозорил — ни себя, ни нас, Грихальва, ни Тайра-Вирте. Здесь считается лестным для хозяина дома, если ты едва не задохнулся, хлебнув их зелья. Возможно, они даже подарят тебе бутылку.

Рафейо явно испугался, но потом усмехнулся.

— Я, разумеется, возьму и скажу спасибо, а потом отдам ее врагу!

— Напомни мне записаться к тебе в союзники, — усмехнулся Кабрал. Легким движением головы показав куда-то

налево, он добавил вполголоса. — Интересный у этой женщины тюрбан.

— Тза'абка? — удивленно округлил глаза Рафейо. — Здесь?

— Конечно, нет. — Дионисо даже не поглядел на женщину. — Тюрбаны здесь нынче в моде. Но я согласен, Кабрал, это действительно интересно. Я уже давно заметил.

— Но почему? — спросил Рафейо. — Она же страшная!

— А ты не очень-то застенчив! — ухмыльнулся Северин, иллюстратор примерно одних лет с Кабралом. — Ее головной убор свидетельствует о возросшем интересе к тза'абским вещам, которыми, как и иллюстраторами, Тайра-Вирте охотно снабжает всех желающих, — на правах монополиста. И теперь эта мода на все тза'абское принесет нашим купцам большие прибыли, если только князь Фелиссо не начал вести секретные переговоры с тза'абской императрицей.

— Нарушая нашу монополию, — закончил за него Кабрал, — и договор, которому уже больше сотни лет. Мы здесь для того, чтобы попробовать убедить Фелиссо этого не делать.

— Это, наверное, такое занудство, — сказал Рафейо. — В том смысле, что одно дело нарисовать мирный договор, дабы остановить войну, а...

— Но зачем же тратить энергию на что-то меньшее, — договорил за него Дионисо. — А ты представляешь себе, какой доход приносят Тайра-Вирге пошлины на тза'абские товары — одежду, ковры, стекло, драгоценности, смолу?

Нет, этого он себе не представлял.

— Большая часть труда Грихальва, — пожал плечами Кабрал, — именно такое вот «занудство». Ты творишь не для того, чтобы лучше раскрыть свой собственный талант, Рафейо, ты служишь своей стране и Великим герцогам.

Внезапно он толкнул локтем Северина.

— Перестань пялиться на эту женщину, а то я расскажу своей сестре.

Северин густо покраснел и насупился. Кабрал усмехнулся.

— На кого ты там смотришь? — спросил Рафейо. — Она-то хоть хорошенькая?

— Очень. Сидит через два столика отсюда. Не поворачивайся и не глазей, Рафейо, это невежливо. Кроме того, она здесь с мужем, а он ее обожает.

Дионисо смахнул крошки со скатерти.

— Музыкант играл специально для них, когда не был занят с нами, и не взял с них за это ни гроша. Скажи мне, Рафейо, что ты можешь поведать о них. Посмотри, но незаметно.

Рафейо пару раз потихоньку оглянулся и неуверенно начал рассказывать:

— Они женаты, но недолго, потому что все еще очень влюблены друг в друга и...

— Циник! Что еще?

— Они нечасто приходят в такие дорогие рестораны. Одеты оба хорошо, но у женщины нет драгоценностей, а муж ее держится неуверенно, как будто все время боится разлить что-нибудь такое, что потом не отстирается. Я думаю, они что-то празднуют, может, год со дня свадьбы?

— Неплохо, — похвалил Северин.

— Но и неправильно, — сказал Дионисо. — Это не годовщина свадьбы, ведь на ней нет свадебного венка. А это по здешней традиции обязательно. Судя по выражению его лица, они только что узнали, что у них будет ребенок.

Кабрал фыркнул.

— Вы правы. Ни с чем не спутаешь эту глупую улыбку.

— Совсем как у дона Арриго, — пробормотал Рафейо.

— Ты суров к до'Веррада, — заметил Северин. — Тасия прожила с ним свои двенадцать лет. Теперь для него пришло время жениться и стать отцом Великого герцога.

— Но у него, правда, такое же глупое выражение лица, — упрямо повторил Рафейо, и трое взрослых Грихальва обменялись понимающими взглядами — вино явно подействовало на мальчика.

— Кабрал совершенно прав, такая улыбка присуща почти всем будущим отцам, — сказал Дионисо. — Как будто они сотворили невесть какое чудо, сделав женщине ребенка. Вот если бы речь шла о тебе, или обо мне, или о Северине, это было бы и впрямь удивительно!

Рафейо хихикнул, Кабрал улыбнулся, несмотря на то что не прошел конфирматтио, лицо Северина превратилось в неподвижную маску.

— Итак, — продолжал Дионисо, — они недостаточно богаты, чтобы быть здесь завсегдатаями, они любят друг друга, и у них будет ребенок. Как бы ты стал рисовать их?

Рафейо не успел ответить. Молодой человек, предмет их обсуждения, взял в руки счет, на который до сих пор не обращал внимания, взглянул на него и побледнел.

— О-хо-хо, — пробормотал Кабрал, — он не может заплатить по счету.

Молодой человек явно не без усилий собрал всю свою решительность и подозвал официанта, разносившего вина. Они заспорили о чем-то — небывалое зрелище в таком элитном заведении. Говорили на языке Диеттро-Марейи, к тому же очень быстро, но Грихальва все-таки уловили суть проблемы. Молодой человек не заказывал того ошеломляюще дорогого вина, которое значилось в счете. Его запросы были скромнее. Официант указал ему на этикетку. Молодой человек позеленел.

— Ошибка официанта, разумеется, — прокомментировал Кабрал. — Взгляни на его лицо. Обычный трюк: чтобы увеличить цену обеда, подсовывают дорогое вино, но официант, похоже, неопытен — иначе зачем бы он выбрал эту пару.

— Ну, и?.. — спросил Рафейо.

— Ну и кому-то придется заплатить за вино — не им, так официанту. А на него, похоже, не производят впечатления влюбленные парочки.

— А музыканта они явно растрогали, — сказал Северин.

— Они слишком быстро говорят, я разбираю не больше половины, — пожаловался Рафейо.

Кабрал взялся переводить.

— Музыкант говорит официанту, чтобы он исправил свою ошибку. Тот отказывается. Музыкант предлагает свои деньги, но наш юный друг слишком горд, чтобы принять их. Теперь и сам хозяин подошел — разбираться, в чем дело.

Прелестная молодая женщина покраснела от унижения и сдерживаемых слез, ее муж, исполненный мрачной решимости, объяснял хозяину обстоятельства дела. Кабрал возобновил свои комментарии.

— Мы были правы. Они со дня свадьбы откладывали деньги, чтобы отпраздновать зачатие своего первого ребенка. Официант снова отрицает свою ошибку. Он лжет.

Кабрал вдруг присвистнул.

— Матра Дольча, шестьдесят девять золотых за бутылку вина! Это дороже, чем весь их обед! Что вы думаете, Дионисо?

— Я думаю, что я очень счастливый человек.

Он обшарил карманы и выругался:

— Мердитто! Мои карандаши остались в другом пальто! Кабрал? Северин?

Рафейо сунул руку в карман и извлек оттуда блокнотик и два кусочка угля.

— Это пойдет? Мы что, хотим оплатить их счет?

— В некотором роде. Эйха, давно я не испытывал такого удовольствия. Кабрал, очисти стол.

Северин поднялся.

— Судя по обилию вышитых подушек, где-то наверху есть пяльцы. Я пойду спрошу.

— Хорошо. — Дионисо обвел комнату оценивающим взглядом.

— Так что же вы собираетесь делать? — жалобно спросил Рафейо.

— Ш-шш, — сказал Кабрал, пристально глядя на кусочек мела в руках Дионисо. — Смотри!

— На что смотреть?

— Ш-шш!

Дионисо смахнул со стола крошки, покусал губы, кивнул самому себе и уверенной рукой нанес на скатерть первые штрихи.

Столы, стулья, потолочные балки, начищенные светильники, арка кухонной двери — все появлялось и обретало форму с головокружительной быстротой. Он даже включил в композицию пятна на скатерти. Лужица красного вина превратилась в цветы на буфетной стойке, пятно от соуса — в висящее на противоположной стене оловянное блюдо.

Люди появлялись на рисунке так же быстро, причем характеры их были очень точно схвачены. Хозяин, его жена, музыкант, высокомерная женщина в тза'абском тюрбане, шумная семья из шести человек за столиком в углу, влюбленные парочки и парочки, давно женатые, компания богатых купцов, коротающих веселый вечер вдали от своих жен (их дорогостоящих любовниц Дионисо дипломатично нарисовал за отдельным столиком). И, конечно же, счастливая юная чета. Бросалось в глаза отсутствие официанта, подавшего ту злополучную бутылку. Кабрал захихикал, а потом громко рассмеялся вместе с Рафейо и Северином, который уже успел вернуться с пяльцами.

— Бассда! — заворчал Дионисо, притворяясь рассерженным. — Разве может человек работать в таком гаме?

Грихальва были единственными, кто издавал хоть какие-то звуки. Все вокруг вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, чем занят иллюстратор. Те, кто сидел достаточно близко, чтобы наблюдать преображение простой скатерти в произведение искусства, шепотом рассказывали об этом тем, кому видно не было.

Наконец Дионисо отступил назад. Несколько мгновений он придирчиво осматривал свою картину, прибавляя там и сям незаметные штрихи, затем подписал ее. Резким движением он сорвал скатерть со стола и показал ее людям. Раздались громкие восклицания, вскоре перешедшие в аплодисменты, — все вокруг узнавали себя. Всего несколькими штрихами Дионисо удалось живо и точно изобразить комнату и всех, кто в ней находился, так, как может это сделать только настоящий мастер Грихальва.

Кабрал поклонился хозяину.

— Надеюсь, это покроет ваши расходы? — спросил он, и Северин оценил каламбур — скатерть, покрывающая расходы.

У хозяина явно голова закружилась от восторга: у него теперь будет подлинный Грихальва — картина, написанная в его ресторане на его собственной скатерти! К тому же он прекрасно понимал, что стоит такая картина по крайней мере вдвое дороже, чем целый ящик самого лучшего вина. Бессвязно поблагодарив иллюстраторов, хозяин приказал официанту принести им бутылку того же вина.

Северин приложил пяльцы к рисунку. Их хватило бы лишь на четверть картины.

— Тут нужна рама от кровати, — заключил он. — Зачем было рисовать их всех, Дионисо?

— Дионисо? — Хозяин уставился на подпись. — А тут написано...

— Я знаю.

Дионисо отдал ему скатерть и подошел к молодой паре. Муж попытался, заикаясь, протестовать, жена обеими руками сжала руку Дионисо, от волнения у нее просто не было слов, но глаза выражали безграничную благодарность. Улыбнувшись ей, иллюстратор сказал:

— Вы оказали мне сегодня большую услугу, так что я — ваш должник.

Дионисо бережно высвободил пальцы и взял с ближайшего столика чистую салфетку. Расстелив ее на столе, он набросал углем портрет испуганной парочки. С салфетки глядели молодожены, которыми иллюстраторы любовались весь вечер: те же светящиеся от счастья лица, то же взаимное обожание.

— Окажите мне честь принять это, — попросил Дионисо, закончив. — К сожалению, меня не будет в Диеттро-Марейе, когда родится ваш ребенок, и я не смогу написать его, хотя рисовать ребенка таких красивых родителей — истинное наслаждение. Пожалуйста, разрешите подарить вам этот маленький сувенир в знак моих надежд на ваше счастье вместе с пожеланиями родить здорового, крепкого сына.

Северин взял у него салфетку.

— Вот теперь подходит!

Он расстелил рисунок поверх внутреннего деревянного круга, приладил на место внешний, затянул медный винт и протянул девушке пяльцы. Она взяла их дрожащей рукой.

— Подписано Дионисо Грихальва, значит, это личный подарок. Вы в самом деле не можете не принять его, — весело добавил Северин. — Он умрет от стыда, если вы откажетесь.

Молодой муж взял себя в руки и сказал с достоинством:

— Мастер Дионисо, если наш ребенок будет мальчиком, мы назовем его в вашу честь. Мы у вас в долгу.

— Нет, нисколько, — возразил Кабрал.

И, обращаясь уже ко всем присутствующим, он объяснил:

— Вы были свидетелями одной из давних традиций Грихальва. Как-то вечером, в 1123 году, Верховный иллюстратор Риобаро обедал в хорошем ресторане — таком, как этот. Вышло так, что каким-то студентам рядом с ним случайно подали чужой заказ. — Он бросил красноречивый взгляд на пристыженного официанта. — И они не смогли расплатиться. Чтобы не обидеть студентов, Риобаро не стал платить деньгами, вместо этого он нарисовал картину на скатерти и подарил ее хозяину ресторана. Она все еще украшает стену там, в Кастейо Хоарра.

— В Кастейо Гранидиа, — поправил его Дионисо. Уж он-то знал!

— Да, в Кастейо Гранидиа, — согласился Кабрал, глядя на Дионисо. — В любом случае с тех самых пор, если кто из нас попадет в такую же ситуацию, в память великого Риобаро делает так же, как и он, и подписывает картину его именем.

Дионисо поклонился покрасневшей от смущения женщине.

— Так что, как видите, нарисовать вас — для меня большая честь. Благодарю за предоставленную мне возможность. Эн верро, это я у вас в долгу.

Потом, когда они пробирались через лабиринт улочек домой, в резиденцию, оказалось, Рафейо был настолько пьян, что впал в сентиментальное настроение.

— Эт-то было прекрасно, — повторял он, цепляясь за плечо Северина. — Прекрасно!

— Мы знаем, — терпеливо ответил Кабрал. — Ты нам это уже много раз говорил.

— Прек-ррасно, — настаивал Рафейо. — Даже похоже на работу самого Риобаро!

— По обычаю, — объяснил Дионисо, — мы стараемся использовать его стиль.

— С-совсем как у него! — кивнул Рафейо.

— Чертовски похоже, — согласился Кабрал. — Может, тени и не совсем так положены, но уж подпись — один к одному!

Человек, когда-то называвший себя Риобаро, удивленно поднял брови.

Рафейо поспешил на защиту.

— Совсе-ем как у Риобар-ро-ооо...

Северин оттолкнул мальчика от себя и удержал на расстоянии вытянутой руки, но слишком поздно. Изысканный обед из семи блюд вперемешку с вином и домашней настойкой извергнулся на новые ботинки Северина.

— Мердитто!

Дионисо и Кабрал расхохотались. Рафейо выскользнул из рук Северина и растянулся во весь рост на булыжной мостовой. Поднимать его они предоставили Северину — не пачкать же всем одежду, нести тоже отказались. Они лишь продолжали хохотать, когда Северин перекинул бесчувственного мальчика через плечо, как мешок с тряпками для бумажной фабрики, и тащил его все шесть кварталов до самой резиденции.

Дионисо с сожалением отметил, что придется ему быть осторожным с крепкими напитками, — Рафейо явно не переносил алкоголя.

39

На еженедельном богослужении в огромном Храме Крови и Сердца княгиня Розилан появилась в тза'абском тюрбане, и Арриго почувствовал, что дело неладно. Но окончательно он в этом убедился, когда князь Фелиссо вслух отметил, как идет его жене этот головной убор.

Она тряхнула головой, и золотая кисточка на тюрбане весело заплясала.

— Наверное, в Тайра-Вирте уже давно прошла мода на тза'абские штучки. Но для нас в Диеттро-Марейе все это еще внове.

Она имела в виду, конечно же, что в связи с растущим спросом на тза'абские товары монополия Тайра-Вирте стала просто оскорбительной. Проповедь усилила впечатление. Санкто звучным, глубоким голосом прочел притчу о крестьянине, владельце

быка. Бык был единственным в округе производителем, и крестьянин требовал за его услуги непомерную плату. Однажды, в ночь на Фуэга Весперра — весенний праздник плодородия, жадному фермеру приснилась плачущая от отчаяния корова, у которой не было теленка. Ее кроткие карие глаза были такими же, как у Пресвятой Матери на иконе в деревенской церкви. С тех пор этот фермер бесплатно предоставлял своего быка местным коровам.

Это была обычная проповедь, служившая иносказательным сообщением о беременности важной особы, — королевский бык-производитель на службе у нации, — и вполне могла быть произнесена в честь Арриго и Мечеллы. Но монополия крестьянина, огромные суммы, которые он требовал за своего быка до произошедшей с ним чудесной перемены, — все это скорее напоминало намеки со стороны Фелиссо. Арриго слушал и злился.

На случай, если он еще не понял, за обедом прислуживали все девять безобразных маленьких отпрысков делла Марей, как это принято у тза'абцев, когда они принимают важных гостей. Все они были одеты в одинаковые тза'абские костюмы в черную и красную полоску, длинные узкие носы их тза'абских туфель были украшены крошечными тза'абскими серебряными колокольчиками. Но какой бы грубой ни была эта демонстрация, слова «тза'абский» никто не упоминал.

Арриго вернулся к себе в комнату поздно, в голове у него все еще звенели назойливые колокольчики. Он сразу же позвал к себе Дионисо.

— Рисуй свою икону, — приказал он. — Как хочешь, так и рисуй. Сам достань его волосы и волосы княгини заодно. Можешь втыкать в них булавки, чтобы добыть кровь! Я хочу, чтобы ты принялся за это дело немедленно, иллюстратор.

Дионисо поклонился нетерпеливому наследнику. На следующее утро Рафейо «заблудился» около ванной комнаты князя. В тот же день Северин подарил флакон духов (изготовленных сестрой Кабрала, Лейлой) горничной княгини, с которой он все время пребывания здесь не без умысла флиртовал. Вечером в комнате Дионисо Рафейо извлек бутылочку княжеской мочи, а Северин — штук двадцать длинных волосков из расчески княгини.

На пятнадцатый, и последний, день своего визита, на протяжении которого хозяева излучали доброжелательность, а слова «тза'абский» и «торговля» ни разу не произносились в одной фразе, — Арриго распрощался со своими кузенами и подарил им сразу две иконы.

На первой из них была изображена Розилан — изысканное великолепие мягких красок и тонкая работа кистью — в образе улыбающейся Пресвятой Матери в первые дни Ее беременности, окруженной девятью детьми. Разумеется, у детей не было ничего общего с девятью безобразными отпрысками делла Марей, это было бы ересью, не говоря уже об эстетической стороне вопроса. Пресвятая Мать сидела на зеленой весенней траве в венке

из голубых розмаринов, вокруг Нее был залитый солнцем фруктовый сад, на заднем плане — сосны. На коленях Она держала корзину со сливами, символ плодородия. Ее улыбка была обращена к маленькому мальчику, держащему в руке еще одну сливу в знак того, что будущее Дитя будет мальчиком.

Икона для Фелиссо выглядела по-другому. Юный Сын был изображен в виде учителя в простых темных одеждах, сидящего за столом в келье, озаренной светом свечи. Голова Его склонилась над книгой, но взгляд направлен прямо в глаза смотрящему. Выражение лица явно говорило: «Вы здесь лишь потому, что я на вас гляжу» — жутковатый прием искусства Грихальва. На столе стояли две белые вазы, наполненные цветами, и лежало спелое красное яблоко. Окно за Его спиной было увито плющом, за окном простиралась залитая лунным светом тополиная аллея, сквозь которую просвечивала песчаная пустыня. Уже за один этот контраст между золотым мерцанием свечи и серебристым лунным светом картину следовало считать шедевром. Но у иконы был еще и второй, скрытый смысл, который Дионисо охотно разъяснил князю, едва не проглотившему свои зубы от восхищенного вдоха.

— Светлейший князь, внутри кельи разлит ровный свет цивилизации. Плющ в окне защищает его, как верный вассал. Снаружи лишь неверный свет луны озаряет холодную ночь неведения. Тополя и пустыня за ними обозначают время, безжалостно сокрушающее все за стенами кельи, но оно не властно над Сыном или Его Истинами, что и символизирует Яблоко познания.

Дионисо не сказал князю, что эти символы имеют и другой смысл, а обе иконы — другое, особое предназначение.

Фелиссо заявил, что велит повесить эту икону в своей спальне: каждое утро, глядя на нее, он будет вспоминать об обязанности цивилизованного князя бороться за то, чтобы время и невежество не были властны над ним и его людьми.

Арриго улыбнулся, Дионисо поклонился, и гости из Тайра-Вирте отбыли на родину, но только после того, как Арриго обещал Фелиссо в следующий раз обязательно взять с собой свою очаровательную жену.

— А жаль, что ее не было с нами в этот раз, — сказал Северин, когда экипаж увозил их к гавани. — Все, что она должна была делать, это носить не тза'абские вещи, что повлияло бы на местную моду, и...

Он вздрогнул, когда их транспортное средство, отнюдь не такое новое, как золоченый экипаж, в котором ехал впереди них Арриго, подпрыгнуло на очередном ухабе.

— ...и дело в шляпе!

— От женщин тоже бывает какая-то польза, — беззаботно сказал Рафейо, строя из себя опытного мужчину.

Трое его компаньонов едва удержались от улыбки.

Отсутствие формального договора очень беспокоило Кабрала, и он говорил об этом все время, пока они распаковы-

вали пожитки Дионисо в отдельной каюте, полагающейся Послу. Дул крепкий утренний ветер, и, хотя волны уже не на шутку разыгрались, капитан был уверен, что их судно сумеет опередить надвигающийся шторм. Они вышли в море меньше часа назад, но сильная килевая качка заметно осложняла их движение. Молодость, хорошая мускулатура и сопротивляемость болезням удерживали на ногах троих юных Грихальва, но Дионисо, напротив, распластался на своей койке, закрыв глаза, и молча переносил страдания.

— Коссимио это не понравится, — сказал Северин в ответ на беспокойство Кабрала. — Он ожидал «Договора», картины, которую можно было бы повесить в Галиерре Веррада.

Рафейо фыркнул.

— Какая разница, результат-то все равно один и тот же! Нелегальной торговли с тза'абами больше не будет.

— Но и картины не будет, — напомнил ему Кабрал. — А следовательно, никаких упоминаний в хрониках!

— Я вам скажу, что ему еще не понравится, — заявил Северин, убирая в сундук чистые рубашки Дионисо. — В Диеттро-Марейе остались две новые прекрасные иконы кисти Грихальва. А Коссимио по отношению к нам — собственник.

Дионисо перекатился на кровати — не по собственной воле — и открыл глаза.

— К счастью, не я, а Арриго будет объяснять ему ситуацию. А теперь уходите, я хочу страдать в одиночестве. Пошли, пошли отсюда!

Кабрал ухмыльнулся и поставил на пол тазик, так, чтобы до него было легко дотянуться.

Час спустя Рафейо прокрался в темную каюту с кувшином в одной руке и накрытой стаканом свечой — в другой. Свет немилосердно резал Дионисо глаза.

— Я принес вам горячего питья, — прошептал мальчик. — Говорят, это успокаивает желудок.

Дионисо подумал, не прогнать ли Рафейо. Но между ними как раз стала наклевываться связь, на которую он рассчитывал, и сейчас представилась прекрасная возможность укрепить ее. Кстати, и для Арриго это полезно: когда Меквель уйдет в отставку или умрет, а Рафейо как раз будет в подходящем для его должности возрасте, Арриго вспомнит, что его любимый Грихальва, которому он доверяет и который рассказал ему так много интересных вещей, в свою очередь, любит и доверяет Рафейо.

Поэтому он выпил чашку сладкого мятного питья, пока Рафейо опорожнял тазик, и через некоторое время ему действительно стало лучше.

— Граццо.

Дионисо откинулся на подушки и сжал теплую чашку обеими руками. Впервые он ощутил слабый приступ боли в суставах, и то лишь потому, что плохо переносит качку. А ведь ему уже сорок два, род Дионисо — долгожители, по меркам иллюстраторов ему пока не о чем беспокоиться.

— Сядь и поговори со мной. Я вижу, тебе не терпится задать мне множество вопросов.

Ответом послужила улыбка — очаровательная на лице ребенка, она будет совершенно неотразимой, когда он вырастет и станет мужчиной. Дионисо никогда не видел Тасию, но, если ее улыбка хоть слегка напоминает эту, неудивительно, что Арриго так не хотел жениться.

— Я умираю от любопытства с тех пор, как притащил этот пузырек, прямехонько из ночного горшка князя! Отвратительно!

— Самым молодым всегда достаются самые неприятные поручения. Но ты не потребовал объяснений, и это было очень мудро, ведь мы были среди чужих. Сядь, Рафейо, и я отвечу на твои вопросы.

Так же, как он отвечал на вопросы Арриго, не на все, разумеется. Он сделал еще глоток, вздохнув, когда пар согрел ему лицо.

— Начнем с иконы княгини Розилан. Масло и дерево сами по себе вещи не магические, но, поскольку икона написана кистью, сделанной из собственных волос княгини, она имеет определенную силу. Потом ты узнаешь сравнительную силу разных материалов, а также как применять свои собственные магические способности. Теперь расскажи мне о символах.

Рафейо присел на самый кончик стула, зажав руки между коленями, его гибкое тело инстинктивно раскачивалось, компенсируя качку. Дионисо запомнил эту позу — потом пригодится.

— Пресвятая Мать сидит на траве, — начал Рафейо. — Это дает Покорность. Но мне не кажется, что княгиня из послушных.

— Ни в малейшей степени, поэтому я прибавил сливы.

Мальчик нахмурился, потом внезапно усмехнулся.

— Верность! И их тут целый сад, а не только те, что в корзинке, это должно подействовать даже на нее!

— Мы на это надеемся. Что еще?

— Розмарин — это Память, но что она должна помнить?

Подавив очередной приступ дурноты, Дионисо глотнул чая и ответил:

— Пресвятая Мать одета в национальный костюм Дисттро-Марейи. Я хочу напомнить княгине, что когда-то, в дни своей патриотической юности, она любила этот стиль. И ее теперешняя любовь к тза'абским тряпкам...

— ...пропадет! — прервал его Рафейо.

— Нет. Но предыдущее увлечение окажется сильнее. Когда она решит, что национальный костюм ей нравится больше, это будет ее собственное решение, она будет счастлива, и никто не подумает про икону. Больше всего на свете хорошеньким женщинам нравится вводить новую моду.

Он кивнул, глядя, как Рафейо наливает еще одну чашку.

— Теперь расскажи мне о соснах.

— Соснах?

— Эйха, возможно, ты до этого еще не дошел. Сосна означает Магическую энергию, и, заметь, я опять нарисовал

целый лес! Поскольку мне была доступна только кисть из ее волос, пришлось компенсировать это в самой картине.

Рафейо ничего не понял, но все же задал правильный вопрос:

— А почему нельзя было использовать что-нибудь посильнее?

— У нее уже был подобный опыт. Не с ней лично, а с ее родственниками. Пришлось действовать хитрее. Что касается иконы князя, то, поскольку ты все равно ничего не поймешь, я объясню тебе сам.

— Я знаю, что колокольчики обозначают Постоянство, а плющ — Верность.

— Но в присутствии Сына смысл меняется. Ты опять хочешь меня перебить и сказать, что одуванчики — это Мужская сила. Верно. Фелиссо увидит преимущества мужского склада ума и чресел, вспомнит, что он отец всех этих девяти кошмарных детей. Кстати, надо напомнить Меквелю — пусть скажет Коссимио, чтобы ни одна из дочерей до'Веррада даже и не думала о помолвке с какой-нибудь из этих отвратительных обезьянок. Я не хочу портить семейную линию.

Рафейо рассмеялся.

— Эдакие уродцы! А представляете, каково быть здесь придворным иллюстратором и рисовать последовательно девять «Венчаний»?

— Помилосердствуй! — содрогнулся Дионисо. — Мой желудок слишком слаб для подобных мыслей! Но мы с тобой говорили о скромных одуванчиках, которые означают еще и Пророческие видения. Фелиссо — набожный человек. Он увидит пророческий сон о тза'абских песках и их обитателях, которые не являются частью цивилизованного мира и не почитают Мать и Сына.

Широко раскрыв от изумления глаза, Рафейо прошептал:

— Вы хотите сказать, икона заставит его видеть такие сны? Но почему? Что в этой картине такого...

— В свое время ты все узнаешь. Яблоко вызывает сны. Князь поверит, что это видение, и прекратит связи с тза'абами. Такой прием известен как Пейнтраддо Соно — Нарисованный Сон.

Мальчик обдумал услышанное.

— Обе иконы чем-то пахли. Это был не обычный запах дерева или масляных красок, а что-то совсем другое.

Дионисо довольно улыбнулся.

— У тебя чуткий нос. Это была вербена, Магический запах. Я втер ее в дерево с обеих сторон, перед тем как начать работу.

Рафейо опять помолчал. Наконец он смиренно произнес:

— Все это гораздо сложнее, чем я мог подозревать.

— Но ты подозревал! Это хоть и слабое, но оправдание для Грихальва, который до конфирматтио не знал и крупинки правды.

— А велика ли эта скрытая правда?

— Больше, чем все мы можем себе представить.

Рафейо благоговейно вздохнул.

— Выходит, мы, Грихальва, сильнее всех в мире!

Ну вот, он ожидал такой реакции. Сам ее добивался. Все молодые иллюстраторы говорят то же самое, когда впервые сталкиваются с реальной магией. За много лет Дионисо успел понять, что ответ, который они всегда получают, — правильный. И он провозгласил его, стараясь выглядеть как можно торжественнее:

— Мы используем эту силу, чтобы служить до'Веррада, защитившим чи'патрос, когда нас чуть не изгнали. Они спасли нам жизнь, когда народ, обезумевший от страха перед перро лингвой, мог бы перебить нас всех до одного.

— Но если бы мы захотели, мы могли бы быть...

— Нет, — жестко сказал Дионисо, — никогда.

Он сознательно отринул память о Раймоне, Иль-Адибе и той ночи, когда сам не только думал так же, но и разрабатывал конкретный план — тогда он еще не знал, что все не так просто.

— Но почему? — вскричал Рафейо.

— В нас течет тза'абская кровь. Чи'патрос находятся в худшем положении, чем последний крестьянин на самой бедной ферме Тайра-Вирте. Нам никогда не очиститься от этой крови — так учит екклезия.

— Но вы же в это не верите!

— Конечно, нет! Но другие-то верят. Попробуй кто-нибудь из нас взять власть — и мы погибли! Даже если сотни Вьехос Фратос напишут тысячи икон, им все равно не повлиять на тех, кто будет нам противостоять. Поэтому мы используем силу, которой владеем, и никогда не пытаемся добиться власти, которая все равно никогда не будет нашей.

— Но...

— Мы — часть Тайра-Вирте, но нам никогда не стать здесь полностью своими.

Рафейо кусал губы, потом взорвался:

— И все это из-за косности екклезии...

— Из-за всего этого глупо даже пробовать.

Будучи одним из муалимов в Палассо Грихальва, он вбивал сию мысль в головы своим юным питомцам. Это была не просто мудрая политика, не просто очевидный факт — он боялся, что однажды какой-нибудь Неоссо Иррадо преступит правила даже в большей степени, чем он сам, и таким образом приведет Грихальва к гибели.

— Теперь что касается Великого герцога, — продолжал он просвещать Рафейо, — настоящего властителя в Тайра-Вирте. У него целая армия советников, но тем не менее он должен сам просматривать все конторские книги, чтобы знать, не обманывают ли его. Его дом заполнен придворными интриганами, и за всеми ними надо пристально следить. Он должен заботиться о том, чтобы не потерять власть и богатство, а по возможности преумножать и то, и другое. Он женится по указке и всю жизнь вынужден подчиняться самым строгим правилам.

Дионисо умолк, стараясь скрыть улыбку, потому что Рафейо явно представил себя в роли Великого герцога Тайра-

Вирте. Судя по выражению его лица, он был сейчас прикован к огромной бухгалтерской книге, за спиной его прятались двадцать баронов с огромными ножами, а женат он был на одной из кошмарных дочерей делла Марей.

Глаза Рафейо стали огромными от ужаса.

— Но тогда мне не придется рисовать!

— Не часто.

— Гораздо лучше быть одним из нас!

— Я всегда так думал, — сухо сказал Дионисо. — Иллюстратор Грихальва всегда в большем почете у Великих герцогов, чем простой дворянин. Семья заботится о доходах, снабжая нас всем необходимым. В Палассо Грихальва живем мы и только мы. Ты женишься, на ком захочешь, или вовсе не женишься — это твой выбор. Наше поведение не стало смешным притворством, призванным скрыть вульгарность и распущенность под маской утонченных манер или манерности, как это принято в обществе, у нас сохранилось главное — чувство собственного достоинства. Что же касается власти... — Он улыбнулся. — Мы вольны делать то, к чему призывает нас наша кровь: писать!

— А это самая сильная власть, — согласился Рафейо. — Но разве вам не надоедает писать то, что велит вам дон Арриго?

— Это часть нашей службы и нашего долга. Ты потом сам поймешь и оценишь возможности, которые перед тобой открываются. Кроме того, хотя мне и приказали написать эти иконы и к каждой предъявлялись определенные требования, все же создал их я. В нашей работе есть свои удовольствия, Рафейо. Можно вложить в указанную форму часть своего таланта, Дара, свое видение, можно сделать шедевр даже из обычного «Рождения» или «Венчания».

Вскоре Рафейо ушел. Ему было над чем подумать. Дионисо допил чай, лег на койку, милосердно устроенную в виде мягкой колыбели, и заснул улыбаясь.

40

Новый, 1263 год начался обычными празднествами, от которых Мечелла была, к счастью, освобождена. Всю зиму она чувствовала себя такой больной и вялой, что Арриго стал опасаться за ребенка. Приезжали знаменитые доктора, кудахтали как куры и, констатируя, что всему виной тяжелая беременность, — а может, и погода, — предъявляли счета.

С приближением весны Мечелле стало полегче — чем больше становился ее живот, тем лучше она себя чувствовала. Растолстела так сильно, что начали поговаривать о двойне. К тому же она оказалась столь энергичной, что вызвалась участвовать в подготовке детской программы своего любимого праздника, Астравенты.

Первым вкладом Мечеллы в религиозную и культурную жизнь Тайра-Вирте, не считая, конечно, ее редких появлений на людях, стало небольшое изменение обряда праздника в соответствии с гхийасскими обычаями. Вместо того чтобы просто раздавать маленькие зеркальца, которыми полагалось ловить падающие звезды во время праздника, их спрятали в парке Палассо, предоставив детям возможность заняться их поисками. Дворецкий Мечеллы с энтузиазмом воспринял эту идею, но в отсутствие госпожи тяжело вздыхал, представляя себе расходы, которые понесет лично она, — не на особые зеркальца, а на приведение в порядок парка.

Нововведение имело огромный успех. Когда закат возвестил о начале праздника и родителям было подано угощение — сидр и печенье в форме звездочек, сотни маленьких детей, со смехом носясь среди цветов и живых изгородей парка, уже искали свои призы — маленькие зеркальца с деревянными, украшенными лентами ручками. Зажав их в грязных кулачках, дети бежали к фонтану, где Мечелла завязывала ленточки на сотнях маленьких ручек. Ерзавшим от нетерпения в ожидании «звездного дождя» детям раздавали сладости.

Настала ночь, и, как всегда в это время года, с неба ливнем посыпались крохотные искорки. Все зеркала разом повернулись вверх, стараясь поймать крохотное пятнышко света. Стены Палассо дрожали от радостных криков, сопровождавших каждую удачную попытку. Один за другим появлялись родители, находили и долго успокаивали счастливых, липких от конфет детей, поймавших свои звездочки. Мечелла стояла на ступенях лестницы, многочисленные добрые граждане Мейа-Суэрты благодарили ее и кланялись на прощание, а она улыбалась в ответ.

Вдруг она заметила маленькую девочку, которая брела позади всех и горько плакала. Мать тщетно пыталась утешить ее. Мечелла покинула свой пост и тяжело опустилась на колени рядом с ребенком — огромный живот мешал ей. Она легонько сжала маленькую липкую ручку с привязанным к ней зеркальцем.

— Что случилось, меннина?

— Ничего не поймала, — всхлипнула девочка.

Смущенная мать попыталась увести ребенка, но Мечелла, улыбаясь, покачала головой.

— Ты, наверное, моргнула, — сказала она девочке, — и не заметила свою звезду. Давай попробуем найти ее.

Она стала вертеть зеркальце из стороны в сторону, свободной рукой в это время незаметно отрывая маленькую тза'абскую стеклянную бусинку от своего расшитого блестками платья.

Девочка послушно уставилась в зеркало, потом захныкала:

— Здесь ее нет!

— Может, надо вот так повернуть... О! Вот она!

Мечелла притворилась, что вынимает сверкающую бусинку из волос девочки.

— Понятно теперь, почему ты не видела ее!

— Мама, мама! Моя звездочка!

— Ты знаешь, что я думаю? — Мечелла вложила «звездочку» в руку ребенка. — Ей стало так одиноко в темном ночном небе, что когда она увидела твои прекрасные темные кудри, то решила жить там, а не в каком-то старом зеркале.

Зажав в руке свое сокровище, девочка побежала показывать его друзьям. Мечелла, тяжело дыша, поднялась с колен и улыбнулась молодой матери.

— Граццо миллио, Донья, — прошептала женщина. — Тысяча благодарностей!

Она присела в глубоком реверансе, а затем устремилась вдогонку за дочкой.

Когда дети и их родители ушли, настало время официального бала. В других уголках страны праздник завершится не только танцами. Астравента — праздник Зарождения, а звездный ветер символизирует дар жизни. Скоро будет сыграно много свадеб, потому что в эту — единственную в году — ночь даже неженатым парочкам разрешается «искать упавшие звезды» на любой поляне или опушке, а дети, зачатые в ночь «звездного ветра», считаются благословением свыше. Брат Мечеллы, Энрей, говорил ей както, что этот праздник — всего лишь оправдание для незаконной любви, но Мечелла предпочитала думать иначе. Она верила чудесной легенде о том, что упавшая звезда в эту ночь может найти убежище в лоне какой-нибудь женщины, и поэтому дети, зачатые в Астравенту, будут иметь необыкновенные души.

Что бы там ни случилось с придворными после бала, в Палассо Веррада в этот вечер была заметна лишь утонченная сторона праздника. Толпы придворных, одетых в черные костюмы, украшенные множеством блесток из хрусталя и бриллиантов, создавали впечатление, будто сами созвездия спустились с неба, чтобы потанцевать.

Мечелла любила танцы и очень расстроилась из-за своей тяжелой поступи. Она намеревалась просидеть на диванчике до самой полуночи, когда звезды фейерверков вернут в ночное небо то, что ночь так щедро отдала. Но Арриго настоял на своем — она должна танцевать с ним. Мечелла уверяла его, что будет выглядеть нелепо, он лишь смеялся в ответ. Когда он бережно закружил ее в танце, она внезапно почувствовала себя легкой как перышко. Она танцевала с Арриго, с его отцом, со многими важными придворными и с командиром шагаррского полка. Наконец, усталая и счастливая, она присела на тот самый заранее облюбованный диванчик, чтобы перевести дух. Арриго исполнил свой долг, потанцевав с другими дамами, принес жене холодный напиток и, нагнувшись, зашептал ей на ухо:

— Видишь бриллианты Дирады до'Паленсиа? Они фальшивые.

— Не может быть! — изумленно воскликнула она.

— Клянусь! А еще я тебе клянусь, что дыхание графини до'Брасина и лошадь убьет. Но хуже всех сестра барона до'Эсквита. Она четыре раза наступила мне на ногу. Какой бы

неуклюжей ты ни была, моя радость, по крайней мере на ноги мне ты не наступаешь!

Она захихикала.

— Арриго, ты ужасный сплетник.

— Но самое любопытное я оставил напоследок. Я думаю, ты заметила эффектную фигуру Сандары до'Нахерра? Так вот, на ней железный корсет, а груди — ватные!

— Ну, это тебе было бы трудно не заметить. Она прижималась к тебе во время каждого танца!

— Мечелла! — с укором сказал он, передразнивая ее интонацию, и оба рассмеялись.

И тут по толпе прошел ропот. Уголком глаза Мечелла увидела, как дирижер поспешно взмахнул палочкой и оркестр заиграл живую и веселую мелодию. Танцующие пары вернулись на паркет, но все глаза были направлены в одну сторону, их будто магнитом притягивала дверь залы.

Среди танцоров Мечелла заметила изящную женщину в сопровождении высокого привлекательного мужчины. Эта пара двигалась по направлению к Коссимио и Гизелле. Черный плащ мужчины был усыпан блестками, будто звездный ливень застал его на улице. Женщина сверкала еще ярче, ее звезды, упав, сложились в бриллиантовое ожерелье. Искристые камни — несомненно, настоящие — рассыпались по обнаженным плечам и шее и украсили высокую грудь, прекрасную без всяких подкладок. Тонкая талия тоже не была стянута корсетом. Черные блестящие волосы, собранные в высокую прическу, не нуждались в украшениях. Слабая улыбка на розовых губах казалась вызывающей в сочетании с рёзко изогнутыми бровями. Темные глаза не смотрели ни на кого, кроме Великого герцога и герцогини, — таков этикет, но почему-то Мечелла чувствовала, что женщина замечает выражение всех лиц в зале, включая ее собственное.

Она взглянула на Арриго, собираясь узнать у него имя женщины. И тут она поняла. Ответ читался у него в глазах — испуганных, восхищенных, разгневанных, светящихся от вспыхнувшего желания. Мечелла с трудом сдерживала слезы. Как мог он разрешить этой женщине вернуться ко двору? Но когда она увидела, как Арриго, всегда такой красноречивый, мучительно подбирает слова, ее сердце смягчилось. Это не его вина. Он не знал. Мечелла пришла в ярость от самонадеянности надменной Грихальва и ее дурных манер.

— Я вижу, приехали граф и графиня до'Альва, — сказала Мечелла мягким, спокойным голосом.

Лицо Арриго теперь выражало благодарность и восхищение ее самообладанием.

— Да, к тому же так поздно — еще чуть-чуть, и это выглядело бы оскорблением. Отец не любит, когда опаздывают, особенно на его приемы. — И почти тут же добавил: — Хочешь, потанцуем, Челла?

Она поняла, что Арриго предлагает ей путь к спасению, и была ему за это благодарна. Кружиться в его объятиях, забыть о жаждущих сенсации взглядах придворных, отсрочить неизбежную встречу...

Нет, она будет сидеть здесь и ждать, пока эта женщина проявит свою подлую сущность и весь мир увидит, как она подойдет к Мечелле, чтобы пробормотать ничтожные оправдания своему позднему появлению. Мечелла сбросила с плеч расшитую хрустальными капельками шаль, открыв взорам присутствующих свои полные груди и бриллианты, и улыбнулась мужу:

— Ты будешь держать меня на руках!

— Отец ставил Лиссию себе на сапоги, когда учил ее танцевать, — усмехнулся Арриго. — Я мог бы сделать то же самое с тобой, но...

— Но пальцы, сломанные сестрой до'Эсквита, превратятся в лепешку.

И когда Тасия, графиня до'Альва, под взглядами всего двора подошла к ним, чтобы засвидетельствовать свое почтение, они все еще смеялись. Собственно, смотреть было не на что. Реверанс, несколько слов, которых никто не расслышал, милостиво улыбающаяся Мечелла, сдержанный Арриго, прекрасная, холодная Тасия. И более ничего.

Однако все заметили, как Великая герцогиня Гизелла тихонько вздохнула и закрыла глаза, что было истолковано как короткая благодарственная молитва. Баронесса Лиссина до'Дрегец, бывшая любовница Коссимио, прошептала что-то на ухо своему кузену Меквелю, и в следующее мгновение Верховный иллюстратор кружил в танце с Тасией. Великий герцог ничего не заметил, занятый беседой с графом до'Альва.

Всех постигло грандиозное разочарование. Встреча, которую с таким нетерпением ожидали, состоялась, но фейерверк в полночь так и остался единственным развлечением.

На следующий день в доме до'Альва, расположенном в новом престижном районе Мейа-Суэрты, Тасия принимала посетителей. Гости пришли поздравить ее с бракосочетанием, но для большинства из них это было лишь поводом. На самом деле им хотелось обсудить события предыдущего вечера. Граф Карло около часа провел в ее приемной, исполняя обязанности хозяина дома. Лиссина, много лет назад побывавшая в подобной ситуации, проявила доброту, приехав раньше всех и уйдя последней, чтобы помочь Тасии отражать словесные выпады. Она также рассказывала всем и каждому, что отныне Тасия будет принята во все благотворительные комитеты, попечителями которых являются она и Великая герцогиня. Ничто не может заставить сплетников замолчать так убедительно, как имя Гизеллы.

Но Тасии не нужны были помощники, чтобы еще раз разочаровать всех, кто пришел посмеяться над ее несчастьем. К вечеру половина Мейа-Суэрты облегченно вздохнула вслед за Великой герцогиней. Другая половина вздохнула разочарованно.

На публике Тасия вела себя безукоризненно. Как всегда элегантная, она была образцом выдержки и достоинства. Но вечером, оставшись одна в той самой комнате, где они разговаривали с Рафейо, она нервно ходила из угла в угол, плакала и проклинала то Арриго, то его бледную беременную жену.

— Канна! — выкрикивала она. — Собака! Безмозглая идиотка! Как смеет эта глупая корова так улыбаться мне!

Она швырнула в угол серебряную коробку конфет, но та лишь глухо ударилась о толстый ковер, не принеся Тасии желаемого удовлетворения.

— А Арриго, эта опустившаяся свинья!

Позолоченное ведерко для вина последовало за коробкой — и с тем же результатом.

— Я сотру с его лица эту глупую улыбку, срежу кухонным тесаком!

Наконец она устало рухнула на диван. Глаза горели, нос распух, голова, казалось, сейчас взорвется, как вчерашние фейерверки. Через некоторое время она поднялась и пошла наверх, чтобы собрать кое-какие мелочи. Под этим предлогом она и выбралась сюда, в свой старый дом. Зеркало отразило лицо со следами слез и печатью прожитых лет, впрочем, все это можно было легко исправить с помощью косметики, стоявшей тут же, на туалетном столике.

— Вот истинная Грихальва! — горько сказала она своему отражению. — Краски становятся волшебными в наших ловких руках!

Но Рафейо еще так не скоро выучит все секреты магии Грихальва и сможет принести ей какую-то пользу. А до тех пор она предоставлена самой себе.

Тяжелый хрустальный флакон с духами врезался в зеркало, принеся ей наконец долгожданное облегчение.

Через несколько дней после Фуэги Весперры родилась донья Терессa до'Веррада. Тяжелая беременность закончилась неожиданно легкими родами, как будто ребенок спешил извиниться за причиненные страдания.

Несмотря на сожаление, что родился не мальчик, Арриго был очарован своей крохотной светловолосой дочуркой. В тот вечер, когда он стоял на балконе, объявляя о рождении дочери, восторженные крики толпы звучали у него в ушах сладкой музыкой. Через десять дней, когда мать с ребенком впервые посетили Катедрль Имагос Брийантос, обитатели Мейа-Суэрты, собравшись, кричали еще громче.

Палассо Веррада был завален подарками. Целые оранжереи цветов, горы всевозможных фруктов, детская одежда и книги, которых хватило бы, чтобы одеть пару провинций и открыть не одну библиотеку, гора игрушек — подарки занимали сначала одну, затем две, три и четыре комнаты. Их присылали иностранные правители, дарили придворные и знать, купцы, послы, гильдии ремесленников, простой народ из всех уголков Тайра-Вирте. Одно лишь омрачало всеобщую радость — Верховный иллюстратор Мек-

вель заболел и не мог написать «Рождение Терессы». Эту задачу Арриго лично возложил на Дионисо Грихальва, и портрет, вышедший из-под его кисти, оказался настоящим шедевром. Чтобы завершить работу, за дело взялась армия копиистов — надо было размножить портрет и разослать в другие государства правителям и сановникам высоких рангов.

Первым смелым шагом Мечеллы после священной церемонии стало посещение больного Мекведя в Палассо Грихальва. Это стало сенсацией — ни один до'Веррада не переступал порога Палассо с тех самых пор, как герцог Алехандро приходил отдать последний долг умершему Верховному иллюстратору Сарио. Беспокойство Мечеллы о нынешнем Верховном иллюстраторе явилось еще одним свидетельством ее доброты. После этого визита больной сразу пошел на поправку.

Еще больше удивило ее желание посетить мастерские. Дионисо сопровождал ее, пока она осматривала все — от классных комнат до зала копий, где были выстроены в ряд восемнадцать готовых к отправке портретов ее дочери. Увидев их, Мечелла внезапно рассмеялась.

— Извините, — сказала она, — они очень красивые, я не хотела никого обидеть. Просто мне вдруг пришло в голову: а как бы повела себя Терсса, если бы вдруг увидела всех этих детей, так похожих на нее?

Иллюстратор вежливо улыбнулся.

— Может быть, вы хотите посетить Галиерру?

— Я бы с удовольствием, но и так уже задержалась здесь, Терсса будет скучать без меня.

Поколебавшись мгновение, она добавила:

— Я знаю, ваш оригинал будет висеть в нашей Галиерре, и я смогу прийти посмотреть на него, когда захочу, но дети растут так быстро, и...

Правильно истолковав выражение ее лица, он спросил:

— Не хотите ли взять одну из этих копий, чтобы повесить у себя дома, ваша светлость?

— Можно? Ой, но тогда кому-то придется делать другую копию.

— Не важно. Для молодых это хорошая практика.

Она медленно прошла вдоль ряда мольбертов, останавливаясь, чтобы внимательнее рассмотреть ту или иную копию, наконец остановилась перед одной из них.

— Они все чудесные, но эта ближе всех к оригиналу.

— Художник будет польщен, ваша светлость.

— Мне бы хотелось, чтобы он сам принес картину, тогда я смогу его поблагодарить.

— Кабрал сделает так, как вы пожелаете.

Дионисо вывел Мечеллу из рабочей комнаты и провел вдоль длинного коридора, в котором гуляли сквозняки. Он объяснил, что это самая старая часть Палассо, построенная еще до завещания герцога Ренайо, то есть более четырехсот лет назад.

О возрасте этого помещения можно судить по бочкообразным сводам и слепым аркадам — их называют так потому, что каменная стена между каждыми двумя колоннами загораживает обзор. Как и положено, здесь есть две колонны, поставленные в честь Матери и Сына... — Он вдруг прервал себя: — Я утомляю вашу светлость.

— Нисколько, — солгала Мечелла. — Кто эти люди, чьи портреты висят в этих — как вы их назвали — слепых аркадах? Разве портреты не должны висеть у вас в Галиерре?

Он пожал плечами.

— Это незначительные люди, а картины не соответствуют стандартам.

— Для кого незначительные, Дионисо? — возмутилась она. — Не для тех же, кто любил их! И чьим стандартам? Иллюстраторы, которые их писали, старались как могли!

Дионисо искренне поклонился.

— Ваша светлость обладает чудесным даром видеть человека, а не политику и не живопись. Я знал еще в Ауте-Гхийасс, что вы принесете в Тайра-Вирте нечто более возвышенное, чем даже ваша красота, более ценное, чем приданое.

— Вы очень добры ко мне, — сказала Мечелла, удивленная, что он видит ее в таком свете. — Но мне хотелось бы разбираться и в других вещах. Например, я ничего не знаю о вашем искусстве. Вы, Грихальва, так много значите в нашей стране. Мне очень хочется узнать как можно больше о том, чем вы занимаетесь.

— Когда Кабрал принесет картину, попробуйте найти немного времени и прогуляться с ним по Галиерре Веррада. Он очень много знает и куда лучший рассказчик, чем я!

Через несколько дней Кабрал Грихальва явился в Палассо Веррада и принес свою копию «Рождения Терессы». После того как под его досмотром картина была повешена в комнате Мечеллы, они отправились в Галиерру Веррада, где Кабрал прочитал ей первую в ее жизни лекцию о живописи.

— ...и здесь вы видите еще один пример киароскуро в игре тени и солнечного света на свадебном платье герцогини Энрикии.

— Киаро?.. Мне надо было взять записную книжку, — вздохнула Мечелла. — Боюсь, я ужасно глупая и не смогу все это запомнить.

— Вовсе нет, ваша светлость, — немедленно ответил Кабрал. — Это я виноват, что пытаюсь рассказать вам все сразу. Неудивительно, что Вьехос Фратос отвергают все просьбы разрешить мне преподавать.

От улыбки у нее на щеках появились ямочки.

— Если вы сможете научить меня, то любой другой ученик для вас не проблема, я скажу им это, если хотите. Но почему они не разрешают?

— У меня нет Дара, — просто ответил он.

— Почему вы так говорите? Даже я при всем моем невежестве сразу увидела, что сделанная вами копия картины Дионисо — лучшая из всех!

— Ваша светлость хвалит меня больше, чем я того заслуживаю. Я могу объяснить. Дело в том, что существуют два сорта Грихальва. Первые — такие, как я. У нас есть некоторые способности к живописи и достаточно мастерства, чтобы копировать работы настоящих талантов. — Он немного помолчал, потом застенчиво признался: — В прошлом году я был удостоен чести копировать ваше «Венчание».

— Правда? С удовольствием посмотрела бы вашу копию.

— Ее послали в Мерс. У нас почти нет торговли с этой страной, поэтому истинный талант тут не требовался. Копию послали из вежливости. Понимаете, истинные иллюстраторы в чем-то волшебники. Посмотрите сюда, у герцогини Энрикии такая кожа, что можно почувствовать мягкость и тепло ее щеки. Я не могу так сделать. И никогда не смогу никого этому научить.

— А вы пробовали?

Казалось, он был захвачен врасплох.

— Но это запрещено! Я только копиист. Нет, я пишу что-то свое в свободное время, если мои услуги нигде не требуются, но я не настолько хорош, чтобы тратить на меня краски.

— Вы так же хороши, как и все остальные. Лучше!

Кабрал покачал головой.

— У меня нет Дара, — повторил он. — Вот, например, мой друг Северин — истинный иллюстратор. Его копия портрета вашей очаровательной дочери будет послана в Гхийас, отцу вашей светлости, королю. — Он улыбнулся. — Зато мою копию вы будете видеть каждый день, а для меня это гораздо бóльшая награда.

Мечелла махнула рукой, окончательно запутавшись.

— Наверное, вы, Грихальва, знаете, почему поступаете так, а не иначе, но, по-моему, ваш талант пропадает зря, если вам не дают писать. Можно мне задать еще один, последний вопрос, пока вы здесь?

— Я в распоряжении вашей светлости столько времени, сколько вам понадобится.

— Тогда два вопроса. Во-первых, как вам удастся распознавать, у кого из живописцев есть Дар, а у кого нет?

— Все мальчики Грихальва проходят испытания. Тех, кто выдержал, учат иначе, нежели провалившихся. Так завещал триста лет назад сам Верховный иллюстратор Сарио.

— Какие-то его работы есть в Галиерре, не так ли?

— Да, есть. Для своего времени он был выдающимся художником. Но главное его наследие — это не картины, а изобретенная им система воспитания молодых талантливых иллюстраторов.

— К которым вы себя не относите. Эйха, Кабрал, я не согласна. И второй вопрос только подтверждает мое несогласие, потому что я хочу попросить вас учить меня тому, что вы знаете о живописи. Великая герцогиня вечно водит по Галиерре высоких гостей. Если я буду знать больше, чем сейчас, то смогу освободить ее от обязанности так часто повторять одно и то же. Она столь добра ко мне, что я хотела бы помочь ей, если смогу.

Кабрал низко поклонился.

— Для меня это будет большой честью и удовольствием, ваша светлость. Но я должен вас предупредить, — он тихонько рассмеялся, — что вместе с живописью вам придется изучать историю. На этих стенах — все прошлое Тайра-Вирте.

— Я хочу учиться еще и по этой причине, — призналась она. — Я лучше запомню историю, если, узнавая о людях прошлого, буду смотреть на их лица. Два раза в месяц, это не слишком часто? Я боюсь отрывать вас от работы.

— Я буду приходить сюда так часто, как вы пожелаете.

— Но чаще раза в неделю у нас не выйдет — я же ничего не запомню! И в следующий раз я обещаю делать записи.

41

Летом Мечелла занималась тем, что вникала во все хитросплетения придворной жизни. Гизелла и Лиссина внимательно следили за ее успехами, но вскоре поняли, что это уже излишне. Теперь, когда у них с Арриго родился ребенок, девушка снова была уверена в себе и так очаровательна, что редкие промахи лишь украшали ее в глазах окружающих.

В самом деле, хотя ее образование не было широким, а понимание оставалось лишь поверхностным, она испытывала огромное желание научиться и при этом оставалась милой и застенчивой, от чего смягчались сердца даже самых суровых учителей. Когда речь шла о политике, ее лицо застывало в вежливой улыбке, но танцевала она божественно. Она едва ли представляла себе, где находится поместье ее собеседника, но всегда могла назвать по именам всех его детей и внуков. Ее записки с благодарностями в адрес какой-нибудь графини или баронессы за чудесный обед были написаны детской рукой и с орфографическими ошибками, но полны такого невинного очарования, что все ошибки ей тут же прощались. А ее лицо, фигура, наряды и драгоценности оставались предметом зависти для любой женщины в Мейа-Суэрте.

Арриго буквально лопался от гордости, глядя на свою жену. Когда они вдвоем посещали школы, деревенские ярмарки, богадельни или гильдии мастеровых, люди скандировали имя Мечеллы даже громче, чем его собственное. Зная, что ирисы — ее любимые цветы, ее осыпали ирисами, куда бы она ни приехала. Когда кто-то узнал, что она любит миндаль, целые корзины с этим лакомством стали появляться вместе с ирисами. Ее увидели в кастейской кружевной шали, и крестьянка, подарившая ей на свадьбу эту шаль, тут же разбогатела на заказах знатных дам. Стоило ей надеть вышитый фартук, чтобы посетить кухню, где готовили благотворительные обеды, и через несколько дней все женщины Мейа-Суэрты щеголяли в таких же фартуках.

В одном только Мечелла огорчала Арриго: она ненавидела Чассериайо. Осенью он договорился, что они проведут там неделю, чтобы жена могла хоть ненадолго вырваться из постоянного круговорота балов, обедов и благотворительной работы. Но стоило им только приехать в Чассериайо, как Мечелла начала кашлять. На следующее утро появился жар, и всю неделю она провела в постели. Хуже того, ее мучили кошмары. То ей снилось, что замшелые дубы хватают ее за горло и душат, то тихая речка превращалась в бурный поток, увлекавший ее за собой, то маленькие древесные лягушки внезапно вырастали до размеров лошади и падали на нее, ломая крышу. Наконец Арриго сжалился и отвез ее обратно в Мейа-Суэрту. Но он не мог заставить себя забыть время, проведенное здесь с Тасией: как она заходила по пояс в реку, чтобы ловить вместе с ним рыбу, как любила таинственные темные деревья, как охотилась с ним, как они вместе катались верхом по окрестным холмам и каждый вечер купались...

Арриго очень стыдился этой мысленной неверности. И когда Мечелла в Палассо Веррада пришла в себя и снова стала той живой, очаровательной девочкой, на которой он женился, он забыл о Тасии. Почти забыл.

К Провиденссии Мечелла опять была беременна и чувствовала себя еще хуже, чем в прошлый раз. Она лежала в постели и отвергала одно приглашение за другим — не так уж много зависело от их с Арриго присутствия. На ярмарках он судил о качестве лошадей, а она оценивала выпечку и вышивки. Иногда они участвовали в церемонии освящения какой-нибудь новой шахты, мельницы или больницы. Сегодня они обедали у виноторговцев, завтра — с часовых дел мастерами, продавцами тканей и белья, ювелирами, фермерами и кузнецами. Мечелла получала удовольствие от всего, включая скучнейшие речи, — ведь после них всегда можно поговорить с людьми о том, что их волнует. И люди делились с ней своими мыслями и заботами — от беспокойства из-за сломанной руки ребенка до взглядов на развитие торговли в Таглисе.

Но Арриго был недоволен. Он думал, что после женитьбы положение вещей изменится. Его жена возьмет на себя часть общественной работы, а у него самого будет оставаться больше времени, чтобы заниматься вместе с отцом делами государства. У него были на этот счет прекрасные идеи. Например, Тайра-Вирте мог бы продавать большие партии роскошных кастейских мехов в холодное северное королевство Мерс. Следует только открыть один магазин, рассуждал Арриго, и потом обязательно понадобятся другие. Но Коссимио лишь покачал головой в ответ. Торговля предметами роскоши не приведет к установлению зависимости Мерса от Тайра-Вирте. Политическая кооперация должна быть основана на страхе потерять источник таких жизненно важных товаров, как пища или полезные ископаемые, а вовсе не меха для богачей. К тому же тамошние правители предпочитают картинам договоры, написанные пером, — так какие же дела можно с ними вести?

Арриго понимал это последнее замечание насчет картин гораздо лучше, чем мог представить его отец, но держал свое понимание при себе. С новой информацией об искусстве Грихальва, полученной от Дионисо, он сумел разрешить некоторые исторические загадки, но эти же сведения заставили его обеспокоиться. Никакой вопрос внешней или внутренней политики не может считаться решенным, пока иллюстратор не нарисует это решение. Такое положение вещей давало Грихальва слишком большую власть. Не видя возможности справиться с этой властью, Арриго решил, что следует позаботиться о создании собственных Грихальва.

Поэтому он приветствовал занятия Мечеллы с Кабралом, не реже раза в месяц встречался с Дионисо и пытался найти убедительный повод для приглашения графа и графини до'Альва на одну из тех маленьких вечеринок, которые он проводил в Палассо Веррада. И вот теперь, решил он, когда Мечелла опять беременна и слишком устает, чтобы посещать эти вечеринки, настало время послать им приглашение. Никаких сплетен не будет — все-таки должно быть больше двенадцати человек. Это ведь не ужин при свечах вдвоем. И кроме того, он Тасию больше не любит.

Кое-что изменилось с тех пор, как он женился. Стоило ему появиться на людях одному, и все лица вытягивались от разочарования. Подарки всегда предназначались Мечелле, из цветов преподносили только ее любимые ирисы. Арриго понял, как сильно народ Тайра-Вирте полюбил его жену. Конечно, приятно, что она пользуется таким успехом, но, как только толпа начинала выкрикивать ее имя, требуя ответа, почему он не привез ее с собой на этот раз (а ведь известно было, что она опять беременна), это не могло его не раздражать.

Когда подобное случилось впервые, он поднял руку, требуя тишины. В огромном, увешанном гобеленами зале гильдии камнерезов сразу стало тихо. Арриго улыбнулся и объявил звучным голосом, заполнившим весь зал до самых стропил:

— Сожалею, но донья Мечелла плохо себя чувствует и не может сопровождать меня сегодня. Правда, я не так уж сильно сожалею о том, что являюсь причиной ее сегодняшнего недомогания.

Послышался смех и восторженные крики:

— Приятно видеть человека, который гордится своей работой!

— На этот раз пусть будет сын!

Арриго усмехнулся и на следующее утро рассказал об этом Мечелле. Он как раз вручал ей подарок камнерезов: два браслета, украшенных разноцветными камнями, — для нее и для Терессы. Щеки ее вспыхнули от смущения, и оба они расхохотались.

Несколько раз он повторял эту маленькую речь — с тем же успехом. Но однажды никто не рассмеялся в ответ, зато какая-то женщина выкрикнула:

— Если бы тебе приходилось так страдать, чтобы подарить стране наследника, ты не спешил бы шутить на эту тему!

Женщину немедленно заставил замолчать ее собственный муж, побагровевшие представители гильдии плотни-

ков долго и многословно извинялись перед Арриго, но во дворе народ все громче скандировал: «Мечелла! Мечелла!» Арриго не стал рассказывать жене об этом эпизоде и больше так никогда не шутил.

На следующий день в Палассо Веррада был небольшой прием — несколько дворян со своими женами собрались поболтать и послушать музыку. Арриго встречал гостей, следил, чтобы они не испытывали неудобств, и сохранил самообладание, когда Тасия приехала одна.

— Карло занят — совещается с управляющими, что-то скучное насчет посевов. Но он настаивал, чтобы я поехала. Надеюсь, все в порядке.

— Как мило, что ты все-таки выбралась.

Он показал ей, где найти вино и пирожные, и обернулся, чтобы встретить следующую пару. Ему не приходило в голову, что они с ней были единственными, кто пришел без супругов, пока не начался концерт и все стали рассаживаться. Стулья стояли парами возле маленьких столиков, чтобы мужья и жены сидели вместе. Арриго сел за свой столик один. Тасия — тоже.

Восьмилетняя дочь барона до'Варрива вызвала целую сенсацию. Музыкальные способности маленькой Клеменсии можно было назвать выдающимися. Она целый час очаровывала гостей игрой на виоле, а потом мать увезла ее домой, поскольку настало время дневного сна. Слушая ее игру и глядя, как маленькие ловкие пальцы танцуют по струнам, Арриго был потрясен не только ее не по возрасту великолепной игрой, но и некой неуместностью таланта, отличного от вышивания или аранжировки цветов, проявившегося у дочери дворянина. Клеменсия — настоящий талант, а ее родители долго не могли договориться, разрешить ли ей заниматься музыкой, не станут ли сплетники судачить о девочке благородного происхождения, которая-де хочет поскорее выйти замуж. Арриго вдруг задумался, а что бы стало с ним самим, будь у него способности к музыке, литературе или даже к живописи, как у Грихальва, — и искренне возблагодарил Пресвятую Мать за то, что у него их не было. Он даже не мог себе представить, каково это — всей душой стремиться делать одно и всю жизнь быть вынужденным заниматься совсем другим. Арриго и так угнетало, что ему не разрешалось заниматься тем, для чего он был рожден и в чем мог бы проявить свои способности.

После концерта все разбрелись маленькими группами и занялись болтовней. Арриго, как вежливый хозяин, переходил от одной группы к другой, собирая последние сплетни. Этим должна была заниматься Мечелла, предоставив ему возможность разговаривать с мужчинами о политике.

Наконец он добрался до столика с напитками, слуга подлил ему в стакан вина. Сзади раздался голос Тасии:

— Бедное дитя, сейчас в этой борьбе побеждает ее отец. Но мы с Лиссиной обе сражаемся на стороне Клеменсии.

— Играет она очаровательно, — ответила графиня до'Нахерра. — Но ее долг — выйти замуж. Когда у нее под ногами будет путаться несколько детей, она забудет о своей музыке.

— Как вы можете так думать! — воскликнула Тасия. — Если она бросит музыку, это разобьет ей сердце! Одно дело, когда ты сам стремишься выполнить то, для чего рожден, и совсем другое — когда тебя заставляют силой.

— Ерунда! — отрезала собеседница. — Ей всего восемь лет. Откуда она может знать, чего ей хочется? И почему это она может иметь выбор, если мы все лишены такого удовольствия? Кроме тебя, Тасия, — добавила она. — Или ты тоже только исполняла свой долг?

У Арриго перехватило дыхание. Неужели Тасия должна терпеть подобные выходки с тех самых пор, как они расстались? Он повернулся, стараясь выглядеть спокойным. Сандара до'Нахерра так разволновалась, увидев его, что чуть не выронила свою тарелку, полную сладостей. Он старательно сосчитал про себя до трех, чтобы дать ей возможность оценить допущенный промах, затем приветливо сказал:

— А вот и та дама, которую я разыскиваю! Сандара, моя мать будет счастлива, если вы войдете в ее больничный комитет. Она планирует пристроить к госпиталю новое детское крыло, а ни у кого нет такого опыта в обращении с детьми, как у вас. Сколько маленьких братьев вы вырастили?

— Семерых, после того как умерла моя мать, ваша светлость, да еще своих собственных шестерых сыновей и троих дочерей.

— И по-моему, ожидаете еще одного?

Он взглянул на ее талию, туго затянутую в корсет. Она покраснела и отставила тарелку.

— Эйха, я, похоже, ошибся. Слышал что-то, но слухи так часто бывают ложными, правда? Могу я передать матери, что вы окажете ей услугу?

Жесткая, как китовый ус в ее корсете, она ответила:

— Почту за честь, дон Арриго. Исполнение этих обязанностей доставит мне огромное удовольствие.

— Как приятно слышать, — промурлыкала Тасия, — что вам удается сочетать одно с другим.

Арриго ничем не проявил своего восторга, но Тасия достаточно долго была с ним, и когда она подмигнула ему, он с большим трудом сохранил серьезное выражение лица. Графиня до'Нахерра поняла, что ее партия проиграна, откланялась и оставила бывших любовников вдвоем.

— Ты поступил очень гадко, — заметила Тасия.

— Она заслужила это, глупая корова. И часто такие вещи случаются?

— Не так часто, как мне бы хотелось. Мне даже нравится отражать их выпады. Но обладай хоть кто-нибудь из них остроумием, было бы гораздо веселее.

Она улыбнулась ему и собралась уходить.

— Подожди. Мы так давно с тобой не разговаривали.

— А прилично ли будет выглядеть наша болтовня? Ох, ну не хмурься ты так. Я только хотела сказать, что слухи о нашем разговоре не преминут дойти до доньи Мечеллы, а она может не поверить, что между нами ничего нет.

— Между нами было много чего. Именно поэтому половина присутствующих здесь дам, будь у них такая возможность, побежали бы к Мечелле рассказывать о том, что здесь увидели.

— Я слышала, она опять плохо себя чувствует. Надеюсь, это скоро пройдет. Мне жаль, если она опять пропустит осенне-зимний сезон.

— Я передам ей твои любезные пожелания.

— Ну вот, ты опять хмуришься. Я лучше пойду, пока люди не подумали, что твое ужасное поведение означает что-нибудь такое, чего и в помине нет.

— Почему я не могу поболтать со старым другом?

Она тихонько рассмеялась.

— Пусть будет «друг», но я не хочу быть «старой»!

— Ты никогда и не будешь старой.

Он пригубил вино.

— Ты говорила, что встала на защиту маленькой Клеменсии против матримониальных планов ее отца?

— Конечно. Ты же сам слышал, ребенок очень талантлив. Почему она должна спешить выйти замуж, если ей не хочется?

Он пожал плечами.

— Ей всего восемь лет. Откуда она может знать, чего ей хочется?

— Ты согласен с Сандарой? — Тасия удивленно приподняла брови. — Эйха, наверное, до'Веррада с молоком матери впитывают правило, что долг превыше всего.

— А вы, Грихальва? — Он понизил голос. — Может, Сандара была права насчет тебя?

Она опустила ресницы.

— Ты же сам понимаешь, что она не права. Ты знаешь это! Теперь пусти меня, пожалуйста, я пойду.

Тасия подошла к своему стулу и взяла шаль. Быть может, чуть торопливо — он понимал, что все сейчас на них смотрят. Но уже через минуту, стоя у окна с очередной группой гостей, она была само обаяние, расточала улыбки направо и налево. Таков был теперь ее долг — долг графини до'Альва.

А как насчет удовольствия?

Любит ли она Карло? Странно, но он никогда раньше не задавал себе этого вопроса. Почти год прошел с тех пор, как она вышла замуж, но его это просто не интересовало. Ему и в голову не приходило, как могут относиться люди к его оставленной любовнице. Конечно, с любовницей его отца ничего подобного не случалось. Но Мечелла не поддержала Тасию, как Гизелла — Лиссину. Тут она не права. И сам он тоже виноват: так увлекся своей

новой ролью любящего мужа и отца, что даже не поинтересовался, счастлива ли женщина, которую он когда-то любил.

Он допил вино и протянул стакан за новой порцией, кляня себя за черствость и бессердечие. Он должен помочь ей, сделать все возможное, чтобы все относились к ней, как к Лиссине, с таким же уважением и восхищением.

А для этого потребуется помощь Мечеллы.

Вечером, когда Мечелла вяло ковыряла обед, поданный ей на подносе в постель, Арриго рассказал о затруднительном положении графини до'Альва, о своем желании помочь и о том, что должна сделать Мечелла. Затем он откинулся на спинку стула, уверенный, что жена немедленно согласится.

— Нет! — воскликнула Мечелла. — Я не буду! Как ты можешь просить меня об этом, Арриго?

— Все, что от тебя требуется, — объяснил он терпеливо, — это последовать примеру моей матери. Тасии нелегко...

— Не смей произносить при мне ее имя!

Она повыше приподнялась на огромной горе белоснежных подушек.

— И не проси меня ее жалеть!

Мысль, что кто-нибудь может жалеть Тасию, поразила его даже сильнее, чем гнев Мечеллы. Он не знал, что ответить.

— Эта женщина двенадцать лет была твоей любовницей! Как ты мог подумать, что я в состоянии находиться с ней в одной комнате, не говоря уж...

— Моя мать...

— Я не твоя мать! Я твоя жена! Что, если бы это у меня был любовник и я хотела, чтобы вы с ним стали друзьями?

Он рассмеялся.

— Ты говоришь глупости. У женщин не бывает любовников.

— А у женщин Грихальва? Да в твоей собственной семье — Бенедетта, или как ее там, Кабрал рассказывал мне о ней, когда мы изучали ее портрет.

— Бенекитта, и она не имеет никакого отношения к делу.

Мечелла вела себя неразумно, он скрипнул зубами и попробовал снова, возвращаясь к своему лучшему аргументу.

— Моей матери совсем не было трудно хорошо относиться к Лиссине.

— Знаешь, что сказала мне твоя мать в тот самый день, когда мы сюда приехали? Она сказала, что эта женщина — не Лиссина!

Он поднялся и свирепо посмотрел на нее сверху вниз.

— У нее есть имя. Тасия до'Альва. И я советую тебе выучить его, потому что с этого дня вы будете часто встречаться.

Мечелла заплакала.

— Арриго, пожалуйста, прошу тебя, не настаивай на этом хотя бы теперь, когда я ношу под сердцем твоего сына...

— Ты и в прошлый раз говорила, что будет сын, а что получилось?

Она задохнулась, и он понял, что зашел слишком далеко. Он наклонился, взял ее руку и поцеловал.

— Я наговорил лишнего, милая. Я обожаю Терессу. И тебя. Поэтому-то все остальное так нелепо. Чем Тасия может быть тебе опасна?

— Твоя мать тоже так говорит, — всхлипнула она. — О Арриго, давай больше не будем об этом спорить. Я не могу этого вынести, у меня все нервы напряжены.

— Извини, дорогая.

Он погладил ее распущенные золотые волосы. Вскоре она успокоилась и вытерла слезы кулачком, как маленький ребенок.

— Тогда ты... ты отошлешь ее?

— Что?!

Арриго отшатнулся, как будто она ударила его.

— Я не хочу, чтобы она была здесь. По крайней мере сейчас, когда я такая страшная. Пожалуйста, отошли ее отсюда, Арриго, я тебя больше никогда ни о чем не попрошу, клянусь тебе.

— Отослать ее теперь, — холодно заявил он, — значит публично признать, что я все еще испытываю к ней чувства, которые могут угрожать тебе. Ты об этом подумала? Ты хоть когда-нибудь думаешь о ком-нибудь, кроме себя?

Она закрыла лицо руками и горько зарыдала. Но он уже ушел.

42

Первая осенняя буря была для Галиерры Веррада настоящим бедствием. Ветер расколол черепицу на крыше и забил осколками водосточный желоб, обнажив толевое покрытие, которое тут же отошло и порвалось. Когда начались дожди, дерево и штукатурка размокли от воды, выливавшейся из засоренного водостока. Капли превратились в струйку, струйка в ручеек. К полудню поток хлынул на чердак, о существовании которого все забыли.

Когда потоп был обнаружен, рабочие, рискуя жизнью, бросились латать крышу, менять черепицу и чистить водосток под струями хлещущего дождя. Слуги с бешеной скоростью вытирали тряпками воду, стекавшую по чердачной лестнице прямо в кладовку, где хранились менее значимые произведения искусства. Другие слуги спешили вынести картины из опасной зоны в помещение Галиерры. Сам Великий герцог Коссимио, напуганный возможным уроном, который могло понести семейное достояние, схватил лом и открывал ящики с картинами. Все Грихальва незамедлительно явились на зов. Первым прибежал Верховный иллюстратор Меквель. Когда он увидел, как пострадало прекрасное полотно Иверина Грихальвы «Обручение Клеменсо I и Луизы до'Кастейа», его глаза наполнились слезами.

К счастью, это было единственной крупной потерей. Все остальные повреждения свелись к покоробленным ра-

мам и нескольким грязным пятнам. Все это легко можно было исправить. Главной опасностью оставалась плесень, но она была извечным врагом во влажном климате Мейа-Суэрты, и Грихальва знали, как с ней бороться. Они принесли множество мольбертов и расставили наиболее промокшие картины сушиться прямо в Галиерре. Остальные прислонили к стенам, пока для них не будут сколочены новые ящики.

Таким образом Мечелла получила возможность изучать всю коллекцию картин до'Веррада. Во время спасательных работ Кабрал трудился в Галиерре, и она часто обращалась к нему по поводу какой-нибудь картины, из тех, что не выставлялись на памяти уже нескольких поколений. Здесь можно было теперь увидеть «Рождение» или «Венчание» некоего родственника до'Веррада, «Запись» на некую собственность Великих герцогов, многочисленные «Завещания», пейзажи, иконы, портреты Верховных иллюстраторов — словом, все что только возможно, и Мечелла могла изучать хронику в свое удовольствие.

— Это, конечно же, только копия, — сообщил Кабрал, когда они разглядывали «Верховного иллюстратора Тимиуса Грихальву». — Оригинал находится в нашей Галиерре вместе с другими портретами Верховных иллюстраторов. И если вы хотите сказать, что все они похожи, — эйха, вы правы! Все мы, Грихальва, рождены от кровосмешения. И в наши дни редкость, чтобы кто-нибудь родился с серыми или светло-карими глазами, светлой кожей или не таким огромным носом, как у всех остальных.

Он уныло потрогал свой нос.

— Я один из этих немногих — разве это нос!

— У тебя и глаза зеленоватые! По крайней мере, — поддразнила она его, — по этим признакам тебя можно отличить от твоих многочисленных кузенов. А как должны выглядеть настоящие Грихальва?

— Как Меквель, — сразу ответил он. — Чуть выше среднего роста, черные волосы, темно-карие глаза с длинными ресницами, темная кожа, которая никогда не обгорает...

— Мне остается только завидовать этому. Я собрала уже немыслимую коллекцию шляп!

— Кожа Грихальва и золотые волосы? Нет, ваша светлость, лучше всего вам выглядеть как есть.

— Эйха, я рада, что Тересса не темнеет — по крайней мере я больше не буду единственной блондинкой в Палассо! Что это там за картины?

Он боком протиснулся за вазой с розами — в Галиерре было полно народу — и наклонился над прислоненными к стене картинами.

— Ага, узнаю. Совсем ранние работы Грихальва. Вот это — «Рождение Ренайо», брата герцога Хоао, умершего в возрасте четырех лет. Видите, тут нет окаймляющих рун? Никто не писал руны в то время, Верховный иллюстратор Сарио ввел их лет на пятьдесят позже.

— Он многое изменил в живописи Грихальва, правда?

Кабрал улыбнулся ей через плечо.

— Я вижу, вашей светлости вовсе не надо записывать мои бесконечные лекции!

— Это вызов? — Она рассматривала картину, старательно применяя новые знания о различиях в стиле и композиции. — Примитивно, да? Но мне казалось, «Рождение» того периода обязательно включало образ матери, почему же Эльсева до'Эллеон... — Она оборвала себя, раздраженно тряхнув головой. — Ну конечно! Ренайо был мальчиком, и рисовать его вместе с матерью считалось бы ересью.

Кабрал кивнул.

— Сцены с Матерью и Сыном возможны только на иконах. Поэтому маленький Ренайо на портрете один. Но... погодите, где же я ее видел? — Он перебрал картины и вытащил маленький портрет женщины в голубом с новорожденной голенькой девочкой на руках.

— Сестра Хоао и ее дочь, — объявил он.

Мечелла задумалась, припоминая семейную генеалогию.

— Катерин и... Аланна?

— Алиенна, — поправил он. — Но все равно очень хорошо, ваша светлость. Никто нынче не помнит Катерин.

— Если бы не портрет, можно считать, что ее и не было. Это грустно, Кабрал. Очень грустно.

— Ничуть, ваша светлость. Благодаря портрету она будет жить вечно.

— Заточенная в картине, как все мы будем когда-нибудь. — Мечелла с печальной улыбкой пожала плечами. Она перешла от кучи полотен, которые они рассматривали, к одинокой картине, повернутой изображением к стене. — А это что? Она не повреждена, но стоит отдельно, как будто хранитель еще должен с ней поработать. Помоги мне повернуть ее.

Вместе они с трудом сдвинули тяжелый портрет (он был написан на дереве и заключен в огромную раму) и прислонили к ближайшей вазе. Мечелла мысленно перебрала все известные ей характеристики — руны, цвета, поза и расположение фигуры, символические цветы и травы, одежда и так далее и так далее, — но этот портрет не был похож ни на один из виденных ею ранее.

Вдоль всего края шли золотые руны. Черные тени слева от каждого символа придавали им глубину. Композиция была сложная и довольно странная: по краю изображенного на портрете стола шли затейливые узоры и еще руны, плохо различимые под золотой бахромой свисающей зеленой скатерти. Перед женщиной стояло зеркало на подставке, за ее правым плечом висела какая-то картина, драпировка прикрывала угол, но всякий, кто смотрел на портрет, видел только изображенную на нем женщину.

У нее были темные волосы и серые глаза, прекрасные, как у большинства женщин Грихальва. Она решительно на-

клонилась над столом, казалось, еще движутся жемчужины на ее лифе. Длинная изящная рука лежала рядом с огромной книгой, второй она потянулась к небольшой лампе, как будто хотела поправить огонь. Украшенный драгоценными каменьями кожаный переплет книги угадывался лишь по золотому мерцанию, поскольку книга была открыта, чтобы женщина могла читать ее.

Слева от женщины находилась внушительная, окованная железом дверь, но она была не заперта и засовы не задвинуты. Позади виднелись сводчатые, глубоко утопленные в стене окна. Ставни на них были раскрыты, пропуская свет чудесного весеннего утра. У одного окна стояла толстая свеча, высотой около шести дюймов. Свечу явно только что задули, тонкий дымок поднимался вверх от почерневшего фитиля. Тонкая, изящная, не виданная досель работа. Но, разглядывая картину, Мечелла поняла также, что в ней отсутствует общая композиция, заданная цветом, формой, углами или линиями. Поза женщины не привлекала взор к остальным книгам, лежащим на столе, розовый свет зари не отражался в запотевшем серебряном кувшине, тени от фонаря падали на платье цвета пепельной розы и на бледные щеки женщины, но не дотягивались до глиняной вазы с фруктами. Кабрал учил Мечеллу внутренней геометрии картин, но здесь она не наблюдала ничего подобного.

Традиционно проанализировать эту картину оказалось практически невозможно. Все внимание сосредоточивалось на лице, не отвлекаясь на что-нибудь еще. Голова женщины была поднята, как будто что-то заставило ее оторваться от фолианта, линия губ решительна и дерзка, темные кудри растрепаны, словно она только что запускала в них пальцы, перед тем как потянуться к лампе. А глаза! Таких глаз, необычайно выразительных, умных и трагических, Мечелле не приходилось видеть никогда — ни на портрете, ни в жизни.

И еще она услышала, как Кабрал задохнулся от изумления.

— Матра Дольча! Это же Сааведра!

— Кто?

Кабрал уставился на картину, темные глаза распахнулись, смуглая кожа казалась серой. Когда Мечелла тронула его за руку, он явственно вздрогнул.

— Ох, простите меня, ваша светлость, я просто... Это она! Не могу поверить. Никто не видел этой вещи вот уже лет сто!

— Но кто она? — повторила Мечелла, пораженная тем, что картина может привести человека в такое смятение.

— Сааведра, — произнес он с благоговением. — Шедевр Сарио Грихальвы.

Работа одного из величайших Верховных иллюстраторов, и никто не видел ее столетие?

— Почему она не выставлена в Галиерре?

Потрясенный, Кабрал шагнул назад, будто от портрета исходил яркий свет, обжигавший глаза.

— Я... я не знаю.

Он был честным человеком, с открытым сердцем, но теперь было видно, что он лжет.

— Конечно, ты знаешь, Кабрал, — с упреком сказала Мечелла. — У этой картины должна быть история. У остальных же есть.

— Может быть, вы устали, ваша светлость? Мы здесь уже давно и...

— Моя светлость чувствует себя превосходно, Кабрал. С этим ребенком я мучаюсь по вечерам, а не утром. И в следующий раз, когда захочешь отвлечь меня, не будь таким неуклюжим. Расскажи мне историю Сааведры — у нее красивое имя.

Он вздохнул, признавая свое поражение.

— Она была Грихальва, близкая родственница Сарио. Легенда утверждает, что она была так же талантлива, как он, талантливее почти любого мужчины, рожденного с тех пор в нашей семье.

— Звучит немного скандально, — улыбнулась Мечелла. — Женщина — иллюстратор! Что с ней случилось?

Кабрал сглотнул, не отрывая взгляд от картины.

— Сааведра полюбила того, кого ей не следовало любить, и, чтобы не видеть, как ее любовник женится на другой, она исчезла из Мейа-Суэрты — даже из Тайра-Вирте. Он искал ее, но не обнаружил никаких следов. Сарио написал этот портрет, чтобы ее любовник мог смотреть на него и вспоминать.

Довольно грустная история, но непохоже, чтобы именно это так поразило Кабрала. Мечелла снова внимательно всмотрелась в лицо Сааведры. Что-то неуловимое в серых глазах откликнулось в ее душе, разбудив схожее чувство. Фамильные черты Грихальва в лице Сааведры не имели к этому никакого отношения. Мечелла почувствовала, как ее брови поползли вверх от изумления. У нее не было ничего общего с прекрасными трагическими глазами той женщины...

— Чиева до'Орро, вы нашли ее!

К ним подбежал, хромая, Верховный иллюстратор Меквель, опираясь на трость с золотым набалдашником, подаренную ему Коссимио по случаю болезни.

— Я искал ее все эти четыре дня!

— Рада видеть вас в добром здравии, — улыбнулась ему Мечелла.

— Ничто не может придать новую силу старым костям, ваша светлость, — с поклоном ответил он. — Кабрал, я должен тебя похитить. Попроси кого-нибудь помочь тебе отнести «Первую Любовницу» наверх и упаковать.

— Первую?..

Мечелла почувствовала подступающий спазм, но это не имело никакого отношения к беременности. Ее взгляд метнулся к Кабралу. Он смотрел в сторону. Неудивительно, ведь покинутым любовником Сааведры был герцог Алехандро до'Веррада!

Глупо было с ее стороны не подумать об этом. Здесь, в Палассо, пусть даже в кладовке, не могло быть картин, не имеющих отношения к до'Веррада. Внезапно история из печальной

превратилась в оскорбительную, напоминая о той, другой женщине Грихальва, которая сейчас называет себя графиней.

С нарочитой небрежностью Мечелла обернулась к Верховному иллюстратору.

— А почему она покинула Алехандро?

— Никто не знает. — Меквель сложил руки на набалдашнике трости, его длинные пальцы были еще сильными и гибкими в отличие от ног и спины, разъедаемых болезнью. — Одни говорят, будто ее изгнали советники Алехандро, другие — что она исчезла по собственной воле, третьи даже предполагают, что ее убили. — Он бросил на «Первую Любовницу» задумчивый взгляд из-под темных ресниц. — Много разного говорят, но никто не знает правды.

Мечелла почувствовала невольную жалость. Это рассердило ее, как будто она пожалела ту, другую любовницу, не заслуживавшую ничего, кроме презрения. И вдруг Мечелла поняла, почему инстинктивно она испытывала к Сааведре сострадание и дружеские чувства. Не успев подумать, стоит ли делиться с кем-нибудь этим открытием, она услышала свой собственный голос:

— Заметил ли хоть кто-нибудь, что она беременна?

Двое мужчин затаили дыхание. Меквель принялся внимательно изучать картину, бормоча что-то себе под нос, тем же занимался и Кабрал. Мечелла наблюдала за ними, не объясняя, почему пришла к такому выводу. Это было очень просто: именно поэтому лицо Сааведры и казалось ей знакомым. Дело не в форме рта, носа, не в цвете волос или какой-нибудь другой характерной для всех Грихальва черточке. Несмотря на непокорную складку рта, проницательность и горечь ясных серых глаз, на ее лице было то самое необъяснимое выражение, которое Мечелла в последнее время так часто видела в зеркале.

— Я думаю, ей пришлось уехать, потому что она была беременна от Алехандро, — сказала Мечелла. — Появление бастардов нигде никогда не приветствовалось. И, кроме того, Грихальва в то время — как ты говорил, Кабрал?

— Укрепляли свои позиции при дворе, — пробормотал Кабрал, косясь на Верховного иллюстратора.

Меквель пожал плечами — в конце концов, это была правда.

— Таким образом, — продолжала Мечелла, — из-за этого ребенка она представляла опасность не только для до'Веррада, но и для своей семьи. Возможно, она скрылась сама, или ее увезли силой, могли даже действительно убить.

— Это многое объясняет, — задумчиво промолвил Верховный иллюстратор. — В легенде говорится, что она и Алехандро любили друг друга так сильно, что он готов был жениться на ней, если б это представлялось возможным. А в случае ее беременности женитьба была бы благородным поступком с его стороны... — Внезапно он нагнулся к самой раме, изучая написанные там руны. — Кабрал, посмотри на эту последовательность. Видел ты раньше что-нибудь подобное?

Одеревенев, как дубовая панель, на которой была написана картина, Кабрал ответил:

— Это оскурра, Верховный иллюстратор, а я мало что знаю о ней.

— Да-да, правильно. Ты же не... Эйха, достаточно, — поспешно сказал Меквель и поморщился от боли, выпрямляясь. — Я должен все это изучить до того, как ее уберут. Отнеси картину наверх, в мой кабинет, Кабрал.

— И накрой ее чем-нибудь, — внезапно добавила Мечелла.

Меквель взглянул на нее с любопытством, переходящим в восхищенное одобрение.

— У нее поразительные глаза, правда? Мне бы не хотелось войти как-нибудь к себе, испугаться и упасть из-за ее неистового взгляда. Сарио был гений, спору нет, но эта картина, она... необычная.

Мечелла не имела в виду ничего подобного, она просто не хотела, чтобы кто-нибудь еще увидел «Первую Любовницу» и вспомнил то, что ей хотелось бы забыть. Слушая, как иллюстраторы предполагают унести портрет, она подумала, что было бы хорошо так же просто разделаться с той женщиной из рода Грихальва, которая пошла по стопам Сааведры.

Через несколько недель прибыла сестра Арриго с тремя детьми, повергнув весь Палассо в волнение. Мечелла видела Лиссию первый раз в жизни, и ее тошнило не столько от беременности, сколько от смущения. Коссимио и Гизелла обожали единственную дочь, Арриго считал сестру, которая была старше его на целых два года, чуть ли не божеством, а все придворные вышли ее встречать, несмотря на то что прибыла она ночью во время грозы. Когда остались только свои, а детей отослали спать, Мечелла отважилась на комплимент, сказав, как все были рады видеть гостью.

Лиссия расхохоталась и пинком отшвырнула туфли.

— Эйха, они пришли только потому, что не видели меня так долго. Им хотелось посмотреть, какой урон нанесла моей внешности дикая Кастейа!

Она отбросила с лица черную вуаль — знак вдовства — и положила ноги в шерстяных чулках на скамеечку у огня.

— Все думали, что ты будешь выглядеть лет на семьдесят, — ухмыльнулся Арриго, протягивая ей кружку подогретого вина с пряностями, — а тебе, умница ты наша, больше пятидесяти не дашь!

Лиссия показала ему язык. Он угрожающе поднял кружку, будто собирался вылить вино ей за шиворот. Гизелла резко хлопнула в ладоши, по привычке пытаясь их разнять, и рассмеялась.

— Эйха, Челла, видишь, что мне приходилось терпеть, когда они были детьми!

— Они и есть дети, — сказал Великий герцог, изображая неудовольствие. — Не старше десяти лет, обоим.

Внезапно он нахмурился, его веселое настроение куда-то испарилось, даже усы обвисли.

— Ты уверена, что счастлива в своей Кастейе, дочка? Это так далеко от двора!

— О, это нынче вполне цивилизованное место, папа! Мне даже не нужно больше самой сворачивать шеи цыплятам. Просто поразительно, что могут сделать наследство и талант до'Веррада с пришедшим в упадок величием. — Она отхлебнула вина и вздохнула, пошевелив пальцами ног. — И все же хорошо вновь оказаться дома.

Лиссия вышла замуж за Ормальдо до'Кастейа в девятнадцать лет, и этот брак по расчету стал браком по любви. Она сказала както Арриго, что, поскольку во всей Кастейе не было больше ни одного интересного мужчины, ей пришлось от скуки влюбиться в своего собственного мужа. Пересказывая это Мечелле, Арриго, скривившись, добавил, что сестра его не только удивительно легко влюбилась в Ормальдо, она не знала скуки с того самого дня, как граф увез ее в свои развалины, которые почему-то называл замком.

Лиссия никогда не любила балы и вечеринки. Она, конечно, помогала матери в благотворительной работе, но, когда вышла за Ормальдо, поняла, для чего рождена на этот свет: чтобы командовать армией, отвоевывающей Кастейю у разорения и разрухи.

От этого брака родилось трое детей — Гризелла, Малдонно и Риобира. А потом Ормальдо умер от изнурительной болезни в возрасте всего лишь сорока трех лет. Лиссия, которая была моложе мужа на одиннадцать лет, заперлась вместе с детьми в восстановленном замке и не выезжала оттуда все три года после его смерти. Но теперь Малдонно, граф Кастейский, стал уже достаточно взрослым для должности пажа при дворе своего дедушки. Вот почему они приехали в Мейа-Суэрту.

На следующий день, ранним утром, Лиссия привела своих детей — все еще в ночных рубашках — посмотреть на маленькую кузину. Они старательно изображали восхищение, затем с гораздо большим энтузиазмом принялись играть в детской.

— А теперь, когда мы избавились от детей, — сказала Лиссия, присаживаясь на край кровати, — можно наконец спокойно поболтать. Я так рада, что наконец увидела тебя, каррида! Ты точно такая, какой я представляла тебя по письмам Арриго.

— А ты такая, как все о тебе рассказывают.

Мечелла силилась улыбнуться. Ее трясло от усталости, после того как они вчера засиделись допоздна, а поскольку приближался праздник Иллюминарес, она понимала, что ей необходимо отдохнуть как можно лучше.

— Единственное, чему стоит верить, — подмигнула ей Лиссия, — так это то, что я в самом деле коротышка, а терпение у меня и того короче! Вы, длинноногие создания, не понимаете, что это значит — всю жизнь смотреть вверх. У меня постоянно болит шея. Есть только одна причина, по которой я не покрылась с ног до головы синяками от постоянных падений: я произвожу столько шума, что люди поневоле вынуждены замечать меня. А теперь расскажи мне последние сплетни.

Мечелла знала, что все сейчас могут говорить только об одном: о Тасии Грихальва. Арриго ни разу за последние несколько недель не упомянул о ней, никто из придворных не рискнул бы произнести ее имя в присутствии Мечеллы, но так просто ее не обмануть. Женщина все еще находилась при дворе, хотя, по обоюдному молчаливому соглашению между ней и Арриго, если графиня до'Альва присутствовала на каком-нибудь мероприятии, то там не было Мечеллы. На приемах Арриго находился либо в обществе жены, либо в компании бывшей любовницы, но никогда — обеих вместе.

— Эйха, какая ты хмурая! — воскликнула Лиссия, и Мечелла вздрогнула. Маленькая графиня схватила яблоко с подноса, на котором лежал завтрак золовки, и, с хрустом жуя, продолжала: — У меня, как и у всех, есть свои источники информации, но никто не знает все входы и выходы так хорошо, как это нужно до'Веррада. Надеюсь, у тебя уже есть собственная система сбора сведений?

Мечелла покачала головой.

Лиссия была шокирована.

— Но ты должна завести ее! И быстро! Как иначе ты сможешь узнать, что на самом деле происходит? Я поделюсь с тобой своими источниками, пока ты не найдешь своих собственных.

— Я лучше не буду, — холодно сказала Мечелла. — Я не интересуюсь сплетнями, к тому же все это похоже...

— ...на шпионаж? Ты не станешь настоящей Великой герцогиней, пока не будешь достоверно знать, что происходит вокруг. У моей матери, конечно же, есть Лиссина...

Она остановилась, пристально взглянула на Мечеллу, проглотила остаток яблока и отбросила назад свои густые черные волосы.

— Значит, так...

— Прошу прощения?

— Грихальва. Эйха, только не надо строить из себя чопорную, церемонную гхийаску! Мы здесь не стыдимся своих манер, я всегда говорила то, что думаю, и не собираюсь менять привычки — в таком-то возрасте. Можешь считать меня грубой и циничной, если хочешь, но мы с тобой сейчас будем говорить о том, о чем, по словам матери, вы с ней уже давно не говорите, а именно о Тасии.

Год назад Мечелла смиренно промолчала бы. Теперь она смерила Лиссию ледяным взглядом.

— Я нахожу это утомительной темой для беседы.

— Эйха, заметно. Наверное, поэтому при одном только упоминании ее имени у тебя глаза застывают, как два кусочка льда. Я скажу тебе то, чего мама, по-видимому, не говорила. Арриго было всего восемнадцать, когда Тасия начала за ним охотиться. Через год она заполучила его. Мужчины в таком возрасте еще дети, а...

— Мне совершенно неинтересно, что...

— А ребенок — легкая добыча для умной женщины, — безжалостно продолжала Лиссия. — Тасия заставила его поверить, что он без нее жить не может. А теперь он знает, что может, и даже очень счастливо, так что она для тебя не опасна. Но ты

должна кое-что понять, Мечелла. Отец не позволяет Арриго заниматься государственными делами. Он слишком любит сам быть Великим герцогом, чтобы с кем-нибудь делиться этим удовольствием, пусть даже с собственным наследником. Надеюсь, когда Малдонно дорастет до того, чтобы принять власть над Кастейей, я сумею с ним поделиться! Но дело-то в том, что Тасия знала это и умело использовала. Она заставляла Арриго чувствовать себя нужным, значительным, даже обычная приветственная речь в его исполнении становилась вдруг делом государственной важности. И, кроме того, она была очень красива и опытна в постели, а это на молоденьких мальчиков всегда производит впечатление. Она дала ему почувствовать, что он потрясающий человек и самый удивительный любовник во всей Тайра-Вирте.

— И ты хочешь сказать, — воскликнула Мечелла, — что мне незачем бояться такой женщины?

— Я хочу сказать, что мой брат любит тебя намного сильнее, чем когда-нибудь любил Тасию. Это видно по его письмам.

— Что будет брат писать сестре о своей любовнице?

— Арриго всегда мне все рассказывал.

— Тогда скажи, как я могу заставить эту женщину уехать? Я умоляла его отослать ее, а он...

— Это все равно что просить его изгнать свою юность. Ни один человек не захочет это сделать. И, я думаю, любой мужчина будет польщен, услышав, как его молодая, очаровательная жена беспокоится из-за женщины, которую он разлюбил.

— Но зачем ему это слушать?

— Потому что таковы все мужчины, — пожав плечами, ответила Лиссия.

Мечелла раскромсала кусочек хлеба со своей тарелки.

— Мне ненавистна даже мысль о том, что она здесь. Из-за одного этого я уже чувствую себя больной. Но Арриго не отошлет ее и не перестанет приглашать ее сюда, так что же я могу сделать?

Графиня вздохнула.

— Есть несколько способов. Во-первых, ты можешь принять Тасию. Не так, конечно, как моя мать. Тасия...

— ...не Лиссина, мне это уже говорили, — нетерпеливо прервала ее Мечелла. — Я не могу притворяться, что люблю ее, у меня это просто не получится.

— Ты можешь заставить Арриго поклясться, что он не будет видеться с ней наедине, и потом верить ему, что бы ни случилось.

— И я... и мне придется верить ему? — прошептала Мечелла.

— Или умереть от ревности. — В голосе Лиссии появились угрюмые нотки. — Но есть и еще один вариант. Закрой на все глаза и займись собственной жизнью. И властью.

— Что ты имеешь в виду?

— Тасия ни за что не выпустит свою добычу. Никогда я ее особенно не любила, хоть и не говорила об этом Арриго. Судя по тому, что я слышала, а ты услышишь то же самое, если

приложишь усилия, она лишь выжидает, перед тем как снова начать охоту. И муж ей тут не помеха. Карло интересует только власть, поэтому он на ней и женился.

— Ты хочешь сказать, — вытаращила глаза Мечелла, — что если она и Арриго... то граф до'Альва не...

— Невинное дитя! — вздохнула Лиссия. — У большинства женщин здесь, при дворе, есть любовники. И если женой до'Альва станет женщина, чей любовник — сам будущий Великий герцог, это лишь укрепит позиции графа.

— Это же подло!

— Это жизнь, — снова пожала хрупкими плечами Лиссия. — Что бы ты ни решила, советую окружить себя преданными и полезными людьми, и начни искать их немедленно. Ты должна стать сильной. Мне пришлось это сделать в свое время, когда Ормальдо заболел, иначе его кузены отняли бы титул у моего сына и разрушили все, чего мы достигли, возрождая к жизни Кастейю.

— Стать сильной? Но как?

— Разве ты не видишь, что кое в чем уже достигла этого? Люди преклоняются перед тобой. Нельзя недооценивать... Каррида, тебе нехорошо?

Мечелла уронила поднос с завтраком и едва успела добежать до раковины.

Когда она вернулась, комната была уже прибрана и Лиссия ушла. Горничная дожидалась ее, чтобы помочь переодеться в чистое платье. Мечелла проклинала свою беспомощность и завидовала решимости Верховного иллюстратора, который работал, несмотря на свои недуги. Но все его страдания сводились к физической боли, а это ни в какое сравнение не идет с тяготами беременности.

Ей стало стыдно за себя, за свое пренебрежительное отношение к страданиям другого человека. И, вспомнив слова Лиссии о том, как эта Грихальва заполучила Арриго, она поняла, что ей понадобится превзойти мужество Меквеля, иначе она потеряет мужа. Это она должна убеждать Арриго, что он очень важная фигура в Тайра-Вирте, она должна говорить ему, какой он замечательный любовник, надо, чтобы она была необходима ему как воздух.

Но все несчастье в том, что это *она* не может без него жить.

Ее горничная стояла рядом и заметно нервничала.

— В чем дело, Отонна?

— Ваша светлость прикажет передать в Палассо Грихальва, что сегодняшний урок отменяется?

Кабрал. Она совсем забыла про Кабрала. «У моей матери, конечно же, есть Лиссина...» Кабрал может стать первым. Но ей надо взять себя в руки.

— Нет, мне уже гораздо лучше, я оденусь. — Она остановилась и взглянула на горничную другими глазами. — У тебя есть братья или сестры, Отонна? Я хочу сказать, служат ли они в Палассо, как ты?

Отонна ответила на этот вопрос без малейшего замешательства, более того, судя по блеску ее глаз, она уже давно ждала его.

— У меня есть три родных сестры, ваша светлость. Примаварра — старшая горничная Великой герцогини. Иберрия убирает личные апартаменты Великого герцога. Варра исполняет те же обязанности в кабинетах четырех советников, здесь, в Палассо.

Весна, Зима, Лето, а у нее вот — Осень. Все времена года и доступ во все важнейшие помещения. Когда-нибудь это ей даже покажется забавным.

— Ты слушала под дверью?

— Слушала, ваша светлость, и не скажу, чтобы стыдилась этого. — Служанка поджала полные губы и решительно вздернула пухлый подбородок. У нее было простое крестьянское лицо, широкое и умное. — Можете меня уволить, но я весь год ждала этого разговора. Примаварра, мы с ней близнецы, сказала мне, когда мы узнали, что та женщина вернулась: «Передай ее светлости — когда она позовет нас, мы будем готовы». Я всем своим сестрам рассказала, какая вы добрая и славная, такая невинная — ничего не знаете о мерзких уловках Грихальва.

Мечеяла была поражена, во-первых, потоком слов — никогда она не слышала, чтобы Отонна говорила так много, — и, во-вторых, их смыслом.

— Вы не доверяете Грихальва?

— Ни вот столечко.

Отонна сложила руки на груди, еле умещающейся в голубой лиф цвета Веррада

— Нехорошо это, нарочно отдавать мальчика женщине, которая гораздо старше его, а они всегда так поступают, чтобы им, иллюстраторам, побольше власти иметь. Вот был бы жив Алессо Благословенный, который отдал жизнь, освобождая нас от тза'абских язычников, уж он бы положил этому конец, будьте уверены! А все Сарио, гад ползучий, это он заставил до'Веррада поколение за поколением участвовать в такой непристойности, и Сааведру для этого использовал!

— То есть как использовал?

— А вот так! Нарочно отдал ее герцогу Алехандро, чтобы переманить его на сторону Грихальва против Серрано, — тогда ведь Сарио смог стать Верховным иллюстратором! А потом, когда она исчезла, он написал ее портрет, чтобы бедный Алехандро всегда видел перед собой ее лицо — лицо Грихальва. А когда вырос сын Алехандро, ему подсунули Грихальва в любовницы, чтобы подкрепить сделку, по которой они становились Верховными иллюстраторами один за другим, а Серрано вы теперь днем с огнем не сыщете!

— Понятно, — слабым голосом промолвила Мечелла.

— Санктос и санктас все правильно о них говорят, — продолжала Отонна. — Но даже они не смеют выступать против Грихальва, и это нехорошо, ваша светлость, когда молчат даже те, кто говорит с Пресвятой Матерью и Сыном. А что касается этой

Грихальва, то муж Варры, а он главный конюх дона Арриго, много раз ездил в Чассериайо и должен все знать о ней.

Мечелла кивнула, пораженная новым для нее взглядом на семью Грихальва.

— Ты никогда мне ничего подобного не говорила.

— Эйха, ваша светлость должны были сами чему-то научиться, так сказала мне Примаварра, и была, как всегда, права. Она самая шустрая из нас: родиться успела раньше меня, первой попала в Паласссо и добилась расположения самой Великой герцогини.

Мечелла заставила себя подняться с постели, вспоминая скованные болью движения Меквеля и завидуя его выдержке.

— А как насчет Кабрала Грихальва?

— Чтобы он был ушами вашей светлости в их Палассо?

Мечелла была просто потрясена тем, как быстро служанка угадывает ее мысли.

— Да, я об этом думала.

В каком ужасе была бы тетка Пермилла, узнай она, что племянница советуется со слугами. И как далеко она осталась со своим, таким неуместным сейчас, мнением.

— Эйха, есть Грихальва и Грихальва, разве не так? Вспомнить хотя бы сестер Лариссу и Маргатту, любимых подруг нашей незабвенной герцогини Хесминии. Баронесса Лиссина до'Дрегец, бывшая Лиссина Грихальва, тоже добрая госпожа, про нее ничего дурного не скажешь, только хорошее. Да и Меквель тоже неплохой человек, хоть он и из тех, странных.

— Странных?

— Я же говорю, есть Грихальва и Грихальва. Муж Иберрии, он у них поваром служит, я у него спросила, и он ответил, что Кабрал из нормальных. Не из тех иллюстраторов с косыми взглядами, которые и ребенка-то зачать не могут, а все рисуют какие-то магические знаки на картинах. И их женщины все рожают и рожают чуть ли не каждый год, надеются родить такого вот сына, прямо как лошадей люди разводят.

Мечелла уже больше года была женой Арриго, но она и не задумывалась, как екклезия или простые люди могут относиться к Грихальва. Иллюстраторы стали частью жизни Тайра-Вирте. Конечно же, стерильные иллюстраторы просто такими родились, тут нет их вины, а Меквель был одним из самых дорогих ей людей. Что до остальных художников, они работали для Тайра-Вирте, не для себя. Но она согласна была с тем, как Отонна оценивала женщин Грихальва, хотя участь знатной женщины была примерно такой же, когда речь заходила о детях. Прямой обязанностью самой Мечеллы тоже было родить сына. Это ставило ее на одну доску с Грихальва и их «племенным животноводством». И эта мысль ей очень не понравилась. Она ведь должна стать чем-то большим, разве не так?

— Но Кабрал на вашей стороне, — продолжала Отонна. — Вот увидите, ради вас он выступит против собственной семьи, если до этого дойдет. Откуда я это знаю? — Она улыбну-

лась. — Я знаю это с тех пор, как он написал копию «Венчания» вашей светлости, — и он влюблен в вас с тех самых пор.

Мечелла тяжело опустилась на кровать.

— Кабрал?!

— Эн верро, и кто угодно другой, не такой наивный, как ваша светлость, заметил бы это несколько месяцев назад. Но никогда не показывайте виду, что знаете. Эйха, колокола прозвонили, мне пора торопить ребят с водой для купания. Какое платье ваша светлость наденет сегодня, розовое или лиловое?

43

Четыре дня спустя Арриго со своей сестрой принимали гостей. Должны были прибыть двадцать два знатных дворянина с женами и детьми в возрасте от десяти до тринадцати лет. Планировалось кукольное представление и игры, хозяином официально считался юный Малдонно до'Кастейа. Это мероприятие было срочно организовано по приказу Коссимио, чтобы юные вельможи могли познакомиться с внуком Великого герцога. С кем-то из этих мальчиков Малдонно должен подружиться, одна из девочек, возможно, станет его женой. Надеялись, что Малдонно, выросший в ветхом провинциальном замке и непривычный как к шелкам придворных костюмов, так и к громким именам своих новых знакомых, почувствует, каково в действительности его положение в обществе. Особенно он нуждался в последнем, его просто нельзя было оставлять без присмотра в Паласссо, что доказал недавний инцидент с пони в Галиерре. Когда об этом услышал Меквель, он чуть не умер от смеха, а вот Коссимио отнюдь не был в восторге.

Лиссия, привыкшая к свободной манере поведения, чувствовала себя на приеме так же неловко, как ее сын.

— Не понимаю, почему это так уж необходимо, — потихоньку пожаловалась она Арриго, когда они встречали гостей. — Мальчик привык делать то, что ему нравится, все эти формальности просто душат его — он не из этих тепличных созданий! Помнишь, когда мы были детьми, мама устраивала такие же ужасные приемы — и ты их ненавидел не меньше моего, не спорь!

— Надо же их устраивать время от времени, — ответил Арриго почти сочувственно. — Не кипятись, Лисси, будут не только «тепличные создания». Тасия приведет нескольких своих кузенов.

— Что? Ты с ума сошел! Чтобы какие-то Грихальва играли вместе с до'Брасина и до'Варрива? Хорошо если мы отделаемся десятком подбитых глаз, а то ведь многие и уйти могут!

— Никто никуда не уйдет.

Он повернулся, чтобы встретить очередную баронессу и ее взмокшего двенадцатилетнего отпрыска в кружевном воротнике. Лиссия что-то мило прощебетала, и, после того

как мать с сыном присоединились к остальным гостям, Арриго продолжал:

— Они не дураки. Один из этих мальчишек Грихальва станет когда-нибудь Верховным иллюстратором.

— Очень за него рада, — прыснула Лиссия. — Кстати о Грихальва. Я хотела поговорить с тобой о Тасии. Ты причиняешь Мечелле боль, небось сам видишь. Или, может, ты этого не заметил?

— Оставь мою жену мне, — резко ответил Арриго.

— А как насчет твоей бывшей любовницы? Ты ее оставишь мужу?

— Не твое дело, Лиссия, — процедил он сквозь зубы. Потом, издали увидев знакомую гриву черных блестящих волос, добавил, сменив тон: — А вот и графиня!

Тасия привела с собой среднего из своих приемных сыновей и еще шесть мальчиков. Одним из них, к удивлению Арриго, оказался ее собственный сын, Рафейо.

Веррадио до'Альва был тощим подростком с угрюмым лицом. Несмотря на серебристый атласный камзол, крепкие, просто одетые Грихальва совсем затмили его. Показав младшим мальчикам, где им найти сверстников, а где — питье и закуски, Арриго улыбнулся Рафейо и сказал, что рад снова его видеть.

— Только не говори ему, как он вырос!

Тасия подмигнула сыну, от чего тот покраснел и состроил гримасу.

— Или что он мог бы отрастить эту дурацкую маленькую бородку, модную сейчас у молодежи. От таких разговоров я начинаю чувствовать себя его прабабушкой. Надо сказать, вид графини меня не порадовал. Вы выглядите на двадцать два, это так угнетает!

— Ты нанесла удар по ее тщеславию, Тасия, — усмехнулся Арриго.

— Нет, это она нанесла мне удар! — рассмеялась Тасия. — Где-то здесь должен быть ваш сын, графиня. Он так похож на отца — типично кастейская внешность.

— Мы все так же считаем, — ответила Лиссия, слегка оттаяв.

— Рафейо, — сказал Арриго, — ты, должно быть, преуспел в науках. Тебе нравится быть иллюстратором?

— Очень нравится, ваша светлость. Очень.

— Я правильно понял: тебя взяли сюда, чтобы присматривать за младшими кузенами?

Мальчик ответил очередной гримасой.

— И еще по предложению Дионисо, — добавила его мать, — он для практики сделает здесь несколько набросков — на память о встрече.

— Прекрасная идея, — одобрила Лиссия. — Подари мне один, Рафейо.

— Почту за честь, графиня, — ответил он с поклоном.

— Лисси, — сказал Арриго, — по-моему, все уже здесь, а даже если и нет, я все равно умираю от жажды. Принести тебе чего-нибудь выпить?

И они с Тасией улизнули к столикам с закусками. Блюда с фруктами оставались практически нетронутыми, конфеты, как и следовало ожидать, почти все уже были съедены. Картину дополняли семь огромных чаш с лимонадом самых немыслимых расцветок. Тасия с сомнением показала на ярко-фиолетовый. Слуга, ухмыльнувшись, налил ей полный кубок.

Арриго рассмеялся.

— Это всего лишь сливовый сок. Неплохой, кстати.

— Представляю себе кошмарные эксперименты, которые начнутся завтра на кухнях Мейа-Суэрты. Все дети захотят пить что-то зеленое, как в Палассо! — Она отпила глоточек, кивнула в знак одобрения. — И никакого вина, даже для взрослых. Очень умно. Мне кажется, ты вспомнил, что случилось на празднике Миррафлорес, когда тебе было четырнадцать...

Арриго застонал.

— Весь город слышал, как ты, напившись до безумия, вылез на балкон и распевал там во всю глотку!

— Как неделикатно с твоей стороны помнить такие вещи, которые я сам, честно говоря, забыл. Попробуй вот этот пирожок, у нашего кондитера появился новый рецепт.

— Нет, спасибо. Мы все время встречаемся за столом, уставленным сладостями, — пора прекращать эту практику, Арриго. Ты подумал, что станет с моей талией?

— Ты говоришь глупости, Тасия, — сказал он вполголоса. — Никогда не слышал от тебя раньше ничего подобного.

— Я могу это же сказать и о тебе, — ответила она столь же тихо, подумав о находившемся где-то поблизости слуге. — Арриго...

— Тебе не стало полегче?

— Если ты имеешь в виду осаждающих меня графинь и баронесс с ядовитыми языками, то их стало меньше, спасибо. Но если ты...

Она замолчала, глядя в сторону.

— Скажи мне.

Она покачала головой, но он настаивал:

— Тасия, скажи!

— Если... если ты хочешь спросить, стало ли мне легче жить без тебя, ответ всегда будет один — нет.

Подняв голову вверх, чтобы заглянуть ему в глаза, она улыбнулась сияющей светской улыбкой.

— Как мило с твоей стороны, что ты уделил Рафейо столько внимания, я так благодарна. Надо поглядеть на его рисунки, разреши мне пойти.

— Нет, не разрешаю, я...

Слуга напряженно вдохнул, и голова Арриго повернулась в направлении его взгляда. В дверях музыкального салона показалась жена. Мечелла была чем-то озабочена и напугана, ее лицо казалось бледнее обычного. Она направилась прямо к ним с Тасией.

— Арриго, — прошептала Мечелла, даже не заметив Тасию. — Ужасные новости! Вы с Лиссией должны немедленно идти.

— Что такое? Тересса? Родители?

— Нет, нет, с ними все в порядке. Это...

Мечелла увидела Тасию. К ее лицу прилила кровь, она просто оцепенела от ненависти. Тасия встретила ее взгляд, в глазах ее что-то вспыхнуло, она отвернулась.

Арриго выглядел одновременно обеспокоенным и раздраженным.

— Люди смотрят, Мечелла. Ты всех напугала. Почему нельзя было послать слугу? Скажи, что случилось, чтобы я мог их успокоить.

Мечелла бросила на Тасию последний ненавидящий взгляд и сказала:

— Страшное землетрясение в Кастейе, в предгорьях Монтес-Астраппас. Сотни людей погибли, может быть, тысячи...

— И отец послал за мной, потому что ему нужна моя помощь. — «Наконец-то!»

— Не знаю, я с ним не говорила. Я только услышала случайно, когда шла в Галиерру, как об этом говорили слуги. Один из них как раз накануне проводил курьера к твоему отцу. Я сразу побежала сказать тебе и Лиссии...

Арриго с трудом сдержал ярость. Слуги и те узнали раньше него! Его отец сейчас планирует спасательные операции, распоряжается относительно еды, рабочих, лекарств, которые надо отправить в пострадавшие районы, а он, его наследник, будущий Великий герцог Тайра-Вирте, стоит в комнате с детишками.

Он огляделся в поисках Лиссии. Человек, склонившийся к ее уху, был не кто иной, как личный адъютант его отца. Выражение ее лица совсем не переменилось, она лишь сжала руку, услышав новость, да на одной щеке предательски дернулась жилка. В каком бы состоянии она сейчас ни была, она знала, как надо вести себя на людях. Арриго взглянул на Тасию — она была так же невозмутима, как его сестра, — потом на Мечеллу.

— Иди к отцу, — прошептала Тасия, — ты ему нужен.

— Нужен ли? — не смог сдержаться Арриго.

И тут Мечелла удивила их обоих.

— Конечно, он ждет! Я уже передала ему, что вы с Лиссией придете немедленно. И, Арриго, надеюсь, я все сделала правильно — приказала приготовить наши экипажи. В них можно уложить много еды, одеял, лекарств, и, кроме того, они поедут быстрее, чем фургоны.

— Прекрасно придумано, ваша светлость, — сказала Тасия, кивнув в знак одобрения.

Могла бы и промолчать, Мечеллу это явно не огорчило.

— Все будет готово к рассвету, Арриго. Мы поедем...

Лиссия объявила о случившемся серьезно, но очень спокойно, стараясь никого не испугать. Небольшое землетрясение, небольшие разрушения, нет нужды прерывать веселье, поймите, мы вынуждены вас покинуть, развлекайтесь, пожалуйста...

Арриго недоверчиво уставился на жену.

— Мы? — повторил он. — Поедем?

Она посмотрела ему прямо в глаза. В отличие от Тасии ей не пришлось для этого поднимать голову.

— Мы должны помочь им чем сможем, а как мы узнаем, что нужно, если останемся здесь?

— Ваша светлость, — нахмурилась Тасия, — я думаю, вы не осведомлены, но за первым толчком обычно следует второй. В вашем положении вам и думать не стоит о таком путешествии.

Мечелла обернулась к ней, ее голубые глаза засверкали.

— Как вы смеете указывать мне, что я должна делать и чего не должна! Это наш народ, и мы поедем!

— Ваша светлость! — в ужасе отпрянула Тасия.

Не успел кто-нибудь из них сказать еще хоть слово, как к ним подбежала Лиссия, сердито цокая каблучками.

— Чего ты ждешь? — вцепилась она в Арриго. — Папа сказал, чтобы мы пришли немедленно!

Арриго подозревал, что прийти было приказано только Лиссии, графине Кастейской. Кивнув Тасии, он взял под руки жену и сестру, и все трое покинули музыкальный салон. Но, уходя, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Тасию, одинокую, покинутую, с широко раскрытыми глазами — от беспокойства за него и обиды на Мечеллу. Арриго внезапно почувствовал, что его захлестывают сильные противоречивые чувства.

Тасия знала, как опасно это путешествие для Мечеллы и ребенка, предвидела повторение толчков и беспокоилась, беспокоилась за него. Мечеллу больше волновал народ, чем собственный нерожденный сын. Она слишком мало знает, чтобы бояться. Эйха, но она права. Это его народ, и помогать людям — его прямая обязанность. Мечелла понимает такие вещи инстинктивно, она Принцесса Гхийаса. Тасия этого не понимает. Но именно ее первые слова были о том, что отец нуждается в нем, а Мечелла занялась подготовкой к путешествию еще до того, как поспешить к нему с рассказом о бедствии, проявив разум и практичность, которых он прежде в ней не замечал. И все же ее бешеная реакция на вполне разумное замечание Тасии была неоправданной.

А все дело в том, думал он, помогая своей беременной жене подняться по лестнице, что Мечелла поступила, как подсказывала ей королевская кровь: долг прежде всего, личные интересы тут роли не играют, главное — это народ. А Тасия...

Тасия подумала прежде всего о нем, об Арриго, о мужчине, который был ей нужен и за которого она боялась...

— Не могу тебя отпустить, — проворчал Коссимио, не поднимая глаз от заваленного картами и списками стола. — Ты нужен мне здесь. Займешься моими обычными делами, пока я буду разбираться со всем этим.

— Но...

— Никаких «но»! Я уже наслушался всевозможных возражений от советников! Не хватает того или этого или еще какой-нибудь распроклятой штуковины, чтобы послать в Кастейю, — мы, мол, еще посмотрим! Я — Великий герцог, и если я говорю, что будет так-то и так-то, значит, так и будет, во имя Пресвятой Матери!

— Для этого ты и нужен отцу, Арриго, — мягко сказала Гизелла. — Он должен сам объехать все склады, разобраться с лекарствами, стройматериалами, продовольствием...

Но Арриго не сдавался.

— Я могу это сделать по пути в Кастейю. По дороге есть склады, и везти будет не так далеко...

— Я же сказал, ты остаешься здесь, — сердито нахмурился отец. — Поехать должна Лиссия. Кастейа — ее, а не твоя. Ты займешься моими обычными делами. Все. Никаких обсуждений не будет.

Арриго перехватил сочувственный взгляд сестры, но проигнорировал его. Расстроенная Мечелла молча разглядывала свои руки в кружевных манжетах, лежавшие на коленях. Она не хотела сражаться за то, что, по ее убеждению, было их прямой обязанностью, долгом Дона и Доньи перед своим народом. Это не удивило Арриго: за прошедший год его жена успела понять, как бесполезно спорить с Великим герцогом Коссимио II, если он уже что-то решил.

На следующее утро Мечелла не послала за горничной, чтобы та приготовила ей ванну и помогла одеться. Арриго попробовал навести у Отонны справки, собирается ли его жена опять — в который раз! — весь день оставаться в постели, но в ответ получил лишь пожатие плечами и несколько слов о том, что горничная пребывает в неведении насчет планов ее светлости. Поэтому Арриго как никто другой был удивлен, когда к полудню пришло сообщение от Лиссии: караван, увозивший ее и необходимые припасы в Кастейю, увез с собой и Мечеллу.

Коссимио битый час выкрикивал проклятия, пока Гизелла не заставила его рассмеяться над тем, как же они все-таки недооценили свою кроткую, застенчивую Чеплу. Отонна успокоила их относительно здоровья Мечеллы, и теперь они просто восхищались ее целеустремленностью и отношением к их народу как к своему собственному. Коссимио сделал красивый жест, послав вдогонку курьера с письмом, отговаривающим ее от путешествия. Но это с самого начала был всего лишь жест, поскольку вся Мейа-Суэрта рукоплескала Мечелле. На каждом углу и на каждой площади звучало ее имя, в каждой таверне пили за ее здоровье. Поэтому в письме отсутствовал прямой приказ Великого герцога, которому она была обязана подчиниться, а в случае неповиновения понесла бы наказание.

Вскоре после этого из Палассо была отправлена еще одна записка. Поздно вечером, все еще кипя от ярости, Арриго выскользнул из садовой калитки и пробрался, никем не замеченный, к старому дому Тасии. Она встретила его в пустой передней с лампой в руке.

Почти до рассвета он просидел с ней на лестнице, потом вернулся в Палассо, смирившись наконец с обстоятельства-

ми, — если не с вызывающим неповиновением своей жены, то хотя бы с приказом Коссимио заменять его, пока он сам будет разбираться с бедствием в Кастейе.

— Покажи, что ты готов слушать и помогать, когда никто другой этого не хочет. Остальные делают то, что видно всем, Арриго. Самое тяжелое досталось тебе. У твоего отца нет сейчас времени на ежедневные дела. А ты можешь их делать, и он тебе доверяет. Люди запомнят это. Они любят принцессу всем сердцем, но как иностранку, а ты — часть их души. Ты будешь обеспечивать нормальную жизнь Тайра-Вирте во время этого несчастья. Ты покажешь, что заботишься обо всем народе. А теперь иди домой и поспи, Арриго, тебе нужно выспаться.

Мечелла не считала свой поступок неповиновением. В конце концов, Великий герцог сказал, что Арриго должен остаться в Мейа-Суэрте. Он ни разу не назвал имени Мечеллы.

На самом деле Арриго ошибался насчет ее королевских инстинктов. Если бы Мечелла задумалась, что толкнуло ее на этот шаг, то поняла бы, что лишь продолжает двигаться по пути, на который вступила еще в детстве. Она рано лишилась матери, и ее материнские чувства проявлялись, когда она рассказывала сказки детям слуг во Дворце Тысячи Свечей. Муж дал ей собственного ребенка, но кроме дочери у нее теперь появился целый народ, о котором надо было заботиться, а до сих пор она лишь изучала его нужды, вряд ли понимая, что делает. Однако это путешествие даст ей возможность (пусть она об этом еще не догадывается) активно включиться в жизнь страны, когда она станет Великой герцогиней. И Тайра-Вирте отплатит ей любовью в тысячекратном размере.

А теперь Мечелла знала только, что ее долг — поехать в Кастейю и постараться помочь чем сможет. Она достаточно хорошо себя чувствовала для путешествия. Ребенок, правда, беспокоил ее, но экипаж Арриго был новым и самым удобным во всей Тайра-Вирте, так что тряска почти не ощущалась. С ними едут врачи, которые позаботятся о ней, если в этом будет необходимость; Лиссия проследит, чтобы она не слишком переутомлялась, да и не может она оставаться в Мейа-Суэрте, когда людям нужна помощь.

Долгие дни путешествия они с Лиссией провели, разбираясь в наспех нацарапанных списках припасов и планируя свою деятельность в соответствии с теми сообщениями, которые доставляли им гонцы. Обе они думали, будто готовы к тому, что их ожидает.

Они ошибались.

Увиденное в первой же разрушенной землетрясением деревне поразило их до такой степени, что и представить себе невозможно. Там, где раньше стояли дома, лавки, кузница, мельница, теперь лежали одни руины. Черепичные крыши провалились внутрь до самого фундамента, соломенные упали на горящие свечи, и теперь один пепел остался от тех домов, которые они покрывали.

Признаки жизни обнаружились лишь на кладбище — за развалинами бывшей санктии обрсталась небольшая кучка людей.

Спасатели целыми днями раскапывали завалы, надеясь спасти уцелевших в катастрофе людей, но под грудами камня лежали одни трупы. Те же спасатели рыли и могилы, но не тратили времени и сил на изготовление гробов, ведь даже в осенний холод существовала опасность эпидемии. Мертвых хоронили, не завернув даже в простыню. Каждый обрывок ткани был нужен для бинтов, каждое одеяло — для защиты от холода в промозглые ночи. Другого спасения не было, даже деревенская санктия сгорела дотла. Дворецкий Арриго упаковал специальную палатку для графини Лиссии, но когда они с Мечеллой поняли, что во всей деревне нет ни одного укрытия, то единодушно решили уступить палатку раненым. Сами они могут спать, как и всю дорогу, в своем экипаже.

— До нас дошла весть, графиня, — сказал усталый санкто, каким-то чудом переживший гибель своей санктии, — что Кастейо почти не пострадал, спасибо Пресвятой Матери.

— За что спасибо? — мрачно спросила Лиссия, бросив красноречивый взгляд на окружавшую их разруху.

Мечелла всюду молча следовала за ней, стыдясь своего невежества и бесполезности. Лиссия была достаточно знакома с медициной, чтобы промывать и перевязывать раны и определять, в каких случаях требуется помощь одного из приехавших с ними врачей. Мечелла ничего об этом не знала. Лиссия, которая вместе с покойным мужем спасла от разрушения замок, понимала, какой дом еще можно восстановить, а какой в безнадежном состоянии, какую кучу камней разбирать безопасно, а к какой и подходить-то рискованно. Мечелла и об этом ничего не знала. Она лишь видела опустошения, которые терзали ей сердце. А Лиссия эмоций не проявляла, она отдавала отрывистые приказания, и все повиновались. Мечелла чувствовала себя ненужной и думала, насколько несерьезной затеей с ее стороны оказалась эта поездка.

Но вечером, когда они сидели в своем экипаже за ужином, поданным на позолоченном дорожном сервизе Арриго, полумертвая от усталости Лиссия улыбнулась Мечелле и сказала:

— Я и не думала, что ты мне так поможешь.

— Я совершенно беспомощна, и обе мы это прекрасно понимаем.

— Ты беспомощна в тех вещах, в которых я разбираюсь, — не можешь развернуть бинт, не перепутав его, или отличить одну кучу камней от другой. Но разве ты не видела их лица? Тебе даже не нужно ничего говорить людям. Один лишь взгляд, одно твое прикосновение — и их боль и страх отступают перед твоим обаянием. Понимание и сочувствие — вот те достоинства, которыми я не обладаю.

— Потому что они совершенно бесполезны. Глупо с моей стороны было ехать.

— Эйха, в этом-то все и дело, каррида! Ты не должна была ехать, и они знают это, но ты все равно приехала.

Лиссия прислонилась к мягкой замшевой обивке и вздохнула.

— Матра Дольча, как я устала! А ведь дальше будет еще хуже.

Мечелла наклонилась к ней. Свет лампы заливал экипаж и освещал лица обеих женщин.

— Лиссия, скажи мне, что я могу делать? Я ничего не смыслю в тех вещах, в которых ты так хорошо разбираешься. Должно же быть что-то, чем я могу помочь людям. Пока я только разговариваю с ними и держу их за руки.

— Это единственное, чего я не могу для них сделать. Мама могла бы, но я скорее папина дочь, как ты, должно быть, заметила. Я очень устала, Мечелла. Слишком устала, чтобы думать. Давай попробуем уснуть.

На второй день Мечелла поняла, как она может помочь. Лиссия потеряла ее из виду утром, и до самого обеда у нее не было времени на поиски. Мечелла нашлась в доме сапожника — точнее, в расчищенном уголке того, что от него осталось. Вокруг нее сидели дети, и она рассказывала им сказку.

Лиссия не хотела беспокоить их, но пора было обедать, а Мечелле надо было есть, чтобы подкрепить силы. Арриго говорил, что она плохо себя чувствовала, когда носила Терессу, и сейчас опять нездорова, хоть это и незаметно. Самой Лиссии во время ее беременностей постоянно хотелось есть, но даже если у Мечеллы это не так, все же пообедать ей надо.

По дороге к экипажу Мечелла рассказала Лиссии все, что узнала этим утром. Большинство детей потеряли отца или мать, некоторые лишились обоих родителей. Один маленький мальчик два дня был погребен под телом умирающей матери. Другой сломал руку при падении с сеновала, где они играли с пятью его братьями и сестрами. В живых остался он один. Две девочки-двойняшки четырех лет были найдены на улице неподалеку от дома. Их отец погиб в этом доме, раздавленный упавшей балкой, и никто не знал, как девочкам удалось спастись. Брат и сестра уцелели, потому что дядя вынес их из дома, но когда он вернулся за своей сестрой и ее мужем, стена рухнула, и все трое взрослых погибли.

— Сначала я собиралась отвлечь их, чтобы они не путались у всех под ногами и не играли в опасных местах. А потом они стали говорить со мной, Лисси. Почти у каждого ребенка в деревне своя трагедия. У некоторых совсем не осталось семьи. Как ты думаешь, правильно будет, если я попытаюсь найти дом для каждого из них?

— Герцогиня Хесминия, — пробормотала Лиссия. — Челла, я думаю, это будет прекрасно.

Так и вышло, что в этой деревне и в других, где они побывали за последующие три недели, Мечелла собирала сирот под свое крылышко. Она ласково разговаривала со всеми детьми, вытирала им слезы, рассказывала сказки и старалась узнать их имена и обстоятельства каждой трагедии. А когда община понемногу

восстанавливалась и люди начинали задумываться о будущем, Мечелла заботливо подыскивала каждой сиротке новую семью.

Упоминание Лиссии о герцогине Хесминии мысленно вернуло Мечеллу в те давние времена, когда любимая всеми герцогиня сделала то же самое для маленьких чи'патрос. Правда, тогда была совсем другая ситуация. Но, вспомнив, кому она отдала детей, Мечелла подумала еще об одной вещи. Той же ночью, в темном экипаже, когда обе они уже закутались в меха от холода, идущего с гор, она спросила об этом Лиссию.

— Прекрасный вопрос, — задумчиво ответила Лиссия. — Хотя я никогда не слышала о подобных документах. Обычно сирот забирают родственники, пусть даже очень дальние. Но на этот раз целые семьи оказались уничтоженными.

— Тогда лучше будет официально усыновить их.

— Да, я тоже так думаю. И в то же время мы должны защитить их собственность, какой бы она ни была. Эти дети все еще наследники своих родителей. Надо как можно быстрее закрепить за ними их собственность, пока никто не начал претендовать на нее.

— Лиссия, ну конечно же, никто не украдет...

— Ой ли, невинное ты дитя!

— Тогда нам надо использовать санктии, чтобы хранить эти документы.

— Прекрасно! А если кто-нибудь захочет купить землю и построить там что-нибудь — лучше пусть будет хоть что-то, чем пустые места посреди улицы, — санктос решат, хорошую ли он предлагает цену и...

— ...и сохранят деньги для ребенка, — с восторгом перебила ее Мечелла. — Как часть моего приданого сохраняется для Терессы!

— Прекрасно! — рассмеялась Лиссия. — Подумать только, что ты посмела назвать себя бесполезной! Завтра же напиши моему отцу.

— Я... я думаю, пусть лучше это сделает кто-нибудь другой.

— Ты все еще беспокоишься из-за того глупого письма? Челла, если бы он действительно рассердился и захотел вернуть тебя, он так бы и сделал, поверь мне, я своего отца знаю. Но, может быть, тебе стоит написать не ему, а Арриго. Тогда и он сможет что-нибудь предпринять.

Мечелла порадовалась, что Лиссия не видит ее лица.

— Но я... не смею, Лисси. Уж он-то действительно сердится на меня. Я не получала от него никаких вестей с тех пор, как мы покинули Мейа-Суэрту.

— Эйха, ты сыграла с ним скверную шутку, но он же знает, как много хорошего ты здесь делаешь. — Она задумалась. — Они с отцом беспокоятся о ребенке, это естественно. Но тебе еще не скоро рожать, и, по-моему, ты здорова как лошадь.

— Мне действительно гораздо лучше, чем когда я носила Терессу.

— Я думаю, с беременными женщинами не надо нянчиться, — решительно заявила Лиссия. — Не стоит запирать их дома, запрещать нагрузки, чуть более тяжелые, чем прогулка по

саду или вязание, нет, гораздо лучше быть нужной и заниматься своим делом, от этого и нервничать перестаешь, и для здоровья полезнее. Но мне не нравятся условия, в которых мы живем, Челла.

— Не волнуйся, — улыбнулась в темноте Мечелла. — Мне тепло, сухо, удобно, все обо мне заботятся. Я даже почти не помню, что беременна.

— Эйха, тогда я не отправлю тебя назад, даже если отец прикажет мне это сделать. Ты мне очень помогаешь, и Арриго будет приятно узнать об этом. И эта твоя новая идея — ты должна сейчас же написать ему.

Мечелла пошевелилась в своем меховом коконе.

— Я никогда не посылала ему писем и не знаю, как он отреагирует, если я...

— Ни одного письма за все это время? Челла!

Одеяла полетели в сторону, вспыхнула спичка, и лампа осветила темный экипаж.

— Немедленно бери перо и пиши!

Письмо, сочиненное таким образом под строгим взглядом Лиссии, оказалось одновременно холодным, грустным и полным тревоги. Оно было отослано с курьером на следующее утро. Мечелла с тоской ожидала ответа. Ответ появился через несколько дней. Экипаж, украшенный гербом Великих герцогов, прогрохотал по булыжнику, грудами валявшемуся там, где стоял совсем недавно процветающий город. Он остановился, и из него один за другим вышли Кабрал Грихальва, четверо других молодых иллюстраторов и младшая сестра Кабрала, Лейла, в чьи обязанности входило выдавать краски и холсты.

Арриго и Коссимио не написали в ответ ни строчки. Письмо, которое Кабрал протянул Мечелле, было подписано Гизеллой. Великая герцогиня не пожалела теплых, сердечных слов и благословений Мечелле и Лиссии, умоляла их беречь себя, сообщала, что новый Премио Фрато Дионисо одобрил их план и что дети здоровы, хотя очень скучают по своим матерям.

Мечелла прочла, протянула записку Лиссии и сказала просто:

— Я очень рада, что ты приехал, Кабрал. Вот список всего необходимого. Лучше, если вы начнете прямо сейчас.

44

Со смешанным чувством вступил Дионисо во владение апартаментами Премио Фрато. Это была самая высокая должность, какую он занимал за долгие годы, но в следующей жизни он рассчитывал подняться еще выше. Кроме того, ему очень нравился его предшественник, Августо. Прекрасный художник, строгий учитель и остроумный человек, он смеялся даже над собственной немощью, так что до самой его смерти никто не догадывался, как серьезно он болен.

С творческой точки зрения Дионисо занял как раз то положение, к которому стремился. То, которое ему надо было занять. Именно он, Премио Фрато, будет теперь принимать окончательные решения — особенно это касается обучения эстудос. Он не даст живописи прийти в упадок, в этом он мог поклясться. Дионисо вернет искусству былую силу, приведет его в соответствие с собственным гением, и, когда он через несколько лет станет Рафейо, его провозгласят величайшим иллюстратором со времен Риобаро.

С точки зрения политики он тоже прекрасно устроился. Конечно, Премио Фрато — это не так хорошо, как Верховный иллюстратор, но с этим можно и подождать. И в нынешней должности у него будет свободный доступ к Великому герцогу, а также к Арриго и Мечелле, стоит лишь пожелать. Первый шаг в этом направлении он сделал в Диеттро-Марейе, вторым явилось написание «Рождения Терессы». Он и дальше будет действовать в том же ключе, скармливая Арриго крохи информации и стараясь подольститься к Мечелле с помощью искусства. Он уже одобрил ее идею написать наследство кастейских сирот и лично отобрал тех, кто поедет выполнять эту работу. Рафейо, разумеется, был среди них — мальчик не на шутку обиделся за такое, как он считал, расточительное отношение к своим талантам. Но расположение Мечеллы, которое он завоюет, будет весьма полезно в будущем.

Чрезмерная преданность Рафейо собственной матери очень беспокоила Дионисо, но, как бы ему ни хотелось написать картину, которая вызовет у мальчика добрые чувства к Мечелле, он просто не мог этого сделать. Слишком явной покажется такая резкая смена настроения. А впрочем, много ли вреда это может принести — ведь оставшиеся ему несколько лет мальчик проведет в Палассо Грихальва, изучая ремесло.

Церемония присвоения Дионисо новой должности не отличалась пышностью — слишком свежа еще была память о жертвах недавнего землетрясения на севере страны. После торжественного ритуала в кречетте, где ему на шею надели золотой, украшенный драгоценными каменьями обруч — символ его новой должности, и где иллюстраторы поклялись повиноваться ему, он вышел в освещенный факелами сад, чтобы официально предстать перед остальными обитателями Палассо Грихальва и выслушать их поздравления. Обычно в таких случаях устраивали грандиозный банкет, но ему и не хотелось пировать до утра. У него были другие планы. Дионисо дождался, пока в огромном, перенаселенном Палассо затихнут последние звуки, и выскользнул оттуда через заднюю дверь. Он шел в свою тайную мастерскую.

Смешать краски было делом нескольких минут. В Пейнтраддо Меморрио требовалось дорисовать только одну деталь: золотой обруч Премио Фрато на шее Дионисо.

Это заняло час. Потом он смешал другие краски и нарисовал еще одну ветку розмарина рядом с портретом доро-

гого Матейо, шепча: «Все было не напрасно, о брат мой! Я еще стану Верховным иллюстратором».

Закончив работу, он сел за стол, запустил пальцы в толстый ворс покрывавшей его тза'абской скатерти и задумчиво уставился на свой собственный белый череп.

Лет через пятьдесят или шестьдесят после «смерти» Сарио — он уже не помнил, когда именно, да это и не имело значения, — он пришел в полночь к собственной могиле и раскопал ее. Почти вся плоть уже успела сгнить, поэтому ему не пришлось с ужасом заглядывать в свое полуразложившееся лицо. Он отделил череп от позвоночника, принес его сюда, в мастерскую, и очистил кислотами от остатков кожи. Теперь череп лежал у него на столе, напоминая, кем он был раньше, кем стал теперь и какой участи избежал.

Он взял череп в ладони и заглянул, улыбаясь, в его пустые глазницы. Для всех остальных это был атрибут конца — пустая коробка там, где когда-то был мозг, ухмыляющийся оскал зубов, не прикрытых теплой плотью губ, голая кость, лишенная мягкой кожи и густых черных волос. Для всех, но не для него. Он один избежал своей судьбы.

Он и Сааведра.

В прошлом веке вошло в моду включать изображение черепа в композицию «Венчания» рядом с изображением юной четы, стоящей на пороге новой счастливой жизни. Череп, мементо морта, должен был напоминать, что юность пройдет, гордость тщетна и никакое богатство не купит свободы от неизбежной судьбы.

А он избавил себя от такой судьбы. Себя и Сааведру.

Он мог баюкать в ладонях свой собственный череп, зная, что в его голове живы те же мысли, что роились когда-то под этим пустым костяным сводом, заглядывать в пустые глазницы, откуда когда-то с ужасом смотрели глаза — нет, уже не Сарио, а Мартайна, ох, нет, Игнаддио, это он был первым. Он взглянул на картину и какое-то время не мог вспомнить, который же из них Игнаддио. Ах, да, вон он, его выдает одежда, такую носили несколько веков назад.

Он вновь перевел взгляд на череп, который был для него мементо вива, напоминанием о жизни.

Его жизни. Жизни Сааведры.

Скоро. Дрожь пальцев, замерзших в холодной мастерской, напомнила ему, что этому телу немного осталось жить. А потом у него будет Рафейо — сильный, красивый, умный, с прекрасными связями. И когда придет черед рисовать Рафейо в Пейнтраддо Меморрио, на нем будут роскошные, украшенные драгоценными каменьями одежды Верховного иллюстратора.

И тогда он, быть может, освободит Сааведру из ее нарисованной тюрьмы и...

...и они проживут вместе всю жизнь, а потом умрут? И превратятся в бездушные кости, каждый в своей могиле? И пропадут все мысли, талант, вся магия, наконец?

Содрогнувшись, он положил на место череп Сарио и покинул мастерскую.

— Она совсем не такая, как ты говорил, — сказала Лейла Грихальва своему брату Кабралу, когда они шли по улицам разрушенного торгового города. — Ты видел ее лицо, когда она читала письмо Гизеллы? И она даже не спросила об Арриго!

— А зачем ей было спрашивать, его молчание говорит само за себя.

Лейла пожала плечами.

— Ты говоришь, он сердит на нее, но она же не делает ему ничего, кроме добра. Когда-нибудь они будут править. Люди запомнят, как Мечелла трудилась для них.

— Так ведь она, а не он. — Кабрал пнул очередной камень, сжав кулаки в карманах серого вязаного жилета. — Он сидит себе на отцовском месте, разбираясь с отправкой партий руды, ценами на зерно и массой других ненужных вещей, с которыми прекрасно справились бы советники, а она в это время...

Кабрал оборвал себя на полуслове.

Они прошли еще несколько шагов. Лейла молчала. Он взглянул на нее сверху вниз и нахмурился. Опять на ее лице это гнусное высокомерное выражение, совсем как тогда, когда они оба были детьми и она подслушивала у дверей.

— Разве тебе не надо учитывать кисти, или чем ты там занимаешься? — ворчливо поинтересовался Кабрал.

— Ты прекрасно знаешь, что это был только предлог для моего участия в поездке. Ты же сам это и предложил! Хотя, по-моему, она тут и без нас справлялась. Надо сказать, я удивлена, что она разбирается в чем-то еще, кроме деторождения.

Он бросил на нее свирепый взгляд.

— Маллика лингва!

— Придумай оскорбление получше, братец, — весело ответила Лейла. — Все знают, что у меня злой язычок! Но я собиралась сказать, что в Мейа-Суэрте ей как раз понадобится наша помощь. Особенно теперь, когда Арриго опять навещает Тасию — один, и, как он думает, тайно.

— Что? — Кабрал схватил ее за руку. — Что ты там слышала?

— Мне говорил кто-то из Палассо Грихальва, а он, в свою очередь, услышал это от кого-то из слуг Арриго, но я ничего тебе не расскажу, пока ты не успокоишься.

Она вырвала руку, которую он сжимал как в тисках.

— Какая польза от тебя Мечелле, если ты и пяти минут не можешь сохранять самообладание! Ты своей собственной сестре готов язык вырвать.

Кабрал так сильно стиснул зубы, что заиграли желваки на скулах. Слегка успокоившись, он спросил:

— Арриго вернулся к Тасии?

— Это вопрос времени. Ему не понравится, когда Мечелла вернется домой героиней. А Тасия — ты же ее знаешь — будет лить бальзам на его раны.

Кабрал покачал головой.

— Если Арриго возобновит отношения с Тасией, это убьет Мечеллу, — прошептал он.

— Эйха, значит, нам надо присмотреть за ней, чтобы это ее не убило. Ведь это и есть твой план? Защитить Мечеллу от Тасии и ее щенка Рафейо. — Она пожала плечами и поправила плащ. — Кстати, зачем мы притащили его сюда? Он, конечно, талантлив, но это же сплошная нервотрепка.

— Идея Премио Фрато Дионисо. Если б мы оставили его дома, у кого-нибудь могли бы возникнуть подозрения.

— Итак, начинается, — пробормотала Лейла. — Подозрения, сплетни, опровержения... Кто-то что-то подумал, кому-то что-то показалось, приснилось, кто-то что-то чувствует, знает или не знает, и главное, кто на чьей стороне. А ведь это, знаешь ли, приведет к расколу семьи. Одни за Мечеллу, другие за Арриго, а третьи не захотят ни во что вмешиваться. Бедный Меквель. Это о его здоровье нам надо заботиться.

— И ни слова о «бедном Дионисо»?

— Никто не знает, на чьей он стороне.

— На своей собственной.

Кабрал пнул еще один камень.

Лейла остановилась перед санктией. Вчера ее снесли — Лиссия сказала, что она не подлежит восстановлению, спасти можно будет только колокольню.

— Ну и развалины! Напоминает «Осаду Тза'абского замка» Тавиала.

— И вовсе не Тавиала, — рассеянно возразил брат. — Это сделал Сарио, причем до начала осады.

— Еще один способный Грихальва. А тебе хотелось бы написать эти развалины так, чтобы они снова стали деревнями? Вот где была бы настоящая магия, а не вся эта чепуха с «силой художественного гения», за которую нас так уважают.

Кабрал ничего не ответил. Но уж кого-кого, а брата своего Лейла знала. Она схватила его за плечи и тихим, скованным голосом потребовала:

— Ну! Что это значит? Говори!

— Я ничего не знаю определенно, но...

Он посмотрел ей в глаза, такие же темные, как у него самого, и у нее перехватило дыхание.

— Так что, все это правда? Все эти перешептывания...

Он отмахнулся от нее.

— Ты имеешь в виду людей, которые замолкают, стоит женщине вроде тебя или простому художнику вроде меня войти в комнату? Я ни в чем не уверен, Лейла. Но с тех пор как я жил в Палассо...

Он помолчал, потом добавил как бы некстати:

— Рафейо и меня заставляет волноваться, и не только потому, что он сын Тасии. Что-то такое есть в его глазах...

— Он всегда был высокомерным, этот мальчишка, — задумчиво произнесла Лейла.

— Всегда? — повторил ее брат. — Откуда ты знаешь?

Лейла посмотрела ему прямо в лицо. Она ничего не сказала — в этом не было нужды.

— Матра Дольча! — Кабрал скрипнул зубами. — В прошлом году он проходил конфирматтио!

— Мы немного поговорили, и он мне даже понравился — в некотором роде. Это он предложил мне сделать для Мечеллы духи в качестве свадебного подарка. Но теперь, когда он стал иллюстратором, в его глазах действительно что-то появилось, ты прав, Кабрал. И он действительно знает, чего хочет, и ждет своего часа, посмеиваясь в кулак.

— Совсем как его мать.

— Думаю, в конечном итоге они хотят одного и того же.

— Держись от него подальше, — внезапно предупредил Кабрал.

— Тебе не придется повторять это дважды! После конфирматтио Кансальвио краснел и заикался, а остальные двое хотя бы выглядели смущенными, когда встречали меня. Рафейо посмотрел мне прямо в глаза и подмигнул!

— Если он еще раз к тебе подойдет, я ему все кости переломаю!

Лейла похлопала его по руке и слегка улыбнулась.

— Спасибо, мой добрый брат, но я сама могу о себе позаботиться. Оставь свой праведный гнев для врагов Мечеллы. Она гораздо больше моего нуждается в защите.

Через три дня рано утром прибыл караван фургонов из Мейа-Суэрты. Мечелла пыталась сдвинуть с места тяжелый ящик, но он явно предпочитал оставаться в фургоне. Вдруг чьи-то большие руки подхватили ящик и легко поставили его на землю.

— Разрешите мне, ваша светлость, — раздался голос Кабрала.

— Граццо, Кабрал, только не ругайся. — Мечелла сморщила нос. — Поможешь мне с остальными?

Фургоны доставили палатки — их одолжил шагаррский полк, — пищу, одежду, одеяла. Еще шесть ящиков были подписаны «от детей Палассо Грихальва». В них находились игрушки, и Мечелла радовалась как ребенок, разглядывая кукол, игры, раскрашенных деревянных лошадок и рыцарей. В одном из этих ящиков обнаружилась адресованная ей записка за подписью Премио Фрато Дионисо.

Пресвятая Мать благословила Тайра-Вирте, послав нам Вас, Донья. Мы не заслужили такой милости. Дети надеются, что эти маленькие подарки принесут улыбки тем, кто в них так нуждается.

Ваш покорный слуга,

Дионисо.

* * *

— Как мило со стороны твоих маленьких кузенов прислать нам часть своих игрушек!

Мечелла рассматривала пару фарфоровых кукол с черными шелковистыми косами.

— Это как раз мне и нужно, чтобы занять детей. У меня уже почти все сказки кончились!

Пока Кабрал разгружал ящики, Мечелла вызвала нескольких местных жителей, чтобы начать распределение одеял и еды. Внезапно земля под ногами задрожала. Мечелла потеряла равновесие — скорее от страха, чем от сотрясения, — и упала бы, если б Кабрал не подхватил ее.

— Все хорошо, — сказал он, — сейчас это кончится.

Мечелла кусала губы. Она побелела как полотно, ее голубые глаза широко раскрылись от ужаса, она словно одеревенела, прижавшись к его груди, но все же не закричала. Когда толчки прекратились, она склонила голову ему на плечо и облегченно вздохнула. Она носила шарф, чтобы защитить волосы от грязи и пыли, и Кабрал повернул голову в надежде щекой прикоснуться к солнечно-золотому шелку.

Потом он отпустил ее. Она ухватилась за стенку фургона, чтобы не упасть. Он почувствовал, что готов сделать то же самое. Мечелла была одета не лучше крестьянки, от нее пахло потом и чесноком, она была беременна от другого мужчины, но когда она, преодолев страх, улыбнулась ему, он был готов упасть перед ней на колени.

— Я... мне говорили, что это случится, — пролепетала она слабым голосом. — Но ведь это было не слишком ужасно?

— Ни в какое сравнение не идет с тем землетрясением, что разрушило эту деревню. С вами все в порядке, ваша светлость?

— Да. В следующий раз я не буду такой глупой, я ведь теперь знаю, чего ожидать, я...

— Челла? О, вот ты где!

К ним направлялась Лиссия с длинным листом бумаги в руках.

— Эйха, теперь ты настоящая жительница Кастейи — ты пережила землетрясение! Правда, маленькое, но вполне поучительное. А теперь пойдем со мной, у Рафейо есть кое-какая идея.

Идея оказалась решением проблемы, как изображать усыновление, узаконивая права собственности. Рафейо расстелил набросок на упавшей каменной плите и принялся объяснять.

— У меня возникли сложности с композицией, там будут совершенно кошмарные куски, и мне это не нравится, но людей это не встревожит, главное, чтобы картины имели законную силу. Раньше было принято писать «Завещание» как серию изображений, обвитых одним плющом, в знак верности. Я предлагаю действовать по тому же образцу. Ребенка поместим в центре. Справа символически изображено его старое имя, в данном случае он держит в руке две груши. Его зовут Пироз, это созвучно слову «пирос», что означает «груши».

Последнее он добавил уже для Мечеллы, как бы снисходя к ее невежеству.

— Дальше, — сказала она спокойно.

— Слева представлено новое имя ребенка — в виде простого камешка в его ладони, поскольку члены его новой семьи всегда были каменщиками, и зовут их Пьятро. Что же касается фруктового сада, который юный Пироз получит в наследство от своего погибшего отца, то он изображен справа — таким он виден с дороги, и все приметы местности хорошо различимы. Сложнее с домом в деревне. Там больше нет никакого дома. Но когда я обошел сзади место, где он должен стоять, то заметил, что здесь открывается характерный вид на санктию. Это единственное здание, которое сохранилось во всей деревне.

Он откинулся назад, любуясь своим наброском.

— Итак, у нас есть четыре элемента. Ребенок, старое имя, новое имя и наследство.

— А что, если ты не найдешь подходящего обозначения для имени? — нахмурился Кабрал.

— Я прочел список, это проще простого, — пожал плечами Рафейо. — Все крестьянские фамилии обозначают профессию или какую-нибудь присущую им черту — Анхиерас, например. Семья переехала откуда-то издалека, поэтому их стали называть эстранхиерос — чужаки.

— Ты очень ловко решил все наши проблемы, Рафейо, — сказала Мечелла. — Граццо.

— Это было не так уж и трудно, если не учитывать неуклюжесть исполнения.

И никаких «ваша светлость», ни намека на уважение. Но Мечелла лишь улыбнулась. Кабрал переменился в лице, видя, как она тратит свою великолепную улыбку на мальчишку, который ее ненавидит.

— Я не согласна с тобой, Рафейо. Посмотри на мальчика, как он бережно держит грушу, вспоминая умерших родителей, а другой рукой сжимает камешек — словно ему подарили бриллиант. Это не просто юридический документ, Рафейо, это работа истинного художника.

Кабрал снова посмотрел на рисунок. Мечелла была права. Невзирая на презрение Рафейо к простым людям, которых его обязали рисовать на этот раз («Никаких тебе знаменитых больших полотен», — вспомнил он слова честолюбивого мальчишки времен их поездки в Диеттро-Марейю), работа была выполнена с большим чувством. Кабрал ощутил прилив гордости за свою семью, члены которой без всяких усилий создают такие картины. По-другому, но очень приятно согревало сознание того, что Мечелла смогла так много почерпнуть из его уроков.

Рафейо поступил довольно неожиданно для них всех. Он посмотрел Мечелле в глаза долгим пристальным взглядом, потом опустил ресницы и пробормотал:

— Граццо миллио, донья Мечелла.

В такой же манере были изображены все сироты, потрясенные тем, что настоящие Грихальва рисуют их портреты. Затем картины были помещены на хранение в местные санктии. Мечелла встречалась со всеми выжившими санктос и санктас, чтобы еще и еще раз объяснить им, каков их долг по отношению к сиротам и их семьям. Все эти беседы всегда заканчивались так:

— Я буду ждать ваших отчетов. Обязательно сообщите мне, если случится что-нибудь серьезное, но при необходимости можете писать и чаще. Меня очень интересует благополучие всех этих детей и вашей деревни. Прошу оказать мне честь и принять эти деньги на восстановление вашей прекрасной санктии. Это немного, но, я надеюсь, станет основой вашего восстановительного фонда.

Приближалась зима. В тот день, когда снежные тучи повисли над горами Монтес-Астраппас, Лиссия объявила, что они сделали все что могли. Раненые выздоравливают, мертвые похоронены, все сироты нашли себе новые семьи, портреты их уже написаны, и хватает стен и крыш, чтобы те, кто выжил, могли перезимовать. А дороги, только что расчищенные от каменных завалов, скоро занесет снегом, и они опять станут непроезжими.

— И кроме того, — добавила Лиссия, поглядывая на Мечеллу, — ты с каждым днем становишься все больше и больше. Я могу терпеть холодную пищу, отсутствие постели и немыслимые санитарные условия, но мне не вынести вида моей золовки, подставляющей холодному ветру обнаженную спину, потому что она беременна и не может влезть в свои старые платья!

Они поехали домой через Корассон, поместье, уже долгие годы принадлежавшее семье Грихальва. По дороге Лиссия рассказала Мечелле историю этого места, которая, впрочем, не слишком ей понравилась.

В 1045 году восемнадцатилетний Клеменсо III стал герцогом Тайра-Вирте. На следующий год он безумно влюбился в Сааленду Грихальва, к негодованию ее семьи, которая прочила ему другую девушку. Но он не хотел никого, кроме Сааленды, и роман их протекал в основном в поместье на середине пути между Мейа-Суэртой и кастейским замком.

— Знаменитым своей роскошью в те далекие времена, — вздохнула Лиссия. — Бабушка Клеменсо была в девичестве до'Кастейа, так что в замке у него были кузены, которые привечали и его, и Сааленду, стоило им только захотеть подышать свежим горным воздухом. Но все же он был странным человеком.

Странным, потому что хотел ввести в правительство мелкопоместное дворянство и даже купцов. Как и его прадед Алехандро, он видел в них противовес графам и баронам, поэтому обнародовал свой проект созыва нового Парламента. Он также решился на войну с Пракансой, предпочтя ее мелким пограничным стычкам, и не пожелал жениться на предложенной ему в знак примирения принцессе, в отличие от Алехандро, который в свое время

женился на Ринате до'Праканса. Когда в 1047 году Клеменсо убили, одни сочли, что это дело рук баронов, другие — что за этим преступлением стоит Праканса. Но были и те, кто считал, будто Клеменсо и Саалендру убили Грихальва, из тех, кто хотел отомстить за отвергнутую девушку.

Как бы там ни было, брат Клеменсо стал герцогом Коссимио I, и в 1049 году прелестная Корассон Грихальва стала его любовницей. Они также проводили много времени в том поместье, где брат Коссимио и кузина Корассон были когда-то так счастливы. В 1052 году Коссимио купил это поместье для своей любовницы, и они прожили в нем почти год. Больше не было разговоров об изменении состава правительства или о войне с Пракансой. Государственные дела утомляли Коссимио, и он оставил их своим советникам, в число которых, к счастью, входил талантливый Тимиус Грихальва, сводный брат Корассон, который в один прекрасный день должен был стать Верховным иллюстратором.

В 1058 году Корассон погибла, упав с лошади. Коссимио, потрясенный, вернулся в столицу и с головой ушел в работу, чтобы заглушить свое горе. Вскоре он женился на Кармийе до'Праканса — младшей сестре той самой принцессы, которая предназначалась в жены его брату, и правил после этого еще тридцать семь лет. Он ни разу не бывал ближе чем в сорока милях от поместья, принадлежавшего теперь Грихальва и называвшегося Корассон. Когда Коссимио умер, оказалось, в его «Завещании» было специально оговорено, чтобы сердце его похоронили рядом с давно погибшей любовницей. Великая герцогиня Кармийа, которая никогда не слышала даже имени Корассон, не то что историю вечной любви своего мужа к другой женщине, приказала вынуть сердце Коссимио, как он сам того пожелал. Потом своими собственными руками она выбросила его в одно из самых глубоких болот в Лагго Соно.

— Какая ужасная история! — воскликнула Мечелла.

— В ней есть весьма прискорбные моменты, — признала Лиссия.

— Лучше бы ты мне этого не рассказывала. Я теперь глаз не сомкну в этом ужасном месте.

— Не надо винить в этом дом, Челла. Корассон — чудесный уголок, хоть мы и не увидим его в то время года, когда он выглядит лучше всего. И дом очень удобный, несмотря на то что такой старый. Это место создано для любовников... — Она вздохнула. — Мы с Ормальдо провели там несколько ночей по дороге в кастейский замок, сразу после свадьбы. Думаю, тогда-то я в него и влюбилась.

Когда Мечелла увидела Корассон, она тоже влюбилась — это место покорило ее вопреки всяким предчувствиям. Неприятные ассоциации сразу выветрились из головы. Ей казалось родным буквально все: островерхие башни с причудливыми амбразурами, голые по зимнему времени стебли вьющихся роз и огромные древние дубы, сводчатые окна и маленькие круглые башенки. Все это напоминало гхийасские замки ее детства, не хватало лишь рва и подъемного моста, но этот замок был построен не для войны.

— Не помню ни его прежнего названия, ни имени того, кто его построил, — сказала Лиссия, когда их экипаж прогрохотал по аллее и остановился у входа в дом. — Ты можешь сказать, что все эти башни и бойницы выглядят нелепо, как будто дом пытается притвориться замком, — но это красиво.

Кабрал помог им выйти из экипажа.

— Счастлив приветствовать вас в самом очаровательном из всех поместий, принадлежавших нашей семье, — улыбнулся он. — Но вам придется поторопиться и обойтись без экскурсии по саду — по-моему, скоро пойдет дождь.

Дождь действительно пошел и продолжался целых три дня, превратив дороги в трясину. Мечелла все это время исследовала старый дом в компании Лейлы, чей острый язычок одновременно смущал и восхищал ее.

— Совершенно скандальное место, даже если забыть о его истории, — заявила Лейла, когда они рассматривали роспись потолка столовой: множество едва одетых парочек на лесной поляне. — Кабрал говорит, что тех двоих в центре принято считать Клеменсо и Саалендрой. Я лично, заходя в любую комнату в этом доме, не могу удержаться от мысли, что в ней могли предаваться любви Коссимио и Корассон.

— В столовой?

— Этот стол такой большо-ой, — протянула Лейла, и Мечелла невольно рассмеялась.

— И пыльный, надо сказать. — Девушка прочертила пальцем узор по поверхности стола. — Теперь здесь никто не живет, только дворецкий и несколько садовников. Их дома там, дальше по дороге. Бедный, заброшенный Корассон!

Мечелла прошлась вдоль ряда стульев с плетеными спинками, рассматривая вышитые на сиденьях цветы, и не смогла найти двух одинаковых букетов.

— Как грустно, что этот дом, знавший столько веселья, сейчас пустует. Хоть кто-нибудь приезжает сюда? Я хочу сказать, может быть, Грихальва используют этот дом так же, как до'Веррада — Катеррине?

— У этого дома есть еще одна особенность. Никто не может зачать ребенка под его крышей.

— Ты смеешься надо мной! Все любовницы и так бесплодны!

— Нет, ваша светлость, я говорю серьезно. Слуги-то всегда рожают, верно? Но ни одна служанка не забеременела в этом доме. Поверьте мне, их специально расспрашивали. И каждый раз они клянутся, что предавались любви где угодно, — в лесу, в амбаре, в одном из домиков, только не здесь. Можно даже подумать, что на дом ниспослано какое-то заклятие, предохраняющее от беременности.

Мечелла рассмеялась.

— Я могу сочинить об этом сказку. Первая хозяйка этого дома была настолько скверной и злой, что издала указ:

каждая женщина, зачавшая ребенка под этой крышей, будет предана смерти. Чтобы обеспечить выполнение своей воли, она договорилась с какой-нибудь старой ведьмой или колдуном.

— Потому что муж ее поглядывал на сторону и где бы они ни жили, всегда происходил скандал из-за какой-нибудь служанки, — подхватила Лейла, включаясь в игру.

— Здорово, я об этом не подумала.

Мечелла стояла, держась руками за спинку стула.

— Хозяйка объявила всем служанкам, что за судьба их ожидает. Конечно, любовь не запретишь, но стоило какой-то служанке отрастить живот, как ее тут же казнили.

— Как ведьму, — добавила Лейла. — Ведь заклятию, наложенному на дом ведьмой, могла противостоять только другая ведьма.

— Но время шло, и ужасная женщина поняла, какую совершила ошибку. Она перепутала слова в заклинании и вместо «служанка» сказала «любая женщина». Поэтому у нее самой тоже не было детей в наказание за ее злость.

— И по сей день с тех самых пор любая женщина, живущая в Корассоне, может зачать ребенка где угодно, но не под его крышей! — заключила Лейла и захлопала в ладоши.

Они пошли дальше осматривать дом. Мечелле до смерти хотелось узнать, приезжали ли сюда Арриго с Тасией, но она не могла решиться спросить об этом. Лейла ей очень нравилась — и сама по себе, и потому, что была сестрой Кабрала, но обсуждать с ней столь личные вопросы Мечелла не считала возможным.

В сыром коридоре, ведущем в музыкальный салон, Лейла вдруг небрежно сказала:

— Последний визит до'Веррада в это поместье едва не закончился несчастьем. В конюшнях начался пожар, и отец Великого герцога Коссимио чуть не погиб, пытаясь спасти свою любимую лошадь. После этого он возненавидел Корассон, купил Чассериайо, и с тех пор ни один до'Веррада не приезжал сюда.

Таким образом Мечелла получила ответ на свой вопрос, не задавая его. Арриго никогда не бывал здесь. Есть в Тайра-Вирге хотя бы одно место, которого он никогда не видел. Эта идея понравилась Мечелле: она сможет рассказать ему что-то новое о его собственной стране. Остаток дождливого утра Мечелла посвятила дотошному изучению дома, вплоть до мельчайших деталей отделки, чтобы лучше описать Корассон, когда они вернутся домой.

Вся беда в том, что чем дольше Мечелла смотрела на Корассон, тем явственнее представляла себе, что это и есть ее дом. Его архитектура напоминала столь дорогие ее сердцу огромные гхийасские замки. Ей нравилась планировка: комнаты здесь были приспособлены для нормальной жизни, отличаясь мягким изяществом, а не церемониальной пышностью. Ей нравился огромный сад, обещавший пышное цветение роз и других цветов, нравились огромные деревья и маленькие садики, спрятанные за многочисленными углами необычного здания.

Но больше всего Мечелле пришлось по душе, что, едва увидев Корассон, она уже могла представить себя его хозяйкой. Себя, Арриго и их детей.

Корассон был построен не для войны. Что бы там ни говорила Лиссия, не был он задуман и как любовное гнездышко. Это был дом для семьи. Достаточно увидеть шестнадцать спален второго этажа, чтобы понять: жить здесь должны муж, жена и куча детишек.

Стыдно, что Грихальва — а кто они такие, если не огромная семья, — не использовали Корассон как должно. Мечелле казалось, что дом скучает без счастливой семейной пары, без множества детей с их няньками и учителями, без игрушек, забытых на ступенях лестницы, без пони в конюшнях и путающихся под ногами собак, без смеха, игр и даже ссор, то есть без обычной веселой суеты провинциального дома. Сама Мечелла никогда такого не видела, даже в домах своих подданных. Она лишь предположила, что именно так существовала семья Лиссии в кастейском замке, когда был жив граф Ормальдо. Что-то в этом роде должно было происходить и в Палассо Грихальва — еще бы, там столько детей! Но, построенный для счастливой семейной жизни, Корассон был заброшен и пуст.

— Как ты думаешь, Кабрал, — сказала Мечелла однажды вечером, когда все они сидели в столовой и ждали Лиссию, — согласится ли твоя семья продать Корассон?

— Продать?

Его брови поползли вверх от удивления. На другом конце стола Лейла подавилась смешком.

— Простите меня, ваша светлость, но Грихальва вот уже в течение двух поколений пытаются избавиться от поместья!

— А теперь ты это сделала, — ухмыляясь, упрекнул ее Кабрал.

— Что она сделала? — спросила Лиссия. Она появилась в проеме двери и поспешила занять свое место за столом. — Давайте тарелки. Я умираю от голода и не намерена дожидаться ваших мальчишек.

— Я хочу купить Корассон, — объяснила ей Мечелла.

— А моя глупая сестра, — добавил Кабрал, — только что рассказала ей, что он вот уже лет пятьдесят как продается, только покупателя не нашлось!

Лиссия радостно засмеялась.

— До чего же выгодную сделку ты заключишь, Челла! И какую шутку мы сыграем с Вьехос Фратос!

Лейла, вздохнув, посмотрела на брата.

— Похоже, графиня никогда не простит нашу семью.

— Не могу понять почему, — сказал он невинным тоном. — Алдио не виноват, что маленькая донья Гризелла сумела залезть в его ящик с красками...

— ...решив, что все мои платья будут красивее, если разрисовать их красными цветами! — закончила за него Лис-

сия, сверкая глазами. — И после этого Алдио имел наглость заявить, что у моей дочери хорошее чувство цвета!

— Алдио всегда был отменным критиком, — честно признался Кабрал.

Хмыкнув в знак одобрения, Лиссия обернулась к Мечелле.

— Послушай, каррида, если ты это серьезно, мой дворецкий остановится здесь в следующем месяце по дороге в Мейа-Суэрту. Он может осмотреть хозяйство и сказать тебе, будет ли поместье приносить доход. Постройки тоже надо будет осмотреть.

Лиссия разрабатывала приобретение Корассона, как маршал — важное сражение. Она составляла списки, уточняла цены и обсуждала, что и как надо будет перестроить или отремонтировать. В ответ на это Мечелла лишь пробормотала, глядя на потеки дождя на стекле:

— Эйха, по крайней мере мы можем быть уверены, что крыша не течет.

Но если поначалу ее удивил энтузиазм графини, то этой же ночью она вспомнила, что говорила ей Лиссия о необходимости иметь свою власть, союзников и крепость, и радость ее слегка потускнела.

Через два дня они покинули Корассон. Долгие часы их тесный экипаж разбрызгивал колесами жидкую грязь. Наконец Мечелла с облегчением увидела небольшой монастырь у самой дороги — место их сегодняшней ночевки.

Мечелла расхаживала взад и вперед по тускло освещенному нефу маленькой санктии, стараясь размять онемевшие члены и прогнать боль. Подошел Кабрал с листом бумаги в руках. Это был детальный рисунок Корассона.

— Работа Рафейо, — объяснил Кабрал. — Он устал ждать, когда дождь прекратится, вышел на улицу и нарисовал это. Я подумал, вам будет приятно увидеть рисунок.

— Он в самом деле талантлив. Я должна поблагодарить его за подарок.

— Но это... это не подарок. — Кабрал явно испытывал неудобство. — Рафейо показывал нам свою папку с рисунками. Он снизошел до меня, чтобы обсудить сложности в изображении зданий.

— Понятно.

Она подошла к укрепленной на колонне лампе — повнимательнее рассмотреть рисунок.

— Он действительно очень хорош. Хочется потрогать эти розы, готовые распуститься с первыми лучами весеннего солнца. Он не может одолжить мне эту работу? Я обещаю вернуть ее, после того как покажу Арриго.

— Я уверен, что одолжит, ваша светлость.

Она заколебалась.

— Как ты думаешь, Рафейо все еще ненавидит меня?

— Никто не может ненавидеть вас, провсдя хотя бы две минуты в вашем обществе. Вас можно только обожать, — тихо сказал Кабрал. Свет лампы отражался в его зеленоватых глазах.

Ей удалось скрыть свое изумление и улыбнуться.

— Как это мило с твоей стороны, Кабрал. Но мне будет спокойнее, если он хотя бы не станет меня презирать.

— Ваша светлость... Мечелла...

И тут его внезапно заглушил серебряный звон колоколов, призывавший всех, кто его слышит, отведать от щедрот санктии. Простой пище предшествовала краткая благодарственная молитва. Старший санкто, шаркая, вошел в неф. За ним последовали остальные санктос и санктас, мальчики Грихальва и Лейла. Лиссия, как всегда, явилась последней. К тому моменту, как все собрались и санкто начал свое песнопение, Кабрал отошел от Мечеллы, и она понемногу успокоилась.

Не выпуская из рук рисунка, Мечелла взглянула на Рафейо, стоявшего в толпе молящихся. Она заметила, что, хотя Грихальва и исполняли все обряды, большинство из них были обижены на эксклезию, объявившую их страшными грешниками, которым оставался лишь один шаг до ереси. Но только Рафейо выставлял напоказ свое презрение. Когда принесли маленький Первый Хлеб, от которого все присутствующие должны были отщипнуть по кусочку, Рафейо демонстративно отступил назад и сложил руки на груди. Старый санкто нахмурился. После минутного замешательства хлеб перешел от иллюстратора, стоявшего слева от Рафейо, к Лейле, его соседке справа.

Мечелла старалась не реагировать на проявление неуважения к своей особе. У мальчика, как и у нее, есть свои причины для недовольства, возможно, не менее веские. Но она не могла не заметить, как он бессердечно отверг символические дары жизни, дары, в число которых входил и его собственный талант. Она вспомнила, как Лейла говорила, что такой талантливый художник имеет право на амбиции. Но сейчас, когда Мечелла увидела выражение крайнего недовольства на лице старого санкто и прямой вызов в черных глазах Рафейо, она поклялась, что этот самонадеянный Грихальва станет Верховным иллюстратором только через ее труп. И это не имеет никакого отношения к его матери — почти никакого. Просто Мечелла не желает, чтобы такой человек, как Рафейо, находился в непосредственной близости от ее семьи.

Мечелла перекатывала на языке крошечный кусочек хлеба, слушала, как санкто поет славу и благодарность Пресвятой Матери и Сыну, и молилась, чтобы они подарили здоровье и долголетие Верховному иллюстратору Мекквелю.

45

Когда хмурым зимним утром Мечелла и Лиссия прибыли в Мейа-Суэрту, приготовления к Пенитенссии были в самом разгаре. При виде забрызганных грязью экипажей, влекомых измученными лошадьми, все в городе прекращали работу, чтобы при-

ветствовать их. Одни застывали на лестницах, куда взобрались, дабы повесить знамена, другие цеплялись за столбы высоких уличных фонарей, которые в этот миг украшали. Булочники и мясники выскакивали из своих лавок прямо в белых от муки или красных от крови передниках. Все кричали, пели, махали руками и благословляли вернувшихся женщин.

От этих криков Мечелла проснулась, усталая и дрожащая от слабости. Сон ее был нелегок, пробуждение — внезапно.

— Что случилось?

— Они требуют, чтобы мы показались. — Лиссия слегка подтолкнула ее локтем. — Приведи в порядок волосы, каррида. Я открываю занавески.

Мечелла, морщась от боли, попыталась расчесать волосы руками, но быстро сдалась.

— Я выгляжу полной развалиной, Лисси. В самом деле надо показываться им в таком виде?

— Да.

Лиссия раздвинула тяжелые тканые занавеси. Мечелла еле удержалась, чтобы не отпрянуть, испуганная открывшейся картиной. Над лицами людей, столпившихся у экипажа, качались черепа — сотни и тысячи черепов. Они скалились из каждого окна, с каждого фонарного столба, и украшавшие их черные ленточки развевались на ветру. Наверху, под крышами, плясали скелеты, привязанные к веревкам, протянутым между домами. Все окна были задрапированы черной материей, казалось, будто целое кладбище переселилось в город.

— Пенитенссиа, — повторяла про себя Мечелла, цепляясь за руку Лиссии и стараясь не показать, как она испугана. — Это только Пенитенссиа, вот и все, просто город готовится к празднику...

Но лошади оказались такими же пугливыми, как она, их тоже поразил этот танец смерти над головами. Экипаж накренился. Мечелла вскрикнула.

— Она ранена...

— Нашей Мечелле плохо!

— Пресвятая Мать, помоги ей!

— Доктора, скорее, это может повредить ребенку!

Поднявшись с помощью Лиссии, Мечелла пыталась разубедить толпу. Она улыбнулась, помахала рукой и крикнула, что чувствует себя прекрасно. Но слух распространялся как лесной пожар, и по всей улице пронесся протяжный стон.

— Матра Дольча, смилуйся над нашей Мечеллой!

— Клянусь своей семейной иконой, я раздам бедным весь доход этого месяца, если с доньей Мечеллой и ее ребенком ничего не случится...

— Жертвую санктии свой серебряный кубок...

— Найдите врача! Скорее!

Перекрывая горестные стоны и многочисленные обеты, громкий мужской голос выкрикивал: «Дорогу! Дорогу!»

— Кабрал!

Мечелла увидела знакомое лицо. Кабрал пробирался к экипажу, расталкивая плечами толпу. Он был давно небрит и выглядел уставшим. Когда он приблизился к окну, Мечелла схватила его за руку.

— Кабрал, скажи им, что со мной все в порядке, скажи им...

— Вам нужно показаться самой! — завопил он, перекрывая шум.

— Я не могу!

Она сжалась и вцепилась в руку Лиссии.

— Надо, иначе люди совсем ополоумеют, лошади понесут, и вы действительно будете в опасности! Скорее, Мечелла! А то нас всех затопчут!

— Покажись, — приказала ей Лиссия. — Я слишком маленькая, меня они не увидят. Открой дверь и встань, я буду держать тебя за юбки, а Кабрал поможет удержать равновесие. Поторопись, Челла!

Опираясь на руку Кабрала, Мечелла встала в дверном проеме, и при виде ее толпа взревела от восторга. Она помахала рукой. Невероятно, но этот жест заставил их замолчать. Мечелла испуганно взглянула на Кабрала. Он ободряюще кивнул ей. Глаза его так и сияли.

— Добрые люди... — произнесла Мечелла.

И тут она увидела их лица. Все люди смотрели на нее с любовью, беспокойством, радостью.

— Родные мои, — поправилась она.

Ответом ей был одобрительный рев, подхваченный всеми вокруг и докатившийся эхом до самого Палассо Веррада...

...где Арриго вынужден был остановиться на середине фразы, прервав речь, обращенную к гильдии кузнецов. Он слушал, и тысячи предположений роились в его мозгу. Наконец в реве стали различимы отдельные слова. Эту песенку он уже слышал. Арриго едва успел разобрать слова, как глава гильдии воскликнул:

— Донья Мечелла вернулась! Спасибо Пресвятой Матери, наша Мечелла наконец-то вернулась домой!

— Мердитто! Ты бы ее видела! Она шла по улице перед экипажем, а Лиссия сидела на козлах с вожжами в руках!

— Эйха, Лиссия обращается с лошадьми лучше, чем с собственными детьми, — пробормотала Тасия, зная, что Арриго ее не услышит. Никто другой тоже не мог услышать: в ее доме этой ночью было пусто, как на кладбище, когда хоронят бедняка. И так же холодно.

— Она шла — шла пешком! — всю дорогу до самого Палассо, а люди пели и поднимали своих детей повыше, как будто стоило им взглянуть на нее, и они получили бы благословение на всю оставшуюся жизнь!

Арриго расхаживал по темной прихожей. От двери к лестнице на которой сидела Тасия, снова к двери и снова к лестнице.

— Моя жена, гхийасская принцесса, в грязном платье, на три размера меньше, чем нужно, и в каком-то вшивом крестьянском плаще! Волосы всклокочены, а рядом с ней идет Кабрал, улыбаясь как идиот...

Тасия пересела на нижнюю ступеньку лестницы и зажала руки между коленями. Все это она уже слышала утром от Ра-

фейо, и он тоже не восхищался Мечеллой, но по сравнению с этой тирадой отвращение мальчика было просто восторженным гимном.

— А я должен был стоять на ступенях Палассо с отцом, матерью и всеми советниками, смотреть на это представление и делать вид, что мне все это нравится! Когда она наконец прибыла — как маршал, во главе всего этого сброда! — мне пришлось поцеловать ее и битых полчаса еще стоять и слушать, как они орут, надсаживая глотки, прославляя ее! Сначала она убегает из дома, как вор, а теперь вот так возвращается!

Тасия взяла с пола маленькую лампу, встала и посмотрела на Арриго снизу вверх. Серебра у него в волосах прибавилось. Неудивительно, ведь у него на плечах лежала тяжесть управления государством, а его жена в это время устраивала спектакль для себя одной.

— Я замерзла, Арриго.

Он остановился, глухо стукнув каблуками о доски пола.

— Ты что, не слушала? Ты понимаешь, что она сделала?

— Конечно. Она вернулась домой, к тебе.

Он уставился на нее, пораженный.

— И это все, что ты хочешь мне сказать?

— Она вернулась к тебе, — повторила Тасия. — А ты вернулся ко мне.

Она взяла его за руку и отвела в маленькую комнатку под лестницей. Зажгла свечи над обитым тканью диваном и заперла дверь на оба замка.

Пенитенссиа была самым мрачным и в то же время самым шумным праздником в календаре екклезии. Этот праздник был одновременно избавлением от бед старого года и жизнерадостной встречей нового. Дата слегка смещалась каждый год, потому что третий день праздника должен был совпадать с первым днем новолуния.

Первый день, Диа Сола, был предназначен для уединенного размышления о грехах прошедшего года. Никто не выходил из дома, разве только при чрезвычайных обстоятельствах. Город лежал пустынный и тихий, только скелеты плясали в вышине над черными улицами, гремя костями на зимнем ветру.

Второй день, Диа Меморриа, был посвящен памяти предков. Приводили в порядок могилы, сверху клали скромные приношения из воды и муки. Для умиротворения тех умерших, у кого не осталось живых потомков, применяли кусочки бумаги с изображенным на них знаком Матери и Сына. Сверху клали мелкие камешки, чтобы ветер не сдул бумагу с могильного камня. Вся Мейа-Суэрта не спала до полуночи, жгли большие черные свечи, чтобы увидеть блуждающие души, которым забыли воздать в этот день причитающиеся почести.

Когда наступал день Херба эй Ферро, женщины запирались дома и плели специальные амулеты с помощью железных булавок и собранных на кладбище трав. Сложные узлы — у каждой семьи был свой узор, передававшийся из поколения в поколение, от матери к дочери, — обозначали защиту: мертвые защищали живых в знак благодарности за то, что их помнят. Пока женщины

плели свои чары, мужчины делали фигуры из дерева, соломы и железных гвоздей. Фигуры людей и животных заворачивали в черную ткань, расписанную белыми линиями скелета, и увенчивали символизирующими грехи и несчастья масками в виде черепов. В сумерках эти привидения проносили по улицам города. Во главе процессии шли Премио Санкто и Премиа Санкта, нараспев читая молитвы. Когда ночь опускалась над городом, все собирались на площади перед храмом, где готовые фигуры укреплялись на шестах, обложенных тюками сена. В полной тишине, во тьме, не нарушаемой ни факелами, ни светом луны, люди глазели на призрачные изображения Жадности, Зависти, Гнева, Болезни, Измены и других грехов и несчастий. Жуткое зрелище усугублялось тем, что благодаря специальной белой краске нарисованные скелеты светились в темноте. Почти всем детям в течение нескольких недель после праздника снились кошмары, и до середины весны они старались вести себя примерно.

С рассвета и до полудня на Диа Фуэга взрослые приходили, чтобы приколоть к фигурам кусочки бумаги. На них были вкратце изображены все беды прошедшего года — от тяжелой болезни или неудачи в делах до неудачного романа или пропажи коровы. После полудня дети забрасывали фигуры камнями и грязью. На шее у каждого ребенка был амулет, сплетенный вчера его матерью.

Когда на небе появлялась молодая луна, Премио Санкто и Премиа Санкта, стоя вместе с Великим герцогом на ступенях храма, провозглашали, что старый год закончился. Обложенные соломой фигуры поджигались. На кладбищах сжигали все кусочки бумаги, а на камешках можно было погадать, пока пылающие соломенные фигуры, сгорая, забирали с собой все несчастья старого года и очищали мир для нового. Вернувшись домой, все дарили друг другу подарки и садились пировать. А если праздник и выплескивался на улицы, это было вполне естественно — после одиночества, созерцания грехов и страшных светящихся скелетов.

Этой же ночью все гильдии собирались в своих залах, чтобы услышать, кто же получил приз за лучшую работу года. Резчики по дереву и плотники, гончары и стекольщики, дубильщики и сапожники, шорники и золотых дел мастера, каменщики, бондари, каретники и особенно иллюстраторы Грихальва — представители всех профессий с волнением ожидали, чем же закончилось соревнование в этом году. После объявления имен победителей зачитывались списки учеников, получивших звание мастера. Лучшие из них удостаивались чести сопровождать главу гильдии и победителя в Паласссо Веррада, где собирались все шедевры.

Пенитенссиа была любимым праздником Коссимио. На Диа Фуэга Гизелла устраивала потрясающий прием, а сам он получал множество всевозможных подарков. И упивался очевидным превосходством Тайра-Вирте во всех ремеслах. Но на этот раз Коссимио неожиданно совершил поступок, отличавшийся дипломатичностью и вызвавший шумное одобрение. Он объявил, что лучшие изделия мастеров Мейа-Суэрты, то есть все те подарки, которые всегда преподносились лично ему, в этом году будут

отданы всеми любимой донье Мечелле в знак благодарности за ее беззаветное служение Тайра-Вирте.

Донья Мечелла была пунцовая на протяжении всей церемонии подношения подарков. Дон Арриго стоял рядом с ней и улыбался, улыбался, улыбался. А если его улыбка иногда казалась вымученной... Эйха, это потому, что он волновался, не переутомится ли его жена от долгого стояния на ногах. До отъезда в Кастейю ее беременность была не слишком заметна, но сейчас она очень сильно располнела и так сияла, что все слухи о ее болезни казались лишь глупой шуткой и прекратились сами собой. И конечно, когда Арриго воспользовался первой же возможностью, чтобы увести свою жену наверх, отдыхать, это было сочтено трогательным проявлением его супружеской преданности.

Со здоровьем Мечеллы все было в порядке. Задним числом она даже стыдилась, что когда-то могла себя чувствовать больной. Прав Меквель: стоит решить, что у тебя слишком много дел, и все недуги отступают сами собой. А еще она поняла, что может принести своей стране гораздо больше пользы, чем просто родить ей наследника. Жизнь была бы прекрасна, если б Арриго не хмурился, как только они оставались одни.

На следующее утро, когда Мечелла сидела на кровати и разглядывала разложенные по всей комнате прелестные вещицы, вошел Арриго и сообщил, что свой день рождения он будет отмечать не в Палассо.

Мечелла испуганно уставилась на него.

— Но... я думала, мы проведем этот день вместе, ты, я и Тересса...

— Я договорился об этом, когда тебя еще не было в Мейа-Суэрте, — сказал Арриго и взял в руки роскошную кружевную шаль. — Я же не знал, когда ты вернешься. Отказаться теперь было бы просто неприлично. Красивая вещь, правда? Узоры в виде солнца вытканы всего лишь тонкой золотой нитью, а смотрится прекрасно. Не то что эти яркие безвкусные штуковины, которые продают в Нипали.

Лаская шаль пальцами, он внезапно спросил:

— Что ты собираешься делать со всем этим?

— В каком смысле?

— У нас полно ваз и гобеленов... А это что, солонка? И, честное слово, у тебя достаточно драгоценностей.

Он кивнул в сторону открытой коробочки с золотыми сережками в виде крошечных ирисов с бриллиантовыми капельками росы.

— Отец, бывало, ночей не спал — все думал, с чем ему не жаль расстаться, чтобы послать на благотворительный аукцион.

— Я знаю, — тихо ответила она. — Помню с прошлого года. Не хочу критиковать твоего отца, но мне кажется, все эти люди хотели бы, чтоб мы сохранили эти предметы и пользовались ими.

— Ты намерена оставить все это?

Уголком шали он потер пуговицу своего шагаррского мундира, надетого по случаю парада в честь дня его рождения.

— Едва ли это согласуется с твоей новоприобретенной репутацией.

Мечелла задохнулась от бессмысленной обиды, но потом решила, что ей просто показалось, — не может быть, чтобы он был так жесток с ней.

— Я хочу спросить твоего отца, какова ежегодная выручка от этого аукциона, и передать такую же сумму школам.

Арриго насмешливо поднял брови.

— А выдержит ли твой кошелек? Если прибавить кастейские расходы и то, что ты тратишь на одежду, то к концу месяца ты останешься без денег.

Ответ Мечеллы был чуть более резким, чем ей хотелось:

— Ты забыл про ту часть моего приданого, которую мы получим, когда я рожу Тайра-Вирте наследника.

— Твое приданое пойдет в казну до'Веррада, а не в твою, — парировал он.

— Мой отец будет щедр ко мне, когда я рожу ему внука.

— Надо бы сказать это моему отцу, чтобы он перестал вздыхать о деньгах, ушедших на восстановление этих проклятых деревень!

— Хватит на все, — резко ответила она. — Не беспокойся. И еще останется достаточно, чтобы я могла...

Она не собиралась рассказывать ему о своих планах таким образом, слова вырвались сами:

— Все это я направлю в Корассон.

— В Корассон?

— Я собираюсь купить его, Арриго.

— Матра Дольча! Откуда у тебя такие нелепые идеи?

— Мы останавливались там по пути домой, и я... Я хочу этот дом, Арриго. Я хочу жить там. Конечно, не тогда, когда мы нужны в Палассо.

Мечелла так хотела купить Корассон, что от волнения не могла найти нужных слов, особенно теперь, когда Арриго уставился на нее в немом изумлении.

— Грихальва никогда не продадут его.

— Они вот уже пятьдесят лет как хотят от него избавиться. Когда родится мой сын, мой отец...

— Твой сын? А я тут, значит, ни при чем? А если опять будет девочка?

— Это мальчик.

— Ты и в прошлый раз так говорила.

Переливающаяся золотом шаль зацепилась за его кольцо с печатью. Не обращая на это внимания, Арриго продолжал:

— Ты знаешь историю Корассона? Его построили Серрано до того, как грозный Верховный иллюстратор Сарио сокрушил весь их род. Все Серрано, когда-либо жившие под его крышей, умирали насильственной смертью по дороге туда или оттуда. Кого-то сбросила лошадь, у кого-то экипаж перевернулся, или его убили бандиты, или это была смерть от сердечного приступа — смерть их была внезапной и трагической. И ты хочешь жить в таком ужасном месте?

— Они умерли не в Корассоне. При чем же тут дом?

Мечелла подалась в его сторону, ее руки, лежавшие на коленях, были стиснуты.

— И потом, может, именно мы и вернем Корассону удачу. Я хочу, чтобы у нас был свой собственный дом...

— И был бы, если б ты не ненавидела так Чассериайо.

— Я не ненавижу его, я просто... О Арриго, Корассон такой красивый...

— Никогда его не видел, — пожал плечами Арриго.

От этих слов в ней поднялась волна неистовой радости. Лейла сказала правду, эта женщина никогда не привозила его туда. Корассон будет только их домом, его и ее. Но радость прошла, стоило ему закончить:

— Эйха, если тебе нравится планировать эту покупку, что ж, на здоровье. Но я уверяю тебя, Грихальва никогда его не продадут.

— Ты просто не хочешь, чтобы я его покупала! — выпалила Мечелла. — Ты не хочешь, чтобы мы там жили! Тебе хотелось бы, чтоб я оставалась в Палассо!

Теперь Арриго выглядел еще более удивленным, но удивил его скорее тон, а не слова.

— Мне казалось, что это очевидно. Ты моя жена и мать моих детей. Ты должна быть рядом со мной, а не неизвестно где, в каком-то ветхом...

Внезапно он рассмеялся.

— Ну конечно, вот в чем дело! Лиссия заразила тебя своей болезнью, которая заставила ее чуть ли не заново строить замок в Кастейе. Это ее затея.

— Она только предложила нам заглянуть в Корассон по пути домой! И он совсем не ветхий, он чудесный, и я собираюсь купить его, а ты не сможешь мне в этом помешать!

— В самом деле?

Он шагнул к кровати, сжав кулаки вместе с тонким кружевом шали. Потом с видимым усилием взял себя в руки и небрежно пожал плечами.

— Это мы обсудим в другой раз. Я опаздываю. Поцелуй за меня Терессу.

Дверь захлопнулась за его спиной.

Мечелла схватила первое, что ей попалось под руку, — маленькие резные часы из розового дерева, увенчанные покрытым разноцветной эмалью медным петушком. Каждый час он хлопал крыльями и кричал. Она чуть не запустила прелестной вещицей вслед мужу, только чтобы услышать, как она разобьется о дверь. Но Мечелла не в силах была уничтожить творение искусного мастера. И потом, часы так хорошо будут смотреться в Корассоне.

Она запустила в дверь подушкой.

В ту же минуту из двери в гардеробную вышла Отонна. Она подняла подушку и мимоходом взбила ее.

— Итак, ни одного дня с семьей, ваша светлость?

— Перестань подслушивать у дверей, Отонна. Это просто дерзость.

— Боюсь, это моя вина.

Повернувшись на звук нового голоса, Мечелла увидела Лейлу Грихальва, выходящую из той же гардеробной.

— Я пришла вернуть вещи, которые вы одолжили мне во время путешествия, ваша светлость. И мы совсем не собирались подслушивать, честное слово...

Мечелла почувствовала, что ее раздражение проходит. Потрогав пальцем радужные крылышки маленького петушка, она сказала безжизненным голосом:

— Все это не важно. Вся Мейа-Суэрта к вечеру будет знать, что он праздновал день рождения не со мной.

— Ваша светлость...

Мягко ступая, Лейла подошла к ней поближе.

— Ваша светлость, вы подумали... Извините меня, но... Вы же понимаете, с кем он его празднует.

Мечелла, потрясенная, уставилась на обеих женщин. Лица их не выражали ничего, кроме симпатии и сочувствия. Никаких сожалений по поводу ее наивности, а ведь она должна была сразу догадаться, куда идет Арриго. Только безграничное сострадание к ней и гнев в его адрес.

— Где? — спросила она требовательно. — Скажи мне, где они будут!

46

— Он? Оскорбит меня?

В глубине темного экипажа Мечелла задыхалась от злости. Это был ее собственный экипаж, не тот, который она брала у Арриго. Он был подарком Коссимио, его делали лучшие каретники, шорники и кузнецы Тайра-Вирте, а на дверце еще не высох герб Великих герцогов, нарисованный вчера Кабралом.

— Он относится ко мне, как взрослый к ребенку, хочет, чтобы я жила в Мейа-Суэрте, — еще бы, конечно, хочет! Чтобы прекратить сплетни! Как будто я одобряю эти отношения и выражаю это тем, что живу в одном городе с этой женщиной!

Лейла слушала ее — испуганная, пораженная и все же в глубине души чуть-чуть довольная.

— Виноват здесь не дон Арриго, ваша светлость, не только он. Вы должны понять, что она очень умная женщина. И очень честолюбивая, как в отношении себя, так и своего сына.

— Он такой же скверный, как и его мать! — процедила Мечелла. — Что он, что она, мердитто, дерьмо вонючее!

Лейла удивленно моргнула — она и не подозревала, что Мечелла знает такие слова. Но она не стала удивляться вслух, а принялась втолковывать Мечелле, что она должна злиться не на Арриго, с которым еще можно восстановить хорошие отношения, а на Тасию.

— То добро, которое вы совершили в Кастейе, она направила против вас. Понимаете, там были вы, а не он. И она убедила его, что вы сделали это нарочно, чтобы он выглядел дураком.

— Он мог бы поехать со мной! Мог не повиноваться отцу!

Она вдруг сникла и устало откинулась на темно-голубые подушки.

— Нет, конечно, не мог. У него были более важные дела, он наследник. Только я могла так поступить, ведь я иностранка, и все вокруг обсуждают мои странности, я знаю...

— Никто никогда не делал этого, ваша светлость. И вы больше не иностранка в Тайра-Вирте. Люди любят вас.

— Любят ли?

— Вы прекрасно знаете, что любят! Эйха, да стоит только послушать, как они приветствуют вас и скандируют ваше имя...

— Наверное, она и это против меня использовала.

— Я же говорю, она очень умная женщина.

Лейла с трудом удерживала равновесие в подпрыгивающем на ухабах экипаже, мечтая о капельке света, чтобы можно было рассмотреть выражение лица Мечеллы и подобрать правильные слова.

— Вы должны быть готовы к ее коварству. Я могла бы вам помочь, если б знала, что вы затеяли.

— Хватит и того, Лейла, что ты поехала со мной сегодня. Я тебе очень благодарна.

— Мне все же хотелось бы знать ваши планы.

С каким-то мрачным фатализмом Мечелла ответила:

— Ну конечно, я хочу помочь своему мужу отпраздновать день рождения. Зачем, по-твоему, Отонна расставляла сегодня мое лучшее платье?

Как бывшей любовнице наследника, Тасии полагался не только дом в городе, но и собственное поместье. Загородный дом назывался Каса-Рекколто, и он явился результатом тех двенадцати лет, которые она провела с Арриго. Официальным владельцем дома считалась она, но после ее смерти он должен был перейти в собственность семьи, как Корассон и другие владения официальных любовниц, полученные ими в подарок на протяжении последних веков. Похожий на букву «Т», обшитый деревом, Каса-Рекколто был построен около сотни лет назад. Лейла предполагала, что это была идея Арриго — подыскать Тасии дом такой формы. Почти трехсотфутовый фасад дома служил поперечиной гигантской буквы, остальная часть ее была не видна с дороги. Когда экипаж Мечеллы свернул на аллею, ведущую к дому, Лейла увидела, что он весь сияет огнями, как санктия в праздник Рождества Сына. Из дома доносились громкий смех и приглушенные звуки флейт, виол и кифар. Несмотря на зимний холод, двери были распахнуты настежь, чтобы впустить достаточно свежего воздуха в нагретый множеством свечей дом и слегка остудить разгоряченных танцами, смехом и алкоголем гостей. Мечелла и Лейла вышли из экипажа, изумив расхлябанного лакея. Он бросился было помогать Мечелле взой-

ти по ступеням, но она только царственно кивнула. Лейла проглотила подступивший к горлу комок и последовала за ней.

Оказавшись в доме, любая женщина потратила бы не меньше десяти минут, приводя в порядок прическу, платье и макияж после более чем часовой езды в экипаже. Мечелла остановилась перед зеркалом лишь на мгновение. Сияющая и золотоволосая, она поправила выбившийся из прически локон. На ней было шелковое платье, отливавшее золотым и серебряным блеском. Глубоко вырезанный лиф украшала потрясающая тза'абская жемчужная брошь, привлекавшая внимание к полным плечам и груди. Маленькие складочки скрывали раздавшуюся талию. Голову Мечеллы венчала элегантная жемчужная тиара, свадебный подарок ее отца, золотые локоны сбегали из-под нее по спине. Весь наряд сверкал, как начищенные старомодные доспехи, выставленные в казармах шагаррского полка. Мечелла была готова к битве.

Лейла видела, как она медленно направилась в ту сторону, откуда слышалась музыка и особенно громкий смех. Шелест шелковых юбок казался приближающимися раскатами грома, блестящее золото платья напоминало о сверкающих молниях. Война, буря... Лейла покачала головой. В ее мозгу возникали картины, одна другой неприятнее, заставляя волноваться все сильнее. Она стала тихонько подкрадываться к двери бального зала, убеждая себя в необходимости подслушать, что там происходит. Хорошо, что Мечелла стала действовать сама, вместо того чтобы реагировать на чужие действия. Но Лейла отнюдь не была уверена, что принцесса не наделает глупостей. Судя по наступившей внезапно тишине и резким фальшивым звукам виол, Мечеллу заметили. Лейла скользнула еще ближе к двери и услышала веселый голос Тасии:

— Ваша светлость! Как чудесно!

— Надеюсь, я не слишком опоздала и не испортила нашего сюрприза, — невозмутимо ответила Мечелла.

От изумления Лейла застыла с открытым ртом, совсем как тот лакей на улице. Что еще поразительнее, Тасия Мечеллу поддержала.

— Вы как раз вовремя, и, по-моему, нам с вами здорово удалось удивить дона Арриго — взгляните только на его лицо!

Лейле тоже очень захотелось взглянуть на его лицо — хоть одним глазком! Но Тасия уже продолжала:

— Простите, но я должна ненадолго похитить ее светлость. Надо напоить ее чем-нибудь горячим, на улице страшный холод!

— Мне абсолютно ничего не нужно, уверяю вас!

— Я настаиваю. Музыка! И если за время нашего отсутствия кто-нибудь скажет что-либо действительно интересное, я просто рассвирепею!

Обе женщины улыбаясь прошли по шахматному полу и вышли за порог залы. Улыбки как будто примерзли к их лицам и не сразу пропали, даже когда Тасия взяла Мечеллу под локоток. Затем Мечелла резко выдернула руку и ледяным голосом заявила:

— Я требую полной конфиденциальности.

— То, что я собираюсь вам сказать, не предназначено для посторонних ушей. Мне не нужны сплетни, не беспокойтесь, — огрызнулась Тасия. — Вот сюда, по коридору.

Лейла следовала за ними тихо, как призрак, оставив позади полные гостей ярко освещенные залы, в которых стояло теперь гробовое молчание. Длинный холл представлял собой как бы галерею, все его стены были плотно увешаны картинами. Много пейзажей, натюрмортов, даже несколько карт, но портрет только один. Портрет самой Тасии, разумеется, огромный — вдвое больше, чем в натуральную величину, — и лишь недавно написанный ее сыном Рафейо. Его подпись красовалась в нижнем углу картины. Лейла презрительно улыбнулась, глядя на портрет соперницы Мечеллы, и поспешила дальше.

Она притаилась за кухонной дверью, плотно прижавшись к оштукатуренной стене. Повара и кухонные девки благоразумно предпочли удрать. Лейла придвинулась еще ближе и вытянула шею, чтобы видеть поле битвы.

Мечелла была одета для сражения, но и Тасия тоже. Слишком нарядно одета, едко подумала Лейла. Парчовое платье было перегружено отделкой: огромные голубые цветы, вьющиеся зеленые плети винограда, и на всем платье не найти двух одинаковых цветов или даже листьев. Как будто бездарный Грихальва, напившись, пролил краски на полотно. Но даже Лейла должна была признать, что кружевная шаль была настоящим чудом. Узор из солнышек изящно оттенялся золотой нитью. По сравнению с тонкой, туго затянутой корсажем Тасией Мечелла выглядела огромной, но зато в отличие от Тасии она держала себя по-королевски. И ростом Тасия не вышла. Туфли на каблуках и высокая прическа, конечно, прибавляли ей несколько дюймов. Лейле стало интересно, действительно ли маленькие женщины верят, что эти уловки могут хоть кого-то обмануть.

В облицованной кирпичом кухне обе женщины стояли по разные стороны массивного деревянного стола, в несколько ярусов уставленного вазами с разным печеньем. Некоторое время обе молчали. Потом Мечелла наклонилась вперед, упершись кулаками в изрезанную ножом деревянную столешницу. Тасия склонила голову набок и скрестила руки на груди. Изысканная шаль слегка соскользнула с обнаженных плеч.

— Ну и? Быстрее, меня ждут гости.

— Меня совсем не интересует, что вы можете мне сказать, но советую вам внимательно выслушать то, что намерена сказать вам я.

— И что же это? — Тасия слегка улыбнулась.

— Оставьте двор.

Улыбка Тасии стала шире.

— Вернитесь в свое поместье. Поезжайте путешествовать, лучше всего в Мерс, и чем дольше вы там пробудете, тем лучше. Можете поехать куда угодно. Но вы должны покинуть Мейа-Суэрту и никогда сюда не возвращаться.

— И вы целый час добирались сюда, чтобы сказать мне это? Могли бы и в письме сообщить, заодно и выражения

бы смягчили. Правда, я слышала, что ваше правописание ставит в тупик ваших корреспондентов.

— Меня меньше всего волнует, оскорбят ли вас мои выражения. Я даю вам срок до праздника Сперранссиа — на сборы.

— Вы даете мне срок?

Тасия мелодично рассмеялась, как будто она никогда в жизни не слышала ничего более веселого или не видела никого более забавного.

Мечелла вспыхнула.

— Еще раз попробуете перебить меня, и я прикажу вам собираться сегодня же! Сейчас же! Можете мне поверить, вы уедете отсюда.

— А если я откажусь?

— Вы забываетесь.

— Наоборот, я-то знаю, кто я такая, а вы?

Мечелла напрягла спину, выпрямилась, стиснув пальцы.

— Я знаю, что вы такое. У нас в Гхийасе даже специальное слово есть для таких женщин, как вы.

— Мы не в Гхийасе, — ласково улыбаясь, сказала Тасия. — Скажите, пожалуйста, мне очень интересно. Что именно, по вашему мнению, сможет заставить меня отправиться в эту ссылку, о которой вы говорите?

— Достаточно будет поговорить с вашим мужем.

— Нелепое вы создание! — расхохоталась Тасия.

— Как вы смеете!

— Сейчас вы мне скажете, что я за это поплачусь, или что это не последнее ваше слово, или еще какую-нибудь избитую фразу. Неудивительно, что бедный Арриго раздражается.

Мечеллу трясло от ярости.

— Чирас! — зашипела она. — Канна!

Услышав непристойную брань, Лейла поняла, что все погибло. Она закрыла глаза и прижалась лбом к стене, не желая больше этого слышать.

— Вам по крайней мере стоило бы освоить правильное произношение.

Внезапно голос Тасии перестал быть веселым.

— Итак, кто я? Свинья? Сука? У нас в Тайра-Вирте тоже есть свои поговорки. Например, мердитто альба. Дословно это означает «белое дерьмо», но истинный смысл выражения немного отличается. Как раз подходит для могущественной высокорожденной гхийасской принцессы. На самом деле «мердитто альба» означает человека, который считает, что его дерьмо не воняет.

На мгновение наступила мертвая тишина. Потом Мечелла холодно спросила:

— Как-как вы сказали? Мердитто Альва?

Лейла не поняла, что за треск за этим последовал, но яростный шелест шелков напомнил ей, что пора бежать обратно в холл и делать вид, будто там она и была все время. Разгневанная и покрасневшая, Мечелла даже не заметила ее. Лейла поспе-

шила за ней, от души надеясь, что у Мечеллы хватит здравого смысла не сталкиваться сейчас с Арриго.

Именно это Мечелла и сделала, но совсем не так, как опасалась Лейла. Перед тем как войти в залу, она остановилась, опустила руки, расправила плечи, глубоко вдохнула и, овладев собой, поплыла навстречу мужу. В щелочку Лейла видела, как она спокойно подошла к совершенно подавленному Арриго, взяла его за руку и потянулась, чтобы поцеловать.

— Бонно натайо, карридо, — произнесла она совсем без акцента. — С днем рождения, милый.

Потом она повернулась к гостям, шокированным, но в глубине души скорее довольным, — будет о чем поговорить в течение нескольких месяцев, — и одарила их сияющей улыбкой.

— Простите, что я покидаю вас. Я только хотела сделать Арриго сюрприз, как мы договорились. Желаю вам хорошо повеселиться — нет, нет, милый, не надо меня провожать, я сама доеду.

Лейла чуть не поперхнулась от распиравшего ее смеха. Да, он останется. У него нет теперь выбора. Он останется и вытерпит все косые взгляды, все светские улыбки, скрывающие непочтительные мысли и тайный восторг. И Тасии надо будет это проглотить, когда она придет в себя от последней язвительной реплики Мечеллы.

Но через несколько минут, когда их экипаж покинул ярко освещенную аллею, Мечелла расплакалась.

— Челла, не надо, — утешала ее Лейла. — Она знает теперь, что с вами надо считаться, вы показали ей, какая она сука, ну, пожалуйста, Челла, не надо плакать.

Она погладила Мечеллу по голове.

— Ты слышала? — всхлипнула Мечелла.

— Все до последнего звука. И она не права насчет вашего произношения. Особенно прекрасно прозвучало, когда вы назвали ее мердитто Альва!

Мечелла попыталась рассмеяться.

— А правда, неплохо получилось?

— Великолепно! А теперь осушим наши слезы — надо привести себя в порядок до того, как мы приедем в Палассо. Там вам придется пройти мимо стражников, а они все такие сплетники!

Мечелла пожала плечами.

— Сплетни! Да никто ни о чем другом и говорить не будет весь следующий год! Он не любит меня и никогда не любил, все это знают, Лейла, и все смеются надо мной за моей спиной и жалеют меня...

Она снова захлюпала носом. Лейла попыталась встряхнуть ее.

— Ну нет, уж либо одно, либо другое — никак не все сразу. Вы можете стать, как она сказала, нелепым созданием — тогда они и впрямь будут над вами смеяться. Если вы будете жалкой, они с полным правом примутся вас жалеть. Но можно еще...

— Что можно?

— Можно показать им всем, что вы — та женщина, которую Арриго видел сегодня.

— Ох, Лейла, но мне никогда не было так тяжело!

— Ерунда. Трудно только удержаться, чтобы не выцарапать ей глаза — вот это действительно почти невыполнимая задача!

На этот раз смех Мечеллы прозвучал гораздо непринужденнее, и Лейла добавила:

— Из-за этого вы так стиснули руки? От ногтей могут остаться царапины.

Около полуночи они вернулись в Палассо. Выходя из экипажа, Лейла запнулась о волочащийся по земле кусок кружева. В свете лампы ей удалось разглядеть узор: солнышки, оттененные золотой нитью. Мечелла проследила за направлением ее взгляда и подобрала свисающую ткань, чтобы она не мешала подниматься по лестнице.

— Он отдал ей мою шаль, Лейла, — прошептала Мечелла. Сейчас она была похожа на обиженного ребенка. — Мою шаль. Она порвалась, я содрала ее с этой... Не могла больше видеть, как она носит то, что люди подарили мне...

— Позвольте мне отнести шаль мастерице. Я уверена, ее еще можно починить.

— О нет! Я не могу! Она узнает, что я плохо обращалась с ее прекрасной работой, мне так стыдно.

А вот это как раз и неправильно. Лейла постаралась убедить Мечеллу, что отнести шаль мастерице просто необходимо, это позволит им обратить в свою пользу историю сегодняшнего вечера. Так ее кузены, иллюстраторы Грихальва, делают набросок будущей композиции. Тут слово, там два — сказано вроде бы совсем немного, но вместе эти скромные крупицы правды создадут достоверную картину. Сначала мастерица, затем все ее подруги, а потом и весь народ Мейа-Суэрты будут знать то, что, по мнению Лейлы, они должны знать. А уж она сделает из этой истории такое же произведение искусства, каким была злосчастная шаль. Придворные услышат и, скорее всего, поверят в версию Тасии, но народ любит Мечеллу.

— Я обо всем позабочусь, — заверила она Мечеллу, улыбаясь про себя. — Подняться с вами наверх? Ах, нет, вижу, что Отонна уже ждет. Спокойной ночи, ваша светлость. Постарайтесь уснуть. Все будет хорошо, обещаю вам.

Эйха, да, уж об этом она позаботится.

Утром Дионисо услышал две противоречащие друг другу, но весьма занимательные версии вчерашнего скандала в Каса-Рекколто. Итак, картина будущего начала обретать форму, пора добавить к ней свои собственные мазки. Он даже знает, с чего начать.

Рафейо был один в мастерской, отведенной для тех, кто занимается сейчас с иль агво. Он сидел на табуретке перед пустым мольбертом, полуотвернувшись от двери, на полу у его ног валялись эскизы. Воды здесь было в избытке — слезы ярости и разочарования катились по щекам мальчика. Время от времени он размазывал их кулаком. Но ни одной капли не попадало на карандаши, в беспорядке разбросанные на ближайшем столе.

Первым желанием Дионисо было сказать мальчику, чтобы он не расходовал зря драгоценную субстанцию. Давно уже Дионисо не пользовался своими собственными слезами — месяцами не мог их вызвать. Но он лишь молча стоял и смотрел, поражаясь юношеским эмоциям, — надо же, как легко можно произвести столь драгоценную влагу.

Он кашлянул, предупреждая Рафейо о своем присутствии. Мальчик повернул в его сторону взъерошенную темную голову, лицо было искажено мрачной гримасой. Он сильно вырос с тех пор, как Дионисо впервые увидел его. Сквозь мальчишескую мягкость уже проглядывали суровые черты взрослого мужчины. Но глаза, обращенные сейчас к Дионисо, были глазами обиженного ребенка.

— Только не говори мне, что в твоем возрасте у тебя уже кончились идеи.

— Они хотят, чтобы я сделал официальные рисунки Корассона. Это не моя идея.

— Такова доля иллюстратора. Мы рисуем то, что нам заказывают.

Он наклонился и приподнял за уголок один из эскизов. Надо было точно знать, чего Рафейо уже достиг в этой области искусства, после того как Дионисо внес необходимые изменения в процесс обучения молодежи. Что ж, пожалуй, достаточно. Но пора ему знать больше.

Рафейо пнул стол, загрохотала каменная посуда.

— Все это я уже слышал. Мы должны использовать каждый шанс, чтобы писать свои шедевры. Но все остальные рисуют что хотят — посмотрите только на эти скучные работы, представленные на ежегодный конкурс! А победитель! Катедраль Имагос Брийантос в праздник Астравента! Учитель, да я во сне лучше нарисую!

Губы Дионисо дрогнули. Он и сам так думал, но произносить этого вслух не следовало. Кроме того, как Премио Фрато он имел решающий голос и отдал его в пользу этой мазни. Надо было заручиться поддержкой влиятельного автора картины. Он много думал об этом в последние несколько недель и решил, что если планка «лучших» творений Грихальва и опустится в ближайшую пару лет, что ж, тем заметнее станет талант «Рафейо». Поэтому он и позволил той ужасной картине выиграть соревнование.

— Они даже не подпустят меня к маслу, — продолжал жаловаться мальчик, — стоит им только узнать, что в этом мой главный талант!

— Эйха, посмотрим, чего ты можешь достичь с помощью карандашей.

— Карандашей! — проворчал Рафейо. — Маленькие девочки разрисовывают своих кукол карандашами!

— Но маленьких девочек никто не просит сделать рисунок, который поднимет цену Корассона, когда донья Мечелла начнет торговаться.

Рафейо лишь сильнее нахмурился, показывая, что все это он уже слышал вчера вечером. Дионисо подавил усмешку.

— Все, что от тебя требуется, — это заставить его выглядеть красиво, тогда она не заметит ничего, кроме достоинств.

— И поставить свою подпись под плохой работой?

— Возмущение — ценная эмоция, но не надо перебарщивать. Быть избранным рисовать это — большая честь для тебя, не важно, что пока речь идет о карандашах. Если ты проявишь смекалку, напоминание о красоте Корассона принесет нам большие деньги. Наш кошелек в твоих руках, Рафейо.

— Чудесно, — пробормотал мальчик. — Они выбрали меня только потому, что я был там и от скуки нарисовал эти развалины.

Дионисо вздохнул.

— Если я покажу тебе кое-что полезное, ты успокоишься?

— Что покажете?

— Я предлагаю тебе перестать обижаться на несправедливую судьбу, не давшую тебе выиграть приз в этом году. Имей терпение. Тебе еще только шестнадцать.

— А этот моронно, который выиграл, старше меня всего на десять месяцев!

— Плохо, — без тени сочувствия ответил Дионисо. — Ты плакал огромными слезами из-за этого, и без толку. Выжми из себя еще пару слезинок, и я расскажу тебе, как их использовать.

От новой обиды и унижения из черных глаз Рафейо опять брызнули слезы. На это и рассчитывал Дионисо. Он поймал слезинку на кончик карандаша, подписанного «Коричневый Серрано», — вечное напоминание о семье, которую он сам когда-то истребил для блага герцога, искусства и, что немаловажно, Грихальва. Магия, созданная этими несколькими капельками, будет в лучшем случае слабой, но у него имелись свои идеи на этот счет.

— Корассон должен выглядеть как можно лучше, помнишь? Поэтому ты изобразишь, будто там весна, а не зима. Вьющиеся розы в цвету и молодая листва будут стоить несколько сотен золотых.

— Но ведь там не должно быть цвета...

— Эти ограничения преодолимы. Можно сделать рисунок мягким и теплым, используя вместо черных коричневые и серые тона. Ты можешь обойти монохромность, сделав намек на цвет — желтый и красный цвет роз, зеленый цвет листвы и травы. Это не сам цвет, а скорее уверенность в том, что он существует. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да... кажется.

Рафейо выглядел заинтересованным.

— Надо очень тонко чувствовать материал, чтобы сделать нечто подобное. Вы покажете мне, Премио Фрато Дионисо?

Рафейо быстро усваивал новое. После двух неудачных попыток он скомкал и отшвырнул испорченные рисунки, взял чистый лист хорошей бумаги и, взглянув на разбросанные повсюду эскизы, принялся рисовать.

Дионисо с удовлетворением наблюдал, как на бумаге возникают контуры Корассона. Рафейо работал в приглушенных серых тонах. Дионисо отметил про себя особенности его позы в момент полного сосредоточения: одна нога обвивается вокруг ножки стула, нижняя челюсть выпячена, иногда мальчик постукивает карандашом по переднему зубу. Время от времени Рафейо

грациозно откидывался на спинку стула, чтобы посмотреть на свою работу со стороны. Даже за новым карандашом он тянулся с завидным изяществом — и каждый раз при этом облизывал губы.

Когда он взял в руки Коричневый Серрано, Дионисо прервал его:

— Подожди.

— Чего ждать? Вы сбили мне ритм!

— Восстановишь. На этом карандаше твои слезы, теперь они стали его частью. Поосторожнее с ним — все, что ты чувствовал, когда плакал, останется в нарисованных им линиях и тенях.

Рафейо пристально посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что это сработает на простой немагической бумаге?

— Именно. Обрати на это внимание. У тебя много возможностей использовать коричневый цвет — поправить тени, изменить освещенность, подчеркнуть объем. Но все твои чувства, когда ты плакал, передадутся любому, кто будет стоять в Корассоне на том месте, для изображения которого ты пользовался этим карандашом.

Он полюбовался изумленным лицом Рафейо. Мальчик был ошеломлен до такой степени, что чуть не упал со стула. Обретя наконец дар речи, он хриплым голосом спросил:

— Но как, Дионисо? Как это возможно?

— Сейчас тебе лишь следует знать, что это возможно. Думай о Корассоне, Рафейо.

Его низкий голос звучал теперь так убедительно, что ни одна женщина не устояла бы перед ним — и ни один юный художник перед его магией.

— Подумай, как он будет выглядеть весной, кто выйдет через эту дверь, пройдет по дорожке, например, вон к тому старому дубу...

Карандаш завис над рисунком, потом стрелой ринулся вниз, чтобы оттенить грубую кору старого дуба с южной стороны дома.

— Разве это весна? — прошептал Дионисо. — А может, ты использовал не только эскизы, но и свои воспоминания? Ты учел, что весеннее солнце светит иначе? Все должно выглядеть так, будто ты рисовал это весной с натуры.

Рафейо, поколебавшись, прибавил несколько штрихов в разных местах.

Дионисо беззвучно пробормотал слова, выученные несколько веков назад. Конечно, эффект будет не таким, как если бы он использовал свои собственные слезы, но все же этого достаточно, чтобы придать дополнительные силы рисунку Рафейо.

— Ты уверен, что все будет выглядеть именно так?

Он нагнулся вперед через плечо Рафейо, почти касаясь щекой его щеки.

— Что ты чувствовал?

Рафейо отвечал медленно, словно загипнотизированный, но определил все очень точно. Удивительно, что у столь юного мальчика такая интуиция.

— Я чувствовал злость... Это нечестно... Они меня опекают, как ребенка... Я хочу делать то, для чего рожден...

Холст... Краски... — Он всхлипнул. — Чиева до'Орро, я хочу творить! А они не дают мне, ни одного шанса не оставляют...

Дионисо мог чувствовать запах его дыхания. Пахло ромашкой от вечернего чая и базиликом, которым было приправлено поданное на обед жаркое. Годится. Магия и Ненависть. С их помощью и с помощью таких чувств, как гнев, обида, безнадежное стремление к чему-то, чем не обладаешь, все встречи под старым дубом в Корассоне обещают быть достаточно забавными.

Дионисо выпрямился, пробормотал себе под нос еще несколько фраз и, вынув из негнущихся пальцев Рафейо коричневый карандаш, заменил его на черный.

— Лизни грифель, перед тем как делать очередной штрих, — прошептал он. — Да, вот так. Теперь закончи с этим деревом.

Учитывая ограничения монохромного изображения, дуб получился как живой. Но теперь он не соответствовал всей картине. Дионисо подождал, пока Рафейо придет в себя, встряхнувшись при этом, как щенок после дождя, и тогда только снова заговорил:

— Теперь тебе надо так же хорошо доделать остальное, иначе кто угодно догадается: у тебя что-то на уме.

Услышав это, Рафейо вздрогнул.

— Что?..

— Посмотри на это! Одно действительно великолепное дерево и целый лист какой-то жалкой мазни! Да я видел лучшую работу в каль вечноммо, нацарапанных углем прямо на стенах!

— Это не мазня! Я еще не закончил! Я покажу вам, только подождите...

— Я владею карандашом не хуже, чем красками. А если ты и дальше будешь таким нетерпеливым, я не буду учить тебя писать маслом.

Последние признаки неповиновения исчезли в темных глазах Рафейо.

— Вы хотите сказать, что сами намереваетесь учить меня?

Как он всегда любил, когда молодые художники так на него смотрели! В этом взгляде было все — благоговение и нетерпение, смирение и гордость...

Воодушевленный, он ответил:

— Если ты проявишь достаточно таланта. И если то, что ты сейчас нарисуешь, действительно поднимет цену Корассона.

Он решил улыбнуться и был вознагражден ослепительной улыбкой Рафейо. Да, красивый мальчик и, кроме того, обладает всеми необходимыми качествами.

— Мне надоели Вьехос Фратос, — сообщил он мальчику доверительным тоном. — И поэтому я намереваюсь отобрать себе нескольких студентов. Самых способных, конечно.

— Меня, а кого еще? — спросил Рафейо, тешa свою гордость предположением, что никто из его сверстников не достоин того, чтобы Дионисо тратил на него время.

— Возможно, Арриано.

— Эйха, он годится. Но только не Кансальвио!

— Ты думаешь, я настолько глуп, чтобы тратить свои силы, обучая таких, как он?

Откровенно говоря, это было его любимым приемом, эффектным завершением каждой из его жизней — набрать себе талантливых молодых учеников, передать им часть своего гения, создать группу молодых иллюстраторов, которые потом станут его окружением, его группировкой в семье Грихальва. Ведь в своей следующей жизни он станет одним из них.

— Я беру только лучших из лучших, — сказал он своему избраннику. — Когда ты закончишь этот рисунок, мы поговорим о том, как по-настоящему завершить его.

— С помощью магии.

— Не слишком сильной, но все же.

Он замолчал, придавая своему лицу угрюмое выражение.

— Рафейо, если тебе захочется попробовать самому, не делай этого! Я узнаю — а Вьехос Фратос всегда обо всем узнают, рано или поздно, — и тогда ты не только не будешь учиться у меня, ты вообще никогда в жизни не возьмешь в руки кисть.

Рафейо кивнул, пожалуй, слишком быстро.

— Я хорошо понимаю, моих знаний не хватит, чтобы делать это самому, Премио Фрато.

— Извести меня, когда решишь, что все готово. И никому не рассказывай о том, что узнал сегодня. Никому, даже своей матери.

Рафейо затаил дыхание.

— Но как вы...

— Я же говорил тебе, что мы все узнаем. Рано или поздно.

47

Поздней весной 1264 года Мечелла произвела на свет второго ребенка, большого темноволосого мальчика, которого она назвала Алессио Энрей Коссимио Меквель. Бросалось в глаза отсутствие в этом списке имени отца ребенка. Но Мечелла не посчиталась с возможными сплетнями и назвала мальчика, как ей хотелось. Такова была привилегия матери.

Рождение внука означало для Коссимио больше, чем просто уверенность в том, что его род продлится еще на одно поколение. Он внезапно обнаружил, как это прекрасно — быть дедушкой. Дети Лиссии выросли в Кастейе, он не видел их, когда они были маленькими. Что до Терессы, то, хотя он очень любил ее, девочка пугалась его щетинистой бороды и громкого голоса и только сейчас стала привыкать к нему. Маленький Алессио при виде деда принимался ворковать, более того, он был как две капли воды похож на Коссимио (за исключением бороды, конечно). Арриго и Лиссия тоже были похожи на отца, но Алессио выглядел так, будто только что сошел с висящей в Галиерре картины «Рождение Коссимио III».

В результате этой привязанности Коссимио к новому внуку советники начали не без основания жаловаться, что Великий герцог пренебрегает своими обязанностями. В самом деле, большую часть дня он проводил теперь с детьми, которые занимали уже половину этажа в Палассо, ведь все пятеро внуков жили сейчас с ним. Когда Верховный иллюстратор Меквель дипломатично и не без сочувствия намекнул ему, что срочные государственные дела требуют его присутствия, Коссимио лишь раздраженно фыркнул, не поворачивая головы. Он был страшно занят — щекотал перышком голый животик Алессио.

— Пусть все сделает Арриго. После землетрясения он неплохо натренировался.

Потом Коссимио внезапно вспомнил, что быть Великим герцогом — тоже интересное занятие, и торопливо прибавил:

— Но решений пусть не принимает. Я просмотрю рекомендации и решу все сам. Посмотри на него, Квеллито! Он мне улыбается!

— Это прекрасно, что ты так любишь внука, Косси, но...

— Он для меня сплошная радость. Я не пропущу ни первых слов Алессио, ни его первых шагов, как это вышло с моими первыми внуками. Плохо, что ты лишен этого, дружище. Вот что — ты у нас будешь его дядюшка Квеллито. Смотри, смотри, ему понравилось, он смеется!

Верховный иллюстратор решил не напоминать Коссимио, что дети всегда смеются, когда их щекочут, а младенцы вообще ничего не понимают, кроме того, что им хочется есть, спать и быть сухими. Меквель просто смирился с неизбежным и присоединился к Коссимио у колыбели. В кармане лежала новая чистая кисть, и он погладил ею младенца по щеке. Алессио радостно загукал, заворковал и срыгнул.

— Неподходящий звук для будущего Великого герцога, — заметил Меквель, — а запах и вовсе отвратительный, надо бы его переодеть. Но, знаешь, я все же вижу, почему от него невозможно оторваться. Он такой маленький и беспомощный, так трогательно смотрит на нас своими большими глазами... Кажется, что даже у такого старого евнуха, как я, сохранился отцовский инстинкт.

— Евнуха! — расхохотался Коссимио и осторожно похлопал Меквеля по плечу — старые кости день ото дня становились все более ломкими. — Я еще не выжил из ума и прекрасно помню Дорию, Фелиссину, Иберру, Олландру, Томассу — не говоря уже о двух этих рыженьких сестричках из Гхийаса! А та малышка из Пракансы, которая и вправду чуть не сделала тебя евнухом, когда застала вас вдвоем с очередной кузиной!

— Косси, — ухмыльнулся Меквель, — что это за тема для беседы в присутствии невинного младенца! И не вздумай рассказывать всего этого Алессио, когда он подрастет. Что он тогда подумает о своем дядюшке Квеллито?

Выразительное лицо Коссимио сразу перестало сиять. Он поднял ребенка и прижал его к себе, глядя на Меквеля поверх пушистой головки.

— Когда он подрастет, а тебя уже не будет — ты это хочешь сказать? Я, кажется, запретил...

— И я сказал тогда, что сделаю все, что в моих силах, — мягко ответил Меквель. — Я постараюсь, Косси, я же обещал тебе.

— На, — внезапно сказал Коссимио, — подержи его.

— Но я не очень хорошо умею...

— Я сказал, подержи его!

Коссимио сунул ему в руки младенца. Да, отцовский инстинкт действительно существует. Даже Меквель, стерильный иллюстратор, у которого никогда не было собственных детей, взял ребенка очень нежно и осторожно и держал так, чтобы ему было удобно. Он прикоснулся губами к темным кудрявым волосикам и улыбнулся.

— Стой так, — грубовато приказал Коссимио. — Стой. На этот раз я нарисую картину, мой Верховный иллюстратор, нарисую ее в своем мозгу, чтобы каждый раз, когда я закрою глаза, я мог увидеть тебя с ним. На случай, если ты не сможешь выполнить свое обещание.

— Косси... — Меквель был так тронут, что не мог найти нужные слова. — Это не в моих... Я знаю, что я сказал... Но не от меня зависит... — Он прочистил горло и закончил: — Я постараюсь. Ты же знаешь, я постараюсь.

— Это все, о чем я прошу. Пожалуйста.

Алессио помахал кулачком у самого лица Меквеля. Художник потерся щекой о крошечные изящные пальчики и позволил себе один-единственный раз расслабиться и почувствовать всю горечь от осознания того, что, когда Алессио исполнится пять, его уже не будет.

— Хорошо, — тихо ответил он, — я постараюсь.

... когда я выйду отсюда, все еще будет весна? Если я вообще когда-нибудь выйду отсюда. Он дал мне лампу и свечу, чтобы разогнать темноту, дал воду для питья и деревья за окном, но фитиль не пахнет, сгорая, вода безвкусна, и листья деревьев не шуршат от ветра. Даже он не смог нарисовать ветер...

Будет ли все еще весна? Та же весна? Или пройдет год, десять лет, двадцать...

Почему он не мог просто забрать жизнь моего ребенка, зачем ему понадобилось выкрасть меня из жизни? Он же мог забрать эту жизнь у меня под сердцем, не отнимая у меня мира с его весной, запахами, вкусом и живым ветром...

Освободит ли он меня, пока жив?

Или он научился обманывать Смерть, так же как обманул Жизнь?

Каждое лето все, кто мог себе это позволить, бежали от жары и вони Мейа-Суэрты. Кто ехал на восток, к морю, кто на север, в Монтес-Астраппас, или на запад, в расположенный на высоком холме город Гранидиа. Некоторые даже забирались далеко на юг, на побережье Шагарры, где вдали были смутно видны тза'абские пески. Но куда бы ни ехали богачи, мечтали они все только об одном — о прохладном ветерке.

Этим летом, несмотря на известия о новых небольших толчках в Кастейе, добрая половина придворных отправи-

лась на север. Ведь по дороге на север можно было отдохнуть в Корассоне. Одни приезжали из любви к Мечелле, привозя подарки для ее нового чудесного дома. Другие — из любопытства, мечтая взглянуть на памятник былому могуществу Серрано, где мужчины до'Веррада развлекались когда-то со своими любовницами. Были и такие, кто приезжал шпионить для Арриго, который не присоединился к своей семье в Корассоне. Он все еще не простил Мечелле эту покупку.

Король Энрей был очень щедр, когда узнал о рождении первого внука. Но он дал точные указания насчет того, как надо распорядиться этими деньгами. Треть от внушительной суммы должна была пойти на образование, вторая треть — на строительство долгожданного детского крыла в больнице Мейа-Суэрты, остальное получала сама Мечелла. Большую часть денег она потратила на покупку Корассона. Арриго, который оставался в Палассо, чтобы иметь возможность сразу же заняться любым подвернувшимся делом, почти каждый день сталкивался с людьми, напоминавшими ему о необычайной щедрости короля Энрея. Энергичный молодой санкто, представлявший школы екклезии, один за другим предлагал планы постройки новых зданий и реконструкции старых. Советники по здравоохранению и общественным работам засыпали его архитектурными проектами, планами и сметами, касающимися больницы. Дамы — члены всевозможных благотворительных комитетов его матери — присылали письма, в которых говорилось о больнице, о школах и снова о больнице. И ни один из них — ни санкто, ни советники, ни дамы — не забывал благословить короля Энрея и поблагодарить Арриго за то, что он дал жизнь такому замечательному ребенку и женился на такой чудесной женщине, как Мечелла.

— Я начинаю понимать, — сказал он однажды ночью Тасии, — почему женщины недовольны, когда их считают всего лишь племенными кобылами. Меня никогда так не любили за мои собственные дела, как любят за то, что я оказался хорошим жеребцом и сделал принцессе ребенка.

То, что он сумел пошутить на эту тему, было для Тасии большим облегчением и лишним признаком того, что она уже почти приручила его. Арриго готов был вернуться к ней. Он в ней нуждался. В течение зимы и весны они постепенно возобновили отношения, и настроение Арриго так же постепенно стало улучшаться. Он расслаблялся, и Тасия с удовлетворением наблюдала, как разглаживаются морщины на его лице.

Тасия и Арриго встречались не каждую ночь, как раньше, во время их двенадцатилетней связи. Но каждый день надежные слуги передавали в обе стороны записки, содержащие все, — от событий дня и последних сплетен до слов любви и желания. Иногда они встречались в ее городском доме, иногда она проскальзывала в Палассо по черной лестнице. Дважды за это лето им удавалось улизнуть в Чассериайо и с десяток раз — в Каса-Рекколто. Почти все придворные покинули столицу, так что немногие могли

увидеть их и распускать сплетни, но они все равно соблюдали осторожность.

Друзья Арриго присылали ему письма из Корассона. От постоянного ремонта в доме не продохнуть от пыли. Комнаты расчищают и обставляют заново. Коссимио и Гизелла до безумия любят своих пятерых внуков. Тересса с каждым днем все хорошеет. Алессио быстро растет. Малдонно теперь прекрасный наездник. Гризеллу застали, когда она целовалась с поваренком, Лиссия хохотала как безумная. Маленькая Риобира под руководством Лиссины вышивает подушки для гостиной. И дальше о Мечелле. Какая она любезная хозяйка, какая любящая мать, как она сияет от счастья в своем новом чудесном доме.

Такие же тошнотворные письма получала и Тасия. Однажды ночью, лежа рядом с Арриго в его постели, она собралась с духом и сказала:

— Знаешь, тебе надо поехать нанести им визит.

— Хм-м? И куда же поехать?

— В Корассон.

Он заворчал и потянулся за стаканом вина, стоявшим на столике рядом с кроватью.

— Всего на несколько дней. Привези ей картину или гобелен из Палассо, будь любящим мужем и отцом. А потом возвращайся ко мне.

— Зачем мне так далеко тащиться по пыльной дороге, когда лето уже кончается? И это было прекрасное лето, Тасия. Я не хочу терять несколько летних дней в Корассоне.

— Но ты должен поехать, иначе пойдут сплетни.

— Пусть себе болтают. Мне теперь все равно.

— Тебе пока не должно быть все равно. Послушай меня, карридо мейо.

Она встала и зажгла свечу, чтобы видеть его лицо.

— Своей работой после землетрясения ты доказал отцу, что можешь выполнять его обязанности. Теперь, когда он так носится с Алессио, он будет только рад отдать тебе власть, особенно после того, как ты все лето так замечательно трудился. Ему в этом году будет шестьдесят восемь, в таком возрасте человек уже готов уступить часть своей ноши и наслаждаться жизнью оставшиеся годы. А ты, Арриго, предоставил ему возможность провести лето с внуками.

— Если бы только и он так думал!

Она осторожно вздохнула.

— Хочешь, я расскажу тебе, как он думает? Коссимио обожает свою жену, для него это признак истинной зрелости. Он искренне любил Лиссину, но перед твоей матерью преклоняется. Поэтому, пока власть еще не у тебя в руках...

— ...я должен хранить нашу тайну и изображать влюбленного мужа.

Он скорчил гримасу и откинулся на груду подушек.

— А это значит, что я должен поехать в Корассон с визитом. А после того как я получу власть? Что будет тогда, Тасия?

— В будущем году Рафейо исполнится семнадцать. Он опередил всех своих сверстников, и Премио Фрато Дионисо учит его сам, а это большая честь. Меквель долго не протянет, но нам нужно только, чтобы он дожил до того момента, как Рафейо закончит учебу. То есть не более двух лет. А потом...

— Дионисо, — пробормотал Арриго. — Он мне нравится. Но ему уже больше сорока, слишком стар, чтобы стать Верховным иллюстратором, когда Меквель...

Он отхлебнул вина.

— Но как глава Фратос Дионисо имеет большой вес и может повлиять на выбор следующего Верховного иллюстратора. А Рафейо его любимый ученик. Очень умно, Тасия.

Она скромно улыбнулась.

— Я тоже так думала, Арриго, и я рада, что ты согласен со мной. Когда у тебя будут официальные полномочия да еще дружба с Дионисо и Рафейо — Премио Фрато и Верховным иллюстратором, — ты сможешь творить чудеса!

— Но только через два года, — напомнил он ей. — А как к этому отнесется Мечелла?

— По-моему, она ясно показала своей покупкой Корассона, что не хочет приспосабливаться.

— Люди боготворят ее. Они не одобрят, если я открыто восстановлю тебя в должности. Эйха, да и она тоже!

— А ты думаешь, мне нравится, когда ты с ней? Но ты должен сделать ей еще одного ребенка, Арриго. Дети отвлекут ее.

— Я бы предпочел сделать ребенка тебе.

Он на ощупь попытался поставить стакан где-то у себя за спиной, но промахнулся. Не обратив внимания на звон разбитого стекла, он продолжал:

— Сделаем его сегодня, а, Тасия? Давай заведем ребенка!

— О Арриго, если бы только!

— Сегодня мы сможем, каррида, — пробормотал он, сжимая ее в объятиях. — Мы с тобой женаты, мы ведь давно могли бы пожениться. Мы молоды, любим друг друга, готовы сделать дюжину детей, и первого из них — сегодня!

— О Арриго...

Дионисо оглядел свой маленький класс, радуясь, что юноши внимательно слушают его даже в такую жару. Они знали, это великая честь — учиться у него. Какой же благоговейный страх они испытали бы, если б узнали, кто их учитель на самом деле! Он спрятал улыбку.

Рафейо оправдывал все ожидания. Арриано, менее талантливый мальчик, на два года моложе Рафейо, демонстрировал возросшую уверенность и соответствующий уровень понимания. Гутьеррин и Теодор тоже были неглупыми ребятами, но польза от них состояла скорее в семейных связях с высокопоставленными Вьехос Фратос, чем в их собственных художественных способностях.

Дионисо хотелось, конечно, иметь такого эстудо, который

мог бы сравниться талантом с Рафейо, но приходилось работать с тем, что есть.

Сейчас у них была лекция, а не практическое занятие.

Убедившись, что все необходимое лежит перед ним на столе, Дионисо налил себе стакан холодного лимонада и начал:

— Нарисовать за день то, что проживет века, — таков закон создания фрески. Займемся техникой ее исполнения. Прежде всего нужно облечься в покровы Энтузиазма, Благоговения, Послушания и Постоянства...

Он улыбнулся и сделал паузу.

— Проще говоря, одеваться надо во что-нибудь такое, что не жалко испортить, — первый этап этого процесса очень грязный.

Он начал объяснять, как следует смачивать стену водой и покрывать ее особой грубой штукатуркой — две части песка и одна часть извести.

— Серрано, — добавил он с презрительной усмешкой, немедленно отразившейся на лицах всех эстудос, — обычно нанимали для этого каменщиков. Вонь от извести раздражала их нежные носы. Но мы не такие неженки и всю работу делаем сами от начала до конца. Рисунок фрески должен быть выполнен заранее. С помощью маленькой иголки линии рисунка переносятся на штукатурку.

Он продемонстрировал золотую иглу, которую Сааведра когда-то дала ему как раз для этой цели, потом спрятал ее обратно в чехол и поднял мешок с угольной пылью.

— Сначала накладывается свежая штукатурка в таком объеме, чтобы успеть закончить работу за день, потом на нее переносится контур рисунка, а затем поверх бумаги надо слегка ударить мешком. Когда вы отдерете рисунок, контуры фрески будут отпечатаны черными точками на свежей штукатурке. Теперь важно только время. Закончить надо до того, как высохнет штукатурка, чтобы краски были связаны с известью. У вас будет примерно шесть часов.

Арриано громко застонал. Он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, как быстро пройдут эти часы. Те, что помоложе, покосились на него. Они все еще считали самих себя неутомимыми, непогрешимыми и непобедимыми.

— Для более грубой работы пользуются кистями, сделанными из свиной щетины. Для более тонкой — из меха медведя, соболя или даже котика, хотя котиковый мех из Фризмарка и Ветии в последнее время здорово подорожал.

Дионисо показал всем образцы каждой кисти.

— Лучше всего использовать минеральные краски, такие, как охра, жженая кость, ляпис лазурь, разведенные водой. Избегайте свинцовых белил. Серрано, — он снова ухмыльнулся, — в свое время использовали их для изображений Матери и Сына. Смешанные с известью, белила почернели, и пеленки Младенца выглядели так, будто он пачкал их не меньше месяца.

— Как это похоже на живопись Серрано, — пробормотал Рафейо. — Все-то у них так или иначе оказывается дерьмом.

Дионисо ухмыльнулся, наблюдая как смеются ученики, потом постучал костяшками пальцев по столу, призывая их к вниманию.

— Остальное вы найдете в учебниках. Там собраны рецепты, технические указания и все такое прочее. Через три дня вы должны принести мне эскизы росписи восстановленных кастейских санктий. Авторы эскизов, которые мне понравятся, смогут принять участие в выполнении этого важного заказа и написать свои фрески на стене какой-нибудь провинциальной санктии.

— И через много лет, — сказал Арриано, искоса поглядывая на Рафейо, — люди будут совершать паломничество к этой стене и говорить: «Ах, каким надо быть гением, чтобы уже в шестнадцать лет создавать такие шедевры!»

Рафейо состроил ему рожу. Ничего страшного не случилось — будучи соперниками, мальчики оставались друзьями.

— Ни одна стена, — провозгласил Рафейо, — удостоенная росписи Грихальва, не может быть незначительной. Даже стена, которую расписывал Арриано Грихальва!

Улыбаясь, Дионисо отпустил свою маленькую группу обдумывать композиции будущих фресок. Когда они разошлись, он взобрался по лестнице наверх, в апартаменты Премио Фрато, приговаривая, что глупо думать, будто число ступеней увеличивается с каждым днем. Он подвижен, как и раньше, суставы болят не больше, чем они должны болеть в его возрасте, пальцы все еще сильны и уверенны, ум так же ясен, как это было всегда.

И все же... И все же его тело стареет с каждым днем. Он уселся в большое мягкое кресло у окна, грея на солнце старые кости, и попытался прогнать преследующие его страшные воспоминания.

Стать старым... ощущать боль во всех членах, видеть свои руки, скрюченные, как корни деревьев... знать, что чувства потеряли былую остроту, а ум — присущую ему гибкость... что ты потерял и здоровье, и силу...

Нет. На этот раз нет. Дионисо из хорошего рода. Он здоровый. Он долгожитель — для иллюстраторов.

И есть еще Рафейо. Он здесь, рядом, стоит лишь руку протянуть, он легко доступен для магии и кистей. На этот раз не будет того ужаса, который выпал на долю Матейо и Домаоса, изгнанного из Тайра-Вирте, не имевшего в пределах досягаемости ни одного сильного молодого Грихальвы...

Но он помнил их, помнил их боль, ужас, одиночество, отчаяние!.. И сейчас испытывал такую физическую муку, как будто все картины, написанные им при помощи крови за эти более чем три сотни лет, кто-то протыкал иглами и прижигал огнем свечи.

Эйха, глупость какая! Только картины, написанные Дионисо, могут повредить ему. Остальные — лишь мертвые краски на мертвых полотнах, созданных давно умершими людьми. Только это тело, эта кровь имели власть над ним.

Это напомнило ему еще об одной необходимой вещи. Надо было в ближайшее время составить список всех магических

картин, которые Рафейо написал или успеет написать за отпущенное ему время. Нельзя пропустить ни одной капли его сущности, будь это холст, рисунок на бумаге, фреска или даже каракули в блокноте. Он не хочет, чтобы в будущем его ждал болезненный сюрприз.

Чиева, как это трудно — жить вечно!

Кабрал отступил от мольберта и нахмурился. Мечелла на секунду перестала напевать Алессио песенку и взглянула на художника. Увидев выражение его лица, она состроила уморительную гримасу, передразнивая его, и рассмеялась.

— Какое ужасное лицо! Улыбнись сейчас же, ты напугаешь ребенка!

— Я недостаточно хорош, — тихо промолвил Кабрал. — Я не должен писать это, мне не хватает мастерства. Попросите Дионисо или Северина, они настоящие иллюстраторы...

— Я не хочу, чтобы этот портрет писал Дионисо или Северин. Я хочу, чтобы это сделал ты.

Легкий ветерок пошевелил розы над ее головой, уронив на кружевное платье еще несколько лепестков.

— Прекрати говорить глупости и пиши!

— Но я правда не гожусь для этого!

— Ерунда. Меквель написал официальный вариант. Я хочу еще один, для себя, а раз ты уже написал мою копию «Рождения Терессы», вполне логично, если ты же напишешь и Алессио.

— Но это не копия! — воскликнул Кабрал, швыряя кисть на траву. — Если бы только вы мне позволили взять за образец портрет, написанный Меквелем...

— Если бы я так поступила, картина перестала бы быть твоей. Я хочу, чтобы ты нарисовал моего сына так, как ты его видишь. Кабрал, подними кисть и пиши!

— Лучше бы ты подчинился, Кабрал, — произнес знакомый голос, который Мечелла меньше всего ожидала услышать здесь, в Корассоне. Она повернулась и увидела улыбающегося Арриго с большим букетом полевых цветов. Он склонился перед ней в шутливом поклоне.

— Я узнал, что вы велели мне приехать, Донья, и вот я здесь!

— Арриго! Наконец-то!

Мечелла положила ребенка на одеяло, вскочила на ноги и побежала через всю лужайку, чтобы броситься мужу на шею.

— Как я рада, что ты приехал! Мне так много хочется показать тебе...

— Осторожно, дорогая, ты помнешь цветы!

Но в следующее мгновение он нагнулся и поцеловал ее.

Кабрал тактично удалился позвать свою сестру, чтобы она унесла ребенка наверх, — ему пора было спать. При появлении Лейлы Мечелла отстранилась от Арриго и улыбнулась — счастливая, задохнувшаяся, сияющая ярче летнего солнца. Она забрала у Арриго цветы, чтобы он мог взять на руки сына, и сказала:

— Видишь, какой он стал большой? А Терессу ты просто не узнаешь, она выросла на целый фут и загорела, как тза'абка!

Кабрал собирал грязные кисти и складывал краски. Арриго с разыгравшимся младенцем на руках подошел взглянуть на незаконченный портрет.

— Прекрасно. Она права — бери кисть и пиши, иллюстратор, — улыбнулся Арриго.

— Благодарю вас, ваша светлость. Я сделаю это завтра.

— Нет, нет, — возразила Мечелла. — Завтра мы устроим экскурсию. Нам так много надо увидеть, а Алессио волнуется, если я от него ухожу, так что придется мне похитить у тебя модель, Кабрал. Ты полюбишь Корассон, Арриго, честное слово.

— Я в этом уверен, — ответил муж.

Мечелла рассмеялась, довольная, что он снова на ее стороне. Корассон был теперь совершенен. Лейла потянулась за ребенком, но Арриго покачал головой.

— Я соскучился по нему. Потом поспит. Но здесь так жарко, Челла, пойдем в дом, выпьем чего-нибудь холодного.

Вдвоем они пересекли лужайку и вошли в дом.

Лейла посмотрела на брата долгим пристальным взглядом.

— Стоит ли, Кабрал?

— Я не понимаю, о чем ты.

— Прекрасно понимаешь.

— А даже если и так? — взорвался он. — Ты будешь предупреждать меня о том, что написано на моем лице всякий раз, как я смотрю на нее? Да я мог бы сделать из этого лживого ублюдка колбасный фарш и набить им его собственный поганый орган!

Лейла удивленно моргнула. Кабрал редко грубил и никогда не сквернословил. Но все же ей не удалось удержаться от смешка и ответной реплики.

— Мердитто эн чезетто седдо!

Услышав старую деревенскую поговорку, Кабрал фыркнул.

— Дерьмо в шелковых чулочках? Ты ему льстишь!

— Эйха, у лживого ублюдка была по крайней мере одна стоящая идея. Думаю, обоим нам не помешало бы выпить чего-нибудь крепкого и добавить туда немного оставшегося в кладовой чудесного холодного белого кастейского снега!

— Лучше похоронить его в этом снегу.

— Проще, но не так интересно. Твоя первая идея мне понравилась больше.

Когда лето кончилось, Лиссия увезла обеих своих дочерей домой в Кастейю. Малдонно вместе с остальными членами семьи к Провиденссии вернулся в Палассо Веррада. Арриго встречал их во внутреннем дворе. Он пробыл в Корассоне всего шесть дней и уехал, сославшись на срочные государственные дела. Мечелла горько плакала, расставаясь с ним под старым дубом с южной стороны дома, и продолжала плакать, глядя, как он уезжает со своей свитой. И теперь, когда он улыбался, приветствуя их возвращение

домой, она не могла забыть тех гневных слов, которые они сказали друг другу при расставании.

«Ты только что приехал и уже уезжаешь? Я так хотела, чтобы мы были счастливы здесь, а ты не хочешь даже попробовать, это несправедливо!»

«Это ты несправедлива ко мне. Я с самого рождения готовлюсь к этой работе и хочу лишь одного — быть полезным своему народу».

«Нашему народу! И перестань лгать, я знаю, почему тебе так не терпится вернуться в Мейа-Суэрту! Дело тут совсем не в управлении страной, не в положении, которого ты еще не достиг. Это все — та женщина, а ее ты никогда не получишь, неужели не понятно!»

«Ты говоришь глупости, Мечелла. Отпусти мою руку, лошадь уже оседлана, и мне пора уезжать».

Мечелла смотрела на мужа, баюкала на руках ребенка и, войдя в дом, едва не разрыдалась. Добросердечная Гизелла, приписав ее состояние усталости, посоветовала ей подняться к себе наверх и отдохнуть. С благодарностью воспользовавшись этим предлогом, чтобы улизнуть, Мечелла заперла за собой дверь спальни и ничком повалилась на кровать. Но слезы не приходили, а глаза продолжали гореть. Она в ярости заколотила кулаками по подушке. Что же он делает с ней!

И все же — что там Лиссия говорила о необходимости жить своей собственной жизнью? И Лейла, она тоже советовала показать миру ту женщину, которую Арриго видел в тот вечер в Каса-Рекколто. Как бы ей хотелось, чтобы кто-нибудь из друзей был сейчас рядом!

Но Лиссия уехала в кастейский замок, а Лейла — в Палассо Грихальва. Есть еще Отонна, она выслушает. Но хотя Отонна прекрасно умела использовать свой ум и знания своих родственников на пользу Мечеллы, все-таки она была не до'Веррада и не Грихальва. А Мечелле был нужен кто-то, хорошо знакомый с властью и политикой. Лиссия недосягаема, вся надежда на Лейлу.

Грихальва были польщены, хотя некоторым из них это показалось подозрительным, когда Мечелла объявила, что Лейла присоединится к ее свите в качестве фрейлины. Такая исключительная честь в сочетании с возобновленным «теневым браком» мужа Мечеллы с другой Грихальва, что ни для кого уже не являлось тайной, вновь вызвала у всех ассоциации с герцогиней Хесминией. Мечелла приводила в восхищение своей красотой и великодушием, заботой о кастейских маленьких сиротах, она подружилась с Лейлой Грихальва и поселила ее с собой под одной крышей, совсем как Хесминия, дружившая с Лариссой и Маргаттой Грихальва. Правда, герцог Ренайо до самой смерти оставался верным и любящим мужем, чего не скажешь об Арриго...

Верховный иллюстратор Меквель не был слепцом. По традиции, когда на свет появлялся наследник, полагалось писать портрет его матери для санктии. Меквель использовал такую же позу и тот же фон, что и на единственной картине, где видно было лицо легендарной герцогини, — незаконченном полотне Лирансо Грихальвы «Герцогиня Хесминия в Риссолво». Теплый свет

лился сквозь цветное стекло окна за спиной у Мечеллы, хотя она выглядела бы точно так же в ореоле своих собственных золотых волос. Во время праздника Имаго картину повесили рядом с другими портретами ныне живущих до'Веррада. Наконец-то Мечелла стала полноправной жительницей Тайра-Вирте.

Всю зиму она жаловалась Лейле, что даже этот портрет видит Арриго чаще, чем она. Дважды в неделю он обедал с семьей, после чего честно проводил ночь в ее постели, в остальное время его было можно найти где угодно, только не в Палассо. Мечелла знала, что он находится не у той женщины, — она проводила зиму с мужем в замке Альва. Если даже любовники и встречались в Чассериайо, куда Арриго постоянно ездил охотиться, то никто об этом не знал. В основном он присутствовал на собраниях, проводил встречи, консультировался с советниками и мало-помалу заслужил репутацию человека неутомимого, служащего одному лишь долгу и способного самостоятельно управлять страной.

Чего он как раз и не делал.

Коссимио, вернувшись после летних каникул, вновь ощутил потребность в работе. Он взял под свой контроль все международные отношения, все важные судебные вопросы, все торговые переговоры и все государственные фонды. В ведении Арриго оставались только мелкие ссоры, проверка финансовых отчетов и строительство нового крыла больницы, названного в честь короля Эпрея II Гхийасского. Арриго не представлял отца во время праздников и общественных мероприятий, потому что никогда не присутствовал на них. Арриго даже пропустил гвоздь сезона — банкет, данный Мечеллой в честь шестидесятидевятилетия Коссимио, на котором Мальдонно первый раз облачился в голубой с золотом костюм и успешно исполнял роль дедушкиного пажа. Арриго уехал двумя днями раньше открывать новый памятник Алессо до'Веррада в Хоарре.

Это было сделано по приказанию самого Коссимио, и он не очень скучал без сына. Визит был задуман, чтобы оценить серьезность сообщений о волнениях в южных провинциях. По возвращении Арриго поведал отцу горькую правду. Быстрое разрешение возникших в Кастейе проблем вызвало на Юге черную зависть. «Почему, — вопрошали хоаррцы, — после страшной песчаной бури в 1260 году мы не получили такой же безотлагательной помощи?»

— И все считают, — закончил Арриго, — что кастейцы обязаны этим Мечелле.

Он представил сие заявление так, будто это был судебный вердикт, положенный на стол Коссимио для его внимательного изучения. Да, это правда, притом опасная правда. Щедрость всегда приписывалась до'Веррада, так же, как и преданность. Мечелла в своем невинном желании помочь дошла до того, что стала реальной угрозой.

К ярости и разочарованию Арриго, Коссимио видел все в другом свете.

— Мечелла, говоришь? Тогда я пошлю ее в поездку по стране, пусть Юг убедится, что она равно заботится обо всех.

Организуй это, Арриго, и посзжай с ней. Дороги просохнут уже к Фуэга Весперра. Уезжайте и возвращайтесь только к Санктеррии, мы все прекрасно проведем следующее лето в Корассоне. А осенью вы с Мечеллой с той же целью поедете в Эллеон, и все будет прекрасно.

Таким образом Арриго стал человеком, сопровождавшим Мечеллу в Хоарре. И Шагарре. А также во всех населенных пунктах по дороге между ними. С каждой бурной встречей, которую устраивали «нашей Дольче Челлите», с каждым подарком — от великолепного ожерелья из лазурита до скромной корзины миндаля — его настроение все ухудшалось. Хоарра устроила в ее честь парад и благодарственный молебен в санктии Матра Серенисса. В Варриве назвали в ее честь новую школу, в Брасине переименовали центральную площадь. Шаария закатила трехдневный праздник в честь ее прибытия. В Шагарре был устроен банкет на весь город с фейерверками. Наконец, в Гранидии, родном городе герцогини Гизеллы, терпение Арриго лопнуло.

Он смотрел, как Мечелла смеется, улыбается, обнимает детей и болтает со всеми, от слуг и крестьян до графов и баронов, которые один за другим подходили сказать ей, как они и их люди обожают ее. Но в Гранидии знали его самого. Он раньше часто отдыхал здесь летом, и радость людей при виде его была даже больше, чем уважение, которое они испытывали к его супруге. Вдоль всей дороги, от подножия холма до самой вершины, собрались ликующие толпы, а внутри городских стен приветственные крики были слышны даже в самых дальних закоулках. На вершине холма стоял Кастейо Гранидиа, замок, в котором он играл когда-то со своими многочисленными кузенами. И они собрались всей толпой, чтобы по-родственному обнять его.

Вечером он в прекрасном настроении зашел за Мечеллой в ее спальню и обнаружил, что она все еще одевается для очередного мероприятия, которое дядя его матери, граф до'Гранидиа, назвал простыми сельскими танцами. Увидев, что она опять опаздывает, Арриго нахмурился, налил себе кубок вина и, развалясь на стуле, стал ждать. Он все время ждал ее последние дни.

Отонна хлопотала с вышитым кружевным лифом, Лейла — с воланами многочисленных юбок. Безвкусный крестьянский наряд, который ей подарили по прибытии и который она приняла с таким восторгом, будто он был сшит по последней моде из самого тонкого шелка. Мечелла закружилась перед зеркалом, распущенные волосы золотым облаком окружили голову, юбки поднялись, обнажив длинные стройные ноги. Арриго со стуком поставил на стол пустой кубок и сердито уставился на нее.

— Ты похожа на крестьянку.

Мечелла удивленно раскрыла голубые глаза. Но если раньше, услышав такое, она бы вздрогнула, попросила у него прощения и тут же сменила наряд, то сейчас она лишь отвернулась и спокойно заметила:

— А по-моему, очаровательный костюмчик.

— А я и не говорю про костюм. Ты сама похожа на крестьянку.

Их взгляды встретились в зеркале. Недоброжелательную тишину нарушил какой-то звук, исторгнутый задохнувшейся от волнения горничной. Глаза Лейлы метали черные молнии.

— Выйдите, обе, — сказал Арриго.

— Останьтесь, — приказала Мечелла.

Арриго поднялся со стула.

— Только крестьянам все равно, слышит ли кто-нибудь то, что должно оставаться между мужем и женой.

— Мужем! — Она резко обернулась. — Да ты уже полгода не был моим мужем!

— А ты была моей женой? Ты просто женщина, на которой я женился, чтобы она рожала мне детей!

Удар попал в цель — он видел это по ее лицу, но она тут же овладела собой и парировала:

— Если ты так думаешь обо мне, значит, ты считаешь, что эта Грихальва — твоя настоящая жена. Значит, ты живешь во лжи, в выдуманном мире.

— Твоя проницательность удивляет меня, Мечелла. Это ты выдуманная, а она — настоящая.

Дрожа, она ответила:

— Если бы только можно было прекратить такую жизнь!

— Это можно устроить, — предложил он.

— Она никогда не займет мое место! Никогда, слышишь!

— Теперь ты должна понимать, что и тебе не занять ее места.

Опять наступила жуткая тишина. Прервалась она только звоном часов из розового дерева и хлопаньем радужных крыльев маленького петушка. Арриго стряхнул воображаемую ниточку со своего темно-голубого камзола.

— Мы из-за тебя опять опоздали. В который раз.

Повернувшись, он заметил двух потрясенных слуг и нахмурился.

— Пойдут сплетни, как ты и мечтала. Но им никто не поверит. Это дом моей матери, здесь живет моя родня. — Он улыбнулся. — А кроме того, все знают, как я предан своей... жене.

48

Этой ночью Лейла охраняла Северина. Почти все в Гранидии были еще либо на «простых сельских танцах», либо принимали участие в таких же забавах на маленьких, поросших травой площадях города. Те немногие, кого они встречали на извилистых улочках, особенно после полуночи, были уже изрядно навеселе и направлялись домой спать.

— Скорее, и так уже слишком долго, — прошипела Лейла, через плечо обернувшись к своему спутнику.

Они находились в одном из безлюдных переулков между Руайо Вача и Руайо Кордобина. По одну сторону улицы находились бойни, по другую с убитых животных снимали шкуру. Ведра со всеми отбросами оставляли прямо на улице. Вонь стояла невыносимая.

— Сейчас, еще чуть-чуть осталось дорисовать, — пообещал Северин, отбрасывая со лба прядь длинных черных волос. — Каль веноммо — вещь не слишком сложная, но здесь темно хоть глаз выколи, а я не привык рисовать углем на кирпиче.

— Такие простые вещи — не для тебя, о мой мастер-иллюстратор?

Северин в ответ проворчал что-то неразборчивое.

Где-то в переулке зарычали копошившиеся в отбросах собаки. Лейла вздрогнула и снова поторопила Северина.

— Слышу, слышу, — тихо пробормотал он. — Готово уже.

Лейла попыталась рассмотреть хоть что-нибудь в темноте.

— О чем там говорится?

— Ни о чем. Там только рисунок, без слов.

— Тогда что там изображено?

— Учитывая погрешности, вызванные недостатком освещения, спешкой и некачественными материалами...

— Северин!

Он улыбнулся, сверкнув в темноте белыми зубами.

— Тасия, пришпоривающая лошадь. Лошадь очень похожа на Арриго.

Лейла зажала рот рукой, чтобы не захихикать, но ей это не удалось.

— Севи, да ты что!

— Ты же сама хотела, чтобы люди это узнали. Куда теперь пойдем?

Лейла взяла его за руку, и они поспешили убраться из этого вонючего переулка с его грызущимися собаками. На главной улице Лейла остановилась у фонаря, чтобы взглянуть на руку, которую сжимала в своей. Северин безуспешно пытался помешать ей.

— Нет, дай я посмотрю. Почему у тебя такие липкие пальцы?

— С чего ты взяла?

Он вытащил из кармана лоскут.

— Пойдем скорее, я хочу сделать еще хотя бы рисунка четыре, пока не истеку кровью.

— Кровью?

Потрясенная, Лейла уставилась на него. Северин обмотал руку тряпкой. Там, в вонючем переулке, Лейла не почувствовала запаха крови, а ведь она составляла духи и могла на расстоянии двадцати шагов с закрытыми глазами отличить розу Астраппа Бианка от Плувио Бианко.

— Севи, — прошептала она, — зачем?

— Потом я расскажу тебе, что мы, иллюстраторы, действительно можем.

Он пожал узкими плечами. Грустная улыбка придала его лицу — ничем не примечательному, типичному лицу Грихальва с характерным длинным носом — какую-то загадочность.

— А теперь найди мне хорошую стену, желательно гладко оштукатуренную. Кирпичная поверхность все-таки редкое дерьмо.

На следующее утро, когда солнце осветило крутые извилистые улочки Гранидии, отовсюду стали раздаваться взрывы хохота и гневные выкрики.

— Каль веноммо, — объясняли те, кто уже успел все узнать, своим менее информированным товарищам. — Ядовитое перо, карикатура.

И все в округе собирались поглазеть, потыкать пальцем и оценить смысл забавных, а иногда и непристойных рисунков, будто по волшебству появившихся за ночь по всему городу. Когда это обнаружил Арриго, он вызвал к себе всех Грихальва, которые находились в тот момент в Гранидии, и иллюстраторов, и просто художников. Из двадцати девяти человек одиннадцать имели свидетелей, подтвердивших, что они всю ночь провели в постели, двенадцать были на танцах вместе с кем-нибудь еще, шестеро присутствовали на балу у графа до'Гранидиа, а остальные шестеро были так немощны, что и по лестнице-то не смогли бы подняться, не то что всю ночь бегать по крутым, извилистым улочкам города.

Арриго посмотрел на Кабрала и Северина — тех Грихальва, которых они взяли с собой по настоянию Мечеллы. Разумеется, их он подозревал в первую очередь. Но второго он сам несколько раз видел на балу — юнец танцевал с Лейлой, а судя по физиономии первого, прошлой ночью он здорово напился. И действительно, один из опрошенных ранее слуг до'Гранидиа подтвердил, что Кабрал до самого рассвета с регулярностью часового механизма посылал за «еще одной бутылочкой».

Но все же это совершил Грихальва. Нанес это... это оскорбление в адрес наследника Тайра-Вирте. Ни один даже самый способный любитель не смог бы так хорошо сымитировать неподражаемый стиль каль веноммо. Это сделал Грихальва. И Арриго прекрасно понимал, что ни один из них до самой смерти не нарушит своей несчастной клятвы и не выдаст виновника. Даже его друг Дионисо, даже Рафейо, хоть он и сын Тасии. Ни один распроклятый Грихальва даже рта не раскроет. Это очевидно.

— Очень хорошо, — решительно сказал Арриго. — Я не знаю, кто из Грихальва нарисовал это, но зато я знаю, кто из вас это сотрет. Те, кто поздоровее, немедленно возьмут в руки щетки, и если к закату солнца хотя бы на одной стене в Гранидии еще останется уголь...

Он нарочно оставил угрозу недосказанной.

— Ваша светлость!

Арриго обернулся к сутулому пожилому иллюстратору, чьи изъеденные болезнью кости требовали жаркого солнца Гранидии.

— В чем дело?

— Прошу прощения, ваша светлость, но эти рисунки невозможно смыть.

— Я взглянул на них, перед тем как прийти сюда, ваша светлость, — кивнул другой иллюстратор. — Это, знаете ли... такой сорт угля, что его ничем не возьмешь.

Северин откашлялся.

— Он прав, ваша светлость. Я тоже изучил эти рисунки и...

— Номмо Матра эй Фильхо! Так закрасьте их!

Спустя несколько часов Кабрал ненадолго прервался, чтобы потереть пальцами ноющие виски. Северин взглянул на него снизу вверх, продолжая смешивать очередное ведро белой краски. Начиная с завтрашнего дня Гранидиа будет блестеть как алебастр. Местами, разумеется.

— Почему ты не хочешь передохнуть?

Кабрал хмуро посмотрел на него.

— И опять предоставить тебе делать то, что должен был сделать я сам?

— У тебя что, солнечный удар? Не вижу смысла в твоих словах, Кабрал.

— В самом деле не видишь? Как ты повредил руку?

— Как я уже говорил дону Арриго, — безмятежно ответил Северин, — а он спрашивал об этом, я ободрал ее на лестнице в дозорной башне. Эти стены обязательно надо оштукатурить, они колючие, как битое стекло.

Кабрал даже не стал делать вид, что слушает.

— Севи, как ты повредил руку?

— Хочешь правду? — ухмыльнулся Северин. — Это Лейла меня укусила.

Его заявление вызвало у Кабрала припадок неудержимого смеха.

— Размечтался! Матра, я чуть не упал, когда Арриго сказал, что ты должен беречь свои драгоценные руки художника!

Северин выплеснул две склянки воды.

— Я повредил левую, а это не так уж и страшно.

— Ты глупо рисковал сегодня ночью. Это моя сестрица тебя подбила?

— Не понимаю, о чем ты.

— Все настоящие иллюстраторы поняли, в чем дело, когда увидели твой бинт.

— Честное слово, не знаю, о чем ты тут болтаешь.

Кабрал покачал головой.

— Дурак ты, Севи. Но — большое спасибо.

— Я, конечно, совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду, — задумчиво протянул Северин, — но тем не менее — пожалуйста.

В течение еще двенадцати дней Арриго сопровождал Мечеллу в ее поездке. В Дрегеце, последнем городе, который им полагалось посетить перед возвращением в Мейа-Суэрту, их встречали баронесса Лиссина и целая делегация Грихальва. После смерти мужа Лиссины, барона до'Дрегеца, в ее собственность перешло поместье со всеми фермами. Ожидалось, что она, как и все любовницы до нее, завещает свою собственность семье. Тогда ка-

кой-нибудь женатый Грихальва будет жить там с детьми и управлять поместьем. Втайне даже надеялись, что Великий герцог пожалует этому Грихальва титул барона до'Дрегец. А поскольку Лиссина была здорова как лошадь и женщины в ее роду доживали обычно до глубокой старости, то предполагалось, что герцогом этим будет уже Арриго. Поэтому дальновидные Грихальва приехали из Мейа-Суэрты, чтобы помочь Лиссине принимать Дона и Донью в Дрегеце.

Как и в Гранидии, здесь в первую очередь приветствовали Арриго. Им нужен был он сам, а не женщина, путешествовавшая рядом с ним. Впрочем, это относилось только к знатным горожанам, простой народ, как и везде, громко выкрикивал имя Мечеллы. Но Арриго не обращал внимания на то, что ценят его, в сущности, только десяток выслуживающихся Грихальва да два десятка льстивых горожан.

Он знал, конечно же, чего хотят Грихальва. Тасия регулярно информировала его о семейных делах. Показуха не обманула его — он пожалует титул барона до'Дрегец кому захочет, если захочет вообще. Но какой бы ни была причина их внимания, Арриго наслаждался им.

Мечелла тоже знала о планах Грихальва. Лейла и Лиссина посвятили ее в них в первый же вечер, который они втроем провели в небольшой гостиной Лиссины, любуясь замысловатым фонтаном. Дрегец был построен как классическая гасиендиа: двухэтажное квадратное здание с большим зеленым внутренним двором и окружающим его балконом. Мечелла была очарована своеобразием этого маленького мирка. Лейлу гораздо больше привлекали душистые растения, в изобилии произраставшие на клумбах, разбитых вокруг мощеного двора. Даже сейчас, поздней весной, в Дрегеце было слишком жарко для большинства цветов, но выносливые пустынные растения пышно разрослись в знойном климате.

Когда погасли последние краски заката и женщинам оставалось лишь слушать заунывные звуки кифары, доносящиеся откуда-то из-за фонтана, Лиссина под строжайшим секретом рассказала им о том, что должно было стать достоянием гласности лишь после ее смерти. Оказывается, они с бароном до'Дрегецом в свое время договорились, что Лиссина завещает поместье Риобире до'Кастейа, младшей и потому почти лишенной приданого дочери любимой тезки Лиссины, Лиссии.

Услышав это, Лейла чуть не захлебнулась от смеха.

— Вьехос Фратос всех разом удар хватит!

— Хорошо, что, когда они это узнают, меня уже не будет в живых, — кивнула Лиссина.

— Эйха, тетушка, обещаю вам, что не позволю им выкопать ваше тело и проткнуть его скребком для палитры!

Мечелле все это не показалось таким уж забавным.

— Но почему Риобире? Конечно, это очень великодушно с вашей стороны, она замечательный ребенок и достойна такого дара, и вы вольны поступать со своей собственностью как хотите, но ваша семья...

Лиссина покачала головой.

— В отличие от Корассона, перед тем как ваша светлость купили его...

— Мы же договорились — никаких титулов!

Бывшая любовница Коссимио улыбнулась своей обворожительной, как бы светящейся улыбкой.

— Извини, Мечелла. Я собиралась сказать, что Дрегец всегда приносил очень большой доход. По-моему, неразумно было бы отдавать Грихальва такое богатство — да еще и с титулом в придачу.

Она поднялась и наполнила стаканы ледяным лимонадом, добавив несколько капель нового ликера из Мерса. Прозрачная жидкость, приготовленная из каких-то ягод, придавала цитрусовому напитку приятный вкус и в небольшом количестве не вызывала опьянения.

— Кроме того, в отличие от Корассона, чья владелица умерла, не оставив завещания, Дрегец не перейдет к семье автоматически, если на то будет моя воля. Мы с моим дорогим Рейкарро всегда думали, что у Риобиры должно быть приданое, достойное внучки до'Веррада. Лиссия назвала девочку в его честь, ведь его полное имя было Рейкарро Риобиро Диего до'Дрегец. И я люблю ее, как собственного ребенка.

Лейла скорчила гримаску.

— Что это за таинственная жажда материнства, которую, похоже, испытывают все женщины, кроме меня?

— Когда-нибудь ты это поймешь, поверь мне, — улыбнулась ей Мечелла. — Кроме всего прочего мне хотелось бы знать, Лиссина, как вы собираетесь сохранить это в тайне? Ведь для того чтобы написать «Завещание», нужен Грихальва.

— Вот потому-то я и рассказала все это вам, — ответила Лиссина. — Мне нужен Грихальва, которому я смогу доверять, то есть тот, кто не слишком близок к Вьехос Фратос, и остановила свой выбор на Кабрале.

Когда две пары бровей удивленно поползли вверх, Лиссина объяснила:

— Слухами земля полнится. Но мне не хотелось бы забирать его у тебя без спроса, Мечелла.

— Вы можете забрать его, когда вам угодно. Хотите сделать предварительные наброски прямо завтра?

Лейла покачала головой.

— Кабрал не годится.

— Это еще почему? — возмутилась Мечелла. — Он что, не умеет рисовать, или, может, ему нельзя доверять?

— Конечно, можно. И он будет хохотать вместе со мной над этой шуткой. Такой удар по честолюбию семьи! Он сделает все, что вы только попросите, вы же сами знаете это. Но «Завещание», написанное им, не подействует. Оно не сможет... не сможет наложить обязательств.

— Он же Грихальва!

— Но не Иллюстратор.

Лейла произнесла последнее слово так, чтобы подчеркнуть значение заглавной буквы.

— Мне это совсем недавно объяснили. Те Грихальва, которые способны, как Кабрал, зачать ребенка, не могут писать некоторые важные картины. Одна способность исключает другую, если вы понимаете, о чем я говорю.

Лиссина нахмурилась.

— Не понимаю и, кажется, не хочу понимать. Это касается Великих герцогов и иллюстраторов Грихальва, а не нас с вами.

Но Мечелла не разделяла ее точку зрения.

— Кто рассказал тебе это, Лейла?

— Северин.

— Понятно.

Посмотрев на Лейлу таким долгим взглядом, что девушке захотелось где-нибудь спрятаться, Мечелла заявила:

— Раз так, Северин на нашей стороне, это ясно. Я доверяю ему так же, как доверяю Кабралу. Подойдет вам Северин, Лиссина?

— Мне подойдет всякий, кого ты рекомендуешь. Спасибо, Челла, — сказала она, немного стесняясь этого обращения. — Ты сняла с моей души огромный камень.

Лиссина показала им, где находится отведенная Мечелле прелестная спальня, и пожелала спокойной ночи. Отонна уже приготовила комнату и расставила по местам все вещицы, напоминавшие о доме: карандашные портреты Терессы и Алессио, нарисованные Кабралом, вышитую Риобирой подушечку, любимые книги Мечеллы, ее часы из розового дерева. Когда горничная принялась расстегивать Мечелле корсет, Лейла попыталась улизнуть. Мечелла попросила ее остаться. Лейла сослалась на усталость — Мечелла, казалось, не слышала ее.

— Это все, ваша светлость? — спросила Отонна, закончив расчесывать золотые волосы Мечеллы.

— У тебя свидание с тем симпатичным дворецким — как бишь его зовут, — которому Лиссина доверяет как самой себе? — сладким голоском спросила Лейла.

Мечелла рассмеялась.

— Отонна, служить мне — не значит заводить роман со всяким, кто может снабдить тебя информацией только потому, что она у него есть!

— Эйха, ваша светлость, честное слово, его информация меня нисколечко не интересует!

— Рада слышать это.

Мечелла собственноручно заплела свои золотые волосы в две тяжелые косы.

— Кстати о приобретенных знаниях... Лейла, насколько «недавно» Северин рассказал тебе об иллюстраторах? Два дня назад, пять дней? Или в ту ночь, когда вы с ним носились по всей Гранидии, царапая углем на стенах?

— Ваша светлость, я, право, не знаю, что вы...

Мечелла засмеялась.

— Отонна, а ты видела ту картинку, где эта женщина изображена в виде свиньи, такой старой, что мясник от нее нос воротит, а дубильщик отказывается от шкуры?

— Прямо шедевр, ваша светлость, — хихикнула горничная. — Но мне куда больше нравится та, где она ведет славный корабль «Тайра-Вирте» прямо на скалы на берегу Нипали! Сев... То есть я хотела сказать, тот, кто это нарисовал, здорово показал, как моряк пасует при виде этих утесов!

— А я ее и не видела, — вздохнула Мечелла. — Сколько их было всего, Лейла?

— Я и в самом деле не знаю, ваша светлость.

Ее глаза встретились в зеркале со смеющимися голубыми глазами Мечеллы.

— Эйха, это ужасно. И, вероятно, никто другой тоже не сможет мне этого сказать?

— Вряд ли сможет, ваша светлость.

— Так я и думала.

Это произошло, когда они были в маленькой пыльной деревушке, всего в половине дня езды от Дрегеца. Отонна первая заметила какое-то быстрое движение в толпе, но она была слишком далеко от Арриго и Мечеллы, стоявших на узком крыльце деревенской церкви. Лейла, стоявшая на нижних ступенях крыльца вместе с делегацией Грихальва, ощутила, как кто-то протискивается сквозь толпу, расталкивая людей локтями. Кабрал увидел какую-то вспышку и нахмурился. Мечелла тоже заметила ее краешком глаза и на секунду отвернулась от алькальда, произносившего приветственную речь. В то же мгновение в воздух взлетел какой-то странный металлический шар, оставляя за собой след белого дыма.

Кто-то вскрикнул. Арриго оттолкнул обеих монахинь и, схватив Мечеллу обеими руками, втащил ее в открытую дверь санктии. Цветы из ее рук полетели на пол, она запуталась в подоле платья и упала бы, если б не стальные объятия Арриго. Раздались крики, звонкий удар металла о камень, от едкого дыма на ее глаза навернулись слезы. Арриго втолкнул ее еще дальше в глубь санктии. Мечелла вырывалась, стараясь освободить руки и вытереть слезы.

— Как ты, Мечелла? С тобой все в порядке?

— Ничего, — ответила она дрожа. — Что случилось? Что это было?

— Оставайся здесь, я пойду узнаю. Но если это то, о чем я думаю... — Он мрачно покачал головой. — Стой здесь.

Через открытую дверь Мечелла видела прозрачное облачко дыма. От него во все стороны разбегались люди. Старшая монахиня лежала на ступенях крыльца, та, что помоложе, склонилась над ней рыдая. Почтенные жители деревни, кашляя и задыхаясь, спускались с крыльца. Арриго нигде не было видно.

— Ваша светлость!

Неожиданно рядом с ней оказался Кабрал. Из его покрасневших глаз ручьем текли слезы.

— Челла, вы ранены?

Она покачала головой в ответ, и Кабрал пробормотал благодарственную молитву.

— Вам надо выйти на свет, показаться всем остальным. Эта паника в основном возникла из-за того, что они думают, будто вы погибли.

— Погибла?

— Скорее, ваша светлость, пока они не затоптали друг друга.

Мечелла вышла на крыльцо и закашлялась — остатки дыма снова попали ей в горло. Рядом с ней молодая монахиня вскрикнула от радости и вознесла благодарственную молитву Пресвятой Матери и Сыну. Быстро разлетелась новость, что Дольча Челлита жива и невредима, и постепенно все пришло в норму. Произошло то же, что и в тот раз, когда Мечелла вернулась из Кастейи, — всех успокоило одно ее присутствие.

— Где Арриго? — спросила она у Кабрала.

— Я думаю, он пытается поймать преступника. Понимаете, это было...

Он не успел закончить фразу. С одной стороны к Мечелле протолкалась Лейла, с другой подбежала Отонна и, всхлипывая, бросилась ей на шею.

— Ох, ваша светлость, я уже решила, что мы вас потеряли!

— Я жива и здорова — то есть останусь жива, если ты меня не задушишь.

Мечелла улыбнулась и вытерла Отонне слезы.

Подошли несколько человек из семьи Грихальва, дабы убедиться, что Мечелла в безопасности. Из их покрасневших глаз текли неудержимые слезы. Наконец, прыгая через несколько ступеней, к ним поднялся Арриго.

— Сукин сын сбежал, — проворчал он. — Кто-нибудь видел, куда упала эта штука? И куда она потом делась?

Вперед выступил деревенский алькальд, дрожа от увенчанной красной шапочкой макушки до пальцев ног, обутых в сверкающие башмаки из зеленой кожи.

— Ваша светлость, кто-то отшвырнул ее с дороги, а я не посмотрел куда... Ох, простите нас, донья Мечелла!

— За что простить? — безучастно спросила она.

— Никто не видел, куда делся железный шар? — Арриго выругался сквозь зубы. — Эйха, вероятно, он исчез уже давно, как это принято у убийц. Никаких улик.

— Убийц? — разинула рот Лейла.

— Такие шары — тза'абскос изобретение, их называют на'ар аль-душанна — «огонь и дым». Либо этот экземпляр не сработал, либо это было предупреждение.

Он вытер пот со лба рукавом парадной одежды.

— Они начиняют полую сферу химикалиями и поджигают фитиль. Возникающий дым вызывает слезы и удушье, а может оказаться и смертельно ядовитым.

Мечелла пошатнулась от ужаса. Кабрал поддержал ее за талию. Она едва заметила это.

— Больше всего досталось монахине, — сказала Лейла. — Но она оправится. Ее сейчас унесли и уложили в постель.

— Надеюсь, с вами все в порядке, ваша светлость? — тихо промолвил Кабрал. — Этот шар был предупреждением и к тому же плохо сработал. Дыма образовалось очень мало, а тот, что был, оказался почти безвредным.

— Но почему кто-то сделал это? — воскликнула Мечелла. — Кто может так нас ненавидеть?

— Не здесь, — резко оборвал ее Арриго. — Пойдем, в какой-нибудь санктии есть безопасное место, где мы сможем поговорить без свидетелей. Кабрал, помоги мне. Лейла, достань немного вина. Ее светлость очень бледна. Отонна, принеси воду для умывания — быстро.

— Ох, ваша светлость, — простонал алькальд. — Тот подонок, который это сделал, не имеет никакого отношения к нашей деревне, поверьте мне...

— Конечно, мы верим, — успокоила его Мечелла. — Подите умойтесь, бедный маэссо Бернардио, у вас глаза совсем покраснели. Ничего, если мы останемся здесь на ночь? Я слишком расстроена, чтобы продолжать путешествие.

— Остаться... — Алькальд потер воспаленные глаза кулаками. — Но у нас здесь нет ни замка, ни даже подходящего дома. Ничего достойного вашей светлости...

— В прошлом году, в Кастейе, я спала в своем экипаже. После этого даже охапка сена в чьем-нибудь сарае покажется мне королевским ложем!

— В сарае... Да, мы сможем что-нибудь предпринять.

Алькальд рванулся устраивать им ночлег. Спохватился, поклонился Мечелле, потом Арриго и, наконец, засеменил вниз по лестнице, протирая на ходу глаза.

— Тебе все-таки плохо? — озабоченно спросил Арриго у жены.

— Нет. Но мы должны показать этим добрым людям, что не винним никого из них в случившемся и чувствуем себя в безопасности в их деревне. Кроме того, если они все же поймают этого человека, я хотела бы сама спросить его, чем мы его обидели, что заставило его решиться на такое.

Через некоторое время, когда все глаза были из предосторожности промыты, они сидели в помещении школы, потягивая вино из глиняных кружек с отбитыми краями. Разговоры о происшествии ни к чему не привели. Кабрал считал, что это дело рук тза'абов. Арриго отвечал на это, что, по замыслу нападавшего, именно так они и должны были подумать. О на'ар аль-душанне знали не только тза'абы, просто они были достаточно трусливы, чтобы пользоваться им. Однако никто не мог предложить разумного объяснения происшедшему.

Погоня вернулась с сообщением, что преступник исчез где-то в холмах. Видимо, там его дожидался оседланный конь. От орудия преступления не осталось и следа.

— Итак, — заключил Арриго, — кто-то был в сговоре с преступником и похитил шар, скрыв тем самым все следы преступления.

— Это может означать, — задумчиво сказал Северин, — что у шара были какие-то характерные особенности, которые могли бы привести нас к его создателю.

— Эйха, возможно. Но мы никогда этого не узнаем.

Арриго и Мечелла разместились в лучшей из спален монахинь. «Лучшая» означало, что на полу лежал грубый ковер, окно прикрывала шелковая сетка, пропускавшая воздух и задерживавшая насекомых, и льняные простыни на узкой кровати были почти новыми. Мечелла отпустила Отонну и сама расчесала волосы. Арриго тоже отпустил слугу на ночь и сам теперь вешал свою одежду на деревянный крючок у двери. Мечелла взирала на него с постели и пыталась понять, о чем он думает.

— Арриго... Ты спас мне жизнь.

Не глядя на нее, он ответил:

— Чертова штуковина была не ядовита, Мечелла.

— Но ты же этого не знал, — пробормотала она.

Он лишь пожал плечами.

— Ты поступил очень смело, и так быстро успел среагировать...

— Глупости, — огрызнулся муж. — Может, ты думала, я воспользуюсь первой же возможностью, чтобы избавиться от тебя?

Мечелла сжала серебряную ручку своей щетки и на секунду прекратила расчесываться.

— Я только пытаюсь поблагодарить тебя. Почему надо быть таким жестоким?

Наконец Арриго повернулся, раздетый до пояса, и посмотрел ей в лицо. Что-то в его взгляде смягчилось — он стал больше похож на того человека, которого Мечелла любила с детства.

— Прости меня, Челла. Похоже, меня это потрясло гораздо сильнее, чем я предполагал. То, что это случилось и что все могло быть гораздо хуже...

— Ты хочешь сказать, что мы оба могли погибнуть?

Мечелла отложила щетку и протянула к нему руки.

— Пожалуйста, Арриго, обними меня.

Он криво усмехнулся и даже умудрился пошутить:

— Каррида, эта кровать такая узкая, что если мы не будем обниматься, то просто свалимся на пол!

— Вы уже слышали, Премио Фрато Дионисо? Слышали?

Рафейо ворвался в мастерскую с горящими от восторга глазами.

— Ты так кричишь, что только мертвый не услышит. Я полагаю, ты хочешь рассказать мне о том, что случилось три дня назад.

— Вы действительно все на свете знаете!

Но Рафейо недолго восхищался источниками информации Дионисо, он принялся болтать. Битый час он превозно-

сил храбрость Арриго, быстроту его реакции, решимость поймать тех, кто в ответе за это разбойное нападение.

Дионисо терпеливо ждал, когда же юноша обратит внимание на тот факт, что в результате героических действий Арриго Мечелла осталась целой и невредимой. Если, конечно, Рафейо вообще это заметил. Возможно, он поймет, что действия Арриго явились результатом привязанности, которую он все еще испытывает к матери своих детей. Даже если он был к ней равнодушен как к жене.

Наконец мальчишка иссяк, и они смогли начать урок. Глядя, как в блокноте Рафейо один за другим возникают полные скрытого смысла композиции из цветов, Дионисо лениво подсчитывал годы. Скоро он сможет избавиться от этого старого сорокапятилетнего тела, чьи кости, несмотря на все его усилия, уже начинают болеть. Возможно, этим летом он найдет причину, чтобы съездить в Корассон. Солнце подлечит его, а уж он как-нибудь сумеет найти способ дискредитировать Мечеллу.

Он больше не нуждается в ее расположении. Звезда Тасии снова восходит, он выбрал для следующей жизни ее сына, и с его стороны было бы просто глупо прямо или косвенно поддерживать Мечеллу в каких-либо ее начинаниях. Попросту говоря, она больше ничего не значит.

На'ар аль-душанна был рискованным делом. А вдруг Арриго не повел бы себя героем? Но нельзя же было оставлять без ответа эти каль веноммо. Дионисо уже слишком много поставил на Рафейо — следующего Верховного иллюстратора, и его мать, Тасию, которая будет любовницей Великого герцога Арриго. Тем более что их планы совпадали с его собственными, как четыре стороны хорошо подогнанной рамы.

Потому Дионисо и не мог позволить Арриго выглядеть таким дураком, каким его выставлял неизвестный автор каль веноммо. Потому пришлось устроить это маленькое, безопасное, но жуткое происшествие с «огнем и дымом». Все сделали двое крестьян, которым было хорошо заплачено за измену, а предварительно они были нарисованы предателями. Формулу Дионисо взял из Кита'аба, состав смешал в своей тайной мастерской над винной лавкой. Он уже успел забыть, как это здорово — делать что-нибудь своими руками, а не кистью. Целый день, долгий и душный, он дожидался, пока состав застынет, и попутно выбирал наилучшее место для изображения Рафейо в композиции Пейнтраддо Меморрио.

Эйха, судьба Дионисо связана с Рафейо, Тасией и Арриго. Он не желает Мечелле зла, но прекрасно понимает теперь, что она была, есть и будет абсолютно бесполезна для него.

49

Расследование инцидента, случившегося неподалеку от Дрегеца, не дало никаких результатов. Герцог Коссимио ругался, не повторяясь, двадцать минут кряду, а потом решительно запретил Мечелле осеннюю поездку в Эллеон.

— Но мы должны поехать! — волновалась Мечелла, бегая взад и вперед по своей гостиной в Корассоне. Как обычно, ее окружали Грихальва. Лейла сидела у окна, смешивая духи в маленьких флакончиках, Кабрал рисовал что-то, развалясь на стуле, Северин стоял у мольберта и дорисовывал магические руны в «Завещании» Лиссины. Казалось, никто из них не обращает на Мечеллу ни малейшего внимания.

— Разве никто, кроме меня, этого не видит? — воскликнула она. — А что скажут люди в Эллеоне, когда почувствуют к себе пренебрежение?

— Они поймут. — Кабрал с невозмутимым видом отложил один карандаш и взял другой.

— Они, может быть, и поймут, но я — нет! — заявила Мечелла и выскочила из комнаты, чтобы найти Гизеллу и в очередной раз поделиться с ней своими треволнениями.

Когда дверь за ней захлопнулась, Северин отложил в сторону кисть.

— Единственное, что я вижу, — пробормотал он, — так это надежда в ее глазах.

Лейла кивнула.

— Когда рядом с Арриго нет Тасии, он вспоминает, за что так любил когда-то свою жену.

— Так оно и есть. Странно, что она не беременна в третий раз.

— Эйха, но они были вместе только последние несколько ночей по дороге домой, в Мейа-Суэрту. Вопрос в том, хорошо ли им будет вместе. Будут ли они счастливы, даже если Тасия устранится и оставит их в покое? Сможет ли Арриго забыть ее?

— Ну, об заклад я биться бы не стал, — заметил Северин. — Кроме всего прочего, стоит принять во внимание тот прием, что ей оказывают везде и всюду. Это действует ему на нервы. Хотя героический поступок оказал просто целебное воздействие на его раненую гордость. Все простые люди только и делают, что благодарят его за спасение их любимой Челлиты.

— По дороге в Эллеон они должны остановиться в Катерине, — задумчиво сказала Лейла. — Может, это напомнит ему, как они были счастливы первые месяцы после свадьбы.

— И результатом этих воспоминаний может явиться третий ребенок. Да, разумеется. Но в конце концов им придется вернуться в Палассо, а там их поджидает Тасия.

— А если она уедет в замок до'Альва?

Северин начал аккуратно складывать магические краски.

— Возможно, но есть еще и Рафейо. Всем понятно, что именно он станет следующим Верховным иллюстрато-

ром — пусть дарует Пресвятая Мать еще десять лет жизни Мекве-лю! Дионисо превозносит мальчишку до небес, его работы — само совершенство...

Лейла поморщилась.

— И сам Рафейо рассказывает об этом всем и каждому!

— Он не одобрит попыток стереть его мать с этой картины. И голову даю на отсечение, когда Рафейо станет Верховным иллюстратором, они с Арриго вернут Тасии ее статус при дворе официально и пожизненно!

— И все начнется сначала. — Лейла окинула брата недобрым взглядом. — А ты что молчишь — тебе нечего сказать?

Кабрал вскочил на ноги.

— Ты, Севи, Мечелла — все-то вы видите, но надо еще и слушать.

Сообщив это, он засунул эскиз в зеленую кожаную папку — подарок Мечеллы на день рождения — и гордо вышел из комнаты.

Лейла обрела голос только через пару минут.

— Что все это значит?

Северин не ответил. Он тщательно вытирал кисти и руки, испачканные разноцветными, замешанными на его крови красками, куском чистого полотна. Потом он замочит это полотно вместе с кистями в большом количестве чистой воды. Когда-то, еще в студенческие годы, он забыл подогреть воду, и ощущение обжигающего холода во всех жилах уложило его в постель на целых два дня. Воду выльют в раковину, трубы вынесут ее в реку, вместе с водами которой она потечет дальше в море. Интересно, лениво подумал он, сколько крупиц магической силы Грихальва осело по дороге, зацепившись за скалы, илистое дно и корни растений, а сколько доплыло до моря и пропало в бездонных глубинах Агва-Серениссa и Марро-Маллика...

— Севи, почему ты не отвечаешь?

— М-мм? Ах, да!

Он обернулся к девушке, раздумывая, как бы нарисовать себе побольше смелости и признаться ей в любви. Беда в том, что этот брак был бы для Лейлы решением всех проблем, независимо от тех чувств, которые она к нему испытывает. Северин — стерильный иллюстратор, поэтому она сможет не иметь детей. Когда Мечелла взяла Лейлу в свою свиту, семья прекратила настаивать, чтобы девушка вышла замуж и рожала детей, но скоро эти требования возобновятся. Лейле уже двадцать три года, что намного превышает тот возраст, когда принято обзаводиться детьми. А каждая женщина Грихальва должна родить семье хотя бы одного ребенка. Северин знал, как Лейла относится к идее стать «племенной кобылой» Грихальва. Но он не хотел, чтобы она вышла за него лишь ради спасения от принудительного материнства. Он хотел... Но как раз этого он никогда не сможет рассказать ей.

— Лейла, — сказал он тихо, — я думаю, Кабрал в отличие от нас услышал то, о чем я сейчас сказал. О том, чтобы стереть Тасию с картины.

Запечатанный воском флакон выскользнул из рук Лейлы и покатился по ковру. Северин подумал, что именно она, с ее знанием различных запахов, могла бы стать идеальной женой для иллюстратора. Странно, что это не приходило ему в голову раньше.

— Ты шутишь, Севи, — выдохнула она. — Кабрал не мог иметь в виду...

— Оба вы знаете теперь о магии. Рассказав тебе об этом, я нарушил все клятвы, какие только может нарушить иллюстратор. Неужели тебе не приходило в голову, что это можно сделать?

Лейла так неистово затрясла головой, что выпали все шпильки, и волосы рассыпались у нее по плечам.

— Ни у кого не может быть столько силы!

— У меня есть, — невесело сообщил Северин.

— Но, Севи...

— Пока я жив, в этой картине есть моя сила. — Он кивнул в сторону мольберта с почти законченным «Завещанием» Лиссины. — Мне двадцать пять лет. Лиссине — семьдесят один. Она...

Он остановился, увидев круглые от удивления глаза Лейлы.

— Ты не знала, что она такая старая? Такова ирония жизни Грихальва. Наши женщины выглядят моложе своих лет и зачастую живут до девяноста, а иллюстраторы становятся глубокими стариками уже в сорок и умирают, не дожив до пятидесяти. Лиссина ничего не знает о магии и, по твоим словам, не проявляет интереса даже к самым элементарным объяснениям.

— Мне показалось, ее это испугало. Она сказала, что не хочет этого знать.

Северин пожал плечами.

— Как раз такое отношение и поощряют Вьехос Фратос. Не все наделены твоим всепоглощающим любопытством. Так вот, я имею все шансы пережить Лиссину. Тогда магия картины будет полной, и никто не сможет противиться ее влиянию. Но лингва оскурра, тайная речь, то есть эти руны по краям картины, усилят магию даже в том случае, если я умру раньше. Что, разумеется, возможно. И такой силой обладает любой иллюстратор, Лейла.

Девушка вскочила на ноги и, дрожа, отошла к окну. Северину очень хотелось написать ее такой: черные волосы разметались по плечам, сильное тело просвечивает на солнце сквозь тонкий шелк желтого платья.

Она заговорила, и в ее голосе слышались слезы.

— Не говори мне о смерти, Севи. Я не могу этого вынести. И не говори о том, что можно нарисовать для Тасии что-нибудь ужасное. Это просто отвратительно. Никто не должен обладать такой силой!

— Никто больше и не будет говорить об этом, — уверил девушку Северин. — Кабрал, может, и захочет, и не мне его

за это осуждать. Но Кабрал может хотеть сколько угодно — самому ему этого не сделать, он же не иллюстратор.

— Ты тоже не сможешь, — прошептала Лейла. — Даже если ненавидишь Тасию так же сильно, как мы, ты все равно никогда...

Северин не понял, сказала она так, потому что верила в свои слова, или потому, что хотела услышать от него подтверждение. Поэтому на всякий случай он сказал:

— У меня бы получилось великолепно, но я никогда не смогу этого сделать.

— Я знаю. А как же Рафейо?

Северин покачал головой.

— Есть причины, по которым он никогда...

— Что может помешать ему сделать с Мечеллой все, что он захочет, когда он узнает о силе, которой обладает как иллюстратор?

Северин мгновение поколебался, но решил, что хуже все равно не будет.

— Есть еще одна вещь, о которой иллюстраторам говорить запрещено. Пожалуйста, не рассказывай об этом своему брату.

И он рассказал ей о самой сокровенной тайне Грихальва: о Пейнтраддо Чиеве — пропитанном кровью и магией автопортрете, который в качестве выпускной работы должен нарисовать каждый иллюстратор. Лейла внимала Северину с благоговейным ужасом, и, по мере того как до нее доходил смысл сказанного, на лице ее появлялось такое выражение, что у него кровь стыла в жилах.

— Рафейо не будет знать, что именно он рисует, пока работа не будет закончена, — сказал Северин. — Никто из нас не знал. Демонстрация силы этого портрета весьма убедительна. Всеми магическими картинами ведают Вьехос Фратос...

— ...или Верховный иллюстратор, которым Рафейо скоро станет.

— Даже Меквель отвечает перед Фратос, как и все Верховные иллюстраторы. Если Рафейо что-нибудь натворит, Фратос заметят это по проявлению магии и накажут его в соответствии с тяжестью проступка.

Лейла немного расслабилась.

— Тогда Мечелла в безопасности. Сейчас Рафейо еще ничего не знает, а когда узнает, уже будет написан его Пейнтраддо Чиева, и под угрозой наказания он не посмеет причинить ей зло.

— Даже если он лишен морали, а, по-моему, так оно и есть, одного этого страха будет достаточно.

Он с содроганием отбросил воспоминания о той страшной боли, которую ему причинили булавки, вонзаемые в нарисованное плечо.

— Поверь мне, это производит впечатление.

Лейла ударила по столу сжатым кулачком.

— Как жаль, что я не забеременела от него!

Северин был так потрясен, что у него перехватило дыхание. Но мысли почему-то не исчезли. Конечно, он знал, что Лейлу призывали для участия в конфирматтио. Не мог он этого не знать. Конечно, Рафейо прошел испытание. Просто никогда раньше

ше Северину в голову не приходило сопоставить даты. А может, и приходило, но он сумел забыть.

Рафейо спал рядом с Лейлой. Он предавался с ней любви. Впрочем, нет, сказал себе Северин, Рафейо лишь использовал ее тело, чтобы доказать свои магические способности, и даже не заметил гораздо более сильной магии ее души.

— Не забеременела? — Он вымученно улыбнулся. — Ты хотела бы носить внука Тасин?

Лейла содрогнулась.

— Матра, какая гадость! Надо было просто придушить мерзавца, когда у меня была такая возможность, — и покончить с этим!

— Это мысль, — согласился он.

Коссимио издал герцогский указ: Мечелла не поедет в Эллеон без его на то специального разрешения. Ей осталось лишь склонить голову и повиноваться.

Когда официальные свидетели — Великая герцогиня Гизелла и Верховный иллюстратор Меквель — покинули столовую Корассона, Коссимио сказал:

— Прости меня за строгость, гаттина. Но теперь я тебя знаю. Все что угодно, кроме прямого приказа, ты сумеешь обойти. Я могу только позавидовать такому упорству, но дай мне позаботиться о твоей безопасности, каррида.

— Как мило с вашей стороны беспокоиться обо мне. Может быть, мы сможем поехать весной.

От его гулкого смеха задрожала хрустальная посуда.

— Если вы не поедете, в Эллеоне вспыхнет мятеж! Я же говорил, что в Тайра-Вирте тебя полюбят, как только первый раз тебя увидел, так сразу и сказал. Мы бы все без тебя пропали. И я, и Зелла, и дети, и Арриго — кстати, я говорил, что получил от него письмо? Он приезжает через несколько дней.

— Правда? Мне он этого не говорил.

— Эйха, наверно, я испортил сюрприз. Такой уж у вас Великий герцог — не умеет хранить чужих секретов! Но ты ведь притворишься удивленной, правда, гаттина?

Мечелла улыбнулась — противостоять Коссимио было просто невозможно. Гизелла, судя по всему, тоже так считала — этим летом в Корассоне они вели себя как юные любовники.

После приятного утра, проведенного в саду, где Грихальва рисовали все, что им нравилось, а до'Веррада не утруждали себя ничем более серьезным, чем чтение романов, все вернулись в дом — отдохнуть во время полуденного зноя. Отонна вошла в спальню Мечеллы, размахивая только что полученным письмом.

— Тут моя сестра такое пишет! Но все это правда, от первого до последнего слова. Эта женщина со своим мужем, его детьми и этим засранцем Рафейо едут в замок Альва. И дон Арриго собирается привезти их сюда! В Корассон!

Мечелле просто дурно стало от этого известия. Она зарылась лицом в прохладную подушку и прошептала:

— Не может быть. Он не мог так поступить!

Какой же она была идиоткой! Он инстинктивно защитил ее от опасности. Они провели вместе несколько счастливых дней и ночей — особенно ночей! — по дороге в Мейа-Суэрту. Как он сожалел, что должен ненадолго остаться в Палассо! Он обещал ей, что очень скоро приедет к ним в Корассон — присылал одно обещание за другим, и так целое лето! Но скоро уже уберут пшеницу, а он все еще не приехал. Ложь, все его слова были ложью.

Арриго действительно жил в выдуманном мире.

Когда-то давно Гизелла советовала оставить эту женщину при дворе. Но Тасия — не Лиссина. Лиссия предлагала на выбор несколько вариантов поведения, и Мечелла инстинктивно выбрала тот путь, по которому ей следует идти всю жизнь.

У нее своя жизнь. Свой дом. Своя сила.

— Нет, — сказала она тихо, и Отонна на полуслове замолчала, прервав проклятия, — она не приедет в Корассон. Ноги ее здесь не будет.

— Ваша светлость?

Удивительно, как просто все решается, как легко и спокойно стало на душе. Глядя на остолбеневшую горничную, Мечелла улыбнулась.

— Этой женщине не видать Корассона, как своих ушей. Даже если мне придется самой раскидать его по камешку и сжечь все до последнего кустика.

Отонна онемела. Исторический момент, Северину или Кабралу следовало бы запечатлеть его в красках. Но все Грихальва в Корассоне решили после завтрака побродить по окрестностям. Иллюстраторы хотели написать несколько пейзажей для украшения новой студии, Лейла собирала душистые травы. Мечелла с нетерпением ждала наступления вечера, когда они вернутся и скажут ей, как помешать этой женщине переступить порог ее любимого Корассона.

Ни за что. Это ее собственный дом, ее жизнь, ее сила. Теперь Корассон стал ее настоящим домом, и она любит его. Арриго сам виноват, что предпочитает жить выдуманной жизнью с той женщиной, а не настоящей — с ней, в Корассоне.

Она вспомнила высокого, красивого, обаятельного мужчину, в которого когда-то влюбилась. Она была угловатым долговязым пятнадцатилетним подростком, но и тогда уже все ее обожали. Их лица стояли у нее перед глазами так ясно, будто какой-то иллюстратор нарисовал ее и Арриго и поставил портреты перед ней. А как он вернулся во Дворец Тысячи Свечей, как поцеловал ее в залитом лунным светом саду... И эту картину Мечелла могла вспомнить до мельчайших деталей. Сверкающие эполеты Арриго, корона Принцессы Гхийаса на ее голове... Мечелла вспоминала Катеррине и Палассо Веррада, многочисленные гильдии и деревенские ярмарки, церемонии в Катедраль Имагос Брийантос...

Сколько подобных картин хранит ее мозг, сколько воспоминаний о их с Арриго счастливой семейной жизни. Но все это лишь мираж.

Существовал только один их совместный портрет — «Венчание». Золотоволосая девушка в белом подвенечном платье, смуглый мужчина в темно-зеленой шагаррской форме. Они были уверены тогда, что будут счастливы вместе.

Кто знает, вероятно, все могло быть иначе. Она дважды влюблялась в Арриго. Один раз, когда впервые увидела его, и второй — когда вышла за него замуж. Теперь она не понимала, почему это произошло. И любил ли он ее когда-нибудь. Как символично, что она велела Дионисо писать их «Венчание» еще до того, как Арриго приехал в Гхийас. Это она стремилась к браку, она хотела его всем сердцем. А теперь их брак остался лишь на картине. Мазки старой краски да, может быть, несколько упавших с кисти волосков. Даже иллюстратор Грихальва не в силах вдохнуть жизнь в то, чего на самом деле никогда не существовало.

Это было больно. Мечелла не могла притвориться, что это не так. Сердце шептало ей, что стоит только Арриго отослать прочь эту женщину и исправиться, и она простит ему все и снова попытается быть с ним счастливой.

Но что бы ее муж теперь ни сказал, она понимала, что не сможет еще раз полюбить его.

— Ваша светлость, — очнулась наконец Отонна, — но как же мы сможем помешать ей? Она приедет с доном Арриго и со своим мужем. Не пустить ее — значит оскорбить их всех.

— Пока не знаю. Оставь меня, мне надо подумать.

— У нас всего три дня, а потом она примчится сюда как перро лингва...

— Я знаю! Ты думаешь, я не понимаю этого? Должен же быть какой-то способ удержать ее!

Мечелла услышала свой срывающийся на крик голос и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

— Иди, Отонна. Я буду думать.

Арриго и его спутники отдыхали в одном из придорожных монастырей, когда средний сын Карло до'Альва неожиданно заявил, что намерен посвятить свою жизнь екклезии.

Веррадио было уже восемнадцать, и формально он имел право сам принимать за себя решения. Он отдал свое имущество братьям и слугам, облачился в грубую коричневую рясу послушника и отказался покидать келью, несмотря на угрозы рассвирепевшего отца. Карло испробовал все способы убеждения и уже почти готов был взломать дверь и увезти сына силой, но у Веррадио неожиданно нашелся заступник — Тасия.

Арриго, которого все происходящее не только поразило, но и развлекло, никак не мог взять в толк, почему Тасия столь красноречиво принялась защищать мальчишку. Она была вто-

рой женой Карло, у них не было и не могло быть общих детей, а ее собственный сын, Рафейо, не имел никаких прав на имущество семьи до'Альва, поэтому отказ Веррадио от своей доли наследства ни в коей мере не мог затронуть ее интересы. Настоятель тем не менее одобрил действия Тасии, хотя, как и все представители екклезии, не мог испытывать особенно добрых чувств к Грихальва.

Тасия не нашла нужным объяснять Арриго, что Веррадио просто поставил ее перед выбором: либо она защитит его от отцовского гнева, либо он опубликует черновики ее писем к Арриго во всех без исключения городах и деревнях Тайра-Вирте.

Накануне вечером он пригласил Тасию в маленький запущенный монастырский сад для делового разговора и предъявил ей убийственный образец ее творчества — черновик любовного письма к Арриго. Исполненный страсти перечень его многочисленных достоинств был много раз перечеркнут и исправлен, чтобы создать впечатление искреннего чувства.

— Каль веноммо в Гранидии — просто детские шалости по сравнению с этими бумажками. Арриго и мой отец сразу узнают ваш почерк, пусть даже публично они будут это отрицать. Что скажет Арриго, когда узнает, сколько вы упражнялись, перед тем как отправлять ему свои «искренние» любовные письма?

Тасия с трудом опустилась на каменную скамью, все поплыло у нее перед глазами. Веррадио ухмыльнулся.

— Никого из вас не волнует, что думает Мечелла. Эн верро, мне это тоже неинтересно. Но люди ее обожают. Если это и еще несколько писем увидят свет...

Он спрятал драгоценную страничку себе за пазуху.

— Вам стоило бы сжигать такие вещи. Мало ли кто найдет их среди остального мусора — разумеется, совершенно случайно.

— Мердитто! — прошипела Тасия. — Ты копался в помойке, как жалкий пес!

— А вы должны неплохо разбираться в отбросах, Тасия. Вы порождаете всякую дрянь, даже ваше дыхание отравлено!

— Я знаю, что ты меня ненавидишь. Но как же ты сможешь так поступить со своим отцом?

— Я не просто ненавижу вас, я вас презираю. Вы мне отвратительны. Я ненавижу тот день, когда отец обвенчался с вами, и ненавижу его самого за то, что он опозорил имя до'Альва, женившись на шлюхе. Я прибегаю к санктии, чтобы очиститься от этих мыслей, потому что только здесь вы не будете стоять у меня перед глазами, напоминая, как я ненавижу самый звук вашего имени!

Тасия встала и заходила взад и вперед по разбитой каменной дорожке, ломая руки.

— Если я приму твою сторону, Карло никогда мне этого не простит!

— Возможно, — рассмеялся Веррадио. — Но вы только подумайте, какое это благо для вас и вашей семьи — встать на сторону санктии!

Карло позволил своему среднему сыну сделаться послушником. У него не было выбора, но он сумел сделать хорошую мину при плохой игре. Другие сыновья до'Альва, Сандор и Диего, притворялись мрачными, покидая монастырь, но в глубине души оба разделяли триумф брата и радовались его избавлению. Тасия ехала молча, не поднимая глаз, чтобы не показать переполнявшую ее ярость. Рафейо, которому мать объяснила, что произошло, добавил имена Карло и Веррадио в список тех, с кем он разделается, как только станет Верховным иллюстратором. Арриго считал весь эпизод нелепым и даже смешным, однако из уважения к чувствам остальных держал свое мнение при себе. Но они потеряли на этом целых четыре дня, а Арриго не терпелось поскорее приехать в Корассон и заставить Мечеллу, Коссимио, Гизеллу и всех остальных принять Тасию как полноправного члена семьи. Так, как это произошло много лет назад с Лиссиной.

В одном дне пути от Корассона их встретил курьер с сообщением, что вся семья в трауре. Только вчера Мечелла получила известие о смерти своего отца. Арриго с небольшим эскортом тотчас же ускакал по направлению к поместью, Карло и Тасия должны были самостоятельно решать, хотят ли они вторгаться к людям, у которых такое горе. Арриго, разумеется, ничего им не сказал, но было ясно, что на этот раз графиня до'Альва не сможет насладиться унижением Мечеллы, вынужденной принимать ее в Корассоне. Арриго тоже был расстроен, что его маленькая хитрость не удалась. Если бы все шло, как он задумал, Мечелле пришлось бы принять его любовницу официально.

Тасия была в ярости. Она злилась на Веррадио, который обвел ее вокруг пальца, на Карло, который вел себя так, словно ее и не было. Но самую сильную ярость вызывал у нее король Энрей — нашел время умирать! Эйха, этот шанс она упустила, но недалеко уже то время, когда Мечелла ничего не будет значить в Тайра-Вирте. Пусть люди обожают ее сколько им угодно. Какое это имеет значение, если Арриго обожает Тасию. Она смирилась с обстоятельствами и решила использовать предстоящие несколько недель для того, чтобы вернуть себе расположение Карло. Черт бы побрал Веррадио — и короля Энрея вместе с ним!

Карло написал официальное письмо с выражением соболезнований, подписанное им и Тасией. Его должны были доставить в Корассон его старший сын, Сандор и, по настоянию Тасии, Рафейо. Ответ, адресованный одному только графу, пришел в Кастейо до'Альва далеко не сразу. Он был написан рукой Лейлы Грихальва и подписан ею же, «за Донью Мечеллу». Это было нарочитое неуважение — граф до'Альва был важной персоной и состоял в родстве с до'Веррада. Он прекрасно понимал, кому этим обязан и почему. Вскоре Тасия вернулась в душную и жаркую столицу. Одна.

Отношения между Арриго и Мечеллой все обострялись. Когда Арриго приехал в Корассон, Мечелла отказалась его видеть
Не захотела она встречаться с мужем и на следующий день.

Наконец он приказал Отонне отпереть дверь и удалиться. Та повиновалась, сощурив глаза, но сказала:

— Вот попомните потом, что я вас предупреждала.

Арриго с Мечеллой остались в спальне вдвоем. Арриго сделал несколько шагов по направлению к жене, с несчастным видом примостившейся на диване. Лиссина говорила ему, что Мечелла плачет целыми днями. Судя по всему, это так и было. Мечелла подняла на него распухшие от слез глаза, ее золотые волосы были грязные и спутанные.

— Мне очень жаль твоего отца, — сказал Арриго мягко. Он любил Энрея, да и его собственный отец тоже когда-нибудь умрет. — Я разделяю твою скорбь. Он был прекрасным человеком.

— Не говори мне этих избитых фраз, — прошептала она. — Не говори мне ничего.

— Челла...

Голос Мечеллы был едва слышен, как будто горе лишило ее дыхания.

— Как ты смеешь говорить о моем отце! Ты, который обещал ему, что его дочь будет с тобой счастлива!

— Мечелла, ты просто взвинчена. Я понимаю, это ужасное горе...

— Ты предал его, предал меня. Как ты только мог подумать о том, чтобы привезти сюда эту женщину?!

Арриго шагнул к ней.

— Дай я обниму тебя, каррида...

— Разве мало постелей в Мейа-Суэрте? Или тебя так возбуждает идея иметь свою шлюху в моем доме, доме твоей жены?

Стараясь говорить сдержанно, он ответил:

— Твоя утрата очень горька, но я не позволю тебе говорить о графине до'Альва в таком тоне.

— Позволяй или не позволяй — это не имеет никакого значения здесь, в моем доме. Убирайся!

— Не будь посмешищем, я твой муж!

— Нет.

Мечелла медленно поднялась, вцепившись дрожащими руками в измятые черные юбки. Она скривила губы в презрительной усмешке и добавила:

— Ты только человек, за которого я вышла замуж и от которого у меня дети!

— Мечелла, я приехал, чтобы посочувствовать...

— Ты приехал только потому, что не приехать значило бы показать всему свету, кто ты такой на самом деле!

Негодование вернуло Мечелле голос и силы. Она откинула волосы за спину и гневно посмотрела на мужа.

— Уезжай, Арриго. И никогда больше не возвращайся в Корассон, если, конечно, не захочешь, чтобы все увидели, как тебя не пустят на порог!

— Ты не посмеешь!

— Попробуй, и ты увидишь!

Арриго снова попытался ее успокоить.

— Ты слишком расстроена сейчас, чтобы рассуждать здраво. Я вернусь, когда ты...

— Если ты вернешься, я прикажу своим шагаррцам выкинуть тебя вон!

Арриго рассмеялся.

— Я же их капитан, Мечелла!

— А служат они мне и любят тоже меня!

Он наконец-то не выдержал.

— И в эту «службу и любовь», разумеется, входят и постельные услуги?

Она не вздрогнула и не отпрянула, она расхохоталась.

— Спасибо за совет! Да любой из них, даже спящий, подойдет мне лучше, чем ты, когда бодрствуешь!

Арриго в три огромных шага оказался около нее.

— Только дотронься до меня, и я закричу! — прошипела она.

Призвав на помощь все свое самообладание, которое всегда удерживало его от того, чтобы семейный скандал стал публичным, Арриго сказал:

— Помнится, когда-то ночью ты сама просила, чтобы я обнял тебя. Так вот, Мечелла, теперь я скажу тебе честно — я скорее лягу в блевотину чумного!

— Убирайся!

— С удовольствием!

Арриго развернулся и направился к двери. Взявшись рукой за хрустальную ручку, он в последний раз оглянулся.

— Я никогда не любил тебя, Мечелла. Я женился на тебе только потому, что так приказал мой отец. Я спал с тобой, мечтая о Тасии. И когда отец умрет, а я стану герцогом Тайра-Вирте, для тебя в Палассо Веррада будет открыта только одна дверь: к сточной канаве. Дольчо нокто, Мечелла. Счастливо оставаться в Корассоне, ведь именно здесь ты и будешь жить до конца своих дней — одна!

— В любой лачуге жить лучше, чем с тобой! Но не одна, Арриго, уверяю тебя, одна я не останусь!

— Эн верро? — улыбнулся он. — А что же скажет народ, когда их обожаемая Дольча Челлита окажется шлюхой?

50

Через несколько дней Коссимио и Гизелла вернулись с детьми в Палассо Веррада. Лиссина задержалась, чтобы дать Северину возможность закончить работу над ее «Завещанием», - оно все еще было тайной для всех, кроме него, Лейлы, Кабрала и Мечеллы. Потом и она уехала, наказав своим родственницам получше заботиться о здоровье Мечеллы теперь, когда у нее такое горе.

— В Гхийасе совсем другие понятия о трауре, — сказала Лиссина, стоя на пороге Корассона и натягивая перчатки.

Ее экипаж уже подъехал. — Королю Эпрсю устроят пышные похороны, и еще полгода весь двор будет в трауре. Мечелла, конечно, будет горевать гораздо дольше, но сейчас ей хуже всего. А у нас в Тайра-Вирте родственники усопшего скорбят лишь несколько дней, так что если Мечелла затворится в Корассоне, люди решат, что она преувеличивает свое горе. Но тут уж ничего не поделаешь.

Лейла вежливо кивнула, подумав, что ее собеседница мало что знает о горе. Теплые карие глаза Лиссины были полны сочувствия, но морщин на лице — в ее-то годы! — было меньше, чем у Верховного иллюстратора Мекверя. Такое лицо не создано для страданий. Вспоминая все, что ей было известно о жизни Лиссины, Лейла подумала, что беды тоже поняли это и обошли ее стороной.

Но уже в следующую секунду она устыдилась своих мыслей, потому что Лиссина тихонько вздохнула и пробормотала:

— Помню, когда умер мой Рейкарро... через шесть дней мне надо было присутствовать на балу в честь короля Таглиса, а я и головы не могла приподнять... — Она с трудом сглотнула и тряхнула головой, на которой седина почти не оставила следов. — Эйха, это было давно. Присматривай за Мечеллой, Лейла. Напиши мне, если будет нужна моя помощь — я сразу же приеду.

Северин с Лейлой сидели в гостиной, прислушиваясь к безмолвию дома. Наконец Северин нарушил тишину:

— Она плачет не только о своем отце.

— Она то горюет, как маленький ребенок, то рыдает, как женщина, чье сердце разбито. Все кончено, Севи. Для них с Арриго нет никакой надежды.

Он взял ее руку и прижал к своему сердцу.

— Я чувствую себя виноватым. Ведь для нас с тобой все только началось.

— Я понимаю. Это так ужасно — быть счастливой, когда она... Я постараюсь выбрать момент и рассказать ей о нас. Может, это ее обрадует хоть ненадолго. Она пытается привыкнуть к тому, что потеряла и отца, и мужа. А я никак не свыкнусь с мыслью, что у меня теперь есть все.

— Ты правда любишь меня? — прошептал Северин. — Я все еще не могу поверить... Когда ты ночью пришла в мою комнату, как раз накануне известия о смерти короля Эпрся, я...

— Ну что это за детский лепет, Севи, — ласково пожурила она его. — Я уверена, что всегда хотела полюбить кого-нибудь. Не знаю только, почему этим «кем-то» оказался именно ты!

— Я ведь серьезно, Лейла, — взмолился Северин. — Через двадцать лет мне исполнится сорок пять, и я буду глубоким стариком.

— Да? Через двадцать лет я могу стать бабушкой! Тебя не пугает мысль, что ты будешь предаваться любви с бабушкой? — поддразнила Лейла, прижимаясь к нему.

Через несколько минут Северин с сожалением оторвался от ее губ и спросил:

— Ты уверена насчет детей?

Она рассмеялась низким воркующим смехом.

— Да тебя чуть удар не хватил, когда я сказала, что хочу ребенка! Ты что, думаешь, я слишком стара для конфирматтио?

— Лейла! — предупредил он.

Она скорчила гримаску.

— Ну хорошо. Я буду серьезной. Дело в том, что я сама хочу иметь детей, а не выполняю приказ Вьсхос Фратос. Но только если ты будешь их отцом.

— Я всегда буду считать твоих детей своими и только своими, — торжественно поклялся Северин.

— Я постараюсь найти кого-нибудь умного, доброго, талантливого и похожего на тебя, — она потерлась носом о его щеку. — Когда мы были в Дрегеце, Мечелла сказала, что когда-нибудь я пойму, что это значит — хотеть ребенка. Она не знала только, что для меня это чувство означает желание видеть тебя отцом.

— Я так хотел бы...

— Нет, нет! — Она приложила палец к его губам. — Ты не можешь, ты иллюстратор. Возможно, наши сыновья тоже будут иллюстраторами. Давай думать только о том, что доступно. Например, о том, что мы будем счастливы с тобой до конца дней.

— Конечно. — Он крепче прижал к себе девушку. — Мы будем безумно, безоглядно счастливы.

— Безрассудно счастливы! — рассмеялась Лейла.

— Звучит это просто тошнотворно, — заявил Кабрал, появившись в дверях. — Заткнитесь, вы, оба, пока меня и впрямь не стошнило! Севи, отпусти мою сестру. Лейла, попробуй хоть на минутку перестать его лапать! Мечелла хочет нас видеть. Отонна говорит, она спросила, все ли уехали, а потом сказала, что хочет поговорить с нами в розарии.

Было тихое солнечное утро. Все они собрались в саду и ждали появления Мечеллы. Первый осенний ветерок, прохладный и свежий, шелестел в листве старых дубов. Зеленый бархат газона простирался до самого подножия стены, увитой словно кружевом белыми и желтыми розами. Воздух был напоен их тонким ароматом. И Мечелла, появившаяся на лужайке, была так же изысканна, как эти цветы, и так же невесома. Простое шелковое серое платье было сшито в пракансийском стиле, с заниженной талией; великолепные волосы заплетены в косу, переброшенную через левое плечо. Несколько дней назад Отонна по распоряжению Мечеллы выбросила все до единого платья, окраска которых хоть чуть-чуть напоминала сапфирно-голубой цвет до'Веррада.

При появлении Мечеллы все встали, чтобы приветствовать ее. Она села около решетки, увитой белыми розами, сложила руки на коленях и обратилась к ним так холодно и официально, как будто выступала на заседании Совета.

— Приношу извинения за то, что испортила вам утро. Я приняла несколько решений и хочу известить вас о них.

Во-первых, поскольку мой отец должен быть похоронен через несколько дней после смерти и успеть на похороны все равно не удастся, о поездке в Ауте-Гхийас не может быть и речи. Но я поеду туда после того, как окончится полугодовой траур, чтобы присутствовать на коронации моего брата. Великий герцог Коссимио положительно ответил на мой запрос. Я буду его единственным представителем и поеду одна, то есть с большим эскортом моих шагаррцев, но без дона Арриго и без детей. Я считаю, что со мной могут поехать и несколько Грихальва, но этот вопрос можно будет обсудить впоследствии.

Она перевела дух и расправила на коленях юбки.

— Во-вторых, за исключением тех случаев, когда дела государственной важности потребуют моего присутствия, я не буду больше жить в Палассо Веррада. Мои дети будут жить со мной до тех пор, пока не станут достаточно взрослыми, чтобы занять подобающее им положение при дворе. Великий герцог позволил это, хотя он и считает такое положение вещей временным. Он и Великая герцогиня будут в Корассоне желанными гостями в любое время, так же как графиня до'Кастейа и баронесса до'Дрегец. Но если приедет дон Арриго, мои шагаррцы имеют указание не впускать его.

Все Грихальва сидели с каменными лицами. Мечелла чуть улыбнулась, отметив это, и продолжала:

— Что же касается знати, то тем, кого ждет здесь радушный прием, это будет сообщено. Остальные из соображений приличия будут держаться подальше. Теперь мы подошли к вашей проблеме. Каждый из вас должен решить, принимая во внимание только собственные интересы, хочет ли он оставаться со мной здесь.

Кабрал вскочил было на ноги, но Мечелла остановила его, подняв изящную ручку.

— Нет, подождите, пока говорю я. Я хочу, чтобы вы остались здесь. Но я также хочу, чтобы вы понимали: Корассон теперь станет в лучшем случае теневым двором. У нас не будет никакой реальной власти, пока Алессио не вырастет. В связи с этим я приму во внимание любые советы, которые вы можете мне дать по поводу наставников для него и Терессы, по поводу людей, которых желательно включить в их будущую свиту, и по поводу тех, кто сможет давать мне советы относительно политики. Я...

— Хватит! — взорвалась Лейла. — Это не торжественная речь и...

— Эн верро, именно речь-то я и произношу, — призналась Мечелла. — Весь день вчера тренировалась. Никаким другим способом мне со всем этим не разобраться. Не мешай мне, Лейла, я должна закончить. А потом вы можете даже сказать, что отныне я должна обращаться со своими друзьями как с посторонними людьми.

Северин покачал головой.

— Если вы снова собираетесь оскорблять нас, я больше не хочу этого слушать. Как будто мы не остаемся с вами!

— Я знала, что все вы так и скажете. — Мечелла слабо улыбнулась. — Осталось уже совсем немного. Я собиралась

сказать, что доверяю вам выбрать людей, которые будут учить моих детей и меня. Я также хочу знать, кого из дворян, советников, купцов и Грихальва могу считать своими друзьями и, главное, кто мои враги. — Она остановилась и вздохнула. — Я вела себя как ребенок в отношении многих важных вещей. Вместо того чтобы провести последние три года — Матра, почти четыре! — изучая жизнь и политику двора, я полагалась на защиту мужа. Я была не права, — закончила она просто, — и мне нужна ваша помощь.

Лейла соскользнула со стула и бросилась перед Мечеллой на колени.

— Мы с вами, вы знаете это. Мы сделаем все возможное, чтобы...

— Встань сейчас же! — воскликнула Мечелла, с любовью глядя на нее. — Надеюсь, ты понимаешь, Северин, что делаешь, собираясь жениться на таком сгустке огня и страсти!

Все уставились на Мечеллу. Она рассмеялась.

— Вы думаете, я настолько погружена в свое горе, что не вижу, что происходит с моими лучшими друзьями? Вы даже пытались скрыть это от меня! Встань, Лейла, я хочу услышать, что скажут Северин и Кабрал.

— Вы знаете мой ответ, — сказал Северин.

— И мой, — пробурчал Кабрал и, развернувшись, быстро ушел.

— Эйха, — вздохнула Мечелла. — Теперь я его обидела. У вас, Грихальва, гордости больше, чем у королей!

По обычаю всем иностранным правителям присылались в дар картины по случаю их вступления на престол. Поскольку новый король Гхийаса был братом Мечеллы, Дионисо при полном одобрении Вьехос Фратос предложил написать две картины: одну официальную и вторую — в качестве личного подарка. Первую надлежало повесить в каком-нибудь из парадных залов — в Зале Совета, например. Вторая будет находиться в личных апартаментах нового короля. Обе картины должны содержать символы, понятные всем образованным людям, и магию, известную лишь Грихальва и Великим герцогам.

Дионисо уже писал портрет Энрея III в качестве наследного принца, и его знания очень помогли Мекквелю в создании официального портрета. Дионисо представил карандашные эскизы, словесное описание характера Энрея и прибавил к этому, что, если конь будет изображен не слишком достоверно, молодой король запрячет картину куда-нибудь подальше, и она не сможет, таким образом, оказывать на него влияние и не принесет Тайра-Вирте никакой выгоды.

Второй портрет Дионисо написал сам, используя его заодно как наглядное пособие для обучения Рафейо некоторым дополнительным тонкостям, неизвестным пока его соученикам. Кроме того, он хотел увлечь Рафейо прелестями портретной живописи, поскольку юноша, увы, предпочитал пейзажи и архитектурные сооружения. Так дело не пойдет. Верховный иллюстратор должен

писать людей, оставив кому-нибудь другому амбары, поля, замки и мельницы.

Стиль современных пейзажистов совсем не нравился Дионисо. Если раньше было принято изображать безбрежное небо над низким горизонтом, то теперь все шиворот-навыворот. Над обширными пространствами болотной зелени или золотых песков умещалась лишь тоненькая полоска темно-синего неба. Фигуры людей перестали тщательно прорисовывать, на заднем плане их и вовсе намечали несколькими мазками. Это должно было якобы создавать впечатление то крестьянского платья, то мужского плаща, то широкополой соломенной шляпы. Что хуже всего, нарушались и математически выверенные законы композиции. Фигуры были в беспорядке разбросаны по всему холсту и ничем между собой не связаны. Искусство Грихальва должно быть строгим по форме, потому что слишком большие требования предъявляются к его содержанию. Все существо Дионисо восставало против этих отвратительных экспериментов, нарушавших композицию и, естественно, ослаблявших магию.

Но как бы уныло ни выглядели новомодные пейзажи, они были все же лучше, чем натюрморты, изображения мертвой природы. Мертвыми-то они были, но вот к природе не имели ни малейшего отношения. Никогда в природе не встречались такие цветы и фрукты, которые рисовали теперь некоторые Грихальва. Совершенно симметричные, без единого пятнышка, они выглядели столь же аппетитно, как покрытая глазурью керамика. Каждый иллюстратор в процессе обучения должен был нарисовать несколько десятков натюрмортов, чтобы знать, как правильно располагать символические цветы, фрукты, травы и деревья — то есть основные магические элементы. Но нынешние натюрморты были лишь бессмысленным переводом красок, мертвым изображением странно уложенных плодов или природной геометрии цветка.

Дионисо, как Премио Фрато, имел большое влияние. Но он был слишком занят собственной работой, да и руки его были уже слишком старыми для того, чтобы создать шедевр, который смог бы отвлечь иллюстраторов от бесцельных упражнений в рисовании пейзажей и натюрмортов. Когда Рафейо станет Верховным иллюстратором (а это произойдет уже через несколько лет, Меквель не будет жить вечно), он, если понадобится, в кровь сотрет свои молодые сильные пальцы, чтобы спасти искусство Грихальва.

Но пока это время не пришло. Сейчас задача Дионисо — написать портрет, и портрет этот надо использовать для того, чтобы пленить воображение Рафейо заключенными в нем возможностями. В официальной версии — первом конном портрете, написанном Меквелем за всю его жизнь — была использована обычная символика. Там присутствовали кедры, обозначающие Силу, желтые лилии — Мир, шалфей — Мудрость, и символы всех прочих полагающихся королю достоинств и добродетелей. Дионисо и Рафейо долго рылись в принадлежащей Дионисо копии Фолио, до-

полненной его собственноручными выписками из Кита'аба, чтобы найти другие, малоизвестные символы. Только один иллюстратор из пятисот знал старую тза'абскую символику, и осторожное расследование позволило Дионисо прийти к выводу, что Меквель не принадлежит к их числу.

Медное ручное зеркальце означало Зависть, голубые розы — Безрассудство, корона, украшенная черными бриллиантами, — Высокомерие. На самом деле во всем мире существовало только два таких камня: один находился в далекой полулегендарной стране Синна, второй украшал подагрический палец тза'абской императрицы. Действие этих и многих других символов усиливалось за счет нелакированной сосновой рамы, источавшей аромат магической энергии. Радиус действия магии был весьма значительным: запах сосны чувствовался по всей огромной мастерской Дионисо в Паласссо Грихальва.

Сама картина представляла собой уникальный тройной портрет: анфас в средней части, левый и правый полупрофили по краям. Дионисо давно уже обдумывал идею подобной композиции, так что это было вполне допустимым экспериментом. Где бы портрет ни висел, как бы ни повернулся к нему король Энрей, магия все равно будет действовать. Слева Зависть, Гнев и Ограниченность, справа — Безрассудство, Упрямство, Высокомерие и Непостоянство.

— Матра! — ухмыльнулся Рафейо. — Если он будет ходить из угла в угол, то просто запутается и спятит! А что, если он будет смотреть прямо?

Дионисо лишь улыбнулся в ответ.

Однажды утром, когда Рафейо вошел в мастерскую, он увидел, что над головой Энрея появился нарисованный вверх ногами сноп пшеницы вперемешку с боярышником. Туго завязанная белая ленточка не давала рассыпаться этим символам Богатства и Плодородия. Юноша повернулся к учителю и обвиняющим жестом указал на картину.

— Вы же подарили ему такие богатства и столько детей, что он и мечтать о подобном не мог!

— Посмотри на ленту, — рассмеялся Дионисо, — и скажи мне, что ты там видишь!

Рафейо взглянул.

— Верхний край у нее серебряный, нижний — золотой... завязана тройным узлом... но тени все неправильные!

— Возможно, потому, что это не тени, — сухо ответил Дионисо. — Это руны, лингва оскурра, просто они едва заметны. Я переведу — их нет в обычном словаре.

Трижды сказано,
Прочно связано,
Где лента достала,
Там все пропало.

— Заметь, лента окружает голову Энрея, и концы ее падают ему на плечи.

— То есть... — Рафейо нахмурился, — вы хотите сказать, что пропадут нарисованные здесь богатство и многодетность?

— Во всяком случае, ему будет очень трудно их достичь.

Дионисо не стал объяснять Рафейо, что, попытавшись нарисовать Энрея стерильным (не имея под рукой необходимых материалов, он не мог дать твердой гарантии), он сделал все возможное, чтобы дети Мечеллы стали единственными законными наследниками гхийасского престола. Трудно будет переоценить ту выгоду, которую принесет Тайра-Вирте до'Веррада в роли нового короля Гхийаса. Но Рафейо ненавидит Мечеллу и не поймет этого. Он слишком молод и слишком плохо разбирается в политике, чтобы видеть что-нибудь, кроме своей ненависти к женщине, попытавшейся занять место его обожаемой матери.

Лицо Рафейо вспыхнуло от радости.

— Вы не просто мастер, вы — гений!

Эй верро, ему будет не хватать этого мальчика...

— Племянник Хонино зарывает свои таланты в землю, занимаясь бухгалтерией на шахтах своего дяди.

Лейла нацарапала очередное примечание в списке кандидатур, из которых Мечелла будет набирать своих людей.

— Хонино? — спросил Северин. — Ах, да, твой отчим. Как он отнесется к появлению в своей семье Грихальва?

— Он женился на одной из нас, разве нет? Так почему же мне нельзя выйти за тебя замуж? — Она сунула в рот ручку и усмехнулась. — Ты что, боишься встречи с моими родителями?

— Ни капельки.

— Лгунишка. Племянник... как же его звали? Эйха, не важно. Он играет на виоле, а его жена — на кифаре, насколько я помню. Вот тебе и учитель математики, и бухгалтер для этого поместья, а заодно пара учителей музыки! Что еще осталось?

— Языки и религия.

Северин постучал ногтем по столу и улыбнулся, глядя в окно: он увидел, как Кабрал и Мечелла отправились на свою обычную прогулку, и шли они гораздо ближе друг к другу, чем раньше.

— Кажется, я знаю, где мы можем найти человека на обе эти должности! Помнишь старого Давино?

— Смотрителя парка в Палассо Грихальва? Только не говори мне, что он санкто или полиглот!

— Нет, но его внук — и то, и другое. Вообще-то санкто Лео — мой хороший друг. Иногда мы с ним даже обсуждаем проклятие, лежащее на семье Грихальва.

Лейла отпрянула, как будто ее ужалили.

— И ты собираешься позвать в Корассон этого болтливого, самоуверенного санкто, который в придачу ненавидит Грихальва?

— Ты не поняла, — рассмеялся Северин. — Это я занимаю высокоморальную позицию, а юный Лео защищает нас, презренных Грихальва. И неплохо защищает, кстати. Я

познакомлю вас, когда мы в следующий раз будем в Мейа-Суэрте. Полагаю, это будет в Пенитенссию, если Мечелла не собирается прожить всю зиму здесь.

Именно это Мечелла и собиралась сделать, если только Коссимио не прикажет ей приехать. Так она сказала Кабралу, когда они возвращались домой с прогулки.

Вокруг них простирались голые поля окрестных ферм. Скоро наступит праздник Иллюминарес, на полях разожгут костры, призывая дождь, который подготовит почву для следующего урожая. Дни станут короче, ветер холоднее, но им всегда будет куда вернуться. На холме перед ними уже виднелся Корассон. Их дом.

— Надеюсь, графиня Лиссия остановится здесь на недельку-другую, когда поедет на юг, — сказала Мечелла. — И Брендисна обещали заехать, надо будет придумать что-нибудь интересное. — Она замолчала. Перед ними была ограда Корассона. — Почему ты улыбаешься?

— Потому что вы улыбаетесь. Разве вы не чувствуете этого?

— Иногда мне кажется, но... — Мечелла пожала плечами. — Подсади меня.

Кабрал помог ей взобраться на ограду. Она развернулась лицом к Корассону, позволив ему на миг увидеть шерстяные чулки и крепкие, измазанные землей башмаки. Он устроился рядом с ней, вспоминая о тонких шелках и роскошном бархате ее придворных нарядов. Вытащив из кармана блокнот и карандаш, с которыми ни один Грихальва не расстался бы ни при каких обстоятельствах, он начал рисовать Корассон, освещенный лучами заходящего солнца.

Они долго сидели молча, тишину нарушало лишь шуршание карандаша, тихое ржание лошадей в загоне и, временами, щебетание птиц. Наконец он искоса взглянул на нее и усмехнулся.

— Почему люди, не умеющие рисовать, всегда так смотрят на художников?

— Я смотрела? — спросила она. — А как?

— Как будто все вы ищете в наших лицах нечто, способное объяснить вам, почему мы можем делать то, что делаем. Что-то должно скрываться в наших глазах, в форме губ, может, мы как-то не так расчесываем волосы — да откуда я знаю! Как будто существует какой-то внешний признак, который может объяснить природный талант. — Он углубил тень на рисунке. — А еще вы нас слушаете. Слушаете, даже если мы говорим о погоде или интересуемся, что будет сегодня на обед.

— Чиева до'Орро, — ответила Мечелла, — этот Золотой Ключ, который носят все иллюстраторы. Именно его мы и пытаемся увидеть и услышать.

— Эйха, но ведь на самом деле никакого секрета не существует. А если бы кто-нибудь и нашел его, неужели он стал бы о нем говорить! Я бы не стал, будь я иллюстратором.

— Никто из вас не станет, даже Северин. — Она повертела в руках щепку, отколовшуюся от деревянной ограды. —

А что, Лейла действительно собирается — как она это назвала, «за покупками» — искать человека, от которого родит детей?

— Да, они с Севи хотят быть родителями, это их право.

— Странно. Но не более странно, чем все остальное, связанное с вами, Грихальва. — Она улыбнулась. — Если я буду глядеть в твои глаза и внимать каждому твоему слову в течение пятидесяти лет подряд, разве я смогу понять, как это у тебя получается, — нанести на бумагу несколько карандашных штрихов и заставить их выглядеть как Корассон?

— Боюсь, вам станет скучно уже через несколько минут, донья Мечелла. Что бы ни делало меня художником, я все равно не смогу ни показать вам этого, ни объяснить.

— С тобой мне никогда не будет скучно, Кабрал, — улыбнулась она и прибавила: — Да и нет у меня времени для скуки. Меквель советовал мне работать, чтобы забыть о болезни, и от горя это тоже помогает. Если жизнь моя будет заполнена разными делами, мне некогда будет горевать.

— Но я вижу грусть — здесь и здесь.

Кончик его пальца остановился в воздухе всего в дюйме от ее лба, а потом губ.

В течение бесконечно долгой минуты она молчала. Потом спросила с тоской:

— Можешь нарисовать меня счастливой, иллюстратор?

— Мечелла... я попробую. Пожалуйста, разрешите мне попробовать.

— Кабрал. — Она взяла у него из рук карандаш и бумагу и уронила их на землю. — Я думаю, — прошептала она, — что они тебе для этого не понадобятся.

51

По просьбе Великого герцога Коссимио Мечелла провела Пенитенссию в Мейа-Суэрте. Арриго возобновил свой «теневой брак» с Тасией. Это и раньше ни для кого не было тайной, а теперь стало просто публичным скандалом. Коссимио был вне себя от ярости, Гизелла совсем пала духом. Лиссина советовала хранить терпение. Лиссия прислала брату письмо из Кастейи, состоявшее всего из четырех слов: «Моронно! Ты что, спятил?» Меквель сделал вид, что ничего не заметил. Ему в этом году исполнилось сорок пять, и он был настолько болен, что не покидал своих апартаментов. Советники молчали. Сплетники с наслаждением обсуждали детали происходящего. Все медленно и неохотно начали выбирать для себя, на чьей же они стороне.

За Мечеллу — простой народ Тайра-Вирте.

За Арриго — основная масса аристократии и большинство купцов.

За Мечеллу — Кабрал, Лейла, Северин, другие связанные с ними Грихальва и сам Верховный иллюстратор Меквель.

За Арриго — Премио Фрато Дионисо, Вьехос Фратос и все близкие родственники Тасии, даже родные сестры, которые ее презирали.

Двухнедельный визит Мечеллы в Мейа-Суэрту на зимние праздники почти не дал новой пищи для сплетен. Они с Арриго занимали свои прежние апартаменты в Палассо Веррада, вместе выполняли многочисленные религиозные и общественные обязанности, любезно со всеми разговаривали и часто появлялись на публике в обществе двоих маленьких детей. Все замечали лучезарный взгляд Мечеллы и заботливое отношение к ней мужа. Коссимио начал надеяться. Лиссина относилась ко всему скептически. Тасия благоразумно сказалась простуженной и не покидала уютной городской резиденции графа до'Альва. Сам граф, который до сих пор не разговаривал с женой, под благовидным предлогом остался в замке до'Альва, прислав Великому герцогу вежливое письмо. Поскольку в отличие от Мечеллы Карло не получал прямого приказа приехать, он мог, ничего не опасаясь, остаться дома и лишить двор своего присутствия.

Кончился 1266 год. В начале 1267 года Мечелла вернулась домой, в Корассон, Тасия оправилась от «недомогания», а Арриго прямо заявил родителям и написал сестре, чтобы они не лезли не в свое дело.

Мечелла не возвращалась в столицу до самой весны. Все так и ахнули, когда она неожиданно появилась в дверях бальной залы на ежегодном балу, устроенном Великой герцогиней в честь Фуэга Весперра, — без предупреждения и даже без доклада. Арриго был ошеломлен. Он обернулся посмотреть, что за шум, и увидел ее — казалось, столб небесного огня снизошел на землю в ночь Астравенты и сейчас наконец решил посетить их во всем своем великолепии. Тяжелые золотые волосы были уложены в высокую прическу и сколоты бриллиантовыми шпильками. Смелый покрой серебристо-серого платья оставлял открытыми шею и плечи. Юбки были до неприличия узкими и не скрывали красивых лодыжек. А больше всего поражало, что у Мечеллы не было ни перчаток, ни муфты, ни длинных рукавов, — руки и плечи были совершенно открыты, если не считать браслетов и великолепного бриллиантового колье. С обнаженных локтей свисала редкой красоты шаль, поблескивавшая тонким узором в виде солнышек, вышитых тонкой золотой нитью.

Мечелла приветствовала сияющей улыбкой и ласковыми словами всех, кто попадался ей на пути, но путь этот вел через толпу к одному человеку — ее мужу. Когда она наконец добралась до него, она томно положила руку ему на плечо и что-то прошептала на ухо. Арриго переменился в лице и изумленно уставился на нее. Мечелла улыбнулась и легонько потянула его за рукав. Он пробормотал какие-то извинения графине до'Паленсиа и увел жену из бальной залы неизвестно куда. Все, от Великого герцога Коссимио до последнего музыканта в оркестре, терялись в догадках.

Тасия до'Альва, танцевавшая в паре с Премио Фрато Дионисо, на глазах у почтенной публики поскользнулась. Дионисо потом рассказывал всем и каждому, что он был ужасно неловок и наступил ей на шлейф, но никто этому не поверил.

Мечелла прошептала Арриго вот что: «Ты сейчас же пойдешь со мной, иначе я прикажу Северину написать твой портрет со всеми симптомами сифилиса».

Она привела его в маленькую прихожую на втором этаже, где из мебели был только диван, стол и изысканный канделябр. Дверь запиралась на ключ.

— Ты что, с ума сошла? — спросил Арриго, когда она закрыла дверь. — Что это за чепуха про портрет?

— Не притворяйся, будто не понимаешь. У тебя есть свои Грихальва, карридо мейо, а у меня — свои. С этого и начнем.

— Нам нечего сказать друг другу.

— Не согласна с тобой.

Мечелла потерла виски, как будто сверкающие бриллиантами шпильки причиняли ей боль. Несколько тщательно уложенных локонов растрепались.

— Фу-у, так лучше. Садись, Арриго, и слушай.

Она сбросила на пол несколько подушек, села на диван, небрежно подобрав шелковые юбки, и похлопала по обивке рядом с собой. Ее муж продолжал стоять в напряженной позе около запертой двери.

— Не будь таким глупым, Арриго, садись. Речь пойдет о детях.

Арриго скрестил руки на груди и покосился на нее с подозрением.

— И что же с детьми?

— Ты их отец, и они тебя любят, честное слово, не понимаю почему. Но я не хочу, чтобы они лишний раз расстраивались из-за того, что между нами происходит. Поэтому я предлагаю поделить их поровну.

— Нет.

Мечелла покачала головой и печально вздохнула.

— Вот видишь? Это как раз то, чего я хочу избежать. Матра, но как же здесь жарко!

Она сбросила на пол золотистую шаль.

— Расстегни воротник, Арриго, ты изжаришься!

— Я не отдам тебе своих детей. И мой отец не отдаст.

— А я думаю, ему понравится мое предложение. На зиму ты сможешь забирать их обоих сюда, в Палассо. Дети любят тебя, дедушку с бабушкой, Лиссину, и им надо учиться быть настоящими до'Веррада. Но от Санктеррии до Провиденссии они будут жить в Корассоне. Твои родители прекрасно проводят лето со мной, а это значит, что они весь год не будут расставаться с внуками.

Арриго прислонился к обитой тканью стене и расстегнул воротник.

— Ты могла бы выбрать для разговора место поудобнее. Судя по тому, что я сейчас услышал, мы долго здесь пробудем. Если я правильно понял, ты предлагаешь, чтобы дети большую часть года жили с тобой? И это ты называешь справедливым?

— Я их мать. А летом климат в Корассоне значительно здоровее, чем в Мейа-Суэрте. Терессa и Алессио будут жить с тобой целых пять месяцев, зимой и весной. По-моему, это справедливо.

— А если я не соглашусь... Нет, нет, дай я сам догадаюсь. Ты велишь Северину нарисовать мне на носу бородавку. Глупость какая!

— Если ты знаешь о иллюстраторах хотя бы половину того, что знаю я, то понимаешь — это далеко не глупость.

Мечелла снова помассировала голову, растрепав прическу. Когда она возобновила разговор, в ее голосе звучала сталь.

— Необходимо упомянуть, что все это возможно лишь при одном условии. Ты не позволишь этой женщине и близко подходить к детям, иначе я немедленно заберу их домой и больше не привезу. Для Терессы и Алессио ее не существует, запомни это, Арриго. Если они хоть миг проведут в ее обществе...

Арриго насмешливо улыбнулся.

— И как же ты собираешься помешать этому?

— А я и не собираюсь. Это ты собираешься. Так как знаешь, на что способны иллюстраторы Грихальва.

Арриго стал метаться по комнате из угла в угол — он всегда так поступал, когда нервничал. Ему под ноги попался маленький резной дубовый столик. Он пнул его ногой, пнул еще раз, нарочно, и развернулся, чтобы посмотреть в лицо жене.

— У тебя свои Грихальва, — мрачно сказал он, — а у меня — свои.

Мечелла рассмеялась, словно услышала милую семейную шутку.

— Да, у меня есть свои Грихальва. Похоже, мы зашли в тупик. Но у меня есть еще кое-что...

Она гибко поднялась и ладонями накрыла свои груди. Арриго вскинул брови. Мечелла медленно провела руками по серому шелку платья вниз, к плоскому животу. И улыбнулась.

— Ты... Ты...

— Не брызгай слюной, Арриго, это недостойно будущего Великого герцога. Разве ты не рад, что скоро снова станешь отцом?

— Чи'патро! — прорычал он.

Мечелла опять рассмеялась.

— Если ты хочешь сказать «бастард» — эйха, что ж, но не в глазах всего света, карридо. Никто не будет знать правду, кроме тебя, меня и настоящего отца, кем бы он там ни был.

— Кто он? Чей это ребенок, Мечелла?

Поглаживая живот, Мечелла сложила губки бантиком и искоса посмотрела на него.

— Пожалуй, я тебе этого не скажу, — ответила она задумчиво. — Ты только представь себе, Арриго. Стоит тебе

теперь взглянуть на симпатичного офицера шагаррцев или на молодого дворянина, и ты не сможешь удержаться от мысли: «А вдруг это он?» Но ты никогда не узнаешь, кто же на самом деле отец этого ребенка. А весь мир будет считать, что это ты.

— Это невозможно! Ты уже беременна!

— А разве это заметно?

— Все знают, что я не прикасался к тебе с тех пор как...

— Все знают, что мы сейчас одни. Как долго мы пробыли в этой комнате, Арриго? Десять минут? Пятнадцать? Вполне достаточно, чтобы...

Арриго задохнулся от ярости, увидев ее чарующую улыбку.

— Никто не поверит, что я...

— Не поверят, говоришь?

Мечелла отбросила со лба растрепавшиеся волосы, и сверкающие бриллиантами шпильки со звоном посыпались на пол, как маленькие осколки радуги.

— Старый дядюшка графини до'Шаария только что говорил мне, что я самая привлекательная женщина из всех, кто когда-либо бывал в Палассо Веррада. Ты всего лишь мужчина, Арриго, и к тому же ты мой муж, что дает тебе полное право наслаждаться всеми моими прелестями. Кто осудит тебя за то, что ты не смог устоять перед мной, особенно после долгой разлуки, особенно после того, как я что-то так соблазнительно шептала тебе на ухо? — Она захохотала. — Кто поверит, увидев меня, что ты верен своей старой шлюхе? Сколько ей сейчас? Сорок? Сорок два?

— Тасия не поверит...

— По-твоему, меня это интересует? — Мечелла посмотрела на мужа уже безо всякой улыбки. — Поверит она или нет — это твои проблемы. Мне двадцать шесть лет, и я не намерена провести остаток жизни, запершись в монастырской келье!

— Поэтому ты предпочла стать шлюхой!

Подскочив к ней, он схватил ее за обнаженные плечи и тряс до тех пор, пока все шпильки не выпали и распустившиеся волосы не упали ей на спину.

— Кто он, Мечелла? Кто?

Она вырвалась, тяжело дыша. В ее глазах были ненависть и отвращение.

— Ты же бывал в Корассоне. Там десятки подходящих молодых людей — мои шагаррцы, лакеи, конюхи, фермеры... А может быть, это кто-то из гостей, какой-нибудь симпатичный купец — да кто угодно! Ты не вытрясешь это из меня и не заставишь никого из моих людей рассказать тебе! — Обеими руками она убрала назад волосы и снова рассмеялась. — Единственный, в ком ты можешь быть уверен, это Северин! Но будь уверен и в другом — он тоже мой, как и все остальные. Ты никогда не узнаешь, кто отец моего ребенка, Арриго, никогда!

— Я не признаю твоего бастарда! Я отрекусь от него, разоблачу тебя, разведусь с тобой!

— Не думаю. Ты сделал роковую ошибку, Арриго. Ты забыл о людях, которым призван служить. Они любят меня. Не тебя. Назови меня шлюхой, а моего ребенка — бастардом, и они тебе не поверят. Особенно после того, как я выйду сегодня отсюда в таком виде.

Она жестом предложила ему посмотреть на себя — растрепавшиеся волосы, раскрасневшееся лицо, серебристые юбки измяты, на обнаженных руках и плечах — следы его пальцев. Он оглядел комнату, и на лице его отразился ужас, когда он понял, как все это выглядит в глазах других: разбросанные подушки, перевернутый стол, шаль, валяющаяся на полу около дивана...

— Они поверят мне, — тихо и зло повторила Мечелла. — И когда придет время, ты будешь приветствовать рождение своего третьего ребенка так же, как приветствовал первых двух! Не будет никакого отречения, Арриго. Никакого разоблачения. Никакого развода.

— Я уничтожу тебя! — выдохнул он. Его голос дрожал от ненависти. — Ты не сможешь теперь спать спокойно, потому что будешь гадать, как же я тебя уничтожу!

— Попробуй, — сказала она безмятежно. — У тебя есть свои Грихальва... Но не забудь, что и у меня есть свои.

Мечелла проскользнула мимо него, улыбаясь, и отомкнула замок. За дверью проходил лакей с подносом грязных стаканов. Неподалеку горничная несла по коридору охапку чистых простыней. Эти двое прекрасно ей подойдут.

— Карридо, мы с тобой уже, наверное, целый час как ушли! — крикнула она Арриго через плечо. — Это же страшно невежливо!

Она сделала паузу, чтобы дать слугам возможность прислушаться.

— Посмотри, как там мое платье на спине — хорошо застегнуто? Не знаю, что мне делать с прической. О Арриго, ну зачем тебе понадобилось вытаскивать все шпильки!

Мечелла услышала, как он задохнулся от возмущения, и, весело смеясь, пошла дальше по коридору. Поравнявшись с горничной, она нарочно вздрогнула.

— Ой, не могли бы вы оказать мне огромную услугу! Когда у вас будет свободная минутка, сходите, пожалуйста, за моей шалью. Она там, в маленькой комнатке в конце коридора. Мне надо бежать обратно в залу — принесите мне ее туда. Граццо.

Девушка, увидев царящий в маленькой комнатке беспорядок, придет к нужным ей, Мечелле, выводам и расскажет всем слугам в Палассо, что дон Арриго просто не смог удержаться, когда увидел такую замечательно красивую донью Мечеллу. А лакей подтвердит ее слова. Завтра к полудню вся Мейа-Суэрта поверит в эту сказку. Что Мечеллу полностью устраивало.

Она сбежала по лестнице на первый этаж. Сердце отчаянно колотилось. В десяти шагах от двери бальной залы Мечелла остановилась — наступило прозрение.

Это она, принцесса Мечелла Гхийасская, говорила такие вещи! И с такой целью! Да еще и получала от всего этого

удовольствие! Но она давно уже перестала быть той неопытной девочкой. Она донья Мечелла из Тайра-Вирте, будущая Великая герцогиня, и она скажет все что потребуется, чтобы защитить себя. Более того, она беременна от человека, который ее любит, и сделает все, чтобы защитить его и их ребенка.

Как бы ей хотелось сейчас опереться на сильную руку Кабрала! Если бы здесь была Лейла, она бы улыбнулась и подмигнула Мечелле, чтобы ее подбодрить. Но Мечелла здесь одна, и ей придется пройти через все это самой. Худшее уже позади. Несмотря на все свои предыдущие опасения, она не испытывала к Арриго ни малейшей жалости. Пусть себе живет в выдуманном мире, ее выдумка станет ему поперек горла.

Мечелла снова откинула волосы за спину, сделала глубокий вдох и вошла в залу. Первой, кого она увидела, была Лиссина, взгляд которой вновь и вновь невольно обращался к ее обнаженным плечам. Лиссина была слишком тактична, чтобы обсуждать синяки, оставленные пальцами Арриго, но Мечелла знала, о чем она подумала.

О чем все они подумали, не могли не подумать, когда вернулся Арриго. Его лицо раскраснелось, волосы взлохмачены, верхняя пуговица мундира застегнута неправильно. Мечелла почувствовала, как запылали ее щеки при взгляде на эту картину, и с удовлетворением подумала, что все считают ее смущенной. На самом деле ее лицо пылало лишь потому, что она изо всех сил сдерживала смех. Особенно когда мать Арриго поправила ему воротник, как будто он все еще был пятилетним мальчиком. Последним штрихом послужило явление глупо улыбающейся горничной с шалью в руках. Мечелла поблагодарила девушку, оглянулась, как бы сконфуженная, и завернулась в шаль, полностью закрыв плечи.

В награду за все ее муки ей удалось увидеть лицо той женщины, Грихальва, стоявшей в другом конце залы. Застывшая от потрясения, с плотно сжатыми от ярости губами, Тасия выглядела сейчас на все свои годы, и даже еще постарше. Арриго шагнул в сторону той женщины, она заметила его, и он встретил лишь ее удаляющуюся спину.

Мечелла обернулась к Лиссине и с ослепительной улыбкой спросила:

— Надеюсь, я не пропустила фейерверк?

Когда Коссимио и Гизелла прибыли в Корассон на летний отдых, Мечелла сообщила им радостную новость.

— И ведь на Фуэга Весперра! — захихикал Великий герцог. — Прямо в день праздника оплодотворения! Как умно ты все устроила, Мечелла! — Он подмигнул.

Мечелла вспыхнула — легкая задача, если вспомнить обстоятельства дела, — и не стала поправлять ошибку Коссимио в определении сроков. По ее собственным расчетам, это случилось в ту ночь, когда с неба лился сверкающий звездный дождь Астравенты. Они с Кабралом не разрушили легенду о том, что в

Корассоне нельзя зачать ребенка, просто они встретили праздник, как это положено у сельских жителей, на полянке под ивами. Так что у ребенка должна быть особенная душа, сошедшая со звездного неба, чтобы укрыться в ее лоне. Мечелла сияла, казалось, ребенок, словно искорка, освещал ее изнутри, — ребенок человека, которого она любила и который сам искренне любил ее. Единственным, что омрачало счастье Мечеллы, было то, что Энрей, узнав о состоянии сестры, категорически запретил ей присутствовать осенью на его коронации. В его письме, кроме поздравлений, было также весьма категоричное заявление, что он будет коронован в любом случае, с ней или без нее, что его Грихальва пришлют ей десяток картин с изображением этой церемонии, и если она думает, что он не прикажет своей страже на границе отправить ее назад, в Тайра-Вирте, то она просто плохо его знает.

«Потому что если у меня не будет собственного наследника, Челла, а твой ребенок окажется мальчиком, то именно он станет королем Гхийаса после меня. Так что оставайся дома, сестричка!»

— Надеюсь, ребенок родится попозднее и будет некрупным! — в который раз сказала Лейла своему мужу. Она повторяла это не реже трех раз в неделю, с тех пор как Мечелла сообщила им, что беременна.

Они с Северином гуляли по холмам, собирая травы. Лейле они были нужны для духов, а Северину — для составления красок. Оба были опытными травниками, но специализировались в разных областях и во время этих прогулок открывали для себя немало нового. Лейла узнавала о магических свойствах растений, Северин — о различных способах получения из них ароматических эссенций. Девушка зачарованно и испуганно внимала его рассказам о том, как определенные заклинания, произнесенные в определенном состоянии духа, могут разбудить и закрепить магию в картине. Один цветок окажет нужное влияние, другой не сможет этого сделать, а чтобы воспользоваться магией третьего, надо произнести совсем другие заклинания. И иллюстратор должен знать их все, должен вызубрить целые куски из Фолио.

— Ах, если бы только существовала такая травка, — вздохнула Лейла, обрывая вербену, — чтобы я могла ее как-нибудь заварить, ты — поколдовать над ней, мы подмешали бы это всем в пищу, и все бы поверили, что ребенок, родившийся со всеми волосами и в восемь фунтов весом, может быть недоношенным!

— Не рви стебли вместе с корнями, — проворчал Северин. — Ты уничтожишь весь урожай будущего года. Беспокоиться о ребенке Мечеллы мы будем, когда и если это потребуется.

— Кто-то же должен беспокоиться, раз Мечелле все равно! А Кабрал... — Она фыркнула. — Мой братец ходит как пьяный, и на лице у него самая глупая улыбка из всех, что я когда-нибудь видела! Поклянись мне, Севи, что, когда я забеременею, ты не будешь выглядеть таким идиотом.

Северин дал ей самое торжественное обещание и расхохотался.

— Прости, не могу удержаться. Помнишь, несколько лет назад мы ездили в Диеттро-Марейю? Мечелла была тогда беременна, и Рафейо все время говорил, что Арриго улыбается как идиот. Держу пари, сейчас он не улыбается!

За несколько дней до приезда Коссимио и Гизеллы Мечелла отправила мужу вежливое письмо, где в нескольких словах официально сообщала ему, что он снова будет отцом. Удача повернулась к Арриго спиной в этот день, потому что курьер, имевший указание вручить письмо только дону Арриго в собственные руки, где бы он ни находился, нашел его в публичной Галиерре Грихальва в компании Тасии и Рафейо.

Они планировали новую выставку: «Под солнцем и луной. Два века пейзажной живописи» — в результате которой Рафейо должен был приобрести необходимый Верховному иллюстратору опыт музейной работы. Говорили, что выбор темы очень раздражал Премио Фрато Дионисо.

Когда курьера привели в длинную и узкую маленькую галерею, Рафейо как раз клянчил у Арриго недостающие полотна.

— Если вы ссудите нам два «Восхода в Гранидии» Иберро, которые висят у вас в зале для аудиенций, то этот период будет у нас полностью представлен. Мне бы хотелось иметь что-нибудь кисти Риобаро, но он не любил писать пейзажи.

— Ты достиг таких высот в живописи, — улыбнулась Тасия, — что, наверное, можешь написать их сам, подписать его именем, и все поверят!

Рафейо выпучил на нее глаза. Арриго рассмеялся.

— Она твоя мать, и смущать тебя — ее священный долг.

Не поблагодарив курьера, он взглянул на восковую печать на конверте, нахмурился и, не распечатывая, сунул письмо в карман.

— Прошу прощения вашей светлости, — сказал курьер, — но ее светлость велели дождаться ответа.

— Скажи ей... — Он оборвал себя. — Хорошо, я прочту это здесь.

Тасия тронула сына за руку, и оба отошли в сторону, делая вид, что рассматривают выставку автопортретов давно умерших Верховных иллюстраторов. Галиерра Пикка была открыта тридцать лет назад по проекту Гизеллы и Лиссины. Эти две достойные дамы решили, что поскольку Галиерра Веррада закрыта для посетителей, а Галиерра Грихальва находится в одноименном Палассо, куда допускаются только сами Грихальва, то будет справедливо, если люди смогут знакомиться с искусством своей страны в каком-нибудь третьем месте. Экспозицию меняли каждые три месяца. Выставлялись в основном картины из неистощимой коллекции Грихальва, но иногда можно было увидеть и что-нибудь из собственности до'Веррада. Должность хранителя музея служила для молодых иллюстраторов источником ценного опыта. Кто-то из этих юношей будет потом рассказывать иностранным правителям и частным

коллекционерам о тонкостях освещения, местоположения и хранения картин.

Трижды в неделю по утрам бесконечно терпеливые экскурсоводы водили по Галиерре детишек. Детям выдавали бумагу и цветные карандаши, предлагая дополнить коллекцию Грихальва своими «шедеврами». Талантливым детям официально предлагалось брать уроки, некоторые из них даже становились потом иллюстраторами. Трижды в неделю днем Галиерра была открыта для широкой публики. И по крайней мере дважды в месяц иллюстраторы читали лекции о каких-нибудь полотнах или художниках. Нельзя было посетить Мейа-Суэрту и не зайти хоть раз в Галиерру Пикка, будь ты иностранец или коренной житель Тайра-Вирте.

Тасия и Рафейо рассматривали «Автопортрет в восемнадцать лет» Риобаро, когда Арриго внезапно выругался. Тасия обернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как он швырнул письмо на пол и выбежал из комнаты. Курьер нагнулся, чтобы поднять конверт и листочек с короткой запиской.

— Дай сюда письмо, — сказала Тасия.

— Ее светлость...

— ...ни о чем не узнает, если ты ей не скажешь, а ты не будешь этого делать. Дай сюда.

— Извините, графиня, я не могу.

— Ты знаешь, кто я? — тихо спросила она.

Курьер продолжал смотреть в пол, но его выдала гримаса — он будто хлебнул несладкого лимонада.

— Да, графиня, я знаю, кто вы.

Рафейо разрешил эту проблему, выхватив письмо из его руки. Нижний уголок оторвался, но это было не важно. Письмо умещалось наверху страницы — там был только один абзац и по-детски круглая подпись Мечеллы.

— Граццо, — ехидно поблагодарила Тасия курьера. — Я прослежу, чтобы это письмо оказалось на столе дона Арриго. Можешь идти.

— Можешь даже отправляться в Корассон, — прибавил Рафейо. — Сомневаюсь, что последует какой бы то ни было ответ.

Курьер взглянул на них обоих с нескрываемой ненавистью и вышел.

— Наглый крестьянин, — бросил ему вслед Рафейо. — Эйха, что нынче пишет эта чирас до'орро?

— Она покорнейше извещает любимого мужа, что тот вечер, который они провели вместе на Фуэга Весперра... Матра, она пишет грамотно разве что собственное имя!.. Тот вечер принес им счастье. Она...

Тасия задохнулась на полуслове. Рафейо успокаивающе коснулся ее руки.

— Что там еще?

— Мердитто! Эта грязная свинья беременна! — Она скомкала листок. — Этот сукин сын лгал мне! Он сказал, что все

было не так, как нам кажется, что он не дотрагивался до нее, что единственное, чего он хотел, — это вытрясти из нее душу...

Рафейо был совершенно сбит с толку.

— Но я думал, ты сама хотела, чтобы у нее было побольше детей и ей было бы чем заняться.

— И ты думаешь, я это всерьез говорила, — огрызнулась Тасия. — Он мой, Рафейо, он поклялся, что больше не прикоснется к ней, черт бы его побрал! Я этого не вынесу! И я этого так не оставлю!

— Мама, пожалуйста, успокойся. Он любит тебя, а не ее.

— Ты что, не понимаешь? Он увидел ее, захотел и взял! Только что не прямо в зале, на полу, при всех! Ты замечаешь хоть что-нибудь, кроме своих дурацких красок? Он лгал мне, он предал меня, а она... я слышу, как она теперь смеется надо мной!

— Она не хочет его больше. Ты сама говорила, что не хочет.

— Ты говоришь как мужчина. Конечно, она его не хочет! Она сделала это только для того, чтобы унизить меня! Явилась разряженная, как нипалийская шлюха, и соблазнила его!

Тасия в ярости шарила взглядом вокруг себя.

— Где перо? Мне нужно написать...

Рафейо вытащил из кармана карандаш. Она схватила его, бросилась на пол и, расправив скомканное письмо, нацарапала на обороте язвительную непристойную фразу.

— Отнеси это ему. Прямо сейчас. Найди его, в какой бы сточной канаве он ни прятался, и отдай ему это!

— Конечно, но...

Он взял листок и хотел помочь ей подняться на ноги. Тасия оттолкнула его. Лицо ее было пунцовым, а сжатые губы побелели от ярости.

— Мама! — закричал он в ужасе.

— Отнеси ему! Немедленно! Сейчас же!

Тасия смотрела на него снизу вверх, стоя на четвереньках, — груда мятых шелков и оскорбленной гордости. Она тяжело дышала, черные глаза бешено сверкали.

— Ты мой сын! Так защити же меня!

Рафейо выскочил из Галиерры на улицу, не видя перед собой ничего. Каким-то образом он нашел дорогу в Палассо Веррада, как-то сумел объяснить лакею, что должен передать письмо дону Арриго от графини до'Альва. Как-то вскарабкался по лестнице на второй этаж, не опускаясь на колени, как его мать.

Арриго лгал ей, Арриго предал ее. По пути Рафейо на лестницах и в переходах висели великолепные картины, написанные руками верных Грихальва для до'Веррада, этих лжецов и предателей. И эта красота, этот гений служат человеку, который мог так поступить с Тасией.

Его мать. На коленях. Мать, чье тело подарило ему жизнь, чье тело дарило наслаждение Арриго на протяжении всей жизни Рафейо. Арриго наплевать на унижение Тасии. Она зна-

чит для него не больше, чем эти картины на стенах, — она тоже Грихальва и тоже принадлежит ему.

И Рафейо вынужден служить этому человеку. Когда-нибудь он станет его Верховным иллюстратором.

И Мечелла. Великая герцогиня Тайра-Вирте. Ей он тоже должен будет служить.

Это она во всем виновата. Окуласурро корассонерро, говорится в старой пословице. Когда-то кастейские крестьяне называли так светловолосых мускулистых северных варваров, совершавших набеги на их земли. Как раз про Мечеллу. Голубые глаза, черное сердце. Если бы она никогда не приезжала в Тайра-Вирте, если бы довольствовалась рождением и воспитанием детей, как разумная женщина, если бы она вообще не рождалась на свет...

Если бы она умерла.

Он должен служить Арриго. У него нет выбора. Кроме того, виноват не Арриго — он всего лишь мужчина. В том, что случилось, повинна одна Мечелла. Когда она жила в своем Корассоне, у Арриго с Тасией все так хорошо складывалось... Мечелла и только Мечелла виновата во всем. И если она уедет навсегда...

Он должен служить Арриго. У него нет выбора. Верховные иллюстраторы всегда служат Великим герцогам.

Но ей он не будет служить. Никогда.

Рафейо протянул сложенный в несколько раз измятый листок камердинеру Арриго.

— Только для глаз его светлости, — выдавил он. — От графини до'Альва.

— Я прослежу, чтобы он это получил.

— Нераспечатанным.

Оскорбленный слуга надменно выпрямился и захлопнул дверь перед носом Рафейо.

Рафейо было на это наплевать. Сбегая вниз по лестнице через две ступеньки, он беззвучно шевелил губами, повторяя приходящие ему в голову слова, как санкто бормочет свои молитвы.

«Не буду ей служить. Это все она. Она во всем виновата. Не буду ей служить, никогда...»

И пока он повторял эту беззвучную молитву, в голову ему пришла идея.

Он вышел на улицу. Яркое солнце слепило глаза — и тут его осенило. Это была только идея, вроде быстрого наброска, над которым еще долго надо работать, чтобы получилась картина. Но он увидел эту картину, и все пустые места в ней, в которых было повинно его невежество, не смогли помешать ему громко рассмеяться.

Невежество — это ненадолго. Иль агво, иль семмино и иль сангво научат его многому. Остальному научит Премио Фрато Диониссо. И все это он использует. Он начнет работать прямо сейчас, применяя то, что уже знает, то, что он может сделать, а когда будет узнавать новое, он заполнит и пустые места. Он,

истинный Грихальва, создаст такую красоту и такое великолепие, каких никто еще не видел.

Никто и не увидит, кроме него самого. Он создаст эту картину, он ее и уничтожит.

52

Лето 1267 года было самым скверным временем в жизни Арриго. Никогда еще на протяжении всей истории Тайра-Вирте, всех четырехсот сорока восьми лет, прошедших с тех пор как Ренайо до'Веррада был провозглашен герцогом, никогда еще с наследником так не обращались.

Женщина, когда-то любившая его, оказалась предательницей и ушла к другому. Женщина, которую он любил, бросила его. Отец лишил его всякой власти и не позволял заниматься никакими государственными делами. Мать порицала родного сына, сестра ругала последними словами. Народ терпел наследника с трудом. Как же такое могло случиться с ним, общим любимцем, которого всю жизнь называли Неоссо до'Орро?

Он сбежал в Чассериайо и оставался там, несмотря на удушливую жару, стоявшую летом в этом речном краю. Целыми днями он бродил по комнате или обходил свои владения, а по ночам лежал один в своей широкой кровати на шелковых простынях и думал, кто же лежит сейчас с Мечеллой...

А Тасия... Тасия была незаживающей раной, боль от которой терзала его грудь при каждом вдохе. Он не станет добиваться встречи с ней, не будет умолять ее поверить. Но это лето как никогда ярко показало ему, что он любит ее, хочет ее, что она нужна ему — и что он должен был жениться на ней.

Как это было бы прекрасно. Он жил бы тогда своей собственной жизнью, приносил пользу, сам нашел бы свое призвание. Если бы Тасия была рядом с ним, если бы им не надо было больше притворяться, они могли бы творить чудеса. Дети — это не важно. Наследовать мог бы Малдонно, сын Лиссии.

А вместо этого он всю жизнь делал то, чего от него хотели. Взял Грихальва себе в любовницы. Оставил ее, чтобы жениться на принцессе. Стал отцом мальчика, который унаследует трон Великих герцогов, и девочки, которая сможет выгодно выйти замуж. Помогал Коссимио изо всех сил, каждый раз, как только ему это позволяли. Заботился о своем народе.

И несмотря на все это, с ним случилось такое.

Ему всего тридцать шесть лет, но жизнь его разбита.

Арриго попробовал найти спасение в путешествии и принял приглашение князя Фелиссо провести несколько недель в Диттро-Марейс — не как государственный деятель, а как друг самого князя. Он оплатил проезд на большом купеческом корабле

и намеревался пробыть в гостях не меньше месяца. Но не прошло и десяти дней, когда его догнал гонец с письмом. Они как раз совершали с князем поездку по стране, не пропуская на своем пути ни одного винного завода и ни одного мало-мальски приличного борделя. Письмо было от Тасии.

Арриго скакал день и ночь, пока не добрался до ближайшего порта, сел на первый же корабль, собиравшийся пересечь Агва-Серениссе, и всю дорогу до Мейа-Суэрты нервно расхаживал по палубе. Тасия встретила его на причале главного восточного порта Тайра-Вирте. В женщине, одетой в сапфирно-голубое платье, какие носят старшие слуги в Палассо Веррада, никто не узнал бы графиню до'Альва. Она сделала реверанс и жестом пригласила Арриго сесть в поджидавший их экипаж. Там, за задернутыми, несмотря на жару и духоту, занавесками, они предавались любви, наверное, полчаса кряду.

Тасия была неглупой женщиной. Осознав, вопреки душившей ее ярости, что Арриго — ее единственный шанс достичь реальной власти, она просто взяла его назад. Кроме того, она скучала по нему, скучала куда сильнее, чем могла предполагать. Последние недели лета они провели в Чассериайо, а если кто что увидел, услышал или описал в письме в Корассон — эйха, гори оно огнем!

В самом начале 1268 года, в Корассоне, Мечелла разрешилась от бремени младенцем мужского пола, названным Ренайо Мириссо Эдоард Верро, в честь первого герцога Тайра-Вирте, давно покойной любимой матери Мечеллы, знаменитого исторического героя Гхийаса и отважного Грихальва, лучшего друга герцога Ренайо. Маленький Ренайо был нормальным ребенком, на удивление крепким, если учесть, что, по общему мнению, он должен был родиться на шесть недель позже. Но никто не загибал пальцев и не поднимал удивленно брови — слишком хорошо все знали историю встречи на Фуэга Весперра.

Северин написал «Рождение». Одна копия была послана брату Мечеллы, королю Энрею, две другие — в Палассо Веррада, одна — Коссимио с Гизеллой, другая — Арриго лично. Все копии писал Кабрал.

Великий герцог устроил специальный праздник в честь прибытия портрета. С картины торжественно сняли покрывавший ее холст, и приглашенные на торжество придворные громко выражали свои восторги, перед тем как сесть за стол и перейти к роскошному обеду из восьми блюд. К столу были поданы вина, которые Арриго привез домой из Диеттро-Марейи. Многие заметили, что Тасия довольно долго рассматривала портрет Ренайо. У младенца была светлая кожа и золотые волосы, как у Мечеллы и маленькой Терессы, но глаза — темно-карие. Мальчик совсем не был похож на Арриго.

После банкета Тасия улучила момент, чтобы подойти к окну, где стоял Арриго с большим стаканом бренди в руке. Она сказала ему только одно: «Я верю тебе». Но позже, когда он выскольз-

нул из Палассо через черный ход и пробрался в потайную комнату ее городского дома, Тасия была более красноречива.

— Мне стыдно за себя, карридо мейо, так стыдно! Ревность ослепила меня. Ты не мог этого сделать, теперь я понимаю, что не мог. Это она заставила всех поверить. Пожалуйста, прости меня.

— Я простил тебя, дольча. — Он опустился на диван рядом с ней и взял ее за руку. — Я простил тебя в тот день, когда получил твое письмо в Диеттро-Марейе. Ты вернулась ко мне, несмотря на то что считала меня виновным, и от этого ты стала мне еще дороже.

— Ты удивительный человек, Арриго. Хотела бы я быть хоть наполовину такой хорошей, как ты.

— Ты замечательная, потому что любишь меня.

— Люблю, дольчо мейо, люблю всем сердцем. — Она замолчала, лаская его пальцы. — Но ее ты вряд ли сможешь простить за то, что она сделала. И еще прислала тебе портрет ребенка!

— А прием у отца — это был сплошной кошмар, — согласился он. — Целый вечер все рассказывали мне, какой это красивый ребенок и как он похож на Мечеллу.

— Она не должна остаться безнаказанной, Арриго.

Он задумался, глядя ей в глаза.

— Одна мысль гложет меня все время. Она сказала, что у нее есть свои Грихальва, а у меня — свои.

— У тебя есть я, и Рафейо, и Дионисо — мы все на твоей стороне, ты же знаешь.

— Рафейо многому успел научиться. Я знаю, он любимый ученик Дионисо. И еще я знаю некоторые вещи о том, что может сделать иллюстратор Грихальва.

— Эйха? — осторожно спросила Тасия.

— Не сможет ли Рафейо написать кое-что для меня? Это несложно, ничего серьезного. Я даже не знаю, возможно ли это и подойдет ли оно нам.

— Я... Я не понимаю. Никогда не обращала особого внимания на художников.

— Дионисо написал икону для князя Фелиссо и нарисовал в ней специальный сон для него. Может, Рафейо сумеет написать несколько кошмаров для Мечеллы?

Тасия фыркнула.

— Я бы удовольствовалась каль веномо, вроде тех, что они использовали против нас в Гранидии.

— Это для простого народа. А народ не поверит, если героем карикатуры станет их Дольча Челлита.

Он произнес это прозвище так, будто оно было ругательством.

— Если сделать хорошо, могут и поверить. Но ты прав, Рафейо не стоит расходовать свой гений, царапая углем на стенах. А Мечелла заслуживает большего, чем простое унижение.

— Да, но чего именно? Что будет лучшим выбором?

— Для начала — послушание. — Она принялась загибать пальцы. — Верность, целомудрие, покорность. Еще

десяток-другой женских добродетелей, чтобы восполнить недостатки ее характера.

— Любые изменения в поведении Мечеллы вызовут подозрения, а у нее тоже есть собственные Грихальва.

— Никто из них не сможет отменить того, что нарисует Рафейо.

— В тебе говорит материнская гордость.

— Арриго...

Тасия тяжело вздохнула и подвинулась поближе к нему.

— Рафейо рассказывает мне кое-что. Дионисо учит его тому, о чем и не подозревают его друзья и соученики. Через несколько лет мальчик станет Верховным иллюстратором. Но для мести Мечелле не нужно ждать так долго. Уже сейчас знаний Рафейо хватит, чтобы заставить ее повиноваться.

Она заглянула ему прямо в глаза и прошептала:

— Аморо мейо, на самом-то деле он уже начал.

Никогда в Корассоне не встречали столь ранней весны, как в 1268 году, — и столь прекрасной. Вьющиеся розы, за которыми все эти два года заботливо ухаживали, оплели весь дом до балконов третьего этажа и украсили его пышным кружевом. Каждый куст как будто старался превзойти собратьев и доказать свою преданность Мечелле. Из зеленой листвы выглядывали цветы, создавая такое богатство красок, что у иллюстраторов голова шла кругом. Даже в маленьких, «карманных», садиках, укрывшихся между крыльями дома, выросли маленькие цветочки, крошечными звездочками белевшие среди зеленого мха. Дни были такие солнечные и теплые, что уже на следующий день после Астравенты Мечелла решила открыть сезон, позавтракав под открытым небом.

Мечелла и Кабрал отметили годовщину зачатия своего ребенка, так же как год назад — Астравенту. Мечелла все еще была ошеломлена силой их любви. Иногда ей казалось, что они давным-давно женаты, а уже через пять минут они страстно бросались друг другу в объятия, как после долгой разлуки. В глубине души Мечелла сознавала, что жизнь с Арриго никогда не была бы такой чудесной. Останься она с мужем, не ускользни в Корассон и к Кабралу, она просто ожесточилась бы, стала другой, озлобленной и сварливой женщиной. Она не понимала причины этого, но Грихальва ее понимали: у Мечеллы в жизни было одно предназначение — любить и быть любимой. Большую часть этой любви могли ей дать дети, семья, друзья, ее народ, наконец. Но только Кабрал помог осуществить все ее мечты.

Этим утром оба они бездельничали, развалясь на расстеленных на траве одеялах, в компании Лейлы и Северина. Свет Астравенты все еще сиял на их лицах. Ребенок спал на руках у Мечеллы, а отец щекотал ему носик новой кистью. Ренайо проснулся, зевнул и потянулся к кисти маленькими ручонками с длинными, красивыми, как у всех Грихальва, пальцами.

Кабрал рассмеялся.

— Пятьдесят золотых за то, что у него есть талант к живописи.

Северин устало вздохнул.

— Сто — за то, что он не будет отличать один конец кисти от другого!

— Мужчины! — воскликнула Мечелла. — Ну почему, Лейла, скажи ты мне, едва взглянув на ребенка, они начинают говорить о его будущем? Женщинам довольно и настоящего, они радуются, когда ребенок растет и узнает новое.

— А я и радуюсь! — ухмыльнулся Кабрал. — Я расскажу ему, что он Грихальва по праву рождения.

Лейла состроила ему рожу.

— Гораздо интереснее, что он де Гхийас по праву рождения. Вознаграждение больше.

Мечелла лукаво улыбнулась.

— Ну разве может быть что-нибудь столь же невероятное? Де Гхийас и Грихальва под именем до'Веррада будет сидеть на троне моего отца!

— Это только возможность, — напомнил ей Северин. — В случае, если у короля Энрея не будет собственных наследников. И кто же из нас теперь гадает о будущем Ренайо?

Кабрал пытался высвободить кисть из неожиданно цепких пальчиков младенца.

— Твой брат женится, и у него будет не меньше дюжины собственных детей. Хотя не могу не признать, я в восторге от происходящего — Арриго жутко разозлился, когда услышал, что твой брат подписал этот указ. Если дело выгорит, его просто удар хватит.

— А Коссимио с Гизеллой очень рады, — промурлыкала Мечелла.

— Должно быть.

Лейла протянула руку, чтобы пощупать подгузник младенца, — все еще сухой.

— Я так понимаю, — сладким голоском сказала она брату, — в этой ситуации тебя радуют только чувства Арриго, а не то, что твой сын станет королем Гхийаса?

— Мой сын и твой племянник, Лейла, — ответил он тем же тоном. — Будь ласковой с ним, когда-нибудь он может сделать тебя принцессой.

— Я отшлепаю его, если он только попробует! — рассмеялась Лейла.

Северин постучал костяшками пальцев по ящику от вина, служившему им обеденным столом.

— Хватит, дети. Что бы ни случилось в отдаленном будущем, сейчас Ренайо только младенец, который скоро обгорит на солнце.

Позвали Отонну, завтракавшую под палисандром с управляющим фермой — племянником мужа ее сестры Примаварры. Горничная унесла ребенка наверх, не переставая ворковать. Молодой человек следовал за ней хвостом.

— Он на что-то надеется? — лукаво спросил Северин.

— Что когда-нибудь она вот так же будет ворковать над их сыном? — Мечелла вытянулась на траве, положив голову на колени Кабралу. — Отонна не относится к нему всерьез. Иначе она хоть раз сходила бы с ним куда-нибудь в коттедж, вместо того чтобы каждую ночь брать его к себе в постель здесь, в Корассоне!

— Злое заклятие все еще действует, — хихикнула Лейла, не обращая внимания на смутившихся мужчин. — Но вернемся к Ренайо и гхийасскому престолу...

— Это право даю ему я, — сказала Мечелла. — Арриго не имеет никакого отношения к нему...

— И никакого отношения к ребенку, — добавил Кабрал, подмигнув ей.

Лейла уже более или менее привыкла к их свободной манере поведения. Нет никакой опасности разоблачения, повторяла она себе, все здесь верны Мечелле. Когда в Корассон приезжают гости, любовники ведут себя осмотрительно. Даже наблюдательная Лиссия ничего не заметила. Кроме того, Серрано, которые строили дом, сделали в нем четыре потайные лестницы. Одна из них соединяла комнату Кабрала, расположенную на четвертом этаже, с апартаментами Мечеллы на третьем. Нет никакой опасности. Никто ничего не узнает.

А даже если кто-то и узнает, Северин может написать такую картину, что он все забудет.

Ее муж прикрыл ладонью глаза от солнца, пытаясь рассмотреть въездную аллею.

— Во имя Матери, что там еще такое?

— Фургон из Мейа-Суэрты, — не глядя, ответила Мечелла. — Я жду его с утра.

— Только не мебель! — воскликнула Лейла.

— О нет! — Мечелла загадочно посмотрела на нее.

Оказалось, фургон заполнен картинами. Северин и Кабрал выгрузили их, шутливо обвиняя Мечеллу в разбое.

— Все это было в хранилище, — оправдывалась она. — Никому, кроме меня, они и не нужны. Меквель был так добр, что разрешил мне взять их из Галиерры, и Коссимио тоже согласился. Эй верро, я же не могу рассчитывать, что мои Грихальва напишут достаточно картин, чтобы хватило на весь Корассон!

— Надеюсь! — возмущенно сказала Лейла. — У меня для Севи есть планы получше!

Вскоре мужчины ушли наверх, в мастерскую, чтобы взять инструменты и починить поврежденную в дороге раму. Мечелла сама открыла следующий ящик, и они с Лейлой осторожно вытащили портрет.

— Ой, Мечелла! Тут, наверное, вышла ошибка — это же «Сааведра»!

— Нет, Лейла, здесь нет никакой ошибки. Я просила прислать мне ее.

Она отступила назад, отпустив огромную, тяжелую картину, и тихонько вздохнула.

— Когда-то я ненавидела этот портрет, но последнее время часто думала о нем. У нас с ней много общего.

— Например? — уставилась на нее Лейла.

Глядя на прекрасное лицо Сааведры, прямо в ее серые глаза, Мечелла прошептала:

— Я, как и она, хотела мужчину, которого не могла получить. Я, как и она, забеременела от любимого человека, и ребенок этот — бастард, которому нельзя даже рассказать, кто он на самом деле. Обе мы попали в паутину, разница лишь в том, что свою я сумела разорвать.

Мечелла стиснула руку Лейлы.

— Я никогда бы не сделала всего этого без вас — без тебя, Севи и особенно Кабрала. Теперь я смотрю на Сааведру и думаю, как я счастлива, что сумела вырваться.

Лейла внезапно по-новому взглянула на «Первую Любовницу».

— Посмотри на ее лицо, — прошептала Мечелла. — Она в ловушке и знает об этом.

— Да, — услышала Лейла собственный голос, — бедняжка.

— Я никогда не смогу открыто жить с Кабралом или признаться, что Ренайо — его сын. Но разве это что-нибудь значит по сравнению с тем счастьем, которое они мне приносят! Сааведра никогда больше не была счастлива. Что бы ни случилось с ней после того, как был написан этот портрет, — убежала она из Тайра-Вирте и родила ребенка или ее убили, — она так и не вырвалась из ловушки. Я смотрю на нее, навеки заточенную в эту раму, на ее лицо, совсем не изменившееся за прошедшие века, и думаю, как мне ее жаль.

«Только одна женщина, — говорила себе Лейла, — только она могла пожалеть Первую Любовницу. Только она не посчитала Сааведру виновной в появлении любовниц Грихальва, причины ее собственной боли. Только она может испытывать сочувствие, а не ненависть».

— Эйха, — улыбнулась Мечелла. — Помимо всего прочего это шедевр, никому, кроме меня, не нужный, а на такую красоту кто-то должен смотреть и восхищаться ею. Ты же знаешь, как я отношусь к обездоленным!

— А еще, — добавила Лейла, — когда-нибудь эта картина напомнит Алессио и Ренайо о трагедиях, причиной которым послужила Сааведра.

Мечелла удивленно моргнула.

— Да, наверное, хотя я никогда не думала об этом. Я не хочу, чтобы мои сыновья причинили своим женам такую же боль, какую причинил мне Арриго. Но зря ты думаешь, что Сааведра в этом виновата. Она сама — трагедия.

— И она права, — сказала Лейла мужу через несколько дней.

Они вдвоем — только вдвоем! — ехали верхом на юг, в Мсйа-Суэрту. Багажа у них не было — лишь седельные сумки. Вокруг бушевала всеми красками весна, что создавало ощущение восхитительной свободы, и Лейла почему-то вспомнила слова Мечеллы о разорванной паутине. Когда она пересказала Северину их беседу, он кивнул в знак согласия.

— Сааведра не виновата, это все Сарио. Любовницы — лишь часть его плана уничтожения Серрано, лишения этого семейства богатства, славы художников, влияния в обществе.

— Я и себя сравниваю с Сааведрой, — призналась Лейла. — И, спасибо тебе, я тоже вырвалась. Я сегодня уже говорила, что обожаю тебя?

— Может быть, но скажи мне это еще раз. — Он печально улыбнулся. — Мне нужно слышать это как можно чаще в течение следующих двух-трех месяцев.

— Это не имеет никакого отношения к нам с тобой. Я хочу сказать, что имеет, но... Ох, ну ты знаешь, что я хочу сказать. — И добавила уже более строго: — И не смей быть таким грустным. Что касается меня, ты уже можешь считать себя отцом.

У него округлились глаза.

— Я просто нервничаю, ведь мне придется занять свое место среди конселос.

— Лжец.

Северин ехал по вызову Премио Фрато Дионисо, чтобы принять участие в весеннем Совете. Его должность иллюстратора в Корассоне была по статусу на ступеньку выше итинераррио и чуть ниже посла, что давало ему право на кресло в Совете старших среди Вьехос Фратос. Они, естественно, хотели узнать от него обо всем, что происходит в Корассоне. А он не намерен был выкладывать им это.

Формально Совет должен был поздравить тех, кто прошел этой весной конфирматтио, и рассмотреть списки кандидатов на звание иллюстратора, которое будет присваиваться в Пенитенссию. Во всем Палассо Грихальва нетерпеливые молодые люди станут пытаться по едва заметным признакам определить, кто же из них удостоится этой чести. Северин с содроганием думал о том, что каждый шаг будет обсуждаться и ни одно движение не останется незамеченным. Он прекрасно помнил, о чем думал он и его товарищи-эстудос в последние полгода обучения. Достаточно ли они хороши? Выучили ли все необходимое? Есть ли у них подлинный Дар Грихальва? А при наличии такового хватит ли у них таланта, чтобы его применить?

Но люди будут изучать его не только как советника, но и как мужа Лейлы, которая намерена использовать эту возможность и подыскать отца своему первому ребенку. Их первому ребенку. Северин думал, что тоже будет пристально вглядываться в лица — кого-то она выберет?

Их положение отличалось неординарностью. Иногда юноша и девушка влюблялись друг друга еще в детстве или

во время конфирматтио. Если юноша оказывался иллюстратором, они сочетались браком по истечении срока его ученичества, и какой-нибудь лишенный Дара Грихальва становился отцом их детей. Северин и Лейла были необычной парой — обоим давно перевалило за двадцать, и, кроме того, все хорошо знали, с каким отвращением Лейла относилась к «племенному животноводству» Грихальва.

Но в основном все будут коситься на них из-за того, что они сторонники Мечеллы. Никто не мог предположить, как все сложится в Палассо Веррада. Грихальва из лагеря Тасии безоговорочно верили в успех. Приверженцы Мечеллы в семье были более осмотрительны. Интересно, думал Северин, какова была бы их реакция, узнай они, что сын Мечеллы — тоже член их семьи?

На Совете все эти проблемы не обсуждались. Советники отчитывались о различных сторонах деятельности семьи. После конфирматтио в этом году появились два иллюстратора — трое провалились. Галисрра Пикка, как всегда, принесла семье одни убытки, но завоевала бесценное для них хорошее отношение публики. Состояние финансов превзошло все ожидания: доход от продажи Корассона был вложен в прибыльные железные рудники. Состояние же Палассо оставляло желать лучшего — от дождей прохудилась крыша. Но работа с документами велась по обыкновению четко. Потом руководитель итинеррио монотонным голосом зачитывал все их отчеты. К счастью, послов оказалось меньше — энергичный седовласый Хосиппо, который читал их письма, был глух как пень и орал так, что стекла дребезжали. Единственный советник, лишенный Дара, он вот уже тридцать пять лет стоял во главе тех Грихальва, которые представляли Тайра-Вирте при дворах иностранных правителей.

Когда Хосиппо проревел сообщение из Гхийаса, Северин проявил интерес — впервые за этот день. Посол Андеррио прослужил в Ауте-Гхийасе почти пять лет и мог рассказать о короле Энрее III много интересного. Слушая его описание привычек и характера молодого короля (вряд ли кто-нибудь в кресетте мог этого не услышать; хорошо еще, что зал был звукоизолирован), Северин заподозрил, что Энрея IV может и не быть. Брат Мечеллы не знал, на какого коня ему сегодня садиться, как же он сможет разобраться, какую из знатных девушек взять в жены!

«Эйха, тем лучше для юного Ренайо», — подумал Северин, пряча улыбку. Вьехос Фратос были весьма довольны, что король Энрей выбрал наследником своего маленького племянника. Как и большинство населения Тайра-Вирте, Фратос предвидели счастливый альянс с Гхийасом и процветание торговли. Северин попытался представить, каково это — чувствовать себя дядей короля.

Был еще один претендент на гхийасский престол, дальний родственник по имени Иво. Он имел своих сторонников, но у сына Мечеллы их было больше. Мечеллу в Гхийасе помнили и любили.

Доклад Андеррио заканчивался следующим деликатным предложением: если Энрей скажет, что нуждается в совете

и помощи, ему эту помощь надо благородно предоставить, и чем быстрее, тем лучше.

— Что переводится вот как, — сказал Северин Лейле, когда они ночью лежали в постели: — «Не позволяйте ему сделать какую-нибудь ужасную глупость, в результате которой гхийасцы отвергнут Ренайо только потому, что его выбрал Энрей».

— Что, в свою очередь, означает: «Мне нужно разрешение на то, чтобы написать несколько магических картин, если он и впрямь оскандалится».

Лейла вздохнула и потерлась щекой о грудь мужа.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты мог нарисовать мне мужчину, похожего на тебя и наделенного всеми твоими хорошими качествами.

— Ты не сказала: «Всеми твоими качествами».

— Всеми, кроме твоего носа, карридо! Тебе-то он прекрасно подходит, но вообрази что-нибудь подобное на лице бедного, беззащитного младенца! — Она рассмеялась и поцеловала эту несомненно самую выдающуюся часть его лица. — Если б ты только мог нарисовать Грихальва, наделенного всеми нужными качествами, и заставить его выходить из картины только тогда, когда нам нужен очередной ребенок!

— Грихальва могут многое, но создание жизни не входит в число наших умений. Для этого нам нужны женщины. Конечно, не только для этого, — быстро прибавил он, когда она вспыхнула от возмущения.

На второй день Совета, после того как Вьехос Фратос должным образом обсудили всевозможные доклады, были оглашены планы на будущее. Северин зевал на протяжении всей этой процедуры. Потом наступило время личного общения. Каждого иллюстратора могли, например, спросить: «А написал ли ты в этом году что-нибудь магическое?» На это у Северина был заранее заготовлен ответ: «Кроме «Рождения Ренайо», я в этом году не писал ничего с помощью агво, семинно и сангво». Это являлось почти правдой — он не писал «Завещание» Лиссины в Корассоне, он только закончил там эту работу. Но Премио Фрато Дионисо не стал задавать подобных вопросов ни ему, ни кому-либо другому. Вместо этого он поднялся со своего узорного кресла и, стоя между Верховным иллюстратором Мекверлем и Фратос иль агво, иль семинно и иль сангво, прочел всему собранию лекцию об опасности современных тенденций в живописи.

— Неточность! — говорил Дионисо, и его сильный, глубокий голос заполнял собою весь зал, возносясь обвинительные слова к самым стропилам. — Неаккуратность! Расплывчатость! И все это ради красивой картинки!

Он подошел к огромному мольберту — никто не дал бы ему сейчас сорока семи лет! — и отшвырнул покрывало. Открылась прекрасная картина, изображающая трех лошадей, несущихся галопом по пескам Хоаррской пустыни. Стройные тела рас-

пластаны в воздухе, песок брызгами летит из-под копыт, хвосты и гривы развеваются по ветру, дикие черные глаза сверкают, как горячие угли. Когда Северин еще учился, ему приходилось видеть рисунки, так же живо передававшие движение, но впервые на его памяти этот эффект был достигнут с помощью масляных красок.

— Разве это не красиво? — произнес Дионисо с презрительной усмешкой, относящейся ко всем присутствующим иллюстраторам. — Перед вами «Завещание», по которому эти жеребцы переходят к будущему наследнику. Посмотрите, как развеваются их гривы, — это просто расплывчатые пятна! Почувствуйте ветер пустыни, услышьте стук копыт! Движение, звук, чувства — и все это сделано с помощью обыкновенных красок!

Дионисо перешел к противоположной стене зала, с которой взирали на собравшихся их автопортреты, как бы удваивая количество слушателей, и сдернул холст еще с одной картины. На этот раз открылось «Венчание». Второй мольберт стоял дальше от Северина и под другим углом, так что он мог различить лишь общие очертания, но Дионисо сам объяснил, что там изображено.

— Дочь рыбака выходит замуж за сына виноторговца. На ее платье вышита сеть, его плащ украшен изображением виноградной лозы. Очень мило и подходит к случаю. Но как написал этот портрет Грихальва? Как пейзаж! Где пожелания любви и счастья, богатства и детей? Новобрачные здесь — лишь случайные фигуры на фоне весеннего болота во всем его великолепии!

Дионисо подошел к своему креслу и вытащил из-за него третью картину, гораздо меньших размеров, чем предыдущие две. Пока ее передавали по рукам, он продолжал свои язвительные комментарии:

— «Рождение» написано для выгодного клиента — дворянина из Таглиса! Все символы на месте: снопы пшеницы в знак Богатства, белые лилии — Юношеская Невинность, лавр — Слава, розы — Любовь, чертополох — отличительный знак Мальчика. И так далее и тому подобное. И как опять красиво! Эйха, где-то на этой картине есть и ребенок, которому в будущем предстоит стать бароном, но кто увидит его среди натюрморта, который нарисовал этот Грихальва? Кого родила баронесса — мальчика или корзину цветов?

Каким-то образом его полный отвращения взгляд пронизывал каждого иллюстратора в зале.

— Я не скажу вам, кто написал эти картины. Не хочу подвергать унижению их авторов, хоть они и заслуживают этого в полной мере. Да я бы утыкал булавками нарисованные пальцы там, наверху, если бы думал, что это принесет хоть малейшую пользу! Но сейчас я хочу лишь показать вам, к какому вырождению мы придем, если эти новомодные тенденции будут развиваться и дальше.

От чего зависит наша магия? От точности. На чем основана наша репутация? На аккуратности. От чего зависят политика и планы Тайра-Вирте? От конкретности. А что нарисовали эти три иллюстратора? «Завещание», в котором наследство —

одни линии и размытые пятна! «Венчание», где жених с невестой — второстепенные фигуры в каком-то пейзаже! «Рождение», в котором многочисленные цветы, фрукты, листья и снопы заставляют забыть о младенце!

Да, эти картины красивы. Да, кони действительно несутся, и можно даже услышать и почувствовать на вкус ветер пустыни. Да, перед нами прекрасное изображение того места, где молодая чета будет строить свой дом. Да, на картине есть ребенок — где-то есть. Сами по себе картины выполняют свое назначение — формально. Но посмотрел бы я на того, кто попробует выбрать этих трех жеребцов из целого табуна!

Он повернулся к залу спиной и направился к своему креслу, но внезапно снова обратился к присутствующим:

— Скажите мне, что случится, если будет написано еще одно такое «Завещание» и на сей раз речь пойдет о поле, здании или фруктовом саде. Что, если границы владения окажутся размытыми пятнами? Будет действовать такой документ? Не будет! А как насчет Пейнтраддо Соно, написанного, чтобы избавить от кошмаров маленькую девочку? Что, если вместо точного изображения спокойно спящего ребенка мы ограничимся цветовыми пятнами — ночная рубашка, одеяло, пятно черных кудрей на пятне подушки? Будут ли действовать заклятия счастливого сна в такой картине? Нет, не будут!

Дионисо подошел к своему креслу и опустился в него, обводя взглядом кречетту.

Кто-то из вас, вероятно, скажет, что можно писать в новом стиле лишь отдельные вещи. Те, которые не несут жизненно важных функций. Те, которые никто из достойных людей не будет оспаривать. Кто же будет спорить, что эти три жеребца принадлежат графу до'Гранидиа, что эти молодые люди действительно поженились, что этот ребенок — сын барона?

Но есть и другие картины, где невозможно обойтись без точности, аккуратности и конкретности. И, уверяю вас, начав пренебрегать точностью в некоторых картинах, иллюстратор перенесет эту привычку и на все другие работы. Без точного изображения не будет действовать магия. Без аккуратности в прорисовке мелких деталей не сработает лингва оскурра. Оставьте без внимания форму и композицию, и магия покинет ваши картины. А тогда, Фратос и конселос, все мы, Грихальва, останемся без работы.

Дионисо поправил свою серую мантию советника, блеснул золотой обруч. Он перешел на спокойный тон.

— А теперь рассмотрим списки тех, кто достоин повышения в Пенитенссию. Ивеннал, зачитайте нам список.

Северин был так потрясен услышанной речью, что не мог прийти в себя до конца дня. Когда они с Лейлой вечером одевались, чтобы пойти в ресторан на Главной площади с ее матерью и отчимом, он все еще неодобрительно качал головой, вспоминая неистовое красноречие Дионисо.

— Послушать его, так можно подумать, будто эти несчастные иллюстраторы нарочно подстроили все это, добиваясь падения Грихальва, — сказал он, завязывая темно-красный шейный платок.

— Угу.

— Я опасался, что он действительно снимет со стены их Пейнтраддо Чиевы и примется втыкать булавки им в руки!

— М-мм, — ответила Лейла, закрепляя на голове вторую косу.

— Не то чтобы я был совсем не согласен с его анализом. Красивая картина — это, конечно, хорошо, но наша работа должна давать более весомые результаты.

— Да.

— Ты услышала хоть одно слово из того, что я говорил за последние десять минут?

— Конечно. Быстрее, Севи, надевай куртку — мы опаздываем.

Когда они затерялись в сутолоке вечерних улиц, Лейла взяла мужа под локоть.

— Я не хотела разговаривать в Палассо, — прошептала она.

Обдумав ее слова, он спросил:

— Может, мне написать штук пять защитных картин и развесить у нас в комнатах?

— Они узнают об этом и заинтересуются, что же это такое мы скрываем. — Лейла остановилась у витрины, делая вид, что любуется выставленной там одеждой. — Я сегодня услышала тревожные новости о Рафейо.

— Я тоже. В конце года он станет иллюстратором.

— Это нам и раньше было известно. Моя новость хуже. Смотри! — Она показала ему детское платьице. — Правда, Тересса будет в нем очаровательна?

— Завтра мы ей это купим, — пообещал он, тоже думая, что вокруг слишком много людей. Их окружала толпа возвращающихся домой покупателей, поэтому идти пришлось молча. Наконец толпа немного поредела, и они смогли возобновить беседу.

— Я разговаривала утром с Арриано, — начала Лейла, — он у Рафейо вроде друга, насколько это возможно.

— Но ведь парень считает всех своими соперниками! — удивился Северин.

— Всех, кроме Арриано, слава Матери, и этот Арриано сообщил мне сегодня прелюбопытные вещи. Сначала он расспрашивал про духи, потом мы заговорили о Корассоне. Розы, лес, сады — просто вежливый интерес. Потом он слегка проболтался. Мол, потому так интересуется Корассоном, что Рафейо рассказывал ему, как там красиво в любое время года. Севи, Рафейо был там всего два раза: один — когда мы возвращались из Кастейи, и второй — когда он привез письмо графа Карло!

— Зимой и поздним летом, — задумчиво сказал Северин. — И он ненавидел это место.

— Так кто же из мальчиков лжет?

— Никто. Впрочем, нет, беру свои слова назад. Рафейо лжет, утверждая, что считает Корассон красивым. Остальное — правда, и мы это знаем.

Они молча пересекли большую площадь перед собором и остановились, чтобы посмотреть на статую Алессо до'Веррада, венчавшую собой фонтан.

— Итак, — заключил Северин, — Рафейо был в Корассоне много раз. Шпионил для своей матери?

— Тасии совершенно наплевать на то, что Мечелла делает, говорит или думает. Арриго идет у нее на поводу, ее сын — будущий Верховный иллюстратор, с чего бы ей беспокоиться о происходящем в Корассоне?

Северин подошел к фонтану, подставил руки под струю и пригладил волосы влажными прохладными ладонями.

— Тогда, может, он шпионит для Арриго? Чтобы узнать, кто отец Ренайо, который может унаследовать трон Гхийаса?

Лейла пожала плечами.

— Что сделано, то сделано. Арриго публично признал Ренайо своим сыном. Какое значение имеет, что он там знает или не знает!

— Каррида мейа, ты что, действительно не понимаешь, о чем думают мужчины? — Он взял жену под руку, и они пошли дальше по улице. — Его это мучает, гложет. Он не хочет ее, но сама мысль, что кто-то с ней спит, не говоря уже о ребенке, для него невыносима.

Лейла не ответила и хранила молчание еще несколько шагов.

— А тебя эта мысль тоже будет глодать? — тихо спросила она.

— Ты забыла, что я не такой, как другие мужчины.

Северин имел в виду, что, поскольку он — иллюстратор и при этом хочет детей, ему просто придется пережить такое положение вещей.

— Ты не похож ни на одного мужчину в мире! — воскликнула Лейла. — И я на коленях благодарю Пресвятую Мать за то, что ты есть.

И она поцеловала его в губы. При всех.

— Лейла! — раздался женский голос, возмущенный и смеющийся. Затем послышался мужской смех и донеслись слова:

— Надеюсь, это все-таки Северин!

Северин вспыхнул. Жена отпустила его.

— Мама! — сказала она и тут же обратилась к нему: — Севи, это моя мама, Филорма, и мой папа, Хонино.

Пожилой человек расплылся в довольной улыбке. Но как бы искренне Лейла ни называла Хонино своим отцом, Северин понимал, что на самом деле эти слова предназначаются ему.

53

Дионисо втирал мазь в ноющие суставы, морщась при каждом движении. Весенний дождь, летняя сырость, осенние ветры, зимние холода — все теперь вызывало одну и ту же боль.

Боль стала его врагом, отупляющим разум. Постоянная, неослабная, не такая сильная, чтобы глушить ее серьезными средствами (да и как можно было это себе позволить! Слишком хорошо помнил он трагедию Гуильбарро, который к ним привык), но достаточно глубокая, чтобы просто не обращать внимания. Когда-то давно (кем он тогда был — Мартайном? Сандором? Кем-то, кого уже не вспомнить?) он стал слишком старым для иллюстратора, и вот так же развивалась у него боль: сначала — случайная нежелательная гостья, потом — постоянный путающий спутник.

Два месяца назад, на Фуэга Весперра, Грихальва праздновали сорок седьмой день рождения своего Премио Фрато. Пир, музыка, послания от далеких послов и итинерарриос, поздравительное письмо от Великого герцога Коссимио, подарки: праздновали широко, ибо в воздухе витало невысказанное — что он может не дожить до чествования в следующем году. У матери Дионисо, Джиаберты, в шестьдесят три казавшейся его не намного старшей сестрой, достало такта подарить ему эту мазь незаметно. Новый состав, сказала она, гарантированно снимающий самую сильную боль. Но тонкие косточки его пальцев все еще терзали раскаленные иглы, и новая мазь оказалась лучше старой лишь в одном — у нее был более приятный запах.

Он закрыл голубой флакон скривившись, потому что крышку надо было крепко закрутить для предохранения от влаги, и откинулся на подушки. Это было нечестно. Столько еще предстояло сделать в образе Дионисо. Будучи Премио Фрато, он мог вести Грихальва, как никто другой. Впервые он так высоко поднялся со времен Риобаро. И он должен был сделать еще многое, к чему подготовили его необозримые годы опыта, что только он и мог сделать. Разве не говорилось, что он лучший Премио Фрато из всех, когда-либо существовавших? Разве не жалели о том, что он не моложе хотя бы на несколько лет?

Эйха, он сделает что может. Корассон продан, деньги помещены под хорошую прибыль. Он нашел четырех кандидаток из восьми- и девятилетних девочек, могущих когда-нибудь стать любовницей Алессио, хотя мальчик только-только вышел из пеленок. Он реорганизовал работу итинерарриo, упростил систему цен для портретов по найму в чужих землях. Правда, дураки все равно будут писать нечеткие и неряшливые картины, но он хотя бы открыл каждому глаза на опасность. Рафейо, став Верховным иллюстратором, достроит здание, начатое Дионисо, заставит выполнять правила живописи, и Грихальва станут сильнее, чем когда бы то ни было. Это необходимо для семьи, для до'Веррада, для Тайра-Вирте. Кто лучше его подойдет для этой работы?

Эй верро, никто другой вообще ее не сделает. Он не просто один из иллюстраторов. Он — Единственный Иллюстратор.

И скоро снова станет Верховным.

Дионисо невольно увлекся мечтой, оторвался от ощущения боли в предвкушении юных крепких костей — пока

реальность не напомнила о себе вновь. Меквель уже выглядел на все шестьдесят. Он был ровесником Дионисо и согнулся под грузом лет, но руки его были все еще гибки, хотя передвигаться без клюки он уже не мог. Чем дольше продержится Меквель, тем легче будет поставить на его место Рафейо. Мальчику скоро девятнадцать. С каждым сезоном станут возрастать его репутация и влияние. А Меквель, как бы хорошо он ни выглядел, не будет жить вечно.

— Премио Фрато Дионисо?

«Пенсиерро, арривиерро». — Он мысленно усмехнулся: подумай о нем — и он придет.

— Войди, Рафейо.

Дверь его апартаментов отворилась, и мальчик — теперь уже молодой человек — вошел. Он нес накрытый поднос, источавший тонкие ароматы.

— Я принес вам жаркое, его всегда готовят повара на Санктеррию. В этом году соус очень острый, но я им велел сделать для вас помягче.

Еще одно унижение возраста: плохое пищеварение.

— Очень великодушно с твоей стороны, амико мейо. Побудь со мной, пока я ем, и расскажи, как идут приготовления.

Рафейо поставил еду, сел и стал говорить. Дионисо ткнул вилкой в сочную толщу мяса и картошки. За такую вольность придется позже расплачиваться, но сейчас он был рад еде, имеющей хоть какой-то вкус.

— ...Так что все готово к празднеству. Премио Фрато, я хотел бы задать вопрос. Почему у нас столько фестивалей с огнем?

Дионисо прожевал и проглотил кусок перца.

— Он освящает и очищает. Он подобен небесному огню звезд. Он сжигает старое, освобождая дорогу новому. Он разрушает — но из пепла возрождается новая жизнь, как всходы на сожженной стерне. Огонь свят. — Дионисо поморщился. — А на Санктеррию даже еда пылает! Это ты называешь «помягче»? Налей-ка мне вина, да побыстрее!

Когда слезы из глаз перестали течь, он отдал чашу и попросил рассказать, над чем это Рафейо работал последнее время в ночные часы.

— Мне следовало знать, что вы догадаетесь, — вздохнул Рафейо. — Я начал автопортрет. Пока что только наброски.

— И какого Верховного иллюстратора взял ты за образец?

На этот раз Рафейо удивился.

— Вы знали, что я хочу написать себя в виде одного из них?

— Твое честолюбие, — сухо ответил Дионисо, — не так уж трудно заметить. Тебе не подойдет ничего, кроме позы Верховного иллюстратора. Кто из них?

— Я из-за этого не сплю ночами. Сначала я думал — Риккиан, но плащ у него слишком похож на драпировку. — Эту картину он знал — видел, как писал ее Риккиан. Драматическая поза, пусть и напыщенная. — Я изучал работы прошлого столе-

тия, но они страшно скованные. У всех, кроме Риобаро. Хорошо ли будет, если я возьму его за образец?

Этого Дионисо ожидал. Не только потому, что действительно хорош был портрет Риобаро — самого почитаемого Верховного иллюстратора за всю историю Тайра-Вирте.

— Несколько самонадеянно, — ответил он задумчиво. — Хотя его использовали и художники с меньшим талантом. Но тебе придется повозиться со светом свечей. Ни для кого это не просто.

— Я как раз хотел у вас спросить. Если вам сегодня днем будет лучше, вы не придете мне посоветовать?

— С радостью. — Он допил последний глоток вина. — Я полагаю, ты в своих набросках не пользовался магией?

Рафейо широко раскрыл глаза.

— Я только... только для пробы...

— Не надо так нервничать. Я не буду ворчать. Кое-что ты уже знаешь о том, с чем работаешь. И я верю, ты будешь осторожен.

— Буду, Премио Фрато. Это я обещаю.

— Кабрал! — крикнула Мечелла с площадки. — Поди посмотри на Тессу в новом платье!

Кабрал извинился перед управляющим фермы и побежал вверх через три ступеньки. На полпути он остановился и сделал вид, что покачнулся от изумления при виде четырехлетней девочки. Театрально схватившись за сердце, он несколько раз поклонился, рассыпаясь в цветистых комплиментах.

— Белла, белла! Муито белла!

Мечелла, встав на колени, шепнула что-то на ухо дочери. Тересса, стараясь не засмеяться, протянула пальчики в перчатках, изображая придворную даму. Кабрал поднялся на оставшиеся ступеньки, еще раз наклонился к ручке девочки. А потом подхватил ее на руки и затанцевал с ней в верхнем холле, во всю мочь распевая хоаррскую балладу. Трехлетний Алессио мчался за ними вприпрыжку, пока Мечелла не сгребла его в охапку и не затанцевала вместе с ним.

— Матра Дольча, что за рев! — воскликнула Отонна. — Кабрал Лирансо Верро Грихальва, закрой рот сию минуту, пока мы все не оглохли!

Тересса у него на руках стала вертеться.

— Лучше послушайся, — посоветовала она. — У меня тоже много имен. И когда она называет их все, она не шутит!

— Уж какие тут шутки! — заявила девушка. — Так, ты немедленно пойдешь и снимешь это платье, пока его не испортила, — Отонна с отвращением глянула на Кабрала, — как он навеки испортил тебе музыкальный слух!

— Ты это называешь музыкой? — поддразнила ее Мечелла.

Кабрал осторожно поставил девочку на пол — и тут же сгреб в охапку Отонну, помчавшись с ней галопом по коридору. Она молотила руками и ногами, брызгала слюной, но, когда он ее отпустил, смеялись они вдвоем.

А Тересса радостно вопила:

— Мама, теперь ты потанцуй с Кабралом!

— Позже, на фестивале, — пообещала Мечелла. — Делай, как Отонна говорит. Ты ведь не хочешь порвать такую красивую одежду?

— Но я не люблю спать днем!

Алессио выдвинул упрямую челюсть.

— Никаких спать! — заявил он.

— Эдикт Великого герцога, — произнес вполголоса Кабрал. — Рано начинает.

Отонна разогнала детей по комнатам. Мечелла с Кабралом пошли следом и несколько минут любовались своим золотоволосым кареглазым сыном, потом вышли посмотреть на приготовления к сегодняшнему празднику Санктеррии. Мечелла все распланировала заранее, чтобы гости — обитатели ближайших деревень, ее собственные люди и несколько благородных семей из ближайших имений — были поражены ее изобретательностью. С переднего въезда Корассон выглядел как обычно. Но когда все вернутся, обойдя его кругом, то ахнут от радостного изумления при виде залитых светом садов.

— Вокруг полей состоится факельное шествие, — сказала Мечелла, — а потом поднимемся на Пиатра-Астраппа и зажжем костер. Площадку для танцев уже расчистили, а играть будет каждый, кто владеет хоть каким-нибудь инструментом.

— Подумать бы никогда не мог! — поддразнил ее Кабрал. — Дирижер и его жена репетируют с оркестром всего неделю, и сегодня мне даже показалось, что почти все они играют одну и ту же мелодию.

— И это говорит человек с голосом больного теленка!

Он положил ее пальцы на сгиб своей руки.

— Тесса выглядит бесподобно. Как мне сказали, точная копия твоего платья.

— Кабрал, это ведь был сюрприз!

Он искоса взглянул на нее, пока они шли к раскидистому дубу.

— У тебя выработалась любовь к сюрпризам, верно? Дрожу при мысли, каков будет следующий.

— Эйха, женщина должна заставлять мужчину гадать. Чтобы ему не надоесть.

— Даже за миллион лет, — заверил ее Кабрал. — Челла, сегодня пришло письмо от Севи.

— Они нашли, кого надо? Я бы хотела, чтобы они вернулись. Мне их недостает.

— Они скоро вернутся. Поиск оказался неудачным. — Он улыбнулся. — Эн верро, у моей сестры высокие требования.

— А что еще пишет Севи? — Она села на каменную скамеечку под дубом и взглянула на Кабрала. — Там что-то еще есть, у тебя это на лице написано, и ты ни за что бы не привел меня сюда, в уединенное место, если бы не что-то важное.

— Эйха... — прочистил горло Кабрал. — Этот пейзаж Корассона, рисунок карандашом, Северин велит уничтожить.

— Как? Но почему?

— Потому что его рисовал Рафейо.

Вынув из кармана письмо, он прочел вслух:

Гораздо легче оттого, что рисунок у нас, а не у него. И все же ты должен от него избавиться следующим образом: размочи его в теплой воде, пока бумага не растворится. Разведи раствор тройным объемом чистой воды и вылей в водосток.

Мечелла засмеялась коротким нервным смехом.

— Никогда не слыхала ничего глупее! Уничтожить такую прекрасную картину?

— Тут есть еще:

Я не знаю, был ли этот рисунок агво, семинно или сангво. Если да, то Рафейо почувствует теплое покалывание от воды, но вряд ли узнает его причину и не обратит внимания. Если нет, он не ощутит ничего. Но я прошу тебя принять эту предосторожность, потому что здешние разговоры подтверждают его ненависть к нашей дорогой Донье и Лейле, а я боюсь, что он способен на все.

— Севи сошел с ума, — сказала Мечелла.

Кабрал вынул из кармана спички и поджег листок. Подождал, пока огонь дойдет до кончиков пальцев, и лишь тогда выпустил его из рук и втоптал пепел каблуком в грязь. Снова повернувшись к Мечелле, он произнес тоном суровым и горьким:

— Нет, Челла, он не сошел с ума. Он серьезен, как никогда.

— Но как бы мог Рафейо...

— Я сказал, что письмо от Севи пришло. Я не сказал «было доставлено».

Она посмотрела на него недоуменно.

— Оно пришло, — сказал Кабрал, — в мастерскую наверху. Это одно из умений иллюстраторов — надо знать место и написать его с абсолютной точностью, а затем вписать туда письмо. Таким образом мы много лет сносились с Грихальва, жившими при иностранных дворах.

— Кабрал! — выдохнула она.

— Самый яркий пример тому был явлен, когда тза'абы собирали войска для нападения вдоль хоаррской границы. Герцог Алехандро узнал об этом из такого же письма, присланного шпионом Грихальва Верховному иллюстратору Сарио. Несмотря на предупреждение, войска перебросить туда вовремя не удавалось. Тогда Сарио, расспросив всех хоаррцев в Мейа-Суэрте, с их слов написал пейзаж — холмы и дюны, — а на них стояла армия.

— Нет... постой... права была Лиссина, мне не годится такое слушать...

— Эта армия, — неумолимо продолжал рассказ Кабрал, — две тысячи человек в боевых доспехах, появилась на восходе на дальних дюнах, точно так, как написал их Сарио на холсте. Тза'абы в ужасе отступили. Они даже не попытались напасть, даже разведчиков не выслали оценить наши силы — они просто бежали. И никогда больше не подходили так близко к нашим границам. Но шпион Грихальва в тот же день обнаружил, что они были пусты — доспехи, шлемы...

— Нет! Я не хочу больше слушать!

— Сарио тщательно выписал солдат передней шеренги. У них были лица. Руки. Пальцы. Он написал их в точности так, как должны были увидеть их издали тза'абы. Но они не были настоящими. И когда тза'абы бежали и шпион доложил об этом в другом письме, Верховный иллюстратор Сарио их уничтожил, оставив лишь нетронутые пески у себя на картине — и на хоаррской границе.

Мечелла дрожала мелкой дрожью в тени огромного дуба, а он старался овладеть своими чувствами — тот же ужас, тот же страх перед потрясшей его огромной силой, когда ему рассказал об этом Северин. С тех пор никто больше не писал таких картин, и было строжайше запрещено даже пытаться это сделать, но такие вещи практиковались. Может быть, и еще худшие. Это знание было доступно лишь Вьехос Фратос, Братьям и Великим герцогам, которым они служили, но, как и предостерегала Лиссина, никоим образом не женщинам или простым художникам вроде него самого.

Наконец он тихо сказал:

— Я не иллюстратор, но Северин — иллюстратор, и он знает, что могут Грихальва. Эту страшную картину Сарио написал собственной кровью. Если картина — агво, семинно или сангво, то она обладает великой силой и может действовать на большом расстоянии. Ты не видела, как Северин смешивал краски для «Завещания» баронессы Лиссины? Я видел. Как ты думаешь, почему у него еще через неделю была забинтована рука? Мечелла, эти краски замешаны на его крови!

— Он... он сказал, что порезал руку мастихином...

Кабрал встал на колени, взял ее руки в свои. Ее пальцы были холодны — она поверила ему, хотя сама еще этого не знала.

— Ты помнишь, как этой зимой, когда у Тессы умерла птичка, она целыми днями горевала?

Кровь отхлынула от лица Мечеллы.

— Пока Севи... пока он ей не сказал, что она сможет увидеть свою птичку во сне... и положил ей рисунок под подушку...

— И она ее увидела, и монах Лео ей объяснил, что теперь птичка пост для Матери и Сына. Это легкая магия, Мечелла. То хорошее, что может сделать иллюстратор. Но есть и другие силы.

Он почувствовал, как дрожит Мечелла, и поцеловал ее ладони.

— Ч... что может сделать нам Рафейо? — еле выговорила она.

— Не знаю.

На самом деле он знал и мучился от бессилия это предотвратить.

— Любовь моя, если б у меня был Дар Грихальва, я бы написал защиту на каждой стене Корассона собственной кровью. Но увы — я не иллюстратор и не могу тебя защитить. Мы должны верить Северину — и ты это знаешь, иначе бы не настаивала, чтобы «Рождение Ренайо» писал он и только он. Наш сын под защитой, пока жив Северин, пока течет кровь в его жилах. — Он горько рассмеялся. — Мне всегда интересна была эта клятва: «С истинной верой и на скромной службе я посвящаю себя долгу своему, покуда кровь течет в моих жилах». Мы все произносим ее, но для иллюстратора она значит больше.

— А Рафейо?

— Северин встревожен, и не без причины. Пока Рафейо не напишет свой автопортрет, с ним ничего нельзя сделать. И в его красках будет его собственная кровь, Челла. А Севи говорил, что картина, написанная собственной кровью иллюстратора...

— Хватит. Не хочу больше, — шепнула она. — Не говори, я этого знать не хочу. Лиссина была права. Это знание для Великих герцогов и Грихальва. — Ее передернуло. — Поступи с картиной, как он сказал. Я на нее теперь без страха взглянуть не смогу. Но со мной больше об этом не говори. Никогда.

— Челла...

— Нет! — Она вырвала руки и вскочила.

— Северин не проживет больше пятидесяти, — резко сказал он. — И когда-нибудь тебе понадобится новый иллюстратор. Я никогда не смогу быть тем, кто нужен тебе на самом деле...

— Ты мне нужен как муж, как отец моих детей — и им ты никогда не сможешь стать открыто, перед всем миром... О Матра, почему мы все хотим только невозможного?!

Она закрыла лицо руками и бросилась в дом.

Он еще долго стоял на коленях, обуреваемый странным наплывом чувств: ненависти, растерянности, обиды, отчаянной жажды того, чем не владел. Наконец он поднялся на ноги и прошел в дом. Пейзаж Корассона исчез с почетного места в столовой — валялся на полу, сорванный со стены, нити, привязывавшие его к литью короны, грубо оборваны. Кабрал порезал палец, высвобождая картину из рамы, и смотрел на кровь, ненавидя себя за то, что это не кровь иллюстратора. Остаток дня он просидел на сеновале в конюшне, в безмолвной ярости глядя, как растворяется рисунок в большой ванне с ледяной водой. Он нарочно оставил ее холодной, надеясь, что в картине на самом деле была магия, чтобы Рафейо так стучал зубами в ознобе, что прикусил бы себе язык и умер от потери крови.

Смотрит ли Сарио на мою нарисованную тюрьму? Улыбается ли он, смеется ли от того, что лишь он знает правду?

А Алехандро? Плачет, проклинает, рыдает ли открыто? Или глядит в молчании, ненавидя меня за то, что я его оставила?

Или он никогда на меня не смотрит?

Я могла бы увидеть себя, если б захотела — тут есть зеркало, и я могла бы заглянуть себе в глаза — но я так боюсь того, что там найду! Я так боюсь за себя, за Алехандро, за нашего младенца — я боюсь Сарио, того, что он сделал, того, что он еще может сделать...

Он оставил мне копию Фолио — как лишнюю пытку. Знал ли он, что книга откроется? Знал ли он, что страницы написаны так ясно, как если бы он сам вывел пером каждое слово? Конечно, тут есть и его почерк в пометках на полях. Это ведь копия его собственного экземпляра. Он хочет, чтобы я точно знала, как он со мной это сделал?

Или это не пытка, а стремление убедиться в своей правоте, подтвердить свою веру, что и у меня есть Дар?

Как мне воспользоваться этой книгой? Открыть себе жилу и найти в ней кровь, вливающую магию иллюстратора в простую краску?

Эйха, он дал мне книгу. Но не дал красок. Даже карандаша не дал. Если бы дал, я могла бы написать что-нибудь на страницах, и кто-нибудь увидел бы мои слова, и...

Но они и так должны уже были догадаться! Каждый, кто увидит меня в этой тюремной раме, заметит, что я тут двигаюсь, что я жива...

Но на меня смотрит только Сарио. Лишь его глаза наблюдают, как я схожу с ума.

Нет! Я не сойду с ума! Я останусь сильна разумом, волей и сердцем. Ради моего дитяти.

Но я так устала... две ночи я уже здесь, две ночи без сна и отдыха от этого ужаса. Никто меня не видел. Только Сарио.

Матра Дольча, когда он отпустит меня?

В день Санктеррии после полудня Тасия принимала Арриго в своем старом доме в городе. У него выдалась пара свободных часов между завтраком с гильдией шелкоторговцев и вечерними увеселениями. Тасия вывела Арриго в садик за домом порадоваться солнышку. Удобно свернувшись теперь на его груди, она слушала пение пчел. Здесь было безопасно — ничей нескромный взгляд сюда не проникнет.

Недавно Тасия занялась восстановлением обстановки своего прежнего дома: возвращала обратно ковры и гобелены, мебель из дома и замка Карло, покупала вещи взамен выброшенных, когда выходила замуж. Вскоре она возобновит прежнюю жизнь, и все будет так, как было до Мечеллы, и Арриго вновь будет принадлежать только ей.

Последние дни они часто удалялись в ленивый покой солнечного дня на этой лужайке, где пчелы деловито внедрялись в новые и новые цветки, а бабочки плавали в дыхании теплого, медленного ветра. Арриго сидел, прислонясь спиной к дереву, Тасия втиснулась между его бедрами, он обнимал ее за плечи, а ее голова лежала у него на плече. Никогда она еще не была так счастли-

ва — а причина счастья была в том, что она в эту минуту, улыбаясь, говорила Арриго:

— Рафейо сказал, что картина готова.

— М-мм?

— Она лишь ждет твоего слова. Стоит тебе захотеть, и Мечелла станет такой преданной и послушной, как только может желать мужчина. — Она рассмеялась. — Как дрессированный щенок!

Спиной она ощутила его короткий смешок.

— Еще более докучной, чем всегда?

— Зато покладистой. Только тебе придется быть аккуратным и какое-то время не отдавать ей приказы, идущие уж слишком поперек того, к чему она привыкла. Нужна постепенность.

— Хорошо, Тасия. Мы об этом уже говорили. Только, знаешь, забавно было бы приказать ей что-нибудь по-настоящему интересное. Скажем, быть хозяйкой на твоем следующем дне рождения. — Он громко расхохотался. — А то уж лучше пусть пойдет в монашескую келью на несколько лет.

Тасия вздрогнула — это напомнило ей о несчастном сыне Карло, причине всех ее неладов с мужем. Карло равнодушен к возобновлению ее романа с Арриго, но никогда не простит ухода Веррадио в екклезию. Может быть, Рафейо сможет и Карло нарисовать покладистым? А Веррадио заставить навеки замолчать. Она не знала точно, что можно сделать, а чего нельзя. Рафейо был так занят своей живописью, учебой и специальными уроками с Премио Фрато Дионисо, что только вчера впервые за несколько месяцев пришел ее навестить.

Эйха, она знала, что это не важно. Важно лишь то, что знает Рафейо и что он с этим знанием делает.

И к тому же она преследовала собственные цели. Медленно, как будто это ей только что пришло в голову, Тасия сказала:

— Есть способ наказать ее так, как она заслуживает. У тебя может быть другой ребенок.

— Только от тебя.

— В определенном смысле. У меня есть молодая кузина...

Он резко выпрямился, разжав объятия, где ей было так уютно. Она повернулась к нему лицом и вложила в свой взгляд всю свою тоску.

— Выслушай меня, Арриго! Ее зовут Серениссa. Она дочь моей младшей сестры, родилась на год позже Рафейо. Как и он, она — меннино до'конфирматтио. Ей еще нет восемнадцати, она яркая и веселая — и даже напоминает меня в ее возрасте.

— Ты самая красивая женщина из всех, кого я видел. Но я не сделаю этого, Тасия. Ни с одной женщиной, если она не ты. Я обещал тебе верность. Ты об этом не просила — тем больше оснований держать слово. Я не могу любить другую женщину, даже похожую на тебя.

— Даже ради ребенка, который станет нашим? — шепнула она. — Эта Лейла, ставленница Мечеллы, замужем за

иллюстратором Северином — он бесплоден, но они хотят детей. Она сейчас в Палассо — выбирает подходящего отца. Северин будет относиться к ее детям так, будто сам их зачал. Настолько он ее любит. И настолько хочет, чтобы у нее были дети.

— Тасия — каррида дольча мейа! — Арриго снова притянул ее в свои объятия, сжав чуть не до боли. — Ты не только самая красивая, но и самая благородная и любящая женщина из всех, кого я знал! Если ты этого в самом деле хочешь...

— Больше всего на свете, кроме твоей любви, Арриго. Клянусь тебе, этого ребенка я буду считать нашим, моим и твоим. Самое страшное, что мне пришлось вынести, — это невозможность родить тебе ребенка.

Арриго застыл в задумчивости, слыша только гудение пчел и стук собственного сердца.

— Если ты усыновишь ребенка, он унаследует имя Карло?

— Никогда! Он — или она — будет воспитанником и останется Грихальва. Только ты, я и его мать будут знать, что ребенок — еще и до'Веррада.

— Да, это надо будет сохранить в абсолютной тайне.

— Конечно, — согласилась она.

И все свидетельства и бумаги будут храниться в такой же тайне — пока не настанет время ее открыть. Ее собственные сторонники в семье подтвердят. Сыновья Мечеллы никогда не возьмут себе любовниц из Грихальва, предубежденные собственной матерью. И холст мощи Грихальва не потерпит такого пятна. Бастард же будет зароком верности до'Веррада, несмотря на все причуды сыновей Мечеллы. Тасия была уверена в своей способности представить это дело влиятельным Грихальва так, чтобы они закрыли глаза на нарушение уговора, восходящего еще к Верховному иллюстратору Сарио и герцогу Алехандро. Даже если ей не удастся их убедить — а она очень хорошо подумает над каждым словом, — все равно ребенок будет у нее.

— ...в следующий раз, когда наступит время конфирматтио, — говорил Арриго, и Тасия с трудом вернулась мыслями от приятных возможностей к реальности и обнаружила, что он уже не так ошеломлен, — отцом ребенка будет считаться юноша, чье место займу я.

Быстро он оправился. Даже обидно, что он так легко согласился.

— Прекрасное решение, — одобрила Тасия. — Но мы сможем верить этому юноше?

— Да, это вопрос. А девушка? Ей можно верить?

— Я в этом убеждена. — Тасия натужно рассмеялась. — Серенисса всегда жалела, что родилась слишком поздно для твоей любовницы и слишком рано — для любовницы Алессио.

Но дочь Сереннссы — а Рафейо использует каждую крупицу подвластной ему магии, чтобы это была дочь, — как раз сможет соблазнить Алессио в двадцать лет или около того. И она рассмеялась уже свободнее, представив себе физиономию Ме-

челлы, когда та узнает, что ее любимый первенец спит со своей сводной сестрой.

Арриго корректно заметил, мол, хорошо, что его любовницей оказалась все же Тасия, и снова вернулся к мыслям о том, как спланировать беременность Серениссы. Будто Тасия заранее все не продумала, — хотя пусть считает, что дошел до всего своим умом.

Она внимательно слушала, незаметно направляя его мысли в нужное русло, и вдруг заметила про себя, что это очень трогательно: как ему не пришло в голову, что прекрасная, способная к деторождению и опасная девушка из рода Грихальва должна будет умереть на родовом ложе?

54

За несколько дней до начала праздничных торжеств Санктерии Дионисо притащился в тесную мастерскую Рафейо и запер за собой дверь. В комнате воняло краской, растворителями и застарелой мочой из давно не выливаемого горшка у окна. Да, тут особо не следили за порядком, то-то Рафейо держит дверь запертой. Замок, впрочем, открывается до смешного просто.

Рафейо в комнате не было. Были его наброски — они десятками лепились по стенам и соскальзывали со стола. Дионисо невольно поразился, как много этот юноша может. На одной стене висели в хронологическом порядке портреты Верховных иллюстраторов прошлого. Это в любом случае было отличной выставкой мод. Накрахмаленные брыжи расходились на пугающую ширину, сужались до воротничка и исчезали совсем; спадающие складками плащи превращались в длинные сюртуки, украшенные шитьем куртки и, наконец, в простые рубахи, бриджи до колен (ох, как он их терпеть не мог) сменялись брюками и ботинками. Единственное, что сохранялось, это серая шляпа с пером и церемониальная цепь — знак должности. Как давно это было, когда он ощутил ее тяжесть на плечах, более радуясь ей, чем даже Золотому Ключу на груди.

На другой стене висело несколько эскизов Пейнтраддо Чиевы Верховного иллюстратора Риобаро. Как он и предвидел, для Рафейо свет свечей оказался весьма сложным — Матра, ему самому это было трудно, когда он его писал! Но Рафейо довольно тонко этот свет почувствовал — насколько можно судить по карандашным наброскам. Дионисо долго глядел на молодого красавца — как чудесно снова быть таким молодым! Скоро уже, эйха. Он вспомнил, как носил и это лицо. Будь оно его истинным, Сааведра даже не взглянула бы на Алехандро.

На мольберте стоял набросок маслом на обрывке холста. Там был изображен сам Рафейо в позе Риобаро, в ниспадающем складками плаще. Перед ним стояла свеча. Еще не выполнены детали, но для приманки достаточно — если он вложил сюда

магию. Дионисо наклонился посмотреть повнимательнее, щурясь в слабом свете позднего дня из высоких окон мансарды. Выругал про себя собственное слабеющее зрение и свою гордость Грихальва, не позволявшую ему большего, чем носимая в кармане линза. И все же смог заметить на наброске знак: тонкую царапинку на тыльной стороне левой руки, будто по сухой краске провели ногтем.

«Кабесса мердитто!» — подумал он. Этот молодой дурак все-таки попробовал магию. Но его безумие было доказательством мудрости Дионисо, решившего поддразнивать Рафейо, чтобы он выбрал нужные пути (его не приходилось сильно подталкивать, всего лишь намекать тут и там, причем осторожно, потому что он быстро соображал), открывать ровно столько, чтобы он хотел узнать больше, чтобы он стал экспериментировать сам. Что за чудесная вещь — любопытство! Как оно подхлестывает честолюбие, придает блеск Луса до'Орро! Он знал это лучше всех, ибо сам жил этим всегда. И никто не удивится, когда Рафейо будет таким же.

Дионисо наслаждался предвкушением этого момента. Рафейо, молодой, сильный, станет его добычей. Мужчины знают, что значит владеть телом женщины несколько сладких мгновений, — он знал, что значит владеть чужой плотью всю жизнь. Ощущать кости и мышцы, кожу, кровь и жилы и делать все это своим безвозвратно. И это знал только он. Он был неповторим. Он был — Сарио.

Дионисо улыбнулся, оживив любимые воспоминания, — да, он почти чувствовал на языке тягучую сладость макового сиропа. Слабая доза, принятая вовремя, чтобы подействовать почти сразу после перехода, вызывает легкое головокружение, ошеломление. Его опыт показал, что это начисто сбивает с толку выброшенного хозяина, — надеяться только на шок рискованно. Никогда нельзя знать, насколько способен к сопротивлению тот или иной разум.

Но, как и всегда при погружении в приятные воспоминания, всплыли и темные цвета опасности. Он знал все, что случится, все, что ему придется испытать. С прошлого раза миновало двадцать восемь, почти двадцать девять лет, вдруг сообразил он с удивлением, но он помнит все. Опасность в том числе.

Истинных опасностей было всего две. Первая подстерегала в момент, когда умирало тело, освобождая дух. Опасность была не для покинутой плоти, она наступала, когда душа еще не была направлена в новый дом. Освобожденная от привычной материи, душа (сознание, разум — он сам предпочитал слово «дух») вырывалась наружу в растущей панике. Она ощущала близость оболочки, которую только что оживляла, боролась с велением магического языка, отчаянно пытаясь вернуться в бывший дом. Наткнувшись на запрет, дух рвался в такое же тело на картине, куда его тоже не пускали. Отверзать дух от крови, которую он узнавал, всегда было актом высшего напряжения воли.

Но далее наступала опасность еще большая. Отделенный от собственной плоти и даже от шепчущей памяти ее на картине, дух становился голодным. Как бы ни был он к этому готов,

каждый раз его это поражало. Когда-то, быть может, он поймет, что же это на самом деле — дух, жаждущий воплощения, или, наоборот — зов тела, желающего быть одушевленным. Но что бы это ни означало, момент был ключевой: если не направить дух в ждущую плоть, тот может ускользнуть. И здесь нужны самые сильные чары.

Пока он еще ни разу не ошибся. И с Рафейо тоже не ошибется.

Он уже собрался покинуть мастерскую, как любопытство заставило его посмотреть повнимательнее на стопку холстов за дверью. Если Рафейо пошел против решения Вьехос Фратос — не говоря уже о его личных запретах — и продолжает писать все те же пугающие пейзажи, Дионисо придется...

Пейзаж? Да нет. Архитектура, и от холста разит краской на крови. На вьющейся по краям ленте были изображены все зловещие символы из Фолио и почти столько же из Кита'аба, и все это в сопровождении рун столь мерзких, что даже он покачнулся.

Первая мысль была, что Рафейо — дурак: хранить такое в Паласссо! Да если бы это нашел не Дионисо...

А где же еще хранить такое, как не почти на самом видном месте?

Дионисо разрывался между яростью и восхищением. Умный мальчик! И вдвойне умный, если смог сложить вместе все кусочки и обрывки, намеки и иносказания, то, что вынес из уроков Дионисо и о чем смог догадаться. Он специально сеял свои недомолвки, но не предполагал, что ненависть мальчика окажется столь плодородной почвой. Никогда не узнает Рафейо, как он удивил своего учителя. Матра, даже звезды все на месте!

Не стоило труда догадаться, как именно собирается использовать Рафейо эту картину в ночь Санктеррии.

— Ты пока обойдешься без меня, Арриго, — сказала Тасия. — Мне надо показаться на приеме у баронессы Лиссины. Я присоединюсь к тебе потом.

Она поцеловала его в вечерней тени тополя.

— Я приготовила чудесное местечко во впадине холма, там мы и встретим рассвет. Моя кухарка упаковывает завтрак.

— Звучит заманчиво, — улыбнулся он. — Я ускользну от родителей во время Параддио Иллюминаддо.

— Эйха, только смени туфли на сапоги, а то волдыри натрешь.

Он поцеловал ее в щеку.

— Мне надо бы найти себе слугу, такого же заботливого, как ты. До встречи, дольча мейа.

Если ей и не понравилось сравнение с преданным слугой, Тасия никак этого не проявила. Он ушел в боковую аллею, потому что они пока не встречались открыто при свете дня, — остаток приличий, которые еще соблюдались. Поднимаясь по лестнице переодеться к вечеру, Тасия подумала, что этот последний клочок компордотты долго не продержится. Как только Мечелла станет послушна подобно комнатной собачке, Тасия будет целовать Ар-

риго при всех, когда ей вздумается. И пусть Великий герцог с герцогиней кривятся сколько хотят. Тасия будет владеть Арриго. И Рафейо. И всеми Грихальва. И исполнительной, послушной Мечеллой, навеки засунутой в Корассон. И, наконец, малышкой до'Веррада у себя в детской — ее собственной малышкой.

Десять минут ей пришлось подождать, пока лакей подаст наемную карету, выдержать еще десять минут на мерзких рессорах в душном тепле кареты по дороге к Каса до'Дрегец через весь город. Лиссина уже тридцать примерно лет устраивала на Санктеррию прием только для дам. Допускались, строго по приглашению, лишь дворянки, а кроме них — только жены богатейших купцов, поскольку ценой права на поедание фруктового мороженого в обществе баронессы был щедрый «добровольный» вклад в бесконечную благотворительность Лиссины. Отдавая дворецкому зеленый кожаный кошелек с приглашением, должным образом набитый деньгами до'Альва, она мрачно подумала, не посчитают ли в обществе, что после смерти Лиссины именно Тасия, как любовница из рода Грихальва, возьмет на себя те же обременительные обязанности.

Но все не так мрачно. Когда Лиссина умрет и Дрегец перейдет к ее семье, Тасия предложит, чтобы благотворительность и ежегодный прием перешли вместе с титулом и землей. В память дорогой и всеми любимой Лиссины.

Довольная собой, Тасия беспечно болтала и была очаровательна — даже когда заметила в толпе Лейлу Грихальва. Их взгляды встретились, и Лейла первая отвела глаза.

Солнце садилось, и пиры начинались по всей Мейа-Суэрте. Факелы зажгутся после первой звезды. Каждый цех и каждый квартал устраивает собственное огненное шествие. Катедраль будет окружен монахами и монахинями, Палассо Веррада — семьей, среди которой будут Премио Санкто и Премиа Санкта, а Палассо Грихальва — всеми, кто может держаться на ногах. Потом гигантская процессия пройдет по окрестным полям, и между высокими кострами проведут быка, жеребца и барана, представляющих всех животных Тайра-Вирте. А потом музыка, танцы и вино до рассвета.

Все это означало, что Тасия сможет войти в Палассо Грихальва, встретиться, как было задумано, со своим сыном и ускользнуть на встречу с Арриго на холме. И никто не увидит.

Рафейо достал из-за двери пейзаж Корассона и поставил на мольберт. Долгое время он просто смотрел на него не шевелясь, и губы его скривила полуулыбка.

Последние штрихи лингвы оскурры он закончил лишь два часа назад, кончик большого пальца слегка покалывало — напоминание о последних магических усилиях. С нужными заклинаниями на картину легла печать, хотя краски еще не совсем высохли, — сейчас они в Корассоне это почувствуют!

Эйха, они же все снаружи, с самого заката зажигают факелы для празднования и освящения. Что-то почувствуют лишь те, кто в доме.

Но недолго. Этой ночью. Он не станет ждать еще год, пока звезды выстроятся снова так, как написано на картине. Кто знает — вдруг эта Мечелла добавит еще дерево к северу от дома, или поменяет цветочный газон вдоль дорожки, или изменит деревянную отделку с зеленой на желтую. Нет, надо сегодня.

Это оказалось до смешного легко. Сказать Фратос, что проведет несколько ночей в доме своей матери, сказать, что получил заказ на «Рождение» или «Завещание» от кого-то за городом, сказать все что в голову придет, и они поверили! Даже глупые сироты Мечеллы пригодились — он сказал, будто написанная им картина повреждена и он должен поехать в дальнюю кастейскую деревню, чтобы ее исправить.

Не было ночей в доме матери, не было заказов, не было поездок в Кастейю. Но дорогу в Корассон он знал, как собственное лицо.

Это напомнило о портрете, который он скоро должен начать. Собственное лицо и своя одежда — но поза Риобаро, свободная и полная достоинства, освещенная неуловимым и таинственным светом свечи Риобаро, на который пришлось затратить столько времени и усилий. Все знали, чей Пейнтраддо Чиеву взял он за образец. Он того и хотел, хотел дать им понять. Рафейо глянул через плечо на эскиз, но свет лампы туда не доставал, и он увидел лишь разбросанные в беспорядке бумаги и обрывок холста.

Поставив лампу на пол, он продолжал созерцание своей воистину мастерской работы. Корассон был воспроизведен с мельчайшими подробностями. Все эти смешные башни и башенки, архитектурный разнобой, вьющиеся розы, дубы, каждый, черт побери, камень и цветок — все на своих местах. Очень много времени ушло, чтобы сделать все с максимальной точностью.

Вытащить нужные сведения из Дионисо было проще простого. Дионисо, великий Премио Фрато, мнящий себя всемогущим! Старому дураку было невдомек, что Рафейо запоминал все эти обрывки знаний и вплетал их в сложную ткань ковра, имя которому — «Искусство Грихальва». Здесь польстить, там дурачком прикинуться, задать обходной вопрос, неожиданная с виду вспышка озарения... Рафейо широко улыбнулся и не смог сдержаться — сделал несколько танцующих шагов к окну.

Уже появилась вечерняя звезда, над ней животом беременной Матери навис полумесяц луны. Звезда означала освящение Сына в ее чреве, как будут сегодня освящены земля, люди и звери огнем факелов, означающим огонь звезды. По всей Тайра-Вирте, вокруг всех деревень, полей и городов пройдут Параддио Иллюминаддо, и прогонят животных между кострами, а те, кто обязан отвечать за безопасность, будут дергаться от страха, — как бы не залетела куда шальная искра. Сегодня кое-куда залетит.

Небо снаружи было почти такое, как на картине. Еще чуть-чуть, когда луна немного поднимется и звезда разгорится ярче на вечернем небе. Желание танцевать от радости прошло, сменившись дрожью — но от возбуждения, а не от того стран-

ного озноба, что был у него вчера. Тот, казалось, начался с губ, языка и глаз, растекся по всему телу, и Рафейо испугался, что заболевает, а иллюстраторы боятся любых болезней, этих напоминаний о ранней смерти. Но озноб за несколько часов прошел, и сегодня он проснулся, чувствуя себя хорошо, как никогда в жизни. А почему бы и нет? Он писал маслом и кровью, потом и семенем, слезой и слюной. Магией. Вот для чего он был рожден.

Рафейо вернулся к картине, отсчитывая минуты по ритму дыхания. Вынув из кармана новую чистую кисть, он обмакнул ее в ламповое масло и зажег от фитиля. Миниатюрный факел для освящения пейзажа Корассона. Очистить сам Корассон, сжечь его до основания.

— Видишь ли, я не могу позволить этому свершиться.

У Рафейо дрогнули колени — он узнал голос Премио Фрато. Голос шел из темного угла и был неумолим, как зима в Кастейе.

— Мне все равно, что станется с Мечеллой. Меня заботишь ты, Рафейо. Ты понятия не имеешь, что случится с тобой, если ты это подожжешь. — Старик коротко, сухо хихикнул. — Ты знаешь лишь то, что мне захотелось тебе рассказать, и возомнил себя таким умным, что догадался об остальном. Ты думаешь, я не видел, как ты прослеживаешь любой намек назад до начала и вперед до конца? У тебя выразительное лицо и потрясающе говорящие глаза. Мне придется это запомнить и принять меры.

— Премио Ф-ф-рато... я не...

Дионисо выступил из тени, контуры его тела пересекал холст, который он держал в руке. Рафейо узнал свой набросок автопортрета.

— Эн верро, я забочусь не совсем о тебе. В Корассоне есть картина. Очень важная картина — самая важная из всех, мною созданных. И я не могу допустить, чтобы ты ее уничтожил. Кстати, вместе с собой самим.

— С-со м-м-мной с-с-самим? — заикаясь, спросил Рафейо. — Чт-то вы хот-ти...

— Несвязная речь бывает иногда восхитительна. — Он шагнул ближе, держа в руке набросок маслом, а вторую протянув к Рафейо, почти его касаясь. — Если ты пытался спросить, что я хочу сказать, я лучше просто тебе покажу.

Рафейо почувствовал, что его рука крепко зажата в изуродованных болезнью пальцах. Он запаниковал. Его остановят, Корассон будет стоять, Мечелла останется жить, и все — вся работа и кровь, бешеная скачка днем и ночью — все будет зря, зря!

Он рванулся ткнуть обгорелой кистью в картину, но хватка старика не дала ему до нее достать. Пламя прошло возле картины, но недостаточно близко. Рафейо дернулся, выиграл один шаг.

Огонь коснулся краски, и Рафейо вскрикнул.

Его дернули назад, но упасть не дали. Тощие, холодные руки старика обняли его тесно и властно, как руки любовника. Боль ослабевала, и Рафейо снова услыхал тот леденящий неумолимый голос, и снова как из тени, потому что слезы боли ослепили его.

— Теперь ты понял? Демонстрация на твоем Пейнтраддо Чиеве куда менее болезненна — всего лишь булавочный укол. Когда ты разрушаешь такую картину, как эта, написанную со всеми знаками, символами и рунами, со всем, что может от своей сущности вложить туда иллюстратор, твое тело испытывает те же страдания, которые причинены картине.

Это было правдой. Огонь бился в его теле с каждым бешеным ударом сердца.

— Что именно с тобой случится, зависит от того, какую самую сильную жидкость вложил ты в картину. Писал ты слезой — сгорят глаза. Мочой — и ты захочешь всадить себе нож в мужское естество. Но превыше всего — кровь. И в этом пейзаже Корассона ты пользовался кровью. Как ты теперь знаешь, Рафейо, это было очень глупо.

Боль ослабла, ее уже можно было терпеть. В жилах огонь сменился страхом. Рафейо дрожал в ужасе, глядя в бесстрастные, ледяные глаза старика.

Неожиданно скрюченные пальцы отпустили его руку и коснулись бегущих по щекам слез. Рафейо не успел отреагировать на этот почти отцовский жест, как пальцы передвинулись к полоске пота над верхней губой. И быстрым движением большой палец проник ему между губ и под язык и вышел с каплей слюны. Собранную жидкость пальцы обтерли о кусок холста в другой руке.

— Граццо, теперь есть все что нужно. Кроме, конечно, семени, но я считаю его добывание отвратительной процедурой, и на самом деле без нее можно обойтись. Кстати, Рафейо, тебе надо бы почаще горшок выносить.

Во рту было сухо как на пожарище, будто всю влагу похитил этот грубый палец.

— Ты ничего не понял, не правда ли? Бедняжка Рафейо. Теперь уже недолго. Терпение.

Он часто слышал это слово, но никогда оно не произносилось с такой улыбкой. Взгляд его невольно упал на пол, когда каблук раздавил дурацкий церемониальный факел. Ему показалось, что в тот же момент исчезло его сердце. Его собственное сердце, Корассон, но не тот!

В невыразимом, неосознаваемом отчаянии он почувствовал, как снова его взяли за руку и пальцами его провели по последней линии оскурра, смазывая краску. Уничтожая чары.

— Все твои усилия — попытки любителя. В Кита'абе есть нечто, способное убить Мечеллу на месте. Теперь ты знаешь, мальчик, что такое истинная сила? Знаешь, что такое иллюстратор Грихальва?

У Рафейо в горле застрял всхлип, не в силах выйти наружу, а его учитель и палач стал что-то ритмично бормотать, как санкто, распевающий молитвы. И сразу у Рафейо подкосились ноги, будто не только его сердце, а само его существо было раздавлено. Глаза старика выглядели одновременно туманными и сверкающими, смотрели вдаль и в то же время жестко сверлили лицо Рафейо.

Занятно. Вот так плыть. Нестись. Растворяться. Дух плыл на свободу, легкий и нематериальный, как перышко...

«Нет!»

Метаться в страхе, без рук, которые могли бы ударить...

...без голоса, чтобы крикнуть...

...без глаз, чтобы видеть...

...сердцебиение, дыхание, кожа, кости, плоть, СУЩНОСТЬ..

Что-то его звало. Лишенный всего, испуганный, он устремился к чему-то едва ощутимому, но очень знакомому... Он старался ухватиться за собственную тень... Вдруг выросла стена — он ее не видел, не ощущал, но знал, что она здесь, пульсирует в ритме, которого он не узнавал. Как сердце...

«Корассон! Я должен... огонь... где мои руки, мне нужны руки, огонь, жгущий мои руки...»

«Я знаю. Знаю, что тебе нужно. Сюда, Рафейо. Иди. Иди сюда».

Теперь его вели. Он рванулся, как раньше, к пейзажу Корассона. И снова ощутил знакомую оболочку мышц, костей и кожи, заключившую его душу...

Как хорошо после этого ужаса вновь чувствовать собственное тело! Невероятно сильная магия была сейчас применена к нему, и он жаждал узнать ее имя, ее способы и средства, которыми она была вызвана. Сделать это с Мечеллой!

Но как странно. Голова кружится, слегка давит, перспектива изменилась, будто он вырос на дюйм или два. И руки болят. Когда он взялся за спинку стула, чтобы не упасть, в каждом суставе отозвалась боль. Мышцы были вялыми, слабыми. Он ничего не понимал, ведь секунду назад его сводило напряжение. Пульс бился лениво, будто Рафейо чем-то опоили, а должен был стучать от страха как бешеный.

Рука, бывшая его собственной, держала холст. В других пальцах, тоже его, была зажата игла. Золотое острие приблизилось к нарисованной груди, и он узнал, что это за картина, узнал лицо на ней.

Зачем бы этому человеку пронзать лицо на собственном Пейнтраддо Чиеве?

Он попытался пошевелиться, протянуть руку, остановить то, что должно было случиться. Посмотрел на свои неуклюжие, ноющие, вялые руки.

Это были не его руки. Узловатые, искривленные — не его!

Последние силы оставили его, и он покачнулся, прислонившись к стулу. Подняв глаза, он увидел освещенное лампой лицо.

Это было его лицо. Его губы улыбнулись ему. Но улыбка была не его.

— Как в живое зеркало глядишь, — услышал он свой голос.

Он не произнес ни слова. Легкие, горло и губы, которые он ощущал, не издали ни звука. Но он слышал собственный голос из собственных губ.

— Премио Фрато Дионисо... — Он вздрогнул, услышав низкий звук, сухой, как старый пергамент, исходящий из его горла. Не его голос, даже не похожий...

— Сарио,— улыбнулись ему его губы. Не его улыбкой. — И Игнаддио, и Мартайн, и даже Риобаро — да, даже он. Все они Сарио. Но отныне — Рафейо.

— Сарио?..

Он слышал свой голос, ставший чужим, смотрел на руки, которые не были его руками, и на нарисованное лицо, которое не было его лицом. И на живое лицо, принадлежащее ему.

Принадлежавшее.

Когда игла пронзила нарисованное сердце, он наконец понял. И в понимании и муках умер.

55

Утишить боль ужаса Рафейо — бешеный пульс, испарину, дрожь, все эти бессознательные реакции на временную потерю сознания — было делом пары секунд. Это — как успокоить напуганного ребенка, и даже слова, которые он приговаривал, поглаживая новыми руками по новым плечам, ногам и груди, были словами любящего отца: «Тише, я здесь, не бойся, я пришел».

Сарио с удовольствием потянулся, радуясь ощущению сильного, молодого тела. Чуть пониже Дионисо, но ему всего девятнадцать, и он, быть может, еще не перестал расти. При свете ламп он осмотрел руки — драгоценные, послушные руки, — наслаждался длинными пальцами и гладкой кожей. Медленно, будто исследуя тело наконец покорившейся женщины, он провел ладонями по своей новой оболочке. Круглые мускулы плеч и рук, крепкая грудь, плоский живот, узкие бедра — он засмеялся, когда под его пальцами завибрировало мужское естество и от легкого прикосновения сразу затвердело. Порадовался. Уже многие годы у него не было такой быстрой реакции.

Но сейчас не время, и он отнял руки. Все наброски Рафейо надо размочить до бессильной неузнаваемости. Узнавать, какие из них зачарованы, нет времени. Картины, содержащие его кровь, надо будет запереть до неблизкого будущего, когда ему предстоит живописью выпустить себя из Рафейо и войти в другого сильного юношу. Но сначала этот старый обломок, который назывался Дионисо, следует отнести в кровать. Завтра будет с прискорбием сообщено, что досточтимый Премио Фрато внезапно умер во сне, возможно, от сердечного приступа. В некотором смысле так и было.

Сарио вынул из портрета золотую иглу и зажег спичку, чтобы ее очистить. Санктеррия, подумал он, забавно. Хотя эта игла давно уже освящена своим применением. Для него освящена тем, что принадлежала Сааведре, — дар одной из их кузин для вышивки, вряд ли для красок на холсте. Сааведра вышивку презирала и отдала ему иглу для работы над фресками.

Пронзить сердце золотой иглой, принадлежавшей ей, было хорошо по двум причинам: в память о той боли, что причини-

ла она ему давным-давно, и как знак милосердия — для Рафейо. В прошлом он экспериментировал, пронзая иглой голову, но попасть правильно было непросто, и иногда возникала лишь дикая головная боль. Живот он использовал только однажды и вздрагивал, когда вспоминал. Это был Игнаддио, первый новый хозяин, захваченный раньше, чем он додумался до иглы, и пронзенный скребком палитры. Грязь воняла до небес, и убирать ее пришлось много часов.

Сарио вложил очищенную, заново освященную иглу в маленький серебряный футляр. Встав на колени возле остывающего трупа, он расстегнул на нем верхнюю пуговицу рубашки, чтобы проверить, нет ли капли свернувшейся крови. Однажды, к его ужасу, старое сердце в ответ на прикосновение иглы брызнуло фонтаном крови и залило ему все руки. С тех пор — кто же это был? Этторо? — он захватывал на всякий случай чистую рубашку.

Он уже собирался осмотреть грудь, как у него за спиной открылась дверь. Он ее запирал, и Рафейо тоже запер, когда вошел. Значит, еще у кого-то есть ключ. С уверенностью, от которой его чуть не стошнило, он уже понял, кто это.

— Рафейо!

Тасия вихрем ворвалась в комнату, шурша белым шелковым плащом и желтым праздничным платьем. Сарио пытался заслонить Дионисо своим телом, надеясь, что свет лампы достаточно слаб. Когда он поднял глаза, лицо его невольно исказилось — пусть и к месту — неприятным удивлением. Он подумал, как странно, что кровь тех же предков, что создала задумчивую красоту Сааведры, породила и эту женщину. Тасия была красива, но в ней сквозила излишняя ясность — отшлифованное, дисциплинированное совершенство, которое может вызвать отвращение. Она была выведена, как выводят породу комнатных собачек, соединяя близкородственных для получения нужного экстерьера и не думая о темпераменте или умственных способностях.

В жестоком характере этой женщины он не сомневался. А когда она скользнула взглядом по пейзажу Корассона и перевела глаза на труп на полу, он понял, что близкородственное скрещивание не лишило породу Грихальва разума.

— Он тебя застал, — сказала она спокойно. — Тебе следовало быть осторожнее. Как ты его убил?

— Я не убивал! Он... он разозлился, а потом вдруг умер!

Она подняла бровь, будто поверила ему — почти. И пожала плечами.

— Эйха, ему было под пятьдесят, а для иллюстратора это уже позорная старость. Его не должны здесь найти. Отнесем его к нему в комнату, чтобы это выглядело как смерть во сне.

— Ты всегда обо всем подумаешь, матра мейа! — И в тот же момент он понял, что так называть ее не следовало, хотя ее удивление тут же сменилось улыбкой.

— Конечно, карридо. Давай я помогу. Ты успел до его прихода?

Пока они распрямляли скрюченные конечности, он ей рассказал. Точнее, прохныкал — это было характерно для Рафейо в трудной ситуации.

— Я не знаю, что случилось. Оно не сработало. Я все сделал правильно, я знаю, что правильно, — а оно не подействовало!

Тасия метнула на него гневный взгляд поверх простертого тела Дионисо.

— Если ты все сделал как следует, как оно могло не подействовать?

— Я не знаю!

— Не могу сказать, Рафейо, что я не расстроена. Но ты попробуешь опять.

— Но если я не знаю, что случилось, как я это исправлю?

— Ты скоро будешь утвержденным иллюстратором. От тебя тогда не будет тайн. Ты определишь свои ошибки...

— Я все сделал правильно, я это знаю!

— Ты определишь свои ошибки, — твердо повторила она, — и исправишь их. И тогда ты напишешь картину как можно быстрее, потому что Арриго согласился на то, о чем мы говорили.

— Согласился?

Сарио надеялся, что недоумение на его лице получилось не слишком выразительным. Он еще не провел необходимые часы перед зеркалом, обучаясь управлять новым лицом. И с телом еще придется повозиться Ноги и размах рук чуть покороче, вес поменьше, и положение головы другое — слегка выбивает из равновесия.

— И вполне охотно, — подтвердила Тасия кислым голосом. — И ему не понравится, если придется ждать, пока ты зачаруешь его суку жену к повиновению. С другой стороны, у меня будет больше времени подготовить Сереииссу. Кстати, вспомнила: ты сможешь написать ее, беременную его бастардом? Это помогло бы.

Сарио покачнулся. Бастард Грихальва? Она с ума сошла? Время сдвинулось, и он снова стал изначальным Сарио, и снова эта боль, когда он узнал, что Сааведра беременна. Со злостью отбросив чувство многовековой давности, он вернулся мыслями к этой опасной женщине, стоявшей перед ним.

— Ну? — требовательно повторила она. — И чтобы это была девочка!

— Я... я думаю, смогу.

Поднявшись на ноги, он с усилием расслабил мышцы, наклонился, чтобы помочь ей встать. Прикосновение к ней было неожиданно противным.

— Я должен здесь прибрать и спрятать картину. Ты можешь вытащить его в холл? Я через минуту приду тебе помочь.

— Чтобы это я его тащила? Эйха, ладно. Только поспеши.

Они взяли труп каждый за одну ногу и поволокли к двери. Когда Сарио открыл дверь, Тасия бросила взгляд на пейзаж Корассона.

— Ее же на картине нет. Как может работать магия, если ее нет на картине?

Сарио сообразил быстро. Тасия явно ничего не знала о поджигательских планах своего сына.

— Это особые чары, — ответил он. — Создают атмосферу в Корассоне.

Черные глаза Тасии чуть не вылезли из орбит.

— Ты хочешь сказать, что сам воздух, которым она дышит, содержит чары и способствует желаниям Арриго? Как чудесно! — Светясь изнутри гордостью, она перегнулась и поцеловала его в щеку. Сарио подавил желание вытереть лицо. — Ты мне никогда не говорил, что такое возможно. Ты превзошел величайших иллюстраторов, Рафейо. Самого Риобаро!

— Я стараюсь. — Он изобразил улыбку. — Оттащи его так далеко, как сможешь. Его покои — вниз по лестнице в конце коридора.

— Не возись долго.

— Ты чудо, мать. Я тебе это уже говорил?

— Я стараюсь, — ответила она и подмигнула.

— Это мне не нравится, — мягко сказал Северин. — У тебя не было другой причины следить за ней от самого дома Лиссины, кроме смутного подозрения.

— Тасия была слишком собой довольна, чтобы этим была довольна я. — Лейла смело вошла в крыло иллюстраторов Палассо, куда не допускалась даже женская прислуга, и направилась к ближайшей лестнице. — И я думаю, что именно «смутное подозрение» заставило тебя просить Кабрала уничтожить этот рисунок!

— Не по лестнице, на это уйдет вечность. По коридору быстрее. — Он подождал, пока она его догонит, и легко взял за руку. — Почему ты так уверена, что она в доме иллюстраторов?

— А к кому она еще пойдет, как не к сыну? Севи, я кучу времени потратила, разыскивая тебя в толпе. Она могла уже сделать, что хотела, и уйти. Надо спешить!

— А что, ты думаешь, она хотела сделать?

— Откуда мне знать? — крикнула она в раздражении и вздрогнула от эха собственного голоса. — Почему здесь, когда она может видеться с Рафейо у себя дома в любое время? Почему сегодня, когда никого нет и Палассо пуст? — сказала она уже спокойнее.

— Ладно, — нехотя согласился он. — Старшие эстудос живут этажом выше, над Вьехос Фратос. Пойдем.

Они поднялись на один пролет и были на середине второго, когда услышали произносимые женским голосом довольно изощренные проклятия. Лейла застыла.

— Тасия, — шепнула она одними губами.

— Ты была права, — шепнул он в ответ.

Крадучись, они поднялись по второму пролету, затем по третьему, молясь про себя, чтобы не заскрипели половицы. От комнат Фратос доносились странные звуки. Повернув за угол, они оба не смогли удержаться от судорожного вздоха при виде графини до'Альва, волокущей за ноги к лестнице чье-то тело.

Графиня оглянулась, круглые дикие глаза блеснули в свете лампы. Волосы ее растрепались, в глазах мелькнула ярость — она их узнала. Моментально овладев собой, она выпрямилась, выпустила ноги трупа из рук и с королевской надменностью спросила:

— Что делаете здесь вы?

Северин смотрел на нее в изумлении. Ведь она тащила труп! И тут он увидел, чье это тело.

— Премио Фрато Дионисо!

— Я нашла его мертвым в холле наверху, — сказала Тасия спокойно, слишком спокойно. — Я звала на помощь, но никто не пришел. Вас двое, отнесите Дионисо в его комнаты и положите в постель, как и подобаст, а я пойду позову на помощь.

— Разумеется, — ответил Северин, как будто поверил каждому ее слову, и нагнулся к голове Дионисо, чувствуя на себе изумленный взгляд жены. Ему стало дурно от выражения мертвого лица: жалкий ужас, скрытая боль. Сердечный приступ? Мозговой удар? Северину не хватало врачебного опыта, чтобы это определить.

Но пятнышко крови было ему понятно. Белая рубашка выбилась из-под ремня, пока тело волокли, однако было ясно, что оно находилось с левой стороны груди, как раз над сердцем. Не успев ни о чем подумать, он увидел, как его руки разрывают рубашку, как разлетаются в тусклом свете лампы отскочившие пуговицы. Здесь — вот этот маленький мазок на коже...

— Убийство, — сказал он сурово, не узнавая своего голоса. — Премио Фрато Дионисо убит.

Тасия попятилась.

— Как? Не может быть!

Лейла прыгнула к ней, обеими руками вцепившись в дорогой шелковый плащ. Золотые завязки на шее впились в горло Тасии, она рванула их руками, и скользящая материя с шелестом слетела с ее плеч. Лейла выпустила плащ и вцепилась пальцами ей в руки выше локтей.

— Как ты смеешь! Убери руки немедленно!

Лейла дернула ее в сторону трупа.

— Что ты делаешь в крыле иллюстраторов?

— Этот вопрос я могла бы задать вам!

— Почему сегодня? — Лейла изо всей силы встряхнула пленницу.

Тасия движением головы отбросила с лица черные кудри.

— По какому праву ты меня допрашиваешь? Отпусти немедленно!

Северин не мог не восхититься. Храбрость, хитрость, надменность или чистая бравада, но выступление было великолепным. Он поднялся на ноги, уверенный, что болезненная тяжесть в костях — это лишь прелюдия к ближайшим двадцати годам, когда он будет стареть.

— Ты его убила? — спросил он спокойно. — Или Рафейо?

Еще секунду Тасия боролась с хваткой Лейлы, потом что-то нечленораздельно выкрикнула и разрыдалась.

— Рафейо! Это Рафейо!

Вот и вся храбрость. И Арриго предпочел Мечелле вот это!

— Он виноват, ему отвечать! — лопотала она. — Он мне велел сюда прийти сегодня ночью. Он рассказывал про вашу магию, страшную магию! Я пришла к нему в мастерскую, а там был Премио Фрато Диониссо, мертвый! Я не виновата, я ни при чем!

Это, возможно, было правдой.

— А почему ты не сбежала, когда он тебя уже не видел? — спросила Лейла.

Легкое колебание сказало о многом.

— Он сын мне. Я его защищала всю мою жизнь — станешь матерью, поймешь сама: твой долг помогать ему, любить его, что бы ни случилось! Он мой единственный сын, а мать любит своего сына, что бы он ни сделал...

Боится, но не настолько, чтобы утратить присутствие духа. Северин изменил свою оценку Тасии. И запомнил, что надо сказать Лейле: никогда не любить ни одного из их сыновей подобным образом.

— Где он теперь? — Лейла встряхнула Тасию так, что у той клацнули зубы.

— Думаю, сбежал, — сказал Северин, избавляя Тасию от попытки правдоподобно соврать. — Мы достаточно нашумели, чтобы он все понял. Ты можешь ее подержать, пока я найду Мекеля?

— Конечно.

И тут Лейла сделала такое, чего никогда не сделает ни один иллюстратор, ни музыкант, ни ювелир, — никто, для кого руки — смысл всей жизни. В благоговейном ужасе Северин увидел, как его жена с размаху врезала графине до'Альва кулаком в подбородок, — с немедленным и предсказуемым результатом.

Запомнить еще одно: никогда, никогда не сердить Лейлу.

Смех и свет из всех окон и дверей. Хриплый клубок танцующих тел, сплетающихся, расходящихся, вихляющих, шатающихся. Запах алкоголя, пота, удушливый аромат догоревших факелов, вонь дешевых духов. На сильных молодых ногах он скользил как тень по забитым толпами улицам, острые молодые глаза были на страже. В ателиерро над винной лавкой умные молодые руки повернули первый ключ, а чувствительные молодые пальцы стерли второй и третий.

И он оказался в безопасности.

Свет ему не был нужен. Это место он знал сотни лет. Он знал, где прислонен лицом к стене Пейнтраддо Меморрио, знал узор пятен краски на покрывающей его дерюге. Здесь стол, рядом стул, там мольберт, ларь с красками и растворителями — в нем же Фолио и Кита'аб — стоит рядом с пачкой чистых холстов у закрытого ставнями окна.

Ветхие простыни, побитые молью одеяла — и все же убежище.

Он свернулся на кровати, и его долго трясло. Он говорил себе, что это всего лишь реакция тела, незнакомой плоти, которой он еще не научился управлять в совершенстве.

Не луч солнца сообщил ему о наступлении дня. Наглухо закрытые и затемненные окна, толстые деревянные ставни,

тяжелые парусиновые шторы перекрывали путь свету. Он давно привык к затворничеству, пыли, тяжелому воздуху. Его тело не привыкло. Он не мог дышать. Солнце взошло и согрело улицы Мейа-Суэрты, вновь освященные огнем, напекло стены и крышу его мансарды, раскалило воздух. Он задыхался, и только это говорило ему о наступившем утре.

Он заставил себя встать, пройти через влажную тьму к столу и открыть бутылку, оставленную там, — сколько лет назад? Вино прокисло. Он все же выпил. Откашливаясь и отплевываясь, выпил еще.

Наконец он сел. Кресло было реликтом эпохи правления Алехандро, некогда красивым. Остатки позолоты отлетели столетие тому назад. Обивка рассыпалась намного раньше. Плетеное веревочное сиденье он заменял уже пять раз. Надо бы заменить и само кресло, но он никогда не проводил здесь так много времени, чтобы стоило возиться.

Он зажег свечи, одну в серебре, другую в золоте. Ему улыбнулся собственный череп, сияя белизной из тени, и он отпрянул.

За столетия, что он владел этим зданием, в этой убогой мастерской он провел в общей сложности месяца два — только чтобы писать портреты, дававшие ему очередное тело, и дополнения к Пейнтраддо Меморрио. Скоро придется добавить сюда лицо Рафейо. Новое лицо на картине, память о новой жизни. Он глубоко, продолжительно вздохнул. Хорошая получилась жизнь Дионисо, плодотворная и полезная — но кончилась катастрофой, и все из-за Рафейо.

Тело успокаивалось. Эта паника не была его собственной. Реагировало лишь тело, требуя немедленного бегства. И он был благодарен ему. Если бы Северин с Лейлой нашли его, а не Тасию...

Он влил в горло еще глоток вина. Да, теперь получше. Чуть поспать, потом поесть — он спустится вниз и прикажет хозяйке что-нибудь принести. Здешние люди были ему верны. Он — владелец дома. «Запись» была нарисована давным-давно и засунута в сундук в углу. Гостиница переходила к новым поколениям одной и той же семьи, как и это помещение переходило к новым поколениям его неназванной семьи. Когда-то, давным-давно, он вернулся и увидел, что стул сдвинут. Набросок агво — и через два дня сестра хозяйки гостиницы созналась, что шарила в мастерской. Картина сангво — и через две недели она упала с лестницы, разбившись насмерть. С тех пор они ему верны.

Так что он попросит сына хозяйки отнести послание в Палассо Грихальва...

Послание — кому?

Оставаться Рафейо нельзя. Черт побери мальчишку! Если бы он подождал, он бы получил все. Сарио получил бы все. Сколько лет он уже не носил почетные регалии Верховного иллюстратора? Со времен Риобаро. С тех пор ничего как следует не получается.

Вдруг он подумал, что его жизнь под именем Дионисо и овладение телом Рафейо символичны для многих жизней

и овладений. Это никогда не получалось. Не позволяло время, или обстоятельства, или просто неудачи. Не было такого, чтобы все встало на место в приятном совершенстве. Никогда не удавалось найти нужное тело, что привело бы его опять на должное место, — место, которое он по праву занимал как Сарио, но очень недолго.

Вскочив на ноги, он сдернул покрытие с «Меморрио». Вот они, все его жизни, кроме Рафейо, и лица, которые он носил столетиями.

Игнаддио — ему недоставало родовитости. Сандор, запутавшийся в политике Грихальва. Веррейо, напрасно ждавший смерти тогдашнего Верховного иллюстратора. Мартайн, обреченный на ничтожность чужой завистью. Гуильбарро, погибший из-за преступно глупой монахини, посланной его лечить. Матейо, погубленный обвинением в содействии «самоубийству» своего брата. Тимиррин — желанная передышка, но никаких свершений, ничего, достойного славы.

Только Риобаро. Единственная совершенная жизнь. Он смотрел на чудесное лицо, которое носил долгие славные годы, и сожаление было на языке его горше прокисшего вина.

А после Риобаро? Домаос и этот катастрофический роман с Бенекиттой. Неуклюжий, уродливый Ренсио. Оакино, известный в веках как Парикмахер! Этторо, ставший калекой в тридцать пять лет, чья мать так глупо оскорбила свою сводную сестру Таситу, некоронованную Великую герцогиню Арриго II, и лишила своего сына всех шансов.

У Дионисо был шанс. Поднявшись до Премио Фрато, он мог достичь совершенства в Рафейо.

Не вышло.

Только Риобаро. Только одна совершенная жизнь.

Почему?

Что сделал он, работавший лишь на благо своей семьи, своих герцогов, своей страны? Он служил так хорошо и долго, он делал для них такое, перед чем отступил бы любой другой иллюстратор и только он, Сарио, Единственный Иллюстратор Грихальва, мог сделать, — и наградой за все это лишь одна совершенная жизнь!

Но он построит другую. Он знает как. Но сначала надо выбраться из Рафейо. Если его обнаружат раньше, чем найдется другое тело, он погиб.

И Сааведра погибла. Прошлой ночью он ее спас. Когда-нибудь он расскажет ей, как он спас ей жизнь. Сейчас он должен спасти их обоих.

Но — кто?

Сегодня вынесут тело Дионисо. Параддио Иллюминаддо не будет — он умер неожиданно и одиноко. Мать, Джиаберта, приедет из дома своего мужа в Мейа-Суэрте, совершит ритуальное оплакивание и отбудет. Все узнают, что это было убийство, — Лейла и Северин расскажут. И Тасия тоже — он достаточно хорошо изучил ее и понимал, что она будет себя спасать, обвиняя его.

Наброски Рафейо стали пульпой в отстойнике Палассо. Картины маслом все были у Сарио — тщательно упакован-

ные в футляр, и, убегая, он просто подхватил его за ручку. Спасибо Тасии, которая дала ему время на бегство.

С «Рафейо» им ничего не сделать, если не воспользуются пейзажем Корассона. Но все, что с ним случится, произойдет и в Корассоне. И они это знают. Этой картиной они не воспользуются. А Пейнтраддо Чиевы, который можно было бы пронзить иглой или поджечь, не существует. Ни при иностранных дворах, ни в домах и замках Тайра-Вирте нет картин, которые можно против него использовать. Картины, написанные для этих несчастных кастейских сирот, — это просто письмо маслом, там нет никакой магии.

Рафейо им не достать.

Но за ним будут охотиться, пока не поймают и не приведут на суд, а потом казнят за убийство Премио Фрато Дионисо. Он должен найти способ попасть из тела Рафейо в другое.

Чье?

Он смотрел на ящик с красками. Их надо будет усилить по его собственной тайной формуле.. Рафейо думал, что знает много, — ничего он не знал об истинной силе! Это тело может себе позволить потерять нужную кровь. Это сильное, красивое, совершенное, молодое тело...

Проклятый Рафейо!

Верховный иллюстратор Меквель окинул мастерскую Рафейо усталым взглядом.

— Надеюсь, на сегодня все. Мне давно уже следовало быть в постели.

— Этого достаточно, — сурово молвил Северин.

— Однако остается вопрос: что делать с тем, что мы знаем? И на этот вопрос надо ответить сегодня.

— Господин, почему мы не можем спуститься вниз и удобно устроиться, пока вы будете решать? И мне бы хотелось выпить, чтобы заглушить вкус всего этого, — сказал Северин без обиняков.

— Моим старым костям очень подошло бы сейчас мягкое кресло, да и от глотка вина я не откажусь. Не может ли твоя жена распорядиться?

Лейла — когда-то хорошо воспитанная девушка из рода Грихальва — немедленно отбыла выполнять распоряжение. Северин благоразумно воздержался от предложения помощи Меквелю; Верховный иллюстратор оценил его такт скупой улыбкой и взял его под руку.

— Она славная женщина, можешь на этот счет не сомневаться. Ты дважды счастлив — как иллюстратор и как мужчина.

— Я знаю, — спокойно ответил Северин.

— Небольшой совет, фрато мейо. Никогда не думай о тех годах, что тебе остались. Их еще нет. И может не быть никогда — в конце концов роковым может оказаться даже переход через оживленную авенидо. У тебя есть только сегодняшний день — и ее любовь.

— Я... я понял, Верховный иллюстратор.

— Эйха, пойми и еще одно: все дети, которые у нее будут, — это ее дар тебе. Зачать ребенка может любой моронно. Быть отцом способен только настоящий мужчина.

Когда они спустились на первый этаж, у Лейлы все было готово. Она провела их в небольшую приемную, наполнила бокалы, проверила, чтобы подушки в кресле Меквеля лежали удобно, и села, явно намереваясь остаться. Хотя дела иллюстраторов не затрагивали женщин, даже женщин Грихальва, это дело касалось Мечеллы.

— Итак, — начал Меквель, — в докладе Великому герцогу я обобщу все данные следующим образом. Есть картина с изображением Корассона, на которой больше магии — и невероятно злой, — чем я когда-нибудь в жизни видел. Есть новая кисть на полу, раздавленная, с обгорелыми волосками. Есть мертвое тело Премио Фрато Дионисо и живое тело графини до'Альва. И нет никаких признаков Рафейо.

— Не очень приятный итог, как ни складывай, — пробормотала Лейла.

— Первое, — продолжал Меквель, сделав глоток вина, — одновременно наиболее важное и наименее значительное, — это графиня. Она была найдена в месте, для женщин запретном, в ту ночь года, когда Палассо абсолютно пуст. Ее присутствие не имеет значения для картин и мертвого тела. Но оно весьма важно вот в каком смысле: ее нашел иллюстратор, проследивший графиню до этого места и таким образом все обнаруживший.

Меквель слегка улыбнулся Лейле.

— Я полагаю, нам следует скрыть твою роль в этом деле, если ты не очень возражаешь. Я бы предпочел избежать докучного расследования из-за нарушения правил нашего маленького мужского святилища.

— Меня здесь не было, — согласилась она. — Я сказала Северину, чтобы он проследил за Тасией, и мы расстались в толпе.

— Кордо. Итак, Тасия была замечена, когда тащила тело Дионисо. Судя по тому, что мы о ней знаем, она вполне способна была бросить его в ближайшую мусорную шахту. В этой древней части дворца можно добраться до таких примитивных устройств. Но очевидно, что Тасия тащила труп в постель Дионисо, где утром его бы обнаружили, — будто он там и умер. Вполне правдоподобно в его возрасте. — Меквель сделал паузу для следующего глотка. — Но мы знаем, что он не умер в своей постели. Мы почти наверняка знаем, почему он умер. Он узнал, что делает Рафейо. Мы также знаем, как он умер.

— Его Пейнтраддо Чиева, — кивнул Северин. — Портрета нет в кречетте, нет и в ателиерро Рафейо или Дионисо. Нигде.

— Не прихватил ли его Рафейо, когда бежал?

— Может быть, — пожал плечами Меквель. — Меня это не очень заботит. Возможно, мы найдем где-то пустую раму с грубо выдранным холстом. Не знаю. Прежде всего меня интересует, почему Пейнтраддо Чиева оказался у Рафейо.

Северин наклонился вперед, поставив локти на колени.

— Это значит, он узнал его назначение намного раньше, чем должен был. Еще это значит...

— ...что он намеренно заманил Дионисо к себе в ателиерро, чтобы там убить! — выпалила Лейла.

— Так это выглядит, — сказал Меквель. — Хотелось бы мне знать, как Рафейо вытащил Пейнтраддо из кречетты, поскольку ключи есть лишь у Вьехос Фратос. Но в свете всего остального и это меня не удивляет. Умный молодой человек этот Рафейо. — Он вздохнул. — Сын Тасии.

— Он все это сделал намеренно, — выдохнула Лейла, трепеща и ужасаясь в равной мере. — В ту ночь, когда он сжег бы Корассон своей картиной, он убил бы и Премио Фрато, который его этому выучил. Так он устранял и свидетеля преступления, и единственного человека, которому было известно, что Рафейо обладает этими знаниями!

Меквель поднял бровь в сторону Северина.

— А Мечелла тоже все про нас знает? Эйха, не отвечай. Я бы предпочел, чтобы она знала. Так безопаснее. Да не смотри ты так беспокойно, Северин! Следствия не будет. Верховный иллюстратор должен быть практичным, а это в некоторых случаях означает — забывчивым.

— Благодарю, — скромно потупился Северин.

— Эн верро, наши секреты больше и не секреты, если Дионисо открыл Рафейо столь много. А кто знает, что рассказал Рафейо Тасии?

Меквель вздохнул.

— Все дело в том — и здесь Лейла права, — что убийство не случайное преступление припертого к стенке, оно было тщательно спланировано.

— И наверняка он планировал то, что хотел сделать с Корассоном! — Лейла встала — налить мужчинам вина. — Но знал ли он, что при этом случится с ним?

— Может быть, он хотел зажечь в Корассоне лишь несколько очагов и дать им разгореться самим. На Санктеррию такое случается сплошь и рядом, когда повсюду факелы. Граццо, меннина. — Меквель улыбнулся Лейле, наполнившей его бокал.

— Рафейо ненавидит Мечеллу, — сказала Лейла. — Он хотел не опалить несколько деревьев, а сжечь до основания весь Корассон и ее вместе с ним.

— Он стремится занять мое место, — просто заметил Меквель. — Разве неприязнь к Мечелле сильнее его честолюбия? Может быть, он считал, что повредить ему может лишь Пейнтраддо Чиева, а поскольку им еще не написан этот портрет, он в безопасности.

— Он и в самом деле в безопасности, — мрачно заметил Северин. — Все работы в красках исчезли, а в стоке под его мастерской мокнет пачка рисунков.

— Значит, мы не в силах его наказать. — Меквель протер глаза большим и указательным пальцами. — Эйха, что бы он ни знал, в какие бы приемы магии ни верил, одно несомненно: Дионисо хотел быть прославлен как человек, обучивший очередного Верховного иллюстратора.

— Честолюбие его и убило, — добавил Северин.

— Мы можем воспользоваться этим пейзажем Корассона, — предложила Лейла. — Что мы сделаем с картиной, то случится и там, но мы будем знать заранее...

— И построимся с ведрами? — Меквель покачал головой. — На картине показана конкретная ночь — сегодняшняя ночь, именно с таким положением луны и звезд. Чтобы ею воспользоваться, нужно ждать год. Лично я хотел бы поместить ее в Галиерру Веррада, где Арриго видел бы ее каждый раз, проходя по коридору. Но лучше будет взять ее с собой в Корассон.

— Арриго! — Северин чуть не поперхнулся вином. — Я о нем совсем забыл! Вы думаете, он про это что-то знает?

— Если не все, — мрачно произнесла Лейла.

— Я предпочитаю думать, что он не знает, — медленно сказал Меквель. — И предпочитаю не знать ничего такого, что убедило бы меня в обратном. Виноват или невиновен, но именно он будет следующим Великим герцогом.

Позвоночник Лейлы стал прямым и твердым как шомпол.

— Но если он знал...

Северин качнул головой.

— Сколько бы в нем ни было раздражения против Мечеллы, он никогда не пожелал бы ей вреда.

— Откуда ты знаешь? — едко возразила она. — Ты забыл, что случилось в той деревне возле Дрегеца? Вполне может оказаться его работой — выставить себя героем перед людьми!

— Еще одно, что не будет расследовано, — твердо сказал Меквель. — Много мудрости в поговорке «Плювио эн лагго».

— «Дождь на озере»? Пусть так, но несколько капель яда могут отравить все озеро!

— Бассда, Лейла!

— Практичность Верховного иллюстратора доходит не только до забывчивости, но и до слепоты! — Лейла гневно смотрела на них обоих.

— Иногда, — спокойно согласился Меквель. — Тема Арриго вновь возвращает нас к графине до'Альва. Естественно, как женщина благородного сословия она пользуется некоторыми законными привилегиями. А мы ничего не можем доказать в любом случае. Но она — Грихальва, а значит, есть способы на нее воздействовать.

— Расскажите! — Обида Лейлы растворилась в радостной улыбке. — Я сгораю от нетерпения!

— Оставь это мне.

— А Рафейо? — быстро спросил Северин, пока его жена не успела возразить.

— И это оставьте мне. — Меквель, морщась от боли, с усилием встал. — Скоро начнут возвращаться люди, не надо, чтобы Лейлу здесь видели. Северин, помоги мне подняться по лестнице. Завтра утром, когда объявят скорбную весть о кончине Премио Фрато Дионисо, старайтесь казаться пораженными.

У Лейлы перехватило дыхание.

— Вы хотите сказать, что Рафейо это сойдет с рук? И никто не узнает правды? Даже Великий герцог?

— Коссимио будет знать то, что ему приличествует знать, и сообщение будет подано в понятной ему форме. Это дело иллюстраторов, Лейла. Ты должна это понять.

— Нет, господин, не понимаю.

Ласковые глаза Меквеля застыли черными льдинками.

— Что, если все это выйдет наружу, и вмешаются суды, и каждый должен будет свидетельствовать? Три вещи утопят нас всех: угроза Корассону волшебством, смерть Дионисо от волшебства и истинный отец второго сына Мечеллы — что никакого отношения к волшебству не имеет, но имеет прямое отношение к спокойствию этой страны!

Оба молодых Грихальва смотрели на него распахнутыми глазами. Он хмыкнул и пристукнул каблуком по полу.

— От возраста заржавели мои суставы, но не мозги! Вы думаете, я не заметил комедию, которую разыграла Мечелла на балу в день Фуэга Весперра? Вы думаете, Арриго не вынесет это на суд, как бы ни было ему больно? И что с того, что у него нет настоящих доказательств? Любовь народа к ней может перенести и это, но даже сама возможность скандала сломает судьбу ребенка — не только здесь, но и в Гхийасе, где к королевским бастардам относятся крайне недоброжелательно! Тасия и ее сын будут наказаны, и это обещаю вам я. Но я не дам разделить этот народ на партии Мечеллы и Арриго, и я не дам упустить шанс посадить дона Ренайо Грихальва на трон Гхийаса!

Он закашлялся, отмахнулся от протянутого Северином бокала.

— Нет-нет, мне просто плохо стало от всего этого трагического сумасшествия, вслед за Дионисо я пока не собираюсь. Еще я скажу одно, последнее, и больше ни слова об этом произнесено не будет. Если вам взбредет на ум предать это огласке, пусть даже путем мелких слухов, как те, что нарисованы в Гранидии, — Меквель скупо улыбнулся, когда они невольно переглянулись, — помните, что я — Верховный иллюстратор и первый советник Тайра-Вирте. И у меня достанет власти вас уничтожить. Это не та угроза, к которой можно отнестись легко. Я восхищаюсь вами и ценю вас обоих, но, заверяю вас, сделаю все, что будет необходимо, — как делаю уже шестнадцать лет, — чтобы сохранять в надлежащем порядке эту землю. Северин, проводи свою супругу в ваши комнаты. Мне вы не нужны, дорогу к своей кровати я найду сам. Дольчо нокто.

— Арриано! Ты пришел!

Молодой иллюстратор осторожно скользнул в мансарду.

— Что ты тут делаешь, Рафейо? Что это за место? — Он чихнул. — Матра, тут душно, как в мокром шерстяном одеяле!

— Ты один? Ты кому-нибудь сказал? Тебя кто-нибудь видел?

Изобразить паническую тревогу оказалось легко. Слишком легко. Закрыв дверь, Сарио медленно сделал несколько глубоких вдохов успокаиваясь. Он не должен терять над собой контроль. От этого зависит все.

— За кого ты меня принимаешь? — В голосе Арриано звучала обида. — Когда иллюстратор — даже эстудо, как ты и я, — посылает письмо номмо Чиева до'Орро, нельзя никому даже конверт показывать. Ты знаешь, что тебя ищут все иллюстраторы в Мейа-Суэрте? И что это за слух, будто ты убил Премио Фрато Дионисо?

— Я этого не делал! Я невиновен!

Это было в некотором роде правдой. Рафейо не убивал Дионисо. Это сделал Сарио.

— Ты должен мне поверить. Это сделали Кабрал и Северин из-за моей матери...

— Кабрал в Корассоне, и он даже не иллюстратор. А ты серьезно считаешь Северина убийцей?

— Он для Мечеллы все сделает, ты это знаешь — даже обеты свои предаст! Это он написал Корассон, он все обставил так, будто я убил Премио Фрато Дионисо — Матра эй Фильхо, я был его учеником, как и ты, я любил его, а они говорят, что я его убил! Ты должен мне поверить, ты должен мне помочь!

Арриано сел на единственный стул, сложив руки на столе.

— Я тебе в самом деле верю. Но почему ты убежал?

— А ты бы не убежал? — с вызовом спросил Сарио.

— Может быть, — неохотно признался юноша. — Только мой тебе совет, Рафейо, — вернись в Палассо, и пусть Вьехос Фратос разберутся. Если Северин виновен, они это узнают. Они всегда в конце концов докапываются до всего.

Странно слышать, как тебе цитируют твои же слова.

— Вернуться? Откуда я знаю, какую ложь распустил обо мне Северин? И его жена, Лейла — оба ставленники Мечеллы, я тебе говорю, они...

Он вбил оба кулака в столешницу и низко склонил голову.

— Арриано, мне надо бежать из Мейа-Суэрты.

— Ты с ума сошел? Выпей вина и успокой нервы.

— Я уже пытался — меня вырвало. Ты же знаешь, у меня на питье голова слабая.

Он не мог поверить в свою удачу, когда Арриано по собственной воле наклонил бутылку над грязным стаканом.

— Эйха, а мне вот нужно выпить, даже если тебе это противно.

— Я не могу вернуться, — повторил Сарио, отсчитывая в уме секунды. — Тут не Фратос, тут сам Великий герцог заинтересован. Он боготворит Мечеллу, а Северин — ее ставленник. Коссимио ни за что не даст правде всплыть.

— Ни один Великий герцог... никогда не вмешивался... в дела Фратос...

— А екклезия воспользуется шансом подпортить репутацию Грихальва.

— Церк... не... так далеко... не зайдет...

Сарио выдержал паузу.

— Арриано!

— М-мм? — раздался дремотный голос.

— Подними правую ногу.

Команда была выполнена.

— Граццо Матра эй Акуюб, — шепнул Сарио. И мягко сказал: — Арриано, я хочу тебе добра. Я сделаю тебя Верховным иллюстратором.

— А... Меквель...

Над характерным носом Грихальва изогнулись густые черные брови. Ни красоты, ни обаяния Рафейо, ни этой дразнящей улыбки. Жаль, вздохнул Сарио.

— После смерти Меквеля, конечно. Ты же хочешь быть Верховным иллюстратором?

— Ага! — Лицо его разгладилось в идиотской ухмылке.

— И будешь обязательно.

Сарио вытащил из-под стола разложенные краски, он их готовил целый день. Портрет, который он напишет со слюной, потом и кровью Арриано, не будет шедевром. И не важно. Никто, кроме него, его не увидит. Даже сама модель.

Когда он начал тихое песнопение, вертевшееся у него в мозгу, и древние тза'абские слова полились с языка, он позволил себе последнее сожаление. Не Арриано он жалел, а сожалел, что Арриано — не Рафейо. Большой талант, приятный облик, семейные связи, здоровая наследственность — ни одному из этих требований не удовлетворял Арриано.

Кроме единственного требования, имевшего сейчас значение.

Арриано был здесь.

56

Рафейо больше никто никогда не видел.

Его мать верила, что он жив. Все остальные были убеждены, что он мертв. Верховный иллюстратор Меквель никогда не подтверждал ни того, ни другого, но позволял иллюстраторам, Великому герцогу Коссимио и Арриго предполагать, что Рафейо убит магией самого Меквеля и убийство Премио Фрато Дионисо отомщено. Честно говоря, Меквеля абсолютно не волновало, жив Рафейо или в самом деле умер, потому что, живой или мертвый, он был унижен, беспомощен и, к счастью, исчез навеки.

О пейзаже Корассона не было сказано ничего. Северин и Лейла взяли его в имение и подарили Мечелле. Она поместила его на то же место, где висел прежний рисунок Рафейо. Если восхищенные зрители спрашивали имя талантливого художника, она отвечала, что это анонимный дар. Мечелла никогда не узнала, для чего он предназначался. Ей так и не сказали, что, когда летом перекрывали крышу, нашли несколько обгорелых черных черепиц. Кабрал, Лейла и Северин решили, что это нарушило бы ее покой. Они продолжали защищать ее, а когда Северин быстро состарился, — неизбежная судьба иллюстратора, — они нашли на его место другого, молодого и преданного. К счастью, у одного из сыновей Лейлы обнаружился Дар Грихальва.

Во время весьма неприятной часовой беседы с Верховным иллюстратором своего отца Арриго узнал, что графиня до'Альва, с позволения и, естественно, одобрения своего супруга, решила пойти по стопам среднего сына Карло и удалиться в монастырь. Она выбрала самый богатый монастырь Кастейи, чтобы посвятить себя добрым делам и вере. Это ее желание совершенно искреннее — так по-дружески объяснил всем Меквель. Арриго, слишком разозленный, чтобы заметить несоответствие тона Верховного иллюстратора и выражения его глаз, стал угрожать. Предвидя такой поворот, Меквель рассказал ему ту долю правды, которую знал Коссимио: Тасия и Рафейо составили заговор, собираясь использовать магию Грихальва против Мечеллы, и при осуществлении плана Рафейо убил Премио Фрато Дионисо. Для Тасии монастырь был убежищем от наказания, для Рафейо убежищем послужила смерть. После минутного замешательства, когда Меквель прочел в его глазах вину (и решил ее не заметить), Арриго начал протестовать: нет настоящих улик, Тасия в убийстве невиновна, она наверняка объяснила...

— Разумеется, — голос Меквеля был гладок как шелк, — объяснение найдется всегда. И всегда есть правда. Твоя личная правда, Арриго, в том, что ты никогда больше не увидишь Тасию. Ты будешь хорошим и помнящим свой долг сыном своему отцу, великодушным и заботливым мужем своей жене, любящим и преданным отцом своим трем детям. Кого ты будешь укладывать в свою постель — это твое дело, но и тут есть еще две правды. Ты не зачнешь ребенка, и ты не будешь спать с женщинами Грихальва. Вот твои правды, Арриго. И навсегда.

Серенисса Грихальва, услышав странные слухи в женской половине Палассо, доказала, что ума у нее больше, чем честолюбия, и вышла за сына нипалийского виноторговца, который тайно обожал ее уже два года. С ним она уехала той же зимой, родила пятерых дочерей, таких же красивых, как она, и никогда более не смотрела на мужчин до'Веррада, как никогда более не ступала на камни Мейа-Суэрты.

Тасия прожила в монастыре полтора года. В основном она не выходила из кельи и за это время приняла лишь одного посетителя: молодого Арриано Грихальва, бывшего когда-то другом ее сына. Он приехал в монастырь незадолго до Фуэга Весперра 1268 года. В том же году Тасия совершенно неожиданно умерла в постели во время Пенитенссии в возрасте всего сорока четырех лет. Смерть ее, приписанная естественным причинам, прошла не замеченной почти никем — кроме Меквеля. Он был в высшей степени озадачен — ведь его портрет должен был сделать ее всего лишь послушной.

Лиссина, баронесса до'Дрегец, умерла в 1286 году, дожив до глубокой старости — девяноста двух лет, оплакиваемая всеми. Ее «Завещание» никак нельзя было отменить, поскольку Северин ее пережил, и на траурной церемонии Великий герцог Алессио III пожаловал дочь своей тетки Лиссии Риобиру до'Кастейа титулами, гербами, привилегиями и имуществом Дрегеца. Вьехос Фратос бледнели от злости и не могли этого скрыть. Северин написал официальный портрет — это была его последняя работа.

День после церемонии был отмечен тем, что впервые в истории в Галиерру Веррада смогли войти простолюдины — только по предварительным заявкам, рассмотренным и утвержденным молодым человеком, назначенным на эту должность. Хорошее начало — с этого дня каждый месяц устраивался день открытых дверей, когда каждый, имеющий билет, мог любоваться самыми прекрасными сокровищами Тайра-Вирте.

Тем же вечером вдовствующая герцогиня Мечелла посетила Галиерру как частное лицо. После смерти Великого герцога Арриго III от сердечной недостаточности в 1284 году ее стали чаще видеть в Мейа-Суэрте. Ее сын сменил убранство в покоях матери, и ей было приятно останавливаться там при случае. Она стояла в стороне от его государственных дел, не имея большого пристрастия к политике, и бывала в столице не слишком часто. Но первый открытый день в Галиерре она не пропустила бы ни за какие блага мира. В конце концов, идея принадлежала ей.

Увидев за столом распорядителя одного из своих кастейских сирот, Мечелла улыбнулась. Он встал и тепло ее приветствовал:

— Потрясающий успех, ваша светлость! Хотя у нас чуть не случилась беда с сынишкой драпировщика и ароматической колонной Великой герцогини Гизеллы. Маэссо Кабрал, как приятно вас видеть! Позволите пригласить куратора, чтобы провел вас по выставке?

— Я думаю, мы справимся. — Мечелла бросила через плечо игривый взгляд на Кабрала. — Тебе нравится твоя новая работа, Иверрио?

— Очень, ваша светлость. Вы так добры, что вспомнили обо мне.

— Эйха, ты же десять лет был управляющим в Кастейе у графа Малдонно, и я решила, что могу воспользоваться твоим искусством и образованием. Можешь идти домой, если хочешь, ждать не надо. У меня есть ключ.

— Граццо миллио, ваша светлость, моя жена после всей сегодняшней суматохи не ждет меня раньше полуночи. Я не сказал вам, что у представленной вами на эту первую выставку картины собираются самые большие толпы?

— Приятно слышать.

Взяв Кабрала под руку, Мечелла прошептала:

— Если ты посмеешь мне напомнить, сколько лет прошло с тех пор, как мы вместе смотрели эти картины, я откажусь верить!

Он подмигнул в ответ.

— Если я посмею тебе сказать, что ты сейчас еще прекраснее, чем тогда, ты мне поверишь?

И они смеясь, рука об руку пошли по Галиерре, обмениваясь замечаниями о картинах.

— Ты знаешь, — сказала она, — я их так часто видела, но все равно каждый раз нахожу что-то новое. — И, посмотрев искоса долгим взглядом синих глаз, добавила: — Эйха, правда, учитель у меня был хороший.

— Очень приятно, — сказал после долгой паузы Кабрал, — что ты не забыла ничего, чему я тебя учил.

— Аморо мейо, от тебя я научилась гораздо более важным вещам, чем правильно смотреть на картины. Взгляни, «Рождение Терессы»! Неужто она была такая маленькая? А мне твоя копия все равно нравится больше оригинала. Кто его писал? Не могу вспомнить.

— Дионисо Грихальва, ваша светлость, — послышался голос из дальнего конца выстланного паркетом зала, и Мечелла с Кабралом оглянулись одновременно. — Прошу прощения, — продолжал человек, выходя на середину, под свет высоко висящей люстры. — Я недавно вернулся из Дисттро-Марейи и несколько лет не видел Галиерры. Сожалею, что прервал ваш разговор.

— Ничего страшного, эмбахадорро, — ответила Мечелла, распознав ранг посла по нарукавной эмблеме: теперь, когда шляпы с пером вышли из моды, Алессио отмечал наиболее высокопоставленных Грихальва собственной эмблемой. — И спасибо, что вы мне напомнили автора. Да, «Рождение Терессы» написал Дионисо. Это было так давно.

— Конец его был довольно печален, — заметил иллюстратор, коснувшись Чиевы до'Орро у себя на груди.

— Печален? — Кабрал бросил на говорившего взгляд, которого Мечелла не поняла. — Он ведь умер во сне?

— Ах, да, конечно. Я его с кем-то спутал. — Он слегка пожал плечами, как бы извиняясь за свою забывчивость. — Я вижу, ваша светлость предоставили Галиерре «Первую Любовницу». Ее не видели здесь уже много лет. Говорят, она очаровывает каждого, кто на нее посмотрит, — совсем как ваша светлость, — добавил человек, коснувшись рукой губ и сердца в архаическом жесте почтения.

— Эйха, эти комплименты Грихальва! — рассмеялась Мечелла. — Я всего лишь женщина, а «Сааведра» — шедевр. Мы как раз собирались к ней. Не присоединитесь ли?

Они прошли в дальний конец Галиерры, где у стола с открытой перед ней книгой стояла Сааведра, поправляя лампу длинными пальцами. После продолжительного безмолвного созерцания Мечелла вздохнула.

— Да, вот ее конец был воистину печален, я полагаю. Хоть никто и не знает, что с ней на самом деле случилось.

— В некотором смысле странное полотно, — заметил Кабрал. — Поза в чем-то неуклюжая, и вещи, выбранные для ее окружения — особенно книга на столе, — совершенно необычны. Но я не удивляюсь, что она завораживает любого. Такая мучительная красота, и с таким чувством передана.

— А знаете, — задумчиво сказала Мечелла, — мне кажется, будто на ее устах зарождается улыбка. Это всего лишь иллюзия, но... будто она прочла в этой книге что-то, порадовавшее ее.

Иллюстратор Грихальва кивнул.

— Понимаю, ваша светлость. Гений Верховного иллюстратора Сарио был таков, что любой, чей портрет он написал, будто оживает в своей рамс.

— Именно так! — воскликнула Мечелла. — Каждая линия, каждая тень — совершенство. Он был воистину блестящий мастер.

— Уверен, что такая похвала из уст вашей светлости доставила бы Сарио глубочайшую радость, — ответил Сарио.

ГАЛИЕРРА. 1304

Этой женщине, отравившей многие годы его жизни, недостаточно того, что она постоянно вмешивалась в политику семьи до'Веррада. Нет, ей еще нужно было родить сына, безмерно увлекшегося демонстрацией собственного богатства и вместе со своей вульгарной женой перестроившего Палассо Веррада, превратив его в результате в образец безвкусицы.

Арриано Грихальва стоял в Галиерре и с отвращением смотрел по сторонам. На смену классическим линиям и ослепительным, белоснежным стенам картинной галереи пришел модный в последнее время стиль Синны: множество выкрашенных черной краской и разрисованных ядовитыми драконами стульев с тощими ножками, столики, заставленные безобразными вазами, расписанными агатовым лаком, — одним словом, восточная экзотика. А хуже всего омерзительные, кричащие обои с золотыми листьями — на их фоне терялись шедевры.

Картины тоже расположены совсем не так, как раньше. Прежде каждое значительное произведение, будь то «Договор», «Рождение», «Смерть» или «Бракосочетание», имело свое собственное место; теперь же картины висят вплотную другу к другу, между ними невозможно просунуть даже ладонь, сколько ни старайся. Все это скорее напоминает кладовую, чем картинную галерею. Неужели они все ослепли? Мечелла по крайней мере дурным вкусом не отличалась. Ее сыну повезло гораздо меньше.

Арриано, тяжело опираясь на трость, проковылял вперед. Его телу исполнилось пятьдесят три года. Он хорошо им попользовался, лучше, нежели можно было надеяться вначале, но его время подходит к концу. Костная лихорадка поразила руки.

В уголке, выходящем прямо в парк, устроился рисовальный класс Грихальва; сегодня утром на занятие привели небольшую группу мальчиков и нескольких девочек. А он пришел, чтобы в последний раз взглянуть на своего преемника.

Арриано остановился перед великолепной картиной Верховного иллюстратора Риобаро «Венчание Бенетто I и Розиры делла Марей». Матра Дольча! Эти кретины засунули ее под самый потолок и окружили сборищем малозначимых «До-

говоров», которые грубо вторглись в изящество линий соединенных рук Бенетто и Розиры. Риобаро совершенно сознательно отвлекал внимание зрителя от простого, невыразительного лица невесты, вложив свое непревзойденное мастерство и идеальное чувство цвета в изображение изумрудного шлейфа платья, изысканными складками ниспадавшего на ступени алтаря.

От такого оскорбления Арриано аж весь затрясся. Осторожно ступая, он добрался до скамьи и медленно опустился на нее. У него болели все суставы. С трудом открыл путеводитель.

Толстые листы были украшены по краям золотыми розочками. Какая возмутительная пошлость! Он быстро пробежал глазами имена герцогов, а потом Верховных иллюстраторов. Неужели в этой галерее нет никакого порядка, неужели все так страшно изменилось? Что они сделали с портретом Сааведры?

И тут он вздохнул с облегчением. Портрет по-прежнему висел на почетном месте, отведенном ему Мечеллой после смерти Арриго, — возможно, в качестве назидания сыновьям.

Пытаясь отыскать упоминание о работах Риобаро, он старательно разглядывал крошечные буковки, выведенные каллиграфическим почерком. За последние двадцать лет экспозиция выросла вдвое. Может быть, Великий герцог Ренайо хотел показать всем, что у него самая большая коллекция живописи, какой когда-либо владели коронованные властители.

Его взгляд остановился на названии, вычеркнутом черными чернилами. «Рождение Коссимы». Что сталось с этим произведением?

Будьте прокляты хорошие манеры! Арриано принялся изо всех сил стучать тростью по полу. Тут же примчался помощник кураторрио, откормленный белокожий юноша. Да, они всегда спешили на зов обладателя Чиевы до'Орро.

— Посол, как вы себя чувствуете? Вам что-нибудь угодно?

Что этот тип может понимать в живописи?

У Арриано дрожали руки, когда он показал на вычеркнутое название.

— Моя... картина Гуильбарро Грихальва «Рождение Коссимы». Что все это значит?

— Ах, «Рождение Коссимы»...

Странно было видеть этого молодого человека смущенным.

— Ее забрали, чтобы привести в порядок?

— Нет, Посол. В прошлом месяце были именины у одного из юных господ. Дона Рохарио, если вам угодно.

Ему не было угодно, и его абсолютно не занимали щенки Ренайо.

— Он ее попросил.

— Попросил?

— Дон Рохарио постоянно торчит здесь. Мы даже иногда шутим по этому поводу. Он очень любит живопись. И берет уроки у Кабрала Грихальвы. Великий герцог пообещал, что на двенадцатый день рождения позволит ему выбрать в Галиерре картину и повесить у себя в спальне.

Испорченный двенадцатилетний молокосос повесил у себя в спальне один из его шедевров, и теперь никто не может восхищаться выдающимся произведением, как оно того заслуживает! Матра Дольча!

Не следовало так долго оставаться за границей, но после катастрофы с Рафейо он чувствовал, что ради собственной безопасности должен покинуть Тайра-Вирте на длительное время. Впрочем, Арриано получил истинное удовольствие от своих странствий, забрался так далеко, как никогда раньше, выступая в роли посла — и шпиона — в северных краях, где разрастались герцогства и города-государства, вроде Фризмарка, Мерса и Ветии. Люди там несколько грубоваты, может быть, оттого, что обладают неистощимыми богатствами, которые приносят их предприятия. Но с ним они обходились как с королем, уважая его талант и образование, полученное на Юге. Он научил их ценить искусство. А домой посылал отчеты, позволившие сначала Арриго, а потом его сыновьям использовать отношения с новыми торговыми партнерами с максимальной выгодой для себя.

И как они распорядились своим богатством? Достаточно посмотреть вокруг, дабы убедиться, во что превратилась Галиерра. Достаточно взять в руки эту страничку, из которой следует, что его «Рождение Коссимы» оказалось в частной коллекции произведений искусства бесстыжего мальчишки! Ну, и какую еще картину ждет такая же участь? Все самые лучшие полотна?

— Он попросил «Первую Любовницу». — Помощник кураторрио поморщился — видимо, хотел, чтобы его слова прозвучали утешительно, но от этих потуг стал слишком уродливым. — Однако его светлость не позволил. Сказал, что его мать, благословенная Великая герцогиня Мечелла, ни за что не согласилась бы переместить картину.

Арриано фыркнул. На большее он был не способен. Каков наглец этот Рохарио! И как невыразимо глуп Великий герцог! Он с трудом поднялся со скамьи, проклиная свою дряхлость, и, хромая, направился к рисовальному классу. Помощник кураторрио, ломая пухлые руки, поплелся вслед за ним.

— Нет никакой надобности меня сопровождать, — рявкнул на него Арриано.

Молодой человек поспешно кивнул и с явным облегчением вернулся к своему столу.

Если верить путеводителю, картины и портреты, созданные за предыдущие восемнадцать лет, висят в дальнем конце Галиерры. Арриано не терпелось их поскорее увидеть. Все, что ему довелось посмотреть за эту неделю в Палассо Грихальва, казалось скучным и холодным — изображение жизни, лишенное жизни. Но ведь здесь, в Галиерре, должны в конце концов быть выставлены лучшие работы, появившиеся на свет за годы его отсутствия.

Даже в живописи мода меняется, хотя, конечно же, Вьехос Фратос всегда жестко следили за тем, чтобы нововведения не оказались слишком радикальными. Это было недопустимо. За прошедшие века он приспособился, но сумел сохранить в себе главное, чем обладал гениальный Сарио: Луса до'Орро.

Арриано остановился у скамеек, расставленных полукругом в углу Галиерры. Два огромных окна выходили в

парк. Дети Грихальва, преимущественно подростки, рисовали, молча склонившись над своими альбомами. Иллюстратор, проводивший занятия, приветствовал его.

— Насколько я понимаю, вы Арриано Грихальва. — У этого человека тоже была Чиева до'Орро. — Я слышал, что вы вернулись. Меня зовут Никойо Грихальва.

Арриано с трудом заставил себя кивнуть в ответ, такой ужас охватил его, когда он взглянул на стены. И это считается вершиной достижений нынешнего поколения?

Вот висит «Договор», все фигуры на своих местах, изображены абсолютно реалистично, вплоть до самого маленького ноготка и крученой узенькой тесьмы на костюмах мужчин. Но фигуры какие-то статичные, тяжелые. Ренайо II напоминает статую, а не нормального, живого человека. В картине нет движения.

А «Бракосочетание Ренайо II и Майрии де Гхийас» — еще того хуже! Художник, вне всякого сомнения, талантлив, но растрачивает свой дар на бездарные, мертвые репродукции — вот что это такое на самом деле: репродукции, и не более того!

— «Бракосочетание» выполнено безукоризненно, правда? — В голосе иллюстратора, стоявшего рядом, слышалась гордость. — Первая серьезная работа Андонио Грихальва, после того как он стал Верховным иллюстратором. Вас не было в стране, поэтому, естественно, вы и не знаете, что у нас тут происходило. Андонио изменил нашу манеру письма. На него произвела неизгладимое впечатление знаменитая речь мастера Дионисо: точность, аккуратность и четкость! — Иллюстратор произнес эти слова с восторгом. — Именно Андонио вывел художников Грихальва на верный путь. — Никойо сжал в руке свой Золотой Ключ, а потом традиционно поцеловал кончики пальцев в знак благодарности покойному Андонио. — Он был настоящим гением!

Что за идиот! Конечно, точность, аккуратность и четкость важны. Но они не должны убивать жизнь!

— Посмотрите на Пейнтраддо Морта вдовствующей герцогини Мечеллы, — продолжал Никойо. — Это рука Андрео Грихальва, который получит звание Верховного иллюстратора в Нов'виве. Сцена изображена с такой точностью, что кажутся реальными даже мельчайшие детали.

И ни на йоту настроения. Впрочем, вслух Арриано ничего не стал говорить. Совершенно очевидно, что Никойо без ума от нового стиля живописи. Однако этому новому стилю осталось недолго здесь властвовать.

Арриано сдержанно кивнул собеседнику и заковылял вперед, разглядывая работы учеников рисовального класса. Ребята поднимали головы, замечали его трость, печатку и, потрясенные, быстро возвращались к прерванной работе; кто-то прятал под рукавом пятно, иные с удвоенным вниманием вглядывались в свои работы, а один мальчишка — его пресмник — уверенно и спокойно ему улыбнулся.

Его мальчик. Именно так думал о нем Арриано. Он уже с ним встречался, тщательно изучил его эскизы и происхождение. У парнишки были хорошие способности, уверенная

рука, острый глаз и отличное чувство цвета; и еще он обладал одним чрезвычайно важным достоинством — вполне отвечающим чувству юмора Арриано. Мальчишку назвали Сарио в честь давно умершего великого мастера.

Интересно, что он почувствует, когда после стольких лет к нему снова вернется его собственное имя?

Однако теперь, посмотрев на то, что у них считалось живописью — «новым стилем»! — Арриано совсем не был уверен в своем выборе. Он остановился возле мальчика, стал смотреть, как тот работает. Пятнадцать лет, и уже такая великолепная техника. Впрочем, он же всего лишь копирует. У него умелая, даже талантливая, рука — но как раз в этом и заключается проблема «нового стиля», лишенного Луса до'Орро. Эти художники способны с точностью до мельчайших деталей передавать свет и тени, а фигуры у них получаются словно отполированные и покрытые блестящим лаком. Даже если этим парнишкой будет управлять сознание Сарио, хватит ли ему таланта и индивидуальности, став Сарио, возродить живопись, вернуть ей достоинство, мощь и красоту?

Столько всего еще нужно сделать.

Арриано принялся без особого интереса смотреть на других учеников, и тут его взгляд остановился на двух рисунках, брошенных на соседней скамейке.

Вот! То, что нужно! Один оказался копией. Отличная, безупречная работа, которая удовлетворит любого самого требовательного учителя, — ничего особенного или оригинального. А рядом! Еще не уверенная рука, но уже чувствуется характер. Эта зарисовка тоже была репродукцией уродливого «Бракосочетания», но юный художник внес свои, хоть и небольшие, поправки. На картине Аидонио Грихальвы юная невеста стоит в традиционной позе, и, несмотря на то что каждая складка ее роскошного платья изображена абсолютно верно и точно, все вместе напоминает рулон ткани с бледным лицом и светлыми кудряшками. На заинтересовавшем Арриано рисунке юная дева протягивает свободную руку ладонью вверх к зрителю, плечи ее чуть-чуть повернуты, словно она умоляет всех, кто на нее смотрит, сказать, что все будет хорошо. В «Бракосочетании» вдовствующая герцогиня Мечелла держится с таким невероятным достоинством, что глядеть на нее просто скучно. А вот на этом необычном эскизе — эйха! Хитрый маленький живописец внес совсем незначительные изменения, но теперь герцогиня стояла совсем как его Сааведра, ее поза означала ожидание, целую жизнь, посвященную ожиданию.

Конечно, это пока еще неумелый рисунок талантливого ребенка — но в нем больше оригинальности, чем в портрете, который он копировал.

Арриано подозвал Никойо.

— Чье это? — Он показал на рисунки.

Никойо нахмурился, глядя на эскизы.

— Позор, верно? Внуки Лейлы Грихальва испорчены до невозможности... что бы там ни говорили остальные.

Видимо, родственники Тасии и сторонники Мечеллы все еще воюют друг с другом.

— Я имел в виду работу, которая подает большие надежды, — перебил его Арриано, готовый признать, что первый рисунок кажется еще хуже рядом с блестящим эскизом другого ученика.

— Ах, этот! — Лицо Никойо просветлело. — Мальчишка немного своеволен, но ему всего четырнадцать...

— Прошел конфирматтио?

Матра! Все его возмущение жалким состоянием, в котором пребывает живопись Грихальва, мгновенно куда-то подевалось.

— Официально нет, но у него есть Дар, это точно. В тринадцать лет маленький мерзавец завел интрижку с какой-то девкой, работающей на кухне. Когда мы об этом узнали и проверили ее, она оказалась беременной. Мы возлагаем на мальчика большие надежды.

— Как его зовут?

— Алеррио, он мой племянник. Мы рассчитываем, что он станет Верховным иллюстратором.

Да уж, друг мой, Алеррио станет Верховным иллюстратором, только если я буду в нем. Видимо, в семье идет серьезная внутренняя борьба. Что ж, это может оказаться на руку.

— А где мальчик сейчас?

— Он... они... пошли посмотреть на «Первую Любовницу». А, вот идут.

Арриано практически не обратил внимания на стройную девочку, его глаза были прикованы к шагающему рядом с ней мальчику. Красивый, пожалуй, даже слишком — по собственному опыту Арриано знал, что от этого бывают серьезные неприятности, — хорошо сложен, сильный, с живым, подвижным лицом. Он смеялся над какой-то шуткой своей спутницы.

— Она наш позор, — продолжал говорить Никойо.

Арриано не слушал. Конечно, жаль отказываться от мальчика по имени Сарио, но когда речь идет о таких способностях, это не имеет — не может иметь — никакого значения.

Девочка и мальчик опустились на скамейку и взяли в руки альбомы, не обращая внимания на взрослых, стоявших у них за спиной.

— Каждому известно, что сейчас лучше краски, — тихонько сказал мальчик.

— Неужели ты и в самом деле думаешь, что благодаря им картина становится лучше? — возмутилась девочка, стараясь говорить шепотом, но ее напряженный голос прозвучал довольно громко.

— Просто ты хочешь рисовать, как старые мастера, — поддразнил ее юный ученик.

Девочка вскинула голову, ее явно обрадовало замечание приятеля. Совсем еще молоденькая, лет двенадцать, наверное. Арриано представил ее себе в недалеком будущем если уж не ослепительной красавицей, то женщиной, достойной быть увековеченной в произведении искусства.

И тут он сообразил, что она держит не тот альбом.

У нее в руках был эскиз, который произвел на него такое сильное впечатление. Мальчик начал рисовать, добавляя какие-то штрихи к уже практически готовой копии.

Так это девочка!

Арриано стал наблюдать за ней, а она не видела ничего, кроме своего альбома.

— Никакого уважения к старшим, — заявил Никойо.

Какой-то эстудо позвал иллюстратора, он кивнул Арриано, который никак не мог прийти в себя от потрясения, и отошел. Арриано думал о девочке, а заодно и о Никойо: одарен, около тридцати. Вряд ли этот тип, считающий Андонио Грихальву гением, а Андрео Грихальву, автора бездушной, зато весьма детальной «Смерти», достойным титула Верховного иллюстратора, сможет помешать ему, когда придет время претворить в жизнь его далеко идущие планы.

Арриано бросил последний взгляд на девочку и медленно пошел по Галиерре. Он не смотрел на работы великих художников. Ибо он знал их так же хорошо, как себя самого, или видел раньше и не хотел больше быть свидетелем их позорного заключения в этой новой, современной тюрьме — невозможно оценить по достоинству картины, развешанные так бездарно.

На самом почетном месте, в конце Галиерры, находилась «Первая Любовница». По крайней мере рядом с ней все осталось по-прежнему. Никакое другое полотно не лезло в глаза, мешая любоваться его шедевром; она стояла одна в сиянии своего великолепия.

Сааведра. Блистательное произведение. Воспоминание о первом потрясении, которое он пережил, осознав, что она переместилась внутри картины, снова захватило Арриано. В толстых стенах комнаты были прорублены аркообразные окна, сквозь них лился свет весеннего утра, переходящий в более яркие, смелые тона полдня. Свеча погасла, фитилек свернулся, черный, с легким налетом серого пепла. Лампа тоже больше не горела. А Сааведра уже не стояла возле стола.

Поразительно. За два десятилетия, прошедшие с тех пор, как он в последний раз взглянул на картину, она так далеко отошла от стола, словно его заклинание держит ее в плену уже не так надежно. И тем не менее никто не рассказал ему о происшедших переменах. Может быть, благодаря волшебству они просто не замечают их.

Сааведра стоит возле двери, в профиль к зрителю. В зеркале, установленном на мольберте позади стола, едва заметно отражается ее лицо. Кажется, будто она смотрит на него.

— Ты еще не поняла, что ни один мужчина не будет любить тебя сильнее, чем я? Что ты и сама меня любишь? — тихонько спросил он ее.

И ему почудилось, что он услышал ее ответ: «Я люблю Алехандро».

— Это влюбленность, а не любовь! Мы с тобой созданы друг для друга, ты и я, Ведра. Вместе мы могли бы сделать столько... Все что угодно, уберегли бы семью Грихальва от множества нелепых ошибок, от пародии, которую они называ-

ют искусством, от этого оскорбления, брошенного нашим именам. Но я один. Я всего лишь один человек. Я не могу сделать все, не могу взять под контроль всех.

«Ты попытался. Посмотри, что ты сделал со мной».

Казалось, ее слова искрятся на древнем полотне.

«Освободи меня, Сарио. Прошло так много времени. Сколько?»

Разве она и в самом деле его видит и слышит? Неужели ее голос звучит у него в голове? Как отчаянно ему хочется, чтобы она оказалась рядом. В конце концов Алехандро уже умер, давно превратился в прах. Теперь у Сааведры остался только он, ей больше некого любить.

— Наступит день, и ты полюбишь меня, как тебе назначено свыше.

Молчание.

Ну хорошо. Еще не пришло время отпустить ее на свободу. Сначала необходимо завершить переход, сделать так, чтобы его новую личность стали уважать, чтобы с ней считались, а потом он завоюет титул Верховного иллюстратора. И тогда освободит Сааведру, возьмет ее в супруги, как единственную женщину, способную оценить силу его таланта и приобщиться к нему.

И тут он вспомнил о своих сомнениях.

— Ты надо мной посмеешься, — шепотом промолвил он. — Я нашел отличного преемника для себя, но он несовершенен, потому что это — девушка, а следовательно, не обладает Даром.

«Я обладаю Даром», — с гневом и в то же время со страхом сказала она.

— Ты узнала об этом от меня! И еще скажешь мне спасибо. Вот увидишь, я прав! Ты родилась с Даром, так почему природе не наделить им еще одну женщину? Разве такой выдающийся талант не должен дополняться знаменитым Даром семейства Грихальва?

Мало вероятно, совершенно невозможно, и он это знал. Ему так и не удалось понять, кто из предков каким сочетанием качеств наградил Сааведру Даром. Сарио практически не помнил ее матери; впрочем, он и свою мать почти забыл, она не имела никакого отношения к его воспитанию, а может быть, умерла, когда он был еще совсем маленький. Трудно удерживать в памяти так много событий. Сквозь толщу лет, как из тумана, проступало воспоминание об отце Сааведры, да и то потому лишь, что он был весьма необычным существом: толстый, женоподобный, прошел конфирматтио и, следовательно, подтвердил, что обладает Даром, но при этом не создал ни одной картины с действующим заклинанием. Ближе к концу жизни сумел зачать одного-единственного ребенка, а через несколько лет после рождения дочери тихонько отошел в мир иной, скорее всего, от разочарования.

Многие женщины семейства Грихальва, как и мужчины, оказывались в той или иной степени талантливыми художниками, однако их занятия живописью не поощрялись. Арриано несколько раз, не привлекая к своим экспериментам лиш-

него внимания, подверг испытанию нескольких девочек. Ни одна из них не обладала Даром.

Следовательно, он возьмет себе мальчишку по имени Сарио, а за девочкой понаблюдает. Даже если она и не имеет Дара, то станет отличной, благодарной эстудо, которая сумеет оценить по достоинству его гений. Несомненно, девочка исключительно талантлива и может стать его последовательницей. В конце концов, на протяжении многих лет его наилучшим учеником был он сам.

Он заглянул в глаза Сааведры, отраженные в зеркале. Какие у нее прекрасные глаза!

«Все так переменилось. — Голос дрожал. — Почему я больше не вижу Алехандро, только каких-то чужих людей? Что ты сделал со мной, Сарио?»

— До свидания, любимая. Жди меня.

«А разве ты оставил мне какой-то выбор?»

Он поцеловал кончики пальцев и протянул их ей, точно подношение. Потом отвернулся и медленно побрел прочь. Нужно выяснить, как зовут ту девочку.

Путешествовать было приятно. Но оказаться дома тоже хорошо — теперь у него есть цель. Сааведра его ждет. Она ведь сама в этом призналась, не так ли?

Сарио... нет, Арриано Грихальва был страшно доволен собой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧИЕВА ДО'ОРРО
1315 — 1316

57

Элейна удерживала альбом на коленях и, щурясь от утреннего солнца, наблюдала за процессией, свернувшей на сокало Грандо перед Катедраль Имагос Брийантос. Несколькими уверенными движениями набросала на бумаге: парадные головные уборы знаменосцев с кисточками; два знамени, посвященные Матери и Сыну, — на белоснежном фоне ослепительные золотые нити вышивки; сгоревшие факелы, те, что светили во время долгой ночной молитвы о дожде; белые лилии у мужчины и женщины, которым выпала честь представлять виноградаря и его жену.

Она стала рисовать женщину: изобразила длинный нос, а потом — тремя четкими штрихами — черные локоны, украшенные венком из белых лилий. Перевела глаза на мужчину. И сжала кулаки. Как это похоже на Великого герцога — столь беспардонно посягнуть на народный праздник. Зачем он поставил своего второго сына на самое почетное место в процессии? Разве так уж необходимо отнимать у простого народа все?

Элейна оставила на бумаге пустое место, там, где шел виноградарь, не сводивший глаз со знамени Сына. Все еще сердясь, начала рисовать санктос и санктас, сопровождавших процессию, Премио Санкто в белом одеянии, который вышагивал впереди. Они пели торжественный гимн дождю, а их тяжелые церемониальные мантии, расшитые золотом и серебром, шуршали на легком ветру, разгуливавшем по площади. Элейна прикусила губу, пытаясь забыть о своей единственной встрече с доном Рохарио, вторым сыном Великого герцога. Но воспоминание о перенесенном унижении было еще слишком свежо.

Она в мгновение ока нарисовала очертания собора и занялась деталями. Погрузившись в созерцание неотличимых друг от друга колоколен и их огромных, жирных теней, растянувшихся по всей длине аркады Палассо Юстиссиа, она избавилась от неприятных мыслей. Знаменосцы поднялись по ступеням, ведущим во двор, и остановились у массивных ворот. Процессия медленно проникала внутрь, гимн сменили более мрачные каденции старой песни виноградарей «Пощади нас, Матерь, Твое сияние обжигает нас».

Вслед за процессией шли горожане, и вскоре они заполнили двор. Их шляпы были украшены золотыми и серебряными ленточками, а на головах некоторых красовались шапки с кисточками — совсем как у знаменосцев. Элейну восхитило многоцветье красок, и она, перевернув страницу альбома, принялась рисовать ленты, развевающиеся на ветру, — словно яркие линии соединяли лица. Огромная толпа и столько разных настроений: дразнящий смех молодых женщин; искренние слезы верующих; восторг детей, впервые приведенных на этот праздник; благоговейно склоненные головы пожилых людей, понимающих, что для них он может оказаться последним.

Ей почти хватило впечатлений, чтобы изгнать из памяти мысли о той ужасной встрече. Дон Рохарио выступал в роли представителя своего старшего брата, а родственники путем хитроумного обмана заманили ее в такую ситуацию, когда ей не оставалось ничего иного, как сказать «да». Эйха! Ей никогда не удавалось следить за своим языком: если она злилась или испытывала неловкость — это было известно всем. Но после того как мерзкий дон Рохарио отправился восвояси, ее обвинили в неблагодарности и дурном нраве.

Внезапно Элейна почувствовала себя вне времени и пространства. Она больше не видела толпы, не слышала песнопений и праздничных криков. Ее переполняли жгучая боль и возмущение несправедливостью родных. Если бы она родилась мальчиком, то наверняка обладала бы Даром. И тогда ее мастерское владение карандашом и красками стало бы поводом для ликования, а не помехой в отношениях с мужчинами.

Миг забытья миновал, и Элейна снова углубилась в зарисовки, не особенно задумываясь о том, какой след оставляет ее карандаш на бумаге. Только так она могла обуздать волнение.

— Мой удел рисовать, — тихонько сказала она, и ее голос утонул в нарастающем рёве толпы, которая стала еще громче распевать торжественные гимны. — И они не смогут мне помешать.

Словно сам по себе — резкими, немного угловатыми штрихами — карандаш вывел на бумаге черную шляпу, а под ее полями хмурое лицо мужчины средних лет. Пухлые щеки преуспевающего купца или мастера какой-нибудь гильдии. Она продолжала рисовать — воротник с маленькой булавкой, золотые весы... Только тут Элейна сообразила, что перед ней золотых дел мастер, а может быть, ювелир... Две гильдии недавно объединились, следуя моде, пришедшей в Тайра-Вирте из Гхийаса вместе с новой, более свободной манерой одеваться, столь популярной последние лет пять.

Граццо Матра! И больше никаких тугих корсетов!

Кто-то крикнул:

— Пусть соберется Парламент!

Как только смолк этот голос, вслед за ним раздалось сразу около десятка других:

— Долой до'Веррада!

— Все классы должны иметь право голоса!

— Никаких цалогов, не утвержденных Парламентом!

— Позвольте нам голосовать! — заорал мужчина, стоявший рядом с Элейной, и бросился вперед, к ступеням собора. За ним последовали и многие другие.

Пронзительный вой разорвал воздух. Песнопения утонули в протестах толпы.

Поскольку Элейна устроилась на втором ярусе огромного фонтана, с которого была прекрасно видна площадь, устремившаяся вперед толпа не увлекла ее за собой. Но ее охватило лихорадочное возбуждение, когда радостное веселье сменилось возмущенными криками.

«Я должна запечатлеть это!»

Карандаш летал над листами бумаги — вот появились прищуренные глаза, сердито поджатые губы; маленькая девочка, напуганная происходящим, тянется к матери.

Группа молодых людей забралась на фонтан, в руках они держали самодельные транспаранты и флаги, на которых были приделаны вручную широкие полосы — голубые, черные и серебристые.

Кто-то нечаянно толкнул Элейну, она едва успела подхватить альбом, но доска с громким всплеском свалилась в воду. Тихонько ругаясь, она сунула альбом под мышку, положила карандаш в карман, специально для этой цели пришитый к юбке, и стала спускаться. Но растущая толпа ей мешала. Зажатая со всех сторон на каменных ступенях, она не могла пошевелиться.

— Позвольте я достану, маэсса. — Человек, стоявший в нескольких шагах от нее, у основания фонтана, совершенно хладнокровно, прямо в башмаках и брюках вошел в струю воды. На камни, тут же ставшие темно-серыми, стекала вода, когда он выбрался с доской в руке.

Позади него, словно после некоего раздумья, задвигались молодые люди, распевая разухабистые застольные песни и размахивая при этом транспарантами и флагами. Они устремились вперед, и Элейне пришлось перебраться на другой ярус. Отсюда ей больше не было видно собора, а перед глазами плясали разноцветные, радужные брызги.

Элейна взобралась на большой прямоугольный камень. А вот и он! Молодой человек начал пробираться к ней, она же в это время внимательно его разглядывала. Возраст — около тридцати; простое, круглое, заурядное лицо, знакомое, но никак не вспомнить, где она его видела. Черные волосы коротко острижены, ничего примечательного в отличие от парней, окружавших ее со всех сторон, которые, казалось, так же серьезно относились к своей

внешности, как и к политическим лозунгам. Двигался он тоже без особого изящества, чертыхнулся, ударившись обо что-то коленкой. Но его руки...

Элейна всегда обращала внимание на руки: длинные, тонкие пальцы и широкие, сильные ладони — такие руки одно удовольствие рисовать. И вот, пожалуйста — пятнышко высохшей краски.

— Вы Грихальва, — сказал он, протягивая ей доску.

Вокруг неистовствовала толпа, альбом Элейны помялся, как, впрочем, и платье. Она разозлилась.

— Через меня пробраться в Палассо Грихальва вам не удастся! — Она вырвала у него свою рисовальную доску. — На авенидо Шагарра есть школа живописи. Идите туда, может быть, там вам повезет больше.

Он только улыбнулся ей в ответ. Его неестественное спокойствие посреди хаоса, воплей и протестов произвело на Элейну немного жутковатое впечатление. Рокот толпы нарастал, становился возбужденным и страшным.

— Я только хотел бы проводить вас до дома, маэсса. — Пришлось кричать, чтобы она услышала его. — Я наблюдал, как вы рисовали. Вы талантливы, верно? По-настоящему одарены. — Он произнес это не комплиментарно, не с целью подольститься, а как очевидный факт, о котором оба они прекрасно знали.

Элейна замерла, ей следовало уйти, но она не могла сдвинуться с места. Совершенно чужой человек знал о ней то, чего не было известно никому с тех самых пор, как умерла ее бабушка Лейла, точнее, никто не желал признавать ее способностей к живописи. Она не обладала Даром — им природа не наделяла женщин, — но была наделена истинным талантом ничуть не меньше, чем ее кузены, мальчики.

Еще какие-то юнцы попрыгали в фонтан, начали подниматься все выше и выше, пока наконец троица смельчаков не оказалась на самом верху, у венчающей фонтан фигуры герцога Алессо. Им бросили флаг, и они под радостные возгласы своих товарищей, собравшихся внизу, обмотали его вокруг герцога.

— Пусть соберется Парламент!

— Никаких налогов без нашего согласия!

Все больше и больше народу забиралось на фонтан, чтобы получше рассмотреть происходящее. Взвизгнула какая-то женщина, заплакал ребенок. Элейна, стиснутая со всех сторон, не могла пошевелиться.

— Кто вы? — крикнула она, но толпа издала оглушительный рев в тот миг, когда голубое с черным и серебряным знамя затрепетало над Палассо Юстиссиа.

Элейне пришлось отступить назад, а незнакомца увлекла за собой толпа, и вскоре она потеряла его из виду. Брызги летели на ее волосы и шею, какая-то женщина в фартуке и юбке, серой от пепла, посмотрела на нее, перевела взгляд на альбом и доску и показала вдаль, туда, где в конце одного из бульваров появилась зеленая, перекатывающаяся волна.

— Посмотри вон туда, подружка, на бульвар Бенскитто. Герцог вызвал шагаррский полк! Чирос! — Женщина сплюнула в фонтан. В руках она держала корзинку с черствыми кусками хлеба. — Говорят, в Гхийасе свежего хлеба хватило всем, даже беднякам, после того как его забрали из домов богатеев и знати.

Кто-то из толпы затянул гимн «Новый дождь», пение разрасталось, набирало силу, и вскоре его подхватила почти вся площадь. Только теперь слова звучали скорее как угроза и совсем не походили на мольбу, обращенную к небесам: «С новым дождем нас ждет свобода!»

Брызги воды — или слезы — застилали глаза. Почему жители Мейа-Суэрты не должны возмущаться и протестовать против тяжелой жизни? Разве они, как и сама Элейна, не вынуждены подчиняться правителю, лишенные возможности даже высказать свое мнение? Ей двадцать один, вот уже два года как она вдова, однако ее родственники относятся к ней так, словно она марионетка, предназначение которой — служить достижению их честолюбивых целей.

Сначала ее использовали во время конфирматтио, а когда за две попытки она не зачала, отдали замуж за Фелиппо Грихальву, пережившего двух жен. И лишь после того как она родила мертвого ребенка, а Фелиппо скончался во время летней лихорадки, они нехотя позволили ей рисовать, да и то лишь потому, что на этом настаивала бабушка Лейла, пользовавшаяся в семье огромным влиянием.

Лейла умерла. И теперь Эдоард, старший сын покойной герцогини Майрии и Великого герцога Ренайо II и его наследник, с величайшим трудом уговорил своего отца возродить древнюю традицию Марриа до'Фантоме, поскольку возымел желание завести себе любовницу из семьи Грихальва.

А разве молодая вдова, уже доказавшая, что она практически не в состоянии иметь детей, не самая подходящая для этого кандидатура?

— Я хочу только одного — рисовать! — крикнула Элейна, обращаясь к случайному прохожему, восхитившемуся ее талантом.

Но он исчез в толпе, а громоподобный вопль тысяч глоток, проревевших последние строчки гимна, заглушил крик ее души.

Спасаясь от напирающей толпы и надвигающихся солдат, на фонтан начали взбираться все новые и новые люди. Их было слишком много. Здесь уже совсем не осталось свободного места. Элейна упала на одно колено, попыталась сохранить равновесие, ободрала ладонь о камень, прижала к груди свой драгоценный альбом, снова уронила доску. Нужно поскорее отсюда уходить. Приближаются солдаты Великого герцога.

Опустив голову и вовсю орудуя локтями, Элейна добралась до основания фонтана. Поскользнулась и чуть не упала, ступив на землю. Люди стояли, прижимаясь друг к другу, ужасно похожие на цыплят, которых хозяйка принесла домой с рынка. Их крики превратились в нечленораздельный гул. Элейна толкалась, пробиваясь вперед, споткнулась о чье-то тело, человеческий

поток увлек ее направо, потом налево, она отчаянно с ним сражалась и в конце концов оказалась в задних рядах, на противоположной от собора стороне площади.

Идти стало легче. Она вышла на авенидо Ориаль в тот момент, когда прозвучали первые выстрелы.

Не оглядываясь, Элейна побежала. Она ненавидела себя, потому что спешила укрыться за надежными стенами Палассо Грихальва. Ведь для нее это самая настоящая тюрьма!

Ее родственники хотели, чтобы она стала любовницей дона Эдоарда. Положение возлюбленной наследника трона — это власть! И влияние! Они смогут контролировать Вьехос Фратос, члены ее семьи по материнской линии не имели такой возможности вот уже два поколения: ее мать была племянницей знаменитой Тасии, любовницы Арриго III, женщины, пытавшейся убить Великую герцогиню Мечеллу.

Но Элейне такая власть не нужна. Она не желает в этом участвовать. А они не в состоянии ее понять.

И вот теперь она бежит, бежит к ним, и все потому, что боится. У нее за спиной глухой гул превратился в пронзительные крики и вой, а полуденное солнце опалило улицы Мейа-Суэрты в тот момент, когда ружейный залп ворвался в торжественную праздничную процессию.

58

Рохарио Алехандро Энрикки Клеменсо до'Веррада, второй сын Великого герцога Ренайо и покойной Великой герцогини Майрии, последним из тех, кто был в храме, понял, что на улице начались беспорядки.

Тяжелое церемониальное одеяние ограничивало движения, к тому же он ничего не должен был говорить и уже давно перестал следить за происходящим вокруг. Рохарио стоял перед алтарем и смотрел на монументальный запрестольный образ, доминирующий над пространством храма. Матерь и сидящий у Нее на коленях младенец Сын взирали на него. На Ней были старинные золотые одежды, изящно ниспадающие с одной руки; другую скрывала пухлая фигурка Ее Сына. Шедевр старых мастеров, единственное полотно, уцелевшее в сгоревшем соборе во время большого пожара в 1155 году.

Когда его отстроили заново, «Рождение Святого Сына» заняло в храме самое почетное место.

Матра Дольча! Великолепное произведение — последняя картина легендарного Сарио Грихальвы. Хотя она создана триста лет назад, ее золотые тона и сейчас сияют так, словно художник совсем недавно касался кистью полотна, — умиротворенный лик Матери, радостная и счастливая улыбка Сына, парящие вокруг них ангелы с распростертыми крыльями и солнце с луной, од-

новременно озаряющие Трон. Льющийся свет прописан так искусно, что только с близкого расстояния Рохарио видел его игру на одеяниях ангелов и фигуре Матери, сверкающие лучи солнца неуловимо отличались от серебристых нитей луны.

В картине было нечто магическое. Даже во время таких грандиозных церемоний, как эта, стоя на коленях вместе с другими охваченными благоговением прихожанами, он ощущал на себе Ее взгляд. Но он не казался тяжелым, скорее ободряющим, почти осязаемым. А когда его дорогая матушка умерла и он рыдал во время заупокойной службы, даже в такой трагический момент Матерь его утешила, помогла справиться с горем. И после того как его отец женился на красивой и совершенно безмозглой северной принцессе, лишенной музыкального слуха и художественного вкуса и к тому же говорящей с чудовищным акцентом, зато принесшей ему в качестве приданого повозки, полные золота, и торговый флот, — даже в час их бракосочетания гнев и сожаление исчезли без следа, лишь стоило ему встретиться глазами с Ней.

И сейчас на него низошел мир, словно кто-то прошептал на ухо: «Все будет хорошо».

Когда кто-то подтолкнул его под локоть, Рохарио удивленно оглянулся. Странный шум эхом прокатился по собору.

— Прошу прощения, дон Рохарио. — Белобородый мужчина, которого Рохарио сразу узнал, был не кто иной, как санкто Лео, добрый, старый человек с удивительно мягким голосом. Он проводил четвертую службу каждый месяц. — Пожалуйста, господин. Мы должны торопиться. Необходимо снять церемониальное одеяние.

— Но служба еще не закончилась.

— Там... на улицах... начались беспорядки. Прошу вас, пора возвращаться в Палассо.

Постепенно Рохарио сообразил, что, несмотря на утешительное присутствие запрестольного образа, санкто Лео перепуган до смерти.

— Какие беспорядки? — Он сбросил тяжелое одеяние на руки побледневшего слуги и сделал несколько шагов в сторону дверей. В громадном нефе собора толпились участники процессии. Под высокими сводами все они казались маленькими рядом с великолепием Матры эй Фильхо. Рохарио потерял из виду хрупких санктос, которые вели службу.

— Прошу прощения, дон Рохарио, сюда. Мы выйдем через помещение капитула. Здесь не... — Лео замолчал, махнул рукой слуге и, схватив Рохарио за руку, потянул за алтарь.

— Здесь что?.. — переспросил Рохарио.

Рука санкто оказалась неожиданно сильной, и Рохарио вспомнил свою старую няню, Отонну, которая в полдень всегда приходила за ним в Галиерру, чтобы отвести в классную комнату на занятия. Рохарио ненавидел конфликты, поэтому не стал сопротивляться.

Санкто Лео повел его по лабиринту маленьких комнатушек, где Премио Санкто готовил свои проповеди. За ними, словно стадо овец, следовали несколько слуг и молодых санкто.

— Здесь небезопасно, — ответил старик. — Начался бунт. Номмо Матра! Куда катится наш мир? Когда я был мальчишкой, такого просто не могло быть. Великая герцогиня Мечелла, да будет благословенна ее память, выезжала в своем экипаже, и толпа падала перед ней на колени. Ужасное дело, ужасное дело.

В задних комнатах не было окон, поэтому Рохарио не мог выглянуть на улицу. Он никогда не видел никаких волнений, ему и в голову не приходило, что подобное может случиться в Мейа-Суэрте. Но он слышал, будто толпа сожгла королевский дворец в Таглисе и грабила продовольственные лавки в Нипали. А вдруг страсть к беспорядкам, как чума, перекинулась на население Тайра-Вирте?

— Эйха! — неожиданно воскликнул Рохарио, вспомнив слух, который распространился на концерте четыре дня назад. — Это связано с Парламентом, не так ли?

— Матра эй Фильхо! — воскликнул старик. — Что вы делали целый день, нинио? Неужели вы не знаете, что происходит в городе?

— Конечно, знаю! Я помогал моему брату Эдоарду решить проблему с любовницей из семейства Грихальва.

Санкто Лео застыл на месте. В комнате было сумрачно, ее освещало лишь несколько канделябров. Однако на противоположной стене висел превосходный портрет Премио Санкто Грегоррио IV во время его вступления в должность. Сколько лет прошло с тех пор? Сто, наверное. Рохарио узнал кисть Оакино Грихальвы. Из-за вычурного головного убора Премио Санкто художнику не удалось продемонстрировать свой знаменитый талант изображать волосы. Вместо этого с поразительным совершенством он написал плетеную шапку, изукрашенную драгоценными камнями.

— Какой чудесный портрет! — воскликнул Рохарио. — Как жаль, что он скрывается здесь.

Рохарио вопросительно взглянул на санкто, и последующие слова замерли у него на губах. Старик, нахмурившись, смотрел на... Да, вне всякого сомнения, в его глазах Рохарио прочитал отвращение. На стене за спиной санкто Лео висело зеркало в золотой раме, и Рохарио увидел свое неясное отражение. Нет ничего удивительного в том, что санкто Лео так возмущен! Кружевные манжеты перекосились, а накрахмаленный белый шейный платок смят тяжелым церемониальным одеянием. Рохарио поспешил привести себя в порядок, чувствуя, что санкто не сводит с него глаз.

— И вы считаетесь самым разумным в семье? Матра! Нечего удивляться, что люди вышли на улицы. Во что превратились некогда великие до'Веррада?

Рохарио, забыв о манжетах, с изумлением уставился на старика.

Снаружи донеслись приглушенные мушкетные выстрелы.

— Мы должны отвести дона Рохарио в безопасное место, — пробормотал один из слуг.

Раздался необычный звук. Хотя Рохарио никогда раньше не слышал настоящих воплей — за исключением пронзительного визга лошади брата, когда та сломала ногу после прыжка через изгородь, — он сразу все понял и содрогнулся.

— Пора, — сказал санкто Лео. — Нужно уходить отсюда. Остается надеяться, что авенидо Шагарра свободна.

Рохарио покорно последовал за стариком. Однако, когда они вышли через боковую дверь поперечного нефа на авенидо, возле стены собора уже кипел людской поток. Его рокот напоминал рев Рио Сангва во время наводнения. Рохарио с удивлением заметил, как группа бедно одетых молодых мужчин продирается против течения в сторону сокало. В руках они держали ножи и горлышки разбитых бутылок. Толпа спешила вперед, ни на что не обращая внимания, — вокруг царила паника.

— Идемте, господин. — Санкто Лео потащил его вперед.

— Бедняки вышли на улицы? Почему? — Рохарио посмотрел на группу молодых парней.

В какие лохмотья они одеты!

Санкто Лео проследил за его взглядом.

— Это совсем не бедные мальчики, дон Рохарио. Судя по их виду, они вполне уважаемые подмастерья.

— Но как они одеты...

— Медлить нельзя ни минуты! — прошептал один из слуг.

Крепкий малый, отставший от остальных подмастерьев, обернулся и посмотрел прямо на Рохарио. На его лице промелькнуло странное выражение, оно напомнило Рохарио усмешку старой няни Отонны, когда его маленькая сестричка Тимарра просила показать ей волшебную книгу о любви их дедушки и бабушки, Великого герцога Арриго и несравненной Великой герцогини Мечеллы, и рассказать о том, как они всегда заботились друг о друге.

Только на сей раз усмешка была обращена на него.

Санкто Лео подтолкнул его в спину.

— Идемте!

Шестеро парней повернули и устремились сквозь толпу к Рохарио. Со стороны сокало послышались мушкетные залпы. Закричали люди.

Слуга дернул Рохарио за руку. Ему хотелось бежать; он понимал, что означает появившееся на лицах подмастерьев выражение. Когда они были еще мальчишками, Эдоард частенько бил его. Однако Рохарио не мог поверить, что эти люди причинят ему вред. К тому же он не мог бросить старика.

— А вот и вонючий ублюдок! — закричал, приближаясь, крепыш, который шел последним.

Хотя люди продолжали заполнять улицы, Рохарио вдруг почувствовал, что он и его скромный эскорт остались наедине с полудюжиной подмастерьев. Он не ответил на оскорбление, но и не отступил.

Крепыш отшвырнул санкто Лео в сторону, встал перед Рохарио и пристально на него посмотрел. Они оказались примерно одного роста, но плечи парня были почти в два раза шире.

— Куда идешь, чи'патро? — дерзко спросил он.

— Ты не смеешь так говорить о моей благословенной матери! — Рохарио почувствовал, как в нем закипает гнев, и толкнул крепыша в грудь.

К сожалению, долгие годы уроков фехтования и тренировок не принесли дону Рохарио никакой пользы. Эдоард ненавидел проигрывать, и Рохарио с удовольствием шел на уступки или вовсе пропускал занятия.

Он понял, что дело плохо, когда подмастерье больно стукнул его кулаком по голове. Рохарио зашатался. Следующий удар заставил его отступить еще на шаг, и теперь он упирался спиной в стену. Сквозь звон в ушах он услышал умоляющий голос санкто Лео:

— Это дон Рохарио, не причиняйте ему вреда!

В ответ подмастерья принялись изрыгать проклятия. Рохарио закрыл руками голову, и они начали бить его в живот. Боль обожгла внутренности. За что они его ненавидят? Ведь он даже их не знает.

Рохарио услышал крик санкто Лео. С яростью, рожденной отчаянием, он вырвался из рук парней, чтобы броситься на помощь старику. Двое слуг уже лежали на земле, какой-то санкто мчался без задних ног.

— Прекратите! — заорал Рохарио, бешено размахивая кулаками, и попытался пробиться к санкто Лео. Тот упал на колени. — Он ведь старик, неужели вы сами не видите!

Кто-то ударил Рохарио сзади ногой, и он упал на одно колено, но тут же вскочил. Если он окажется на земле, все будет кончено.

Прогрохотали выстрелы. Санкто Лео вскрикнул и содрогнулся. Кровь фонтаном хлынула из раны на шее. Рохарио успел подхватить старика и приготовился к новому нападению, но подмастерья, выкрикивая напоследок злобные оскорбления, умчались прочь вместе с перепуганной толпой.

В ухо Рохарио попал камень. Он осмотрелся. Со стороны площади, как ангелы мщения, надвигались солдаты шагаррского полка.

— Господин! Господин! — закричал последний слуга, прячась у него за спиной. — Они стреляют во всех подряд. Мы должны бежать.

— Я не оставлю санкто. — Рохарио опустился на землю, продолжая держать Лео, по его рукам текла кровь старика.

Солдаты снова выстрелили. Женщина споткнулась и упала, ее рот был широко открыт от удивления и ужаса; она поползла вслед за разбегающимися людьми, ее руки царапали камни мостовой. И вмиг была растоптана толпой. Рохарио отвел глаза.

Солдаты продолжали беспощадно наступать. Он осторожно положил старика на землю, выпрямился и поднял руку. Как ни странно, она даже не дрожала.

— Стойте! Во имя Матры эй Фильхо! Помогите мне, этот святой человек ранен.

И тут случилось чудо. Солдаты остановились. Ехавший на лошади капитан прорезал толпу и спешился рядом с Рохарио.

— Матра Дольча! Дон Рохарио! Что вы здесь делаете? Сержант Риввас, доставьте дона Рохарио в Палассо. Возьмите десять человек для охраны. Немедленно!

Сильные руки подхватили Рохарио.

— Но санкто Лео! — запротестовал он.

— Ваш отец оторвет мне голову, если с вами что-нибудь произойдет, — устало сказал капитан. — Садитесь!

Рохарио помогли взобраться на лошадь, ему пришлось опереться на плечо сержанта, словно он был малым ребенком, хотя ему уже исполнился двадцать один год.

Теперь его окружали конные солдаты. Рохарио бросил последний взгляд на неподвижно лежавшего на холодных камнях санкто Лео, но сержант уже нетерпеливо дергал лошадь за повод. Они понеслись по улицам города в Палассо Веррада. Повсюду валялись тела убитых мужчин и женщин, стонали раненые — многие умрут еще сегодня от потери крови. Вдруг Рохарио увидел ребенка — ребенка! Он лежал на мостовой с раскинутыми в стороны руками, совсем как забытая кем-то кукла. Неужели такое возможно? Что происходит в Мейа-Суэрте?

К тому времени, когда они добрались до Палассо, Рохарио был уже ни на что не способен, поэтому молча покорился семейному врачу, который, впрочем, заявил, что с ним все в порядке, — лишь несколько синяков и царапин. Дворецкий и личный слуга отвели Рохарио в его покои. Там оставили одного, но он слышал, как они шепчутся за дверью.

Прошло несколько минут, и Рохарио вдруг почувствовал, что больше не может этого выносить. Он задыхался в своей спальне, чего раньше никогда не бывало. Роскошная комната вполне удовлетворяла его вкусам. Он посмотрел на двери, украшенные орнаментом, на камин с золотыми листьями, на пол маркетри и стены с изящными медальонами, расписанными цветами. И на картину, доставленную по его приказу из Галиерры: шедевр кисти Гуильбарро Грихальвы «Рождение Коссимы». Конечно, он хотел заполучить другое полотно, но бабушка Мечелла очень любила портрет Сааведры, и отец отказался снять его с почетного места.

Теперь, глядя на крошечную девочку, чья трагическая, ранняя смерть наполняла скорбью комнату, Рохарио вспомнил о мертвом ребенке, оставшемся на мостовой. И еще одна мысль пришла ему в голову: Коссима сидела на коленях матери в такой же позе, что и младенец на запрестольном образе в соборе.

Кому все это нужно? Словно кто-то сорвал занавес, окутывавший стены его комнаты, и он увидел уродливые улицы города. Все изменилось. Он не мог больше получать удовольствие от пронзительного полотна давно умершего Гуильбарро.

Рохарио вскочил с постели и прохромал мимо слуг, жестом отослав их прочь. Он шел в то единственное место во дворце, где всегда испытывал умиротворение, — в Галиерру. Сейчас она была закрыта, в ней находились лишь он сам и двое сопровождавших его на почтительном расстоянии слуг.

Он добрел до конца Галиерры; здесь, на самом видном месте, во всем своем великолепии висел портрет Сааведры Грихальва — «Первая Любовница». Рохарио устало присел на скамью. Он бы преклонил перед ней колени — картина того заслужива-

ла, но на него смотрели слуги. А ободранные о мостовую колени нещадно болели.

Рохарио с восхищением взирал на Сааведру. Первая Любовница стояла, положив одну руку на щеколду массивной, окованной железом двери своих покоев. Слегка повернув голову, она смотрела в зеркало, установленное на мольберте. Ее профиль, и тонко переданное отражение в зеркале, и умные, выразительные глаза казались более живыми, чем у многих придворных, с которыми Рохарио встречался каждый день. Рохарио хотелось верить, что Сааведра ждет возвращения своего возлюбленного, герцога Алехандро.

В отличие от Матери, главной чертой которой была умиротворенность, Сааведра излучала такую неистовую силу, что невольно возникало желание коснуться ее рукой. Рохарио восхищался этим произведением великого живописца с тех самых пор, как был маленьким мальчиком. Его няня и даже родители часто повторяли, что в детстве его переполняла безудержная энергия и только Галиерра могла его успокоить. Здесь, перед портретом Сааведры, его душа отдыхала.

— В Мейа-Суэрте что-то происходит, — прошептал Рохарио.

Ему отчаянно хотелось, чтобы она услышала, и одновременно он боялся, что слуги сочтут его безумцем, — ведь ни один человек в здравом уме не станет разговаривать с картиной.

— Я больше не понимаю мир, в котором живу. Старик, чья единственная вина заключалась в том, что он пытался спасти меня, убит.

Конечно же, она не могла ему ответить — он лишь представил себе ее слова:

«Все так изменилось. Почему?»

Рохарио попытался объяснить, рассказал о беспорядках в соседних странах — Гхийасе, Таглисе и Нипали, о простых людях, стремящихся принимать участие в управлении государством. Но его слова звучали абсурдно, к тому же он не обращал особого внимания на мир за стенами Палассо, а потому и не понимал его.

Он сдался, замолчал. Сааведра не может его слышать: она умерла триста пятьдесят лет назад. Рохарио вздохнул, поправил манжеты и снова посмотрел на портрет. Придворные дамы казались ему бледным отражением Сааведры — стоит взмахнуть рукой, и они исчезнут, не оставив после себя ни памяти, ни следа.

Двор... Как они заискивают перед каждым новым членом семьи. Эдоард выставил себя полнейшим дураком. Красоту новой жены своего отца Рохарио находил безжизненной, а в лице не видел света и силы — голубые глаза, черное сердце. Конечно, вряд ли Хоанна из Фризмарка, ныне Великая герцогиня Хоанна, настолько умна, чтобы сознательно причинить кому-нибудь зло. Ей нравятся наряды, драгоценности, миниатюрные борзые и сплетни. Но даже ей хватит сообразительности держаться подальше от старшего сына своего мужа — зачем рисковать тем, что у нее уже есть?!

Однако Эдоард не нашел ничего лучшего, как внушить себе, что он в нее влюблен. Рохарио выпало сомнительное удовольствие присутствовать при скандале.

«Тебе пора завести любовницу!» — кричал отец.

«Тогда она должна быть из рода Грихальва!»

«Ты не уважаешь память своей бабушки Мечеллы! И страдания, через которые ей пришлось пройти!»

Но Эдоард, холодный словно камень, не отступал перед яростью Великого герцога Ренайо и получил то, что хотел. Как и всегда.

Рохарио улыбнулся, вспомнив о порученной ему миссии. Отец нашел красивую вдову Грихальва. Она была внучкой Лейлы Грихальва, доверенного лица Великой герцогини Мечеллы.

— Эта вдова безупречна во всех отношениях, — заверил Эдоарда Верховный иллюстратор Андрео.

И Эдоард, незаметно наблюдавший во время службы за молодой женщиной через потайное отверстие в стене Храма Священных Фонтанов, как-то сразу решил, что она и в самом деле совершенна. Точно так же он покупал лошадей.

Эйха! Во время визита Рохарио молодая вдова устроила скандал, чем ужасно смутила своих родителей. Сейчас, уже в который раз вглядываясь в портрет Сааведры, Рохарио пытался понять, есть ли в этих женщинах нечто большее, нежели типичное внешнее сходство. Или, может быть, дело в бурном темпераменте молодой вдовы? В конце смутившей всех встречи отец назвал дочь строптивой. Возможно, дает о себе знать кровь Грихальва, которой уже четыре сотни лет, — вот откуда эти черные как вороново крыло локоны, прямой нос, скошенные брови, такие же, как у ее давно умершей родственницы Сааведры.

Женщина на картине ждала, такая живая, что Рохарио порой казалось: стоит только протянуть руку, и она, опершись на нее, сойдет с полотна. Ее платье, модное триста лет назад, выглядело как настоящее, реальное — пепельно-розовый бархат излучал мягкое сияние. Временами, когда Рохарио оставался в Галиерре один, — а может, это зависело от определенного освещения, — у него возникало чувство, будто Сааведра слегка поворачивает голову или что ее руки чуть-чуть смещаются, пальчик с кольцом сдвигается в сторону, а лучи солнца падают из окон спальни под другим углом.

Но это, конечно же, невозможно.

Он вздохнул и, подперев ладонью подбородок, буквально впился в лицо Сааведры.

И сделал неожиданное открытие.

Сааведра служила моделью для Матери на запрестольном образе в соборе. Как он раньше этого не заметил? Естественно, внесены небольшие изменения: другой цвет волос, одеяние Матери намного древнее платья Сааведры; ее не украшают никакие драгоценности — лишь освещает сияние святости. А в руке Сааведры зажата золотая цепочка, с которой свисает изящный Золотой Ключ, символизирующий богатство и традиции ее семьи.

Портрет сделан с натуры, а Матерь писалась по воспоминаниям, слегка потускневшим за долгие годы. Автор обоих полотен — великий Сарио Грихальва; одно создано в начале его удивительной карьеры, другое — в конце.

Рохарио услышал шаги, оглянулся, поморщился от боли в плече и ребрах и увидел Эрмальдо, графа до'Альва, министра и дальнего родственника до'Веррада. Эрмальдо остановился в нескольких шагах от Рохарио, всем своим видом выказывая нетерпение.

— Его светлость хочет немедленно с вами переговорить, дон Рохарио. Он глубоко скорбит из-за смерти нашего святого брата санкто Лео, бывшего учителем его светлости.

Рохарио встал с искаженным гримасой лицом — на этот раз причиной явилась не только боль. Омерзительное завершение омерзительного дня. Он снова оказался повинен в смерти человека, которого любил его отец.

Последние два года Рохарио старался не попадаться отцу на глаза. Теперь ему напомнят ужасную правду: именно по вине Рохарио его любимая мать Великая герцогиня Майрия умерла от летней лихорадки два года назад. Он всего лишь поставил букет лилий в вазу у ее постели. Откуда он мог знать, что поставщики цветов были переносчиками болезни? Отец так и не простил его.

— Иду, — повиновался Рохарио.

Он бросил последний молящий взгляд на Сааведру, снова увидев отражение ее глаз в зеркале.

«Где Алехандро?»

Может быть, она думает о нем? О своем возлюбленном, герцоге Алехандро?

— Давно мертв, — прошептал Рохарио, вдруг невыносимо остро ощутивший тайну и трагедию этой красивой женщины.

И проследовал за Эрмальдо в кабинет Великого герцога.

59

— Как я понял, ты не получил серьезных ранений?

Великий герцог не отрывал взгляд от «Договора», который лежал на его столе, не смотрел он и на спутника Рохарио — Андрео Грихальву.

Верховный иллюстратор стоял в полутени, повернув голову к окну, и выглядывал во внутренний дворик Палассо Веррада, где цвели акации. Пока Рохарио собирался ответить отцу, Верховный иллюстратор сделал шаг вперед и, посмотрев на молодого человека, выразительно приподнял бровь — извечная реакция на небрежность в одежде Рохарио. От Грихальвы исходил слабый аромат краски и скипидара.

— Ты не ответил мне, — сказал Великий герцог, как и прежде не поднимая глаз.

— Я не получил серьезных ранений, ваша светлость, — ответил Рохарио.

— Мне сказали, что ты пытался спасти жизнь санкто Лео.

— Он защищал меня, ваша светлость. Любой на моем месте поступил бы так же.

— При каких обстоятельствах на вас напали?

Рохарио вдруг вспомнил сердитые слова Лео: «Неужели вы не знаете, что происходит в городе?»

— Процессия закончилась серьезными беспорядками.

— Мне доложили советники. Инициаторы волнений будут найдены и понесут заслуженное наказание.

Как мог Великий герцог говорить так спокойно после всех ужасов, свидетелем которых стал Рохарио?

— Но, патро, разве не следует прежде выяснить, что заставило их начать бунт?

— Как мило, что у тебя вдруг появился интерес к государственным делам, Рохарио. — В тоне Великого герцога было столько сарказма, что Рохарио вздрогнул и сжал кулаки.

Великий герцог показал пальцем на рисунок — со своего места Рохарио не видел, кто там изображен, — а другой рукой поманил иллюстратора.

— Андрео, я не хочу, чтобы граф до'Паленсиа стоял на этом месте. Если он будет держаться как можно дальше от представителя семейства до'Нахерра, все поймут, что его сын не сможет рассчитывать на состояние этого семейства. Наследница до'Нахерра должна достаться Бенетто. Ему понадобятся деньги на собственное содержание, потому что он способен лишь возиться с игрушечными солдатиками.

Ренайо наконец поднял глаза, полные невысказанных упреков. Рохарио сжался. Лихорадка, убившая его мать, брата и маленькую сестру, нанесла непоправимый урон Бенетто, навсегда искалечив его разум и тело. Словно потеряв последний интерес к сыну, Великий герцог снова взглянул на «Договор».

— Конечно, ваша светлость, — сказал Андрео. — Я сделаю все, что потребуется.

Он отошел в сторону и сел на изящный стул с красной парчовой подушкой.

Фалды его зеленого шелкового кафтана опустились на покрытый коврами пол, явив миру великолепный жилет, расшитый зелеными и золотыми нитками.

Великий герцог, как обычно, был одет просто. Высокий воротник, поддерживаемый шейным платком, завязанным как галстук-бабочка, стального цвета двубортный сюртук прямого покроя в новом северном стиле. Одежда не слишком занимала Ренайо, если только все было пошито превосходно и из самых лучших материалов. Его волновало богатство.

Он осторожно свернул «Договор», стараясь не сделать изломов на плотной бумаге, и снова внимательно посмотрел на два наброска, лежащих на столе. Придвинувшись поближе, Рохарио увидел на одном из них с полдюжины карандашных портретов молодых женщин; на другом — сцену в порту: два корабля, четыре купца и спускаемые на берег грузы. Похоже на предварительный этюд к большому «Договору». Однако рисунок казался старомодным,

без четких — и, как считал Рохарио, скучных и неестественных — линий, характеризующих современный стиль.

— Мне это не нравится, — сказал Великий герцог. — Они выглядят безответственно.

Верховный иллюстратор вздохнул, как человек, на плечи которого взвалена непосильная ноша.

— Один из наших родственников вернулся домой в прошлом месяце. Он начал плавать, когда ему исполнилось восемнадцать, и очутился за границей в столь юном возрасте, что на него оказала влияние мода, не имеющая ничего общего с традициями семьи Грихальва. Слишком много эмоций.

Рохарио робко подошел к краю огромного стола. Ренайо продолжал игнорировать сына, словно тот вообще здесь не присутствовал. Изображение порта было интересным, но внимание Рохарио привлекли необычные миниатюры. Уже в течение пяти лет короли и принцы соседних держав присылали портреты своих дочерей в Тайра-Вирте, зная, что скоро Эдоард повзрослеет и ему понадобится жена. Большинство были написаны хорошими художниками; иные даже вызывали восхищение двора, хотя к претенденткам были просто безжалостны. Но в этих рисунках чувствовалась настоящая жизнь. Под каждым стояла аккуратная подпись: Элвит из Мерса, принцесса Аласаис де Гхийас, Юдит до'Брасина, графиня Катерин до'Таглиси. Первые две оказались прелестными молодыми девушками, а две другие — девочками двенадцати или четырнадцати лет, но зарисовки получились настолько удачными, что Рохарио показалось, будто он знаком с каждой из них и может предвидеть, как они поведут себя во время встречи. Элвит производила впечатление сильной и здоровой, Аласаис — нежной и стеснительной, маленькая Юдит с трудом сдерживала смех, а хрупкая графиня до'Таглиси напоминала кролика, за которым гонятся борзые.

— Он весьма амбициозный молодой человек, — добавил Андрео. — Работает самозабвенно. Думает только о живописи. Но находится под колоссальным влиянием старых мастеров. Похоже, он думает, что, получив имя Сарио, стал пользоваться тем же авторитетом, что и первый Сарио Грихальва. Эйха, уж эта молодежь! — Он посмотрел на Рохарио.

Ренайо, нахмурившись, продолжал изучать портреты. После смерти Майрии на его лице появилось много морщин.

— Эдоарду еще рано жениться, — сказал он изменившимся тоном. — Рохарио, Андрео сообщил мне, что молодая женщина не согласилась на связь с Эдоардом. Что ты ей сказал?

Неожиданное обвинение лишило Рохарио дара речи.

— Прошу прощения, ваша светлость, — вмешался Верховный иллюстратор, — но я сам разговаривал с родителями Элейны. Они очень благодарны дону Рохарио и — можете не сомневаться — приложат все силы, чтобы дон Эдоард получил то, что желает. Дон Рохарио был крайне вежлив, вел себя с достоинством и сделал свое предложение со всем необходимым почтением. Любая

девушка была бы польщена. Однако вы же знаете, у Элейны плохая наследственность со стороны матери. Прекрасные связи по отцовской линии, но ее мать — родственница Тасии Грихальва. Больше тут сказать нечего!

— Она не хочет быть любовницей Эдоарда? — удивился Ренайо.

— Она... очень упряма, ваша светлость. Бабушка внушила Элейне, что она должна посвятить себя живописи. Впрочем, не сомневайтесь, она выполнит свой долг.

Великий герцог не скрывал изумления.

— Я видел ее портрет. Она довольно красивая женщина. Для нее это прекрасная возможность... У меня сложилось впечатление, что Эдоард увлекся ею, и я хочу, чтобы он получил желаемое немедленно.

Иными словами, Ренайо надоело, что Эдоард бросает пламенные взоры на Великую герцогиню.

— Уверяю вас, ваша светлость, родители опустят Элейну с небес на землю. Дон Эдоард не должен беспокоиться по этому поводу

Они приценивались к ней, как к хорошей лошади на ярмарке! Размышления о взбунтовавшейся Элейне Грихальва навели Рохарио на мысль о взбунтовавшихся подмастерьях. Неужели и они тоже лишь фишки в чьей-то игре?

— Очень хорошо.

Ренайо отодвинул портреты девушек в сторону и, прищурившись, посмотрел на изображение гавани.

— Организуйте пребывание Эдоарда и молодой вдовы в Чассериайо в течение нескольких дней. Дон Рохарио будет их сопровождать. Его раны быстрее заживут на свежем воздухе, к тому же у него появится свободное время, дабы поразмыслить о будущем.

Сарказм отца не ускользнул от внимания Рохарио, но теперь он уже не принимал его близко к сердцу. А вот находиться так долго в компании Эдоарда и наблюдать за тем, как непокорная девушка будет вынуждена уступить домогательствам брата... Впрочем, женщины часто сначала говорят «нет», чтобы получить больше за свое «да». Рохарио запомнил не столько глаза, рот и подбородок Элейны, сколько вихрь энергии, исходивший от нее. Он постарается держаться от нее подальше.

Великий герцог провел по рисунку тщательно наманикюренным указательным пальцем.

— До тех пор пока этот молодой иллюстратор не начнет работать в более четкой и ясной манере, он не получит ни одного заказа на официальные документы. — Ренайо развернул первый «Договор» — рисунок принадлежал Андрео, — и уголки его рта дрогнули. В последнее время Ренайо очень редко улыбался. — Данный вариант меня вполне устраивает. — Не спуская глаз с эскиза, он добавил, словно эта мысль только что пришла ему в голову: — Ты можешь идти, Рохарио.

Молодой человек неловко поклонился, кивнул Верховному иллюстратору и направился к выходу. Он знал манеру

отца. Его изгнали. Однако остановился, прежде чем закрыть за собой дверь. Так нельзя! Он должен вернуться и выяснить, что же все-таки происходит в городе!

Сквозь щелку Рохарио услышал голос отца.

— Не знаю, что делать с наследованием, Андрео. Если сведения, полученные от наших шпионов, верны, пришло время для захвата Гхийаса. Но мои дети меня разочаровали. Эдоард способен думать исключительно о лошадях, женщинах и вине. Бенетто идиот. Тиларра боится собственной тени — она так простодушна. А Рохарио — эйха! — бесполезный щеголь. Порхает от цветка к цветку, словно бабочка, — яркие краски и никакой глубины. Я разрешил ему изучать живопись только потому, что на этом настаивал тио Кабрал, хотя подобные занятия вовсе негожи для человека его происхождения. Однако после четырех лет упорного труда он бросил все в одночасье! И без всякой на то причины! Матра Дольча, Андрео! Как я могу доверить кому-нибудь из них знание, необходимое моему преемнику? Ни один не достоин трона Тайра-Вирте, не говоря уж о Тайра-Вирте вместе с Гхийасом.

— Вы молоды и полны сил, ваша светлость, — сказал Верховный иллюстратор. — У вас еще будут другие дети.

Рохарио вздрогнул и отвернулся. Рядом стоял Эрмальдо и смотрел на него с обычным пренебрежением. Неужели все знают, что Великий герцог презирает собственных детей? Рохарио, хромая, направился в свои покои. Все тело у него болело. Он отрешенно приказал слугам складывать вещи. Оставаться в Палассо не было никакого резона.

60

Беатрис частенько повторяла, что ей следует входить в дом через заднюю дверь, отведенную для слуг, но Элейна терпеть не могла прятаться. Тыльной стороной ладони она отбросила черные волосы с лица и гордо зашагала по ступеням, ведущим в Палассо Грихальва. Два старика, сидевших на скамейке рядом с дверью в мастерскую, были свидетелями ее драматического появления. Один опустил глаза, другой улыбнулся. Элейна не знала, рассердиться ей или, наоборот, обрадоваться.

— Дэво! — обратилась она к старику, опустившему глаза; уже шестьдесят лет он растирает и смешивает краски для семейства Грихальва. — Закрой мастерскую, да понадежнее!

— Посиди с нами, меннина, — сказал второй старик и похлопал рукой по скамейке, такой древней, что дерево стало гладким, точно камень. — И где же ты была?

Элейна не думала, что встретится с грандтио Кабралом. Она подготовилась к тому, что мать в очередной раз начнет

упрекать ее за недостойное поведение, и слова как бы сами собой сорвались с губ:

— Я ходила смотреть на казнь, видела, как вешают людей. Солдаты шагаррского полка арестовали около двадцати человек, их объявили зачинщиками беспорядков, и они предстали перед судом. Им даже не дали возможности выступить в свою защиту! И вот — всего десять дней спустя! — двенадцать человек повесили. Что же это за правосудие такое?

— Скорое правосудие, мейнина, — мягко промолвил Кабрал. — Или, может быть, ты хочешь отдать свою спальню семье какого-нибудь нищего?

— По всему городу начнутся волнения. Думаю, уже сегодня днем!

— А я думаю, серьезные беспорядки начнутся в доме, если вы, маэсса Элейнита, не сделаете вид, что провели со мной все утро, — заявил Дэво; он всегда оживал, когда ему казалось, будто Элейне что-то угрожает.

Она давно завоевала сердце Дэво, попросив его — а не своих дядюшек из семейства Грихальва — раскрыть ей тайны красок. Он сидел спиной к открытому окну, из которого плыл запах масляных красок и растворителей, всю жизнь сопровождавший Грихальва.

— Ты мой единственный защитник, Дэво. — Элейна взяла его перепачканные красками мозолистые руки в свои.

— Ты хорошая девочка.

— Элейнита, тебе не следует ходить в такие места без сопровождения. — Кабрал говорил все тем же ненавязчивым тоном.

— Я почтенная вдова. И буду делать то, что пожелаю!

— Ты желаешь видеть, как вешают людей?

— Кто-то же должен быть свидетелем! Я сделала зарисовки. Вот

Она придвинулась поближе к Кабралу и положила альбом себе на колени — казалось, ее не волнует, что платье сшито из лучшего, дорогого шелка. Принялась быстро листать эскизы.

— Смотри, как беспокойно ведет себя толпа. — Отдельные лица, костюмы и платья, группы наблюдающих за происходящим людей, дети, снующие среди взрослых: ей удалось запечатлеть многое из увиденного. — Виселицы построили возле болота. Мастерскую следует на сегодня закрыть — в знак протеста. Этим несчастным не позволили сказать ни единого слова в свою защиту.

— Мы не можем принять такое решение, милая.

— Позволить людям высказывать свое мнение? Или закрыть мастерскую? — Элейна помолчала немного. — Неужели тебе все равно, грандтио? Ты выполняешь их приказы, живешь у них под каблуком. А ведь ты в два раза старше любого из них!

— О ком ты?

Элейна услышала в голосе Кабрала настороженность.

Он посмотрел на Дэво, но тот так долго служил их семье, что давно знал большинство тайн.

Говорить все это было не слишком благоразумно, но подобные соображения никогда не останавливали Элейну.

— О Вьехос Фратос. Людях, владеющих Золотым Ключом.

Кабрал долго молчал, потом махнул рукой, и Дэво, послушно поднявшись, ушел в мастерскую. Здесь, в тихом имении Грихальва, казалось, что казни происходили где-то на другом конце света, — так, собственно, и было. Виселицы установили на окраине города, как можно дальше от Палассо Веррада. А Палассо Грихальва был иным миром, где не толкаются разгоряченные, возбужденные люди, не раздается сердитый шепот, не слышно криков ненависти и страха, не видно, как раскачиваются и дергаются в петлях человеческие тела. Тут царила тишина, ласково светило солнце, а улица погружалась в сонную сиесту. Мимо проехала тележка, наполненная лимонами, на перекрестках играли дети. Из крытого перехода, ведущего в центральный двор, доносились смех и пение служанок, стиравших белье в корытах у конюшни: «Мой любимый ждет меня у фонтана».

— Я вижу, Лейла говорила с тобой довольно откровенно, — наконец заявил Кабрал и аккуратно сложил руки на коленях.

— Ты же об этом и так знал! Бабушка верила, что у меня есть талант!

— Я тоже так считаю, меннина.

Элейна тотчас закрыла глаза, внезапно наполнившиеся слезами, положила голову ему на руки, мозолистые, покрытые старыми шрамами, ведь Кабрал столько лет растирал грубые красители и превращал их в краски.

— Но бабушка умерла, теперь только ты в меня веришь.

Кабрал ласково погладил ее по голове.

— Итинераррио Сарио смотрел твои работы. Он обладает Даром и восхищен тем, что ты делаешь.

Элейна взглянула на него, чувствуя, как начинают пламенеть щеки.

— Я еще с ним не встречалась. Со времени беспорядков на площади у собора мама не выпускает меня с женской половины, заставляет рисовать ужасных собачек, которых держат придворные дамы. Матра эй Фильхо, а теперь еще Великая герцогиня Хоанна возжелала получить портрет своих гончих. Ей на глаза попалась моя миниатюра — мопсы графини до'Кастейа, и она хочет, чтобы я изобразила ее псов рядом с деревенским домом... эдакая пасторальная сценка. Меня от этого тошнит! Ну посмотри! Ты только взгляни! — Она отодвинулась от Кабрала и продолжала листать альбом. — Дети в лохмотьях, мужчины едва стоят на ногах от голода... И все они пришли на казнь — зачем?

Там говорили о Гхийасе и о том, что через семь дней после хлебного бунта восставшие сожгли дворец в Ауте-Гхийасс, а короля убили. Это правда?

Казалось, Кабрал совсем не удивился.

— Как я могу поверить в правдивость подобных слухов? Всем известно, что мы, Грихальва, служим Великому герцогу. Если народ решится напасть на герцога Ренайо, значит, и нам не поздоровится.

— Да, наверное. Похоже на эпидемию, которая распространяется из одного города в другой. Но я все равно считаю, что нельзя было вешать этих несчастных.

— К нам приходил покупатель, интересовался твоей картиной «Битва на Рио Сангва».

— Ты пытаешься увести меня в сторону. Никойо сказал, что мне следует ее сжечь. Только это хорошая картина, а вовсе не позор, как бы он ее ни поносил. — Элейна склонила голову набок, потому что услышала доносившиеся издалека выстрелы, резкий, неестественный звук, принесенный теплым ветерком. — Матра!

Кабрал поднялся со скамейки и выглянул на пустую улицу. Его абсолютно белые волосы напоминали цинк, который используется для самых холодных, белоснежных тонов, но двигался он легко и уверенно, словно ему и сорока не исполнилось. На самом деле Кабралу было около восьмидесяти, а чувствовал он себя лучше, чем любой из Одаренных художников вдвое моложе его. Жалел ли он когда-нибудь о том, что природа наделила его здоровьем, или с радостью отдал бы все прожитые годы за возможность обладать Даром? Элейна не решалась спросить его об этом.

— Ничего. Иди в дом, Элейнита. Я побуду здесь. — Кабрал осуждающе поцокал языком. — Тяжелые времена наступили.

Элейна поцеловала его в щеку и поспешила в дом, настроение у нее совершенно изменилось. Интересно, кто приходил посмотреть на картину? А вдруг ее купят? Может быть, даже выставят в Галиерре Веррада?

— Нет!

Элейна узнала голос Агустина.

А в следующее мгновение мальчик выскочил из крытой аркады, ведущей в сад. Увидев Элейну, он бросился к ней.

— Я не стану проходить конфирматтио, — спрятавшись у нее за спиной, пробормотал он. — Это так унизительно.

— Агустин!

— Существуют другие способы узнать. Почему меня нужно подвергать испытанию? Просто они хотят, чтобы со мной проделали то же самое, что в свое время испытали они сами! Я не стану!

Элейна вздохнула. И вот появились они, их голоса напомнили ей ворчание толпы во время казни: дядя, три кузена и ее мать. Она приготовилась к сражению.

Дионисa шла впереди, ее старомодная широкая юбка зашуршала, коснувшись стен узкого прохода, ведущего во двор. Она приблизилась к дочери и сыну с уверенностью женщины, обладающей безграничной властью: Дионисa была матерью Одаренного сына. Она сурово посмотрела на Элейну.

— Мало того, что сама себя так ведешь, нужно и брата заразить неповиновением! Отправляйся в свою комнату, немедленно! Я поговорю с тобой позже.

— Не пойду, — тихо ответила Элейна.

— Он предан ей словно пес, — проворчал дядя Гиаберто.

Брат еще сильнее прижался к ней. И хотя он уже был выше ее ростом — Агустину исполнилось пятнадцать, — ему хватало сил лишь на короткие вспышки протеста. Его душа художника напоминала произведение искусства из хрупкого фарфора: восхищайтесь им, обращайтесь крайне осторожно, и тогда комната наполнится светлой красотой; а упадет на пол — осколки разлетятся в разные стороны. Элейна такой утонченностью не отличалась. Диониса частенько сожалела, что сыну не достался от рождения решительный, воинственный нрав, а дочь природа не наделила покорностью и благоразумием.

— Это дело Совета, — запротестовал Никойо. — Ты можешь идти, Элейна.

— В таком случае Агустин пойдет со мной. Идем, Агустин.

Впрочем, вымолвив эти слова, Элейна задрожала, и не только от гнева. Вряд ли разумно сердить одного из Вьехос Фратос. Они обладают властью, которой другие не наделены. Пять лет назад ей пришлось дорого заплатить за это знание.

— Ну, с меня достаточно! — рассвирепел Никойо.

— Пусть уходит, — заявила Диониса, — и забирает мальчика, пока. В конце концов речь идет о простой формальности. Он ведь уже показал нам свое мастерство. — Они всегда окутывали Дар покровом тайны, даже когда говорили о нем между собой. — Давайте обсудим, что мы будем делать дальше.

В подобные моменты Элейна восхищалась тем, как ее мать умела навязать свою волю родственникам мужчинам. Агустин был своего рода редкостью; в последнем поколении совсем немного мальчиков прошли конфирматтио — бабушка Лейла не раз сетовала по этому поводу. Сама она родила двоих Одаренных сыновей, однако никакая другая женщина из рода Грихальва не имела больше одного. Диониса прекрасно сознавала ценность того, чем обладала; Вьехос Фратос тоже понимали это и не сомневались, что она покорно отойдет в сторонку, позволив им забрать Агустина, не станет направлять его кисть.

Элейна не доверяла матери. Но, сказав, что уходит, она уже ничего не могла сделать. Поэтому она взяла Агустина за руку, и они вместе пересекли огромный бальный зал, миновали южный двор и через аркаду, заросшую олеандрами, вышли на другой, выложенный плиткой двор, по периметру которого располагались личные покои членов семьи.

Несмотря на прохладную погоду, Агустин вспотел. Он опустил руку в фонтан, провел пальцами по холодной плитке, вытер лоб. Из двери, ведущей в библиотеку, появилась их сестра, Беатрис, и направилась прямо к ним.

— Не нужно меня проверять, — продолжал возмущаться Агустин, когда Беатрис остановилась рядом и ласково убрала с его лица выбившуюся прядь волос, — если они уже и так знают... — Агустин замолчал, потому что из аркады вышла их кузина, Иберра. Она принадлежала к той ветви семьи, которая уже больше

не производила на свет Одаренных сыновей. Андрео был последним. Иберра могла лишь подозревать, что у Вьехос Фратос есть свои секреты, но об истинном могуществе Грихальва не имела ни малейшего понятия.

— У твоего платья грязный подол, — сказал Агустин Беатрис, быстро сменив тему разговора. — Ты пыталась стряхнуть землю, когда поднялась с колен, верно?

— Беатрис! — Иберра в ужасе прижала руку к довольно внушительной груди. — Неужели ты снова работала в саду со слугами? Я думала, ты читаешь, эйха! Я слышала такие новости! — Последние слова она произнесла трагическим тоном. — Андрео сказал маме, что тебе следует выйти замуж за Франсиссо.

Элейну передернуло.

— Я, естественно, сделаю так, как мне велят мои родные, — спокойно ответила Беатрис.

— В этом можно не сомневаться, — нежным голоском проворковала Иберра и бросила торжествующий и одновременно ядовитый взгляд на Элейну.

— Извини, Иберра, нам нужно идти. — Элейна схватила Агустина за руку и потащила за собой.

Беатрис поспешила следом.

— Элейна!

Они начали подниматься по лестнице, один пролет до угла, поворот, снова наверх — пока не добрались до площадки третьего этажа. Здесь Элейна открыла дверь, ведущую в апартаменты матери и двоюродных братьев и сестер, — из-за возмутительного поведения их тетки Тасии, которая никому даже и не нравилась, они были вынуждены занимать самое неудобное крыло в Палассо.

«Впрочем, тут совсем неплохо», — подумала Элейна, когда они шли по коридору. Огромные окна выходили во двор, на белую стену, украшенную азалиями и бело-голубыми плитками в виде розеток, отделанных зеленым бордюром, — эмблема Палассо Грихальва. Здесь было так красиво, что Дионисa не попыталась вышвырнуть из расположенных гораздо выгоднее комнат мать Иберры, у которой не было сыновей. Вместо этого она убрала свои апартаменты по-новому, словно решила доказать всем, что грязь, связанная с именем Тасии, ее не запятнала.

Они вошли в гостиную, и Элейна бросила шаль и альбом на диван.

— Зачем ты настраиваешь против себя Иберру? — спросила Беатрис.

Элейна сверкнула на нее глазами, но ничего не сказала. На добрую со всеми Беатрис злиться по-настоящему было просто невозможно.

— Я возвращаюсь в студию, — объявил Агустин. — Дэво говорит, что у него есть несколько новых красок из марены, мы с ним собираемся смешать розовую для акварелей.

— Только не делай глупостей, — взмолилась Элейна.

— Дэво ему не позволит, — успокоила ее Беатрис.

Тонкие губы Агустина дрогнули в улыбке. Он был робким мальчиком, таким его сделали бесконечные годы болезней. То, что он пережил летнюю лихорадку два года назад, оказалось чудом, дарованным Святой Матерью. Его более крепким братьям-близнецам не повезло.

— Не буду, — пообещал он.

Поцеловав сестер, Агустин быстро ушел, а Элейна устремилась к балкону, выходившему на улицу. Беатрис последовала за ней. Они облокотились о кованую железную решетку, украшенную по углам ключами самых причудливых форм и размеров: от дверей, малюсенькими ключиками от шкатулок с драгоценностями, отмычками.

Элейна разглядывала широкую улицу.

— Посмотри, как мало народу вышло их своих домов. Слишком тихо, и вовсе не потому, что сейчас сиеста.

Больше не было слышно ружейной стрельбы.

— Мама сделает все возможное, чтобы Агустин стал следующим Верховным иллюстратором, — почти шепотом промолвила Беатрис, мягко пытаясь напомнить сестре о реальности.

В своем лавандовом утреннем платье, белых кружевных перчатках и черной шали, изящно накинутой на темные волосы, она казалась такой кроткой и нежной, как никто на свете.

Кружевная шаль Элейны была просто наброшена на плечи, и она смущенно принялась поправлять ее, хотя Беатрис вряд ли стала бы упрекать сестру за неряшливость.

— Агустин слишком слаб, чтобы стать Верховным иллюстратором. Он откажется.

— Разве он сумеет противостоять матери?

— Хватит одного раза. А потом я буду делать это за него, от его имени.

— Он не может всегда и во всем опираться на тебя, Элейна.

Сердце Элейны затопили такая отчаянная любовь и такой яростный гнев, что у нее задрожал голос.

— Не может? Я больше не выйду замуж и, скорее всего, переживу Агустина. Он нуждается в защите.

Из гостиной послышался какой-то грохот, потом громкая брань. Беатрис вздрогнула и поспешила выяснить, что происходит.

— Где она? — потребовал ответа мужской голос. — Где моя неблагодарная дочь?

— Ну-ну, отец, — ласково проворковала Беатрис.

Элейна промчалась сквозь толстые занавеси, отделявшие комнату от балкона, задержалась на мгновение, чтобы осторожно прикрыть за собой стеклянные двери.

— Я здесь, — сказала она и встала лицом к отцу.

Ревирдин уронил свою трость, видимо, когда споткнулся о край ковра, и перевернул изящный столик. Упала и разбилась дорогая ваза из Синны. Но Беатрис заботливо усадила его в кресло, в то время как он бросал на Элейну гневные взгляды, слов-

но его оплошность была целиком и полностью на ее совести. Несчастный случай с повозкой, в которой он когда-то ехал, лишил его способности рисовать, что пагубно отразилось на характере. А за последние семь лет, видя, как расцветает талант его дочери, Ревирдин стал еще более желчным.

— До меня дошли слухи, что ты упорно продолжаешь отвергать предложение наследника, — строго сказал он. — Эйха! Подумать только, чего нам стоило убедить Андрео и Вьехос Фратос, чтобы выбрали именно тебя, когда стало известно о желании наследника взять любовницу из семьи Грихальва! Нет, нет, говорили они, Элейна страшно несговорчивая особа. Но даже я не сомневался, что ты не откажешься выполнить свой долг перед семьей. Ну а если ты не согласишься из этих побуждений, то по крайней мере тебя привлекут многочисленные подарки, которые ты получишь. Вполне возможно, он пожалует тебе особняк и землю — такова традиция. Многие любовницы из нашего рода вышли замуж за знатных людей после того, как наследник женился. Неужели я выставил себя дураком?

— Мне не нужны подарки! И знатный муж!

— Я не желаю больше слушать эти глупости, дочь! Сюда идет твоя мать. Беатрис, дай мне трость.

Беатрис уже держала ее в руке. Передала отцу, и Ревирдин Грихальва положил трость из черного дерева себе на колени, вцепившись в нее левой — и единственной — рукой. Правая заканчивалась около локтя. Рукав был подвязан черной ленточкой, чтобы не болтался и не мешал во время ходьбы.

Ревирдин отказался перебраться в комнаты на нижнем этаже, тогда ему больше не пришлось бы карабкаться по лестницам. Он встал, приветствуя жену, как принято у воспитанных людей, хотя это движение и заставило его поморщиться от боли.

Дионисса вошла одна, оставив где-то по дороге своего брата-иллюстратора и остальных родственников.

— Пожалуйста, садись, Ревирдин. — Она равнодушно поцеловала мужа в щеку и кивнула Беатрис, которая бросилась помочь отцу снова занять место в кресле.

Дионисса обратила ледяной взгляд на Элейну. Она не собиралась соблюдать правила хорошего тона.

— Ты все равно станешь любовницей дона Эдоарда! Больше ты ни на что не пригодна.

— Я могу рисовать.

— Ты бесплодна.

— Я этого не сделаю!

— Дон Эдоард видел тебя и пожелал заполучить в свою постель, спаси и помилуй его Матра от твоего гнусного нрава!

Ревирдин хмыкнул.

— Моя мать частенько повторяла, что Арриго, да будет благословенна его душа, был просто в восторге от язвительной Тасии.

Дионисса только молча посмотрела на мужа и стукнула костяшками пальцев по столу, как бы подчеркивая свои слова.

— Вопрос решен, Элейна. Мы не собираемся с тобой препираться. Я уже посоветовалась с Гиаберто. Он хотел занять место Верховного иллюстратора, которое сейчас принадлежит Андрео; он ничем его не хуже. Но, естественно, Великий герцог не согласился сделать его Верховным иллюстратором, поскольку он приходится племянником Тасии. И то, что сестры отреклись от нее, не имеет никакого значения. Эйха! Что прошло, то прошло. А теперь дон Эдоард увидел тебя, и ты ему понравилась. Все говорят, что этот молодой человек довольно упрям, испорчен и немного глуп. Ты сможешь получить все что угодно, власть...

— И стать такой, как тетушка Тасия, от которой отреклись сестры?

Гнев на лице Дионисы сменился яростью.

— Беатрис, выйди из комнаты.

— Хорошо, мама.

Элейна даже не пыталась просить сестру остаться, она не хотела, чтобы Беатрис присутствовала при скандале, который должен был вот-вот разразиться.

Впрочем, Дионисса заговорила совсем тихо, совершенно нормальным, спокойным тоном.

— Мы получили от Великого герцога сообщение, что через три дня за тобой приедут и отвезут в Чассериайо. Так вот, мы с Гиаберто решили: если ты добровольно не согласишься выполнить желание Эдоарда, тебе придется принять его предложение иным способом!

Сердце в груди Элейны отчаянно заколотилось, когда она осознала значение слов матери, произнесенных так спокойно. От страха и гнева она лишилась дара речи. В комнате повисло такое напряженное молчание, что когда ее отец откашлялся, этот звук был подобен ружейному выстрелу.

Элейна закусила нижнюю губу, чтобы унять дрожь.

— Вы намерены снова проделать со мной то же самое... как тогда, с Фелиппо? — Она с трудом сдерживала слезы. — Как ты можешь?

— Мы поступим так, как посчитаем необходимым. Портрет уже наполовину готов — это, конечно, не самая лучшая работа Гиаберто, но для наших целей вполне сгодится. Через три дня Великий герцог пришлет слуг, которые будут сопровождать тебя в Чассериайо. С каким настроением ты туда поедешь, решать тебе. Я жду твоего ответа завтра. Если ты согласишься и поклянешься честью бабушки Лейлы, никто не сделает ничего плохого. Отправляйся в свою комнату. Нам с твоим отцом нужно кое-что обсудить.

Элейна онемела от ярости, и ей хватило сил лишь на то, чтобы спокойно выйти из гостиной. Добравшись до спальни, которую она делила с Беатрис, Элейна упала на кровать и зарылась лицом в подушку.

Как они могут? Как они только могут?

Пять лет назад... Матра Дольча! Если они сделали это тогда, что помешает им теперь? Ей только исполнилось шестнадцать, она была упрямой и дерзкой, мечтала оставить след в истории

семьи Грихальва — ведь Матра наделила ее талантом. Она перенесла процедуру конфирматтио — дважды! — но не смогла зачать ребенка, хотя все молодые люди, с которыми она имела дело, позднее доказали, что не обладают Даром. Из-за этого и еще потому, что она понимала долг женщины из семьи Грихальва совсем не так, как ее мать, родители решили отдать ее замуж за Фелиппо Грихальву.

В шестьдесят лет Фелиппо уже похоронил двух жен, вместе они родили ему пятерых детей и одного Одаренного сына. И что самое главное, он исполнял свой долг умелого, но абсолютно лишенного воображения копииста работ Одаренных иллюстраторов, создавая обычные копии «Договоров», наделенных магическими свойствами, которые затем отсылались в другие страны в качестве документа о данном соглашении. Он принимал участие в одном деликатном предприятии — в результате Майрия де Гхийас вышла замуж за Ренайо II, а не за своего гхийасского кузена, Иво IV, сумевшего утащить трон Гхийаса прямо из-под носа Ренайо.

Поэтому мудрые советники решили наградить Фелиппо красивой и очень молодой женой, которую к тому же он выбрал сам.

Будущая жена категорически отказалась выйти за него замуж.

Слезы потекли по щекам Элейны. Она прижала кулаки к глазам, не желая снова вспоминать о пережитом унижении.

Но не могла забыть и дня похорон, когда, прижав одну руку к груди и испытывая самое искреннее горе, сидела во вдовьем кресле рядом со смертным одром своего покойного супруга... и вдруг почувствовала, как дурманящее девчоночье восхищение, которое она переживала, глядя на своего престарелого мужа, исчезает при виде его лица, скованного маской смерти. Скорбящие родственники проходили мимо, а она пыталась привести в порядок мысли.

Матра Дольча! Он вызывал у нее отвращение! Старый, распутный, с шершавой кожей, ставшей такой после стольких лет работы с красками... а она обожала его, льстила ему, ласкала. И вот эти чувства ускользнули, словно легкая тень от облака. Он ей вовсе не нравился. Она отказалась выйти за него замуж и решительно заявила родителям и всем остальным родственникам, что не желает быть женой Фелиппо Грихальвы.

«Я не выйду замуж за Фелиппо Грихальву».

Элейна сидела в тот день неподалеку от погребального костра и наконец поняла, что почти три года жила во сне. Проснувшись, она с изумлением посмотрела на черные кружевные перчатки и старое черное платье, вышедшее из моды лет двадцать назад и перешитое по ее фигуре, — жесткий корсет сковывал каждое движение. Она слушала соболезнования родственников, но их слова, казалось, доносились из-за высокой каменной стены.

В конце концов Лейла сказала ей правду. Иллюстраторам удалось раздобыть ее кровь и слезы, а потом они воспользовались своим Даром и нарисовали ее портрет-повиновение, заколдовав его таким образом, что она не могла не согласиться выйти замуж за Фелиппо.

«Я была против! — возмущалась Лейла. — Не сомневайся, я была категорически против. Но, что бы ни говорили сестры Тасии, ее кровь течет и в их жилах. Диониса и Гиаберто провернули все шито-крыто, и никто ничего не узнал. А потом... Эйха! «Ну что в этом плохого? — заявили остальные. — Девушке надо знать свое место». Северин умер, благослови, Матра, его добрую душу, и мой Юстино тоже от нас ушел, бедное дитя, а Витторио не вернулся из-за границы... Я могла лишь умолять их вспомнить о чести. Представить себе, что мой сын согласится на такое злодеяние! Уж можешь быть уверена, я высказала Ревирдину все, что думаю о нем, — как он посмел дать согласие наложить чары на собственную дочь! Но ты снова со мной, меннина. Больше они тебя не обидят».

Однако Лейла умерла — ее сразила последняя вспышка летней лихорадки, унесшая в самом начале эпидемии Фелиппо. Через два месяца после его смерти Элейна тоже заболела, и у нее был выкидыш — последнее наказание, несчастное, уродливое существо.

— Больше они ко мне не прикоснутся, — поклялась она подушке.

Та, естественно, ничего не сказала в ответ, но мягкая ткань высушила последние слезы. Она услышала, как скрипнула дверь, потом ее тихонько прикрыли, и Элейна вскочила, готовая встретить противника во всеоружии.

Беатрис держала в руках корзинку с апельсинами и виноградом.

— Я подумала, а вдруг ты проголодалась.

Элейна снова опустилась на кровать.

— Нет.

— Ну, может быть, захочешь позже. Мама решила запереть тебя в комнате. Мне удалось прихватить из гостиной твой альбом.

— Спасибо. — Элейна так устала, что у нее уже не осталось сил возмущаться новым оскорблением.

Запереть в комнате!

— Грандтио Кабрал пришел поговорить с тобой, он за дверью.

— Я не желаю с ним разговаривать!

Взрывной характер Элейны никогда не производил должного впечатления на Беатрис.

— Конечно, не желаешь, но могла бы поздороваться и вести себя вежливо, раз уж у тебя все равно нет выбора.

— Беатрис, и как тебе это только удается? — воскликнула Элейна. — Если у меня нет выбора, так почему бы мне не показать ему, что я на самом деле чувствую? Разве у тебя нет никаких чувств?

Беатрис улыбнулась ей и пошла к двери. При обычных обстоятельствах никто, кроме матери, отца и брата, не допускался в их личные апартаменты, но Кабрал был не только их дядюшкой, но и человеком, к чьему мнению прислушивался сам Великий герцог. Если он решил переговорить со своей внучатой племянницей в ее собственной спальне, никто из членов Совета не осмелился бы ему возразить.

Кабрал с мрачным видом вошел в комнату, под мышкой он держал картину. Поставив ее на мольберт в углу комнаты,

снял покрывало, и Элейна увидела собственную картину — «Битва на Рио Сангва».

На переднем плане будущий герцог Ренайо держит на руках своего умирающего отца, Алессо, слева распростерся взятый в плен тза'абский воин. За спинами собравшихся вокруг офицеров видно поле боя, усеянное телами погибших солдат, а еще дальше — равнины Хоарры, золотые в лучах вышедшего из-за облаков солнца.

— Отличная картина, и тебе это прекрасно известно, — заявил Кабрал, не обращая никакого внимания на заплаканное лицо Элейны и смятую постель. — Большинство художников не могут удержаться от соблазна скопировать «Битву» Бартойина, а ты решила вспомнить древнюю «Смерть Верро Грихальвы», выполненную Пьедро Грихальвой. Это, конечно, повторение, не более того, но твоя работа заставляет задуматься. И уж сделана она совсем не в современном стиле. Возможно, ты слишком ярко и детально изобразила задний план... впрочем, не знаю, уверенности у меня нет. Отвлекает зрителя от треугольника...

— Они говорят, что я не использую классические формы, тио, но ведь это не так! Ты же видишь: Ренайо находится в самом центре, а две другие фигуры — чуть ниже, по обеим сторонам.

— С точки зрения композиции ты сделала все прекрасно, — согласился Кабрал.

На мгновение Элейна забыла о своих неприятностях. «Сделала все прекрасно». Эти слова стоили многого.

— Слуга из замка до'Кастейа сказал, что они хотят приобрести твою работу для Галиерры графа Малдонно.

Граф Малдонно — кузен Великого герцога! — хочет купить картину.

— И что сказал Андрео? — победоносно спросила она.

Кабрал поправил манжеты. У него были по-прежнему красивые руки, они потемнели от возраста и работы с красками, однако оставались сильными. Он поморщился, но Элейна не поняла, что означает его гримаса.

— «Стиль не основан на классических образцах. Слишком дикий. Нет никакой дисциплины».

Элейна вздохнула. Все это она уже слышала раньше.

— Впрочем, — Кабрал снова закрыл картину, — композиция и краски использованы умело, в картине есть жизнь. Ты становишься отличным художником.

— Я не хуже здравствующих ныне мастеров! — Элейна покраснела. — Но у меня нет Дара. Поэтому я для них не представляю никакой ценности, тем более что копиист из меня получился никудышный.

— Они не могут простить тебе того, что ты оказалась слишком талантливой. С их точки зрения, искусство ценно только в том случае, если оно служит Дару и, таким образом, семье. — Он вздохнул, опустился на пуховую кровать рядом с Элейной и стал задумчиво водить пальцем по фамильным розеткам Грихаль-

ва, вышитым Беатрис на покрывале. — Когда-то я думал так же, как и они. Что ты собираешься делать, Элейнита?

Элейна сложила руки на коленях и спросила, не поднимая глаз:

— Что ты хочешь мне сказать?

— Прими предложение Эдоарда. Сделай все, чтобы он был счастлив. У него масса других обязанностей. У тебя будет достаточно времени, чтобы рисовать, и ни твои родители, ни старый дядя не смогут тебе помешать. А когда Эдоард женится, ты получишь свободу, причем довольно почетную. Возможно, он подарит тебе загородный дом. Поселишься там с чувством выполненного долга — ты же вдова — и станешь заниматься живописью сколько душе угодно. Это самый легкий путь, по которому ты доберешься до желанной цели.

— Стать шлюхой?

— Всем время от времени приходится принимать компромиссные решения.

Элейна вскочила, быстро подошла к окну, потом к двери, снова вернулась к кровати.

— Это ужасное решение. Я не могу отдаться Эдоарду в обмен на то, что он потом мне даст. А если я откажусь, дядя Гиаберто в очередной раз заколдует мой портрет. — Элейна с вызовом посмотрела на Кабрала, надеясь увидеть изумление на его лице.

Но ее слова его совсем не удивили.

— Лучше выходить на дорогу с открытыми глазами.

— Я узнаю, что они снова не наложили чары на мой образ, если буду продолжать испытывать к нему отвращение. Но разве можно лечь в постель с мужчиной, на которого даже смотреть противно? По крайней мере, если они сделают по-своему, моя жизнь превратится в сон.

Кабрал снова попытался разгладить рукава — бессознательное движение человека, который когда-то уделял много внимания своей внешности.

— Женщины выходят замуж, чтобы принести пользу своей семье, а вовсе не следуя зову сердца. Твоя бабушка, Лейла, моя дорогая сестра, была исключением. Она любила Северина и стала его женой, отлично зная, что он умрет раньше нее. Великий герцог Ренайо желает заполучить Аласаис де Гхийас в жены Эдоарду совсем не потому, что у нее хорошенькое личико. Брак с ней возведет его сына на трон обеих стран. Ренайо не забыл, что Энрей назвал своим наследником его, а не Иво.

Элейна подошла к окну, выглянула во двор — в фонтане вода переливалась из верхней чаши, стекала вниз по выложенному желтой и голубой плиткой орнаменту в ярко-желтый бассейн, где тут же начинали резвиться веселые пузырьки.

— Может быть, Элейне будет легче, — тихо сказала Беатрис, — если мама и папа разрешат мне сопровождать ее в Чассериайо. У нее там будет подружка.

— Ты же не замужем, — напомнил ей Кабрал.

— У меня есть маленький сын.

— Верно. Я думаю, это отличная идея, Беатрис. Дон Эдоард, к сожалению, не самая приятная компания, если

только ты не без ума от лошадей и гончих до такой степени, что больше ничего тебя не интересует. Однако для роли дуэньи ты не годишься.

— А что ты думаешь насчет жены Дэво, Мары? — Беатрис задала этот вопрос так, словно у нее уже давно созрел предложенный вариант и готовы все возможные возражения. — Она может выступить в роли дуэньи, а я буду подружкой и компаньонкой.

— А почему бы и нет? — отвернувшись от окна, неожиданно беспечно сказала Элейна. — Я с удовольствием буду проводить время в твоем обществе, Беатрис. Как и всегда. Может быть, тогда это окажется не столь ужасно. — Голос ее сорвался.

— Значит, ты согласна? — спросил Кабрал.

Элейна не стала кивать. Выбрав этот путь, она пойдет по нему с открытыми глазами.

— Да. Даю слово. Если мне разрешат рисовать...

— Между примерками, меннина, — оживился Кабрал. — Тебе будет необходимо обзавестись парадными туалетами, костюмами для прогулок и езды верхом, самыми разнообразными пеньюарами. Ты станешь принимать гостей, ходить на балы...

Жизнь при дворе! Даже подумать противно. Но деваться некуда, она согласилась.

— Я могу заменять тебя во время примерок, — поспешила предложить Беатрис, точно предвидела, что слова Кабрала вызовут у Элейны бурю негодования.

Ради нее Элейна смолчала.

Кабрал поднялся и поцеловал каждую из сестер.

— Могу я сообщить слуге из Кастейи, что ты не возражаешь против покупки графом Малдонно твоей картины?

Весьма впечатляющий заключительный штрих к разговору.

Ее работа попадет в коллекцию до'Кастейа! Элейна лишь молча кивнула. Кабрал снял картину с мольберта и ушел.

Матра Дольча! Все произошло так быстро. Невозможно себе представить — Беатрис защищает ее! Элейна неожиданно рассмеялась.

— Ты не сможешь заменить меня на примерках. Но с твоей стороны это было очень благородно.

— А тебе захочется простаивать часами, пока портнихи будут возиться с твоими новыми туалетами?

— Нет, конечно. Ты же знаешь, я терпеть не могу...

— В таком случае успокойся. У нас с тобой почти одинаковые габариты, так что это не будет иметь особого значения. Доверься мне, Элейна. И никому ничего не говори. Все будет хорошо.

61

Сарио Грихальва стоял у огромного стрельчатого окна, сквозь которое в ателиерро лился свет. Солнце было яркое и теплое; еще один безоблачный день в эту отвратительную, су-

хую зиму. Остальные Вьехос Фратос собрались в конце длинного ателиерро, рядом с печкой, наблюдая за тем, как юный Агустин Грихальва прикусил губу, прежде чем взять в руки ланцет и сделать надрез на пальце.

Сколько перемен! Вместо того чтобы, как это было принято раньше, предоставить каждому иллюстратору собственную мастерскую, они взяли и расширили ателиерро, где работали лишенные Дара художники. Сарио возмущала необходимость изображать одобрение, видя, как старые традиции отбрасываются в сторону, словно испорченное полотно. Но когда он все же пытался протестовать, на его одинокий голос никто не обращал внимания, или — что еще хуже — окружающие начинали поглядывать на него чересчур подозрительно. С раздражением он наблюдал своими новыми, молодыми, обладающими таким острым зрением глазами иллюстратора, как алая капля набухала на бледной коже Агустина, потом ее стряхнули в крошечный флакончик, где она и будет храниться.

Остальные семеро — и среди них один сгорбленный, страдающий костной лихорадкой, на вид совсем старик, несмотря на то что ему недавно исполнилось тридцать восемь, — что-то умиротворенно бормотали. Гиаберто даже похлопал юношу по плечу. Сарио уже в который раз стал свидетелем важнейшего события: Вьехос Фратос приняли нового ученика, и не важно, что он не прошел конфирматтио, как это полагается по традиции. Впереди у него много лет ученичества, мальчик еще не скоро нарисует свой Пейнтраддо Чиеву.

«Слишком слаб, — подумал Сарио. — Не проживет долго. Чересчур хрупок, чувствителен и покорен».

Да будут прокляты эти гнусные педанты! Они растоптали цветок семьи Грихальва. Чуда не произошло, и ужасный, безжизненный классицизм, с горечью увиденный им десять лет назад, когда он еще был Арриано Грихальва, никуда не исчез! Став новым Сарио, он выбрал карьеру итинеррио, надеясь, что проведенные за границей годы послужат оправданием новому, более яркому стилю живописи, который он намеревался «привезти с собой», чтобы вдохнуть жизнь и полностью изменить так называемую «академическую» манеру письма.

Но, вернувшись, он обнаружил, что «академический» стиль, будто античное одеяние, окутал все вокруг, превратив искусство в точное изображение деталей, и не более того.

После летней лихорадки, столь похожей на перро лингву, чуть не уничтожившую семейство Грихальва и — какой парадокс! — наделившую их Даром, выжило так мало Одаренных иллюстраторов. Когда-то стать членом внутреннего кружка художников — подняться до уровня агво, семинно или сангво — считалось честью, которую оказывали только самым лучшим и самым влиятельным иллюстраторам из рода Грихальва. Все это осталось позади. Гиаберто называли Премио Фрато, однако теперь титул означал лишь то, что он является наиболее вероятным преемником Андрео. Уже поговаривали о том, что, возможно, следует позволить

Агустину присутствовать на совещаниях Вьехос Фратос — до того, как он напишет свой Пейнтраддо Чиеву. Сейчас все определялось исключительно отношениями в семье.

Сарио, конечно, один из Вьехос Фратос, но они не желают признавать его талант. Мать этого Сарио скончалась в промежуточные годы, граццо Матра, а его родственники оказались слабаками. Сейчас Совет возглавляет фракция Кабрала и Лейлы, хотя она и умерла — а вместе с ней и ее опасная осведомленность о давно прошедшей ночи.

У него нет сторонников и последователей. Единственный живописец, к кому он испытывает определенную толику уважения, — молодая женщина, которая, как ему стало недавно известно, должна превратиться в игрушку наследника. Они и в самом деле уверены, что она принесет им больше пользы, став любовницей до'Веррада, чем как художница, и все только потому, что природа не наделяет Даром женщин!

Чиева до'Орро! До чего дошло семейство Грихальва! Неужели они забыли все, что знали про живопись; неужели растеряли секреты Тза'аба, а ведь он потратил столько сил, чтобы их добыть. Может, они и Золотой Ключ перестали ценить в погоне за богатством и властью? Неужели Дар для них важнее искусства?

«Я этого не допущу. Не могу допустить».

Сейчас Сарио двадцать шесть. Но он с удовольствием расстался бы с этим телом и выбрал себе новое, обладающее более влиятельными родственниками, только вот подходящих кандидатов что-то не видно. По крайней мере десять весьма способных мальчиков — причем об одном из них было известно, что он наделен Даром, — погибли во время лихорадки два года назад. А те, кому удалось выжить, оказались лишенными Дара, если не считать Агустина, обладающего отличными связями внутри семьи и... слабым здоровьем. От него никакого проку. А взять кого-нибудь постарше — слишком опасно.

Сарио устал ждать.

— Эйха, Сарио. Мальчик талантлив, правда? — К нему подошел Никойо Грихальва.

— Сестра гораздо лучше.

Никойо снисходительно улыбнулся.

— Тебе всего двадцать шесть. Ты можешь позволить себе роскошь предаваться новым, романтическим идеям. Для улиц она, возможно, подходит, но в качестве придворного художника — ни в коем случае.

— Великий герцог, естественно, законодатель мод. — Сарио позволил себе насмешливо улыбнуться. — Неужели он и теперь говорит нам, что красиво и верно в искусстве?

— Так было всегда, — сказал Никойо и с издевкой поклонился.

Эйха! Никойо с почтением относился к Арриано во время их короткой встречи одиннадцать лет назад. Тогда Арриано был могущественным и уважаемым Послом, а Никойо молодым иллюстратором, стремящимся завоевать свое место под солнцем.

Однако Никойо был из тех людей, кто, получив власть, использует ее в качестве вышки, с которой удобно взирать на своих менее везучих соперников.

— Так было не всегда! — возразил Сарио и тут же смолк.

Зачем спорить с дураками? Они ничего не понимают. Копиисты!

Никойо чуть приподнял одну бровь, этот трюк он использовал, когда хотел как следует запугать своих учеников. Сарио был в ярости.

Остальные иллюстраторы разошлись, оставив Агустина с дядей перед зеркалом в человеческий рост. Коротко кивнув Никойо, Сарио встал неподалеку, чтобы понаблюдать за тем, как мальчик под руководством наставника пробует сотворить свое первое заклинание.

— Я уже это делал, — с некоторым вызовом заявил Агустин.

— Правда? — спокойно спросил Гиаберто. — В своей комнате? Надеюсь, без свидетелей?

— Под руководством Элейны. Я взял цветные мелки, немного своей слюны и сосновое масло и на куске шелка нарисовал розы. Потом мы положили мою картинку под подушку Беатрис, чтобы узнать, что ей приснится.

Потрясенный, Сарио ждал, что скажет Гиаберто. Как удалось молодой женщине узнать тайны иллюстраторов? Однако Гиаберто по-прежнему оставался спокоен.

— Ей приснились розы?

— Нет. Ей приснились свиньи. Они ей всегда снятся. Но она сказала, что свиньи были розового цвета. — Агустин усмехнулся.

Солидный жизненный опыт научил Сарио прекрасно разбираться в тончайших нюансах человеческой мимики — он видел, что Гиаберто в ярости, но старательно это скрывает.

— А что произошло на самом деле? — спросил Сарио.

Агустин смутился и начал перекатывать между пальцами карандаш.

— Я пытался научиться делать сонное заклинание на шелке. Один раз изобразил розы, в другой — свиней, в третий нарисовал бабушку Лейлу и еще — колокольчик. И каждое утро Беатрис рассказывала, что ей приснилось именно то, что было на шелке.

— И что дальше? — поинтересовался Сарио.

Агустин явно нервничал.

— Что-нибудь еще? — резко спросил Гиаберто. Агустин уже не мог сдержать своего волнения и стал грызть ногти, дядюшка тут же шлепнул его по руке. — Никогда так не делай, меннино! Твои руки — это твоя жизнь!

— Элейна не знает, но я нарисовал на шелке ее картину и положил маме под подушку. Я даже взял немножко своей крови и перемешал ее с акварельными красками. Я... я слышал, будто кровь делает заклинание более действенным. Мне хотелось, чтобы маме приснилось, будто Элейне лучше заняться живописью вместо того...

— Матра эй Фильхо! Ты дурачок! — возмутился Гиаберто.

Агустин весь сжался.

— Очень хитроумный план, — вмешался Сарио, которому понравилась выходка мальчика. — Только сначала нужно узнать тайны магии и лишь потом использовать их. Тебе предстоит открыть для себя еще столько нового!

— Я надеялся, что мое заклинание сработает. Но ничего не вышло.

Мрачное лицо Гиаберто немного смягчилось.

— Эйха! Верно. Я помню, что почувствовал, когда в первый раз понял, какая сила у меня в руках. Мне казалось, я способен на все!

«Так оно и было бы, имей ты способности и желание стать настоящим художником. Но ты такой же ограниченный, как и остальные твои родственники».

— Значит, ты будешь меня учить? — жалобно спросил Агустин.

— Конечно, — ответил Гиаберто. — Иллюстраторы не бросают Одаренного мальчика из рода Грихальва, если он выполняет законы Золотого Ключа. Знаешь, пожалуй, сегодня можно кое-что попробовать. Подойди к окну. В этот час Дэво всегда подметает двор. Когда он добирается до четвертой плитки дорожки, той, что расположена дальше всех от портика, он присаживается на скамейку отдохнуть. Нарисуй его светлым мелком на стекле и возьми немного своей слюны. А потом подумай — только как следует, — о том, что Дэво понадобился кому-то здесь, наверху. Это называется «чары внушения», одно из основных заклинаний. Для тебя оно совершенно безопасно, поскольку слюну легко стереть. Освоишь его, можно будет переходить к остальным. Давай.

С сомнением и одновременно восторгом мальчик подошел к окну и, вытянув шею, выглянул наружу.

— Очень дальновидно с твоей стороны, — заявил Гиаберто, пожурив мальчика за любопытство, — ты смог предупредить его об опасности нашего волшебного Дара.

«Дальновидно!»

Сарио недоверчиво посмотрел на иллюстратора. Неужели у самого Гиаберто не возникало таких же мыслей, когда он был мальчишкой? Неужели он не экспериментировал? Впрочем, всегда существовали жалкие личности, которые делали только то, что им говорили другие. Однако Сарио не показалось, что Гиаберто относится к их числу.

Гиаберто Грихальве исполнилось тридцать восемь. Да, несомненно, он находится под каблуком у собственной сестры, которая старше его всего на один час, но недооценивать Гиаберто не стоит; у него и Дионисы одинаково честолюбивые замыслы. Совершенно очевидно, что, имея Одаренного брата-близнеца, Диониса должна была родить сыновей, в свою очередь, наделенных Даром. Поскольку она имела еще двоих малолетних сыновей и четырех дочерей, то обладала влиянием, и с ней приходилось считаться.

— Со своей стороны я заметил, что ты обладаешь талантом, — продолжал Гиаберто сладеньким голосом. Сарио сразу

узнал излюбленный политический прием: таким образом претенденты на титул Верховного иллюстратора заманивают в свои сети возможных союзников. — Ты можешь далеко пойти — но только если не будешь настраивать против себя Никойо и Андрео.

— Они больше не понимают настоящего искусства!

— Вот видишь? Я и сам не очень жалую новый, чрезмерно эмоциональный стиль, за который ты так ратуешь. В нем нет достоинства, нет точности. Однако я в состоянии оценить талант моей племянницы Элейны, он весьма значителен, хотя остальные и не видят в ней настоящего художника. И у тебя есть своя, оригинальная манера письма. Но твоя мать умерла, а ты сам восемь лет был оторван от влияния Вьехос Фратос. Ты не пережил с нами ужасов лихорадки, скосившей половину семьи. К тебе все еще относятся как к чужаку. Веди себя со старшими почтительно, пока не завяжешь собственные надежные и солидные связи.

«Знай ты правду, ни за что не осмелился бы так со мной разговаривать! Ты ползал бы передо мной на коленях, умоляя передать тебе хотя бы десятую часть знаний, которые мне удалось накопить за несколько веков жизни...»

Сарио!

Звук его имени — настоящего имени — все еще вызывал у него изумление. Поворачиваясь, он успел увидеть свое отражение в зеркале. И замер на месте. Кто этот человек с ничем не примечательной внешностью? Кто смотрит на него из зеркала? Это не Сарио!

Конечно, нет. Всего лишь плоть. Он снова пожалел, что не выбрал другого мальчика — как его звали? Алеррио, так, кажется. По крайней мере он был красавчиком. Сарио уже надоело простое лицо, которым он сейчас обладал; впрочем, окружающие считали его безвредным. Однако Алеррио погиб во время летней лихорадки.

— Сарио, я рад, что у меня наконец появилась возможность с тобой поговорить. — Андрео остановился и коротко кивнул Гиаберто, который, извинившись, поспешил к Агустину, чтобы посмотреть, как у того продвигаются дела. — Перейду сразу к делу. Великий герцог Ренайо считает твой стиль живописи слишком вольным. Он не хочет, чтобы ты писал «Договор» с Мерсом. Однако...

— Никто не сможет справиться с «Договором» так, как я. Я был при дворе! Разговаривал с королевой Айрин. Нарисовать ее портрет будет совсем не просто. Вам придется работать по моим эскизам...

— Сарио, я не закончил!

В те времена, когда он был Риобаро, он бы и сам так же разговаривал с чересчур рьяным молодым иллюстратором. Ему стало смешно.

— Твои зарисовки молодых женщин не понравились его светлости, — продолжал Андрео. — Он хочет, чтобы ты их переделал — без каких бы то ни было прикрас. Он намерен в течение шести месяцев выбрать невесту для дона Эдоарда, а затем приступить к переговорам. Ему пришлась по вкусу принцесса Аласаис де Гхийас, так что, возможно, тебя попросят внести в порт-

рет определенные, естественно, очень тонкие чары, чтобы Эдоарду приглянулась принцесса. Если ты будешь вести себя с умом, а рисовать так, как пристало художнику из рода Грихальва, тебе могут позволить принять участие в работе над «Помолвкой» и «Бракосочетанием».

— А если я откажусь?

— То есть если ты не сможешь жить жизнью двора... — предположил Андрео. — Что ж, ты великолепно справился с обязанностями итинераррио, завязал бесценные знакомства. Мне очень жаль, что ты покинул Гхийас до того, как там возникли беспорядки. Тогда у нас был бы собственный свидетель тех событий. А сейчас разведчики Великого герцога каждый день доставляют самые разноречивые слухи и новости. Мы получили второе сообщение о том, что король Иво стал жертвой толпы. И до чего только дошел мир? — Он заклацал языком, совсем как курица-несушка.

Самая настоящая курица. Нет, скорее он похож на петуха — какая у них теперь дурацкая мода! Точно они не могут решить, чего хотят: выглядеть, как обычный строитель, вышедший на работу, или как расфуфыренная шлюха — простые фасоны и дешевые яркие цвета! Сарио заставил себя ответить спокойно:

— Значит, мне не позволено писать «Договоры» или еще какие-нибудь картины, предназначенные для Галиерры?

— Некоторые итинераррио не годятся для работы при дворе. Ты должен сам завоевать свое место, Сарио, и вести себя так, чтобы Великий герцог был тобою доволен. Множество молодых людей, чьи способности заметно превосходят твои, ждут признания — они упорно трудились на благо нашей семьи.

«Чьи способности заметно превосходят твои!»

Сарио с трудом удержался, чтобы не плюнуть Андрео в лицо. Теперь ясно, что он поступил весьма дальновидно, подготовив вторую линию обороны. Да, он был уверен, что его примут дома с распростертыми объятиями, начнут прославлять заслуги, признают требования, он займет заслуженное место... Однако Сарио уже давно научился хранить свои тайны и всегда предусматривал запасные варианты.

— Возможно, я предпочту снова стать итинераррио. Будет полезно получить точную информацию о проблемах, возникших в Гхийасе, Таглисе и Нипали. Как ученые мужи называют это? Чума неповиновения. Что сталось, например, с остальными членами королевской семьи в Гхийасе?

Андрео пожал плечами.

— Самые разные слухи. Все сходятся только в одном — король Иво мертв. А дворец штурмовала разъяренная толпа.

— Звучит не очень обнадеживающе для королевы Айрин и ее дочери Аласаис. Очень милая девушка. — Сарио внимательно наблюдал за выражением лица Андрео, однако упоминание об Аласаис не произвело на того никакого впечатления.

— Можешь не сомневаться, Великого герцога сильно волнует судьба принцессы Аласаис. Тебе, конечно, известно,

что покойный король Энрей назвал своего племянника Ренайо наследником.

Известно! Будучи Дионисо, он проследил за тем, чтобы у Энрея не было детей.

— Однако у высшей знати Гхийаса свое представление о том, кто должен занять трон этой страны.

Вот здесь-то и кроется проблема с высшей знатью: их всегда слишком много, и они всегда хотят устроить все по-своему. Они давили на Иво, тогда еще принца, прекрасно понимая — и справедливо, — что король из него получится неважный. А теперь слабость Иво привела к тому, что он пал жертвой толпы простолюдинов.

Андрео махнул рукой.

— Впрочем, ситуация несколько изменилась. Притязания дона Эдоарда на трон не менее обоснованны — по линии Великой герцогини Майрии, да будет благословенна ее память. Если Эдоард женится на Аласаис... Ну, если тебе удастся раздобыть новости о принцессе, я не сомневаюсь — Великий герцог будет относиться к твоим работам более благосклонно.

— Дайте мне один день на размышления, — попросил Сарио. — Возможно, я все-таки решу вернуться на службу итинеррио. Извините... мне пора.

Слегка кивнув Андрео, он пошел прочь по длинному залу ателиерро. Здесь теперь собирались все иллюстраторы, здесь же они и писали большинство своих картин; считалось неприличным и даже странным, когда иллюстратор вдруг решал работать в собственном ателиерро.

Впрочем, тут было хорошее освещение и достаточно удобно. Огромный зал, наполненный светом, льющимся из окон, расположенных по обеим сторонам — одни выходили во двор, другие на улицу. Потолок поддерживали дубовые балки, а мощные деревянные опоры образовывали проход по центру помещения. На этих колоннах были развешаны автопортреты Одаренных художников из семейства Грихальва, нечто вроде фамильной Галиерры. Портреты ныне живущих иллюстраторов находились, естественно, в кречетте. Но как только живописец умирал, его изображение либо отправлялось в хранилище, — если он не совершил ничего выдающегося на поприще служения семье, — либо выставлялось на всеобщее обозрение в ателиерро.

Сарио шел вдоль веков, заглядывая в глаза мужчин, которых он знал, любил, ненавидел, с которыми сражался. В глаза мужчин, которыми был сам.

Он видел себя по меньшей мере на дюжине портретов: Арриано, Дионисо, Этторо (его блестящей карьере положила конец страшная костная лихорадка), Оакино. Благодарение Матери, Ренсио отправили в хранилище. Сарио не хотелось видеть его доброе лицо. Даже Домаоса оставили в Галиерре лишь в назидание мальчикам Грихальва, чтобы не влюблялись в женщин, которых им не видать, как собственных ушей. А вот Риобаро, великолеп-

ный шедевр, восхитительный автопортрет, написанный при свечах, в золотой раме, означающей, что он был Верховным иллюстратором. Тимиррин, благородный Матейо, даже Гуильбарро, проживший такую короткую жизнь, но успевший создать несколько блестящих произведений. Веррейо, Мартайн, Сандор — и самый первый, Игнаддио.

Рядом с дверью Сарио остановился и посмотрел на свое собственное лицо. Он почти забыл, каким ярким и сильным оно было. Неудивительно, что его любила Сааведра.

«Если бы только этот проклятый Алехандро не встал у них на пути...»

Сарио с усилием отбросил в сторону так давно родившийся гнев. Теперь это уже не имеет значения. Сааведра в безопасности. Ей больше ничто не угрожает; она ждет его, Сарио. Просто еще не пришло время. Столько всего еще нужно сделать.

Он начал спускаться по лестнице, и тут ему попался Дэво, поднимавшийся наверх с удивленным выражением на морщинистом лице.

Выйдя на улицу, Сарио медленно зашагал вперед, обдумывая сложившуюся ситуацию. Вот преимущества возраста. Он прекрасно знал, что необходимо спланировать все заранее, быть готовым даже к непредвиденному, иметь запасные варианты. Он уже давно понял, что не в каждой жизни будет пользоваться одинаковым влиянием. Частенько ему приходилось все начинать с нуля. Даже очень осторожный человек иногда совершает ошибки. Следовало выбрать Алеррио, например, но он пожелал взять назад свое имя. Алеррио находился бы не в Мейа-Суэрте, когда разразилась лихорадка, и остался жив; семья рассчитывала, что он получит титул Верховного иллюстратора.

В бытность свою Домаосом он совершил ошибку, влюбившись в бессердечную Бенекитту до'Веррада. Не следовало выбирать бессовестного простофилю Ренсио. А Рафейо! Самая настоящая катастрофа, от которой не так-то легко было оправиться. С каждой новой жизнью Сарио постоянно рисковал — он ведь не мог предвидеть, что ждет его впереди. Не мог предвидеть, например, какой-нибудь неожиданный несчастный случай. Или что Вьехос Фратос будут не в состоянии оценить его по заслугам.

Что он останется — снова и как всегда — один.

Сарио не хотел ждать. По крайней мере в этой жизни — не хотел. Арриано был терпелив. Теперь же пришло время действовать.

Он почти не обращал внимания на город, притихший после казни, совершенной два дня назад. Ноги сами привели его по хорошо известному маршруту к винной лавке, потом вверх по лестнице в его собственное ателиерро. Он бросил мимолетный взгляд на Пейнтраддо Меморрио, прошел прямо к кровати и вытащил из-под нее свой дорожный сундук. Открыл ключом, поднял тяжелую крышку.

Внутри оказалась одежда, древнее шелковое платье, прикрытое бумагой, его собственный череп в куске бархатной ткани и лоскуток от одного из платьев Сааведры. А в самом углу он

19 Заказ 112

нашупал маленькую деревянную шкатулку. Очень осторожно вытащил ее и поставил на стол.

Поднялся на ноги, открыл замочек и с благоговением приподнял крышку.

Естественно, он им солгал. Негоже слишком вольно обращаться с жизненно важной информацией.

На самом верху лежало тяжелое золотое кольцо с печаткой, символом королевской семьи Гхийаса, дальше — небольшой предмет, завернутый в бледно-золотой бархат. Рядом с ним устроилось несколько маленьких коробочек, иные были усыпаны драгоценными каменьями — просто других не оказались под рукой, когда у Сарио возникла в них нужда. И крошечные стеклянные флакончики, издающие сладковатый аромат клевера, тоже спрятанные в бархат, только на этот раз темно-пурпурного цвета.

Если Великий герцог держит в руках все, следовательно, нужно взять под контроль самого Великого герцога.

Попытка превратить Великого герцога — первого Клеменсо или второго? — в марионетку уже предпринималась, всего лишь один раз. Верховный иллюстратор Альфонсо стал жертвой идеи, что Великий герцог должен говорить, думать и действовать в соответствии с волей иллюстраторов из семейства Грихальва. Сарио — тогда он был Сандором — предупредил их, что эксперимент обречен на поражение.

Так оно и случилось.

Через два дня придворный лекарь объявил, что Клеменсо нездоров, а расстроенная речь и судорожные движения указывают на болезнь мозга. Совершенно неожиданно Великий герцог Клеменсо разучился отличать хорошую лошадь от плохой, перестал разбираться в военной тактике и стратегии и временами впадал в ступор. Вьехос Фратос уничтожили картину, а вместе с ней и заносчивого Альфонсо. Но эксперименты вещь полезная — они позволяют установить границы возможного.

Одно дело, скажем, заставить женщину влюбиться в какого-нибудь мужчину — заклинание не меняет ее сущности. Чары внушения действуют только на ту часть сознания, которая управляет чувствами. Человек — невероятно сложный и тонкий организм, даже самые умелые художники не в состоянии воспроизвести его во всех мельчайших деталях...

Если только за дело не возьмется настоящий мастер.

Нет, нельзя забегать вперед.

Сарио удалось манипулировать герцогом Алехандро без помощи волшебных красок. В конце концов, они с Алехандро помогали друг другу и действовали к обоюдной выгоде. Обе семьи процветали. Так что союзу Грихальва и до'Веррада исполнилось уже несколько веков.

И тем не менее в Мейа-Суэрте все совсем не так хорошо, как хотелось бы. Грихальва вырождаются, до'Веррада становятся какими-то бесполезными, а чума неповиновения угрожает уничтожить все, что они так долго и упорно создавали.

Чтобы навести порядок, нужна рука сильного человека. В качестве Верховного иллюстратора он сможет действовать быстро и эффективно.

Верховного иллюстратора назначает Великий герцог. А чтобы контролировать поступки и волю Великого герцога, необходимо обладать тем, что герцог хочет больше всего получить.

Сарио открыл одну из коробочек, украшенных драгоценными каменьями. На подстилке из шелка цвета слоновой кости лежала прядь золотистых волос, не потерявших своего ослепительного сияния. В крошечном отделении, тоже закрытом, были спрятаны более темные, лопные, волосы, маленькие, жесткие колечки; а рядом с ними — тоненькие волоски с руки и ноги.

Сарио опустил крышку и отставил шкатулку в сторону.

Толпа и в самом деле ворвалась во дворец в Ауте-Гхийасе. Разъяренные простолюдины даже не стали изображать, как это было в Таглисе, что разгром имеет под собой какие-то законные основания. Они собрали мушкеты, лопаты, вилы, мясницкие ножи и смели дворцовую стражу, не обращая внимания на собственные потери. Многие тогда погибли в результате сопротивления охраны или оказались растоптанными своими единомышленниками, жаждущими крови и считавшими, что это невысокая плата за возможность отомстить ненавистному властелину и его семье.

Сарио спрятал ресницы в отдельную шкатулку для драгоценностей, потому что они были такими тонкими и такими необходимыми, а растерять их легко. Ногти с ног и рук лежали в коробочке попроще; с ними не нужно было обращаться столь бережно. На них виднелись следы засохшей крови.

Сарио почти сразу все понял (не услышать толпу невозможно), поэтому окутал себя особыми чарами. «Тут никого нет». Коллективное сознание толпы легко убедить в том, что тебе нужно, и, хотя он сотворил заклинание наспех, его никто не заметил. Впрочем, их интересовал не Сарио. Толпа наметила себе совсем другую жертву.

У него осталось всего пять стеклянных флаконов с кровью. К сожалению, шестой разбился, когда он бежал из хаоса, охватившего Ауте-Гхийас. Пяти хватит. Сарио наклонил один флакон, и кровь тяжело, лениво потекла по внутренним стенкам. Он специально добавил в нее клевер, чтобы она не засохла.

Он стоял, окутанный тенями, наброшенными на сознание взбесившейся черни, стоял за гобеленом, висящим в большом зале дворца, и наблюдал за тем, как толпа расправлялась с королевской семьей. Точнее было бы сказать, их разорвали на мелкие куски, всех, даже верных слуг и придворных, которые оставались рядом со своим господином до самого конца.

* * *

Тело Короля Иво посадили на кол и выставили на всеобщее обозрение в одном из окон, выходящих в сад и на подъездную аллею. Бедняжка королева Айрин, безобидное существо во всех отношениях, бесследно исчезла среди горы трупов.

Сарио не был уверен, собирались ли разъяренные горожане убивать принцессу Аласаис, всеобщую любимицу при дворе, единственное и позднее дитя короля и королевы. Но они прикончили всех без разбора, а тело несчастной, также без особых церемоний, бросили среди тел ее фрейлин, молодых девушек, таких же невинных, глупых и изнеженных, как и она сама. Ни одна из них не была так же красива, но красота не защищает от неожиданной смерти.

Сарио развернул кусок ткани. Внутри оказался лоскут, оторванный от тончайшего нижнего белья, к которому он прижал две ладони и ступни ног. Они прекрасно сохранились, потому что, прежде чем отправиться в путь, Сарио посыпал отпечатки мелом. Теперь на них выступал едва заметный след белой пыли. Сарио положил лоскут рядом со шкатулкой, где лежали золотистые волосы.

Когда толпа выбралась наружу, радуясь тому, что можно продемонстрировать тело короля Иво заединщикам, собравшимся на лужайке перед дворцом, Сарио решился покинуть свое укрытие и заняться поисками среди груды трупов, брошенных в тронном зале.

Он так долго жил на свете, что научился ценить возможности, которые встречались у него на пути, — по крайней мере возможности, подобные этой. Он ведь знал, какие сложные, запутанные и многолетние отношения связывают Тайра-Вирте и Гхийас, знал, что Грихальва и до'Веррада планируют превратить Тайра-Вирте в великое королевство, в состав которого — на правах провинций — войдут другие, поменьше.

Чего хочет Ренайо? Он мечтает заполучить Гхийас — вожделенную драгоценность, чтобы присоединить ее к Тайра-Вирте.

Сарио даст ему Гхийас.

Он взял усыпанную драгоценными каменьями шкатулку, которую прихватил из музыкальной гостиной Дворца Тысячи Свечей, и открыл ее. Он специально положил внутрь клевер, чтобы скрыть запах, но все равно его ноздрей коснулся едва уловимый аромат разложения. Здесь лежали кусочки белой нижней сорочки и кожи, только они не были такими же белыми и мягкими, как два месяца назад. Сарио тогда ужасно торопился.

Затем он развернул бархатный лоскуток и стал разглядывать кости пальцев. По дороге на юг он их сварил, снял кожу и плоть — этого у него было и так предостаточно. На темном бархате белые косточки выглядели весьма эффектно.

Сарио долго изучал свое сокровище. Часы на каминной полке у него за спиной громко тикали, пробили полчаса, потом час.

Он подошел к своему рабочему столу, взял молоток, осторожно держа на ладони изящную косточку, отнес ее на кусок мрамора. Тщательно размолол то, что осталось от пальчика принцессы Ласаис, в тончайшую пыль. Потом он смешает ее с красками.

62

Элейна сердито выглядывала в окно студии, чувствуя, как утренние лучи согревают тело. Руками она сжимала ручки кресла; палец на левой руке, из которого брали кровь, до сих пор болел. Элейна не смотрела на Гиаберто, когда он заканчивал рисовать картину, которая сделает ее бесплодной.

«Точнее, — с горечью подумала она, — лишь зафиксирует факт, не вызывающий сомнения».

Впрочем, разве она не в состоянии давать жизнь при помощи искусства? Возможно, все ее созидательные силы идут от глаз к руке, сжимающей кисть. Как не похожа она на свою мать: у Дионисы было девять детей, только двое из них умерли — старшие близнецы. Восьмилетние девочки-двойняшки и двое младших мальчиков все еще жили в приюте. Так что Дионисса Грихальва вполне могла позволить себе сделать одну из своих дочерей бесплодной, особенно если учесть, что Элейна не сумела родить ребенка за три года брака с Фелиппо.

«Самое большое год или два».

Может быть, все не так уж и плохо.

— Я закончил, — сказал Гиаберто.

Элейна сидела, не в силах пошевелиться, — ее ужасало то, что она ничего не почувствовала. Перешла из одного состояния в другое, но не ощутила никакой разницы.

Солнечные лучи касались ее платья, пестрые тени падали на пол. Почему же туча не закрыла солнце, не вычернила золотой свет, не погрузила в тень ее тело? Она бы написала это именно так — композиция света и тени рассказала бы о ее потере.

— Экипаж будет подан через час, — сказал Гиаберто, чтобы прервать затянувшееся молчание.

Платья подшиты и запакованы. Карандаши, мелки, краски и бумага, даже две деревянные панели сложены и заперты в сундуке вместе с частью драгоценностей семьи Грихальва: все, что она и ее мать считали самым ценным, — хотя им не удалось прийти к согласию по поводу того, что же именно следует прежде всего беречь.

Элейна встала и, не спрашивая разрешения дяди, подошла к картине. В дальнем конце комнаты Агустин расписывал стекло, целиком погрузившись в это занятие. Гиаберто сделал движение, словно хотел закрыть от Элейны творение своих рук, но, как только взял флакон, Элейна по запаху определила, что в нем фенхелевое масло.

Она посмотрела на свое изображение. Лишь торс от горла до бедер был выписан точно и детально, под белым муслином платья выделялась четкая линия живота и груди. Все остальное — голова, юбка и руки, лежащие на подлокотниках кресла, — намечено легкими касаниями кисти.

Странное ощущение овладело Элейной: семья контролировала только ее торс. Все остальное принадлежало ей самой.

Она холодно кивнула Гиаберто, но не могла по-настоящему сердиться на него. Как и она, Гиаберто имел собственные тайные амбиции. Элейна вышла из студии, спустилась по лестнице и оказалась во внутреннем дворике, вымощенном каменными плитами. Здесь она и стала ждать, глядя на фонтан, — вид струящейся воды всегда успокаивает.

В полдень слуги спустили вниз четыре сундука — три для нее, один для Беатрис — и дорожные сумки дуэньи Мары. Беатрис выглядела очень веселой и привлекательной в белом платье из муслина, украшенном изящным пурпурным узором, настолько тонким, что его едва удавалось различить. Мара, седая, далеко не первой молодости, но весьма проворная женщина, была одета в строгое серое платье — такие носили во времена Великой герцогини Мечеллы; одна из «сироток Мечеллы», она нашла приют в Палассо Грихальва.

Наконец прибыл экипаж. Дионисa торопливо спустилась вниз — убедиться, что дочь уедет. Слуги в ливреях семьи Грихальва помогли Элейне сесть в карету. За ней последовали Беатрис и Мара. Захлопнулась дверца. Закрылась задвижка. Экипаж рывком тронулся с места и покатил по дороге.

Путешествие в Чассериайо показалось Элейне слишком коротким. Они поднялись в горы, оставив позади болотистую местность. В это время года все вокруг было зеленым, лишь отдельные лужи напоминали об утреннем дожде. Склоны холмов были покрыты виноградниками и оливковыми деревьями. Цепь кипарисов окружала дворянский дом.

— Этот особняк принадлежит до'Кастейа, — сказала Мара. — Они разводят здесь борзых.

Было бы здорово рисовать борзых, длинноногих, грациозных, — куда интереснее, чем ужасных, толстых мопсов, которых так любит графиня до'Кастейа. Впрочем, графу Малдонно понравилась ее картина!

— Ты бывала здесь раньше, Мара? — поинтересовалась Беатрис.

— На службе у Грихальва мне пришлось немало попутешествовать. — Пожилая женщина собрала пальцы в щепотку, поцеловала их кончики и прижала к сердцу. — Я много повидала на своем веку — хорошего и плохого.

— Что, например? — спросила Беатрис, очень любившая истории о прежних временах, к тому же те, что пострашнее.

— Лучше не вспоминать о мрачном, меннина, — это никому не принесет пользы.

Экипаж замедлил ход, свернул в сторону и загрохотал по дороге, пролегающей между тополями. Вокруг расстилались луга с пасущимися овцами. Карета покатила вверх по холму, и вскоре они увидели в низине каменную башню охотничьего домика. А вот и сад, изобилующий мандаринами, лимонами и фигами.

Элейна закрыла глаза. К горлу вдруг подкатил комок.

— Вы только посмотрите на сад! — восхищенно воскликнула Беатрис. — Я буду здесь счастлива!

Слова сестры показались Элейне такими странными, что она забыла о своих неприятных ощущениях, открыла глаза и увидела сияющее лицо Беатрис.

Колеса заскрипели по гравию, когда лошади подъехали к воротам. Карета остановилась во дворе Чассериайо, один из слуг распахнул дверцу, а другой помог гостям выйти.

Весь двор, кроме западной стены, был залит солнечным светом. Белый гравий придавал ему праздничный вид, на окнах стояли горшки с цветущими хризантемами и яркими ноготками.

Однако во дворе было пусто. Под аркадой их не поджидали слуги. Любопытные горничные не выглядывали с балконов. Дон Эдоард не спустился вниз, дабы поприветствовать свою новую возлюбленную.

Наконец дверь распахнулась. Пожилой человек в сопровождении слуг поспешно направился к ним. Слуги сразу подхватили багаж.

— Прошу прощения, маэсса. Меня зовут Бернадин, я управляющий дона Эдоарда. Пожалуйста, проходите за мной. — Как и положено, он обращался к Маре. Элейна почувствовала раздражение, сообразив, что ей придется выслушивать заведомую ложь, которая должна скрыть истинные причины ее появления здесь. — Молодые господа приехали вчера, но тут пришло известие, что в Рамо-Трейо — это деревушка в горах, в двадцати милях от нас, — началась ярмарка. — Они прошли под аркадой и оказались внутри охотничьего домика. В коридоре было темно и немного сыро. — Все это случилось так неожиданно, будут петушиные бои — извините, что мне приходится говорить о таких вещах в присутствии столь прекрасных дам, — скачки и лошадиные торги. Эйха! Мы пришли.

Казалось, Бернадин сбросил с плеч непосильную ношу. Он провел их в гостиную, потолок там был сверх меры расписан золотом. Потом управляющий удалился, прикрыв за собой дверь. Элейна, проводив его взглядом, не могла не поразиться монументальности мраморных колонн, стоявших по обе стороны дверного проема и украшенных резным фризом с резвящимися нимфами. Создавалось впечатление, будто она попала в мавзолей.

Хрупкий человек грелся у камина, стоя неподалеку от громадного окна, выходящего на маковое поле. Окно окружала на удивление уродливая рама — золоченые колонны с фронтоном, на котором возлежали две женщины, вырезанные из светлого дерева.

Внезапно мужчина оглянулся. На его лице промелькнуло смятение, которое тут же скрылось за маской вежливого

интереса, — это выглядело довольно комично. Молодой, светлые волосы, приятные черты лица. Однако внимание Элейны привлекло не его лицо, а безупречная одежда. Он был так хорошо, со вкусом одет, что странным образом контрастировал с чудовищным убранством гостиной.

— Это не дон Эдоард, — шепнула Беатрис.

Элейна с трудом отвела глаза от идеально завязанного галстука и почувствовала, что краснеет.

— Это дон Рохарио.

Молодой человек коснулся галстука, как бы проверяя, все ли в порядке.

— Так вы приехали, — сказал он.

«Бессмысленная фраза», — подумала Элейна.

Пауза затянулась, никто не решался произнести хоть слово. На верхнем этаже ходили слуги. Часы на маленьком столике весело зазвенели, отбивая четверть часа. Наконец Рохарио откашлялся и пошел им навстречу.

— Получается, я буду вашим хозяином в ближайший день или два. Моего брата, к сожалению, здесь нет. — Он сделал еще три шага вперед. — Вы Элейна Грихальва.

— Да, кажется, мы с вами уже встречались, не так ли, дон Рохарио? Позвольте представить вам мою сестру, Беатрис, и маэссу Мару. А где же ваш брат?

Он потер руки, словно ему было холодно, и еще раз откашлялся.

— Эйха, да, — запинаясь, вымолвил он. — Эдоард узнал, что рядом проходит ярмарка...

— В Рамо-Трейо. Ваш управляющий уже рассказал нам. — Элейна поймала себя на том, что происходящее доставляет ей удовольствие.

Пусть он пытается с достоинством выйти из создавшегося положения.

— Да, мой брат очень интересуется... — Рохарио снова закашлялся. Он был не просто смущен — он не знал куда деться, — ...лошадиными скачками. Я... я...

— А вас скачки не занимают? — вежливо поинтересовалась Элейна.

— Элейна! — едва слышно прошипела Мара.

— Нет, совсем нет. Эдоард собирается купить пару лошадей, но у него это не очень получается. Если кто-нибудь из конюхов не даст ему совет, он может приобрести ужасную старую клячу... — Рохарио запнулся и замолчал.

С каждой последующей минутой, по мере того как абсурдность ситуации становилась все более очевидной, настроение Элейны улучшалось.

— Когда он вернется?

Рохарио повернул голову и с тоской взглянул на сцену охоты, крайне неудачную копию работы старых мастеров, — художник явно не отличался выдающимися способностями.

— В том-то и дело, — нехотя признался он, — я не знаю.

— Матра эй Фильхо! — тихонько воскликнула Беатрис.

Мара прижала руки к груди.

— Неоссо до'Орро!

Элейна издала смешок. А потом, не в силах сдержаться, расхохоталась.

63

Настоящая катастрофа! Рохарио оставалось лишь смириться с тем, что он обречен в очередной раз выступать перед Элейной Грихальва в дурацкой роли. Он стал теребить пуговицы на рукавах, но вовремя спохватился, убрал руку и опять откашлялся.

— Обед будет подан через три часа, — наконец сказал он.

Сестры были похожи, обе красивые, как все женщины Грихальва — так утверждала молва. Элейна рядом с сестрой казалась изящнее, Беатрис была немного выше и плотнее. Однако хрупкость Элейны не помешала ему заметить твердость ее взгляда; сейчас она вела себя мило, но он уже видел, каким бывает ее лицо во гневе. Беатрис производила впечатление спокойной и уравновешенной девушки.

Дуэнья что-то зашептала Элейне.

— Я не устала. — Глаза ее опасно сверкнули.

— Почту за честь показать дом и сад, — торопливо предложил Рохарио.

На самом деле он уже начал скучать.

— Все комнаты здесь похожи на эту? — осведомилась Элейна. — Она напоминает мне Галиерру.

Матра Дольча! Рохарио с трудом скрыл усмешку, поскольку не пристало мужчине подшучивать над тем, что связано с именем его матери.

— Герцогиня Майрия была замечательной женщиной, да будет благословенна ее память, но они с моим отцом считали, что золотой орнамент является главным признаком хорошего вкуса.

— «Надежность, удобство и орнамент».

Он рассмеялся.

— Три качества, которые делают превосходным любое здание. Вы читали монографию Оттонио делла Мариано?

— Его знание архитектуры восхищает. Но если уж использовать орнамент, то он не должен быть таким массивным.

— Элейна! — Подобные разговоры показались дуэнье слишком дерзкими.

Но Рохарио был доволен.

— Вам следует посмотреть банкетный зал. Он не менялся в течение трехсот лет. Большая часть комнат отделана заново двадцать лет назад, когда моя мать решила переселиться в

Чассериайо. Тогда же сменили драпировки в помещениях первого этажа и сделали большие окна.

— И все в таком же стиле? — На лице Элейны появилось недоумение.

— Не так монументально, но зато еще больше орнамента, — ответил Рохарио, и она засмеялась.

Наконец-то! Совершенно неожиданно Рохарио нашел человека, который ненавидит этот стиль не меньше, чем он.

— А мы можем осмотреть еще и сад? — немного смущенно спросила Беатрис.

Дуэнья осуждающе нахмурилась, но Рохарио совсем не хотелось соблюдать старомодные правила приличия, особенно после того, как отец сослал его в этот ужасный старый дом, где всего два камина и такие отвратительные обои.

— С удовольствием, — энергично кивнул он.

День быстро перешел в вечер, пока Рохарио показывал им дом. Наконец женщины поднялись наверх, чтобы переодеться к обеду. Рохарио, насвистывая, завязывал галстук, стараясь сделать это с еще большей тщательностью. Стоит ли расстегнуть по одной пуговице, как это сейчас модно при дворе? Или лучше выглядеть строго? После длительных экспериментов перед зеркалом он выбрал более консервативный вариант. Граццо Матра, его жилет подходит к тону обоев — здесь ему просто повезло. А так как Рохарио предпочитал костюмы изысканных серых тонов — цвет выше любой критики, — у него не могло возникнуть с этим проблем. Он бросил в зеркало еще один придирчивый взгляд и остался доволен своим видом. Даже такая наблюдательная особа, как Элейна Грихальва, не найдет в его одежде изъяна.

Впрочем, скоро вернется Эдоард. Рохарио состроил гримасу. Эдоарду так не терпелось заиметь любовницу из рода Грихальва... Но, как и большинство его желаний, оно было не более постоянным, чем утренний ледок на лужах. Как только солнце появится на небосклоне, ледок растает.

Но ведь сейчас Эдоарда здесь нет.

Во время обеда Рохарио и Элейна завели спор о старых мастерах — кто из них лучше.

— Нет, я не могу с вами согласиться, — заявил он, когда подали филе из телятины. — Только из-за того, что жизнь Гуильбарро Грихальвы оказалась столь трагически короткой, нельзя отказать ему в признании: он стоит в ряду самых замечательных художников.

— Я согласна с тем, что его «Рождение Коссимы» — истинный шедевр.

— А почему не Риобаро? Все признают его одним из величайших живописцев рода Грихальва.

Она обдумывала ответ в то время, как ей предложили кролика с острой приправой.

— Бесспорно, его работы весьма эффектны, но они вторичны. Словно он хотел, чтобы его кисть выражала чьи-то идеи. Я не могу до конца это объяснить.

Рохарио рассмеялся.

— Тогда кто удостоится вашей похвалы?

— Сарио Грихальва, естественно. Его запрестольный образ, портрет Сааведры...

Наступила неловкая пауза. «Первая Любовница». Рохарио беспокойно заерзал на месте, а слуги начали разносить пудинги и омаров в масле.

Дуэнья кашлянула. Эйха! Что за дурная привычка! Но Рохарио был рад, что она прервала затянувшееся молчание.

— Любой художник стремится превзойти Сарио Грихальву, — заметила Мара.

Взмахнув рукой, в которой была зажата серебряная вилка, Элейна продолжала:

— Многие пытались копировать стиль Сарио, вместо того чтобы создать собственный. Адальберто и Тасиони рисовали по-своему. Мы можем многому у них научиться. Серрано был...

— Элейна! — возмутилась пожилая дуэнья. — Чтобы девушка из рода Грихальва расточала похвалы человеку, который нарисовал это оскорбительное «Спасение»! — Потом она сконфузилась, оттого что невольно напомнила Рохарио о происхождении рода Грихальва.

— Он был прекрасным мастером, — стояла на своем Элейна. — Теперь не имеет значения, что Серрано враждовал с нашим семейством. Просто смешно, что мы ценим только художников из рода Грихальва. Среди других тоже немало гениев. Во Фризмарке жил Хьюсандт, он умер пятьдесят лет назад. Его портреты так изумительны, кажется, будто он умел проникать во внутреннюю сущность людей. И еще один живописец из Фризмарка, Мейссер. Он великолепно передавал свет. У него была ученица, ее называли Ветианка. Она бросила семью и мужа в Ветии, чтобы иметь возможность работать с Мейссером, забыла о своей прежней жизни ради искусства, — страстно произнесла Элейна, ее лицо сияло.

Это удивило и встревожило Рохарио. Во дворце его отца к людям, проявлявшим такой энтузиазм, относились с подозрением. Он сделал вид, что ничего не замечает.

— Вы видели репродукции? Работы художников, о которых я говорю? — Она наклонилась вперед.

Ее волосы, украшенные гребешками из слоновой кости, и простое жемчужное ожерелье сияли в неверном свете канделябров.

Слова Элейны вдруг с удивительной четкостью напомнили Рохарио недавний бунт: молодые подмастерья набросились на него с такой же яростью; а потом бессмысленно погиб санкто Лео. Что их спровоцировало? О чем еще он не знал, чего не понимал в этом мире, о существовании которого совсем недавно даже не догадывался?

— Нет, — негромко сказал Рохарио, сдерживаясь. — Мне не попадались их работы. Мой отец хочет, чтобы в Галиерре выставлялись только полотна живописцев из Тайра-Вирте, а Великая герцогиня Хоанна не слишком интересуется искусством. —

Потом, надеясь, что ее лицо снова засияет, он добавил: — Однако вы, может быть, расскажете мне об этих художниках?

Назавтра Рохарио, как обычно, проснулся в полдень, но обнаружил, что в гостиной, где подавали завтрак, уже пусто. Он едва попробовал свежие рогалики и чай и сразу вышел из дома.

Сады располагались за стеной внутреннего дворика. Когда-то стена была частью крепости, а теперь представляла собой живописные развалины. Сквозь бреши виднелись петляющие тропинки, подстриженные кусты и деревья, ряды белых цветов, распускающихся во время дождей. Последние капельки утреннего ливня еще дрожали на траве и листьях, хотя небо уже очистилось и на нем ярко сияло солнце.

Там, среди цветов, он увидел Беатрис. Она аккуратно срезала стебли и бережно укладывала цветы в длинную корзинку. Женщина показалась Рохарио невероятно привлекательной. На ней была красивая шляпка и утреннее платье, открывающее изящную шею.

Она весело и без тени смущения с ним поздоровалась.

— Какой прелестный сад, дон Рохарио. Ваш садовник сказал, что было решено не заниматься лекарственными растениями, и они заросли сорняками. — Беатрис умолкла, но на ее лице ясно читалась просьба.

Он вежливо улыбнулся.

— Я уверен, Эдоард не станет возражать, если вы займетесь садом. — Рохарио осмотрелся. — А где ваша сестра?

— Она уже взялась за кисть, — ответила Беатрис.

Тут Рохарио заприметил угол мольберта, который торчал из зарослей рододендрона.

— Грацио.

Взялась за кисть! Конечно. Она ведь Грихальва, а Матра даровала всем Грихальва талант. Рохарио так и не научился лгать, когда речь шла об искусстве. Никогда. Даже если приходилось оценивать собственные произведения.

Элейна, целиком погруженная в работу, не заметила, как он подошел. В отличие от дуэньи, конечно: Мара вежливо кивнула ему и снова принялась за свою вышивку. Рохарио ее не интересовал. Он остановился на почтительном расстоянии и наблюдал за возникающим на холсте рисунком.

Элейна использовала палитру из шести красок, работала быстро и уверенно. Прямо у него на глазах вырастал сад, рухнувшая стена, поникшие деревья, ярким световым пятном выделялись цветы и среди них, на коленях, Беатрис. Вероятно, она стояла так примерно час назад — теперь девушка переместилась в сторону. Каким-то непостижимым образом тучи, башня, сад — все заставляло перевести взгляд на Беатрис, которая, в своем белом платье, с волосами, выбившимися из-под шляпки, казалась олицетворением утра. В отличие от художников, которые придерживались модного в последнее время стиля, добиваясь, чтобы поверхность кар-

тины была гладкой и блестящей, почти без следов кисти, Элейна такой задачи перед собой не ставила. В результате мазки стали неотъемлемой частью фактуры холста.

Рохарио, стараясь не мешать, молча стоял в стороне. Когда к нему торопливо подошел слуга, жестом попросил принести стул. Теперь он сидя продолжал наблюдать за Элейной и так увлекся, что совершенно забыл о времени. Кисть Элейны была неустанной.

Матра Дольча! Она знает свое дело! Даже при одновременной передаче формы и цвета и выборе композиции Элейна писала с такой легкостью и уверенностью, какая не снилась самому Верховному иллюстратору Андрео. Конечно, в ее картине есть недостатки, но композиция пейзажа необычайно интересна.

Слуга принес кофе и пирожные с изюмом, поставил их на столик. Только теперь Элейна почувствовала движение у себя за спиной и взглянула на Рохарио. Улыбнулась, осознав, что он любуется ее картиной, и снова принялась за работу. Рохарио улыбнулся в ответ. И вдруг понял, что еще никогда в жизни не был так счастлив.

— Я закончила. — Элейна откинулась на спинку стула.

— Очень красиво!

Рохарио вскочил. Потом, немного смутившись, степенно подошел к мольберту.

Казалось, Элейна удивилась. Ее шляпа с широкими полями сползла на спину, а голубые ленты расположились на груди.

— Вы так считаете? Вам не следует меня хвалить ради соблюдения приличий.

— Вы замечательный живописец, вам это должно быть известно! Конечно, есть некоторые шероховатости, но вы закончили работу за один день, без предварительных набросков, что придает особое очарование полотну.

Ее улыбка показалась Рохарио ослепительной.

— Так вы поняли!

Он понял.

На мгновение Рохарио показалось, что на солнце набежала туча, потому что его взор затуманился. Но солнце продолжало ярко светить. Он как будто снова оказался посреди уличных волнений, его бросало то в одну сторону, то в другую, он был не в силах устоять на ногах и справиться с охватившими его чувствами.

Рохарио понял, что влюбился... Что он без ума от женщины из рода Грихальва, которая — несмотря на внутреннее сопротивление — согласилась стать любовницей его брата, наследника, и воспользоваться многочисленными привилегиями своего нового положения.

Он с трудом улыбнулся в ответ и замешкался в поисках слов, которые скрыли бы столь нежданно нахлынувшие чувства.

Беатрис смотрела куда-то вдаль. Потом встала, держа в руке корзину с цветами. Девушка была прелестна.

И тут они увидели всадника. Конечно, сад не совсем подходящее место для конных прогулок, особенно если

учесть, что лошадь плохо слушалась и пугалась каждого куста или клумбы.

Всадник резко дернул за поводья и спешился. Поручив лошадь заботам грума, устремился к Беатрис. У него была походка человека, вполне довольного своим телом и положением, которое он занимает в мире; великолепная шапка светлых волос и жизнерадостный смех. Женщины падали к его ногам с тех самых пор, как ему исполнилось четырнадцать, — и не только потому, что он был наследником.

Элейна встала со стула.

— Кто это? — Она подняла испачканные красками пальцы, чтобы поправить волосы.

С опозданием обнаружив, что шляпа сползла на спину, принялась торопливо надевать ее.

— Это, — негромко ответил Рохарио, чувствуя, как его сердце разрывается на части, — мой брат, дон Эдоард.

64

Пальцы у нее были перепачканы, прическа растрепалась, но уже не имело смысла делать вид, что шляпа надета, а ленточки аккуратно завязаны. И что хуже всего, капли краски попали на платье, впрочем, сложный геометрический рисунок на ткани делал их невидимыми. Забыв о картине, Элейна смотрела, как дон Эдоард взял Беатрис под руку и направился по тропинке в ее сторону. Они шли не спеша, и Элейна могла спокойно рассмотреть старшего сына Великого герцога. Несмотря на то что Эдоард был чуть выше брата, он двигался с грацией человека, отдающего многие часы физическим упражнениям. В то время как Рохарио унаследовал тонкие черты своей бабушки, глядя на Эдоарда, можно было с уверенностью сказать, что он сын Тайра-Вирте, а большой нос и удлиненное лицо, обрамленное светлыми волосами, ясно говорили о том, что в его жилах течет и кровь Гхийаса. Очень интересное лицо.

«Я обязательно напишу его портрет».

Эдоард и Беатрис скрылись за живой изгородью, потом снова появились, шагах в десяти от мольберта. Беатрис улыбалась. Эдоард смеялся. Он делал это просто великолепно.

— А вот и Элейна, — представила сестру Беатрис.

Эдоард шагнул вперед, взял ее руку, склонился над ней. Он не сделал попытки поцеловать руку, хотя Элейна почувствовала, как он чуть сжал ее пальцы.

— Элейна, рад с вами познакомиться. Ваша милая сестра сказала мне, что вы художница. Меня это не должно удивлять, поскольку вы из рода Грихальва. Но я не знал, что женщины занимаются живописью. Нет, я, конечно, слышал, что они делают эскизы и зарисовки — как, например, наши придворные дамы, — чтобы скоротать время.

— Да, — сказала она и осторожно высвободила пальцы, — я тут рисовала.

Эдоард обошел мольберт, чтобы посмотреть на работу Элейны.

— О, замечательно! Очень красиво! А вот и ваша сестра. Как раз на месте. А кто эта очаровательная дама? Не каждый день три прекрасные женщины посещают меня в моем убежище! Мара? Добро пожаловать, поверьте, я вам очень рад. — Он поцеловал дуэнье руку

Мара покраснела и с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть.

— Рохарио, эйха! Ты должен посмотреть охотничьего пса, которого я купил. Ну, милая, — он обернулся к Элейне и взял ее за руку с видом хозяина, — пора завтракать. Мне сказали, что для нас сегодня приготовили перепелов под каким-то соусом. Вы же знаете, у поваров немало всяких приправ и самых разных блюд, названия которых я никогда не смогу произнести, поскольку все наши повара из Гхийаса. И хотя дорогая, безвременно покинувшая нас матушка пыталась научить меня всем этим словам, мне так и не удалось преуспеть в этом. Она была просто в отчаянии. «Эдоард, — говорила она, — ты умеешь разговаривать только на языке гончих, впрочем, надо заметить, это у тебя получается хорошо».

Он продолжал болтать в том же духе. К радости Элейны, его вполне устраивали односложные слова, которые она время от времени вставляла в его тирады. Они вошли в дом, и им подали завтрак в маленькой столовой.

Про Эдоарда нельзя было сказать, что он скучный собеседник. Но когда он пустился в один из своих монологов, Элейна вдруг ощутила, что этот словесный поток проходит мимо ее сознания. Казалось, будто сидишь во дворе дома, что-то рисуешь и одновременно прислушиваешься к музыкантам, играющим на кифаре и поющим серенады дамам в надежде получить за свое искусство поцелуй.

— ...конечно, никто не думал, что тио Алессо умрет так рано, по правде говоря, именно поэтому матушка и не хотела, чтобы я увлекался охотой; его сбросила лошадь, когда он пытался перескочить через живую изгородь, но патро утверждает, что Алессо всегда неуверенно держался в седле, а значит, это должно было случиться рано или поздно. — Эдоард улыбнулся.

Элейна не имела ни малейшего представления, о чем идет речь.

— Рано или поздно его должна была сбросить лошадь? — спросила она и испугалась: вдруг Эдоард догадается, что она не слушала.

— Вы не только красивы, но еще и умны, каррида мейа. Наша дорогая матушка любила говорить про Терессу, мою тетку, которая вышла замуж за этого человека из Диеттро-Марейи, — я никак не могу запомнить его имя, — что, если женщина глупа, от ее красоты нет никакого проку.

Элейна улыбнулась, прекрасно понимая, какой скучной она должна была ему казаться. Кошмар! Она вообще не знала, как следует себя вести.

— Наш тио Алессо, — вмешался Рохарио с некоторым раздражением, — частенько приезжал сюда, он обожал эти

комнаты и сад, а четыре года спустя после того, как он стал Великим герцогом, неподалеку отсюда его сбросила лошадь.

— Великий герцог Алессо погиб здесь? — спросила Беатрис, заинтригованная столь неожиданной подробностью из жизни двора.

— Я и сам могу рассказать эту историю, Рохарио. — Эдоард отодвинул свой стул от стола. Остальные поспешно поднялись вслед за ним. — Я с радостью покажу вам свою новую охотничью собаку, — переключился он на другую тему и предложил Элейне руку.

— Конечно.

Они вышли во двор, а оттуда направились в сторону конюшен. Эдоард был на удивление тихим, а Рохарио, все больше раздражаясь и негодуя, тащился позади, сопровождая Беатрис и Мару. Вне всякого сомнения, ему не хотелось тут оставаться. Только Великий герцог мог его заставить. Но почему? Видимо, именно этого и хотела от нее мать: вызнать все домашние секреты до'Веррада. Элейну передернуло. Какая мерзость!

— Вам холодно? — спросил Эдоард. — Можем вернуться за накидкой.

— Нет, спасибо.

— Вот мы и пришли. Вы любите лошадей?

— Я еще не научилась их рисовать.

Внутри конюшни царил полумрак, и Элейне понадобилось несколько минут, чтобы глаза привыкли к тусклому освещению. Впереди что-то глухо стучало о стену.

— Господин! — Конюх поспешил к ним навстречу. — У вашего нового коня просто огненный нрав. Слышите, как он бьется в стойле? Не стоит подходить к нему близко, пока мы его не успокоим.

— Я приду попозже. Сюда, каррида мейа. Пойдем посмотрим собак.

Как только они очутились на улице, настроение у Эдоарда явно улучшилось. Им удалось оторваться от остальных спутников, и он положил вторую свою руку поверх пальцев Элейны, лежавших у него на локте. Она испуганно улыбнулась, но внутри у нее все точно окаменело. Она внезапно вспомнила свои супружеские отношения с Фелиппо — воочию видела, чувствовала его руки, тело и губы, но ей казалось, что происходило это не с ней, а с кем-то другим, с человеком, которого она больше не знает.

— Если вам холодно, давайте вернемся в дом. В моих апартаментах есть камин. Я прикажу его разжечь.

И они останутся наедине.

— Я бы хотела посмотреть на гончих. — Элейне с трудом давались слова.

— Эйха! Они просто великолепны. Мы, до'Веррада, в течение многих поколений выращиваем собак; насколько мне известно, первые три сучки прибыли в качестве свадебного подарка из Кастейи. Я плохо помню подробности, но если они вас интересуют, служащие в канцелярии Палассо легко отыщут для вас соответствующие записи, им все равно совершенно нечего делать

Отца старые документы не занимают, если они не касаются торговли... А мы, дети, никогда особенно не налегали на учебу, что ужасно расстраивало нашу дорогую матушку, поскольку она обожала хорошую философскую дискуссию; лишь один Рохарио прочитал парочку умных книг. Но он всегда старался сказать что-нибудь едкое, и матушке это надоело, вот она и перестала с ним разговаривать на серьезные темы. Смотрите, будки. Фрамба и Фрага — это две сучки. Вуонно — самый крупный пес, а это Суэрто. Ты у меня лучше всех, правда, меннино?

Эдоард отпустил Элейну и занялся рыже-коричневым псом, подскочившим к нему. Элейне тут же стало ясно, что собака без ума от своего хозяина, и она поняла, как изобразит наследника. Ее захватила эта идея.

— Я сделаю несколько предварительных эскизов. Вы будете стоять в поле с мушкетом в руке, а рядом — ваши собаки.

— Великолепно! Вы нарисуете всех гончих. И мы устроим в Чассериайо небольшую Галиерру, где повесим портреты моих собак.

Элейна не удержалась от смеха, услышав, с каким удовольствием он это сказал. Эдоард взял ее руку в свою, наклонился и стал целовать пальцы. Улыбнулся ей.

«У него и в самом деле красивые глаза, — подумала Элейна. — Может быть, все не так страшно».

Вдруг она услышала голос Беатрис. Эдоард тоже — Элейна увидела это по выражению его лица, — но он не выпустил ее руки. Так что Беатрис, Рохарио и Мара пришли как раз вовремя, чтобы увидеть финал нежной любовной сцены. Почему-то щеки Элейны залились краской. Матра эй Фильхо! Она же не девочка, чтобы краснеть, когда другие видят, как ею восхищается мужчина! Всем прекрасно известно, зачем она сюда приехала. И все же она мягко высвободила руку и отвернулась.

— Я начну прямо сейчас, — сказала она, стараясь скрыть смущение.

Эдоард щелкнул пальцами, и на его зов прибежал слуга, которого немедленно послали за мольбертом, бумагой и красками.

— Я так люблю собак, — проворковала Беатрис, повернувшись к Эдоарду.

Рохарио отошел в сторону и обратил задумчивый взор на поля.

Вернулись слуги. Элейна приготовилась делать этюды.

— Сначала я нарисую гончих, — сообщила она. — Сделаю несколько эскизов, чтобы получше их узнать.

— Пойдемте, дон Эдоард, — мягко позвала Беатрис. — Вы должны показать мне сад.

— А с меня вы будете делать зарисовки? — просительным тоном промолвил Эдоард.

— Конечно. — Элейна заточила карандаш ножом.

У гончих были такие чистые, интересные морды, совсем не похожие на избалованных, сварливых собак, принадлежавших придворным дамам. Их переполняла энергия, и, подобно хозяину, они были по-своему очаровательны.

— Надеюсь, дон Эдоард, вы скоро поймете, что моя сестра может сама себя развлечь и ей будет не до нас. — Слова лились легко и естественно; в следующую минуту Элейна краем глаза заметила движение — Беатрис уводила за собой Эдоарда. Мара последовала за ними. — Ваш отец подарил вам Чассериайо пять лет назад?

— Да, так принято. Мне как раз исполнилось девятнадцать...

Они отошли, и Элейна больше не слышала, о чем они говорят. Только часть ее сознания отметила, что они ушли. Перед ней посадили Вуонно, и, поскольку он был добродушным, но весьма беспокойным существом, ей приходилось работать очень быстро, чтобы сделать хороший эскиз.

Рохарио по-прежнему стоял неподалеку, чуть повернувшись к Элейне в профиль. Его поза была такой вызывающе театральной, что она не сомневалась — он встал так специально. Она мгновенно его нарисовала, нахмурилась, снова попыталась сделать набросок в другом углу листа бумаги. Уже лучше! Но все равно ей не удалось передать необычное положение плеч, вздернутый подбородок и сердито сложенные на груди руки.

Элейна взяла чистый лист бумаги, еще раз изобразила Рохарио. Ей привели Фрамбу. Покраснев, она достала новый лист, положила его поверх эскизов, но все равно никак не могла отогнать от себя мысль, что Рохарио стоит тут же — не так близко, чтобы с ним заговорить, но и недостаточно далеко, чтобы не обращать на него внимания. Как ни старалась сосредоточиться на собаках, она чувствовала, что Рохарио за ней наблюдает, но стоило бросить в его сторону взгляд, как он отворачивался. В конце концов он ушел, и Элейна смогла спокойно работать.

Много позже появилась Беатрис.

— А куда подевался дон Эдоард? — спросила Элейна.

— Отправился полюбоваться на свою новую лошадь. Она успокоилась.

Беатрис старательно поправляла ленту на шляпке. Судя по перепачканным в земле пальцам, она опять копалась в грязи.

— Спасибо тебе, Беатрис. Я знаю, ты пытаешься помочь, но ведь мне нужно к нему привыкать.

— Конечно, нужно, но зачем беспокоиться о том, что рано или поздно произойдет само?

Элейна подумала — и не в первый раз, — почему такое доброе и понимающее существо временами так сильно ее раздражает?

Вся компания снова собралась за ужином, который накрыли в столовой, где ослепительно сияли свечи, зажженные в люстре.

— Вы сегодня удивительно красивы, каррида мейа, — сказал Эдоард, подводя Элейну к стулу. А потом все испортил, повернувшись к Беатрис, чтобы увести ее от Рохарио. — И вы тоже, Беатрис. Если вы сядете по обе стороны от меня, я буду самым счастливым мужчиной в мире. Я просмотрел ваши эскизы. Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я не спросил у вас разрешения...

Чужие руки касались ее альбома, он даже не спросил разрешения! Элейна выдавила из себя улыбку.

— ...но мне не терпелось посмотреть на моих милашек. Впрочем, я заметил, что вы и брата там изобразили. Мне ужасно обидно — ведь меня-то вы еще ни разу не нарисовали...

Элейна не осмеливалась поднять на Рохарио глаза.

— Я просто разогревала руки, дон Эдоард.

— Нарисуете меня сегодня?

Элейна покраснела, прекрасно понимая, что нравится Эдоарду. К тому же он вложил и другое значение в свои слова.

— Цветы из вашего сада так красиво смотрятся в этих вазах, вы со мной согласны, дон Эдоард? — внезапно спросила Беатрис. — У вас исключительное чувство цвета, вы подобрали их просто замечательно.

Эдоард повернулся к ней и немного рассеянно ответил:

— Я только следовал вашим указаниям, так как почти ничего не знаю о цветах.

— Ошибаетесь, вы знаете гораздо больше, чем вам кажется, дон Эдоард. Наша бабушка Лейла занималась запахами, и она много рассказывала мне про цветы, ароматы и травы. Вот красные хризантемы — это Любовь. Жимолость означает Привязанность, а лилии — Мир. Ваш повар добавил в цыпленка немного душицы.

— Вы исключительно умная женщина, подмечаете такие удивительные детали. А у душицы тоже есть определенное значение?

Беатрис мило улыбнулась и чуть покраснела.

— Смущение, дон Эдоард.

— Я и не думал, что цветы и травы могут так много сказать.

— Если знаешь, где смотреть, можно увидеть многое из того, что скрыто от невнимательного глаза.

От того, как Беатрис произнесла эти слова, Элейне почему-то стало не по себе. Она бросила взгляд на Рохарио, но он сидел мрачный, держа в одной руке вилку и уставясь в свою тарелку на кусок пирога. Мара наблюдала за своими подопечными с довольным видом.

— И что бы это значило? — Эдоард наклонился к Беатрис, глаза его сияли. — Ваши слова прозвучали так загадочно.

Мара насторожилась.

— Пожалуй, нам пора в гостиную. — Она поднялась и тут же увела за собой Элейну и Беатрис.

Слуга проводил их в гостиную, где Элейна обнаружила на маленьком столике свой альбом и карандаши. Мара устроилась на диване и занялась вышиванием, а Элейна отвела Беатрис в сторону.

— Что означали твои последние слова, сказанные дону Эдоарду?

— Если то, что говорила бабушка, правда, — без тени раскаяния заявила Беатрис, — то он рано или поздно узнает о секретах иллюстраторов.

— Но...

— Но? Он же явно ничего не понимает и даже не подозревает. По лицу видно.

— Я не уверена, что ему хватит сообразительности...

— Элейна, он рассуждает достаточно разумно о садоводстве и управлении имениями.

— Вы именно это обсуждали весь день?

Открылась дверь, и вошел Эдоард.

— Прошу прощения, — сказал он весело. — У брата разболелась голова, и он ушел отдыхать.

— Я тоже чувствую себя неважно, — поднимаясь, объявила Мара. — Беатрис, ты не проводишь меня в мою комнату? Поможешь мне подняться по лестнице.

Беатрис чуть прикоснулась к руке Элейны, и ей стало немного легче. Все так ясно, прозрачно, но... Нет ни единого повода откладывать неизбежное.

Они ушли. Элейна встала, положив руку на этюдник, и смущенно улыбнулась Эдоарду.

— Садитесь, милая. — Он начал расхаживать по комнате, и неожиданно Элейне показалось, что он тоже нервничает.

— Я вас нарисую, — предложила она.

Эдоард с улыбкой опустился на простой дубовый стул. На этом фоне особенно ярко выделялся вечерний, расшитый золотом костюм наследника. Бледные, словно акварельные, обои выгодно оттеняли его каштановые волосы и темные глаза. Вот только он не мог сидеть спокойно ни минуты, совсем как ребенок или его обожаемые гончие. Но ведь пока он находился там, он не мог быть тут, рядом с ней. И как только она на это согласилась? Элейна представила, что будет дальше: разговор, стаканчик мадеры, его близость, а потом постель. Она сгорала от смущения. Ему тоже было не по себе.

— Я вспомнил о семейном портрете, написанном много лет назад, еще до лихорадки, ведь тогда наша бедная матушка еще была жива, и малышка Мечеллита, и Алессио, и мой несчастный брат Бенетто, который ужасно пострадал от лихорадки. С тех пор у него плохо с головой, он так и не оправился. Конечно, бабушка Мечелла ни в какую не согласилась бы, чтоб ее сыновья взяли себе в любовницы женщину из семьи Грихальва. Мне не следовало говорить об этом при вашей сестре, она еще так молода и невинна...

Матра Дольча! Интересно, что подумал бы Эдоард, если б узнал про конфирматтио и услышал от Беатрис, что ей это ужасно понравилось. А если бы ему стало известно, что у Беатрис есть маленький сын, который сейчас наверняка спит в Палассо Грихальва...

— ...но теперь, когда бабушка умерла, я решил, что можно попросить отца восстановить старую традицию — Марриа до'Фантоме. — Он умолк в ожидании ее ответа. И приглашения.

— Любовница Арриго, Тасия, была моей пратегушкой. — Элейна наклонилась к альбому.

Ее вдруг невероятно заинтересовал дальний угол гостиной. Все мысли в голове перепутались, она решила, что должна изобразить этот самый угол как можно точнее, в мельчайших подробностях: простой стол, вазу и одну-единственную горящую лампу на фоне светлых обоев с едва заметной полоской.

Почувствовала, что Эдоард поднялся, и ей стало невыносимо жарко, лицо запылало. Удалось бы только сосредоточиться и прогнать его из комнаты! Тогда, удалившись из ее мыслей, он исчезнет и из ее жизни.

Но ведь она не Одаренный иллюстратор.

Эдоард остановился рядом, едва касаясь, положил ей руку на плечо.

Агустин.

Агустина природа наделила Даром.

— Я думал, вы меня рисуете, — сказал Эдоард.

— Это для моего брата Агустина, — с некоторым вызовом ответила Элейна.

Все утверждают, будто она лишена Дара — ведь она женщина. Однако в глубине души Элейна знала: ей дан драгоценный дар искусства, и ее долг перед Матрой эй Фильхо показать в своих картинах живой мир. Она никогда не оказалась бы в таком положении, как сейчас, если бы подобно брату была иллюстратором.

— Он еще только учится рисовать, — продолжала она, не имея ни малейшего представления, что скажет в следующий момент, и опасаясь обидеть Эдоарда. — Я обещала ему делать зарисовки самых разных мест, чтобы он мог их увидеть. Видите ли, у него слабое здоровье, и он почти не покидает Палассо, и я таким образом делаю ему подарки... — Она замолчала.

— Я позову Бернадина и прикажу немедленно доставить вашему брату этот великолепный рисунок.

— Что вы, нет необходимости...

— Конечно, нет, но, поскольку я могу это сделать, почему бы нам не воспользоваться такой возможностью? Напишите брату записку. А я позову Бернадина. Нет, нет, обязательно напишите. Я не буду вам мешать. Как его зовут?

Элейна взяла листок бумаги, вынула перо из футляра. Она не знала, о чем писать.

— Агустин. Ему всего пятнадцать.

— Понятно, ровесник моей сестры Тимарры. Очень милая девочка, тихая-претихая. Отца боится панически. Его совсем это не радует, но у него сильный характер, а у бедняжки Тимарры — вовсе никакого. Она бы с удовольствием сидела целыми днями в саду и что-нибудь шила. Из нее получится отличная, послушная жена, когда придет время выходить замуж. Впрочем, зная патро, могу с большой долей уверенности предположить, что он отошлет ее в какую-нибудь дыру, вроде Ветии, где она будет постоянно мерзнуть и чувствовать себя несчастной. О, простите меня. — Появился Бернадин. — Вы же собирались отправить письмо. Закончили? Бернадин, пусть это доставят в Палассо Грихальва. Прямо сейчас. Посыльный должен подождать ответа, если мальчик захочет написать что-нибудь. Агустин Грихальва, верно?

Когда Бернадин ушел, Элейна пролепетала дрожащим голосом:

— Спасибо, дон Эдоард. Вы очень добры.

В этот момент на его лице появилось насмешливое выражение, которое исчезло, как только он заговорил:

— Правда? А мне казалось, что я ужасный эгоист.

Элейна покраснела. Эдоард медленно приблизился к ней. Она боялась отвернуться. Остановившись около ее стула, он протянул руку. Элейна послушно подала свою, он потянул ее к себе, заставляя встать, и оказался совсем рядом. Другой рукой Эдоард отвел от ее лица выбившийся из прически локон.

— Неужели все женщины из семейства Грихальва так же красивы, как вы и ваша сестра?

Элейна улыбнулась, но не смогла придумать достойного ответа. Она знала — стоит ей произнести хоть слово, и он тут же поймет, как сильно она напугана. Матра! Чего она боится? Ничего нового с ней не произойдет.

Эдоард наклонился и поцеловал ее в губы. Элейна изо всех сил старалась расслабиться, подчиниться, но ее свободная рука невольно сжалась в кулак, а все тело напряглось.

Через мгновение Эдоард чуть отодвинулся и отпустил ее руку. Едва заметная улыбка скользнула по губам, немного задержалась... но Элейна не поняла, что она означает.

Эдоард обошел ее, взглянул на эскизник.

— Не могу понять, как вам удается выводить на бумаге линии таким образом, что потом получается картина. Будто я смотрю на мир вашими глазами. Рохарио не раз говорил мне, что я не «понимаю» живопись, — уж и не знаю, что это значит, а отец утверждает... Эйха! Вам совсем не интересно, что утверждает отец. Он не испытывает к своим детям теплых чувств...

— Не может быть!

— Мы его разочаровали.

Элейна с трудом сделала неглубокий вдох. От признаний Эдоарда ей стало не по себе.

— Бенетто — идиот, я это говорю вовсе не затем, чтобы обидеть беднягу, он тут не виноват. Тимарра не может связать и двух слов, к тому же внешность у нее самая заурядная, что очень печально, поскольку наша бабушка Мечелла и дорогая покойная матушка были известными красавицами. Рохарио... Эйха! — Он воздел руки, как бы демонстрируя отчаяние. — Рохарио это Рохарио. И вот отец решил взять себе новую жену, он рассчитывает, что у него родятся более достойные дети.

Элейна удивленно вскрикнула, но Эдоард снова поднял руку. Наследника нельзя было назвать умницей, но и, как убедилась Элейна, дураком он не был.

— Не беспокойтесь за меня, милая. Мои притязания на трон Гхийаса вполне законны, я даже имею на него больше прав, чем король Иво, — так по крайней мере поговаривают. Отец хочет женить меня на дочери Иво... Забыл, как ее зовут. Я видел портрет — отличный рисунок, сделанный одним из ваших кузенов... Мне кажется, вы все приходитесь друг другу родней.

Эдоард улыбнулся. Точно так же он улыбался Маре и Беатрис. И своим гончим псам.

Элейна вдруг сделала неожиданное открытие: безостановочно болтая, он пытается заставить других расслабиться, почувствовать себя в его присутствии спокойно. А может быть, наоборот, хочет успокоиться сам. Она не знала, как в действительности обстоит дело. Возможно, его монологи помогают обеим сторонам.

— Я не так умен, как вы, милая. Вы умеете создавать такую красоту, а я... лишь в состоянии получать радость от своих гончих и восхищаться женщинами.

Он положил руку ей на плечо, все еще улыбаясь, и Элейна попыталась... о, как сильно она старалась! — но ничего не смогла с собой поделать. Он был слишком близко!

— Слишком быстро, — сказал Эдоард и, отвернувшись, отпустил ее. Однако Элейна успела заметить, как погасла его улыбка.

— Дело не в вас. Простите меня.

— Мне не за что вас прощать. Бернадин покажет вам вашу комнату.

С пылающим лицом, сгорая от стыда и унижения, Элейна выскочила из гостиной, даже не забрав свои принадлежности для рисования.

65

Сарио покинул Палассо Грихальва через месяц после своего приезда — якобы для того, чтобы вернуться к службе итинераррио. Он ехал на север до полудня, остановился в деревенской гостинице, где совершенно сознательно раздавал щедрые чаевые месяц назад, чтобы обеспечить себе сердечный прием, когда снова окажется здесь. Оставил в конюшне лошадь и договорился с каким-то крестьянином, что на следующий день тот возьмет его с собой в Мейа-Суэрту в простой повозке. Там он нанял другую лошадь и продолжал ехать на север, пока вечером не оказался в Аргуэньо, городишке, устроившемся на пересечении дорог.

В гостинице «Голубая роза» он нашел слуг из Гхийаса, отправленных туда некоторое время назад: девушку, служившую портнихой у королевы Айрин и ее кузин, и двух братьев из дворцовой стражи. Ему удалось завоевать их доверие во время кровавой бойни во дворце, когда он спас им жизнь. Кроме того, он щедро осыпал всех троих деньгами и оказывал им всевозможные услуги. Они его ждали.

Хозяин гостиницы послал Сарио в конюшню, где братья работали за еду и жилье в гостинице.

— У вас есть какие-нибудь новости? — взволнованно спросил старший брат.

— Вполне возможно, — с важным видом ответил Сарио. — Я должен ехать один. Люди, с которыми я разговаривал, опаса-

ются за свою жизнь. Им не поздоровится, если станет известно, что они приложили руку к спасению члена королевской семьи.

— А почему так долго? — спросил младший брат. — Они не испытывают никаких чувств к нашему королю. — Он сплюнул в солому. — Им только и нужно, что получить хороший выкуп.

— Посмотрим. А пока ждите меня здесь. Через десять дней вы услышите звон колоколов и поймете, что пришло время праздника Имаго, наступило Видение Жизни. После него я вернусь. Отдайте часть денег своей кузине. Пусть она купит хорошие ткани и сошьет несколько платьев. Не сомневаюсь, если госпожа и в самом деле жива, у нее ничего не осталось. Кроме того, я уверен, что после такого тяжелого испытания она сильно изменилась.

Оба солдата тотчас преклонили колени, приложив руку к сердцу, потом поднялись и взяли деньги.

Утром, отправляясь на север, Сарио был ужасно доволен собой. Однако через несколько миль он сделал большой круг, повернул на юг и, благополучно минуя Аргуэнью, снова подъехал к деревенскому постоялому двору, где вернул лошадь, и опять в повозке с каким-то крестьянином добрался до Мейа-Суэрты. В сумерках он вошел в свое ателиерро над винной лавкой, но был слишком возбужден, чтобы заснуть, поэтому зажег лампы, часть из них поставил на стол, другие подвесил на балки и работал до поздней ночи, размельчая и перемешивая краски, подготавливая кисти. Он устал, и кровь, словно упрятанный где-то далеко барабан, начала стучать в висках. Ему было жарко, он остался в одной рубашке; через некоторое время снял и сапоги. Теперь голые ступни ног касались пола, и потому биение его сердца и тихий, размеренный скрип дома смешивались, превращаясь в единый звук. Он тихонько бормотал слова, взятые из рисунков, украшавших его собственное Фолио, книгу, которую он так много лет назад забрал у Иль-Адиба.

Сарио перемешал красители с маслом мака, добавил пчелиный воск и янтарь, расплавленный в горячем масле. В белые краски положил размолотые в пыль косточки и высушенную кожу; в желтые — сияние золотых волос. Ногти с ног и рук измельчил, и они вошли в состав ультрамарина и лазури. Остатки сорочки, истертой до такого состояния, что она стала похожа на тончайшие крупинки песка, использовал для приготовления голубовато-зеленой и густой зеленой красок. Волосы, взятые им с тела принцессы, добавил в охру и умбру, темно-желтую и коричневую; в ярко-алую — кровь; розовая получилась после того, как он смешал кровь с лавандовым маслом. А в черную краску высыпал все, что осталось, этого оказалось достаточно, чтобы придать ей нужный оттенок.

Он подготовил доску, дубовую, в человеческий рост, и нанес на нее серую грунтовку с экстрактом мирта, обозначающего Смерть, и ириса — для Магической энергии.

Вполне возможно, что за окнами встало солнце. А может быть, наоборот, село. Ставни в его каморке оставались закрытыми, и течение времени он замечал лишь по тому, что хозя-

ин лавки два раза в день приносил еду и пиво, ставил поднос под дверь и забирал то, что Сарио выставлял наружу.

И вот ему стало уже так жарко, что пришлось снять и рубашку. Теплый воздух коснулся кожи, пробудил ее, точно любовное прикосновение, хотя он и не знал ни одной женщины с тех самых пор, как взял себе тело юного Сарио. Он не хотел осквернить свою любовь к Сааведре.

Отыскал пальцами ланцет. Подержал его в пламени свечи, пока металл не окружил едва заметный нимб. Подняв ланцет вертикально, несколько секунд наблюдал за тем, как жар исчезает с краев раскаленного металла. Начал медленно подносить к предплечью.

Лезвие было горячим и острым. Ощущение от его прикосновения оказалось очень возбуждающим. Сарио сделал надрез.

По руке потекла кровь, и тело его затрепетало. Давным-давно он чувствовал то же самое, когда любил женщин, осыпал их ласками, проникал в них. Теперь же — только искусство, только живопись, восторг, который он испытывал, творя колдовские чары, знание того, что должно произойти, в то время как он готовил свое тело, краски, сам воздух, напоенный благовониями... У него перехватило дыхание, и он едва успел собрать в стеклянный флакончик свое семя. На пол упало несколько капель крови, но Сарио это не огорчило — крови у него вполне достаточно; он взял столько, сколько нужно, а потом прижал ладонью разрез. Жжение исчезло, впрочем, так бывало всегда. Что такое боль, если ты получаешь могущество?

Сарио рассмеялся, в следующее мгновение по щекам у него потекли слезы. Ароматы трав заставили его вспомнить о еде — кровь, семя, слезы и слюну он смешал с красками, вложив в них свое существо.

Пора приступать к колдовству. Сарио поставил на стол свечи и курильницу для фимиама — в честь Матры эй Фильхо. По обеим сторонам расположил множество эскизов. Потом достал Фолио из сундучка и выбрал ему место в центре стола. Медленно, осторожно касаясь каждой страницы пальцами, ощущая прикосновение чуть выпуклых, бархатистых букв, ласкающих и одновременно приятно покалывающих кожу, открыл в том месте, где описывалось нужное ему заклинание.

Когда Сарио находился в теле Арриано, он стал излишне ленив, путешествовал из страны в страну, от одного королевского двора к другому, позволив бездумной болтовне богатых купцов и льстивым речам бледных северных красавиц убаюкать себя. Арриано погрузился в сонное ничегонеделание, продолжавшееся многие годы. Возможно, ему было необходимо прийти в себя после катастрофы с Рафейо. А может быть, просто немного отдохнуть.

Нет! Это невозможно! Пришла пора проснуться. Он уже так давно не создавал ничего выдающегося. Это произведение будет самым настоящим шедевром, потому что он воспользуется заклинанием, о котором думал многие годы, но которое ни разу не решился применить.

«Не смей, ибо сие есть мерзость».

Так написано в Фолио сверкающими буквами на белом фоне. Но что ему за дело до заповедей бога, которого он не чтит? Он Мастер. Единственный в своем роде. Таких, как он, больше нет и никогда не будет. Разве он не является Избранником?

Сарио зажег свечи и курильницу. Очень тихо произнес слова, выученные многие годы, века назад.

— Чиева до'Орро, открой мне твои секреты. Кровь и руки наделены властью над переменами, — заговорил он чуть громче, резче, его голос стал пронзительным, разорвал тишину комнаты, окутанной ароматами благовоний и душистых трав. — Матра эй Фильхо, дай мне могущество, чтобы победить смерть и возродить жизнь.

Он открыл краски и обмакнул палец в фиолетовый колдовской цвет, прикоснулся к языку, ощутил вкус, потом к обнаженной груди, животу, бедрам. Графитовым карандашом набросал очертания фигуры, с особым тщанием изобразив ладони, губы и глаза. Пальцами нанес тонкий слой грунтовки поверх рисунка.

Стал нараспев произносить слова, записанные в Фолио. Они легко, будто сами собой, срывались с губ, и постепенно Сарио начал погружаться в себя, меняться, лишаться индивидуальности... И вот уже больше нет человека, осталось только сознание художника, который, казалось, старается при помощи рук и кисти слиться со своим произведением, отдаться ему целиком и без остатка.

Он приступил к священнодействию.

Очертания фигуры стали четче, заслонили первый набросок. Картина оживала — сначала светлые тона, за ними более яркие, глубокие, блистающие оттенки. Нельзя останавливаться, он может позволить себе прерваться лишь на несколько минут — сделать пару глотков пива и съесть немного хлеба, выпить чашку кофе и прикоснуться губами к тому или иному ароматическому маслу, чтобы придать себе сил. И еще — чтобы зажечь новые свечи. Потому что стоит ему оставить картину без внимания хоть ненадолго, краски застынут, и он приговорит ее к смерти. Он должен закончить свое произведение, доведя его до совершенства.

Сейчас еще рано об этом думать. Сарио рисовал, а с его губ срывались слова иноземных колдовских заклинаний, Аль-Фансихирро. Он представлял ее себе — юное тело под легким, модным одеянием, которое она так любила. Образ перетекал из сознания к рукам, она расцветала, приобретала форму.

На теле он начертал переплетающиеся символы, они превратят картину в реальность. Ее руки мягко касались бедер, ладонями вперед; ноги твердо стояли на дубовом полу. Кожа приобрела розовый оттенок, а губы чуть приоткрылись, словно она пыталась сделать вдох. Глаза девушки были такими голубыми, какими он их запомнил, — может быть, даже лучше, чем в жизни, лучше, чем на самом деле, — но разве художник не должен передать в своем произведении душу того, кого он изобразил, а не всего лишь внешнюю оболочку?

Где-то далеко зазвонили колокола. Сарио заметил, что сквозь щели ставен пробивается луч света, — восход или закат? Когда-то он знал, куда выходит его окно. Теперь это не имело никакого значения.

Те места на ее теле, где жили тени, он связал крошечными колдовскими рунами, кистью из грубого волоса нанес их на ладони, вплел в изящные линии губ, обвел зрачки голубых глаз.

В ушах звучало эхо колоколов. Сарио отступил, покачнулся, с трудом удержался на ногах. Его окатила волна усталости, изнеможения, как и всегда в подобных случаях; он отдал своему творению так много крови и сил. Обмакнув палец в миртовое масло, нарисовал у нее на груди знак сердца, невидимый простому глазу. Из неожиданно ослабевших пальцев на пол выскользнула кисть, комната завертелась, но он успел схватиться за край стола, нащупал там чашу с чесноком, пожевал один зубок, сделал несколько глубоких вдохов, прикоснулся к Фолио, хотя знал последние слова заклинания наизусть.

Подошел к картине, встал перед ней. И хотя он постепенно выходил из транса и теперь видел все точно в тумане, он понял, что она совершенна, — юная, невинная, обнаженная девушка стоит в его ателиерро и ждет...

Он подошел ближе, еще ближе и вдохнул в нее, свое создание, жизнь.

Изображение задрожало, будто краски сами собой зашевелились, стараясь покинуть полотно, начали разбухать, так цветок раскрывает лепестки на рассвете. От неожиданности Сарио сделал шаг назад.

Она последовала за ним.

Тени превратились в очертания тела, линии стали плотью.

Принцесса Аласаис де Гхийас шагнула в комнату, на холодный дубовый пол, прямо из картины, созданной Сарио Грихальва.

Она стояла и смотрела на него с каким-то отрешенным любопытством. Она дышала. Кожа сияла жизнью, словно ее покрывали капельки пота.

На полотне остались лишь серый фон и пустая комната.

— Ты принцесса Аласаис, — тихо, пораженный происшедшим и одновременно восхищенный собственной гениальностью, произнес Сарио.

— Я принцесса Аласаис, — повторила девушка с такой же точно интонацией, хотя голосок у нее был нежный и мелодичный. Выражение ее лица не изменилось.

— Садись, — приказал он и махнул рукой на стул.

Она села.

Сарио вдруг увидел свою кровать. Из последних сил, с трудом до нее добрался. Столько всего еще нужно сделать! Научить ее, объяснить... А как насчет еды? Умеет ли она есть? Вдруг она возьмет и просто выйдет из комнаты? И что она понимает? Из чего на самом деле состоит его принцесса Аласаис? Мак, мирт, ирисы, его кровь и ее, то, что осталось от ее прежнего тела... Столько еще нужно сделать.

Но у Сарио не осталось сил. Волшебство отняло все.

Он повалился на постель и заснул в то самое мгновение, как его голова коснулась подушки.

66

В день праздника Имаго небо с самого утра затянуло тучами. Еще до того как встали первые слуги, Рохарио присел за один из длинных столов в банкетном зале и принялся лениво перелистывать пыльные страницы старой книги.

За окном шел дождь — благоприятная погода в начале дня Явления Матери и Ее Сына, которые возникли перед бедным кампонессо и его женой, когда они ранним утром подрезали виноград. Рохарио выглянул наружу сквозь толстое оконное стекло, льющаяся вода слегка искажала окружающий мир.

Последние восемь дней были сплошным мучением. Эдоард почти не разговаривал с ним, а с женщинами вел себя преувеличенно вежливо. Мара едва скрывала беспокойство. Элейна не отходила от мольберта, рисовала борзых и интерьеры Чассериайо. Только Беатрис сохраняла хорошее настроение, и Рохарио все более раздражался ее беспричинным весельем, контрастирующим с его мрачным расположением духа.

Однако, как часто повторяла его дорогая матушка, мрачность не только малосимпатична, но и совершенно бессмысленна. «Ты уже не ребенок, чтобы ходить с таким удрученным видом, Рохарио. Это утомляет меня, приводит в ярость твоего отца, а сам ты становишься совершенно бесполезным».

Но создавшееся положение пробуждало в нем худшие качества, хотя он и наблюдал за собой со стороны — глупый, упрямый мальчишка, — словно был посетителем Галиерры, заинтересовавшимся какой-то картиной. В этом отношении Матра благословила Эдоарда, кого абсолютно не волновало, как воспринимают окружающие его поведение.

Рохарио вздохнул и начал читать вслух неразборчивый текст книги:

Так стояла герцогиня Хесминия, поддерживаемая двумя служанками, которые не боялись заразиться от нее чумой и готовились умереть вместе с ней. И хотя тело герцогини было совсем хрупким, голос не утратил силы. Так записала ее слова санкта Сильвестра:

Клянусь моей верой в Матерь и Ее Сына, я не позволю, чтобы мои верные Грихальва стали жертвой столь чудовищных подозрений. Они не совершали тех страшных преступлений, в которых их обвиняют. Я благословляю их...

Рохарио замолчал и поднял голову.

Она словно статуя неподвижно застыла в затененном углу возле дверей и слушала его чтение. Ему почудилось, будто в него ударила молния. Это она так действует на него!

— Что вы здесь делаете? — резко спросил он.

Она вздрогнула и посмотрела на него, как кролик, готовый в любой момент обратиться в бегство, а потом вышла на середину зала.

— У вас в руках очень старая книга.

— Я нашел ее в библиотеке.

За последние несколько дней Элейна изменилась. Казалось, она перестала быть собой.

— Прошу прощения. Я не хотела вас побеспокоить. — Она двинулась вдоль стены в дальний угол. — Мой брат Агустин прислал мне письмо. Вчера вечером я оставила его здесь...

Почему она оставила письмо в банкетном зале? Сюда редко кто заходит; именно поэтому Рохарио так любил тут посидеть, хотя слуги иногда забывали стирать пыль со столов и скамеек, от чего его одежда пачкалась.

Вдруг Рохарио заметил, куда смотрит Элейна Грихальва, — белый кусок пергамента лежал на дальнем конце стола. Час назад его там не было.

— А вот и оно. — Она схватила письмо. — Еще раз прошу прощения. Сейчас я уйду.

— Нет! Я хотел сказать... в этом нет никакой необходимости.

— Я работаю над портретом Эдоарда.

Она несчастлива. Эта мысль проскользнула в его сознание с дерзостью пятилетнего ребенка, ворвавшегося в помещение, куда ему запретили заходить. Она несчастлива! На несколько мгновений Рохарио потерял дар речи. А Элейна успела подойти к двери.

— Я могу вам почитать, — выпалил он и ужаснулся собственных слов.

Рохарио взял эту книгу потому, что его привлек выцветший и потрескавшийся кожаный переплет, но сверх ожиданий рассказ давно умершего историка о смертельной вражде между екклезией и семьей Грихальва его заинтересовал. Однако Элейна вряд ли захочет слушать историю своей семьи.

Она нервно теребила пергамент.

— Вы хорошо читаете.

Она пытается ублажить его, как это делали и окружающие, постоянно, всю его жизнь.

— Да, — с горечью ответил он, — у меня приятный голос. И вполне сносные художественные способности.

— Эйха, — кивнула Элейна. — Грандтио Кабрал обучал вас живописи...

Рохарио был уязвлен этим напоминанием.

— Не надо сердиться, — поспешила добавить она.

Он отодвинулся от стола и стряхнул пыль со своего утреннего костюма.

— Кабрал Грихальва сделал все что мог, но сумел обнаружить во мне лишь «сносные способности». Рохарио бе-

успешно силился улыбнуться. — Уж не знаю, кто был больше разочарован — он или я.

— Мне очень жаль.

— Не стоит. Вы хотели уйти... — Он сделал неопределенный жест рукой.

— Нет, пожалуйста, почитайте мне, а я буду рисовать. То, что я услышала, показалось мне любопытным.

Элейна прониклась жалостью к его «вполне сносным способностям» — она, имеющая истинный дар. Но, даже понимая это, Рохарио не смог отказать ей.

— Как хотите.

Когда Рохарио спускался вслед за девушкой по широкой лестнице, ведущей в герцогские апартаменты, ему вдруг захотелось оказаться в другом теле и в другой жизни. Рохарио ужасно надоело быть «бесполезным щеголем», но молодой дворянин знатного происхождения не может иметь профессию, на что ему не раз указывала мать: «Матра дала нам вполне определенные обязанности — мы должны управлять, Рохарио, а они — работать и служить».

Неожиданно Элейна тихонько вскрикнула и остановилась. Рохарио налетел на нее. Девушка на мгновение прижалась к нему, и сердце его отчаянно заколотилось...

Он знал, что такое женщины. Мать позаботилась о том, чтобы его образование было всесторонним.

«Ты не будешь гоняться по всему дворцу за хорошенькими служанками. Это недостойно до'Веррада, и я потратила немало сил, чтобы найти в Мейа-Суэрте девушек, которые будут прилично выглядеть и смогут эффективно исполнять свои обязанности. Я не допущу, чтобы ты испортил мне все дело. Существуют уважаемые заведения, где юношу посвящают в подобные тайны, — именно там ты и удовлетворишь свое любопытство».

И он удовлетворил свое любопытство по полной программе.

Тут Рохарио заметил, что дверь в герцогские покои приоткрыта. Они с Элейной оставались незамеченными в углу, где лестница выходила в коридор. Из комнаты выскользнула Беатрис Грихальва в утреннем пеньюаре, наброшенном на изящную ночную рубашку. Обернулась к мужчине, стоявшему в дверном проеме.

Его лицо сияло. Она наклонилась вперед...

Чтобы поцеловать его! И вовсе не сестринским поцелуем!

— Эйха! — пробормотал Рохарио.

Элейна оттеснила его назад. Он споткнулся на ступеньках, а потом они долго стояли на лестнице тяжело дыша.

Рохарио не знал, что его потрясло больше: тот факт, что Элейна Грихальва прижалась к нему, совершенно того не замечая, или что Эдоард наконец получил любовницу из рода Грихальва.

— Что я наделала? — прошептала Элейна.

Потом закрыла лицо руками и стала медленно оседать.

Рохарио едва успел положить книгу и подхватить ее.

Это было изумительное ощущение — держать Элейну в своих объятиях. Он не раз обнимал женщин, но ничего подобного никогда не испытывал.

— Я вынудила ее сделать это, — шептала Элейна сквозь прижатые к лицу руки. — Глупышка! Но чего еще я могла ждать? — Она отпрянула от Рохарио. — Прошу меня простить, — смущенно пролепетала она.

Слезы побежали по ее лицу. Он поднял руку, чтобы стереть их, но Элейна быстро шагнула вперед, оставив Рохарио позади и словно позабыв о его существовании.

Он схватил книгу и поспешил за девушкой. Теперь в коридоре было пусто, а дверь в герцогские покои плотно закрыта. Может быть, им это всего лишь приснилось?

Элейна словно в трансе шла в гостиную, которую Эдоард отдал ей под ателиерро. Опустилась на стул перед мольбертом, посмотрела на незаконченную картину. Письмо брата, забытое, было по-прежнему зажато в правой руке.

Рохарио застыл у двери, не зная, как поступить. Ему не хотелось оставлять Элейну одну в столь плачевном состоянии. И в то же время их отношения пока не позволяли ему говорить ей слова утешения.

Сквозь залитые водой стекла в комнату доносился мерный шум дождя.

Элейна сунула письмо в папку с этюдами, а потом уставилась в картину: Эдоард — фигура наследника оставалась еще не законченной — держал в руке мушкет, его окружало четверо любимых борзых, фоном служила разрушенная стена, а на заднем плане виднелся сад.

Было так тихо, что Рохарио слышал доносившийся из столовой стук тарелок и звон серебра — слуги накрывали стол к завтраку. Он почувствовал аромат свежего хлеба.

Элейна вздохнула — она явно приняла какое-то решение.

Взглянув на палитру, выбрала светло-синюю краску в качестве фона и быстрыми, уверенными движениями нарисовала маленькую женскую фигурку в белом утреннем платье и скромной шляпке. Совершенно сознательно Элейна включила сестру в портрет Эдоарда.

Так всегда поступают иллюстраторы Грихальва — каждая, даже мельчайшая деталь имеет определенный смысл. Теперь юный Эдоард навсегда войдет в историю вместе со своей любовницей — конечно, то обстоятельство, что девушка на картине находилась в саду, тоже не было случайным. Ведь Беатрис не только обожала цветы, но и сама в некотором роде являлась чудесным цветком.

Глухая печаль овладела Рохарио. Он не мог определить ее причину; возможно, его расстроило, что Элейна так прагматично обошлась со своим горем — нарисовала правду, чтобы все ее узнали.

Сквозь дверь на противоположной от Элейны и ее мольберта стене Рохарио видел соседнюю комнату, в которой сейчас никого не было. Элейна все еще его не замечала. Он прошел

у нее за спиной, осторожно минуя мебель, стараясь не привлекать к себе внимания, и выбрался в столовую; дверь за собой Рохарио закрывать не стал. Бросил книгу на стол, тяжело опустился в кресло и положил подбородок на переплетенные пальцы.

Почему Эдоард так унизил женщину, которую сам выбрал? Как она теперь вернется домой? Люди следуют определенным правилам поведения: любовница должна быть бесплодной — лучше всего для этой цели подходят вдовы. Никто не выбирает юную розу — Беатрис лет восемнадцать, ведь ее можно удачно выдать замуж, и она нарожает много детей.

Патро будет очень, очень недоволен.

Но когда Эдоарда беспокоил гнев отца!

— Эйха! Вот ты где, Элейнита. Как ты...

Элейна перебила сестру:

— Как ты могла? Мама будет в ярости!

Со своего места Рохарио не видел того, что происходило в комнате, но ему было все прекрасно слышно.

Беатрис негромко рассмеялась.

— Я обещаю защищать тебя от ее гнева.

— Меня он не пугает! Матра Дольча! Ты, наверное, меня презираешь. Мне очень жаль, Беатрис. Прости меня. Если б я вела себя как положено, тебе бы не пришлось...

— Но я с самого начала намеревалась это сделать.

— Что ты намеревалась?

Рохарио отчаянно хотелось заглянуть в комнату, но он не осмеливался. О чем говорит Беатрис Грихальва — невинная девушка? Он не понимал, что она намеревалась сделать с самого начала.

— Я наблюдала за тем, как ты с ними сражалась, Элейнита. Что это тебе дало? Эйха! Ты получила нечто худшее, чем просто замок на дверях. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы заметить, какая перемена произошла в тебе после того, как ты сказала матери, что никогда не выйдешь за Фелиппо... а потом ты смиренно стояла рядом с ним во время церемонии бракосочетания. Клянусь, со мной такое никогда не произойдет.

— Но я думала...

— ...что я буду племенной кобылой для рода Грихальва?

— Ты не протестовала во время конфирматтио. Я ненавидела эту процедуру!

Беатрис снова засмеялась, но в ее смехе не было ни злости, ни самолюбования.

— Тебе пришлось иметь дело с Франсиссо, Хонио и другими чирос. Ничего удивительного, что они вызвали у тебя отвращение. Мне повезло больше. — Беатрис умолкла, и Рохарио представил себе, как она покраснела. — Я получила удовольствие — почему бы и нет? Они были молодые, чистые, полны энтузиазма и достаточно симпатичны. Зачем бессмысленно сопротивляться?

— У меня были серьезные основания для протестов!

— Не сомневаюсь. Ничего другого от тебя не дождешься. Но сама я все воспринимаю иначе.

— Я начинаю думать, что совсем тебя не знаю.

— Мне очень жаль, но ты такая несдержанная, что в минуты гнева могла выдать все мои секреты.

— Матра эй Фильхо, Беллита! Может быть, теперь ты поделишься своими замыслами! Я думала, ты поехала со мной только потому, что пожалела свою сестру, но сейчас... — Ее голос задрожал. — Я думала, ты пойдешь по пути, который выбрали для тебя мать, отец и Гиаберто.

— Неужели ты считаешь, будто я не хотела, так же как и ты, покинуть Палассо? Будто мне нравится, что Вьехос Фратос управляют всеми нами? Я мечтала посещать концерты и балы, одеваться по последней моде, получать от жизни удовольствие. Меня совсем не привлекала перспектива стать женой Франсиссо Грихальвы и рожать одного ребенка за другим, чтобы каждого из них самым тщательным образом изучали, а потом уносили от меня в приют, пока я, как и положено достойной жене, буду сидеть на скамье у фонтана, представляя себе время, когда смогу командовать Вьехос Фратос через моих сыновей, обладающих Даром. Я хочу, чтобы в моем саду росли те цветы, которые пожелаю посадить я, хочу продолжать вести записи о растениях, начатые бабушкой Лейлой. И рожать детей тогда, когда я сама этого пожелаю. А после того как они вырастут, я посвящу себя санктии. Буду возделывать сад и молиться о мире. Как можно дальше от моей семьи.

Эти слова совсем не подобали невинной Беатрис, которую знал Рохарио!

— Но ты же не бесплодна, Беллита. Если у тебя будет ребенок...

— Можешь не сомневаться, бабушка научила меня, какую траву нужно взять, чтобы предотвратить зачатие. Для этого иллюстраторы мне не нужны!

Наступило долгое молчание, во время которого Рохарио пытался разгадать намеки Беатрис о жизни в Палассо Грихальва. Картина, нарисованная ею, мало соответствовала тому, что представлял себе Рохарио.

— Тебе следовало бы стать актрисой, — наконец сказала Элейна.

По ее голосу Рохарио не мог понять, расплачется она сейчас или рассмеется.

— Можно подумать, мне бы это позволили! А начни я протестовать, как это сделала ты, настаивай я на своем, они нарисовали бы мою покорность. Как это случилось с тобой!

Лишь короткий всхлип в ответ — на большее Элейна была не способна.

— Элейнита, бабушка Лейла хотела, чтобы мы понимали, что они с тобой сделали. И могли бы с ними бороться!

— Как мы можем бороться? — прошептала Элейна. — Тебе же известно, на что они способны.

— Теперь уже я начинаю думать, что совсем тебя не знаю! Ты всегда была для меня примером. Ты научила меня отстаивать свою свободу.

— Ты не понимаешь. Они в любом случае могут заставить тебя делать то, что им нужно.

— Но теперь им придется иметь дело с Эдоардом. — Рохарио слышал триумфальные нотки в нежном голоске Беатрис.

— Они могут...

— Ты не хочешь думать! — воскликнула Беатрис. — Зачем им что-нибудь предпринимать? Они получили то, что хотели, — любовницу Грихальва для наследника. Когда Эдоард женится, мне достанется особняк и прекрасное приданое. Может быть, выйду за графа, как наша дальняя родственница Тасия. Только, надеюсь, последствия моего брака не будут такими трагическими! Я не хочу ничем править. У меня одно желание — жить так, как нравится мне. Выходить за того, кто по душе мне, — или вовсе остаться без мужа. Тогда я смогу растить всех детей, в том числе и моего Рико, в своем поместье.

— Но...

— Как это не похоже на тебя, Элейна! Сплошные возражения, а я думала, ты будешь довольна! Я никогда бы не пошла на это, зная, что ты хочешь быть любовницей. Но я думала, тебе не нравится Эдоард.

Рохарио затаил дыхание.

Казалось, Элейна молчит целую вечность. Слабый дождь продолжал тихонько стучать по стеклу. Мимо окон прошел садовник, его лицо скрывала широкополая шляпа. К рубашке была приколота виноградная лоза — символ Явления. В правой руке он держал садовые ножницы. Сильным голосом, который доносился сквозь стекло, он пел радостный гимн Явлению.

Когда Элейна наконец заговорила, ее слова звучали неуверенно, как бы контрастируя с веселым голосом садовника.

— Дело не в том, хотела я Эдоарда или нет. Просто я не могла примириться с...

— А я могу, и уже сделала это... И совсем не жалею, Элейнита. А вот ты пожалеешь, когда я отниму у тебя все лучшие платья, а потом закажу дюжину новых. И не надейся, будто я это сделала ради тебя!

Рохарио перестал соображать, он был охвачен безумной радостью. Элейна не хотела Эдоарда.

Но почему — о небеса! — она должна обратить свое внимание на него? Эдоард куда более подходящий, привлекательный партнер.

— Моронно! — едва слышно прошептал Рохарио.

— ...они рассчитывают на то, что ты будешь рожать сыновей, наделенных Даром, — говорила Элейна. — Никто не разрешит тебе выйти замуж по собственному желанию или жить вне Палассо, даже если у тебя будет собственное поместье и покровительство дона Эдоарда.

— Я не раз обсуждала подобную ситуацию с бабушкой, когда она еще была жива, ты же думала только о своем искусстве, а потом о муже. — Беатрис говорила с удивительной прагматичностью. — Только мужчины обладают Даром, но производят их на свет женщины Грихальва, при этом отцовство значения не име-

ет. Бабушка родила двоих сыновей, обладающих Даром, но их отцами были вовсе не Грихальва. А потому я могу иметь Одаренных сыновей и не выходя за Грихальва. Все это напоминает горох, который разводила бабушка Лейла. Некоторые кусты вырастали высокими, а какие-то низкими. На одних распускались красные цветы, на других — белые. Часть горошин оказывались сморщенными, часть — гладкими. Я полагаю, существует способ, позволяющий определить, когда какая горошина получится. Точно так же мы можем проследить по материнской линии происхождение мужчин Грихальва, обладающих Даром.

Элейна рассмеялась, и ее смех показался Рохарио музыкой.

— Ты, бабушка Лейла и ваш скучный горох! Вот что бывает, когда слишком сильно увлекаешься садоводством!

— Ага! — уже совсем другим тоном заговорила Беатрис. — А вот и Эдоард.

Эдоард! В следующее мгновение Рохарио услышал голос брата.

— Корассон мейа!

Наступило неловкое молчание. Рохарио встал и направился к двери.

— Элейна, я смущен. Надеюсь, вы простите меня. Ваша сестра уверила меня...

— Граццо, дон Эдоард. Я очень рада за вас и Беатрис. Мы пришли к выводу, что все только к лучшему.

— Вы очень великодушны. А теперь, дорогая, я должен послать письмо отцу, в котором буду просить его, чтобы он устроил для нас бал в Палассо Веррада во время Пенитенссии. Сейчас я отправляю гонцов к своим лучшим друзьям — молодым людям и девушкам, всего их будет около дюжины, — чтобы они через неделю присоединились к нам в Чассериайо. Мы будем развлекаться — танцы, игры, охота, музыка, прогулки по саду, — как вы пожелаете. А если вас это не привлекает, я отменю приглашения...

— Что вы, Эдоард! Я хочу того же! Вы не представляете, какую скучную жизнь я вела до сих пор. Но — эйха, Эдоард. Есть ли у меня платья, в которых я могла бы появиться перед вашими друзьями?

— Эн верро! Ты должна иметь много платьев. И драгоценностей! Я пошлю в Мейа-Суэрту и приглашу портных, самых лучших. Обращусь к Лиссии. Она получила в наследство состояние до'Дрегец, как вы, наверное, слышали. Мы с ней примерно одного возраста и приходимся друг другу дальними родственниками, к тому же Лиссия определяет моду, и вместе вы сможете сделать все необходимое, чтобы ты стала самой красивой женщиной в Тайра-Вирге. Лиссия тебе понравится.

«Но понравится ли ей Беатрис?» — подумал Рохарио.

Лиссия до'Дрегец была внучкой Лиссии, старшей сестры Арриго III, и представляла собой не меньшую силу в Мейа-Суэрте, чем ее знаменитая бабка. Лиссия станет рассматривать Беатрис как еще одну возможность упрочить собственное положение, а вовсе не как угрозу своему влиянию при дворе. А как только она даст по-

нять, что благосклонно относится к Беатрис, никто не посмеет держаться высокомерно с новой любовницей из рода Грихальва.

«Может быть, — подумал Рохарио, — я недооценил Эдоарда».

— И еще купим тебе лошадь, — продолжал Эдоард, — лучше всего спокойного мерина, ведь у тебя нет навыков верховой езды. Пойдем обсудим это с грумом.

— Эдоард, ты обещал поговорить с садовником, чтобы я могла разбить новый садик.

Продолжая разговаривать, они вышли из комнаты. Их болтовня стихла, когда они скрылись в коридоре.

И тогда Рохарио услышал негромкие всхлипывания, доносившиеся из гостиной. Элейна Грихальва плакала.

67

Давно мертв? Неужели это правда? Ведь прошло всего три дня. Однако юноша, которого я видела в зеркале, стал мужчиной, а одежда на проходящих мимо людях кажется такой странной.

Слышит ли он меня? Понял ли, что я имела в виду Алехандро, когда он произнес слова: «Давно мертв»?

Это не может быть правдой. Даже Сарио не настолько жесток.

Матра Дольча, сделай так, чтобы я не зря читала его Фолио и нашла выход из этой тюрьмы, хотя он и не оставил мне ничего — ни красок, ни кистей. Пусть родится ребенок Алехандро и узнает своего отца. Пусть все мои страдания не будут напрасными. Я молю тебя от всего сердца.

Все напрасно.

Элейна отказалась от возможности иметь детей — какой бы призрачной она ей ни представлялась, — и зря. Первое заклятие повиновения умерло вместе с Фелиппо, но это будет действовать до тех пор, пока живет она сама. Она достала платок и вытерла глаза. Когда Гиаберто написал ее портрет, чтобы новая любовница наследника не обзавелась чи'патро, она не возражала, — тогда в этом был смысл. А сейчас — такая молодая — она превратилась в дерево, которое больше никогда не принесет плодов.

Впрочем, ей осталась живопись. Элейна больше не нужна семье Грихальва.

Она просмотрела свои рисунки и вытащила три письма Агустина. Пощупала гладкую, похожую на мрамор бумагу — напоминание о фабрике, которая обеспечила семье Грихальва ее первое состояние. Какое восхитительное волшебство таили в себе эти листы пергамента! Почерк Агустина был еще детским, но удивительно изящным.

Милая Элейнита!

Дядя Гиаберто утверждает, что мы можем шпионить при помощи картин и тщательно нарисованных покоев во двор-

цах других стран. Именно поэтому мы и отправляем итинерарио и послов ко дворам иностранных королей. Так вот, когда ты прислала мне картинку, на которой изображена часть гостиной Чассериайо — с таким количеством деталей! — я подумал, что, возможно, смогу точно скопировать твой набросок, в то же время дня, при таком же освещении, добавив к нему лишь это письмо... А вдруг оно окажется у тебя? Пожалуйста, сообщи, если получила мое послание, — и тогда мы будем знать, что это возможно.

Твой преданный брат Агустин.

Пожалуйста, не забудь сжечь мое письмо.

Элейна нашла письмо в углу гостиной семь дней назад, вечером, после обеда, который превратился в настоящую муку из-за ее смущения, хотя наследник вел себя исключительно корректно. На самом деле записку обнаружил Эдоард, и Элейна, почувствовав опасность — сработала интуиция, — успела вырвать ее из рук Эдоарда прежде, чем тот развернул листок. Возможно, Беатрис права: Эдоарду следует рассказать об иллюстраторах Грихальва и их волшебстве. Тайное знание может быть использовано в самых низменных целях.

Элейна вскрыла второе письмо, проглотив последние слезы.

Милая Элейнита!

Это правда! У нас все вышло! Я получил твое письмо и сегодня, дожидаясь посыльного, нарисовал столовую; мать попыталась забрать картинку, но я представил себе, что бы ты сказала, окажись вдруг на моем месте. К моему удивлению, она совсем даже не ругалась! Возможно, не так уж и плохо быть иллюстратором, хотя приходится целыми днями заниматься живописью, не остается времени поиграть с малышами, и я постоянно чувствую себя усталым. Но, пожалуйста, не беспокойся обо мне. Это так интересно, жаль только, что ты не можешь учиться вместе со мной. Я бы отдал тебе мой Дар, если б мог, — ведь ты заслуживаешь его гораздо больше, чем я. К тому же ты не особенно беспокоишься о детях, а я плачу по ночам, когда думаю, что у меня их никогда не будет. Надеюсь, Беатрис и двойняшки родят много детей, и я буду любить своих племянников и племянниц. Не думай, будто я печалюсь, потому что мне суждено стать иллюстратором, но я частенько думаю о том, чего лишаюсь из-за Дара. Я не должен говорить об этом маме: она все время повторяет, что я — ее Единственная Истинная Надежда. Я очень по тебе скучаю.

Твой преданный брат Агустин.

Тебе, наверное, интересно, чем я пользовался. Я смешивал чернила со слезами и потом, чтобы придать им силу.

Чтобы придать им силу. Интересно, другие иллюстраторы тоже так начинали? Сожалели о том, что потеряли? Однако иллюстраторы, с которыми она была знакома, власть Чиевы до'Орро ставили выше отцовства. На их месте она поступила бы так же.

Элейна сжала кулаки.

«Я никогда не буду жалеть о том, чего не в силах изменить».

Она развернула третье письмо.

Милая Элейнита!

Пожалуйста, не забывай сжигать мои письма. Я боюсь, что тио Гиаберто подозревает меня, но я ничего ему не скажу. Ни в коем случае. Мне совсем не по душе их стремление мною управлять. Я должен им подчиняться и не задавать никаких вопросов. А стоит мне что-нибудь спросить, как они начинают кудахтать и говорить про тебя всякие гадости, но я не позволю им тебя ругать. Ты талантливее любого из них! Даже если они и иллюстраторы. Ты — настоящий художник! Вот так! У меня есть новости. На карету Никойо напали бандиты, и она перевернулась. Он сломал обе ноги и руку, а рука так воспалилась, что Вьехос Фратос вызвали санкту. Однако прошел слух, будто это были вовсе не бандиты, а простые люди, они требуют, чтобы снова созвали Парламент и провели там голосование по новым налогам, вводимым Великим герцогом. Тио Гиаберто списывает это на дурное влияние взбунтовавшейся толпы, которое пришло к нам с севера. Кое-кто считает, что озверевшие простолюдины расправились со всей королевской семьей в Гхийасе, но мне кажется, люди не способны на такое злодейство. Мама постоянно заходит ко мне, чтобы проверить, сплю ли я, поэтому я не осмеливаюсь долго жечь свечу. Надеюсь, ты счастлива. Твои записки очень коротки, но, наверное, ты права — тебе следует соблюдать осторожность.

Твой преданный брат Агустин.

Она не бесплодна.

Она — художник.

Элейна засмеялась. Ведь эти слова произнес иллюстратор, значит, они — правда. Даже если этот иллюстратор ее младший брат.

«Пожалуйста, не забывай сжигать мои письма».

Эйха! Теперь уже поздно. Она подошла к маленькому столику, где стояла масляная лампа. Зажгла ее, сняла стеклянный колпак и поднесла к огню первое письмо. Оно сразу загорелось, распространяя приятный запах.

— Элейна? Я почувствовал... — Дон Рохарио умолк и остановился у двери в комнату.

За его спиной просматривался обеденный зал — длинный стол и двенадцать стульев, две массивные горки с многочисленными статуэтками из слоновой кости и фаянса; высокие окна выходили в парк. Какие ужасающие обои! Пергамент горел, а Элейна не могла отвести взгляд от элегантного Рохарио; за его головой отвратительно бледный херувим парил над золоченым лесом.

— Осторожно!

Она рассмеялась, бросила обгоревший кончик письма и подула на пальцы.

— Извините. Вы напугали меня — ведь я пыталась замести следы.

— Понятно. — В одной руке он держал книгу; пыльный, потрескавшийся кожаный переплет странно диссонировал с его строгим утренним костюмом и аккуратно застегнутыми пуговицами.

Конечно, Элейна забыла о его обещании почитать ей, пока она рисует.

— Это послания моего брата. Ему всего пятнадцать. Он пишет мне весьма откровенные письма и по прочтении просит их сжечь. Ему не хочется, чтобы они попали в чужие руки.

К ее удивлению, Рохарио побледнел и отошел к окну.

— Однажды, когда мне было пятнадцать, я написал девочке стихи, — сказал он, не глядя на Элейну.

— Она их сожгла?

Рохарио стоял к ней спиной, и Элейна не видела выражения его лица. Он покачал головой.

— Моя мать их нашла.

— Вот как!

Элейне вдруг захотелось узнать, что сказала ему мать, но постеснялась спросить. Она сунула в огонь второе письмо и молча смотрела, как огонь пожирает его. Потом третье. Теперь секретам Агустина ничто не угрожает.

Молчание стало напряженным. Внезапно Элейна поняла, как много людей узнает об Эдоарде и Беатрис. От унижения у нее все сжалось внутри.

— Вы, наверное, чувствуете себя неловко, — как бы читая ее мысли, вдруг сказал Рохарио, — ведь Эдоард взял Беатрис в качестве любовницы. Надеюсь... вас это не слишком огорчило.

— На самом деле я не хотела быть любовницей Эдоарда, — чересчур поспешно молвила она. — И не то чтобы Эдоард мне не нравился... Этого пожелала моя мать, но я просто... — Она совершенно запуталась. — Эйха! Я веду себя глупо, не так ли?

— Я так не думаю.

Элейна стряхнула с пальцев последние крупинки сажи и подошла к портрету Эдоарда.

— Я должна его закончить до приезда гостей.

— Матра Дольча! Я совсем о них забыл. Как я ненавижу вечеринки Эдоарда!

— Я тоже не люблю подобных сборищ. Однако Беатрис будет довольна.

Он вздохнул.

— Надеюсь, вы простите меня, если я скажу, что хотел бы находиться подальше отсюда.

— А почему мы должны здесь оставаться? — неожиданно согласилась Элейна. — Мне нужно закончить портрет. Я вовсе не обязана участвовать в вечеринке дона Эдоарда и его благородных гостей!

— Возможно, ваши родные и будут рады принять вас, но я совсем не уверен в том, что мой отец захочет меня видеть.

— А зачем нам возвращаться домой? — Эта мысль показалась Элейне необыкновенно привлекательной. Она боль-

ше не нуждается в своей семье, да и семья в ней тоже. — Бабушка оставила мне небольшое наследство. Совсем немного, но достаточно, чтобы снять комнату в Мейа-Суэрте. Я смогу заработать на жизнь заказами. Многие художники так поступают. — «Но ведь ты одинокая женщина», — подумала Элейна. — Впрочем, это, конечно, невозможно. Нарушение обычаев, да и чувствовать себя в безопасности я не смогу.

Она с пристрастием посмотрела на портрет Эдоарда. Почему эта мысль не пришла ей в голову раньше? Художники и рисовальщики всегда могут заработать на жизнь. Если она сумеет найти богатых клиентов... Но за стенами Палассо молодая женщина без отца, брата или мужа станет легкой добычей любого мерзавца.

Она повернулась к Рохарио. Почему бы и нет? Да, это рискованно, но в жизни каждого человека наступает момент, когда следует закрыть глаза и довериться судьбе. Дерзость замысла ошеломляла. Она не может жить одна, без друзей, в Мейа-Суэрте. Но если у нее будет надежный спутник, брат...

68

Агустин Грихальва сидел в одном из пыльных, душных шкафов хранилища, расположенного за ателиерро, и старался не дышать, потому что знал: стоит вдохнуть слишком много затхлого воздуха, и сразу же начнется безостановочный кашель. Так произошло три дня назад, когда он попробовал провести свой эксперимент в первый раз, и тогда его чуть не поймали. Теперь он прихватил с собой воды и настойку фенхеля с медом.

Деревянный пол был холоден и жёсток. Все тело ныло. Вчера у него появилась ужасная сыпь, но мазь с алоэ смягчила боль. Стараясь не обращать внимания на неприятные ощущения, Агустин сосредоточился на куске пергамента, подготовленного при помощи жира с его собственных пальцев и стоящего сейчас между его согнутыми коленями. От такого неудобного положения довольно быстро затекла шея, ноги и руки одеревенели, кожа горела. Наверное, в конце концов он весь покроется ссадинами и синяками.

Но Агустин сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Он смотрел на детальный рисунок, окаймленный вязью символов, выписанных им чернилами, смешанными с его кровью. На изображение длинного стола, стоящего в дальнем конце ателиерро. Сияло вечернее солнце, и на стол падали тени от решеток.

Такой и увидел Агустин эту картину в седьмом часу после полудня. Сегодня заседал Совет Грихальва по случаю Великих Праздников года. Раньше на него приглашали только старших иллюстраторов; теперь же в нем принимали участие все члены семьи, даже женщины, к мнению которых прислушивались из уважения к их возрасту или влиянию.

Агустин намеревался узнать, о чем пойдет речь. И молил Матру эй Фильхо, чтобы его замысел не провалился.

Он знал, ему ни за что не удастся нарисовать всех членов Совета, поэтому изобразил только стол и тени. Если он сможет передать освещение и справиться с заклинанием до того, как все соберутся, тогда он услышит их голоса. Точный ли получился эскиз? Агустин внимательно изучил зарисовки Элейны — те, что она прислала ему из Чассериайо, — но она ведь училась на семь лет больше, да и вообще сестра гораздо талантливее. Агустин постарался как можно точнее передать расположение полос света, представив себе их на полу, на креслах с высокими спинками, на бархатном ковре из Тза'аба.

«Вот так проверяется волшебство, — сказал ему тио Гиаберто. — Чтобы заклинание сработало, изображение должно быть безупречным. Иначе ничего не выйдет».

«А если у человека есть Дар, но он не может рисовать?» — спросил Агустин.

«Тогда его Дар ничего не стоит. Впрочем, иллюстратор может обладать и не очень выдающимся талантом, но за всю нашу долгую историю я знаю только три случая, когда Одаренные мужчины не смогли научиться использовать свой Дар. При некоторой подготовке и практике даже ребенок с минимальными природными способностями к живописи в состоянии стать копиистом и служить своей семье, выполняя определенные обязанности, требующие применения магии. Не беспокойся, Агустин, ты к числу этих несчастных не принадлежишь. Вне всякого сомнения, из тебя выйдет толк».

«Мой Дар должен был достаться Элейне», — дерзко заявил он.

«Я не намерен в дальнейшем обсуждать этот вопрос, мейнино. Твоя привязанность к сестре достойна похвалы, но она не заслуживает такого отношения. Продолжай повторять заклинания».

И Агустин продолжал, сидя в шкафу, повторять слова из Фолио, чтобы оживить заклинание, заставить его действовать. Тихий шепот не вызывал кашля. Но ему пришлось ждать довольно долго, а воздух становился все более спертым — неизвестно почему. Вдруг, словно живительная струя, до него донеслись тихие голоса:

«...Кабрал снова проголосует против нас... слишком влиятелен... не Одарен, но его всегда жаловал Великий герцог... тише, остальные идут...»

Послышался легкий шум. Агустин оживился. Плечи болели. Но его заклинание сработало.

«Приветствую вас, кузены. Мы собрались здесь, чтобы поднять бокалы великолепного паленсийского вина в честь праздника Имаго. Я знаю, в екклезии ведется спор о том, какую лозу — белого или красного винограда — подрезали Возвышенные, когда им явился Образ Матры эй Фильхо, но считаю, что мы должны возносить благодарность Их Благословенному Явлению любым хорошим вином, а ученым предоставить право спорить на эту тему».

Агустин услышал дружный смех, но не понял смысла шутки. Впрочем, он начал сердиться. Он не видел членов Совета, хотя и был уверен, что заклинание должно позволить ему не только слышать, но еще и видеть все, что происходит за столом. Проклятье! Элейна сделала бы все как следует. Она помогала ему с сонными чарами, передав секреты волшебства, которые открыла ей бабушка Лейла. Ей они были понятны.

Эйха! Придется ограничиться лишь возможностью подслушать, о чем они там говорят. Конечно, первый тост произнес Верховный иллюстратор Андрео. Агустину страшно хотелось узнать, кто еще собрался вокруг стола. Грандтио Кабрал, судя по тихому обрывочному разговору в самом начале, должен там быть. Однако голоса собравшихся были такими приглушенными, что он никак не мог разобрать, кому какой принадлежит.

«...прежде чем мы отправимся на службу в Катедраль, я должен сообщить вам весьма неожиданную новость. Я только что принял курьера из Чассериайо...»

«Матра эй Фильхо! Случилась катастрофа?»

«Ну-ну, Никойо. Давайте не будем замечать только плохую сторону жизни. Скажем так: планы несколько изменились».

«Я ее убью». Это сказала мать Агустина, тут у него сомнений не возникло.

«Не стоит волноваться, Дионисa. — Несмотря на то, что голос звучал приглушенно (ведь Агустин слышал его лишь благодаря заклинанию), он был уверен — Андрео немного раздражен, но в то же время происходящее кажется ему забавным. — По крайней мере одна из твоих дочерей заботится об интересах своей семьи».

«Беатрис!»

Сразу несколько голосов, смех.

«Матра Дольча, Кабрал, ты что, окончательно потерял совесть? — Снова Дионисa. — Мы же не обеспечили Беатрис защитой. Она так молода — и может иметь детей!»

«Я уверен, Лейла научила ее всему, что ей следует знать. Я недооценил этих девушек».

«Кабрал прав, — сказал Андрео. — Элейна была первоклассной кандидатурой, однако Эдоард выбрал не ее».

«Она подтолкнула к этому Беатрис, я не сомневаюсь, так оно и было! Вот подождите, как только до нее доберусь, тут же прикажу ее выпороть! Матра! Я собственноручно с ней разберусь!»

«Уверяю тебя, Дионисa, Беатрис не родит дону Эдоарду детей. Ты лучше вспомни: восстановлена традиция Марриа до'Фантоме. И это для нас важно».

Элейна не стала любовницей дона Эдоарда. Вместо нее эту роль играет Беатрис.

Агустин задохнулся. Начал хватать ртом воздух, потянулся за чашкой с водой, перевернул ее, уронил свой рисунок и мучительно закашлялся.

Словно сквозь туман, пытаясь отдышаться, продолжал он слышать голоса, которые теперь перешли к другой теме, но Агустин уже не понимал, о чем они говорят. Он отчаянно пытался сделать вдох. Как они намерены поступить с Элейной?

— Думаю, здесь. — Эти слова доносились не из рисунка.

Дверь шкафа распахнулась, и Агустин заморгал, глядя на Гиаберто, из-за спины которого выглядывало морщинистое, удивленное лицо под шапкой снежно-белых волос — Кабрал.

— Дайте мальчику что-нибудь понять, — рявкнул Гиаберто и выхватил из рук Агустина рисунок.

Кабрал оттолкнул Гиаберто в сторону и поставил Агустина на ноги.

— Ничего, ничего страшного, мениино. Слушай мой голос. Слушай мое дыхание. Когда я делаю вдох... вот так...

Вдыхаемый воздух ревел в ушах Агустина, грохотал в такт ударам сердца.

— ...и ты тоже начнешь дышать. Не глубоко. От этого ты только больше раскашляешься. Давай со мной вместе. Хорошо. Так, а теперь сделай шаг. Мы с тобой выйдем из пыльного шкафа.

К тому времени как они добрались до ателиерро, Агустин дышал еще с трудом, но уже перестал кашлять.

— Вот твой сын, Диониса, — объявил Кабрал. — Я думаю, нужно пригласить санкту, чтобы она его осмотрела.

— Можно подумать, санкта согласится войти в наш проклятый Палассо. — Диониса была в ярости.

— И тем не менее, — мягко настаивал на своем Кабрал. — Возможно, они держались с тобой не совсем так, как тебе хотелось бы, Диониса, но речь идет о твоем Одаренном сыне. Ему трудно дышать. Они знают, как с этим справиться.

Агустина уложили в постель, а позже им занялась санкта в традиционном одеянии и платке, ее строгий взгляд напомнил ему статуи, украшающие Катедраль. Но как только Диониса вышла из комнаты — по приказу санкты — и пожилая женщина осмотрела мальчика, ее лицо подобрело.

— Бедняжка, — сказала она. — Ты похож на моего внучатого племянника: кожа, кости и огромные глаза. Сколько тебе лет? Покажи на пальцах. Ничего не говори. Пятнадцать, верно? Мне было как раз столько же, когда мои родители посвятили меня екклезии. — Агустину хотелось спросить, имела ли санкта возможность выбора, или, как в его случае, все было решено за нее, но он не осмелился. — Ну-ка, я послушаю твои легкие. Что это за запах? Фенхель? Сам сделал себе микстуру? А ты разумный мальчик. — Она произнесла эти слова одобрительно, совсем как Элейна.

Агустин не мог представить себе свою сестру такой же сморщенной и старой, но почувствовал в пожилой женщине, сидящей у постели, железную волю — и сразу подумал о сестре.

Ничего общего с Беатрис. Но ведь Беатрис стала любовницей дона Эдоарда... От этой мысли у него начался новый приступ кашля.

Санкта громко хлопнула в ладоши, и на ее зов мгновенно явилась Диониса.

— Мне нужна чаша с горячей водой.

— Но...

— Немедленно.

Гримаса, появившаяся на лице матери, позабавила Агустина, но кашель помешал ему рассмеяться.

— У тебя всегда такой кашель? — спросила санкта. — В сырое время года часто простужаешься? Становится тебе хуже в какое-нибудь определенное время года? Не говори. Только кивни или покачай головой. Ты чувствовал себя слабее других детей? Тебе бывает иногда трудно отдышаться? Да, да.

Санкта вздохнула, но тут же помотала головой, словно обретая твердость духа, и повернулась как раз в тот момент, когда возле нее возникла чаша с горячей водой. Она вытащила из своего вязаного мешочка маленькую коробочку и, открыв ее, начала перебирать пакетики. Агустин догадался, что в них травы и цветы, но не почувствовал никаких запахов.

Санкта приготовила для него горячий чай, и после нескольких глотков Агустин перестал кашлять.

— У тебя слабые легкие, мой мальчик. С этим ни я, ни другой лекарь ничего не сможет поделать. Ты должен чаще гулять, тебе нельзя постоянно находиться в помещении — а похоже, именно так дело и обстоит, судя по тому, какой ты бледный. Ни в коем случае не переутомляйся. Настойка мать-и-мачехи, лакрицы и манзаниллы снимет приступы кашля. Если ты будешь разумно распределять свое время — равномерно отдыхать и работать, хорошо есть, выпивать немного вина, то сможешь жить нормальной жизнью. Все в твоих руках. И не позволяй матери запугивать тебя. Ну вот. Пойду скажу то же самое твоим родителям.

Она благословила Агустина и ушла.

Он печально уставился в безукоризненно белый потолок: как раз такой должен быть в комнате мальчика, которому не следует думать ни о чем ином, кроме живописи. Он создавал мысленные образы на этом ослепительно белом фоне. Ведь он же Одаренный иллюстратор.

Агустин закрыл глаза, стараясь сдержать слезы. Какой смысл плакать? Все равно ничего нельзя изменить. Он сделал один глоток чая и почувствовал, как легкие еще немного приоткрылись.

У него никогда не будет того, о чем он мечтает: сыновей и дочерей, которых он мог бы качать на руках, собственного дома, жизни, принадлежащей только ему, а не его матери и семейству Грихальва. Разве важно, что у него слабые легкие. Он все равно умрет молодым.

Он — Одаренный иллюстратор.

Как жаль, что ему досталась такая доля.

Диониса заставила его провести в постели два дня и не дала ни карандаша, ни альбома, чтобы он мог хоть как-

нибудь скоротать время. Агустин был счастлив, на третий день праздника Имаго ему разрешили встать. Он сидел в гостиной матери, завтракал, ел сыр с булочками и пил лакричный чай, когда без объявления вошел Кабрал.

— Цвет лица у тебя уже вполне приличный, — заметил старик. — Что это ты такой задумчивый, молодой человек?

— Я пытаюсь придумать, как защитить Элейну, — вырвалось у Агустина.

— Не сомневаюсь, Элейна сама прекрасно может себя защитить, но я понимаю, что ты имеешь в виду. Впрочем, сейчас тебе следует побеспокоиться о себе. Из-за твоей болезни наказание отложено, а я пришел предупредить тебя: ты предстанешь перед Вьехос Фратос. Это значит, что меня там не будет.

Агустин чуть не подавился булочкой, закашлялся, но сумел проглотить кусок; новый приступ у него не начался.

— Они сделают со мной что-нибудь ужасное?

— Не говори им то, что я тебе сейчас скажу. И выслушай очень внимательно. Они станут угрожать, поскольку не любят, когда в их дела вмешиваются. Мне-то понравилась твоя затея. Но ты же понимаешь, у Одаренных передо мной преимущество, а им твой фокус пришелся не по душе. Однако во время летней лихорадки погибло много мальчиков. Ты представляешь для семьи Грихальва большую ценность. Ведь именно на таких, как ты, основано благополучие нашего семейства. Они попытаются тебя запугать, но причинить вред не решатся, если только не сочтут тебя опасным, — но мы-то с тобой знаем, что им нечего тебя бояться. Эйха! Кто-то идет. Все будет хорошо!

Кабрал скрылся за одной из дверей как раз в тот момент, когда в другой появились Гиаберто и Дионисa. Агустина все это могло бы развеселить, если б он не дрожал от ужаса. Лицо Гиаберто было невероятно серьезным, а Дионисa казалась одновременно разъяренной и обеспокоенной. Будь сейчас рядом с ним Элейна, Агустин чувствовал бы себя увереннее. Но он остался один.

— А ну прекрати трястись! — рявкнула на него мать. — Ты мне напоминаешь перепуганную насмерть служанку, пойманную в тот момент, когда она тайком лакомилась сиропом. — Дионисa вдруг замолчала, подошла к сыну, который даже пошевелиться от страха не мог, и погладила его по плечу. — Ну, ну, нинио. Ты же знаешь, я тебя защищу. Никто не обидит моего Агустина. Мы с Гиаберто желаем тебе только добра. Но ты должен вести себя как мужчина и пойти сейчас с дядей.

Агустин привык подчиняться приказам старших.

Его ждали в кречетте одиннадцать угрюмых мужчин, самым младшим из них был его пятый кузен, Дамиано, старшим — дальний родственник, который в возрасте сорока пяти лет страдал от костной лихорадки в последней стадии.

Агустин обнаружил, что старый Тосио не вызывает у него никаких чувств. Агустину не придется испытать страданий,

выпавших на его долю, ему не откажут руки и суставы — потому что легкие убьют его гораздо раньше. Эта печальная мысль дала Агустину силы предстать перед собравшимися.

Верховный иллюстратор Андрео поднял руку.

— Ты можешь сесть, Гиаберто. А ты, Агустин, постоишь, вот здесь.

Агустин покорно встал так, чтобы все могли его видеть.

Иллюстраторы бросали на него сердитые взгляды, все, кроме молодого Дамиано. Тот сидел к остальным боком и ободряюще подмигнул Агустину. Никойо, скрючившийся в своем кресле, казался особенно недовольным; у него было бледное, тупое лицо человека, из которого словно по капле вытекает жизнь.

— Агустин, тебе известно, как Одаренные наказывают тех, кто нарушает строжайшие законы, установленные нами для самих себя?

Агустин покачал головой. Его охватил ужас, но он тем не менее утешал себя: во-первых, Кабрал сказал, что он представляет большую ценность, а во-вторых... он все равно умрет рано, что бы ни решили с ним сделать.

— Нам дан могучий Дар, — суровым голосом продолжал Андрео, — но вместе с ним и величайшая ответственность. Мы обязаны служить семье Грихальва и Великому герцогу Тайра-Вирте. Тебе известно о Верро Грихальве. Ты знаешь, что его сестры были захвачены бандитами из Тза'аба и спасены первым герцогом Ренайо. Потомки этих женщин чтут их за щедрость и милосердие — ведь именно они подарили дому Грихальва детей чи'патрос. Наша семья не пала жертвой разъяренной толпы во время нерро лингвы только потому, что за нас вступилась герцогиня Хесминия. Мы, Грихальва, это помним. Мы существуем благодаря до'Веррада, но и они процветают потому, что мы им помогаем. И таким образом увеличиваем благосостояние Тайра-Вирте.

Но мы не можем чувствовать себя в безопасности, когда город становится жертвой болезней и других неприятностей, когда по улицам снова ползут слухи о черной магии, когда шепотом, с подозрениями, в санктиях упоминаются наши имена — или когда какой-нибудь глупый мальчишка вдруг начинает думать, что могущество, которым он обладает, можно использовать в собственных эгоистичных целях.

Ты еще не в состоянии осознать силу, живущую в твоих руках, но должен понять, что значит быть наказанным теми, кто владеет таким же Даром. Дамиано, принеси портрет Домаоса.

К этому моменту успокоительные слова Кабрала утонули в длинной тираде, произнесенной Андрео. Его холодные, пронзительные глаза, мучительный кашель старого Тосио (он кашлял еще страшнее, чем сам Агустин), хмурые лица — все это погружало Агустина в пучину отчаяния.

Дамиано вернулся с портретом в руках, великолепным изображением красивого широкоплечего молодого человека, в глазах которого горела жажда славы.

У Андрео был такой мрачный вид, точно он собирался вынести смертный приговор.

— Домаос Грихальва сам выбрал свою судьбу. Он был настолько дерзок, что решил, будто имеет право безнаказанно завести интрижку с дочерью до'Веррада. Вьехос Фратос проявили великодушие: его изгнали, и он был вынужден вести жизнь бродячего художника — не итинерарио, избранного посланника, которого с почестями встречают при любом дворе, а самого обычного путешествующего живописца, коему приходится соглашаться на любую работу.

Андрео помолчал немного, чтобы Агустин осознал, какая ужасная судьба постигла Домаоса Грихальву.

Но что в этом плохого? Главное занятие в Тайра-Вирте — это рисование. Для хорошего художника всегда найдется работа.

— Со временем, Агустин, ты создашь свой портрет, свой Пейнтраддо Чиеву, и таким образом докажешь, что достоин стать одним из Вьехос Фратос. Он будет написан твоими слезами, потом, слюной, семенем и кровью. И его повесят в кречетте. — Андрео махнул рукой на стену в старой комнате с портретами ныне живущих иллюстраторов. — Как ты думаешь, что произойдет, если мы сожжем такой портрет?

Его слезы и пот, смешанные с чернилами. Сожгут... Четыре дня назад он весь покрылся сыпью, точно обгорел на солнце. Агустин задрожал, начал кашлять.

Гиаберто тут же вскочил на ноги.

— Не пугай мальчика, Андрео. Он еще не совсем поправился.

Андрео с силой хлопнул рукой по спинке тяжелого кресла. Громкий звук раздался так неожиданно, что Агустин перестал кашлять и попытался взять себя в руки.

— Мальчик должен понять. Мы, Грихальва, не можем допустить, чтобы в наших рядах были Неоссо Иррадос. Он должен понять, что такое порядок, или он исчезнет из нашего клана. Мы подчиняемся. Мы служим. И за это получаем награду.

Точно так же девушкам Грихальва говорили, что они получат Одаренных сыновей, а лишенным Дара иллюстраторам обещали безопасность, жену и богатство Палассо. Элейна часто повторяла, что чувствует себя так, будто попала в западню. Агустин начал понимать, что она имела в виду.

— Агустин, — продолжал Андрео, — ты хочешь нам что-нибудь сказать?

«Я не желаю быть иллюстратором». Агустин открыл рот, но не смог произнести этих слов. Он не вынесет их гнева, ненависти, брани. Он не в силах выступить против них.

— Я буду слушаться, — робко промолвил Агустин.

Он ведь совсем один, он может только подчиниться им. Они его пугают. Они сильнее. Матра Дольча! Как противно все время бояться!

Андрео кивнул с довольным видом.

— Ты хороший мальчик, и ты станешь хорошим художником. Ты станешь служить семье, и наградой тебе будет процветание Грихальва. Ты понял?

— К-как же можно называть это Даром? — пролепетал Агустин. — Почему мы умираем такими молодыми? И такой ужасной смертью? Почему мы не имеем права на детей? Почему вы не в состоянии это изменить?

Андрео ласково улыбнулся, но Агустина его улыбка почему-то напугала.

— Могущество, которым мы обладаем, забирает у наших тел силу. Бесплодие и смерть, какими бы ужасными они ни казались, — цена, которую мы платим за свою магическую силу, мешнино. Никогда не забывай этого.

«Как будто это можно забыть!»

— Нас совсем мало, — задумчиво продолжал Андрео, — а сделать нужно так много. Одаренных иллюстраторов осталось меньше двух дюжин.

И неудивительно, что Одаренные умирают молодыми. Ведь они используют для заклинаний собственную кровь, совсем как древние язычники Тза'аба, слуги Аль-Фансихирро, которые самым настоящим образом убивали себя, чтобы своей собственной кровью, смешанной с чернилами, написать священную книгу Кита'аб. Язычники Тза'аба, чья кровь, благодаря его родственникам чи'патрос, течет и в его, Агустина, жилах.

— Все не так просто, как кажется, — сказал он наконец и был вознагражден благосклонной улыбкой Андрео.

— Ты уже кое-чему научился, — похвалил его Андрео. — Вьехос Фратос, давайте вернемся к работе.

Иллюстраторы задвигались, зашевелились, и в этот момент в дверь кто-то громко постучал. Все тут же замерли на своих местах. Молодой Дамиано подскочил к двери, чуть-чуть приоткрыл ее. Потом с изумлением отступил в сторону.

— Ваша светлость! — Он сделал несколько шагов назад и поспешил поклониться.

Агустин и не подозревал, что Андрео умеет так быстро двигаться. Верховный иллюстратор бросился вперед и тоже поклонился еще до того, как Великий герцог Ренайо оказался в комнате. Но он не смог помешать правителю войти в святая святых семьи Грихальва. Иллюстраторы поднялись — все, кроме Тосио и Никойо.

Великий герцог был явно раздражен, казалось, он совершенно не понимает, что ему нельзя здесь находиться.

— Андрео, я спешу! — Он быстро обежал взглядом помещение, собравшихся Грихальва, дольше всего задержался на Агустине, который весь сжался в надежде стать незаметным. Агустин еще ни разу не видел Великого герцога так близко: красивый, плотный мужчина, светлые волосы и тонкие черты лица свидетельствовали о гхийасском происхождении. По правде говоря,

Агустин не заметил никакого сходства между Ренайо II и его знаменитыми предками до'Веррада. — Надеюсь, я могу говорить здесь открыто?

Андрео протянул руку ладонью вверх.

— Конечно, ваша светлость. Могу я предложить вам присесть?

— Нет. Я сразу перейду к делу. Я только что вернулся из Чассериайо.

Атмосфера в комнате, изменившаяся с появлением герцога Ренайо, стала еще более напряженной.

— Я разговаривал со своим сыном, Эдоардом. К моему великому изумлению, по меньшей мере третья часть фраз, которые он произнес, была осмысленной. Поэтому должен вам сказать, что ваша дочь оказывает на него хорошее влияние. Надеюсь, вы понимаете — я на его месте поступил бы иначе. Сначала мне сообщили, что мой сын выбрал старшую из сестер, вдову, что, с моей точки зрения, совершенно правильно, к тому же она и более привлекательна. Впрочем, другая девушка тоже очень красива, хотя и слишком юна. В соответствии с традицией принято отдавать предпочтение более зрелым женщинам. Но пусть все остается как есть. Меня вполне устраивает такое решение. Майрия всегда говорила: «Эдоарду нужна сильная женщина». Несмотря на мои опасения, все вышло как нельзя лучше.

— Ваша светлость, — сказал Андрео.

Казалось, от него ждут именно такого ответа.

Агустин был поражен бьющей через край энергией Ренайо и тем, как легко он заставил всех присутствующих слушать себя.

— Молодая женщина будет официально представлена обществу во время праздничного бала, — коротко кивнув, объявил Великий герцог.

— Как пожелаете, ваша светлость. Могу я поинтересоваться...

— Матра эй Фильхо, Андрео! Конечно, ты можешь поинтересоваться. Зачем ты пытаешься себя принизить? Что тебя беспокоит? Эйха! Возможно, ты так же удивлен, как и я? Естественно, вы хотели, чтобы вдова... Она отказывалась ехать в Чассериайо после всего, что ей обещали?

Андрео заморгал.

— Нет, вовсе нет. Вы с ней не говорили?

— В Чассериайо? Нет, мне удалось побеседовать только с Эдоардом и его очаровательной Беатрис. Очень милое создание. Жаль, что моя дочь Тимарра не обладает и десятой долей ее привлекательности. Мне она, по правде сказать, весьма понравилась. А вот старшая... как ее зовут? Минутку. Не говорите. Да, конечно. — Ренайо щелкнул пальцами. — Элейна. Нет, ее там не было.

— Не было в Чассериайо? — воскликнул Гиаберто.

«Ее там не было!»

— И Рохарио тоже. Я отослал его вместе со старшим братом — чтобы убрать из дворца. Эйха! Если бы только он думал так же хорошо, как одевается. Значит, Элейна Грихальва была в

Чассериайо, верно? Эдоард бормотал по этому поводу что-то невнятное. Тогда я не придал значения его словам, но теперь...

В дверь три раза постучали. Дамиано снова чуть-чуть ее приоткрыл.

— Извините, тио, — молодой иллюстратор думал, что говорит шепотом, но его голос разнесся по комнате, — вам нельзя...

— Это Кабрал? — Ренайо хлопнул в ладоши, один раз, резко. — Конечно, вы должны его впустить. Тио Кабрал!

«Конечно, вы должны его впустить!»

Ни один иллюстратор еще не осмелился воспротивиться приказу Великого герцога, даже в собственном святилище. Выражение испуга, появившееся на всех лицах, привело Агустина в восторг.

Великий герцог поспешил вперед и буквально втащил старика в комнату, порога которой Кабрал никогда в жизни не переступал. Он неуверенно вошел. Однако самое сильное впечатление на Агустина произвело выражение лица Ренайо: Великий герцог обращался к Андрео с доверием и прямотой; навстречу Кабралу он шел с радостью, и его лицо светилось любовью.

— Тио, — Великий герцог положил руку на плечо старика, — ты попросил меня прийти, когда зацветут белые ирисы. Они цветут, и я тебя искал.

— Вы столь добры, что вспомнили обо мне, ваша светлость. — Кабрал произнес эти вежливые слова как-то особенно ласково. Он быстро огляделся по сторонам и снова повернулся к Великому герцогу. — Мне сказали, у вас есть новости из Чассериайо? Как поживает моя племянница, Элейна?

Ренайо расхохотался. Агустин с трудом дышал. Великий герцог и иллюстратор стоят вместе в кречетте! А хуже всего то, что он не знает ничего про Элейну.

— Никому не известно, как она! Похоже, мой сын Рохарио совершил первый в жизни поступок, достойный мужчины: сбежал с красивой женщиной! — Все еще хохоча, он потащил за собой Кабрала, и они вышли из комнаты. Некоторое время слышались их шаги.

Все были так потрясены, что не могли произнести ни слова.

— Пусть проклятие падет на голову этой женщины! — выкрикнул Никойо, ему было явно нелегко говорить.

— Гиаберто, приготовь холст. — Андрео снова ожил и подошел к железному светильнику. Подкрутил фитилек лампы, хотя Агустин наполнил ее маслом утром и она горела вполне прилично. — Мы должны отыскать Элейну, — повернувшись к своим собратьям, сказал он. — Тихо. Чтобы не привлекать внимания. Очень важно ее найти. Она знает слишком много.

К ужасу Агустина, после этих слов Андрео мрачно посмотрел на него.

— А ты, меннино... Если твоя сестра свяжется с тобой, если ты получишь от нее какое-нибудь известие, хоть что-нибудь, ты немедленно придешь ко мне. Ей известны некоторые

тайны Вьехос Фратос, совсем немного, но и этого достаточно, чтобы наши враги смогли уничтожить то, что мы создавали в течение многих лет и целых поколений. Она должна вернуться в Палассо Грихальва. Ты понял?

Агустин изо всех сил старался справиться со страхом. Он начал понимать, сколь могущественны Грихальва.

— Да, Верховный иллюстратор, — ответил он покорно.

Но в глубине души Агустин знал, что никогда не предаст Элейну.

69

Аласаис была глупа.

Нет, «глупа» — не то слово. Она была никакая. Белый холст, подготовленный к работе.

Сарио пришлось пересмотреть свои планы. Столько всего еще нужно сделать, прежде чем он, ее спаситель, представит принцессу благодарному Великому герцогу Ренайо. Любому действию всегда сопутствуют непредвиденные обстоятельства: Сарио просто не пришло в голову, что, в то время как ее физическое присутствие можно восстановить при помощи живописи, сознание вовсе не обязательно последует за формой.

Впрочем, возможно, это даже и к лучшему. Он сможет сам сформировать все, что ему нужно.

— Ты принцесса Аласаис, дочь короля Иво и королевы Айрин из Гхийаса, которые, к сожалению, погибли, став жертвами разъяренной толпы. Неудивительно, что пострадала твоя память, нервы у тебя не в порядке — ты же видела, как они умирали.

— Я принцесса Аласаис, дочь короля Иво и королевы Айрин. Они... — У нее задрожал голос. — Они умерли. К сожалению. Я видела, видела... видела, как это случилось.

Сарио разглядывал ее, довольный экспериментом. Она ловко ему подражала, запоминала каждый звук, все эмоциональные нюансы, а потом делала их принадлежностью своего хрупкого существа. Как дерево и ткань, бумага и гипс служили поверхностью, на которую наносятся краски, так и она была основой — и Сарио создавал свой шедевр, рассчитывая, что он поможет ему возвыситься до положения Верховного иллюстратора. Осталось только нанести последний слой из слов и мыслей, а не мазков.

Он услышал шаги на лестнице. Открыв дверь, обнаружил поднос с едой. Ничего особенного, но стоило ему увидеть великолепную пену над кружкой с пивом, только что налитым из бочки, ароматные пирожки с мясом и свежеиспеченный хлеб, как у него тут же потекли слюнки. Он все еще чувствовал слабость, хотя за последние три дня ел и спал больше обычного. Но он рисовал ее десять дней, большую часть этого времени находясь в

состоянии транса, так что даже не замечал, как дни сменяли ночи. Он внес в комнату поднос, поставил на стол, подал ей еду.

— Принцессу Аласаис всегда обслуживают другие. Она ждет, не делая ни единого движения самостоятельно.

И она ждала, изящно обращалась с ножом и вилкой, осторожно, маленькими глоточками пила пиво, но большее удовольствие доставлял ей ароматизированный чай. Всему этому он научил ее за три дня.

— Кто ты? — снова спросил Сарио. — Каково твое происхождение?

У нее был легкий словно перышко голосок; принцессу мог подхватить ветер и опустить на землю, не причинив вреда.

— Я принцесса Аласаис, дочь короля Иво из Гхийаса. Моя мать, Айрин, — вторая дочь Фретерика, принца Сар-Катебарга. Мой отец — прапраплемянник короля Гхийаса Пепенара Второго, который умер, не оставив наследников, в 1238 году. Трон Гхийаса перешел к Энрею Второму, чья дочь Мечелла стала Великой герцогиней Тайра-Вирте, а потом к Энрею Третьему, у него не было законных детей, и он умер в 1287 году. После смерти Энрея Третьего трон унаследовал мой отец, Иво, его дальний кузен. А следовательно, он принадлежит мне, как единственной оставшейся в живых представительнице рода Пепенидов и единственной дочери короля Иво.

— А если на тебе женится человек, являющийся потомком Мечеллы де Гхийас и Майрии де Лийоне?

— Род Лийоне является одной из ветвей рода Пепенидов. Их притязания не столь обоснованны, поскольку они — всего лишь кузены Энрея Первого, дети младшего брата его отца, но есть сыновья, рожденные по мужской линии рода Лийоне...

Она немного поколебалась: пыталась вспомнить те многочисленные факты, о которых Сарио ей рассказал, или демонстрировала девичье смущение? Даже он, ее создатель, не знал этого наверняка. И пустой холст содержит в себе некоторые, присущие только ему уникальные качества.

Она продолжала:

— В Гхийасе считается предпочтительным наследование по мужской линии. Именно поэтому знатные дома Гхийаса не признали притязаний Ренайо, поскольку он получил право на трон через свою мать. Но сам Пепенар взошел на трон благодаря тому, что мать его отца находилась в родстве с королем Энреем Первым. Она была единственной дочерью Энрея, и только ее дети из множества его внуков дожили до зрелого возраста.

Так странно было слушать мягкий, нежный голос, который в Гхийасе не произнес ни единого значимого слова, если не считать высказанного мнения о новой вышивке, выученном танце или модном платье. А теперь она рассуждает о сложных семейных связях гхийасского королевского рода.

— Далее, — с безупречной старательностью выговаривая слова, отвечала свой урок принцесса, — в наши страш-

ные, смутные времена важно, чтобы трон и род Гхийаса были восстановлены и не разгорелась борьба между соперничающими фракциями, иначе подонки, расправившиеся с королем Иво и королевой Айрин, наберут силу, а чума неповиновения уничтожит Гхийас. Куда мы придем, если позволим простолюдинам захватить трон, если кухаркам и хамам дадим в руки скипетр, если трактирщики и подметальщики улиц подумают, что они могут управлять страной не хуже короля и его советников, которым Матерь и Сын дали это право, сделав своими наместниками на земле? Порядок необходимо восстановить, иначе мы все пострадаем.

— А ты, — закончил Сарио, — являешься тем человеком, за которым стоят благородные семьи Гхийаса, правители соседних княжеств, землевладельцы и богатые купцы.

Она серьезно посмотрела на него своими лучистыми голубыми глазами. Эйха! Возможно, тут он немного перестарался, сделал ее более красивой, в то время как на самом деле Аласаис была всего лишь милой девушкой — и не более того.

— Я королева Гхийаса — по праву! — заявила она.

Сарио улыбнулся и погладил ее по голове; точно так же приласкал бы собаку, будь он любителем домашних животных. Действительно красивая девушка, немного полнее, чем в жизни, — тонкая рубашка совсем не скрывала ее прелестей. Однако она не возбуждала в Сарио никакого влечения или желания. Вот уже многие десятилетия он чувствовал себя по-настоящему наполненным жизненными силами и энергией, только когда рисовал. А все остальное было лишь мгновенным утолением голода.

Она ждала, пока он обдумывал, чему еще следует ее научить. Нужно найти женщину, которая займется с ней вышиванием. Аласаис обожала вышивать — маленькие подушечки, рукавчики, шляпки, сумочки, всякие мелочи, без которых не может обходиться ни одна избалованная придворная дама. Получить подарок, сделанный руками принцессы, считалось высшей честью при дворе короля Иво.

Кроме того, она должна научиться говорить с настоящим гхийасским акцентом. Он разговаривал с ней как на гхийасском, так и на своем родном языке, но никак не мог воспроизвести ее очаровательного говора. Настоящая принцесса Аласаис легко обучалась языкам, потому что обладала прекрасным музыкальным слухом.

И это тоже. Она должна узнавать разные музыкальные произведения, выучить несколько подходящих песенок, танцевать. Разбираться в винах. Никто не станет уважать принцессу, которая не отличает белое вино от красного — и не важно, что она перенесла страшную психическую травму.

И хотя она прибудет в весьма скромном платье — необходимо придать определенную достоверность ее рассказу, — принцесса должна разбираться в тканях и моде. Настоящая принцесса очень любила «наряжаться», так она сама говорила. Она была еще наивнее, чем юная Мечелла, если только это возможно, но Мечелла обладала удивительным врожденным вкусом, прекрасно

разбиралась в фасонах и туалетах. Принцессу Аласаис природа не наделила яркими способностями по этой части. Его Аласаис будет иметь безупречный вкус.

Значит, ему понадобится больше времени, чем он планировал вначале.

Сарио позволил ей посмотреть, как он составляет письмо, — придется научить ее писать и читать, — которое намеревался послать в Аргуэнью, чтобы сообщить слугам о непредвиденной задержке. После этого сделал список необходимых вещей и заставил ее скопировать. Она вновь очень быстро поняла, что от нее требуется.

— Работай над буквами, — приказал Сарио, — пока я не вернусь. И помни, ты сможешь говорить о своем прошлом только тогда, когда я тебе разрешу. Тебе угрожает опасность. Мы должны сохранить твое имя в секрете.

— Я никому ничего не скажу, — кивнула она.

Он оставил поднос с пустыми тарелками и чашами у двери и начал медленно спускаться по ступеням, разглядывая рисунок на стене. Изображение бежало вверх — или вниз — вдоль лестницы, по которой поднимался и спускался владелец винной лавки, снабжавший Сарио едой, напитками, чистым бельем и одеждой, когда тот жил в каморке на чердаке. Сам рисунок был окаймлен переплетением виноградной лозы, цветов и растений; оказавшись внутри него, человек служит своему господину, испытывая к нему самую настоящую привязанность; передает ее сыну или племяннику, который, в свою очередь, поднимается и спускается по ступеням. Эту не бросающуюся в глаза, хотя и немного странную книгу, написанную на стенах, Сарио когда-то создал и временами подновлял, если возникала нужда, используя кровь, и слезы, и краски, и магию трав и цветов: фиалка — знак Верности, слива — Преданности, вербена — Очарования, белладонна — Молчания.

Такой же точно рисунок, только менее заметный, окружал окна и двери винной лавки. Таким образом, она была защищена от влияния внешнего мира. И вот уже три века в случае необходимости Сарио прятался здесь, в старом торговом квартале, который за прошедшие годы почти нисколько не изменился. Будучи Арриано, он подправил картинки, а когда решит расстаться с нынешним телом, сделает это еще раз. Он вошел в заднюю комнату лавки, и владелец, крепкий мужчина лет сорока, подпрыгнул от неожиданности. Он как раз изучал какой-то печатный листок.

— Прошу прощения, маэссо. — Владелец быстро вскочил на ноги и смял бумажку в руке.

— Это листовка? — Сарио вдруг невероятно заинтересовало, отчего Оливиано стал пунцового цвета. — Что-то против ныне существующего порядка, насколько я понимаю?

— Нет, нет, ничего подобного, маэссо.

— Ну-ка, дай посмотреть.

Это и в самом деле оказалась листовка, где выражалось возмущение, что Великий герцог выступает против

созыва Парламента, и негодование по поводу проведенных недавно казней.

— Опасные взгляды. — Сарио вернул Оливиано листок. — Надеюсь, ты это сожжешь?

— Да, маэссо. Немедленно.

Сарио страшно не нравилось это современное вежливое обращение «маэссо» и «маэсса», пользовавшееся невероятной популярностью среди купцов и представителей разных гильдий; ведь это изуродованный древний титул Мастера гильдии. Но он научился подстраиваться к новым временам.

— Мне кое-что нужно, Оливиано. Насколько тебе известно, моя сестра прислала свою племянницу из Гхийаса... — Явная ложь, и оба это знали, но она позволяла не задавать и не отвечать на массу вопросов. — Мне нужна женщина, которая за десять или двадцать дней научила бы ее всему, что необходимо знать даме. Это должна быть женщина благородного происхождения, родившаяся в Гхийасе или имеющая родителей из Гхийаса, она должна говорить на чистом гхийасском языке, уметь вышивать, играть на лютне, научить мою племянницу нескольким песням и танцевальным па.

Оливиано к этому времени уже успел прийти в себя после того, как Сарио застал его врасплох с листовкой в руках. Он был практичным купцом; его отца вполне устраивала возможность содержать винную лавку во времена Дионисо. Оливиано — с разрешения Арриано — расширил дело, ведь и город тоже разросся.

— Мне нужно несколько дней.

— Постарайся сделать все как можно быстрее, и я позабочусь о том, чтобы твоя старшая дочь получила хорошее приданое.

— Вы слишком щедры!

— Не думаю. Кстати, эта женщина должна поселиться с тобой и твоей женой, пока она будет давать уроки моей племяннице.

— Эйха. — Оливиано задумался над этой просьбой. Его отец без колебаний выполнил бы все, что от него требуется; Оливиано, которому было около сорока, относился к «молодому» Сарио без того почтения, какое испытывал к Арриано. — Мы сможем найти ей комнату. — А потом, нахально подмигнув Сарио, сказал: — Вы хотите выдать девушку замуж за какого-нибудь молодого человека из благородной семьи? Она и в самом деле очень хорошенькая.

Сарио рассвирепел. Он терпеть не мог фамильярности.

— Это мое дело, и тебя оно совершенно не касается. Сделай то, что я попросил, и твоя семья будет вознаграждена.

— Как пожелаете, маэссо. — Владелец лавки поклонился.

А довольный Сарио вернулся в свою каморку на чердаке, где обнаружил, что Аласаис старательно переписывает буквы с одного листка на другой. У нее оказался красивый почерк, и Сарио немного удивленно наблюдал за тем, как пальчики, еще вчера ничего не смыслившие в письме, сегодня с такой точностью повторяют его записку.

* * *

Маэсса Луисса оказалась робкой женщиной с худым лицом, зато она обладала великолепным гхийасским акцентом. Выцветшее платье, сшитое хорошим портным и из хорошего материала, лет десять назад вышло из моды. Она была дочерью Изобейи, придворной дамы, прибывшей из Лийоне с Великой герцогиней Майрией и лишившейся высочайшего благорасположения за то, что осмелилась влюбиться — без соизволения на то своей госпожи! — в красавчика капитана из шагаррского полка. Сначала она была изгнана из дворца, а потом ее бросил любовник. Изобейа растила дочь, испытывая постоянно материальные затруднения, однако сумела воспитать ее таким образом, что она впоследствии могла давать уроки хороших манер и разных благородных занятий молодым женщинам, желающим совершенствоваться.

Луисса никогда не видела портрета принцессы Аласаис де Гхийас и не стремилась, как показалось Сарио, проникнуть в его секреты. Впрочем, вряд ли она догадывалась, что тайна вообще имеет место. Она была бедна, не имела ни малейшего шанса выйти замуж и отчаянно хотела заработать приличные деньги, чтобы содержать себя и свою больную мать.

Уже на второй день она рассказала о своих проблемах Аласаис, выслушавшую ее с сочувствием, что весьма понравилось Сарио, который в это время делал зарисовки лица маэссы Луиссы, дабы отвлечься от ее мягкого, но ужасно надоедливого голоса.

Итак, она занималась с Аласаис до конца месяца Имаго, а потом и во время месяца Пенитенссиа, которым завершался год. Какой? Эйха! Так трудно стало за этим следить!

Аласаис научилась аккомпанировать себе на лютне, исполнять простые мелодии — у нее был чистый, красивый голос — и танцевать несколько танцев, модных при дворе. Сарио выступал в роли ее партнера, а Луисса отбивала такт и напевала мелодию своим скрипучим сопрано.

А еще Аласаис вышивала.

— У меня еще не было такой способной ученицы! — однажды утром воскликнула Луисса, показывая ему кусок ткани, расшитый изящными узорами. Ее переполняла гордость, словно Аласаис была ее собственной дочерью.

Сарио лишь кивнул, но он тоже был горд. Создавая портрет Аласаис, он наделил ее способностями к подобным вещам — причем справился с этим просто бесподобно. Когда Луисса вернулась к своей ученице, Сарио снова занялся эскизами, облизнул палец и смочил слюной грифель карандаша. Он уже сделал несколько набросков, очень точно передающих лицо Луиссы. Нужно подождать, пока Луисса закончит свои уроки, а потом он позаботится, чтобы она никому не смогла рассказать о том, что здесь делала.

Элейна в смятении осмотрела комнату. Из нее можно было попасть в две спальни, где стояла пара старых кроватей с деревянными рамами, кишащими вшами матрасами и пожелтевшими простынями.

— Это чудовищная цена за такие комнаты!

— В самом деле? — спросил Рохарио.

— А вы торговались?

— Торговался?

— Вы торговались с хозяином гостиницы?

Он обошел комнату, разглядывая стол с двумя стульями, потрескавшиеся оконные рамы, диван с такой выцветшей обивкой, что было невозможно установить ее первоначальный цвет, — на бело-желтом фоне остались многочисленные разводы от пролитого вина.

— Я никогда не видел ничего подобного, — признался он, возвращаясь к Элейне. На его лице застыло скорее удивление, чем отвращение. — Неужели люди так живут?

— Как и вы, дон Рохарио, — холодно изрекла она, — я выросла в Палассо. Однако моя бабушка позаботилась о том, чтобы мы имели представление о жизни за его стенами. Каждая девушка, родившаяся в Палассо Грихальва, учится быть хорошей хозяйкой. Бабушка брала нас с собой к купцам, чтобы мы посмотрели, как следует торговаться, а однажды... — Она рассмеялась, вспомнив о скандале. — Когда мне было шестнадцать, а Беатрис тринадцать, бабушка повела нас в таверну показать, как поют и танцуют ученики камнетесов на своем празднике. Скандал вышел из-за того, что каждый член гильдии имел право испросить поцелуй у любой незамужней девушки, и нам пришлось часто целоваться. Даже к бабушке обратились с такой просьбой, потому что ее муж к тому времени умер, и она постоянно носила вдовью шаль, хотя период траура закончился.

На это Рохарио не нашелся что сказать.

Элейна подошла к грязному окну и протерла его уголком своей кружевной шали, пытаясь рассмотреть раскинувшийся внизу двор. Хозяин объяснил, что частью здания гостиницы является старый палассо, стены которого были выложены красной плиткой, однако весь интерьер не менялся много лет и напоминал трижды перешитое выходное платье служанки.

Она перестала протирать окно и принялась теребить пальцами бахрому собственной «вдовьей шали». На черном шелке были вышиты гиацинты. Интересно, если поднести их выпуклую пурпурную поверхность к лицу и вдохнуть, почувствует ли она запах цветов? Облегчит ли их аромат ее скорбь, как гласит поверье?

Впрочем, ни одного мгновения она не скорбела по своему умершему мужу. Элейна носила шаль только для того, чтобы защитить себя.

— Конечно, — вдруг заявил Рохарио, словно только сейчас до конца осознал смысл ее последних слов, — каждый

год в Палассо Веррадо приглашается новая гильдия, чтобы отпраздновать посвящение учеников в подмастерья. Они приходят в тронный зал, где мой отец благословляет их и наблюдает за посвящением. Мне всегда казалось, что их одежда выглядит не лучшим образом, но я никогда не представлял себе, что люди в Мейа-Суэрте одеваются так бедно.

Взглянув на красивую одежду Рохарио, слегка помятую в дороге, на его безукоризненно повязанный галстук, который сам по себе уже являлся произведением искусства, Элейна рассмеялась. Рохарио явно здесь не место. Ничего удивительного, что хозяин заломил такую чудовищную цену: если ты одеваешься как вельможа, то и платить должен соответственно.

— Эти ученики и их родители, видимо, надели свои лучшие костюмы, чтобы предстать перед Великим герцогом, — сказала она. — А то, что вы видите сейчас, — их повседневная одежда. Разве слуги одеваются иначе в Палассо Веррада?

— Ну, все они носят ливрею. Моя мать терпеть не могла поношенной или неопрятной одежды. Видите ли, ее семья была благородная, но бедная, и, выходя замуж за моего отца, она дала клятву, что ее слуги будут одеты лучше, чем она сама, когда была девочкой.

— Даже на кухне?

— Я никогда не бывал на кухне.

— Эйха, Рохарио! Вы меня пугаете!

— Вы думаете, что я самый настоящий дурак!

И он выскочил из комнаты.

Едва оправившись от изумления, Элейна бросилась вслед за ним. И догнала его в тот момент, когда он устроил на многолюдном дворе скандал, достойный жены рыбака. Вокруг уже успела собраться толпа.

— ...сколько еще своих постояльцев ты успел обмануть? Может быть, стоит спросить об этом других господ? Вас, маэссо? С вас он тоже взял слишком много? Эйха! Остается только радоваться, что моя мать, да будет благословенна ее память, не увидит, в каких комнатах пришлось остановиться мне с сестрой! Хозяин, неужели вы могли бы поместить в подобных комнатах собственную мать?

После такой тирады Рохарио решил немного помолчать, чтобы дать хозяину возможность как-то ответить. Тот немедленно схватил Рохарио за руку. Сначала недовольный постоялец резко отстранился, но потом позволил краснолицему хозяину увести себя в контору.

Элейна собралась последовать за ними, но попала под атаку нескольких мужчин.

— Милашка, привет. Мое сердце будет принадлежать тебе, если ты согласишься его взять.

— Я бы хотел посмотреть, о чем горюет ее сердечко под этой прелестной кружевной шалью.

— Сколько он тебе платит, крошка? Я готов удвоить сумму.

Вспыхнувшей от гнева Элейне пришлось скрыться в гостиной. Проклиная все на свете, она стала расхаживать по комнате. Итак, она снова оказалась в ловушке! Даже на улицу не может выйти без сопровождения!

Тонкий слой грязи покрывал стол. Так недолго испачкать драгоценную бумагу! Разве можно здесь работать?

Чем в таком случае она отличается от дона Рохарио? Ни разу в жизни ей не доводилось убирать комнату. Наверное, для этого требуются ведро с водой и тряпка, но где взять тряпку и ведро, не говоря уже о воде?

Побег в Мейа-Суэрту был необдуманным поступком, возможно, даже глупым. Но она не приползет на брюхе как побитая собака в Палассо Грихальва. Можно только представить, что скажут ей родители после побега с молодым дворянином!

К тому же она так и не стала любовницей дона Рохарио.

«Матра эй Фильхо, я покраснела!»

Элейна подошла к окну и, стукнув по раме, распахнула его. Свежий воздух охладил горящие щеки. Когда дверь открылась, она смогла обернуться и достойно встретить дона Рохарио...

...и хозяина с двумя служанками, вооруженными ведрами с водой и тряпками.

— Мой добрый друг, маэссо Гаспар, пригласил нас отобедать с ним сегодня, сорейа. А сейчас нам нужно идти, чтобы эти милые женщины прибрали комнаты, тогда в них можно будет жить.

— Конечно, фрато.

Брат.

Он предложил ей руку. Она взяла ее, хотя чувствовала себя ужасно неловко. Любой, у кого есть хоть малая толика здравого смысла, сообразит, посмотрев на их позы, лица, манеру поведения, что они не могут быть родственниками. Впрочем, какое это имеет значение? До тех пор пока Рохарио соглашается играть роль ее брата, мужчины могут думать о ней все что угодно. Она вспомнила толпу, окружившую ее во дворе, и содрогнулась.

— Что-нибудь не так? — деликатно спросил Рохарио, когда они спускались по грязной лестнице вслед за хозяином.

— Ничего. Просто холодно. — Она опустила взгляд на его руки, опасаясь, что Рохарио прочитает ее мысли.

У него красивые руки.

Эдоарда было легко рисовать — для воспроизведения его облика не требовалось каких-то сложных цветов и линий. С Рохарио ей пришлось бы потрудиться куда больше. Через десять лет он может очень сильно измениться. В этом и заключалась разница между братьями. Эдоард останется таким, какой он есть, до конца жизни; Рохарио же только начал формироваться.

— Вот мы и пришли. — Маэссо Гаспар привел их в чистый обеденный зал, где пахло сосной и миндалем.

Он представил их другим благородным гостям. В обеденном зале горел большой общий камин. Вытянув шею, Элейна увидела сквозь ревущее пламя обитателей соседней комнаты — они были похуже одеты и вели себя отнюдь не так спокойно.

Когда они ели первое блюдо, луковый суп, — огромную кастрюлю передавали по кругу, — Рохарио наклонился к Элейне.

— Чтобы снизить цену, мне пришлось заплатить вперед. Он не согласился на кредит!

— Откуда ему знать, что нам можно верить?

— Да, я не стал сообщать ему свое настоящее имя. Но у меня осталось только десять марейасов. Если верить маэссо Гаспару, этих денег недостаточно, чтобы купить бутылку красной паленссии к обеду!

Он был так возмущен, что Элейна с трудом сдержала смех.

— Вот к чему приводит привычка пить вино во время обеда. Нам придется зарабатывать на жизнь.

— Работать? — Он побледнел. — А как?

Элейна осмотрелась. Прямоугольный зал выглядел довольно невзрачно. С одной стороны огромный очаг отделял обеденный зал от общей комнаты. Длинная стена с окнами выходила во двор, а противоположная была покрыта белой штукатуркой. Элейна встала, сунула руку в карман юбки, где у нее лежало несколько кусков угля и мела, которые она — как истинная Грихальва — всегда носила с собой.

— Прошу прощения, маэссо Гаспар. Насколько я понимаю, эта комната предназначена для почетных гостей. Возможно, вы хотели бы привлечь побольше посетителей с хорошим вкусом.

Удивленный хозяин вежливо поклонился в ответ.

— Каждый человек, занятый в моем деле, не отказался бы от дополнительных посетителей.

— Если бы мы каждый раз обедали в обществе столь прекрасной дамы, как вы, маэсса, — сказал один из мужчин, сидевших напротив, — я бы приходил сюда почаще. — Его лицо вдруг стало напряженным, и он успокаивающе улыбнулся Рохарио. — Прошу прощения, маэссо.

— Вам следует просить прощения у моей сестры, — негромко, но с угрозой в голосе ответил Рохарио.

Элейна быстрыми, уверенными движениями нарисовала карикатуру на мужчину прямо на белой скатерти. Остальные гости, раскрыв от удивления рты, уставились на рисунок.

— Маэссо Гаспар, я умелый рисовальщик и живописец. Однако мне, как и всем вам, приходится зарабатывать себе на жизнь. Мы с братом имеем некоторые источники дохода, но я бы с удовольствием отработала наше содержание. — Пока Элейна говорила, рисунок все расширялся, и Рохарио принялся быстро отодвигать тарелки, блюда и чашки, чтобы ей было где развернуться. — У вас большая белая стена, на которую можно повесить несколько картин. А еще лучше — просто расписать ее. Я могла бы изобразить там праздник Провиденссии, сбора винограда. Кроме того, можно нарисовать лица ваших регулярных посетителей, чтобы те, в свою очередь, привели посмотреть на фреску друзей и близких. А еще на моей картине будут запечатлены известные события, о которых каждый слышал не одну сотню раз, и сюда захотят прийти не только старые, но и новые клиенты, чтобы взглянуть на эти рисунки.

Теперь уже и другие гости отставили свои приборы, чтобы расчистить место. Элейне приходилось наклоняться дале-

ко вперед, отодвигать в сторону стулья; она так увлеклась, что даже перестала разговаривать. Эта скатерть послужит эскизом для огромной фрески — на ней будет изображен каждый посетитель, и хозяин гостиницы наверняка не устоит перед соблазном. Жизненно необходимо получить эту работу — она не только даст им кров и пищу на то время, пока Элейна будет трудиться над фреской, но и наверняка обеспечит новые заказы.

Лишь когда Элейна закончила и перевела дух, она заметила, как тихо стало в комнате. Все так внимательно наблюдали за ее работой, словно боялись, что с последним движением руки художницы картина исчезнет.

Элейна бросила последний взгляд на рисунок. Она не нашла заметных ошибок — рука ей не изменила. Она изобразила Гаспара в качестве распорядителя Провиденссии, раздающего вино и хлеб собравшимся, нарисовала мужчин и обеих женщин, сидевших в этот вечер за столом, и четырех слуг, приносивших новые блюда и каждый раз пытавшихся рассмотреть рисунок; еще несколько человек выглядывали из-за кухонной двери. Однако композиция была недостаточно сбалансирована. Люди выглядели несколько статичными, а для Гаспара был необходим фон — вид гостиницы и меблированных комнат, гирлянды, украшающие стены, и вазы со снопами пшеницы, символизирующими будущее благосостояние. Однако в целом Элейна осталась довольна своей работой.

Маэссо Гаспар прижал руку к груди, как будто его минуту назад пронзила ужасная боль.

— Прекрасно! Я согласен! Когда вы начнете?

Элейна едва сдержала улыбку.

— Мы еще не договорились об условиях, маэссо Гаспар.

— Сколько вы хотите за эту скатерть? — спросил мужчина, который чуть раньше нагрубил ей.

Теперь он ловко перешел в ряды ее сторонников.

Элейна закрыла глаза, наслаждаясь моментом. Потом одним эффектным росчерком подписала рисунок — «Риобаро».

— Но ведь это не твое имя, — запротестовал Рохарио. — Эта подпись... — Он замолчал, широко раскрыв глаза.

— Прошу прощения, маэссо, — сказала Элейна своему новому почитателю, — но боюсь, что в соответствии с нашей семейной традицией я должна попросить маэссо Гаспара принять скатерть в качестве платы за обед — за всех, кто сегодня сидел за столом, — и в подтверждение нашего контракта, поскольку сейчас у меня совсем нет денег.

— Вы недавно в этом деле? — Мужчина потер руки. — Я член гильдии, меня зовут Сеспиарре, в следующем месяце у моей дочери помолвка. Я хочу нанять вас, чтобы вы написали картину.

— Я приму ваш заказ, маэссо Сеспиарре, если мы сойдемся в цене.

— Минуточку! — Хозяин гостиницы поднял руку. — Я хочу, чтобы сначала была выполнена моя фреска.

— Прежде всего вам нужно заново оштукатурить стену, маэссо Гаспар, потом она должна просохнуть. Только тогда

я смогу нанести предварительный рисунок. Непосредственно для росписи стены мне потребуется еще один тонкий слой штукатурки, и пока я буду работать, он должен оставаться влажным. Так что у меня достаточно времени для выполнения других заказов. Если вы отделите часть этого зала, я не стану возражать против того, чтобы зрители наблюдали, как я пишу портреты для большой фрески. — От взгляда Элейны не ускользнуло, что хозяин уже мысленно подсчитывает доходы от дополнительного наплыва клиентов.

— Кто бы подумал, что такая красивая женщина, как вы, столь потрясающе рисует! — воскликнул Гаспар. — Эйха! Какой удачный случай привел вас сюда! — Он подмигнул. — Кем бы вы на самом деле ни были...

Из соседней комнаты донеслись звуки музыки — гитара и барабан, потом послышался голос певца. Это была старинная любовная песня «Астравента».

Элейна внезапно почувствовала усталость и опустилась на стул. Она решила дождаться, пока слуги сменят скатерть и принесут второе блюдо. Ела механически, не чувствуя вкуса пищи. И внимательно изучала стену, обдумывая композицию картины.

— А что буду делать я? — спросил Рохарио.

— Что? — Элейна отвлеклась от своих размышлений при звуке его голоса.

Прежде чем Рохарио успел ответить, они услышали шум возбужденных голосов в соседней комнате, приглушенный ревом пламени в очаге. Дверь в кухню распахнулась, и в обеденный зал торопливо вошел человек в белом фартуке.

— Гаспар! Здесь шагаррцы! Они хотят арестовать музыкантов за исполнение подстрекательских песен...

Крики из соседней комнаты заглушили его последние слова.

— Мы представляем Великого герцога! Вы должны сдаться.

— Оставьте их в покое! Они всего лишь музыканты.

— Когда Великий герцог соберет Парламент?

— Убийцы!

Рев. Стул с громким стуком отброшен на каменный пол. Какой-то человек закричал от боли.

— Матра! — Гаспар вскочил и бросился в кухню.

Остальные гости, включая Сеспиарре, устремились к выходу. Однако Рохарио поспешил вслед за Гаспаром. Элейна проглотила последний кусок и побежала за ними. В общей комнате бушевала драка, рассвирепевшие подмастерья и члены гильдий набросились на вооруженных солдат со стульями и кулаками. Безнадежное дело... но их было намного больше. Гнев этих людей таил в себе огромную силу — казалось, по комнате прокатилась волна.

— Бассда! Я прошу вас!

Но никто не слышал Гаспара.

Куда девался Рохарио?

К своему ужасу, она увидела его стоящим на стойке бара и размахивающим грязным полотенцем, чтобы привлечь к себе внимание.

— Бассда! Прекратите! — Рохарио кричал как человек, привыкший к мгновенному повиновению.

Но серая тряпка в сочетании с его темно-синим костюмом и черным жилетом напоминала запрещенные цвета знамен восставших.

Сержант бросился к Рохарио и древком копья ударил его по голове. Рохарио как подкошенный рухнул вниз.

71

Рохарио застонал.

Женский голос шептал какие-то слова. В следующий момент он почувствовал, как влажное полотенце коснулась лба. Он открыл глаза.

Паника сжала горло. Он ослеп!

Однако тут же сообразил — хотя сердце продолжало отчаянно биться, — что он ничего не видит, потому что в комнате темно.

На столике одиноко горела свеча. Он сел.

Комок мгновенно подкатил к горлу, и его вырвало на пол — он едва успел отвернуться от постели. И только после того как ему стало немного лучше, Рохарио сообразил, что одна из служанок Гаспара держит перед ним лохань.

Девушка осторожно протерла ему лицо и шею влажным полотенцем.

— Теперь все в порядке, маэссо. Вам не следовало вскакивать с такой шишкой на голове.

— Я сейчас лягу, — пробормотал Рохарио и опустился на подушки. Голова у него все еще кружилась, но уже не так сильно. — Что произошло?

— Один из стражников вас ударил, а сестра вытащила ваше бесчувственное тело из общей комнаты, и мы перенесли вас сюда, чтобы стража вас не арестовала. Гаспар в ярости, потому что стражники переломали почти всю мебель и не хотят даже слушать о возмещении убытков. Он собирается подать на них в суд. Но из этого все равно ничего не выйдет — Великий герцог никогда не слушает простых людей.

— Не слушает?

Она фыркнула. Несмотря на юный возраст, девушка казалась ожесточившейся.

— Прошу прощения, маэссо, но откуда вы к нам прибыли?

— Из других краев. А что случилось с остальными?

— Стража арестовала всех музыкантов. Моя тетя говорит, что солдаты хватают музыкантов и печатников по всему городу за то, что те поют запрещенные песни и распространяют призывы к бунту. За то, что не скрывают своих мыслей! Но в Мейа-Суэрте это преступление!

— Где Элейна?

— В гостиной вместе с маэссо Асемой. Он хочет поговорить с вами.

Подхватив лохань, девушка вышла из комнаты. Рохарио не решился повернуть голову — боялся, его опять стошнит. От одной мысли, что Элейна увидит, в каком он плачевном состоянии, Рохарио становилось дурно. Этого унижения он не перенесет. Матра Дольча! В Палассо Веррада вокруг него сновали бы многочисленные слуги, каждое его движение и желание предупреждалось бы незамедлительно. Здесь же за ним ухаживала одна-единственная служанка. Он почувствовал к себе жалость.

И все же, разве он не хотел увидеть жизнь за стенами Палассо? Разве не хотел, чтобы к нему относились так же, как и к остальным людям?

Элейна вошла в спальню и села на стул рядом с его постелью, взяла за руку.

— С вами все в порядке? — обеспокоенно спросила она.

— Похоже, что да. — Рохарио улыбнулся и перевел взгляд на ее спутника.

Пожилой человек с посеребренными временем волосами был одет просто, но покрой и качество одежды говорили о том, что он либо богат, либо благородного происхождения. Никто другой не мог позволить себе подобный костюм. Да и лицо старика показалось Рохарио как будто знакомым.

— Это маэссо Асема, — сказала Элейна. — Он говорил со мной о волнениях в городе.

— Бунтовщики, — пробормотал Рохарио.

Старик выразительно приподнял бровь.

— Мы называем себя либертистами.

— Но вы не принадлежите ни к одной из гильдий.

— Я разочарован. Вы меня не узнали.

Рохарио покраснел, услышав сарказм в голосе старика.

Асема поклонился.

— Мое настоящее имя Леоно до'Брендисиа. Я младший брат Себастьяно до'Брендисиа. Он умер за много лет до вашего рождения, фильхо мейо. Убит в темнице во время правления Великого герцога Коссимио Второго.

— Не может быть! Это...

— Какая-то ошибка? К сожалению, тут нет никаких сомнений. У него было прекрасное здоровье. Кроме того, у меня есть и собственные источники информации — некоторые стражники из дворцовой охраны симпатизировали делу, за которое боролся мой брат. Он хотел возродить Парламент, упраздненный Арриго Вторым. Когда я узнал, что мой брат убит, то поклялся продолжить его дело. Однако... — Асема ударил о ручку кресла перчатками из тонкой кожи, — ...я не хотел закончить свои дни в тюрьме и действовал тайно, дожидаясь, пока наступит подходящий момент. И вот я здесь, чтобы посмотреть на молодого человека, одетого в синее, черное и серебряное — цвета Либеры, цвета Свободы.

— Так это вы зачинщик беспорядков?

Асема рассмеялся.

— Далеко не всех. Когда я увидел разочарование и возмущение, закипающие в Мейа-Суэрте, повсеместные призывы восстановить Парламент и его власть, услышал о восстаниях против тирании королей и принцев в других королевствах, я просто вышел из тени. Мне оставалось лишь предложить свое состояние тем членам гильдий и ученикам, купцам и почтенным землевладельцам, кто был недоволен нынешним положением вещей. Потом я подал несколько идей — как следует более эффективно организовывать протесты. Многочисленные гильдии Мейа-Суэрты могут поднять бунт и без моего участия. Более того, сначала они мне не доверяли. Я же кузен барона до'Брендисиа, не так ли? Но очень скоро они поняли, что меня можно использовать, так как я представлен ко двору. Почему вы здесь, Рохарио до'Веррада, а не в своем Палассо? Должен добавить, что ваша прелестная «сорейа» ни словом не обмолвилась о цели вашего пребывания в городе и не назвала подлинного имени.

Рохарио совсем не понравились намеки Асемы на его отношения с Элейной, а еще меньше — то, как он улыбался Элейне. Богатые старики вроде этого думают, будто могут купить все, что им захочется!

Рохарио рассердился и выпустил руку Элейны.

— Вы ошиблись, я не сын Великого герцога Ренайо.

— Надеюсь, вы понимаете, что я вам не поверю?

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал о моем происхождении. И не собираюсь спекулировать здесь влиянием своего отца. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы оставите свою осведомленность при себе.

— С удовольствием так и поступлю, — ответил старик и лукаво улыбнулся, — если только не обнаружу, что ваше присутствие угрожает безопасности тех, кто с риском для жизни борется за реформы. Не говоря уж о том, что мне совсем не хочется причинять неприятности вашей прелестной сорейе, чье настоящее имя мне неизвестно. Хотя я могу без особого труда сделать предположение — ведь и я слышу сплетни, циркулирующие при дворе.

— Надеюсь, вы не станете высказывать свои догадки в публичных местах! — Рохарио уже стала выводить из себя дерзость Асемы.

Да, человек, рожденный в замке, не может скрыть своего происхождения.

Очередная улыбка Асемы вышла совершенно фальшивой.

— Я всегда стараюсь блюсти интересы и заботиться о безопасности красивых женщин. Мне пора уходить. Гаспар знает, как связаться со мной. — Он слегка поклонился и, повернувшись к Элейне, поцеловал ей руку.

— Мой прелестный цветок, без малейших колебаний обращайтесь ко мне, если вам понадобится защита.

— Благодарю вас, — холодно ответила Элейна. В ее лице не было и намека на благодарность.

Асема еще раз поклонился и вышел из спальни.

Рохарио вдруг почувствовал усталость и потер рукой глаза. У него снова разболелась голова.

— Все думают, что я ваша любовница! — выпалила Элейна.

Если бы это соответствовало истине!

— Я приобрету такую репутацию, — добавила она тихим голосом, полным гнева, — что со временем ни один мужчина в Мейа-Суэрте или даже в Тайра-Вирте не станет называть меня иначе, как художник Элейна Грихальва.

Рохарио вздрогнул. От этого движения правый висок пронзила боль. Он прикусил язык, чтобы сдержать стон, но немного не успел.

— Эйха! Прошу прощения, что разрешила маэссо Асеме потревожить вас, но он из тех людей, которым трудно отказать.

— Я устал, — прошептал Рохарио.

Она потрепала его по руке и вышла из комнаты, чтобы найти служанку.

Рохарио вздохнул, он совсем себе не нравился — так, видимо, относилась к нему мать, хотя наверняка он этого, конечно же, знать не мог. Всегда он избирает более легкий путь, старается избежать конфликтов. Вот и сейчас не смог решиться сказать Элейне о своих истинных чувствах к ней. Или спросить, что испытывает она.

Она симпатизирует ему — в этом Рохарио не сомневался. Но даже если бы она и любила его, что такое для Элейны мужчина — лишь дополнительная помеха для ее искусства. И хотя мужчины — Эдоард, его отец, иллюстраторы Грихальва — находили ее женские достоинства более существенными и могли использовать их ради собственной выгоды или удовольствия, Рохарио не верил в то, что любовь Элейны к нему будет для нее благодатнее, чем ее любовь к живописи. У него исчезли всякие сомнения по этому поводу после того, как он увидел ее за мольбертом и влюбился благодаря ее удивительному дару — дару, которым сам не обладал.

«Сносные способности к искусству».

Наконец ему удалось уснуть в тесной маленькой комнате, пропитанной запахом сосны.

Наутро Рохарио почувствовал себя гораздо лучше. Он вышел из спальни и обнаружил, что Элейна уже успела отгородить себе студию в обеденном зале. Гаспар предоставил ей место на то время, пока она не закончит фреску, при условии, что посетители смогут обедать или выпивать, наблюдая за ее работой. Влажная штукатурка уже покрывала половину стены.

— Вы выглядите гораздо лучше, — пристально взглянув на Рохарио, сказала она и вроде бы тут же забыла о его существовании.

Он извинился и отправился в город на поиски работы. В первый день он слонялся по улицам, глазел по сторонам и вернулся домой с пустыми руками. Он не знал, как именно следует искать работу, а его безукоризненная одежда не раз вызывала насмешки.

Расстроенный своей неудачей, Рохарио провел следующие девять дней, блуждая по городу и возвращаясь домой только к вечеру.

Девять из десяти марейасов ушли на стирку, дешевое вино, два новых галстука, ваксу для ботинок и хлеб для грязных,

нищих детишек, чьи несчастные лица тронули его сердце. Ему было горько, что Элейна обеспечивает их жизнь в гостинице. Но что ему еще делать? Продолжать жить с ней под одной крышей и рассчитывать на то, что настанет день, когда он сможет с ней расплатиться? Рохарио ничего не умел — естественно! Что должен уметь сын благородных родителей? Его скромный талант рисовальщика мог бы прокормить его в какой-нибудь заброшенной деревушке, но не в Мейа-Суэрте. Он ни на что не годился — оставалось лишь идти в Палассо и просить прощения у отца, а затем вернуться к своей прежней жизни. Такая перспектива его совершенно не устраивала.

Элейна набросала углем на полотне огромную картину, которую повесили на стену обеденного зала гостиницы Гаспара, — по ней она потом будет делать фреску. Теперь каждый день по возвращении домой Рохарио находил новый фрагмент картины, написанной яркими красками на белом грунте.

Гаспар был изображен с глазами, излучающими щедрость, и румяными щеками — настоящий покровитель искусств, раздающий блага всем, заслужившим его расположение. Дверной проем украшала виноградная лоза, в нишах колосилась пшеница — такая красивая и натуральная, что хотелось потрогать золотистые стебли рукой.

Каждый день, останавливаясь рядом с мольбертом Элейны, Рохарио находил новые наброски для контрактов — «Завещания», «Деяния», «Смерти», «Рождения» и «Помолвка» для дочери маэссо Сеспиарре и сына портного.

Чем больше Элейна работала, тем совершеннее казалась Рохарио ее красота. Для нее наступила пора цветения.

— Сначала они приходили потому, что я — молодая женщина, — сказала Элейна, — из любопытства. Они хотели посмотреть на рыбу, которая может жить без воды, или собаку, умеющую ходить на двух ногах. А теперь они приходят, потому что знают: я хорошо владею своим ремеслом. — Она подняла на Рохарио глаза, и его сердце чуть не выскочило из груди, но он ничего не сказал. — А вы?

Он пожал плечами.

Оглянувшись по сторонам, она вытащила из толстой пачки лист бумаги.

— Посмотрите, — предложила она, понизив голос.

Рисунок удивил Рохарио: он не узнал изображенного на листе помещения. Стоящие полукругом скамейки поднимались вверх, как в театре. Потом он сообразил, что это — собрание Парламента.

— Элейна!

— Баседа! — прошептала она. — Вам нравится?

— Вас могут арестовать!

— Никто не докажет, что это моя работа. Я собираюсь сделать несколько рисунков пером и чернилами для маэссо Асемы — он превратит их во множество плакатов. Конечно, можно напечатать слова, но многие ли знают грамоту? А как быть с женщинами, которые в состоянии только вести счета и читать Святые Книги. «Завещания», «Деяния», «Смерти», «Рождения» и «Помолв-

ки» — любые контракты делаются в картинах, почему бы не представить в рисунках и протесты. Слово имеет множество значений или никакого. А если идеи либертистов получат воплощение в рисунках, большинство мужчин и женщин поймут, о чем идет речь.

— Но почему вы это делаете?

Она не скрывала своей тревоги.

— Частично из-за того, что не доверяю Асеме. Если я помогу либертистам, то он не станет выдавать мое местонахождение Грихальва.

— Вы сказали, что им все равно, где вы находитесь.

— Я на это надеюсь, но уверенности у меня нет. А кроме того, Рохарио, разве либертисты просят так уж много? Люди, которые платят налоги, введенные Великим герцогом, хотят участвовать в их обсуждении. И чтобы Великий герцог и другие дворяне подчинялись тем же законам, что и остальные жители Тайра-Вирте. — В ее голосе слышалась горечь. — В Палассо Грихальва все обстоит точно так же. Одним даны огромные привилегии и права, другим — ничего.

— Да, их требования не так уж чрезмерны.

Элейна спрятала рисунок среди других и снова отвернулась к мольберту. Вдохнула запах краски и скипидара.

— Извините, мне не следовало осуждать вашего отца.

— Элейна, я хочу, чтобы вы знали, — вы можете говорить мне все что пожелаете!

Она снова улыбнулась, но словно издалека, и вернулась к работе.

На следующий день, околачиваясь в винной лавке и размышляя, стоит ли истратить последний марейас на бутылку приличного белого вина и отнести ее в качестве подарка Элейне, Рохарио услышал, как владелец лавки жаловался одному из покупателей:

— Ба! У Селио снова приступ костной лихорадки, а я должен сегодня до отхода корабля отослать письмо в Нипали.

«Он не умеет писать!»

Рохарио подошел к стойке.

— Я могу написать за вас письмо, маэссо.

Владелец с подозрением посмотрел на него.

— А у вас хороший почерк? Письмо предназначается купцу, торгующему в Нипали вином, в нем не должно быть ошибок.

— У меня хороший почерк. — Тут Рохарио говорил правду. — Меня учил писец, который служит в Палассо Веррада. — И это тоже было правдой, хотя и не полной.

— Эйха! — Слова Рохарио явно произвели на хозяина лавки впечатление. Он посмотрел на превосходный покрой плаща Рохарио. — Удача вам изменила? Я найму вас, маэссо, но заплачу только в том случае, если меня устроит ваша работа.

Рохарио быстро соображал.

— А у вас есть все необходимое?

— Пергамент. Как и положено.

Но он должен иметь свои ручки, чернила и перья.

— Я вернусь, как только возьму письменные принадлежности. — Он почти выбежал из лавки.

— Возвращайтесь побыстрее, иначе я найму кого-нибудь другого! — прокричал ему вслед хозяин.

У Рохарио ушло полчаса на поиски магазина, где продавали письменные принадлежности, и в конце концов выяснилось, что его единственного марейаса не хватит, чтобы их купить. Проклиная все на свете, он вышел из магазина. Теперь у него не было выбора. Рохарио зашагал по авенидо Шагарра и вверх по склону, ведущему к Палассо Веррада. Только теперь он понял, какой долгий путь нужно проделать, чтобы попасть в Палассо, если идти пешком.

И вот перед ним возвышается величественное здание дворца. Оно казалось огромным, холодным и равнодушным. Ворота были закрыты. Рохарио остановился, отряхнул плащ. Хотя его одежда оставалась чистой, она потеряла прежний блеск — слуги в гостинице Гаспара ухаживали за ней не так ретиво, как мастера своего дела из Палассо. К тому же Рохарио захватил из Чассериайо только один костюм. А лошадь, которая доставила его в Мейа-Суэрту, он отправил обратно в охотничий домик вместе с грумом, получившим неплохое вознаграждение за молчание. Матра! Он скорее походил на простого служащего, чем на сына герцога. Впрочем, разве он не собирается стать писцом?

Стража моментально его узнала. Нет ни единого шанса незаметно пройти в свои покои и забрать то, что нужно. Эскорт из четырех стражников в расшитой золотом форме шагаррского полка подвел его к монументальной главной лестнице, ведущей в кабинет Великого герцога.

Великий герцог не поднял глаз, когда Рохарио переступил порог комнаты. Он подписал какой-то документ, отложил его в сторону и потянулся за следующим. Причем ни движением, ни голосом он не выдавал своих чувств.

— Вы можете идти, капитан. Ну что, Рохарио, ты великодушно решил вернуться. Эта женщина Грихальва с тобой?

— Нет.

Спокойный тон отца заставил Рохарио встревожиться.

— Однако ты знаешь, где она?

— Да.

— И где же?

— Я не могу сказать.

Только после этого Ренайо снизошел до того, чтобы поднять голову и взглянуть на сына. Казалось, Великий герцог совсем не сердится. А потом, совершенно неожиданно, он отрывисто рассмеялся.

— Эйха! Надеюсь, она того стоит и ты получил удовольствие, но ее следует вернуть семье.

— Она сама хозяйка своей судьбы, патро, не мне за нее решать.

На столе у Ренайо стояла ваза из Синны — ее бело-синие королевские цвета прекрасно сочетались с белыми ирисами. Великий герцог медленно поворачивал вазу, его лицо мрачнело,

а перед глазами Рохарио возникла иная сцена, нарисованная на белосинем фоне: человек с тяжелой ношей пересекает мост; на другой стороне изображен холм с двумя чахлыми деревцами.

— Это не игра, Рохарио. Грихальва гораздо важнее для нашей семьи, чем ты себе представляешь. Эдоард и юная Беатрис, судя по всему, очень счастливы. И если сейчас меня забавляют твои юношеские проделки, то это не может продолжаться слишком долго, уверяю тебя.

— Она не хочет возвращаться к своей семье.

— Значит, ты ее бросил? — Теперь голос Ренайо был жестким.

Впрочем, к своему великому удивлению, Рохарио обнаружил, что угрозы отца его больше не пугают.

— Нет. Я просто вернулся, чтобы взять перья и чернила.

— Перья?

— Да, я собираюсь стать писцом.

Ренайо ударил ладонью по столу с такой силой, что бумаги разлетелись в разные стороны, и поднялся во весь рост.

— Писцом?! — вскричал он.

Дверь отворилась.

— Ваша светлость? — Придворный осторожно заглянул в кабинет.

— Закрой дверь! Выйди отсюда! А ты, щенок, сядь!

— Нет, спасибо. Прошу меня извинить, но я должен уйти.

— Ты никуда не пойдешь! Сначала тебе придется объясниться!

— Мне нечего объяснять.

Как только Рохарио произнес эти слова, он почувствовал огромное облегчение, а в следующий миг на него нахлынула небывалая волна возбуждения, даже задрожали руки, но он усилием воли заставил себя успокоиться.

— Я больше не буду жить в Палассо.

— Ты не можешь...

— Я уже совершеннолетний.

— У тебя нет денег...

— У меня есть Мариссиайо и Коллара Ассаддо, два поместья, которые вы мне пожаловали, когда мне было двенадцать лет. Как только я... — Тут Рохарио запнулся.

«Как только я заработаю достаточно денег, чтобы нанять лошадь и совершить туда поездку, я устрою так, чтобы часть ренты шла на мое содержание... и на Элейну... на жизнь в приличном доме, где у нее будет просторная студия; а затем, может быть, наступит подходящий момент, чтобы спросить у нее, не хочет ли она стать... стать...»

Он не мог больше говорить — спазм сдавил горло.

Кабинет Великого герцога был обставлен массивной темной мебелью — под стать его серьезным государственным заботам. После того как Ренайо женился на Хоанне, комнату заново отделали в стиле Фризмарка: стены оштукатурили в светло-оранжевый цвет, поверх которого художник нанес легкий цветочный орнамент. Единственная комната во всем дворце, отделанная со вкусом, она совсем не подходила Великому герцогу.

— Мне кажется, ты не отдаешь себе отчета в собственных действиях. — Ренайо явно не знал, как реагировать на поведение сына.

«Я просто вырываюсь на свободу».

Но вслух Рохарио не решился это произнести.

— Я начинаю думать, что совсем не знаю тебя, Рохарио. Что бы на это сказала твоя мать?

Рохарио вздрогнул. Он прекрасно знал, что бы сказала его мать. Но теперь никто не помешает ему сделать важнейший в его жизни шаг. Он так решил.

— Знаете ли вы, — Рохарио говорил медленно, тщательно подбирая слова, — что многие простые люди в этом городе недовольны своей жизнью? Они возмущены тем, что ваши солдаты хватают певцов и печатников только за то, что они вслух высказывают свои мысли.

— За подлые выступления против меня. Я был бы глупцом, если б не пытался это прекратить, если б разрешил бунтовщикам — которые подобно стервятникам прибывают к нам из Гхийаса и Таглиса, — подстрекать народ Мейа-Суэрты к бунту. Впрочем, ты, наверное, не станешь возражать, если они штурмом захватят Паласс о. Может быть, ты считаешь, что нам следует вышвырнуть им Тимарру в качестве подачки, дабы они успокоились?

— Я ни разу не слышал разговоров о нападении на Паласс о! Они только хотят возродить Парламент, который будет иметь меньше власти, чем ваши советники...

— Чтобы вмешиваться в решение вопросов о налогах или выдвигать смехотворные петиции — так они представляют себе исполнение законов. Матра Дольча! Они хотят иметь право судить дворян и даже меня самого! Как я смогу управлять страной, если моя власть будет так ограничена? Мы, до'Веррада, сделали Тайра-Вирте богатой державой и дали народу возможность насладиться миром и спокойной жизнью. За одно десятилетие они уничтожат все своими дурацкими претензиями и бунтами.

— Вы не можете знать того, что произойдет. Парламент будет иметь только совещательный голос.

— А потом? — Ренайо внезапно направился к маленькому столику и налил себе чаю из серебряного чайника.

Все в этой комнате, кроме белых ирисов, принадлежало его новой жене. Ренайо одним глотком осушил чашку и с такой силой швырнул ее на стол, что она разбилась. Его лицо стало пунцовым от гнева.

— А потом — можешь не сомневаться — в Парламент проползут всякие мошенники и бандиты, люди, которые будут заботиться только о собственной выгоде. И они сожгут Паласс о и убьют всех мужчин, женщин и детей, которые окажутся внутри. Они уже проделали это в Гхийасе. Тебе нравится такая перспектива?

— Конечно, нет! Но большинство из этих разочарованных людей честные члены гильдий и купцы. Им, как и вам, есть что терять, если произойдет худшее.

— Эйха! Я вырастил безумца! — Ренайо вернулся к письменному столу, резко отодвинул в сторону глобус, в результате

чего перо упало на пол, и наклонился над столом, глядя в упор на Рохарио. — А теперь послушай меня, юноша. Молодые дворяне и раньше оказывались втянутыми в подобные волнения. Они думают, что это просто новое развлечение — вроде охоты. Все они — без исключения — плохо кончили. Вижу, ты ничем от них не отличаешься. Я умываю руки — пока ты не созреешь для того, чтобы попросить у меня прощения за свою глупость.

Рохарио неотрывно смотрел, как чернила стекают с пера на светлый ковер из Лийоне. Такой ковер стоил больше, чем годичная плата за комнаты в гостинице Гаспара, где остановились они с Элейной. Рохарио с трудом поднял глаза и посмотрел на отца.

— Я не могу этого сделать.

Великий герцог явно терял остатки терпения.

— Тогда я изгоняю тебя!

— Значит, я могу идти, ваша светлость?

— Выйди вон! Вон!

Рохарио неловко поклонился. Он был как натянутая струна, готовая зазвучать от легкого дуновения ветерка. Однако вышел из кабинета твердой походкой, и его голос не дрогнул, когда он сказал слугам, что сначала поднимется в свои покои.

Теперь это больше не его покои.

То, что отец разрешил ему просто уйти, поразило Рохарио. Может быть, Великая герцогиня Хоанна уже беременна и Ренайо более не нужен его второй сын. Он шел в сопровождении двоих слуг и двоих стражников. Появились личные слуги Рохарио, взволнованные и бледные.

— Дон Рохарио, как вы себя чувствуете? С вами все в порядке? Правда ли, что его светлость изгнал вас? Но ведь вы можете испросить прощения...

Рохарио еще не до конца пришел в себя и механически собирал письменные принадлежности. Потом порылся в коробке, где хранил свои главные сокровища. Взял картины кисти Кабрала Грихальвы — они удостоверяли его права на поместья. Аккуратно свернув их, Рохарио положил полотна в небольшой дорожный сундучок. Не удержался и добавил кое-что из одежды. Напоследок немного постоял перед «Рождением Коссимы», висевшей над каминной доской. Трудно расстаться с этим смеющимся ребенком, который каждое утро встречал его веселой улыбкой.

— Мне очень жаль, — сказал он своим слугам, — но я должен идти. Обратитесь к дону Эдоарду. Не сомневаюсь, что он вам поможет найти новое место.

— Эйха! Ничего не получится, дон Рохарио. Никто не одевается так элегантно, как вы. Вся моя работа пойдет прахом, если мне придется служить у олуха, который даже галстук не умеет завязать и не в состоянии отличить прекрасно скроенный костюм от модной дряни. Разрешите мне пойти с вами!

— Когда я смогу позволить себе иметь слуг, можешь быть уверен, я обязательно тебя найду, но боюсь, сейчас это невозможно.

Наконец Рохарио удалось от них отделаться. Он закинул свой сундучок на спину и пустился в долгий путь. Пройдя примерно половину длинного спуска, он остановился передохнуть — все-таки не привык носить такие тяжести.

— Амико! — Он помахал рукой молодому парню, который на тележке, запряженной пони, вез бочки с оливковым маслом. — Ты не довезешь меня до «Пшеничного снопа и серпа»? Я заплачу.

У юноши было круглое веселое лицо, на шее повязан сине-черный платок с серебряной окантовкой.

— Я знаю это место. Но мне не по пути. Сколько вы заплатите?

— Вот все, что у меня есть. — Рохарио достал последний марейас.

— Эйха! Вы мне нравитесь, хотя мне бы очень хотелось узнать, где вы взяли такую отличную одежду. Я отвезу вас бесплатно.

Рохарио поставил сундучок на тележку.

— Спасибо.

Выброшен из отцовского дома. Отрезан от всего, что напоминало ему о матери. Еще недавно он и подумать не мог о такой судьбе.

Свободен, чтобы выбрать свой собственный путь, — пусть неуверенно и неумело. И не одинок. Будущее вдруг перестало казаться мрачным.

72

Тридцать пять дней болтовни! Этого для Луиссы было вполне достаточно, чтобы свести с ума любого. Ее тихий, мягкий голос обладал удивительно раздражающей способностью проникать во все углы комнаты. Оставалось два дня до наступления Пенитенссии и шесть до бала Диа Фуэга. Пришло время действовать. Однако сейчас, в последний вечер, когда ледяной дождь стучал в окно, Аласаис вышивала наволочку для подушки, а Луисса читала ей последний роман Думаса, Сарио хотел только одного — оказаться где-нибудь подальше, где угодно, только не здесь, в этой маленькой комнатке на чердаке.

Луисса не страдала любопытством и не изучала помещение в отсутствие Сарио. Тем не менее он объяснил Аласаис, как следует себя вести; она станет охранять свои и его секреты. Он извинился и вышел.

На столе Оливиано валялось несколько листовок. Сарио заметил их, нахмурился, наклонился, заинтригованный, чтобы разглядеть повнимательнее. Кому-то пришла в голову интересная мысль их проиллюстрировать.

На рисунке, выполненном пером и чернилами, было изображено, как на границе города казнили через повешение главарей бунтовщиков. Семь мужчин, у которых конечности болтаются, будто у тряпичных кукол; восьмой все еще сражается за жизнь. Плачущие женщины. Старики со сжатыми кулаками. Дрожащий

от холода ребенок с худым, изможденным лицом, довольно выразительно представленный на переднем плане, кутается в рваную одежду. А солдаты из шагаррского полка, в теплых плащах, сытые, спокойные, бесстрастно наблюдают за происходящим.

Сарио узнал руку художника. Он досконально изучил ее картины и зарисовки за месяц, проведенный в Палассо Грихальва после возвращения из Гхийаса. Ему так и не удалось с ней поговорить, если не считать единственного раза, на площади перед собором, когда им помешала взбунтовавшаяся чернь.

Он положил одну листовку, взял другую. На этой был изображен Парламент, собравшийся в Палассо Юстиссиа.

Элейна Грихальва иллюстрирует подстрекательские листовки либертистов. Как такое могло произойти? Родители и дядя отправили ее в Чассериайо и решили, что она должна стать любовницей наследника.

На третьей картинке Сарио увидел семью оборванцев, умоляющих подать им хоть что-нибудь. Они стоят под огромным освещенным окном дворца, где проходит грандиозный пир. Слишком грубо и сентиментально — с точки зрения Сарио. Неужели Элейна думает, что если Парламент снова соберется, то бедняки, словно по мановению волшебной палочки, исчезнут? В большинстве его жизней Парламент действовал — в той или иной форме. Его запретили только... В чьем же теле он тогда был? А, вспомнил — во времена Эттоpo, когда Великим герцогом был Арриго II. Парламент заботился о своих членах, а его членами никогда — это Сарио знал наверняка — не становились простолюдины без гроша за душой. Нищие существовали и будут всегда существовать в мире, где за порядком следит Матра. Он не испытывал к ним никакой симпатии, хотя изможденное лицо голодного ребенка было прорисовано так умело, что даже в его сердце шевельнулось нечто похожее на сострадание. В соседней комнате послышались шаги и смех.

Сарио засунул листовки под книгу и распахнул дверь, ведущую в главное помещение лавки. Внутри собралось много посетителей, очевидно, покупали вино и пиво, готовились к наступающему празднику. Раньше священные праздники отмечались более торжественно. Теперь же у Сарио возникло ощущение, что они стали очередным поводом напиваться в течение четырех дней. Эйха!

Жена Оливиано и четверо их сыновей стояли за прилавком, занимались с покупателями; сам хозяин устроился за маленьким столиком и спорил о чем-то с молодым человеком — судя по перепачканным чернилами пальцам, новым служащим. Юноша показался Сарио знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел. За бесконечные годы лица людей перемешались в его памяти; нос, чуть приподнятая бровь, подбородок с ямочкой могли вызвать образ другого лица совсем из других времен — они сливались в единое целое, теряли свое первоначальное значение и превращались в очередной эскиз из далекого прошлого. Случайные встречи, «Договоры», любовницы, исторические события, великие перево-

роты становились размытой, незаконченной картиной, на которой лишь отдельные детали оказывались яркими и впечатляющими. Только его портрет Сааведры оставался для него таким же наполненным жизнью, как в те дни, когда он касался полотна кистью.

Дверь на улицу открылась, вошла женщина, волосы прикрыты вдовьей шалью, сбросила шаль на плечи, и Сарио увидел копну великолепных черных волос. Служащий поднял голову; они с женщиной обменялись многозначительными, как показалось Сарио, взглядами.

В следующее мгновение он ее узнал.

Элейна Грихальва! Не в теплых объятиях дона Эдоарда и не за надежными стенами Палассо Грихальва. О чем думают ее родители? Элейна, конечно, вдова, но она молода, привлекательна и — что важнее всего — обладает талантом, который он намеревался развить. Ей ни в коем случае нельзя позволять бродить по улицам Мейа-Суэрты.

Дверь снова открылась, внутрь ворвался запах сырости и звон колокольчика, оповещающего: «Комендантский час! Комендантский час!»

Посетители начали поспешно расходиться, приглушенными голосами жалуясь на комендантский час, установленный десять дней назад начальником городской стражи. Служащий получил деньги — зная Оливиано, Сарио был уверен, что тот заплатил меньше, чем стоила работа, — и поднялся. Они с Элейной Грихальва ушли вместе.

Сарио последовал за ними.

Он старался держаться в тени, как, впрочем, и они тоже. Сарио предполагал, что парочка переберется через сокало Гранде и отправится дальше, но они остановились возле Катедраль Имагос Брийантос. Было холодно, ни единый звук не нарушал тишину; дождь прекратился. Но комендантский час окутал мрачными тенями город, готовящийся к Пенитенссии.

Мужчина зажег фонарь. Моронно! Свет обязательно привлечет к ним внимание стражников.

И тут Сарио увидел, что делает Элейна Грихальва: она рисовала мелом на каменной стене собора, быстро и уверенно создавая огромную фреску. Великий герцог Ренайо, за спиной которого выстроился шагаррский полк, стоит, выставив перед собой меч и глядя на толпу бедняков, опустившихся на колени на холодный камень, а позади них молодой человек в костюме подмастерья размахивает знаменем либертистов.

Осквернить Катедраль! Это святотатство. Сарио восхищался наглостью Элейны. Поступок в его собственном стиле!

Мужчина, сопровождавший Элейну, погасил фонарь. Спрятавшись в тени колонн, Сарио наблюдал, как отряд стражи, освещая себе путь факелами, провел через площадь коней. Никто не встретился им на пути, и всадники исчезли в конце авенидо Шагарра.

Фонарь снова ожил, одинокий колокол пробил полночь; вскоре Элейна закончила работу, и они поспешили скрыть-

ся в одной из боковых улочек — только серые тени скользили по светлому камню домов.

Сарио, стараясь оставаться незамеченным, следовал за ними. Один раз им пришлось нырнуть в подворотню, потому что мимо проходил патруль, потом они встретили парочку бродяг, перекинулись с ними несколькими словами — прошелестело слово «Парламент»! — и без происшествий продолжали идти дальше своей дорогой. В конце концов Сарио удалось узнать, где они живут: оказалось, это ничем не примечательная гостиница, над которой висела вывеска с нарисованными на ней серпом и снопом пшеницы. Элейна и ее спутник исчезли за дверью.

«Элейна Грихальва и ее талант принадлежат мне. Я должен развивать и учить ее, сделать настоящим мастером. Только я — и больше никто — могу помочь ей расцвести».

Сарио не собирался отдавать ее какому-то простому писарю! Или поверхностному, сентиментальному искусству, отражающему политику либертистов! Разве можно допустить, чтобы талант растрачивался так бездарно?

Только он в состоянии обеспечить ей возможность занять достойное место среди великих художников рода Грихальва. И пусть у Элейны нет Дара, в душе у нее горит свет великого мастерства. Они все ошибаются, считая, что только Одаренный мужчина может стать великим живописцем.

Сарио видел немало примеров, подтверждающих его правоту. Конечно, с ним самим не сравнится никто, но за свои многочисленные жизни он узнал, воспитал и научился уважать художников из семейства Грихальва. Даже тех, у кого не было и намека на Дар, а всего лишь глаза, руки и стремление к славе. Даже среди иностранцев, знакомых ему только по работам, попадались такие, кто мог посоперничать с ним в таланте. Он должен все увидеть, осознать, понять, чтобы — когда придет время — создать настоящий шедевр, который превзойдет все остальные произведения. Сарио в очередной раз докажет всем, сколь велика сила Золотого Ключа.

Он вернулся в ателиерро на рассвете. Аласаис мирно спала. События прошедшей ночи пробудили в его памяти старые и неприятные воспоминания: каль веноммо, ядовитое перо.

Северин рисовал карикатуры на Арриго. Тому так и не удалось получить доказательства, но Сарио знал, кто их автор и что сделаны они с молчаливого согласия Лейлы. И к чему привело соперничество Тасии и Мечеллы? Ничего значительного не произошло — если не считать, что мечты и жизнь Рафейо были разрушены.

Сарио открыл сундучок, осторожно развернув, вынул свой череп и поместил на столе. Они уставились друг на друга, Сарио и череп, живые глаза встретились с пустыми, мертвыми глазницами. И тем не менее он не умер, настоящий Сарио жив — и так будет всегда. Его собственные глаза смотрят на него с Пейнтрадо Меморрио, его глаза и дюжина разных лиц. Он никогда

не мог запомнить, какому лицу принадлежит какое имя, но разве это имеет значение? Все они Сарио. Только Сарио важен.

И, естественно, Сааведра. Он сделал это ради нее и ради прославления искусства рода Грихальва. Вовсе не для себя.

Сарио опустился в кресло — старое, много раз побывавшее в починке кресло Алехандро, намочил кисть слюной и начал писать акварельный портрет Луиссы. Ее тонкие, изящные руки, держащие гирлянду из дикой герани, постепенно, по мере того как он наносил краски, распухали, пальцы становились шишковатыми. В течение следующих двух дней, пока им с Аласаис еще будет нужна ее помощь при подготовке к отъезду, Луисса лишь почувствует слабую боль в руках, которая несказанно ее удивит. Костная лихорадка — артрит, так ее теперь называют врачи, — разыграется чуть позже. Никто не должен заподозрить, что ухудшение ее здоровья каким-то образом связано с ним. Глаза Луиссы на портрете покрыла почти прозрачная белая пленка...

Нет. Он вспомнил Томаса. Нет никакой нужды ослеплять Луиссу. Он нарисовал крошечные трещины у нее на губах и небольшую опухоль на горле. Она должна онеметь. Сделали бы Вьехос Фратос нечто подобное с Томасом, и Сарио никогда не узнал бы того, что его интересовало. Муалимы допустили ошибку, когда, лишив Томаса глаз и рук, возомнили, будто не оставили ему ничего. Матра! Как давно это было! Он взглянул на череп. Очень давно, Томас уже давно превратился в прах.

Аласаис зашевелилась и мгновенно проснулась.

— Что ты делаешь? — совсем как ребенок спросила она.

Сарио никогда не мог предугадать, каким будет ее очередной вопрос.

— Защищаю тебя.

Он закончил портрет, нахмурился и стал его разглядывать.

Не лучшая из работ, но свою роль сыграет. Он отставил картину в сторону, сохнуть, а сам написал короткую записку.

Семье Грихальва.

Если вы хотите узнать, где находится одна из женщин вашего рода, загляните в гостиницу «Сноп пшеницы и серп». Ради защиты собственных интересов вам следует забрать ее оттуда как можно скорее, поскольку она связалась с либертистами. Взгляните на листовку. То, что она живет в самой обычной гостинице, ложится пятном на репутацию семьи.

Ради вашей собственной пользы я подпишусь так: Заинтересованный наблюдатель.

— Аласаис, когда придет маэсса Луисса, ты попросишь упаковать твои вещи.

Как только акварель высохла, Сарио убрал ее в сундук и закрыл крышку. После этого отнес записку вниз и велел Оливиано отправить посыльного в Палассо Грихальва.

Появилась Луисса. Услышав, что они уезжают через два дня, погрустнела, непривычно хриплым голосом пролепетала какие-то слова о том, как она сожалеет. Потом достала платья Аласаис, сшитые у разных портных, принялась показывать, как нужно в них держаться, как носить митенки, шаль, обмахиваться веером. Луисса аккуратно складывала вещи, время от времени напоминая Аласаис названия тканей, а также как следует одеваться. Она не жаловалась на боль в руках, но Сарио внимательно за ней наблюдал: она то и дело останавливалась, чтобы потереть костяшки пальцев. Знакомый с костной лихорадкой по личному опыту — ему довелось испытать ее в нескольких жизнях, — Сарио сразу узнал этот жест.

На второй вечер он щедро заплатил Луиссе, и она ушла, не стесняясь своих слез.

— Ты намерен ее убить? — совершенно равнодушно спросила Аласаис.

— С чего ты взяла? — удивился Сарио.

Он не говорил Аласаис ничего такого, что могло бы навести ее на эту мысль.

— Она ведь знает, что мы здесь были.

Сарио приподнял одну бровь.

— Ты мыслишь совсем как твой отец — когда речь идет о политике. А мне следует ее убить?

— Луисса была добра, но ведь нам она больше не нужна.

— Нам не нужна, верно. Однако Луисса — опальная гхийаска, как и ты сама, Аласаис. Разве ты не испытываешь к ней симпатии?

— А мне следует? — без малейшего намека на иронию спросила она.

— Да, следует. Твой долг быть доброй и сочувствовать другим людям. За это тебя станут любить. Великая герцогиня Мечелла, твоя родственница, просто мастерски пользовалась своим добрым сердцем, мягкими манерами и умением выслушивать других, добиваясь таким образом верности и привязанности окружающих. Было бы очень неплохо, если бы ты стала ей подражать.

— В таком случае тебе нужно оставить Луиссе жизнь.

— Это твое решение. А я должен оставить ее в живых, потому что смерть Луиссы вызовет подозрения, а если она вдруг заболеет, таких подозрений не возникнет. Нам пора спать. На рассвете мы отправляемся в Аргуэнью, где встретимся с твоими верными слугами.

И она заснула.

Утром Сарио открыл свой сундучок в последний раз, прежде чем повесить замок на дверь ателиерро с Пейнтраддо Меморрио. Он завернул череп в бархат, положил его внутрь, затем достал тяжелое золотое кольцо с печаткой гхийасского королевского рода, изображавшей лебедя, и передал его Аласаис.

— Оно твое. Король Иво приказал сделать его, когда тебе исполнилось четырнадцать. Это знак твоего права на имя Аласаис де Гхийас, наследницы трона, принадлежавшего твоему отцу.

Аласаис серьезно кивнула и надела кольцо на безымянный палец правой руки. Оно идеально ей подошло.

Потом Сарио запер дверь комнаты и провел Аласаис, закутанную в плащ, с накинутой на волосы и лицо шалью, на улицу. Изображение комнаты на чердаке и призрачного очертания женской фигуры он завернул в одеяло и отнес в тележку собственноручно.

Они ехали на север весь Диа Сола. Им и следовало путешествовать вдвоем в день одиночества.

Когда в полдень зазвонили колокола, оповещая о наступлении Диа Меморрио, Сарио и Аласаис добрались до Аргуэньи, а там с восклицаниями радости и восторга им навстречу поспешили два солдата — родные братья — и гхийасская служанка принцессы, со слезами упавшая к ногам Аласаис.

«Вот, — ядовито подумал Сарио, — живые воссоединились с мертвой».

Сарио рассказал слугам душераздирающую историю о страданиях, выпавших на долю Аласаис, когда она находилась в плену, поведал им, что она практически лишилась способности ясно мыслить после пережитого и что ей чудом удалось спастись. О том, как он узнал, что она жива, как торговался с мерзавцами, державшими ее в плену, спас принцессу и привез сюда, а теперь намеревается доставить в Палассо Веррада.

— Нельзя терять ни минуты, — с важным видом изрек он. — Разве не правильно будет, если принцесса Аласаис наконец обретет мир и безопасность в день, когда мы вспоминаем наших мертвых?

— А мы можем доверять до'Веррада? — с подозрением спросил старший из братьев.

— Эйха, приятель, ты не забыл, что мать самого Великого герцога Ренайо была гхийасской принцессой? Он и его сыновья имеют право на трон Гхийаса, а принцесса должна выйти замуж. По-моему, если ей удастся заполучить мужа, который отнесется к ней с сочувствием, будет совсем неплохо.

— Не знаю, что и подумать, — пробормотал старший из братьев, поглядывая на Золотой Ключ Сарио. Он колебался.

— Давай я скажу тебе все напрямую, приятель. — «Пожалуй, не совсем напрямую: выдать свой план было преждевременно». — Мне очень жаль девушку, можешь мне поверить. На моем месте любой чувствовал бы то же самое. Но особенно мне не нравится то чудовищное безобразие, которое эти мерзавцы, эти варвары учинили во Дворце Тысячи Свечей в Ауте-Гхийасе. Они сожгли картины Грихальва. — «Мои картины, хоть они из предыдущих жизней, поэтому их кровь мне не страшна, но все же!» — Ты, видимо, не представляешь себе, какое это невыносимое оскорбление для человека вроде меня! Мы, Грихальва, не признаем анархии. Я желаю возвращения мира и порядка. Корона Гхийаса валяется в грязи, в канаве. Неужели ты считаешь, что следует оставить ее там? Или, может быть, лучше окажем помощь тем, кто хочет вернуть ее законному владельцу?

Они покинули Аргуэнью на следующее утро в наемном экипаже, направляясь на юг в сторону Мейа-Суэрты. Это

был день Херба эй Ферро, травы и железа, когда призраки выходят на улицы. По правде говоря, никто не смог бы спланировать все так гениально.

Никто, кроме Сарио Грихальвы.

73

Рохарио подошел к гостинице Гаспара, чувствуя беспредельную усталость после многочасового составления и переписывания самых разных писем, и не обратил особого внимания на отряд стражников, расположившийся неподалеку от «Снопа пшеницы и серпа». Сигнал, оповещавший жителей города о наступлении комендантского часа, еще не прозвучал, но теперь вечерами, когда лавки закрывались, а люди спешили домой, стало происходить все больше и больше инцидентов. Великий герцог частенько посылал свои войска для наведения порядка.

Рохарио улыбнулся: он вспомнил, какое впечатление произвела картина Элейны на стене собора, когда ее обнаружили вчера на рассвете. Около дюжины гвардейцев все утро соскребали мел. Вокруг собралась огромная толпа — люди пели, наблюдая за их работой, и потешались. Несколько горячих голов из числа горожан пострадали от не менее горячих голов из числа стражников. Лишь своевременное появление Премиа Санкты предотвратило серьезное столкновение — увидев ее, все почтительно преклонили колени.

Рохарио опустил пониже голову, проходя мимо равнодушных гвардейцев, и быстро нырнул в проход, ведущий во двор гостиницы: слишком велик риск быть узнанным. Впереди он услышал громкие голоса — снова Гаспар спорит с каким-то посетителем.

Оказавшись во дворе, Рохарио удивленно заморгал. Повсюду горели факелы, окутав небольшую площадку густыми клубами дыма. Стража в зеленой форме с золотым шитьем шагаррского полка заполнила весь двор. Сердце отчаянно забилось в груди, когда Рохарио разглядел высокого худого человека, ругавшегося с Гаспаром. У этого человека, одетого в богатую, но тем не менее простую одежду, на шее висел Золотой Ключ.

Рохарио бросился вперед как раз в тот момент, когда двойные двери гостиницы распахнулись и трое мужчин — не гвардейцев, а слуг в ливрее дома Грихальва — выволокли наружу упирающуюся Элейну.

Она была в ярости. Бросив возмущенный взгляд на человека с Золотым Ключом, крикнула:

— Тио Гиаберто, как ты можешь участвовать в этом? Я не вернусь! — Элейна лягнула в голень одного из своих обидчиков. Выругавшись, тот ее отпустил.

— Элейна! — Дядя был в не меньшей ярости. — Даже если нам придется запереть тебя в комнате, ты все равно

вернешься в Палассо Грихальва и станешь делать то, что приказывают твои старшие родственники!

— Я вам не служанка! Я совершеннолетняя, вдова. И могу делать со своей жизнью все что пожелаю!

К этому моменту Рохарио удалось подобраться поближе к дяде Элейны и услышать не предназначенные для чужих ушей слова:

— Никто из рода Грихальва не может делать то, что пожелает. Ни ты, ни другие. Эстебан, Гонсальво, если понадобится, несите ее на руках. В случае необходимости я найму телегу. Думаю, не стоит напоминать, какое вас ждет наказание, если она не доберется до Палассо в целости и сохранности.

Двое слуг потащили за собой Элейну. Рохарио бросился вперед, проскочив между изумленными стражниками. Его не интересовали ни голова, ни грудь Гиаберто Грихальвы, лишь его руки. Схватив правую руку Гиаберто, Рохарио сильно отогнул назад средний и безымянный пальцы.

Гиаберто замер на месте.

— Остановитесь! — хрипло выкрикнул Рохарио стражникам, окружившим его. — Отпустите ее. Вы не имеете права насильно увозить Элейну.

— Мы имеем все права. Она Грихальва. — Гиаберто переменился в лице. — Эти гвардейцы находятся здесь по приказу вашего отца, дон Рохарио. Вы намерены воспротивиться его воле?

— Именно!

— Нет, Рохарио, — тяжело дыша, промолвила Элейна. — Их слишком много, нам не победить. Существуют другие способы...

Ее взволнованный голос так подействовал на Рохарио, что он отпустил руку Гиаберто. Тот мгновенно отступил назад, между ними встали охранники и прижали Рохарио к стене. Сквозь накатившую боль ему вдруг привиделось лицо подмастерья, напавшего на него во время беспорядков у собора. Нет, невозможно — ведь это те самые солдаты, что давали клятву защищать его.

— Элейна! — Ее потащили прочь из двора. А Рохарио не мог высвободиться из цепких рук стражника. — По крайней мере не запрещайте ей рисовать! — крикнул он им вслед.

Ее дядя вздрогнул от этого крика, но тут же решительно устремился вперед.

На другом конце двора мелькнуло бледное лицо Элейны, она смотрела на Рохарио. У нее был такой выразительный взгляд! Молодой человек попытался вырваться, броситься к ней — наверняка Элейна хотела ему что-то сказать. Однако стражник подтолкнул его к стене, и Рохарио прижался головой к серому камню.

А потом его отпустили. Гвардейцы зашагали к проходу, вышли на улицу. Элейны больше не было видно.

Он опустился на землю, одной рукой стал тереть голову, а другую прижал к груди. Брюки из тонкой ткани промокли: он сидел посреди лужи, образовавшейся после утреннего дождя, но ему не хотелось шевелиться.

— Маэссо Рохарио! С вами все в порядке? Вы можете встать? — Гаспар помог ему подняться на ноги, хотя Рохарио было совершенно все равно, сидит он или стоит. — Чирос! Ворвались в мой собственный дом! Утащили ни в чем не повинную женщину! Кто будет следующим?

Из гостиницы высыпали зеваки. Через окно в столовую Рохарио видел часть настенного рисунка Элейны, яркое пятно с белой кляксой в одном углу — она не успела закончить картину.

— Кого из нас они вот так же уволокут в следующий раз? Кто обеспечит наше право спокойно жить в собственных домах? Нанять художника, чтобы он расписал стену?

Постепенно слова Гаспара стали доходить до сознания Рохарио. Он поднял голову, хотя она ужасно болела.

— А разве не это должен сделать Парламент? — возвысил голос Рохарио. — Парламент, в который входят граждане страны? Парламент, уполномоченный охранять интересы жителей Мейа-Суэрты от деспотизма Великого герцога? Любая влиятельная и знатная семья может обратиться к нему за помощью. А как насчет тебя, маэссо? Ты пойдешь к Ренайо просить о защите, если тебя кто-нибудь несправедливо обидит? Если налоги станут чрезмерно высокими? Кто поможет тебе, если в твое заведение придут гвардейцы? Кто поможет тебе? Эйха! — Боль пульсировала в висках, и он прикрыл глаза рукой, чтобы скрыть слезы.

— Пойдем, друг, — сказал Гаспар, — тебе нужно лечь.

Но и оказавшись в своей комнате, окутанной ночными тенями, на мягкой постели, Рохарио никак не мог успокоиться.

— Пошлите сообщение маэссо Асеме, — попросил он Гаспара. — Мне нужно с ним поговорить.

Гаспар колебался некоторое время, прежде чем сказать:

— Вы ведь не простой человек, верно? Я слышал, как иллюстратор назвал вас доном Рохарио.

— Разве имеет значение, кто я такой? Матра эй Фильхо! Давайте не будем подозревать во всех грехах наших союзников, чтобы они не превратились во врагов.

— Конечно, это имеет значение, — ответил Гаспар. — Если вы и в самом деле сын Великого герцога, тогда именно вы сможете стать во главе движения либертистов.

Даже думать об этом Рохарио был не в состоянии. У него невыносимо болела голова.

— На самом деле я им буду нужен в качестве номинального главы движения, для важности. Вот что от меня потребуется.

— Я думаю, это зависит от силы вашего характера. — Гаспар улыбнулся ему с искренней симпатией. — Отдыхайте. Мы еще успеем поговорить — позже.

Той ночью кто-то поджег Палассо Юстиссиа на сокало Грандо. Из окна Рохарио видел зарево от полыхающего здания всякий раз, как только просыпался. Спал он очень беспокой-

но. К рассвету пожар стих, но дым и низкие облака висели над Мейа-Суэртой весь день, словно отражая тревожное настроение, царившее в гостинице, на улицах, в целом городе.

74

На рассвете она мерила шагами свою камеру, отмечая про себя, что на диване лежит превосходное шелковое покрывало из Синны, стол и стул сработаны в Нипали, а единственная в комнате картина — весьма примечательный портрет еще совсем молодой Великой герцогини Мечеллы, председательствующей на празднестве Астравенты. Одна рука Мечеллы лежит на взъерошенной голове ее младшего сына Ренайо, а в другой она держит зеркало, в котором отражается звезда. Однако прекрасная работа кисти Кабрала была обречена висеть в задней комнате в результате запрета екклезии изображать вместе мать и сына, за исключением Матры эй Фильхо. И все же, если бы Кабрал имел Дар, подумала она, Грихальва не стали бы прятать такое чудесное произведение.

Вне всякого сомнения, Кабрал самый талантливый из всех живущих сейчас живописцев Грихальва. Элейна продолжала шагать из угла в угол. Может быть, не лучше молодого итинераррио Сарио, который приехал и уехал до того, как она успела с ним познакомиться. Элейна смутно помнила его по урокам в герцогской Галиерре десять лет назад: тогда он ничем не выделялся, но среди мальчиков, имеющих Дар, известны случаи, когда их гений проявлялся в более зрелом возрасте. Рисунки Сарио, сделанные им во время службы итинераррио, производили впечатление. Она была уверена, что этот человек способен понять, к чему она стремится.

Увы, Сарио Грихальва решил возобновить службу в качестве итинераррио. Андрео был слишком глуп и не сумел его удержать. Идиоты! Они не видят истинного искусства, даже когда оно оказывается у них под самым носом!

Эйха! Размышлять об этом бессмысленно.

Элейна продолжала расхаживать взад и вперед. Четырнадцать шагов на девять — такова была комната на третьем этаже, скрытая в лабиринте коридоров самой старой части здания. Диван, стол и стул, кровать и умывальник; вся мебель выполнена лучшими мастерами, но от этого тюрьма не перестает быть тюрьмой. Во всяком случае, она имеет возможность изучать полотно Кабрала. Граццо Матра — в камере есть окна! Днем здесь будет достаточно света, чтобы рисовать. Если они дадут ей бумагу и краски.

Как они намерены с ней поступить?

Фелиппо.

Что, если они снова собираются нарисовать ее портрет-покорность? Есть немало мужчин, которым нужна жена. Множество семей, разбогатевших за последние годы в Тайра-Вирте,

почтут за честь ввести в свой дом невесту Грихальва, даже если она и бесплодна. К тому же ее сестра — любовница наследника.

Охваченная ужасом, Элейна принялась шарить в кармане своей юбки. Со вздохом облегчения нашла бумагу, карандаш и мел. Когда Гиаберто появился в гостинице, она не догадалась прихватить что-нибудь еще. Разгладив бумагу, стала торопливо писать, время от времени поглядывая на дверь. Каждый скрип половицы или далекие шаги заставляли ее вздрагивать. Скоро за ней придут.

Я Элейна Грихальва. Я художник. Я пишу сейчас эти слова, чтобы напомнить себе о том, кто я такая. Я Элейна Грихальва. Я художник. Я буду рисовать. Это дар, который я получила от Матры при рождении. В нем заключена моя жизнь. Можно верить Агустину, Беатрис и грандтио Кабралу, но больше никому. И еще Рохарио до'Веррада.

От последних слов Элейна покраснела. В комнате почему-то стало теплее, хотя камин не был растоплен. Кусая губы, она добавила мелкими буквами еще одну фразу:

«Мне кажется, я люблю Рохарио до'Веррада».

Она положила карандаш и закрыла лицо руками. Охватившие ее чувства оказались для нее такими же ошеломляющими, как если бы она вдруг обнаружила, что ее заколдовали. Все эти недели, проведенные с ним вместе в гостинице, — Матра эй Фильхо, — она ведь была счастлива. Но почувствовала это только сейчас. Что же заставило ее это понять? Перед глазами возникла фигура Рохарио, наполовину скрытая за дымом факелов. В ушах прозвучали вырвавшиеся из глубины его души слова: «По крайней мере не запрещайте ей рисовать».

Элейна замерла, услышав приближающиеся шаги. Кто-то вставил ключ в замочную скважину; она тотчас сложила бумагу и сунула ее в карман. Дверь открылась, чтобы впустить Гиаберто и ее мать.

— Зачем я вам нужна сейчас? — дерзко спросила Элейна.

— Ты! Подумать только — мой первый ребенок превратился в змею, жалящую грудь, которая его вскормила! — Дионисa энергично вышагивала от окна к двери и обратно, не в силах устоять на месте. На ней было голубое платье — цвета дома до'Веррада теперь ей положены как матери любовницы наследника. — Ты принесла позор в Палассо Грихальва. Жить с мужчиной в гостинице для простолюдинов! У тебя нет стыда!

Элейна не сочла нужным отвечать.

— Великий герцог в ярости. В ярости! Он обвиняет тебя в том, что ты соблазнила его сына и вынудила покинуть Чассериайо. Почему ты не сделала так, как тебе было велено, и не стала любовницей Эдоарда? Дура! Ты могла бы получить все, чего только пожелаешь, но отказалась от милостей до'Веррада лишь ради того, чтобы насолить своей семье! Теперь будущее твоей сестры разрушено...

— Ты сильно преувеличиваешь, мама. Насколько я помню, грандтиа Тасия очень удачно вышла замуж после того, как женился Арриго.

— Ты не смеешь произносить ее имя в моем присутствии. Мерзавка!

— Дионисa! — Гиаберто сохранял молчание во время патетических речей, тщательно массируя правую руку. — Твоя дочь упряма, это ее главный недостаток.

— Бассда, Берто! Великий герцог в ярости. Андрео уверен, что Ревирдин и я выставили Грихальва в дурацком свете, и он, несомненно, выплеснет на нас, в том или ином виде, свое раздражение. Агустин заболел...

Элейна ахнула.

— Что случилось с Агустином?

— Знай, Элейна, больше я не дам тебе развращать его. Ты останешься в этой комнате до тех пор, пока мы не решим, что с тобой делать. Пошли, Берто.

Дионисa бросила на Элейну последний строгий взгляд и удалилась. Гиаберто медленно поплелся за ней — казалось, он хотел что-то сказать, но потом передумал и, не произнеся ни слова, закрыл за собой дверь. Ключ повернулся в замке. Элейна подошла к окну, но сквозь решетку видела только кусочек сада и ряд дубовых бочек для сбора дождевой воды. Сжимая пальцами холодные прутья, она в смятении размышляла о будущем.

Первоклассное исполнение. Портрет, нарисованный кровью, слезами или семенем иллюстратора. Есть ли у нее хоть какая-то защита от их колдовства? Она будет передвигать всю мебель в комнате каждый день, нет, дважды в день. Переверпет наизнанку покрывало. Отходя ко сну, переложит подушку в ноги. Переберется на диван. Однако из намеков Агустина и секретов, которые ей шептала Лейла, Элейна сделала вывод, что магия внушения не так очевидна. Неужели невозможно спастись от проникновения в ее сознание новых мыслей, совсем иных предпочтений? Неужели нет защиты от влияния иллюстраторов? Элейна погрустнела.

Агустин никогда не сделает ничего подобного. И Северин, которого так любила Лейла, так бы не поступил, и оба покойных сына Лейлы, обладавшие Даром, тоже. Кабрал, будь у него Дар, не согласился бы на такое насилие. Но остальные — эйха! Элейна уже знала, на что они способны.

Над городом повисла пелена дыма, к вечеру его разогнал ветер, прилетевший с дальних болот. Днем слуга принес еду, а потом еще раз — ближе к вечеру. Элейна ходила по комнате, листала оставленную на столе Святую Книгу и рисовала на записке, которую адресовала самой себе, крошечные портреты Рохарио. Зазвонил вечерний колокол. Когда его последние отзвуки смолкли, Элейна услышала шорох легких шагов и скрип ключа в замке. Донесся запах чая из манзанилльи и свежего хлеба — и она успокоилась. Это всего лишь слуга с ужином.

Однако пришел не только слуга.

— Агустин! — Элейна вскочила и взяла из его рук поднос.

За последние недели юноша заметно вырос, но лицо его по-прежнему было бледным. Слуга, оставшийся в коридоре, запер дверь на ключ, и Агустин поморщился.

— Ты болен? — Элейна поставила поднос на стол и обняла брата, продолжая его пристально разглядывать.

Он весело улыбнулся.

— Ничего серьезного. Просто у меня слабые легкие. Рано или поздно они меня прикончат — или это сделает Дар. Какая разница?

— Агустин!

Да, он заметно повзрослел.

— Я ничего не могу с этим поделать. Гораздо важнее, что за последние недели я узнал так много нового! — И он стал рассказывать: заклинание внушения, пергамент с кровью, благодаря которому он сумел подслушать то, о чем говорилось на совете иллюстраторов, использование крови и слез для создания картин с заклинаниями.

— Эйха, юный мастер! Я вижу, ты с гордостью несешь свой Дар. А ты можешь защитить меня от заклинания внушения?

Агустин присел на диван.

— Я болтаю, а тебе нужно есть. Тут холодный суп с луком и помидорами. Цыпленок с шафраном, рисом и горошком. Хлеб. Фруктовое пирожное. Все, что ты любишь больше всего. Я попросил повариху приготовить твои любимые блюда.

Элейна рассмеялась, но села за стол. И в самом деле все очень соблазнительно благоухало.

— Ты не голоден?

— Нет, совсем нет. Я съел остатки заварного крема.

Суп, как всегда, был отменным.

— Ты не ответил на мой вопрос, Агустин.

— Не знаю, — серьезно сказал он. — Фолио заперто, но мне дали ключ. Он из бронзы, а форма у него та же, что и у Золотого Ключа настоящих иллюстраторов, — меня приняли в ученики. Загляну туда, может, мне и удастся что-нибудь отыскать.

— Не делай ничего, что навлечет на тебя опасность!

— Дамиано двадцать четыре года, а он уже Вьехо Фрато. Я — единственный ученик. Я им нужен.

— У них наверняка есть способы контролировать тебя точно так же, как и других членов семьи, не имеющих Дара, — с горечью промолвила Элейна.

Агустин нахмурился, покусывая ноготь.

— Твои руки!

— Эйха. — Он вытащил палец изо рта и смущенно улыбнулся сестре. — Дурная привычка. Через несколько лет я нарисую мой Пейнтраддо Чиеву, после получения статуса мастера иллюстратора. Со всеми... эйха! Ведь ты ничего не знаешь. Я напишу эту картину красками, смешанными с моей кровью. Краски с кровью — самое сильное сочетание для заклинаний. И если на картине есть кровь, Вьехос Фратос смогут использовать ее, чтобы заставить меня подчиняться своим решениям.

Элейна отодвинула цыпленка в сторону, охваченная мрачными предчувствиями.

— Значит, если твоя кровь смешана с красками, которыми нарисована картина, то достаточно нанести ей вред или вовсе уничтожить, чтобы тебе стало плохо, или...

— Совершенно верно.

— Грихальва всегда управляли членами своего клана, не так ли? Ни один обладающий Даром юноша из рода Грихальва не может жить ради собственного удовольствия. Все должны служить интересам семьи. Значит, ты находишься в их власти. И если ты не сделаешь того, что они хотят, тебя уничтожат.

Агустин взял мелок, который она оставила на столе, и начал перекатывать между пальцами, словно эти движения отражали направление его мыслей.

— Сегодня утром я прочитал кое-какие старинные документы времен герцога Бальтрана. Тогда род Серрано еще сохранял пост Верховного иллюстратора. Они обвинили Грихальва в использовании черной магии. И тебе известно, что произошло после нерро лингвы. Если б мы не защищались, семья могла бы разориться, а многие были бы приговорены к смерти.

— Эйха, Агустин. Ты, несомненно, прав. Это эффективное средство для контроля над людьми, способными использовать свою власть во вред другим. Но тебе, обладающему Даром, легче смириться с таким положением вещей, чем тому, кто Дара лишен. Я могу лишь быть его жертвой — кому такое понравится?

— Ешь свой завтрак. Неужели наша повариха зря старалась.

— Ты становишься взрослым, братишка.

Элейна закончила завтракать.

Теперь она стала относиться к еде с большим уважением — особенно после того, как ей пришлось нарисовать множество голодных лиц. К тому же она всегда любила старую повариху, та в любой момент была готова побаловать младших представителей семьи Грихальва чем-нибудь вкусненьким. Фруктовое пирожное с абрикосами и мускатным орехом оказалось непревзойденным.

— Завтра, — сказал Агустин, — я принесу тебе свои новые рисунки.

Из коридора донесся приглушенный крик.

— Матра Дольча! — Агустин настороженно выпрямился на стуле.

Дверь открылась. Появилась Дионисa, сжимавшая в левой руке какие-то бумаги.

— Агустин, отправляйся в свою комнату!

Он спокойно посмотрел на нее.

— Нет, мама. Я буду навещать Элейну сколько захочу. Я имею право — я ведь ее брат.

— Агустин! Как ты смеешь мне перечить?!

Только руки, зажатые между коленями, выдавали нервное напряжение юноши. Элейна ждала взрыва, однако Дионисa ее удивила, смирившись с неповиновением сына. Она обрушила весь свой гнев на Элейну.

— Гиаберто сказал мне, что ты — ты! — поддерживала предателей-либертистов. — Она размахивала бумагами, в которых Элейна узнала свои рисунки. — Неужели это правда?

— Ты не в состоянии сама узнать мои рисунки и попросила помощи у Гиаберто? — Гнев матери задел Элейну гораздо меньше, чем осознание того факта, что Диониса даже не узнает ее руки, — так мало она интересуется живописью дочери.

— Прошлой ночью твои любимые либертисты сожгли западное крыло Палассо Юстиссиа! И мы нашли эти... это... эту собачью блевотину. Рисунки распространяли на улицах, и каждый мог узнать работу Грихальва! Если б у тебя оставалась хоть капля стыда, ты испытала бы угрызения совести.

— Я использую свой дар, как считаю нужным.

Диониса порвала рисунки на мелкие кусочки, и они, словно конфетти, усыпали пол.

— Эйха! Ты еще недолго будешь идти против моей воли, женщина! К тебе пришел посетитель. Если б я могла, то не допустила бы его, но Андрео и Никойо думают иначе. Приятно слышать, что отец вышвырнул его из Палассо, но трудно поверить, что Великий герцог окончательно отказался от сына, поэтому он будет возмущен, если с ним обойдутся без должного уважения. Я умываю руки. Змея! Ты разрушила все мои планы!

Элейна вскочила на ноги с такой скоростью, что опрокинула чашку с остатками чая. В комнату в сопровождении Гиаберто вошел Рохарио, а еще — Матра! — сам Верховный иллюстратор Андрео.

Рохарио был тщательно одет, но она заметила, что на локтях его костюм слегка протерся. Рядом с его строгой и элегантной одеждой богатый сюртук и жилет Андрео выглядели безвкусно. И тут Элейна поняла, что ни на одном из маленьких портретов Рохарио, нарисованных сегодня, ей не удалось его правильно изобразить: то рот получался слишком тонким, то глаза недостаточно темными, то брови слишком выгнутыми, а руки слишком вялыми и без пера.

Его взгляд сразу остановился на лице Элейны. Эйха! Теперь, когда ее собственные глаза открылись, ей все стало ясно. Он ее любит. Как она могла не замечать этого раньше?

— Учитывая все случившееся, — без всяких предисловий начал Андрео, — Совет неодобрительно относится к данной встрече, но мы согласились на короткое свидание.

Элейна попыталась заговорить, хотя бы произнести его имя, но не смогла. Вместо этого, под пристальными взглядами матери и Верховного иллюстратора, она пересекла комнату и протянула Рохарио обе руки. Он нетерпеливо сжал их. Его кожа была горячей, словно в лихорадке.

— Вы не можете держать ее взаперти. — Рохарио с трудом оторвал взгляд от Элейны и посмотрел на Андрео.

— Она Грихальва. Так решил Совет, — жестко ответил Андрео.

— Мы с Элейной обручены. — Рохарио отпустил одну ее руку и встал рядом с девушкой.

Элейна слегка покачнулась, пораженная услышанным. Она едва держалась на ногах.

— Это невозможно! — вскричала Дионисa.

— Великий герцог Ренайо никогда не даст согласия на брак, дети правителя не могут жениться без его одобрения, — вмешался Гиаберто.

— Совет запретит подобный брак, — сказал Андрео. — Женщинам из рода Грихальва не положено выходить замуж за до'Веррада, они могут лишь быть любовницами.

Агустин стоял разинув рот, его глаза сияли.

«Я вообще не могу выйти замуж», — подумала Элейна, но один быстрый взгляд Рохарио, явно опасавшегося ее опрометчивого высказывания, заставил Элейну придержать язык.

— Я владею двумя поместьями, — продолжал Рохарио. — Они приносят вполне приличный доход. Мы оба достигли совершеннолетия, и оба согласны заключить брак.

— Вы не понимаете, дон Рохарио! — заявил помрачневший Андрео. — Очень многое в отношениях между до'Веррада и Грихальва остается скрытым от посторонних глаз. Если ваш отец даст согласие, я не буду возражать, но он не сможет этого сделать. Идите и спросите у него, потому что я не имею права посвящать вас в наши тайны без его ведома.

Великие герцоги не женятся на художниках, чья кровь навсегда осквернена из-за чи'патрос. Но какая участь ждет самих Великих герцогов, если станет известно, что они использовали волшебство — запрещенное волшебство Грихальва — для обретения богатства и власти? И Грихальва, и до'Веррада сделают все, чтобы правда не открылась.

— Это вы не понимаете, — возразил Рохарио, и лицо его внезапно стало дерзким и упрямым. Элейна никогда не видела его таким. — Возможно, сейчас я не пользуюсь расположением Великого герцога, но я все еще его сын и брат следующего Великого герцога. Я — до'Веррада, потомок герцогини Хесминии, которой Грихальва обязаны жизнью! — Он снова перевел взгляд на Элейну. — Я освобожу тебя из этого дома, — пообещал он ей.

— Ты понял, что в моем сердце, — сказала она, не заботясь о том, что ее слышат остальные: возможно, она последний раз говорит с Рохарио, когда ее воля еще принадлежит ей. Она поцеловала его в щеку, и он отчаянно покраснел. — Ты должен помнить об этом, как бы я ни вела себя при нашей следующей встрече.

— Как ты можешь во мне сомневаться? — смущенно прошептал Рохарио, и счастливая улыбка озарила его лицо. Он поцеловал Элейну в лоб и отпустил ее. — Я вернусь, — сказал он Андрео.

Когда Рохарио собрался покинуть комнату, Андрео сказал:

— Будьте осторожны, дон Рохарио. Я слышал, улицы небезопасны для людей, преданных Великому герцогу Ренайо.

— Мне не грозит опасность. — Рохарио поцеловал Элейне руку и, с усилием оторвав от нее взгляд, вышел в сопровождении Гиаберто.

Диониса подошла к Элейне и ударила ее по лицу.

— Мама! — Агустин вскочил на ноги.

Элейна повернулась к матери спиной, сделала несколько шагов и села на стул.

— Вам больше не удастся причинить мне боль.

— Элейна! — Теперь заговорил Андрео. Его голос был холоден и суров. — Неужели я должен тебе объяснять, почему запрещены браки между до'Веррада и Грихальва?

Она спокойно посмотрела ему в глаза.

— Я хорошо понимаю почему, Верховный иллюстратор. Вы напрасно надеетесь на то, что сможете хранить свои секреты вечно. Если жалобы народа никто не услышит, не сомневайтесь, Великого герцога Тайра-Вирте постигнет участь королей Таглиса и Гхийаса?

Диониса ахнула.

Андрео побледнел.

— Не пытайся изменить естественный порядок вещей, ниниа мейа. Мы всегда работали ради поддержания мира.

— И ради выгоды Грихальва.

— Почему мы не должны себя защищать? Почему не должны помогать до'Веррада, которые протянули нам руку в тот момент, когда мы сами нуждались в поддержке? Почему именно нас Благословенная Матра наделила Даром?

Элейна медленно встала. Огонь так ярко полыхал в ее сердце, что, не заговори она сейчас, он сжег бы ее. И хотя Андрео был на голову выше ее, Элейна больше не смотрела на него снизу вверх.

— Это не Дар, а проклятие! Сколько лет проживет Агустин? Мой красивый брат, обреченный умереть молодым! Как быстро умрете вы все, вы, считающие себя благословенными, и какие страдания вам суждено испытать перед смертью? Вот почему вам необходимо восхвалять свой Дар, считать себя лучше других, хотя ни одному из вас, ныне живущих, так и не удалось создать хоть что-нибудь столь же прекрасное, как полотна Кабрала.

Она подняла руку, показывая на портрет Мечеллы и юного Ренайо, одетого, как взрослый мужчина: широкополая фетровая шляпа, камзол из серебристой материи и туфли с золотыми пряжками. Он и его мать были написаны с такой любовью!

— Посмотрите на эту картину и скажите, что я лгу! Вы обратили проклятие на себя и теперь вымираете. Мальчиков рождается все меньше. Дар слабеет. И что у вас остается? Вы предали тех из нас — Кабрала, меня и множество других, — кто тоже владеет Луса до'Орро, только потому, что у нас нет вашего благословения. Но именно мы, когда ваш Дар покинет вас, а до'Веррада потеряют власть или более не захотят брать в любовницы женщин Грихальва, — именно мы позаботимся о сохранении богатств Грихальва, собранных при помощи вашего Дара. Вы должны дорожить нами, а вам это даже в голову не приходит. Вот что станет причиной вашего падения.

— Я не намерен тебя слушать, — заявил Андрео, но, судя по выражению, промелькнувшему в его в глазах, слова

Элейны произвели на него глубокое впечатление. — Пойдем, Дионисa.

Дионисa покорно последовала за ним.

После того как они ушли, наступило молчание.

— Мне очень жаль, Агустин, — наконец сказала Элейна.

Он мягко улыбнулся.

— Не надо ни о чем жалеть, Элейна. Ты всегда обладала даром рисовать мир правдиво. Тебе не следует останавливаться теперь. — Он встал, положил бледную руку ей на плечо и прошептал на ухо: — Я вернусь и принесу кое-какие флаконы. Чтобы защитить тебя, если смогу. Ты знаешь, что мы должны сделать. Если, конечно, ты мне веришь.

Отдать ему кровь и слезы. И оказаться во власти, которую имеют его кровь и его руки. Элейна пристально посмотрела ему в глаза: ее маленький Агустин, за которым она ухаживала, когда он кашлял; многочисленные болезни превратили его в очень хрупкий инструмент судьбы. Однако за детской внешностью скрывался мужчина.

— Конечно, я тебе верю. Я дам все, что потребуется.

Послышался стук в дверь.

— Агустин!

Элейне ужасно не хотелось, чтобы он уходил.

— А что, если они не разрешат тебе навещать меня? — спросила она.

Они нарисуют ее покорность, но покорность — чему? Она содрогнулась.

Агустин поцеловал ее в щеку.

— Мы можем поступить так же, как в Чассериайо. Они не помешают нам общаться. Я тебе обещаю.

Дверь за ним захлопнулась, и ключ повернулся в замке.

На следующий день ей принесли бумагу, ручку и мел, но красок не дали. Пришли Святые Дни, и она в одиночестве ждала, пока закончится Диа Сола. Элейна рисовала ушедших, тех, кого она потеряла. Лейлу, своего друга и кузена Аллерио, Фелиппо, мертворожденного ребенка, младших близнецов — своих братьев, Северина, сыновей Лейлы. Все они умерли, но она их помнила. А вечером — наконец-то — к ней вместе со слугой, приносящим ужин, пришел Агустин. Он был бледен и сердит.

— Они запретили тебе навещать меня, — угадала она.

— Это сделал сам Андрео. — Агустин кивнул слуге, тот оставил поднос с ужином на столе и вышел в коридор, чтобы стеречь их, хотя и закрыл за собой дверь на ключ. — Я ненавижу их! Ненавижу за то, что они пытаются управлять мною!

— Мы нарисуем это, — она показала на угол комнаты, — и ты будешь посылать мне письма.

— Но ты не сможешь отвечать мне, если только не воспользуешься помощью слуг.

Она покачала головой.

— Это слишком рискованно.

Элейна стала шагать из одного конца комнаты в другой, это помогало ей думать.

— Ты в состоянии сделать так, чтобы на моем столе возникло письмо. Ты можешь слушать через рисунок. Тогда почему, — она нахмурилась, глядя на прекрасную картину Кабрала: Великая герцогиня Мечелла стояла перед рассыпанными у ее ног белыми ирисами, символизирующими Любовь, — почему я не могу говорить с тобой через написанную кровью картину, если у каждого из нас будет по совершенно одинаковому рисунку?

— В Фолио об этом ничего не сказано.

— А может быть, Фолио знает не про все на свете! — воскликнула Элейна, теряя терпение. — Эйха! Неужели все, кто обладает Даром, такие твердолобые? — Она вскинула вверх руки. — Ты можешь меня слышать через одну волшебную картину. А как насчет двух?

Агустин обдумывал слова сестры: он округлил глаза и начал покусывать пальцы, но вдруг спохватился, опустил голову.

— Две волшебные картины, в двух местах, соединенные друг с другом. Мне нужно подумать, Элейнита. — Затем он не выдержал и рассмеялся. — Это тебе следовало иметь Дар. Ты бы моментально стала Премиа Сорейа.

Слуга просунул в дверь голову.

— Мастер Агустин, я больше не могу ждать...

— Да, — нетерпеливо отозвался юноша.

Он быстро поцеловал Элейну и убежал, полностью захваченный мыслями о новом эксперименте.

Элейна села за стол и подробно нарисовала все четыре угла своей комнаты.

На следующий день наступил Херба эй Ферро. Снова появился Агустин — на этот раз он принес незаконченный портрет Элейны, сделанный акварельными красками, — и снова слуга остался на страже у двери.

— Я принес ланцет, — сказал Агустин, — и флаконы, в которые нужно собрать твою кровь, слезы и слюну. Ты доверишься мне?

— Конечно! — Она незаметно протянула ему четыре лучших рисунка своей комнаты. — Вот что я успела сделать.

Августин прикусил палец. На нем сегодня был серый строгий сюртук и жилет с черной окантовкой, подходящий для Пенитенсии. Сама Элейна была в платье с высокой талией, которое привезла с собой, а ее служанка пришила к нему черные ленточки.

— О чем ты думаешь? — встревоженно спросила Элейна, глядя на Агустина.

Он немного замялся, а потом подошел к мольберту, где стоял ее портрет.

— Ты самая одаренная из всех нас, Элейна, но никто не пробовал испытать тебя.

— Я женщина, а значит, не могу иметь Дар.

— Почему ты так в этом уверена? — В его глазах появилось странное выражение, как будто перед Элейной стоял

иной, пугающе незнакомый Агустин. Неужели он стал бы таким, если б не его слабое здоровье? — Ты должна попробовать!

Матра эй Фильхо! Разве тот факт, что все лучшие художники Грихальва обладают Даром, не является истинным? Почему бы и нет? Она затаила дыхание. Если бы...

— Разреши мне попробовать, — взмолился он.

В ответ Элейна стерла со щеки набежавшую слезу и молча кивнула.

Агустин нагрел ланцет в пламени свечи. Элейна не стала закрывать глаза, а смотрела, как он делает надрез у нее на руке. Лезвие обжигало, но кровь потекла, словно что-то обещая. Кистью Агустин нанес ее свежую кровь на плечо портрета, а потом сильно нажал лезвием, продавив краску до самой бумаги.

Вскрикнул от боли, прижав руку к своему плечу. Когда он отнял руку, по плечу, под рубашкой стекала тонкая струйка крови.

Но Элейна не почувствовала ничего. Она медленно опустилась в кресло. Брызнули обжигающие слезы. У нее нет Дара!

— Проклятие! — выругался Агустин.

Она подняла глаза и увидела, что он плачет. Не от боли. Именно в этот момент Элейна перестала надеяться на то, что она обладает Даром. Более того — он ей и не нужен. У нее есть Луса, и она последует за ней.

Кончилось тем, что теперь она утешала Агустина.

Утро Диа Фуэга выдалось тихим и зловещим. В комнату Элейны проникал запах дыма. Дионисса вошла вместе со слугой, тот принес свежие булочки и чай.

Как обычно, мать не скрывала раздражения.

— Кабрал хочет тебя навестить.

— Присядь, мама! Неужели ты не устаешь от бесконечной ходьбы взад и вперед?

— Кто бы мог подумать, что у меня будет такая дочь! — Но тут в комнату вошел Кабрал, и она замолчала. — Кабрал! Беатрис!

Беатрис в безукоризненном утреннем пеньюаре из белого батиста, с орнаментом из золотых солнц ворвалась в комнату, будто сверкающий луч света, будто согревающее пламя.

— Мама, ты сегодня особенно красива, как, впрочем, и всегда. Если бы у меня была такая же талия, но увы... — Она поцеловала мать и повернулась к Элейне. — Эйха, Элейна! Ты просто ужасно выглядишь. Это никуда не годится. Ты пойдешь со мной. Мы немедленно отправляемся в Палассо Веррада. А уж там я позабочусь о твоем внешнем виде.

— Что здесь происходит? — потребовала ответа Дионисса, но несколько отвлеклась на собственную талию, она машинально стала ее поглаживать. Талия действительно выглядела прекрасно, поскольку Дионисса продолжала носить старомодные корсеты.

— Мама, Эдоард пригласил Элейну на бал Диа Фуэга. Я не могу идти против его желания. А ты? — Она произ-

несла последние слова с милой улыбкой, за которой стояла железная воля.

— Все мои дети настоящие змеи, их я пригрела на своей груди! — воскликнула Диониса, но в ее словах не было прежней уверенности.

«Она никогда не могла долго сердиться на Беатрис», — подумала Элейна.

Беатрис схватила Элейну за руку и потащила к дверям.

— Тебе ничего не надо брать с собой, дорогая. У меня есть все, что понадобится: платья, туфли, парикмахер. Матра Дольча! Тебе просто необходим парикмахер. Ты определенно потеряла всякое изящество.

И они устремились по коридору, а за сестрами трусил Кабрал, словно сторожевой пес, оберегающий отару овец.

Беатрис без умолку болтала о предстоящем бале, о том, как будет убран банкетный зал, какие изумительные бальные туфельки она нашла и как замечательно они подходят к ее лучшему платью.

Вскоре они оказались во дворе. Элейна задыхалась от быстрой ходьбы: Беатрис на миг замолчала, чтобы перевести дух. Их ждала карета. Кабрал помог им сесть, закрыл дверцу и просунул голову в окно.

— Элейнита, ты должна послушать меня, старика. За моими плечами многолетний опыт. Оставайся в Палассо Веррада до тех пор, пока не уляжется шум. А там посмотрим. Можешь не сомневаться, я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить твое положение. И не думай, будто мой голос не имеет веса в определенных местах, ниниа мейа, хоть я и не обладаю Даром. Потому что у меня есть нечто, чего нет даже у лучших мастеров-иллюстраторов. — Прошептав эти таинственные слова, он закрыл шторки и отступил в сторону.

Карета двинулась вперед, колеса застучали по гравию. Сквозь шторки Элейна наблюдала, как они выезжают на улицу.

— А здесь безопасно? — спросила она. — Говорят, в городе неспокойно.

— Неужели ты ничего не слышишь? — спросила Беатрис. — Нам предоставили почетный эскорт в пятьдесят всадников.

И в самом деле, теперь Элейна различала цокот копыт и бряцание оружия.

— Когда ты вернулась из Чассериайо?

— Десять дней назад. Я жила в Палассо, хотя обычно так не делается. Впрочем, во дворце двадцать комнат для гостей. А путешествовать по Мейа-Суэртс сейчас небезопасно. Мы стараемся не выходить на улицу.

Прислушиваясь к шуму, доносившемуся сзади, Элейна пришла к выводу, что их сопровождает не почетный эскорт, а целая армия.

— Мне здесь не нравится, — заявила она.

— Не волнуйся, — успокоила ее Беатрис. — Мы будем в безопасности, как только окажемся в Палассо Веррада.

Сарио и раньше приходилось видеть город на грани бунта. Он не раз наблюдал, как беспокойство перерастало в катастрофу. Ему пришлось потратить не один час, чтобы уговорить извозчика из соседней деревушки отвезти принцессу Аласаис вместе с ее слугами в Мейа-Суэрту.

— В Палассо? Да вы не понимаете, о чем просите. Войска патрулируют улицы, избивают подмастерьев, а по аллеям, где нет солдат, рыщут бандиты. Говорят, эта болезнь, эта чума пришла к нам из Таглиса и Гхийаса.

— А ты там был и видел все своими глазами? — нетерпеливо спросил Сарио.

— Я не такой дурак! Мне рассказали... — И далее следовал бесконечный список: брат, дядя, сосед, четвертый кузен жены кузнеца.

Наконец блеск золотых монет сделал свое дело, и Сарио удалось нанять повозку с молодым и потому безрассудным парнем.

На Диа Фуэга, в День Огня, последний день Пенитенссии, было спокойно, однако внутреннее напряжение нарастало по мере того, как на город спускались сумерки. Да, Сарио все это уже видел. Нужно попасть в Палассо и дать Великому герцогу Ренайо совет, как восстановить порядок, иначе придется расстаться с надеждой занять место Верховного иллюстратора и вернуть былое великолепие искусству Грихальва. Что, если толпа взорвется? Если чернь подожжет Палассо?

Он содрогнулся, размышляя о Рафейо. Он не может рисковать портретом Сааведры еще раз!

— Вы заболели? — спросила Аласаис. Ее разбирало скорее любопытство, чем тревога.

На ней был длинный плащ, скрывающий платье. На светлые волосы она накинула черную кружевную шаль.

— Холодно, — ответил он.

Они быстро проехали по пустым улицам, но, когда повозка приблизилась к длинным авенидос, ведущим к Палассо Веррада, навстречу стало попадаться все больше и больше людей. Они несли статуи, изображавшие Зависть, Гнев, Бесплодие, и другие, — но не к храму, как полагалось по традиции. Толпа направлялась к сокало перед Палассо Веррада. Люди вели себя тихо, но напоминали хищника, преследующего свою жертву. С боковых улиц и аллей появлялись все новые участники манифестации.

Сарио достал альбом для зарисовок. Всякий раз когда повозка останавливалась, он прикасался карандашом к языку и быстрыми штрихами изображал экипаж, возчика, себя и принцессу Аласаис, бормоча при этом под нос:

— Дайте дорогу нашей повозке. Расступитесь. Уходите прочь.

Они выехали на площадь и увидели ворота Палассо, вздымающиеся над толпой в свете океана факелов. Гротескные

скелеты, огромные статуи, символизирующие грехи и горести, плыли над головами людей в жуткой тишине. Бесчисленные светильники озаряли монументальную лестницу главного входа в Палассо — казалось, это сошедшие с небес звезды. Издалека доносились звуки музыки, рокот гитар и грохот тысяч ладоней — начался бал Диа Фуэга. Сарио услышал возмущенные голоса:

— Мы голодаем, а они танцуют.

— А что с Парламентом?

— Они слишком заняты праздниками, чтобы думать о наших проблемах!

— Мы для них не более чем скот, который они разводят, а потом убивают, когда им это понадобится.

— Двигай вперед, — приказал Сарио возчику, — нам нужно пробиться к воротам.

— Но, маэссо, толпа...

— ...раздвинется, чтобы пропустить нас.

Так оно и произошло; люди толкали друг друга и удивленно смотрели вслед повозке.

Когда они добрались до ворот, Сарио соскочил на землю и схватился за прутья решетки. Стражники — по меньшей мере двадцать человек — равнодушно взирали на него.

— Я должен поговорить с вашим капитаном. Быстрее, болван! Я иллюстратор из рода Грихальва. — Он зажал в руке свой Золотой Ключ, скрывая его от толпы, которая отступила шагов на пять назад.

К ним стремительно подошел капитан.

— Чего вы хотите? Мы не можем открыть ворота.

Сарио наклонился вперед и заговорил так, чтобы его мог слышать только капитан:

— Я спас принцессу Аласаис де Гхийас. Ее отец и мать убиты. С помощью взяток мне удалось вывезти ее из Гхийаса.

— Если это правда — эйха! Но если нет и я открою ворота...

У них за спиной люди запели псалом: «Матра всем дарует свое благословение». Но в голосах слышался гнев, и Сарио почувствовал, что толпа набирает силу, как надвигающаяся буря. «День Огня». Сарио вспомнил о Рафейо, о спрятанной в повозке картине, написанной кровью, его кровью, — и содрогнулся.

— Помоги ей подойти к воротам, — сказал он одному из гхийасских солдат.

Тот выполнил его приказание и подвел Аласаис к воротам; пока капитан разглядывал принцессу, Сарио вытащил из кармана маленький нож, которым точил карандаши. Тотчас надрезал кожу на пальце и размазал кровь по бумаге, а сверху несколькими короткими штрихами нарисовал капитана.

— Ты впустишь нас немедленно, — прошептал Сарио.

— Быстро! — приказал капитан своим людям. — Откройте ворота!

Одна створка медленно отворилась. Они не мешкая проехали внутрь, повозка покатила к широкой лестнице, и, хотя

толпа по другую сторону решетки забурлила, Сарио даже не обернулся. Капитан остался на своем посту — вероятно, он не имел права его покинуть.

— Подождите здесь, — приказал Сарио возчику и слугам из Гхийаса, когда они остановились возле нижних ступеней. — Никому не разрешайте прикасаться к повозке, трогать сундуки или открывать их. Я скоро вернусь. Идемте со мной, ваше высочество.

Взяв Аласаис за руку, он начал подниматься по лестнице. Только теперь Сарио посмел оглянуться и посмотреть на сокало, где над толпой, в зловещей тишине, высились жутковатые статуи, озаряемые колеблющимся светом тысяч факелов. Скоро статуи будут публично сожжены. Король Иво из Гхийаса попытался утихомирить толпу. За что и поплатился жизнью.

— Ты должна спешить, — сказал он Аласаис, хотя принцесса даже не запыхалась, а из его груди вырывалось хриплое дыхание.

Повсюду стояли солдаты, охраняя громадные двери, ведущие в Палассо. Они наблюдали за широкими галереями, аркообразными коридорами и узкими проходами во внутренние покои дворца, но Чиева до'Орро открывал любые двери. Теперь музыка звучала громче, все хлопали в ладоши, ноги танцующих стучали о пол — гости веселились. Моронос! Они развлекаются, ни на что не обращая внимания, а за воротами Палассо зреет катастрофа. Точно так же вела себя знать в Гхийасе.

Золоченые двери, ведущие в тронный зал, были распахнуты. Здесь властвовал танец, столь же темпераментный и яростный, как нарастающий гнев толпы. Остановившись у входа, Сарио оглядел огромный зал, убранный серебряными и черными лентами, повсюду виднелись стилизованные черепа, символизирующие поминовение мертвых. С куполообразного потолка свисали черные фигурки, изукрашенные серебряными нитями. Сарио смутно припомнил, как, будучи ребенком, он преклонял колени на жестком каменном полу, все пели молитвы об усопших и жгли амулеты в знак расставания с прежними бедами. А теперь эти моронос поют и танцуют!

Танец закончился. Когда придворные начали расходиться по местам, Сарио вывел Аласаис в центр зала. Она удивленно смотрела на яркий свет и роскошные наряды гостей.

— Не забывай, кто ты такая, — прошептал Сарио ей на ухо.

Великий герцог Ренайо взошел на помост. Следом за ним — хрупкая, очень молодая женщина со светлыми волосами, одетая в белое платье с красным поясом. Ее лицо несколько портила излишняя бледность. Неподалеку устроился наследник — сильный, красивый молодой человек. Арриго? Нет, внук Арриго. Он совсем не похож на Арриго. Подле наследника Сарио увидел красивую девушку — несомненно, это его любовница из рода Грихальва.

Сарио направился к помосту.

— Сними плащ.

Аласаис сбросила с плеч накидку как раз в тот момент, когда их заметил Великий герцог. Черный плащ соскользнул на пол — все замолчали и повернулись к вновь прибывшим.

— Ваша светлость. — Сарио поклонился. — Я Сарио Грихальва, итинераррио, прибыл из Гхийаса. Слухи оказались правдивыми. Король Иво и королева Айрин мертвы.

Послышались вздохи, и гости одновременно, но негромко заговорили.

Через мгновение шум стих — Ренайо поднял руку, чтобы успокоить придворных.

— Однако не все погибло, мне удалось кое-кого спасти и привезти сюда, под вашу защиту, — продолжал Сарио.

— Кузен, я прошу у вас убежища! — Аласаис упала на колени и схватила руками край вечернего костюма Ренайо.

Сарио не учил ее этому жесту, но, как и всякий шедевр, Аласаис обладала качествами, о которых ее создатель догадывался далеко не всегда.

Великий герцог автоматически взял ее за руку, на которой красовалось фамильное кольцо Гхийаса, и помог подняться. Ренайо заметил кольцо и узнал принцессу.

Все стояли, онемев от удивления. Пока Великий герцог приходил в себя, а дон Эдоард, шагнув вперед, взял изящную ручку Аласаис в свою, Сарио быстро просчитал возможные варианты дальнейшего развития событий.

Нужно заняться новыми заклинаниями. Написать несколько портретов. У него нет ни времени, ни сил, чтобы убеждать их словами. Он должен применить свой Дар с максимальной пользой.

Иначе зачем Матра ниспослала ему этот Дар?

76

Элейна рано покинула бал и нашла убежище в тишине пустой Галиерры. Возле белых с золотом входных дверей горели яркие лампы. Элейна сняла одну из них и отправилась в крыло, где висели портреты, изображавшие до'Веррада. На подставках по всей длине бесконечного зала стояли тускло горевшие светильники, которых хватало лишь на то, чтобы показать, где находятся стены и окна. А сами картины напоминали образы, неожиданно всплывающие в памяти.

Какое диковинное ощущение. Вот она стоит здесь совершенно одна, в полнейшем безмолвии. Элейна бывала тут только с группой учеников из Палассо Грихальва, которых приводили посмотреть на работы старых мастеров и кое-какие скопировать. Галиерра всегда купалась в солнечном свете, ее наполнял взволнованный шепот посетителей, завороженных великими шедеврами, и учителей, рассказывающих приглушенными голосами об этом «Договоре», «Бракосочетании», «Рождении» или о той «Смерти» — развешанных по стенам картинах, вместивших гордую историю рода до'Веррада. А он все эти годы был связан с семейством Гри-

хальва, помогавшим до'Веррада пройти по дороге, которая привела их к власти. С помощью запретной магии.

Откуда-то издалека, из коридоров, доносилась музыка. Элейна устремилась вперед, в темные, погрузившиеся в черные тени залы. Вокруг нее плясал круг света, словно живое существо, она шла, время от времени поднимая лампу, чтобы взглянуть то на одну, то на другую картину.

Вот знаменитый «Договор в Диеттро-Марсйа» Риобаро Грихальвы, который так умно предсказал будущее бракосочетание Бенетто I и наследницы Розиры делла Марсй, в результате чего Бенетто первым из рода до'Веррада присвоил себе титул Великого герцога.

А здесь — «Летнее бракосочетание» Тасиони Грихальвы, на котором изображена дочь до'Веррада, Элейна не помнила ее имени; впрочем, Тасиони явно больше занимал потрясающий, роскошный сад, чем невеста с мрачным лицом и ее перепуганный насмерть жених.

Неподражаемая «Луна Миррафлорес» Северина Грихальвы. Здесь он увековечил свою жену, бабушку Элейны, Лейлу — юная девушка стоит, сложив ладони, из которых сыплются алые лепестки роз.

Призраки ее предков, представители рода Грихальва, казалось, стоят у нее за спиной и шепчут:

«Обрати внимание на краски, которыми Бенидитто писал свои картины, он смешивал их так искусно, что возникает ощущение, будто они сделаны вчера.

А с каким поразительным мастерством Адальберто расположил шаль на самом краешке кресла, словно девушка машинально сбросила ее и подбежала к окну — посмотреть, не ее ли возлюбленный поет серенаду этим утром... Тебе хочется протянуть руку и поймать шаль, прежде чем она соскользнет на пол!

Рассмотри все хорошенько, цветы, которые с такой изумительной точностью изобразил Дионисо, ведь цветы — это один из языков, на котором мы, Грихальва, говорим в наших картинах; видишь, их расположение закрепляет именно этот «Договор», усиливает его действие».

И еще: условия «Договора» неразрывно связывают стороны, потому что Дионисо, живший во времена бабушки Лейлы, смешал с красками свою кровь. Кто из иллюстраторов обладал настоящим Даром? Какая из картин излучает волшебство мастерства, а в какой содержатся истинные колдовские чары?

Имели ли невесты наследников рода до'Веррада право выбора? Или, может быть, бракосочетания — даже запечатленное Андрео «Бракосочетание Ренайо II и Хоанны из Фризмарка» — стали результатом волшебства, вошли в жизнь и обрели дыхание благодаря крови художников из рода Грихальва? Картины, созданные на протяжении бесконечных прошедших лет и развешанные по стенам полутемной Галиерры, почему-то начали казаться Элейне пугающими и мрачными. Так процветала Тайра-Вирте. Так мальчики из семейства Грихальва становились мужчинами и умирали, не дожив до старости.

Впрочем, немало детей умирают, не успев стать взрослыми. Сколько молодых женщин и мужчин женятся только ради того, чтобы доставить удовольствие своим родным? Любовь — привилегия бедняков. С точки зрения знати, это вещь малопрактичная. Слишком многое зависит от того или иного союза — почести, богатство, положение в обществе. Иногда их заключают заранее, за много лет, даже не предполагая, что из этого получится.

Разве мог Великий герцог Ренайо предположить, что мятежный дух проберется в его процветающую, мирную страну? На балу только и говорили, что о либертистах, о чуме неповиновения, о том, что, пожалуй, следует переселиться на время в загородные имения, по крайней мере до тех пор, пока порядок не будет восстановлен.

Где Рохарио? Неужели отец и в самом деле от него отказался? Об этом тоже тихонько перешептывались по углам. У Рохарио оставались в Палассо друзья. Идея пригласить ее на бал принадлежала вовсе не Эдоарду. Рохарио послал письмо Беатрис, а та связалась с Кабралом — вместе им удалось вызволить Элейну из заточения. Интересно, как Гиаберто сумел найти ее в гостинице «Сноп пшеницы и серп»? Даже Кабрал не догадывался. Может быть, ее предал Асема? Кому еще было известно, кто она такая? Кому еще это было небезразлично?

Элейна медленно шла вперед, пытаясь разобраться в том, что происходит вокруг нее, и оказалась в самом конце Галиерры, где висела «Первая Любовница». Элейна подняла лампу и долго смотрела на портрет Сааведры Грихальва. В огромной дубовой раме, гениальное произведение — шедевр, созданный первым Сарио Грихальва? Впрочем, в картине восхищало нечто большее, чем просто мастерство исполнения, она дышала жизнью.

Сарио Грихальва, видимо, очень старательно смешивал краски, когда рисовал фигуру Сааведры. В остальном... прекрасно видно, что портрету много лет — крошечные трещинки, едва заметные изменения оттенков, — но сама Сааведра, казалось, не стареет вместе с картиной. Элейна была уверена, что смотрит на давно умершую Сааведру, женщину, которая, как гласит легенда, имела огромное влияние на двоих самых могущественных мужчин своего времени, а потом вдруг бесследно и весьма загадочно исчезла.

«Кто ты, пришедшая посмотреть на меня? Мне кажется, твои глаза и черты говорят о том, что мы родственницы. Ты знаешь, кто я и почему я здесь? Я Сааведра Грихальва, мой кузен Сарио заключил меня в эту темницу».

Элейна вздрогнула, осаждаемая страшными мыслями. Вокруг собрались призраки ее родственников, они ждали, наблюдая за ней. И казалось, будто они пытаются сказать ей что-то важное..

— Красивая картина, верно?

Элейна подскочила на месте. Капля горячего масла пролилась ей на руку, и она вскрикнула от боли.

Незнакомец тут же забрал у нее лампу, а она стала дуть на небольшой ожог возле указательного пальца.

— Надеюсь, вы не сильно обожглись. Прошу меня простить.

— Ничего страшного. — Подняв голову, Элейна посмотрела в лицо, освещенное пламенем лампы. — Мы знакомы?

У него была мягкая улыбка, наверняка неискренняя, потому что взгляд выдавал напряжение.

— Официально нас не знакомили. Я Сарио Грихальва.

— Конечно, я про вас слышала, — рассмеялась Элейна. — Подходящее место для встречи, правда? Здесь, перед великолепным шедевром первого Сарио.

— Это и в самом деле шедевр. — Он поднял лампу так, что свет упал на портрет.

— Да, сейчас уже никто не умеет так рисовать.

— Вы могли бы, — сказал он.

Это необычное заявление взволновало и одновременно озадачило Элейну. Она бросила взгляд на Сарио, но он рассматривал картину, приблизив лампу к самой фигуре Сааведры, которая стояла, положив одну руку на щеколду двери. Он хмурился.

— Я надеюсь, что смогу рисовать так, как позволят мои способности, — осторожно ответила Элейна, — но в другом стиле.

— Вы не хотите подражать Сарио Грихальве? — Он внимательно посмотрел на нее.

— Подражать ему? Если вы имеете в виду мастерство — тогда, конечно, да, я бы очень хотела добиться таких же поразительных результатов. Если же речь идет о простой имитации, то к этому я не стремлюсь.

— Вы считаете, что вам нечему у него учиться?

Этот молодой, мятежный Грихальва, кажется, раздражен: еще бы, она критикует человека, в честь которого его назвали!

— Эйха! У него можно учиться бесконечно! Посмотрите, как мастерски изображены руки, одна на щеколде, другая вот-вот ее откроет.

— На щеколде, — прошептал Сарио и, прищурившись, посмотрел на руки Сааведры. — Милая, неужели ты пытаешься убежать?

— Прошу прощения?

«До чего, однако, странный этот Сарио».

Он отшатнулся, вспомнив о присутствии Элейны.

— Я хотел сказать: вам не кажется, что она хочет убежать, выйти из комнаты?

— Думаю, она собирается открыть дверь, чтобы встретить своего возлюбленного, герцога Алехандро. Но мне не дано узнать, какие идеи бродили в голове Сарио Грихальвы, и бродили ли там какие-нибудь особые идеи, если не считать того, что ему хотелось заточить Сааведру в свою картину.

— Пожалуй, ваше предположение верно.

— Меня всегда занимало, — неуверенно промолвила Элейна, — почему Сааведра держит Золотой Ключ.

Отвернувшись от портрета, Сарио сразу потерял к нему интерес.

Элейна должна сделать выбор: пойти за ним, поскольку лампа была у него в руках, или остаться в одиночестве в темноте. Она выбрала первое, раздумывая по дороге, не оскорбила ли

Сарио упоминанием о Золотом Ключе. Его собственный, потемневший от долгих лет, висел на груди. Шагов через двадцать он остановился и посмотрел на нее.

— Да, Элейна Грихальва, — сказал он, — вы можете у меня учиться.

— Я... я могу? — Элейна была поражена и немного смущена. Сарио лет на шесть старше ее; Вьехос Фратос изгнали его из своих рядов. Но он — Одаренный иллюстратор и, по правде говоря, более сильный художник, чем она, поскольку знает все секреты мастерства рода Грихальва, которые открываются мальчикам с самого рождения. — Вы решили остаться в Мейа-Суэрте? Мне казалось, вы вернулись на службу итинерарио.

И хотя по его лицу пробежала легкая тень, Элейна не поняла, о чем он подумал в этот момент. Его необычное поведение озадачило ее, но ведь то, что он предложил... если он и в самом деле говорит серьезно...

— Вы должны были стать любовницей наследника.

— Мы... мы не подошли друг другу.

— Да. И ваше место заняла сестра. Однако вы не в Палассо Грихальва.

— И вы тоже, Сарио Грихальва. Вы посчитали, что лучше уехать, чем жить по правилам Верховного иллюстратора Андрео, насколько я понимаю. Почему же я должна поступать иначе?

Он тер пальцами подбородок, не отводя от нее пристального взгляда. У него было ничем не примечательное лицо, оживлявшееся лишь непонятным Элейне напряжением. Как передать внутренний дух, живущий в этой самой обычной оболочке?

И вдруг она сообразила.

— Я знаю, где видела вас раньше! На сокало во время беспорядков. — Элейна забыла, что он иллюстратор, а она всего лишь обычный художник. — Я решила, что передо мной какой-то нахальный молодой художник, который надеется благодаря мне получить работу в ателиерро Грихальва!

Но ведь он похвалил ее рисунки. Сказанные им тогда слова до сих пор согревали ей сердце.

— Ты будешь у меня учиться, — коротко сказал Сарио, повернулся и пошел дальше. — Идем. У меня много работы.

— Много работы?

— Ты была на балу? Нет, естественно. Ты ушла оттуда в Галиерру, где тебе самое место. Я привез с собой принцессу Аласаис. И останусь здесь в качестве ее советника. Я беру тебя в помощницы.

— Только Верховные иллюстраторы имеют право жить в Палассо Веррада.

— Все в порядке, необходимые распоряжения уже сделаны.

— А что скажет Андрео? — Элейна была поражена вызывающим высокомерием Сарио.

— Ты не веришь мне, эстудо, — чуть улыбнувшись, молвил он. — Не сомневайся. Принцесса Аласаис находится под моим покровительством. Она наследница Гхийаса. Удовлетворить мою

просьбу остаться рядом с ней пустячное дело. Ренайо уже дал свое согласие. Кроме того, на площади перед дворцом собралась толпа. Выходить из него небезопасно. — Они подошли к концу Галиерры, Сарио открыл дверь, махнув рукой, чтобы Элейна прошла вперед, поклонился и протянул ей лампу. — Я должен тебя покинуть, — сказал он. — Начнем занятия утром. Приходи сразу после завтрака.

— Хорошо, — ответила Элейна, изумленная его уверенностью в том, что она сделает так, как он приказывает. — Вам нужен свет, чтобы добраться до комнат?

— Нет. Я хорошо знаю дворец. Он почти не изменился за прошедшие годы. — Сарио рассеянно кивнул и пошел прочь по боковому коридору.

Такой странный человек и такой молодой. А завтра она станет эстудо мастера-иллюстратора. Человека, владеющего Чисвой до'Орро. Ей так долго в этом отказывали. Вот теперь она начнет учиться по-настоящему.

77

Сарио понравились комнаты, отведенные принцессе Аласаис. Здесь будет легче осуществить задуманное. Солнце заливало гостиную, поэтому он превратил ее в свое ателиерро. Сегодня, на второе утро после их прибытия в Палассо, здесь было тихо. Аласаис сидела у окна, вышивала, а ее верная служанка стояла рядом, готовая в любой момент броситься исполнять приказ госпожи. Один из солдат занял пост у двойной двери, ведущей в длинный коридор: они с братом несли службу по очереди.

Окна выходили в маленький внутренний дворик, которым пользовались только члены семьи до'Веррада и самые почетные гости. После дождей сад покрылся роскошной зеленью, хотя цветы еще не распустились.

Сарио наблюдал, как Элейна рисует.

По его просьбе она делала третий эскиз портрета принцессы. Как только Сарио останется им доволен, Элейна подготовит холст, перенесет рисунок на белую основу, и лишь потом наступит очередь красок. Таким образом он сможет проследить за ее работой на каждом этапе. Сарио сразу понял, что она так же способна, как и те мальчики, которых он выбирал для себя на протяжении всех прошедших лет. Элейна не обладала Даром, тут можно не сомневаться, но она тем не менее отлично подходит для его целей. Она станет чистым полотном, а он в очередной раз продемонстрирует свое мастерство — ведь лучший ученик всегда служит прославлению учителя.

Конечно, он сам был своим лучшим учеником. Первый Сарио изменил жизнь семейства Грихальва, самой Тайра-Вирте. Будучи Риобаро, оставил след, заняв пост Верховного иллюстратора, — явил собой пример для подражания каждому новому Верховному иллюстратору. Но последнее время Сарио чувствовал, что

ему приходится все более отчаянно сражаться с сильным течением. Сейчас ему проще уехать за границу — и вместе с тем сложнее, потому что в этом случае он не сможет оказывать влияние на искусство Грихальва. Будучи Риобаро, он заручился повиновением всех художников из рода Грихальва. Однако теперь, несмотря на свой несомненный талант, он ничего не может поделать с тем, что живопись растеряла старые традиции, остались лишь идиотские точность, четкость и аккуратность. Он бы никогда не произнес этих слов, если бы мог предположить, что они будут восприняты столь буквально. Эйха! Эти бездари его недостойны!

Ему необходим ученик, чье искусство расцветет под его руководством, и в конце концов он докажет всем: Сарио Грихальва не имеет себе равных!

— Ее высочество почти не шевелится, — сказала Элейна. — Я еще в жизни не видела человека, который мог бы так долго сидеть неподвижно.

Сарио взял у Элейны карандаш, наклонился над эскизом и прибавил несколько штрихов к изображению рук.

— Руки у нее в состоянии покоя. А ты нарисовала их так, будто она вот-вот ими пошевелит.

Элейна нахмурилась, молча глядя на внесенные им поправки. Сааведра стала бы спорить или ругать его за самонадеянность. Но, как и Сааведре, Элейне придется признать, что он прав.

— Да, я поняла! — Ее лицо озарила счастливая улыбка, Луса до'Орро; Сарио сразу узнал этот Свет. Она взяла чистый листок и снова принялась рисовать, радостно, с удовольствием.

Эйха! Именно это качество убедило Сарио, что она способная ученица. Желание и постоянное стремление совершенствоваться. Впрочем, в ней было какое-то необычное напряжение, заряд энергии, которого Сарио не встречал ни в одном из отобранных им мальчиков. Они хотели заполучить власть и признание одновременно со способностью рисовать; они желали познать тайны Золотого Ключа. Элейне нужно было лишь искусство. Только искусством она и владела.

Элейна рисовала быстро, она поняла, что от нее требуется.

— Да, — повторила она, уверенная в том, что ее эскиз будет правильным.

— Когда закончишь, подготовь доску с гипсовой грунтовкой — белая краска, животный клей и титановый белый порошок. Как только все высохнет и ты посыплешь доску песком, перенесешь рисунок...

— Но это же очень старая техника! Если рисовать картину таким способом, на нее уйдет несколько месяцев.

— Я не закончил.

— Прошу прощения, мастер Сарио.

— Мы займемся также другими техниками, рисунком, разными грунтовками, письмом без грунтовки и тому подобным, пока ты будешь работать над этим портретом в старом стиле.

— Я поняла, мастер Сарио. — По крайней мере она испытала угрызения совести, оттого что позволила себе

усомниться в его методах. — По правде говоря, я еще ни разу не работала в стиле старых мастеров.

— Конечно, нынешние муалимы больше не учат живописи, как делали это раньше.

— Муалимы? — Элейна удивленно замолчала, а потом хмыкнула. — Ах, да, так называли учителей... ну, кажется, лет пятьдесят назад.

Нахальная девчонка!

— Сейчас учат не так старательно, как во времена моего дет... — Он едва не проговорился. — Как в те дни, когда Грихальва еще добивались соответствующего их талантам положения после перро лингвы. Но я заметил, что, получив признание в Тайра-Вирте, живописцы Грихальва несколько обленились.

Элейна как-то странно на него взглянула и отвернулась, чтобы посмотреть на принцессу Аласаис.

— Да, и Вьехос Фратос становятся более самодовольными и высокомерными, когда речь заходит о Даре.

— А тебе, оказывается, кое-что известно про Вьехос Фратос.

— Бабушка Лейла многому меня научила.

Надо же! Оказывается, Лейла не очень дорожила семейными секретами!

— Я понимаю, она рассказала мне вещи, о существовании которых простому художнику знать не следует, — осторожно добавила Элейна.

Это предупреждение? Или приглашение?

— В таком случае, надеюсь, тебя не нужно предупреждать, что тайны рода Грихальва должны оставаться тайнами.

— И мне прекрасно известно почему... Хотя складывается впечатление, что кое-кому — да и всей нашей семье — удалось как следует разбогатеть за чужой счет.

— Элейна, если б ты родилась дочерью бедняка, у тебя не было бы твоего таланта. Матра оказывает нам Свое благорасположение таким способом.

— Но ведь в Академии есть немало молодых людей из семей, не имеющих никакого отношения к искусству. Почему же вы утверждаете, что нам оказана честь, что мы особенные?

— Давай предположим, эстудо, что ты появилась на свет в таком доме.

Он обвел рукой комнату, в которой они находились: простор, высокие потолки, украшенные небесно-голубыми медальонами, над окнами и дверями застыли крошечные, пухлые херувимчики с вознесенными к губам трубами. Обои, конечно, нужно заменить — Сарио уже тошнит от пасторальных пейзажей с очаровательными пастушками в костюмах, расшитых золотом. Работа выполнена просто великолепно, а вот композиция оставляет желать лучшего. Необходимо заново убрать эту комнату — в более сдержанном, строгом фризмаркском стиле.

Элейна смотрела на обои с выражением ужаса на лице и одновременно с едва сдерживаемым смехом. Сарио вынул из ее руки карандаш.

— Ты смогла бы получить это? — спросил он.

— Нет, — нехотя призналась она. — Девушек в Академию не принимают, по крайней мере в Мейа-Суэртс. Но во Фризмарке...

— Эйха! Мы же не во Фризмарке! Пожалуйста, доделай то, что ты начала.

— Хорошо, мастер Сарио.

Совсем не простая ученица — это уж точно! Но ученица, с которой легко, не добьется серьезных результатов и не сделает того, что он намерен от нее получить. А вот Элейна Грихальва в определенном смысле станет еще одним шедевром в ряду его выдающихся работ.

Он наблюдал, как она заканчивает рисунок. Аласаис оживала под ее руками. Да, это превосходно!

Вошел один из придворных и объявил о появлении Великого герцога. Ренайо, несмотря на свои многочисленные недостатки, не любил помпы. Когда он передвигался по Палассо, его сопровождал минимум придворных, в отличие от, скажем, прежнего... как его звали? Кто из Великих герцогов не вставал с постели до тех пор, пока дюжина советников, придворных и слуг не окружала его, ловя каждое слово и приказание? Впрочем... какое это имеет значение? Важно лишь, что Ренайо нанес визит вежливости принцессе Аласаис.

Сарио отпустил Элейну, и та, забрав эскизы, мгновенно скрылась за дверью. А сам он подошел к Аласаис, которая вежливо поприветствовала Великого герцога, но не поднялась с места, лишь позволила ему склониться над своей рукой, словно оказав милость одному из придворных.

— Ваше высочество. — Ренайо сел в кресло, принесенное для него слугой. Он обратился к ней на гхийасском, выученном благодаря матери. — Я рад, что вы одна и мы сможем поговорить наедине. — Он поднял голову и многозначительно посмотрел на Сарио; тот нахально ему улыбнулся.

— Вы можете говорить совершенно спокойно, ваша светлость. Мастер Сарио спас меня от... — она чуть содрогнулась, а Сарио восхитился тем, как умело Аласаис воспроизводит его уроки, — ...этих негодяев, захвативших меня и... моих дорогих маму и папу... — Она замолчала, словно была не в силах продолжать.

Ренайо ласково, по-отечески погладил ее по руке.

— Ну-ну, дитя. Просто невероятно, сколько вам пришлось пережить! Эйха! Вы удивительно сильная девушка! Представительницы вашего пола должны гордиться такими, как вы. И хотя мы скорбим о короле Иво и королеве Айрин, вы должны знать, что они с гордостью взирают на вас с небес, где о них заботятся Матра эй Фильхо.

— Что меня ждет? — едва слышно спросила Аласаис.

— Мы позаботимся о вашей безопасности, ниниа мейа.

У Аласаис была новая прическа, волосы чуть приподняты наверх, светлые локоны кольцами обрамляют хорошенькое личико. Ни один человек на свете не заподозрил бы обмана: это была девушка, оторванная от всего привычного и родного, пытающаяся приспособиться, разобраться в новой обстановке, в

которой она оказалась. Даже когда ее слова, произнесенные нежным, тихим голоском, нисколько не соответствовали внешности робкого, перепуганного существа.

— А что будет с Гхийасом? Я теперь королева по праву, вам это известно, но как я смогу вернуть то, что Матра эй Фильхо даровали нашей семье много лет назад? Ведь они наверняка не захотят, чтобы эти негодяи нарушили естественный порядок вещей.

— Давайте немного подождем, прежде чем строить планы. Нет никакой нужды спешить. Вы должны отдохнуть и восстановить силы.

Сарио нахмурился. Ренайо не клюнул на брошенную ему наживку так быстро, как хотелось бы. Аласаис, словно почувствовав его беспокойство, бросила на него вопросительный взгляд.

— Ваша светлость, вы позволите мне вмешаться? — спросил Сарио. — Вы должны понимать не хуже меня, что такая хрупкая девушка, как принцесса Аласаис, нуждается в надежном защитнике.

— Не следует слишком торопиться с подобными вещами, — сурово молвил Ренайо, выпустил руку Аласаис и поднялся. — Вы молоды и не понимаете, что значит управлять государством. Я должен обсудить все со своими советниками. И с Верховным иллюстратором, вашим главой. Но, к сожалению, мы будем находиться в заточении, пока не разойдется толпа. Я попросил, чтобы Премио Санкто и Премиа Санкта напомнили этим людям о воле Матры эй Фильхо в данном вопросе. Если екклезия не сможет убедить бунтовщиков, тогда мне придется прибегнуть к силе. Но я не стану действовать необдуманно и неразумно.

— Вы не собираетесь отдать Аласаис замуж за Эдоарда? — напомнил Сарио. — Вы проявите недопустимую глупость, если упустите возможность увеличить владения Тайра-Вирте!

— Я проявлю недопустимую глупость, если стану требовать от моего наследника уделять внимание сразу нескольким предметам! Эйха! Вы забываете, с кем говорите, молодой человек!

Ну почему этот кретин не может сделать то, что Сарио считает правильным?

— Вы не намерены воспользоваться случаем и объединить владения Тайра-Вирте и Гхийаса?

— У меня есть и другие сыновья, — ледяным тоном заметил Ренайо, но его гнев не остановил Сарио.

— Один полоумный, а другой, если верить слухам, болтается по улицам с либертистами.

Но Ренайо уже взял себя в руки. Казалось, его даже забавляет этот разговор.

— Иные молодые люди считают необходимым повозмущаться существующим порядком, прежде чем вернуться под родной кров. А вы, мой дерзкий друг, должны понимать, что у меня есть и иные методы воздействия — на случай необходимости. Вы можете идти, — снисходительно добавил Ренайо.

Сарио ничего не оставалось, как покинуть комнату. Однако у двери он оглянулся и заметил, что Великий герцог снова сел в кресло, намереваясь поболтать с принцессой Аласаис. Он

сколько угодно может отрицать, что полон амбициозных желаний, но от этого они не исчезнут.

В отведенных для Аласаис апартаментах могла разместиться еще дюжина слуг. Сарио занял комнату за гостиной. В ней было несколько окон, одна-единственная дверь и, к счастью, весьма скромная и непримечательная обстановка; обшитые деревянными панелями стены, которые, похоже, никто не трогал уже лет сто.

Сарио вошел, запер за собой дверь, внимательно оглядел комнату, потом отодвинул от стены кровать и отбросил покрывало. На боковом столике поставил несколько незажженных свечей.

И только после этого снял покрывало со своей последней работы. Принялся внимательно рассматривать портрет Ренайо, выполненный пока в полутонах, так что сквозь них просматривался первоначальный рисунок. Ренайо стоит в парке, его ноги утопают в траве, символизирующей Покорность, в руках он держит букет льна — единственное яркое пятно в незавершенной картине, — синие цветы обозначают Судьбу. Сарио нужна настойка валерианы, чтобы Ренайо стал более сговорчивым. Еще необходимо нарисовать цветущее персиковое дерево, несколько лепестков на костюме Великого герцога, а также подмешать в краски тончайший порошок из цветков персика. «Я Твой Пленник».

Давным-давно Альфонсо Грихальва попытался взять власть над Великим герцогом и потерпел поражение. Он действовал недостаточно тонко. Он не был Сарио Грихальвой. Однако в данный момент главной проблемой был не Ренайо.

Сарио поставил портрет Великого герцога к стене и занялся другим полотном, на котором смешал ярко-желтую грунтовку со своими слезами, семенем и маслом мускатного ореха. Из небольшого надреза на руке взял немного алой крови, добавил ее в масло мака и при помощи этой смеси сделал цвета более светлыми. Затем зажег свечи на боковом столике и нашел в своем сундучке курильницу для благовоний. Сильный аромат сразу ударил в нос, он несколько раз глубоко вдохнул, и вскоре у него закружилась голова.

Нет, не совсем так, просто он вдруг почувствовал, как воздух касается кончиков пальцев, услышал приглушенные звуки — это в Паласса, довольно далеко отсюда, жизнь идет своим чередом.

— Чиева до'Орро, — прошептал Сарио, — дай мне власть над жизнью и смертью.

Он лизнул краску и начал рисовать. Древние тза'абские слова сами собой срывались с языка, словно пугающее эхо голоса старика, первого учителя Сарио. Так много других голосов и лиц затянуто призрачным покрывалом лет, но Иль-Адиб никогда не покидал Сарио. Он заставил себя не думать об этом. Необходимо сконцентрироваться на том, что он намерен сделать.

Кипарисы — их тень символизирует Смерть.

Сначала набросок — он постепенно становится более детальным и ярким, как будто оживает под его кистью. В изображение тени он внес цепочку рун, обозначающих болезнь, и яд, и смерть, таким образом, что верхний слой краски скрост

колдовские чары от взирающих на портрет. Сарио тихонько выговаривал слова, четко произносил каждый слог, каждый символ своего заклинания.

Вплел их в олеандровые гирлянды, опутывающие тонкие запястья, вписал в глаза, пальцы, спрятал в темных волосах.

Свечи почти догорели, когда за окном сгустились сумерки.

Сарио закончил колдовство. Пришла пора последнего, завершающего мазка. Он взял новую кисть, сделанную из его собственных волос, и как следует смочил ее слюной. Поднял вверх.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Мастер Сарио? Прошу прощения. — Пришел один из гхийасских солдат, его голос заставил Сарио спуститься с небес на землю. Весьма неприятное ощущение. — Вас спрашивает принцесса Аласаис.

Аласаис. Кто такая Аласаис?

Да, да, конечно. Нужно идти. Ничего страшного. Краски высохнут, и он закончит чуть позже.

Теперь, когда он совсем скоро займет место, принадлежащее ему по праву, спешить некуда.

78

Агустин стоял перед мольбертом и без особого энтузиазма добавлял мазки к акварельному изображению фасада Палассо Грихальва, сосредоточив все свое внимание на Совете, который шел в дальнем конце комнаты. Собрались Вьехос Фратос, и они были очень недовольны.

— ...не можем даже послать слуг на рынок! — Агустин уже успел возненавидеть визгливые жалобы Никойо. — Когда наконец Великий герцог начнет действовать и очистит улицы от этих воров и бандитов? Или мы должны принять собственные меры? Это невозможно терпеть!

Слушать кашель Верховного иллюстратора было просто невыносимо. Андрео говорил медленно и с трудом.

— Никойо, я пытаюсь восстановить связь с Великим герцогом Ренайо. Я отправлял записки в его комнаты, но там, видимо, переставили мебель. Заклинание не получается.

Наступила долгая пауза, пока Верховный иллюстратор отдыхал. Андрео Грихальва откинулся на спинку кресла с посеревшим от боли лицом. Болезнь обрушилась на него вчера, и с каждом часом он стремительно слабел.

— До нас дошли слухи, — сказал Гиаберто, — о появлении принцессы из Гхийаса. Возможно, Сарио находится в Палассо. Вы можете наладить с ним связь.

— Я пытался.

— Сядь! — резко остановил его старый Тосио. — Отдохни, Андрео. Пусть сегодня поработают другие.

— Не могу, я должен пробиться. На всех улицах баррикады, Палассо блокирован...

Андрео умолк. Заговорили сразу несколько человек, потом послышался тяжелый стук упавшего тела. Агустин бросил кисть и побежал в другой конец комнаты.

Андрео лежал на полу. Все вскочили, даже Тосио, все, кроме Никойо, который просто не мог этого сделать. Они молча стояли и в ужасе смотрели на Андрео.

«Они беспомощны», — с удивлением подумал Агустин.

Он побежал к двери, выскочил на лестницу и торопливо помчался вверх по ступеням в поисках Кабрала.

Агустин нашел своего грандтио во дворе. Кабрал, закрыв глаза, грелся на солнце. Может быть, он слушал неумолчный, успокаивающий шелест воды в фонтане. Или, как это часто бывает со старыми людьми, предавался воспоминаниям: на его лице удивительным образом смешались радость и печаль.

— Тио! Тио! Идем скорее. Произошло нечто ужасное!

Несмотря на почтенный возраст, Кабрал двигался легко и быстро. Агустин, когда они добрались до ателиерро, тяжело дышал, давали о себе знать слабые легкие. Однако его мать по какому-то необъяснимому волшебству оказалась там раньше. Она стояла рядом с Гиаберто, хладнокровно наблюдая за развитием событий, пока двое слуг не принесли носилки.

— Что случилось? — спросил Кабрал, протискиваясь вперед.

— Он потерял сознание. — Гиаберто казался ошеломленным. — Андрео почти не дышит. Да ниспошлет ему Матра свою милость.

Кабрал, нахмурившись, посмотрел на Андрео — грудь у того напряженно вздымалась. Красивые руки Верховного иллюстратора судорожно сжались, словно его мучила жестокая лихорадка, но суставы не выглядели воспаленными. На Андрео было больно смотреть.

— Кто-нибудь проверял его Пейнтраддо? — спокойно спросил Кабрал.

Агустин был потрясен, на лицах иллюстраторов появилось такое же удивленное выражение.

— У Андрео всегда было прекрасное здоровье, — продолжал старик. — Нет никаких причин для подобных обмороков, даже если он и подхватил какую-то болезнь. Кстати, никто сейчас в Палассо не болеет?

— Я болен, — заявил Никойо, но никто даже не взглянул на него.

— Ты хочешь сказать, что Андрео отравили? — взволнованно спросила Диониса.

Все собравшиеся уставились на нее, а потом на Гиаберто.

— Диониса, — быстро сказал он, — приготовь для Андрео комнату. Ему необходим полный покой. А нам следует послать за санктой.

— Я пойду, — предложил Кабрал.

Так и не пришедшего в сознание Андрео унесли в сопровождении Дионисы и слуги, а старый Дэво отвел Никойо в его покои. Остальные иллюстраторы толпой отправились в кречетту — ошарашенные и потерявшие дар речи.

Агустин подошел, чтобы рассмотреть Пейнтраддо Андрео. Двадцать лет назад Андрео был красивым юношей; годы жестоко обошлись с Верховным иллюстратором. Агустин слышал, что Диониса и Андрео вместе проходили конфирматтио, но если их и связывали какие-то отношения, то они давно ушли в прошлое из-за властности и амбициозности самой Дионисы и возмутительного поведения ее старшей дочери.

Автопортрет выглядел так же, как и вчера или неделю назад... за исключением, может быть...

— Тио Гиаберто, — сказал Агустин, — взгляните сюда. — Он с нетерпением ждал, пока дядя подойдет к нему. — Если посмотреть внимательно, то можно заметить, что на холсте появились мелкие трещинки, как на очень старых картинах, написанных маслом.

Сначала лицо Гиаберто оставалось равнодушным, как будто он слушал юношу, чтобы только его не обидеть, но потом его глаза сузились, и он приблизился к картине.

— Да. Да! — Голос его дрогнул. — Это не обычные трещины. Портрет написан всего двадцать лет назад, и Андрео сделал его по всем правилам. Он не мог так быстро постареть. — Сцепив руки за спиной, Гиаберто направился к остальным иллюстраторам, и они говорили между собой приглушенными голосами, а потом вернулись в ателиерро.

Агустин, прищурившись, подошел поближе к портрету. У него вдруг возникло ощущение, что это вовсе не трещинки, видимые в разных местах, — на губах и крыльях носа, на веках и воротнике, — а прикосновения кисти или карандашные пометки, загибающиеся и уходящие в сторону... Он тряхнул головой и поспешил за родственниками, нагнав их перед дверью, ведущей в ателиерро.

Вьехос Фратос спорили.

— Как самый старший среди нас...

— Ты больше не можешь рисовать, Тосио. Если Андрео не поправится...

— Матра Дольча, Гиаберто! Ты сказал это лишь потому, что твоя сестра хочет видеть тебя Верховным иллюстратором!

— Эйха! — Агустин вовремя обернулся и увидел, как Гиаберто схватил кресло Андрео, приподнял его и с громким стуком опустил на пол. — Какой смысл продолжать спор? Толпа может в любой момент сжечь Палассо! Моронно! Пока Андрео не поправится, — если он поправится, на что мы все надеемся, — нам следует избрать план действий. Мы должны наладить связь с Палассо, чтобы заранее узнать, собирается ли Великий герцог предпринять жесткие шаги против бунтовщиков. Мы, Грихальва, зависим от благополучия до'Веррада. Мы погибнем вместе с ними или достигнем величия.

Агустин никогда не слышал, чтобы его дядя говорил с такой страстью и в то же время с таким прагматизмом. До сих пор Агустину казалось, что Гиаберто выступал лишь в качестве рупора своей властной сестры.

— Надеюсь, вы не думаете, что толпа способна все уничтожить? — испуганно спросил молодой Дамиано.

— Никойо стал калекой из-за жестокости толпы, — напомнил старый Тосио, его скрюченные пальцы нервно поглаживали трость. — Матра эй Фильхо! Я рад, что уже стар. Новые идеи, разговоры о Парламенте и о том, что подмастерья должны иметь право голоса... Эйха! Ничего хорошего из этого не выйдет. Ничего хорошего. Вы же слышали о том, что произошло в Таглисе и Гхийасе, когда короли вовремя не расправились с вышедшей из-под контроля чернью?

— Замолчи, Тосио. — Гиаберто властно поднял руку. — К лучшему или к худшему, но мы здесь. А поскольку на улицу выходить небезопасно, нам нужно найти способ связаться...

— ...с Элейной, — неожиданно прервал его Агустин. Все тотчас посмотрели на него. Проглотив слезы, он подошел к столу. Тяжелая, темная столешница, вокруг которой в течение многих лет собирались на Совет иллюстраторы, помогла ему успокоиться. — Когда Элейна находилась в Чассериайо, она послала мне изображение одной из комнат, и я отправлял ей письма...

Тут все разом заговорили.

Агустин сжал руки, он уже жалел, что открыл рот.

Наконец голос Гиаберто перекрыл шум:

— Что ты делал?

Агустин робко улыбнулся.

— Я немного почитал Фолио, раньше времени. Грихальва не раз так поступали. Я не понимаю, почему мне следовало ждать, пока вы меня научите. И... — Он заторопился, потому что иллюстраторы с угрозой смотрели на него. — Элейна в Палассо.

— Но она не обладает Даром. Если б только мы были уверены, что Сарио сейчас в Палассо, если бы нам удалось переговорить с ним...

Они снова принялись спорить — пустая трата сил и времени. Агустин шагнул в сторону, а потом повернулся и ушел. Никто не обратил на это внимания. Однако Кабрал встречался с доном Рохарио, а дон Рохарио имеет какое-то отношение к либертистам. Он определенно может связаться с теми, кто находится в Палассо, окруженном баррикадами. Агустин не сомневался, что Рохарио доставит первое письмо Элейне — ведь он много думал о предложении Элейны говорить через два начертанных кровью рисунка. Такая возможность существует. Когда Агустин вышел во двор, тишину прорезал истошный вопль.

— Эй! Эй! Матра эй Фильхо! Быстрее сюда! — звала на помощь одна из служанок.

Агустин побежал, его легкие горели, он задыхался, но первым оказался в большом зале, откуда доносились крики. Вскоре появились его мать, старый Дэво, другие слуги, а потом и иллюстраторы — все они столпились у него за спиной.

Андрео корчился в судорогах. Они начались совершенно неожиданно. Верховный иллюстратор дергался, его широко раскрытые глаза бессмысленно уставились в пустоту. Изо рта показалась пена. Кровь брызнула из носа. Руки и ноги спазматически колотили в стену — в результате он скатился с постели и тяжело рухнул на пол.

Агустин бросился вперед. Служанка в ужасе присела в углу.

Агустин схватил Андрео за плечо и с усилием перевернул его на спину. Кровь запачкала подбородок Верховного иллюстратора, густая красная струя стекала по шее. Зрачки закатились.

— Матра! — прошептал Агустин, не в силах оторвать взгляд от Андрео.

— Отойди от него! — закричала Диониса.

Сквозь туман Агустин почувствовал, как ее руки схватили его и оттащили в сторону от истекающего кровью тела Андрео Грихальвы.

— Да защитят нас Матра эй Фильхо, — прошептал Гиаберто. — Он мертв.

79

Рохарио никогда не видел Совета, который проходил бы так беспорядочно. Советники его отца всегда говорили только после того, как к ним обращались, и крайне редко высказывали мысли, с которыми Великий герцог мог бы не согласиться. Именно по этой причине Рохарио находил заседания Совета невыносимо однообразными.

Второе официальное собрание либертистов никак нельзя было назвать скучным.

— Я заявляю, что мы должны объявить себя Парламентом и плевать на тех, кто уповает на разрешение Великого герцога! — выкрикнул молодой подмастерье из гильдии каменщиков, старейшей среди всех строительных гильдий.

— Сядь, юноша! Маэссо Торрехон еще не закончил. Мы будем выступать по очереди. Или еще раз напомнить всем о правилах, принятых нашим собранием?

Подмастерье опустился на скамью, стоявшую в пяти шагах от Рохарио. Он выглядел довольным и сердитым одновременно. Его молодой приятель в шляпе с бахромой — таковые были популярны среди начинающих архитекторов — что-то прошептал ему на ухо. Это несколько удивило Рохарио: ведь архитекторов принимали при дворе — в отличие от ремесленников и торговцев, которые попадали во дворец только по каким-то праздничным дням. Однако этих людей связывало нечто неуловимое. Собравшиеся между тем обсуждали заявление подмастерья.

Маэссо Веласко застучал кулаком по столу, требуя тишины. У него был могучий бас и живые манеры, за которыми скрывалась стальная воля.

— Друзья мои, коллеги, прошу вас соблюдать тишину, чтобы маэссо Торрехон мог продолжать.

Постепенно толпа людей, собравшихся в столовой Гаспара, немного успокоилась. Они могли с чем-то не соглашаться — иногда весьма темпераментно, — однако старались соблюдать придуманные ими самими правила, в соответствии с которыми каждый имел право высказать свое мнение.

И они пользовались этим правом. Маэссо Торрехон, представлявший интересы торговцев одеждой. Маэссо Арохо, хвастливый человек, возглавлявший банкирские дома Мейа-Суэрты. Ювелир. Нотариус из гражданского отделения Палассо Юстиссиа. Маэссо Лиэнас, чрезвычайно богатый землевладелец, который умудрился выдать свою самую красивую дочь за разорившегося графа. Двое санктос, высказавших кощунственные сомнения в том, что екклезия должна поддерживать Великого герцога. И даже некий человек, которого Рохарио видел при дворе, вечный оппозиционер, младший сын одного из министров Ренайо. Рохарио сидел в своем углу, надеясь, что его никто не узнает.

Что касается маэссо Веласко, то его прапрадедушка превратил строительные верфи, которые издавна являлись собственностью семьи в провинции Шагарра, в торговую фирму, имевшую представительства на всей территории Тайра-Вирте и даже за ее пределами. Рохарио хорошо знал имя Веласко по торговым «Договорам» на стенах Галиерры. Теперь потомок этой торговой династии с удивительной выдержкой председательствовал на совете и тщательно следил за тем, чтобы выступающие соблюдали регламент.

Их пожелания, как отметил про себя Рохарио, совсем не походили на требования воров и бандитов.

Участвовать в обсуждении налогов. Иметь право приостановить действие новых законов, которые вводит Великий герцог. Создать собственные суды, где можно было бы разрешать спорные вопросы и выдвигать проекты законов, регулирующих жизнь множества ремесленников, торговцев и других собственников в Тайра-Вирте, ведь именно они — с этим соглашались все — являлись основой государства. И возродить Парламент, обладающий теми же правами, что и совет Великого герцога, где сейчас заседали лишь представители благородных семейств.

Один из санктос предложил наделить правом голоса всех людей, потому что в глазах Матры эй Фильхо они равны между собой.

— «Все люди — братья!» — такой лозунг выдвинули в Гхийасс! — выкрикнул он.

Его быстро заставили замолчать.

Рохарио нахмурился, когда слово взял следующий оратор.

— Господа, вы все меня знаете как маэссо Асему. — Серебряные волосы выгодно оттенял черный воротник прекрасно пошитого костюма.

— Проклятый аристократ! — закричал подмастерье из гильдии каменщиков, восхищаясь собственной дерзостью.

Асема снисходительно улыбнулся. Рохарио не верил людям, которые так ловко преодолевают трудности.

— Да, вы правы, мой юный друг, я родственник барона до'Брендисиа. Для тех, кто не знает, почему я пришел сегодня сюда...

— Я не знаю! Возвращайся в Палассо, если сможешь обойти баррикады!

— Тихо! — сурово сказал Веласко. — Пусть наш друг говорит. Он может рассказать нам много интересного.

— Я пришел сюда, — спокойно продолжал Асема, — из-за того, что мой любимый брат, Себастьяно, умер в тюрьме Великого герцога Коссимио — третьего, который носил это имя. Себастьяно хотел того же, на чем настаиваете сегодня вы: возрождения Парламента. Я поклялся продолжить его дело.

Признание Асемы вызвало гул удивления в зале. Рохарио вздохнул и еще больше сгорбился. Помещение было переполнено, поэтому он видел только верхнюю половину картины, которую нарисовала Элейна. Ей не хватило всего нескольких дней. Рохарио было грустно смотреть на эту великолепную фреску, так и оставшуюся незаконченной.

Неужели она действительно произнесла эти слова: «Ты понял, что в моем сердце». Матра Дольча! Она поцеловала его. Сюда. Рохарио поднял руку и коснулся щеки. Даже сейчас, через столько дней, он чувствовал прикосновение ее губ к своей коже.

— Для достижения успеха, — Асема продолжал говорить все тем же елейным голосом, — вы должны объединить всех недовольных в Тайра-Вирте, а не только представителей разных гильдий. И если для этого вам придется сотрудничать с теми из нас, кто вырос при дворе, значит, так тому и быть. Нет! — Он поднял руку ладонью вверх в сторону молодого подмастерья гильдии каменщиков, снова вскочившего на ноги. — Мой юный друг, ваш взгляд полон гнева, но если вы мечтаете о том, чтобы ваши дети процветали, то вам необходимо понять: имея общую цель, мы станем сильнее. У нас есть могучее оружие, которое нам следует разумно использовать. Среди нас находится второй сын Великого герцога Ренайо, который симпатизирует нашим идеям, — мне уже давно об этом известно.

Матра эй Фильхо! Но было уже слишком поздно. Сначала один, потом другой, а затем и все остальные, проследив за взглядом Асемы, повернулись к Рохарио. Неожиданно наступила мертвая тишина.

— Дон Рохарио, может быть, вы скажете нам что-нибудь? — спросил Асема.

Мердитто! Свиньям Брендисиа никогда нельзя было доверять. Его мать не раз это повторяла. Несмотря на охватившую его ярость, Рохарио знал, что у него нет выбора. Он встал.

Люди зашевелились, как учуявший добычу зверь, еще не знающий, на что решиться. На лице владельца гостиницы Гаспара появилось комичное выражение — тайное наконец стало явным.

— Друзья мои, — начал Рохарио, хотя ему совсем не хотелось именно так обращаться к собравшимся. — Я стою перед вами... и у меня нет слов. Я не ожидал, что мне придется говорить.

Раздались негромкие смешки. Он подождал, пока они стихнут, пытаясь собраться с мыслями. Асема продолжал улыбаться, но Рохарио показалось, что в его улыбке больше злорадства, чем доброжелательности.

Рука Рохарио сама потянулась к галстуку, но он сообразил, что сейчас, когда на него смотрят, его не следует поправлять.

— Я никогда не интересовался политикой. И плохо представлял себе, что происходит за стенами Палассо в Мейа-Суэртс до того момента, пока не вошел в эту гостиницу.

— А что вас сюда принесло? — дерзко выкрикнул молодой подмастерье.

Отсутствие титула прозвучало как оскорбление.

Фильхо до'канна! Рохарио с трудом сдержал гнев. Что им сказать, чтобы они поверили?

К его удивлению, вперед вышел Гаспар. Хозяин гостиницы широким жестом показал в сторону незаконченной фрески.

— Он влюбился в прелестную молодую женщину, которую я нанял, чтобы она нарисовала эту фреску!

Его слова вызвали грубый хохот. Рохарио покраснел, но почувствовал, что настроение в зале изменилось. Пришло время решительных действий.

— Но остался я тут совсем по другой причине! — Теперь он чувствовал себя увереннее. — Я работал... — ему пришлось подождать, пока стихнет шум, — ...в качестве писца. Одновременно прислушивался к голосам людей. Когда я сказал отцу, что он должен обратить внимание на ваше положение и рассмотреть обиды и требования — справедливые, с моей точки зрения, — он вышвырнул меня вон! — Рохарио умолк, давая возможность присутствующим до конца осознать эти слова, и закончил уже спокойнее: — Поэтому я здесь.

Собравшиеся задумались и теперь уже без подозрительности смотрели на Рохарио, однако они не могли принять окончательного решения.

— Как вы собираетесь помочь нам? — спросил, снова вскакивая на ноги, молодой подмастерье.

Веласко стукнул ладонью по столу.

— Руис, если ты еще раз откроешь рот, не дожидаясь своей очереди, я с превеликим удовольствием велю вышвырнуть тебя вон. Бассда! Дай дону Рохарио говорить.

Но дон Рохарио беспомощно смотрел на притихших людей, не зная, что сказать. Усмешка на лице Асемы стала еще злораднее. Казалось, происходящее доставляет ему колоссальное удовольствие.

Возможно, произошло всего лишь совпадение. А может быть, Матра и в самом деле помогает своим достойным сынам. В этот самый момент раздался громкий стук, дверь распахнулась, и все увидели крепкого молодого парня с дубинкой в руках.

— Маэссо Веласко, — сказал головорез, на куртке которого красовался знак гильдии производителей шелка, — сожалею, но здесь человек...

— Сожалею, — повторил его слова гость, решительно проталкиваясь в зал.

Это был энергичный пожилой мужчина с длинными седыми волосами. На шее у него висел Золотой Ключ.

Как только он оказался в зале, собравшиеся недовольно зашумели:

— ...лакей Великого герцога...

— ...чи'патро...

— ...проклятый иллюстратор...

— Молчать! — взревел потерявший терпение Веласко. — Здесь все могут говорить!

— Прошу меня простить, — произнес старик, которого Рохарио хорошо знал. — Меня зовут Кабрал Грихальва. Я пришел сюда, чтобы поговорить с... — он оглянулся, — ...доном Рохарио. Я не хотел прерывать ваше собрание.

— И вы собираетесь донести на нас Великому герцогу? — потребовал ответа Руис.

Кабрал спокойно посмотрел на юношу, его совершенно не смутила дерзость, обращенная против него, известного фаворита Великого герцога Ренайо.

— Молодой человек, если вы представите свое прошение, не нарушая при этом спокойствия и порядка, могу вас заверить, что Великий герцог рассмотрит ваши жалобы.

Сразу же несколько человек закричали одновременно:

— Вышвырните его вон! Сядьте! Сядьте! Безобразие! Чирос!

Веласко схватил кинжал и рукояткой застучал по столу.

— Бассда! Я требую тишины! — Когда собрание немного успокоилось, он обратился к Кабралу Грихальве: — Чего вы хотите, мастер Кабрал?

— Маэссо Веласко, как вы поживаете? Как ваша прелестная жена? Я помню, какой красивой невестой она была.

— Свадебный портрет, который вы нарисовали, до сих пор висит в нашей гостиной. По правде говоря, наша дочь уже помолвлена, и нам пора подумать о Пейнтраддо Марриа. Мы уже говорили о том, что было бы здорово нанять вас еще раз.

Кабрал поклонился, принимая комплимент.

— Надеюсь, вы замолвите за меня словечко перед этой враждебной аудиторией. Мое появление здесь, в такой момент, совершенно случайно. Мне сообщили, что я могу найти дона Рохарио в этой гостинице. Мне нужно переговорить с ним по одному вопросу.

— Прошу меня простить, но вы должны быть более конкретны.

Кабрал медленно поправил кружевные манжеты, тщательно взвешивая каждое слово.

— Мое дело связано с молодой женщиной, чье доброе имя мне не хотелось бы упоминать при таком стечении народа. Я надеюсь, вы меня понимаете.

Рохарио направился к Кабралу.

— Нам понадобится всего несколько минут наедине, — сказал он, обращаясь к Веласко и всем остальным. — А потом я вернусь.

Рохарио покраснел, но теперь его ничто не занимало — лишь мысль о том, что Кабрал принес весть об Элейне, взволновала его.

Им разрешили поговорить на кухне. Здесь, возле очага, было жарко; если перейти на шепот, никто не сможет их подслушать.

— Элейна... — выпалил Рохарио прежде, чем Кабрал успел присесть на стул, на котором обычно сиживал повар, когда поворачивал вертел с поджаривающимся мясом.

— ...в безопасности в Палассо Веррада. Мне кажется, ты поступаешь неразумно, связываясь с мятежниками, Рохарио.

— Я буду поступать так, как считаю необходимым. Большая часть из того, что они говорят, меня убеждает. А вот мой отец не желает прислушиваться к доводам разума. Если я их поддержу...

— ...то у сборища этих головорезов появится некая опора на закон.

— Они вовсе не головорезы, тио! Посмотрите сами! Большинство вполне уважаемые люди, которые хотят принять участие в управлении...

— И к чему это может привести? — Пламя охватило одно из поленьев, и в разные стороны полетели искры. Кабрал усмехнулся. — Эйха! Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы спорить о политике, нинио мейо. — Он снова поправил манжеты (кастейское кружево, мысленно отметил Рохарио, лучшее из всех). — Я хочу, чтобы ты отнес Элейне письмо. — Он вытащил сложенный лист бумаги из внутреннего кармана сюртука. — А она, в свою очередь, передаст тебе ответ, который следует доставить в Палассо Грихальва мне или Агустину. Никто другой не должен об этом знать.

— Я обязательно найду возможность!

За дверью шумело собрание.

Рохарио нетерпеливо расхаживал по кухне — пять шагов вперед, пять назад. Ему еще не удалось завоевать доверие этих людей. Если он пойдет в Палассо, то это сразу вызовет у мятежников подозрение. Но разве это имеет какое-нибудь значение, если Элейна нуждается в его помощи? Он взял письмо и спрятал у себя на груди.

— Тебе следует узнать еще одну новость, — мрачно добавил Кабрал. — Вчера скоропостижно скончался Верховный иллюстратор Андрео.

— Я скорблю вместе с вами, тио. Мне больно это слышать. Кто будет новым Верховным иллюстратором?

Кабрал нахмурился. Все прекрасно знали о его прямом характере и близости с Ренайо, что позволяло старику быть резким и правдивым. С тех пор как ему исполнилось двенадцать лет, Рохарио четыре года учился живописи у своего «тио» — как они с любовью называли Кабрала, хотя, естественно, никто из них не состоял с ним в родстве. Занятия продолжались до того дня, когда он попросил учителя честно оценить его способности.

«Вполне сносные, — ответил тогда Кабрал, — но ты никогда не станешь великим художником».

Лучше уж совсем не рисовать, чем быть средним художником. С тех пор Рохарио никогда не брал в руки кисть.

Кабрал мягко улыбнулся и сжал плечо Рохарио, как мог бы сделать любимый дядя.

— Я не имею ни малейшего представления, кто будет следующим Верховным иллюстратором. Мне пора идти, нинио.

— Я тревожусь за вашу безопасность на обратном пути. Один из молодых подмастерьев мог бы проводить вас.

Улыбка Кабрала стала почти насмешливой.

— Ты уже ими командуешь? Нет, дон Рохарио. Я старый человек. И слишком много видел, чтобы бояться чего-нибудь в Мейа-Суэрте.

С этими словами Кабрал ушел.

Рохарио вернулся в обеденный зал, где его с нетерпением дожидались три дюжины мятежников. Их подозрения только усилились за время его отсутствия. Вдруг он понял, что ему будет совсем не легко убедить их в том, что дон Рохарио, присутствовавший на собрании, теперь должен отправиться в Палассо Веррада. Он мучительно пытался найти выход.

— Семья Грихальва понесла тяжелую утрату. Умер Верховный иллюстратор Андрео. Однако у них нет возможности сообщить об этом Великому герцогу Ренайо.

— Повесим тело проклятого иллюстратора на нашей баррикаде!

— Щенок! Это уже слишком! Выведите его отсюда! — На этот раз Веласко действительно потерял терпение.

Четверо мужчин схватили Руиса и потащили вон из зала. Прошло минут десять, прежде чем порядок был восстановлен.

— Я еще не закончил! — воскликнул Рохарио. Его слова заставили всех успокоиться. — Если собрание сегодня вечером сумеет составить список официальных требований, я обещаю выступить в качестве вашего представителя и доставить все пожелания в Палассо Веррада. А потом я вернусь с ответом Великого герцога Ренайо.

Поднялся такой шум, что у Веласко ушло немало времени на то, чтобы восстановить относительную тишину. Лицо Асемы хранило непроницаемое выражение, что начало беспокоить Рохарио. В конце концов вопрос решили голосованием. Незначительным большинством собрание либертистов согласилось поручить Рохарио отнести список жалоб Великому герцогу Ренайо. Теперь отступать было некуда.

80

Элейна наблюдала, как работает Сарио. Он велел ей рисовать фонтан, но она не могла отвести глаз от мастера — его техника и абсолютная уверенность в себе являлись как раз теми качествами, о которых Элейна мечтала. Она была не в состоянии заниматься чем-либо другим, когда Сарио целиком отдавался своему искусству, точно все его существо охватывало ослепительное, всепожирающее пламя, и Элейна просто не видела ничего вокруг.

Он писал Беатрис. После того как родственники при помощи заколдованного портрета отдали ее замуж за Фелиппо, Элейна всегда нервничала, как только речь заходила о портретах. Но она помогала Сарио готовить краски и знала, что на этот раз они столь же безобидны, как и те, которыми рисует она сама.

Матра Дольча! Почему никто ничего не видит? Сарио Грихальва — блестящий, опытный, зрелый художник, намного лучше всех ныне живущих живописцев из рода Грихальва, его работу

можно сравнить лишь с произведениями старых мастеров. Будет ли кощунством сказать, что он даже лучше Риобаро, что его мастерство сродни таланту первого Сарио? Почему Вьехос Фратос не обратили на него никакого внимания? Они ослепли, все до единого!

Потрясенная своим страстным, пламенным негодованием, Элейна положила мел и подошла к огромному окну, выходящему во двор. Вечернее солнце затопило зеленую лужайку и вылизанный садовниками парк золотым сиянием. Фонтан — копия знаменитого фонтана ста колоколец, обнаруженного в древнем тза'абском Палассо в Кастейо Хоарра, — под нескончаемый перезвон колокольчиков разбрасывал в воздухе искрящиеся брызги.

Беатрис — Сарио разрешил ей немного передохнуть, потому что вошел Эрмальдо, граф до'Альва, — встала рядом с Элейной.

— Лестно, не так ли? — спросила Беатрис.

— Что?

— Портрет. Я там такая красивая, разве нет?

— А ты и в самом деле красивая, Беатрис. Посмотри, Эдоард не сводит с тебя глаз.

Беатрис чуть отвернулась от окна. Аласаис сидела на кушетке, накрытой бледно-голубым шелковым покрывалом, доставленным по морю купцами, находящимися под защитой Тайра-Вирте, из далекой Синны. Дон Эдоард рассказывал ей анекдот, очевидно, из охотничьей жизни, но при этом все время поглядывал на Беатрис с видом озадаченного и немного смущенного щенка. Беатрис кивнула ему, улыбка едва коснулась ее губ. Он замолчал на полуслове, едва не запутался, но все-таки сумел снова отыскать нить повествования. Аласаис вышивала, ни на минуту не прекращая своего занятия. Она всего лишь однажды подняла голову от работы — только затем, чтобы посмотреть, куда пошел Сарио. Он разговаривал с графом до'Альва.

— Как ты думаешь, они скоро поженятся? — спросила Элейна.

Беатрис пожала плечами и прижалась лбом к теплому стеклу.

— Не знаю. Эдоард говорит, что отец не обсуждал с ним этого, хотя, конечно, все и так ясно.

— А ты?

— А что я? — удивленно переспросила Беатрис. — Когда будет объявлено о бракосочетании, я получу имение и свободу.

— А тебе что, все равно?

— Эдоард приятный, привлекательный мужчина, немного скучный — между нами, конечно. Он женится по приказу отца, а после этого станет время от времени обращаться ко мне с разными вопросами, так уж сложились наши отношения. А я получу то, что желаю.

— Какое поразительное хладнокровие! Ты же должна что-нибудь чувствовать!

Беатрис поправила кружевную шаль, соскользнувшую с волос. У нее была новая прическа, «Революсьон»: волосы чуть приподняты и собраны наверху, несколько локонов так естественно обрамляют лицо, что Элейна поняла — потребовалось несколько часов для достижения нужного результата. Она и представить себе не могла, что можно просидеть столько времени и ничего

при этом не делать. Но Беатрис давно научилась терпению и теперь совершенно спокойно сказала:

— Говори потише, Элейна. Я гораздо меньше привязана к дону Эдоарду, чем ты к своему мастеру Сарио.

— Я!..

— Ш-ш-ш, милая Элейнита. Я точно знаю, что не каждый день Одаренный иллюстратор соглашается взять в ученицы женщину. Он отличный художник.

— Нет, не отличный, дорогая, — возмутилась Элейна. — Он блестящий!

— Эйха! Как я вижу, он нашел себе хорошего защитника в твоем лице.

— Он тебе не нравится? — Элейна явно рассердилась.

— Я нахожу его поведение немного необычным. Не думаю, что нам с тобой суждено полюбить какого-нибудь мужчину так же страстно, как бабушка любила своего Северина.

Элейна вдруг подумала о Рохарио — ее мысли были похожи на запоздалое приветствие, брошенное через плечо человеком, уже стоящим у двери и собирающимся уйти. Его имя возникло, точно луч белого холодного света, ворвавшийся в теплую, погруженную во мрак комнату. Последнее время она думала только о живописи.

— Это неправда! — запротестовала она и вдруг представила себе Рохарио, его застенчивость, за которой скрывался мятежный дух, линию подбородка, покрой костюма. — Это не касается меня! — Или все-таки касается? Сможет ли она когда-нибудь любить мужчину больше искусства?

Беатрис посмотрела на Сарио, который поклонился Эрмальдо и вернулся к мольберту.

Матра! Беатрис неправильно ее поняла. Подумала, что она, Элейна, влюблена в Сарио Грихальву!

— Беатрис, — сказал он, — будьте любезны, вернитесь на свое место, я уже скоро закончу. Элейна, займись, пожалуйста, делом.

Беатрис ласково потрепала ее по руке и ушла. Элейна осталась стоять на месте.

— Элейна! — рявкнул Сарио и бросил на нее сердитый, тяжелый взгляд.

Не отдавая себе отчета в том, что происходит, Элейна словно завороженная сделала несколько шагов в его сторону.

Матра Дольча! Может быть, она и в самом деле в него влюблена? Не в мужчину Сарио Грихальву, а в то, кем он является и что может ей дать? Это открытие потрясло Элейну. Она послушно подошла к нему и встала рядом. А Беатрис наблюдала за ней с многозначительным видом.

Элейна рисовала, но была слишком занята своими мыслями, так что у нее получился лишь весьма приблизительный эскиз фонтана. Дверь в студию открылась, снова закрылась; а потом все повторилось еще раз. За последние несколько дней гостиная Аласаис — и ателиерро Сарио — стала самым популярным местом при дворе.

— Ты не думаешь о том, чем занимаешься, — сказал Сарио не оборачиваясь.

Ему прекрасно удалось передать характер Беатрис. Элейна увидела упрямые линии точеного подбородка, скрытый огонь в глазах, мягкую, немного робкую улыбку, обещавшую так много и не дающую ничего существенного. Как много сумели узнать и увидеть в Беатрис глаза Сарио — того, о чем она, ее родная сестра, и не подозревала до самого последнего времени.

Элейна прикусила нижнюю губу и нахмурилась, глядя на свою работу. Взяла белый мелок и попыталась придать блеск колокольчикам.

— Проклятье! — тихонько выругалась она, потому что ничего не вышло.

Сарио хмыкнул, повернулся, сделал к ней четыре шага, взял из ее руки мел и быстро провел на листе три линии.

— Вот здесь. Тут. И еще так.

Эйха! Потрясающе! Солнце отражалось от колокольцев, окутанных изукрашенным бисером покрывалом.

— Тебя что-то отвлекает, — сказал он. — В таком состоянии работать бессмысленно. Займешься эскизами завтра утром.

Пораженная, Элейна молча взяла из его рук мел, а он вернулся к портрету Беатрис. Кто-то откашлялся у нее за спиной, и, оглянувшись, Элейна увидела слугу в ливрее до'Веррада.

— Маэсса Элейна. — Он поклонился. Одну руку слуга держал за отворотом ливреи, откуда выглядывал краешек белого листка бумаги. — Прошу меня простить за то, что я отрываю... У меня письмо... — Он чуть приподнял одну бровь.

— Я уже закончила.

Стряхнув мел с рук, Элейна сердито посмотрела на свой рисунок, словно надеялась, что он таинственным образом изменится, извинилась и вышла из комнаты. Слуга последовал за ней. В коридоре он вручил ей сложенный листок бумаги. Элейна развернула записку.

Дорогая моя Элейнита.

У нас ужасные новости. Верховный иллюстратор Андрео умер три дня назад, но мы до сих пор не понимаем, явилась ли причиной его смерти какая-нибудь серьезная болезнь, поскольку никто больше не захворал, если не считать того, что вчера Никойо стало хуже и мы опасаемся за его жизнь. Они не знают, как быть. Притворяются, будто это не так, но я вижу, что они перепуганы. Никто не решается покинуть Палассо. Сделай все так, как написано в этих указаниях, и, возможно, мы поговорим. Сначала пришли мне изображение твоей спальни, как она выглядит рано утром. Ничего не меняй в комнате, только положи мой маленький рисунок на стол так, чтобы ты могла сидеть совершенно неподвижно и смотреть на него, а на своей картинке пометь то место, где он будет находиться. На рассвете, когда все тени одинаковы, ты должна там сесть. Умоляю тебя, будь терпелива. Если я повторю твою зарисовку, использовав в красках свою кровь, и положу ее на указанное тобою место, может быть, мы сумеем связаться друг с другом. Ни в коем случае не сжигай ни это письмо, ни маленький рисунок. Наверное, тебе интересно знать, каким

образом удалось передать их тебе? Эйха! Нам помогает твой поклонник. Он согласился отправиться в Палассо Веррада, чтобы его доставить. Сделай все, как я прошу.

Твой любящий брат Агустин.

Пожалуйста, помни, ни в коем случае не сжигай это письмо! Ты поймешь почему.

Элейна прижала листок бумаги к груди. Агустин, наверное, подмешал свою кровь в крошечную картину, сделанную масляными красками, — точное изображение одного из уголков ателиерро, окутанного бледными рассветными тенями.

Наконец, придя в себя, она подняла голову и увидела, что рядом терпеливо ждет слуга.

— Дон Рохарио хочет видеть вас. Он встречался с Великим герцогом...

Как мало времени! Она ведь не может знать, сколько еще Рохарио пробудет в Палассо.

— Я должна зайти в свою комнату. Идем со мной.

Она бросилась к себе. Слуга оставался за дверью, пока Элейна, перерывая свои рисунки, пыталась найти тот, что был сделан на рассвете. Выбрав один, принялась его разглядывать, а потом быстро и ловко изобразила листок бумаги, лежащий на краю маленького столика. Запомнила точное расположение предметов. Снова все внимательно осмотрела. Да, так будет хорошо, просто великолепно. Совсем как отблески солнца, появившиеся на колокольцах после того, как Сарио взял у нее из рук мел. Элейна свернула свое произведение в трубочку, обернула его еще одним листком бумаги и перевязала веревочкой.

Лицо слуги оставалось спокойным и непроницаемым.

— Сюда, маэсса.

Глядя на него, трудно было поверить, что нужно спешить, что у нее совсем мало времени.

Они шли по узким боковым коридорам, — как поняла Элейна, отданным слугам, — к большой винтовой лестнице, ведущей в кабинет Великого герцога. Наверху площадка выходила прямо в прихожую, где стоял резной столик, украшенный инкрустацией из слоновой кости, и четыре кресла из светлого дерева, на их сиденья были наброшены вышитые сапфировыми звездами накидки. Две двери — одна открытая — вели из прихожей дальше, внутрь покоев Великого герцога.

— Сюда, пожалуйста. — Слуга подвел Элейну к открытой двери.

Она чуть задержалась на пороге, заметила внутри длинный черный стол с множеством стульев вокруг него. Комната, где проводятся заседания Совета, была пуста. Свет проникал сюда сквозь два маленьких оконца.

В этот момент дверь в кабинет Великого герцога распахнулась.

— ...и больше не возвращайся. Ты мне не сын!

В прихожую, пятясь, вышел молодой человек, а в следующий момент дверь захлопнулась прямо у него перед носом.

Тишину разорвал грохот и тут же стих, словно тяжело вздохнуло какое-то диковинное живое существо. Где-то внизу нервно зашагал солдат, стоящий на посту.

— Господин, — тихо позвал слуга, но молодой человек вздрогнул, как от взрыва, и быстро развернулся.

Слуга втолкнул Элейну в Зал Совета. В следующее мгновение туда же вошел Рохарио, и за ним бесшумно закрылась дверь. Он смотрел на Элейну и ничего не говорил. Только сейчас она обратила внимание на тихий рокот, которого не замечала раньше: внизу, за окнами Палассо, жил город. В этом звуке слышалось какое-то ворчливое беспокойство. Темнело.

— Рохарио, — сказала Элейна и сама удивилась тому, как легко его имя соскользнуло с губ.

— Он хочет, чтобы я женился на принцессе Аласаис, — с негодованием выкрикнул Рохарио. — Он взял у меня из рук письмо с жалобами либертистов и сжег его в камине. Сказал, что не намерен читать глупости, выдуманные мятежниками. Но ведь на собрании присутствовали и люди, которых он принимал здесь, при дворе. Люди, изображенные в «Договорах», составленных при их участии. А потом он объявил, что я должен жениться на принцессе Аласаис и стать королем Гхийаса.

У Элейны возникло ощущение, будто она в густом тумане пытается нащупать дорогу, но постоянно натыкается на острые камни.

— Естественно, я ответил, что не намерен ему подчиняться. — Рохарио хрипло рассмеялся. — Я не хочу быть королем. Год назад, возможно, я бы и согласился, но... Матра Дольча! Элейнита, неужели это и в самом деле ты?

— Да, это и в самом деле я.

Он схватил ее руку, поднес к губам. Целуя пальцы, глазами искал глаза.

— Ты выйдешь за меня замуж, правда? В данный момент я не могу предложить тебе никакого титула. Теперь я навсегда связан с Парламентом. — Его мрачная улыбка скрывала напряжение, такое же хрупкое, как кости иллюстратора. — Но у меня есть два имения. Никто, даже мой отец, не сможет их у меня отобрать. Скажи, что ты станешь моей женой, а остальное не важно.

«Сарио ни за что этого не допустит».

Эйха! Элейна попыталась отбросить все обязательства перед Сарио Грихальвой, не думать о долге перед своей семьей, заставила себя увидеть Рохарио таким, какой он был в действительности, без прикрас, взглядом художника.

Карие глаза, как у матери. Светлые волосы ему достались от отца. Тонкое, с правильными чертами лицо, упрямый подбородок, а в глазах холодная решимость, которую можно заметить лишь в том случае, если смотреть очень внимательно. Рохарио отличался хрупким телосложением, но в последние несколько месяцев все его существо переполняла такая энергия и жизненная сила, что он стал казаться выше и крепче. И еще — столь характерная для него манера безупречно одеваться. Пусть кто-нибудь по-

смест сказать, что Рохарио до'Веррада выглядит не лучше всех остальных мужчин своего времени.

Элейна рассмеялась, но в глазах у нее стояли слезы. Она потянулась к нему и обняла, чувствуя, как губы его касаются ее волос. Она ощущала его тело, легкое дыхание, руки, обхватившие плечи. Рохарио рядом с ней, здесь. Ей захотелось оказаться как можно ближе к нему. Старые, незваные воспоминания вогнали ее в краску, она устыдилась того, что происходило между нею и Фелиппо.

И все же... этот стыд не мог встать между ними. Не мог испачкать, погасить то теплое сияние, что соединило ее и Рохарио.

— Прошу прощения, господин. Я должен проводить вас. Если Великий герцог обнаружит вас тут...

Рохарио тяжело вздохнул, все еще не отпуская Элейну, потом, быстро поцеловав в лоб, высвободился из ее рук. Сильно, до боли, сжал ее пальцы.

— Милая, — прошептал он и отошел на несколько шагов.

Элейна молча протянула ему свернутый в трубочку рисунок. Рохарио взял его и вышел из комнаты.

— Если я и стану чьей-нибудь женой, Рохарио до'Веррада, — тихо сказала ему вслед Элейна, — так это будешь ты.

Ей понадобилось довольно много времени, чтобы успокоиться, и еще больше, чтобы решиться выйти из Зала Совета. Старые часы с петушком, стоявшие на столе, пробили какой-то час, и петушок захлопал крыльями. В темной комнате уже так стемнело, что почти ничего не было видно. Элейна выскользнула за дверь, стараясь не шуметь, спустилась вниз по лестнице, разбирая путь лишь благодаря недавно зажженным факелам, закрепленным на стенах. Никто ее не заметил. Словно в тумане, Элейна вернулась в ателиерро.

В комнате не было никого, кроме принцессы Аласаис, ее верных слуг и Сарио. Он наносил последние штрихи на изумительный портрет Великого герцога Ренайо. Как всегда, Элейна не могла не восхититься умело продуманной композицией: Ренайо стоял на подстриженной лужайке, под персиковым деревом, держа в руке цветы льна. Как странно. Элейна помимо воли вдруг вспомнила уроки бабушки Лейлы. Лен означает Судьбу. Трава — Покорность.

Покорность!

Она мгновенно похолодела.

Какие идиотские мысли лезут в голову! Семейство Грихальва действует заодно с до'Веррада. В кабинете Великого герцога висит портрет Верховного иллюстратора, чтобы он мог... Эйха! Элейна не знала точно, что он может сделать. Но никто не мешал ей строить догадки. Нет, все это глупые фантазии. Предательство матери отравило ее, заставило думать плохо и об остальных людях. Сарио дает ей все, о чем она с такой одержимостью мечтала всю жизнь.

Все, кроме Рохарио, конечно. Но стоит ей вернуться в Палассо Грихальва, и она снова станет пленницей. Элейна покачала головой, пытаясь избавиться от злополучных мыслей. Все дело в потрясении, которое она пережила, узнав о смерти Андрео. И только. Аласаис сидела все так же неподвижно, вышивала при свете ламп.

Наконец Элейна с трудом сделала шаг, потом еще один, подошла к иллюстратору.

— Мастер Сарио, — она сглотнула, — я только что получила известие из Палассо Грихальва. Верховный иллюстратор Андрео умер.

— Да, — ответил Сарио. — Я хочу, чтобы завтра ты нашла перечень картин, имеющихся в Галиерре. Ты должна выяснить, сохранились ли там — и какие именно — произведения Риобаро Грихальвы, Дионисо, Арриано, Этторо, Домаоса — нет, нет, не Домаоса, — Оакино, Гуильбарро, Мартайна, Сандора, Игнаддио, Веррейо, Матейо, Тимиррина, Ренсио... Эйха! Ренсио! Какой осел! Те, что находятся в хранилище, нужно будет оттуда забрать.

Элейна была изумлена тем, как спокойно Сарио отнесся к потрясающей новости, которую она ему сообщила.

— Только их работы? Есть еще много других, Сарио...

— Сарио! Конечно же, Сарио! Да, я забыл о Тасиони и Адальберто. И Бенедетто. Он обладал поразительным даром видеть цвета. Начни с этих. Удели их работам особое внимание. Я говорил тебе, какое восхищение вызвала во мне твоя работа «Битва на Рио Сангва»? Достойное произведение. Мне эта картина нравится больше, чем та, что принадлежит кисти Бартойина.

«Произведение!» Элейна была так потрясена, что воскликнула:

— Правда?

Сарио даже оторвался от своего занятия.

— Матра эй Фильхо! Я бы не стал этого говорить, если б так не думал! Посмотри сюда... Видишь, как последние мазки, которые ты наносишь на картину, создают нужное впечатление.

Элейне безумно нравился портрет Ренайо. Научиться так рисовать! Наверняка есть какое-то другое, совсем невинное, объяснение замеченным ею символам. Сарио не имел в виду ничего плохого.

— Наступит день, и ты научишься рисовать так же хорошо, если будешь работать. Ты будешь работать?

Сарио пристально посмотрел на Элейну. Его переполняла жизненная сила, а талант был сродни пламени, Луса до'Орро, озаряющей все вокруг. Рядом с ним нет места мраку, все сияет ослепительным светом.

— А разве у меня есть выбор?

Он удовлетворенно кивнул.

— В таком случае до утра.

Элейна встала очень рано и сразу отправилась в Галиерру, но помощник кураторрио, дежуривший в тот день, смог предложить ей лишь смехотворный по своему объему путеводитель. Она старательно пометила все картины иллюстраторов, которых упоминал Сарио, а затем терпеливо искала их на стенах. Это заняло у нее все утро.

— Здесь обязательно должно быть хранилище.

— Естественно, у нас есть хранилище, — подтвердил помощник кураторрио, которого Элейна почему-то сильно раздражала.

Он открыл дверь на огромный пыльный чердак, заставленный прикрытыми какими-то тряпками картинами и

ящиками. Элейна наклонилась и открыла одну из картин. На нее смотрела девочка с печальными глазами, одетая в старомодное платье.

— Матра эй Фильхо! Мне понадобится не одна неделя, чтобы все тут разобрать, даже если и удастся понять, какая из них кому принадлежит... Маэссо, неужели у вас нет полной описи? Не могу поверить, что картины просто-напросто убирают сюда и нигде не остается никаких заметок.

— При мне никто ничего подобного не делал, — ответил помощник кураторрио. — У меня есть свои, вполне определенные обязанности. Простите, но я должен их выполнять. — Не сказав больше ни слова, он вышел.

Элейна выпрямилась, отряхнула юбку, раскрыла ставни и впустила на чердак лучи солнца, в которых тут же заклубились крошечные пылинки. После этого она принялась методично снимать тряпки с картин, доставать их из ящиков.

Как-то так получилось, что эта однообразная работа захватила ее. С полотен на нее взирали лица давно умерших людей, одни с радостью или грустью, другие равнодушно, словно им вовсе не хотелось позировать для портрета и они мечтали оказаться совсем в другом месте. Эйха! Они и в самом деле сейчас находятся в другом месте, в своих могилах. Элейна видела то тут, то там собственных предков, мужчин в пышных воротниках, женщин в вызывающе открытых платьях, оливковая кожа, типичные носы, серые глаза — эти черты до сих пор отличают Грихальва: Верховных иллюстраторов, знаменитых живописцев, обожаемых любовниц.

Старые «Договоры», «Помолвки», «Деяния», «Смерти»; изредка встречались «Разводы», окаймленные черной рамкой. Матра! Кто эта потрясающая красавица с хлыстом в одной руке и букетом белых маков — в другой. «Мое проклятие». Элейна поискала надпись внизу портрета. Бенекитта до'Верраде? Еще одно незнакомое имя. Она отложила картину в сторону.

Ее юбка и волосы были в пыли, но она не обращала на это внимания. Через некоторое время Элейна сообразила, что начало темнеть. Вдруг дорогу ей преградил огромный комод с неглубокими широкими ящиками. Она потянула за ручку, и тут же вперед скользнула плоская доска.

Эскизы! Элейна чихнула. Наброски «Договоров», портреты. В одном из ящиков она обнаружила зарисовку — видимо, к картине, которая должна была запечатлеть торжественный момент, когда первый Ренайо стал Великим герцогом и основал Тайра-Вирте. Внизу стояла довольно необычной формы буква S с многочисленными завитушками и украшениями — произведение неизвестного художника.

Элейна открыла очередной ящик. Эйха! Целая куча карикатур на придворных, некоторые из них весьма грубые! Она чихнула, наглоталась пыли, закашлялась.

У стенки, за ящиком, куда они, по всей вероятности, завалились много лет назад, лежали смятые листки бумаги. Элейна развернула их, и они захрустели у нее в руках. Слишком мелкие буквы прочитать при таком освещении было невозможно.

Свеча почти догорела, Элейна взяла ее и выбралась наружу. В коридоре на стенах уже горели лампы. Выяснилось, что она нашла старую опись имеющихся в Галиерре картин. В самом конце стояла дата, когда она была составлена: «По приказу Тасита Грихальвы, в году 1216». Ровно сто лет назад.

Подумать только! Прижав к груди драгоценный документ, Элейна поспешила в Галиерру, уже закрытую, но не запертую на ключ. Внутри никого не было, царил мрак. В желудке у нее заурчало. Матра! Она же не ела целый день! Однако любопытство победило голод.

Элейна зажгла лампу и поставила ее на стол кураторрио. Опись была разделена на две части: «Для выставки в Галиерре» и «Для хранения».

В самом верху списка картин, предназначенных для хранения, она прочитала: *«Первая Любовница», портрет Сааведры Грихальва, выполненный Сарио Грихальвой*. Дальше шло краткое описание: *«Портрет в полный рост. Сааведра Грихальва стоит у стола в своей комнате. Ночь. На ней платье из пепельно-розового бархата. На шее тяжелое ожерелье из жемчуга, мелкие жемчужины украшают платье. На столе лежит раскрытая книга. Одна рука Сааведры касается стола, другая указывает на первую строку текста»*.

Элейна поднялась, сжимая в руках опись. Взяла лампу за раскрашенное керамическое основание и пошла — медленно, ей совсем не хотелось побыстрее добраться до другого конца Галиерры. Вокруг царила мертвая тишина.

«Первая Любовница» висела на своем месте. Такая прекрасная, что на нее было немного страшно смотреть, потому что кроме всего прочего она казалась невыносимо печальной. Сааведра исчезла навсегда, ведь все в жизни рано или поздно уходит. Только вот благодаря гению Сарио Грихальвы память о Первой Любовнице будет жить вечно.

Впрочем, взгляд Элейны лишь на мгновение задержался на лице и глазах Сааведры. Дрожа от ужаса, она, словно первый раз в жизни, стала рассматривать картину.

Сааведра не стояла у стола. И в комнате была не ночь. Судя по отсутствию теней и свету за сводчатыми окнами, уже наступил полдень. Лампа погашена. На подоконнике — свеча, толстая, почти догоревшая. На столе и в самом деле лежит книга, только она закрыта, точно ее последняя страница прочитана, а сама книга отодвинута в сторону.

Сааведра стоит у окованной железом двери, левая рука на щеколде, голова повернута к зеркалу. Либо в описание картины вкралась ошибка, либо кто-то неправильно ее скопировал.

Где-то в противоположном конце Галиерры открылась дверь, и Элейна подпрыгнула на месте. Не задумываясь над тем, зачем она это делает, погасила лампу и укрылась за большим, тяжелым занавесом в дальнем углу. К тому месту, где она пряталась, не спеша приближались двое... Темная, погрузившаяся в ночную тишину Галиерра вдруг превратилась в хранилище страхов. Даже тусклый свет казался пугающим.

— Вы должны действовать, ваша светлость, — тихо, но совершенно отчетливо промолвил Сарио, и его голос эхом разнесся по пустой Галиерре. Такой спокойный. Такой уверенный в себе. Такой сильный. — Вы же знаете, что до'Веррада не могут обходиться без Верховного иллюстратора.

Шаги приблизились. Элейне почудилось, будто сердце у нее стучит слишком громко и они вот-вот догадаются, что она здесь. Но они остановились у портрета Сааведры Грихальва, и тени, отбрасываемые лампой Сарио, заметались по стенам, укрыли картину, словно покрывалом.

— Новость про Андрео... так меня потрясла! Вы уверены, что это правда?

— К сожалению, да.

— Но вы так молоды. Вы утверждаете, что остальные не будут возражать?

— Решение принимаете вы, ваша светлость. Если вы представите меня Вьехос Фратос в качестве вашего нового Верховного иллюстратора...

Элейне чудом удалось сдержаться и не вскрикнуть от изумления. Она боялась даже пошевелиться.

— Я вас не знаю...

Разве это тот самый человек, который вышвырнул Рохарио из своего Палассо? Его голос звучал так неуверенно. А ведь Великий герцог никогда ни в чем не сомневается.

— Вы можете мне доверять, ваша светлость. Если я нарушу наш кодекс чести, у моих родственников есть способ меня наказать.

— Эйха! Конечно. Немножко жестоко, если подумать...

— Зато необходимо, когда власть, дарованная нам Матрой эй Фильхо, попадает в руки человека, лишенного совести.

— Да, пожалуй. Вы совершенно правы. Вы зайдете ко мне утром, Верховный иллюстратор Сарио?

— Почту за честь, ваша светлость. Я буду служить вам так же верно, как мой тезка служил Алехандро до'Веррада. — Его тень поклонилась Великому герцогу, соскользнула с фигуры Сааведры.

Тень Ренайо сделала какой-то странный жест рукой. Элейна не поняла, что он означал. А потом он ушел. Его шаги постепенно стихли в другом конце Галиерры.

У Элейны защекотало в носу, и ей захотелось чихнуть. Сарио неподвижно стоял на месте. Элейна знала, что долго ей не продержаться.

Сарио сделал несколько шагов вперед, так что теперь она его видела, поднял лампу и подошел поближе к портрету Сааведры. Приложил сложенные пальцы к губам и, потянувшись вперед, коснулся ими губ Сааведры.

— Любимая моя. Скоро ты будешь возвращена к той жизни, которую заслужила. Но ты должна набраться терпения, Ведра. Должна помнить: я знаю, как для тебя лучше.

Он долго стоял перед портретом, смотрел на прекрасное лицо.

Элейна замерла, листки описи жгли ей руки, но она знала, что стоит хоть чуть-чуть пошевелиться, и шуршание старой бумаги выдаст ее присутствие.

Сарио покачал головой, словно отвечая на безмолвный вопрос.

— Еще не пришло время освободить тебя, любимая, — снова обратился он к картине.

Потом — благодарение всем святым! — медленно пошел прочь, тихо ступая по ковру, устилавшему пол. Элейна не двинулась с места, пока не услышала, как в дальнем конце Галиерры закрылась дверь.

Сарио Грихальва сошел с ума.

А Великий герцог только что назначил его Верховным иллюстратором.

Элейна выскользнула из-за портьеры и посмотрела на «Первую Любовницу»: Сааведра Грихальва казалась живой, возникало ощущение, что вот сейчас она сделает шаг и выйдет из картины — такая, какой была триста лет назад.

— Каким же могуществом обладают иллюстраторы Грихальва? — прошептала Элейна, поймав взгляд Сааведры, отраженный в зеркале. С каким поразительным искусством удалось Сарио в самых мельчайших подробностях передать на полотне это лицо, его потрясающую красоту, гнев, страстность изображенной на портрете женщины.

«Достаточным могуществом, чтобы поступить со мной вот так! Кто ты, сестра моя? Я уже видела тебя. Ты мне поможешь? Ты понимаешь, что сделали со мной и моим ребенком?»

Невозможно. Этого не может быть.

А если может? Если Сааведра Грихальва не умерла и не сбежала? Если Сарио Грихальва пленил ее, заключив в портрет? Но почему он совершил такое ужасное преступление?

И как может Сарио Грихальва — нынешний Сарио — знать о том, что произошло триста лет назад?

81

Не было никакой необходимости говорить Великому герцогу, что Вексос Фратос, эти самодовольные идиоты, не имеют над Сарио Грихальвой никакой власти. Теперь не имеют.

Ему больше не нужно беспокоиться по поводу интрижек с девицами из семейства до'Веррада. Какая глупость — пожертвовать талантом Домаоса, наказав его за два года страстной любви к Бенекитте. Больше не будет уродливых Ренсио. Он больше не позволит мальчику, обладающему таким исключительным талантом, каким был наделен Рафейо, сгореть от дикой, неуправляемой жажды власти и яростной ненависти. Его путь был так сложен, столько несчастий и настоящих катастроф омрачили его существование. Ни одна судьба, кроме Риобаро, не сложилась так, как он планировал.

Матра эй Фильхо! Род Грихальва слабеет. Разве он может позвать Сааведру назад, когда сам находится в таком

неприметном теле? Но ведь у него нет ни одного достойного преемника. Слабые, старые или уже умершие. Вот вам характеристика иллюстраторов Грихальва.

Всех, кроме его ученицы. И почему только она не наделена Даром, как Сааведра? Но Вьехос Фратос никогда в жизни не станут слушаться женщину, так что, пожалуй, даже лучше, что все складывается именно так. У него не возникнет соблазна, его не захватит в плен яркое пламя ее таланта, и он не попадет в тело существа, каждое слово которого, рожденное его, Сарио, сознанием, будет проигнорировано или не принято всерьез. Он сделает из нее величайшего мастера своего времени — если не считать его самого, естественно, — и через нее, пользуясь властью Верховного иллюстратора, установит новые традиции в живописи, уничтожив скучную и безжизненную манеру письма, столь любимую Андонио и Андрео. Когда нынешние мальчишки из Палассо Грихальва достигнут совершеннолетия, он окажет честь наиболее способному из них своим присутствием. Только тогда можно подумать об освобождении Сааведры. Когда все будет так, как должно быть.

Кого необходимо нарисовать следующим? Кто встанет у него на пути? Эдоард проводит много времени с Аласаис. Что лучше послужит его целям — брак Эдоарда с принцессой, или, может быть, следует отдать ее брату наследника? Как его зовут? Коссимио? Алессио? Матейо? Нет, это другие братья, жившие в иные времена.

Эйха! Как он напишет портрет непокорного сына Ренайо, если ни разу его не видел? Коль уж все они оказались в ловушке в Палассо из-за безобразий разбушевавшегося сброда, придется заняться Эдоардом. Не имеет никакого значения, кто из них отправится в Гхийас: Эдоард сможет объединить оба королевства.

Неожиданно Сарио сообразил, что за окнами стемнело. Сколько времени он простоял перед портретом Ренайо? Он совсем потерял счет времени.

Кто-то постучал в дверь.

— Мастер Сарио?

— Входи, Элейна.

Так много еще нужно сделать, но у него достаточно времени, чтобы выполнить самую важную свою задачу: выучить Элейну Грихальва, возродить живопись в Тайра-Вирте и подготовить для себя преемника. Политические соображения отступают на второй план, когда речь идет о его долге перед искусством. Он снова оглядел комнату: портрет Андрео, «Смерть», и портрет Аласаис были прикрыты, разглядеть их сможет только тот, кем движет чрезмерное любопытство. Вспомнив, что он запер за собой дверь, когда вошел в комнату, Сарио отодвинул щеколду.

— Мастер Сарио, прошу меня простить за беспокойство.

— Ничего страшного, заходи, эстудо.

Элейна сразу увидела портрет Ренайо. И не смогла скрыть от Сарио свой ужас.

— Насколько я понимаю, тебе известен язык, которым мы пользуемся в наших картинах, — тихо сказал он.

Элейна попыталась взять себя в руки.

— Говори, — потребовал ответа Сарио. — Если знаешь, расскажи, что ты увидела на этом портрете.

Элейна побледнела, но подчинилась.

— Трава — это Покорность, лен — Судьба. Цветы персика означают: «Я Твой Пленник».

С какой легкостью произносит она волшебные символы.

— Лейла оказалась хорошей наставницей. Удивляться тут нечему — мне она никогда не нравилась, но я научился ее уважать.

— Вы знали мою бабушку? Она мне не говорила.

— Конечно, она была со мной знакома! — Сарио замолчал, с трудом заставив себя остановиться, не продолжать. Он ведь больше не Дионисо. Этот Сарио Грихальва встречался с Лейлой Грихальва, когда та состарилась и вместе со своим братом Кабралом обладала невероятным влиянием в Совете. И все только потому, что они поддержали Мечеллу, чьи последователи победили столь презираемую Тасию. — Она знала всех нас.

Он подошел к окну и стал хладнокровно разглядывать двор. Вот в свете факелов прогуливается принцесса Аласаис в сопровождении нескольких придворных дам. Среди них сестра Арриго, Лиссия. Нет, нет, это внучка Лиссии, красивая молодая женщина, очень похожая на свою бабушку. Как ему повезло, что у них одно и то же имя. Он снова повернулся к Элейне.

— Нам надо так много сделать. Ты должна это понимать.

— А почему бы вам в таком случае не изобразить себя Великим герцогом? — требовательно спросила она.

Сарио рассмеялся — скорее над ее возмущением, чем над бессмысленностью слов. И почему все обвиняют его в том, от чего он никогда не страдал?

— А зачем мне быть Великим герцогом? У каждого из нас — до'Веррада и Грихальва — свое место. Неужели ты думаешь, что высший свет Тайра-Вирте согласится, чтобы чи'патро Грихальва стал их герцогом? Они мгновенно возмутятся, начнут протестовать, и даже я не смогу написать портрет каждого жителя этой страны, чтобы заставить его покориться. Мне на это просто не хватит крови. Матра эй Фильхо! Подумай хорошенько! Ни один художник не захочет играть роль Великого герцога. Я живописец, а не правитель. Ни у одного Великого герцога нет столько свободного времени, чтобы стать настоящим художником, а не просто талантливым любителем, рисующим миленькие картинки для своих придворных дам. Я намерен возродить искусство Грихальва, вернуть его прежнее величие, и если для достижения своей цели я должен занять пост Верховного иллюстратора — да будет так!

Долго, словно она не слышала его слов, Элейна смотрела на портрет Ренайо. Потом вдруг тихо сказала:

— А откуда вам было известно, что Андрео умрет? — Она произнесла последнее слово как будто с опаской, отрывисто, и бросила на Сарио испуганный взгляд.

— Я тоже огорчен безвременной кончиной Андрео. — Ложь давалась ему легко. — Но жалость не должна ослеп-

лять тебя, рождать в душе ненужные сомнения. — За многие годы Сарио научился читать в душах людей. Элейна сомневалась в правильности своих выводов. Она хотела в них сомневаться. — Садись, Элейна. Я хочу сделать несколько эскизов к твоему портрету.

Она не села. Ее глаза метали молнии — да, у девушки просто восхитительные глаза!

— Никогда! Неужели вы думаете, что я добровольно позволю вам написать мой портрет, чтобы вы потом смогли превратить меня в свою рабыню? Со мной это уже проделали один раз, и я поклялась...

— Уже проделали один раз?

— Вам наверняка известно, что я отказалась выйти замуж за Фелиппо Грихальву, однако Гиаберто — с согласия и при участии моей собственной матери — написал заколдованный портрет, и я согласилась. — В свете лампы заблестели застывшие в ее глазах слезы.

Теперь мало что в этом мире вызывало у Сарио отвращение. Однако подобные поступки его возмущали.

— Эйха! Фелиппо Грихальва! Он же никогда не умел вести себя пристойно, совсем как дворовый пес!

По щекам Элейны потекли слезы, но она старалась взять себя в руки. Сарио восхищался силой ее характера.

— Я находился за границей, надеюсь, ты помнишь, — тихо сказал он. — Элейна, я бы ни за что не допустил ничего подобного. Никогда. — Сейчас она беззащитна. У него есть то, о чем она мечтает, — знание, — и Элейна сделает все, что он попросит, дабы получить желаемое. — Тебе прекрасно известно, что Вьехос Фратос вымирают! Загнивают в своем болоте! Эйха! Я даже начинаю симпатизировать либертистам. — Элейна смотрела на него вопросительно — ответа на какой вопрос она искала? Он видел это в ее глазах, в том, как она стояла, но не понимал, что у нее на уме. — Ты хочешь узнать то, чему я могу тебя научить? — Он знал, каким будет ответ.

— Конечно!

— В таком случае, ты должна меня слушаться! — Ну почему с теми, кого природа наделила талантом, всегда так трудно? — Садись, я хочу написать твой портрет.

— И сделать меня своей пленницей? — с вызовом спросила она. — Если я буду вашей ученицей, то стоит вам лишить меня собственной воли, как я превращусь всего лишь в отражение.

Невозможное существо!

— Моронна! Мой долг защитить тебя от остальных. Именно для этого я и должен написать твой портрет, который не позволит никому — в том числе мне — причинить тебе вред.

Эти слова произвели на Элейну впечатление.

Ей с самого начала следовало понять, что он намеревается оградить ее от происков остальных Грихальва, как в свое время Сааведру.

— Не упрямься! Разве ты сама не критиковала Вьехос Фратос?

— Критиковала, — неуверенно подтвердила Элейна.

— Ты ведь согласна, что академический стиль абсолютно ничего не стоит? Что Грихальва слишком заняты собой и поглощены собственными проблемами?

— Согласна.

— В таком случае позволь мне защитить тебя, чтобы ты смогла учиться и никто тебе не мешал! Эйха! Я прав, и ты это знаешь. Так что давай закончим спор и примемся за дело. У нас так много работы! Опись имеющихся в Палассо работ Грихальва. Необходимо полностью переработать учебные пособия для юных художников из рода Грихальва. Мы должны создать новую манеру живописи, которая оживит искусство в Тайра-Вирте. — Он тяжело вздохнул, с нетерпением дожидаясь ее согласия.

— Опись, — неуверенно произнесла она. — Я нашла опись, сделанную во времена Арриго Второго.

Так много жизней назад. Теперь он мог лишь вспомнить, что воспользовался коронацией Арриго II для того, чтобы избавиться от Ренсио. Он протянул руку.

— Дай-ка мне ее посмотреть.

Увидев, что Элейна колеблется, он почувствовал раздражение.

— Я... я не взяла ее с собой.

Дело тут не в описи. Как и Алехандро, она в нем нуждается. И нет необходимости прибегать к магии, чтобы убедить ее в этом, достаточно произнести нужные слова с нужной интонацией.

— Элейна, ты должна мне доверять. Я хочу иметь ученика, который прославит мое имя, ученика, чей талант засверкает всеми красками под моим руководством. Ученицу. Если бы я пожелал получить копииста, то не стал бы сражаться за истинное искусство, которое загубили Вьехос Фратос, разве не так? — Он говорил мягко, потому что видел, она все еще сомневается.

И это неудивительно — после того, что с ней проделали ее родные. Заставили выйти замуж за Фелиппо, этого омерзительного ублюдка. Как только они посмели столь подло поступить с молоденькой девушкой? Как могли подвергнуть такому унижению ребенка, осененного Луса до'Орро? Он обязан сделать все, чтобы подобное не повторилось.

— Позволь мне написать твой портрет, — продолжал Сарио. — Там будут белые хризантемы, обозначающие Правду, белый дуб — Независимость, речная ива — Свобода и можжевельник, символизирующий Защиту и Очищение. Ты поможешь мне подготовить краски. Станешь следить за каждым движением моей кисти, будешь забирать портрет к себе в комнату, пока я его не закончу. Разреши мне таким образом помочь тебе. Я знаю: это эгоизм с моей стороны — желание сделать тебя своей ученицей, мечтать о том, чтобы ты всегда была свободна для живописи, которая является твоим предназначением в жизни, со мной или без меня. Но я умоляю тебя, Элейна, выполни мою просьбу!

Она боролась с недоверием и страхом, понимая, каким будет исход сражения. У нее не было выбора, впрочем, как и у него. Они оба — невольники, принадлежащие *Луса до'Орро, Золотому Свету.* Из всех ныне живущих художников она больше остальных была на него похожа.

— Я поверю вам. — Она произнесла эти слова так, словно они причиняли ей боль, и опустилась на стул.

Довольный, Сарио достал чистый лист бумаги.

82

Элейна встала еще до рассвета, устроилась в кресле, стоявшем точно напротив письменного стола, в последний раз поправила рисунок Агустина и стала ждать.

Что заставило ее прошлой ночью разрешить Сарио писать ее портрет? Ей захотелось обернуться и взглянуть на два этюда, которые он сделал в мерцающем пламени свечей, но она не осмеливалась шевельнуться. Зачем она пошла в комнату Сарио? Что, если именно он убил Андрео?

Эйха! А что, если портрет навсегда оградит ее от магии Грихальва?

У нее за спиной в камине потрескивал огонь. Приходила служанка, чтобы добавить туда несколько новых поленьев. Как только девушка ушла, Элейна встала и заперла за ней дверь. Теперь она пристально смотрела на рисунок, лежавший на поверхности стола. Неожиданно услышала тихий шелест далекого голоса:

— Элейна, это Агустин. Как вы думаете, тио, она меня слышит?

Хотя рисунок на столе не изменился, Элейне показалось, будто он ожил. Она вдруг подумала, что вот сейчас Агустин сделает шаг и окажется рядом с ней. Однако, как и следовало ожидать, этого не произошло. И все же она слышала его голос, словно он доносился из замочной скважины. Чудеса!

— Агустин, я тебя слышу. — Ее голос дрогнул.

— Матра Дольча! — воскликнул Гиаберто, скорее озабоченный, чем довольный.

— Я же говорил вам, что у меня получится. — Агустин явно гордился произведенным эффектом. — Со мной Гиаберто и Кабрал, Элейна. Кабрал хочет, чтобы завтра, в это же время, рядом с тобой стоял Великий герцог и выслушал нас...

— Это невозможно, — вмешался Гиаберто. — Вы можете представить, какой разразится скандал, если Великого герцога найдут на рассвете в ее спальне?

— Но мы хотим посоветоваться с ним относительно выбора нового Верховного иллюстратора, — возразил Кабрал.

— Дайте мне сказать, граццо, — перебила Элейна. — Великий герцог уже назначил нового Верховного иллюстратора. Сарио.

— Сарио!..

— Этот чи'патро чирос!..

— Простите меня, тио. — Она должна была выяснить правду, но сомнения ее не оставляли. Она чувствовала, что предает Сарио. — Как... как умер Андрео?

Голос Кабрала был спокойным.

— Неожиданная болезнь. Кровотечение.

— Может ли... — она с трудом выговаривала слова, — может один иллюстратор убить другого?

— Ты хочешь сказать, что Сарио убил Андрео?

Почему Кабрал так спокоен?

— Элейна, — голос Гиаберто был совсем не таким спокойным, как у Кабрала, но звучал властно, — никому не говори о своих подозрениях. Если сможешь, постарайся сегодня проверить, висит ли портрет Андрео в кабинете Великого герцога и есть ли на нем какие-нибудь изменения. Портрет имеет могучую защиту — один иллюстратор может нанести вред другому только через него.

— Я сделаю то, о чем вы просите, тио. — Элейна вдруг обнаружила, что руки у нее дрожат, а спина ужасно болит, но она боялась пошевелиться, чтобы не нарушить связь с Агустином. — А может иллюстратор нарисовать живого человека таким образом, что он окажется заключенным в картину?

Элейна узнала восклицание Агустина. Двое других пробормотали что-то неразборчивое.

— Я не стану говорить о подобных вещах с иллюстратором, лишенным Дара! — воскликнул Гиаберто. — Я ни разу не читал в Фолио, чтобы Грихальва пытались осуществить такое чудовищное деяние.

— А существует вероятность, что была сделана копия «Первой Любовницы»?

— Портрет Сааведры Грихальва? — спросил Кабрал. — Я никогда не слышал о копии, хотя она могла быть выполнена до моего рождения. Но в Галиерре висит подлинник — тут не может быть никаких сомнений!

Она должна была спросить — ему ведь почти восемьдесят лет.

— А разве портрет не находился в хранилище?

Элейне показалось, что она видит улыбку Кабрала.

— Да. Великая герцогиня Мечелла и я нашли его. Именно поэтому я уверен, что это подлинник.

— А вы помните, где стояла Сааведра?

Он так долго не отвечал, что Элейне показалось, будто она слышит, как пылинки садятся на стол.

— За столом, так мне кажется. Она читала книгу. Меннина, я много лет не вспоминал о том дне. — Он горько рассмеялся. — Женщины замечают такие странные вещи. Великая герцогиня Мечелла считала, что Сааведра беременна. Вспомнить об этом через столько лет!

«За столом!»

— Тио, — прошептала Элейна, голос наконец вернулся к ней, — объясни мне, как могло получиться, что теперь Сааведра стоит возле двери? Ведь другого портрета не существует. Я нашла описание этой картины — там тоже сказано, что она стоит возле стола ночью.

— Ночью! — Как жутко слышать голос Кабрала и не видеть его лица. — Это было на рассвете. Я помню совершенно определенно. Свеча только что погашена. Мечелла обратила внимание на то, как она мастерски написана... — Кабрал замолчал, а

потом заговорил снова, но теперь в его удивленном голосе зазвучали нотки ужаса. — Я совершенно забыл об этом.

— Сарио верит, что Сааведра на портрете живая.

— Матра Дольча! — снова вскричал Гиаберто.

— Я не был в Галиерре с тех пор, как Челла стала слишком слаба, чтобы ходить туда со мной, — прошептал Кабрал.

Челла? С каких это пор простой иллюстратор может так называть Великую герцогиню!

— Мердитто! — выругался Гиаберто. — Элейна, мы должны доставить эту картину в ателиерро, чтобы Вьехос Фратос ее тщательно осмотрели.

— Как она пронесет такое огромное полотно через баррикады? — спросил Агустин.

— Посмотрим, может быть, дон Рохарио нам поможет, — ответил Кабрал. — Гиаберто прав. Эту картину необходимо тщательно изучить.

Его слова встревожили Элейну.

— Сарио заметит! Не забывайте, сейчас он распоряжается всеми в Палассо.

Гиаберто фыркнул.

— Мы можем справиться с Сарио Грихальвой. Постарайся добыть для нас картину, а об остальном не беспокойся. Я приказываю, Элейна. Ты меня понимаешь?

— Да. — Это они не понимают. Им и в голову не приходит, насколько Сарио силен.

— На сегодня вполне достаточно, Агустин. Поговоришь с Элейной завтра.

— Да, но... — Агустину хотелось ясности.

— Пошли, — строго сказал Гиаберто. — Нам нужно обсудить, как ты смог все это придумать, не посоветовавшись с Вьехос Фратос.

— Агустин? Агустин?

В ответ ни слова. Заклинание больше не действовало.

«Мы можем справиться с Сарио Грихальвой».

Элейна в это не верила. Вьехос Фратос не представляют, как могущественен Сарио. Только она одна видела его мастерство в деле, понимала его гениальность. Элейна не хотела, чтобы они уничтожили Сарио, ведь он обладал всеми качествами, необходимыми великому художнику. А что, если Сааведра действительно живет внутри портрета? Если голос, который она слышала, принадлежал Сааведре: «Кто ты, сестра моя? Ты мне поможешь?» Только обладающий Даром иллюстратор в состоянии ее вызволить из плена картины — если, конечно, все это правда. Но ведь она сама слышала, как Сарио сказал, обращаясь к Сааведре на портрете, что не собирается освобождать ее... пока.

Эйха! Этого просто не может быть.

Но ради изображенной на портрете женщины Элейна обязана поверить в невозможное. Каким-то образом она должна, без ведома Сарио, доставить «Первую Любовницу» в Палассо Грихальва.

83

Первая ассамблея Временного Парламента продолжалась уже пятнадцать дней. Рохарио произнес речь, которую записали в протокол под заголовком: «Не следует действовать необдуманно». Его выступление помогло убедить ассамблею, что лучше вести переговоры, чем сражаться.

— Мы не варвары. Мы не станем убивать детей во имя свободы. — Или что-нибудь в таком же роде: — Великий герцог ответит насилием на насилие. И это будет означать смерть для обеих сторон...

— За свободу можно заплатить и больше! — закричал Руис, выражавший теперь интересы самых агрессивных молодых людей.

Рохарио уже не испытывал робости, когда ему приходилось выступать перед большим скоплением народа. У него оказался настоящий талант.

— Есть ли у вас, как у меня, юная сестра, маэссо? — парировал Рохарио. — Может быть, вы захотите поставить ее в передние ряды атакующих? Если уж придется сражаться, я предлагаю написать свод законов, определяющих поведение Парламента до того, как начнется война, чтобы каждый знал заранее, чего он хочет добиться, — иначе нам грозят новые схватки. Таким образом, вы сможете убедить в своей правоте те семьи, которые боятся потерять нажитое многими поколениями в результате неуправляемых действий разбушевавшейся толпы.

Его речь положила начало целой серии выступлений разных ораторов. Однако не вызывало сомнений, что именно Рохарио убедил представителей наиболее богатых семей Мейа-Суэрты агитировать за мирные переговоры.

Через двадцать дней после Пенитенссии было заключено перемирие. Теперь шли переговоры о том, какие положения должны быть включены в документ, который сделает законным возрождение Парламента, — с согласия Великого герцога или без такового.

Прошла Сперранссиа. Молодые кавалеры не выходили на улицы, чтобы петь серенады и получать в награду поцелуи. На многих авенидос по-прежнему стояли баррикады. Рынки оставались открытыми, но выезд и въезд в город были запрещены. Все повозки на территории Палассо тщательно обыскивали. Великий герцог Ренайо медлил. Более того, он ни разу не появился публично после того, как Рохарио говорил с ним от имени либертистов. Кое-кто предполагал, что он рассчитывает на поддержку екклезии, — и в самом деле представители Премиа Санкты и Премио Санкто каждый день участвовали в собраниях гильдий Временного Парламента.

Рохарио не понимал, почему его отец не предпринимает решительных действий. Ренайо никогда не отличался особым терпением, хотя в практичности ему отказать было нельзя. Из-за беспорядков в Мейа-Суэрте он не мог послать войска, которые посадили бы на трон Гхийаса принцессу Аласаис и одного из его сыно-

вей. В то же время он не хотел рисковать здесь, когда в соседних государствах многое было поставлено на карту.

Рохарио слушал долгие, многочасовые дебаты. Впрочем, пока шли разговоры, никто не воевал. Больше всего на свете Рохарио не хотел, чтобы прекрасный город Мейа-Суэрта превратился в груду развалин, как это случилось в Гхийасе, а его любимую Галиерру разграбили и сожгли.

И если миру суждено меняться, пусть уж это произойдет при содействии пера, а не меча.

И все же по мере того как документ приобретал более определенный вид — а туда постоянно вносились новые детали, — Рохарио заметил, что очень многое оставалось на словах. Не в рисунках. «Контракты», «Деяния» и «Бракосочетания» были основой коммерции в Мейа-Суэрте и давно обрели общепринятые нормы и язык, которые прекрасно понимал любой образованный купец. Но то, что происходило сейчас, было внове, и никто не знал, как следует рисовать незнакомые до сих пор понятия. Эйха! Может быть, это приведет к ослаблению влияния семей вроде Грихальва, которые нажили свое состояние благодаря живописи?

«Мы, избранные в качестве членов Парламента, будем иметь те же права, что и Совет Великого герцога».

Это предложение прошло под аплодисменты.

«Мы, члены Парламента, будем избираться, невзирая на наследственные права и привилегии».

«Парламент имеет право расследовать несправедливые действия Великого герцога или его представителей по отношению к группам людей или отдельным личностям любого сословия в соответствии с законами и требовать исправления ошибок».

«Запретить введение новых налогов без одобрения Парламента».

Рохарио написал короткую записку и отослал ее маэссо Веласко, который по-прежнему исполнял обязанности неофициального председателя Парламента.

«Я покидаю собрание на целый день, чтобы присоединиться к тем из наших соратников, кто изучает архивы в Палассо Юстиссиа».

Естественно, за Рохарио наблюдали. Он вызывал всеобщий интерес. Его постоянно сопровождали четверо подмастерьев, друзей Руиса. Они были сверстниками, и хотя им совсем не нравился его титул и привилегии, Рохарио почувствовал, что пользуется их невольным уважением. Они привыкли к языку картин, и им претило разбираться в многочисленных бумагах, оставшихся от прежнего Парламента. Четыреста лет назад Парламент регулярно собирался в Тайра-Вирте. В те времена герцог Ренайо I нуждался в нем, чтобы управлять недавно созданным государством. Постепенно влияние Парламента уменьшалось; сто лет назад Арриго II издал закон о его упразднении. Впрочем, прежний Парламент не имел широких полномочий. Однако Рохарио обнаружил, что в ряде случаев Парламент присваивал себе право контроля за налогами и предоставлял своим членам льготы, которыми обладала ис-

ключительно знать. К этим архивам имели доступ только советники Великого герцога. До нынешнего момента.

Рохарио повел свой эскорт в подвальное помещение Палассо Юстисссиа. В здании до сих пор пахло дымом — напоминание о пожаре, в котором сгорело месяц назад одно крыло Палассо. Здесь работали писцы, санктос и нотариусы, по крупицам собиравшие сведения о том, как функционировал прежний Парламент. Рохарио присоединился к остальным. Подвал освещался неровным светом стоявших на столах масляных ламп. Рохарио достал толстый старый том со стопки таких же книг с потрескавшимися кожаными переплетами и открыл его. Чихнул от поднявшейся в воздух пыли. Вежливый молодой санкто протянул ему носовой платок. Рохарио поблагодарил его и тщательно протер книгу. В Палассо Веррадо подобную работу сделали бы за него слуги. Он вздохнул и погрузился в чтение.

Вследствие болезни Верховного иллюстратора Сарагосы Серрано властью, данной ему Матой эй Фильхо и екклезией и утвержденной народом Тайра-Вирте, герцог Алехандро назначил вышеназванного Сарио Грихальву Верховным иллюстратором.

951 год. Сарио Грихальва, мастер, создавший запрестольный образ и «Первую Любовницу». Заинтересовавшись, Рохарио стал читать дальше. На пожелтевших от времени страницах тянулось длинное, скучное описание каких-то сделок. Он зевнул. Перевернув страницу, обнаружил кусок пергамента, вставленный в книгу, и осторожно его расправил.

Похоже на рецепт, только слова какие-то бессмысленные, а по краю листка идут непонятные значки и незнакомые буквы, сливающиеся в странный узор. Рохарио перевернул пергамент.

Здесь той же рукой кто-то торопливо и часто зачеркивая, написал указ. Почерк был различимым, но каким-то неуверенным, словно человек нечасто брался за перо. Местами текст был испачкан кляксами, но по мере того как Рохарио разбирал написанное, по его спине пробегал холодок предчувствия.

Да будет так: Палассо Грихальва, и только Палассо Грихальва, будет предоставлять наследнику любовницу — ту, которой он предложит Марриа до'Фантоме. Да будет так на все времена по указу герцога Алехандро, в соответствии с Пейнтраддо кисти Сарио Грихальва.

Матра Дольча! Ему удалось случайно наткнуться на документ, на многие столетия определивший необычные отношения между до'Веррада и Грихальва. Кто подготовил этот указ, Верховный иллюстратор или герцог? Или оба вместе? Союз иллюстратора и герцога. Рохарио вдруг вспомнил слова Беатрис, сказанные ею Элейне в Чассериайо:

«Не нужно иметь большой ум, чтобы заметить, какие в тебе произошли перемены между тем мгновением, когда ты

сказала матери, что никогда не выйдешь за Фелиппо, и днем свадьбы, когда покорно стояла рядом с ним... Настаивай я на своем, они бы и меня сделали послушной, нарисовав картину! Только мужчины могут обладать Даром, но рожать Одаренных мальчиков в состоянии лишь женщины из рода Грихальва — и кто их отец, значения не имеет».

Он сложил пергамент и спрятал его во внутренний карман сюртука, а потом полистал книгу, стараясь найти упоминания о Грихальва еще до того, как герцог Алехандро назначил Сарио Грихальву Верховным иллюстратором. Он нашел улику десятью страницами раньше — несколько предложений было вписано неразборчивым почерком между идеально ровными строчками писца, где описывался Совет, созванный герцогом Бальтраном, отцом Алехандро.

Верховный иллюстратор Сарагоса призвал герцога аннулировать охранную грамоту, выданную семье Грихальва, на основании возникших слухов о том, что вышеназванные Грихальва практикуют черную магию, дабы укрепить свое положение при дворе.

Матра Дольча!

Гулко прозвучали шаги на лестнице, ведущей к выходу из подвала. Рохарио с облегчением отвлекся от старых документов — однако его настроение моментально изменилось, когда он увидел вошедшего.

Маэссо Асема остановился рядом с Рохарио.

— Как странно видеть вас здесь, дон Рохарио, погруженного в работу. Оказывается, вы настоящий ученый. Вот уж не знал, что до'Веррада интересуются философскими проблемами.

Поскольку этот оскорбительный намек не допускал вежливого ответа, Рохарио лишь коротко кивнул. Он аккуратно закрыл книгу и сунул ее в общую стопку, как бы потеряв к ней интерес.

— Однако раз уж мы столь неожиданно встретились, я бы хотел поговорить с вами наедине.

Не желая устраивать сцену, Рохарио согласился. Они отошли к лестнице и остановились в коридоре, где гулял сквозняк.

— Возможно, вы удивлены, что я пришел сюда? — спросил Асема. — Я тоже интересуюсь архивами, дон Рохарио. Последние кусочки головоломки, которые должны наконец занять свои места.

В глазах Асемы таилось торжество, и Рохарио встревожился, особенно после того, как прочитал о магии Грихальва. Морочно! Поверить в россказни людей, умерших триста лет назад! Холодный ветер подул со стороны лестницы. Рохарио поежился, молча дожидаясь, пока его собеседник снова заговорит.

— У меня нет никаких оснований любить до'Веррада. Более того, желать им чего-нибудь хорошего.

Он пытается угрожать?

— В ваших собственных интересах, как и всех людей нашего положения, желать мира и процветания Тайра-Вирте.

— Конечно, дон Рохарио. Однако хочу напомнить вам — я стар, а пословица гласит: «Умирающий хорошо понимает, что по счетам портному ему платить не придется».

— Мне жаль, что ваш брат умер, но я не имею к этому ни малейшего отношения.

— Вот тут я с вами совершенно не согласен — ведь вы до'Веррада. Впрочем, здесь возникает небольшая загвоздка. Вы действительно до'Веррада?

Это уже слишком!

— Вам следует быть осторожнее, — негромко, но сурово предупредил Рохарио, — когда вы говорите о моей благословленной матушке.

— Меня беспокоит вовсе не ваша мать. Речь идет о вашей бабушке.

Тут Рохарио расхохотался.

— Великой герцогине Мечелле? Всем известно, что она была святая. Я не понимаю, что означает ваш бессвязный бред.

Асема улыбнулся.

— Я имею в виду грандиозный скандал, вы даже представить себе не можете его размеров. То, что произошло, нинио мейа, между Арриго, Мечеллой и женщиной из семейства Грихальва. Арриго и Мечелла имели двоих детей — Терессу и Алессио, которые родились до того, как их родители навсегда разошлись и стали жить отдельно друг от друга.

— Троих детей. — Рохарио стал поправлять манжеты и пуговицы. Лучше уж заняться этим, чем ударить старого человека. — Я полагаю, ваша грязная ложь направлена на то, чтобы я потерял самообладание и повел себя недостойно. Боюсь, у вас ничего не выйдет.

Однако Асема оставался совершенно спокойным и уверенным в себе.

— Я не забыл о вашем отце. Разрешите рассказать вам одну историю. И советую слушать внимательно. Графиня до'Альва снова стала любовницей Арриго. Арриго и Мечелла владели небольшими поместьями, маленькими поселениями, как мы их тогда называли. Они перестали видеться и разговаривать друг с другом. Великий герцог Коссимио был смущен, но, несмотря на его пожелания, они так и не помирились. Поэтому ребенок мог появиться на свет лишь в результате короткой встречи на балу, продолжавшейся менее часа, в какой-нибудь дальней комнате дворца! И хотя Арриго никогда не был ханжой, я сильно сомневаюсь, что он согласился бы на такой шаг, какой бы красивой ни была женщина, — не говоря уже о том, что по собственному опыту я прекрасно знаю: бык должен покрыть корову не один раз, чтобы получить потомство.

— Ваше поведение оскорбительно, маэссо. — Рохарио сознательно использовал такое обращение, а не титул Асемы.

Тем не менее лицо Асемы хранило непроницаемое выражение. Возможно, он и в самом деле был слишком стар, чтобы обращать внимание на подобные вещи.

— Ренайо совсем не похож на до'Веррада. Он напоминает свою мать — так говорят все. И никто из его детей не похож на до'Веррада. Странное совпадение.

— Моя мать и бабушка были из Гхийаса!

— Я провел свои изыскания, и что же мне удалось обнаружить? Грихальва! Они повсюду.

— На что вы намекаете? — Неожиданно гнев охладил Рохарио.

— Я хочу сказать, дон Рохарио, что ваш отец не сын Арриго, а чи'патро иллюстратора Грихальва.

Эдоард влепил бы Асеме пощечину. Однако у Рохарио было ощущение, что если он нанесет удар старику, то лишь подбросит хвороста в его костер. Невозможно себе представить, что имя его обожаемой бабушки Мечеллы — все так любили ее! — будет втоптано в грязь, а она даже не сможет защитить себя!

Эйха! Все внутри у Рохарио перевернулось! Он с трудом удержался, чтобы не плюнуть Асеме в лицо.

— Семья Грихальва находилась под защитой охранной грамоты в течение сотен лет. Мы помогали им, а они — нам. Я не вижу в этом ничего подозрительного.

Чего не скажешь о тех, кто жил триста лет назад. Многие дворянские семьи вымерли за это время. Иные уже давно не пользуются благорасположением Великого герцога. Каким же таинством обладают Грихальва, что позволяет им столько лет оставаться в фаворе у до'Веррада?

— Любая женщина, — продолжал Асема, будто вовсе не слышал реплики Рохарио, — отвергнутая своим мужем, который предпочел ей любовницу, может найти утешение в объятиях красивого молодого человека, постоянно находящегося рядом с ней. И такой юноша был в ее окружении. Его звали Кабрал Грихальва.

«Тио Кабрал?»

— Вы не сможете это доказать, — невозмутимо произнес Рохарио, сожалея, что у него нет меча, коим он мог бы пронзить сердце этого негодяя.

Но что, если Асема успел распространить свои грязные измышления?

— Доказательств у меня действительно нет, — сообщил Асема все с той же омерзительной улыбкой, — однако они мне и не нужны. Достаточно посеять сомнения, дон Рохарио. Пусть люди задумаются — и, можете не сомневаться, я уже начал задавать разные вопросы. Очень скоро вашими родными заинтересуются Премио Санкто и Премиа Санкта. А как только вмешается екклезия, все улики окажутся в руках Матры эй Филько. Я полагаю, они попросят Ренайо поклясться на кольцах — ведь это требование не кажется вам чрезмерным, не так ли, дон Рохарио?

Действительно, требование вполне безобидное. Если только обвинения Асемы ложны. Рохарио почувствовал, как похолодело сердце. Какой смысл распространять подобные грязные слухи, зная, что простая клятва на ступенях Катедраль Имагос Брийантос развеет их? Поведение старика имеет смысл только в том случае, если его обвинения правдивы.

Если хочешь что-нибудь спрятать, оставь это на виду. Элейна скоро поняла, что скопировать портрет Сааведры Грихальва нужно открыто, в качестве упражнения, предложенного Верховным иллюстратором.

Верховный иллюстратор Сарио. Как странно быть ученицей человека, которого назвали в честь великого живописца, создавшего этот шедевр. Найти подходящую дубовую доску оказалось самым трудным делом — из-за ее огромного размера. К счастью, Сарио подготовил как раз такую — для каких целей, Элейна не осмеливалась спросить — и даже покрыл ее поверхность кипяченым маслом льняного семени. Он с радостью отдал ей доску, и Элейна тут же сообразила, что на нее легко ложится тонкий слой масляных красок.

Она выполнила множество эскизов «Первой Любовницы», и каждый раз Сарио поправлял их, добавляя то линию, то едва уловимую тень, а то вносил какое-нибудь небольшое изменение. Его копия картины была невыразимо прекрасной — иногда Элейне казалось, что сам портрет написан той же рукой. В конце концов, убедившись, что сможет все сделать правильно, она взяла мягкую тряпочку и начисто вытерла поверхность.

Элейна почувствовала, что готова скопировать портрет Сааведры Грихальва. Целых тридцать два дня она только рисовала, немного ела и очень мало спала. Иногда ее навещала Беатрис, поскольку Элейна все рассказала сестре, но у Беатрис была масса своих обязанностей, а Элейна не хотела, чтобы у Сарио возникли какие-нибудь подозрения. Раз в три или четыре дня на рассвете она разговаривала с Агустином через его крошечную картинку.

Безупречной копии, естественно, не получится. Впрочем, Элейна на это и не надеялась. Она изучила портрет до мельчайших подробностей, но ей не дано было узнать, какие сочетания красок, какую грунтовку, тона и лак, какие тени и освещение использовал Сарио, рассчитывая создать именно такой эффект. Как он добился того, что зрителю кажется, будто лицо Сааведры лишь на мгновение мелькнуло в зеркале. А едва заметные следы, оставленные пламенем на свече, уже погасшей, точнее, сгоревшей дотла? А великолепный пепельно-розовый бархат ее платья, на котором ярко сияют радужным светом крошечные жемчужины?

«Кто ты?» — спрашивала Сааведра, вернее, спросила бы, окажись она на самом деле живой пленницей картины и имей возможность смотреть на мир благодаря зеркалу.

— Я Элейна Грихальва, — прошептала она, чувствуя легкое смущение от того, что говорит вслух. Впрочем, рядом никого не было. Длинный зал Галиерры казался пустынным и каким-то заброшенным. Попавшая в ловушку, охваченная ужасом, одинокая и всеми забытая, Сааведра наверняка будет рада словам сочувствия. Может быть, все это выдумки, но Элейна не могла молчать, слова сами собой срывались с губ.

«Ты пытаешься выпустить меня на свободу?»

— Нет, к сожалению, это не в моих силах, потому что я женщина и не обладаю Даром. Не сомневайся, я бы непременно тебе помогла, я хочу тебе помочь.

«Я тоже художница».

Значит, мы сестры, подумала Элейна. Принадлежим к одному и тому же роду, хоть нас разделяют века.

— Почему Сарио пленил тебя?

«Потому что любит меня, насколько он вообще в состоянии любить кого-нибудь, кроме себя и своего искусства».

Вот так Элейна представляла себе разговор с женщиной на портрете. Может быть, сошел с ума не только Сарио? Временами она сомневалась в состоянии собственного рассудка. Но продолжала работать.

Если хочешь что-нибудь спрятать, оставь это на виду.

— Великолепно. Иногда мне кажется, будто я сам это нарисовал.

— Мастер Сарио, вы меня напугали. — Элейна коснулась рукой губ: может быть, он услышал произнесенные ею опасные речи.

Но Сарио видел только две картины.

— Я доволен твоими успехами, Элейна. Твоя копия может обмануть любого, лишь очень внимательный глаз определит, что это не оригинал. Я не зря поверил в твой талант.

— Благодарю вас. Работать с вами большая честь.

— Верно, — согласился он.

Сарио больше не притворялся незначительным молодым представителем Вьехос Фратос. Он напоминал Элейне Андонио Грихальву, который был Верховным иллюстратором до Андрео. Человек сурового нрава, Андонио железной рукой, абсолютно уверенный в собственном превосходстве, управлял Палассо Грихальва, своими братьями и учениками. Вернее, таким он казался десятилетней Элейне, на которую обратил внимание, а она поступила весьма опрометчиво, позволив себе не согласиться в чем-то с его мнением.

Но Сарио был другим. Да, он самое настоящее чудовище. Элейна не сомневалась, что именно он убил Андрео и самым бессовестным образом подчинил себе Ренайо, написав его портрет, опутанный хитроумными заклинаниями. Но в глубине души она считала, что он имеет право на высокомерие — по крайней мере когда это касается живописи.

— А почему Сааведра держит в руке Золотой Ключ? — спросила Элейна.

— Она наделена Даром, хотя всегда это отрицала. — Его губы превратились в тонкую, сердитую полоску.

Элейну так поразил его ответ, что она несколько минут, раскрыв рот, смотрела на него. Женщины не рождаются Одаренными! Слишком занятый своими мыслями, Сарио не заметил ее реакции и продолжал:

— Завтра, когда закончишь, зайди ко мне в ателиерро. Нам необходимо закончить твой портрет.

Закончить портрет? Чтобы стать рабыней или, наоборот, навсегда свободной...

Сарио понял, о чем она думает, и неожиданно разозлился.

— Если ты не моя сторонница, Элейна, значит, ты мой враг. — Он быстро развернулся и пошел прочь по Галиерре, а его шаги гулким эхом прокатились по пустому залу.

Элейна некоторое время смотрела ему вслед, потом отвернулась. Не надо так часто о нем думать. Эйха! Где сейчас Рохарио? Все ли у него в порядке? Было бы здорово, если б он, с его бьющей через край энергией, оказался сейчас рядом. Все стали какими-то тихими, совсем как принцесса Аласаис. Казалось, будто живешь в Палассо с привидениями.

Элейна обвела взглядом Галиерру. А разве здесь и в самом деле не поселились призраки давно умерших до'Веррада, их невест, придворных, фаворитов и врагов, любовниц и обласканных ими иллюстраторов — и все они изображены так, чтобы никто из потомков не забыл о влиянии, каким они пользовались, и о роли, которую играли? Если Сааведра действительно жива и ее можно спасти, какие истории она расскажет?

«Работа почти закончена». Так сказал Сарио, и это правда. Осталось всего несколько деталей: Золотой Ключ, особый блеск ногтей Сааведры...

И вдруг Элейна увидела... Крошечные колдовские значки. Буковки, хитроумно вплетенные в лак на ногтях Сааведры. А в следующее мгновение она разглядела и остальные — в тенях и пятнах света, в пламени, в складках юбки, в локонах, по краям стола, на половицах. Они были повсюду, казалось, вся комната превратилась в одну огромную колдовскую книгу. Элейна разглядела тайные руны даже на двери, но не могла их прочитать, о чем ужасно сожалела.

— Я видела эту дверь раньше, — прошептала она, но воспоминание пришло из далекого детства, когда она исследовала заброшенные коридоры и комнаты Палассо.

«Он держит меня за этой дверью. Ты можешь ее открыть?»

Колдовские символы, рисунок, подвластный лишь иллюстраторам Грихальва. Дверь, которую необходимо открыть. Наконец Элейна поверила.

Чувствуя, что нужно спешить, она торопливо нанесла на полотно последние мазки.

Уже стемнело. Элейна почувствовала такую усталость, что отправилась к себе в комнату и тотчас легла спать.

85

Вьехос Фратос собрались в старинной комнате, известной под названием «кресчетта», в самой старой части Палассо Грихальва. На белых, покрытых штукатуркой стенах метались отблески пламени свечей, на старинных железных подставках, установленных по углам. Здесь было сыро и холодно. Иллюстраторы жда-

ли. В центре располагался мольберт, на котором стояла картина — под покрывалом.

Гиаберто погасил все свечи, кроме одной. И тут же по комнате заплясали дикие, жутковатые тени. Молодой Дамиано с мрачным видом нагрел ланцет в пламени, подошел к каждому иллюстратору — их осталось только девять, не считая Агустина, — и взял у них по капле крови. Теплая сталь впилась в руку Агустина, и он едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли. Он не осмелился выказать свой испуг.

Затем Дамиано отнес флакон с кровью старому Тосио, который из-за артрита рисовать больше не мог, но еще был в состоянии смешивать краски. Пока Тосио готовил палитру, Гиаберто снял покрывало с картины. Агустин не сумел сдержать изумленного восклицания, хотя и предполагал, что на мольберте стоит Пейнтраддо Чиева Сарио.

— Чиева до'Сангва, — изрек Гиаберто. — Мы все испытаем боль, так как объединили наше могущество, чтобы наказать того из нас, кто нарушил верность Чиеве до'Орро. Человек, использующий силу Золотого Ключа ради собственной выгоды, не имеет права его носить... — И он строго взглянул на Агустина, напоминая мальчику, как сильно разгневались Вьехос Фратос, узнав о его эксперименте. Но ведь эксперимент принес плоды, не так ли? — Мы делаем это ради Грихальва и Тайра-Вирте.

Гиаберто взял кисть и начал рисовать. Вот какое возмездие настигнет предателя, убийцу Андрео Грихальва: молочно-белая слепота поразит глаза, а руки станут жертвой всепоглощающей костной лихорадки. Руки Агустина невольно напряглись, словно и он испытал приступ боли. Он вдруг понял, что неясно видит стоящих вокруг иллюстраторов, точно его глаза затянула невидимая пелена.

Но в следующее мгновение боль утихла, так стекает вода по крышам домов; мальчик заморгал, огляделся по сторонам. На портрете темные глаза гордеца Сарио смотрели на мир как сквозь белый туман; его молодые, сильные пальцы скрючились, будто он испытывал невыносимые страдания.

Однако... что-то было не так. Агустин ничего не чувствовал, хотя точно знал, что должен.

— Не получилось, — вырвалось у него. — Вы изменили картину, и все. И все!

Вьехос Фратос попытались наказать своего собрата — и у них ничего не получилось.

— В чем дело? — просипел Тосио.

Гиаберто сжал кулаки, словно от невыносимой боли.

— Причина не в моем искусстве и не в нашей крови, — хрипло промолвил он. — С Чиевой до'Сангва все в порядке. Видимо, в этом портрете нет крови. Но я следил за ним, когда он его писал! И ты тоже, Тосио. Матра эй Фильхо, все иллюстраторы наблюдали, как он работал, все, кроме Агустина и Дамиано. Он использовал кровь. Мы же проверили. Здесь. — Гиаберто прикоснулся кистью к крошечной ранке на внешней стороне левой ладони Сарио. — Вот тут он сделал надрез. Это та же самая картина.

— А мог он написать другой портрет? — спросил Агустин. — Чтобы он защитил его от этого? — Он много думал о Даре, которым был наделен.

Тосио хотел было что-то сказать, но не произнес ни слова. Нетерпеливым, сердитым жестом Гиаберто набросил на полотно покрывало, прилипшее в тех местах, где краска еще не высохла.

— Я никогда не слышал и не читал ни о чем подобном, — резко ответил он Агустину. — Как он мог научиться? И если Сарио написал второй портрет, где он его хранит?

— Но ведь это можно сделать, можно? — настаивал на своем Агустин. И почему они никогда не отвечают на его вопросы прямо?

— Нет, — заявил Тосио. — Нельзя, иначе мы бы знали, как защититься от подобного трюка.

— Но что еще могло произойти? — Отсутствие у них воображения приводило Агустина в ярость. — Почему бы ему не создать обычный портрет и не оставить его здесь, а настоящий не спрятать где-нибудь в надежном месте?

Гиаберто энергично покачал головой.

— Мой племянник прав. Перед нами, по всей вероятности, копия. Другого объяснения я не вижу. — Он помолчал, теперь он был главным среди Вьехос Фратос. — Сарио Грихальва стал преступником. Ему больше нельзя доверять. И мы должны уничтожить его при первой возможности, иначе он покончит с нами. Если он убил Андрео, то, значит, нет такого из ряда вон выходящего поступка, на который он не был бы способен. Мы не можем чувствовать себя в безопасности.

— Но разве мы в состоянии ему помешать? — спросил Агустин, в то время как остальные лишь тоскливо молчали.

Гиаберто отпер дверь кречетты, распахнул ее. В комнату тут же ворвался поток света.

— Я не знаю, — признался Гиаберто.

— Как ты думаешь, грандтио? — чуть позже в тот же день спросил Агустин, когда они с Кабралом сидели у фонтана, выложенного желтыми плитками, на заднем дворике и грелись на солнышке. Кабрал все больше и больше времени проводил на этой скамейке, слушая и наблюдая за искрящимися в лучах потоками воды, словно рассказывающей ему диковинные сказки и рисующей причудливые лица на полотне из разноцветного тумана.

— Северин однажды поведал мне забавную историю. — Кабрал привычным жестом поправил кружевные манжеты. — Когда они с Лейлой решили пожениться, она в шутку предложила ему написать портрет мужчины, который вышел бы из картины, сделал ей ребенка, а потом снова вернулся на полотно.

— А какое это имеет отношение к Пейнтраддо Сарио?

— Терпение, — улыбнулся Кабрал. — Я думаю о Сааведре Грихальва. Она ведь и в самом деле переместилась на картине. Это мы установили совершенно точно. Может быть, она действительно живая — и оказалась в плену?

— А разве такое возможно?

— Давным-давно, во времена герцога Алехандро, армия Тза'аба собиралась захватить Хоарру. Так вот, Сарио Грихальва нарисовал другую армию.

Агустин хмыкнул. Даже он не настолько наивен, чтобы поверить в подобные небылицы.

— И оживил их?

Кабрал лишь рассмеялся в ответ.

— У него получилось? — Агустин от нетерпения подпрыгивал на месте.

— Тебе ужасно хочется узнать, нинио. — Взгляд Кабрала остановился на струящейся воде фонтана, точно он увидел там сцену из прошлого. — Как не похоже на драгоценную Челлу... — Он умолк и покачал головой. — Это было очень давно. Сарио Грихальва нарисовал армию. На восходе солнца на дальних дюнах, словно по мановению волшебной палочки, вдруг возникли тысячи солдат. Армия Тза'аба в ужасе бежала. А это были вовсе не настоящие воины. Пустые оболочки, руки и лица, и больше ничего.

— Что произошло потом?

— Нинио мейа, ты поражен. Надеюсь, моя история не привела тебя в восторг! — Кабрал улыбнулся, но голос его звучал мрачно. — Сарио написал пустые дюны, и армия исчезла, никто больше никогда ее не видел.

Агустин удовлетворенно вздохнул; очень интересно. Но потом, хорошенько подумав, стал серьезнее.

— Какое это имеет отношение к Пейнтраддо Сарио? Или к портрету Сааведры?

Кабрал аккуратно сложил руки на коленях, так женщины старательно укладывают цветы. Морщины, старые шрамы и мозоли, казалось, готовы были поведать свою собственную историю, раскрыть множество секретов, только вот Агустин не понимал их языка.

— Кто-нибудь из вас знает, на что в действительности способен Одаренный иллюстратор? А что, если Сааведра Грихальва вовсе не исчезла, а заключена в плен внутри картины?

— Это невозможно. Но... — сказал Агустин задумчиво, — ...а если все-таки возможно?

— Как Сарио удалось избежать наказания, наложенного на него Вьехос Фратос, ведь портрет написан красками, в которые была подмешана его кровь? Тоже невозможно. Но тем не менее это случилось. Мне кажется, Вьехос Фратос следовало бы выяснить, как Сарио использует свой Дар, — теперь, когда они знают, на что он способен. И еще им необходимо подумать почему.

— Почему?

— Почему именно Сарио? В детстве у него не было особо выдающегося таланта или каких-нибудь особенных амбиций. Неужели все эти годы он от нас скрывал свои устремления? Если это так, значит, он гораздо опаснее, чем они думают. Если он в состоянии избежать наказания Чиевой до'Сангва, надеюсь, Ги-

аберто и остальные сделают все, что в их силах, чтобы выяснить, где он этому научился.

Вода стекала по краям фонтана, бесконечный живой поток, столь похожий на любопытство Агустина, которому не было предела. От волнения он стал грызть ноготь, заметил это и засунул провинившуюся руку в густые черные волосы.

— Гиаберто говорит, что если Андрео умер вследствие какого-то заклинания, то он его не знает, потому что его нет в Фолио.

— Я, естественно, Фолио не читал. И с сожалением узнаю о том, что там могут быть записаны подобные вещи.

Агустин ждал продолжения, но Кабрал больше ничего не сказал. В конце концов, природа не наделила его Даром, а значит, ему не дано познать тайны, заключенные в Фолио, как, впрочем, и те, что передаются устно из поколения в поколение. Кабрал не в состоянии понять, сколь тяжкий груз возложен на плечи Одаренных... Агустин тряхнул головой, ему не понравились собственные размышления, рожденные словами, которые он множество раз слышал от Вьехос Фратос. Если он поверит им, следовательно, должен поверить и в то, что Элейна никогда не станет великим художником. А он знал, что это не так.

Матра эй Фильхо! Где сейчас Элейна? Одна, в Палассо Веррада, рядом с кровожадным чудовищем! Должен же быть какой-нибудь способ ее защитить. В ателиерро даже поговаривали, что неплохо бы найти наемного убийцу! Агустин чувствовал себя таким беспомощным, особенно когда думал о Сарио, — тот, похоже, мог делать все, что пожелает. Эйха! Бедняга Кабрал вынужден сидеть и ждать, что произойдет дальше, — ведь у него нет Дара.

— Ты скучаешь по старым друзьям, грандтио? — спросил мальчик, ему неожиданно пришло в голову, что Кабрал уже древний старик.

«Мне не суждено дожить до таких лет. Я не расстанусь, как Кабрал, со своей семьей и друзьями».

Улыбка у Кабрала была ласковой и одновременно грустной.

— Я и в самом деле скучаю по друзьям, нинио мейа. Это очень мило с твоей стороны, что ты сидишь тут со мной и пытаешься меня утешить. Но, по правде говоря, я жду гостя.

— Гостя?

Грихальва в последнее время редко выходили из Палассо и еще реже принимали гостей. Пикка, обычно оживленная, переполненная покупателями в предпраздничные дни, была пуста, улицы затихли, жители боялись комендантского часа, введенного Временным Парламентом.

Неожиданно появился старый Дэво, который вел за собой какого-то мужчину. Агустин встал — он был удивлен, увидев посетителя.

— Дон Рохарио!

— Мастер Агустин. Доброе утро. Не вставайте, тио, пожалуйста. — Но хотя молодой до'Веррада говорил вежливо, его тон и манеры выдавали крайнее волнение. — Я пришел сразу, как толь-

ко смог, — продолжал он и стал нервно расхаживать по двору, сначала к задней лестнице, потом к фонтану, обогнул его, остановился, несколько мгновений любовался игрой воды, снова зашагал вокруг дворика.

— У Элейны все в порядке, — сообщил Кабрал.

Рохарио не произнес ни слова. Как заметил Агустин, он не столько ходил, сколько заглядывал во все уголки, точно хотел убедиться, что рядом нет никого чужого, что никто ничего не услышит. Все было в порядке — слуги не подметали двор и не поливали цветы. Кабрал коротко кивнул, и Дэво отправился восвояси.

— Мы здесь одни, Рохарио, — успокоил его Кабрал, — Агустину можно доверять. В чем дело, нинио мейа?

Рохарио внезапно остановился.

— Нинио мейа, — пробормотал он. Потом уставился на Кабрала, словно собирался что-то у него спросить. Агустину почему-то показалось, будто вот сейчас Рохарио скажет что-то очень безрассудное. — Вы мой дедушка?

Агустин напрягся. Видимо, он ослышался.

— Матра Дольча, — прошептал Кабрал так тихо, что Агустин не был уверен, сорвались ли в действительности эти слова с его губ. — Значит, все открылось. Где ты узнал?

Рохарио начал взволнованно, путано объяснять: Брендисиа, бастарды. Агустин был слишком потрясен, чтобы понять хоть слово из услышанного.

Кабрал похлопал рукой по каменной скамейке.

— Сядь, Рохарио.

Рохарио тяжело, безвольно опустился рядом с ним, теперь он скорее напоминал тряпичную куклу, чем ураган, ворвавшийся во дворик всего несколько минут назад. Наступило тягостное молчание. Солнце, точно потоками воды, заливало вымощенный плитками дворик. Фонтан по-прежнему звонко пел в утренней тишине. Кабрал откашлялся.

Рохарио неожиданно резко повернулся и посмотрел на старика.

— Это правда. Я вижу по вашему лицу.

— Это правда. И это очень длинная история.

Рохарио кивнул, признавая его правоту, он больше не кричал, не шумел. Пораженный Агустин восхищался его выдержкой. И смелостью. Рохарио до'Веррада оказался чи'патро, а вовсе не настоящим до'Веррада. Матра Дольча! А если это так, то, значит, и герцог Ренайо — тоже! Кабрал — отец Ренайо? Даже подумать страшно!

— Расскажите мне, — тихо попросил Рохарио.

В уютном дворике, под мелодичную серенаду фонтана Кабрал поведал своему внуку правду.

— Все вышло ненамеренно, — сказал он в заключение. — Мы не стремились к этому, Челла и я. Но я полюбил ее сразу, как только увидел. Эйха, Рохарио, Челла обладала таким удивительным качеством, такой Луса, что даже выше красоты: у нее было верное сердце. Она добровольно и полностью отдала его

Арриго, а он швырнул ей этот дар в лицо. — Казалось, Кабрал готов произнести проклятие, но ему удалось сдержаться. — Тебе не следует винить ее за то, что она стала искать... Когда окончательно выяснилось, что Арриго не желает иметь с ней ничего общего, когда она не смогла больше одна справляться со своей болью... Не следует винить ее за то, что она попыталась найти простую, искреннюю любовь такого человека, как я. — Он вздохнул и смахнул слезу со щеки. — То, что у нас родился ребенок — крошка Ренайо, — является самым ценным даром, полученным мною от Матери.

Агустин не мог, глядя на Кабрала, представить себе, что этот добрый, мягкий человек — отец Великого герцога Ренайо. Великий герцог оказался внебрачным сыном, чи'патро Грихальва. Рохарио был потрясен, но, как ни странно, не возмущен. Наконец он сунул руку в карман, вытащил старый листок бумаги и, не говоря ни слова, протянул Кабралу.

Кабрал развернул его, осмотрел со всех сторон.

— Очень старый, — сказал он. — Странно. Похоже на почерк Дионисо Грихальвы. Он был одним из моих учителей, все знали, что у него очень необычная манера письма. Он умер... при странных обстоятельствах.

— Эти обстоятельства имели отношение к магии, тио? — Голос Рохарио едва заметно дрогнул.

— Почти все тайны Грихальва связаны с магией. — Кабрал поворачивал документ, изучая слова. — Эта сторона понятна, она относится к Марриа до'Фантоме, но другая кажется мне набором бессмысленных слов. — Он протянул листок Агустину.

Мальчик покачал головой.

— Это тза'абские буквы, я видел такие в Фолио. Я их не понимаю.

— Где ты это нашел? — спросил Кабрал.

— В подвале Палассо Юстиссиа, листок был засунут в старую книгу, датированную 950 годом, временем правления Бальтрана Первого и Алехандро. — Рохарио склонил голову набок и долго не сводил глаз с искрящегося на солнце потока воды в фонтане. — Вы и правда мой дедушка?

Поначалу Кабрал ему не ответил. Все трое сидели так неподвижно, что две бабочки опустились на железную кованую спинку скамейки, замерли на мгновение, а потом поднялись в воздух — их трепещущие желтые крылышки напомнили о приближающемся лете. Интересно, что чувствует человек, достигший такого возраста, когда бесконечные обыденные проблемы жизни, радости и трагедии перестают его волновать? Агустин никогда этого не узнает.

Наконец Кабрал спокойно молвил:

— Я и в самом деле отец Ренайо. И твой дедушка. Я очень любил Мечеллу, Рохарио. Она осталась бы верна Арриго, если бы он захотел. Эйха! Я ни о чем не жалею, хотя знаю, что мне следовало сдержать свое сердце. Я не должен был ступать на столь опасный путь. Но нельзя жалеть о пережитом счастье.

Рохарио прикрыл лицо руками. Плечи его задрожали, и Агустин не мог понять, смеется он или плачет. Кабрал по-

ложил руку на плечо молодого человека, точно пытался его утешить. Они еще долго сидели молча у фонтана, которому не дано было узнать о том, какая драма только что развернулась у его подножия.

86

На рассвете пришла служанка подбросить дров в очаг и открыть занавеси. Элейна еще не совсем проснулась и прислушивалась к ее движениям. Потом с негромким стуком закрылась дверь. Элейна встала и надела то же платье и кружевную шаль — расшитую гиацинтами шаль вдовы, — которую накидывала всякий раз, когда разговаривала с Агустином. Наполнив лампу маслом, зажгла фитиль и поставила ее на то самое место на столе, где она стояла всегда. Тщательно расстелила пергамент, чтобы его края были параллельны кромке стола. Села, расправила плечи и засунула край шали за пояс, чтобы та не соскользнула на пол и не испортила заклинание.

Сгустились тени. Освещение изменилось.

— Элейна. — Шепот, лишенный тела голос, прозвучал так близко, что Элейне вдруг захотелось протянуть руку и коснуться брата.

— Агустин, я здесь.

— Будь осторожна. Вчера Вьехос Фратос собрались, чтобы наказать Сарио, но у них ничего не вышло!

Она услышала в его голосе тревогу и страх.

— Ничего не вышло? — переспросила она.

— Чиева до'Сангва не сработала. Сарио защитил себя...

В этот миг в ее комнатку ворвался Сарио. Она с удивлением посмотрела на него, и, встряхнувшись, начала подниматься со стула.

Слишком поздно. Этого короткого, потерянного мгновения оказалось достаточно. Сарио схватил лампу, отшвырнул в сторону стекло и вылил на пергамент горячее масло.

Элейна попыталась остановить его руку, масло брызнуло ей на ладонь. Поздно. Пергамент начал чернеть, и тогда она сорвала с плеч шаль и накрыла пергамент, но изменить ничего не смогла. Злодеяние свершилось!

Ей показалось, что она услышала отчаянный крик Агустина.

Сарио оттолкнул ее от стола.

— Как ты могла предать меня? Ведь я твой учитель! Я выбрал именно тебя. Тебя, а не мальчика с Даром. Я разглядел твой талант и решил взлелеять его, когда никто тобой не интересовался. Как ты могла?

— Убийца! Это же мой Агустин!

Он ударил ее. В ярости Элейна отвесила ему ответную пощечину, но на его щеке даже не осталось красного пятна.

— Канна! — выругался Сарио.

От злости он даже стал плеваться. Схватив Элейну за руку, потащил ее за собой по длинному коридору, ведущему

в покои Аласаис. Редкие слуги спешили по своим делам в этот утренний час. Они смотрели на них безмолвно. Никто не задавал вопросов Верховному иллюстратору Сарио.

Элейна, еще не оправившаяся от потрясения, шла за Сарио, не сопротивляясь. Горячее масло сожгло написанный кровью рисунок. «Матра Дольча, смилуйся над ним. Ведь он еще ребенок, совсем мальчик, как Твой собственный».

Аласаис не спала. Она сидела на покрытом шелком диване. Принцесса подняла глаза, когда они вошли, но никак не отреагировала на крик ужаса, вырвавшийся из уст Элейны. Просто продолжала спокойно вышивать. Сарио потащил Элейну дальше, в комнату с единственной дверью.

Втолкнул ее внутрь, закрыл за собой дверь на ключ и остановился, с ненавистью глядя на нее.

— Как они научились говорить через рисунки? Почему меня не поставили об этом в известность?

Да, он настоящее чудовище — его нисколько не беспокоит только что совершенное преступление.

— Это был Агустин! — Из груди Элейны вырвался короткий всхлип. — Он мертв?

— Обожжен наверняка. И скорее всего, мертв. — Сарио пожал плечами. — Ты меня использовала, Элейна. — В его голосе зазвучали печальные нотки. — Я предложил тебе знание, но ты ответила мне черной неблагодарностью! А они!.. Они сохранили такое открытие в тайне от меня, сообщив о нем лишенной Дара женщине!

Элейна не выдержала. Она не могла допустить, чтобы Вьехос Фратос присвоили себе их общее с Агустином открытие.

— Это не их открытие, — с триумфом воскликнула она и по удивленному выражению глаз Сарио поняла, что стрела достигла цели. — Мы с Агустином придумали, что таким способом можно разговаривать друг с другом. И никто другой. Нам не нужно твое Фолио...

— Бассда! — Ярость Сарио заставила Элейну умолкнуть. — Ты? Ты! Лишенная Дара и не имеющая подготовки... — Он коснулся своего Ключа, словно хотел погладить, и на его лице возникло странное выражение. — Подумать только, мне удалось найти всего одного подходящего человека, и тот оказался женщиной!

Однако Сарио взял себя в руки и показал в дальний конец маленькой комнатки, где стояла кровать. Кроме того, тут были стол, стул, два мольберта, краски, закрытый ларец и несколько прислоненных к стене полотен.

— Ты останешься здесь.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — На Элейну неожиданно низошло невероятное спокойствие, гнева и страха как не бывало.

Сарио подошел к одному из мольбертов и снял с него покрывало: ее Пейнтраддо. Ему удалось узнать все секреты Элейны: Луса до'Орро в ее глазах и на лице, в руке зажата кисть. Какая

прекрасная работа! Во рту у нее появился странный привкус, напоминающий пепел сожженной бумаги. Сарио коснулся своего пальца языком, а потом прижал его к нарисованным губам на портрете.

— Он закончен. Я ничего не могу с тобой сделать, эстудо мейа. Тебе больше не нужно бояться ни иллюстраторов Грихальва, ни меня. Я выполнил свою половину договора, несмотря на то, что ты меня предала. — Он сказал это с обидой, словно мальчишка, жалующийся на какую-то детскую несправедливость. — Если я сожгу картину, чтобы наказать тебя, то погибну.

— Ты убил Агустина, — прошептала она.

Оставалась надежда, что Агустин лишь обожжен. Пергамент не успел загореться по-настоящему. Матра Дольча, помоги ему!

Сарио больше не обращал на нее внимания, он погрузился в свои чудовищные заботы.

— Вчера у меня начали болеть руки, появился жар, но ощущения были такими, словно это происходило не с моим телом. На миг перед глазами все помутилось, но затем прошло. И я понял, они попытались свершить Чиеву до'Сангва. Мне стало ясно, что кто-то меня предал. Но я и представить себе не мог, чтобы кто-то научился разговаривать посредством картины! Я сам должен был до этого додуматься! — Он замолчал, точно к чему-то прислушиваясь, и поспешил к двери.

Ключ повернулся в замке, наступила тишина.

Матра эй Фильхо! Что случилось с Агустином? Элейна бросилась на постель и дала волю слезам.

Прошло какое-то время, прежде чем она немного успокоилась. Ничего. Никого. Ее охватила слабость, она не могла пошевелиться. Может быть, он заключил ее внутри картины. Может быть, воздух стал таким тяжелым, что не даст подняться с кровати. Никакой скорби, лишь краска и полотно, зачарованные границы бытия — навеки и навсегда.

87

Было темно. Почему так быстро наступили сумерки? Где она? Элейна села. Заскрипела кровать. Комната показалась незнакомой, смутные очертания медленно перемещались на противоположной стене, мольберты вырисовывались, словно непристойные человеческие фигуры, выставившие ноги и огромные животы.

Элейна вспомнила. Ей пришлось закрыть глаза, потому что возникшие образы ослепили ее, будто кто-то включил в темноте лампу. Она спала, в то время как умирал Агустин, если смерть не настигла его раньше. Матра эй Фильхо! Ее любимый Агустин. Элейна с трудом сдержала рвавшееся из груди рыдание. Услышала, как повернулся в замке ключ.

Она успела встать, когда дверь распахнулась и в комнату вошел Сарио. В одной руке он держал лампу, в другой поднос

с обедом: баранина, хлеб, овощи и рыба в чесночном соусе с таким сильным ароматом, что Элейна почувствовала его через всю комнату. А еще он принес бутылку белого вина, дабы утопить ее горе.

Элейна ела, отказываться было глупо. Тишина окутывала ее, как толстый слой краски, наложенный на холст, чтобы скрыть нарисованную на нем картину. Когда Сарио ушел, забрав лампу и поднос, стало так темно, что ей пришлось снова лечь. Он явно не хотел оставлять ей огонь: ведь Элейна могла попытаться отомстить ему и сжечь какое-нибудь из его заколдованных произведений — в надежде причинить боль. Если бы у нее появилась такая возможность той ночью, она воспользовалась бы ею не задумываясь.

Утром Сарио вернулся с булочками, овечьим сыром и чаем. И смутил ее, окинув пристальным взглядом.

— Я предоставляю тебе выбор, — наконец заговорил он. — Не могу спокойно смотреть, как умирает талант — в тебе, которая должна была родиться с Даром. Я буду продолжать тебя учить, если ты захочешь.

— Никогда! Никогда я не соглашусь брать уроки у чудовища, убившего моего брата!

Сарио кротко вздохнул. Теперь, при свете дня, он казался таким серьезным и разумным.

— Я верю в твой талант, Элейна. А кто еще? Кто научит тебя тому, что ты стремишься узнать?

По правде говоря, никто.

Сарио принес карандаши и бумагу. Подошел к окну. Внизу, во дворе, начали распускаться кровавые цветы. Шесть дней до Кануна Миррафлорес. Он начал рисовать.

Этот человек разбил ее жизнь и расправился с любимым братом.

Элейна отвернулась и села на кровать, зажав ладони меж коленей, чтобы руки не выдали ее волнения. Через некоторое время, не проронив ни единого слова извинений или упреков, Сарио ушел и запер за собой дверь.

Однако днем он явился снова.

— Только я в состоянии раскрыть перед тобой все секреты иллюстраторов, — сказал он.

— Вы убили Агустина, — прошептала она.

Все секреты. Матра Дольча, защити меня от искушения!

Сарио снова направился к окну и стал рисовать. Элейна слегка повернулась в его сторону, чтобы видеть со спины его фигуру и уверенные движения рук. Она встала, но не для того, чтобы смотреть на него. Сарио — самое настоящее чудовище.

И так много всего знает.

Элейна приблизилась на два шага. Он продолжал работать, делая вид, что не замечает ее. Как ему удается положить штрихи таким образом, что лепестки принимают столь удивительный оттенок красного?

Матра эй Фильхо, наверное, она сама чудовище. В этот миг Элейна поняла, что не может противиться Сарио, и ненавидела себя за это. И попросила карандаш и бумагу.

Он провел с ней весь день до самого вечера. Видимо, Ренайо находился под его полным контролем, и Сарио не нужно было постоянно следить за Великим герцогом. Слуга принес ужин. Сарио удалился, только когда сгустились сумерки. Он закрыл все краски и кисти и оставил Элейну без лампы. Однако еще не совсем стемнело.

И она принялась исследовать свою темницу. На одном из мольбертов по-прежнему стоял ее портрет, светотени играли на черных волосах и зрачках глаз. Простая красота картины вызвала слезы, они полились сильнее, когда Элейна заметила, что по краю Пейнтраддо идет изысканный узор из Золотых Ключей. Они оба чудовища. Ей не следует об этом забывать! Элейна с трудом отвела взгляд.

На другом мольберте она увидела портрет Ренайо. Множество этюдов, сделанных с придворных и слуг, устилали пол — ненужные отходы, и все же каждый из них кричал о гении Сарио. Элейна приложила ухо к замочной скважине, но ничего не услышала. Тогда она стала изучать полотна, прислоненные к стене. Нашла наполовину законченный портрет Эдоарда. И почти завершенный портрет Беатрис. Несколько пейзажей, старая усадьба — Элейна не смогла ее узнать, и трогательная акварель в светлых тонах, на которой был изображен умытый дождем двор.

В самом темном углу лицом к стене стояли три большие картины. Элейна осторожно перевернула их.

Матра Дольча! Первая — великолепный портрет Андрео Грихальвы. Элейна разглядела искусно наложенные тайные письмена — впрочем, прочитать их она не сумела. Сарио еще не успел ее этому научить. Но она догадалась, что они означали.

Кипарисы символизируют Смерть.

Рядом Элейна обнаружила портрет Никойо Грихальвы. На нем почти не было тайнописи, но на груди виднелось кроваво-красное пятнышко, похожее на след от булавочного укола.

Последнее полотно оказалось самым большим. Элейна отодвинула остальные в сторону и развернула свою последнюю находку. Уже почти совсем стемнело. Сначала она не могла ничего разобрать из-за того, что центр картины занимала какая-то странная клякса.

Комната, бедная, практически голая, возможно, на верхнем этаже, поскольку потолок чуть скошен, дощатый пол. Несколько скромных предметов мебели и кровать, вроде той, что стоит в ее темнице. Клякса при более внимательном осмотре оказалась вовсе не кляксой, а серой человеческой фигурой.

Элейна наклонилась пониже. И почувствовала запах мирта. «Говорящий с мертвыми». Фигура была женская.

С отчаянно бьющимся сердцем Элейна отступила на шаг. Неужели именно так Сарио прячет людей в свои картины? Сначала рисует комнату, а потом заключает в ней тело жертвы? И с ней он намеревается поступить таким же образом?

Моронна! Портрету Сааведры более трехсот лет. Нынешний Сарио не мог его написать. Это так же невозможно, как синие розы. Однако... два Сарио Грихальва стали Вер-

ховными иллюстраторами — этот и тот. Элейна видела автопортрет первого Сарио — красивый, с темными глазами и смуглой кожей. Он совсем не походил на этого Сарио, типичного Грихальва, кровь чи'патро уже не была столь густой.

И все же... если этот Сарио узнал о существовании подобного заклинания, почему бы ему не попробовать его в деле?

Если бы только у нее была лампа! Элейна снова начала пристально всматриваться в картину. Кажется, она заметила золотую прядь волос? А вот и еще одна. У этой женщины светлые волосы. Во всем дворце только две блондинки — принцесса Аласаис и ее горничная из Гхийаса.

Смешно.

Однако Элейна аккуратно поставила картины на место, чтобы Сарио не догадался, что она их трогала.

На следующий день, когда он пришел на очередной урок, Элейна задавала ему лишь очевидные вопросы.

— Откуда вы столько знаете, мастер Сарио?

Он мягко улыбнулся.

— Я прожил долгую жизнь.

От его тихих слов по телу Элейны пробежала дрожь, хотя двор под ними был залит яркими лучами солнца. Ожившая, сошедшая с холста принцесса. Молодой человек, который прожил долгие столетия. Эти фантазии казались абсурдными в ясном свете дня.

Но даже солнце не смогло прогнать из ее сердца холод.

Как и Сааведра, она стала пленницей. Один день сменялся другим. Ничего не происходило. Сарио проводил с ней долгие часы. Матра Дольча, он удивительный художник. Он так много знает.

«Сарио — убийца, а я ничуть не лучше, потому что не смогла отвергнуть его предложение. Агустин, прости меня».

И Агустин простил бы Элейну. Она плакала и молилась, чтобы он выжил.

Наступило утро Миррафлорес, и неожиданно распустились цветы — белые, пенные на кустах и кроваво-красные на клумбах. Служанки в свежих платьях разбрасывают лепестки по дорожкам, а Тимарра до'Веррада провела все утро с принцессой Аласаис, выбирая растения и молодые листики, а потом смешивая их с пряностями, чтобы приготовить сухие ароматические вещества.

Сарио появился сразу после того, как прозвучал обеденный гонг.

— Любопытные новости, — весело сообщил он, словно в очередной раз принес последние сплетни. — Ассамблея Временного Парламента приняла конституцию, которая будет в течение ближайших двух или трех дней представлена Великому герцогу Ренайо как высочайшее достижение вместе с заявлением, что они собираются объявить выборы в Парламент.

Под мышкой он держал свернутую бумагу для рисования.

Элейна взяла листы, разгладила и положила на стол.

— Что это такое?

— Рохарио до'Веррада. Наконец-то я его увидел. Теперь он влиятельный член Парламента. Если выборы в следующем

месяце действительно состоятся, его почти наверняка изберут. — Сарио рассмеялся. — До'Верраца заседает вместе с простолюдинами!

— А что вы собираетесь делать? — дерзко спросила Элейна. Потом, не в силах справиться с собой, схватила карандаш и добавила несколько штрихов к рисунку. — Это неправильно. Вот так, неужели вы сами не видите? В нем есть сила, которую вы не сумели показать.

Наступило молчание. Она подняла глаза на Сарио — вдруг поняв, что впервые поправила своего учителя.

Он вырвал карандаш из ее руки, склонился над наброском и... ничего не сделал. Просто молча смотрел на рисунок.

Наконец он выпрямился.

— Я вижу. — Его лицо сохраняло непроницаемое выражение. — Матра Дольча! — воскликнул он так, словно забыл о присутствии Элейны. — Чтобы за все эти годы я нашел только одного, и тот оказался лишенной Дара женщиной! Тебе, я полагаю, это покажется забавным, милая.

Элейна покраснела, но тут же поняла, что он обращался не к ней. Тогда к кому? При каких обстоятельствах она слышала такой же голос?

«Еще не пришло время освободить тебя, любимая». Любимая... Сааведра.

Конечно.

Сарио прислушался к чему-то и быстро ушел, но дверь за собой запереть не забыл. Весь этот долгий день Элейна провела одна, размышляя о живой женщине, заключенной внутри картины.

Когда на двор опустились сумерки, а в ее комнате начали сгущаться тени, Элейна услышала далекое пение — нежными голосами санктас пели Гимн Цветению, пели для девочек, ставших девушками.

«Матра Дольча, смилуйся над Агустином. Ведь каждая девушка рано или поздно становится женщиной, пожалуйста, он тоже имеет право на жизнь, на жизнь мужчины... Какой бы она ни была... Иллюстратор не может иметь детей, да и умереть ему суждено молодым... Но все равно, пожалуйста, сжалься над ним, Матра Дольча!»

В замке повернулся ключ. Слегка приоткрылась дверь.

— Нет! — закричал Сарио. — Нет! Я запрещаю!

Послышался слабый голос Великого герцога Ренайо:

— Я... я думаю, вам следует послушать Верховного иллюстратора Сарио. Да, я так считаю. Но, по правде говоря, Сарио, вы должны признать... традиции... для молодой женщины сидеть взаперти... как мы можем отказать в просьбе достойным санктас?

Чья-то уверенная рука решительно распахнула дверь. Конечно! Грихальва не имеют власти над екклезией. На пороге появилась Беатрис и три санктас в мантильях, источавших аромат розовой воды. За ними стояли энергичный Сарио и бледный, потерявший всякую уверенность в себе Великий герцог. Их сопровождала стража, но никто из солдат не осмеливался поднять руку на пожилых санктас, чьи лица и руки были покрыты глубокими морщинами, а с плеч ниспадали накрахмаленные белые одежды.

— Пойдем, пиппа, — сказала одна из них.

Другая взяла Элейну за руку и вывела из комнаты, словно она была не взрослой женщиной, а малым ребенком. Сарио ругался. Улыбка Беатрис стала еще прелестнее. И она шла за ними, а санктас сильными чистыми голосами пели гимн «Кровь Матери дает нам жизнь». Во дворе их ждала карета с кучером. Беатрис помогла санктас занять задние сиденья.

— Портрет... — воскликнула Элейна, приходя в себя. Только сейчас она сообразила, что и в самом деле спасена.

— Он здесь.

— Не копия...

— То, что тебе нужно, — здесь. Элейна, садись! Нам надо спешить.

Элейна села в экипаж, но никак не могла прийти в себя. Карета с грохотом покатила по скрытому аркой туннелю, ведущему к задним воротам. Благодаря присутствию санктас им разрешили выехать из Палассо, а потом пропустили через баррикады, превратившие улицы Мейа-Суэрты в настоящий лабиринт. Впрочем, настроение в этот день у всех было радостным и праздничным.

— Нового цветения вам, благословенные санктас! — закричала стайка девушек, когда карета проезжала мимо.

Санктас благословили их. Карета двинулась дальше. Из гостиниц и домов доносились пение и смех.

— Почему все так счастливы? — спросила Элейна.

От обретенной свободы у нее слегка кружилась голова. Перед глазами все еще стояли выбеленные стены комнатки, в которой ее держал Сарио, и бесконечные портреты в Галиерре.

— Скоро снова соберется Парламент, — сказала старейшая санкта. — Они счастливы, потому что Матра благословила их.

— Вы так думаете? — проявила любопытство Беатрис. — Нас ждут большие перемены.

— Так говорит Матра: все, чего касается ее рука, расцветает под ее благостью.

— Даже Сарио Грихальва? — пробормотала Элейна.

Беатрис наклонилась к Элейне и прошептала ей на ухо:

— Вы любовники?

Элейна содрогнулась. Разве их не связывает нечто большее, чем узы плоти? Но об этом она не могла говорить даже с Беатрис — ей было невыносимо стыдно.

— Почему санктас решили нам помочь? — спросила она, не ответив на вопрос сестры. — Они не жалуют Грихальва, а ты — любовница. Они же всегда восставали против такого положения вещей.

— Я их попросила. Что бы они обо мне ни думали, санктас полны сострадания.

Наконец они подъехали к освещенным факелами воротам Палассо Грихальва. Им навстречу выбежали слуги, под руководством Беатрис забрали огромный портрет, завернутый в покрывало, и унесли внутрь. Беатрис искренне поблагодарила санктас. Они благословили ее, и карета укатила в ночь.

Элейна и Беатрис торопливо зашагали к центральному двору. Впереди пылали факелы, их мерцающее пламя разгоняло мрак. У входа в большой зал стояла женщина. Она взглянула на них и стремительно шагнула навстречу.

— Беатрис! Благодарение Матре, ты приехала! — Это была их мать. Элейна собралась с силами. — Элейна! Матра эй Фильхо, наши молитвы услышаны. Мой несчастный малыш спрашивал о тебе. — Дионисса взяла Элейну за руку и повела за собой.

Мать выглядела уставшей и измученной. Элейна покорно последовала за ней, пораженная изменениями, происшедшими с Дионисой. Беатрис чуть-чуть от них отстала.

Вскоре они вошли в небольшую боковую комнату. Отвратительный запах гниющей плоти перебивал все остальные. Не говоря ни слова, Дионисса протянула дочерям носовые платки. Элейна прикрыла нос. Беатрис решительно подошла к кровати.

К Агустину.

Возле постели на коленях стояла санкта и молилась. Элейне было достаточно одного взгляда на обгоревшие руки, лицо и закрытые глаза — Агустин забылся беспокойным сном — и глотка спертого воздуха, чтобы пожелать только одного: скорейшей кончины своего несчастного брата. Ее платок уже промок от слез.

Санкта посмотрела на Беатрис, опустившуюся рядом с ней на колени, кивнула и повернулась к Элейне.

— Вы его старшая сестра? Он спрашивал о вас, но я дала ему снотворное. Надеюсь, он проспит много часов, я молюсь об этом.

— Еще есть надежда? — севшим голосом спросила Элейна.

— Нет. Мне очень жаль.

— Я останусь, — сказала Беатрис. — Ты знаешь, куда тебе нужно идти, Элейнита?

— Да. — Элейна вышла из комнаты.

Мать последовала за ней.

— Правда ли, что Сарио убил Андрео? — осторожно спросила Дионисса. Казалось, она боится услышать правду.

— Да. Я должна идти к Вьехос Фратос.

К ужасу Элейны, мать согласилась без всяких возражений. Она молча вернулась в комнату Агустина.

Элейна по лестнице поднялась в ателиерро. «Чудовище. Чудовище. Чудовище». Каждое слово совпадало с каждым новым шагом, с каждой новой ступенькой. «И я ничуть не лучше, раз согласилась у него учиться».

По приказу дяди Дамиано впустил Элейну. Иллюстраторы стояли вокруг портрета Сааведры, рассматривали детали и спорили между собой. Их осталось так мало. И они казались такими слабыми, особенно по сравнению с силой, исходившей от Сарио. Ничего удивительного в том, что он презирает их. Ничего удивительного в том, что он хочет восстановить былое могущество Грихальва.

«Эйха! Скоро ты начнешь их убивать по приказу Сарио».

— Вы видите тайнопись? — спросила Элейна. Они заворчали, но пропустили ее к портрету. — Вот здесь начинается узор... Где Кабрал?

— Он не обладает Даром, — мрачно ответил Гиаберто.

— И я не обладаю Даром. Он здесь самый старший. Именно его воспоминания о портрете заставили вас увидеть правду, разве не так?

Иллюстраторы были настолько деморализованы, что не стали возражать и послали Дамиано за Кабралом. Как только он ушел, споры возобновились. Никто не хотел признавать ужасной правды.

— Но людей невозможно заталкивать в картины и вынимать их оттуда! — запротестовал Тосио. — Так не бывает. Наверное, он написал этот портрет для того, чтобы заставить ее покинуть Тайра-Вирте.

— Нет. — Гиаберто покачал головой. — Элейна права. Здесь записаны именно запирающие заклинания, а не какие-то другие. Дамиано десять дней работал с архивами и нашел описание, сделанное во времена Коссимио Первого. Сааведра действительно переместилась с одного места на другое — внутри картины.

Один лишь Тосио что-то проворчал себе под нос. Остальные, судя по их потрясенным лицам, уже поверили.

— Но если Сааведра и в самом деле жива, — продолжал Гиаберто, — то что нужно сделать для ее освобождения?

— Я самым тщательным образом изучила портрет, — ответила Элейна. — Дверь кажется мне знакомой.

В этот момент вернулся Дамиано и привел с собой Кабрала. Старик долго смотрел на Сааведру — он явно испытывал какие-то чувства, но не пожелал поделиться своими мыслями с остальными. После длительного молчания Кабрал покачал головой, как служанка, снимающая метлой паутину.

— Да, мне знакома эта дверь. Мне тоже кажется, что я видел ее где-то в Палассо.

— Давайте попытаемся ее найти, — предложил Гиаберто.

Они направились в старую часть здания по древним коридорам с деревянными полами, рассохшимися от времени. Здесь жили слуги или находились кладовые. Вскоре впереди они увидели смутные очертания лестницы, ведущей в один из коридоров с побеленными стенами, покрывшимися за долгие годы серой пылью.

— Странно, — пробормотал Гиаберто. — Я думал, что хорошо знаю весь Палассо, но здесь никогда не был.

Первый раз они прошли мимо — хотя как такое могло произойти, если дверь находилась перед ними? Лишь волшебство могло быть причиной их временной слепоты. Обычная дверь и в то же время совсем необычная: старое полированное красное дерево со щеколдой из кованого железа, а по краю выписаны магические значки и многочисленные железные пластины.

Кабрал толкнул дверь. Оказалось, она не заперта на замок. Для тех, кто не знал о ней, она попросту не существовала. Элейна содрогнулась от мысли, что никто, кроме Сарио, понятия о ней не имел целых триста с лишним лет.

Они вошли. Внутри пыль лежала таким толстым слоем, что на полу остались глубокие следы от их ног. Элейна медленно поворачивалась, осматривая комнату. Несмотря на грязь и запустение, она узнала детали, виденные ею на картине: окно, туалетный столик, свечу и масляную лампу, стоящее на мольберте зеркало; покрытое густым слоем пыли, оно ничего не отражало. Не хватало только инкрустированной самоцветами книги и женщины.

— Портрет был написан здесь, — с благоговением, еле слышно сказал Гиаберто. — Может быть, тут была ее комната? Возможно, нам нужно привести ее в порядок, чтобы освободить Сааведру?

Кабрал провел пальцем по столику, и в воздух поднялись тучи пылинок.

Элейна чихнула.

— А не могли бы вы... написать другую сторону двери и... освобождающее заклятие, чтобы Сааведра смогла открыть ее? Разве она не пытается это сделать?

— Матра Дольча, — пробормотал Гиаберто, поворачиваясь к Элейне. — Конечно! Вероятно, не потребуется ничего более сложного. Тебе следовало родиться с Даром, пиния мейа.

Элейна отпрянула от него.

— Прошу прощения, — поспешно сказал Гиаберто. — Не сердись, Элейна.

— Вы не имели в виду ничего плохого, тио.

— Пойдем, Элейнита. — Кабрал взял ее за руку.

Вместе они вернулись в ателиерро.

Как Премио Фрато Гиаберто начал срочно отдавать распоряжения.

— Я возьму весь риск на себя, — заверил он, — потому что остальные должны сохранить силу, если меня постигнет неудача.

Элейна наблюдала за приготовлениями. Разве могла она себе представить, что станет свидетелем столь неординарного предприятия! Гиаберто взял ланцет, нагрел его в пламени свечи и, сделав надрез на руке, смешал краски с собственной кровью... Однако в воздухе не заклубился волшебный туман — впрочем, Элейна и не ждала ничего подобного. Краски выглядели точно так же, как и раньше. Гиаберто добавил туда свои слезы, слюну и мутную жидкость из заранее приготовленного флакона.

В ателиерро нашлось множество подходящих деревянных панелей. Они выбрали дубовую и прислонили к стене, потому что она была слишком большая, чтобы ставить ее на мольберт. По памяти Гиаберто нарисовал контуры двери, Элейна и Кабрал помогали ему советами. Потом он взялся за краски, и с первой попытки, на фоне выбеленной стены, перед ними возникла старая дверь из красного дерева, окованная железными пластинами с волшебными знаками, идущими по краю. И еще он вплел в рисунок символы, которые Элейна знала: лесной орех — Знание, лист плакучей ивы — Свобода, розмарин — Память.

Пробил колокол, возвещающий о наступлении полуночи и Миррафлорес, месяца цветения, плодородия и возрож-

дения. Краска еще не успела просохнуть, а Гиаберто уже вплетал тончайшие узоры тайнописи — следы птицы на болотном песке, линии на ладони: «Чар больше нет. Приходит свобода».

Над крышами домов забрезжил рассвет, когда Гиаберто нанес последний мазок и отступил назад.

— Матра эй Фильхо! — послышался шепот Кабрала.

Движения еще не было, но они почувствовали некое изменение, перемещение воздуха.

Дверь открыта!

Комната на огромном портрете оставалась неизменной во всех деталях. За исключением одной — она была пуста, словно в ней никогда никто и не находился. Гиаберто опустился на стул как раз в тот момент, когда щеколда на его картине отодвинулась.

Дверь открылась. Женщина осторожно переступила через невидимый порог и вошла в ателиерро. Она стояла и смотрела на них моргая — ее глаза еще не привыкли к новому освещению. Она поднесла руку к горлу, словно пыталась сказать что-то, но не могла произнести ни звука. Неуверенно подошла к стене и провела пальцами по гладкой деревянной поверхности. Потом медленно повернулась, шурша пышными пепельно-розовыми юбками, и огляделась по сторонам. Наконец подошла к Элейне, коснулась ее руки, платья, ленты на поясе. Руки у женщины оказались прохладными, но, вне всякого сомнения, она была живая.

— Тебя зовут Элейна. — Она говорила с необычным акцентом, какого Элейне никогда не приходилось слышать. — Я видела, как ты рисовала, и слышала, как ты говорила со мной. Меня зовут Сааведра. Сколько времени прошло?

88

Она сидела в кресле в ателиерро Грихальва, где все так переменилось! Здесь стало гораздо просторнее! Она рассматривала своих собеседников: девять Одаренных иллюстраторов, старика, молодую женщину, свою ровесницу.

Нет. Не ровесницу. Невероятно. И все это сотворил Сарио.

Та, другая женщина из рода Грихальва, молода. А вот она нет. Она смогла вычислить свой возраст, когда ей все рассказали: *триста шестьдесят три года.*

Матра эй Фильхо! Что он наделал, на что употребил Дар, Луса до'Орро? Зачем позволил себе стать жертвой честолюбия, зачем сотворил зло, считая, что это единственно возможный и необходимый путь?

И его поддержал Раймон.

Она закрыла глаза. Сангво Раймон умер дважды: первый раз, когда погрузил Чиеву в Пейнтраддо, а потом его убили годы, десятилетия, века.

Она — самая старая представительница семейства Грихальва.

Какая ирония! Ее охватила ярость — от того, что он посмел сотворить с ней такое!

Сколько времени прошло! И почти никаких воспоминаний о прошедших годах, если не считать того, что она видела в зеркале, которое он нарисовал на портрете. Века не отразились на ее фигуре и лице. Ребенок стал всего лишь на три дня старше, а ведь его отец умер три века назад.

Алехандро умер.

Послали за едой, и она набросилась на нее, не в состоянии справиться с нуждами своего тела, освобожденного из заключения, от уз заклятья. Но ее мысли, спешащие вперед, натыкающиеся друг на друга в этой безумной гонке, ее сознание восставали против того, что она узнавала: Сааведра стала всего на три дня старше, а ее не рожденному еще ребенку исполнилось три месяца.

Она ела, не обращая внимания на удивленные взгляды. Они смотрели на нее, перешептывались, все, кроме молодой женщины, Элейны, сидевшей рядом. Она ждала.

Алехандро умер.

Сааведра положила вилку, та тихонько звякнула. У нее дрожали руки, и она не могла унять эту дрожь. Может быть, ее тело таким образом протестует против того, что с ним происходит? Может быть, плоть начала разлагаться, когда ее освободили из темницы?

Сааведру окатила волна боли. Матра Дольча...

Нет. Это не разложение. Горе.

— Умер, — сказала она дрожащим голосом. — Вчера он был жив. Сегодня уже мертв.

— Кто? — тихо спросила Элейна.

— Алехандро. — Она любила называть его по имени. Теперь это причиняло ей боль, потому что он не услышит ее. — Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада, герцог Тайра-Вирте.

— Мне очень жаль, — пробормотала Элейна.

Горе можно погасить гневом. Так она и сделала.

— Но Сарио жив, и я ему отомщу.

— Сарио? — спросил Кабрал. — Сарио Грихальва? Он же умер. Игнаддио Грихальва написал очень трогательную картину «Смерть Сарио Грихальвы». Она висит в Пикке.

Сааведра вздрогнула.

— Надди?.. — Он ведь тоже умер. Как и многие другие. — А что такое Пикка?

— Маленькая галерея, в которой мы, Грихальва, выставляем картины для всеобщего обозрения.

— Для всеобщего обозрения? Но... никто, кроме самих Грихальва, не может войти в наш дом!

— Сейчас, — как можно мягче объяснил старик, — это дозволено.

Эйха, как больно! Известно о ней гораздо больше, чем ей о них а мир, в котором они живут, существует несколько веков спустя.

— Это не важно, — сухо молвила Элейна.

В ее словах не было ничего обидного... разве что тон... Сааведре сразу понравилась Элейна, и она надеялась узнать ее поближе. Мир и в самом деле изменился. Элейна Грихальва, лишенная Дара женщина, оказалась рядом с Вьехос Фратос.

— Почему ты веришь, что Сарио Грихальва жив? — спросила Элейна.

Сааведра почувствовала, что молодая женщина уже знает ответ на свой вопрос, но не готова произнести его вслух — а может быть, и для себя самой. Она встала из-за стола, прижала руки к настоящему дереву, а не нарисованному и подошла — о Пресвятая Матерь, какое это счастье иметь возможность ходить! — к огромной доске, стоявшей у стены. Принялась изучать то, что осталось от ее тюрьмы.

Конечно, он гений. Это видно в каждой линии, в каждой тени. Разве можно, взглянув на это произведение, не узнать руку мастера, его создавшего?

— Сарио, — выдохнула она. — Мой Сарио. — Даже теперь, когда ее тела на картине не было, композиция оставалась безупречной. — Вот зеркало, — сказала Сааведра и махнула рукой. — Смотрите, оно стоит на мольберте. Одна из его причуд, так же как и то, что он нарисовал Фолио. Это говорит о высокомерии и самоуверенности, что очень характерно для него. — Сааведра чуть повернулась, взглянула на иллюстраторов и поняла: они еще не сообразили, что она имеет в виду. — Вот, — продолжала она, снова махнув рукой. — Благодаря зеркалу я осознала, что он со мной сотворил, увидела, что мир за пределами портрета существует, живет своей жизнью, а Сааведра Грихальва — нет. — Ее сердце опять затопила волна боли. — Та Сааведра, которую никто из живущих не знает.

На лице Кабрала появилось сомнение, но оно тут же сменилось горьким осмыслением того, что несколько секунд назад было произнесено вслух.

— Обнаружив, что могу шевелиться, я занялась изучением книги и лишь потом заметила зеркало. А в нем — людей. Так много людей, так много лет... постоянно меняющийся калейдоскоп разных, чужих лиц, необычной одежды.

Внезапно Сааведра поняла, что ей теперь не так трудно говорить о том, что с ней происходило; она свободна, а ее прошлое не является ничьим настоящим.

— Временами я погружалась во мрак, словно на портрет набрасывали покрывало. Иногда мне казалось, будто я слышу голоса и кто-то ко мне обращается, хотя слова звучали непривычно — вот и сейчас ваше произношение кажется мне немного странным. — Она обернулась к Элейне. — Тебя я видела совсем недавно, потому что ты работала перед моим портретом.

— Я копировала, — кивнула Элейна.

— И Сарио. Всегда Сарио. Его одежда менялась, и спутники тоже... но он всегда оставался со мной. Приходил навещать. Может быть, позлорадствовать. — Сааведра почувствовала — вот-

вот на глазах появятся слезы. Плач не по умершему давным-давно Алехандро, а по мальчику, наделенному редким талантом и достигшему гораздо больше, чем кто-либо мог от него ожидать. — Последний раз я смотрела на него, когда он стоял рядом с тобой.

Элейна отвернулась, у нее было виноватое лицо — то, о чем она лишь догадывалась, подтвердилось.

— Да, теперь его тоже зовут Сарио.

— Иллюстраторов принято называть в честь их великих предков, — напомнил Кабрал.

— Нет. — Боли больше не было. Вместо нее пришла уверенность. — Это он. Мой Сарио. Матра Дольча, неужели вы думаете, я не в состоянии узнать человека, который предал меня и пленил?

— Но этого не может быть, — запротестовал Кабрал. — Этот Сарио совсем не похож на Сарио из твоего времени. Я видел его портреты. Помню, когда Сарио родился. Наш Сарио.

Неожиданно заговорил Гиаберто. Он был дядей Элейны и, вне всякого сомнения, Премио Фрато. Как когда-то Артурро, Ферико, как Дэво. Но все они жили в ее время, не сейчас; настоящее принадлежит Гиаберто.

— Я и сам помню, как его признали одним из нас, тогда он и написал Пейнтраддо Чиеву. — Гиаберто недоверчиво посмотрел на Сааведру. — Видишь, вот портрет Сарио. Мы принесли его из кречетты, чтобы изучить при более благоприятном освещении.

Сааведра подошла поближе. Мужчина, не очень отличающийся от ее современников: руки пожирает костная лихорадка, белесые, невидящие глаза. Слабость, не вяжущаяся с молодым лицом.

Сааведра покачала головой.

— Не этот человек стоял рядом с тобой, Элейна. У него было лицо моего Сарио. — Она повернулась. — Вы прибегли к обряду Чиевы до'Сангва, верно?

Гиаберто был потрясен ее вопросом.

— Откуда ты знаешь? Откуда тебе вообще об этом известно?

Сааведра с улыбкой, медленно вернулась к столу. Взяла кусочек хлеба, принялась разглядывать корочку, взвесила на ладони — по крайней мере хлеб пекут по старинке! — а потом встала так, чтобы видеть их всех.

— Знаю, потому что тоже обладаю Даром. — Она раскрыла ладонь и показала им Ключ. За прошедшие века вес его стал привычным. — Этот Ключ, Чиева до'Орро, принадлежит мне. Видите ли, я прошла конфирматтио особого рода — меня заставил Сарио — и получила Ключ, а с ним и все права, которыми обладают Грихальва.

Посыпались протесты, возражения, мужчины заговорили одновременно. Элейна молчала. Сааведра не обращала на них внимания, казалось, недоверие нисколько ее не оскорбило. Она слышала эти слова и раньше. Сама говорила их Сарио. Женщина не может обладать Даром.

— Только мужчин природа наделяет Даром, — уверенно заявил Гиаберто. — А долг женщины производить на свет

Одаренных сыновей. Этот Ключ — всего лишь символ священных уз, объединяющих до'Веррада и Вьехос Фратос.

Тем временем единственная женщина в комнате молча ждала, когда смолкнут все протесты, и просто смотрела на Первую Любовницу, которая, по собственному признанию, являлась еще и Первой Одаренной женщиной.

Сааведра встретилась глазами с Элейной.

— Ты мне завидуешь?

Молодая женщина покраснела.

— Матра Дольча! Да, признаюсь, я тебе и в самом деле завидую. — А потом тихо прибавила: — Прости меня.

— Не нужно извиняться, — сказала Сааведра. — Не стоит делать это сейчас. Не сожалей, что тебе не ниспослан Дар. Матра дает нам то, что считает нужным.

— Но если ты Одарена... — Кабрал с сомнением выступил вперед. — Прошу прощения, что я задаю вопрос, ю... Мечелла сказала правду? У тебя будет ребенок?

— Да, — спокойно ответила Сааведра. — Ребенок, который должен был родиться три века назад, еще появится на свет.

Кабрал тяжело вздохнул.

Как это ни странно, глаза Элейны неожиданно наполнились слезами, и она поспешно отвернулась.

Сааведра, не задумываясь о том, что делает, протянула руку.

— Нет, прошу тебя... пожалуйста, не отворачивайся! Матра эй Фильхо! Ты единственная из них можешь меня понять. Неужели ты мне в этом откажешь? — Сааведра почувствовала, как и у нее на глазах появились слезы. — Матра Дольча, я здесь совсем одна, мое время давно прошло, я ни с кем не знакома — у меня есть только этот ребенок, ребенок Алехандро, который узнает о своем отце и о том времени, когда жила его мать, разве что из уроков древней истории. — Сааведре стало трудно говорить. — Ты же все понимаешь, правда? Ты чувствуешь. Сердцем, да и умом тоже.

Элейна стояла спиной к Сааведре. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она медленно повернулась и протянула ей дрожащую руку.

— Прости меня... Я не завидую твоему Дару. — Они взялись за руки. — Это правда, у тебя никого нет... И если ты захочешь, то станешь мне сестрой. Совсем как Беатрис, которая и на самом деле мне сестра. И Агустин... — Голос ее пресекся, она выпустила руку Сааведры. — Прошу меня простить. Я должна пойти посмотреть, не проснулся ли Агустин.

— Иди посмотри, нинна мейа.

Сааведра с сожалением проводила ее глазами. А потом обратилась к Гиаберто:

— Кто такой Агустин?

Ответил ей Кабрал, сердито и печально одновременно:

— Агустин — ее младший брат, недавно прошедший конфирматтио. Он умирает, потому что Сарио облил горя-

чим маслом из лампы картину мальчика, написанную красками с примесью крови.

Сааведра вздрогнула. Затем поцеловала кончики пальцев и приложила их к сердцу.

— Матра Дольча... Который Сарио?

— Этот. — Гиаберто показал на лицо, которое она не узнала. — Но нам не удалось применить к нему Чиеву до'Сангва.

Сааведра ответила не сразу. Она знала, как Сарио защитил себя.

— Мы еще не поняли, каким образом ему удалось это сделать, — продолжал Гиаберто, приняв ее молчание за удивление. Бросил взгляд на портрет. — Впрочем, может быть, на самом деле он не Сарио. Не наш Сарио. — Он обернулся к Сааведре. — Ты уверена, что видела в зеркале Сарио?

Впервые за свою жизнь — жизнь, исковерканную магией, — Сааведра Грихальва произнесла клятву, к которой даже они не могли отнестись несерьезно.

— Номмо Чиева до'Орро. — Она видела, что они ее услышали, отметила их потрясение. — Его одежда менялась, но лицо оставалось всегда одним и тем же. И Чиева у него на груди. — Неожиданно Сааведра задрожала, словно в комнату ворвался порыв холодного ветра. — Возможно, жестокость — или, наоборот, великодушие — заставили его нарисовать зеркало... Видимо, у него были на это свои собственные причины. Но я думаю, оно показывало правду — настоящий мир и его истинное лицо. И в этом мире всегда был Сарио.

— В таком случае, если твой Сарио приходил с Элейной, нашей Элейной... — Лицо Кабрала посерело. — Прости меня за то, что я сомневаюсь в твоих словах, пожалуйста, прости, но в это так трудно поверить.

Сааведра развела руками.

— Так же трудно, как поверить в меня.

— Как такое может быть? — Голос Гиаберто дрожал.

Да, нелегко говорить: для нее все произошло вчера, для них — несколько веков назад.

— Вы не знаете его так, как я, — сказала она. — Не знаете того Сарио, каким мне дано было его увидеть, — хотя он и живет среди вас. Я поняла — к сожалению, слишком поздно! — что Сарио способен на все. Он может достигнуть заоблачных высот, подчинить себе любое заклинание, добиться безграничного могущества. Благодаря Дару он не ведает никаких преград. — Она тяжело вздохнула. — В мое время не было — да и в ваше тоже нет — равных Сарио Грихальве.

— Твои слова звучат так, будто ты его любишь! — В голосе Гиаберто слышался упрек.

Сааведра нисколько не смутилась.

— Я любила его так сильно, как только могла. Как никого другого. Но любовь бывает разной, и то, что я давала Сарио, не имело ничего общего с тем, что связывало меня с Алехандро.

— Нинна мейа, — с состраданием произнес Кабрал и взял руки Сааведры в свои. — Я буду рад, если ты станешь

считать меня своим дядей, так же, как Элейну — сестрой. Ты Грихальва, одна из нас, часть меня... — Он рассмеялся. — Боюсь, по возрасту ты годишься мне в прапрабабушки, но все равно ты моложе меня.

Старик, старше остальных иллюстраторов, нарушил торжественность момента, отчаянно заколотив тростью по полу.

— Хватит! — Его трескучий, слабый голос дрожал, было ясно, что жить ему осталось недолго. — Все эти разговоры о Сарио — этот Сарио, тот Сарио — неуместны, в то время как я хочу выяснить нечто на самом деле чрезвычайно важное. — Он сердито уставился на Сааведру. — Желтый пипали — как его делали? Мы создаем лишь нечто похожее, но наша краска не даст того эффекта, какого достигали старые мастера. Как ее смешивали?

Слишком много потрясений. Сааведра расхохоталась.

— Вы больше не умеете делать желтый пипали? Матра Дольча, да вам ужасно повезло, что я вернулась, не так ли?

Кабрал выпустил ее руки из своих и энергичным жестом привлек к себе всеобщее внимание.

— Минутку!

Как странно видеть, что лишенный Дара иллюстратор пользуется таким влиянием среди Вьехос Фратос! Но Сааведра уже поняла, что Кабралу можно доверять, ее восхищали его доброта и мудрость — и ей так нужны были друзья.

— Сарио опасен не только для нас, но и для всей Тайра-Вирте. Если то, что говорит Элейна, правда и Сарио действительно написал портрет герцога Ренайо, благодаря которому полностью подчинил того себе... — Он покачал головой. — Давайте предположим, что это правда, что первый Сарио Грихальва еще жив. Как можно такое осуществить? На это способен лишь Одаренный иллюстратор, правильно? А они есть только среди Грихальва.

— Исключено! — снова запротестовал Гиаберто.

Сааведра устала выслушивать бесконечные препирательства и потому оставила Вьехос Фратос и подошла к Пейнтраддо Чиеве Сарио Грихальвы, ее Сарио.

Всего несколько дней назад... Дней? Нет, веков. Несколько дней назад она разговаривала с ним, спорила, поняв, что он собой представляет, чем стал; несколько дней назад она лежала в объятиях Алехандро, была счастлива рядом с ним, знала, что они будут вместе до тех пор, пока смерть их не разлучит.

Она еще жива. А он умер три века назад.

Ее снова затопила волна боли. Чтобы справиться с ней, на время забыть, Сааведра обратилась к Вьехос Фратос. К Кабралу.

— Тебе, — она поманила его, а когда он подошел, вложила свою руку в его, — тебе он бы позавидовал. Теперь я это понимаю гораздо лучше, чем раньше. Его безумие помогло мне... — Она показала на картину. — Этот человек позавидовал бы тебе и твоему могуществу...

— У меня его нет, — возразил Кабрал. — Я не наделен

— На самом деле твоя сила совсем в другом. В долгой жизни. В способности зачинать детей. — Сааведра вздохнула. — Однажды Сарио мне сказал, что не желает иметь ничего общего с детьми, но я думаю, он лгал. А еще он заявил, что иллюстратор живет только в своих произведениях и что он найдет способ это изменить. — Она взглянула на Кабрала. — Ты знаешь историю Тайра-Вирте. Как долго прожил первый Сарио?

— Мне кажется, он умер в тридцать пять лет.

А Алехандро... Какой оказалась его жизнь, длинной или короткой? И появилась ли в его постели другая женщина, женщина, родившая ему детей?

Конечно, появилась. Род до'Веррада продолжается и по сей день, триста шестьдесят три года спустя. Но она не могла решиться задать этот вопрос. Это причиняло боль.

— Ты интересовался, — обратилась она к Гиаберто, — как может Сарио жить так долго. Я могу ответить на твой вопрос, потому что прочла эту книгу от корки до корки. — Она показала на книгу, лежащую на столе — на картине. — Это копия Кита'аба. Вам она известна в неполном варианте, и вы называете ее Фолио. Там есть заклинание, благодаря которому можно перенести сознание и дух одного человека в тело другого...

Открылась дверь, ведущая на лестницу, и все повернули головы в ту сторону, но оказалось, что это всего лишь Элейна.

— Агустин спит. — Ее лицо было печально. — Может быть, даже лучше, что он не просыпается, если сон избавляет его от боли. — Она взглянула на Сааведру и тяжко вздохнула. — Я слышала тебя. Пару дней назад я спросила Сарио, как получилось, что ему так много всего известно. И он ответил: «Я давно живу». Мне его слова тогда показались такими странными, ведь он всего на шесть лет старше меня. — Она посмотрела на всех, потом снова на Сааведру. — Я могу проверить, правда ли это. Я должна вернуться в Палассо.

— Матра эй Фильхо! Ты не боишься рискнуть?

— Невозможно, — перебил их Гиаберто. — Слишком опасно.

Кабрал присоединился к Гиаберто, хотя и не так уверенно.

— Элейна, милая, ты же должна понимать, что, если Сарио в состоянии заставить Ренайо плясать под свою дудку, он, вне всякого сомнения, может поступить точно так же и с тобой.

Она убедительно покачала головой. Сааведра восхищалась ее спокойной отвагой.

— Он не причинит мне никакого вреда и не сделает своей марионеткой. — Элейна с вызовом посмотрела на Гиаберто. — Он написал мой портрет, который защищает меня от влияния иллюстраторов Грихальва.

Сааведра с новым интересом взглянула на Элейну. Красива, хотя и не ослепительна; молода, полна жизни и энергии; но самое главное — в ней есть вдохновляющая сила, она вызывает в душе отклик, привлекает к себе.

И Сааведра поняла, что это Луса до'Орро, тот самый Золотой Свет, что был дарован и Сарио.

Художник. Вот чем она занимается с Сарио, а потому знает его так хорошо. Живопись. Она учится. Чтобы разгорелся ее собственный огонь.

И все же...

— Он тебя любит? — спросила Сааведра.

Он всегда любил ее, насколько вообще был способен любить кого-то, кроме себя и своего искусства; но ведь он прожил так долго, наверняка у него были и другие женщины. Или, может быть, одна другая женщина?

Элейна покраснела, но ответила твердо:

— Он не мой любовник. Но... — Ее колебания выдавали глубокое волнение. — Но я его ученица.

Возмущенные возгласы. Вьехос Фратос и в самом деле не те, что раньше. Сааведра не могла припомнить, чтобы мужчины выдвигали такие мелкие, пустые доводы, так легко устраивали скандалы по пустякам. Они не отпустят ее в Палассо.

А она бы пошла; она пошла — невзирая на опасность, и оказалась здесь, в этом времени, хотя ей следовало умереть вместе с Алехандро.

— Но ведь только я могу вернуться! — воскликнула Элейна. — Он мне доверяет и думает, что я доверяю ему. Скажите, что я должна сделать!

Гиаберто стал расхаживать по комнате.

— Меннина моронна, — бормотал он.

— Да, — согласилась Элейна. — Но так нужно, тио.

Он резко обернулся.

— Если все обстоит так, как ты говоришь... Если он написал твой портрет красками с кровью, тогда ты и в самом деле можешь его не опасаться, он не способен причинить тебе зло. Эйха! Ты должна отправиться в Палассо. — Он смахнул капли пота с верхней губы. — Сначала следует освободить Ренайо от его влияния. Найди портрет, опусти его в ванну с водой, налей туда скипидар, и пусть полотно хорошенько намокнет. Когда картина будет уничтожена, добавь еще воды, как можно больше, а потом все вылей в сток. Таким образом его власти над герцогом придет конец без вреда для самого Ренайо.

— А почему бы мне просто не сжечь портрет или какую-нибудь другую из его картин? — сердито спросила Элейна. — Позвольте мне сделать с ним то, что он сотворил с моим Агустином!

Сааведра остановила спор, прежде чем он разгорелся с новой силой.

— Я должна его увидеть, — просто сказала она. — Я должна увидеть этого человека и понять, что он собой представляет.

Элейна, стоявшая совсем рядом с ней, пробормотала так тихо, что только Сааведра услышала ее слова:

— Если это действительно он, представить себе невозможно, как много он знает о живописи!

Самая настоящая Луса до'Орро. Да, Элейна женщина, но такой же иллюстратор, как и все остальные.

Холодно, спокойно Сааведра продолжала:

— Я предлагаю Элейне вернуться к нему и отнести записку. От меня, я напишу ее сама, он — мой Сарио — прекрасно знает мою руку. И если это действительно Сарио, он обязательно явится. — Она посмотрела на молодую женщину, его ученицу, понимая, что следующее задание причинит ей боль. — Когда он покинет Паласco, Элейна должна будет уничтожить все его картины способом, описанным Гиаберто. Все до единой. А как только Сарио придет ко мне, сюда, в ателиерро, мы займемся им все вместе. Вьехос Фратос. И я. Возможно, лишь я одна знаю, как следует с ним поступить. — Она больше не испытывала боли. Лишь ощущала безжалостную необходимость. — Так он меня учил. Мне понадобятся краски. И нужно вымыть до блеска пол.

— Что ты намерена сделать? — опасливо поинтересовался Гиаберто.

Сааведра разгладила на животе складки бархатного платья.

— Сарио гениален, но он совершил две трагические ошибки. Он был уверен, что никто не обратит внимания на очевидные вещи. — Она сделала глубокий вдох, чтобы поведать им новую тайну. — Первое — он доказал мне, что я тоже наделена Даром. И второе — он нарисовал Фолио, а точнее, Кита'аб на столе в комнате, где держал меня в плену. В этой книге я прочитала секреты, или рецепты, могучей магии тза'абов. Обещаю вам, номмо Чиева до'Орро, я поймаю моего кузена в ловушку, и он больше не сможет никому причинить зла.

Сааведра видела: они больше не сомневаются, они поверили и приняли ее в свои ряды. Молодой иллюстратор принес бумагу и мелок, положил на стол.

Голос Кабрала прозвучал спокойно и очень тихо.

— Прежде чем мы начнем действовать, я должен сообщить вам, Вьехос Фратос, одну очень важную вещь, которая скоро станет достоянием всей семьи Грихальва. — Он бросил мгновенный взгляд на Элейну. — Вы наверняка слышали, что ассамблея Временного Парламента составила проект конституции. Через два дня они встретятся в Катедраль Имагос Брийантос в присутствии Премио Санкто и Премиа Санкты, чтобы представить документ Великому герцогу. — Он посмотрел на каждого из собравшихся, включая Сааведру. — И в этот день, я думаю, весьма красноречивый человек благородного происхождения Святым Именем Матры эй Фильхо объявит, что Великий герцог Ренайо является незаконнорожденным — чи'патро Грихальва, если уж быть точным до конца. Что он вовсе не до'Веррада.

Сааведра испытала страшное потрясение, как, впрочем, и все остальные, хотя по совершенно иной причине. Для них в словах Кабрала таилась угроза их герцогу; для нее они означали, что в жилах человека, которого все считали до'Веррада, течет кровь тза'аба. Она снова погладила рукой платье, подумав о своем собственном чи'патро до'Веррада.

— Вне всякого сомнения, — заметила она, — ваш герцог за такую наглость может отправить лжеца в ссылку.

— А если это правда? — Кабрал грустно улыбнулся.

— Ложь! — выкрикнул Гиаберто. — Либертисты не знают стыда! Они готовы опуститься до самой невероятной лжи. Кабрал, неужели ты думаешь, что им кто-нибудь поверит?

— А если этот красноречивый человек благородного происхождения является кузеном барона до'Брендисиа? Если он потребует, чтобы Великий герцог Ренайо поклялся на священных кольцах Премио Санкто и Премиа Санкты в том, что он и его наследники и в самом деле принадлежат к роду до'Веррада? — Кабрал едва заметно покачал головой. — А что, если он не сможет дать такой клятвы, опасаясь за свою душу? Кто осмелится лгать перед лицом Матры эй Фильхо?

Лицо Гиаберто неприятно побагровело.

— Ты хочешь сказать, Кабрал, что и в самом деле веришь в то, что Ренайо до'Веррада не сын Арриго?

Сааведра перестала что-либо понимать, пока Элейна не наклонилась к ней и не объяснила, что Арриго является отцом нынешнего Великого герцога.

Гиаберто дико захохотал.

— Даже если это и в самом деле так по какой-то невозможной причине, ты понимаешь, что станется с Тайра-Вирте? Открыть всем, что Великий герцог не до'Веррада? — Он помотал головой. — Первый сын Арриго умер, не оставив наследников, его дочь вышла замуж за человека благородного происхождения из Диеттро-Марейи, и все ее дети — иностранцы.

Мысленно Сааведра применила привычный термин — «эстранхиеро».

— После сестры Арриго, Лиссии, — продолжал Гиаберто, — осталось только двое внуков: юная графиня до'Дрегец, названная в честь Лиссии, и ее брат, будущий граф до'Кастейа.

— Верно, — спокойно согласился с ним Кабрал.

— Мы и так находимся на грани волнений, агитаторы либертистов рьяно выступают против существующего порядка. Что будет с родом Грихальва? Где будем мы без поддержки до'Веррада? — Гиаберто зло нахмурился, он был явно возмущен словами Кабрала. — Я считаю, что ты самый настоящий бунтовщик, Кабрал. И болтун. Иначе зачем тебе поддерживать какого-то безумца?

Но теперь неожиданно разозлился Кабрал.

— Берто, чтобы защитить Тайра-Вирте, до'Веррада и нас самих, мы должны предупредить Ренайо!

Гиаберто с негодованием воздел руки к небесам.

— Великий герцог Ренайо чей-то незаконнорожденный сын? Невозможно! Ну, предположим на минуточку, что это правда. И какой же фильхо до'канна, скажите на милость, является его отцом?

Кабрал положил руку на свою серебряную Чиеву, сжал пальцы.

— Я был бы тебе очень признателен, Берто, если бы ты не говорил о моей матери в подобной манере.

Молчание. Даже Сааведра поняла, что означают слова Кабрала. «Это правда: в Тайра-Вирте правит не до'Веррада».

Элейна побледнела и прошептала чье-то имя. Сааведре оно было знакомо не больше, чем имя Арриго. «Я многого не знаю и не понимаю». Ей показалось, что земля выскользнула у нее из-под ног, лишив надежной опоры. Но ведь на развалинах старой жизни она должна выстроить новую. И не только ради себя.

В пронзительной тишине, возникшей оттого, что никто не мог прийти в себя от потрясения, она вдруг задала очень личный вопрос:

— А какова судьба Алехандро? Он тоже был герцогом до'Веррада, чистокровным, среди его предков не значилось ни незаконнорожденных детей, ни чи'патрос. Что стало с ним?

Эйха, как больно! Осознание того, что она больше никогда его не увидит, разве что на портретах; не сможет обнять, даже просто прикоснуться рукой. Ей не суждено поговорить с ним — только с совсем чужими ей людьми.

Эстранхиерос.

Кабрал понимал, как она страдает, его голос прозвучал мягко и ласково.

— Он правил много лет. Женился...

— Его жена была из Пракансы.

Сааведра знала. Они с Алехандро говорили об этой женщине, и Сааведра горько плакала, уткнувшись лицом в его бархатный камзол.

— Верно. Хотя он женился гораздо позже, чем хотели его советники. Легенды утверждают, что причиной тому было глубокое горе, которое он испытал, когда его покинула возлюбленная.

Кабрал вдруг смущенно замолчал, словно новыми глазами увидев перед собой живое воплощение этой утраты. Казалось, он был взволнован правдой, которая ему открылась.

И вот наконец они пришли, слезы, рожденные состраданием, прозвучавшим в его голосе, и ее болью. Он прекрасно знал — по его собственному признанию, — что значит любить того, кого любить нельзя.

Она вытерла слезы, а он спокойно продолжал:

— Сарио Грихальва был Верховным иллюстратором, а Алехандро правил Тайра-Вирте великодушно и благородно многие годы. Он один из самых любимых наших герцогов.

— А он боялся, что никогда не сможет стать настоящим Великим герцогом, — улыбнулась Сааведра. Она помнила, как пыталась развеять страхи своего возлюбленного.

Вокруг по-прежнему царило напряженное молчание. Все ждали, что она скажет, были потрясены ее реакцией. Боялись ее. Она видела это по их лицам и позам. Она замечала похожие взгляды, когда люди, мужчины и женщины, взирали на Сарио.

Все, кроме Кабрала и Элейны. Они понимали, хотя и по совершенно иной причине, что им вовсе не следует ее опасаться.

«Я заставлю их уважать меня. Я такая же, как и они. У меня есть Дар. Но я не Сарио».

Она снова, не отдавая себе отчета в том, что делает, погладила платье у себя на животе.

«Алехандро, любимый, я клянусь тебе, как мы клялись друг другу, — это дитя получит все, что принадлежит ему по праву рождения и крови».

Она оглядела собравшихся, вспомнив их возгласы изумления, когда они услышали признание Кабрала: герцог Тайра-Вирте — не до'Веррада! Сделала глубокий вдох. Пора. Уже давно пора. Задержка произошла из-за Сарио.

— Я и в самом деле жду ребенка, — сказала она. — Это ребенок Алехандро. Грихальва. Чи'патро. Но и до'Веррада. Что будет с ним?

89

Естественно, она к нему вернулась. И униженно попросила прощения.

Придворные в Палассо отметили Канун Миррафлорес балом, на который он не пошел. Он был в ярости. В ярости! Пусть танцуют и веселятся, в то время как за воротами собралась толпа и, словно дикий зверь, терпеливо ждет своего часа, зная, что их капкан — конституция — очень скоро захлопнется. Пусть танцуют, не подозревая о том, как пылает ненавистью его сердце.

Она и мальчишка — не наделенная Даром женщина и не прошедший обучения юнец... Как им удалось догадаться, что можно разговаривать друг с другом через скрепленные кровью картины? Сколько он мог бы совершить, если бы эта мысль пришла в голову ему самому? Неужели он убил Иль-Адиба слишком рано? Может быть, старик научил его не всему, что знал?

После того как были погашены лампы и факелы, он просидел всю ночь в своей комнате, уставясь невидящим взглядом на картины. Он сделал достаточно — впрочем, никогда нельзя говорить: «Я выполнил все, что задумал».

Он стал Верховным иллюстратором — снова! — однако это изначально входило в его намерения. Великий герцог Ренайо полностью в его власти. Через принцессу Аласаис Ренайо будет править Гхийасом или даже превратит его в одну из провинций, точно так же Алехандро — при содействии Сарио — поступил с Хоаррой. Если либертисты окажутся слишком опасными, он убьет нескольких из них; расправился же он с единственным наследником Кастейи и таким образом дал возможность первому Клеменсо из Тайра-Вирте жениться на младшей дочери из рода Кастейа и присоединить это графство. Титул герцога оказался недостаточно почетным для первого Бенетто, поэтому он — будучи Риобаро — при помощи пары «Договоров», написанных красками, в которые под-

мешал свою кровь, организовал бракосочетание с наследницей дела Марей, чьи политические связи и колоссальное состояние позволили Бенетто объявить себя Великим герцогом. Если б он — в качестве Сарио — пожелал, Ренайо мог бы взять себе более солидный титул. Принц. Король. Все эти годы он прослужил до'Веррада и Тайра-Вирте. Ведь именно так его учили.

Но зачем? Разве все это имеет значение? Зачем быть Верховным иллюстратором? Какое ему дело, кто правит Тайра-Вирте и получат ли либертисты свою конституцию?

Эстудо бросила его! Жизнь бессмысленна, если некому передать свои огромные знания. Если никто не признает его величайшим художником из рода Грихальва, когда-либо жившим на свете.

До сих пор его веселили идиоты, считавшие себя экспертами в вопросах живописи и не сумевшие понять, что все шедевры созданы одним и тем же человеком. Впрочем, его уже перестало это развлекать. Его сжигало желание отпереть Галиерру прямо сегодня ночью и сменить фальшивые имена под картинами, поставить «Сарио Грихальва» на этой и на той, «Сарио Грихальва» на всех самых лучших произведениях, выставленных там на всеобщее обозрение.

Он вполне мог так поступить. Мог незаметно проникнуть внутрь и написать правду под каждым из своих шедевров. И тогда наконец истина восторжествует.

Он объявит всему миру, что они принадлежат его кисти, посмотрит в глаза до'Веррада в тот момент, когда они поймут, сколь многим обязаны ему — лишь ему одному. Где бы они были сейчас, если б не его искусство? Сколько тысяч юношей погибло бы в боях, защищая Тайра-Вирте, если б не его хитрость, благодаря которой войну удалось предотвратить? Какой из великих купеческих домов сражался бы за влияние в некой захудалой деревушке, если б он не превратил их страну в экономически сильную державу? Кто из надушенных красавчиков, выставляющих напоказ свои титулы и богатство, обливаясь потом, трудился бы на пшеничном поле не хуже самого бедного крестьянина, если бы Сарио Грихальва не сделал то, что он сделал?

Только все равно никто ничего не поймет. Они не оценят красоту, достижения, благородство его долгой, долгой жизни...

Никто не сможет понять. Кроме ученицы, прошедшей специальную подготовку. Она должна оставаться ему верной, какой всегда была Сааведра.

Ничто другое не имеет значения. Ничто.

Ночь тянулась мучительно долго.

Но под конец, утром, когда колокола сообщили о наступлении дня, она вернулась. Конечно же, она вернулась.

— Мастер Сарио, — сказала она, скромно потупив голову. — Прошу прощения. Я пришла обратно.

— Я не сомневался, что так будет. Насколько я понимаю, ты закончила копию портрета Сааведры? Мы немедленно отправляемся в Галиерру, чтобы на него посмотреть, а там решим, чем ты займешься дальше.

— Да. — Она поколебалась немного, а потом протянула ему сложенный листок бумаги.

— Что это? Оно не может подождать?

Она осмелилась посмотреть ему в глаза. Эта женщина и в самом деле осенена Луса до'Орро! Она обнаружила новое заклинание и при этом не обладает Даром.

— Вы должны прочитать письмо сейчас.

Сарио закатил глаза. Эйха! Можно и пойти на небольшую уступку. Во время Миррафлорес женщинам в голову приходят разные причудливые мысли. Он взял листок и торопливо развернул его, потому что спешил продолжить работу.

И едва удержался на ногах.

Это единственный путь, Сарио.

Ее почерк. Ее голос донесся до него сквозь прошедшие столетия: «Сожги. Сожги все. Все в кречетте».

Здесь, на листке бумаги, свежими чернилами написано всего несколько простых слов, связавших их неразрывными узами.

Это единственный путь, Сарио.

Ее почерк.

У него задрожали руки, он поднял глаза, увидел лицо Элейны, лицо ребенка, открывшего запретную дверь и обнаружившего чудовище. Но это выражение быстро исчезло. Все проходит рано или поздно, одна жизнь перетекает в другую.

— Где ты это взяла? — потребовал он ответа, размахивая запиской прямо перед ее носом.

— В Палассо Грихальва.

Он скомкал листок, превратив его в шарик.

— Ты меня предала, предала им! Как ты могла? Ты же моя эстудо!

Она лишь молча и смотрела на него.

Почерк Сааведры. Он знал его так же хорошо, как свой собственный.

Знал в ней все, потому что она была частью его самого, словно это он сотворил ее. Он промчался мимо Элейны, выскочил в дверь, миновал комнаты, гостиную, где, вышивая с равнодушным видом, сидела принцесса Аласаис. Она чуть шевельнулась, чтобы посмотреть на него, — так подсолнух поворачивает головку вслед за солнцем, но у него не было времени выслушивать ее замечания. Она ничто, пустяк, не имеющий никакого значения.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, Сарио размашистым шагом прошел по Палассо в сторону Галиерры. Невозможно! Распахнул двери и почти бегом бросился в дальний конец длинного зала.

Остановился. Вот она, на своем месте. Моронно! Подумать только, что Сааведра смогла освободиться без его помощи! Никому ведь ничего не известно. Откуда они могли узнать?

Разве в состоянии хоть кто-нибудь справиться с могучим заклинанием, которое он наложил на портрет?

И все же... в записке ее почерк. Он подошел поближе. Еще ближе. К самой раме — так, что казалось, он вот-вот войдет внутрь комнаты, изображенной на холсте.

И почувствовал запах высыхающей краски. Копия Элейны!

Что они сделали с Сааведрой?

Все еще сжимая в руках записку, Сарио помчался к конюшням.

— Мне нужна повозка, лошадь, что-нибудь! Быстрее!

— Верховный иллюстратор Сарио, выезжать за пределы Паласса небезопасно...

— Немедленно! Моронно! Если мне придется залезть в телегу мясника, я не побоюсь это сделать!

В конце концов для него нашли какого-то зеленщика. Возможно, он представлял собой странное зрелище — хорошо одетый человек сидит рядом с грязным стариком возницей, но разве это имело значение?

Люди глазели на него и показывали пальцами, но их пропустили, потому что мятежники разошлись по домам вот уже несколько дней назад, а сегодня Миррафлорес, день, когда девушки отмечают свой праздник.

Он разгладил смятую записку, в то время как в голове у него зазвучали голоса из далекого прошлого.

«У меня будет ребенок!» — крикнула она ему, когда он сделал надрез у нее на руке, когда доказал, что она наделена Даром. Ребенок Алехандро рос у нее под сердцем в тот самый момент, когда Сарио писал ее портрет. Семя Алехандро дало плоды. Он никогда с этим не смирится. Сааведра принадлежит ему! Только ему одному!

А может быть, существовали и другие причины? Все произошло так давно. Сарио не помнил...

— Мы приехали, маэссо, — сказал старик. — Прошу прощения, господин, но мы уже давно тут стоим, а вы за все время даже ни разу не пошевелились. Я был бы вам признателен, если бы вы слезли с тележки. У моей внучки сегодня праздник, и я не хочу к ней опоздать только потому, что вам вздумалось посидеть и поглазеть на пустоту. Матра Дольча! Ох, уж эти мне иллюстраторы! Я слышал, что они все не совсем нормальные, но до сих пор не верил.

Сарио вздрогнул, огляделся по сторонам. Они и в самом деле уже добрались до Паласса Грихальва, темного, окутанного тишиной, словно обитатели давно его покинули, отдав на растерзание проходящим годам. Его била мелкая дрожь, он соскочил с телеги и бросился к проходу, ведущему во двор.

Открыл дверь в ателиерро и помчался вверх, перепрыгивая через две ступени. Распахнул сразу несколько дверей.

Матра эй Фильхо! Вот они стоят в ярком свете, заливающем комнату, девять болванов и старый Кабрал, с таким видом, словно кот поймал мышь, забравшуюся в горшок со сливками. И, конечно же, среди них нет Сааведры. Они заманили его в ловушку.

А у них за спинами он разглядел огромную доску. Он мгновенно ее узнал, хотя и не видел, что там нарисовано. Он почувствовал свою работу, свои заклинания, свою кровь, и слезы, и семя, и слюну, которые смешались с красками, проникли в дубовую панель, навсегда наложили печать на тайное тза'абское колдовство, Аль-Фансихирро.

Он прошел вперед по деревянному полу. И замер на месте.

Ноги больше его не слушались.

В следующее мгновение он сообразил, что на полу начертано заклинание. Какой же он идиот — сам, добровольно, попался в их западню, вошел в тайный, заколдованный круг, очерченный волшебными значками, которые уже сковали ему ноги, не давали пошевелиться. Он и представить себе не мог, что они настолько хитры. А может быть, и это тоже придумала Элейна?

Ослепленный яростью, он помахал в воздухе запиской и проревел:

— Кто это сделал? Который из вас? Зачем вы украли мою картину?

— Это сделала я. — Она выступила из-за их спин: копна волнистых волос, ясные серые глаза. — Я поступлю так, как они мне скажут, — произнесла она слова, которые он уже давно забыл, слова, обвинявшие его в преступлении. Ее голос.

Пресвятая Матра! Ее так долго не звучавший голос.

Она снова его процитировала:

— «Я отдам им Пейнтраддо Чиеву, только он не будет настоящим. А этот я сохраню у себя. Запру понадежнее. И только ты и я будем знать правду». — Ее лицо не изменилось, но сама она стала жестче, злее. — Я тебя знаю, Сарио. Я знаю, что это ты.

— Ведра. — Ее имя у него на губах. Словно первые мазки, сделанные рукой, насильно лишенной кисти на многие годы. Как тяжело! Но это и в самом деле она. Прекрасная Сааведра. — Я лишь ждал, когда придет время. А потом собирался отпустить тебя. — Он не сделал ни единого движения, чтобы прикоснуться к ней. Еще не сделал. — Слишком рано. Кто сотворил это? Я должен был выпустить тебя на свободу!

— Нет, слишком поздно, Сарио. — Он не понимал ее гнева. Сааведра никогда не сердилась на него. — По какому праву ты отнял у меня Алехандро? По какому праву посадил в тюрьму, двери которой не собирался открывать?

— Неправда!

— Я потеряла свою жизнь! — выкрикнула она.

— Потеряла жизнь? Я спас тебя от смерти! Благодаря мне ты не стала белым черепом с пустыми глазницами, не превратилась в пыль, как все остальные. Как Алехандро!

— Ты не спас меня, — возмутилась она. — Ты меня ограбил. Отнял годы жизни, тех, кого я знала и любила, отнял все, что у меня было — в мое время, — все, чем я дорожила. У меня остался лишь ты... и ребенок.

Сарио вздрогнул. Ребенок. Единственное, чего он не мог ей дать, — он не был мужчиной в глазах всего остальной

ного мира, вечно оставался талантливым мальчиком, художником, создающим великолепные полотна. Может быть, именно поэтому она и ушла к Алехандро?

— Ведра, — взмолился он. — Ты не понимаешь...

— Я понимаю одно, Сарио: ты заплатишь за содеянное. Я молилась, я просила Матру простить меня, просила прощения у Алехандро за то, что должна сделать. Но я дам моему ребенку — ребенку Алехандро — все, что ему причитается, даже если мне придется пожертвовать тобой. Меня ничто не остановит.

Что случилось с его верной, покорной Сааведрой? Она всегда знала и принимала его Дар как судьбу. Всегда любила его больше всех на свете. Если не считать того, что она посмела полюбить Алехандро, у которого не было ничего, кроме красивого лица, и кривого зуба, и беспокойной, почти животной энергии, притягивавшей к нему всех. Алехандро — ничтожество. Как только он ей объяснит...

— Свяжи ему руки за спиной, — приказала Сааведра Кабралу. Обвела взглядом собравшихся иллюстраторов, всех, кроме Сарио. — Вы, Вьехос Фратос, были так уверены в собственном могуществе, что забыли — и забываете! — насколько оно непрочно.

— Мы никогда этого не забывали! — запротестовал Гиаберто.

Никогда не забывали. Его слова повисли в воздухе. Никогда не забывали. Имена первого Сарио, а потом Риобаро, Оакино, Гуильбарро да и всех других, остались в памяти людей благодаря их гениальным произведениям.

Пресвятая Матра! Они собираются его связать.

К нему подошел Кабрал с веревкой в руках. Сарио был силен, но Кабрал и молодой Дамиано оказались сильнее. Верх над ним одержала не физическая сила; он смотрел на Сааведру, живую, не сводящую с него глаз, а ее лицо сияло такой ослепительной красотой, над которой не властны столетия. Только ее красота повернулась против него, серые глаза стали жесткими как гранит, губы сжаты — она его не простила.

Именно Сааведра связала ему руки, хотя не прикоснулась к нему и пальцем. Именно она заключила его в темницу, хотя не сделала ни шагу с того места, где стояла в окружении Вьехос Фратос. Нет, Сааведра стояла не среди них, она их возглавляла — любому было ясно, что они ей подчинились.

Первой Любовнице! Как смеялся бы Риобаро! Возможно, это развеселило бы всех любовниц: милую Бениссию, бедняжку Саалендру, великолепную Корассон, Рафейю, несравненную Диегу, Лину, такую уверенную в себе Таситу, практичную Лиссину, эту волчицу Тасию. Они знали, что любовница может владеть тайнами, которых не дано узнать ни одному Верховному иллюстратору.

Как Грихальва добились своего положения? Благодаря иллюстраторам или с помощью их сестер и кузин?

И вот он, величайший из всех Верховных иллюстраторов, стоит перед Сааведрой, первой и самой знаменитой любовницей из рода Грихальва. Почему так случилось, что они стали врагами?

— Ведра, — начал он. Ему удастся ее отговорить, как только она поймет, каких высот они могут достигнуть вместе...

— Уберите его с моих глаз, — холодно приказала она. — Мой Сарио для меня умер. Умер. Как Алехандро, и Раймон, и Игнаддио, и все, с кем я была знакома. А здесь стоит лишь то, что осталось от Сарио.

Умер. Только не это. Только не лишенные духа мясо и кости.

— Я — Сарио, — выкрикнул он. — Ты же знаешь, что это я, Сааведра. Ты знаешь, что я здесь, хотя и нахожусь в чужом теле. Тело — ничто, всего лишь плоть, чтобы я смог прожить еще одну жизнь, довести до совершенства... — Он замолчал.

Его удивило, что взгляды, обращенные на него, исполнены ужаса, будто он сказал нечто такое, что вызвало у них омерзение. Так же точно смотрела на него Элейна там, в Палассо, словно он чудовище.

А в глазах Сааведры блестели слезы. Значит, она понимает.

— Здесь есть надежная комната, куда мы могли бы его поместить? — спросила она. — Нам нужно очень многое сделать, если мы хотим подготовиться к ассамблее, которая соберется через два дня.

— Ведра, не оставляй меня. Ты мне нужна.

— Это уж точно, — съязвила она. — Ты всегда во мне нуждался.

И вдруг Сарио почувствовал жжение на коже, в глазах и на языке. Он прожил слишком много лет и досконально изучил реакции своего тела, он точно знал, что каждая из них означает.

— Мои картины! — в ужасе воскликнул он. — Кто-то уничтожает мои картины. Их положили в воду, они гибнут! Ты должна это остановить, Ведра!

Она вышла вперед, наклонилась и обрызгала водой знаки, начертанные на полу у его ног, чтобы снять заклинание. Ее заклинание — это сделала Одаренная женщина! Значит, она все-таки признала свой Дар, согласилась с ним — и использовала против него!

Сааведра постояла немного, окинула его изучающим взглядом, Сарио не понимал, что она рассчитывала увидеть. Лишь она одна, одна из всех, в состоянии его понять. И простить. Ведь так было всегда.

— Ведра, — прошептал он.

Она повернулась к нему спиной.

И его увели из комнаты. Их было слишком много, а он не считал нужным учиться приемам физического боя. Ни в одной из своих жизней. Его руки слишком много для него значили.

Теперь все это уже не важно. Важно то, что Сааведра к нему вернулась. Вернулась лишь затем, чтобы бросить раз и навсегда.

Когда его втолкнули в маленькую комнатенку с побеленными стенами, где не было ни мебели, ни каких бы то ни было украшений, а потом заперли дверь, он остановился посередине и горько заплакал.

90

Рохарио вошел в Катедраль Имагос Брийантос через боковую дверь — ту самую, сквозь которую он покинул его в безумной спешке шесть месяцев назад. День, когда санкто Лео умер у него на руках, навсегда изменил его жизнь. Он вышел на новую дорогу, с которой теперь уже не свернуть, — как, впрочем, взяла другой курс и вся Тайра-Вирте.

Он нашел своего отца в помещении за часовней. Ренайо сидел в позолоченном кресле. На его лице лежала печать усталости. Портрет Премио Санкто Грегоррио IV кисти Иль Коффорро благосклонно смотрел на Ренайо со стены. Рохарио взглянул на портрет с некоторым недоверием. Он столько всего узнал от Кабрала Грихальвы. Своего деда.

Интересно, использовал ли Оакино Грихальва свою кровь и слюну, чтобы написать картину? Наложил ли особые заклинания, и теперь Рохарио только кажется, что лицо санкто излучает трепетную заботу обо всем мире и понимание его проблем, а на самом деле облик этого человека, не имея никакого отношения к его истинной сущности, всего лишь волшебство, явленное рукой художника?

Ему совсем не хотелось смотреть на запрестольный образ, на безмятежный лик Матры, сотворенный, как теперь знал Рохарио, вовсе не с благоговением и верой, а заклинаниями и окровавленными руками смертного художника.

И все же если этот образ несет мир и спокойствие тем, кто на него смотрит, то в чем тут грех.

— Дон Рохарио. — Голос Ренайо прозвучал несколько неожиданно. Рохарио повернулся к нему, поклонился и подошел. — Я согласился на встречу с тобой, как ты и просил.

— У вас усталый вид, ваша светлость.

— Твоя заботливость просто умиляет. Чего ты хочешь?

Великий герцог Ренайо действительно выглядел уставшим, даже изможденным — впрочем, последние два месяца, проведенные в Палассо Веррада под постоянной угрозой вооруженного бунта, могли сломить и очень сильного человека.

— Благодарю вас за то, что согласились встретиться со мной, ваша светлость. Я знаю, мы расстались не самым лучшим образом...

— Я сказал, что больше не хочу тебя видеть, и совсем не уверен, что с тех пор мое мнение изменилось, — грубо перебил его Ренайо. — Приступим к делу!

Эта темпераментная вспышка ободрила Рохарио, он уже начал опасаться, что его непривычно подавленный отец пребывает под воздействием какого-то заклинания.

— Я произнес так много неожиданных слов, ваша светлость, что, боюсь, вы не поверите мне, когда услышите удивительные известия, которые я хочу вам сообщить. — Рохарио сотни раз повторял свою речь.

И все же она звучала как-то неуклюже.

Ренайо преднамеренно вздохнул.

— Ты будешь Премио Ораторрио Парламента, я полагаю? Это единственная должность, соответствующая твоему положению.

— Нет.

Ультимативное заявление отца отвлекло Рохарио от заготовленных заранее слов. Несколько богатых землевладельцев и в самом деле предлагали выбрать Рохарио на этот пост. Ему еще повезло, что возмущенные крики вынудили делегатов отказаться от подобной идеи еще до того, как он сам публично отвел свою кандидатуру; этим он мог бы спровоцировать обвинение в неуважении к Парламенту.

— Я участвую в выборах от Коллара Ассаддо и, если стану членом Парламента, буду работать наравне с остальными.

— Если ты в это веришь, значит, ты дурак. Однако я думаю, ты делаешь подобные заявления только потому, что их от тебя ждут. Крестьяне и ремесленники из твоего поместья, полагаю, не откажутся тебя выбрать.

— Я тоже так считаю, ваша светлость. Все кандидаты имеют достаточно высокое положение или доход. Неужели вы думаете, будто мы допустим, чтобы в Парламенте заседали нищие головорезы? Только почтенные граждане располагают достаточной мудростью, чтобы управлять другими.

Ренайо хмыкнул и нетерпеливо заерзал в кресле.

— Я думаю, это далеко не все, что ты пришел сказать мне. Ты хочешь, чтобы я с радостью принял новый порядок вещей? Смирившись с неизбежным, я готов согласиться на требования Парламента, но только ради того, чтобы не проливать кровь в Мейа-Суэрте и нашей прекрасной стране, как это произошло в Гхийасе и Тагласе. К тому же я продолжаю возлагать надежды на Гхийас.

Рохарио подошел к портрету, еще раз внимательно посмотрел на тончайшую работу художника, мастерски изобразившего оттенки материи и цвета, и вернулся к отцу.

— Мы здесь одни, ваша светлость?

— Премио Санкто заверил меня, что никто не услышит нас, и я должен ему верить, как и все мы обязаны доверять екклезии и ее представителям.

— Тогда заранее скажу вам, что только обстоятельства заставляют меня поделиться с вами моим знанием. — Отец молча смотрел на него. — Вы устали, ваша светлость. Позвольте принести вам вина.

— Я был болен, — тихо сказал Ренайо.

Он действительно сильно похудел. Тем не менее Рохарио больше не мог тянуть.

— Простите меня за то, что я говорю прямо, патро. Леоно до'Брендисиа, кузен нынешнего барона, собирается выступить на ассамблее и обвинить вас в том, что в ваших жилах нет ни капли крови до'Веррада.

— Понятно.

— Вам понятно? И это все, что вы можете мне сказать? Матра Дольча, патро, вы не удивлены? Иными словами, вам с самого начала была известна правда?

Ренайо встал.

— Может быть, я подозревал. Мы редко видели Арриго, когда я был ребенком, хотя раз в год меня на некоторое время отправляли в его поместье. — Он налил себе вина из хрустального графина, стоявшего на столике. — Конечно, Кабрал обращался с нами как с собственными детьми. Матра Дольча, мы все были счастливы в Корассоне. Слуги никогда ничего не говорили прямо, но их преданность нашей семье поражала. И мы все, да и они тоже, любили нашу мать. Только когда я стал старше и увидел, что такие отношения царят далеко не в каждом доме, я сделал соответствующие выводы.

— И никому не сообщили о своих догадках?

Ренайо иронично рассмеялся.

— А что бы я сказал? Что мне кажется, будто я бастард? У меня не было оснований рассчитывать на трон Тайра-Вирте. И когда корона Гхийаса перешла к Иво, а не ко мне, а Алессио скоропостижно скончался, что я мог сделать? Арриго признал во мне сына. Должен ли я был публично позорить свою мать, отказавшись от трона из-за сомнительных подозрений? Я думаю, что поступил правильно. У меня был долг перед Тайра-Вирте, и я по сей день продолжаю его исполнять.

Рохарио покачнулся, ему пришлось ухватиться за спинку стула и сесть.

— Вы никогда не говорили мне об этом.

— А зачем? Ты был тщеславным и бесполезным, а у твоего брата начисто отсутствует здравый смысл. Что до Бенетто и Тимарры — эйха! Я был самым глубочайшим образом разочарован — никто из моих детей не обладал достоинствами до'Веррада.

— Я всегда понимал, что не оправдываю ваших с мамой надежд, — сказал Рохарио с некоторым раздражением. — А она знала?

Ренайо выпил глоток воды.

— Эта благословенная женщина принимала к сведению только то, что ей нравилось. Последовательность была ее главным достоинством. Она понимала, чего хочет, и умела этого добиваться. Я не собирался говорить ей, что ее красивый и богатый муж из рода до'Веррада на самом деле бастард Грихальва!

— Что вы собираетесь делать?

Ренайо не торопился с ответом. Он поставил стакан рядом с графином, поправил черный лакированный поднос так, чтобы его стороны соответствовали краям стола, и вернулся в свое кресло.

— Опасное это дело — обвинять Великого герцога в том, что он чи'патро. Эдоард должен срочно заключить выгодный брак. Тебя я бы женил на принцессе из Гхийаса, но... эйха, в ней есть что-то странное. Она без устали ходит по своим покоям и ищет Сарио Грихальву. Элейна опасается, что на нее действует заклинание иллюстраторов... — Тут Ренайо неожиданно замолчал.

Элейна! Однако сейчас не самый подходящий момент для разговоров о женитьбе.

Ренайо вздохнул.

— Я еще не открыл тебе секретов...

— ...иллюстраторов Грихальва? Тио Кабрал рассказал мне об этом и о многом другом, патро. Вот почему я пришел сюда.

— Кабрал признался, что он мой отец? Матра Дольча! — Румянец впервые появился на щеках Ренайо, и вместе с ним к нему вернулась решимость; он вскочил и начал шагать взад и вперед по маленькой комнатке. — Значит, это правда! Эйха! Хорошо, что Майрия успела умереть и ничего не узнает. Она бы очень огорчилась, узнав, что ее муж — бастард Грихальва!

— Вы хотите сказать, что сами вовсе не огорчены?

Да, этот Ренайо оказался для Рохарио абсолютно незнакомым человеком.

— Кабрал — добрейший из всех, кого я знаю. Арриго только исполнял долг, он ни разу не выказал мне своей любви. Матра эй Фильхо, нинио, ты уже должен знать, что Великие герцоги Тайра-Вирте продолжают занимать свое нынешнее положение благодаря Грихальва и их волшебству.

Слова сами вырвались из груди Рохарио.

— Я хочу жениться на Элейне, патро. Что вы об этом думаете?

Ренайо коротко рассмеялся.

— Что ты, несомненно, мой сын, хотя мне и неизвестно, откуда в тебе столько упрямства. Я даже не могу укорять тебя за то, что ты влюбился в Грихальва, — ведь это в нашей крови. Эйха! Жениться на ней, в то время как наследник принцев Гхийаса мог бы сделать более выгодную партию! Она очень привлекательна, смела и к тому же прекрасный художник. Ты знаешь, что Элейна скопировала портрет «Первой Любовницы», заменив им оригинал, — и никто не заметил? Бедный Андрео. Да, он имел Дар, но как живописец... ему далеко до Элейны.

— Вы сегодня говорите совсем другие слова, патро.

— Другие слова для других времен, как ты не раз говорил мне последнее время. Элейна поведала мне, что Сарио Грихальва два месяца держал меня под своими чарами. Сейчас я без прежнего одобрения смотрю на верных иллюстраторов, которые служили моим предшественникам, совершая аналогичные заклятия над ничего не подозревающими людьми. Решения уже приняты и приведены в действие. Крутые меры для крутых времен. Мы согласились, что другого пути нет.

— Мы? — нервно переспросил Рохарио. — Что вы собираетесь делать?

— То, что необходимо. То, что следовало сделать много лет назад, еще до того, как мы и они загнали себя в угол этими картинами. Загнали в угол картинами! — Тут он оглушительно расхохотался. — Подходящие слова, не так ли? Бассда! Кто это? Кто там?

На мгновение Рохарио показалось, что его отец сошел с ума, но в следующий момент послышался жалобный голос:

— Ваша светлость, где вы?

Ренайо состроил гримасу.

— Эйха! Телка потеряла своего хозяина. И зачем я только на ней женился? Все из-за золота и обещаний удачной торговли. Впрочем, она хороша в постели, что избавляет меня от необходимости заводить любовницу.

Потрясенный, Рохарио уставился на отца, но уже в следующий миг дверь открылась и вошла Великая герцогиня Хоанна — видение в белом, — а вслед за ней и ее фрейлины.

— Я так испугалась, ваша светлость, — пропела она тоненьким голоском, — в соборе столько мужчин. Могу я подождать здесь, вместе с вами? Тут мне гораздо спокойнее. — Ее взгляд уткнулся в Рохарио; она заморгала, а потом торопливо подошла к мужу и прижалась к его руке.

— Пойдем, любовь моя. — Ренайо со вздохом вывел ее из комнаты.

«Крутые меры для крутых времен». Рохарио не последовал за отцом, а вышел тем же путем, по которому пришел, и вскоре оказался перед огромными парадными воротами в храм. Здесь действительно собралось множество грубых людей, если именно так определять тех, кто был не благородного происхождения. Однако они ждали, Рохарио не мог этого не отметить, с похвальной сдержанностью и терпением. Эти люди пользовались уважением в своих кругах, гильдиях, торговых домах и банках. Как и Великому герцогу, им было что терять, если бы Тайра-Вирте подобно Гхийасу стала жертвой хаоса. Они поставили на карту свою жизнь и благополучие ради свободы. Ради конституции.

Как Элейна, ради живописи отказавшаяся от обеспеченной жизни в роли влиятельной любовницы наследника.

Конечно, здесь хватало горячих молодых людей, но за ними приглядывали старшие, не позволяя им выйти из-под контроля. Рохарио любовался терпением, которое проявляла ассамблея. После двух месяцев темпераментных заседаний они приняли конституцию и собирались предложить ее Великому герцогу в качестве нового метода управления Тайра-Вирте — при этом никто не ставил под сомнение положение самого Великого герцога и его многолетние привилегии, только теперь часть прав передавалась в руки влиятельных представителей народа.

Рохарио быстро зашагал вперед. Подмастерье из гильдии каменщиков, Руис, радостно приветствовал его; в конце концов он стал относиться покровительственно к «его светлости», как Руис любил называть Рохарио, и защищал против нападок новичков.

Устроившийся в одной из боковых кабинок, возле алтаря, строитель кораблей Веласко жестом показал Рохарио на одно из свободных мест. Рохарио сел рядом с ним. Вокруг расположились богатые купцы и землевладельцы благородного происхождения, присоединившиеся к оппозиционерам.

— Видите, — гордо заявил Веласко, обводя рукой собравшихся, — мы цивилизованные люди и смогли добиться перемен без бунта и кровопролития. Это самая большая наша победа.

— Вы думаете, Великий герцог подпишет соглашение?

Веласко явно удивился.

— Разумеется, дон Рохарио! Неужели вы не знаете? Вчера вечером меня призвали в Палассо, и я встретился с его светлостью. Он заверил меня, что подпишет документ и примет все наши условия.

Рохарио был горд и даже обрадовался, когда появились Премио Санкто и Премиа Санкта. Ассамблея сразу притихла. Как только старейшины экклезии заняли свои места по обе стороны лампады, вошел капитан шагаррского полка, за ним — свита Великого герцога. Однако все заметили, что ни знамен, ни труб не было.

Веласко немедленно поднялся и скомандовал зычным голосом:

— Всем встать перед Великим герцогом Ренайо, Великой герцогиней Хоанной и доном Эдоардом до'Веррада!

Рохарио встал, как и все, кто находился в огромном нефе собора. Эффект получился ошеломляющий. Собравшиеся продемонстрировали уважение человеку, чью власть хотели разрушить. В некотором смысле это успокаивало.

Вошел Ренайо. Его лицо было строгое и торжественное. Эдоард казался смущенным, впрочем, он чувствовал себя хорошо только под открытым небом. Великий герцог поклонился Премио Санкто и Премиа Санкте и занял отведенное ему место слева от алтаря, где на небольшой платформе установили кресло.

Веласко, Премио Ораторрио ассамблеи Временного Парламента, торжественным шагом направился к Ренайо с драгоценным пергаментом в руках. Он опустился на колени перед Великим герцогом — Рохарио восхитился, с каким достоинством Веласко и другие пожилые люди выражали свое уважение герцогу, — и протянул пергамент одному из советников Ренайо. Тот прочистил горло и громко зачитал документ.

Люди, собравшиеся в соборе, слушали с напряженным вниманием. Лицо Ренайо оставалось сумрачным. К облегчению Рохарио, никто не помешал чтению документа. Скамья, на которой он сидел, становилась все более жесткой — он понял, что начинает терять терпение. Ожидание. Предчувствие.

Мир был нарушен в тот момент, когда советник, закончив чтение, вручил пергамент Ренайо.

— Пусть меня услышат! — С противоположной стороны нефа поднялся со своей скамьи Ассма. — По праву, дарованному экклезией каждому человеку, я хочу разоблачить обман: Ренайо Мириссо Эдоард Верро до'Веррада не может подписать конституцию. Он не является сыном Арриго и не имеет права на трон герцога. Поэтому его подпись неправомочна.

Вот вам и мирное разрешение противоречий.

В первый момент Рохарио склонил голову и закрыл уши руками, чтобы не слышать рева голосов, но в следующее мгновение заставил себя выпрямиться. Неприятности следует

встречать лицом к лицу. В огромном храме шум отдавался чудовищным эхом — Рохарио вдруг подумал, что от него могут пострадать громадные стеклянные окна и сосуды со священным вином, благословленные Матрой эй Фильхо.

Однако, как ни странно, по меньшей мере половина возмущенных возгласов была направлена против Асемы. Значит, у Ренайо есть немало сторонников даже среди тех, кто хочет ограничить его власть.

Премио Санкто медленно поднялся со своего освященного места и поднял руку, но никто не обратил на него внимания. Чудовищный шум не стихал. Даже когда встала хрупкая Премиа Санкта и Рохарио увидел, как шевелятся ее губы, рев толпы не смолк. С каменным лицом наблюдал Ренайо за ассамблеей. Разве можно доверять людям, которые ведут себя подобным образом? Рохарио прикусил губу и наконец решился.

Он встал.

В этот момент огромные двери собора отворились, свет хлынул внутрь, тени заплясали между рядами скамей. В зал вошла небольшая процессия мужчин, одетых в строгие темные костюмы, на шее у каждого висел Золотой Ключ на тяжелой золотой цепи. А в руках они держали пергаменты со Священными Стихами. За ними следовали одетые в ливреи слуги, которые несли на плечах...

Да! Это могли быть только картины! Огромные картины! Невозможно себе представить, что на них изображено! Вслед за картинами, в сопровождении Кабрала Грихальвы, шагал человек со скованными за спиной руками. Рохарио не узнал его, но на груди незнакомца тоже был начертан знак Золотого Ключа. Вслед за ним шествовала женщина под черной шалью, ниспадающей до самого пояса, — не было сомнений, что это реликвия давно прошедших дней. Далее, словно послушники, теснились взрослые и дети семьи Грихальва. А вот и...

— Элейна! — позвал Рохарио, но она либо не слышала его, либо сделала вид, что не слышит.

Ее лицо было мрачно. За руку ее держала Беатрис, сохранявшая удивительное спокойствие.

Рохарио не мог отвести от Элейны взгляд. Она не должна стоять там одна. В нем тоже течет кровь Грихальва. Почему бы и ему не присоединиться к ним? Он уже собрался перепрыгнуть через ряд скамеек, когда на его плечо легла чья-то рука.

— Ваше место здесь, дон Рохарио, — сказал человек за его спиной, не понявший намерений Рохарио, — а не рядом с вашим отцом. Вы избрали свой путь и должны оставаться с нами.

Ведь Элейна тоже в конце концов выбрала Грихальва.

Рохарио склонил голову. Он вспомнил слова отца, произнесенные несколько часов назад: «Мы пришли к выводу, что другого пути нет». Рохарио сел. Теперь люди, поддерживавшие Великого герцога или Асему, выкрикивали новые слова:

— Грихальва! Иллюстраторы!

Иллюстраторы Грихальва встали на колени, но не перед Великим герцогом, а возле Премио Санкто и Премиа Санк-

ты, которые опустились в кресла. Слуги начали открывать завешанные картины, а потом повернули их так, чтобы все могли видеть два портрета «Первой Любовницы», самого знаменитого полотна в Тайра-Вирте... Только на одном из них отсутствовала фигура Сааведры Грихальва. Комната была точной копией, а вот женщины в ней не было.

Женщина с закрытым вуалью лицом подошла к возвышению. Она молча дожидалась, пока ассамблея успокоится; вскоре лишь негромкий шепот нарушал тишину, установившуюся в соборе.

— Я прошу вас проявить терпение, — сказал Кабрал Грихальва. Его сильный голос уверенно звучал под сводами собора. — Если вы внимательно изучите картины, ваши святейшества, то заметите, что краски на одной из них старые и слегка потрескавшиеся — однако в отличном состоянии, как и на всех работах старых мастеров. А эта копия сделана совсем недавно — можно даже почувствовать слабый аромат красок. Видите, они еще не до конца просохли под слоем лака.

Премио Санкто с удивлением показал на полотно, где отсутствовала женская фигура.

— Не один год, ваши святейшества, — продолжал свою речь Кабрал, — вы и ваши предшественники слышали, но не обращали внимания на разговоры о магии, которой владеет семейство Грихальва, об иллюстраторах Грихальва, приумножавших с помощью колдовства могущество и богатство нашей страны вместе с до'Веррада. Так оно и есть. Сегодня я, самый старший представитель семьи Грихальва, говорю вам, что это правда. В крови Грихальва заключено волшебство, хотя лишь немногие из нас им обладают.

Рохарио вскочил на ноги. Только он один. В соборе наступила мертвая тишина, не было слышно даже шепота, присутствующие боялись пропустить хотя бы одно слово Кабрала Грихальвы и ждали, что ответит ему Премиа Санкта. Рохарио сел.

— Я не являюсь иллюстратором, ваши святейшества, волшебный Дар обрекает их на раннюю смерть, но клянусь вам в этих святых стенах, что среди Грихальва такие люди есть. И что многие, многие годы они честно служили до'Веррада и Тайра-Вирте, отдавая вам свои жизни. Однако в конце концов мы были наказаны — из-за нашего собственного страха. Хотя все это время мы были преданы герцогу, среди нас изредка находились одиночки, которые считали возможным использовать свой Дар ради собственной выгоды. Именно поэтому мы отдаем себя на вашу милость и на милость екклезии, которая всегда относилась к нам с презрением, как к чи'патрос.

Он замолчал, словно дожидаясь разрешения продолжать.

— Величайший из всех иллюстраторов, Сарио Грихальва, из ненависти и зависти заточил свою кузину, Сааведру, возлюбленную герцога Алехандро, в этом портрете, чтобы она не могла любить никого, кроме него самого. Этот Сарио методами, о существовании которых другие иллюстраторы и не догадывались, сумел продлить свою жизнь на многие годы. Этот Сарио убил Вер-

ховного иллюстратора Андрео в угоду своим амбициям и пытался подчинить своей воле Великого герцога Ренайо.

Люди начали перешептываться, но нетерпеливым взмахом руки Кабрал призвал всех к молчанию.

— Грихальва честно служили Тайра-Вирте. Поэтому мы выставляем перед вами Сарио Грихальву, носящего то же имя, но за эти четыреста долгих лет не единожды сменившего тело.

Премиа Санкта с трудом поднялась на ноги и медленно приблизилась к картинам. Ощупала пальцами оба полотна и покачала головой. Ассамблея притихла, изредка слышался лишь шорох одежды или скрип обуви.

Когда Премиа Санкта заговорила, ее голос был слабым и хрупким, как и ее тело.

— Вы сказали правду об этих картинах, мастер Кабрал. Однако какие доказательства вы можете нам представить? Здесь я вижу Сааведру Грихальва, а здесь... — Она показала на пустую комнату.

Женщина в черной шали сбросила ее на плечи.

Наступила абсолютная тишина. Потом все разом заговорили.

Но когда Сааведра Грихальва подняла руку, гул стих.

Сааведра Грихальва. Возможно ли такое? Как это может быть? Тем не менее комната на картине пуста. Куда она могла подеваться?

Рохарио смотрел. Да, это именно та женщина, которой он восторгался столько лет, и все же сейчас она казалось совсем другой... Он смотрел на красивую женщину из плоти и крови, но не знал ее. А потом Рохарио нашел Элейну, ее лицо было во много раз ближе и желанней, хотя он и любовался портретом Сааведры Грихальва всю свою жизнь.

— Я Сааведра Грихальва, — сказала она глубоким, красивым голосом, с непривычным для слуха собравшихся произношением; ее слова долетали до самых дальних уголков собора. — Я и в самом деле Сааведра. С помощью волшебства мой кузен Сарио, стоящий перед вами, заточил меня в картину. Он признал свою вину.

Сарио Грихальва так и не поднял головы. Он не шевелился и ничем не выказывал своего отношения к речи Сааведры. Рохарио не видел его лица.

— Я пришла сегодня сюда, — между тем рассказывала Сааведра, — чтобы просить защиты для себя и моих родных у Великого герцога Ренайо и склониться к ногам Премио Санкто и Премиа Санкты. Если моя семья и согрешила, то лишь из желания принести своей стране наибольшую пользу. Мы почитали верность до'Веррада превыше всего. Я знаю это, потому что видела, как Грихальва старались получить должность Верховного иллюстратора. Я вижу, как изменилась Тайра-Вирте. Вижу, насколько вы стали сильнее и богаче, как увеличилось население с того дня, когда я была заточена в картину.

— А как ты сумела освободиться? — спросила Премиа Санкта.

И тут же раздался еще один голос — конечно же, Руиса.

— Откуда нам знать, что это правда?

Сааведра благосклонно улыбнулась, а потом — как и положено — сначала ответила Санкте:

— После того как выяснилось, что я жива и нахожусь внутри портрета, не стоило никакого труда нарисовать дверь, другую сторону двери — понимаете? — без запирающих знаков, так что я смогла ее открыть и выйти на свободу. А что до вас, юноша! Выйдите вперед!

Эйха! Рохарио восхищался ее отвагой.

— Вас я не знаю, но прошу внимательно осмотреть картину. Вы когда-нибудь видели, как в нарисованном на картине зеркале отражается нарисованное лицо? Видели? Ну так взгляните сюда.

Руис взглянул. Пораженный, отскочил назад.

— Там мое лицо!

— Хорошо. Пусть теперь в зеркало посмотрит Сарио Грихальва. А вы, юноша, скажете нам, какое отражение появится в зеркале.

Сарио, который даже и не пытался сопротивляться, подвели к картине. Руис ахнул.

— Это не его лицо! Там совсем другой человек!

Эйха! Снова ассамблея погрузилась в дискуссию. Иные вставали на скамейки, чтобы получше все разглядеть, кое-кто стучал руками по скамье, требуя тишины. Наконец под спокойным взглядом Сааведры Грихальва все затихли.

И все это время Ренайо сидел с непроницаемым лицом. Рохарио перевел взгляд на семью Грихальва и увидел, что Элейна разглядывает толпу. Она искала... искала... Он едва удержался, чтобы не помахать ей рукой! Но вот Элейна его заметила. И, словно ей этого оказалось вполне достаточно, вновь сосредоточилась на возвышении.

— Два дня назад я выбралась из темницы, — продолжала Сааведра. — Пять дней назад еще жила в своем времени. Пять дней назад я говорила... — Она споткнулась на последнем слове. Горе исказило прекрасное лицо. — Я говорила с герцогом Алехандро. Но так и не успела сказать ему, что у нас будет ребенок.

Даже мужчины вытирали глаза.

Голос Сааведры звучал чисто и сильно, как колокол с башни собора.

— Я признаю, к его и моему стыду, что ребенок будет чи'патро! Это слово часто использовалось против моей семьи. Но ребенок — все, что у меня осталось от Алехандро, и я не буду его стыдиться. Я прошу вас, ваши святейшества, простить мне этот грех. — И она опустилась на колени перед Премио Санкто и Премиа Санктой.

— Матра Дольча, нинна. — Премиа Санкта протянула руку Сааведре. — То, что было, давно прошло. Ты уже достаточно страдала.

— А что станет с моей семьей? Должны ли они понести наказание за Дар, ниспосланный им Матрой эй Фильхо, который они втайне лелеяли все эти годы?

Оба святейшества склонили головы.

Наконец поднялся на ноги Великий герцог Ренайо. Он выглядел, как всегда, достойно и благородно в своем пре-

восходно скроенном синем костюме, хотя таковые уже десять лет как вышли из моды, — Ренайо отказывался ей следовать. Матра! Не хотел! Старый стиль ему шел. Впервые в жизни Рохарио по-настоящему восхитился отцом.

— Я должен прервать вас, — сказал Ренайо, — потому что мы не закончили одно дело. Я еще не успел подписать этот документ. — И пока ассамблея продолжала переживать драму Сааведры и ее признание, Ренайо взял перо из рук Веласко и эффектным росчерком подписал конституцию.

Раздался восторженный вопль, от которого задрожали стекла и золотые люстры.

Когда стихли крики, Ренайо подошел к иллюстраторам Грихальва. Их было всего девять, причем один едва стоял на ногах из-за болезни, другой был еще юношей. Они не казались опасными.

— Это правда, что до'Веррада получали помощь от иллюстраторов Грихальва, — спокойно подтвердил герцог Ренайо. — И все же тайны противоречат идеям екклезии. Поэтому в духе конституции, которую я только что подписал, заявляю: все иллюстраторы и все художники любого происхождения отныне могут соревноваться за честь написания официальных документов для двора. Я упраздняю должность Верховного иллюстратора, вместо нее мы создадим Совет для составления документов, который будет поручать работу разным художникам по мере необходимости.

Снова восторженные крики. Рохарио вдруг легко представил, что после восстановления Парламента популярность его отца среди народа значительно возрастет. Несомненно, это чудо, дарованное Матрой эй Фильхо народу Тайра-Вирте, — ведь здесь без всякого кровопролития произошли такие удивительные перемены. Совсем не как в Гхийасе и Таглисе.

— Что касается Грихальва, стоящих сейчас перед нами, то меня связывает с ними охранная грамота, дарованная им Алессио Первым и возобновленная Бенетто Первым. Пришло время передать судьбу этой грамоты в руки екклезии.

Ренайо смиренно опустил голову. Многие из собравшихся поступили так же, прижимая шляпы к груди. Грихальва медленно и с некоторой неохотой встали на колени перед Премио Санкто и Премиа Санктой. Все они склонили головы, даже гордые иллюстраторы, о чьей дерзости ходили легенды. Все — за исключением обвиняемого. Рохарио нашел темную голову Элейны и опущенную седую голову Кабрала — его деда! — стоящего на коленях, но не потерявшего достоинства.

Наконец Сааведра Грихальва подняла глаза и посмотрела прямо на их святейшества. Она была горда и одновременно преисполнена смирения после столь трагических переживаний. Сааведра больше походила на королеву в своем элегантном платье, вышедшем из моды триста лет назад — и одновременно таком новом, словно портные только что сделали последний стежок.

— Матра Дольча, ниниа, мы не можем отвергнуть тех, кто пришел к нам с просьбой о прощении, — сказала Пре-

миа Санкта, беря Сааведру за руку и поднимая с колен. — Встань. Ты действительно грешила, но милосердие Матры дарует нам жизнь и надежду. Так что приди в ее нежные руки и будешь прощена.

«В ее нежные руки», — подумал Рохарио, глядя на запрестольный образ, написанный Сарио Грихальвой своей собственной кровью. Запрестольный образ, для которого Сааведра послужила моделью. Как могли они не простить ее?

Ренайо выступил вперед и взял Сааведру за руку.

— То, что вам пришлось пережить, неописуемо. Я не позволю вам больше страдать. — Он повернулся к ассамблее. Голос Великого герцога разнесся по всему собору. — Разве сын герцога Алехандро заслужил позор, разве это справедливо?

— Нет! — взревели в ответ тысячи голосов.

Все, кроме Асемы, чья одинокая фигура пыталась противостоять могучим силам прилива.

— Можешь ли ты, Сааведра Грихальва, поклясться на Книге Священных Стихов, что носишь ребенка Алехандро до'Веррада? — Премио Санкто протянул древний том в кожаном переплете, украшенном золотом.

Сааведра положила ладони на книгу, а потом прижалась к ней лбом. Копна прекрасных черных волос скрыла книгу, но видеть ее было совсем не обязательно.

— Я клянусь. — Сааведра подняла голову, чтобы все услышали ее слова. — Отец ребенка в моем лоне — Алехандро Бальтран Эдоард Алессио до'Веррада, человек, с которым меня связывала любовь. Я клянусь в этом на Книге Священных Стихов, и пусть благословение Матры эй Фильхо не оставит меня.

— Ребенок, который родится, будет герцогом Тайра-Вирте, если он окажется мальчиком. — Ренайо протянул руку Великой герцогине.

Нет, неожиданно понял Рохарио, Ренайо протянул руку несчастному, удивленному Эдоарду, который уставился на Сааведру так, словно она была предвестником его неудавшейся судьбы.

— Поэтому в духе новой конституции, которую вы представили мне, как вашему Великому герцогу, я считаю себя вправе объявить о предстоящей свадьбе Сааведры Грихальва и моего сына Эдоарда. Тем самым ребенок Алехандро будет законнорожденным. И если он окажется мальчиком, то станет наследником вслед за моим сыном Эдоардом.

К этому моменту ассамблея была слишком утомлена удивительными откровениями, а потому ответила Ренайо лишь сдержанным ропотом, который вскоре стих. Ренайо вложил руку Сааведры в ладонь Эдоарда. И Рохарио понял, что весь план от начала до конца был продуман, как и всегда, герцогом и его союзниками Грихальва. «Мы пришли к выводу, что другого пути нет».

Великий герцог Ренайо никогда и никому не позволил бы управлять своей жизнью. А Грихальва сделали все необходимое, чтобы выжить.

Ренайо окинул взглядом ассамблею и встал: пусть помнят — на случай, если они забыли, — что он остается их герцогом.

— Что же касается других обвинений, — презрительно бросил он, — то я не стану оскорблять память моей матери, отвечая на них, но я клянусь... — Он опустился на колени перед Премио Санкто и Премиа Санктой и поцеловал их кольца. — Я клянусь на этих кольцах, — продолжал он, поднимаясь с колен и показывая в сторону своего сына и Сааведры, — что в жилах моего наследника течет истинная кровь до'Веррада.

91

Когда умирал Агустин, Элейна держала его забинтованную руку в своих ладонях. Он лишь дважды пришел в себя за последние дни: один раз боль терзала его тело, а во второй он был так слаб, что уже ничего не чувствовал. И вот наконец свершилось милосердие, и он сделал свой последний вздох вечером того дня, когда завершилась встреча в соборе.

— Осколок Зеркала возвращается к Великой Душе. — Санкта, не отходившая от Агустина, закрыла его обожженные веки.

Диониса рыдала и не могла остановиться, несмотря на все попытки Беатрис ее успокоить. Его похоронили в семейной гробнице на следующее утро. К полудню Беатрис собрала свои вещи, включающие две толстые тетради, и распрощалась с родными.

— Я уезжаю, — сказала она Элейне. — Если Грихальва отдаст себя санктии, то екклезия сочтет нас достойными защиты и прощения.

— А как же твой особняк, балы и прекрасные платья, Беатрис? Что будет с ними?

Беатрис печально улыбнулась.

— Я стану изучать растения, Элейна, и постараюсь найти способ лечить ожоги, чтобы спасать людей от страданий, подобных тем, что испытал Агустин. Члены санктии имеют право на сад. Я буду выращивать горох, изучать записки, оставленные бабушкой. Наступит день, когда я сумею понять Дар Грихальва.

— Понять Дар?

— Надеюсь, ты не думаешь, что это и в самом деле благословение, сошедшее с небес?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Должно существовать объяснение, Элейна! Почему Дар переходит к одним мужчинам и не дается другим. Почему им обладает только одна женщина. Почему иллюстраторы не могут иметь детей, а Сааведра сумела забеременеть? Я собираюсь найти ответы на все эти вопросы! Мы, Грихальва, только пользовались Даром. Мы никогда не пытались его понять. И почему именно мы, потомки разбойников из Тза'аба, стали обладателями Дара.

В конце концов Элейна рассмеялась.

— Ты всегда поступаешь по-своему, Беатрис. И как только тебе это удается?

Беатрис поцеловала сестру и уехала вместе с санктас.

Элейна осталась стоять во дворе под лучами теплого солнца.

Дожди кончились, наступили долгие весенние дни. Через несколько месяцев начнется жара, но сейчас стояла прекрасная погода. Воздух был прозрачен и чист. При таком освещении хорошо рисовать.

В Палассо Грихальва царило подавленное настроение. Во время Астравенты, через тридцать дней, Сааведра выйдет замуж за Эдоарда до'Веррада. Ренайо настоял на том, чтобы свадьба была грандиозная, со всеми полагающимися почестями. Он считал, что не имеет права проявлять неуважение к невесте Эдоарда, а еще в большей степени к ее будущему ребенку. Сааведра находилась преимущественно в Палассо. Она и Ренайо отлично понимали друг друга — так, во всяком случае, говорили все. Они оба были прагматиками.

— Иди сюда, киниа, посиди на солнце. — Гиаберто вышел из-под затененной аркады, ведя за собой Аласаис. Девушка в оцепенении опустилась на скамейку, продолжая сжимать незаконченную вышивку. На ней было простое белое платье с высокой талией. Она явно забыла надеть туфли. Сидела и смутно улыбалась Гиаберто.

— Где Сарио? — спросила она своим тихим голосом. — Я принцесса Аласаис. Мои отец и мать были... убиты толпой. — Она слегка задрожала, а Элейна, в свою очередь, содрогнулась, глядя на это существо.

Потому что Аласаис не была человеком. В этом Сарио признался. Он нарисовал ее и оживил посредством магии.

Тем не менее она в некотором смысле оставалась женщиной, жила, дышала и разговаривала. То и дело спрашивала о своем создателе. Никто не мог понять, как Сарио удалось сотворить такое сильное заклинание.

— Это чудовищно, — заявила Сааведра, и все с ней согласились.

Его нужно хорошенько проучить, чтобы он больше никогда не смог угрожать хрупкому миру, установившемуся между Грихальва, до'Веррада и екклезией.

Однако Элейну не допустили на Совет Вьехос Фратос. Ее снова исключили из их сообщества.

Из далекого коридора до Элейны доносились рыдания матери. Ее всхлипывания, казалось, не прекращаются ни на минуту.

Агустин.

Элейна вытерла залитые слезами щеки и пошла на встречу с человеком, который своей кистью дал жизнь женщине и убил невинного юношу. Они держали Сарио в комнатке, затерянной в глубинах Палассо. Внутри стояла кровать, на дверях висел тяжелый железный замок.

— Маэстра, — сказал стражник, охранявший пленника.

Он поклонился Элейне. Теперь, когда стала известна ее роль в освобождении Ренайо и создании превосходной копии «Первой Любовницы», все относились к ней с уважением

«Маэстра». Мастер-женщина. Ей нравилось, как звучит это слово.

— Я должна увидеть Сарио, — сказала она, и стражник сразу же ее впустил.

Дверь закрылась у нее за спиной.

Сарио Грихальва стоял посреди комнаты, глядя на голую стену. Она долго ждала, пока он обернется. Увидев ее, он сделал шаг вперед.

— Они не дают мне даже мела или карандаша. Я не могу ничего нарисовать — это ужасно!

Убийца Агустина. Величайший иллюстратор из рода Грихальва. Элейну ужаснуло, что такой человек вынужден просить.

— Вы знаете, я не могу вам это принести. Даже мел на стене можно использовать...

— Эйха! — Он отпрянул от нее и сел на кровать. — Я не живу, если не рисую.

Матра Дольча! Это совсем не тот человек, которого она помнила, — высокомерный муалим. С того самого момента, как появилась Сааведра, он стал таким унылым и жалким. Что-то в нем надломилось. Элейна стояла, не зная, что сказать. Она должна ненавидеть его за убийство Агустина, но — да будет свидетелем благословенная Матра! — не могла. Ненавидеть то, что он сделал, — да; ненавидеть его гордость и жестокость — да; но она была не в состоянии ненавидеть его самого.

Неожиданно он остановил на ней взгляд. У него было скорбное лицо. Сарио Грихальва показался Элейне невероятно старым, в его глазах таились горькие воспоминания.

— Только ты навещаешь меня. Ведра когда-нибудь говорит обо мне?

— Мы редко встречаемся. Она выходит замуж за дона Эдоарда.

— Никто мне не сказал. — Он погрузился в свои страдания. Его руки, все еще связанные за спиной, начали извиваться, словно были существами, живущими собственной жизнью. — Я никого не вижу. Никого! Все обо мне забыли.

— Я не забыла. — Эти слова сорвались с ее языка прежде, чем она поняла, что собирается их произнести.

Сарио вскочил на ноги и подошел к Элейне. Казалось, он вдруг обезумел, словно в нем что-то проснулось.

— Да. Да, ты не забыла, потому что ты такая же, как я.

Элейна отшатнулась.

— Освободи меня, эстудо, — пробормотал он, глядя в сторону запертой двери. — Мы уедем, ты и я, и будем рисовать. Рисовать — и больше ничего.

Слезы обожгли Элейне глаза, но только потому, что ей стало стыдно, — даже сейчас слова Сарио нарушали ее покой, влекли, вызывали сомнения. Ничего не делать — только рисовать. Думать только об искусстве. Быть ученицей величайшего живописца Грихальва, стать, в конце концов, ему равной.

— Ты такая же, как я. Ты знаешь, что это правда.

— Я знаю, что это правда. — Она заплакала не только от стыда, она знала: то, что он просит, — невозможно. — И не могу сделать то, о чем вы говорите.

Наступило долгое и жуткое молчание, Сарио пристально смотрел на нее, но Элейна, не дрогнув, выдержала его взгляд. Она знала, кто он такой. Потом, передернув плечами, Сарио опустился на кровать. Все чувства покинули его. Сарио понимал, что проиграл и что она не будет ему помогать, хотя часть ее души и мечтает получить обещанное им.

Не поднимая глаз, он снова заговорил:

— Ты единственная, кому я теперь доверяю. Эстудо мейа, ты должна сделать так, как я скажу. Могу я на тебя рассчитывать?

— Что вам от меня нужно? — осторожно спросила Элейна, но Сарио уже продолжал, уверенный в ее согласии, а возможно, ему было все равно.

— В городе есть одна маленькая лавочка, там продают вино; над ней находится мансарда. Хозяина зовут Оливиано. Документ спрятан за фальшивой панелью в стене, на которой нарисован завиток плюща. Моим наследником будет тот, кто произнесет слово «Альфансихирро». — Он замолчал. Элейна повторила. Удовлетворенный, Сарио продолжал: — После этого лавка перейдет в твою собственность. Поднимись по лестнице. Тебе придется преодолеть охранные заклинания. Смой рисунки водой и мылом, и тогда ты сможешь войти в ателиерро. Там найдешь книгу. Ее необходимо сжечь. Ты понимаешь? Сожги книгу! Все, что там написано, осталось у меня в голове. Мне она больше не нужна, но никто не должен о ней узнать.

— Что это за книга?

— Кита'аб Ты должна ее сжечь.

Элейна вздохнула.

— Кита'аб? Это невозможно!

— Много лет назад мне дал ее старый тза'аб. Фолио, которое имеется в распоряжении Вьехос Фратос, — неполная копия, в ней столько всего отсутствует... столько всего. Обещай мне, что ты сделаешь так, как я прошу.

— Да. Да. Я сделаю. Я смогу. — В этот момент Элейна не сомневалась в том, что поступает правильно. — Тогда никто не совершит того, что сделали вы.

— Глупая! Какое мне дело до тех, кто придет после меня. Мне все равно, выберут они тот же путь или нет! Я не желаю, чтобы им досталось знание! Только я, Сарио, сумел покорить Кита'аб и скрытое волшебство. Ты понимаешь, эстудо? — Он снова кричал. — Лишь тебе дарую я право рисовать так, как рисовал я, стать истинным мастером, но никому не будет дано овладеть Даром так, как это сделал я, Сарио Грихальва! Никто не сможет!

Он безумен. И прав одновременно.

— Мне пора уходить, — сказала она наконец. — Я выполню вашу просьбу.

— Сожги ее, — с силой повторил он. — Сожги все, что ты там найдешь. Ты не освободишь меня, Элейна?

Она посмотрела на запертую снаружи дверь и перевела взгляд на Сарио.

— Я не могу вас освободить. Вы знаете, это не в моих силах. Матра Дольча, вы убили моего любимого брата. Такое невозможно забыть! Освободить вас, чтобы вы поступили так же с братом какой-нибудь другой женщины?

Но он думал только о себе. Ей следовало понять это с самого начала.

— Я не могу всю жизнь провести в тюрьме, лишенный возможности рисовать. Сделай так, как я прошу, умоляю тебя.

Она ушла. Указания Сарио были предельно четкими, и, к своему удивлению, Элейна узнала винный магазин. Рохарио нашел здесь работу, когда хотел стать писцом.

Рохарио. Последний раз она видела его в соборе. Потом получила записку, написанную его красивым почерком, в которой он сообщал, что должен посетить свои поместья и скоро вернется. И еще в письме были слова любви.

Любовь — странное слово, говорящее о нитях, протянутых от одной души к другой. Исходя из этого определения, она любит Сарио Грихальва, несмотря на то что он чудовище.

«Ты такая же, как я». Навеки связанная с ним, она должна выполнить его желание.

Элейна представилась владельцу, Оливиано. Удивила его осведомленностью о тайнике; произнесла слово, которое делало ее наследницей. Потом попросила, чтобы жена хозяина принесла воду и мыло. Поднимаясь по ступенькам, она остро ощущала, что не должна туда идти. Опустилась на колени и оттерла тайные письмена, начертанные на дереве. Подумала о дрожащем в своей темнице Сарио, кровь и слюна которого растворились в обычном мыле и холодной воде. Ей ужасно хотелось получше рассмотреть изящный узор из листьев, виноградной лозы и цветов, но она не осмелилась, побоялась, что магия овладеет ее разумом прежде, чем она успеет все смыть.

Элейна закончила и открыла дверь маленьким бронзовым ключом, который лежал в конверте вместе с документом.

— Здесь я оставлял для него еду, — сказал Оливиано, следуя за Элейной. Его мучили любопытство и страх. — У двери. Дальше я никогда не входил.

— Я пойду одна, — сказала Элейна.

Она открыла дверь и переступила порог. Комната оказалось длинной и довольно темной. Элейна распахнула ставни и посмотрела через крытые черепицей крыши на фасады расположенных напротив домов. Измерила комнату шагами, сдула пыль с поверхности стола. Здесь, в этом ателиерро, он создал Аласаис. Ларец стоял под кроватью. Элейна вытащила его и открыла тем же ключом.

Несколько закупоренных глиняных кувшинов. Крошечная серебряная коробочка для драгоценностей. Три стеклянных флакона с высохшей красной субстанцией. Череп.

Элейна содрогнулась и положила череп на стол, а потом достала такую древнюю книгу, что та слегка затрещала, когда Элейна ее открыла. Бегущий почерк был ей незнаком, но поля! Эйха! Ей никогда не приходилось видеть такого сложного орнамента, сплетенного вокруг каллиграфически выведенных слов. Пергамент, из которого были сделаны страницы, оказался очень плотным, а когда она провела пальцем по строчкам и ощутила очертания каждой буквы, у нее возникло ощущение, что от них исходит слабое тепло, а сама книга — живая.

Элейна перевернула несколько страниц, но написанное не имело для нее ни малейшего смысла. Она даже не узнала ни одной буквы. Однако сама книга, удивительный орнамент, странные очертания значков безудержно влекли ее. Да, она не знает этого языка, но со временем слова можно расшифровать. Ведь они содержат восхитительное знание, которым сумел овладеть Сарио. Элейна быстро захлопнула книгу.

Огляделась, обнаружила сломанный мольберт, а за ним большую панель, накрытую пожелтевшей простыней. Больше никаких следов Сарио ей найти не удалось: ни красок, ни кистей, ничего, что свидетельствовало бы о его пребывании здесь. Впрочем, жизнь Сарио заключена в его произведениях.

Элейна сняла с панели простыню, тщательно сложила ее и... замерла перед удивительной картиной, представшей ее глазам.

Это был портрет множества мужчин, каждое лицо четко выделялось на темном фоне; между ними проходила почти невидимая граница, увитая легким орнаментом, в который вплеталась тайнопись, — тончайшая нить, словно живое существо, связывала все изображения воедино. Кое-какие мужчины были одеты по моде прошедших столетий, на одном Элейна увидела костюм, какие носили не более десяти лет назад. Она сразу узнала Сарио — своего Сарио. Матра Дольча! И Риобаро Грихальву, великого Верховного иллюстратора! Она начертала его подпись на скатерти в гостинице Гаспара в честь давно умершего замечательного мастера. А вот Дионисо Грихальва. Но первым среди всех был настоящий Сарио, на лице которого лежала печать прожитых лет.

Разум одного человека, его дух, переносился в тело другого. А это — его Пейнтраддо Меморрио, истинный автопортрет, где отражены все его ипостаси. Она узнала элементы растительного орнамента, идущего по краю картины: плакучая ива, символизирующая Свободу, вербена означала Магию, можжевельник — Защиту, белый дуб — Независимость, золотые розы — Идеал.

Он убил шестнадцать человек, чтобы заполучить их тела, прожить их жизни. Чей череп он сохранил?

Элейна зажгла масляную лампу. Долго смотрела на огонь. Потом долила еще масла, чтобы пламя запылало с новой силой.

Вырвала из книги первый лист и поднесла его к огню.

 Многоликий Сарио взирал на нее с портрета. Элейне каза-

лось, что он видит ее из своей темницы, своими глазами, написанными красками, в которые он подмешал кровь. «Я ни с кем не желаю делиться знанием о Даре».

Только с ней. Разве он не обещал научить ее всем секретам иллюстраторов? И секретам, которые знал только он, а за триста долгих лет ему наверняка открывались вещи удивительные. И все, что Сарио имел, он отдал именно ей. Потому что она такая же, как он.

У Элейны дрожали руки, когда она поднесла лист пергамента к огню. Хрупкая страница словно нашептывала ей голосом Сарио: со временем она сумеет разобрать то, что написано в этой книге, он же смог. Если у нее будет достаточно времени, она узнает все, что знал Сарио, и хотя у нее нет Дара, чтобы самой рисовать заклинания, можно взять учеников, показать им...

Матра Дольча! Вот к чему приводят подобные размышления: к гордости, высокомерию, полной катастрофе. К смерти. Сарио убил Агустина, Андрео и всех мужчин на Пейнтраддо, не говоря уж о множестве других: их воспоминания, их жизни утеряны навсегда.

Проклиная Сарио, Элейна поднесла к огню конец древнего пергамента. Край запылал и сморщился. Буквы сияли серебряным светом, искрились и умирали. Их древняя красота потускнела, приобрела коричневый оттенок, почернела, а потом вспыхнула белым пламенем и обожгла пальцы. Элейна вскрикнула и уронила страницу.

Так сгорит и она сама, если ступит на тропу, по которой шел Сарио. Со слезами на глазах смотрела Элейна на догорающее пламя. Когда остался только пепел, она повернулась и взглянула на Пейнтраддо Меморрио.

Подойдя к картине, провела пальцами по поверхности, точно пыталась почувствовать Сарио. Какие-то портреты потрескались и пожелтели, другие казались совсем новыми и свежими. С течением времени менялся стиль художника, но не было сомнения, что все они написаны одной и той же рукой. Настоящий шедевр — множество лиц, глядящих с полотна. Каждый представлял собой отдельную личность, но у всех были глаза Сарио: темные, карие глаза. Композиция, естественно, не могла быть совершенной — и действительно, одна часть картины оставалась незаконченной — белая грунтовка для нового портрета. И все же Пейнтраддо можно считать произведением искусства. Хотя Элейна и не знала людей, изображенных на полотне, она была в состоянии проследить за судьбой Сарио по мере того, как он переходил из старого тела в новое. Его мастерство росло с каждым следующим произведением. Тайнопись, переходящая от одного лица к другому, спрятанная под обычной краской, словно поведала ей историю его жизни.

«Сожги все, что ты там найдешь». Но Элейна не могла. Она не могла уничтожить этот шедевр.

Всхлипнула, вытерла слезы, вернулась к столу. Череп стоял рядом с книгой, их соседство напоминало: знание убило первого Сарио — хотя Сарио продолжал жить, — уничтожило то лучшее, что в нем было, и усугубило темные стороны его души. Что

еще написал тза'аб в священной книге? Наверняка не только плохое; а вдруг в ней сокрыто добро, которого Сарио не захотел увидеть? Не ей об этом судить.

Элейна снова полистала страницы книги и поняла, что не сможет ее сжечь. Но и хранить у себя не должна. Потому что Кита'аб отдал ей Сарио Грихальва.

Закрыв тяжелый том, Элейна осторожно опустила его в ларец вслед за черепом и заперла бронзовым ключом. Набросила на Пейнтраддо покрывало, закрыла за собой дверь мансарды и по тихим улицам зашагала обратно к Палассо Грихальва. Во дворе стояла карета Великого герцога Ренайо. В ателиерро горел свет. Элейна торопливо поднялась по лестнице, постучала, подождала немного, раздумывая о том, какая встреча ее ждет.

Ее впустили.

— Я рад, что ты пришла. — Кабрал шагнул ей навстречу. — Садись сюда, женщина. Ты будешь свидетелем.

Она удивилась, увидев в ателиерро не только Великого герцога, но и Премио Санкто и хрупкую фигурку Премиа Санкты. Она сидели рядом, напротив Элейны. В центре ателиерро установили картину, на которой была изображена комната со свежевыбеленными стенами, без окон, без дверей, без всякой мебели; исключение сделали лишь для мольберта и зеркала — в нем отражалось пламя свечи и свет масляной лампы, находившейся где-то в другой части комнаты. В углах виднелись четыре высокие железные стойки со свечами. Две лампы свисали с потолка. Мастерство Сааведры было так велико, что создавалось впечатление, будто одна из них зажжена всего несколько мгновений назад. В остальном — самое обыкновенное помещение, ничего особенного. Даже на дощатом полу не видно никакого рисунка.

Сааведра стояла возле мольберта и готовила палитру. На ней было белое платье с высокой талией и бледными цветами лаванды; Элейна почти сразу его узнала — раньше оно принадлежало Беатрис, видимо, его слегка переделали, чтобы оно подошло более высокой Сааведре. Вдоль одной стены сидели Вьехос Фратос, несчастный Эдоард устроился рядом с отцом и смотрел на свою невесту с благоговейным ужасом.

Элейна вздрогнула, когда женщина-иллюстратор спокойно разрезала себе руку ланцетом, а потом смешала выступившую кровь с красками. Премиа Санкта едва слышно произнесла какую-то молитву. Но никто не стал возражать.

— Приведите его, — сказала Сааведра.

Когда ее приказание было исполнено, Сааведра спросила:

— Хочешь ли ты сказать нам что-нибудь еще?

— Нет, мне нечего вам сказать, — ответил Сарио, — но я жду, когда ты поблагодаришь меня за то, что я заставил тебя познать свой Дар.

Она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— В чем тайна твоей долгой жизни? Как тебе удалось попасть сюда? Чьи тела и жизни ты украл? Я знаю, ты это

делал, потому что почерпнула сведения из книги, которую ты нарисовал в комнате, где я была заключена. Именно эта книга, Сарио, научила меня всему, что мне нужно знать сегодня, чтобы наказать тебя за твои преступления.

В ответ он лишь сжал губы.

— Посадите его сюда, — велела Сааведра.

Сарио подтолкнули вперед, и он оказался внутри круга, начертанного на полу. Только после этого ему развязали руки. Потом повернули так, чтобы он оказался спиной к Сааведре.

Только теперь он увидел Элейну. Его глаза загорелись.

Сааведра зажгла свечу и поставила ее перед изображением Матры эй Фильхо. Начала негромко произносить заклинания, которые сразу наполнили комнату странным мелодичным шелестом.

— Не забудь, Элейна, — сказал Сарио тихим, напряженным голосом, неотрывно глядя на нее, и Элейна не смогла отвести в сторону глаза. — Не существует Золотого Ключа, который без усилий открыл бы тебе все тайны живописи. Иллюстраторы носят его как напоминание о том, что необходимо постоянно трудиться ради достижения цели.

Боковым зрением Элейна видела, как рисует Сааведра, — быстрые, уверенные взмахи кисти, твердая рука мастера, решившего завершить портрет за один сеанс.

— Не забудь, ультрамарин прекрасно подходит для лакировки. — Сарио говорил торопливо, словно боялся не успеть изложить ей последние наставления. — Но чтобы он не потерял своих лучших качеств после того, как смешаешь его с красками, необходимо добавить немного воска.

Рядом с ней нервно перебирал ногами Кабрал, а Сааведра продолжала рисовать в постепенно сгущающихся сумерках.

— Белила очень хороши для фона, но мел из Гхийаса обладает более естественным блеском... Льняное семя способствует равномерному просыханию краски, за исключением оранжево-желтой.

Дамиано встал и зажег лампы, и их призрачный свет придал ателиерро необычную яркость, словно все они оказались внутри огромной рамы.

— Когда используешь льняной холст, а он должен быть самой лучшей выработки, подготовь его следующим образом... В темперу добавляй только яйца городских кур для светлых тонов и деревенских — для темных.

Ренайо закашлялся. Премио Санкто прочитал вечернюю молитву звучным голосом — контрапункт к тихому и мелодичному бормотанию Сааведры.

— Для передачи тончайших оттенков используй пальцы... Если работа не удовлетворяет тебя, ты должна быть готова отбросить ее и начать заново.

Элейна почувствовала запах скипидара, камеди, краски и пота множества тел, собранных в замкнутом пространстве комнаты; присутствовали здесь и другие ароматы: травы, земли и

дерева — все они проникли в ателиерро за долгие годы работы в нем множества людей. Моча. Слезы. Пот. Слюна. Семя. Кровь. Своими собственными телами иллюстраторы Грихальва порождали Дар.

— Но более всего, Элейна, — наставлял ее Сарио, — ты должна сохранять терпение.

Внезапно лампы вспыхнули особенно ярко, а потом разом погасли, словно резкий порыв ветра задул их.

Наступила тишина.

Единственная свеча озаряла комнату, отбрасывая длинные, колеблющиеся тени. Сарио исчез. Премиа Санкта произнесла благословение мертвым.

Кабрал встал и вместе с Гиаберто и Дамиано снова зажег лампы. Вскоре в ателиерро опять стало светло. Сааведра, низко склонив голову, замерла возле мольберта.

А на картине, спиной к зрителю, стоял мужчина. Элейна вскрикнула и встала. Это была спина Сарио; она узнала ее, как и одежду, которая была на нем, как и прическу, и едва заметный намек на профиль.

Однако в зеркале отражалось лицо совсем другого человека — то было лицо настоящего, первого Сарио, который умер более трехсот лет назад. Наконец мгновение застыло — теперь он навсегда останется таким, никогда не состарится и не умрет. Будет всегда смотреть на свой самый главный шедевр: себя самого.

Элейна заплакала и выбежала из комнаты.

92

— Элейна! Элейнита! Ты что, еще не готова? — Беатрис ворвалась в комнату и стала оглядывать ее критическим взглядом. — Да тут не так роскошно, как в моей келье Новисиата, милая. А в твоем ателиерро внизу еще даже не подмели пол!

— Это бесформенное белое одеяние и тугой платок тебе очень идут, Беллита.

Беатрис рассмеялась.

— Знаешь, в моем саду все так замечательно растет. Мне выделили маленький, аккуратненький участок для опытов. Кроме того, я посадила в их саду несколько своих трав и привела его в порядок — теперь там стало гораздо лучше, чем раньше.

— А ко мне уже записались пятьдесят учеников, — перебила ее Элейна, — хотя занятия начинаются только через месяц! Комната кажется тебе голой лишь потому, что ты бы заполнила ее вышитыми коврами, лакированными вазами, всякой модной ерундой и дурацкой мебелью. Я закончила работу над «Деянием» всего пять дней назад, мне просто не хватило времени как следует здесь все обставить.

Беатрис помогла ей застегнуть пуговицы на спине.

— Если ты намерена играть в обществе значительную роль, сестричка, тебе следует завести горничную и кучу слуг.

А я встретила внизу лишь Дэво. Не думаю, что ты станешь прибегать к его помощи во время одевания!

— Наберись терпения, Беллита. Рохарио сказал, что как только мы с ним поженимся, он попросит своего дворецкого подыскать нам надежных слуг. Я не стану ему в этом мешать. Он ужасно любит обо всем хлопотать.

— Он вернулся? Вы получили разрешение екклезии?

Элейна покраснела и быстренько стала складывать кружевную шаль.

— Сам Премио Санкто дал свое согласие, хотя, мне кажется, я заметила, как в его глазах что-то промелькнуло, когда он объявил, что бракосочетание должно состояться во время Санктеррии.

— Можно подумать, костры Санктеррии сделают твою кровь безупречной! — хмыкнула Беатрис.

— Рохарио вернулся в город, чтобы присутствовать на свадьбе Сааведры.

— Ах, да, конечно! У меня такое впечатление, что на улицы высыпало все население города, народ ждет начала празднеств. Астравента подходящий для бракосочетания день, ты со мной согласна? Особенно если вспомнить, что невеста уже поймала звездочку в свое зеркало.

— Беатрис!

Но она только рассмеялась, подвела Элейну к зеркалу и занялась ее прической.

— Я и представить себе не могла, что женщина из рода Грихальва, забеременевшая от до'Веррада, будет так популярна. Эйха! Больше я ничего не могу сделать с твоими волосами. — Беатрис задумчиво подошла к окну и тут заметила картину под покрывалом. Элейна только сегодня принесла ее в свою комнату на чердаке. — Что это такое? Твое новое произведение?

Элейна тотчас отвернулась от зеркала.

— Пожалуйста, не открывай ее.

— Как скажешь. — Беатрис чуть приподняла одну бровь. — Насколько я понимаю, это секрет. — Она провела рукой по желтой ткани, прикрывавшей картину, нахмурилась, увидев пыль на пальцах, и выглянула в окно. — Эйха! Вон санкта Луисса и ее бедная матушка решили немного подышать воздухом, дожидаясь меня. Знаешь, это душераздирающая история, но я расскажу ее тебе потом, потому что вижу санкту Хуанию, которую ласково называю Змея, она вечно высматривает своими глазками-бусинками, кто чем занят. И, кажется, начинает беспокоиться. Мне пора! — Она поцеловала Элейну в щеку и направилась к двери.

— Подожди!

Беатрис остановилась и взглянула на сестру широко раскрытыми глазами.

— Что случилось, Элейна? У тебя такой серьезный вид, а ведь сегодня праздник.

Многие недели она с трудом несла на плечах эту ношу. Как легко было бы позволить Беатрис уйти, а книгу оста-

вить себе. Знания, которые только и ждут минуты, когда она или кто-нибудь другой сделает их своим достоянием. Элейна глубоко вдохнула, открыла сундук, стоявший в темном углу, и вынула из него книгу. Протянула ее Беатрис.

— Она когда-то принадлежала Сарио Грихальве, — сказала Элейна. Казалось, тяжелая книга обжигает ей руки, но она сумела справиться с собой. — Это древний экземпляр Кита'аба — книги тза'абов, ставшей впоследствии Фолио.

Беатрис смотрела на нее, не проронив ни слова.

— Я не смогла ее сжечь, хотя мне и следовало это сделать! Я не имею права брать на себя такую ответственность. — Элейна нетерпеливо протянула книгу сестре. — Возьми! Я доверяю книгу тебе, Беатрис, ты самая лучшая из всех нас. Я знаю, ты сумеешь принять правильное решение.

Внезапно глаза Беатрис наполнились слезами.

— Ты не доверяешь себе, понимая, какое знание содержится в этой книге? — мягко, с состраданием спросила она. — Милая Элейнита, ты совсем на него не похожа, хотя ты его и любила.

— Я заглянула себе в сердце, Беллита. Я не очень от него отличаюсь. По правде говоря, мало отличаюсь. Я стану рисовать, как никто до меня не рисовал, я буду знаменита: художник Элейна Грихальва. А вдруг какая-то часть моего существа возжелает большего, вдруг я начну использовать других людей ради достижения собственных целей, не смогу думать ни о ком, кроме себя? Нет, я не должна рисковать. Не хочу быть такой, как он.

Она снова протянула книгу.

По лицу Беатрис пробежала тень, но тут же исчезла, и на ее место пришло спокойствие, которое так умиротворяло всех, кто ее знал. Она кивнула и взяла из рук Элейны древнюю книгу.

Молча они вместе прошли через гостиную в небольшой зал, где и расстались. Тишина показалась Элейне гнетущей — теперь, когда Беатрис ушла и унесла с собой Кита'аб. Но через некоторое время она почувствовала, как тени рассеиваются и на сердце становится легче.

Да, она похожа на Сарио, и с этим ничего не поделать. Но ей хватило мудрости справиться с тем, что было в ней дурного, — в отличие от него.

Вдруг она услышала, как у нее за спиной распахнулась дверь, а в следующее мгновение ее уже целовал Рохарио.

— Сначала я отправился в Палассо Грихальва, — сказал он. — Должен признаться, забыл, что ты там теперь не живешь. Все так изменилось. — Он оглядел гостиную столь же критически, как Беатрис спальню. Здесь совсем недавно покрасили стены, пахло краской, несмотря на открытые окна. — Комнаты довольно просторны и оригинальны, мне нравится фризмаркский стиль. Благодарение Матре, здешние мастера смогли его воссоздать! В небольшом зале внизу достаточно места для собраний, надеюсь, споры моих товарищей не помешают тебе проводить уроки. Но на время летней жары нам следует переезжать в Коллара Ассаддо.

Очаровательное местечко, настоящая деревня. Кроме того, заниматься землей почти так же интересно, как политикой. И почему я не понял этого раньше!

— Потому что был бесполезным и тщеславным существом, корассон мейа.

— Эйха! — расхохотался он. — Точно! Твоя мать так рассвирепела, когда меня увидела! Ты рассталась со своей семьей не очень хорошо, Элейнита.

— Что верно, то верно. Знаешь, они не хотели, чтобы я уезжала. Только я теперь больше не боюсь моих родных.

Он выглядел весьма довольным собой. Пусть думает, будто именно он освободил Элейну своей поддержкой. Зачем лишать его этой иллюзии?

Рохарио медленно поворачивался, рассматривая комнату. Он начал по-новому повязывать галстук. Скоро, вне всякого сомнения, самые молодые члены Парламента станут носить галстуки точно так же. Эйха! По крайней мере его соратники начнут одеваться со вкусом!

Рохарио вдруг остановился: он заметил портрет над камином.

— Это что-то новое! Какой чудесный портрет! Кто написал его? Ты здесь просто неотразима!

— Его написал Сарио Грихальва. — Элейна была готова к его возмущению или негодованию, но Рохарио лишь удивился:

— Мне казалось, ты уничтожила все его работы.

— Верно. Все, кроме той, где изображена бедняжка Аласаис.

Рохарио склонил голову набок и с улыбкой посмотрел на нее. С тех пор как Элейна увидела его впервые, он стал совсем иначе улыбаться. Теперь в его улыбке больше не было настороженности избалованного ребенка.

— Все, кроме той картины. И этой. Они знают про нее?

— Нет. — Элейна боялась сделать вдох.

— Замечательный портрет, Элейна. Мы сохраним его навсегда.

Она с трудом перевела дух.

— Конечно.

— Но ты должна написать мой портрет, и мы повесим его рядом. Два портрета. Больше ничего не будет.

— Почему ты вдруг загрустила, гвиверра мейа?

— Рядом с ними не будет наших детей.

— Мы уже говорили об этом, Элейна. И больше не стоит. — Он решительно взял ее за руку и подвел к окнам, выходящим в маленький дворик. Цвели акации, вдоль выложенных кирпичом дорожек ровными рядами выстроились липы. Каменщики работали над фонтаном, небольшой копией фонтана с колокольчиками. Они с Рохарио долго стояли в уютном молчании, пока не зазвучали свадебные колокола.

— Нам будет хорошо вместе, Рохарио. — Элейна поцеловала его.

— Надеюсь! Идем. Отец придет в ярость, если мы опоздаем. Он говорит, что я теперь никуда не прихожу вовремя, но в этом виноваты бесконечные собрания. Я не представлял себе, что

десять человек могут иметь двадцать самых разных точек зрения, которые они слишком бурно высказывают.

Но по его тону и выражению лица Элейна видела, что Рохарио нравится такая жизнь. Подумать только, до'Веррада — член Парламента! И в самом деле наступили новые времена.

— Кстати, — вдруг сказал он, стараясь придать своему голосу неуверенность, но Элейна поняла, что он страшно горд, — Парламент намерен заказать тебе официальный документ ассамблеи. Выборы пройдут в следующем месяце, а первая ассамблея соберется во время Провиденссии.

— Я получу этот заказ! Рохарио! Официальный документ ассамблеи! Я не могла и мечтать о такой чести. Это ты заставил их принять такое решение?

— Ты переоцениваешь мое влияние. Мне кажется, картина на стене в гостинице Гаспара сыграла свою роль, если тебе уж так хочется знать правду. Они все мечтают выглядеть так же превосходно, как герои того произведения. Эйха! Нам и в самом деле пора идти.

Пока Элейна ждала Рохарио, поправлявшего галстук перед зеркалом, — он, как всегда, тщательно следил за своей внешностью, впрочем, на него сейчас устремлено так много юных глаз, — она с удовлетворением разглядывала свою гостиную.

Просторная комната, много воздуха и света, льющегося сквозь роскошные окна, расположенные вдоль двух стен. Здесь достаточно места для дивана, мольбертов, рабочих столов. Для занятий живописью. Здесь она будет учиться у Кабрала до тех пор, пока он сможет давать ей уроки. У Гиаберто и других иллюстраторов Грихальва, если они не откажутся прийти сюда. Здесь она будет работать с талантливыми молодыми художниками. Будет передавать свою Луса до'Орро тем, кто захочет получить знание.

Ремесло, понимание и не имеющее имени, но неистребимое желание стать живописцем. Секрет Золотого Ключа.

— Ненавижу этот цвет. — Рохарио нахмурился, глядя на свой жилет. — И почему оранжевый теперь в моде? Пора сделать его непопулярным. — Он поймал в зеркале ее взгляд, и на мгновение ему показалось, что он смотрит в другое зеркало, то, что на портрете, державшем в плену Сааведру. На портрете, где сейчас заключен Сарио. — Элейна, я никак не могу понять одного. Если правда, — а я в этом не уверен, уж больно невероятным это кажется, — что Сарио Грихальва жил так долго, отнимая жизни у других, то кем он был в тех, других жизнях? Оставался Сарио или превращался в кого-то еще?

Некоторые секреты не должны стать всеобщим достоянием. Потому что в самом конце Сарио посвятил лишь ее одну в свою тайну.

— Он так в этом и не признался, — спокойно ответила Элейна. — Не сказал никому, даже Сааведре.

Пройдет время, и она, возможно, извлечет из хранилища Пейнтраддо Меморрио Сарио и покажет его всем остальным, и тогда картина станет последним и величайшим памятником его таланту.

Еще раз зазвонили колокола — новая жизнь. Элейна улыбнулась, взяла Рохарио за руку, и они вместе вышли из комнаты.

ГАЛИЕРРА. 1347

— ...Бальтран, сюда... проходи вот здесь. Видишь? Нет, нет, нинио! Не через заднюю дверь. Сюда, пожалуйста.

Кураторрио находился где-то посередине Галиерры, все его внимание было сосредоточено на женах банкиров: их изысканные черные кружевные накидки украшали волосы и прикрывали глубокие вырезы модных платьев.

— Если мы будем вести себя тихо, Бальтран, нам удастся проскользнуть...

— Патро! — Мальчик схватил его за руку и потянул к окну. — Ты видишь новые пушки? Посмотри, какие они красивые!

Алехандро вздохнул и подчинился неизбежному. Ему пришлось выдержать обмен любезностями и неизбежную светскую болтовню жен банкиров, уважаемых женщин из хорошего общества. Пришлось поговорить с каждой. Он был знаком с их мужьями, встречался с ними во время официальных обедов или присутствовал на церемонии представления их дочерей ко двору. Благодарение Матре, по крайней мере Тересса обожает все это — ее ужасно забавляют человеческие слабости.

Наконец они ушли. Алехандро еще подождал, пока стихнут голоса («Какой красивый юноша!»), пока они исчезнут за дверями, ведущими в Галиерру. Бальтран, засунув руки в карманы, со скучающим видом стоял перед «Бракосочетанием».

— Ну давай уйдем, патро? Здесь нет ничего, кроме картин!

Этот беспокойный ребенок никогда подолгу не оставался на одном месте, постоянно о чем-то думал, но его мысли не имели ничего общего с тем, что беспокоило Алехандро. Мальчишку переполняли новые идеи, он что-то создавал и спрашивал, спрашивал, спрашивал. На многие из его вопросов не было ответов.

Алехандро задумался о прошлом.

— Только подумай, нинио, ты приходишься родственником каждому до'Веррада, изображенному на этих портретах.

Бальтран тяжело вздохнул.

— Патро, мне не нравится живопись. Я хочу в театр. Во время сражения на сцене происходят взрывы! А потом фейер-

верк. Бабушка Ведра обещала взять меня с собой. Пожалуйста, разреши мне пойти с ней!

— Ты будешь ходить со мной. Наступит время, когда ты станешь Великим герцогом...

— Когда я стану Великим герцогом, я засуну все эти картины в ящики и отправлю их куда-нибудь в надежное место!

Алехандро улыбнулся. У десятилетнего мальчика могут быть грандиозные планы. У него они тоже были. Но зачем разрушать иллюзии ребенка? Время и жизнь легко справятся с этой задачей. Бальтран поймет, почему Галиерра имеет такое значение для до'Веррада и Тайра-Вирте.

— Пока ты всего лишь наследник Великого герцога, а я — Великий герцог и волен приказать тебе следовать за мной.

— Сначала ты должен получить на это разрешение Парламента!

— На то, что касается воспитания моего собственного сына, — нет.

Бальтран рассмеялся и побежал вперед, хотя прекрасно знал, что в Галиерре бегать запрещено. Алехандро пожалел его и не позвал назад.

«Мой собственный сын».

Какой тяжелый удар! А что еще хуже — бесконечные советы, как и что следует делать. Благодарение Матре, его отец уже умер, погиб в одной из войн с Гхийасом. Ну не ирония ли это? Эдоард ему не отец. Его настоящий отец жил четыреста лет назад. Но Эдоарда это совсем не беспокоило. Он вырастил Алехандро, словно тот был его родным сыном. Так же Алехандро теперь воспитывает Бальтрана.

Никто не должен узнать. Так ему сказали. Никто никогда не должен узнать.

— Патро! Патро! Вот твое «Рождение»! А вот «Бракосочетание» бабушки и бедного дедушки. Расскажи мне еще раз про то сражение! Это правда, что он повел за собой солдат в наступление?

На самом деле Эдоард остановился во время отступления, чтобы помочь одному из своих юных лейтенантов, которого ранили в живот, и получил пулю в голову. К Алехандро снова вернулась боль, пережитая в тот день, когда они получили сообщение. Ведь именно тогда он понял, что его мать не любит отца так же сильно, как он, Алехандро, его любил.

— Он умер, потому что был добрым, хорошим и благородным человеком. Не забывай об этом.

Бальтран ничего не ответил. Казалось, его вдруг заинтересовала картина.

— А правда, что бабушка волшебница?

— Не больше, чем я, — улыбнулся Алехандро. — Где ты такое услышал?

— Многие так говорят. Будто все Грихальва волшебники, но они отдали себя на милость екклезии еще до твоего рождения, и Премиа Санкта сняла с них это ужасное пятно.

— Истинная правда, они открыто признались перед лицом всех, кто собрался в соборе, что обладают волшебным даром. Ты же хорошо знаешь историю бабушки... Как она попала в плен внутрь картины и оставалась там триста лет.

Бальтран поморщился — на него эта сказка не производила никакого впечатления — и направился в конец Галиерры, очевидно, решив как можно быстрее исполнить свой долг и получить заслуженную свободу.

— А знаешь, что еще говорят, патро? — Он прикусил губу, вспоминая подслушанные слова, видимо, там, где ему не следовало находиться.

— И что же?

— Они говорят: «Ха, ха, ха!» — Бальтран попытался скопировать хохот взрослого мужчины, явно получая удовольствие от громкого звучания своего голоса в тишине Галиерры. — Можно ли назвать волшебством то, что они рисовали льстивые портреты Великих герцогов и соблазняли наследников до'Веррада красивыми женщинами? А что значит «соблазнять», патро? Что делают красивые женщины? Красивые женщины — вроде бабушки?

— Конечно, бабушка красивая женщина.

К счастью, мысли мальчика уже умчались вперед.

— А почему бабушка не живет в Палассо? Почему она уехала к своим родным? Значит, она их любит больше, чем меня. — Бальтран обиженно выставил вперед нижнюю губу, но потом лукаво улыбнулся — ведь он знал, что бабушка Ведра души в нем не чает, а также в его маленькой сестре Мечеллите.

«Она точно так же и во мне души не чаяла». Алехандро улыбнулся. Впрочем, жить с Сааведрой, так же как быть ее сыном, совсем не просто. Она будто пламя, на которое слетаются все на свете мотыльки, а он был всего лишь одним из таких мотыльков. Она, конечно, обожала его, но считала, что он должен быть лучшим во всем.

— Ее семья в ней нуждается, нинио. Как только я женился на твоей матери, она оставила нас.

Алехандро не сомневался, что сейчас Сааведра железной рукой управляет семейством Грихальва, как в прежние времена Эдоардом. Еще меньше он сомневался, что она беззаветно любит его. И тем не менее иногда задумывался: каково это иметь самую обычную мать?

Они обошли еще несколько групп посетителей, собравшихся возле «Договоров» и «Бракосочетаний». Богатые путешественники из других стран, к счастью, не узнавали ни Бальтрана, ни его самого. Алехандро с удовольствием разглядывал коллекцию. Около половины картин перекочевало в здание, где раньше собирались ассамблеи, а для Парламента рядом построили новое. И теперь, к несказанному удовольствию Алехандро, в Галиерру приходило совсем немного посетителей. Самая монументальная и знаменитая картина переехала в новую Галиерру — Насионайа, но ему больше нравилось то, что осталось здесь, самые личные и тонкие портреты — наследство Грихальва.

А он сам — дитя двух семейств, человек, в жилах которого одновременно течет кровь до'Веррада и Грихальва, — взошел на трон Тайра-Вирте. Но ирония заключается в том, что он был первым.

И будет последним.

— Подожди, Бальтран!

Но Бальтран уже убежал далеко вперед. Истинный сын Терессы, умный, любознательный. Алехандро не знал, кто насто-

ящий отец Бальтрана. Он никогда не задавал этого вопроса, доверившись здравому смыслу жены, которая должна была выбрать достойного человека из благородной семьи, к тому же умеющего держать язык за зубами.

Он согласился на брак, считая, что ему повезло. Ему нравилась невеста, и она тоже относилась к нему с душой. Тересса, названная в честь своей бабушки, старшей дочери Арриго и Мечеллы, выросла в довольно необычном доме. Она получила превосходное классическое образование, а ее отец, явно немного тронутый (как теперь принято говорить), напригласал в свой Палассо кучу ученых для проведения там самых разнообразных опытов.

Когда Сааведра откровенно рассказала о проблеме Алехандро его невесте, Тересса восприняла ее слова совершенно спокойно. Иногда Алехандро казалось, что она рассматривает его как необычный экземпляр, загадка которого еще не решена. На самом деле Тересса больше всего на свете любила встречаться с его тиа Беатрис, занимавшей теперь пост Премиа Санкты. Она постоянно появлялась в своем белом священном одеянии, перепачканном землей и травой, с мягкой улыбкой на лице и бесконечными разговорами о проклятом горохе и тайном языке древних тза'абских мистиков.

— Патро! Патро! — Тишину Галиерры разорвал тоненький голосок Бальтрана, убежавшего в самый конец зала. — Они забрали портрет бабушки!

Алехандро вздохнул и поспешил к сыну, пройдя мимо большой ниши с окнами, выходящими в парк, и не обратив особого внимания на группу людей, устроившихся перед выставленной там картиной.

— Нинио, ты должен научиться следить за своим голосом! — Он остановился рядом с мальчиком.

— Грандтио Рохарио не следит за своим голосом. Он ревет, как дикий зверь.

— Когда тебе пятьдесят три года и ты в течение тридцати лет являешься членом Парламента, то имеешь полное право рычать, как дикий зверь. Что случилось?

— Портрет бабушки исчез.

— Да. Мы решили, что его следует повесить в Галиерре Насионайа.

— Но почему, патро? Почему не тот, другой? Того человека даже не видно, только спина да уродливая комната. Мне гораздо больше нравится красивое лицо бабушки.

Алехандро поднял глаза на картину, известную под названием «Зеркало истины». Он знал ее историю наизусть. Но когда Алехандро смотрел на лицо в зеркале, которое не имело ничего общего с лицом человека, стоящего спиной к зрителю, ему каждый раз становилось не по себе. Эта картина открывала так много тайн — рассказывала о его предках, о сути Дара рода Грихальва, о его, Алехандро, происхождении. И о том, кто же он такой.

— Патро, почему в зеркале другое лицо?

— Потому что истинная душа этого человека имела лицо, отличавшееся от того, что видели люди.

Бальтран с опаской разглядывал картину.

— Эйха. Ненавижу картины. Грандтиа Элейна утверждает, что можно прочесть то, что они нам говорят, все эти «Договоры» и другие документы, — нужно только знать язык, на котором они созданы. А почему бы просто не записать их? Разве так не легче? Патро! — Его мысли снова перескочили на другой предмет. — А мы установим в Палассо светофор? Маэссо Освальдо говорит, что при помощи сигнальных флажков новости из Ауте-Гхийаса смогут добраться до Мейа-Суэрты за двенадцать часов!

«Новости могут путешествовать со скоростью речи, если иллюстраторы Грихальва используют свои зачарованные картины, написанные красками, смешанными с кровью».

Однако Алехандро не сказал этого вслух. Да, конечно, до'Веррада знали, екклезия знала, и Грихальва знали тоже; даже Парламенту все было известно. Только больше никто не верил. Им нужны сигнальные флажки. Гораздо более надежные. И абсолютно научные.

— Идем, Бальтран. Думаю, на сегодня достаточно.

Мальчишку словно ветром сдуло. Алехандро не стал тратить силы и пытаться его остановить. Вместо этого он довольно долго стоял и смотрел на портрет Сарио Грихальвы. На самом деле никакой это был не портрет. Сам Сарио Грихальва, величайший из иллюстраторов, который понес наказание за свои преступления, теперь находится в плену картины, написанной его кузиной, Сааведрой, обладавшей Даром.

Сааведра прожила хорошую жизнь. Из детей, дарованных ей судьбой в ее коротком и вполне благополучном браке с Эдоардом, только один был мальчиком, он умер в детстве. Трое дочерей уже стали взрослыми, вышли замуж. Иногда Алехандро думал о том, что сталось бы с ним, если б Сааведра не оказалась пленницей Сарио. Незаконнорожденный сын Алехандро I, он вырос бы в Палассо Грихальва. И с той самой минуты как смог бы удержать в руке мелок, он бы дышал и жил только живописью, мечтал только о живописи. Может быть, какие-нибудь из его картин висели бы здесь, в Галиерре Веррада.

В углу зашевелились занавеси, Алехандро вздрогнул, сделал шаг назад, но быстро успокоился и протянул руку.

— Иди сюда, милая, это всего лишь я, Хандро. Не бойся меня.

Она осторожно выбралась наружу. На ней было когда-то белое, но теперь пожелтевшее платье, рваная кружевная шаль. Шли годы, и она все больше и больше становилась похожа на дикую кошку, боялась людей, готова была в любой момент броситься бежать. Слуги называли ее Ила Луна, сумасшедшая.

— Посиди рядом со мной, милая, — сказал Алехандро, надеясь выманить ее из убежища, но она остановилась возле первого освещенного ярким солнцем квадрата на мраморном полу. Она была прекрасна и совсем молода. Вечно молода, если не принимать во внимание тончайших трещин, появляющихся на коже странного желтоватого оттенка, — тиа Элейна объяснила, что Сарио Грихальва использовал не очень хорошие краски, когда ее рисовал.

В дальнем конце коридора раздался взрыв смеха — прибыла новая группа посетителей, и она мгновенно бросилась

к занавеси. Алехандро подождал, но она даже ни разу не выглянула, хотя он видел, что она по-прежнему находится в своем укрытии. Бедное, лишенное разума создание. Может быть, какой-нибудь иллюстратор Грихальва узнает заклинание, которое вылечит ее от этого страшного недуга, или ей суждено, постоянно находясь рядом со своим плененным создателем, ждать, когда она, словно древняя картина, рассыплется в прах от времени.

Он медленно пошел вслед за сыном и только теперь заметил группу, собравшуюся в нише. Бальтран тоже остановился там — как любой ребенок, изолированный от своих сверстников, он не мог пройти мимо группы оживленно болтающих детей.

Элейна Грихальва привела в Галиерру один из своих классов. Дети сидели перед картиной Гуильбарро Грихальвы «Рождение Коссимы» с эскизниками и карандашами и копировали великое произведение знаменитого мастера. Бальтран подлетел к Элейне, смущенно поклонился и получил в награду поцелуй. После этого он подошел к двум девочкам, устроившимся на скамейке, и тут же начал задавать им вопросы.

Элейна отбросила с лица прядь серебряных волос и, обернувшись, увидела Алехандро. С улыбкой подошла к нему.

— Ваша светлость, — своим милым голосом сказала она. Элейна обладала завидной уверенностью в себе, впрочем, разве могло быть иначе? Она — признанный мастер живописи в Тайра-Вирте. Художники из других стран прибывали сюда, чтобы поучиться у нее. Короли и королевы умоляли написать их портреты. — Я всегда так рада видеть тебя, нинио. Вот уже два месяца тебя не видно на занятиях.

— Государственные дела. — Он попытался улыбнуться, хотел, чтобы слова прозвучали как шутка, но у него ничего не вышло.

— К сожалению, — кивнула Элейна в знак того, что все понимает.

— Уже слишком поздно? — неожиданно спросил он. — Мне уже поздно учиться как следует?

— По-настоящему развить твой Дар? Думаю, уже поздно, Алехандро, мне не хочется огорчать тебя, но это так. — Он опустил голову. — Но для живописи никогда не бывает поздно, если ты, конечно, действительно хочешь серьезно ею заниматься. Никогда не поздно использовать в полной мере то время, что отпущено тебе судьбой. Многие начинали уже в солидном возрасте и стали великими художниками, а все лишь потому, что готовы были работать и стремились к знанию. Ты талантлив и любишь рисовать, только... — Она махнула рукой, показывая на стены, на весь Палассо. Его Палассо.

— Как странно, тиа. У Великого герцога множество обязанностей, но живопись в них не входит. Через десять лет Бальтрану исполнится двадцать, и я смогу спокойно отойти от дел, но мне будет сорок и жизнь моя подойдет к концу, не так ли?

— Сколько лет тебе отпущено, если сравнивать с иллюстраторами, расходовавшими свою собственную кровь и слезы каждый день, никому не известно. И может ли кто-нибудь из нас знать, когда он умрет? Не думай об этом, нинио. У тебя есть обязанности, и ты прекрасно с ними справляешься. Ты хороший человек и отличный Великий герцог, Алехандро.

— Даже при том, что сердце у меня лежит совсем к другому? — Он показал на «Рождение Коссимы».

— А это решать тебе. Вдруг ты не добьешься тех успехов, о которых мечтаешь? Вполне может оказаться, что ты недостаточно талантлив. Даже в Палассо Грихальва лишь один ребенок из целого поколения становился Верховным иллюстратором.

Он протянул руку и коснулся цепи, висевшей у Элейны на шее, приподнял Золотой Ключ.

— Ты не Одарена, но у тебя он есть.

Элейна грустно улыбнулась.

— Я его заслужила.

Алехандро взглянул на Бальтрана, который восторженно рассказывал своим тоненьким голоском про паровые локомотивы.

Нужно раскрыть еще так много секретов. Познать так много тайн. Эйха! Нет смысла оплакивать прошлое.

— Я приду на следующей неделе. Обещаю.

— Буду ждать тебя, меннино. — Элейна поцеловала его в щеку и вернулась к своим ученикам.

Вот они, лица до'Веррада, изображенные руками Грихальва. И вот он стоит здесь, Великий герцог Алехандро до'Веррада II. И иллюстратор Грихальва, практически не прошедший обучения, но, вне всякого сомнения, обладающий Даром. Странный конец истории, начало которой положила его мать четыреста лет назад.

Ничего особенного в Сарио Грихальве. По крайней мере постороннему взгляду ничего не заметно.

Она остановилась перед портретом, все еще исполненная жизненных сил и энергии, хотя ее когда-то великолепные волосы совсем побелели, кроме нескольких черных прядей, напоминающих о далекой юности. Она была все так же прекрасна, потому что время и достоинство награждают женщин, на чью долю выпали страдания, особой красотой.

«Зеркало истины» — так они назвали эту картину, и, пожалуй, правильно. Но для нее портрет навсегда останется напоминанием о ее собственном заточении, несмотря на то что прошло уже тридцать лет с тех пор, как она получила свободу, открыв дверь, запертую магическим заклинанием Верховного иллюстратора.

Ей пришлось жить дальше. И она была счастлива. Словно юный художник, только что получивший новую краску, она радовалась этому новому миру с его невероятными идеями, яркими, смелыми, приводившими ее в восторг. Она никогда бы не увидела ничего подобного в Мейа-Суэртс своего времени, где правили суровые и скучные законы. Здесь ее приняли как Одаренного иллюстратора. По правде говоря, она возглавляет Вьехос Фратос вот уже тридцать лет, ее называют Премиа Сорейа. Впрочем, они не раз подвергали сомнению ее право находиться среди них. Но с тех пор как Элейна Грихальва покинула Палассо и добилась столь ошеломительного успеха, они не осмеливаются спорить с тем, что ли-

шенные Дара иллюстраторы из рода Грихальва имеют полное право самостоятельно устраивать свою судьбу и не обязаны служить копиистами для остальных Грихальва.

Если честно, жить в это время просто замечательно.

За каждый дар приходится платить.

Она посмотрела на картину. Он стоял в темном сюртуке, манжеты застегнуты запонками из слоновой кости, правда, их почти невозможно разглядеть, потому что она видит лишь его спину. Его спину... и часть лица в профиль, ничем не примечательное лицо, темные глаза, черные волосы.

Но не это лицо отражается в зеркале. Мерцающий в нем свет горящих свечей позволяет увидеть его истинные черты: каштановые волосы, карие глаза, оливковая кожа жителя пустыни. В Сарио Грихальве не было ничего особенного. Ничего, если не считать его Луса до'Орро, сиявшей ярче, чем у кого-либо другого. Возможно, вечернее солнце сыграло с ней шутку, но Сааведре вдруг показалось, что она различает его Луса до'Орро, видит легкое дрожание где-то в глубине зеркала и призрачный свет, который окутывает его фигуру.

Она встретилась с ним глазами, с человеком, который мог смотреть на нее только через зеркало. Он ее увидел; она это знала. Потому что тоже побывала в плену.

«Ведра».

Его голос. Дано ли ему, как и ей тогда, различать голоса, взирать на проходящих мимо людей, на смену моды и лиц? Может быть, и для него это зеркало является окном в мир, существующий за пределами темницы?

И он должен ждать, как ждала она, столько лет, а все, кого она знала, умирали и превращались в прах и воспоминания. Рано или поздно свечи догорят, и лампы, освещающие его тюрьму, постепенно погаснут, и тогда он погрузится в бесконечную ночь.

Все единодушно согласились с тем, что он заслужил такое наказание.

Она снова услышала, на этот раз более настойчивое:

«Ведра!»

Он все еще любит ее. И так будет всегда. Она молча несла этот тяжкий груз. Потому что сама любила того Сарио, которого знала мальчишкой, с которым вместе выросла. То, что он сделал, нельзя простить, и не следует забывать, что мальчики — теперь их было совсем мало, — наделенные Даром, должны осознавать, какие опасности таит в себе Дар, если он не подчиняется строжайшим законам.

Но забыть о его Луса до'Орро она не могла.

— Ты самый лучший, — сказала она, и это было правдой. Она имела право сказать ему правду. Потому что он был величайшим художником из рода Грихальва. — И в то же самое время ты оказался самым ничтожным из нас всех, ибо в конце концов позволил тому, что было отвратительного в тебе, поработить твою душу. Ведь ты думал только о себе, и не важно, что ты там говорил о своем долге перед искусством.

«Я знаю, что я такос».

— Разве ты не потерпел поражение? — спросила она. — Почему ты не мог признать свой Дар, служить роду Грихальва, принять судьбу, как все остальные?

«Ни за что».

Сааведра верила ему. Свет был таким ярким.

Но она стала старше. Она прожила много лет, и она страдала. Потеряла своего возлюбленного. Оплакала доброго, заботливого мужа и маленького сына. Но ей посчастливилось родить четверых детей, которые подарили ей внуков. Она — Одаренный иллюстратор, признанный мастер, она руководит Вьехос Фратос. А ее сын — старший и самый любимый, ведь он плод ее юной страсти, — стал Великим герцогом Тайра-Вирте.

В это теплое весеннее утро на нее снизошло великодушие. И потому, сжав в ладони Золотой Ключ, она поцеловала пальцы и осенила Сарио благословением.

ПЕЙНТРАДДОС ДЕЙ ТАЙРА-ВИРТЕ

(Выдержки из «Путеводителя Мичайина», составленного Энреем Мичайином. Библиотека дей Артейо, Ауте-Гхийас, 1419)

«Первая ассамблея Парламента»
Элейна Грихальва, 1316.
Холст, масло.
Галиерра Насионайа до'Тайра-Вирте.

Огромное полотно изображает вновь избранный Парламент. Это самая знаменитая картина в Тайра-Вирте за последнее столетие. Удивительное техническое мастерство, тонкие индивидуальные характеристики персонажей показывают, почему художник был самым популярным мастером своего времени: движение, освещение, композиция. Будущие законодатели занимают места, приветствуют друзей, перебрасываются репликами с Премио Ораторрио, разбирают бумаги. Яркие лучи солнца проникают в зал через высокие окна. Освещение пальмовых ветвей, вырезанных над подиумом и символизирующих Победу Народа, производит на зрителя неизгладимое впечатление.

Некоторые знаменитые личности выделены окружающим их фигуры золотым ореолом. Муж художницы, Рохарио до'Веррада, изображен рядом с Руисом Албанилом, подмастерьем из гильдии каменщиков, который тогда еще только начинал свое длительное и блестящее восхождение к вершинам власти; также привлекают внимание и несколько граждан, оказавших огромное влияние на развитие законодательства. В тени можно увидеть саму художницу, которую вы узнаете по торчащей из кармана кисти и Чиеве до'Орро у нее на шее.

«Отречение»
Неизвестный художник, 1358 (?).
Холст, масло.
Пикка Грихальва.

Семейный портрет в стиле, вошедшем в моду в середине четырнадцатого столетия. На картине изображены Великий герцог Алехандро II, Великая герцогиня Тересса и двое их детей. Портрет поражает не только мастерством, он пронизан удивительным юмором.

Сидящий Алехандро протягивает перстень рода до'Веррада своему сыну Бальтрану, стоящему на коленях справа от отца. Юноша одет в строгий черный костюм, оживленный лишь маленьким букетиком, приколотым к груди: красный клевер символизирует Промышленность, лист фигового дерева — Спор и маргаритка — знак Невинности. Юная Мечелла изображена возле левого колена отца. Ее голову украшает венок из дубовых листьев — символ Независимости и Храбрости. Многие ученые мужи утверждают, что картина написана после 1358 года, и приводят в качестве доказательства этот венок, потому что в тот момент никто не мог предвидеть будущего: Мечелла откажется выйти замуж за своего многолетнего возлюбленного, композитора Фридриха Шопана, утверждая, что брак — это тюрьма, придуманная мужчинами. Серия ее скандальных статей и выступлений послужила началом ее карьеры борца за права женщин.

Великая герцогиня Тересса стоит за правым плечом супруга: одна ее рука покоится на спинке кресла, она лукаво смотрит на художника — и зрителя. У пояса Тересса держит корзину с грецкими орехами, частично скрытую креслом, — символ Интеллекта и, вне всякого сомнения, склонности Грихальва покрывать свои картины нелепыми цветовыми орнаментами, поскольку Тересса была одной из самых скромных Великих герцогинь, занималась главным образом детьми и благотворительностью и никогда не участвовала в государственных делах.

Наибольшие споры вызывает фигура Алехандро. Он не кажется больным или старым — возможно, тут художник немного польстил ему, — однако его поза, несомненно, выбрана таким образом, чтобы скрыть неизвестную болезнь, заставившую Великого герцога отказаться от трона в возрасте сорока лет. На коленях Алехандро лежит букет синих роз, с точки зрения Грихальва, являющихся символом Невозможности. С левой руки Алехандро свисает Золотой Ключ — напоминание о том, что его мать была из рода Грихальва. Удивляют кусты гороха у его ног, некоторые все еще цветут; исследования показали, что скромный горох никогда не использовался в иконографии в качестве символа, однако сладкий горошек означает Уход. То, что имеется в виду именно сладкий горошек, становится ясно после тщательного изучения кресла Алехандро — оно повсюду изукрашено мельчайшими надписями. Позднее выяснилось, что это древняя тайнопись мистического культа тза'абов. Недавно удалось перевести одну и ту же повторяющуюся повсюду фразу: «Здесь все кончается, отныне я свободен».

Официально Алехандро отрекся от престола в 1358 году по причине слабого здоровья и удалился в Палассо Грихальва. Дата его смерти так и не была установлена. Некоторые историки живописи утверждают, что картина написана самим Великим герцогом Алехандро через много лет после отречения. Это утверждение ни на чем не основано и не может приниматься всерьез.

«Зеркало истины»
Сааведра Грихальва, 1316.
Дерево, масло.
Галиерра Веррада.

Жемчужина этой небольшой, но изысканной коллекции — не столь известной, как знаменитое собрание Галиерры Насионайа, — представляет огромный интерес для истинного любителя живописи. Это признанный шедевр Сааведры Грихальва. Глубокая, детальная и тщательная проработка характера персонажа, изображенного на картине, производит особенно сильное впечатление из-за того, что он стоит спиной к зрителю, который видит лишь его профиль.

Принято считать, что это Сарио Грихальва, художник не слишком крупного дарования, одетый в стиле Революсьон в честь великой революции, которая после многих лет страданий освободила Гхийас от тирании королей и знати. Профиль типичного жителя Тайра-Вирте того времени, черные волосы, темные глаза, дерзкий нос Грихальва. Однако в зеркале отражается совсем другое лицо — выразительные черты, карие глаза и смуглая кожа соплеменника тза'абов.

Многие ученые мужи спорят об истинном значении картины. Может быть, она символизирует происхождение Грихальва? Намекает на темные истории пленения и потерь, описанные в романе Бранвелла Бронтиса, сюжет которого положен в основу оперетты братьев Страсси? Означает ли многовековое различие в костюмах, что современный человек смотрит на свое далекое неизвестное прошлое? Или картина в аллегорической форме раскрывает способность Матры увидеть истинную сущность человека, набравшегося смелости заглянуть в зеркало своей души?

Что производит наибольшее впечатление и делает данное полотно истинным триумфом живописца, так это удивительное использование света. Две свечи в комнате, лишенной окон, давно погасли, растекшийся воск застыл на железных подставках. Одна из двух ламп тоже больше не горит, так что Сарио смотрит в зеркало в свете единственной лампы. Казалось, художник хочет показать, что очень скоро и эта лампа догорит, оставив его в полнейшей темноте. И нам никогда не дано узнать, что он думает о своей судьбе, глядя на это необычное отражение.

ВЫБОРОЧНЫЙ СЛОВАРЬ

адеко — сейчас
алла прима — быстрый рисунок, выполняемый за один сеанс
Аль-Фансихирро — Искусство и Магия, тза'абский термин
арртио — художник
ателиерро — студия
бассда — хватит, молчать
велюрро — бархат
Вьехос Фратос — Старые Братья, Совет иллюстраторов
гвиверра — драгоценность
граццо — спасибо, пожалуйста
дольча — сладкая, милая
до'нада — ничего, не имеет значения
иль агво, иль семинно, иль сангво — вода, семя, кровь; ступени в иерархии иллюстраторов
каль веноммо — ядовитое перо, лозунги на стене
кампонессо — крестьянин
конфирматтио — конфирмация, подтверждение
кордо — согласие, я согласен, хорошо
кураторрио — куратор
лингва оскурра — тайный язык живописи
Луса до'Орро — Золотой Свет, гений
маллика лингва — злой язык, сарказм
марейас — денежная единица
меннинос до'конфирматтио — дети, рожденные в результате конфирматтио
муалим — учитель
Неоссо Иррадо — Гневный Мальчик
номмо Чиева до'Орро — именем Золотого Ключа
номмо Матра эй Фильхо — именем Матери и Сына
Пейнтраддо Меморрио — «Памятный портрет»
Пейнтраддо Морта — «Смерть»
Пейнтраддо Наталиа — «Рождение»
Пейнтраддо Соно — «Сон»

Пейнтраддо Чиева — «Портрет с Ключом», дисциплинарный портрет
Сихирро эй Сангва — Волшебство и Кровь
Салюто эй Суэрта — Здоровье и Удача
фильхо до'канна — сукин сын
тиа, тио — тетушка, дядюшка
сокало — площадь
чи'патро — «кто отец?», незаконнорожденный ребенок
чирос — свинья
эйха — итак, ну, во всяком случае
эн верро — по правде говоря, на самом деле
эстудо — ученик

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Роун Мелани
Роберсон Дженнифер
Эллиот Кейт

Золотой ключ

Редактор В. Н. Науменко
Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 17.10.00.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 42.
Доп. тираж 8 000 экз. Заказ № 112.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Три королевы фэнтези – в союзе, какого не было еще за всю историю жанра!

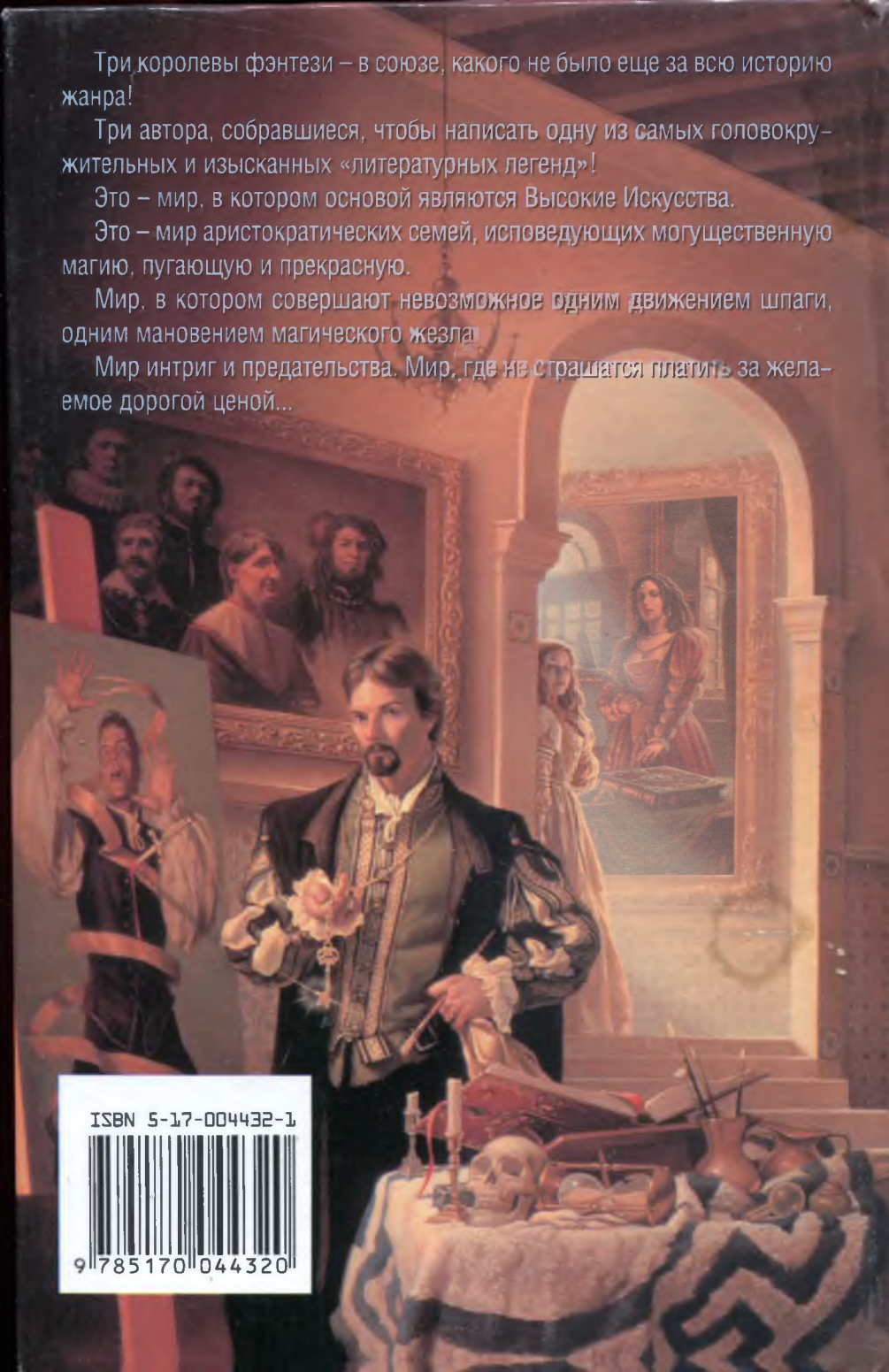
Три автора, собравшиеся, чтобы написать одну из самых головокружительных и изысканных «литературных легенд»!

Это – мир, в котором основой являются Высокие Искусства.

Это – мир аристократических семей, исповедующих могущественную магию, пугающую и прекрасную.

Мир, в котором совершают невозможное одним движением шпаги, одним мановением магического жезла.

Мир интриг и предательства. Мир, где не страшатся платить за желаемое дорогой ценой...

ISBN 5-17-004432-1

9 785170 044320